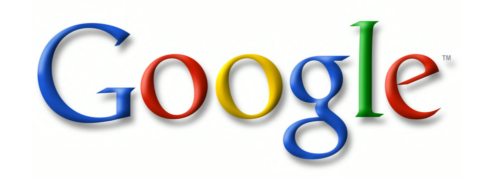
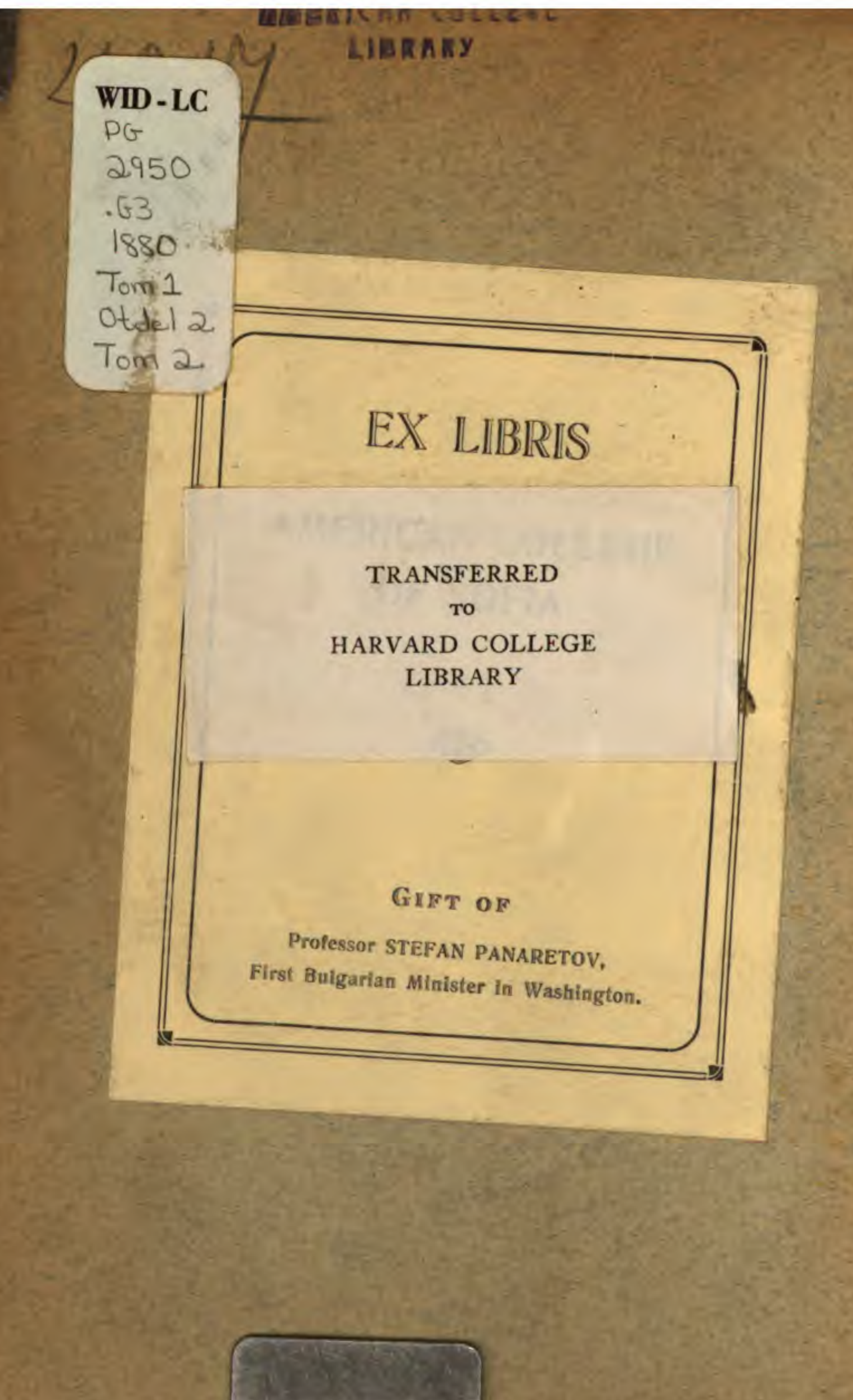




63.

ИСТОРІЯ
РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ,
ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ.

ИСТОРІЯ
РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ,
ДРЕВНЕЙ и НОВОЙ.

сочиненіе
А. Галахова.

Изданіе второе, съ перемѣнами.

ТОМЪ I.

Отдѣлъ 2: отъ Петра I до Карамзина.

Рекомендована Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, какъ пособіе для гимназій и прогимназій.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Печатано въ типографіи Морскаго Министерства, въ Главномъ Адмиралтействѣ.
1880.

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY

I. ЭПОХА ПЕТРА I.

§ 1. Восьмнадцатый вѣкъ открывается реформой государственнаго устройства, по мысли и волѣ Петра. Первая его четверть, называемая «эпохою преобразованія», имѣетъ смыслъ не всецѣлаго, кореннаго разрыва между старымъ и новымъ, а только ускореннаго перехода Россіи отъ ея особнаго существованія къ непосредственному общенію съ Европой. Она есть начальный моментъ того періода въ историческомъ развитіи, который долженъ завершиться органическимъ союзомъ собственныхъ силъ народа съ достояніемъ другихъ народовъ и такимъ образомъ національные элементы жизни возвести на степень общечеловѣческихъ.

Главнымъ предметомъ и орудіемъ реформы служило образованіе, въ которомъ различаются двѣ стихіи: прежняя, или средневѣковая, и новоевропейская. Первая господствовала преимущественно въ Кіевѣ, подкрѣпляясь польскимъ вліяніемъ; вторая была результатомъ прямыхъ сношеній съ Европою, завязанныхъ Петромъ. Оба направленія существовали одновременно, не исключая себя взаимно и тѣмъ обнаруживая историческую связь предъидущей эпохи съ эпохою преобразованія. Петръ I завелъ свѣтскія школы; но и послѣ ихъ учрежденія духовныя училища дѣйствовали на основаніи прежнихъ уставовъ. Академія въ Москвѣ даже была преобразована по примѣру кіевской. Изъ среды югозападныхъ ученыхъ, образовавшихся до реформы, Петръ выбиралъ себѣ сотрудниковъ. Учебныя руководства относятся къ двумъ разрядамъ: одни написаны по тѣмъ предметамъ, которые не были преподаваемы до реформы; другія сохраняли прежнее назначеніе, хотя нѣкоторыя изъ нихъ и подверглись въ своемъ составѣ ея дѣйствію, такъ что иное оставлено въ нихъ неизмѣннымъ, а иное приноровлено къ новымъ потребностямъ. Внѣ учебной литературы тоже явленіе: рядомъ съ переводами и сочиненіями, вызванными реформой, продолжались перепечатка старыхъ и изданіе новыхъ книгъ, которыя отвѣчали характеру прежняго образованія и нуждамъ прежняго

чтенія. Поэтому, говоря объ успѣхахъ образованія при Петрѣ, было бы противно истинѣ видѣть въ нихъ нѣчто такое, что лишено всякихъ связей съ прежнею, до-петровскою Россіею, или что порвало ихъ окончательно и насильственно.

Главнѣйшимъ орудіемъ реформы служило образованіе, а изъ образовательныхъ мѣръ первое мѣсто занимало заведеніе школъ. Такъ какъ разные роды службы требовали людей, спеціально знающихъ свое дѣло, то первыя училища были спеціальныя. По обстоятельствамъ времени, царь обращалъ особое вниманіе на образованіе военнаго сословія. Заботясь о флотѣ, онъ основалъ въ Москвѣ школы Математическую и Навигацкую (навигаціонную), а въ Петербургѣ Морскую Академію. Въ Навигацкой школѣ первыми преподавателями были англичане. Трудъ одного изъ нихъ (Фарварсона) «Эвклидовы элементы, выбранные изъ двѣнадцати Невтоновыхъ книгъ», переведенъ на русскій языкъ (1739). Въ помощники къ иностраннымъ преподавателямъ былъ опредѣленъ Леонтій Магницкій, авторъ «Ариѳметики, или науки числительной (1703)», составленной по разнымъ источникамъ, иностраннымъ и «старопреводнымъ славянскимъ». За тѣмъ явились школы инженерная и артиллерійская. Въ школѣ при московскомъ госпиталѣ, молодые люди, знающіе латинскій языкъ, обучались медицинѣ (анатоміи и хирургіи). По указу 1814 г. опредѣлено послать во всѣ губерніи по нѣскольку человѣкъ изъ школъ математическихъ, для обученія дворянскихъ дѣтей цыфири и геометріи, причемъ положенъ такой штрафъ: не позволять жениться до тѣхъ поръ, пока не выучатся этимъ предметамъ. Въ 1721 г. было предписано учредить школы, въ которыхъ дѣти приказныхъ людей могли бы пріобрѣтать познанія, нужныя хорошему подьячему; дѣти же дворянскихъ фамилій обучались «экономіи и гражданству» въ особыхъ школахъ, устроенныхъ при коллегіяхъ. Указы 1708 и 1723 г.г. имѣютъ предметомъ образованіе бѣлаго духовенства: первымъ повелѣно дѣтямъ священниковъ и дьяконовъ учиться въ школахъ греческихъ и латинскихъ, а которые не захотятъ того, тѣхъ въ попы и дьяконы не посвящать, въ подъячіе и никуда не принимать кромѣ служилаго чина; второй указъ поставилъ ученіе обязательнымъ для дѣтей священно-и-церковнослужителей. Кромѣ того еще въ 1714 г. велѣно было дьячихъ, подьяческихъ, поповыхъ и прочаго церковнаго чина, архіерейскаго дома и монастырскихъ слугъ дѣтей, кромѣ дворянскихъ, отъ 10 лѣтъ до 15 учить цыфири и геометріи (въ школахъ цыфирныхъ).

Начавъ устройство народной образованности заведеніемъ спеціальныхъ школъ, Петръ I кончилъ его учрежденіемъ Академіи

наукъ, открытой послѣ его смерти, при Екатеринѣ I (29 января 1726 г.). По особенному состоянію и нуждамъ Россіи, на Академію возложена была троякая обязанность, которую въ другихъ государствахъ несли три различныя учрежденія, ибо, какъ сказано въ указѣ 28 января 1724 г., слѣдуетъ «учинить такое зданіе, чрезъ которое не токмо распространилась бы слава государства для размноженія наукъ, но и обученіемъ оныхъ была бы польза въ народѣ». Поэтому Академія заключала въ себѣ «собственно академію», члены которой обязаны были производить открытія и усовершенствованія въ наукахъ; «университетъ», для публичнаго обученія молодыхъ людей наукамъ; наконецъ «гимназію», гдѣ преподавались начальныя основанія наукъ для подготовки учащихся къ слушанію университетскихъ лекцій или къ учительскому званію. Такимъ образомъ, будучи высшей ученой корпораціей, Академія въ тоже время была и высшимъ учебнымъ заведеніемъ, и педагогическимъ институтомъ, и гимназіей.

Для знакомства съ спеціальными предметами знанія издаваемы были особыя книги. Это—большею частію переводныя руководства къ навигаціи, артиллеріи, фортификаціи и кораблестроенію; наприм.: «Книга морскаго плаванія, Деграфа» (1701), «Основаніе и практика артиллеріи, Брауна» (1709), «Новое крѣпостное строеніе, Кугорна» (1709), «Воинскія правила, како непріятельскія крѣпости силою брати, барона Боргсдорфа» (1709), «Архитектура воинская, Штурма» (1709), «Новое голландское корабельное строеніе, Аларда» (1709), «Географія или краткое земнаго круга описаніе» (1710), «Новая манера укрѣпленія городовъ, Блонделя» (1711), «Истинный способъ укрѣпленія городовъ, Вобана» (1724), и др. Вообще книги, изданныя по повелѣнію Петра, образуютъ особый научно-литературный отдѣлъ, замѣчательный по своей цѣлесообразности преобразовательнымъ планамъ, имѣвшимъ цѣлью съ одной стороны снабдить школы учебными пособіями, а съ другой—распространить полезныя свѣдѣнія между любознательными людьми, не знавшими иностранныхъ языковъ. Еще въ 1700 году, въ пребываніе свое въ Голландіи, Петръ далъ привилегію Тессингу на заведеніе русской типографіи. Помощникъ Тессинга, занимавшійся потомъ самостоятельно типографскимъ дѣломъ, Илья Копіевскій, или Копіевичъ, издалъ много переводовъ и учебниковъ, между прочимъ «Руковеденіе въ Грамматику» (1706). Въ 1707 г. онъ прибылъ изъ Амстердама въ Россію и привезъ съ собою три азбуки новоизобрѣтенныхъ русскихъ литеръ. Первою книгою, напечатанною этимъ шрифтомъ, была «Геометрія, славенски Землемѣріе (1708)», а второю—«Приклады, како пишутся ком-

*

плементы (1708)», т. е. образцы писемъ поздравительныхъ, соболѣзновательныхъ и другихъ, переведенные съ нѣмецкаго и положившіе начало новому эпистолярному стилю, по обычаю образованныхъ, или, какъ тогда выражались, «политичныхъ» народовъ. Далѣе слѣдовали: «Исторія о разореніи града Трои (1709)», «Квинта Курція о дѣлахъ Александра Великаго (1709)», «Кратлое описаніе о войнахъ, изъ книгъ Юлія Цезаря (1711)», «Апоѳегмата, т. е. краткихъ, витіеватыхъ и нравоучительныхъ рѣчей книги три (1712), «Разговоры Эразма (1716)», «Юности честное зерцало или показаніе къ житейскому обхожденію (1717)», содержащее въ себѣ наставленія юношамъ, какъ они должны вести себя въ обществѣ и дома.—Видя, что сочиненія для первоначальнаго обученія писались «славянскимъ высокимъ діалектомъ, а не просторѣчіемъ», отчего и оставались непонятными для дѣтей, Петръ I повелѣлъ издать для народнаго употребленія книгу, которая содержала бы въ себѣ, кромѣ буквъ и слоговъ, толкованіе закона Божія, символа вѣры, молитвы Господней и десяти блаженствъ евангельскихъ. Это повелѣніе исполнилъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, составившій «Первое ученіе отрокомъ (1720)»: книга эта была введена во всеобщее употребленіе при обученіи не только духовныхъ, но и мірянъ. Любя бесѣдовать съ учеными людьми, Петръ I захотѣлъ узнать, откуда язычники ведутъ начало своего многобожія и есть ли о томъ какое сочиненіе. Ему указали на «Аполлодора, грамматика аѳинейскаго или о богахъ», и онъ повелѣлъ перевесть эту книгу на русскій языкъ и напечатать. Изданіе ея (1725) обставлено приложеніями, нужными для уразумѣнія автора (указатель собственныхъ греческихъ именъ, съ обозначеніемъ употребленія ихъ на русскомъ языкѣ; экстрактъ изъ книги «сумнѣнныхъ» рѣчей); предисловіе написано Ѳеофаномъ, а за предисловіемъ слѣдуетъ предъувѣщаніе отъ переводчика Алексѣя Барсова. Важнѣйшія европейскія произведенія, изъ которыхъ одни, на основаніи началъ, добытыхъ развитіемъ науки и политико-общественнымъ ходомъ жизни, полагали основы реформамъ и въ жизни и въ наукѣ, а другія сообщали свѣдѣнія о политическомъ устройствѣ государствъ, ихъ законахъ, исторіи и настоящемъ состояніи, также перешли къ намъ въ переводахъ, частію изданныхъ, частію оставшихся въ рукописяхъ. Таковы: Пуффендорфа «Введеніе въ исторію европейскихъ государствъ (1718)»; его же «О должностяхъ человѣка и гражданина»: обѣ книги переведены Гавріиломъ Бужинскимъ, но переводъ второй, начатый при Петрѣ, конченъ послѣ его смерти и напечатанъ въ 1726 г. Далѣе: «О законахъ брани и мира», Гуго Гроція; «Увѣщанія и приклады политическіе», Юста Липсія; «Деньги и ку-

печество», разсужденіе Ло (Law); «О правахъ французскихъ»; «Историческій и Географическій Словарь», Морери; «Исторія о настоящемъ управленіи Турецкой Имперіи», и многія другія. Царь не ограничивался заказами той или другой работы, но дѣятельно слѣдилъ за трудившимися, давалъ имъ совѣты, часто просматривалъ и исправлялъ ими сдѣланное. Сознавая самостоятельную важность науки, независимо отъ примѣненія ея къ жизни, онъ однакожъ, будучи занятъ преобразованіемъ, цѣнилъ преимущественно, на первыхъ порахъ, ея служебное отношеніе къ государственнымъ цѣлямъ. Онъ ясно различалъ какъ сущность знанія отъ «премѣнныхъ вещей» въ немъ, такъ и прямое содержаніе книги—то, что̀ служитъ къ наученію—отъ лишнихъ ея разглагольствій. Въ одной запискѣ его синоду о церковныхъ поученіяхъ требуется единственно изъяснять «прямой путь», чтобы люди знали, въ какой именно силѣ принимать пункты христіанскаго ученія. Съ понятіемъ о существенномъ въ знаніи Петръ связывалъ понятіе о простотѣ, краткости и внятности изложенія. Ему были противны искусственные пріемы схоластики и многоглаголаніе, вводимое для расширенія книги. Въ словесномъ выраженіи не допускалъ онъ «праздной красоты», а если и разрѣшалась «сладость рѣчи», то лишь подъ условіемъ, чтобъ она облегчала достиженіе прямой цѣли, т. е. уразумѣнія существеннаго содержанія. Просторѣчіе предпочиталось высокому славянскому діалекту. Языкъ самого Петра отличался сжатостью и точностью, которымъ дивился Ломоносовъ въ похвальномъ ему словѣ. Тѣхъ же качествъ Петръ требовалъ отъ авторовъ и переводчиковъ. Замѣтивъ въ переводѣ вышеупомянутаго сочиненія Блонделя: «Новая манира укрѣпленію городовъ» нѣкоторую темноту и непонятность, онъ писалъ переводчику, Конону Зотову: «не надлежитъ рѣчь отъ рѣчи хранить въ переводѣ *(т.е. переводить слово въ слово, буквально)*, но точію, сіе *(содержаніе)* выразумѣвъ, на свой языкъ уже такъ писать, какъ внятнѣе можетъ быть» (¹).

Вмѣстѣ съ учрежденіемъ школъ и печатаніемъ книгъ Петръ позаботился о сообщеніи русскимъ людямъ свѣдѣній о томъ, что дѣлается въ ихъ отечествѣ и за границей. До него иностранныя извѣстія передавались «курантами», т. е. рукописными извлеченіями изъ посольскихъ донесеній и переводами нѣкоторыхъ статей изъ иностранныхъ газетъ, преимущественно голландскихъ. Тѣмъ и другимъ завѣдывали переводчики посольскаго приказа, откуда ку-

---

1) Пекарскаго: Литература и наука въ Россіи при Петрѣ Великомъ, 2 т. (1862).

ранты поступали къ царю и самымъ главнымъ сановникамъ, оставаясь для публики неизвѣстными. Въ бытность за границею, Петръ видѣлъ, какимъ важнымъ значеніемъ, политическимъ и нравственнымъ, пользуется тамъ періодическая пресса: и потому изъ государственной тайны, какою были куранты, задумалъ обратить ихъ въ правительственный органъ, предавать гласности важнѣйшія свѣдѣнія о западной Европѣ и своемъ государствѣ. Онъ основалъ «Русскія Вѣдомости», первый листъ которыхъ вышелъ 2 января 1703 г. Свѣдѣнія касательно Россіи шли впереди извѣстій иностранныхъ. Государь самъ отмѣчалъ статьи въ газетахъ для перевода; даже самъ правилъ корректуру перваго листа вѣдомостей, которая и хранится въ Московской синодальной типографіи ([1]).

Выше сказано о новоизобрѣтенной русской гражданской азбукѣ, которая называлась также амстердамскою, по мѣсту отлитія шрифта. Въ основу ея былъ принятъ употребляемый въ Европѣ алфавитъ латинскій. Съ 1708-го года, когда первыя двѣ книги были напечатаны этимъ шрифтомъ: «Геометрія» и «Приклады», она, съ теченіемъ времени, нѣсколько измѣнялась. Въ 1709 г. русскіе наборщики подали челобитную, въ которой просили за наборъ гражданскимъ шрифтомъ платить, какъ за наборъ шрифтомъ славянскимъ, потому что первый выходилъ убористѣе. Въ 1710 г. они представили Петру I экземпляръ Азбуки съ изображеніемъ древнихъ и новыхъ письменъ славянскихъ, печатныхъ и рукописныхъ. Государь перечеркнулъ въ азбукѣ какъ заглавныя, такъ и прописныя славянскія буквы, болѣе фигурныя и потому трудныя для начертанія, и оставилъ только буквы шрифта гражданскаго, надписавъ на внутренней сторонѣ переплета слѣдующее: «сими литеры печатать историческія и манифактурныя книги, а которыя подчернены, тѣхъ въ вышеписанныхъ книгахъ не употреблять ([2]).

Наконецъ Петръ I возстановилъ театръ, устроенный его отцемъ и упраздненный при его братѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ. Сценическія представленія изъ царскаго дворца (Верха) были перенесены на Красную площадь въ особо устроенный «комидійный домъ» и сдѣлались доступны для всякаго чина людей. Въ 1702 г. пріѣхалъ въ Москву изъ Данцига Іоганнъ Кунштъ съ своею труппой стран-

---

[1]) Вѣдомости начаты съ января 1703 г. и кончены декабремъ того же г. Изданіе состоитъ изъ 39 №№, выходившихъ въ неопредѣленные сроки и различающихся объемомъ. Печатались въ числѣ 1000 экз. Полныхъ экземпляровъ сохранилось только два—въ И. П. Библіотекѣ, которая издала ихъ въ 1855 и посвятила Московскому университету, въ столѣтній юбилей его существованія.

[2]) Азбука съ исправленіями Императора Петра Великаго и указомъ его о введеніи въ употребленіе гражданскаго шрифта. Спб. 1877.

ствующихъ актеровъ. Условіемъ піесъ поставленъ былъ русскій языкъ, почему взяты въ посольскій приказъ для ученія комидійныхъ дѣйствъ подьячіе разныхъ приказовъ. Репертуаръ Кунштовой труппы составляли піесы, служившія дальнѣйшимъ развитіемъ англійскихъ комедій, т. е. изображавшія важныя и государственныя дѣйствія (Haupt-und-Staatsactionen), но осложненяныя новыми элементами подъ вліяніемъ оперы и балета. Дѣйствующими лицами въ этихъ піесахъ выступали герои, цари, великіе завоеватели, тираны, знаменитые разбойники. Главнымъ же героемъ оставался шутъ: Пикельгерингъ англійскихъ комедій, Гансвурстъ нѣмецкихъ. Въ спискѣ піесъ, переведенныхъ для московской комедіальной храмины и хранившихся въ посольскомъ приказѣ, значатся слѣдующія: «О Александрѣ Македонскомъ»; «О графинѣ тріерской Геновевѣ»; «О честномъ измѣнникѣ»; «О Франталпеѣ, королѣ эпирскомъ, и о Мирандонѣ, сынѣ его»; «Тюрьмовый заключникъ, или принцъ Пикельгерингъ»; «Сципій Африканскій»; «Два завоеванные города, въ ней же первая персона Юлій Цесарь»; «Порода Геркулесова, въ ней же первая персона Юпитеръ»; «О Баязетѣ и Тамерланѣ»; «О докторѣ битомъ (докторъ принужденный)». Петръ I не былъ, однакожъ, удовлетворенъ труппою Кунштa. Ему хотѣлось видѣть на сценѣ «тріумфальныя» комедіи, т. е. представленіе своихъ побѣдъ. Театръ долженъ былъ служить ему тѣмъ, чѣмъ была для него проповѣдь Ѳеофана Прокоповича: онъ долженъ былъ разъяснять народу смыслъ дѣяній преобразователя ([1]).

Торжества по случаю побѣдъ, прославленіе Петра и его сподвижниковъ, привѣтствія начальникамъ и разные другіе случаи дѣйствительно вызывали панегирики и хвалебные вирши. Такъ по взятіи Азова думный дьякъ Андрей Виніусъ произносилъ поздравительные стихи Лефорту и Шеину. Главное участіе въ сочиненіяхъ этого рода по поводу тріумфовъ принимала Славяно-греко-латинская академія: учители описывали празднества и объясняли значеніе аллегорическихъ картинъ. Сюда принадлежитъ «Преславное торжество свободителя Ливоніи (1704)», составленное префектомъ Іосифомъ Туробойскимъ и учителями, съ предисловіемъ, въ которомъ говорится, почему сюжетъ для украшенія вратъ заимствованъ не отъ божественныхъ писаній, а отъ мірскихъ историковъ или отъ стихотворцевъ, при чемъ показывается что̀ такое аллегорія. Въ 1709 г. по случаю полтавской битвы, или «преславной викторіи надъ химероподобными дѣвами—гордынею, неправдою и хищеніемъ свейскимъ», Московская академія праздновала «По-

---

[1]) Первое пятидесятилѣтіе русскаго театра, Н. Тихонравова.

литиколѣпную Апоѳеозисъ (т. е. прославленіе) великороссійскаго Геркулеса, Петра I»: посвященіе подписано тѣмъ же Туробойскимъ со всею эллино-славено-латинскою академіею. Въ изображеніяхъ аллегорическихъ авторъ воспользовался гербомъ Швеціи (левъ) и Станислава Лещинскаго (голова буйвола): «написахомъ льва, буйвола и змѣя, въ едино ярмо впряженныхъ и землю пашущихъ, на ней же финиковыя вѣтви и вѣнцы побѣдительныя возрастаютъ, яже геніуши (геніи) собираютъ на щитахъ, именемъ и гербомъ его царскаго величества украшенныхъ; надписахомъ же словеса Овидіевы: sic vos non vobis—тако вы не себѣ (пашете). Это знаменуетъ свѣйскую коллигацію (союзъ) съ Лещинскимъ и съ измѣнниками подъ побѣдительное иго его царскаго величества впряженныхъ, отъ ихъ же побѣжденія торжественная слава его царскаго величества возстаетъ и неувядающая пребудетъ». Въ честь Меншикова написана Иваномъ Кремепецкимъ, обучавшимся въ Московской духовной академіи: «Лавреа или Вѣнецъ безсмертныя славы (1714)». Въ посвященіи Меншиковъ сравнивается съ солнцемъ и блескъ его славы ставится превыше сіянія драгоцѣнныхъ каменьевъ; панегирикъ заключается риторическимъ возгласомъ: «Тя Эвксинъ, тя Понтъ славитъ, тя величаетъ царская милость, тя философійская уставленія достойна почтоша, тя изряднѣе красноглаголивыя любомудрственныхъ витійствъ языка ублажиша, а въ воздаяніе вѣчныя памяти славу твою написаша». Въ 1717 г., по возвращеніи Петра изъ поѣздки за границу, напечатаны привѣтствія ему и Екатеринѣ I отъ служителей типографіи: первое прославляетъ подвиги царя на пользу Россіи; второе состоитъ изъ похвалъ царицѣ за то, что она оказала мужество въ затруднительномъ положеніи русской арміи при Прутѣ и сопровождала своего супруга въ путешествіяхъ его по иностраннымъ государствамъ. Торжественные въѣзды Петра въ Москву по заключеніи Ништатскаго мира (1721) и по возвращеніи изъ персидскаго похода (1722) были воспѣты Московскою академіей въ двухъ пѣсняхъ.

Кромѣ книгъ, оригинальныхъ и переводныхъ, издававшихся въ Россіи и для русскаго народа, издавались книги также за границею, для иностранцевъ. Въ 1705 г. Петръ отправилъ въ Германію Гюйсена, учителя царевича Алексѣя, съ порученіемъ напечатать опроверженіе брошюры Нейгебауера, которое и вышло на нѣмецкомъ языкѣ (1706) подъ заглавіемъ: «Пространное обличеніе преступнаго и клеветами наполненнаго пасквиля: Искреннее письмо знатнаго нѣмецкаго офицера». Обращая вниманіе на то, что пишется въ Европѣ о его дѣлахъ, Петръ не хотѣлъ оставлять безъ

отвѣта какихъ-либо невѣрныхъ мнѣній, умышленно искажающихъ правду или смотрящихъ на событія не съ надлежащей точки зрѣнія. Такъ сочиненіе одного шведа (Краткое изложеніе войны между Швеціей и Россіей) заставило Петра поручить вицеканцлеру барону Шафирову опровергнуть превратные толки иностранца: это опроверженіе и составляетъ предметъ историко-политическаго «Разсужденія о причинахъ войны съ Карломъ XII (1717)». Въ немъ три части: первая разсматриваетъ причины, заставившія Петра начать войну съ Карломъ XII; вторая слагаетъ на шведскаго короля отвѣтственность за продолженіе войны; третья доказываетъ, что со стороны Россіи война была ведена съ умѣренностью, по обычаю просвѣщенныхъ народовъ. Заключеніе содержитъ въ себѣ отвѣтъ на толки о томъ, не лучше ли бы было вмѣсто долговременной и тягостной войны заключить миръ, хотя бы и съ уступкою. Нѣкоторыя мѣста этого отвѣта написаны самимъ Петромъ, а заключеніе (отъ словъ: «тако, любезный читателю») все принадлежитъ его перу. «Разсужденіе» замѣчательно, какъ первый опытъ русской публицистики, дающей отвѣтъ на современные толки иностранной печати о честолюбивыхъ замыслахъ Россіи.

Путешествія, совершенныя при Петрѣ, принадлежатъ также къ новымъ явленіямъ книжнаго дѣла. Отъ древнерусскихъ хожденій онѣ отличаются особою цѣлью: тогда русскіе люди отправлялись за границу преимущественно для поклоненія святымъ мѣстамъ; начиная съ Петра, они ѣздятъ въ чужія земли для знакомства съ Европою. Вниманіе путешественниковъ останавливалось главнѣйше на томъ, чѣмъ европейское отличалось отъ отечественнаго. Рѣзкія отличія и были для нихъ тѣми достопримѣчательностями, которыя они считали обязанностію занести въ свой дневникъ, напоминающій нѣкоторыми чертами разсказъ стариннаго паломника или оффиціальный докладъ статейнаго списка, а съ другой стороны представляющій новое не только въ содержаніи, но и во взглядѣ на иновѣрцевъ.

Графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ ѣздилъ за границу, по собственной охотѣ, для наблюденій надъ военнымъ искусствомъ. Петру Великому былъ пріятенъ добровольный вызовъ приближеннаго къ нему лица на такое дѣло, которое согласовалось съ его видами: онъ снабдилъ Шереметева грамотами къ разнымъ дворамъ, гдѣ почетно встрѣчали русскаго путешественника, пріобрѣтшаго извѣстность своими воинскими подвигами. Путешествіе продолжалось около двухъ лѣтъ (1697—99). Въ это время Шереметевъ посѣтилъ Краковъ, Вѣну, Венецію, Римъ, Неаполь, Мальту. Путевыя записки его сухи и безцвѣтны, заключая въ себѣ по

большой части простой перечень мѣстъ и лицъ, имъ видѣнныхъ. Въ нихъ разсказаны: представленіе Шереметева польскому королю Августу, австрійскому императору Леопольду, папѣ, флорентинскому герцогу, пребываніе въ Венеціи, гдѣ онъ встрѣтилъ многихъ Русскихъ, посланныхъ туда для науки, и между ними двухъ своихъ братьевъ, и на островѣ Мальтѣ, гдѣ онъ былъ радушно принятъ мальтійскими кавалерами и посвященъ ими въ санъ рыцаря, поклоненіе въ городѣ Барѣ мощамъ св. Николая чудотворца, посѣщеніе іезуитской коллегіи въ Неаполѣ и проч.

Въ одно время съ Шереметевымъ ѣздилъ за границу графъ Петръ Андреевичъ Толстой для изученія морскаго дѣла. Дневникъ его путешествія по Италіи, на островѣ Мальтѣ и въ Венеціи описываетъ предметы, преимущественно съ внѣшней ихъ стороны, причемъ главное вниманіе останавливаетъ на монастыряхъ, церквахъ, святыняхъ всякаго рода, вѣроисповѣданіи жителей и порядкѣ ихъ богослуженія. Говоря о чужеземныхъ нравахъ и обычаяхъ, Толстой больше всего отмѣчаетъ тѣ изъ нихъ, которыми иностранцы отличаются отъ его соотечественниковъ. Такъ въ Варшавѣ онъ записалъ, что жены и дочери польскихъ сенаторовъ не ставятъ себѣ въ зазоръ ѣздить по городу въ каретахъ, что жены и дочери богатыхъ горожанъ также не считаютъ безчестьемъ сидѣть въ лавкахъ за всякими товарами. Венеціане поразили Толстова своею трезвостью, своими «невозбранными» публичными увеселеніями, вольнымъ и покойнымъ житьемъ, безъ страха, обиды и тягостныхъ податей. Онъ присутствовалъ въ неаполитанскомъ судѣ, гдѣ судились два человѣка: «подъячій записывалъ ихъ слова, подобно тому какъ и на Москвѣ»; но вотъ что для москвича было удивительно: судящіеся «говорили чинно, съ великою учтивостію, а не крикомъ».

Гр. Андрей Артемоновичъ Матвѣевъ описалъ свою поѣздку (1705) изъ Гаги въ Парижъ, для заключенія торговаго договора съ Франціей. Въ путевомъ дневникѣ его отмѣчены, между прочимъ, ясно проведенное разграниченіе королевской державы отъ должностей вельможъ, невмѣшательство послѣднихъ въ дѣла народныя, смертный законъ о взяткахъ съ народа, общественное значеніе женщинъ и обхожденіе ихъ съ мужчинами, общее безъ изъятія воспитаніе юношества, гуманное обращеніе учителей и родителей съ дѣтьми (¹).

¹) Пекарскаго: «Поѣздка гр. А. А. Матвѣева въ Парижъ» (Соврем. 1856, № 6). Путешествіе гр. Б. П. Шереметева издано сыномъ его Петромъ Борисовичемъ (1773). Рукопись путешествія гр. П. А. Толстаго хранится въ библіотекѣ

§ 2. Изъ духовныхъ лицъ Петрова времени самыми видными были Стефанъ Яворскій, митрополитъ рязанскій (1658—1722), и Ѳеофанъ Прокоповичъ, архіепископъ новогородскій (1681—1736).

Слова и проповѣди Яворскаго, по своему литературному значенію, представляютъ всѣ главныя особенности югозападнаго проповѣднаго стиля, о которомъ говорилось въ первомъ отдѣлѣ тома, при сужденіи о Галятовскомъ, Радивиловскомъ и Лазарѣ Барановичѣ. Они отличаются изысканною постройкой и часто, оставляя въ сторонѣ прямое содержаніе темы, заняты предметами и обстоятельствами побочными: существенное отходитъ на задній планъ, уступая свое мѣсто случайному; тексты насильственно примѣняются къ событіямъ или развиваемымъ мыслямъ. Такъ въ Словѣ на текстъ: «Пріимите Духъ Святъ», проповѣдникъ не раскрываетъ главнаго предмета своей рѣчи—внутренняго дѣйствія Духа Святаго на человѣка, а даетъ слушателямъ цѣлый рядъ изысканныхъ примѣненій, изобрѣтая для каждаго чина и сословія приличный образъ, въ которомъ воспринимается ими Духъ Святый. Такъ еще въ Словѣ о призваніи апостоловъ изъ рыболововъ, онъ входитъ въ искусственныя и пространныя сравненія людей съ рыбами. Въ Словѣ на Полтавскую битву, выразивъ чувство радости, Яворскій остановился на сравненіяхъ Карла XII съ Петромъ I, превосходство котораго ему хотѣлось показать. Эти сравненія не что иное, какъ своего рода общія мѣста, удобоприлагаемыя къ разнымъ предметамъ; въ нихъ нѣтъ ничего отличительнаго, характеристичнаго. Король шведскій уподобленъ льву, Голіаѳу, апокалипсическому звѣрю, древу видѣнному во снѣ Новуходоносоромъ; семь главъ звѣря и вѣтви древа суть шведскіе генералы, листья—воины, плоды разсыпанные—знамена и воинскіе доспѣхи. Петръ же Великій представленъ въ видѣ орла, которымъ растерзанъ левъ, новаго Израиля, поразившаго Голіаѳа, сѣкиры посѣкающей дерево. Яворскій усвоилъ многіе пріемы польскихъ іезуитскихъ проповѣдей: по ихъ примѣру любилъ онъ маскировать свои рѣчи—притчами и прилогами прикрывать обличенія лицъ и ихъ дѣйствій. Манера произнесенія поученій отличалась театральностью: оно было исполнено быстрыхъ, неожиданныхъ переходовъ и эффектовъ и сопровождалось рѣзкими тѣлодвиженіями, почему и дѣйствовало на слушателей раздражительно. Вотъ отзывъ современника о декламаторствѣ Яворскаго: «Онъ имѣлъ удивительный даръ витійства, и

казанскаго университета. Оно изложено Н. А. Поповымъ въ 7 и 8 №№ Атенея 1859 и въ статьѣ: «Гр. П. А. Толстой, біографическій очеркъ» (Древняя и новая Россія, 1875, т. I).

едва подобные ему во учителяхъ россійскихъ обрѣстися могли; ибо мнѣ довольно случися видѣть въ церкви, что онъ могъ во ученіи слышателей привесть—плакать или смѣяться, которому (чему) движеніе его тѣла и рукъ, помаваніе очей и лица нремѣненіе весьма помоществовало, которое ему природа дала. Онъ, когда хотѣлъ, то часто отъ ярости забывалъ свой санъ и мѣсто гдѣ стоялъ».— Что касается до отношенія словъ Яворскаго къ преобразовательной дѣятельности Петра, то онъ не принадлежалъ къ ея сторонникамъ, не поддерживалъ ее, какъ первенствующее лице въ духовной іерархіи, т. е. какъ блюститель патріаршаго престола. Въ словахъ его на побѣды Петра выражаются оффиціальныя похвалы, но другія, болѣе искреннія поученія не соотвѣтствовали видамъ реформы, почему возбуждали неудовольствіе царя, а самого проповѣдника заставляли представлять свои объясненія и оправданія. Между «казаньями» послѣдняго рода наиболѣе впечатлѣнія и говора произвело слово «о храненіи заповѣдей Господнихъ», произнесенное на второй недѣлѣ великаго поста (17 марта 1712 г.), въ Успенскомъ соборѣ. Текстъ выбранъ изъ книги пророка Исаіи: «аще хощете и послушаете мене, благая земли снѣсте; аще не хощете, ниже послушаете, мечъ вы поястъ». Показавъ, какую мзду пріимутъ нехранящіе заповѣдей, разорители закона Божія, Стефанъ обращается къ слушателямъ съ такими словами: «Того ради не удивляйтеся, что многомятежная Россія наша доселѣ въ кровныхъ буряхъ волнуется; не удивляйтеся, что по толикихъ смятеніяхъ доселѣ не имамы превожделѣннаго мира. Миръ есть сокровище неоцѣненное; но тіи только симъ сокровищемъ богатятся, которые любятъ Господень законъ, а кто законъ Божій разоряетъ, отъ того миръ далече отстоитъ». Въ другомъ мѣстѣ слова заключается сильная выхода противъ учрежденія оберъ-фискала, которому, въ числѣ его обязанностей, предписано было смотрѣть надъ судьями въ патріаршемъ и архіерейскихъ приказахъ. Изобразивъ непорочность закона Господня, проповѣдникъ показываетъ великое различіе между нимъ и законами человѣческими: «законъ Господень непороченъ, а законы человѣческіе бываютъ порочны. А какой ми то законъ, напримѣръ: поставити надзирателя надъ судами и дати ему волю, кого хочетъ обличити, да обличитъ; кого хочетъ обезчестити, да обезчеститъ; поклепъ сложить на ближняго судію, вольно то ему; а хотя того не доведетъ, о чемъ на ближняго своего клевещетъ, то за вину не ставитъ, о томъ ему и слова не говорить: вольно то ему. Не тако подобаетъ симъ быти: искалъ онъ моей главы, поклепъ на меня сложилъ, а не довелъ: пусть положитъ свою голову; сѣть мнѣ скрылъ: пусть самъ ввязнетъ въ

узкую; ровъ мнѣ ископалъ: пусть самъ впадетъ въ онь, сынъ погибельный, чужею бо мѣрою мѣритъ. А то какова слова ему ни говорити, запинаетъ за безчестіе». Въ заключеніи, проповѣдникъ обратился съ молитвою къ св. Алексію, Божію человѣку: «О угодниче Божій! не забуди и тезоименника твоего, а особеннаго заповѣдей Божіихъ хранителя и твоего преисправнаго послѣдователя ([1]). Ты оставилъ еси домъ свой: онъ такожде по чужимъ домамъ скитается; ты удалился еси родителей: онъ такожде; ты лишенъ отъ рабовъ, слугъ и подданныхъ, друговъ, сродниковъ, знаемыхъ: онъ такожде; ты человѣкъ Божій: онъ такожде истинный рабъ Христовъ. Молимъ убо, святче Божій! покрый своего тезоименника, нашу едину надежду, покрый его въ кровѣ крылъ твоихъ, яко любимаго своего птенца; яко зѣницу, отъ всякаго зла соблюди невредимо. Дай намъ видѣти его вскорѣ всякимъ благополучіемъ изобилующа, и его же нынѣ тѣшимся воспоминаніемъ, дай возрадоватися счастливымъ и превожделѣннымъ присутствіемъ». Слово это возбудило живѣйшее любопытство современниковъ; царевичъ Алексѣй переписалъ его для собственной библіотеки; а Петръ I обратилъ вниманіе на выписанныя мѣста (о разорителяхъ закона Божія, о фискалахъ и о царевичѣ Алексѣѣ). Дѣло кончилось оправдательнымъ письмомъ проповѣдника и не имѣло для него дурныхъ послѣдствій. И въ другихъ казаньяхъ Яворскаго встрѣчаются неодобрительные отзывы о времени Петровской реформы, которое онъ называлъ временемъ изнеможенія вѣры. Гдѣ изнемогаетъ вѣра, тамъ все изнемогаетъ, говорится въ одной изъ его проповѣдей ([2]): «Мнози скоро отъ своея православныя вѣры каѳолическія подвижутся и прелагаются в чуждыя богомерзкія, еретическія, пространнымъ путемъ во адъ влекущія вѣры похваляютъ; свою же, юже отъ отецъ и праотецъ воспріяша, назданную на основаніи Христовомъ, воспріятую отъ апостоловъ, ругаютъ, осмѣиваютъ и уничтожаютъ. Многимъ случается, яко, едва чуждыя узрятъ земли, отлучившися отъ своего отечества, и отъ вѣры удаляются». Примѣромъ того, что нѣкоторыя выходки Яворскаго могли быть примѣняемы современными слушателями къ извѣстнымъ личностямъ, можетъ служить еще слѣдующій, введенный въ поученіе разговоръ Іоанна Крестителя съ Иродомъ. Слонъ (говоритъ Стефанъ, пользуясь книгами, описывающими нравы животныхъ), когда приходитъ къ водѣ пить, возмущаетъ ее, чтобы не видать своего мерзкаго образа. Тоже дѣ-

[1]) Царевича Алексѣя Петровича, находившагося почти три года въ чужихъ краяхъ.

[2]) Слово въ недѣлю третью на десять по Св. Дусѣ.

лаетъ и верблюдъ. Также поступаютъ и тѣ, которые обличаемы бываютъ проповѣдью: «возмущаютъ ю, да не увидятъ себе и свои прегрѣшенія, да мерзостей и дѣлъ своихъ беззаконныхъ не увидятъ. Бѣше сицевъ верблюдъ Иродъ четверовластникъ, иже, егда слыша Іоанна Крестителя иныхъ обличающа о сицевыхъ вещахъ, которыя его не касахуся, въ сладость послушаше его. Когда глаголетъ Іоаннъ: пресвѣтлѣйшій государь! въ томъ дому сходятся пьяницы, картежники, блудники, убійства, татьбы, клеветы творящіи: слушаетъ его въ сладость Иродъ, абіе посылаетъ слуги, разгоняетъ безчинниковъ, разсыпаетъ, казнитъ. Глаголетъ Іоаннъ: тамо на прельщеніе многимъ творятся соблазны, тамо младіи безчинствуютъ, тамо безвременные крики и вопли. На сіе Иродъ: разрушу совѣты ихъ, вскорѣ сборище ихъ искореню, заключу въ темницахъ. Глаголетъ Іоаннъ: невинніи страждутъ, въ узахъ и оковахъ напрасно заключени; многихъ бьютъ напрасно на правежѣ; мнози обидими отъ сильнѣйшихъ. Глаголетъ Иродъ: осужду, испущу, освобожду ихъ. Коснуся послѣ Іоаннъ и самаго безобразія Иродова, осяза раны его, отверзе гробъ его мерзостнѣйшій: ваше величество! ты и самъ еси отъ другихъ злѣйшій, понеже ты подданнымъ своимъ злѣйшій образъ подаеши, отъ тебя мнози соблазняются. Почто ты удерживаеши жену братнюю? Не подобаетъ тебѣ держати жену брата твоего. Здѣ Иродъ тотчасъ говоритъ Іоанну: молчи! въ темницу его! за дерзость казнь да пріиметъ»!

Стефанъ Яворскій своимъ словомъ дѣйствовалъ противъ лютеранства вообще и противъ протестантскаго направленія нѣкоторыхъ русскихъ въ частности, или, какъ онъ самъ выразился, противъ «развращенія нѣкіихъ отъ нашего православія лишенниковъ (отверженниковъ), ихъ же сатана, всякихъ расколовъ начальникъ, хоботомъ вражіихъ своихъ навѣтовъ, аки звѣзды небесныя отъ неба церковнаго сими времены отторже въ путь заблужденія погибельный». Онъ и Ѳеофана Прокоповича обвинялъ въ томъ же направленіи. Книга его «Камень вѣры», изданная (1729) послѣ его смерти архіепископомъ тверскимъ Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ, была написана по поводу появленія, 1713-го г., въ Москвѣ, между нѣкоторыми русскими послѣдователей лютеранства, чтó происходило отъ сожительства съ иновѣрными въ Россіи и въ чужихъ странахъ: «смѣсишася языкомъ и навыкоша дѣломъ ихъ». Изъ этихъ русскихъ, увлекшихся ученіемъ Лютера, особенно извѣстенъ Тверитиновъ. Сочиненіе названо «Камнемъ вѣры», по смыслу изреченій Священнаго Писанія, въ которыхъ Спаситель именуется камнемъ созиданія и возстанія и вмѣстѣ камнемъ претыканія и соблазна (слова Симеона Богопріимца: се лежитъ на паденіе и на

возстаніе многихъ). Отсюда вытекаетъ содержаніе и раздѣленіе книги: состоитъ она въ изложеніи догматовъ вѣры, причемъ разсмотрѣніе каждаго догмата дѣлится на двѣ части, изъ коихъ въ первой «писано отъ камня вѣры и созиданія духовнаго на утвержденіе православнымъ, а во второй обнаруживается камень претыканія на опасеніе и сохранное блюденіе правовѣрнымъ». Все сочиненіе дѣлится на три части: въ первой три догмата—о святыхъ иконахъ, о честномъ крестѣ, о мощахъ святыхъ; во второй четыре—о евхаристіи, о призываніи святыхъ, о душахъ святыхъ, о благотвореніи преставльшимся; въ третьей четыре—о преданіяхъ, о литургіи, о постахъ, о благихъ дѣлахъ. «Камень вѣры» при своемъ появленіи вызвалъ горячую и ожесточенную полемику и кромѣ того важенъ по своему отношенію къ проповѣдному слову времени императрицы Елисаветы, о чемъ скажется ниже (¹).

Проповѣдная дѣятельность Ѳеофана Прокоповича была совершенною противоположностью такой же дѣятельности Яворскаго. Онъ не просто проповѣдникъ—онъ проповѣдникъ Петрова времени. Искренно преданный преобразовательнымъ планамъ Петра и самъ являя въ себѣ сильныя стремленія къ реформаторству, онъ въ своихъ поученіяхъ разъяснялъ народу истинный смыслъ дѣйствій царя, возбуждая къ нимъ сочувствіе, утверждая сознаніе ихъ необходимости и пользы. Эти поученія, согласно со взглядомъ Преобразователя, служили правительственнымъ видамъ, имѣли важное значеніе для государства: они или подготовляютъ слушателей къ мѣрамъ преобразованія, объясняя ту выгоду, какую онѣ имѣютъ принести отечеству, или оправдываютъ мѣры, указывая выгоды, уже ими принесенныя. Въ томъ и другомъ случаѣ Ѳеофанъ обнаруживаетъ большое искусство. Исходнымъ пунктомъ своихъ доводовъ онъ выбираетъ вѣроученіе, что̀ и слѣдовало дѣлать въ его положеніи. Какъ пастырь церкви, онъ былъ обязанъ прежде всего доказать согласіе Петровыхъ дѣлъ съ духомъ Священнаго Писанія и съ уставами Церкви, очистить ихъ отъ мнимаго противорѣчія религіозному долгу и чувству. Это согласіе и составляло существенный вопросъ для паствы, которая въ новыхъ явленіяхъ боялась видѣть отступленіе отъ закона Божія. За тѣмъ Ѳеофанъ переходилъ къ другимъ доказательствамъ: онъ раскрывалъ общественную

¹) Н Тихонравова: «Московскіе вольнодумцы начала XVIII в. и Стефанъ Яворскій»; Исторія Россіи, Соловьева, т. 16; Исторія царствованія Петра В., Устрялова, т. 6; Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ проповѣдники, Ю Самарина; Труды Кіевской Академіи, 1865, т. 1; Неизданныя проповѣди Стефана Яворскаго, Чистовича (Христ. Чтеніе, 1867).

и частную пользу преобразованій; указывалъ ихъ пользу въ практическомъ смыслѣ, наиболѣе способномъ помирить съ ними недовольныхъ и сомнѣвающихся; излагалъ утилитарное понятіе о наукѣ, единственно нужное современному большинству, которое еще не могло цѣнить ея значенія самостоятельнаго, независимо отъ примѣненій къ жизни, а измѣряло ея достоинство тою помощью, какую она приносила на службѣ или въ обществѣ. Примѣры такой живой связи съ современною дѣйствительностью представляютъ многія слова Ѳеофана. Такъ въ Словѣ на рожденіе царевича Петра Петровича (1716) онъ исчисляетъ подвиги отца его и сравниваетъ старую, до-петровскую Русь съ Россіею новою, петровскою, одолженною своимъ превосходствомъ европейскому образованію. Поѣздки Петра за границу и посылка туда же молодыхъ дворянъ для ученія возбуждали ропотъ многихъ, видѣвшихъ въ этомъ дѣлѣ нарушеніе исконнаго обычая: Ѳеофанъ, по случаю возвращенія государя изъ чужихъ краевъ (1717), произнесъ два слова, въ которыхъ объяснилъ законность и пользу путешествій для всѣхъ вообще, для правителей царствъ въ особенности. Одно изъ нихъ выставляетъ главную пользу странствій: познаніе Творца отъ познанія тварей, чѣмъ пріобрѣтается мудрость. Эту-то мудрость или философію разумѣлъ Антоній Великій, когда на вопросъ языческихъ философовъ, гдѣ книги его, отвѣчалъ, указывая на весь міръ: вотъ моя книга! «Кто же, спрашиваю, лучше читаетъ сію книгу: тотъ ли, для котораго міръ оканчивается тамъ, гдѣ онъ обозрѣваетъ свой горизонтъ, или тотъ, который, странствуя, видѣлъ рѣки и моря, и земель различіе, и временъ разнствіе, и дивныхъ естествъ множество? Не даромъ Гомеръ, желая похвалить Улисса, нарицаетъ его опытнымъ мужемъ, посѣтившимъ многіе города и видѣвшимъ многіе обычаи». Отъ общей пользы путешествія проповѣдникъ переходитъ къ пользѣ частной—для государей: оно даруетъ имъ правительственный разумъ и есть лучшая и живая школа политики, потому что предлагаетъ не на хартіи, а на самомъ дѣлѣ, не слуху, но самому зрѣнію обычаи и дѣятельность народовъ. Узнавъ эту пользу собственнымъ опытомъ, блаженный Іеронимъ совѣтуетъ для надлежащаго уразумѣнія греческихъ историковъ и стихотворцевъ посѣтить Пелопонесъ и Аттику, а для уразумѣнія ветхозавѣтной исторіи осмотрѣть Іудею и Сирію. Однимъ словомъ, странствованіе въ немногіе годы дѣлаетъ человѣка мудрѣйшимъ, чѣмъ многолѣтняя старость. Особенно же путешествіе обучаетъ дѣлу военному: на географическихъ картахъ не видно, какова та или другая крѣпость, въ чемъ ея надежная сторона и въ чемъ слабая, какія мѣста удобны или не-

удобны для переправы, расположеніе стана, боевыхъ дѣйствій. Путешествіе все это показываетъ, какъ на ладони, начертываетъ живую географію въ памяти.—Морская побѣда, одержанная кн. Голицынымъ надъ шведской эскадрой при островѣ Гренгамѣ (1720), дала оратору поводъ сочинить похвальное слово русскому флоту и убѣдительно выяснить необходимость морскихъ силъ для такой державы, какъ Россія. Ссылаясь на Шестодневъ Василія Великаго, онъ доказываетъ самимъ Богомъ предначертанную необходимость взаимнаго дружелюбія человѣковъ, съ которымъ нельзя согласить обособленнаго, замкнутаго національнаго быта. Не для того ли, спрашиваетъ онъ, между различными странами устроены моря и рѣки, чтобы по нимъ народы сообщались другъ съ другомъ, сопрягались любовнымъ, общечеловѣческимъ союзомъ? Перенесеніе начала новаго года съ сентября на январь также оправдано Өеофаномъ въ особомъ словѣ (1725). Короче, всѣ главнѣйшія событія и уставы Петровой эпохи находили въ немъ громкаго о себѣ проповѣдника. Онъ былъ горячимъ панегиристомъ просвѣщенія, посредникомъ между властію и подданными, цѣнителемъ двухъ временъ—отходящаго и наступившаго, между которыми завязалось состязаніе. Большою извѣстностью пользовалось слово Өеофана при погребеніи Петра (1725), начинающееся горестными воззваніями къ слушателямъ: «Что се есть? до чего мы дожили, о Россіяне? что видимъ, что дѣлаемъ? Петра Великаго погребаемъ!» Оно выражаетъ чувство скорби, поразившей отечество, величіе утраты. Въ немъ нѣтъ полнаго исчисленія дѣяній Петра: «краткимъ словомъ нельзя обнять безчисленной его славы, а распространяться не допускаетъ печаль, заставляющая проливать слезы и испускать стенанія». Поэтому Өеофанъ ограничивается краткими похвалами, въ которыхъ просвѣтитель Россіи сравнивается съ Самнсономъ, Іафетомъ, Моисеемъ, Соломономъ, Давидомъ, Константиномъ. Утѣшеніемъ въ печали служитъ то, что великій монархъ, по своемъ отшествіи въ вѣчность, не оставилъ насъ убогими: «При насъ безмѣрное богатство его силы и славы. Какову Россію онъ сдѣлалъ, такова и будетъ: сдѣлалъ добрымъ любимою—любима и будетъ; сдѣлалъ врагамъ страшною—страшна и будетъ; сдѣлалъ на весь міръ славною—славною и быть не престанетъ... Оставляя насъ разрушеніемъ тѣла своего, оставилъ намъ духъ свой».

Өеофанъ отличается отъ Яворскаго и литературнымъ характеромъ церковнаго слова. Слова его и поученія хотя и напоминаютъ нѣкоторыми чертами прежнюю школу, такъ какъ онъ получилъ образованіе одинаковое съ своими современниками и потому иногда невольно подчинялся вкусу своего вѣка, но они отступили

отъ схоластическаго направленія гомилетики, отъ искусственной постройки, отъ обычая пользоваться матеріаломъ, почерпнутымъ изъ разнородныхъ источниковъ, пріискивать хитрыя аллегоріи и символы, играть словами, толкуя ихъ по произволу. Развитіе выбраннаго текста состоитъ у Өеофана въ указаніи прямаго его смысла. Раздѣленіе слова на части условлено самимъ содержаніемъ; каждая часть наполнена матеріаломъ дѣйствительно ей принадлежащимъ; доказательства заимствуются преимущественно изъ Священнаго Писанія или твореній св. отцевъ. Однимъ изъ многихъ примѣровъ характера Өеофановыхъ поученій можетъ служить Слово по случаю Полтавской побѣды. Другіе проповѣдники, говоря на тотъ же предметъ, ограничивались выраженіемъ или чувства радости, или чувства благодарности къ Богу: отъ этого содержаніе ихъ словъ страдаетъ общностью и неопредѣленностью, ибо всякое торжество надъ врагомъ возбуждаетъ сказанныя чувства. Өеофанъ поступилъ иначе. Хотя онъ тоже имѣетъ цѣлью внушить Россіянамъ благодарность къ Богу, какъ подателю побѣдъ, но для достиженія этой цѣли разсматриваетъ величіе средствъ, приготовленныхъ непріятелемъ, истребленіе ихъ Полтавскою битвой и слѣдствія битвы. Такимъ образомъ Слово раскрыло передъ слушателями прямое значеніе того, чѣмъ именно была и что̀ именно произвела Полтавская побѣда, а не побѣда вообще. Өеофанъ осудилъ многое въ манерѣ польскихъ казнодѣевъ и ихъ подражателей, какъ это явствуетъ изъ Введенія въ богословскую систему (глава 10: о законномъ толкованіи Священнаго Писанія), изъ статьи Духовнаго Регламента о проповѣдникахъ и изъ отдѣльнаго сочиненія: «Вещи и дѣла, о которыхъ духовный учитель народу христіанскому проповѣдовати долженъ». Во главѣ церковнаго слова поставлено испытаніе слова Божія: «Испытывалъ бы проповѣдникъ отъ Священнаго Писанія (говорится въ Регламентѣ), что̀ есть воля Божія, святая, угодная и совершенная, и то бъ говорилъ». Кромѣ того, Регламентъ запрещаетъ читать казнодѣишковъ легкомысленныхъ, каковы наипаче польскіе бываютъ, а велитъ имѣть творенія Іоанна Златоустаго и по нимъ учиться слагать чистѣйшее и яснѣйшее слово. Нѣкоторыя регулы (правила) направлены противъ Яворскаго. Таковы 4-ое и 9-ое: «Обычай нѣкіимъ проповѣдникамъ есть, аще кто его въ чемъ прогнѣвитъ, на проповѣди своей мстить оному, хотя не именно терзая славу его, обаче такъ говоря, что можно слышателемъ знать, о комъ рѣчь есть: и таковые проповѣдники самые бездѣльники суть».—«Не надобно проповѣднику шататься вельми, будто въ суднѣ весломъ гребетъ. Не надобно руками сплескивать, въ бока упиратися, подскакивать,

смѣяться, да не надобѣ и рыдать; но, хотя бы и возмутился духъ, надобѣ, елико мощно, унимать слезы: вся бо сія лишняя и неблагообразная суть и слышателей возмущаютъ».

Преслѣдуя главную задачу своего краснорѣчія—разъясненіе и оправданіе реформы—Ѳеофанъ нерѣдко принужденъ былъ отражать доводы невѣжества, упорно стоявшаго на томъ, что дѣла Петровы не только общественный вредъ, но и грѣхъ противъ Бога. Отсюда въ его словахъ двойственность: положительное убѣжденіе въ истинѣ очередуется съ отрицаніемъ мнѣній, противныхъ этому убѣжденію. Отсюда же сатирическія выходки проповѣди, сходныя съ нѣкоторыми мѣстами Кантемировыхъ сатиръ: у Ѳеофана встрѣчаются портретъ ханжи, нападки на формализмъ, преданный наружному исполненію церковныхъ правилъ, на безпечность духовенства, на невѣжество знатныхъ родовъ и раскольниковъ. Сказанною двойственностію отличается и «Духовный Регламентъ (1720), написанный Ѳеофаномъ и исправленный Петромъ. Хотя онъ принадлежитъ не къ литературнымъ, а законодательнымъ памятникамъ, имѣя прямою задачею—«исправленіе чина духовнаго»—и слѣдовательно подлежа вѣдѣнію исторіи русской церкви; но при Петрѣ администрація и авторство, государственные уставы и словесныя произведенія, положеніе регулъ и выраженіе мыслей, будучи упорно направляемы къ однѣмъ цѣлямъ, тѣсно связывались между собою, почему и дополняютъ или объясняютъ себя взаимно. Онъ состоитъ изъ трехъ частей: первая показываетъ причины, почему учреждается духовная коллегія, и ея преимущество предъ управленіемъ, ввѣреннымъ одному лицу; вторая—предметы коллегіальнаго управленія; третья—обязанности правителей. Занимаясь своимъ собственнымъ предметомъ, онъ выражаетъ характеръ реформы вообще и характеръ новой образованности, и кромѣ того нѣкоторыми пунктами состоитъ въ связи съ исторіей литературы. Полагая регулы, доказывая ихъ необходимость и пользу, онъ въ тоже время отвергаетъ все имъ противорѣчащее. Похвала новымъ постановленіямъ есть вмѣстѣ и порицаніе упраздняемыхъ. Порицаніе часто переходитъ въ сильныя, даже сатирическія, выходки противъ суевѣровъ, ханжей, невѣждъ, формалистовъ. Такъ, напримѣръ, исчисляя причины коллегіальнаго духовнаго управленія, Регламентъ раскрываетъ его преимущество предъ управленіемъ «единоличнымъ». Таковы еще статьи: о мѣрѣ чести епископской; о держаніи епископовъ при посѣщеніи епархіи и объ архіерейскихъ слугахъ; о неучахъ, вкусившихъ «привидѣннаго и мечтательнаго ученія», т. е. о мнимыхъ мудрецахъ. Отношеніе Регламента къ народной литературѣ высказано тѣми его мѣстами, которыя пора-

жаютъ все, что только можетъ назваться именемъ суевѣрія, помрачающаго чистоту теологіи. Въ ряду суевѣрій поставлены апокрифическія житія святыхъ и другіе вымыслы, ведущіе человѣка къ «недоброй практикѣ», предлагающіе ему «лестный» способъ ко спасенію. Регламентъ осуждаетъ здѣсь нѣкоторыя повѣрья и обычаи, нашедшіе свое выраженіе въ литературныхъ и устныхъ апокрифахъ и другихъ памятникахъ двоевѣрной народной поэзіи. Таковы: обычай проводить въ праздности пятницу на томъ основаніи, что Пятница гнѣвается на непразднующихъ; соблюденіе поста въ двѣнадцать «именныхъ» пятницъ, приносящее будто бы многія тѣлесныя и духовныя пріобрѣтенія; поклоненіе дубу и раздача вѣтвей его народу; вожденіе простоволосой жонки, подъ именемъ Пятницы, въ церковномъ ходу и воздаваніе ей чести и даровъ. Всѣ эти и другія «непотребныя или вредныя церемоніи» Регламентъ уподобляетъ снѣжнымъ сугробамъ, возбраняющимъ идти правымъ путемъ истины, отравѣ, предлагаемой людямъ вмѣсто здоровой духовной пищи и дающей поводъ «инославнымъ» порицать православіе ([1]).

§ 3. Убѣжденія Ѳеофана, какъ передоваго дѣятеля новаго времени, раздѣлялись нѣкоторыми лицами духовнаго чина. Рядомъ съ его именемъ стоитъ имя архимандрита новоспасскаго монастыря, Ѳеофила Кролика († 1732), нѣсколько лѣтъ проведшаго въ Прагѣ, куда онъ былъ посланъ для перевода Буддеева нѣмецкаго лексикона на русскій языкъ. Оба они, принадлежа къ образованнѣйшимъ людямъ своего времени, видѣли въ государственной реформѣ полезный прогрессъ; оба привѣтствовали благосклонно сатиры Кантемира, не смотря на то, что сатирикъ не щадилъ темныхъ сторонъ ихъ собственнаго званія. Переводчикъ «Увѣщаній политическихъ, Липсія», іеромонахъ Симонъ Кохановскій былъ также сторонникомъ новыхъ воззрѣній. Слово въ день Благовѣщенія, произнесенное имъ въ Ревелѣ (1720), замѣчательно силою полемическаго элемента. Оно осуждаетъ ханжество, лицемѣріе и наружное благочестіе тѣхъ, которые «отъ честнаго гражданскаго сожительства» бѣгутъ въ лѣса и пустыни не ради душевнаго спасенія, возможнаго и въ мірѣ, а ради того только, чтобы избыть служебныхъ трудовъ. За тѣмъ проповѣдникъ ратуетъ противъ раскола съ его «мужицкой богословіей», противъ суевѣрія или злочестія, причисляя къ нему «сказки бездѣльныя»; онъ сходится съ Ѳеофаномъ и понятіемъ объ основахъ духовнаго краснорѣчія.

([1]) Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ, Ю. Самарина (1844); Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время, И. Чистовича (1868).

Главное дѣло (разсуждаетъ онъ) въ томъ, что̀ проповѣдуется: если кто учитъ отъ своего мозга, а не отъ Слова Божія—не слушай и и не пріемли, кто̀ бы онъ ни былъ; а если будетъ согласоваться съ Словомъ Божіимъ—слушай и пріемли, не взирая на санъ и лице. Гавріилъ Бужинскій, епископъ рязанскій († 1731), былъ также, по стихотворному выраженію, «глашатаемъ великихъ Петровыхъ дѣлъ». Служа оберъ-іеромонахомъ во флотѣ и сопутствуя государю въ походахъ, Бужинскій большею частію говорилъ слова на событія изъ эпохи преобразованія, наприм.: на побѣды при Полтавѣ и Гангудѣ, на взятіе Шлиссельбурга, на основаніе новой столицы, и пр. По тогдашнимъ обстоятельствамъ, пастырское ученіе соединялось у него или съ политическимъ отзывомъ, или съ разъясненіемъ того, что совершалъ преобразователь. Такъ Слово на морскую побѣду при Гангудѣ оправдываетъ желаніе Петра доставить Россіи превосходство на морѣ. Подобно «Разсужденію о войнѣ съ Карломъ XII» оно даетъ отпоръ европейскимъ и частію отечественнымъ толкамъ о чрезмѣрномъ властолюбіи русскаго монарха, доказывая, что война съ Карломъ XII была самою законною, которую необходимо было предпочесть унизительному миролюбію. Бужинскій перевелъ сочиненія Пуффендорфа: «Введеніе въ исторію европейскихъ государствъ (1718)» и «О должностяхъ человѣка и гражданина (1726)» и Стратемана «Ѳеатронъ или позоръ историческій (1724)». Предисловіе, написанное имъ къ послѣднему, замѣчательно духомъ терпимости и взглядомъ на чтеніе иностранныхъ книгъ. Послѣдователи другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій называются христіанами, а не смѣшиваются съ еретиками и богоотступниками, какъ бывало прежде. Свидѣтельствами святыхъ отцевъ переводчикъ доказываетъ пользу чтенія не только христіанскихъ авторовъ, хотя и разномудрствующихъ съ нами, но и языческихъ: все, противное въ нихъ здравому ученію (говоритъ переводчикъ), оставимъ или лучше будемъ читать, съ тѣмъ чтобы выучиться отражать ложные догматы. Къ небольшому кружку лицъ, сочувствовавшихъ дѣятельности Ѳеофана, принадлежали образованнѣйшіе воспитанники Петрова времени, сатирикъ Кантемиръ и историкъ Татищевъ. Когда Кантемиръ написалъ первую свою сатиру (1729), Ѳеофанъ привѣтствовалъ ее одобрительнымъ посланіемъ, за что авторъ посвятилъ ему особую сатиру (третью). Извѣстно также стихотворное посланіе Ѳеофана къ Кантемиру, во время преслѣдованій отъ Георгія Дашкова, архіепископа ростовскаго, и утѣшительный отвѣтъ сатирика. Во взглядахъ у Татищева было много сходнаго съ Ѳеофаномъ. Одинъ изъ ихъ разговоровъ далъ поводъ Ѳеофану къ сочиненію разсужденія: О книгѣ

Соломоновой, нарицаемой «Пѣснь пѣсней». Съ своей стороны Татищевъ, въ своей Исторіи, съ большою похвалою ссылается на указанія и замѣтки Өеофана. Подъ вліяніемъ бесѣды съ послѣднимъ, историкъ написалъ разговоръ «о пользѣ наукъ» (1).

Сторонники реформы уступали, конечно, въ числѣ тому разряду недовольныхъ, которые въ новомъ видѣли измѣну авторитетамъ и преданіямъ. Лица, думавшіе и мыслившіе согласно началамъ преобразованія, были для нихъ «нечестивымъ сборищемъ»: Өеофана они называли «ересіархомъ», Бужинскаго «евреаниномъ», Кролика «зловѣрнымъ». И хотя ихъ ропотъ не могъ при Петрѣ имѣть дѣйствія, однакожъ нѣкоторые между ними сочли долгомъ заявить опасность, которою грозили такъ называемыя ими «книги еретическія». Изъ этихъ книгъ наиболѣе возбудили полемику «Первое ученіе отрокомъ» и «Регламентъ», вмѣстѣ съ прибавленіемъ къ нему «правилъ причта церковнаго и чина монашескаго». Маркеллъ Радышевскій, архимандритъ новогородскаго юрьевскаго монастыря (въ послѣдствіи архіепископъ корельскій) доказывалъ, что «Ученіе отрокомъ» наполнено «мѣстами примрачными», несогласными съ православіемъ, что авторъ его—«новоизобрѣтатель, древняго обычая истребитель». Мысли Маркелла находили сочувствіе не только въ духовномъ чинѣ, но и между мірянами. Директоръ петербургской типографіи, Аврамовъ, тоже писалъ пункты на Өеофана, выставляя его «провинности къ святой церкви» и стараясь уклонить читателей отъ вѣры въ новоизданныя имъ книги (2).

§ 4. Къ историческимъ трудамъ Петрова времени относятся: «Ядро Россійской Исторіи», Манкіева (1715), и Записки гр. Матвѣева, сына Артемона Сергѣевича Матвѣева, о первомъ стрѣлецкомъ бунтѣ, бывшемъ въ 1682 г.

Сочинитель «Ядра», Манкіевъ—секретарь или переводчикъ, состоявшій при кн. Хилковѣ, посланникѣ нашемъ въ Швеціи, вмѣстѣ съ которымъ раздѣлялъ онъ восьмнадцатилѣтнее заключеніе, отъ начала шведской войны. Въ посвященіи своей книги Петру, авторъ указываетъ нравственную пользу Исторіи: изучающій эту науку находитъ въ ней безъ труда все, что многіе собирали съ трудомъ; изъ нея узнаетъ онъ добродѣтели благихъ, пороки злочестивыхъ, различныя перемѣны человѣческаго житія, непостоянство міра, стремглавныя паденія нечестивыхъ; однимъ словомъ, она показываетъ наказаніе злыхъ дѣлъ и награду за дѣла доб-

1) И. Чистовича: Өеофанъ Прокоповичъ и его время.

2) Ibid. и Пекарскаго: Наука и литература въ Россіи при Петрѣ I.

рыя. Сочиненіе это, долго служившее учебникомъ, излагаетъ въ простомъ и обстоятельномъ разсказѣ отечественныя событія, хотя и не свободно отъ ошибочныхъ показаній. Оно гораздо выше предшествовавшихъ опытовъ систематической обработки лѣтописныхъ сказаній въ XVII в., а именно: «Краткаго повѣствованія» дьяка Ѳедора Грибоѣдова и «Синопсиса» (обозрѣнія, очерка) Иннокентія Гизіеля. Книга Манкіева, говоритъ Соловьевъ, стройнѣе. Послѣ описанія татарскаго нашествія разсказъ событій по княженіямъ почти вездѣ правиленъ, и встрѣчаются нѣкоторыя любопытныя извѣстія, до сихъ поръ не находимыя въ источникахъ. Съ большими подробностями разсказываетъ авторъ о взятіи Новгорода Делагарди; причина тому заключается въ тогдашнемъ положеніи цѣлаго русскаго народа, отчаянно боровшагося со шведами, и въ положеніи самого автора въ особенности: настоящая вражда и «полонное терпѣнье» заставили живѣе припомнить непріязнь древнюю. Книга заключается похвалою Петру, который «всю Русь художествы и вѣдѣніемъ просвѣтилъ и будто снова переродилъ» (¹).

По взгляду на одно и тоже событіе Записки гр. Матвѣева рѣзко отличаются отъ Записокъ Сильвестра Медвѣдева, ученика Симеона Полоцкаго и приверженца царевны Софіи, казненнаго въ 1691 г. Достоинство послѣднихъ Записокъ состоитъ въ томъ, что онѣ отчетливо передаютъ подробности современнаго событія: Медвѣдевъ находился въ сношеніяхъ съ Шакловитымъ и стрѣльцами и пользовался актами, не всѣмъ доступными. Историкъ Татищевъ, называетъ его Записки «пристрастными», такъ какъ писавшій ихъ видимо держитъ сторону Софіи. Гр. Матвѣевъ имѣлъ, напротивъ, важныя причины смотрѣть на фактъ и дѣйствующія лица совершенно иначе: его отецъ былъ убитъ стрѣльцами, и самъ онъ, принадлежа къ числу Петровыхъ людей, видѣлъ въ замыслахъ царевны вредную помѣху реформамъ. Записки его, по отзыву Татищева, также пристрастны, но здѣсь пристрастіе опредѣлялось другими побужденіями. Составленныя много послѣ стрѣлецкаго бунта (во время котораго автору было только 16 лѣтъ), эти «Записки» лишены свѣжести впечатлѣній: онѣ смотрятъ на прошлое издали, когда уже миновался современный интересъ. Поэтому Матвѣевъ вдается въ отступленія, стараясь или раскрыть причины и слѣдствія фактовъ, или вывести какія-либо нравственныя поученія. Притомъ авторъ не довольствовался безъискуственнымъ разсказомъ: ему

---

¹) Исторія Россіи, Соловьева, т. XX; его же: Писатели русской Исторіи XVIII в. (Архивъ историко-юридич. свѣдѣній, Калачова, кн. II, половина 1).

хотѣлось выказать свое образованіе и способомъ изложенія, и витіеватымъ языкомъ [1].

§ 5. Реформа возбуждала мысль и дѣятельность не только такихъ людей, которые, принадлежа къ духовному чину или дворянскому званію, по сравнительно бóльшей образованности, могли наблюдать и хорошія и дурныя стороны того, что вокругъ нихъ происходило, но и людей грамотныхъ изъ простаго народа, одаренныхъ отъ природы здравымъ умомъ и желавшихъ высказать свои понятія о государственномъ устройствѣ. Самымъ замѣчательнымъ представителемъ взглядовъ того простонароднаго грамотнаго меньшинства, которое сочувствовало Петру и его преобразовательной дѣятельности, является крестьянинъ подмосковнаго села Покровскаго, Иванъ Посошковъ († 1726). Онъ былъ человѣкъ зажиточный: имѣлъ домъ въ Петербургѣ и крестьянъ или по крайней мѣрѣ заводъ съ приписанными къ нему крестьянами и землею, и выдалъ дочь за полковника воронежскаго гарнизона. Достаткомъ своимъ онъ былъ одолженъ торговымъ и промышленнымъ предпріятіямъ, особенно винокуренію, почему и называетъ себя «купецкимъ» человѣкомъ. Эти дѣла и предпріятія заставляли его совершать поѣздки въ разныя области Россіи, чѣмъ пріобрѣлъ онъ знакомство съ разными сословіями. Школьнаго образованія онъ не получилъ: «азъ весьма мизиренъ и ученію школьному неискусенъ, и какъ по надлежащему достоитъ писать, ни слѣда нѣсть во мнѣ, ибó самый простецъ есть». Но сочиненія его: «Зерцало» и «Отеческое завѣщаніе сыну» свидѣтельствуютъ о большой начитанности, о знаніи Св. Писанія и многихъ произведеній духовной литературы; эта начитанность, вмѣстѣ съ житейскимъ опытомъ и дѣловыми занятіями, служила ему своего рода школой, которая, благодаря большому природному уму, принесла богатые плоды. Нѣкоторое время «хромалъ онъ раскольничьимъ недугомъ», т. е. крестился двуперстнымъ сложеніемъ, и вмѣстѣ съ большинствомъ выражалъ жалобы на молодаго царя, но скоро освободился отъ того и другаго, сталъ ревнителемъ православія и сторонникомъ Петра. Сильно интересуясь дѣятельностью царя, онъ занимался вопросами нравственныхъ, экономическихъ и юридическихъ реформъ, входилъ въ сношенія съ высокими духовными лицами и вельможами и старался дѣйствовать на нихъ для осуществленія своихъ проэктовъ, для проведенія предлагаемыхъ имъ коренныхъ преобразованій. Стефану Яворскому подаетъ онъ записку о духовныхъ дѣ-

---

[1]) Пекарскаго: Русскіе мемуары XVIII в. въ 4 и 5 №№ Современника 1815; Наука и литер. въ Россіи при Петрѣ I (т. 1, гл. XI).

лахъ, а Ѳ. А. Головину о ратномъ поведеніи; кромѣ того ведетъ сношенія съ князьями Д. М. Голицинымъ и Ю. Я. Хилковымъ, съ митрополитомъ новгородскимъ Іовомъ, который далъ ему рекомендательное письмо къ кн. Я. Ѳ. Долгорукому. Св. Димитрій Ростовскій хвалилъ «Зерцало», какъ хорошее опровержение раскольничьихъ заблужденій и въ письмѣ къ монаху Ѳеологу просилъ дать свѣдѣнія объ авторѣ: «живъ ли онъ? если живъ—стану писать къ нему; если умеръ—стану его поминать».

Главный трудъ Посошкова—книга о «скудости и богатствѣ». Онъ занимался ею три года (1721—1724), «утаенно отъ зрѣнія людскаго», изъ «презельной любви къ отечеству», единственно побуждавшей его браться за перо. По его собственнымъ словамъ, онъ согласился бы скорѣе понести бѣдствіе, чѣмъ умолчать при видѣ чего-либо безполезнаго. Означенная книга есть всестороннее изслѣдованіе о состояніи Россіи при Петрѣ I, обсужденіе разныхъ государственныхъ и общественныхъ вопросовъ, указаніе неустройствъ и неправдъ, укоренившихся въ Россіи, и предложеніе мѣръ къ водворенію порядка и справедливости во всѣ отрасли управленія и народнаго быта. Слѣдя со вниманіемъ за современнымъ ему движеніемъ въ администраціи и законодательствѣ, хорошо зная положеніе нѣкоторыхъ общественныхъ классовъ, особенно крестьянскаго и купеческаго, онъ, какъ ревностный приверженецъ Петра, хотѣлъ съ своей стороны оказать посильную помощь реформѣ, тѣмъ, болѣе, что ясно видѣлъ, какъ немного такихъ, которые содѣйствуютъ ея преуспѣянію, и какъ, напротивъ, много такихъ, которые противодѣйствуютъ ей: «нашъ монархъ на гору самъ-десятъ тянетъ, а подъ гору тянутъ милліоны; то какъ дѣло его споро будетъ?». Сочиненіе состоитъ изъ девяти главъ, по числу предметовъ, о которыхъ авторъ имѣлъ возможность писать основательно, съ знаніемъ дѣла. За краткимъ вступленіемъ, главы слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: о духовенствѣ, о воинскихъ дѣлахъ, о правосудіи, о купечествѣ, о художествѣ (мануфактурной промышленности), о разбойникахъ (уголовныхъ дѣлахъ), о крестьянствѣ, о дворянахъ, крестьянахъ и земляныхъ дѣлахъ, о царскомъ интересѣ. Недостаткомъ правильнаго образованія объясняются неровности сочиненія, въ которомъ рядомъ съ разумными мѣрами предлагаются другія, показывающія въ авторѣ самоучку. Но относительно многихъ важныхъ вопросовъ этотъ «простецъ», какъ онъ самъ себя называетъ, далеко предупредилъ своихъ современниковъ. Нѣкоторыя его мысли и планы частію уже приведены въ исполненіе, частію ожидаютъ еще осуществленія и даже служатъ предметомъ правительственныхъ заботъ нашего времени. Предста-

вимъ главнѣйшія изъ нихъ. И въ письмѣ къ Яворскому о духовныхъ дѣлахъ, и въ книгѣ «о скудости и богатствѣ» указывается низкій уровень образованія духовенства, согласно со многими другими свидѣтельствами, какъ прежде бывшими, такъ и современными Посошкову, о томъ же предметѣ: «не только отъ лютерскія или отъ римскія ереси, но отъ самаго раскола не знаютъ, чѣмъ оправити себя, и не то чтобы кого отъ невѣрія въ вѣру привести, но и того не знаютъ, чтó то есть реченіе *вѣра*, и церковныя службы како прямо отправити не знаютъ». Виною такихъ явленій ставится архіерейская оплошность, ибо архіереи полагаются на служебниковъ своихъ въ поставленіи поповскомъ; отъ пресвитерскаго небреженія много россійскаго народа въ ереси уклонилось, а есть и такіе пресвитеры, которые потакаютъ уклонившимся: «я видѣлъ многихъ стариковъ, что на исповѣди лѣтъ по сорока не бывали, ради непонужденія пресвитерскаго». Другая вина—малое книжное ученіе: поэтому надобно завести училища по эпархіямъ для дѣтей священнослужителей и казеннымъ содержаніемъ обезпечить священниковъ, чтобы они, не завися отъ прихожанъ, заботились болѣе о паствѣ, чемъ о пашнѣ.—Самъ будучи крестьяниномъ, Посошковъ отлично понималъ положеніе крестьянскаго сословія, почему его мысли о неустройствахъ и потребностяхъ простонароднаго быта поражаютъ своею вѣрностью. Онъ насчитываетъ три причины скуднаго житья крестьянъ: лѣность ихъ, насиліе и небрежность помѣщиковъ, и отсутствіе правительственнаго надзора. Помѣщикамъ рекомендуется смотрѣть за гуляками и лежебоками и строго наказывать таковыхъ, чтобъ они отъ лѣности въ скудость не приходили, и въ воровство и пьянство не уклонялись. Но виноваты и сами помѣщики, своимъ произволомъ въ отношеніи къ оброкамъ и повинностямъ: «Помѣщики на крестьянъ своихъ налагаютъ бремена неудобь носимыя, ибо есть такіе безчеловѣчные дворяне, что въ работную пору не даютъ крестьянамъ своимъ ни единаго дня, еже бы ему на себя что сработать. И тако пахатную и сѣнокосную пору всю и потеряютъ у нихъ; или что наложено на ихъ крестьянъ оброку или столовыхъ запасовъ, и то положенное забравъ, еще требуютъ съ нихъ излишняго побору, и тѣмъ излишествомъ крестьянство въ нищету пригоняютъ; и который крестьянинъ станетъ мало-мало посытѣе быть, то на него и подати прибавятъ. И за такимъ ихъ порядкомъ крестьянинъ никогда обогатитися не можетъ. Отъ таковыя нужды домы свои оставляютъ (*крестьяне*) и бѣгутъ иные въ понизовые города, иные жъ въ украинскіе, а иные и въ зарубежные: тако чужія страны населяютъ, а свою пусту оставляютъ». Чтобы

ограничить помѣщичій произволъ, Посошковъ требуетъ точнаго опредѣленія повинностей и оброковъ съ крестьянъ путемъ законодательнымъ. Онъ подвергаетъ критикѣ и подушную подать, называя ее «душегубствомъ», предлагая замѣнить ее поземельнымъ сборомъ, который при томъ долженъ быть общею повинностью всѣхъ землевладѣльцевъ, безъ исключенія. Правильному и прибыльному ходу сельскаго хозяйства мѣшали черезполосныя владѣнія: Посошковъ предлагаетъ уничтожить ихъ генеральнымъ межеваніемъ (въ главѣ о дворянахъ, крестьянахъ и земляныхъ дѣлахъ). Такъ какъ по безграмотности своей крестьяне терпѣли много разныхъ бѣдъ, то Посошковъ находитъ необходимымъ неотложное, обязательное ученіе ихъ чтенію и письму. «Не малая пакость чинится крестьянамъ и отъ того», говоритъ онъ, «что грамотныхъ людей у нихъ нѣтъ.... Какой къ нимъ ни пріѣдетъ съ указомъ или и безъ указа, да скажетъ что указъ у него есть, то тому и вѣрятъ, и оттого пріемлютъ себѣ излишніе убытки, потому что всѣ они слѣпые, ничего не видятъ, не разумѣютъ... И ради охраненія отъ таковыхъ напрасныхъ убытковъ, видится, не худобъ крестьянъ и *поневолить*, чтобъ они дѣтей своихъ, десяти лѣтъ и ниже, отдавали дьячкамъ въ наученье грамоты и, научa грамотѣ, учили бы ихъ писать... И положить имъ крѣпкое опредѣленіе, чтобы безотложно дѣтей своихъ отдавали учить грамотѣ, и положить имъ срокъ года на три или на четыре. А буде въ 4 года дѣтей своихъ не научатъ, такожде кои робята и впредь подрастутъ, а учить ихъ не будутъ, то какое ни есть положить на нихъ и *страхованіе*». Наконецъ онъ ясно понималъ различіе между поденнымъ и урочнымъ трудомъ, и народно-экономическія выгоды урочной рабочей платы.—Въ главѣ о купечествѣ Посошковъ описываетъ неправильное веденіе торговли, и его соображенія по этому предмету отличаются большимъ знаніемъ дѣла, основательностью и разумностью. Онъ прямо говоритъ, что ложь и обманъ въ нашей торговлѣ могутъ считаться общимъ правиломъ: «Купечество у насъ ведется вельми неправо: другъ друга обманываютъ и другъ друга обидятъ, товары худые закрашиваютъ добрыми и вмѣсто добрыхъ продаютъ худые, а цѣну берутъ непрямую».... Посошковъ хотѣлъ стройной организаціи купеческаго дѣла и указывалъ выгоды торговли товариществами (компанейской), какъ вѣрнаго способа застраховать ее отъ непредвидѣнныхъ случайностей. Всего болѣе Посошковъ жалуется на отсутствіе правосудія, такъ какъ правду считалъ онъ основою матеріальнаго благосостоянія государства. Въ началѣ книги «о скудости и богатствѣ» онъ говоритъ: «то бо (правда) есть самое царство украшеніе и прославле-

ніе и честное богатство. Аще правда, яко въ земскихъ лицахъ, тако и въ мизирныхъ, насадится и твердо вкоренится, и вси, яко богати, тако и убозіи, между собою любовію имутъ жить, то всякихъ чиновъ люди по своему бытію въ богатствѣ довольни будутъ: понеже правда никого обидить не пускаетъ, а любовь принудитъ другъ другу въ нуждахъ помогати». Всѣ писанія Посошкова имѣютъ цѣлію уничтожить, выжечь старую неправду, и онъ твердо вѣрилъ въ радикальную силу предлагаемыхъ имъ средствъ: какъ только они приведутся въ исполненіе, такъ все измѣнится къ лучшему—«вся Россія яко со сна пробудится» [1].

§ 6. Выше (стр. 7) были исчислены піесы, переведенныя для московской комедіальной храмины. Кромѣ того, въ Кіевѣ и въ Москвѣ представлялись школьныя драмы. Въ Кіевской Академіи издавна существовалъ обычай занимать учащихся драматическими дѣйствами, во время лѣтнихъ рекреацій. Обязанность приготовить ежегодно комедію или трагедію лежала на преподавателѣ поэзіи. Представленія производились подъ открытымъ небомъ—на горѣ, среди рощи, въ долинѣ. Москву съ школьными драмами впервые познакомилъ Симеонъ Полоцкій. Въ славяно-греко-латинской академіи развились онѣ съ начала XVIII в., когда греки уступили въ ней свое мѣсто кіевскимъ ученымъ, вызваннымъ Стефаномъ Яворскимъ, и когда преобладаніе греческаго языка уступило господству языка латинскаго, вообще образованію латинскому, согласно съ повелѣніемъ Петра: «завести въ академіи ученія латинскія», что и исполнилъ Яворскій, которому было поручено ея преобразованіе. Здѣсь представленія давались въ академической залѣ для торжественныхъ собраній. Обычай занимать воспитанниковъ драмами узаконился потомъ Духовнымъ Регламентомъ, предписавшимъ давать два раза въ годъ комедіи. Школьная драма въ Московской Академіи приняла при Петрѣ панегирическое направленіе: она славила важныя дѣянія преобразователя, его побѣды, торжественные въѣзды въ столицу, празднества въ семейномъ царскомъ кругу и т. п. Аллегоріи и символы, частію языческіе, частію христіанскіе, которыми она изобиловала, сближали ее съ средневѣковыми moralités. Примѣняясь къ текущимъ, внѣшнимъ и внутреннимъ обстоятельствамъ, прославляя мірскія дѣла и вещи, драма на глаза многихъ могла казаться преступною новостью,

---

[1]) Сочиненія Посошкова изданы Погодинымъ въ 2 томахъ (1842 и 1863). Отеческое завѣщаніе къ сыну издано А. Поповымъ въ 1873 г. См. изслѣдованіе о Посошковѣ въ статьяхъ А. Брикнера (Ж. М. Н. П. сентябрь и октябрь 1875, январь, февраль, мартъ, апрѣль, май и іюль 1876).

почему предисловіе къ ней иногда считало долгомъ объяснять небывалую вещь примѣрами другихъ христіанскихъ странъ и тутъ же кстати обличать домашнихъ невѣждъ, «ничего не знающихъ, ничего не видящихъ и не слышащихъ, но неисходно пребывающихъ подъ своею клѣтью и при каждомъ новомъ явленіи отрыгающихъ непотребныя словеса». Вотъ нѣсколько примѣровъ тому, какъ религіозные сюжеты выводились на сцену вмѣстѣ съ политическими событіями. «Страшное изображеніе втораго пришествія Господня на землю» (представлена 1702 г.) выставляетъ характеръ польскаго сейма подъ видомъ «Самолюбія» и «Гордыни»: они разрѣшаютъ подданныхъ отъ послушанія королю Августу, желавшему соединиться съ Петромъ противъ Карла XII; «Геній», рачитель пользы королевства польскаго, приходитъ въ сенатъ, но ему не внимаютъ; «Королевство Польское» укоряетъ магнатовъ за междоусобныя распри; наконецъ «Фортуна» вручаетъ «Марсу Роксоланскому» (Петру) знаменія побѣды. — «Преславное торжество освободителя Ливоніи (1705)», на ряду съ Моисеемъ, Ангелами, Благочестіемъ, Ревностью, Хищеніемъ, выводитъ Юпитера и Феба, потомъ Ингерманландію и Ливонію, которыя отходятъ въ достояніе Россіи.—Побѣда при Полтавѣ, измѣна и бѣгство Мазепы представлены въ піесѣ: «Божіе уничижителей гордыхъ уничиженіе» (нап. 1710): въ этой піесѣ есть насмѣшки надъ хромотою— намекъ на рану, полученную Карломъ XII въ ногу, при его ночномъ наѣздѣ на казаковъ.

Изъ всѣхъ школьныхъ піесъ начала XVIII в. наиболѣе выдается трагедокомедія «Владиміръ (1705)», написанная Ѳеофаномъ Прокоповичемъ по оффиціальной обязанности, такъ какъ онъ былъ въ то время учителемъ поэзіи въ Кіевской Академіи. При ея сочиненіи онъ руководствовался тѣми правилами, которыя передавалъ своимъ слушателямъ и которыя самъ вынесъ изъ іезуитской коллегіи — мѣстѣ своего образованія. Трагедокомедія или трагикомедія, по его опредѣленію, есть смѣшанный родъ поэзіи изъ трагедіи и комедіи, т. е. такой, въ которомъ смѣшное и забавное смѣшиваются съ серьезнымъ и трогательнымъ, и лица незначительныя съ знаменитыми. Авторъ много отступилъ отъ типа піесъ, рабски воспроизводившихъ формы и пріемы западныхъ школьныхъ драмъ. Тогда какъ въ Кіевѣ содержаніе брали преимущественно изъ Священнаго Писанія и житій святыхъ, а въ Москвѣ выдвинулось содержаніе панегирическое, обусловленное политическими современными событіями, Прокоповичъ обратился къ древнерусской исторіи и взялъ важнѣйшее событіе изъ жизни Владиміра — принятіе имъ христіанства. Предметъ піесы — внутренняя

борьба князя передъ великимъ подвигомъ и его побѣда надъ тремя силами, враждебными новой религіи: міромъ, плотію и дьяволомъ. Дѣйствующія лица: Владиміръ, Философъ греческій, объясняющій ему христіанскій законъ, три жреца: Жериволъ, Куроядъ и Піаръ, изображающія самыми именами характеристическія особенности касты: обжорство, лакомство и пьянство, военачальники: Мстиславъ и Храбрый. Нѣтъ ни героевъ, ни божествъ классическаго міра, но есть небывалое въ школьной драмѣ лице—*духъ* Ярополка, погибающій отъ зависти къ брату и вызываемый невѣдомою силою изъ ада въ Кіевъ, какъ только дошла до него вѣсть, что Владиміръ хочетъ водворить въ этомъ городѣ христіанство. Актовъ пять. Въ первомъ, монологъ Ярополкова духа напоминаетъ мѣстами монологъ тѣни Тантала въ трагедіи Сенеки «Ѳіестъ»; духъ возвѣщаетъ Жериволу, какъ главному представителю язычества въ Кіевѣ, предстоящую бѣду, и Жериволъ готовится вступить въ борьбу съ намѣреніемъ Владиміра. Слѣдующіе за тѣмъ акты представляютъ развитіе дѣйствія: второй—завязку; третій—препятствія дѣлу и замѣшательства; четвертый—тяжелую внутреннюю борьбу въ душѣ Владиміра; пятый—катастрофу, т. е. сокрушеніе идоловъ и воспріятіе Христова закона. Піеса оканчивается хоромъ апостола Андрея съ ангелами. Комическій элементъ разлитъ по всей трагикомедіи. Нѣкоторыя черты жрецовъ несомнѣнно заимствованы изъ быта современнаго духовенства, чего не отрицалъ и самъ авторъ. Свобода мысли, жажда новаго, смѣлость и рѣзкость слова отличаютъ піесу. Ея герой — реформаторъ древней Россіи; ея интересъ сосредоточивается на борьбѣ новаго просвѣщенія съ старымъ невѣжествомъ; всѣ симпатіи автора обращены къ приверженцу новаго закона—Владиміру, который видитъ источникъ зла и религіозныхъ заблужденій въ отсутствіи просвѣщенія:

Родъ нашъ жестокъ и безсловный
И письменъ ненавидяй есть сему виновный [1].

Народная жизнь не была чужда школьной драмѣ. Она является въ такъ называемыхъ «интермедіяхъ» или «интерлюдіяхъ», которыя разыгрывались между отдѣльными актами или сценами. Неподдѣльный юморъ и меткая сатира составляютъ ихъ главное достоинство. Правда, комическое остается въ нихъ на первой своей ступени, наивной или непосредственной, воспринимаясь на-

[1]) Н. Тихонравова: «Трагедокомедія Ѳеофана Прокоповича «Владиміръ» (Ж. М. Н. Пр. 1879, май).

иболѣе внѣшними чувствами и угождая неразвитому вкусу; не имѣютъ онѣ также того, что называется завязкой и развязкой дѣйствія и что необходимо для полноты его развитія: каждая интерлюдія есть рядъ забавныхъ сценъ, не связанныхъ единствомъ мысли. Но въ этихъ отдѣльныхъ сценахъ выступаютъ живыя лица, съ ихъ дѣйствительными характерами, съ ихъ современными интересами и простою, разговорною рѣчью. Нѣкоторыя интерлюдіи написаны виршами; въ другихъ стихи чередуются съ прозой. Самая форма ихъ показываетъ, что онѣ слагались людьми книжными, получившими школьное образованіе, но вмѣстѣ близкими къ народу и наблюдавшими теченіе современныхъ дѣлъ. Нѣсколько рукописныхъ интерлюдій сохранилось до нашего времени. Въ одной изъ нихъ являются: раскольникъ, дьячокъ, ставленникъ, подьячіе, цыганъ, литвинъ, лѣкарь съ слугой, маркитантъ, грекъ, барышникъ, мошенники, могильникъ (копающій могилу отцу) и кобыльникъ (отыскивающій пропавшую кобылу). Раскольникъ жалуется на жестокую жизнь въ послѣднія времена міра, когда многіе старцы уже видѣли антихриста; когда, вмѣсто долгополаго платья, православные стали носить кургузый кафтанъ и круглый картузъ, и брить бороды; когда на головахъ явились парики, будто у нѣмцевъ поганыхъ. Эти обстоятельства опредѣляютъ время сочиненія піесы: указы о ношеніи иностранной одежды и о бритьѣ бородъ и усовъ послѣдовали въ 1705 г. Второй указъ особенно возбудилъ сильное недовольство, такъ что св. Димитрій Ростовскій долженъ былъ по этому поводу написать трактатъ «объ образѣ и подобіи Божіемъ въ человѣкѣ». Извѣстно также, что знаменія антихристова пришествія раскольники относили къ реформамъ Петра. Другое лице интерлюдіи, дьячекъ, оплакиваетъ судьбу дѣтей своихъ, которыхъ надобно отдать въ семинарію. Вотъ новыя данныя и для хронологіи піесы и для ея историческаго значенія: мы видѣли, что указами 1708 и 1710 г.г. велѣно было дѣтей священно-и-церковнослужителей записывать въ греческія и латинскія школы; кто отказывался отъ ученья, того не ставили ни въ попы, ни въ дьяконы, а принимали рядовымъ въ военную службу. Лихоимство подьячихъ также выставлено въ интерлюдіи: объявивъ указъ дьячку и взявъ съ него взятку, они хотѣли освободить его дѣтей отъ школы, но не выполнили обѣщанія и ушли. Потомъ мошенники крадутъ у ставленника мошну въ то самое время, какъ онъ долженъ расплачиваться съ маркитантомъ за съѣденные пироги; далѣе жидъ и раскольникъ выходятъ на ученый споръ. Сценическое правдоподобіе піесы выигры-

ваетъ еще отъ того, что лица разныхъ націй (цыганъ, грекъ, литвинъ) ведутъ разговоръ на разныхъ говорахъ [1].

II. ОТЪ СМЕРТИ ПЕТРА I ДО ЛОМОНОСОВА.

§ 7. Въ періодъ времени отъ смерти Петра I до начала дѣятельности Ломоносова выдающимися лицами по своему научному и литературному образованію долженствовали быть, разумѣется, ученики преобразователя и сторонники его реформы. Это—тѣ самые люди, которые составляли небольшой интеллигентный кружокъ, имѣя во главѣ своей Ѳеофана Прокоповича, не только какъ ревностнаго сподвижника Петровыхъ дѣлъ, извѣстнаго богослова и духовнаго оратора, но и вообще какъ писателя, сочувственно относившагося къ новымъ, на почвѣ реформы возникавшимъ явленіямъ въ области литературы и науки.

На первомъ мѣстѣ между этими немногими лицами стоитъ Татищевъ (Василій Никитичъ, 1686—1750), представляющій почтенный, достойный примѣръ русскаго человѣка, который, при замѣчательномъ образованіи, сохранилъ за собою всѣ существенныя стихіи своей народности, остался истиннымъ сыномъ своей страны и на пользу ея употреблялъ таланты и пріобрѣтенныя знанія. Ученіе, начатое въ московской артиллерійской и инженерной школѣ, находившейся въ завѣдываніи Брюса, онъ довершилъ въ Германіи, гдѣ пробылъ два года (1713 и 1714) и вполнѣ овладѣлъ нѣмецкимъ языкомъ. Серьезная умственная подготовка дала ему возможность выказать многостороннюю дѣятельность и въ администраціи и въ наукѣ: онъ былъ начальникомъ горныхъ уральскихъ заводовъ, управляющимъ Оренбургскимъ краемъ, губернаторомъ астраханскимъ, историкомъ и географомъ. Первымъ поводомъ къ занятіямъ русскою исторіей послужило представленіе, сдѣланное Брюсомъ Петру Великому о необходимости подробной географіи Россіи. Обремененный многими служебными обязанностями, Брюсъ передалъ возложенную на него царемъ работу

---

[1] О старинномъ театрѣ въ Россіи см. XIV-ую главу 1-го тома сочиненія Пекарскаго: Наука и литература въ Россіи при Петрѣ I. — Русскія интерлюдіи первой половины XVIII в., съ предисловіемъ Н. Тихонравова, въ 3 книгѣ Лѣтоп. Рус. Лит. (1859). Его-же выше цитированная статья о трагедокомедіи «Владиміръ».

состоявшему при немъ Татищеву. Послѣдній, сознавая необходимость полной и вѣрной исторіи для успѣшнаго исполненія дѣла принялся собирать историческіе матеріалы. Особенно высказалась въ немъ страсть къ исторіи, когда онъ въ 1724-мъ г. былъ отправленъ Петромъ I въ Швецію для наблюденія за горнымъ дѣломъ и политическимъ состояніемъ сосѣдней намъ страны. Здѣсь Татищевъ вошелъ въ сношенія съ учеными, узналъ о существованіи важныхъ матеріаловъ для русской исторіи и составилъ планъ надлежащаго изъ нихъ выбора. Татищевъ принималъ участіе въ событіяхъ 1730 г., когда дѣйствія членовъ верховнаго совѣта, предложившихъ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ условія, возбудили повсюду негодованіе и опасенія дворянства. Имъ составлена была записка (Произвольное и согласное разсужденіе русскаго шляхетства), въ которой онъ доказывалъ незаконность предложенныхъ условій и необходимость монархическаго правленія для Россіи. Въ царствованіе Елисаветы онъ былъ отрѣшенъ отъ должности астраханскаго губернатора (1745 г.) и остальные годы жизни провелъ въ своей деревнѣ, доканчивая свой историческій трудъ.

«Духовная» Татищева сыну содержитъ въ себѣ руководство для жизни, во всѣхъ ея возрастахъ.

Обязанный самому себѣ рѣдкимъ по тому времени образованіемъ, всю жизнь проведшій на службѣ и въ ученыхъ трудахъ, опытомъ наученный многому, что не преподается въ школахъ и чего не вычитаешь изъ книгъ, Татищевъ является въ Духовной человѣкомъ разумнымъ и осторожнымъ, не способнымъ на крайности, но умѣющимъ выбрать лучшую между ними дорогу. Его уроки обнимаютъ все пространство нашей жизни: воспитаніе, службу, семейный бытъ, управленіе имѣніемъ и пр., согласно съ тѣми понятіями, которыя составляли образъ мыслей Петровыхъ птенцовъ, и тѣмъ потребностямъ, которыя вызвала реформа. Это, по выраженію Соловьева, Домострой преобразовательной эпохи.

Узнавъ на самомъ дѣлѣ важность науки для государственнаго устройства, равно какъ для частныхъ и общественныхъ нравовъ, Татищевъ рекомендуетъ ее особенному вниманію своего сына. Совѣты его начинаются съ религіознаго образованія. Чтобы пріобрѣсть основательныя познанія въ законѣ Божіемъ, нужно читать, во-первыхъ, Библію, катихизисъ и церковныхъ учителей, особенно Златоуста; во-вторыхъ, книги, составленныя Прокоповичемъ: Истолкованіе десяти заповѣдей и блаженствъ (Первое ученіе отрокомъ) и Юности честное зерцало. Первая книга, по отзыву Духовной,

можетъ служить за катихизисъ, а вторая есть лучшее нравоучительное руководство. Чтеніе миней и прологовъ разрѣшается лишь тому, кто искусился въ Священномъ Писаніи. Татищевъ боялся въ этомъ случаѣ недоразумѣній, которыя легко возникаютъ въ душѣ человѣка малоразсудительнаго, еще плохо заправленнаго въ мышленіи. Видно также, что отъ чтенія духовныхъ книгъ онъ наиболѣе требовалъ умственной пищи, подчиняя ей назидательный интересъ, и что, говоря о богословіи, разумѣлъ въ особенности догматическую его сторону. Утвердясь въ ученіи восточной церкви, надобно потомъ читать и несогласныя съ нимъ книги: лютеранскія, кальвинскія и папежскія, для того, что, имѣя всегдашнее обхожденіе съ иностранцами, Русскіе часто заводятъ съ ними разговоръ о вѣрѣ. Отъ незнанія чужихъ догматовъ легко подвергнуться соблазнамъ, особенно отъ папистовъ, весьма въ томъ коварныхъ и тѣмъ болѣе опасныхъ, что они по многимъ наружнымъ или чиновнымъ обстоятельствамъ (обрядамъ) близки къ нашему исповѣданію. Здѣсь Татищевъ напоминаетъ Курбскаго, который, опасаясь высшей образованности и діалектической ловкости іезуитовъ, тоже убѣждалъ православныхъ избѣгать религіозныхъ съ ними споровъ. Но и съ одновѣрцами не слѣдуетъ препираться о вѣрѣ, если не хочешь подать дурнаго о себѣ мнѣнія людямъ или даже потерпѣть бѣды отъ неразсудныхъ. Въ примѣръ Татищевъ приводитъ самого себя: его почитали не только еретикомъ, но и безбожникомъ. Заступники старины причисляли его къ «сборищу нечестивыхъ» за точное раздѣленіе догматизма отъ обрядности, за ясный взглядъ на неизмѣнное и временное въ священныхъ уставахъ, за критику суевѣрій, которымъ многіе предавались, какъ истинной вѣрѣ.—Отъ вѣроученія Духовная переходитъ къ свѣтскимъ наукамъ. Важнѣйшимъ изъ свѣтскихъ знаній она ставитъ правильное и складное писаніе; послѣ того идутъ: ариѳметика, геометрія, артиллерія, фортификація и другія части математики, нѣмецкій языкъ, «необходимый для извѣстія о состояніи государства нашего», русская исторія и географія, гражданскіе и воинскіе законы, для чего нужно читать уложеніе, сухопутный и морской уставы, и другіе, новѣйшіе печатные указы.—Рядъ семейныхъ обязанностей открывается важнѣйшею изъ нихъ — почтеніемъ сына къ родителямъ. Татищевъ проситъ его любить и уважать мать, не быть судьею ея слабостей, но великодушно извинять ихъ. Для вступленія въ бракъ назначенъ тридцатилѣтній возрастъ. Главныя достоинства жены—хорошее состояніе, разумъ и здоровье. Отношенія къ ней мужа должны занимать средину между грубымъ взглядомъ старины на женщину и новымъ, проти-

воположнымъ тому обычаемъ. Жена, говоритъ Татищевъ, не раба мужу, а товарищъ, помощница; однакожъ стыдно мужу и находиться подъ властію жены, какихъ примѣровъ нынѣ уже довольно видимъ. Въ слѣдъ за этимъ Духовная выражаетъ сильное негодованіе противъ этихъ новыхъ, высокопарныхъ или, вѣрнѣе, глупыхъ женъ, которыя своею безумною гордостью, подлыми пересмѣшками, пустой болтовней, дурацкою ревностью безвинно поносятъ честныхъ людей и причиняютъ имъ вредъ; такихъ женъ всегда окружаетъ ватага ханжей, бродягъ и тому подобныхъ потаскушъ и вѣстоношей, которыхъ надобно беречься, какъ злѣйшаго яда: эти звонкіе колокольчики готовы за деньги продать не только другихъ, но и себя.—Совѣты Духовной касательно службы начаты исчисленіемъ общихъ ея обязанностей: быть вѣрнымъ государю и отечеству во всякомъ дѣлѣ; о пользѣ общей радѣть, какъ о своей собственной; государю, какъ отъ Бога поставленной власти, отдавать честь и повиновеніе. Главное же повиновеніе собственно состоитъ въ слѣдующемъ: «ни отъ какой услуги, куда бы тебя ни опредѣлили, не отрицайся, и ни на что самъ не называйся». Этими словами Татищевъ былъ напутствованъ отъ своего родителя, снаряжаясь на службу. Когда я исполнялъ ихъ безусловно (говоритъ онъ)—и въ тягчайшихъ трудностяхъ благополучіе видѣлъ; а когда чего прилежно искалъ или отрекался—всегда о томъ сожалѣлъ. Обстоятельства, которыми сопровождалось вступленіе Анны Іоанновны на престолъ, заставили его въ Духовной повторить то самое, что онъ изложилъ въ упомянутой запискѣ: «съ хвалящими вольности другихъ государствъ и ищущими власть монарха уменьшить никогда не согласуйся, понеже оное государству крайнюю бѣду нанести можетъ». Обязанности службы различны по разнымъ родамъ ея: военной, гражданской и придворной. Въ совѣтахъ воину является снова златая средина: почтеннѣе всего храбрость, но запальчивость не лучше робости; опрометчивостію можно погубить даже подчиненныхъ своихъ, а робость для воина поношеніе: надобно сохранять середину. Гражданская служба была болѣе знакома Татищеву, и потому онъ говоритъ о ней подробнѣе. Къ числу вопросовъ, возникавшихъ въ ея кругу, относился вопросъ о взяткахъ. Татищевъ имѣлъ свой взглядъ на взяточничество, который объяснялъ лично Петру и которому далъ также мѣсто въ Духовной, стараясь оправдать его частію авторитетомъ, частію собственными доводами, почерпнутыми изъ многолѣтней дѣловой практики. Съ помощью своей теоріи проходилъ онъ самъ и думалъ провести сына посреди двухъ крайностей: неправеднаго кормленія, туго набивающаго карманы администратора, и безвы-

*

ходной бѣдности чиновника, не обезпеченнаго порядочнымъ жалованьемъ. Любопытно, какъ, въ разговорѣ съ Петромъ, онъ различалъ лихоимство отъ законной мзды за рѣшеніе дѣлъ: «лихоимство есть неправо взятое, а мзда принадлежитъ дѣлающему по должности; если я, и ничего не взявъ, противу закона сдѣлаю—повиненъ; если ради мзды присоединится къ законопреступленію лихоимство—долженъ сугубаго наказанія; когда же право и порядочно сдѣлалъ и отъ праваго возблагодареніе пріиму—ничѣмъ осужденъ быть не могу».—Пора деревенской жизни наступаетъ для дворянина въ 50 лѣтъ, изъ которыхъ не меньше 30 проведены имъ на службѣ. Надзоръ за нравственностью крестьянъ долженъ требовать первыхъ заботъ его. Для этого Духовная совѣтуетъ имѣть священника ученаго, способнаго еженедѣльными поученіями наставлять прихожанъ въ добродѣтели и обезпеченнаго приличнымъ жалованьемъ, а не пашнею, чтобъ онъ охотнѣе прилежалъ къ церкви, нежели къ землѣ и сѣнокосу. Характеристика сельскаго духовенства яркими красками изображаетъ то состояніе, въ которое оно доведено было бѣдностью, необразованностью и лѣнью. Кромѣ того Духовная настаиваетъ на обученіи крестьянъ грамотѣ, посредствомъ которой они узнаютъ законъ и страхъ Божій, на приглашеніи искуснаго лѣкаря, на заведеніи бань и аптекъ, для того чтобы народъ не гибнулъ отъ безумныхъ лѣкарствъ обманщиковъ, ворожей, шептуновъ и колдуновъ.

По характеру «Духовной» можно заключать о характерѣ другаго, важнѣйшаго сочиненія Татищева—«Исторіи Россійской». Въ совѣтахъ его сыну видны постоянное и осторожное исканіе средины во всѣхъ вещахъ, запретъ добровольныхъ порывовъ, которые часто заставляютъ человѣка напрашиваться на одни дѣла и отказываться отъ другихъ, распредѣленіе жизни единственно по расчетамъ здраваго смысла, не довѣряющаго голосу чувствъ. Всѣ эти качества убѣждаютъ, что у Татищева умъ былъ преобладающею духовною способностію и что его историческій талантъ выкажется по преимуществу въ сужденіяхъ о возможности, значеніи и внутреннемъ смыслѣ событій. Дѣйствительно, «Исторія Россійская», стоившая ему тридцатилѣтнихъ трудовъ, подтверждаетъ такое убѣжденіе. Въ строгомъ смыслѣ ее нельзя назвать прагматическимъ изложеніемъ событій: это—критическій сводъ лѣтописей, снабженный примѣчаніями, въ которыхъ, равно какъ въ «Предъизвѣщеніи объ исторіи вообще и о русской собственно», выражены взгляды автора. Татищевъ первый обратилъ надлежащее вниманіе на предметъ своихъ изслѣдованій, показавъ, что такое русская исторія и какія средства существуютъ для ея изу-

ченія. Но перевѣсъ ума надъ другими способностями отразился сухостью изложенія и односторонностью взгляда: подчиняя логическимъ соображеніямъ всѣ побужденія къ дѣйствіямъ, Татищевъ не могъ оцѣнять достойнымъ образомъ тѣ моменты въ исторіи, когда энтузіазмъ овладѣваетъ не только отдѣльными личностями, но и цѣлыми массами, и устремляетъ ихъ на подвиги, вопреки благоразумію. Въ примѣчаніяхъ же включены богословскія, философическія и политическія идеи автора—плодъ его знакомства съ Гоббесомъ, Белемъ, Локкомъ, Пуффендорфомъ, Махіавелемъ. Хотя въ одномъ мѣстѣ онъ и называетъ ихъ творенія болѣе вредительными, чѣмъ полезными; однакожъ слѣды ихъ вліянія замѣтны на многихъ его взглядахъ. Зная Беля, учившаго всѣхъ и во всемъ сомнѣваться, прочитавъ книгу Фонтенеля объ оракулахъ, которая полагаетъ правиломъ прежде вопроса о причинѣ какого-либо явленія спрашивать о возможности этого явленія, Татищевъ подвергаетъ критической пробѣ многое, что̀ для другихъ было предметомъ непосредственнаго признанія. Подобно Ѳеофану, онъ осуждалъ пристрастіе къ формализму въ дѣлахъ вѣры, фарисейство, суевѣріе. Сличая по этому поводу прошедшее съ современнымъ, онъ не удерживался отъ порицаній послѣдняго, когда замѣчалъ, что христіане, лѣнясь изучать Священное Писаніе и «вольныя науки», не оградили себя отъ языческихъ или полуязыческихъ понятій. Не диво, говоритъ онъ, передавая сказаніе Нестора о волхвахъ, что тогда народъ, не имѣвшій довольно ума и просвѣщенія, такимъ безумнымъ баснямъ вѣрилъ, но удивительнѣе нынѣ видѣть суевѣровъ, которые разсказы и враки ханжей или пустосвятовъ паче святаго писанія и ученія мудрыхъ людей почитаютъ, каковы, напримѣръ, старовѣры или, лучше сказать, пустовѣры.... Не удивляюсь, когда люди, къ знанію Закона Божія не прилежащіе и къ разсужденіямъ невнимательные, почитаютъ за истину суевѣрныя бабьи басни и безумныхъ наукъ толкованія: дивнѣе всего, когда слышимъ ихъ отъ нѣкоторыхъ, властію избранныхъ на проповѣдь Закона Божія, на поученіе народа истинной вѣрѣ Христовой и благонравію; когда эти нѣкоторые не хотятъ ни сами разумѣть Законъ Божій, ни обучать ему народъ; когда они преданія и узаконенія человѣческія, для своихъ лакомствъ вымышленныя, передаютъ, какъ необходимо-нужное для спасенія... Критически относясь къ тому направленію, въ которомъ истина смѣшивалась съ ложью, или ложь принималась за истину, Татищевъ, какъ онъ самъ упоминаетъ въ Духовной, навлекъ на себя подозрѣніе въ вольнодумствѣ и даже безбожіи. По этой причинѣ его Исторія явилась въ печати спустя много времени послѣ того,

какъ была написана. Политическіе взгляды Татищева выразились въ той главѣ его Исторіи, гдѣ онъ говоритъ «о древнемъ правительствѣ русскомъ и другихъ въ примѣръ». Показавъ различіе трехъ формъ правленія: монархіи, аристократіи и демократіи, онъ приходитъ къ одному выводу съ вышеупомянутымъ «Разсужденіямъ шляхетства» (¹).

§ 8. Другимъ замѣчательнымъ птенцомъ Петрова времени былъ Антіохъ Кантемиръ (1708—1744), сынъ господаря молдавскаго Димитрія, который въ 1711 г., послѣ Прутскаго похода, перешелъ въ подданство Россіи, получилъ отъ Петра I богатыя помѣстья и жилъ сначала въ Харьковѣ. Молодой Кантемиръ находился въ положеніи исключительномъ, сравнительно съ положеніемъ благороднаго (дворянскаго) русскаго юношества. Онъ еще дома получилъ такое образованіе, какое русскій могъ пріобрѣсти только за границей. Отецъ его, замѣчательно просвѣщенный человѣкъ своего времени, авторъ многихъ сочиненій и членъ Берлинской Академіи, и мать, урожденная княжна Кантакузенъ, изъ рода греческихъ императоровъ, заботливо наблюдали за воспитаніемъ своихъ дѣтей. Въ наставники къ нимъ былъ выбранъ ученый грекъ Кондоиди (въ послѣдствіи Аѳанасій, епископъ вологодскій). Съ раннихъ лѣтъ Антіохъ приступилъ къ основательному изученію древнихъ и новыхъ языковъ, давшихъ ему богатыя средства для дальнѣйшаго самообразованія, которое онъ и завершилъ въ Петербургѣ слушаніемъ академическихъ лекцій по математикѣ, физикѣ, исторіи и нравственной философіи. Послѣдняя особенно привлекла любознательнаго юношу и осталась навсегда любимѣйшимъ предметомъ его занятій. Эти лекціи имѣли для него значеніе высшей школы, такъ что, не выѣзжая изъ Россіи, онъ усвоилъ разнообразныя и солидныя научныя знанія и представилъ собою примѣръ европейски образованнаго человѣка, хотя желаніе его учиться въ чужихъ краяхъ и не исполнилось. Понятно, что при такой богатой умственной подготовкѣ онъ не остался безъ видной служебной дѣятель-

---

¹) Татищевъ и его время, Н. Попова (1861); «Русскіе историки XVIII в.», С. Соловьева (Архивъ историко-юридич. свѣдѣній о Россіи, Н. Калачова, т. 2); его же Исторія Россіи, т. XX (1870); Новыя извѣстія о В. Н. Татищевѣ, П. Пекарскаго (Приложеніе къ IV т. Записокъ Ак. Наукъ, 1864); В. Н. Татищевъ, администраторъ и историкъ первой половины XVIII столѣтія, К. Бестужева-Рюмина (Древняя и Новая Россія, 1875, т. I).—Духовная Т—ва сыну его Евграфу изд. въ 1773 г.; «Исторія Россійская съ самыхъ древнѣйшихъ временъ, чрезъ тридцать лѣтъ собранная и описанная», состоитъ изъ пяти книгъ: первыя три изданы Миллеромъ (1768—1774), 4-ая въ 1784 г., пятая нап. въ Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей рос. (годъ 3, книги 4,5 и 9).

ности: двадцати двухъ лѣтъ, онъ получилъ мѣсто резидента въ Лондонѣ, а черезъ шесть лѣтъ былъ назначенъ полномочнымъ министромъ при французскомъ дворѣ. И тамъ и здѣсь онъ выказалъ достоинство какъ учеными занятіями, такъ и веденіемъ дипломатическихъ сношеній. По своему образованію онъ стоялъ на одномъ уровнѣ съ государственными сановниками и учеными наиболѣе цивилизованныхъ странъ. Въ Парижѣ онъ сблизился съ Монтескье и съ математикомъ Мопертюи: оба они отдавали полную справедливость превосходнымъ качествамъ его ума и многосторонности его знаній.—Кантемиръ стоялъ особнякомъ и въ другихъ отношеніяхъ. «Не русакъ» (родомъ), по его собственнымъ словамъ [1], онъ былъ совершенно чуждъ многихъ обычаевъ, предразсудковъ и понятій, которые природными русскими всасывались съ матернимъ молокомъ и становились ихъ второю натурой. Ему не предстояло надобности отрѣшаться отъ многаго, что коренилось въ русской жизни и отъ чего она могла освобождаться лишь путемъ долгаго и труднаго развитія. Наконецъ, по своему общественному положенію, Кантемиръ вращался въ сферѣ высшей, имѣя дѣла и сношенія съ вліятельными сановниками и важнѣйшими духовными лицами; низшіе слои разныхъ сословій и званій оставались для него въ сторонѣ, незнаемые имъ и не возбуждавшіе къ себѣ вниманія. Всѣ указанныя обстоятельства, конечно, возвышали его надъ современниками въ смыслѣ образовательномъ, но они же, какъ увидимъ дальше, невыгодно отразились на его литературной дѣятельности, сообщивъ ей одностороннее направленіе.

Въ эпоху преобразованія обнаружилось много явленій, которыя служили матеріаломъ сатирѣ. Общество представляло разновидные классы людей, не сходившихся ни въ понятіяхъ, ни въ интересахъ. Съ одной стороны приверженцы старины, съ ихъ враждою къ новому образованію, питали надежду воротиться къ прежнимъ порядкамъ; съ другой—легкомысленные представители петровской Россіи, усвоивъ только внѣшніе признаки европеизма, въ сущности оставались невѣждами и отличались новыми недостатками, неизвѣстными ихъ предкамъ, хотя наравнѣ съ ними не находили никакой пользы въ наукѣ. Эти два класса не могли не поразить мыслящаго наблюдателя, какимъ былъ Кантемиръ, и не возбудить его сатирическаго дарованія. Сатира еще до него существовала у насъ. Она входила, какъ элементъ, во многія произведенія и народной,

1) Сочиненія Кантемира, изд. Глазунова (1867), т. I, стр 189 (вторая эпиграмма).

и культурной словесности. Мы видѣли, что Ѳеофанъ и въ Духовномъ Регламентѣ и въ проповѣдяхъ давалъ свободу своему раздраженію и обличительнымъ выходкамъ; что интерлюдіи выводили на посмѣяніе многіе типы до-петровскаго и петровскаго времени. Поэтому открывать исторію русской сатирической поэзіи именемъ Кантемира значитъ позабывать однородныя произведенія предшествовавшей и современной ему словесности. Если онъ долженъ быть названъ первымъ нашимъ сатирикомъ, то лишь въ томъ смыслѣ, что онъ первый далъ намъ образцы сатиры, какъ особаго вида дидактической лирики, возникшаго у римлянъ. Подражая Горацію и Буало, къ которымъ надобно еще присоединить Ренье, предшественника Буало, и Ювенала, онъ началъ писать, выражаясь о немъ словами Ѳеофила Кролика, «рогатые, бодливые стихи» (cornutum carmen), бывшіе до тѣхъ поръ незнакомыми русскимъ читателямъ и заслужившіе ему отъ Ѳеофана Прокоповича имя «рогатаго пророка» (corniger vates) [1]:

Не знаю, кто ты, пророче рогатый;
    Знаю, коликой достоинъ ты славы.
Да почтожъ было имя укрывати? [2].
    Знать тебѣ страшны сильныхъ глупцовъ нравы.
Плюнь на ихъ грозы, ты блаженъ трикраты.
    Благо, что далъ Богъ умъ тебѣ толь здравый;
Пусть весь міръ будетъ на тебя гнѣвливый,
    Ты и безъ счастья довольно счастливый».

Кантемиръ сочинилъ девять сатиръ силлабическими стихами, въ періодъ времени отъ 1729 по 1739 г. Онѣ выражаютъ просвѣщенное негодованіе, произведенное съ одной стороны противниками дѣлъ Петровыхъ; съ другой—невѣжественными послѣдователями реформы. Кантемиръ преимущественно имѣетъ дѣло съ первыми, считая ихъ болѣе опасными для успѣховъ цивилизаціи, тогда какъ вторые представляли наблюдателю преимущественно комическія послѣдствія лжеобразованности. Притомъ сатирикъ началъ писать въ самое неблагопріятное для наукъ время—при Петрѣ II, когда начаткамъ европейскаго образованія грозила серьезная опасность: когда Долгорукіе, самыя приближенныя къ царю лица, вмѣстѣ съ другими властными лицами, не радѣли о продолженіи дѣлъ Петровыхъ; когда сторонники реформы—самъ авторъ, Прокоповичъ и подобные имъ — должны были потерять

1) Vates—поэтъ и пророкъ.

2) Сатиры Кантемира ходили по рукамъ его пріятелей въ рукописи, безъ имени ихъ автора.

свое значеніе, скрываться въ тѣни, состоять какъ бы подъ опалой. Человѣку, убѣжденному въ пользѣ того, что дѣлалъ Петръ Великій, прискорбно было видѣть поворотъ въ противоположную сторону. Какъ литераторъ, онъ рѣшился отстаивать интересы просвѣщенія, отъ развитія и крѣпости котораго зависѣли развитіе и крѣпость литературы.

Предметами Кантемировыхъ сатиръ служатъ послѣдствія невѣжества, замѣченныя авторомъ въ окружающей его средѣ. Первая сатира (1729), имѣющая двоякое названіе: по формѣ (къ уму своему) и по содержанію (на хулящихъ ученіе), осмѣиваетъ нелюбовь къ наукѣ—главнѣйшее зло тогдашней эпохи. Выведенныя въ ней лица суть представители тѣхъ классовъ общества, которые дѣлами или мнѣніями обнаруживали эту нелюбовь. Таковы: ханжа Критонъ, помѣщикъ Сильванъ, гуляка Лука и щеголь Медоръ. Критонъ нападаетъ на ученіе изъ религіозной ревности, разумѣя подъ религіей единственно обряды: онъ называетъ науку матерью ересей и расколовъ, источникомъ безбожія, рушительницей древнихъ обычаевъ; ставитъ ей въ вину пытливость, желаніе доискиваться причинъ и слѣдствій; приписываетъ ея успѣхамъ упадокъ прежняго значенія духовенства. Короче, въ доводахъ своихъ Критонъ пользуется давно извѣстнымъ орудіемъ: еще Максимъ Грекъ обличалъ тѣхъ, которые ставили еретичество на одну доску съ истиннымъ знаніемъ и въ чтеніи Библіи видѣли прямой путь къ сумасшествію. Почти одновременно съ Кантемиромъ, Ѳеофанъ, въ Регламентѣ, разсуждалъ о заблужденіи многихъ, почитавшихъ науку виною ересей, а въ проповѣдяхъ своихъ защищалъ реформу отъ упрековъ въ противорѣчіи вѣрѣ и уставамъ церкви. Другое лице—дворянинъ Сильванъ, думающій единственно о приращеніи доходовъ, порицаетъ науку за то, что она не ведетъ къ богатству: порицаніе естественное въ устахъ того, кто «обыкъ считать злато за крайнее добро» и способенъ понимать только прикладное достоинство знаній, ихъ очевидную, непосредственную пользу для матеріальнаго быта. Независимо отъ этого, дворянство, приневоленное къ труду, имѣло особенные резоны разглашать о безполезности службы и ученія, пригоднаго, по ихъ мнѣнію, только духовенству да подьячимъ. Весельчаки и гуляки, подобные Лукѣ, говорили, что ученіе губитъ здоровье, расторгаетъ людское содружество, мѣшаетъ пріятностямъ жизни. Щеголь Медоръ, побывавшій въ чужихъ краяхъ, гдѣ заразился страстію къ модамъ, смотритъ на ученыхъ съ презрѣніемъ, предпочитая портнаго Сенекѣ, а парикмахера Виргилію. Эти четыре типа не обнимали однакожъ всего числа враговъ просвѣщенія. Было много и другихъ, съ новыми

поводами къ жалобамъ. Многіе пастыри говорили: «что въ наукѣ? какая отъ нея польза церкви? иной, сочиняя проповѣдь, забудетъ выпись ([1]), отчего доходамъ ([2]) вредъ». Судьи, спавшіе въ то время, какъ дьякъ читалъ имъ выписку изъ дѣла, негодовали на стѣсненіе лихоимства, на обязанность изучать законы и по нимъ вершить дѣла. Нѣкоторыя мѣста первой сатиры выражаютъ элегическое чувство, вызванное какъ направленіемъ общественной мысли, неблагопріятнымъ успѣху реформы, такъ и личными обстоятельствами автора, который находился въ стѣсненномъ положеніи:

Къ намъ не дошло то время, въ коемъ предсѣдала
Надъ всѣмъ мудрость и вѣнцы одна раздѣляла,
Будучи способъ одна къ высшему восходу,
Златой вѣкъ до нашего не достигнулъ роду;
Гордость, лѣность, богатство—мудрость одолѣло;
Науку невѣжество мѣстомъ ужъ посѣло:
Подъ митрои гордится то ([3]), въ шитомъ платьѣ ходитъ,
Судитъ за краснымъ сукномъ, смѣло полки водитъ.
Наука ободрана, въ лоскутахъ обшита,
Изо всѣхъ почти домовъ съ ругательствомъ сбита,
Знаться съ нею не хотятъ, бѣгутъ ея дружбы,
Какъ въ морѣ страдавшіе корабельной службы.
Всѣ кричатъ: никакой плодъ не виденъ науки;
Ученыхъ хоть голова полна, пусты руки.

Древніе роды, привыкнувъ пользоваться мѣстами и почестями за одно происхожденіе отъ именитыхъ предковъ, считали права свои незаконно нарушенными, когда Петръ I на самомъ дѣлѣ уничтожилъ силу разрядныхъ книгъ, поставивъ правиломъ награждать только личныя заслуги. Поэтому вторая сатира: «На зависть и гордость злонравныхъ дворянъ», въ формѣ разговора между Филаретомъ (любящимъ добродѣтель) и Евгеніемъ (благороднымъ), изображаетъ генеалогическое высокомѣріе тѣхъ, которые, не принеся никакой пользы отечеству, роптали на возвышеніе лицъ, «собою начавшихъ свой знатный родъ». Въ предисловіи къ ней авторъ объясняетъ ея связь съ первой сатирой. «Найдутся читатели», говоритъ онъ, «которые отъ одного заглавія сатиры взбунтуются противъ сатирика. Недовольно было того (скажутъ они), что онъ хулилъ неохотниковъ до науки: теперь еще безъ панцыря на дворянъ наступаетъ. Прошу терпѣливо выслушать мои резоны. Въ первой сатирѣ я защищалъ науку отъ невѣждъ, которые не

---

1) Выписка какой-либо статьи изъ дѣлъ, выдаваемая изъ судебнаго мѣста.
2) Отъ монастырскихъ имуществъ.
3) Невѣжество.

только ничего не знаютъ, но и ничего знать не хотятъ, и для того преслѣдуютъ всякое знаніе, проповѣдуя его безполезность и даже вредъ народу. Если я не согрѣшилъ тогда, защищая одну добродѣтель, то виноватъ ли теперь, когда всѣ добродѣтели вмѣстѣ защищаю? ибо я не имѣю намѣренія хулить благородіе, а устремляюсь противъ гордости и зависти дворянъ злонравныхъ, чѣмъ самымъ защищаю всякое благонравіе». Послѣднія слова указываютъ смыслъ сатиры, выраженный также однимъ изъ ея стиховъ: «благороднымъ дѣлаетъ насъ одна добродѣтель», и эпиграфомъ, взятымъ изъ Лабрюйера: «хорошо быть благороднымъ, но столько же хорошо быть такимъ, чтобъ тебя не спрашивали, благороденъ ли ты». Къ лучшимъ мѣстамъ сатиры относятся, во-первыхъ, изображеніе знатности и силы Евгеніева отца, къ которому съ утра стекались на поклонъ въ чаяніи его милости, и во-вторыхъ портретъ современнаго щеголя, празднаго и грубаго, не смотря на заграничную поѣздку, нарисованный въ противоположность его предкамъ, пріобрѣтшимъ знатное имя дѣятельною службою отечеству.

Въ невѣжествѣ коренился и расколъ. Сатира съ двоякимъ заглавіемъ: «На состояніе свѣта сего» (по содержанію) или «Къ солнцу» (по формѣ) смѣется надъ «богословскими рѣчами» мужика, только-что оставившаго соху; надъ ученіемъ «мнимыхъ мудрецовъ, бродящихъ по грамотѣ и сѣющихъ въ простонародьѣ крамолы»; надъ грубымъ суевѣріемъ тѣхъ лицъ, которыхъ интерлюдіи выводили подъ именемъ ставленника; надъ фальшивою набожностью купца, который сегодня кладетъ земные поклоны передъ иконой, а завтра сидитъ въ тюрьмѣ за то, что воровски провозилъ товары безъ пошлины; надъ подьячимъ, высохшимъ съ коварства и завистной злобы отъ удачи другихъ взяточниковъ, и надъ многими иными явленіями общества, въ которыхъ забытъ «божій и земскій страхъ». Она же преслѣдуетъ старыя, покрытыя плесенью тетради, т. е. суевѣрныя, апокрифическія книги, бывшія въ ходу у раскольниковъ и возникшія подъ вліяніемъ народныхъ преданій.

Наконецъ дѣйствія реформы могли получить прочную осѣдлость не насильственными мѣрами, а силою разумнаго воспитанія: и Кантемиръ, въ «Посланіи къ кн. Н. Ю. Трубецкому» (сатира на дурное воспитаніе), развиваетъ ту мысль, что большая часть нашихъ свойствъ и поступковъ, приписываемыхъ природѣ, оказывается, по зрѣломъ разсужденіи, дѣломъ воспитанія, при чемъ предлагаетъ и правила въ руководство воспитателю. Такъ какъ хулители книжной мудрости противополагали ей житейскій опытъ, говоря, что жизнь научитъ человѣка всему нужному и что слѣдо-

вательно можно обойтись безъ школы, какъ и обходились наши предки, бывшіе не глупѣе насъ, то Кантемиръ счелъ долгомъ выставить односторонность такого обветшалаго понятія. Раздѣляя взглядъ Өеофана, «Посланіе къ Трубецкому» доказываетъ, что человѣкъ становится умнѣе не столько отъ числа прожитыхъ лѣтъ, сколько отъ числа пріобрѣтенныхъ познаній; что жизнь обогащаетъ насъ опытностью въ позднюю пору, а наука дѣлаетъ насъ искусными и въ молодости; что старые, но неученые люди знаютъ только предметы и явленія, а ученые, хотя и молодые, понимаютъ причины явленій и сущность предметовъ. Въ этой тирадѣ, равно какъ и во многихъ другихъ, ей подобныхъ, сказалось дидактическое, или поучительное, направленіе сатиръ. Кантемиръ имѣлъ цѣлію не только осмѣивать невѣжество и ложное образованіе, но вмѣстѣ доказывать необходимость и важность ученія. Онъ часто распространяется о пользѣ знаній для личныхъ и государственныхъ потребностей. Одна изъ сатиръ его подробно разсматриваетъ, съ утилитарной точки зрѣнія, важность алгебры, геометріи, морскаго искусства, физики, астрономіи, медицины, грамматики, риторики, философіи.

Выше было сказано, что особенности воспитанія Кантемира, возвысивъ его образовательное значеніе среди русскихъ людей, были, съ другой стороны, причиною односторонности его сатиры. Эта односторонность заключается въ томъ, что онъ смотрѣлъ на недостатки современнаго ему общества съ точки зрѣнія цивилизаціи вообще, упуская изъ виду ту степень цивилизаціи, на какой стояла тогда Россія. Сатира его равно взыскательна какъ относительно личностей, которыя, по своему положенію и вліянію, могли вредить и дѣйствительно вредили успѣхамъ просвѣщенія, такъ и относительно такихъ личностей, которыя были неповинны въ своемъ невѣжествѣ и нравственной загрубѣлости. Она не различаетъ вмѣняемости преступленій отъ ихъ невмѣняемости, не указываетъ причинъ дурнаго образа жизни, не признаетъ облегчающихъ обстоятельствъ при судѣ надъ безнравственностью или невѣжествомъ. Осуждая гордыхъ и честолюбивыхъ пастырей, въ родѣ Георгія Дашкова, имѣвшихъ право и обязанность распоряжаться въ своихъ эпархіяхъ, наблюдать за ходомъ церковныхъ дѣлъ, устраивать судьбу подлежащаго его вѣдѣнію чернаго и бѣлаго духовенства, Кантемиръ въ равной мѣрѣ не щадитъ ни монаховъ, ни священнослужителей: онъ выставляетъ на показъ малознаніе послѣднихъ, чревоугодіе, бражничество, любовь къ поборамъ за требы. Въ сатирѣ «на состояніе свѣта сего» читаемъ слѣдующую тираду:

Вонъ на пастырей взглянемъ,
Такъ тутъ-то ужъ развѣ дивиться станемъ.
Хочетъ ли кто Божьихъ словъ въ церкви поучиться
Отъ пастыря, то я въ томъ готовъ поручиться,
Что, ходя въ церковь, не разъ пóтомъ обольется,
А чуть ли о томъ отъ нихъ и слова добьется.
Еслижъ бы онъ подошелъ къ попу на кружало,
То ужъ тамъ однихъ ушей будетъ ему мало,
Не переслушаешь рѣчь его медоточну:
Опишетъ онъ тамъ кругомъ церковь всю восточну,
Да какъ? Не ученіемъ вѣдь здравымъ и умнымъ,
Но суевѣрнымъ и мозгомъ своимъ съ вина шумнымъ;
Плететъ тутъ безъ разсмотру и безъ стыда враки:
Во первыхъ, какъ онъ искусенъ всѣ свершать браки,
Сколько разъ коло (1) стола обводити знаетъ
И какой стихъ за всякимъ ходомъ припѣваетъ.
То все это разсказавъ, станетъ поучати,
Какъ съ честью его руку должно цѣловати.
Не знаю, говоритъ, какъ тѣ люди спасутся,
Что давать намъ на церковь и съ деньгами жмутся.
Вѣдь не съ добра моя въ заплатахъ-де раса;
Вонъ дома на-завтра нѣтъ на что купить мяса.
Все-де чертъ склонилъ людей и съ нѣмцами знаться.

Тоже самое видѣли и Посошковъ, и Татищевъ, если не точно также разсказывали о видѣнномъ; но они, какъ истые русскіе, хорошо знавшіе жизнь и обычаи своихъ соотечественниковъ, вникали въ причины неустройствъ, матеріальныхъ и нравственныхъ, почему и не обвиняли безусловно, и кромѣ того предлагали средства для ихъ устраненія. Имъ было извѣстно, что сельскому священнику, не обезпеченному содержаніемъ, состоявшему въ двоякой зависимости—отъ помѣщиковъ и крестьянъ — трудно было не дѣлать уступокъ первымъ и не сближаться со вторыми; что ему, можетъ быть, не получившему въ школѣ «умнаго и здраваго ученія», не доставало времени на духовное образованіе и на приготовленіе поученій; что необходимость принуждала его заботиться болѣе о пашнѣ, чемъ о паствѣ; что, наконецъ, нѣтъ ничего удивительнаго, если человѣку, круглый годъ осужденному съ своей семьей на скудныя яства, не имѣющему на что купить мяса, желательно при случаѣ воспользоваться хорошимъ обѣдомъ. Но всего этого Кантемиръ какъ бы не зналъ или, зная, не принималъ въ расчетъ, единственно руководствуясь требованіемъ цивилизаціи и нравственности въ ихъ безусловномъ, отвле-

1) Около.

ченномъ отъ времени и мѣста значенiи. Поэтому Тредьяковскiй имѣлъ право назвать Кантемира «чужестраннымъ» человѣкомъ, когда этотъ въ одномъ письмѣ опровергалъ «Способъ къ сложенiю россiйскихъ стиховъ» (Тредьяковскаго),—имѣлъ право потому, что Кантемиръ, какъ «не русакъ» родомъ, не чувствовалъ ухомъ несвойственности силлабическихъ виршъ нашему языку и потому отвергалъ тоническую систему версификацiи.

Нравственное ученiе Кантемира изложено въ сатирѣ «объ истинномъ блаженствѣ» (1738) и въ «Письмахъ о природѣ и человѣкѣ» (1742). Идеалъ счастливой жизни—спокойствiе и довольство духа, а основанiемъ тому служитъ добродѣтель. Съ младенчества, говоритъ сатирикъ, привыкли мы бояться нищеты или презрѣнiя толпы: отъ этого ударяемся въ другую крайность—въ стяжанiе богатства, въ исканiе почестей, тогда какъ во всѣхъ вещахъ должно знать прямую мѣру, златую средину. У всякаго дѣла свои границы: кто перейдетъ ихъ, или кто не дойдетъ до нихъ — равно глупы. Къ истинной славѣ ведутъ немногiя средства: живи тихо, стремясь къ тому, что честно, что полезно тебѣ и другимъ. Награда добра въ самомъ добрѣ.

Историческое значенiе Кантемировыхъ сатиръ заключается въ ихъ отношенiи къ современному обществу. Предметъ ихъ вполнѣ нацiональный—русскiе нравы извѣстной эпохи, почему онѣ и служатъ важнымъ источникомъ для историка Россiи. Но въ изложенiи своего предмета Кантемиръ подражалъ латинскимъ и французскимъ сатирикамъ, заимствуя у нихъ нерѣдко планъ и прiемы, а по мѣстамъ мысли и даже выраженiя. Такъ первая сатира (къ уму своему) есть подражанiе сатирѣ Боало: «A son ésprit»; а вторая (объ истинномъ благородствѣ) — подражанiе 8-ой сатирѣ Ювенала, или 5-ой Боало, который также подражалъ Ювеналу. Оба элемента: нацiональный (по содержанiю) и подражательный (по формѣ изложенiя) указаны самимъ авторомъ въ предисловiи, гдѣ говорится, что онъ послѣдовалъ наиболѣе «Горацiю и Боало, отъ которыхъ много занялъ, къ нашимъ обычаямъ присвоивъ», и въ сатирѣ «къ Музѣ своей», гдѣ къ именамъ Боало и Горацiя прибавлены имена Ювенала и Персiя, съ такимъ признанiемъ: «я топчу ихъ слѣды».

Въ литературномъ отношенiи сатиры Кантемира принадлежатъ не къ художественно-лирическимъ произведенiямъ, свидѣтельствующимъ о сильной творческой способности и мощномъ чувствѣ, а къ дидактическимъ стихотворенiямъ умнаго и многообразованнаго человѣка. Онъ не былъ способенъ на рѣзкое обличенiе недостатковъ: онъ сражался съ ними насмѣшкой, часто меткой и остроумной,

и поученіемъ, всегда требовавшимъ образованія и нравственности. Поэтому тонъ его сатиры не карающій, не ювеналовскій, а спокойный и ровный. Она нигдѣ не возвышаетъ голоса, никогда не поддается паѳосу. Это согласовалось и съ характеромъ автора, и съ его ученіемъ о «златой срединѣ вещей», и съ его взглядомъ на сатиру, которая, по словамъ его, имѣетъ цѣлью—«исправленіе нравовъ», а средствомъ къ тому—«осмѣяніе злонравія забавнымъ слогомъ». Онъ былъ убѣжденъ, что враги гражданскихъ успѣховъ «боятся больше посмѣянія, чѣмъ гнѣва» (¹).

§ 9. Въ жизни Тредьяковскаго (Василія Кирилловича, р. 1703, у. 1769) былъ также исключительный случай, сообщившій его дѣятельности отличительную особенность: онъ первый изъ Русскихъ получилъ научно-литературное образованіе во Франціи, и именно въ Парижѣ. Сынъ священника, онъ началъ обучаться, въ мѣстѣ своего рожденія (Астрахани) словеснымъ наукамъ на латинскомъ языкѣ у католическихъ монаховъ Капуцинскаго ордена, поселившихся въ городѣ съ цѣлію пропаганды, въ слѣдъ за армянами, которые получили отъ нашего правительства разныя льготы въ видахъ расширенія торговыхъ сношеній съ востокомъ. Затѣмъ онъ поступилъ (1723) въ московское Заиконоспасское училище (славяно-греко-латинская академія), гдѣ пробылъ два года, до конца риторическаго курса (1725). Неизвѣстно, какимъ образомъ и по какому поводу выбрался онъ отсюда за границу. Самъ онъ объясняетъ этотъ фактъ желаніемъ окончить науки въ «европскихъ» странахъ, особенно въ Парижѣ; но по другому свидѣтельству (истинность котораго, впрочемъ, не доказана) онъ принужденъ былъ бѣжать изъ училища, боясь наказанія за то, что написалъ подложный паспортъ іеродіакону спасскаго монастыря (при которомъ находилось училище и отъ котораго оно получило свое названіе), «приличившемуся» въ воровствѣ. Какъ бы то ни было, а въ 1726 г. Тредьяковскій находился уже въ Голландіи и жилъ у посланника Ивана Гавриловича Головкина, занимаясь французскимъ языкомъ. Слѣдующимъ годомъ (1727) прибылъ въ Парижъ—по его словамъ, «пѣшкомъ, ради крайней бѣдности». Здѣсь принялъ его къ себѣ въ домъ посланникъ кн. Александръ Борисовичъ Куракинъ, въ качествѣ наставника для своего сына Александра. Въ Парижѣ, «при щедромъ содержаніи отъ благодѣтелей»,

---

¹) См. по поводу смирдинскаго изданія «Сочиненій Кантемира» мою статью въ Отеч. Зап. 1848 г., т. LXI, и С. Дудышкина въ Современникѣ 1848, т. XII; «Князь Антіохъ Кантемиръ», В. Стоюнина (Сочиненія кн. А. Д. Кантемира, изд. Глазунова); Исторія Россіи, Соловьева, т. XX, стр. 276—290.

т. е. Куракиныхъ, онъ обучался богословскимъ наукамъ въ Сорбонѣ, а математическимъ и философскимъ въ университетѣ, гдѣ будто бы слушалъ лекціи Роллена (что едва ли справедливо, такъ какъ Ролленъ, заподозрѣнный въ янсенизмѣ, принужденъ былъ, въ 1711 или 1712 г., удалиться на покой). Тредьяковскій былъ въ восторгѣ отъ Франціи и французовъ. Особыми стихами воспѣлъ онъ похвалы Парижу:

Красное мѣсто! драгой берегъ Сенски!
Тебя не лучше поля Елисейски!

Въ Парижѣ, говоритъ онъ, не смѣетъ явиться «деревенскій манеръ», ибо все держитъ себя благородно; этотъ городъ есть жилище, свойственное богамъ и богинямъ:

Кто тя не любитъ? развѣ бъ былъ духъ звѣрски!
А я не могу никогда забыти,
Пока имѣю здѣсь на землѣ быти!

Обработанность французскаго языка прельщаетъ его. Говоря о миѳическомъ изобрѣтателѣ поэзіи, онъ сравниваетъ его стихи съ французскими водевилями. Онъ и самъ писалъ недурные французскіе стихи, въ тогдашнемъ вкусѣ (галантномъ), по примѣру Шолье и Лафара ([1]). Возвратясь въ отечество (1730) послѣ трехлѣтняго пребыванія въ Парижѣ, Тредьяковскій скоро заслужилъ извѣстность вѣрностью и точностью своихъ переводовъ, изъ коихъ первымъ былъ переводъ аллегорическаго романа: «Ѣзда въ островъ любви» ([2]) (1730), содержащій въ себѣ описаніе различныхъ степеней любви къ женскому полу. Въ 1734 г. поступилъ на службу въ Академію Наукъ съ титуломъ секретаря, но безъ назначенія исполнять эту должность: обязанностью его было «вычищать русскій языкъ, сочиняя какъ стихами, такъ и не стихами», и переводить съ французскаго чтò потребуется. Когда призидентъ Академіи Наукъ, баронъ Корфъ, учредилъ при ней (1735) Россій-

1) Совершенно инымъ образомъ относился Ломоносовъ къ французамъ, называя ихъ въ насмѣшку «нѣжными господами», и къ французской поэзіи. «Французы», говоритъ онъ, во всемъ хотятъ натурально поступать, однако почти всегда противно своему намѣренію чинятъ... Пристойнымъ весьма символомъ французскую поэзію нѣкто изобразилъ, представивъ оную на театрѣ подъ видомъ нѣкоторыя женщины, чтò, сугорбившись и раскарячившись, при музыкѣ играющаго на скрыпицѣ Сатира танцуетъ» (Письмо о правилахъ россійскаго стихотворства).

2) Подлинникъ: Le Voyage de l'Jsle d'amour, par. Paul Tallement (1663).

ское Собраніе изъ переводчиковъ, Тредьяковскій открылъ его рѣчью «о чистотѣ россійскаго языка», въ которой высказалъ, что члены (переводчики) должны не только заботиться объ усовершенствованіи природнаго языка, въ стихахъ и прозѣ, но и заняться составленіемъ Грамматики, Риторики, Стихотворной Науки и Словаря. Въ этомъ же собраніи Тредьяковскій предложилъ свой «Новый и краткій способъ къ сложенію россійскихъ стиховъ (1735)», давшій основаніе тонической версификаціи для замѣны несвойственныхъ намъ силлабическихъ виршъ. Профессорство въ Академіи онъ занялъ на перекоръ академической конференціи, не хотѣвшей, по его словамъ, впустить русскаго въ свою «компанію». Получивъ отказъ въ опредѣленіи его профессоромъ «элоквенціи» россійской и латинской, онъ обратился въ синодъ съ просьбой— освидѣтельствовать его въ способности къ преподаванію означенныхъ предметовъ. Синодальные члены выдали ему удовлетворительный аттестатъ, въ силу котораго онъ подалъ въ сенатъ доношеніе съ изложеніемъ въ немъ своихъ правъ на званіе академика. Благодаря предстательству сената и главное — покровительству вице-канцлера, гр. М. Л. Воронцова, Императрица Елисавета пожаловала ему званіе профессора (1745). Передъ вступленіемъ въ эту должность читалъ онъ въ академическомъ собраніи, на латинскомъ языкѣ, «Слово о богатомъ, различномъ, искусномъ и несходственномъ витійствѣ». Лекціи его, несомнѣнно, приносили пользу русскому юношеству; двое изъ его слушателей, Поповскій и Барсовъ, сдѣлались извѣстными литераторами и занимали профессорскія каѳедры въ московскомъ университетѣ. Кромѣ профессуры, онъ имѣлъ много другихъ занятій: сочинялъ разсужденія по предметамъ словесности и исторіи и подавалъ отзывы о чужихъ сочиненіяхъ, переводилъ и поправлялъ переводы другихъ переводчиковъ, участвовалъ въ тогдашнихъ періодическихъ изданіяхъ. Трудолюбіе его было образцовое. Уволенный по прошенію изъ Академіи (1759), онъ до самой смерти не прекращалъ своей учено-литературной дѣятельности, которая, повторяемъ, оказала несомнѣнную пользу русскому образованію. Тредьяковскій заслуживаетъ признательности и за то, что онъ радѣлъ о замѣщеніи профессорскихъ и академическихъ мѣстъ природными русскими. На этомъ пунктѣ онъ сходился съ Ломоносовымъ, хотя и не жилъ съ нимъ въ ладу. Онъ требовалъ, чтобы Академія поступала въ точности по проекту Петра о ея учрежденіи. Получивъ отказъ въ вышесказанной просьбѣ своей, онъ въ доношеніи академической канцеляріи, между прочимъ, пишетъ слѣдующее: «обязан-

ность профессоровъ (академическихъ) не въ томъ состоитъ, чтобы не допускать россійскаго человѣка до профессорской степени, на которой онъ можетъ стоять съ честію, но чтобы только освидѣтельствовать, достоинъ-ли проситель того, чего требуетъ». Отказу придаетъ онъ значеніе отговорки: «хотя бы онъ (*русскій*) былъ и достоинъ профессорства, однако онъ намъ не надобенъ, для того что въ нашу компанію вмѣшается русскій». Когда Таубертъ, адъюнктъ и совѣтникъ Академіи, присутствовавшій въ коммиссіи для сочиненія новаго ея уложенія, представилъ свои предположенія объ улучшеніи состоянія ученаго учрежденія, Тредьяковскій протестовалъ противъ одного параграфа, какъ обиднаго національному самолюбію предпочтенія иноземныхъ ученыхъ русскимъ ихъ сотоварищамъ. Онъ находитъ, что этотъ параграфъ и противенъ естественной правотѣ, по которой каждый любитъ прежде себя самого, а потомъ уже другаго; и обиденъ нынѣшнимъ дѣйствительнымъ россійскимъ членамъ и впредь быть имѣющимъ; и неоснователенъ, потому что дѣлаетъ изъятіе изъ общихъ узаконеній единственно въ предпочтеніе однородцамъ (нѣмцамъ) и въ вѣчное предосужденіе природнымъ русскимъ. Но когда требовалось подать мнѣніе о достоинствѣ или недостаткѣ сочиненій академиковъ, Тредьяковскій не обращалъ вниманія на національность автора: имѣя въ виду единственно научную истину, онъ давалъ отзывъ по своему крайнему разумѣнію, какъ это и видимъ изъ дѣла, возникшаго по поводу рѣчи академика Миллера: «происхожденіе народа и имени россійскаго». Тредьяковскій не нашелъ въ ней никакого предосужденія Россіи.

Сочиненія Тредьяковскаго были долгое время предметомъ односторонней критики, которая обратила его имя въ синонимъ самаго несчастнаго, бездарнѣйшаго писателя. Причина тому понятна. Публика знала Тредьяковскаго только по его стихотвореніямъ; на другіе его труды она не обращала вниманія, да и не могла судить о нихъ. Легко было смѣяться надъ творцемъ «Тилемахиды» и «Деидаміи»; труднѣе было оцѣнить значеніе лекцій этого творца и достоинство его ученыхъ сочиненій по исторіи и словесности. Впрочемъ въ пользу Тредьяковскаго раздавались голоса очень почтенныхъ и авторитетныхъ людей какъ въ его время такъ и въ послѣдствіи—голоса Татищева, Новикова, Радищева, Пушкина. Тѣнь его могла, наконецъ, утѣшиться. Вотъ что говоритъ о немъ Новиковъ: «Сей мужъ былъ великаго разума, многаго ученія, обширнаго знанія и безпримѣрнаго трудолюбія; весьма знающъ въ латинскомъ, греческомъ, французскомъ, италіянскомъ и въ своемъ природномъ языкѣ, также въ философіи, богословіи, красно-

рѣчіи и въ другихъ наукахъ. Не обинуясь къ чести его сказать можно, что онъ первый открылъ въ Россіи путь къ словеснымъ наукамъ, а паче къ стихотворству, при чемъ былъ первый профессоръ, первый стихотворецъ и первый, положившій толико труда и прилежанія въ переводѣ на россійскій языкъ преполезныхъ книгъ» ([1]). По отзыву Пушкина, изученіе Тредьяковскаго приноситъ болѣе пользы, нежели изученіе прочихъ нашихъ старыхъ писателей; Сумароковъ и Херасковъ не стоятъ его ([2]).

Сочиненія Тредьяковскаго двоякаго рода: ученыя и литературныя. Къ сочиненіямъ ученымъ, имѣющимъ предметомъ словесность, относятся: «Способъ къ сложенію россійскихъ стиховъ», «О древнемъ, среднемъ и новомъ россійскомъ стихотвореніи», «О началѣ поэзіи и стихотворства», «Разговоръ объ ореографіи», «Предъизъясненіе объ ироической піимѣ». Всѣ они выказываютъ въ авторѣ большую начитанность и многостороннія знанія.

«Способъ къ сложенію россійскихъ стиховъ (1735)» заключаетъ въ себѣ теорію тоническаго стихосложенія. Оно введено къ намъ Тредьяковскимъ. «Поздравленіе барону Корфу», написанное имъ въ 1734 г., есть первый опытъ русскихъ тоническихъ стиховъ. Тредьяковскій первый сознадъ несвойственность метрической и силлабической просодіи нашему языку. Стихи, построенные по правиламъ греческой и римской версификаціи, называетъ онъ дикими, а вирши, заимствованные у поляковъ — прозаическими строками, или риѳмованной прозой. Русское стихосложеніе, учитъ онъ, должно быть основано на удареніи (тонѣ). Тоническое количество слоговъ есть душа и жизнь нашихъ стихотворныхъ метровъ. Къ этой вѣрной мысли Тредьяковскій пришелъ посредствомъ разбора народныхъ русскихъ пѣсенъ. Вотъ его слова: «Всю силу сего новаго стихотворенія (*т. е. стихосложенія*) взялъ я изъ самыхъ внутренностей свойства, нашему стиху приличнаго... Поэзія нашего простаго народа къ сему меня довела... Всѣ званія, при стихѣ употребляемыя, занялъ я у французской версификаціи, но самое дѣло у самой нашей природной, наидревнѣйшей простыхъ людей поэзіи.... Французской версификаціи я долженъ мѣшкомъ, а старинной россійской поэзіи всѣми тысячью рублями. Франціи я обязанъ за слова, но искреннѣйше благодарю, россіянинъ, Россію за самую вещь». О пригодности «Способа» можно заключать по свидѣтельству одного изъ современниковъ автора: «мы не можемъ

---

[1]) Опытъ истор. словаря о рос. писателяхъ (въ Матеріалахъ для исторіи рус. литературы, изданіе П. Ефремова, 1867).

[2]) Соч. Пушкина, изд. Анненкова, VI, 88.

(пишетъ онъ) достаточно возблагодарить Тредьяковскаго за изданныя имъ правила стихотворства, которыя были руководствомъ въ искусствѣ поэзіи для тѣхъ, кому неизвѣстны иностранные языки, и пособіемъ въ сужденіяхъ о произведеніяхъ вкуса для любителей вообще». Конечно не Тредьяковскому, а Ломоносову принадлежала честь водворенія у насъ топическаго размѣра, но это уже зависѣло отъ недостатка таланта, а не отъ недостатка знанія: иное дѣло теоретически доказать истину нововведенія, а иное—оправдать нововведеніе на практикѣ хорошими образцами, дать читателямъ почувствовать его превосходство, утвердить его господство въ литературѣ. Для послѣдняго у Тредьяковскаго не хватало силъ.

Разсужденіе «о древнемъ, среднемъ и новомъ стихотвореніи россійскомъ (1755)» есть историческій обзоръ трехъ періодовъ нашего стихосложенія: древняго, средняго (съ XVI в.) и новаго, или тоническаго (съ 1735 г.). Къ древнему Тредьяковскій относитъ простонародныя пѣсни; къ среднему—вирши; къ новому—тоническій стихъ, имъ начатый и другими писателями утвержденный. Обзоръ отличается дѣльнымъ изложеніемъ фактовъ и основательными взглядами на свойства разныхъ родовъ стихосложенія.

Въ «Мнѣніи о началѣ поэзіи и стиховъ» замѣчательно развитіе мысли, что поэтъ и стихотворецъ не одно и тоже; что поэзія состоитъ не въ простомъ подражаніи природѣ, а въ творчествѣ; что поэтическій вымыселъ есть не ложь, а разумное представленіе предметовъ, какими они могутъ или долженствуютъ быть. Такимъ разсужденіемъ ясно отличена поэзія отъ стихотворства, художественные вымыслы отъ мѣрной рѣчи, служащей внѣшнимъ ихъ выраженіемъ.

Столь же замѣчательны сужденія о гексаметрѣ, въ «Предъизъясненіи о героической піимѣ», приложенномъ къ его «Тилемахидѣ» (1766), т. е. переводу Фенелонова романа: «Приключенія Телемака». Здѣсь основательно показано превосходство этого, величаво-благороднаго стихотворнаго метра передъ другими, его приличіе эпосу, равно какъ неприличіе ему риѳмы, которая называется «шумихой», «отроческой игрушкой», «дѣтинскою сопелкой». По ученію Тредьяковскаго, гексаметръ—достояніе грековъ и римлянъ—также свойственъ языку русскому; имѣющему свободное, не стѣсняемое опредѣленнымъ порядкомъ словорасположеніе. Природа, говоритъ онъ, даровала славяно-русской рѣчи богатство и сладость языка греческаго, важность и сановитость латинскаго: поэтому неприлично ей обрекать себя добровольно на скудость и ограниченность французскаго. Въ слѣдствіе такого взгляда, «Телемакъ», написанный

прозой, но по характеру разсказа принадлежащій къ эпическимъ повѣствованіямъ, переложенъ гексаметромъ. Эта любовь къ Фенелонову эпосу, по замѣчанію Пушкина, дѣлаетъ переводчику честь, а самый выборъ стиха доказываетъ необыкновенное въ то время чувство изящнаго.

«Разговоръ объ ороографіи (1748)» имѣетъ предметомъ установить русское правописаніе не на словопроизводствѣ, а на словопроизношеніи. Доказательства свои онъ основываетъ на томъ, что каждая буква есть условный знакъ «звона» (членораздѣльнаго звука): слѣд. писать надобно «по звонамъ» (по выговору). Съ этимъ правиломъ «Разговоръ» связываетъ преобразованіе нашего алфавита. Такъ какъ буквы служатъ къ означенію членораздѣльныхъ звуковъ человѣческаго голоса, то русская азбука должна заключать въ себѣ столько знаковъ, сколько находится разныхъ звуковъ въ русскихъ словахъ. Посему, разсмотрѣвъ основательно оба алфавита наши: церковно-славянскій и гражданскій, Тредьяковскій исключаетъ изъ послѣдняго шесть буквъ: *з*, *и*, *щ*, *э*, *ѳ*, *ѵ*, вмѣсто *и* оставляя только *і*, а *з* и *щ* замѣняя знаками *ѕ* (зѣло) и *шч*. Не смотря на ученую обстановку выводовъ и на авторитетъ Квинтиліана, стоявшаго за правописаніе по выговору, Тредьяковскій не достигъ своей цѣли. Причина тому въ шаткости основнаго начала, по которой самъ авторъ невольно отступалъ отъ него, т. е. писалъ многія слова не по выговору, а по принятому обычаю, и тѣмъ заподозривалъ вѣрность своей системы. Произношеніе словъ измѣняется по физіологическимъ и климатическимъ условіямъ: одни и тѣже слова въ разныхъ мѣстностяхъ выговариваются различно; допустивъ выговоръ за основу ороографіи, мы получимъ столько ороографій, сколько областныхъ выговоровъ. Притомъ въ разсужденіяхъ Тредьяковскаго потеряна изъ виду историческая основа нашего правописанія, которое коренится на письменномъ употребленіи языка церковно-славянскаго и до того противится попыткамъ принять всякое другое основаніе, что начертаніе словъ по выговору равнозначительно безграмотности.

Понятіе объ употребленіи языковъ церковно-славянскаго и русскаго, соотвѣтственно различному содержанію сочиненій, выражено Тредьяковскимъ еще въ предисловіи къ книгѣ: «Ѣзда на островъ любви». Славянскимъ языкомъ, говоритъ онъ, надобно писать церковныя книги; для книгъ же гражданскихъ (мірскихъ) нуженъ самый простой, разговорный русскій языкъ. «Языкъ славянскій въ нынѣшнемъ вѣкѣ очень теменъ и многіе его не разумѣютъ; онъ жестокъ моимъ ушамъ слышится, хотя прежде сего не только я имъ писывалъ, но и разговаривалъ, за что прошу

прощенія у всѣхъ, при которыхъ съ моимъ глупословіемъ хотѣлъ себя показывать особымъ славенскимъ рѣчеточцемъ».

Изъ множества переводовъ Тредьяковскаго одни служили руководствомъ къ изученію словесности и исторіи; другіе доставляли чтеніе грамотному классу, не знавшему иностранныхъ языковъ. Наибольшую пользу (по словамъ современника) принесла Боалова «Наука о стихотвореніи и поэзіи»; съ благодарностію и одобреніемъ публика приняла также «Древнюю (10 ч., 1744—62) и Римскую исторію (16 том., 1761—67 г.) Ролленя, въ дополненіе къ которой была переведена «Исторія о римскихъ императорахъ, Кревье и Ролленя» (4 т., 1767—69). Тредьяковскій переложилъ прозой и другой поэтическій кодексъ — «Посланіе Горація къ Пизонамъ». Выше сказано, что вѣрностью и точностью переводовъ онъ скоро пріобрѣлъ себѣ извѣстность, отличаясь отъ другихъ переводчиковъ тѣмъ, что хорошо зналъ не только языкъ, на которомъ написана книга, но и самое ея содержаніе.

Стихотворенія Тредьяковскаго относятся къ разнымъ родамъ поэзіи: онъ писалъ духовныя и похвальныя оды, эпистолы, басни, элегіи и другія лирическія піесы и сочинилъ трагедію: «Деидамія» (нап. 1775). Какъ стихотворецъ, Тредьяковскій является совершенно въ иномъ видѣ, чѣмъ ученый. Не имѣя вовсе творческой способности, онъ наполнялъ свои произведенія уродливыми образами. У него не было даже на столько вкуса, чтобы видѣть неблагообразіе антипоэтическихъ представленій. На внѣшнемъ выраженіи отразилась внутренняя нестройность: стихи его чрезвычайно тяжелы и грубы; прочесть страницу Тилемахиды, выучить изъ нея нѣсколько строкъ вмѣнялось въ наказаніе; удачные стихи, находимые въ этой обширной поэмѣ, почитались какимъ-то чудомъ. Главная тому причина—отсутствіе поэтическаго таланта; второстепенная—тогдашнее состояніе стихотворнаго искусства, не представлявшаго хорошихъ образцовъ. Французскіе стихи того же Тредьяковскаго легки и гладки, потому что языкъ французскій, будучи обработанъ, свободно покорялся требованіямъ версификаціи, да и самая версификація, основанная на количествѣ слоговъ, менѣе затрудняла писателей. Впрочемъ, и въ дѣлѣ стихотворства, Тредьяковскій оказалъ нѣсколько услугъ русской словесности. Мы уже знаемъ, что ему первому принадлежитъ введеніе у насъ тоническихъ размѣровъ. Знаемъ также, что отъ него идетъ начало русскаго гексаметра, хотя этотъ стихъ вышелъ въ Тилемахидѣ до того неуклюжимъ, что послѣ долгое время не рѣшались употреблять его, находя его совершенно несвойственнымъ русскому языку. Только черезъ 50 лѣтъ переводчикъ Иліады, Гнѣдичъ,

рѣшился, какъ онъ выражается, «отвязать отъ позорнаго столба стихъ Гомера и Виргилія, прикованный къ нему Тредьяковскимъ.

Тредьяковскій занимался также исторіей. Замѣчательны его «Три разсужденія о трехъ главнѣйшихъ древностяхъ россійскихъ: о первенствѣ славянскаго языка предъ тевтоническимъ; о первоначаліи Россовъ; о варяго-россахъ славянскаго званія, рода и племени (1773)». Здѣсь онъ впервые, еще до Ломоносова, является поборникомъ славянскаго происхожденія Руси, въ противоположность ученію академиковъ Байера и Миллера о ея происхожденіи скандинавскомъ. По мнѣнію его, Русь—померанскіе ружане, и отечествомъ Рюрика былъ островъ Рюгенъ (на Балтійскомъ морѣ). Выводы разсужденій отличаются научнымъ изложеніемъ. Тредьяковскій приступилъ къ рѣшенію вопроса съ знаніемъ нужныхъ для того условій и съ большою начитанностью, о которой можно судить по ссылкамъ на многія, древнія и новыя, сочиненія. Доказательства его двоякаго рода: историческія свидѣтельства и филологическія сближенія. Послѣднія любопытны натянутымъ, на сходствѣ звуковъ основаннымъ производствомъ иностранныхъ словъ, особенно историческихъ и географическихъ именъ, отъ русскихъ, съ цѣлью доказать первенство нашего языка предъ тевтоническимъ. Вотъ нѣсколько тому примѣровъ: Варяги—предварятели (отъ «варяю»—предваряю), Скиѳы—скиты («скитаться»), Кельты—желты (народъ «свѣтлорусый»), Британія—пристанія (давшая «пристань» кельтамъ), Сибирь—Сивирія или Сиверія (страна, лежащая на «сѣверѣ»), Испанцы или Иберы—уперы («упертые» морями), Германія—Холманія (страна «холмистая») или Ярманія (отъ слова «ярмо»—страна земледѣльческая), Норвегія—Новерхія или Наверхія (лежащая «на-верхъ» къ сѣверу), Италія—Удалія («удаленная» отъ сѣвера) или Выдалія («выдавшаяся» косою въ Средиземное море), и т. п. Подобныя сближенія словесныхъ звуковъ были тогда въ общемъ ходу, при несуществованіи сравнительнаго языкознанія. Байеръ слѣдовалъ такому же пріему въ своихъ толкованіяхъ. «Для насъ», говоритъ С. М. Соловьевъ, «Тредьяковскій имѣетъ значеніе, какъ противникъ Байера и Миллера, основатель ученія, которое съ немногими измѣненіями продолжается до сихъ поръ; если мы сравнимъ изслѣдованія Тредьяковскаго съ изслѣдованіями современныхъ намъ поборниковъ славянскаго происхожденія варяговъ то увидимъ, что у нихъ и методъ одинакій, и выводы тѣже» (1).

---

1) Изданія сочиненій Т—го: 1-ое, въ 2 ч. (1752); 2-ое, Смирдинское, въ 3 ч. (1849); «Избранныя сочиненія, изданныя П. Перевлѣсскимъ. — Жизнеописаніе Тредьяковскаго, во 2 т. Исторіи Академіи Наукъ, П. Пекарскаго, (1873).

§ 10. Изъ мемуаровъ первой половины XVIII в. особеннаго вниманія заслуживаютъ Записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой и Записки Неплюева.

Судьба Натальи Борисовны, дочери графа Бориса Петровича Шереметева и супруги Ивана Алексѣевича Долгорукова, фаворита Петра II, была предметомъ многихъ позднѣйшихъ разсказовъ, которые справедливо видѣли въ ней идеалъ женскаго героизма. Но одни изъ нихъ вредили исторической истинѣ сентиментальной аффектаціей, другіе вымыслами воображенія или прикрасами риторики: и потому не внушаютъ такого сочувствія къ жизни героини, какъ ея собственная повѣсть, простая и вѣрная, чуждая малѣйшихъ притязаній на парадную выставку трагическихъ превратностей. Хотя Записки писаны въ 1767 г., черезъ сорокъ лѣтъ послѣ придворной катастрофы, но память давно прошедшаго до такой степени сохранилась въ нихъ живо, нравственная физіогномія лица, повѣствующаго о своей жизни, выступаетъ въ нихъ съ такою цѣльностью и чистотою, что читателю и на мысль не приходитъ заподозрить хотя на минуту ихъ правдивой, сердечной наивности.

Записки начинаются разсказомъ о жизни Долгорукой въ родительскомъ домѣ и закончены извѣстіемъ о прибытіи ея въ Березовъ, куда она, шестнадцати лѣтъ отъ роду, добровольно отправилась съ своимъ опальнымъ мужемъ и гдѣ провела одиннадцать лѣтъ среди всевозможныхъ лишеній и душевныхъ страданій. Неизвѣстно, почему она остановилась на самомъ интересномъ періодѣ своихъ приключеній. Полагаютъ, что дальнѣйшія событія были слишкомъ тягостны ея сердцу и что она не имѣла силы говорить о тѣхъ новыхъ бѣдахъ, «которыя невозможно было бы перенести смертному, еслибъ не подкрѣпляла его свыше сила Господня». Принявшись за описаніе своей жизни въ то время, когда уже постриглась въ одномъ изъ кіевскихъ монастырей, Долгорукая снисходительно смотритъ на прошлое, далеко отодвинутое назадъ и числомъ лѣтъ, и еще болѣе обѣтомъ забыть все земное. Разсказъ ея не дозволяетъ себѣ ни горькихъ жалобъ на злополучную долю, ни ѣдкихъ упрековъ людямъ. Она сама говоритъ, что «намѣрена свою бѣду писать, а не чужіе пороки обличать». Не могла она, конечно, вполнѣ воздержаться отъ порывовъ скорби, воспоминая людскую несправедливость, особенно измѣну фортуны въ придворныхъ перемѣнахъ: «лучшебъ», восклицаетъ она, «не родиться на свѣтъ тому человѣку, кому назначено на время быть великимъ, а послѣ придти въ несчастіе!» Но главное чувство, покрывающее всѣ иныя чувства—это христіанское, отреченіемъ отъ

міра сдержанное сѣтованіе страдалицы, которою «счастіе довольно поиграло» и которая была счастлива только 26 дней. отъ ея сговора съ Долгорукимъ по кончину Петра II. «За 26 благополучныхъ дней (пишетъ она) я стражду 40 лѣтъ. На каждый счастливый день приходится безъ малаго по два года счастливыхъ; да еще надобно вычесть шесть дней. Можетъ быть, и они дополнятся, если продолжится страдальческая жизнь моя. Кто знаетъ будущее?» Съ честной откровенностью, но безъ всякаго тщеславія, Долгорукая говоритъ о своей любви «къ сострадальцу»: «Во всѣхъ злополучіяхъ я была своему мужу товарищъ, и теперь скажу самую правду, что, будучи во всѣхъ бѣдахъ, никогда не раскаявалась, для чего я пошла за него. Богъ тому свидѣтель: любя мужа своего, сносила, сколько мнѣ можно было; еще и его подкрѣпляла». Нигдѣ не выражаетъ она даже намекомъ, что ея отношенія къ мужу могли бы быть иныя, а не тѣ, которыя прославили ея имя; еще менѣе могла она, зная свое достоинство, умалчивать о немъ ради ложнаго стыда—этого порожденія превратной цивилизаціи. Въ героизмѣ жены она видитъ очень понятную необходимость сердца, влагаемую въ человѣка природой, и вмѣстѣ необходимость долга, предписаннаго закономъ Божіимъ и гражданскимъ. Въ умѣ ея не существовало понятія о разладѣ между этими двумя основами супружеской вѣрности. И потому-то смущало ее поведеніе новыхъ женъ. Въ двухъ-трехъ мѣстахъ Записокъ, говоря о себѣ самой, жившей по старинѣ, не могла она не коснуться сличенія прежнихъ и позднѣйшихъ обычаевъ. Описывая затворническую жизнь свою по смерти матери, она замѣчаетъ: «въ тогдашнее время не такое было обхожденіе: очень примѣчали поступки молодыхъ или знатныхъ дѣвушекъ; тогда нельзя было такъ мыкаться, какъ въ нынѣшній вѣкъ». Совѣтъ родныхъ—отказать жениху, потерявшему значеніе при дворѣ, привелъ ее въ негодованіе. Она отдаетъ свое дѣло на судъ свѣта, какъ бы снова испытывая то самое, что переживала въ первой молодости: «Войдите въ разсужденіе, какая мнѣ это радость и честная ли это совѣсть: когда онъ былъ великъ, такъ я съ удовольствіемъ за него шла, а когда онъ сталъ несчастливъ—отказать ему! Я такому безсовѣстному совѣту согласія дать не могла; и такъ положила свое намѣреніе, отдавъ одному сердце, жить или умереть вмѣстѣ, а другому уже нѣтъ участія въ моей любви. Я не имѣла такой привычки, чтобъ сегодня любить одного, а завтра другаго; въ нынѣшній вѣкъ такая мода, а я доказала свѣту, что я въ любви вѣрна». Этотъ героизмъ женской любви и составляетъ главную идею Записокъ, а наивный, задушевный разсказъ о немъ—ихъ

главное литературное достоинство. По нравственному чувству, въ нихъ разлитому, онѣ должны занимать не послѣднее мѣсто въ избранной библіотекѣ для дѣвицъ, какъ сама героиня заняла мѣсто въ ряду знаменитыхъ россіянокъ.

Записки Неплюева (1693—1773), сенатора и конференцъ-министра въ царствованіе Екатерины II, обнимаютъ всю долголѣтнюю жизнь его. Истый воспитанникъ Петра, проведенный имъ «сквозь огнь и воду», Неплюевъ, вмѣстѣ съ другими даровитыми сторонниками преобразованій, питалъ къ нему горячую, доходившую до обожанія, привязанность. Въ реформѣ онъ видѣлъ новое рожденіе отечества, а въ реформаторѣ—втораго творца его: «на что ни взгляни въ Россіи, все его началомъ имѣетъ, и чтобы впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ». Эта мысль, что Россія единственно Петру обязана своими силами, матеріальными и умственными, лежитъ въ основѣ Записокъ Неплюева. Она долгое время господствовала въ обществѣ, литературѣ и наукѣ. Администраторы, проповѣдники, историки и стихотворцы согласно повторяли ее. При поднесеніи Петру императорскаго титула, канцлеръ гр. Головкинъ сказалъ ему: «твоимъ единымъ руковожденіемъ мы изъ тьмы ничтожества и невѣдѣнія вступили на театръ славы и присоединились къ образованнымъ государствамъ». Ѳеофанъ Прокоповичъ возвеличилъ новую Россію надъ древнею, до-петровскою. Предисловіе къ Запискамъ Крекшина, новогородскаго дворянина, еще громче славословитъ дѣятельность Петра: «Ты воскресилъ Россію полумертвую, воздвигнулъ спящую, изъ малосильной сотворилъ, по своему имени, подобную камню, возведя ее отъ тьмы къ свѣту, отъ незнанія къ знанію, отъ безчестія къ славѣ...Все, что видимъ цвѣтущее и славимое въ Россіи, все сіе заботы, труды и дѣла Петра Великаго.... Отче нашъ, Петръ великій! ты насъ изъ небытія въ бытіе привелъ». Поэты называли Петра полубогомъ или богомъ: «онъ богъ, онъ богъ былъ твой, Россія». Извѣстные стихи въ честь Невтона прилагались къ личности русскаго монарха: Россія была погружена во тьмѣ; Богъ рекъ: да будетъ въ ней свѣтъ—и явился Петръ. Слова: «пробужденіе», «воскресеніе», «пакибытіе», сдѣлались синонимами реформы; ими выражался взглядъ извѣстнаго времени на великій подвигъ преобразователя. Восторженныя похвалы реформѣ не отдѣлялись отъ прославленія обычаевъ и нравовъ ея времени. Воспитанники Петра, проведенные имъ «сквозь огнь и воду», должны были въ началѣ бороться съ до-петровскою Русью; но потомъ, при встрѣчѣ съ порядками и отношеніями, возникшими въ послѣдующіе періоды, эти, нѣкогда новые, дѣятели стали защитниками петровской эпохи. Они думали

по-старому, несогласно съ новымъ образомъ мыслей. Къ числу такихъ стародумовъ принадлежалъ Неплюевъ. Замѣчателенъ отвѣтъ его Екатеринѣ II, когда она соглашалась уволить его отъ службы не прежде, какъ онъ порекомендуетъ ей, вмѣсто себя, человѣка такихъ же достоинствъ: «нѣтъ, государыня, мы Петра Великаго ученики; проведены имъ сквозь огнь и воду; инако воспитывались, инако мыслили и вели себя; а нынѣ инако воспитываются, инако ведутъ себя и инако мыслятъ: я не могу ни за кого, ниже за сына моего, ручаться». Въ словахъ Неплюева рѣзче и опредѣленнѣе обозначено сопоставленіе «прежняго съ нынѣшнимъ», примѣры котораго уже попадались намъ въ Духовной Татищева и Запискахъ Долгорукой.

§ 11. Дѣятельность Академіи наукъ, въ первый періодъ ея существованія, представляетъ нѣкоторые факты, имѣющіе не только ученое, но и литературное значеніе. Мы уже говорили, что въ 1735 г., въ президентство барона Корфа, учреждено было при академіи, для особыхъ занятій языкомъ и словесностью, «Россійское собраніе». Изъ воспитанниковъ академіи «славянскаго рода» пріобрѣлъ достойную извѣстность профессоръ ботаники Крашенинниковъ (1713—55), авторъ любопытнаго и обстоятельнаго описанія Камчатки (нап. 1755), которое онъ сочинилъ, дѣятельно участвуя во второй камчатской экспедиціи, снаряженной въ 1733 году, и которое было тогда же переведено на французскій, нѣмецкій и англійскій языки. Описаніе это, въ научномъ отношеніи, до сихъ поръ сохраняетъ свое достоинство. Языкъ его, равно какъ языкъ и другаго труда Крашенинникова—перевода Курціевой Исторіи Александра Македонскаго (1750),—отличался по тому времени замѣчательной правильностію, чистотою и пріятностью.—Съ 1728 г. Русскія Вѣдомости начавшіяся при Петрѣ I, перешли въ вѣдѣніе академіи. Миллеръ, бывшій въ то время адъюнктомъ, принявъ на себя ихъ редакцію, началъ издавать къ нимъ «Историческія, генеалогическія и географическія примѣчанія», которыя и продолжалъ по 1742 г. Главными предметами статей, какъ показываетъ самое названіе, служили: политическая исторія, генеалогія и географія. Но редакторъ этимъ не ограничивался: онъ сообщалъ свои мнѣнія о древнихъ и среднихъ временахъ, о тогдашнемъ состояніи земель и государствъ, о естествознаніи, исторіи церкви и исторіи просвѣщенія. Такимъ образомъ «Примѣчанія» имѣли въ виду, соединяя полезное съ пріятнымъ, объяснять все то, что въ Вѣдомостяхъ предлагалось какъ извѣстіе, но что, по своему интересу, возбуждало любопытство публики, нуждавшейся въ просвѣщенныхъ и научныхъ понятіяхъ о разныхъ предметахъ. Они при-

носили несомнѣнную пользу публикѣ, сообщая ей полезныя свѣдѣнія, пріучая ее къ разсужденію о всякихъ дѣлахъ. Образцами и вмѣстѣ источниками «Примѣчаній» служили иностранныя періодическія изданія, въ особенности Адиссоновъ «Зритель», выходившій въ 1711—12 г.г. Отсюда заимствованы статьи: «о суевѣріи», «о полезномъ употребленіи времени», «о добромъ нравѣ», и пр. Изъ другаго англійскаго изданія, подъ названіемъ «Опекунъ» (1713), Примѣчанія перевели «Описаніе Сенъ-сирскаго училища» [1].

III. ОТЪ ЛОМОНОСОВА ДО КАРАМЗИНА.

§ 12. Ломоносовъ, Михаилъ Васильевичъ, именемъ котораго обозначается особый періодъ новой русской литературы, родился на дальнемъ сѣверѣ нашего отечества (Архангельской губерніи, Холмогорскаго уѣзда, въ деревнѣ Денисовкѣ), какъ бы въ доказательство того, что появленіе генія, какъ выразился о немъ Шлецеръ, не зависитъ отъ географической широты и долготы мѣста. Родъ его рожденія показывается различно: 1709, 1710 и 1711; по собственной автобіографической запискѣ—1712, а по ревизской сказкѣ даже 1715. До шестнадцати лѣтъ помогалъ онъ въ работахъ своему отцу, крестьянину, промысломъ рыбаку, ходившему на галіотѣ по Двинѣ, Бѣлому морю и Сѣверному океану для рыбныхъ промысловъ и занимавшемуся также перевозкою казенныхъ и частныхъ запасовъ изъ Архангельска въ Пустозерскъ, Соловецкій монастырь, Колу, по берегамъ Лапландіи, на рѣку Мезень. Суровая жизнь благотворно дѣйствовала на юношу: величественныя явленія сѣверной природы давали пищу его любознательности и пробуждали въ немъ поэтическое чувство; труды не дозволяли ему предаваться празднымъ мечтамъ; препятствія и опасности, укрѣпляя его волю, служили къ образованію той «благородной упрямки», съ которою онъ въ послѣдствіи стоялъ за право русскаго человѣка на умственную самостоятельность. Русской грамотѣ выучился онъ у крестьянина и скоро сдѣлался лучшимъ чтецомъ въ приходской церкви. Когда мать его умерла, отецъ женился на другой женѣ, которая не взлюбила своего пасынка. Ломоносовъ воспоминаетъ объ этомъ въ письмѣ къ И. И. Шувалову: «имѣлъ я

---

[1]) Объ ученыхъ сборникахъ и період. изданіяхъ Ак. Н., съ 1726 по 1852, г. Куника (Учен. Зап. Ак. Н. по I и III отд., т. 1, вып. 1).

отца, хотя по натурѣ добраго человѣка, однако въ крайнемъ невѣжествѣ воспитаннаго, и злую и завистливую мачиху, которая всячески старалась произвести гнѣвъ въ отцѣ моемъ, представляя, что я всегда сижу по пустому за книгами. Для того многократно я принужденъ былъ читать и учиться, чему возможно было, въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ, и терпѣть стужу и холодъ». Первыми недуховными книгами, прочтенными Ломоносовымъ, были Славянская Грамматика Смотритскаго, Ариѳметика Магницкаго и Псалтирь, переложенная въ стихи Симеономъ Полоцкимъ. Въ послѣдствіи онъ называлъ эти книги «вратами своей учености».

Страстное желаніе учиться и невозможность удовлетворить ему на родинѣ, а также нелюбовь и наговоры мачихи побудили Ломоносова покинуть домъ отца своего и отправиться въ Москву. Получивъ паспортъ отъ управляющаго въ Холмогорахъ земскими дѣлами и взявъ у одного изъ сосѣдей китаечное полукафтанье и заимообразно три рубля, онъ тайно ушелъ 7 декабря 1730. Прибылъ въ Москву въ январѣ 1731 г. Здѣсь онъ сначала короткое время обучался ариѳметикѣ въ школѣ при Сухаревой башнѣ, затѣмъ былъ принятъ въ Заиконоспасское училище. Вотъ собственный разсказъ его о жизни въ Москвѣ въ письмѣ къ И. И. Шувалову (1753 г.): «Обучаясь въ Спасскихъ школахъ, имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ пресильныя стремленія, которыя въ тогдашнія лѣта почти непреодолѣнную силу имѣли. Съ одной стороны отецъ, никогда дѣтей кромѣ меня не имѣя, говорилъ, что я, будучи одинъ, его оставилъ, оставилъ все довольство (по тамошнему состоянію), которое онъ для меня кровавымъ потомъ нажилъ и которое послѣ его смерти чужіе расхитятъ. Съ другой стороны несказанная бѣдность: имѣя одинъ алтынъ въ день жалованья, нельзя было имѣть на пропитаніе въ день больше, какъ на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и пр. Такимъ образомъ жилъ я пять лѣтъ и наукъ не оставилъ. Съ одной стороны пишутъ, что, зная моего отца достатки, хорошіе тамошніе люди дочерей своихъ за меня выдадутъ, которые и въ мою тамъ бытность предлагали; съ другой стороны школьники малые ребята кричатъ и перстами указываютъ: смотри-де, какой болванъ лѣтъ въ двадцать пришелъ латинѣ учиться»!... Эта любовь къ знанію, пересиливъ всѣ «отвращающія отъ наукъ стремленія», сохранилась въ Ломоносовѣ на всю жизнь. Въ похвальную оду императрицѣ Елисаветѣ, 1747 г., онъ вставилъ извѣстное переложеніе изъ Цицерона: «науки юношей питаютъ». И позднѣе (1752), въ Письмѣ къ Шувалову о пользѣ стекла, онъ выразилъ неизмѣнную преданность наукѣ:

Велика сердцу скорбь лишиться чтенья книгъ:
Скучнѣе вѣчной тьмы, тяжелѣе веригъ!

Въ 1735 г. начальникъ Академіи наукъ баронъ Корфъ вошелъ въ сенатъ съ ходатайствомъ о выборѣ изъ школъ такихъ учащихся, которые, по своимъ познаніямъ, могли бы съ пользою слушать лекціи академическихъ профессоровъ. Въ числѣ двѣнадцати человѣкъ, привезенныхъ въ Петербургъ (1736) изъ Славяно-греко-латинской академіи, находился Ломоносовъ. По совѣту саксонскаго горнаго совѣтника Генкеля послать въ Германію для изученія горнаго дѣла нѣсколько человѣкъ изъ русскихъ, Корфъ назначилъ Ломоносова и двухъ его товарищей, которые и были отправлены (1736) для предварительнаго образованія въ Марбургскій университетъ, славившійся тогда профессоромъ Христіаномъ Вольфомъ. Они должны были заниматься подъ надзоромъ знаменитаго философа. Инструкція предписывала имъ, кромѣ наукъ, изучать языки: латинскій, нѣмецкій и французскій, не оставляя упражненій и въ русскомъ. Въ исполненіе предписаннаго, Ломоносовъ въ 1738 г. послалъ донесеніе на нѣмецкомъ языкѣ о лекціяхъ, которыя онъ посѣщалъ, разсужденіе по предмету физики на латинскомъ и стихотворный переводъ Фенелоновой оды (Уединеніе) на русскомъ. Изъ аттестата, выданнаго Ломоносову въ 1739, видно, что онъ слушалъ у Вольфа математику, физику и философію. Въ томъ же году студенты выѣхали изъ Марбурга и прибыли во Фрейбергъ къ Генкелю для изученія практической металлургіи. Взятіе Минихомъ турецкой крѣпости Хотина дало поводъ Ломоносову написать похвальную оду, тоническимъ размѣромъ, въ которой онъ подражалъ частію одѣ Гюнтера (на миръ Австріи съ Турціею въ 1718 г.), а частію одѣ Буало (на взятіе Намура Людовикомъ XIV въ 1692 г.). Къ одѣ было приложено и «Письмо о правилахъ россійскаго стихотворства». Въ 1740 г., поссорившись съ Генкелемъ, Ломоносовъ уѣхалъ изъ Фрейберга въ Марбургъ, гдѣ женился на Елисаветѣ Цильхъ, дочери члена городской думы и церковнаго старшины. Того же года Академія наукъ, узнавъ отъ Генкеля о затруднительныхъ обстоятельствахъ Ломоносова, положила возвратить его въ Петербургъ. Есть извѣстіе, что, изъ опасенія попасть въ тюрьму за долги, Ломоносовъ рѣшился тайно бѣжать изъ Марбурга въ Голландію и что на дорогѣ въ Дюссельдорфъ онъ встрѣтился съ прусскими вербовщиками, которые, напоивъ его, уговорили вступить въ военную службу и отвели въ крѣпость Везель, откуда онъ ночью спасся бѣгствомъ ([1]).

---

[1]) Случай этотъ послужилъ сюжетомъ для піесы кн. Шаховскаго: «Ломоносовъ, или рекрутъ стихотворецъ (1816)».

Воротился Ломоносовъ въ Петербургъ 1741 г. Въ 1742-мъ получилъ мѣсто адъюнкта химіи, съ жалованьемъ по 360 р. въ годъ, считая въ томъ числѣ квартиру, отопленіе и освѣщеніе. Стѣсненныя обстоятельства препятствовали ему въ теченіи двухъ лѣтъ вызвать къ себѣ изъ Марбурга жену: она пріѣхала въ 1743 г. съ дочерью. Въ 1745 г., за ревностные труды и разныя къ пользѣ и чести Академіи оказанныя услуги, назначенъ профессоромъ химіи, съ жалованьемъ въ 660 руб. Профессорская жизнь Ломоносова представляла съ одной стороны неутомимую ученую и литературную дѣятельность, а съ другой постоянныя заботы объ образованіи русскаго юношества и вообще о распространеніи просвѣщенія въ Россіи: стремясь къ этой послѣдней цѣли, онъ велъ борьбу съ «непріятелями наукъ россійскихъ, которые не давали возрастать свободно насажденію Петра Великаго». Главнымъ непріятелемъ была академическая канцелярія, захватившая въ свои руки управленіе и хозяйственными и учеными дѣлами Академіи, такъ что ученая корпорація академиковъ находилась у нея въ зависимости и не имѣла самостоятельности; другаго непріятеля видѣлъ онъ въ Тепловѣ, написавшемъ, по порученію президента академіи гр. К. Г. Разумовскаго, новый академическій уставъ (1747), который подалъ поводъ ко многимъ несправедливостямъ, такъ какъ имъ была утверждена незаконная власть канцеляріи, мѣшавшая успѣхамъ Академіи; наконецъ къ непріятелямъ принадлежали и вообще тѣ иноземцы, которые, пользуясь разными льготами и преимуществами въ Россіи, не только относились равнодушно къ ея пользамъ, но даже выказывали высокомѣрное презрѣніе къ русскимъ и всегда и всюду давали чувствовать свое превосходство. На такихъ людей Ломоносовъ смотрѣлъ какъ на своихъ личныхъ враговъ и велъ съ ними борьбу съ увлеченіемъ и запальчивостью, которыхъ не могли истребить ни лѣта, ни стороннія соображенія. О трудолюбіи Ломоносова можно судить по письму его къ И. Шувалову (1753 г.): «Кто по своей профессіи читаетъ лекціи, дѣлаетъ опыты новые, говоритъ публично рѣчи и диссертаціи (на академическихъ актахъ), и внѣ оной сочиняетъ разные стихи и проэкты къ торжественнымъ изъявленіямъ радости, составляетъ правила къ краснорѣчію на своемъ языкѣ и исторію своего отечества, отъ того я ничего больше требовать не имѣю». Позднѣе (1762), въ прошеніи на Высочайшее имя откровенно поставлялъ онъ на видъ свои заслуги: «Состоя на службѣ тридцать одинъ годъ, обращался я въ наукахъ со всякимъ возможнымъ раченіемъ и въ нихъ пріобрѣлъ такое знаніе, что, по свидѣтельству разныхъ академій и великихъ ученыхъ людей, принесъ ими

(пишетъ онъ) достаточно возблагодарить Тредьяковскаго за изданныя имъ правила стихотворства, которыя были руководствомъ въ искусствѣ поэзіи для тѣхъ, кому неизвѣстны иностранные языки, и пособіемъ въ сужденіяхъ о произведеніяхъ вкуса для любителей вообще». Конечно не Тредьяковскому, а Ломоносову принадлежала честь водворенія у насъ тоническаго размѣра, но это уже зависѣло отъ недостатка таланта, а не отъ недостатка знанія: иное дѣло теоретически доказать истину нововведенія, а иное—оправдать нововведеніе на практикѣ хорошими образцами, дать читателямъ почувствовать его превосходство, утвердить его господство въ литературѣ. Для послѣдняго у Тредьяковскаго не хватало силъ.

Разсужденіе «о древнемъ, среднемъ и новомъ стихотвореніи россійскомъ (1755)» есть историческій обзоръ трехъ періодовъ нашего стихосложенія: древняго, средняго (съ XVI в.) и новаго, или тоническаго (съ 1735 г.). Къ древнему Тредьяковскій относитъ простонародныя пѣсни; къ среднему—вирши; къ новому—тоническій стихъ, имъ начатый и другими писателями утвержденный. Обзоръ отличается дѣльнымъ изложеніемъ фактовъ и основательными взглядами на свойства разныхъ родовъ стихосложенія.

Въ «Мнѣніи о началѣ поэзіи и стиховъ» замѣчательно развитіе мысли, что поэтъ и стихотворецъ не одно и тоже; что поэзія состоитъ не въ простомъ подражаніи природѣ, а въ творчествѣ; что поэтическій вымыселъ есть не ложь, а разумное представленіе предметовъ, какими они могутъ или долженствуютъ быть. Такимъ разсужденіемъ ясно отличена поэзія отъ стихотворства, художественные вымыслы отъ мѣрной рѣчи, служащей внѣшнимъ ихъ выраженіемъ.

Столь же замѣчательны сужденія о гексаметрѣ, въ «Предъизъясненіи о героической піимѣ», приложенномъ къ его «Тилемахидѣ» (1766), т. е. переводу Фенелонова романа: «Приключенія Телемака». Здѣсь основательно показано превосходство этого, величаво-благороднаго стихотворнаго метра передъ другими, его приличіе эпосу, равно какъ неприличіе ему риемы, которая называется «шумихой», «отроческой игрушкой», «дѣтинскою сопелкой». По ученію Тредьяковскаго, гексаметръ—достояніе грековъ и римлянъ—также свойственъ языку русскому; имѣющему свободное, не стѣсняемое опредѣленнымъ порядкомъ словорасположеніе. Природа, говоритъ онъ, даровала славяно-русской рѣчи богатство и сладость языка греческаго, важность и сановитость латинскаго: поэтому неприлично ей обрекать себя добровольно на скудость и ограниченность французскаго. Въ слѣдствіе такого взгляда, «Телемакъ», написанный

прозой, но по характеру разсказа принадлежащій къ эпическимъ повѣствованіямъ, переложенъ гексаметромъ. Эта любовь къ Фенелонову эпосу, по замѣчанію Пушкина, дѣлаетъ переводчику честь, а самый выборъ стиха доказываетъ необыкновенное въ то время чувство изящнаго.

«Разговоръ объ ороографіи (1748)» имѣетъ предметомъ установить русское правописаніе не на словопроизводствѣ, а на словопроизношеніи. Доказательства свои онъ основываетъ на томъ, что каждая буква есть условный знакъ «звона» (членораздѣльнаго звука): слѣд. писать надобно «по звонамъ» (по выговору). Съ этимъ правиломъ «Разговоръ» связываетъ преобразованіе нашего алфавита. Такъ какъ буквы служатъ къ означенію членораздѣльныхъ звуковъ человѣческаго голоса, то русская азбука должна заключать въ себѣ столько знаковъ, сколько находится разныхъ звуковъ въ русскихъ словахъ. Посему, разсмотрѣвъ основательно оба алфавита наши: церковно-славянскій и гражданскій, Тредьяковскій исключаетъ изъ послѣдняго шесть буквъ: *з*, *и*, *щ*, *э*, *ө*, *ѵ*, вмѣсто *и* оставляя только *і*, а *з* и *щ* замѣняя знаками *ѕ* (зѣло) и *шч*. Не смотря на ученую обстановку выводовъ и на авторитетъ Квинтиліана, стоявшаго за правописаніе по выговору, Тредьяковскій не достигъ своей цѣли. Причина тому въ шаткости основнаго начала, по которой самъ авторъ невольно отступалъ отъ него, т. е. писалъ многія слова не по выговору, а по принятому обычаю, и тѣмъ заподозривалъ вѣрность своей системы. Произношеніе словъ измѣняется по физіологическимъ и климатическимъ условіямъ: одни и тѣже слова въ разныхъ мѣстностяхъ выговариваются различно; допустивъ выговоръ за основу ороографіи, мы получимъ столько ороографій, сколько областныхъ выговоровъ. Притомъ въ разсужденіяхъ Тредьяковскаго потеряна изъ виду историческая основа нашего правописанія, которое коренится на письменномъ употребленіи языка церковно-славянскаго и до того противится попыткамъ принять всякое другое основаніе, что начертаніе словъ по выговору равнозначительно безграмотности.

Понятіе объ употребленіи языковъ церковно-славянскаго и русскаго, соотвѣтственно различному содержанію сочиненій, выражено Тредьяковскимъ еще въ предисловіи къ книгѣ: «Ѣзда на островъ любви». Славянскимъ языкомъ, говоритъ онъ, надобно писать церковныя книги; для книгъ же гражданскихъ (мірскихъ) нуженъ самый простой, разговорный русскій языкъ. «Языкъ славянскій въ нынѣшнемъ вѣкѣ очень теменъ и многіе его не разумѣютъ; онъ жестокъ моимъ ушамъ слышится, хотя прежде сего не только я имъ писывалъ, но и разговаривалъ, за что прошу

былъ не только ревностнымъ сподвижникомъ просвѣщенія и патріотомъ, но и замѣчательнымъ характеромъ. Въ то время, когда общественное положеніе и ученаго, и литератора было незавидно, онъ держалъ себя благородно и мужественно: никто не могъ бы безнаказанно оскорбить его какъ человѣка. Онъ умѣлъ, говоритъ Пушкинъ, за себя постоять и не дорожилъ ни покровительствомъ своихъ меценатовъ, ни своимъ благосостояніемъ, когда дѣло шло о его чести, или о торжествѣ его любимыхъ идей. Вотъ что писалъ онъ къ Шувалову (1761), когда этотъ, ради шутки, вздумалъ было мирить его съ Сумароковымъ, — такимъ человѣкомъ, который «ничего другаго не говоритъ, какъ только всѣхъ бранитъ, себя хвалитъ и бѣдное свое риѳмичество выше всего человѣческаго знанія ставитъ» (1): «не токмо у стола знатныхъ господъ или у какихъ земныхъ владѣтелей дуракомъ быть не хочу, но ниже у самого Господа Бога, который далъ мнѣ смыслъ, пока развѣ отниметъ». Не всегда, конечно, Ломоносовъ былъ правъ въ борьбѣ съ тѣми или другими лицами, но въ своихъ обличеніяхъ и полемикѣ онъ всегда имѣлъ высокія побужденія: любовь къ наукѣ и къ просвѣщенію согражданъ. Онъ не могъ молчать при видѣ злоупотребленій академической канцеляріи: «Я бы охотно молчалъ и жилъ въ покоѣ (писалъ онъ къ Теплову, 1761 г.), да боюсь наказанія отъ правосудія и всемогущаго Промысла, который не лишилъ меня дарованія и прилежанія въ ученіи, далъ терпѣніе и благородную упрямку и смѣлость къ преодолѣнію всѣхъ препятствій къ распространенію наукъ въ отечествѣ, что мнѣ всего дороже.... За общую пользу, а особливо за утвержденіе наукъ въ отечествѣ, и противъ отца своего роднаго возстать за грѣхъ не ставлю.... Я къ сему себя посвятилъ, чтобъ до гроба моего съ непріятелями наукъ россійскихъ бороться, какъ уже борюсь двадцать лѣтъ: стоялъ за нихъ смолода, на старость не покину» (2).

Въ исторіи русскаго просвѣщенія имя Ломоносова стоитъ какъ имя перваго у насъ представителя европейской науки, перваго ученаго, въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово понималось на западѣ. Кантемиръ, при всѣхъ своихъ разнообразныхъ знаніяхъ, не былъ ученымъ по профессіи; ученіе Тредьяковскаго при всемъ его трудолюбіи не имѣло ни опредѣленной системы, ни твердаго закала. Напротивъ, Ломоносовъ, при необыкновенныхъ дарованіяхъ, при страстной любви къ ученію и твердой волѣ къ дости-

1) Слова Ломоносова.

2) Указанное жизнеописаніе Л—ва, въ Исторіи Академіи Наукъ, П. Пекарскаго, т. 2.

женію предположенныхъ цѣлей, получилъ высшее, университетское образованіе, которое одно доставляетъ способы не только основательно усвоивать научныя знанія, но и расширять ихъ предѣлы новыми изслѣдованіями. «Между Петромъ I и Екатериною II (говоритъ Пушкинъ) Ломоносовъ одинъ является самобытнымъ сподвижникомъ просвѣщенія: онъ былъ первымъ нашимъ университетомъ», какъ бы совмѣщая въ своемъ лицѣ два факультета: наукъ естественныхъ и наукъ словесныхъ. Главнымъ предметомъ его занятій были химія и физика; вообще онъ имѣлъ бо́льшую наклонность къ естествознанію, чѣмъ къ наукамъ словеснымъ, но и въ этихъ послѣднихъ совершено имъ многое, что сдѣлало имя его незабвеннымъ и съ давняго времени заслужило ему имя «отца россійской словесности»: онъ дѣйствовалъ на ихъ пользу теоретичести и практически — учеными сочиненіями и литературными образцами. Поэтому новый періодъ русской словесности собственно начинается съ Ломоносова, ибо въ искусствѣ недостаточно одной доктрины, хотя бы она отличалась полною истинностью: нужно оправдать ее примѣрами, которые дали бы не только знать, но и почувствовать читателю, что новое дѣйствительно лучше прежняго. Предшественники Ломоносова не имѣли для этого достаточныхъ средствъ.

Литературная дѣятельность Ломоносова выразилась въ его стихотвореніяхъ и двухъ похвальныхъ словахъ: Петру I и Елисаветѣ. Онъ писалъ во всѣхъ родахъ стихотворства: лирическомъ, эпическомъ и драматическомъ, но преимущественно извѣстенъ, какъ авторъ одъ. Характеръ его лирики, равно какъ двухъ трагедій: «Тамира и Селимъ» и «Демофонтъ» и двухъ пѣсенъ поэмы «Петръ Великій»—ложноклассическій, надолго имъ укрѣпленный за нашей поэзіей.

Ложный классицизмъ (псевдоклассицизмъ), названный такъ въ отличіе отъ истиннаго, античнаго (греко-римскаго) классицизма, называется еще иногда классицизмомъ «французскимъ», по высшему, блистательному его развитію во Франціи, откуда онъ проникъ и въ другія страны, такъ что литература каждой изъ нихъ болѣе или менѣе долгое время состояла подъ его вліяніемъ. Онъ появился у французовъ въ эпоху возрожденія, со второй половины XVI в., какъ результатъ знакомства съ наукой и литературой древнихъ народовъ, въ особенности грековъ. Ихъ поэтическія творенія, по своему художественному совершенству, поставлены были за образецъ и для поэтическаго творчества новаго, христіанскаго міра. Памятники собственной, національной литературы были отвергнуты

*

и забыты, какъ грубыя произведенія среднихъ вѣковъ, недостойныя подражанія. Но при этомъ увлеченіи образцами чуждой поэзіи, остался нерѣшеннымъ вопросъ: что значитъ подражать въ искусствѣ? Подражать поэзіи древнихъ значитъ заимствовать изъ нея общечеловѣческія понятія и чувства, а не то, что̀ въ древности было исключительно національнымъ и что не допускаетъ никакого соглашенія съ духомъ ново-христіанскихъ народовъ. Этотъ общечеловѣческій элементъ, нашедшій себѣ художественное выраженіе въ твореніяхъ древности, соотвѣтственно умственному и нравственному состоянію того времени и характеру національности, можетъ восприниматься и обработываться новымъ художникомъ, но уже по требованіямъ своего времени, согласно съ характеромъ своего народа, съ воззрѣніями христіанскаго міра, отличными отъ воззрѣній міра языческаго. Матеріалъ—одинъ и тотъ же, но представленіе его выйдетъ иное. Не въ такомъ смыслѣ было понято въ XVI в. подражаніе древнимъ. Оно состояло, такъ сказать, въ буквальномъ перенесеніи поэтическаго достоянія грековъ и римлянъ въ поэзію новыхъ народовъ. Слова Буало о Ронсарѣ († 1585), главномъ дѣятелѣ при образованіи псевдоклассицизма, что «муза его говорила на французскомъ языкѣ по-гречески и по-латыни», характеризуетъ не только языкъ подражательныхъ произведеній XVI-го столѣтія, въ который вводились греческія и латинскія слова, но и весь строй ихъ: содержаніе новаго міра облекалось въ античную форму, или на оборотъ античный сюжетъ являлся въ новой формѣ. Такимъ образомъ возникло, развилось и утвердилось насильственное сочетаніе разнокачественныхъ предметовъ, что и послужило причиной неправдоподобныхъ изображеній дѣйствительности, которая являлась не въ настоящемъ своемъ видѣ, освѣщалась ложнымъ свѣтомъ, проникалась несвойственнымъ ей духомъ. Поэзія не была уже воспроизведеніемъ жизни, потому что теряла главную свою основу—истинность.

Образецъ похвальной лирики псевдоклассики взяли у Пиндара и перенесли изъ его одъ поэтическій матеріалъ въ свои произведенія того же рода. Главной статьей этого матеріала была миѳологія. Что для древнихъ составляло систему религіозныхъ вѣрованій и представленій, то для стихотворцевъ христіанскаго міра обратилось въ безжизненный, механическій приборъ, который они и употребляли въ дѣло безъ всякаго сочувственнаго отношенія къ богамъ и богинямъ, не вѣруя въ ихъ существованіе, а часто и не понимая ихъ значенія. Если бы они пользовались этимъ миѳологическимъ элементомъ, какъ простымъ сравненіемъ, введеннымъ для бо̀льшей наглядности и понятнымъ каждому образован-

ному человѣку, умѣстность его не подлежала бы сомнѣнію. Такъ Пушкинъ, описавъ наводненіе 1824 г. (въ Петербургѣ), прибавилъ:

> И всплылъ Петрополь, *какъ Тритонъ*,
> По поясъ въ воду погруженъ.

Но въ слѣдующей строфѣ оды Ломоносова Елисаветѣ (1747 г.):

> И се Минерва ударяетъ
> Въ верхи Рифейски копіемъ,
> Сребро и злато истекаетъ
> Во всемъ наслѣдіи твоемъ.
> Плутонъ (1) въ разсѣлинахъ мятется,
> Что Россамъ въ руки предается
> Драгой его металлъ изъ горъ,
> Который тамъ натура скрыла;
> Отъ блеску дневнаго свѣтила
> Онъ мрачный отвращаетъ взоръ,

языческія божества выступаютъ уже съ своими аттрибутами и чудодѣйственными силами, которыхъ за ними не признаетъ ни самъ авторъ, ни читатели и которыя поэтому служатъ только безжизненной прикрасой, доказывая неискренность одушевленія. Подобное тому находится и въ благодарственной одѣ Елисаветѣ (1750): нимфа (олицетвореніе рѣки Славянки) въ девяти строфахъ разсказываетъ Невѣ о преобразованіи Царскаго Села, объ украшеніи его садами и разными произведеніями искусствъ. Ода есть лирика сильнаго одушевленія, возбуждаемаго великими міровыми силами и явленіями. Восторженное чувство выражается образами, въ которыхъ поэтъ видитъ соотвѣтствіе съ предметомъ, его произведшимъ. Заимствуются эти образы изъ окружающей поэта дѣйствительности, который при ихъ выборѣ руководствуется современнымъ ему понятіемъ о томъ, что̀ истинно велико. Мѣриломъ истиннаго величія не могутъ служить миѳологическіе образы, ничего намъ не говорящіе и ничего не внушающіе. У Пиндара миѳъ составлялъ часть сюжета. Легендарные разсказы находились въ исторической связи съ темою стихотворенія: они напоминали героевъ, бывшихъ главою семьи побѣдителя или главою государства, къ которому онъ принадлежалъ. При томъ, во времена Пиндара, греки питали живую вѣру въ героическій міръ, да и самъ поэтъ твердо держался своихъ религіозныхъ воззрѣній.

Свойства пиндарической оды, какъ разумѣла ея французская піитика, изложены Буало въ «Наукѣ о стихотворствѣ» и въ «Разсужденіи объ одѣ». Это изложеніе въ послѣдствіи было развито

---

[1]) По ошибкѣ вм. Плутуса, бога богатства.

подробнѣе. Теоретики хотѣли начертать точный путь изліянію одушевленнаго чувства: опредѣляли, изъ скольких частей должна состоять ода, съ чего ее начинать, чѣмъ оканчивать. Ей слѣдовало имѣть приступъ, предложеніе, отступленіе, пареніе, названное «лирическимъ безпорядкомъ». Ученіе о послѣднемъ всего больше доказываетъ, что сущность оды не была понята настоящимъ образомъ. Въ одѣ господствуетъ сила одушевленія и смѣлый полетъ фантазіи, которая не рисуетъ образы съ эпическою отчетливостью, а переходитъ отъ одного изъ нихъ къ другому; эти переходы или скачки представляютъ только кажущійся безпорядокъ, на самомъ же дѣлѣ они подчиняются единству вдохновенной мысли. Ошибка псевдоклассическихъ одъ въ томъ и заключалась, что вмѣсто этого подчиненія являлись у нихъ намѣренные разрывы содержанія, что переходы отъ одного образа къ другому — искуственные, а не естественные сообразно развитію чувства — обозначались большею частію фигурами вопрошенія и восклицанія: «но что я зрю?» «какое зрѣлище предстало!» и т. п. Короче, являлась риторическая величавость или напыщенность вмѣсто поэтическаго одушевленія.

Но если, принадлежа по формѣ къ ложноклассическому направленію лирики, похвальныя оды Ломоносова не были одобрены Пушкинымъ, который назвалъ ихъ «утомительными и надутыми», то по жизненному своему содержанію онѣ представляютъ несомнѣнно большія достоинства. Этимъ содержаніемъ неизмѣнно служатъ тѣ мысли и желанія автора, объ исполненіи которыхъ онъ всю жизнь мечталъ и заботился. Существенный интересъ для него—наука; задушевная дума его—насажденіе и развитіе наукъ въ отечествѣ. Въ своихъ одахъ онъ всего болѣе раскрываетъ пользу просвѣщенія для Россіи и восхваляетъ тѣ лица, которымъ оно одолжено своимъ успѣхомъ. Петръ I, Елисавета и наука — таковы постоянные предметы ихъ похвалъ: Петръ I потому, что положилъ начало русскому просвѣщенію; Елисавета потому, что продолжаетъ дѣло, начатое Петромъ, но задержанное при Петрѣ II и Аннѣ Іоанновнѣ; наука потому, что она даетъ средства къ внѣшнему и внутреннему благосостоянію страны, къ раскрытію природныхъ дарованій русскаго народа, способнаго производить такихъ же ученыхъ, какихъ вызываетъ къ себѣ изъ чужихъ странъ. Всѣ три предмета (Петръ I, Елисавета и наука) нераздѣльны въ умственномъ представленіи лирика: нераздѣльно и стихотворное ихъ чествованіе. Ода 1747 г., начинающаяся описаніемъ «тишины, ограды царей и царствъ», изображаетъ благодатныя слѣдствія мира, какъ питателя наукъ; она высказываетъ желаніе, чтобы науки изслѣдовали наше обшир-

ное отечество, богатое произведеніями всякаго рода, и дали ему способы найти у себя все, что получается изъ отдаленныхъ странъ. Ода 1750 г. (благодарственная за награду, полученную Ломоносовымъ отъ императрицы) также раскрываетъ пользу наукъ для Россіи: механики, химіи, метеорологіи. Въ нихъ говоритъ искреннее чувство ученаго, не затемняемое покушеніемъ на лесть. Похвалы Петру и его дочери воздаются за ихъ дѣятельность на пользу науки. Величіе Петра есть для Ломоносова величіе образователя Россіи: «онъ просвѣтилъ насъ и сталъ великъ черезъ науки»; слава Елисаветы есть слава государыни, продолжающей дѣло образованія.

Духовныя оды Ломоносова почерпали свое содержаніе или изъ библейскихъ книгъ или изъ области естествознанія. Сюда относятся: переложеніе псалмовъ и нѣкоторыхъ мѣстъ изъ книги Іова, два Размышленія (утреннее и вечернее) о Божіемъ величествѣ. Въ нихъ есть превосходныя мѣста, свидѣтельствующія о силѣ чувства и воображенія. Но эти мѣста внушены научными изслѣдованіями, суть плодъ сознательнаго одушевленія тѣми истинами, которыя добываетъ пытливый умъ. Въ ученомъ сказывается поэтъ, и на оборотъ: поэтъ обличаетъ въ себѣ ученаго. «Размышленіе о Божіемъ величествѣ по случаю сѣвернаго сіянія» есть лучшая ода Ломоносова потому, что въ ней поэтическія представленія имѣли своей основой естествознаніе; величіе Творца сознано посредствомъ научнаго знакомства съ величіемъ природы, какъ Его творенія. Связь между натуралистомъ и поэтомъ въ лицѣ Ломоносова видна еще изъ того, что въ «Словѣ о явленіяхъ воздушныхъ, отъ электричества происходящихъ», онъ ссылается на «Вечернее размышленіе», какъ на доказательство, что мнѣніе о сѣверномъ сіяніи уже давно было имъ составлено. Да и самое названіе оды «Размышленіемъ» даетъ знать, что картина сѣвернаго сіянія, равно какъ и чувства ею возбужденныя, имѣли своимъ источникомъ научное знаніе. Первая строфа «Размышленія» описываетъ наступившую ночь, въ которой всего болѣе изумляетъ стихотворца звѣздное небо: мысль его цѣпенѣетъ и теряется отъ безчисленности звѣздъ, отъ небесной бездны, не имѣющей дна (2-ая строфа). Что такое эти звѣзды? какъ думаютъ о томъ премудрые (ученые)? Каждая звѣзда есть солнце, образующее съ своей системой (планетами и ихъ спутниками) особый міръ; въ этомъ мірѣ живутъ народы, совершается теченіе времени (кругъ вѣковъ); одни и тѣже законы управляютъ однимъ и тѣмъ же естествомъ:

Для общей славы Божества
Тамъ равна сила естества.

Отъ мірозданія Ломоносовъ переходитъ къ отдѣльному явленію, видя въ немъ какъ бы нарушеніе неизмѣннаго міроваго строя:

Но гдѣ жъ, натура, твой законъ?
Съ полночныхъ странъ встаетъ заря (1)!
Не солнце ль ставитъ тамъ свой тронъ?
Не льдисты ль мещутъ огнь моря?
Се хладный пламень насъ покрылъ!
Се въ нощь на землю день вступилъ!

Любознательный авторъ снова обращается къ ученымъ, знающимъ «пути всѣхъ планетъ», и проситъ ихъ объяснить происхожденіе сѣвернаго сіянія (5 стр.), а въ слѣдующихъ за тѣмъ двухъ строфахъ (6 и 7) исчисляетъ существовавшія въ то время гипотезы о причинѣ этого явленія, которое поражало автора еще въ дѣтствѣ и изслѣдованіемъ котораго занимался онъ потомъ, какъ ученый. Послѣдняя строфа (8-ая) заключается мыслью, указанною въ заглавіи стихотворенія—мыслью о величествѣ Божіемъ, явленномъ въ твореніяхъ.

Изъ другихъ стихотвореній Ломоносова, «Посланіе къ Шувалову о пользѣ стекла (1752)» цѣнилось какъ очень хорошій образецъ такъ называемой дидактической поэзіи. Въ немъ замѣчательно выраженіе глубокой любви къ знанію вообще, къ познанію природы въ частности. Природа, по словамъ автора, была для него матерью. Естественныя науки плѣняли его, независимо отъ пользы и самостоятельнаго значенія, своею поэтическою стороною. Грозные и величественные предметы видимаго міра: громъ, огонь, происхожденіе свѣта, зарожденіе металловъ въ нѣдрахъ земли и т. п. обращаютъ на себя особенное вниманіе его пытливаго ума. Кромѣ того, «Посланіе» изображаетъ алчность, свирѣпость и фанатизмъ испанцевъ при завоеваніи Перу и Мексики, и кромѣ того разъясняетъ понятіе объ отношеніяхъ науки къ религіи, въ отпоръ безсмысленнымъ толкамъ лицемѣровъ и слабоумныхъ:

Вели всегдашню брань съ наукой *лицемѣры*:
Дабы она, открывъ величество небесъ
И разность дивную невѣдомыхъ чудесъ,
Не показала всѣмъ, что непостижна сила
Единаго Творца весь міръ сей сотворила;
Что Марсъ, Нептунъ, Зевесъ, все сонмище боговъ
Не стоятъ тучныхъ жертвъ, ниже подъ жертву дровъ;

---

[1]) Сѣверное сіяніе—aurora borealis (сѣверная, иначе полночная, заря).

Что агнцевъ и воловъ жрецы ѣдятъ напрасно....
Сіе одно, сіе казалось быть опасно:
Оттолѣ землю всѣ считали посредѣ [1].
. . . .
Что можетъ смертнымъ быть ужаснѣе удара,
Съ которымъ молнія изъ облакъ блещетъ яра?
Услышавъ въ темнотѣ внезапный трескъ и шумъ
И видя быстрый блескъ, мятется *слабый умъ*;
Отъ гнѣвнаго часа желаетъ гдѣ бъ укрыться;
Причины онаго изслѣдовать страшится;
Дабы истолковать, что̀ молнія и громъ,
Такія мысли всѣ считаетъ онъ грѣхомъ.
На бичъ, онъ говоритъ, я посмотрѣть не смѣю,
Когда грозитъ Отецъ намъ яростью своею.—
Но какъ Онъ насъ казнитъ, поднявъ въ пучинѣ валъ,
То грѣхъ ли то сказать, что вѣтромъ онъ нагналъ?
Когда въ Египтѣ хлѣбъ довольный не родился,
То грѣхъ ли то сказать, что Нилъ тамъ не разлился?
Подобно надлежитъ о громѣ разсуждать.

Испытаніе природы, напротивъ, ведетъ человѣка къ познанію всемогущества Божія и въ великомъ и маломъ, что и выражено слѣдующими двумя стихами эпистолы:

Великъ Создатель нашъ въ огромности чудесной!
Великъ въ строеніи червей—скудели тѣсной!

Отношеніе религіи къ наукѣ опредѣленнѣе изложено въ «Словѣ о происхожденіи свѣта» слѣдующими словами: «испытаніе натуры трудно, однако *пріятно*, *полезно*, *свято*».

а) Прежде всего Ломоносовъ заботился о примѣненіи науки къ потребностямъ матеріальнаго быта: «испытаніе природы полезно». Знаніе, отрѣшенное отъ жизни, не удовлетворяло его: онъ хотѣлъ, чтобы наука была не отвлеченностью, а орудіемъ несомнѣнныхъ выгодъ. Практическая сторона его дѣятельности выразилась многими сочиненіями, которыя онъ предлагалъ, какъ средства къ возвышенію народнаго благосостоянія — къ сохраненію здоровья и жизни, къ обезпеченію прибытковъ, къ обильнѣйшему добыванію нужныхъ вещей. Важнѣйшее изъ этихъ сочиненій—«Письмо къ И. И. Шувалову о размноженіи и сохраненіи россійскаго народа». Ломоносовъ завелъ фабрику для дѣланія разноцвѣтныхъ стеколъ; самъ занимался мозаикой и образованіемъ мастеровъ мозаичной работы, самъ вызвался учить молодыхъ людей пробирному искус-

[1]) Т. е. не хотѣли признать, что солнце есть центръ, вокругъ котораго обращаются земля и другія планеты.

ству. Посвящая свое время ученымъ изслѣдованіямъ, какъ дѣятельный академикъ, онъ въ тоже время подаетъ мнѣнія о лучшемъ устройствѣ академіи; читая лекціи, какъ профессоръ, пишетъ проэктъ основанія университета; выбранный въ члены академіи художествъ, произноситъ рѣчь о связи между искусствомъ и наукой, о приложеніи науки къ искусству. Въ этомъ утилитарномъ взглядѣ на знанія видимъ естественное продолженіе того же взгляда, который образовался въ эпоху реформы. Кромѣ того, съ малолѣтства привыкшій къ дѣятельности, Ломоносовъ, и въ ученомъ санѣ, требовалъ сближенія науки съ жизнію. Самый родъ его занятій укрѣплялъ практическое направленіе учености: естественныя науки не мыслимы безъ опытовъ и наблюденій; онѣ имѣютъ дѣло съ тою областью предметовъ, которая подлежитъ внѣшнимъ чувствамъ, и потому не допускаютъ чисто-отвлеченнаго, созерцательнаго направленія. Выставляя важность науки для улучшеній матеріальнаго быта, Ломоносовъ, подобно Кантемиру, опровергалъ противное тому мнѣніе; но разница между нимъ и Кантемиромъ, въ этомъ отношеніи, значительна: послѣдній только-что «показывалъ» пользу знаній, тогда какъ Ломоносовъ «доказывалъ ее на дѣлѣ»— предложеніемъ самыхъ средствъ обратить умственное достояніе въ вещественный капиталъ и употребленіемъ ихъ на дѣлѣ. Онъ не скрывалъ подъ спудомъ ничего, что могло служить потребностямъ общества. Патріотическое усердіе заставляло его предпринимать труды, которые казались безплодными въ настоящемъ, но отъ которыхъ онъ ожидалъ успѣховъ въ будущемъ, «слѣдуя примѣру рудоискателей, которые иногда безъ всякой вѣроятности сладкою надеждою питаются, и не всегда же тщетно».

б) Кромѣ пользы, Ломоносовъ ставилъ высоко самостоятельное значеніе науки: «испытаніе природы пріятно». Красота знаній въ ихъ собственной сферѣ, независимо отъ практическаго примѣненія, служила для него веселіемъ ума, душевнымъ наслажденіемъ. «Слово о пользѣ химіи» кратко, но ясно выражаетъ это понятіе о наукѣ, какъ о такомъ предметѣ, котораго цѣль заключается въ немъ самомъ, это блаженство ума, которое онъ испытываетъ, находя пищу своимъ любознательнымъ стремленіямъ, и котораго не должно смѣшивать съ другими житейскими благами, доставляемыми знаніемъ.

в) Отношеніе науки къ религіи выражено словами: «испытаніе природы свято». Мысли Ломоносова объ этомъ предметѣ изложены по поводу его наблюденій надъ прохожденіемъ Венеры передъ солнцемъ въ 1761 г. Краткій отчетъ о наблюденіяхъ сопровождается «Прибавленіемъ», написаннымъ съ цѣлію разсѣять возникшіе тогда

суевѣрные толки, вредные общему спокойствію и неблагопріятные наукѣ. Съ одной стороны легковѣрныя, непросвѣщенныя ученіемъ головы смущались пустымъ страхомъ; съ другой—грамотники осуждали занятія астрономіей, находя ихъ противными закону Божію. Ломоносовъ умалчиваетъ о первомъ разрядѣ лицъ, такъ какъ они принадлежали больше къ простонародію; но второй разрядъ состоялъ «изъ чтецовъ писанія и ревнителей православія, которое святое дѣло само по себѣ похвально, если бы иногда своимъ излишествомъ не мѣшало приращенію наукъ»: ихъ-то и имѣетъ въ виду «Прибавленіе», содержаніе котораго дополняется мыслями, разсѣянными во «Второмъ прибавленіи къ Металлургіи» и въ «Посланіи о пользѣ стекла».—Отдаленная причина мнѣнія, по которому испытаніе природы, какъ тайны Божіей, долженствовало быть запрещаемо, восходитъ къ схоластическимъ средневѣковымъ понятіямъ, когда въ изученіи естества видѣли колдовство, чернокнижіе, сношеніе съ бѣсомъ. Намъ извѣстно, что Крижаничъ, не смотря на свое образованіе, относилъ естественныя науки къ «дьявольскимъ ересямъ». Нѣкоторыя открытія, представлявшія противорѣчіе буквальному смыслу библейскихъ книгъ, бросали тѣнь на естествоиспытателей. Мнимое несогласіе между вѣрованіемъ и знаніемъ давало поводъ совершенно отвергать послѣднее, какъ тяжкій грѣхъ. Средневѣковой взглядъ на природу не исчезъ и при Ломоносовѣ, хотя Петръ I старался искоренять всякое суевѣрное предубѣжденіе, которымъ задерживается успѣхъ науки, и хотя еще до реформы Петра въ литературѣ югозападной Руси существовали переводы такихъ книгъ, какова, напр., «Священная ѳеорія земли», Бюрнета, представившая даже опытъ толковать библейскую исторію помощію естествознанія. Ломоносовъ рѣшился съ своей стороны разъяснить взаимное отношеніе науки и религіи. Онъ видитъ тѣсную ихъ связь, тогда какъ другіе полагали между ними вражду. Чѣмъ больше разумъ постигаетъ природу, говоритъ онъ, тѣмъ яснѣе открываетъ всемогущество, величіе и премудрость Мірозданія. Правда (истина) и вѣра суть двѣ родныя сестры, дщери одного всевышняго Родителя, которыя никогда не могутъ приходить въ распрю другъ съ другомъ. Благоразумные обязаны изыскивать способы къ объясненію и отвращенію мнимой вражды между ними, кажущагося междоусобія. Тѣ, кто откровенія естественныхъ наукъ почитаетъ соблазномъ для вѣры, называются, на энергическомъ языкѣ Ломоносова, «ссорщиками, производящими вражду между Божіею дщерію—натурою и невѣстою Христовою—церковью», «полкомъ свирѣпыхъ невѣждъ, которые желали бы приготовить ученымъ казнь Прометея»; «за-

вистниками, прикрывающими себя покровомъ святости», «суевѣрами и слабоумными, боящимися вникать въ таинства природы». Природа служитъ однимъ изъ двухъ способовъ удостовѣряться въ бытіи Бога и Его благодѣяніяхъ; другой способъ—откровеніе. Человѣческому роду, продолжаетъ Ломоносовъ, даны двѣ книги: въ одной Создатель показалъ свое величество, въ другой—свою волю. Первая книга—видимый міръ, Имъ созданный: смотря на огромность, красоту и стройность твореній, человѣкъ признаетъ божественное всемогущество. Вторая книга—Священное Писаніе, возвѣщающее путь ко спасенію. Тамъ физики, математики и астрономы изъясняютъ божественныя дѣйствія, вліянныя въ натуру; здѣсь церковные учители толкуютъ слова богодухновенныхъ пророковъ и апостоловъ. Тамъ открывается храмъ божеской силы и великолѣпія, изыскиваются способы къ временному нашему блаженству, соединенному съ благоговѣніемъ и благодарностью ко Всевышнему; здѣсь указуется путь къ добродѣтели, представляется награда праведнымъ, наказаніе законопреступнымъ, счастіе жизни, согласной съ Божьею волей. Сущность этихъ разсужденій сводится къ двумъ главнымъ мыслямъ. Первая показываетъ равночинное отношеніе науки и религіи. У каждаго изъ этихъ двухъ предметовъ есть особенная область и особенные способы дѣйствія. Вводить науку въ предѣлы непосредственнаго вѣрованія, и наоборотъ—значитъ не понимать ни того, ни другаго: «не разсудителенъ математикъ, ежели онъ хочетъ Божескую волю вымѣрять циркулемъ; таковъ же богословіи учитель, если онъ думаетъ, что по псалтири можно научить астрономіи или химіи». Такимъ взглядомъ признана самостоятельность знанія: Ломоносовъ отрѣшилъ философію отъ ея служенія догматикѣ, на которое она была обречена схоластицизмомъ. Вторая мысль относится къ родственному союзу двухъ равночинныхъ предметовъ: «истина и вѣра—дщери одного всевышняго Родителя». При всемъ различіи способовъ, цѣль, ими достигаемая, одна и таже: удостовѣреніе въ бытіи Бога, раскрытіе его всемогущества, премудрости и благости. Дѣйствительныхъ противорѣчій между откровеніемъ вѣры и свидѣтельствомъ науки нѣтъ и быть не можетъ. Если «достойны посмѣянія тѣ люди, которые, подобно инымъ католическимъ философамъ, дерзаютъ по физикѣ изъяснять непонятныя чудеса Божіи и самыя страшныя христіанскія тайны», то не менѣе смѣшна и другая крайность—«почитать открытія естественныхъ наукъ противными христіанскому закону». Ученые должны подражать «богомудрому святителю и глубокому философу Василію Великому, показавшему довольные примѣры, какъ содружать спорныя по-видимому со Свя-

щеннымъ Писаніемъ натуральныя правды». Здѣсь Ломоносовъ является ученикомъ Христіана Вольфа, который былъ послѣдователь Лейбница, развившій и приведшій въ систему его философское ученіе. Но одинъ изъ главнѣйшихъ пунктовъ этого ученія состоялъ въ единствѣ знанія и вѣры. Безъ сомнѣнія, Вольфъ на своихъ лекціяхъ часто касался предмета, близкаго ему по отношенію къ началамъ Лейбницевой философіи, которая нашла въ немъ своего толковника.

Въ двухъ пѣсняхъ неконченной поэмы «Петръ Великій» (1760), Ломоносовъ слѣдовалъ Виргилію и въ планѣ, и въ частностяхъ. Первая пѣснь есть сокращенное подражаніе первымъ двумъ пѣснямъ: подобно Энею, Петръ I претерпѣваетъ бурю; какъ Эней разсказываетъ Дидонѣ о разореніи Трои, такъ русскій царь разсказываетъ настоятелю Соловецкаго монастыря о стрѣлецкихъ бунтахъ. Двѣ трагедіи «Демофонтъ» (1750) и «Тамира и Селимъ» (1751) написаны не по свободному побужденію, а по желанію Шувалова. Онѣ холодны, бѣдны дѣйствіемъ и характерами, что зависѣло отъ недостатка драматическаго таланта въ авторѣ. Преобладающій въ нихъ элементъ—эпическій и лучшія мѣста принадлежатъ или къ описаніямъ или къ разсказамъ.

Похвальныя слова Ломоносова Елисаветѣ (1747) и Петру Великому (1755) относятся къ псевдоклассическому краснорѣчію. Они написаны по правиламъ схоластической риторики, въ тѣхъ формахъ, которыя были ею установлены, какъ пригодныя для всякихъ восхваляемыхъ предметовъ, и при помощи тѣхъ средствъ, какія она предлагала оратору на всевозможныя похвалы. Построенное по такой системѣ слово всегда выходило произведеніемъ искуственнаго, условнаго ораторства: вмѣсто одушевленнаго краснорѣчія являлась холодная декламація, вмѣсто искренней страсти—риторическій паѳосъ. Декламаторскій духъ господствуетъ и въ словахъ Ломоносова, особенно въ первомъ (Елисаветѣ), котораго постройка чисто схоластическая. Задачею этого слова долженствовало быть восхваленіе дѣяній Императрицы, а различные виды ея дѣятельности долженствовали служить основой для дѣленія слова на части. Вмѣсто того Ломоносовъ прославляетъ семь добродѣтелей Елисаветы: благочестіе, мужество, великодушіе, мудрость, человѣколюбіе, милосердіе и щедрость, а въ заключеніи выражаетъ желаніе, чтобы она украшалась этими добродѣтелями, какъ великими дарами Вышняго. Задача и постройка слова напоминаютъ подобный трудъ братьевъ Перекрестовыхъ: «Дары Духа Святаго (1688)», т. е. описаніе семи добродѣтелей царевны Софіи: мудрости, разума, совѣта, крѣпости, благочестія, видѣнія въ законѣ Господнемъ, страха

Божія. Похвальное слово Петру состоитъ изъ трехъ частей: въ первой изображены важнѣйшія дѣла преобразователя, во второй—препятствія, имъ преодолѣнныя, въ третьей—добродѣтели, которыя были ему необходимы для совершенія великихъ подвиговъ. Хотя оно также несвободно отъ декламаторства, но нѣкоторыя мѣста его выражаютъ искреннее чувство. Таково, напримѣръ, мѣсто, въ которомъ говорится о неутомимой и многосторонней дѣятельности Петра:

Я въ полѣ межъ огнемъ; я въ судныхъ засѣданіяхъ межъ трудными разсужденіями; я въ разныхъ художествахъ между многоразличными махинами; я при строеніи городовъ, пристаней, каналовъ, между безчисленнымъ народа множествомъ; я межъ стенаніемъ валовъ Бѣлаго, Чернаго, Балтійскаго, Каспійскаго моря и самого Океана духомъ обращаюсь: вездѣ Петра Великаго вижу, въ потѣ, въ пыли, въ дыму, въ пламени; и не могу самъ себя увѣрить, что одинъ вездѣ Петръ, но многіе; и не краткая жизнь, но лѣтъ тысяча.

Что же касается до другаго мѣста (уподобленія Петра Богу), которое считалось образцовымъ, то оно страдаетъ несообразностью. Ломоносовъ заимствовалъ его изъ Пдиніева панегирика Траяну, вообще оказавшаго значительное вліяніе на похвальное слово Петру. Но естественное и понятное въ устахъ римскаго панегириста становится фальшивымъ въ устахъ панегириста русскаго. Римляне причисляли своихъ великихъ людей, даже при ихъ жизни, къ богамъ и ставили ихъ изображенія въ храмахъ; христіанство не допускаетъ такого обожествленія человѣка. Языкъ обоихъ похвальныхъ словъ исполненъ славянизмами; рѣчь, по преимуществу періодическая, построена на образецъ латинскихъ ораторскихъ словъ. То и другое сообщило панегирикамъ искусственную величавость, которая не можетъ замѣнить естественнаго, истиннаго красворѣчія. Эта искуственность и была причиною отзыва Пушкина о Ломоносовѣ, какъ стихотворцѣ и прозаикѣ: «Ломоносовъ», говоритъ онъ, «не поэтъ, вдохновенный свыше, не ораторъ, мощно увлекающій. Однообразныя и стѣснительныя формы, въ кои онъ отливалъ свои мысли, даютъ его прозѣ ходъ утомительный и тяжелый».

Историческое значеніе похвальныхъ одъ и словъ Ломоносова состоитъ въ ихъ отношеніи къ современной эпохѣ. Оно дало Ломоносову имя «пѣвца Елисаветы». Воцареніе этой императрицы было для Русскихъ «воздвиженіемъ Петрова племени», незаконно устраненнаго отъ престолонаслѣдія. На время отъ смерти Петра II до паденія Анны Леопольдовны они смотрѣли какъ на печальный историческій эпизодъ, какъ на чужеземное господство, недоброжелательное

отечеству. Цѣлое десятилѣтіе, по словамъ ихъ, Россія пребывала «въ школѣ неблагополучія», наказанная, за грѣхи свои, многими бѣдами. Вмѣстѣ съ истинной наслѣдницей престола, жившей подъ строгимъ надзоромъ, точно въ опалѣ, терпѣли и подданные «отъ хищныхъ совъ и нетопырей, сидѣвшихъ въ гнѣздѣ орла россійскаго и мыслившихъ злое государству». Но Елисавета положила конецъ частымъ и вреднымъ перемѣнамъ: вступивъ на престолъ, она одержала побѣду надъ врагами, освободила отечество отъ чужихъ рукъ—отъ оковъ, наложенныхъ на него Бирономъ, Остерманомъ, Минихомъ и ихъ «снузниками и эмиссаріями». По мнѣнію лицъ, оффиціально слѣдившихъ за ходомъ событій, съ ея времени наступила новая эра, которая обнаружилась и внутри Россіи и въ ея внѣшней политикѣ особыми явленіями. Во внутреннемъ управленіи, которое собственно нужно для нашего предмета, новый порядокъ обозначился паденіемъ иностранцевъ: одни изъ нихъ лишились мѣстъ; другіе, кромѣ того, потерпѣли строгія наказанія. «Петръ I», разсуждали тогда, «пользовался ихъ службою съ цѣлію даровать просвѣщеніе своимъ подданнымъ, приготовить Русскихъ для всѣхъ родовъ служебной дѣятельности. Но при его преемникахъ, особенно при Аннѣ Іоанновнѣ, эта цѣль была упущена изъ виду и самая память о преобразователѣ неблагодарно предана забвенію: чужеземные люди заняли важнѣйшія административныя мѣста и пользовались особымъ покровительствомъ, а на Русскихъ мало обращали вниманія, даже явно пренебрегали ими». Перевѣсъ нѣмецкой партіи, при дворѣ и въ администраціи, оскорблялъ народную гордость. Съ Елисаветой отношеніе партій измѣнилось: торжество перешло на сторону людей русскихъ—Бестужева-Рюмина, Воронцова, Шуваловыхъ, Разумовскихъ. Съ этимъ вмѣстѣ и низшія степени администраціи раздаваемы были преимущественно Русскимъ. Предметы Петровой дѣятельности становятся обязательными и для правительства Елисаветы. Въ разныхъ актахъ его видно постоянное намѣреніе выдвинуть впередъ «природныхъ Русскихъ». Новый регламентъ Академіи Наукъ (1747) требуетъ, чтобы впредь академія состояла «изъ природныхъ русскихъ ученыхъ», чтобы «во всѣхъ состояніяхъ, какъ военномъ, такъ и гражданскомъ, внутри и внѣ государства, образованы были ученые русскіе». Медицинская канцелярія положила тѣмъ изъ русскихъ лѣкарей, которые, обучась хирургіи и фармаціи, оказываютъ успѣхи на службѣ, не только производить награды, но «всегда предъ чужестранными чинить преимущество къ наилучшему одобренію». Въ одномъ письмѣ къ Гельвецію (отъ 27 іюля 1761 г.), И. И. Шуваловъ сѣтовалъ на правительство Анны

за его бездѣйствіе касательно народнаго образованія: «первыя мѣста въ государствѣ были заняты иностранцами, которые не радѣли о распространеніи наукъ и искусствъ въ странѣ имъ чуждой; ихъ намѣренія не позволяли имъ мыслить и дѣйствовать съ ревностью патріотовъ. Такая небрежность остановила успѣхи просвѣщенія; ревность къ ученію совершенно была погашена во многихъ изъ моихъ соотечественниковъ».

Внѣшнія и внутреннія перемѣны, произведенныя воцареніемъ Елисаветы, не только были объясняемы депешами иностранныхъ посланниковъ, но и нашли выраженіе въ литературѣ. Сильнѣе и откровеннѣе другихъ возвысило голосъ духовенство, имѣвшее много причинъ, общихъ и личныхъ, столько же ликовать при новомъ царствованіи, сколько сѣтовать на прежнее время. Проповѣди сороковыхъ годовъ (1741—51) достойны двоякаго вниманія: какъ историческій документъ и какъ литературныя произведенія. Восхваляя монархиню за благочестіе, за освобожденіе Россіи «отъ враговъ внутреннихъ и сокровенныхъ», т. е. отъ нѣмецкой партіи, онѣ съ тѣмъ вмѣстѣ воспоминаютъ замыслы протестантизма и скорбь, нанесенную имъ православію и его служителямъ. «Нынѣ совершилось наше спасеніе!» говоритъ одна изъ рѣчей на коронованіе Елисаветы: «низложенъ сатана и всѣ его аггелы!... Ты принесла намъ въ гостинецъ истинную, православную, каѳолическую церковь!» Общія причины недовольства церкви указаны Димитріемъ Сѣченовымъ († 1767), митрополитомъ новгородскимъ, въ словѣ въ день Благовѣщенія (1742): «было то неблагополучное время, когда враги наши до того вознесли свою главу, что дерзнули порочить догматы святой вѣры, догматы христіанскіе, отъ которыхъ вѣчное спасеніе зависитъ: Ходатайницу спасенія нашего на помощь не призывали и заступленія ея не требовали; святыхъ угодниковъ Божіихъ не почитали; иконамъ святымъ не кланялись; знаменемъ креста святаго гнушались; преданія апостоловъ и святыхъ отцевъ отвергали; добрыя дѣла, которыми снискивается вѣчная мзда, отметали; въ святые посты пожирали мясо, а объ умерщвленіи плоти и слышать не хотѣли; надъ поминовеніемъ усопшихъ смѣялись; существованію геенны не вѣрили». Короче: это тѣ самые догматы, о которыхъ разсуждаетъ Камень Вѣры, обличавшій лютеранъ. Отсюда понятно, почему запрещеніе книги Яворскаго при Биронѣ и судъ надъ Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ, разрѣшившимъ ея изданіе, были важнѣйшимъ обвинительнымъ пунктомъ противъ тѣхъ людей, которые держали въ рукахъ власть при Аннѣ Іоанновнѣ, и однимъ изъ предметовъ хвалы новой государынѣ, освободившей Ѳеофилакта изъ заключенія: «книгу Ка-

мень Вѣры, во тьмѣ невѣдѣнія заключенную, на свѣтъ произвесть и освободить повелѣла», говорилъ архіепископъ новогородскій Амвросій Юшкевичъ († 1745): «которая книга, какъ напримѣръ всякому искусному маистеру инструменты, воину оружіе, плавающему корабленнику на морѣ кормило, такъ оная намъ нужная, полезная и весьма потребная... Уже къ тому приходило», продолжаетъ Юшкевичъ, «что въ своемъ православномъ государствѣ о вѣрѣ своей и устъ отворить опасно было: въ тотъ часъ бѣды и гоненія надѣйся». Понятно также, почему «вины» лютеранства, исчисленныя «Камнемъ Вѣры»: несоблюденіе постовъ, непочитаніе святыхъ и непоклоненіе ихъ иконамъ и др., служили почти постоянными темами проповѣдей при Елисаветѣ. Отъ лютеранскихъ притязаній на русскую церковь проповѣдники часто переходятъ ко вреду, причиненному иностранцами Россіи вообще: религіозная ревность находила новую пищу въ патріотизмѣ. Слово Юшкевича въ день рожденія Елисаветы (1741) раскрываетъ эту «ухищренную политику пришлецовъ, губителей отечественнаго счастія»: «Былъ ли кто изъ Русскихъ искусный, напримѣръ: художникъ, инженеръ, архитектъ, или солдатъ старый, а наипаче ежели онъ былъ ученикъ Петра Великаго,—тутъ они тысячу способовъ придумывали, какъ бы его уловить, къ дѣлу какому-нибудь привязать, подъ интересъ подвесть и такимъ образомъ или голову ему отсѣчь, или послать въ такое мѣсто, гдѣ надобно необходимо и самому умереть отъ глада, за то одно, что онъ инженеръ, что архитектъ, что ученикъ Петра Великаго.... Всѣхъ людей добрыхъ, простосердечныхъ, государству доброжелательныхъ и отечеству весьма нужныхъ и потребныхъ, подъ разными претекстами губили, разоряли и вовсе искореняли, а равныхъ себѣ безбожниковъ, безсовѣстныхъ грабителей, казны государственныя похитителей, весьма любили, ублажали, въ ранги великіе производили, отчинами и денегъ многими тысячами жаловали и награждали.... Только тѣнью, только тѣломъ здѣсь, а сердцемъ и душею внѣ Россіи пребывали. Всѣ свои сокровища, всѣ богатства, въ Россіи неправдою нажитыя, вонъ изъ Россіи за море высылали, и тамо иные въ банки, иные на проценты многіе милліоны полагали. Ежели кто сему не хощетъ вѣровати, поиди въ Голландію, въ Англію—тамо лучше увѣдаетъ». Слово Кирилла Флоринскаго, ректора московской академіи († 1743), произнесенное по тому же поводу и въ тотъ же самый годъ, отличается еще большею откровенностью: оно указываетъ прямо на лица, называя ихъ собственными именами—Остерманомъ, Минихомъ. Кромѣ общихъ причинъ недовольства, проповѣди воспоминаютъ частныя, собственно къ духовному чину

относившіяся въ то «желѣзное время, когда неправда царствовала, а правда за карауломъ сидѣла». Турецкая кампанія 1736—39 г.г. похитила многія тысячи церковниковъ, которые, отъ 15 до 40 лѣтъ, безъ разбора были взяты въ военную службу «для нынѣшней нужды въ комплектованіи армія и гарнизоновъ», какъ сказано въ одномъ изъ указовъ. Многіе пастыри пострадали въ эпоху Биронова могущества. «Колькое гоненіе на самыхъ благочестія защитителей, на самыхъ священныхъ таинъ служителей!» восклицаетъ Сѣченовъ: «архіереевъ, священниковъ, монаховъ мучили, казнили, разстригали; непрестанныя почты и водою и сухимъ путемъ отвозятъ ихъ въ дальніе сибирскіе города, въ Охотскъ, въ Камчатку, Оренбургъ; и тѣмъ такъ устрашили, что уже и самые проповѣдники слова Божія молчали и устъ не смѣли о благочестіи отверсти. И правда, духъ бодръ, а плоть немощна: не всякому-то благодать мученичества посылается».

Приведенные отрывки знакомятъ съ литературнымъ характеромъ духовнаго краснорѣчія при Елисаветѣ. Живое отношеніе къ современности, яркая картина текущихъ или недавно протекшихъ событій, наивность и грубость многихъ выходокъ, рѣзкія обличенія, переходящія то въ шутку, то въ страстную сатиру, сообщили ему интересъ, какой рѣдко находимъ и въ произведеніяхъ свѣтской словесности. Стоя за общерусское дѣло, и кромѣ того вовлеченный въ него личными побужденіями, пастырь церкви всенародно изливалъ ропотъ, который долго таился въ его душѣ и въ душѣ его слушателей. Особенный талантъ выдается въ Сѣченовѣ. Его поученія: въ день Благовѣщенія (1742) и въ день явленія иконы Казанской Богоматери (1742), принадлежатъ къ самымъ характеристичнымъ явленіямъ проповѣднаго слова. Противоположность нашей жизни христіанскимъ обязанностямъ, наполняющая цѣлую половину втораго поученія, отличается смѣлымъ, оригинальнымъ изображеніемъ пороковъ и простотою разговорнаго языка. Таковы же многія мѣста и перваго поученія. Вотъ какъ проповѣдникъ описываетъ безпечность христіанъ о душѣ и ихъ заботливость о тѣлѣ: «Поносимъ праотца нашего, что за яблоко душу продалъ; а мы за чарку винца, за ласкательство, за честишку, за малую славицу, въ судѣ за гостинецъ, въ торгу за копѣйку, въ постъ святый за курочку душу нашу промѣниваемъ. Поднеси чарку винца, поласкай, пошепчи во ухо: я тебя не оставлю; возьми и душу, готовъ и правду потерять, готовъ и вѣры отступить, готовъ и благочестіе отвергнуть. Не смѣхъ ли? имѣнія наша, мѣдь, сребро, ихъ же тля тлитъ и ржа снѣдаетъ, замками и стражами утверждаемъ; а душа наша, вся отъ хитраго злодѣя діавола окрадена,

въ нищету пришла: нѣсть въ ней ни красоты, ни любви, ни богомыслія, ни правды, ни милости — о томъ и не смотримъ». Духовныя слова и рѣчи первыхъ лѣтъ царствованія Елисаветы по тону своему могутъ быть сличаемы съ проповѣдями католической лиги (1577). И тѣ и другія не скупились на крупные эпитеты врагамъ. Остерманъ и Минихъ называются дьявольскими эмиссарами, влѣзшими съ своимъ сонмищемъ въ Россію; человѣкоядными птицами, начавшими бить и терзать единолиственное древо, что возрасло изъ Петрова сѣмени; златыми кумирами, которымъ ихъ кліенты не устыдились покланяться и приносить жертвы, какъ болванамъ; скудельными идолами, ихъ же сокрушилъ Господь; образами и жрецами Ваала; чадами и наслѣдниками геенны; душепагубными министрами беззаконія. Особенно привлекалъ негодованіе Остерманъ, за «злодѣйское укрывательство тестамента Екатерины I»; проповѣдники уподобляютъ его «Хрисафію евнуху, еретику хитрокозненному», «окаянному Симону волхву, хромому душею, совѣстію и ногами» (намекъ на подагру Остермана). Стиль проповѣдей, въ постройкѣ и пріемахъ, южно-русскій: тоже смѣшеніе книжнаго съ серьезнымъ, возвышеннаго съ тривіальнымъ. Схоластическая теорія духовнаго ораторства наложила печать свою даже на частности, каковы, напримѣръ, распространеніе проповѣди чрезъ толкованіе именъ, чрезъ сближеніе временъ событій. Развивая мысль, что «Богъ еще въ рожденіи Елисаветы опредѣлилъ ей державу», Юшкевичъ основываетъ одинъ изъ аргументовъ на томъ, что въ этотъ день (18 декабря) церковь празднуетъ память св. мученика Севастіана, «а это греческое имя толкуется на нашемъ языкѣ: достоинъ чести». Слово Флоринскаго находитъ знаменательнымъ день воцаренія «Петровой» дочери (25 ноября), когда церковь совершаетъ память священномученика Петра Александрійскаго. Встрѣчается также безразборчивое употребленіе иностранныхъ словъ вмѣсто русскихъ или церковно-славянскихъ: Сѣченовъ назвалъ Іоанна Дамаскина «философіи и богословіи прехрабрымъ кавалеромъ, монашескихъ ликовъ генераломъ».

Лирика Ломоносова была отголоскомъ тѣхъ же самыхъ чувствъ, которыя выражала и духовная, и свѣтская литература — отъ академическихъ рѣчей до надписей на иллюминаціи. Если разобрать составъ его похвальныхъ одъ, то содержаніе каждой изъ нихъ сведется къ такому ряду мыслей: стѣсненное положеніе Елисаветы и печальное состояніе Россіи по смерти Петра и Екатерины, желаніе видѣть на престолѣ Петрово племя, сѣтованіе о томъ, что желаніе долго не исполнялось, радость при желаніи исполненномъ. Выраженіе этихъ мыслей немногимъ отличается отъ оборотовъ

проповѣднаго слова: «Елисавета была оставлена судьбою»; «Россія пребывала въ глубокомъ мракѣ», или: «оскорбленный народъ сидѣлъ въ печальнѣйшей ночи»; «для русскихъ мужъ наступило грозное время: онѣ обречены были на страхъ и горькія слезы»; «съ Елисаветой ночь перемѣнилась на полдень»; «подобно Астреѣ, она ввела къ намъ златыя лѣта»; «Богъ въ гнѣвѣ своемъ хотѣлъ казнить Россію потопомъ бѣдъ, но ради Елисаветы, новаго Ноя, преложилъ гнѣвъ на кротость». Что для Ломоносова «Ной и Вавилонъ бѣдъ», то для духовнаго оратора «Моисей и египетскій плѣнъ»: смыслъ сравненій — одинъ и тотъ же. Есть и другіе пункты сходства между похвальными словами Ломоносова и проповѣдями 1741—51 годовъ. Въ праздникъ коронованія императрицы, Ломоносовъ произноситъ слово Петру на томъ основаніи, что она есть истинная наслѣдница дѣлъ своего отца: слѣдов., говоритъ ораторъ, похваляя Петра, похвалимъ и Елисавету. Нераздѣльность двухъ лицъ гораздо прежде была указана Флоринскимъ: «Егда услышите мя словомъ пишуща образъ отца великаго, въ томъ же да усматриваете и дщерь великую; а егда услышите о великой дщери, тогда да разумѣвайте оживотворяющася Петра Великаго и Екатерину въ Елисаветѣ». Мы знаемъ, что Юшкевичъ подтверждалъ свою мысль толкованіемъ имени: Ломоносовъ также придавалъ особенную важность имени «Елисавета», означающему «тишину». Сближеніе событій, обычный пріемъ схоластическаго ораторства, встрѣчается у Ломоносова, какъ онъ уже встрѣчался у Флоринскаго: послѣдній находилъ знаменательнымъ день вступленія Елисаветы на престолъ; первый выводилъ знаменательное заключеніе изъ того обстоятельства, что Елисавета родилась въ годъ Полтавской битвы.

Но, при видимомъ сходствѣ, есть и существенное различіе. Главное чувство проповѣдниковъ — религіозная ревность, и важнѣйшее для нихъ достоинство новаго царствованія — возстановленіе благочестія. Главный интересъ Ломоносова — наука, и преимущественная заслуга государыни — возстановленіе просвѣщенія, начатаго Петромъ. Хотя онъ восхваляетъ и набожность Елисаветы, но гораздо больше хвалитъ ее за покровительство музамъ. Забота о размноженіи ученыхъ соотечественниковъ никогда его не покидала. Въ похвальномъ словѣ Елисаветѣ, онъ представляетъ себѣ, что государыня обратилась къ русскимъ юношамъ съ тѣми словами, которыя находится въ академическомъ регламентѣ: обучайтесь прилежно: «я видѣть Россійскую Академію изъ сыновъ россійскихъ состоящую желаю». Поэтому оды всего болѣе раскрываютъ пользу просвѣщенія для Россіи. Взглядъ на Петра, какъ на идеалъ

монарховъ, господствуетъ также въ приступахъ и заключеніяхъ академическихъ словъ: это — своего рода панегирики монарху, который, «принявъ Россію, удаленную отъ свѣта ученія, поставилъ ее на пути яснаго сознанія», даровалъ ей «новое рожденіе». Какъ древніе поэты имѣли обычай начинать и оканчивать свои стихотворенія призываніемъ боговъ или похвалою героямъ, къ богамъ причисленнымъ, такъ и Ломоносовъ (по собственнымъ словамъ его) начиналъ и оканчивалъ свои ученыя разсужденія похвалами «божественному Петру, общему примѣру и предводителю».

Ученыя сочиненія Ломоносова, какъ по физикѣ и химіи, такъ и по словесности, отличаются строгой и стройной системой, подведеніемъ частностей подъ законы. По свойству ума своего, онъ всегда стремился къ обобщеніямъ. Онъ умѣлъ примирять крайности методовъ опытнаго и умозрительнаго, взаимно ихъ ограничивая и дополняя. Хотя онъ понималъ важность наблюденій и опытовъ, однакожъ чуждался той практики, которая довольствуется одними фактами и не даетъ никакихъ общихъ выводовъ. Въ «Словѣ о происхожденіи свѣта» онъ удивляется тѣмъ, которые, съ похвалою обращаясь въ одной химической практикѣ, выше угля и пеплу головы своей поднять не смѣютъ: «для чего же толь многіе учинены опыты въ физикѣ и химіи? для чего толь великихъ мужей были труды и жизни опасныя испытанія? для того ли только, чтобы, собравъ великое множество разныхъ вещей и матерій въ безпорядочную кучу, глядѣть и удивляться ихъ множеству, не размышляя о ихъ расположеніи и приведеніи въ порядокъ?» Съ другой стороны Ломоносовъ хотя любилъ строить теоріи, но всегда основывалъ ихъ на опытахъ и наблюденіяхъ. Наилучшимъ способомъ въ ученыхъ изслѣдованіяхъ почиталъ онъ слѣдующій: «изъ наблюденій установлять теорію, чрезъ теорію исправлять наблюденія». Расположеніе мыслей отличается у него логическою послѣдовательностью, которую онъ хвалитъ въ учителѣ своемъ Вольфѣ, не оставшемся безъ вліянія на ученика въ методическомъ изложеніи знаній.

Сочиненій Ломоносова по теоріи словесности четыре: Письмо о правилахъ россійскаго стихотворства (1739), Риторика (1748), Грамматика (1755) и Разсужденіе о пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ (1755).

«Письмо о правилахъ россійскаго стихотворства» прислано Ломоносовымъ изъ Германіи, вмѣстѣ съ его одой на взятіе Хотина (1739) въ Россійское собраніе при Академіи наукъ, о которомъ говорено выше. Тонъ его полемическій, такъ какъ оно содержитъ въ себѣ критическія замѣтки на способъ къ сложенію россійскихъ

стиховъ» Тредьяковскаго. Сходясь съ Тредьяковскимъ въ понятіи о главныхъ основахъ русской версификаціи, Ломоносовъ положительно расходился съ нимъ въ другихъ пунктахъ. Такъ «Способъ» полагалъ, что русскій гексаметръ не можетъ имѣть ни больше, ни меньше тринадцати слоговъ, и притомъ долженъ быть раздѣленъ на два полустишія (въ первомъ семь слоговъ, во второмъ шесть); что ямбическіе стихи хуже хореическихъ; что мужскія риѳмы неумѣстны въ нашемъ стихосложеніи. «Письмо», напротивъ, не видитъ причины, почему гексаметры и другіе стихотворные размѣры должны быть ограничены опредѣленнымъ числомъ слоговъ; дозволяетъ тринадцатисложнымъ стихамъ имѣть и не имѣть цезуры; находитъ, что ямбическіе стихи усугубляютъ благородство и великолѣпіе предмета, ими выражаемаго. Всѣ эти теоретическія замѣтки были приняты русскою литературою, послѣ того какъ онѣ были оправданы и утверждены на практикѣ стихотворными образцами самого Ломоносова.

«Риторика» Ломоносова—первая на русскомъ языкѣ, потому что въ школахъ преподавали эту науку на языкѣ латинскомъ—не есть трудъ самостоятельный. Она одного покроя съ школьными риторическими руководствами, по которымъ самъ авторъ обучался въ Славяно-греко-латинской академіи. Источники ея правилъ и примѣровъ уже указаны въ риторикахъ Каусина, Помея и Готшеда (у послѣдняго заимствована глава о возбужденіи страстей); логическія понятія (о сопряженіи простыхъ идей, объ изобрѣтеніи доводовъ) взяты у Вольфа; всего же болѣе, по содержанію и расположенію, она сходна съ русской риторикой, хранящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ рукописи XVII в. Ломоносову принадлежитъ группировка заимствованнаго и примѣры какъ русскіе, такъ и переводные изъ древнихъ и новыхъ авторовъ. Въ числѣ первыхъ многіе выбраны изъ сочиненій самого автора; переводы показываютъ искуснаго переводчика: они точны и близки къ подлиннику.

Соотвѣтственно характеру древне-русской литературы, преимущественно духовной по содержанію и церковно-славянской по языку, до Ломоносова существовали только грамматики «славянскія», за исключеніемъ одной русской (студента Ададурова), «весьма несовершенной и во многихъ мѣстахъ неисправной». Главнѣйшею изъ этихъ церковно-славянскихъ грамматикъ была Мелетія Смотрицкаго (1619 г.), составленная по образцу греческихъ и латинскихъ грамматикъ и послужившая во многомъ Ломоносову. Какъ древнерусскіе азбуковники, или словари, имѣли цѣль благочестивую—истолкованіе непонятныхъ рѣчей въ Св. Писаніи,—такъ и грамматика дол-

жна была служить для исправленія церковныхъ книгъ и для правильнаго, ихъ уразумѣнія: «грамотное ученіе есть дѣло Божіе. Кто пренебрегаетъ имъ, даже въ чтеніи, спѣша и ошибаясь въ удареніяхъ, тотъ творитъ грѣхъ». Такимъ образомъ церковно-славянскія грамматики имѣли значеніе «служебное», состоящее въ пользованіи ими при чтеніи священныхъ книгъ и пониманіи ихъ смысла. Ломоносовъ, первый, освободилъ эту науку отъ исключительнаго приложенія къ церковному дѣлу и возвелъ ее въ область самостоятельнаго, независимаго знанія. За норму русскаго языка, подлежащаго изслѣдованію въ его этимологическихъ и синтаксическихъ законахъ, онъ принялъ «разсудительное его употребленіе»: каждая грамматическая форма разсматривается, какъ существующій фактъ, который долженъ быть объясненъ, но который не можетъ быть измѣненъ по требованіямъ теоріи. Разлагая литературный языкъ на составныя части, Ломоносовъ приводитъ двѣ главныя ихъ группы: областныя нарѣчія (просторѣчіе) и языкъ церковно-славянскій. Изъ областныхъ нарѣчій онъ отдалъ предпочтеніе московскому, «не токмо для важности столичнаго города, но и для его отмѣнной красоты». Между просторѣчіемъ и церковно-славянскими формами проведены имъ границы, опредѣляемыя какъ существомъ языка, такъ и литературнымъ его употребленіемъ: онъ отмѣтилъ нѣкоторые славянизмы въ противоположность соотвѣтствующимъ руссизмамъ, такъ что Грамматика его имѣетъ право быть названа «сравнительной».

Показавъ въ Грамматикѣ различіе языковъ русскаго и церковно-славянскаго по грамматическимъ формамъ, Ломоносовъ различаетъ ихъ и въ отношеніи лексикологическомъ въ разсужденіи: «о пользѣ церковныхъ книгъ въ россійскомъ языкѣ». Сущность разсужденія состоитъ въ слѣдующемъ: Какъ предметы, изображаемые словомъ, различны по своей важности, такъ и русскій языкъ, чрезъ употребленіе славянскихъ словъ, имѣетъ разныя степени: высокій, средній и низкій. Эта разностепенность зависитъ отъ трехъ родовъ русскихъ словъ: къ первому относятся слова, общія славянскому и русскому языкамъ (*Богъ*, *слава*, *нынѣ*...); ко второму—славянскія, хотя и мало употребительныя, но каждому грамотному понятныя (*Господень*, *отверзаю*, *насажденный*...); къ третьему—русскія (*говорю*, *ручей*, *который*, *пока*, *лишь*). Отъ разсудительнаго употребленія этихъ трехъ родовъ реченій происходятъ три стиля: высокій, средній и низкій. Высокій стиль образуется изъ словъ славяно-русскихъ, т. е. находящихся въ обоихъ языкахъ, и словъ славянскихъ, вразумительныхъ русскому; средній изъ словъ русскихъ, съ осторожнымъ прибавленіемъ словъ славянскихъ; низкій—изъ

словъ русскихъ. Кромѣ словъ, Ломоносовъ принимаетъ въ соображеніе и формы ихъ (причастныя и дѣепричастныя). Такимъ образомъ, усвоивъ ученіе Аристотеля и Квинтиліана о трехъ родахъ слога, Ломоносовъ въ славянскомъ языкѣ видитъ средство «къ сильному изображенію идей важныхъ и высокихъ», стихію образующую высокій стиль.—Мнѣніе Ломоносова о *пользѣ* церковно-славянскаго языка привело, однакожъ, къ противоположному результату. Слѣдовавшіе за нимъ писатели, подчиняясь его авторитету, не умѣли соблюдать того «осторожнаго введенія славянскихъ словъ», которое должно соотвѣтствовать матеріи. Они думали писать высокимъ слогомъ, наполняя свою рѣчь славянщиной, такъ что подъ перомъ ихъ образовался особый литературный языкъ, названный въ насмѣшку «славено-россійскимъ» и вызвавшій, какъ увидимъ, реформу Карамзина. Впрочемъ, въ самой основѣ разсужденія о пользѣ церковныхъ книгъ заключается ошибка. Не говоря уже о произвольномъ дѣленіи стиля на три степени, оно ставитъ высокій стиль въ зависимость отъ славянскаго элемента. Внѣшнее выраженіе есть оболочка внутренняго, т. е. содержанія: послѣднимъ опредѣляется первое. Дѣло не въ выборѣ важной матеріи (предмета), а въ важности того, что оказалось при изслѣдованіи или созерцаніи этого предмета. Если умъ пораженъ мыслями, открытыми при изученіи предмета, если чувство возбуждено его истинностью или красотою, если онъ произвелъ сильное воодушевленіе въ мыслителѣ или поэтѣ, тогда содержаніе, добытое мыслителемъ или поэтомъ, будетъ непремѣнно велико и потребуетъ соотвѣтственнаго ему словеснаго выраженія. Весь вопросъ, слѣдовательно, сводится на соотвѣтствіе рѣчи содержанію, т. е. мыслямъ и чувствамъ. А на такое соотвѣтствіе русскій языкъ такъ же способенъ, какъ и славянскій: за чѣмъ же послѣднему отдавать въ этомъ отношеніи преимущество и предписывать правило, когда и въ какой мѣрѣ смѣшивать его съ первымъ? Каждое слово хорошо, если соотвѣтственно передаетъ выражаемое. Архаизмъ и неологизмъ, варваризмъ и руссизмъ, областное слово и общепринятое въ литературномъ языкѣ съ равнымъ правомъ могутъ быть употребляемы для наиболѣе удачнаго выраженія предмета или понятія, т. е. наиболѣе согласнаго съ ихъ сущностью или съ производимымъ ими впечатлѣніемъ. Самъ Ломоносовъ не рѣдко отступалъ отъ своей теоріи, поддаваясь природному чутью. Доказательствомъ служитъ первая строфа «Вечерняго размышленія о Божіемъ величествѣ», гдѣ нѣтъ ни одного славянскаго слова, а между тѣмъ описаніе наступившей ночи производитъ величественное впечатлѣніе, особенно послѣдніе два стиха:

Открылась бездна, звѣздъ полна:
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна.

Было бы не трудно русскія слова: *открылась, нѣтъ*, замѣнить славянскими: *отверзлась, нѣсть*, но авторъ этого не сдѣлалъ, понимая или чувствуя, что элементъ величественнаго заключается здѣсь въ мысли о неизмѣримости мірозданія и что эта мысль нисколько бы не выиграла отъ двухъ славянизмовъ. Но «Разсужденіе о пользѣ книгъ церковныхъ» не ограничиваетъ пользы славянскаго языка лишь тѣмъ, что онъ «высокія мысли сугубо возвыситъ»; оно указываетъ еще двѣ другія его выгоды: пріобрѣтеніе умѣнья соблюдать ровность слога и устраненіе «дикихъ и странныхъ слова нелѣпостей» (варваризмовъ), заимствуемыхъ изъ языковъ западныхъ. Съ этой стороны справедливость взглядовъ Ломоносова не подлежитъ сомнѣнію. Вторженіе иностранныхъ словъ, пестрившихъ и искажавшихъ рѣчь нашихъ писателей, и послужило, какъ надобно думать, поводомъ къ «Разсужденію». Оно было въ большемъ ходу въ XVII в. между малорусскими учеными, которыхъ сочиненія наполнялись латинизмами и полонизмами, но приняло усиленные размѣры со времени Петровской реформы и продолжалось при Петрѣ II и Аннѣ Іоанновнѣ, какъ доказывается обиліемъ реченій, взятыхъ изъ западныхъ языковъ и безъ разбора употреблявшихся какъ въ книжной, такъ и разговорной рѣчи. Нужно было не только указать зло, но и дать средство къ его уничтоженію. Ломоносовъ и предложилъ для этого — «старательное и осторожное употребленіе сроднаго намъ кореннаго славянскаго языка купно съ россійскимъ».

Литературные образцы, данные Ломоносовымъ, не отступаютъ отъ правилъ, предложенныхъ имъ въ ученыхъ сочиненіяхъ по словесности. Между ними и не могло быть противорѣчія, такъ какъ первые (образцы) принимались не только въ соображеніе, но и въ основаніе при постановкѣ вторыхъ (правилъ). Объяснивъ пользу церковныхъ книгъ для языка русскаго, Ломоносовъ, въ концѣ разсужденія, совѣтуетъ любителямъ отечественнаго слова съ прилежаніемъ читать эти книги, *уперясь своимъ искусствомъ* въ общей и частной пользѣ, какая отъ того воспослѣдуетъ.

Стихъ Ломоносова, построенный согласно съ его «Письмомъ о правилахъ россійскаго стихотворства», былъ для своего времени явленіемъ необыкновеннымъ, даже безъ сравненія съ стихотвореніями Кантемира и Тредьяковскаго. Онъ выразителенъ, мужественъ и благозвученъ. И теперь, по истеченіи почти полутораста лѣтъ, многія строфы его одъ (особенно въ Одѣ выбранной изъ Іова) не

потеряли своего достоинства. Такова, напрым., извѣстная строфа о пользѣ наукъ въ одѣ 1747 («науки юношей питаютъ»), или въ одѣ 1746 г.:

Намъ въ ономъ ужасѣ (1) казалось,
Что море въ ярости своей
Съ предѣлами небесъ сражалось,
Земля стенала отъ зыбей,
Что вихри въ вихри ударялись,
И тучи съ тучами спирались,
И устремлялся громъ на громъ,
И что надуты водъ громады
Текли покрыть пространны грады,
Сравнять хребты горъ съ влажнымъ дномъ.

Создавъ стихотворную рѣчь, Ломоносовъ создалъ и языкъ, нужный для изложенія знаній, который отличается у него ясностью, точностью, выразительностью, яснымъ доказательствомъ чего служатъ его «Первыя основанія Металлургіи» (1763). Онъ имѣлъ право сказать о себѣ, что его «разнаго рода надлежащими до наукъ сочиненіями стиль россійскій вычистился и сталъ способенъ къ выраженію идей трудныхъ». Надобно жалѣть только, что немногіе изъ послѣдовавшихъ за нимъ естествоиспытателей старались подражать его ученому слогу.

Отношеніе «Риторики» Ломоносова къ его сочиненіямъ доказывается уже тѣмъ однимъ, что онъ приводилъ въ ней многіе выбранные изъ нихъ примѣры, въ подтвержденіе предлагаемаго ученія. И дѣйствительно, историческое ея значеніе состоитъ въ томъ, что она служитъ лучшимъ комментаріемъ къ литературнымъ произведеніямъ автора, особенно похвальнымъ словамъ и одамъ. Прозаическая рѣчь Ломоносова была, такъ же какъ и стихотворная, великимъ шагомъ впередъ по своей чистотѣ и строю, хотя нельзя не замѣтить, что въ этомъ строѣ, по направленію того времени, много искуственнаго и условнаго.

Что касается до «Разсужденія о пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ», положившаго различіе между тремя родами слога и указавшаго, въ какихъ именно сочиненіяхъ долженъ быть употребляемъ каждый изъ этихъ родовъ, то Ломоносовъ не отступалъ отъ рекомендуемыхъ имъ правилъ: высокимъ стилемъ написаны у него трагедіи, оды, похвальныя слова, поэма Петръ Великій; среднимъ—разсужденія, Письмо къ Шувалову о пользѣ сте-

---

[1]) Говорится о печальномъ состояніи Россіи при Аннѣ Іоанновнѣ (Ода 6-ая, на восшествіе на престолъ Елисаветы).

ла; низкимъ (простымъ) — письма къ Шувалову и другимъ лицамъ.

Историческій трудъ Ломоносова: «Древняя Россійская Исторія отъ начала россійскаго народа до кончины Ярослава I», дѣлится на двѣ половины: одна содержитъ въ себѣ изслѣдованіе о древностяхъ, другая—изложеніе событій. Авторъ поставилъ своею задачею—открыть свѣту древность россійскаго народа и славныя дѣла государей, въ противоположность тѣмъ сочиненіямъ иностранцевъ, которыя «высматривали пятна на одеждѣ россійскаго тѣла». Это намѣреніе видно изъ самыхъ названій нѣкоторыхъ главъ Исторіи: «о величествѣ славенскаго народа», «о дальной древности славенскаго народа». Для рѣшенія предложенной задачи было естественно искать сходства между исторіею отечественною и исторіею грековъ и римлянъ, такъ какъ они служили образцами новоевропейскому міру. Ломоносовъ находитъ его «въ порядкѣ дѣяній россійскихъ съ римскими»: «владѣніе первыхъ королей соотвѣтствуетъ числомъ лѣтъ и государей самодержавству первыхъ самовластныхъ великихъ князей россійскихъ; гражданское въ Римѣ правленіе подобно раздѣленію нашему на разныя княженія и на вольные города, нѣкоторымъ образомъ гражданскую власть составляющему; потомъ единоначальство кесарей согласно самодержавству государей московскихъ». Такое чисто внѣшнее сближеніе двухъ различныхъ исторій объясняется чувствомъ патріотизма, отношеніями Россіи къ Швеціи, которая не могла забыть сѣверной войны, и враждою двухъ партій въ Академіи наукъ: нѣмецкой и русской. Мнѣнія академиковъ Байера и Миллера о скандинавскомъ происхожденіи Руси, «предосудительныя для русскаго народа», оскорбляли Ломоносова. Онъ, равно какъ и другіе Русскіе, не могъ примириться съ тою мыслію, что славяне водвореніемъ у нихъ порядка и государственнымъ устройствомъ одолжены не себѣ самимъ, а иноземцамъ, и въ добавокъ еще нашимъ врагамъ (Шведы—скандинавскаго племени). Поэтому вопросъ: «кто были варяго-руссы?» рѣшается имъ иначе: онъ ведетъ ихъ, вмѣстѣ съ пруссами, отъ славянскаго рода; думаетъ, что и языкъ ихъ славянскій, только чрезъ смѣшеніе съ другими языками отдѣлившійся отъ своего корня, что самое слово «Пруссія» составлено изъ существительнаго «Русь» и предлога «по» (Порусь, Порусія), и что Рюрикъ, первый русскій князь, славянскаго, а не скандинавскаго рода, происходитъ отъ римскаго императора Августа. Если русскія дѣла и русскихъ дѣятелей унижали передъ греческими и римскими, то «причина этому—бывшій нашъ недостатокъ въ искусствѣ, какимъ историки Греціи и Рима своихъ героевъ въ полной славѣ предали вѣч-

ности». Въ слѣдствіе сказаннаго, Ломоносовъ смотрѣлъ на свой трудъ со стороны искусства. Онъ долженъ былъ представить краснорѣчивое изложеніе отечественныхъ событій и, для выполненія обязанности, перелагалъ разсказы лѣтописей на языкъ и тонъ похвальнаго слова. Поэтому въ его исторіи риторическій элементъ преобладаетъ надъ научнымъ, историческимъ. Инаго и нельзя было требовать отъ Ломоносова: онъ взялся за трудъ безъ надлежащей къ нему подготовки, единственно по порученію Шувалова. Сочиненіе книги обратилось для него въ дѣло оффиціальное ([1]).

§ 13. «Установителемъ русскаго театра» считаютъ Сумарокова (Александра Петровича, 1718—1777). При Аннѣ Іоанновнѣ были двѣ труппы—италіанская и нѣмецкая: первая давала оперы-буфы, вторая—комедіи и фарсы. Переводомъ италіянскихъ комедій и интермедій занимался Тредьяковскій; въ 1736 г. напечатана переведенная имъ съ французскаго «драма на музыкѣ», т. е. опера, «Сила любви и ненависти». Въ царствованіе Елисаветы, съ котораго началось французское вліяніе на жизнь, литературу и языкъ образованнаго класса Русскихъ, открыло свои представленія французское общество актеровъ, приглашенное изъ Касселя и обязавшееся играть трагедіи и комедіи; независимо отъ этого, при дворѣ находились и нѣмецкій театръ, и италіянская опера. Но русскій театръ впервые явился не въ столицахъ, а въ провинціальномъ городѣ Ярославлѣ. Основателемъ его былъ Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ (1729—1763), сынъ костромскаго купца, по смерти отца переселившійся въ Ярославль, гдѣ мать его вышла во второй разъ за-мужъ за богатаго кожевеннаго заводчика Полушкина. Образовавъ изъ своихъ братьевъ и знакомыхъ купцовъ и подъячихъ небольшую труппу, онъ, въ именины своего вотчима, представилъ драму «Есѳирь». Сценою служилъ кожевенный сарай. Игра и декораціи привели въ восторгъ зрителей. Тогдашній ярославскій воевода Мусинъ-Пушкинъ вмѣстѣ съ помѣщикомъ Майковымъ уговорили ярославскихъ дворянъ и купцовъ завести театръ. Устройствомъ его занимался Волковъ, человѣкъ, выходившій изъ

---

1) Жизнеописаніе Л—ва въ I т. Исторіи Ак. Н., П. Пекарскаго (1873); Briefe v. Christian Wolff (1860); Л—въ, студентъ Марбургскаго университета, Сухомлинова (Рус. Вѣст. 1861, № 1); Л—въ, какъ натуралистъ и филологъ, Будиловича (1869) и его же: Л—въ, какъ писатель (1871); Матеріалы для біографіи Л—ва, Билярскаго (1865); Очеркъ академической дѣятельности Л—ва, Я. Грота (1865); М. В. Л—въ, біограф. очеркъ, В. Ламанскаго (1864); Л—въ и Петербургская Академія наукъ, его же (1865); Празднованіе столѣтней годовщины Л—ва въ Моск. университетѣ (1865); Къ столѣтней памяти Л—ва, Булича (1865); юбилейныя торжества по тому же случаю въ другихъ университетахъ.

ряда людей обыкновенныхъ, по свидѣтельствамъ Новикова и Фонъ-Визина: послѣдній отзывается о немъ, какъ о «мужѣ глубокаго разума, исполненномъ достоинствъ, имѣвшемъ большія знанія и даже способнымъ быть государственнымъ человѣкомъ». Узнавъ объ ярославскомъ театрѣ, Императрица приказала, въ 1752 г., отправить въ Петербургъ братьевъ Волковыхъ, какъ «заводчиковъ» драматическихъ представленій, и ихъ товарищей (Дмитревскаго, двухъ Поповыхъ, Шумскаго и другихъ). Того же года «ярославцы» дебютировали на дворцовомъ театрѣ, въ присутствіи государыни и нѣкоторыхъ знатныхъ персонъ, въ комедіи: «О покаяніи грѣшнаго человѣка». Игра ихъ понравилась, но такъ какъ они не имѣли надлежащаго образованія, то ихъ (именно: Θедора и Григорія Волковыхъ, Дмитревскаго и Алексѣя Попова) помѣстили въ кадетскій корпусъ для обученія иностраннымъ языкамъ и словесности.

Въ Петербургѣ, представленія русскихъ драмъ начались въ кадетскомъ корпусѣ, благодаря дѣятельности Сумарокова. Въ учебномъ курсѣ этого заведенія, гдѣ воспитывался Сумароковъ, литературное образованіе стояло на первомъ мѣстѣ. Кадеты устроили общество любителей русской словесности, въ которомъ читали опыты своихъ сочиненій и переводовъ. Сюда-то являлся и Сумароковъ съ своими стихотвореніями: нѣкоторыя изъ нихъ были напечатаны корпуснымъ начальствомъ, въ поощреніе таланта и въ награду за успѣхи. По выходѣ изъ корпуса (1740) познакомился онъ съ драматическими произведеніями Корнеля, Расина и Вольтера и задумалъ испытать собственныя силы въ трагическомъ родѣ. Трагедія его Хоревъ (1747) была первымъ образцемъ ложноклассической драмы. Кадеты сыграли эту піесу сначала въ корпусѣ (1749), а потомъ (1750) на дворцовомъ театрѣ. За Хоревомъ слѣдовали другія трагедіи: Гамлетъ, Синавъ и Труворъ, Артистона, Семира, Ярополкъ и Димиза, Вышеславъ, Димитрій Самозванецъ, Мстиславъ. Рядомъ съ трагедіями шли комедіи. Въ 1756 г. послѣдовало учрежденіе русскаго театра. Директоромъ его былъ назначенъ Сумароковъ, занимавшій эту должность около пяти лѣтъ.

Французско-классическая трагедія, образцы которой впервые даны намъ Сумароковымъ, возникла подъ двумя вліяніями: во-первыхъ, подъ вліяніемъ піитической теоріи Аристотеля и греческихъ трагедій; во вторыхъ, подъ вліяніемъ національнаго характера французовъ и состоянія ихъ общественной жизни въ XVII и XVIII вѣкахъ. Понятно, что трагическая система, сложившаяся подъ дѣйствіемъ такихъ разнородныхъ элементовъ, должна была выйти не естественнымъ и оригинальнымъ явленіемъ искусства, а искусствен-

нымъ и ложнымъ. Въ основѣ ея лежатъ двѣ цивилизаціи: античная и новохристіанская, отдѣленныя одна отъ другой многими вѣками, различныя во всѣхъ отношеніяхъ, не допускающія никакого соглашенія, или допускающія соглашеніе насильственное. Заимствуя миѳологическіе и историческіе сюжеты греческой трагедіи, французскіе писатели измѣняли ихъ по требованіямъ своего вѣка и тѣмъ искажали какъ миѳологію, такъ и исторію. Дѣйствующія лица, въ противоположность ихъ національному характеру, изображались по идеалу героическаго величія, какъ онъ сложился въ представленіи французскаго общества, въ эпоху Людовика XIV, при дворѣ котораго ложноклассическая трагедія достигла своего цвѣтущаго состоянія. Являясь не въ своемъ настоящемъ видѣ и духѣ, греки и римляне не были однакожъ и чистокровными французами. Примѣры отступленій французской трагедіи отъ ея подлинниковъ весьма часты. Такъ одна французская трагедія, имѣющая сюжетомъ судьбу Эдипа, измѣнила своему подлиннику (Эдипу Колонейскому, Софокла) въ той сценѣ, гдѣ Полиникъ приходитъ вымаливать прощеніе у оскорбленнаго имъ отца. Софокловъ Эдипъ, согласно понятіямъ своего времени о родительскомъ авторитетѣ, не только не прощаетъ сына, но даже отсылаетъ его отъ себя съ проклятіемъ. Напротивъ подражатель Софокла, какъ христіанинъ, заставилъ Эдипа изречь прощеніе, и такимъ отступленіемъ отъ подлинника исказилъ образъ страдальца: въ самомъ дѣлѣ, если главное лицо піесы дѣйствительно Эдипъ, то оно не могло простить Полиника; если же это лицо простило, то оно не Эдипъ. Вотъ еще нѣсколько примѣровъ. Ахиллъ, въ Расиновой трагедіи «Ифигенія въ Авлидѣ», вовсе не похожъ на Гомерова Ахилла: въ послѣднемъ нѣтъ и тѣни того рыцарскаго духа, той деликатности чувствъ и изящной вѣжливости, какою отличается первый. Да и трудно вообразить подобныя качества въ такую эпоху народной жизни, когда еще существовало принесеніе людей въ жертву. При изображеніи легендарныхъ сюжетовъ, французскіе трагики старались обходить чудесное, какъ суевѣріе, несогласное съ здравымъ смысломъ, и тѣмъ самымъ выступали изъ круга античныхъ религіозныхъ воззрѣній въ область разсудочности. Такъ въ одной трагедіи Ѳезей, на вопросъ придворнаго, правда ли, что онъ сходилъ въ царство тѣней, отвѣчаетъ, что здравомыслящій человѣкъ не долженъ вѣрить такой нелѣпости и что этотъ слухъ былъ имъ распущенъ изъ политическихъ видовъ. Тотъ вкусъ, тѣ нравы, обычаи и свѣтскія приличія, которые образовались въ высшемъ французскомъ обществѣ подъ вліяніемъ двора Людовика XIV и соблюденіе которыхъ было обязательно въ литературѣ, вообще противорѣчитъ

сущности трагическаго. Трагизмъ состоитъ въ сильной душевной борьбѣ, изъ которой нѣтъ исхода. Дѣйствующія лица одушевлены или нравственной идеей, или страстью, и въ такомъ положеніи открыто изливаютъ свои мысли и чувства, забывая всѣ иныя отношенія, кромѣ общечеловѣческихъ. Въ трагедіяхъ французскихъ, на оборотъ, господствуютъ строгій порядокъ, сдержанность, этикетъ; сложность дѣйствія или быстрые переходы однихъ ощущеній къ другимъ воспрещается ими, какъ оскорбленіе мѣры; онѣ избѣгаютъ патетическаго: паѳосъ замѣняется у нихъ риторствомъ, ровное теченіе котораго только по временамъ, и то съ расчетомъ, возмущается страстными выходками. Главный законъ трагической системы французовъ заключается въ трехъ единствахъ (дѣйствія, времени и мѣста), «внѣ которыхъ нѣтъ спасенія» (hors des trois unites il n'y a point de salut): единое дѣйствіе, изображаемое въ піесѣ, должно, отъ начала до конца, происходить въ одномъ и томъ же мѣстѣ, въ теченіе 24-хъ часовъ. Онъ основанъ на невѣрно истолкованномъ ученіи Аристотелевой піитики и на одностороннемъ знакомствѣ съ трагедіями грековъ. Другою основою служило ложное понятіе французской теоріи о такъ называемомъ очарованіи, подъ которымъ она разумѣла не полноту и силу впечатлѣнія, производимаго на зрителей представленіемъ піесы, а обманъ, т. е. приведеніе зрителей въ такое состояніе, чтобы они вымыселъ автора приняли за дѣйствительность и чувствовали бы себя не въ театрѣ, а въ жизни, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ происходило событіе. Но такое самозабвеніе невозможно: какого бы совершенства ни достигли механическая и декоративная части театра, какимъ бы искусствомъ ни отличалась игра актеровъ, піеса, при первомъ же поднятіи занавѣса, представитъ зрителю многія неправдоподобныя вещи и слѣдов. разочаруетъ его: напримѣръ, зритель услышитъ, что греки говорятъ не на своемъ языкѣ, а на чужомъ, и говорятъ стихами, а не прозой, чего не было и не бываетъ. Между тѣмъ малая мѣра времени, отведенная французскими теоретиками трагедіи, стѣснила объемъ дѣйствія и сдѣлала невозможнымъ всестороннее раскрытіе характеровъ. Дѣйствующія лица являются въ нихъ не какъ цѣльныя личности, съ многообразными качествами, а только одною своею стороною, съ однимъ чувствомъ или страстью (любовь, ненависть, честолюбіе, великодушіе...), которая и остается при нихъ во все продолженіе дѣйствія. Это и неестественно и утомительно. Чтобы познакомить зрителя съ тѣмъ, что предшествовало событію, служащему сюжетомъ драмы, французы большею частію посвящали первый актъ экспозиціи, т. е. изложенію завязки. Такое изложеніе образуетъ

эпическую часть піесы и своимъ характеромъ противорѣчитъ сущности драмы, которая требуетъ дѣйствія, а не разсказа о дѣйствіи, требуетъ овладѣть воображеніемъ зрителя съ первой же сцены. При главныхъ дѣйствующихъ лицахъ состоятъ очень часто ихъ наперсники и наперсницы: они, какъ довѣренныя лица, выслушиваютъ или повѣствованіе о судьбѣ героя и героини или ихъ исповѣдь чувствъ и мыслей—тоже эпическій элементъ, непригодный въ драмѣ, которая какъ о внѣшней исторіи, такъ и о внутреннемъ мірѣ всѣхъ лицъ даетъ знать зрителю посредствомъ ихъ дѣйствій и соотвѣтственныхъ рѣчей. Къ эпическому же элементу относятся донесенія вѣстниковъ о томъ, что происходило внѣ сцены; въ этомъ случаѣ французскіе трагики любили выказыватъ свое стихотворное искусство и потому удлинняли разсказъ не въ мѣру: въ Федрѣ (Расина) Тезей выслушиваетъ долгій разсказъ объ ужасной смерти Ипполита, а въ Гораціяхъ (Корнеля) Камилла столь же долгій разсказъ о смерти Куріацевъ. Разскащики какъ бы забыли, въ какомъ душевномъ положеніи должны были находиться и отецъ при вѣсти о гибели сына, и дочь Горація при вѣсти о гибели любимаго ею жениха. Разсудочность, преобладающая стихія въ духовномъ складѣ французовъ, внесла въ трагедію элементъ резонерства: страсть не мѣшаетъ героямъ и героинямъ расчитывать и размѣривать свое собственное положеніе, останавливаться съ запросами надъ своимъ чувствомъ.

Въ трагедіи дѣйствіе производится двумя дѣятелями: характерами лицъ и положеніями (ситуаціями), въ которыхъ лица находятся. Взаимное отношеніе этихъ дѣятелей, внутренняго (характера) и внѣшняго (положенія), даетъ начало двумъ трагическимъ системамъ: въ одной—положенія обусловлены характеромъ, въ другой—характеръ опредѣляется положеніями. Французско-классическая трагедія слѣдовала второй системѣ. Трагики выбирали необычайныя положенія, ставили среди ихъ личность и завязывали борьбу между ея чувствами съ одной стороны и данными обстоятельствами съ другой. Въ ряду страстей, овладѣвающихъ душею человѣка, они останавливали свое вниманіе чаще всего на любви. Она являлась у нихъ даже тамъ, гдѣ не была извѣстна ни исторіи, ни преданіямъ: Расинъ надѣлилъ ею Ипполита (въ Федрѣ), тогда какъ у Еврипида (въ трагедіи Ипполитъ), которому подражалъ Расинъ, оригинальность Тезеева сына и состоитъ именно въ свободѣ сердца. Выше сказано, что герои и героини французскихъ трагедій выступали передъ зрителями не въ полнотѣ своего характера, а только съ одною его стороною: поэтому авторы и употребляли все свое искусство на изображеніе этой стороны. Отъ

достоинства изображенія зависѣло достоинство піесы. Этой-то французской трагической системѣ подражалъ Сумароковъ, слѣд. все, о ней сказанное, примѣняется и къ его піесамъ. Онъ самъ гордился тѣмъ, что «явилъ Расиновъ театръ Россамъ». Сущность подражательныхъ его трагедій—представленіе одной какой-либо страсти, а не цѣльнаго характера—была опредѣлена еще Карамзинымъ, сказавшимъ, что «Сумароковъ болѣе описывалъ чувства, нежели изображалъ характеры въ ихъ естественной и нравственной истинѣ». Главное мѣсто между этими чувствами занимаетъ любовь. Изъ ея столкновенія съ долгомъ образуется борьба, на которую нерѣдко указываютъ сами дѣйствующія лица, приведенныя въ необходимость выбрать одно изъ противоположныхъ влеченій и восклицающія въ припадкѣ отчаянія: «о должность (*долгъ*)! о любовь!» Крупные таланты, какъ напримѣръ Расинъ, умѣли съ успѣхомъ бороться съ стѣснительными условіями системы; у нихъ одна и таже страсть принимала, смотря по лицу, различный характеръ: любовь Герміоны (въ трагедіи Андромаха) отлична отъ любви Роксаны (трагедія Баязетъ), и ревность Федры отлична отъ ревности Герміоны. И въ изображеніи одного лица они представляли полное развитіе страсти со всѣми ея перипетіями, отъ первой вспышки до катастрофы. Сумароковъ не владѣлъ такимъ искусствомъ: Оснельда въ Хоревѣ, Семира въ трагедіи того же имени, Ильмена въ Синавѣ и Труворѣ и любятъ и выражаютъ свою любовь одинаково. Всепоглощающее дѣйствіе страсти доведено имъ до крайности въ Димитріи Самозванцѣ. Этотъ чудовищный тиранъ и думаетъ и говоритъ только о злодѣйствахъ, хотя на самомъ дѣлѣ онъ вовсе не такъ страшенъ, какъ бы слѣдовало ожидать по его словамъ. Онъ злобствуетъ и на себя самого: онъ желалъ бы «самъ съ собою раздѣлиться», чтобы наслаждаться собственною мукой; умирая, онъ восклицаетъ: «ахъ, если бы со мной погибла вся вселенна!» Такой «врагъ людей и естества», какъ называетъ себя Самозванецъ, стоитъ дѣйствительно «внѣ природы» и производитъ скорѣе комическое, чѣмъ трагическое впечатлѣніе. О вѣрности лицъ временнымъ и мѣстнымъ отличіямъ и говорить нечего: ихъ рѣчи, мысли, чувства и поступки несогласны ни съ характеромъ эпохи, въ которую они жили, ни съ характеромъ народа, къ которому принадлежали. Не смотря на свои варяжскія или славяно-русскія имена, они еще дальше отстоятъ отъ нашей исторіи, чѣмъ истинные греки и римляне отъ грековъ и римлянъ французской трагедіи.—Въ піесахъ Сумарокова можно указать многія заимствованія изъ Расина и Вольтера. Ильмена походитъ на Альзиру (въ трагедіи Вольтера того же имени); разсказъ Вѣст-

ника о смерти Трувора (3-ье явленіе 5-го акта) напоминаетъ разсказъ Терамена о смерти Ипполита, въ Федрѣ; Синавъ и Труворъ, Мстиславъ и Ярославъ, какъ братья-соперники по любви, имѣли образцами Митридата, Британника, Никомеда и другія французскія драмы. Положеніе Ростислава, въ борьбѣ между любовью къ Семирѣ и долгомъ къ отцу и отечеству, подобно положенію Брутова сына, Тита, который измѣняетъ Риму изъ любви къ Тулліи, дочери Тарквинія (въ трагедіи Вольтера: Брутъ). Сумарокову извѣстенъ былъ и Шекспиръ въ псевдо-классическихъ передѣлкахъ, какъ видно по трагедіи Гамлетъ и по нѣкоторымъ мѣстамъ въ другихъ піесахъ: монологъ Самозванца «Не твердо на главѣ моей лежитъ вѣнецъ» (7-ое явленіе 2-го акта) есть подражаніе монологу Ричарда III; слова Ильмены о загробной жизни: «Ты самъ меня, ты самъ сей смертью поражаешь» (3-ье явленіе 5-го акта) сходны съ тревожными сомнѣніями Гамлета въ знаменитомъ монологѣ: «быть или не быть?»

Было бы излишнимъ почетомъ для Сумарокова ставить его лицемъ къ лицу съ Расиномъ, «котораго театръ явилъ онъ Россамъ», но столь же было бы однакожъ несправедливо отрицать въ немъ драматическое дарованіе и его заслуги русской сценѣ. Піесы его—первыя въ своемъ родѣ, и нѣкоторыя изъ нихъ содержатъ въ себѣ эффектныя сцены; въ нихъ есть движеніе—необходимая принадлежность драмы, котораго чужды эпико-лирическія трагедіи Ломоносова, почему послѣднія и не имѣли сценическаго успѣха, тогда какъ трагедіи Сумарокова нравились и образованному обществу, находившему въ нихъ знакомыя имъ свойства французской драмы, и публикѣ малообразованной, для которой онѣ были пріятной новостью и которая приходила отъ нихъ въ восторгъ и заучивала наизусть лучшія трагическія тирады. Должно поставить въ заслугу Сумарокову и то, что за трагическими сюжетами онъ большею частію обращался къ отечественной исторіи, а не къ греческой и римской. Наконецъ несомнѣнное достоинство трагедій Сумарокова заключается въ ихъ отношеніи къ идеямъ XVIII вѣка. Дѣйствующія лица часто разсуждаютъ о томъ, что̀ обращало на себя вниманіе образованныхъ людей у насъ и въ Европѣ. Голосъ «просвѣтительной эпохи» всего слышнѣе въ монологахъ и сентенціяхъ, написанныхъ подъ вліяніемъ Вольтера, влагавшаго въ уста героевъ свои собственныя мнѣнія. Такъ Димитрій Самозванецъ бесѣдуетъ съ своимъ наперсникомъ Парменомъ о злоупотребленіи папскаго могущества, о бѣдствіяхъ, причиненныхъ фанатизмомъ въ новомъ свѣтѣ. Мысль Монтескье о чести, какъ основѣ героическихъ дѣлъ, высказана въ «Мстиславѣ»: трагедія эта, благодаря

выраженію возвышенныхъ мыслей, долго держалась на сценѣ. По разнымъ мѣстамъ разсѣяны изреченія касательно правъ и обязанностей власти. Статья современнаго журнала: «Mercure de France» (апрѣль 1755 г.), разбирая Синава и Трувора, видитъ особенную заслугу Сумарокова въ томъ, что онъ славитъ правосудіе и человѣколюбіе, ополчается противъ неправды и жестокости. Піесы перваго нашего трагика игрались и при дворѣ, и на публичномъ театрѣ, и въ школахъ: способствуя распространенію вкуса къ сценическому искусству, какъ одному изъ высшихъ удовольствій человѣка, онѣ съ тѣмъ вмѣстѣ возбуждали въ зрителяхъ чувства патріотизма, правды, чести, великодушія, гуманности.

Другая сторона литературнаго таланта Сумарокова высказалась въ сатирѣ, имѣвшей цѣлію, какъ онъ самъ говоритъ, «обличеніе презрительныхъ вещей». Къ этому роду его сочиненій, кромѣ собственно сатиръ, относятся: комедіи, нѣкоторыя басни и пѣсни, полемическія и многія другія статьи, въ стихахъ и въ прозѣ. Комедіи его, по отзыву современниковъ, не пользовались большимъ успѣхомъ: онѣ бѣдны содержаніемъ, исполнены несообразностей въ дѣйствіи и переносятъ чужіе нравы на русскую цѣну; но за то въ нихъ много смѣхотворной остроты, искренне-горячаго, наивнаго раздраженія, которое было свойственно нраву сатирика, и вѣрныхъ указаній на современные недостатки. Какой бы образецъ ни имѣлъ передъ собою писатель, онъ все же сынъ своего времени, видитъ окружающія его явленія и не можетъ не воспроизводить ихъ, хотя часто и отступаетъ отъ дѣйствительности, подчиняясь вліянію иностранной литературы. Басни, большею частію переведенныя изъ Лафонтена и почитавшіяся «сокровищемъ россійскаго Парнасса», сами по себѣ не имѣютъ значенія; достоинство ихъ заключается въ указаніяхъ на современные нравы: это— также сатиры, только въ формѣ апологовъ.

Основныя тэмы Кантемировыхъ сатиръ: невѣжество и лжеобразованіе, перешли по наслѣдству къ дальнѣйшимъ сатирикамъ, съ тѣми, конечно, измѣненіями, которыя приноситъ съ собою жизнь общества, смѣняющая одни его недостатки другими, и развитіе понятій о качествахъ истиннаго просвѣщенія. «Презрительныя вещи» временъ Сумарокова происходили также или отъ великаго невѣжества, или отъ самонадѣянной, поверхностной цивилизаціи. Въ первомъ ихъ отдѣлѣ стоятъ: несправедливость судей, ябедничество, высокомѣріе знатныхъ родовъ, ханжество, суевѣріе, взиманіе незаконныхъ процентовъ ростовщиками, незаконное «домостроительство»; во второмъ: невѣріе, безсмысленное подражаніе иностранцамъ, литературный педантизмъ.

«Эпистола къ неправеднимъ судьямъ», «Сатира о худыхъ судьяхъ», «Письмо о заразительной болѣзни», «Почтеніе автора къ приказному роду», многія мѣста комедій и другихъ сочиненій преслѣдуютъ недостойныхъ исполнителей закона за ихъ безграмотность, злонамѣренную запутанность дѣлъ и лихоимство. Источникомъ судейской неправды Сумароковъ признаетъ невѣжество: «бездѣльство полагаетъ основаніе храма ея, безумство созидаетъ оный, непросвѣщенная сила, а иногда и смѣсившаяся съ пристрастіемъ, укрѣпляетъ оный». Бездѣльникова кража для него предпочтительнѣе взятокъ: «судья-грабитель хуже вора, гаже всѣхъ тварей». Вся кровь его волновалась при мысли о богатствѣ, нажитомъ похитителями правосудія, когда онъ видѣлъ великолѣпныхъ господъ, которыхъ «отцы ходили въ чирикахъ, дѣды въ лаптяхъ, а прадѣды босикомъ». Раздраженіе противъ подъячихъ выливалось у него то въ комической, то въ серьезной формѣ. Онъ называлъ ихъ «хамовымъ отродьемъ», «крапивнымъ сѣменемъ», «наперсниками бѣсовъ»; онъ справедливо думалъ, что обличеніе неправедныхъ судей должно извлекать слезы:

Сатирой ли сіи я строки нареку,
Коль слезный ими токъ у бѣдныхъ извлеку?

Стрѣлы его сатиры падали не на одну приказную мелочь: въ «Письмѣ» объ утѣсненной истинѣ (1759) онъ ропщетъ на Юпитера, который поразилъ громомъ низшихъ подъячихъ, пощадивъ главныхъ грабителей. Вмѣстѣ съ обличеніемъ козней ябеды, сатирикъ предлагалъ и средства искоренять ихъ. Первымъ средствомъ должно было служить образованіе приказнаго рода; вторымъ— систематическій сводъ законовъ. Въ «Похвальномъ словѣ Екатеринѣ II», Сумароковъ обращается къ ней съ такими словами: «Повели предъ писцами разогнути книгу естественныя грамматики, начало нашего предъ прочими животными преимущества, которыя многіе наши писцы и по имени не знаютъ. Повели имъ научиться изображати дѣла ясно, мыслить обстоятельно и порядочно, дабы знало общество, чтó написано.... Я, какъ сынъ и членъ отечества, не того желаю, чтобы древніе законы испровержены, а новые установлены были, но чтобы они при случаяхъ исправляемы были. На что нѣтъ закона, или не обстоятеленъ законъ, или не ясенъ, на то бы законъ сочинился, исправился и изъяснился.... Участныя (частныя) законовъ исправленія въ нѣсколько лѣтъ соберутъ къ усовершенному уложенью довольно вещества».

Въ слѣдъ за Кантемиромъ и Ломоносовымъ, Сумароковъ показываетъ вредное вліяніе ханжества и суевѣрія на истинную добро-

дѣтель и на истинное просвѣщеніе. «Похвальное слово Петру» (1759) исчисляетъ пользу паденія суевѣровъ: «возсіяло благочестіе въ полной истинѣ и стрѣлы ненасытныя злобы притупилися». Эти стрѣлы, «защищая невѣжество, корысть тунеядцевъ, легкомысліе тщетныхъ людей, устремлялись противъ ученія и премудрости, противъ разума и совѣсти, противъ благополучія подданныхъ и противъ законной власти обладателей». «Ода наслѣднику престола, Павлу Петровичу (1771), выхваляетъ его законоучителя, митрополита Платона, который, какъ новый Ѳеофанъ, украшаетъ разумъ правдой, не внемля наглому лицемѣрству и не повинуясь суевѣрію. Самыя рѣзкія черты означенныхъ недостатковъ видимъ въ рѣчахъ Чужехвата (ком. Опекунъ). Напротивъ, Тимантъ (въ ком.: Мать-совмѣстница дочери) есть образъ человѣка, который не можетъ быть ни суевѣромъ, ни атеистомъ, потому что имѣетъ основательное понятіе о Богѣ и о природѣ.

Величаніе знатнымъ родомъ, при отсутствіи полезной дѣятельности, осмѣяно въ сатирѣ о благородствѣ и въ нѣкоторыхъ комедіяхъ. Такихъ людей Сумароковъ ставитъ на одну доску съ тунеядцами. Перемѣну въ понятіяхъ о человѣческомъ и гражданскомъ достоинствѣ онъ ведетъ отъ реформы Петра: «Въ то время, когда Петръ I началъ преобразованіе Россіи, нагое (т. е. лишенное всякихъ заслугъ) благородство было главное достоинство, а украшеніе благородства гордость: преобразователь уничтожилъ значеніе такой гордости». Въ противоположность дворянской спеси, истинное благородство представлено въ лицѣ Валерія (ком. Опекунъ) и Октавія (ком. Нарцисъ).

Кащей (комедія Лихоимецъ), представляетъ, въ подражаніе Мольерову Гарпагону, скупаго и въ тоже время ростовщика, взимающаго за ссуду денегъ свыше указныхъ шести процентовъ. Онъ беретъ по двѣнадцати и по пятнадцати со ста, вопреки уставу о банкахъ (1754). На положеніе устава жалуется и другое лице, Салидаръ, въ комедіи «Приданое обманомъ»: «прежде сего брали по 15, по 20 руб. и больше со ста, а нынѣ только по 6 руб. приказано брать; не разоренье ли это?»

«Домостроительствомъ» (въ статьѣ того же названія) Сумароковъ называетъ «пріумноженіе изобилія». Если оно состоитъ «въ блаженствѣ не одного помѣщика, а всей деревни», тогда оно законно; если же, обогащая одного помѣщика, въ конецъ разоряетъ крестьянъ, тогда оно есть «ядъ имперіи» и должно быть названо «доморазорительствомъ». Тотъ въ большомъ заблужденіи, кто почитаетъ экономомъ жаднаго помѣщика, который на свое великолѣпіе, на заточеніе злата и сребра въ сундуки, на заведе-

ніе мануфактуръ и другихъ вымысловъ отягощаетъ крестьянъ: такая экономія противна моральному и политическому праву, раздражаетъ Божество и человѣчество. Утвердимъ же нашу помѣщичью власть на человѣколюбіи. Тѣло безъ головы быть не можетъ, однако и мизинецъ ноги есть членъ тѣла. Будучи главою своихъ подданныхъ, помѣщикъ обязанъ беречь и мизинецъ, ибо голова и мизинцу состраждетъ».

Самонадѣянной, поверхностной цивилизаціи сатирикъ приписываетъ болѣе вреда, чѣмъ великому невѣжеству. Она пораждаетъ невѣріе, которое хуже суевѣрія: «атеисты тоже, что сумасшедшіе и не могутъ быть честны; суевѣры добродѣтель колеблютъ, ханжи разрушаютъ, атеисты истребляютъ». Сумароковъ отличаетъ людей, не познающихъ Божества по недоумѣнію, отъ такихъ, которые становятся безбожниками въ слѣдствіе излишнихъ умствованій: «истинное образованіе увѣряетъ насъ въ бытіи Бога и его премудрости; ложная образованность ведетъ къ противному». Невѣрующіе суть «непросвѣщенные умствователи, отторгнутые злосердіемъ и коркою науки отъ добродѣтели и отъ естественныя простоты. Не пустившіеся въ море отъ брега люди (простые, необразованные) видятъ единый брегъ; достигшіе другаго брега люди (вполнѣ образованные) знаютъ оба брега; а посреди водъ безъ кормила носимые бурею (полуобразованные) не видятъ ни единаго брега и, заблуждаяся по глубинѣ морской, о первомъ брегѣ не мыслятъ, а другаго не знаютъ и, плывя безъ кормила, ждутъ ежеминутно своей погибели». Такъ какъ безвѣріе по большой части заражало умы, знакомые съ ученіемъ французскихъ энциклопедистовъ, то Сумароковъ нападаетъ вообще на излишество философіи и въ частности на современную философію во Франціи. Комедія: «Ядовитый», въ лицѣ Герострата, указываетъ слѣдствія вредныхъ умствованій, эгоизмъ лжефилософа.

Въ современныхъ петиметрахъ Сумароковъ порицаетъ развращенное сердце, легкомысленныя понятія о нравственности, пристрастіе къ французскимъ модамъ и французскому языку, незнаніе языка роднаго, пренебреженіе всѣмъ отечественнымъ. Петиметръ Дюлижъ (ком.: Чудовищи и Пустая ссора) есть достойный выродокъ внѣшняго, поверхностнаго образованія. Онъ тоже въ кругу мужчинъ, что Минодора (Мать-совмѣстница дочери) между женщинами. Преслѣдуя глупыхъ модниковъ, Сумароковъ нерѣдко смѣшитъ читателей наивными выходками своего запальчиваго гнѣва. Такъ, напримѣръ, дѣйствіе реформы на петиметровъ онъ полагаетъ лишь въ томъ, что они «изъ человѣковъ ненапудренныхъ превратились въ напудренную скотину».

Въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ Сумарокова выставлены слабыя стороны современныхъ литераторовъ, особенно педантизмъ, не смотря на то, что онъ самъ былъ педантъ, «ставившій, по выраженію Ломоносова, свое риѳмичество выше всего человѣческаго знанія». У него происходили частыя столкновенія съ Ломоносовымъ и съ Тредьяковскимъ: и потому какъ порицанія такъ и похвалы собратамъ по ремеслу обусловливались у него расположеніемъ духа въ текущую минуту. Въ одной эпистолѣ онъ совѣтуетъ молодымъ стихотворцамъ подражать Ломоносову, и осмѣиваетъ Тредьяковскаго, подъ именемъ Штивеліуса:

И съ пышнымъ Пиндаромъ взлетай до небеси,
Иль съ Ломоносовымъ гласъ громкій вознеси:
Онъ нашихъ странъ Мальгербъ (¹), онъ Пиндару подобенъ;
А ты, Штивеліусъ, лишь только врать способенъ.

Въ другой же эпистолѣ (о русскомъ языкѣ, 1748) тотъ же самый русскій Малербъ, русскій Пиндаръ, задѣтъ за похвальныя оды, на ряду съ Штивеліусомъ:

Одинъ *(Ломоносовъ)*, послѣдуя несвойственному складу,
Влечетъ въ Германію россійскую Палладу
И мня, что тѣмъ онъ ей пріятства придаетъ,
Природну красоту съ лица ея беретъ.
Другой *(Тредьяковскій)*, не выучась такъ грамотѣ, какъ должно,
По-русски, думаетъ, всего сказать не можно
И, взявъ пригоршни словъ чужихъ, сплетаетъ рѣчь
Языкомъ собственнымъ, достойну только сжечь;
Иль слово въ слово онъ въ слогъ русскій переводитъ,
Которо на себя въ обновѣ не походитъ.

Замѣчательны выходки Сумарокова противъ громкихъ одъ и надутаго слога, какъ противодѣйствіе стихотворческому риторству. Онъ требовалъ простоты и естественности, къ которымъ стремился самъ по влеченію здраваго смысла. «Всего болѣе», говоритъ онъ, «совѣтую несмысленнымъ стихотворцамъ упражняться въ одахъ; ибо многіе читатели, да и сами нѣкоторые лирическіе стихотворцы, разсуждаютъ тако, что никакъ невозможно, чтобъ была ода великолѣпна и ясна: по моему мнѣнію, пропади такое великолѣпіе, въ которомъ нѣтъ ясности». Подъ именемъ «вздорныхъ одъ» Сумароковъ писалъ пародіи на торжественную лирику. Строфа четвертой оды (1743) Ломоносова, начинающаяся стихами:

Фисонъ шумитъ, Багдадъ пылаетъ....

---

1) Малербъ (Malherbe).

дала поводъ сатирику сочинить подобную оду, гдѣ также есть строфа:

Атлантъ горитъ, Кавказъ пылаетъ....

Требованіе природной простоты отъ поэтовъ изложено имъ въ статьѣ: «о неестественности». Въ письмѣ къ Шувалову (16 октября 1753 г.), Ломоносовъ оправдывалъ находимыя у него «надутыя выраженія» примѣрами древнихъ и новыхъ стихотворцевъ, сочиненія которыхъ исполнены «высокопарныхъ мыслей». Тредьяковскій выведенъ также въ комедіи «Трессотиніусъ» (1750) ухаживающимъ за одной молодой дѣвицей и подносящимъ ей пѣсенку:

Красоту на вашу смотря, распалялся я, ей, ей!
Изволь меня избавить ты отъ страсти тѣмъ моей!
Бровь твоя меня пронзила, голосъ кровь зажогъ,
Мучишь ты меня, Климена, и стрѣлою сшибла съ ногъ, и т. д.

Въ этой же піесѣ Трессотиніусъ вступаетъ въ споръ съ другимъ педантомъ Бобембіусомъ о буквѣ *т* (*твердо*), какъ правильнѣе писать ее—о трехъ ли ножкахъ, или объ одной (Тредьяковскій, печатая свои сочиненія, держался втораго начертанія).

Трессотиніусъ. Я содержу, что *твердо* объ одной ногѣ правильнѣе, ибо у грековъ, отъ которыхъ мы литеры получили, оно объ одной ногѣ, а треножное *твердо* есть нѣкакій уродъ.

Бобембіусъ. Мое *твердо* о трехъ ногахъ и для того стоитъ твердо, ergo оно твердо; а твое *твердо* нетвердое, ergo оно не твердо. Твое *твердо* слабое, ненадежное, а потому презрительное, гнусное, позорное, скаредное.

Кромѣ того Тредьяковскій является еще въ комедіи «Чудовища», подъ именемъ «Критиціондіуса», т. е. придирчиваго критика-педанта.

Въ характерѣ Сумарокова заключались многія условія его сатирическаго таланта. Раздражительный, тщеславный и хвастливый, онъ постоянно являлся съ этими качествами и въ семейномъ кругу, и въ общественной жизни, и въ своемъ авторствѣ. Письма его— столь же вѣрное зеркало его личности, сколько и надежный ключъ къ его сочиненіямъ— исполнены страстныхъ выходокъ досады и гнѣва, которыя, по замѣчанію Екатерины II, умѣстны въ трагедіи, а не въ корреспонденціи. Скромностью онъ не отличался. Онъ безъ церемоніи ставилъ свое имя подлѣ имени Вольтера. Его наивныя слова: «неужели Москва болѣе повѣритъ подъячему,

нежели Вольтеру и мнѣ?»—въ своемъ родѣ классическія и потому обратились въ пословицу. Самохвальство, которому подвержены были и Тредьяковскій и Ломоносовъ, доходило у него до комизма каждый разъ, какъ только онъ касался своихъ заслугъ русскому театру и русской литературѣ: «Что только видѣли Аѳины и видитъ Парижъ, то нынѣ Россія стараніемъ моимъ увидѣла... До чего въ Германіи многими стихотворцами не достигли, до того я одинъ, и въ такое еще время, въ которое у насъ науки словесныя только начинаются и нашъ языкъ едва чиститься началъ, однимъ своимъ перомъ достигнуть могъ» (статья: о «копистахъ»). «Каково мое перо, о томъ и по худымъ переводамъ всѣ ученѣйшіе въ Европѣ знаютъ и ту мнѣ похвалу сплетаютъ, которая превосходитъ желаніе авторовъ и тѣхъ народовъ, въ которыхъ науки созрѣли и утвердилися... Если бы такимъ перомъ, каково мое, описана была вся Европа, не дорого бы стоило Россіи, ежели бы она и триста тысячъ рублевъ на это безвозвратно употребила (статья: «о путешествіяхъ»). Задорное самолюбіе сатирика находило также пищу въ затрудненіяхъ и хлопотахъ, которыя онъ встрѣчалъ, какъ директоръ театра; въ бѣдныхъ средствахъ для жизни, или, по его словамъ, «въ крайнемъ убожествѣ», изъ котораго онъ не могъ выбиться, хотя для русской сцены «трудился побольше Расина и Вольтера»; наконецъ въ современномъ состояніи общества, которое хотя и признавало громкую славу иныхъ литераторовъ, но не давало литературѣ равныхъ правъ съ другими сферами дѣятельности. Ироніей и горечью отзывается его жалоба Шувалову на стѣснительныя обстоятельства: «мои упражненія ни съ придворными, ни съ статскими ни малѣйшаго сходства не имѣютъ, и ради того я ни у кого не стою на дорогѣ, а труды мои ни чьихъ не меньше и нѣкоторую пользу приносятъ, ежели словесныя науки на свѣтѣ пользою называются» (письмо 15 ноября 1759). Не меньше горечи и въ отвѣтѣ на вопросъ: что бы я дѣлалъ, еслибъ былъ великій человѣкъ и малый господинъ? «Я бы, по многомъ моемъ стараніи показывать моему отечеству и свѣту заслуги, никого бы никакою докукою не отягощалъ и полагалъ бы надежду на достоинство свое и на заслуги отечеству; а когда бы въ томъ обманулся, такъ бы я по многомъ своемъ терпѣніи сошелъ съ ума и былъ бы такой человѣкъ, какіе не только ничего не дѣлаютъ, но и ни о чемъ не думаютъ». Поставленный вниманіемъ двора и нѣкоторыхъ вельможъ въ среду высшаго круга и частію самъ принадлежа къ нему по своему рожденію (онъ былъ сынъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника), Сумароковъ имѣлъ много поводовъ выказывать черты своего нрава. Живая натура его не

могла сносить ни пренебреженія къ наукѣ и словесности, ни нападокъ на собственную личность, ни похвалъ литературнымъ совмѣстникамъ. Большихъ усилій стоило ему воздерживаться отъ споровъ, которые могли быть ему непріятны или которые другимъ могли доставить неудовольствіе. Тѣ случаи, когда онъ оказывался «смирнымъ», почитали рѣдкимъ явленіемъ. Всѣ эти стороны оригинальнаго темперамента Сумарокова отразились на его сатирѣ— искренней, рѣзкой, полной огня и движенія и представляющей живыя связи съ дѣйствительностью. Въ этомъ ея достоинство. Она не страдаетъ отвлеченностью, имѣющею мѣсто тамъ, гдѣ сатирикъ занятъ изображеніемъ безнравственныхъ явленій, свойственныхъ человѣку вообще, безъ различія времени и мѣста. Напротивъ, она обличаетъ современныя ей «презрительныя вещи», которыя не только поражали, но и раздражали ея автора. Сочувствіе и антипатія, равно горячія, высказывались у Сумарокова торопливо и тревожно. Онъ также легко передавалъ бумагѣ свои чувства, какъ легко зараждались они въ душѣ его по слѣдамъ событій. Такое наблюденіе и представленіе темныхъ сторонъ современности заслужили его сатирамъ названіе «общественной критики», а самому автору «критика общественныхъ нравовъ». Кн. Вяземскій справедливо находитъ въ немъ съ этой стороны нѣкоторое сходство съ Бомарше.

Сатирами и трагедіями не ограничивалась дѣятельность Сумарокова. Онъ писалъ во всѣхъ родахъ словесности, поэтическихъ и прозаическихъ, сколько по характеру тогдашняго авторства, которое стремилось къ универсальности, столько жъ изъ соперничества съ Ломоносовымъ, который трудился по разнымъ отраслямъ науки и литературы, а равно изъ желанія подражать Вольтеру, этому «всеобъемлющему уму», какъ его тогда величали. Въ длинномъ спискѣ сочиненій Сумарокова читатель встрѣчаетъ лирическія и драматическія піесы всѣхъ видовъ, ораторскія рѣчи, статьи историческія, нравственно-философическія, филологическія, критическія и пр. Такое разнообразіе дѣятельности, хотя и бывающее въ ущербъ ея внутреннему значенію, какъ нельзя больше приходилось ко времени. При развитіи вкуса къ чтенію и театральнымъ зрѣлищамъ, большинство грамотныхъ нуждалось не въ кабинетной учености, а въ живомъ, впечатлительномъ талантѣ, который любитъ являться въ обществѣ, чтобы людей посмотрѣть и еще болѣе себя показать, которому не сильное, но многостороннее образованіе даетъ возможность сближаться съ публикой, угадывать ея наклонности и доставлять ей популярный матеріалъ для чтенія. Такимъ талантомъ былъ именно Сумароковъ. Онъ, по сло-

вамъ Карамзина, сильнѣе дѣйствовалъ на массу читателей, чѣмъ Ломоносовъ, потому что избралъ обширнѣйшую сферу, потому что масса любитъ наиболѣе того, кто ей по плечу, кого она легко понимаетъ. Этимъ объясняется громкая слава Сумарокова и всѣ наименованія его «русскимъ Расиномъ», «русскимъ Лафонтеномъ» и т. п. У него были поклонники между видными лицами: такъ Елагинъ величалъ его «открытелемъ таинства любовной лиры, защитникомъ истины, гонителемъ пороковъ». Съ другой стороны имѣлъ онъ и хулителей. Одно изъ французскихъ стихотвореній гр. Андрея Шувалова обидно характеризуетъ его какъ трагика: «ce copiste insensé des défauts de Racine». Ломоносовъ, свысока смотрѣвшій на риѳмичество Сумарокова, смѣялся надъ нимъ, что онъ «сочинялъ любовныя пѣсни и тѣмъ весьма счастливъ, для того, что вся молодежь, т. е. пажи, коллежскіе юнкера, кадеты и гвардіи капралы такъ ему послѣдуютъ, что онъ передъ многими изъ нихъ самъ на ученика походитъ». Сумароковъ могъ бы отвѣчать своему сопернику, что надобно же что-нибудь читать и молодежи; что молодежь, по лѣтамъ или образованію, не въ силахъ читать сочиненій ученыхъ, которыя могутъ быть цѣнимы только учеными, составляющими небольшую долю общества ([1]).

§ 14. Изъ сношеній Петра Великаго съ Лейбницемъ видно, что послѣдній указывалъ на Москву, Кіевъ, Астрахань и Петербургъ, какъ на такіе города, которые преимущественно должны быть выбраны для учрежденія академій, университетовъ и гимназій. Согласно этому совѣту, Петръ I успѣлъ основать только въ Петербургѣ Академію Наукъ, при которой находились университетъ и гимназія. Но академическій университетъ «не имѣлъ», какъ говоритъ Ломоносовъ, «не только дѣйствія, но даже имени», а гимназія, въ царствованіе Елисаветы, «пришла еще въ худшее противъ прежняго состояніе: въ семь лѣтъ ни единъ школьникъ въ достойные студенты не доучился». Впрочемъ, и при надлежащемъ устройствѣ курсовъ, университетъ едва ли приносилъ бы ожидаемую пользу по своей отдаленности отъ центральныхъ и южныхъ губерній и по своей зависимости отъ Академіи. Болѣе и болѣе сознаваемая необходимость высшаго образованія требо-

---

[1]) Очерки жизни и избранныя сочиненія С—ва, изданные С. Глинкой (1841); С—въ и современная ему критика, Н. Булича (1854); С—въ, В. Стоюнина (1856); Новые матеріалы для біографіи С—ва, ст. Лебедева (Библ. Записки 1858, №№ 14 и 15); Письма Лом—ва и С—ва къ И. Шувалову, Я. Грота (Приложеніе къ 1 т. Записокъ Ак. Н. 1862). — Полное собраніе сочиненій С—ва издано Н. Новиковымъ (1781—82; 2-ое изд. 1787).

вала новаго, самостоятельнаго учрежденія, и въ виду этой потребности, стараніями И. И. Шувалова, возникъ Московскій университетъ (1755). Основаніе его, какъ въ проэктѣ, такъ и въ утвердившемъ его именномъ указѣ, связано съ мыслью о пользѣ просвѣщенія, даннаго Россіи Петромъ: посредствомъ наукъ Петръ Великій возвысилъ наше отечество; науками одни народы пріобрѣтаютъ себѣ славу и превосходство надъ другими, дикими и необразованными; источникъ всякаго добра есть просвѣщенный разумъ, а источникъ всякаго зла—невѣжество; распространеніемъ знаній истребляются суевѣрія, расколы и ереси. Кромѣ главной цѣли, университетское образованіе имѣло также въ виду готовить русскихъ наставниковъ въ замѣнъ иностранцевъ, которымъ родители ввѣряли обученіе дѣтей своихъ и нравственный надзоръ за ними, но которые почти всегда оказывались неспособными ни къ тому, ни къ другому. Въ началѣ своего существованія, новоучрежденный университетъ состоялъ изъ трехъ факультетовъ: юридическаго, медицинскаго и философскаго. Попеченіе о богословскихъ наукахъ предоставлено было синоду. Но университетъ безъ гимназіи «тоже, что пашня безъ сѣмянъ», писалъ Ломоносовъ къ Шувалову; въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, приготовляющихъ юношество къ слушанію лекцій, заключается «главное дѣло, основаніе и начало къ происхожденію ученыхъ Россіянъ»: и потому въ одинъ годъ съ университетомъ были открыты въ Москвѣ двѣ гимназіи—для дворянъ и для разночинцевъ.

Заслуги Московскаго университета для науки и литературы такъ важны, что его исторія есть въ тоже время исторія русскаго образованія. Онъ былъ центромъ умственной дѣятельности, простиравшей свое вліяніе на всѣ концы нашего отечества. Въ немъ по-преимуществу зачиналось и поддерживалось движеніе просвѣтительныхъ началъ, которыя давали ростъ и крѣпость общественному сознанію. Благодаря ему, древняя столица Россіи сдѣлалась вождемъ ея высшихъ, духовныхъ интересовъ. Его столѣтній юбилей (1855) имѣлъ значеніе не областнаго, а всероссійскаго торжества, понятнаго каждому патріоту. Состоя своимъ началомъ въ связи съ Ломоносовымъ, «первымъ русскимъ университетомъ», по выраженію Пушкина, онъ въ дальнѣйшемъ своемъ дѣйствіи связанъ и съ исторіей другихъ нашихъ университетовъ, и съ важнѣйшими моментами въ исторіи русской науки, русской литературы, русскаго слова. По всѣмъ этимъ предметамъ онъ несъ ревностную службу и богатъ почетными преданіями. Излагая науки, университетскія лекціи приносили пользу и отечественной словесности: послѣдняя озарялась тѣмъ свѣтомъ, который исходилъ отъ первой. Между

именами самихъ профессоровъ мы встрѣчаемъ имена достойныхъ литераторовъ. Первый профессоръ изъ русскихъ, Поповскій (1730—1760), столько же принадлежитъ исторія Московскаго университета, сколько и исторіи русской литературы. Онъ преподавалъ философію и краснорѣчіе, которое самъ слушалъ у Тредьяковскаго и Ломоносова. Философическія лекціи онъ открылъ «рѣчью о пользѣ и важности философіи». Наука наукъ представлена точнымъ изображеніемъ храма вселенной. Предметъ ея—«главнѣйшія и самыя общія правила, строгое доказательство каждой истины, раздѣленіе правды отъ неправды». Необходимость ея изученія состоитъ въ томъ, что она дѣйствуетъ на атеистовъ, убѣждая ихъ въ бытіи Бога «правильнымъ и необманчивымъ познаніемъ натуры». Этотъ возвратъ невѣрующаго къ вѣрѣ путемъ знанія напоминаетъ извѣстный намъ взглядъ Ломоносова на родственный союзъ науки и и религіи. Другая часть рѣчи касается изложенія философіи. Разсуждая обо всемъ, что ни есть въ мірѣ, философія не можетъ довольствоваться латинью; профессоръ русскаго университета долженъ передавать ее слушателямъ на языкѣ русскомъ, способномъ выражать всевозможныя мысли: «нѣтъ такой мысли, кою бы по-россійски изъяснить было невозможно». Замѣчательны, по своей новизнѣ и смѣлости, эти нападки на латинскій языкъ, общепринятый въ тогдашнемъ ученомъ мірѣ, это желаніе излагать философскія истины отечественнымъ словомъ и тѣмъ дѣлать ихъ доступнѣе и популярнѣе для русскаго юношества. Литературные труды Поповскаго носятъ на себѣ явственный характеръ дидактизма. Достоинство ихъ въ ясномъ и точномъ выраженіи истинъ, къ которому только и былъ способенъ ихъ авторъ, лишенный поэтическаго дара, и которое цѣнилъ онъ выше другихъ качествъ, какъ ученый. Наука не вдохновляла его, какъ Ломоносова, но давала ему поводъ излагать ея содержаніе въ правильномъ, выразительномъ стихѣ. «Посланіе къ Шувалову о пользѣ наукъ и о воспитаніи юношества (1756)» написано въ стилѣ «Посланія о пользѣ стекла», хотя и уступаетъ ему достоинствомъ. Бѣдность оригинальной литературы обратила вниманіе Поповскаго на переводы иностранныхъ сочиненій. Занятія этимъ предметомъ онъ справедливо называлъ настоятельнымъ, достохвальнѣйшимъ дѣломъ. Вѣрный своему направленію, онъ выбиралъ для перевода дидактическія поэмы и другія стихотворенія въ томъ же родѣ. Особенно прославилъ его «Опытъ о человѣкѣ, Попа (1757)», переданный не съ подлинника, а съ французскаго перевода, и имѣвшій нѣсколько изданій. Современники высоко цѣнили умѣнье Поповскаго находить точныя и образныя выраженія для мыслей ан-

глійскаго стихотворца. Переводъ «Гораціева Посланія къ Пизонамъ (1763)» отличается еще бо̀льшимъ искуствомъ въ версификаціи и бо̀льшею обработанностью языка.

Другимъ профессоромъ изъ русскихъ былъ Барсовъ (1730—1791). Сначала приглашенный на каѳедру математики, а потомъ занявшій мѣсто Поповскаго, онъ, при самомъ открытіи Московскаго университета, произнесъ рѣчь о пользѣ его учрежденія. Здѣсь изложена польза университетскаго, т. е. «весь кругъ просвѣщающаго разумъ ученія», особенно философіи. Во взглядѣ на этотъ предметъ, онъ, подобно своему предшественнику въ преподаваніи краснорѣчія, сходится съ Ломоносовымъ—признаетъ содружество науки и вѣры. Онъ говоритъ: «Было время, когда разумъ нашъ достаточенъ былъ къ совершенному познанію нашего благополучія, воля покорялась разуму безъ упорства и самое благополучіе въ рукахъ нашихъ находилось. Нынѣ преступленіемъ праотца нашего, громкимъ паденіемъ высоты естества нашего, мы лишены толикихъ преимуществъ». Чѣмъ же человѣкъ можетъ вознаградить уронъ, причиненный грѣхопаденіемъ? Науками: онѣ должны «возвратить намъ первоначальное естество наше, возвратить насъ естеству нашему». Изъ учебныхъ сочиненій Барсова замѣчательна доселѣ остающаяся въ рукописи «Обстоятельная Россійская Грамматика». Авторъ хотѣлъ въ орѳографіи слѣдовать своему учителю, Тредьяковскому, т. е. основывать ее «на звонахъ». Онъ возстаетъ противъ производства словъ, потому что излишняя къ нему привязанность даетъ мѣсто не только затрудненіямъ, но даже нелѣпостямъ: «было бы странно, говоритъ онъ, писать «стлой», вм. «слой» (отъ глагола «стелю»), «стклянка» вм. «склянка» (отъ сущ. «стекло»), «одиннадесять» вм. «одиннадцать», и пр. Производство часто подчиняется употребленію вообще, и особенно употребленію, основанному на благозвучіи, хотя такое подчиненіе можетъ довести языкъ до того, что и не узнаешь, откуда произвести какое слово». Барсовъ пытался также, по примѣру Тредьяковскаго, сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ нашей азбукѣ. Одна выписка изъ его рукописей: «Сводъ бытій россійскихъ», напечатанная въ Московскомъ Журналѣ 1792 г., даетъ понятіе о задуманной имъ реформѣ: буква *и* вездѣ замѣнена буквою і, для которой принятъ знакъ съ краткимъ; буква ъ въ концѣ словъ уничтожена, а въ серединѣ замѣнена апострофомъ. Эти орѳографическія новизны не были приняты публикою, которая держалась прежняго обычая, да и самъ нововводитель въ послѣдствіи отъ нихъ отказался ([1]).

[1]) Исторія Москов. университета, соч. Шевырева. Жизнь и дѣятельность Поповскаго и Барсова въ Біографич. Словарѣ профессоровъ Москов. Университе-

§ 15. Къ мемуарамъ времени императрицы Елисаветы относятся: записки князя Шаховскаго, Нащокина и Данилова.

Записки кн. Якова Петровича Шаховскаго (1705—1772), доведенныя до 1766 г., интересны какъ содержаніемъ, такъ и добротою нравственнаго впечатлѣнія. Въ періодъ сорокалѣтней службы своей, онъ имѣлъ сношенія съ важнѣйшими людьми временъ Анны и Елисаветы: Бирономъ, Волынскимъ, Минихомъ, Головкинымъ, Шуваловыми, которые, и въ славѣ и въ паденіи, обстоятельно изображены его разсказомъ. Онъ не только былъ свидѣтелемъ придворныхъ перемѣнъ и государственныхъ событій, но и самъ участвовалъ въ важныхъ дѣлахъ духовнаго и гражданскаго вѣдомства, по званію оберъ-прокурора синода и оберъ-прокурора сената: подавалъ проэкты, останавливалъ злоупотребленія, заботился о справедливѣйшемъ ходѣ администраціи. Нравственное впечатлѣніе Записокъ производится благороднымъ образомъ мыслей и дѣйствій ихъ автора, для котораго совѣсть и гражданскій долгъ служатъ главнѣйшими основами жизни. Будучи отъ природы «неробкаго духа», Шаховской еще болѣе укрѣпилъ его строгими правилами воспитанія—стыдиться всего дурнаго, всему предпочитать добродѣтель и справедливость, твердо слѣдовать примѣру людей, оставившихъ по себѣ похвальную память. Нравственныя внушенія принесли свои плоды: Шаховской не измѣнялъ правдѣ во все время своего служебнаго поприща, о которомъ говоритъ открыто, съ сознаніемъ его достоинства. Не взирая на лица, не соблазняясь выгодами, онъ думалъ единственно о пользѣ отечества, о точномъ исполненіи законовъ. Неподкупный патріотизмъ и уваженіе къ законности нажили ему многихъ враговъ: по неудовольствію съ гр. Петромъ Ивановичемъ Шуваловымъ, сильнымъ вельможею при дворѣ Елисаветы, онъ незаслуженно подпалъ гнѣву императрицы, но изъ всѣхъ невзгодъ вышелъ чистымъ, съ спокойствіемъ и ровностію духа, отличающими достойнаго человѣка.

Большая часть сухихъ и краткихъ Записокъ Нащокина (1707—1761) относится также къ царствованію Елисаветы. Онъ отмѣчалъ въ нихъ «достопамятные случаи», которые самъ видѣлъ или о которыхъ дошли до него слухи. Иногда приводятся выписки изъ книгъ о замѣчательныхъ событіяхъ, наприм.: о поимкѣ сирены въ

тета, 2 ч. (1855); о Барсовѣ еще въ 4 т. Исторіи Рос. Академіи, М. Сухомлинова (1878). Сношенія Петра съ Лейбницемъ въ 1 т. Изслѣдованія Пекарскаго: Наука и лит. при Петрѣ (гл. 2). О самомъ Шуваловѣ см.: Жизнь Шувалова, писанная племянникомъ его, кн. Ѳ. Н. Голицынымъ (Москв. 1853, № 6); Благодарное воспоминаніе о Шуваловѣ, рѣчь проф. С. Соловьева, 12 января 1855; И. И. Шуваловъ, г. Бартенева (Рус. Бесѣда, 1857, № 1).

Ютландіи, о смерти профессора Рихмана, убитаго молніею во время опытовъ надъ грозовымъ электричествомъ. Послѣдняя статья достойна вниманія, какъ свидѣтельство чувствъ, возбужденныхъ печальной кончиной естествоиспытателя между людьми малообразованными, хотя и любившими чтеніе. Въ то время, какъ Ломоносовъ, въ письмѣ къ Шувалову, скорбитъ объ участи своего сотоварища по академіи и его семейства, боясь, чтобъ этотъ случай не былъ перетолкованъ противъ любезныхъ ему наукъ, разсказъ Нащокина отзывается не только неуваженіемъ къ опаснымъ трудамъ ученаго, но даже насмѣшкою надъ ними. Судьбу Рихмана, «старавшагося машиною удержать громъ и молнію», Нащокинъ сравниваетъ съ судьбою Эсхила, который также погибъ «чрезъ астрономію, когда сидѣлъ внѣ града на открытомъ мѣстѣ и когда орелъ, принявъ его лысую голову за камень, опустилъ на нее пойманную черепаху». Такимъ образомъ «вымыселъ Рихмана, какъ и греческій трагикъ, получилъ нечаянный конецъ», заключаетъ авторъ Записокъ, принадлежавшій, какъ надобно полагать, къ числу тѣхъ грамотниковъ, которыхъ разумѣлъ Ломоносовъ, говоря о согласіи вѣры съ наукой.

Для исторіи нравовъ въ царствованіе Анны и Елисаветы очень важны «Записки артиллеріи маіора Данилова (1722—1790)», писанныя имъ въ 1771 г. Семи лѣтъ посадили его за азбуку: слѣд. ученіе его относится ко времени Петра II и Анны. Авторъ обстоятельно знакомитъ съ характеромъ этого ученія, состоявшаго въ механическомъ затверживаніи уроковъ. Первымъ наставникомъ его былъ пономарь Филиппъ Брудастый—типъ старинныхъ дидаскаловъ, вооруженныхъ розгой, въ которой они видѣли единственное образовательное средство. Потомъ Даниловъ поселился въ домѣ тетки своей, Матрены Петровны, и продолжалъ «словесное ученіе, состоявшее изъ двухъ книгъ: Часослова и Псалтыри», подъ надзоромъ двороваго человѣка, который соединялъ въ своемъ лицѣ должности наставника и компаньона. Тетка была въ своемъ родѣ Простакова. Портретъ ея стоитъ комическаго характера: «Она грамотѣ не знала; только всякій день, разогнувъ большую книгу на столѣ, акаеистъ Богородицѣ всѣмъ въ слухъ громко читала. Вдова охотница великая была кушать у себя за столомъ щи съ бараниной; только, признаюсь, сколько времени у ней я ни жилъ, не помню того, чтобъ прошелъ хотя одинъ день безъ драки: какъ скоро она примется свои щи любимыя за столомъ кушать, то кухарку, которая готовила тѣ щи, притаща люди въ ту горницу, гдѣ мы обѣдаемъ, положатъ на полъ и станутъ сѣчь батожьемъ немилосердно, и потуда сѣкутъ и кухарка кричитъ, пока не пере-

станетъ вдова щи кушать; это такъ ужъ введено было во всегдашнее обыкновеніе, видно для хорошаго аппетиту». Въ родномъ племянникѣ Матрены Петровны, товарищѣ Данилова по ученію, готовился своего рода Митрофанъ (лице въ комедіи «Недоросль»): не онъ былъ наказываемъ за проступки, а Даниловъ и челядинецъ-учитель, въ страхъ провинившемуся. Однажды, послѣ такой шемякинской расправы, вдова, поцѣловавъ своего роднаго племянника, сказала ему: «чаятельно ты, Иванушка, давича испугался, когда сѣкли твоихъ товарищей; не бойся, голубчикъ, я тебя никогда сѣчь не стану». Интересно также изображены въ «Запискахъ» гр. Петръ Ивановичъ Шуваловъ и жена его.

§ 16. Василій Григоровичъ (1702—1747), болѣе извѣстный подъ именемъ «Барскаго», по волынскому городу Бару, гдѣ жили его предки, служитъ образцомъ самаго усерднаго пилигримства. Получивъ образованіе въ академіяхъ Кіевской и Львовской, онъ изъ Львова отправился (1723) на востокъ для обозрѣнія св. мѣстъ. Послѣ десятилѣтняго странствованія по Италіи, Греціи, Палестинѣ, Египту и Аравіи, принялъ монашество въ Дамаскѣ и по собственному его желанію уволенъ для продолженія наукъ на островъ Патмосъ, гдѣ пробылъ шесть лѣтъ. Около года занимался на Аѳонѣ описаніемъ монастырей и другихъ достопримѣчательностей. Отсюда ходилъ въ греческія области и потомъ черезъ Царьградъ воротился въ отечество. Во время своего путешествія Григоровичъ часто мѣнялъ свою фамилію, называясь то «Барскимъ», то «Кіевскимъ» по родинѣ, то «Плакою» по гречески, или «Альбовымъ» по латинѣ, отъ фамиліи Бѣляевъ. Записки его изданы въ 1778 г. литераторомъ Рубаномъ, подъ заглавіемъ: «Пѣшеходца Василія Григоровича Барскаго-Плаки-Албова, уроженца кіевскаго, монаха антіохійскаго, путешествіе къ св. мѣстамъ, въ Европѣ, Азіи и Африкѣ находящимся, предпріятое въ 1723 и оконченное въ 1747 г.». Самая значительная часть ихъ посвящена описанію горы Аѳонской. Въ XVIII в. онѣ служили для многихъ классовъ публики такимъ же интереснымъ чтеніемъ, какимъ для древнерусскаго періода служило «Хожденіе Даніила». Онѣ долгое время оставались рукописными. Списки ихъ особенно были распространены въ Малороссіи и сопредѣльныхъ съ нею губерніяхъ. Напечатанныя по порученію и на иждивеніи Потемкина, онѣ имѣли потомъ нѣсколько изданій. Успѣхъ ихъ объясняется теплымъ чувствомъ вѣры, которое не покидало странника среди всѣхъ опасностей и лишеній, интересомъ содержанія и безпристрастіемъ разсказа. Иностранцы, посѣщавшіе Палестину и другія святыя мѣста,

или вовсе умалчивали о православномъ богослуженіи, или отзывались о немъ недоброжелательно, выхваляя только своихъ одновѣрцевъ. Григоровичъ же, по замѣчанію издателя его Записокъ, «и собственныхъ слабостей не скрываетъ, и доброе у чужеземцевъ хвалитъ, и чудесъ не опровергаетъ, и суевѣріемъ своей совѣсти не помрачаетъ».

§ 17. Разсматривая похвальныя оды Ломоносова, мы опредѣлили характеръ духовнаго ораторства при Елисаветѣ. Къ именамъ Амвросія Юшкевича, Кирилла Флоринскаго и Димитрія Сѣченова надобно присоединить еще имя псковскаго епископа, Гедеона Криновскаго (1726—1763). Лучшее изъ его словъ произнесено по случаю лиссабонскаго землетрясенія (1755). Пораженные грознымъ событіемъ, современные философы и богословы смотрѣли на него съ разныхъ точекъ зрѣнія. Вольтеръ написалъ дидактическую поэму: «Разрушеніе Лиссабона», въ которой отвергаетъ оптимизмъ, распространенный англійскими мыслителями и изложенный Попомъ въ «Опытѣ о человѣкѣ». Проповѣдникъ слова Божія взглянулъ на ужасы природы въ духѣ религіознаго ученія. Различныя бѣдствія, равно какъ и всѣ другія явленія въ жизни человѣка и вещественнаго міра, имѣютъ источникомъ не естество (какъ думала школа французскихъ энциклопедистовъ), а противо-христіанское поведеніе наше: такова тэма слова. Криновскій, подобно Златоусту, объятъ страхомъ не ради землетрясенія, а ради вины землетрясенія; онъ боится не того, что разрушаются города и гибнутъ ихъ жители, а того, что Богъ гнѣвается на землю: ибо вина землетрясеній есть гнѣвъ Божій, а вина гнѣва Божія—наши грѣхи. Отъ картины современныхъ бѣдствій ораторъ переходитъ къ мысли о страшномъ судѣ, которому они какъ бы служатъ предвѣстниками.

§ 18. Первымъ учено-литературнымъ журналомъ въ Россіи были «Ежемѣсячныя сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія» (1755—1764) (¹). Поводомъ къ его изданію служило предложеніе академика Миллера, извѣстнаго своими важными трудами по русской исторіи. Въ этомъ предложеніи академической конференціи объяснялось, что издаваемыя академіею на русскомъ языкѣ «Содержанія ученыхъ разсужденій», по своей спеціальности, приносятъ незначительную пользу только части русской публики и что большинству любознательныхъ читателей нужно другое, полное и все-

1) Такъ назывался онъ въ первые три года изданія (1755—1757): потомъ (1758—1762) «Сочиненія и переводы, къ пользѣ и увеселенію служащія;» наконецъ (1763—1764) «Ежемѣсячныя сочиненія и извѣстія о ученыхъ дѣлахъ».

стороннее, періодическое изданіе, которое доставляло бы имъ пищу для ума и средства къ дальнѣйшему саморазвитію. Академія согласилась съ мыслію Миллера и возложила на него редакцію.

Самое названіе журнала показываетъ, что онъ наполнялся статьями серьезнаго и легкаго содержанія, по образцу иностранныхъ повременныхъ изданій, которыя старались соединять полезное съ пріятнымъ: въ Гамбургѣ, Ганноверѣ и другихъ мѣстахъ также выходили «сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія». Программа Миллерова ежемѣсячника обстоятельно изложена въ «предувѣдомленіи». «Мы будемъ», говоритъ издатель, «предлагать всякія сочиненія, какія только обществу полезны быть могутъ, а именно: не одни только разсужденія о собственно такъ называемыхъ наукахъ, но и такія, которыя въ экономіи, въ купечествѣ, въ рудокопныхъ дѣлахъ, въ мануфактурахъ, въ механическихъ рукодѣліяхъ, въ архитектурѣ, въ музыкѣ, въ живописномъ и рѣзномъ художествахъ и въ прочихъ какое ни есть новое изобрѣтеніе показываютъ или къ поправленію чего-нибудь поводъ подать могутъ... Одни токмо тѣ сочиненія выключены, кои ради глубокаго ихъ смысла не всѣмъ ясны и вразумительны бываютъ; ибо мы за правило себѣ приняли писать такимъ образомъ, чтобъ всякій, какого бы кто званія или понятія ни былъ, могъ разумѣть предлагаемыя матеріи... Стихотворческія сочиненія принимаемъ мы наипаче для того, что въ нихъ многое весьма сильнѣе и пріятнѣе изображается, нежели простымъ слогомъ; къ тому жъ мы за должность свою признаваемъ писать не токмо для пользы, но и для увеселенія читателей... Есть еще другія піитическія сочиненія, которыя не требуютъ, чтобъ написаны были стихами, а именно: нравоучительныя притчи, сны, повѣсти и подобныя тому описанія. Изображенныя такимъ простымъ слогомъ піитическія вымышленія не меньше полезны, коль и пріятны: того ради намѣрены мы временемъ сообщать и такія сочиненія, а притомъ чаемъ, что и переводы всякихъ полезныхъ и пріятныхъ матерій, взятыхъ изъ иностранныхъ книгъ, не непріятны будутъ читателямъ». Эти слова знакомятъ насъ съ цѣлью, направленіемъ и составомъ «Ежемѣсячныхъ сочиненій». Мы узнаемъ, что рядомъ съ оригинальными статьями они предлагали и переводы, которые въ то время, при незначительномъ еще развитіи нашей литературы и науки, имѣли гораздо большее значеніе, чѣмъ теперь; что тѣ и другія статьи должны были отличаться общедоступнымъ изложеніемъ; что хотя онѣ не группировались на отдѣлы, какъ въ журналахъ позднѣйшей эпохи, а печатались одна за другою, безъ всякой заранѣе опредѣленной классификаціи, однакожъ могутъ быть сведены къ

тремъ разрядамъ: а) на первомъ планѣ стояли сочиненія ученыя, собственно къ пользѣ служащія; б) за ними слѣдовали стихотворенія, служащія для увеселенія читателей; в) средину между тѣми и другими занимали статьи полезно-увеселительныя, то есть «изображенныя простымъ слогомъ піитическія вымышленія». Послѣдніе два отдѣла составляли литературный элементъ журнала, уступавшій въ объемѣ и достоинствѣ элементу ученому, которому посвящался первый отдѣлъ.

Въ ряду статей перваго отдѣла, относящихся ко всѣмъ отраслямъ знанія, главное мѣсто отведено исторіи нашего отечества. Твердо убѣжденный, что все русское должно быть интересно для Русскихъ, Миллеръ преимущественно заботился о такихъ сочиненіяхъ, которыя имѣютъ предметомъ прошлое и настоящее Россіи: ея исторію, географію и статистику. На страницахъ его журнала встрѣчаемъ критическія изслѣдованія объ отдѣльныхъ вопросахъ исторіи и опыты прагматическаго изложенія событій; сочиненія, обнимающія исторію всей Россіи и историческія монографіи ея областей или городовъ; описаніе политическаго состоянія государства, или внутренняго быта нашихъ предковъ и т. п. Наибольшая часть трудовъ по этимъ предметамъ принадлежитъ самому издателю. Таковы, напримѣръ: «о лѣтописи Нестора и ея продолжателяхъ», «о началѣ и происхожденіи казаковъ», «извѣстія о запорожскихъ казакахъ», «опытъ новѣйшей исторіи о Россіи», «краткое извѣстіе о началѣ Новгорода и о происхожденіи россійскаго народа», нѣсколько главъ «Сибирской исторіи». Назначая свое изданіе не для спеціалистовъ, а для массы читателей, Миллеръ необходимо долженъ былъ заботиться о томъ, чтобы ученыя статьи выходили общезанимательными по содержанію и простыми по формѣ. Онѣ имѣли цѣлію не столько обогащеніе науки новыми свѣдѣніями и открытіями, сколько распространеніе въ средѣ общества тѣхъ истинъ, которыя уже были доказаны и приняты ученымъ міромъ. Поэтому спеціальныя и сухія изслѣдованія не могли найти себѣ мѣста въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ». Исключеніе изъ этого правила было допущено только для изслѣдованій о прежней судьбѣ и современномъ бытѣ Россіи. Здѣсь, ради важности предмета, извинялись спеціальность содержанія и сухость изложенія. Къ первому же отдѣлу журнала слѣдуетъ причислить статьи критическія и библіографическія, которыя Миллеръ помѣщалъ подъ именемъ «извѣстій о ученыхъ дѣлахъ» и которыя заключаютъ въ себѣ обзоры замѣчательнѣйшихъ книгъ, иностранныхъ и русскихъ.

По второму отдѣлу «Ежемѣсячныхъ сочиненій» главными со

трудниками Миллера были Ломоносовъ, Сумароковъ, Херасковъ и другіе извѣстнѣйшіе писатели того времени. Ихъ-то разумѣло «предувѣдомленіе», объявляя, что «такіе стихотворцы, какихъ Россія нынѣ имѣетъ, достойны, чтобъ потомкамъ въ примѣръ поставлены были». Большую часть стихотвореній доставилъ Сумароковъ.

Отдѣлъ полезно-увеселительныхъ сочиненій соотвѣтствовалъ тому, что въ современныхъ журналахъ извѣстно подъ именемъ беллетристики. Онъ наполнялся не романами и повѣстями, представляющими художественное изображеніе дѣйствительности, а статьями дидактическаго направленія, посвященными развитію нравственно-философскихъ идей, преимущественно въ аллегорической формѣ, т. е. въ формѣ сновъ, притчъ, сказокъ и т. п. Нѣкоторыя статьи даже озаглавлены словомъ «аллегорія». Дидактизмъ господствовалъ въ европейской словесности XVIII в. и всего болѣе выразился особымъ видомъ сатиры, которая только своимъ внѣшнимъ видомъ относилась къ литературнымъ произведеніямъ, а по содержанію входила въ область науки. Эта сатира имѣла цѣлію преслѣдовать не какіе-либо особенные недостатки извѣстной страны въ извѣстную эпоху, а пороки и слабости общечеловѣческіе, существующіе во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Характеръ ея нѣсколько опредѣляется самыми заглавіями статей, наприм.: «сонъ о порокахъ и жалобахъ человѣческихъ», «разговоръ между любовью и разумомъ», «сонъ о роскоши», «о благоразуміи», «о людяхъ, обѣщаній своихъ не исполняющихъ», и пр. За подобными «піитическими вымышленіями» Миллеръ обращался къ иностраннымъ источникамъ. Англійскіе журналы: «Говорунъ», «Зритель» и «Опекунъ», издававшіеся Стилемъ и Аддисономъ, доставили ему значительное количество матеріаловъ. Оригинальныхъ статей въ третьемъ отдѣлѣ немного. Знаменитый Суворовъ сочинилъ для него два разговора въ царствѣ мертвыхъ: одинъ, между Кортецомъ и Монтезумой, доказываетъ, что героямъ потребны благость и милосердіе; другой, между Александромъ Великимъ и Геростратомъ, различаетъ истинную любовь къ славѣ и простое желаніе извѣстности.

Миллеръ выполнилъ свою журнальную программу съ умомъ, знаніемъ дѣла и крайнею добросовѣстностію. «Ежемѣсячныя сочиненія» имѣли большой успѣхъ: они совершенно пришлись по вкусу публики, удовлетворяя дѣйствительнымъ ея потребностямъ, и потому публика читала ихъ съ жадностью, какъ свидѣтельствуетъ митрополитъ Евгеній. Отражая въ себѣ до нѣкоторой степени все состояніе тогдашней словесности, иностранной и оте-

чественной, они передавали любознательнымъ людямъ множество полезныхъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ наукъ. Нѣкоторыя изслѣдованія, помѣщенныя въ первомъ ихъ отдѣлѣ, сохраняютъ цѣну и въ настоящее время.

Съ 1756 г. при московскомъ университетѣ началось изданіе «Московскихъ Вѣдомостей». Первыми редакторами ихъ были Поповскій и Барсовъ. Онѣ содержали въ себѣ извѣстія о замѣчательныхъ событіяхъ въ Россіи и западной Европѣ, о промышленной и общественной жизни въ Москвѣ. Черезъ нихъ, какъ черезъ свой органъ, университетъ знакомилъ публику со всѣми новостями касательно курсовъ ученія, профессоровъ, студентовъ и академическихъ торжествъ. Впрочемъ, въ первыя семь лѣтъ своего существованія (1755—1762), Московскія Вѣдомости имѣли чисто-оффиціальный характеръ. Литературныхъ статей въ нихъ почти не было.—Подражая Миллеру, Сумароковъ, въ 1759 г., издавалъ ежемѣсячникъ, подъ названіемъ: «Трудолюбивая Пчела». Большая часть статей, здѣсь помѣщенныхъ, принадлежитъ самому издателю. Въ то время литераторъ, принимавшій на себя изданіе журнала, долженъ былъ нести дѣйствительную, а не номинальную отвѣтственность передъ публикой. При маломъ числѣ пишущихъ, онъ не всегда могъ расчитывать на стороннюю помощь и часто одинъ несъ бремя журнальной работы. Поэтому неудивительно читать въ примѣчаніи къ майской книжкѣ Трудолюбивой Пчелы: «весь сей мѣсяцъ сочиненія Александра Сумарокова». Лучшую часть журнала, вообще слабаго, составляли прозаическія статьи издателя, принадлежащія къ области сатиры, которая имѣетъ предметомъ не общечеловѣческіе недостатки, какъ въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ», а недостатки современнаго русскаго общества. Сотрудники Сумарокова доставляли ему преимущественно переводы съ древнихъ языковъ: изъ Горація, Овидія, Ливія, Лукана, Лукіяна, Ксенофонта, Віона. Переведено также нѣсколько статей изъ англійскаго «смотрителя» (т. е. Аддисонова Зрителя).—Между другими журналами, выходившими въ 1759—63 г.г., наиболѣе замѣчателенъ журналъ Рейхеля, профессора московскаго университета: «Собраніе лучшихъ сочиненій къ распространенію знанія и къ произведенію удовольствія», выходившій въ 1762 г., по книжкѣ черезъ каждые три мѣсяца. Уже самое названіе сборника даетъ знать, что издатель его намѣревался слѣдовать по пути, указанному Миллеромъ, т. е. соединять въ своемъ изданіи полезное съ пріятнымъ. Намѣреніемъ его было передать на русскій языкъ лучшія иностранныя сочиненія по физикѣ, экономіи, нравоученію, политической и ученой исторіи. Особенно заботился онъ о тѣхъ

читателяхъ, «которые не имѣютъ склонности къ глубокомысленнымъ разсужденіямъ». Переводчиками были студенты московскаго университета, между которыми нерѣдко встрѣчается имя Фонъ-Визина ([1]).

§ 19. Литература времени Екатерины II, сохраняя, по формѣ, ложноклассическое направленіе, данное ей Ломоносовымъ, въ тоже время, по содержанію, становится органомъ просвѣтительныхъ идей и стремленій XVIII вѣка, которыми интересовались всѣ мыслящіе и образованные люди и которыя стали выражаться еще въ царствованіе Елисаветы, какъ это мы видѣли, говоря о трагедіяхъ Сумарокова. Такимъ образомъ двоякое вліяніе французской литературы на нашу, начавшееся въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія (вліяніе по формѣ и по образу мыслей) со вступленія на престолъ Екатерины II принимаетъ большую силу и большіе размѣры. Сама Императрица подала тому примѣры своими сочиненіями, изъ коихъ «Наказъ» стоитъ на первомъ планѣ, излагая начала, выработанныя современною наукою. Къ нему примыкаютъ другія ея произведенья, связанныя съ нимъ и между собою согласіемъ основныхъ воззрѣній. Первымъ дѣломъ Екатерины, по ея вступленіи на престолъ, было даровать Россіи новую, органическую систему законовъ. Чтобы узнать истинныя нужды народа, она повелѣла учредить въ Москвѣ коммиссію изъ депутатовъ отъ всѣхъ званій и сословій, для сочиненія проэкта новаго уложенія. Въ руководство же коммиссіи при ея работахъ написала инструкцію или «Наказъ», заключающій въ себѣ положенія, на которыхъ долженствовала воздвигнуться законодательная система. Содержаніе его заимствовано изъ Монтескье («о духѣ законовъ») и Беккаріи («о преступленіяхъ и наказаніяхъ»). Оно отвѣчало современной потребности—примѣнить къ законамъ начала истины и человѣколюбія. Карамзинъ, въ похвальномъ словѣ Екатеринѣ, опредѣляетъ характеръ ея царствованія такими словами: «Екатерина уважала въ подданномъ санъ человѣка, нравственнаго существа, созданнаго для счастія въ гражданской жизни. Петръ I возвысилъ насъ на степень образованныхъ людей; Екатерина хотѣла обходиться съ нами, какъ съ людьми образованными». Въ манифестѣ «объ учрежденіи коммиссіи для сочиненія проэкта новаго уложе-

[1]) «Очерки русской журналистики, В. Милютина» (Современникъ 1851 г., т.т. XXV и XXVI); «Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 г.г., П. Пекарскаго» (въ приложеніи къ XII т. Записокъ Ак. Н., 1867); Историческое розысканіе о рус. повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 г., А. Неустроева (1874).

нія» она объявила желаніе—видѣть русскій народъ столько довольнымъ и счастливымъ, сколь далеко человѣческое довольство и счастіе простираться могутъ. «Наказъ», данный ею коммиссіи, поставляетъ предметомъ самодержавія—наивозможно большее благо Россіи: «Мы думаемъ и за славу себѣ вмѣняемъ сказать, что Мы сотворены для нашего народа. Боже сохрани, чтобы былъ какой народъ больше процвѣтающъ на землѣ».

Но возможное совершенство гражданскаго благоденствія существуетъ только при народной нравственности. Только тотъ народъ имѣетъ право имъ пользоваться и дѣйствительно пользуется, въ которомъ развито чувство долга, законности, справедливости, который свои дѣйствія уклоняетъ отъ зла, какъ источника бѣдствій, и направляетъ къ добру, убѣжденный въ его необходимости для счастія. Чтобы нравственно возвысить народъ, надобно ему дать надлежащее воспитаніе. Императрица въ этомъ пунктѣ, равно какъ и во многихъ другихъ, держится ученія Монтесвье и Беккаріи. Слѣдуя первому, «Наказъ» говоритъ, что «правила воспитанія суть первыя основанія, пріуготовляющія насъ быть гражданами»; слѣдуя второму, онъ видитъ въ воспитаніи самое надежное, хотя и самое трудное средство не только отвращать людей отъ преступленій, но и дѣлать ихъ лучшими. Требованіе современной философіи—замѣнить многосложныя и традиціонныя постановленія, управлявшія обществомъ, простыми, здравыми правилами, извлеченными изъ природы человѣка, легло въ основаніе и новой педагогической системы. Авторитетами въ ея области были Локкъ и Руссо. Воспитаніе, устроенное по ихъ руководству, служило радикальной отмѣной прежняго, перевоспитаніемъ. Оно долженствовало произвести полную реформу общества, создать «новую породу людей».

Мысль о созданіи новой породы людей силою воспитанія обращалась въ кругу физіократовъ. Кене смотритъ на общественное воспитаніе, какъ на единственное средство противъ злоупотребленій: послѣднія невозможны, если нація просвѣщена. Государство, по ученію физіократовъ, обязано не только управлять народомъ, но и давать ему извѣстный видъ, не только преобразовывать людей, но и вполнѣ измѣнять ихъ. Воспитывая гражданъ, оно можетъ дѣлать изъ нихъ все, что ему угодно. Этотъ взглядъ подробнѣе развитъ французскимъ министромъ Тюрго въ запискѣ его, поданной Людовику XVI (1775). Пораженный печальнымъ состояніемъ современной жизни, Тюрго полагаетъ корень зла въ отсутствіи плотнаго государственнаго состава. Общество состоитъ изъ различныхъ классовъ, дурно между собою связанныхъ. Каж-

дый занятъ только собственнымъ интересомъ, никто не выполняетъ своихъ обязанностей, не знаетъ своихъ отношеній къ другимъ. Чтобъ уничтожить духъ разъединенія и безурядицы, замѣнивъ его духомъ порядка и единства, необходимо направить силы націи къ общему благу, сплотить всѣ части государства по опредѣленному плану, такъ чтобы отдѣльные граждане были крѣпко привязаны къ семейству, семейства къ деревнѣ или городу, города и деревни къ округамъ, округи къ провинціямъ, провинціи къ цѣлому государству. Наилучшее для этого средство—новая, централизованная система воспитанія. Тюрго предлагаетъ учредить «совѣтъ народнаго образованія», который дѣйствовалъ бы въ одномъ духѣ и по однимъ началамъ, и въ вѣдомствѣ котораго находились бы всѣ ученыя и учебныя заведенія, отъ академій до элементарныхъ школъ. Въ томъ же духѣ слѣдуетъ составить учебныя руководства, чтобы изученіе обязанностей гражданина, какъ члена семейства и вмѣстѣ члена государства, было краеугольнымъ камнемъ для всѣхъ прочихъ знаній. Въ этомъ воспитательномъ механизмѣ обращается вниманіе на два коренные недостатка дотолѣ существовавшей педагогической системы: во первыхъ, на развитіе спеціальнаго образованія въ ущербъ общему гражданскому ученію; во вторыхъ, на отсутствіе нравственнаго элемента. Тюрго жалуется на слабость той науки, которая излагаетъ общественныя обязанности человѣка. У насъ, говоритъ онъ, есть методы и учрежденія для образованія геометровъ, физиковъ, живописцевъ, и нѣтъ ничего подобнаго для образованія гражданъ. Всѣ усилія наши стремятся къ приготовленію ученыхъ. Не достигшіе этой цѣли оставляются безъ вниманія и становятся ничѣмъ. Новая система воспитанія должна образовать на всѣхъ ступеняхъ общества людей добродѣтельныхъ и полезныхъ, души правдивыя, сердца чистыя, ревностныхъ гражданъ. Но еще прежде Тюрго мыслящіе люди во Франціи поставляли на видъ недостатокъ общаго и нравственнаго элемента въ образованіи, иначе: недостатокъ воспитанія при многостороннемъ ученіи. Противъ него вооружался Дюкло (†1772), въ Considérations sur les moeurs de ce siècle. Отзывъ его перефразированъ фонъ-Визинымъ, въ «Письмахъ изъ Франціи»: «Воспитаніе во Франціи ограничивается однимъ ученіемъ. Нѣтъ генеральнаго плана воспитанія, и все юношество учится, а не воспитывается. Главное стараніе прилагаютъ, чтобъ одинъ сталъ богословомъ, другой живописцемъ, третій столяромъ; но чтобъ каждый изъ нихъ сталъ человѣкомъ, того и на мысль не приходитъ».

Съ педагогическими воззрѣніями физіократовъ имѣетъ много сходнаго генеральный планъ воспитанія, задуманный Екатериною. Оф-

фиціальное его изложеніе содержится частью въ Наказѣ (въ статьѣ: о воспитаніи) и полнѣе въ докладахъ Бецкаго (†1795), президента академіи художествъ, которому Екатерина поручила выполненіе воспитательныхъ реформъ; неоффиціальное — въ литературныхъ произведеніяхъ. Подобно физіократамъ, Бецкій признаетъ могущество воспитанія, которымъ «даруется новое бытіе и производится новый родъ подданныхъ»; подобно имъ, возлагаетъ на государство обязанность воспитывать народъ; подобно имъ, отъ новой педагогической системы ждетъ искорененія двухъ главнѣйшихъ недостатковъ прежней: односторонности спеціальнаго образованія и пренебреженія нравственнымъ началомъ при развитіи человѣческихъ способностей. Не слѣдуетъ однакожъ заключать отсюда, что Бецкій заимствовалъ свои понятія у физіократовъ. Этого не могло быть уже и потому, что первый докладъ Бецкаго о воспитаніи юношества обоего пола относится къ 1764 г., слѣдов. предшествовалъ не только запискѣ Тюрго, поданной въ 1775 г., но даже книгѣ Дювло, изданной въ 1765 г., и тѣмъ сочиненіямъ французскихъ экономистовъ, которые разсуждаютъ объ устройствѣ центральнаго, взятаго на себя правительствомъ воспитанія. Мы указали на сходство педагогическихъ воззрѣній въ двухъ различныхъ странахъ, какъ на замѣчательный фактъ общаго настроенія мысли въ той средѣ образованнаго класса, которая усвоивала философическіе взгляды XVIII в.

Правила воспитанія изложены Бецкимъ: въ упомянутомъ докладѣ 1764 г.; въ разсужденіяхъ, служащихъ руководствомъ къ новому уставу сухопутнаго кадетскаго корпуса (1766); въ краткомъ наставленіи о воспитаніи дѣтей отъ рожденія ихъ до юношества (1766), и въ генеральномъ планѣ воспитательнаго дома (1763 и 1767). Всѣ эти работы, вмѣстѣ со многими другими постановленіями, изданы отдѣльною книгою, въ 3 ч.: «Собраніе учрежденій и предписаній, касательно воспитанія въ Россіи обоего пола благороднаго и мѣщанскаго юношества (1789—91)». Извлекаемъ изъ нихъ сущность педагогическихъ реформъ.

Образованіе при Петрѣ и ближайшихъ его преемникахъ имѣло своею задачею—усвоить европейскую цивилизацію на столько, на сколько она была пригодна для матеріальныхъ потребностей государства. Это было собственно «ученіе», т. е. пріобрѣтеніе спеціальныхъ знаній, какъ средствъ для успѣшнаго отправленія той или другой службы. Образованіе, въ исключительныхъ видахъ практической пользы, не только страдало односторонностью, но оказалось несостоятельнымъ даже въ своей ограниченной сферѣ. Недостаточные его успѣхи объясняетъ Бецкій слѣдующимъ образомъ:

«Хотя съ давняго времени Россія имѣетъ академію и разныя училища, и много издержано на посылку юношества въ чужіе краи для обученія наукамъ и художествамъ; однакожъ мало получено отъ того существительныхъ (существенныхъ) плодовъ. Причина этому не въ недостаткѣ способностей у русскаго человѣка: напротивъ, провидѣніе щедро надѣлило его дарами; а въ недостаткѣ средствъ къ достиженію цѣли или въ выборѣ средствъ дурныхъ. Дворяне, отправленные за границу еще при Петрѣ I, скоро и хорошо выучились тому, чему должны были выучиться; но по возвращеніи въ отечество, увидѣвъ открытую имъ дорогу почестей, на которыя они имѣли право по образованію, перестали заниматься науками. Другіе, взятые въ ученіе изъ простаго народа, также оказали быстрые успѣхи, но потомъ еще скорѣе обратились къ прежнему невѣжеству». Отъ внѣшняго усвоенія европейской цивилизаціи произошла въ послѣдствіи другая односторонность: въ замѣну стариннаго невѣжества, возникло невѣжество инаго рода—ложное, превратное образованіе. Удаляясь отъ простоты своихъ предковъ, новое поколѣніе вмѣстѣ съ нею теряло и благонравіе. Еще Кантемиръ вооружался противъ пороковъ, сопутствующихъ полуобразованности, и требовалъ истиннаго благородства, честности, гражданскихъ заслугъ. На нихъ-то обратила вниманіе Екатерина. Доклады Бецкаго сѣтуютъ на упущеніе изъ виду нравственности—главнѣйшаго предмета педагогическихъ заботъ: «Опытъ доказалъ, что одинъ только украшенный или просвѣщенный разумъ не производитъ еще добраго, прямаго гражданина; напротивъ, онъ становится вреднымъ для того, у кого съ юныхъ лѣтъ не вкоренена въ сердце добродѣтель. Отъ небреженія нравственности, отъ ежедневныхъ дурныхъ примѣровъ привыкаетъ онъ къ мотовству, своевольству, безчестному лакомству, непослушанію. При такомъ недостаткѣ нравственнаго воспитанія напрасно ласкать себя ожиданіемъ истинныхъ успѣховъ въ наукахъ и искуствахъ».

Какимъ же образомъ уничтожить слѣдствія мнимаго просвѣщенія, состоящаго въ одностороннемъ стремленіи къ европейской цивилизаціи? Одно ученіе безсильно производить истинно-хорошихъ людей, истинно полезныхъ гражданъ: кромѣ просвѣщенія ума наукой, необходимо облагороженіе сердца. Необходимо поставить на первомъ планѣ воспитаніе нравственное, посредствомъ котораго знаніе не только соединяется съ добродѣтелью, но и подчиняется добродѣтели. Таково и было намѣреніе Екатерины: она хотѣла, «чтобы съ изящнымъ разумомъ соединялось изящное сердце». Руководствуясь Локкомъ, она хотѣла, чтобы молодой человѣкъ выходилъ изъ школы или изъ родительскаго дома не столько

ученымъ, сколько благовоспитаннымъ. Надлежащее воспитаніе долженствовало быть всестороннимъ развитіемъ способностей человѣка—тѣлесныхъ, умственныхъ и нравственныхъ, но такъ, чтобы элементъ нравственный (благонравіе) занималъ первое мѣсто. Успѣхамъ въ наукахъ предпочиталось хорошее поведеніе: въ «Уставѣ академіи художествъ» предписано «паче всего разсматривать похвальное поведеніе и благонравіе учениковъ; «Разсужденія, служащія руководствомъ къ новому уставу кадетскаго корпуса», объявляютъ, что главное намѣреніе при заведеніи училищъ—«не науки только и художества умножать въ народѣ, но вкоренять въ сердцѣ добронравіе». Тоже самое въ планѣ коммерческаго училища (1772): первымъ и главнымъ предметомъ, съ начала пріема и до выпуска, — физическое и нравственное, т. е. приведеніе дѣтей въ твердость сложенія тѣлеснаго и направленіе сердца и разума къ добродѣтели».

Воспитаніе, обязанное произвести «новую породу людей», не достигнетъ своей цѣли (такъ разсуждалъ Бецкій), если дѣти останутся при породѣ старой—при своихъ родителяхъ, которые воспитывались иначе или не воспитывались никакъ. Умъ прежняго поколѣнія, зараженнаго ложными понятіями, и нерѣдко его дурная нравственность оказали бы вредное вліяніе на поколѣніе молодое. Поэтому педагогическій планъ Бецкаго могъ быть исполненъ не иначе, какъ учрежденіемъ особыхъ воспитательныхъ училищъ, которыя принимали бы дѣтей въ самомъ раннемъ возрастѣ и удерживали бы ихъ до 18 или 20 лѣтъ, не допуская сообщеній съ другими, такъ чтобы и съ ближайшими родственниками дѣти могли видаться только въ назначенные дни и въ присутствіи надзирателей или надзирательницъ. Обязанность начальства въ этихъ «закрытыхъ воспитательныхъ заведеніяхъ» опредѣлялась характеромъ новаго воспитанія. Оно должно было, по наставленію «Наказа», «вселять въ юношество страхъ Божій, утверждать юныя сердца въ похвальныхъ склонностяхъ, пріучать ихъ къ основательнымъ и приличнымъ ихъ состоянію правиламъ, возбуждать въ нихъ охоту къ трудолюбію, чтобы они страшились праздности, какъ источника всякаго зла и заблужденія, научать пристойному въ дѣлахъ и разговорахъ поведенію, учтивости, благопристойности, соболѣзнованію о бѣдныхъ, несчастныхъ, отвращенію отъ всякихъ дерзостей; обучать домостроительству, отвращать отъ мотовства, вкоренять склонность къ опрятности и чистотѣ, однимъ словомъ—наставлять всѣмъ добродѣтелямъ и качествамъ, которыя образуютъ прямыхъ гражданъ, полезныхъ обществу членовъ, служащихъ ему украшеніемъ».

Новое воспитаніе должно было произвести у насъ и среднее сословіе, или «людей третьяго чина», къ которому «Наказъ» причисляетъ: а) не дворянъ и не хлѣбопашцевъ, упражняющихся въ художествахъ, наукахъ, мореплаваніи, торговлѣ и ремеслахъ; б) не дворянъ, вышедшихъ изъ воспитательныхъ домовъ и училищъ духовныхъ и свѣтскихъ; в) дѣтей приказныхъ. Бецкій, указавъ малую пользу отъ образованія людей, взятыхъ изъ «подлости» (простаго званія), прибавляетъ: «отъ сего и людей такого состоянія, которое въ другихъ мѣстахъ третьимъ чиномъ или среднимъ называютъ, Россія до сего времени и произвести не могла». Въ видахъ образованія этого сословія учреждены были при кадетскомъ корпусѣ и при академіи художествъ воспитательныя мѣщанскія училища. Воспитанники ихъ, равно какъ питомцы воспитательнаго дома и коммерческаго училища, отличные по благонравію и успѣхамъ, получали потомственную свободу. По поводу званія, къ которому должно готовить питомцевъ воспитательнаго дома, Бецкій говоритъ: «Извѣстно, что въ государствѣ (русскомъ) два чина только установлены: дворяне и крѣпостные; но какъ по привилегіямъ, жалованнымъ сему учрежденію, воспитанники и потомки ихъ вольными пребудутъ, то они слѣдовательно составятъ третій чинъ въ государствѣ».

Устройство новаго воспитанія, какъ основа общественному благоденствію, составляло, по мнѣнію современниковъ, высшую степень въ развитіи нашей гражданственности. Правительство и образованные люди сознавали его важность. Это сознаніе выражено обращеніемъ Бецкаго къ Екатеринѣ, въ генеральномъ планѣ воспитательнаго дома: «Петръ Великій создалъ въ Россіи людей; Ваше Величество влагаете въ нихъ души». Тоже самое сказано Сумароковымъ въ «Надписи къ статуѣ Петра I»:

Петръ далъ намъ *бытіе*, Екатерина *душу*,

и Херасковымъ, въ эпилогѣ къ повѣсти «Нума»:

Почтенья къ тѣмъ святымъ словамъ я ввѣкъ не рушу:
Петръ Россамъ далъ *тѣла*, Екатерина *душу*.

Обширный планъ воспитанія по указаннымъ идеямъ началъ приводиться въ исполненіе учрежденіемъ новыхъ училищъ и преобразованіемъ прежнихъ. Въ Петербургѣ основано было воспитательное общество для благородныхъ дѣвицъ при воскресенскомъ (смольномъ) монастырѣ (1764) и при немъ такое же общество для дѣвицъ мѣщанскаго сословія (1765); преобразованы: академія художествъ, при которой учреждено воспитательное училище для мѣщанъ (1764), и сухопутный кадетскій корпусъ (1766), при кото-

ромъ также учреждено училище для образованія мѣщанскихъ дѣтей (1772). Въ Москвѣ училища Екатерининское (1764) и Коммерческое (1772). Помощникъ Бецкаго былъ профессоръ Барсовъ: имъ написанъ уставъ воспитательнаго дома, учрежденнаго въ Москвѣ (1763) по образцу уставовъ воспитательныхъ домовъ въ Голландіи, Франціи и Италіи, которые видѣлъ Бецкій во время своего путешествія.

Но такъ какъ намѣреніе правительства основать закрытыя воспитательныя училища во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ Россіи не могло осуществиться за недостаткомъ денежныхъ средствъ и нужнаго числа наставниковъ, то въ послѣдствіи прибѣгли къ учрежденію «народныхъ училищъ». Это были не воспитательныя, а учебныя заведенія, хотя они открывались на однихъ и тѣхъ же началахъ съ первыми. И тамъ и здѣсь исходною точкою служили понятія, что въ воспитаніи юношества заключается единственное средство для утвержденія гражданскаго счастія; что воспитаніе, просвѣщая разумъ, украшаетъ душу и, склоняя волю къ добру, дѣлаетъ человѣка благонравнымъ; что сѣмена полезныхъ знаній необходимо насаждать въ сердцахъ отроковъ съ младенчества, дабы они въ юношествѣ возрасли, а въ возрастъ мужества созрѣли и приносили обществу достойный плодъ. Особая коммиссія (1782) сочинила планъ народныхъ училищъ, пріискала преподавателей, составила учебныя руководства. Уставъ, ею изданный (1786), образуетъ первый періодъ въ исторіи учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія. Народныя училища были двухъ родовъ: «главныя», или «четырехклассныя», и «малыя», или «двуклассныя». Первыя находились въ губернскихъ городахъ; вторыя въ уѣздныхъ. Для подготовки учителей была назначена учительская семинарія, въ Петербургѣ. Устройствомъ учебной части занимался преимущественно Янковичъ де Миріево (1741—1814), родомъ сербъ, бывшій директоромъ темесварскихъ училищъ и вызванный въ Россію, по рекомендаціи Іосифа II.

§ 20. Начала новаго воспитанія, указанныя одною статьею «Наказа» и «докладами» Бецкаго, подробнѣе раскрыты педагогическими сочиненіями самой императрицы, изъ которыхъ одни содержатъ въ себѣ ея понятія о воспитаніи, а другія, согласно этимъ понятіямъ, даютъ матеріалъ для дѣтскаго чтенія. Къ первому роду сочиненій относится «Инструкція кн. Н. И. Салтыкову» при назначеніи его воспитателемъ великихъ князей Александра Павловича и Константина Павловича; ко второму—дѣтская библіотека, написанная для ея внуковъ: «Сказка о царевичѣ Февеѣ», «Сказка о

царевичѣ Хлорѣ», «Выборныя россійскія пословицы», «Записки, содержащія въ себѣ разсказы и разговоры», и «Гражданское начальное ученіе». Если, при составленіи «Наказа», Екатерина обратилась къ Монтескье и Беккаріи—главнымъ авторитетамъ въ законодательствѣ, то педагогическая ея система держится на ученіи Монтеня и преимущественно Локка. Монтень, французскій философъ XVI. в. († 1592), въ своихъ «Опытахъ» показалъ недостатки современнаго ему воспитанія и предложилъ средства замѣнить его другимъ, болѣе раціональнымъ; Локкъ († 1704), въ книгѣ «о воспитаніи», построилъ новую педагогическую систему.

Недостатки воспитанія, въ XVI и XVII в., проистекали, съ одной стороны, отъ непониманія дѣтской природы, а съ другой — отъ непониманія будущаго назначенія дѣтей. Исключительное вниманіе обращалось на пріобрѣтеніе знаній, именно—на изученіе древнихъ языковъ, въ особенности латинскаго; укрѣпленіе же тѣла и образованіе нравственнаго чувства были совершенно выпущены изъ виду. Способъ обученія подавлялъ всякую возможность самостоятельнаго умственнаго развитія: уроки затверживались наизусть механически, такъ что память играла важнѣйшую роль, не давая никакого простора другимъ способностямъ. Строгая дисциплина служила необходимою принадлежностію ученія: въ грубомъ обращеніи съ дѣтьми, въ тѣлесныхъ наказаніяхъ видѣли наилучшее средство къ успѣхамъ; педагогъ являлся не снисходительнымъ другомъ юношества, а строгимъ дидаскаломъ, вооруженнымъ указкою и розгой. Монтень и Локкъ выходятъ изъ другихъ, совершенно противоположныхъ тому требованій. Они расширяютъ сферу воспитанія, разумѣя подъ нимъ развитіе всѣхъ элементовъ человѣческаго состава: тѣлеснаго, умственнаго и нравственнаго, и только измѣняя ихъ относительную важность. Главными условіями образованія полагаются естественность и свобода. Механическое пріобрѣтеніе знаній замѣнено нормальнымъ развитіемъ мыслительной способности, которая отъ того становится самодѣятельною, способною легко усвоять все, что ей ни сообщаютъ. Воспитатель долженъ быть только помощникомъ, руководителемъ юношества. Тѣлесныя наказанія и вообще грубыя принудительныя мѣры, поселяющія въ дѣтяхъ робость или упрямство, устранены вовсе. Мѣсто ихъ заступаютъ благородныя побужденія: «честь», стремящаяся къ пріобрѣтенію и сохраненію любви ближнихъ, и «стыдъ», происходящій отъ сознаннаго невниманія или презрѣнія ближнихъ. Главная цѣль воспитанія—развить нравственное чувство и укрѣпить тѣло; ученіе стоитъ на послѣднемъ планѣ. Каждый человѣкъ долженъ быть не столько ученымъ, сколько благовоспитан-

нымъ; а высшее достоинство благовоспитаннаго — добронравіе, добродѣтель. Педагогическая система Екатерины II построена на тѣхъ же основаніяхъ, т. е. на естественности, свободѣ, терпимости и кроткомъ обхожденіи. Исключительное развитіе ума замѣщено образованіемъ всестороннимъ, воспитаніемъ. Главнѣйшій долгъ наставника—склонять волю дѣтей къ благимъ дѣйствіямъ, направлять ихъ къ жизни добродѣтельной. За тѣмъ слѣдуютъ заботы объ укрѣпленіи тѣла, такъ чтобы оно было способно выносить труды и лишенія: «здравое тѣло и умонаклоненіе къ добру (сказано во введеніи къ «Инструкціи») составляютъ все воспитаніе». Собственно ученіе лишено самостоятельности. Екатерина смотритъ на него, какъ на дополненіе къ нравственному образованію: «ученіе, или знаніе, да будетъ единственно отвращеніемъ отъ праздности, способомъ къ познанію естественныхъ способностей, привычкой къ труду и прилежанію». Необходимымъ условіемъ развитія постановлено возбужденіе дѣтской самостоятельности. Дѣло воспитателя ограничивается разумною, въ извѣстныхъ предѣлахъ заключенною, помощью: онъ старается, чтобы воспитанники сами доходили до познанія нужныхъ вещей, а не прямо показываетъ эти вещи. Суровое обхожденіе съ дѣтьми не только безполезно, но и вредно: оно уничтожаетъ бодрость духа и веселость нрава— драгоцѣннѣйшія качества всѣхъ возрастовъ. Наказаніе должно заключаться въ стыдѣ, а награда въ чести: «хвалы, даваемыя хорошему поведенію, хулы и пренебреженія — достойному хулы, суть тѣ способы, коими поощряется хорошее и отвращается дурное поведеніе».

Книги для дѣтскаго чтенія, написанныя Екатериною, выражаютъ педагогическія начала въ формѣ наставленій или разсказовъ. Онѣ относятся къ «Инструкціи», какъ примѣры къ правиламъ, или какъ изъясненіе и повтореніе правилъ. Въ нихъ представлены лица, образованныя по извѣстной системѣ, разсказаны дѣйствія этихъ лицъ и даны совѣты, вытекающіе изъ основныхъ понятій о воспитаніи. Аллегорическая «сказка о Хлорѣ (1782)», сынѣ русскаго царя, жившаго еще до временъ кіевскаго князя Кія, повѣствуетъ, какъ этотъ царевичъ былъ похищенъ киргизскимъ ханомъ, который плѣнился его красотою, умомъ и дарованіями и заставилъ его искать розу безъ шиповъ, т. е. добродѣтель, доставляющую человѣку полное, ничѣмъ неотравляемое наслажденіе. Фелица, жена хана, руководствуетъ царевича. Она даетъ ему въ спутники своего сына, Разсудокъ. Съ помощью честности и правды, Хлоръ преодолѣлъ всѣ препятствія и на вершинѣ горы нашелъ желанную розу. Нравственный смыслъ сказки въ томъ, что истин-

ное счастіе пріобрѣтается добродѣтелью, которая невозможна безъ путеводства разума. И въ главной мысли и въ частностяхъ сказка тѣсно связана съ Инструкціей. Главная мысль—исканіе добродѣтели—указываетъ на основную цѣль воспитанія, которое должно было развивать умонаклоненіе къ добру, вкоренять въ сердце добронравіе. Нашедъ розу, царевичъ болѣе и болѣе заслуживалъ любовь, отъ того что болѣе и болѣе укрѣплялся въ добродѣтели. Что въ Инструкціи говорится о дѣтскихъ забавахъ, веселости нрава, смѣлости, самодѣятельности, пустомъ страхѣ, добромъ примѣрѣ наставниковъ, то самое встрѣчаемъ въ сказкѣ. Царевичъ надѣленъ именно тѣми качествами, какихъ требуетъ Инструкція отъ воспитанниковъ: не смотря на дѣтскій возрастъ свой, онъ смѣется надъ нелѣпными угрозами киргизцевъ—оборотить его въ летучую мышь или коршуна; самъ идетъ къ хану, не дозволяя нести себя на рукахъ; вошедъ въ ханскую кибитку, удивилъ всѣхъ присутствующихъ учтивствомъ и благопристойностью.

Содержаніе сказки «о Февеѣ красномъ солнышкѣ (1782)» самое простое и немногосложное: она описываетъ воспитаніе, свойства и дѣла царевича, который жилъ въ послушаніи при своихъ родителяхъ, потомъ женился и мудрымъ правленіемъ заслужилъ себѣ славу и народную любовь. Физически и нравственно Февей воспитанъ по правиламъ Инструкціи: его не пеленали, не кутали, не баюкали, не качали; игрушки сообщали ему познаніе обо всемъ окружающемъ, что̀ не превышало его дѣтскаго понятія; въ болѣзни пріучился онъ быть терпѣливымъ; лѣтомъ и зимою гулялъ на открытомъ воздухѣ: умѣлъ ѣздить верхомъ, стрѣлять изъ лука и ружья, метать въ цѣль копьемъ и проч. Сердце имѣлъ царевичъ доброе: былъ жалостливъ, щедръ, учтивъ, привѣтливъ, всѣмъ доброхотенъ; вездѣ и всегда повиновался истинѣ и здравому разсудку; любилъ говорить и слушать правду; лжи гнушался до того, что не прибѣгалъ къ ней даже въ шуткахъ. Ласкательства онъ не терпѣлъ. Когда стихотворцы, по случаю его выздоровленія, написали пѣсни, исполненныя необычайныхъ похвалъ, онъ обратился къ приставникамъ съ такими словами: «не дайте возгордиться душѣ моей, и для того ежедневно, какъ только пробуждусь отъ сна, говорите мнѣ: Февей, вставай съ одра и помни, что ты такой же человѣкъ, какъ и мы». Эти черты Февеева нрава дополняетъ бояринъ Рѣшемыслъ, мудрый совѣтникъ его отца: «разговаривая съ кѣмъ либо, Февей ведетъ свою рѣчь такъ, будто ищетъ благоволенія, и не даетъ ни малѣйшаго знака, что говоритъ изъ одной милости; въ немъ нѣтъ надменности: онъ любитъ

ближняго, какъ самого себя, и, будучи самъ человѣкъ, всегда помнитъ, что разговариваетъ съ человѣкомъ».

«Гражданское начальное ученіе (1783)» есть собраніе краткихъ изреченій, вопросовъ и отвѣтовъ. Вопросы и отвѣты сообщаютъ нѣкоторыя познанія; въ изреченіяхъ же передаются нравственныя правила. Названіемъ книжки опредѣляется ея цѣль—дать понятіе о предметахъ, нужныхъ гражданину, и объ его обязанностяхъ. Нѣкоторыя изреченія взяты прямо изъ «Наказа», наприм.: «законы можно назвать способами, коими люди соединяются и сохраняются въ обществѣ и безъ которыхъ бы общество разрушилось»; «равенство всѣхъ гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подвержены были тѣмъ же законамъ»; «вольность есть право все то дѣлать, что законы дозволяютъ»; «все, что въ законѣ называется наказаніе, дѣйствительно не что иное есть, какъ трудъ и болѣзнь», и пр. Есть нѣсколько мѣстъ общихъ съ «Инструкціей»; таковы: раздѣленіе жизни человѣческой на возрасты; мысль о любви къ ближнему и справедливости—двухъ великихъ путяхъ, принадлежащихъ человѣку; мысль о томъ, чѣмъ дитя оказываетъ благодарность родителямъ, и пр.

«Выборныя россійскія пословицы (1782)» относятся также къ разряду нравственныхъ изреченій и правилъ. Выборъ сдѣланъ не случайно: имъ управляло намѣреніе—представить такія пословицы, которыя соотвѣтствуютъ условіямъ и требованіямъ воспитанія. Поэтому мысли выбранныхъ пословицъ приводятся и въ «Гражданскомъ начальномъ ученіи», и въ «Инструкціи», иногда одними и тѣми же словами. Такъ, напримѣръ, въ «Гражданскомъ ученіи» говорится: «долгъ родителей есть дать дѣтямъ ученіе»; «ученіе въ счастіи человѣка украшаетъ, въ несчастіи же служитъ прибѣжищемъ»; «кто говоритъ, что хочетъ, тотъ услышитъ, чего не хочетъ»; а въ «Выборныхъ пословицахъ»: «умѣлъ дитя родить, умѣй и научить»; «ученье въ счастьѣ красота, а въ несчастьѣ прибѣжище»; «кто говоритъ, что хочетъ, услышитъ, чего не хочетъ». Отношеніе пословицъ къ «Наказу» указываютъ тѣ изъ нихъ, которыми дается понятіе о законахъ и ихъ исполнителяхъ: «всуе законы писать, когда ихъ не исполнять»; «гдѣ добрые судьи поведутся, и ябедники переведутся»; «милость—хранитель государства». Въ иныхъ пословицахъ выставлены тѣ качества, какія, по Инструкціи, слѣдовало поселять въ сердцахъ дѣтей: кроткое обращеніе не только съ людьми, но и съ животными, привѣтливость, скромность, послушаніе (наприм.: «добрый привѣтъ и кошкѣ пріятенъ»; «кто ласково принимаетъ, того любви всякій желаетъ»;

«кто смиреніемъ себя украшаетъ, тотъ честностію укрѣпляетъ»; «упрямство есть порокъ слабаго ума») (¹).

§ 21. Сатирическія статьи императрицы Екатерины, извѣстныя подъ именемъ «Былей и небылицъ», печатались въ «Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова (1783—1784)»,—сборникѣ сочиненій въ стихахъ и прозѣ, который издавался отъ академіи наукъ, по желанію ея директора, княгини Екатерины Романовны Дашковой (см. ниже). Онѣ продолжали дѣло журнальной сатиры семидесятыхъ годовъ, дополняя ее новыми картинами общественныхъ недостатковъ. Въ нихъ, какъ показываетъ названіе, смѣшаны дѣйствительность и вымыслы, но такіе, которые не лишены правдоподобія. Содержаніе ихъ, по словамъ самого автора, взято «изъ обширнаго моря естества»; онѣ наполнены тѣмъ, что «въ людяхъ водится»; короче, описываютъ «умоположеніе человѣческое». Подъ неточнымъ словомъ «умоположеніе» или «умствованіе» разумѣется то самое, что Монтескье называетъ «esprit général» и что, по его ученію, занесенному въ «Наказъ» (§ 46), раждается отъ вѣры, климата, законовъ и другихъ условій народной жизни. Характеръ изображеній въ «Быляхъ и небылицахъ»—легкій и веселый. Онѣ избѣгали всего «гнуснаго», «отвращающаго», и потому отказались отъ изображенія ябедника и мздоимца, которое предложилъ Фонъ-Визинъ (см. Письмо къ сочинителю Былей и небылицъ) и которое своимъ темнымъ цвѣтомъ не согласовалось бы съ легкой ясностью ихъ описаній. Авторъ ихъ ограничился насмѣшкой и шуткой, строго исключивъ все, что «не въ улыбательномъ духѣ», что можетъ возбудить или горесть или скуку. На основаніи двухъ пословицъ: «съ людьми браниться никуда не годится» и «съ грѣхами бранись, а съ людьми мирись», онъ имѣлъ дѣло только съ пороками и слабостями, думая исправить ихъ насмѣшкой. Но, будучи веселыми и забавными, «Были и небылицы» однакожъ отвергаютъ пустые предметы, которые не стоятъ ни вниманія публики, ни правительственныхъ заботъ; «глубокомысліе» и «полномысліе» предпочитаютъ онѣ другимъ качествамъ сочиненій: только первое требуется облечь ясностью, а второе легкостью слога. Форма ихъ состоитъ въ передачѣ собственныхъ разсказовъ, мыслей и взглядовъ автора какому-то дѣдушкѣ (почему онѣ назывались также «Разговорами дѣдушки») и двумъ друзьямъ его, изъ которыхъ одинъ, какъ Демокритъ, «болѣе смѣется, нежели плачетъ», а другой, какъ Гераклитъ, «болѣе плачетъ, нежели смѣется».

¹) О педагогическомъ значеніи сочиненій Екатерины Великой, Н. Лавровскаго (1856), и мой отчетъ объ этой книгѣ въ 12 № Отеч. Зап. 1856 г.

Искуственность, высокопарность, темнота совершенно изгнаны; въ «завѣщаніи», окончательной статьѣ «Былей и небылицъ», предписано «за смѣхомъ, за умомъ, за прикрасами не гоняться», «ходулей не употреблять, гдѣ ноги могутъ служить», «краснорѣчіе допускать лишь въ томъ случаѣ, когда само собою явится». Разнообразію сатирическихъ замѣтокъ помогаютъ умышленныя уклоненія отъ главной мысли, переходы отъ важныхъ предметовъ къ неважнымъ, и на оборотъ. Въ этомъ случаѣ Екатерина подражала манерѣ англійскихъ юмористовъ. Стернъ, въ одной главѣ своего романа «Тристрамъ Шанди», признается, что онъ часто убѣгалъ отъ предмета на далекое разстояніе, стараясь однако, чтобы въ его отсутствіе дѣло не остановилось. Замѣчательны совѣты «завѣщанія» касательно языка «Былей и небылицъ»: оно требуетъ слога гладкаго, легкаго; краткія и понятныя выраженія предпочитаетъ длиннымъ и кругловатымъ; запрещаетъ пользоваться безъ нужды иностранными словами, которыя легко могутъ быть замѣнены словами русскаго языка, сильнаго и богатаго; реченія и обороты, сами собою представляющіеся, какъ бы текущіе, должны брать верхъ надъ другими. Въ этомъ отношеніи «завѣщаніе» сходится съ главою «Наказа» о составленіи и слогѣ законовъ. Наконецъ особый пунктъ «завѣщанія» возбраняетъ прибѣгать къ стихотворческимъ «изображеніямъ и воображеніямъ», чтобъ не заходить въ чужія межи. Это касается собственно императрицы, которая не писала стиховъ, чѣмъ и объясняется стихъ Фелицы, оды Державина: «коня парнасска не сѣдлаешь». Когда нужно было дать ея мыслямъ стихотворную форму, какъ напр. въ операхъ, она поручала эту работу своимъ статсъ-секретарямъ: Елагину, Храповицкому. Въ «Инструкціи кн. Салтыкову» сказано, чтобъ и великихъ князей не учить ни музыкѣ, ни виршамъ. То и другое Екатерина находила безполезнымъ, почему и помѣстила въ Гражданскомъ начальномъ ученіи разсказъ объ Александрѣ Македонскомъ, гдѣ между прочимъ читаемъ: «началъ было онъ учиться музыкѣ съ успѣхомъ, но когда отецъ его спросилъ, не стыдно ли ему столь искусно играть,—уменьшилъ охоту къ такой наукѣ, на которую много времени для полученія искусства теряется безъ пользы иной, окромѣ забавы» (1).

О драматическихъ своихъ піесахъ Екатерина II отзывалась скромно, хотя и признавала въ себѣ нѣкоторое дарованіе. Посылая Вольтеру французскій переводъ комедій: «О время! (1772)» и

---

1) См. мою статью о Быляхъ и небылицахъ (Отеч. Зап. 1856, № 10); Я. Грота: Сотрудничество Екатерины II въ Собесѣдникѣ.

«Именины госпожи Ворчалкиной (1772)», она писала: «у автора много недостатковъ; онъ не знаетъ театра; интриги его пiесъ слабы. Нельзя того же сказать о характерахъ: они взяты изъ природы и выдержаны. Кромѣ того, у него есть комическiя выходки; онъ заставляетъ смѣяться; мораль его чиста и ему хорошо извѣстенъ народъ». Но бѣдность поэтическаго значенiя ея драмъ выкупается ихъ отношенiемъ къ современной эпохѣ. Императрица пользовалась ими, какъ орудiемъ сатиры, какъ литературной формой для выраженiя своихъ идей. Съ этой стороны современные писатели и находили ихъ «достойными почтенiя и благодарности». Комедiя «О время!» побудила Новикова приписать ея автору журналъ «Живописецъ». «Вы первый», говорится въ посвященiи, «съ такимъ удовольствiемъ и остротою заставили слушать ѣдкость сатиры съ прiятностiю и удовольствiемъ; вы первый съ такою благородною смѣлостiю напали на пороки, въ Россiи господствовавшiе». Отвѣтъ автора, помѣщенный въ томъ же журналѣ, замѣчаетъ: «при сочиненiи комедiи не бралъ я находящихся въ ней умоначертанiй ни откуда, кромѣ собственной моей семьи (т. е. Россiи), слѣд., не выходя изъ дому своего, нашелъ въ немъ одномъ къ составленiю забавнаго позорища довольно обширное поле для искуснѣйшаго пера, а не для такого, каковымъ я свое почитаю».

Цѣль комедiи: «О время!»—осмѣять ханжество, суевѣрiе и страсть къ вѣстямъ и сплетнямъ, представленныя въ лицѣ трехъ женщинъ: Ханжахиной, Чудихиной и Вѣстниковой. Съ характеромъ Ханжахиной знакомитъ ея служанка Мавра: «она наполнена пустосвятствомъ, весьма зла, добродѣтелей ищетъ въ долгихъ молитвахъ и наружныхъ обыкновенiяхъ и обрядахъ, наблюдаетъ строго дни праздничные, къ обѣднѣ всякiй день ѣздитъ, свѣчу передъ праздникомъ всегда ставитъ, мяса по постамъ не ѣстъ, ходитъ въ шерстяномъ платьѣ и ненавидитъ всѣхъ тѣхъ, кои ея правиламъ не слѣдуютъ». У Чудихиной каждый день новыя примѣты; всего она боится, отъ всего обмираетъ; суевѣрная до безконечности, она, кромѣ того, безстыдная ссорщица и сплетница. Вѣстникова — жеманная, высокомѣрная, злорѣчивая вѣстовщица, любящая на старости наряды.

Ханжество и суевѣрiе должны были казаться автору комедiи смѣшными и нелѣпыми уже потому одному, что они противорѣчили разуму, которому просвѣщенiе XVIII в. старалось доставить торжество и въ знанiи, и въ жизни. Вредя истинѣ, они могли также вредить человѣколюбiю, т. е. возбуждать нетерпимость, готовую на странныя или опасныя обвиненiя. Въ одномъ письмѣ

своемъ (1766), Екатерина выразила необходимость оградить общественное спокойствіе отъ всего, что̀ входитъ въ область пустыхъ вѣрованій и нетерпимости. Къ числу правилъ, «весьма важныхъ и нужныхъ», «Наказъ», въ § 497, относитъ осторожность при изслѣдованіи дѣлъ о волшебствѣ и еретичествѣ: обвиненіе въ сихъ двухъ преступленіяхъ можетъ чрезмѣрно нарушить тишину, вольность и благосостояніе гражданъ и быть еще источникомъ безчисленныхъ мучительствъ, если въ законахъ предѣловъ оному не положено; ибо какъ сіе обвиненіе не ведетъ прямо къ дѣйствіямъ гражданина, но больше къ понятію, воображаемому людьми о его характерѣ, то и бываетъ оно очень опасно по мѣрѣ простонароднаго невѣжества.—Если корень суевѣрія—невѣжество, то оно должно искореняться наукой и воспитаніемъ: «Инструкція» требуетъ «отдалять отъ глазъ и слуха питомцевъ все, что устрашаетъ мысли, всякія пугалища, стѣсняющія умъ и душу»; при свидѣтельствѣ московскихъ школъ и пансіоновъ, по указу 1785, повелѣно было смотрѣть строго, чтобы въ нихъ не были терпимы соблазнъ, развратъ и *суевѣріе*. Преслѣдуя послѣднее, философія старалась объяснять необычайныя явленія жизни законами природы: поэтому на всѣ доводы, что суевѣріе есть порокъ, что «нравоученіе закона запрещаетъ вѣрить нелѣпымъ баснямъ», Ханжахина отвѣчаетъ: «такъ, вы ничему нынче не вѣрите; у васъ все натура!»

Ханжахина заражена не однимъ пустосвятствомъ, но и скупостью: она очень часто твердитъ своей прислугѣ о постѣ и воздержаніи, особенно при раздачѣ мѣсячины и указнаго; занявъ у купца деньги по шести процентовъ, сама отдаетъ ихъ въ ростъ по шестнадцати. Комедія смѣется надъ этимъ недостаткомъ, но вмѣстѣ порицаетъ и роскошь, которая втягивала дворянство въ долги и заставляла его обманывать заимодавцевъ. Она сличаетъ искренность и простоту прежняго времени съ новыми обычаями, и перевѣсъ оказывается не на сторонѣ послѣднихъ: «Что касается до нынѣшней роскоши», говоритъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ (Непустовъ), «я и самъ ея не люблю, равно какъ и старинную искренность почитаю. Похвальна, весьма похвальна старинная вѣрность дружбы и твердое наблюденіе даннаго слова, дабы въ несодержаніи его не было стыдно. Жаль, поистинѣ жаль, что нынѣ ничего не стыдятся, и многіе молодые молодцы, произнося ложь и обманывая заимодавцевъ, а боярыньки, дерзко противъ мужей поступая, мало отъ чего когда краснѣются». Злостная или вынужденная несостоятельность дворянскаго слова часто обличается сочиненіями Екатерины II. Въ «Именинахъ госпожи Ворчалкиной», Геркуловъ бьетъ палкой Фирлюфюшкова за неплатежъ долга, приговаривая: «не обма-

нывай честныхъ людей; держи данное свое слово; не дозволяй поступать съ собою какъ съ бездѣльникомъ; плутовъ бьютъ, обманщиковъ бьютъ, бездѣльниковъ бьютъ». По поводу этой сцены Екатерина писала Новикову (въ Живописцѣ): «Дошло до меня, что нѣкоторые критики за неприличное поставляютъ, что г. Фирлюфюшковъ за безстыдное словонесдержаніе палкою наказанъ. Я не стану приводить здѣсь, бывало ль таковое гдѣ-нибудь дѣйствіе или нѣтъ, ниже хочу извинять поступокъ Геркулова: онъ, дѣйствительно, въ обыкновенномъ общежитіи жестокъ. Но себя я легко могу оправдать, сославшись на самое Уложеніе. Въ немъ господа критики найдутъ, чему за несдержаніе слова и за бездѣльство люди подвергаются». Самъ Геркуловъ и другое лице той же комедіи, Спесовъ, зараженный барскою спесью, не лучше Фирлюфюшкова: они также промотали свое имѣніе, также жили въ долгъ, также прибѣгали къ обманамъ для поправленія разстроенныхъ дѣлъ. «Были и небылицы» описываютъ трехъ барынь, изъ которыхъ одна до того бережлива, что даже кредиторамъ не платитъ; другая три года оставалась должна разнощику за апельсины; а третья ничего не находила по своему вкусу на биржѣ, потому что ей ничего не хотѣли дать въ долгъ. Въ томъ же сочиненіи говорится о какомъ то «обществѣ незнающихъ». Одинъ изъ его членовъ, на вопросъ: откуда и какъ имѣетъ пропитаніе? отвѣчалъ, что живетъ въ долгъ; а на вопросъ: какъ и когда платить намѣренъ? отвѣчалъ, что о томъ нисколько не заботится. Все это меткія черты сатиры, согласной, и въ выборѣ предмета, и во взглядѣ на предметъ, съ указаніями другихъ современныхъ сочиненій. Къ числу новыхъ обычаевъ, противныхъ строгости прародительскихъ нравовъ, принадлежалъ нравственный безпорядокъ домашней жизни. Въ модникахъ явились развратные мужья, въ модницахъ невѣрныя жены, «дерзкія боярыньки», потерявшія способность краснѣть отъ своего зазорнаго поведенія. Число тѣхъ и другихъ было значительно: «всѣхъ ихъ не перезнаешь», по словамъ ком. «Вѣстникова съ семьею». Поэтому служанка Ханжахиной даетъ такой совѣтъ жениху своей барышни: «чуръ не жить съ ней по модѣ; берегитесь, а то вы будете заплачены тою же монетою, какъ и другіе». По расчету «Былей и небылицъ», отношеніе добропорядочныхъ супруговъ къ дурнымъ мужьямъ и женамъ весьма неутѣшительно. Легкомысленнымъ дѣвушкамъ, мечтающимъ о привольномъ замужествѣ, комедіи Екатерины II иногда ставятъ въ примѣръ дѣвицъ скромныхъ и разумныхъ. Въ ком. «Недоразумѣнія (1788)», одно дѣйствующее лицо говоритъ другому: «Не увѣришь ты меня никакъ, чтобъ было лучше выйти за природнаго дурака,

нежели за разумнаго человѣка. Сбыслава воспитана честно; она по замужествѣ чрезъ нѣсколько недѣль мужа не покинетъ, какъ недавно слышно было, что сотворила таковой соблазнъ дочь нашего сосѣда, дерзко вышедъ съ умысломъ, чтобъ покинуть мужа».

Кромѣ главныхъ своихъ предметовъ, ком. «О время!» касается недостатковъ современнаго воспитанія. Она выставляетъ, съ одной стороны, строгое обращеніе съ дѣтьми и держаніе дѣвицъ въ полномъ невѣжествѣ; съ другой, модное воспитаніе женскаго пола, образующее «новосвѣтскихъ госпожъ». Сынъ Чудихиной—одинъ изъ предшественниковъ Недоросля. Безотчетно привязанная къ старинѣ, руководясь не здравымъ разсудкомъ, а предубѣжденіями, она увѣрена, что свѣтъ сталъ превратенъ съ тѣхъ поръ, какъ врагъ принесъ къ намъ чужія науки. На новыя учрежденія, особенно воспитательныя, она смотритъ непріязненно: «На что дѣвокъ учить грамотѣ? имъ ни къ чему грамота не надобна: меньше дѣвка знаетъ, такъ меньше вретъ. Я принуждена была матушкѣ своей побожиться, что до 50 лѣтъ пера въ руки не возьму. Да полно что! ныньче и дѣвокъ-то всему, сказываютъ, въ Питерѣ учатъ. Быть добру!» Въ этихъ словахъ слышится голосъ Простаковой, явившейся черезъ десять лѣтъ послѣ Чудихиной.

Ком.: «Имянины г-жи Ворчалкиной», въ главномъ лицѣ своемъ, отъ котораго и получила названіе, изображаетъ недовольство настоящимъ временемъ, легковѣріе и ворчливость. У ней собирается общество тѣхъ людей, «кои весь свѣтъ на словахъ перелить въ состояніи, людей мыслей высокихъ и съ острополезными выдумками, словомъ—людей праздношатающихся». Ворчалкина осуждаетъ всѣ учрежденія и дѣйствія правительства. Когда зашелъ разговоръ о новой комедіи (О время!), въ которой будто бы описаны ея кума и сватья, и когда знакомый ея замѣтилъ, что піесъ, выводящихъ на сцену личности, не дозволили бы играть, она отвѣчала: «И, батюшка! свѣтъ ныньче таковъ: всему дурному потачка есть. Кому смотрѣть? кому запретить? и сами тѣ, комубъ не допускать-то надобно было, хохочутъ изо всей мочи, когда руганье другимъ слышатъ». Воспитательные дома также ей не нравятся: «видишь, каковъ нынѣ свѣтъ-атъ развратенъ! подкидышковъ.... что ужъ этого больше?.:. подкидышковъ подбираютъ, да кормятъ, да за ними ходятъ, какъ будто за благородными!» Все, что ни дѣлается на пользу государственнаго устройства, толкуетъ она въ дурную сторону: «Какой ныньче кредитъ! казна только что грабитъ: я съ нею никакого дѣла имѣть не хочу! И такъ я,

бѣдная вдова, принуждена была за пятнадцать лѣтъ заплатить какую-то недоимку вмѣсто покойнаго мужа моего. Съ мертвыхъ дерутъ: теперь ужъ онъ умеръ, а какъ взяли, такъ взяли». Екатерина II не могла одобрять тѣхъ строгихъ судей, которые порицали проэкты и дѣйствія правительства ради одного порицанія, не умѣя или не желая замѣчать въ нихъ ничего добраго. Она ихъ сравниваетъ съ «плачущими Маремьянами», по пословицѣ: «Маремьяна ста́рица за весь міръ печальщица». Эти недовольные «обо всёмъ въ мірѣ криво и косо пекутся, и отъ нихъ уже въ десяти шагахъ слышенъ духъ скрытой зависти противъ ближняго». Въ «Быляхъ и небылицахъ» одинъ чудакъ остановился на тѣхъ понятіяхъ о вещахъ, какія имѣлъ сорокъ лѣтъ назадъ, хотя вещи существенно измѣнились: «онъ не ѣдетъ жить въ деревню, боясь разбойниковъ по большой дорогѣ, и о бывшихъ говоритъ, какъ будто нынѣ состоялись; понынѣ жалуется еще на несправедливость воеводъ и ихъ канцелярій, коихъ однако ужъ нигдѣ нѣтъ; жалуется на внутреннія пошлины по городамъ, какъ притѣсняющіе торги, хотя сняты съ 1753 г.; вотчинную и юстицъ-коллегіи приплетаетъ ко всякимъ спорамъ, тяжбамъ и ябедамъ, мануфактуръ-коллегію къ фабрикамъ, камеръ-коллегію къ доходамъ». Изъ отвѣтовъ Екатерины на вопросы Фонъ-Визина видно, что она осталась недовольна послѣдними. Она видѣла въ ихъ авторѣ недовѣрчивость «ко времени и знаніямъ, истребляющимъ всевозможные недостатки», которые происходятъ или «отъ того, что вездѣ, во всякой землѣ и во всякое время родъ человѣческій совершеннымъ не родится», или отъ того, что молодой народъ не можетъ выказывать доблестей, свойственныхъ установившейся цивилизаціи и чуждыхъ цивилизаціи установляющейся. Одна изъ дочерей Ворчалкиной, Олимпіада, есть образецъ модной барышни. Она считаетъ обязанностью окружать себя поклонниками. Ея рѣчь испещрена словами изъ лексикона щеголихъ: «славенъ безпримѣрно», «ужесть», «болванчикъ» (обожатель), «маханье» (любезничанье, волокитство), «давать себѣ воздухи» (se donner des airs). Моды, вредныя какъ побужденіе къ мотовству и какъ свидѣтельство нашей переимчивости, были, кромѣ того, смѣшны своимъ безвкусіемъ. Обильное употребленіе румянъ и бѣлилъ, высокая головная уборка, растрепанная прическа отличались уродливостію. Сами французы начали, подъ конецъ, смѣяться надъ дамскимъ туалетомъ ихъ изобрѣтенія, особенно надъ головной уборкой, какъ бы нарочно придуманной для того, чтобы отнять у лица всякое выраженіе или превратить его въ каррикатуру. «Настало время, что лице съ трудомъ отыщешь въ кудряхъ, на которыхъ невѣдомо-что наклокочено: сзади

головы-четыреугольникъ преширокій, спереди-треть лица закрыта; со лбомъ же всѣ поссорились: покрытъ онъ весь волосами; у иной брови къ тому еще размазаны колесомъ, какъ будто мостъ отъ носу къ вискамъ» (ком. Недоразумѣнія). «Были и небылицы» часто задѣваютъ моды своими насмѣшками. Онѣ описываютъ узкіе башмаки дочери архангельскаго купца, на высокихъ и тонкихъ каблукахъ, подобно куликовой шейкѣ; приводятъ выдержки изъ «записной книжки двоюродной сестры», которая встаетъ съ постели въ первомъ часу по полудни, съ гордостью говоритъ: «у насъ въ Парижѣ», мечтаетъ о балахъ, ужинахъ, любезникахъ. «Парикмахеръ», отмѣтила она въ своей книжкѣ, «сегодня чесалъ мнѣ волосы такъ порядочно, что я принуждена была болѣе часа растрепываться, чтобъ въ люди можно было показаться». Подъ пару Олимпіадѣ, выведенъ въ комедіи Фирлюфюшковъ: жалкій петиметръ, воспитанный, какъ и сынъ Бригадира, гувернерами и мѣшающій русскія фразы съ французскими; трусъ, желающій казаться храбрымъ; обманщикъ, толкующій о чести и благородствѣ.

Комедія: «Недоразумѣнія (1788)» названа отъ недоразумѣній, возникшихъ между двумя лицами: женихомъ и его невѣстой. Главный здѣсь характеръ—госпожа Гостякова. Въ ея лицѣ представлено помѣшательство дворянъ на проэктахъ, безъ малѣйшаго знанія дѣла. Къ такимъ-то дворянамъ относятся слова слуги Антипа, въ «Именинахъ Ворчалкиной»: «много видалъ я на своемъ вѣку, какъ господа, ухватившись за проэкты, чтобъ скорѣе разбогатѣть, закладываютъ деревни, а потомъ проэктъ не удался, деревни пропали и господинъ пошелъ по міру». У Гостяковой двѣ-три фабрики и нѣсколько заводовъ; она заставляетъ крестьянъ своихъ боронить, когда вездѣ пашутъ, и пахать, когда надобно боронить; румяны, приготовляемыя на ея заводѣ, нейдутъ съ рукъ, потому что для богатыхъ людей нехороши, а для бѣдныхъ дороги; полотняная фабрика стоитъ безъ дѣйствія, за неимѣніемъ пряжи; вздумала она разводить ревень и хлопчатую бумагу, но ихъ бьютъ морозы; наконецъ, желая достать денегъ, велѣла разломать старый домъ свой въ Можайскѣ и кирпичи продать въ Москвѣ. Выведенный изъ терпѣнія пустыми затѣями госпожи, дворецкій говоритъ о ней: «Затѣи новыя всякій часъ! вчера приказала ленъ и пеньку сѣять на лучшихъ земляхъ, а на изнуренныхъ десятинахъ безъ удобренія велѣла сѣять рожь: кто слыхалъ подобное? Ея бы дѣло принимать гостей». На помощь промотавшимся дворянамъ являлись проидохи или глупцы, завѣряя ихъ въ успѣхѣ предлагаемыхъ выдумокъ. Одинъ изъ такихъ прожектеровъ—Некопѣйковъ

(въ Именинахъ Ворчалкиной), проторговавшійся купецъ, который хотѣлъ было устроить свои дѣла на счетъ заимодавцевъ и азартныхъ игроковъ, но остался съ пустымъ карманомъ: онъ толкуетъ объ употребленіи крысьихъ хвостовъ съ пользою, о постройкѣ секретнаго флота, объ устройствѣ въ Китаѣ вольной и безпошлинной гавани, и пр. Есть другое лице въ піесѣ, замѣчательное по отношенію къ дурному воспитанію: это Иготинъ. Учитель-иностранецъ, которому онъ съ малолѣтства попалъ въ руки, совершенно исказилъ его, или, говоря словами комедіи, «исковеркалъ». Постоянно слыша отъ своего наставника, что надобно стараться быть лучше другихъ, и въ тоже время привыкнувъ къ безразборчивому осмѣянію и опорочиванію ближнихъ, Иготинъ началъ и думать и поступать по-своему, на перекоръ всему, что ни замѣчаетъ: отсюда духъ нестерпимаго противорѣчія и упорства, грубое и надменное обхожденіе, презрительный разговоръ. Другой наставникъ Иготина, Потачкинъ, былъ лицемѣръ, ласкатель и въ добавокъ стихотворъ: онъ во всемъ потакалъ своему питомцу, замѣняя ему, въ случаѣ нужды, и шута. Воспитаніе служитъ также предметомъ комедіи «Вѣстникова съ семьею». Здѣсь, кромѣ гувернера, бывшаго прежде кучеромъ, выведена молодая дѣвушка, глуповатая отъ природы и еще болѣе отупѣвшая отъ побоевъ: мать, за дѣло и за бездѣлье, безпрестанно тузила ее въ голову и такимъ обращеніемъ слабоумную дочь свою сдѣлала полоумной.

Комедія: «Вотъ каково имѣть корзину и бѣлье! (1786)» есть вольное переложеніе или передѣлка на русскіе нравы Шекспировыхъ «Виндзорскихъ кумушекъ». Дѣйствующія лица названы русскими именами (напр. Фальстафъ—Полкадовымъ). Піеса имѣетъ цѣлью выставить смѣшную и вмѣстѣ вредную сторону путешествій, совершаемыхъ молодыми людьми, не съ тѣмъ, чтобы учиться, а съ тѣмъ, чтобы праздно проводить время, сыпля деньги на удовольствія и проматывая имѣніе. Драматическая пословица: «Путешествія Промотаева (1788)», самымъ именемъ главнаго лица показываетъ, какъ путешественникъ употребилъ свое время внѣ отечества; а заключительныя слова ея: «хорошо тому лгать, кто пріѣхалъ издалека», относятся къ тѣмъ небылицамъ, которыя онъ разсказывалъ въ отечествѣ послѣ своихъ странствій. За Полкадовымъ тотъ же грѣхъ и еще нѣкоторые другіе: онъ тщеславно повторяетъ «chez nous à Paris»; изъ поѣздки по Европѣ вывезъ онъ запасъ свѣдѣній единственно о завивкѣ кудрей по послѣдней модѣ, о новѣйшемъ покроѣ фраковъ, объ удобнѣйшей запряжкѣ восьмерика, о красивой обуви и картежной игрѣ. Екатерина до-

пускала пользу путешествій, но только на извѣстныхъ условіяхъ. Въ ком.: «Разстроенная семья осторожками и подозрѣніями» (1787), отецъ даетъ такой отвѣтъ сыну на его просьбу побывать въ чужихъ земляхъ: «никто изъ своего отечества не долженъ ѣхать, не избравъ себѣ напередъ образъ жизни и службы, въ пользу которой и ѣзда расположена быть должна, дабы она обратилась въ добро какъ ѣздоку, такъ и общему дѣлу». Прежде чѣмъ отправиться въ путешествіе, царевичъ Февей долженъ доказать на опытѣ послушаніе отцу, душевную твердость, терпѣніе въ несчастіи, умѣренность въ счастіи, смѣлость и щедрость, великодушіе и кротость.

Любя русскую исторію, Екатерина брала изъ нея сюжеты для представленія ихъ въ драматической формѣ. Къ такимъ піесамъ относятся: «Историческое представленіе изъ жизни Рюрика (1786)» и «Начальное управленіе Олега (1786)», написанныя, въ подражаніе Шекспиру, «безъ сохраненія обыкновенныхъ театральныхъ правилъ», т. е. безъ соблюденія трехъ единствъ; по образцу ложноклассическихъ французскихъ трагедій. Идея первой піесы—величіе и торжество милосердія. Правленіе Рюрика есть правленіе мудраго, кроткаго, человѣколюбиваго монарха, по образцу Наказа: онъ любитъ правду, милосердіемъ побѣждаетъ враговъ и въ виновномъ видитъ человѣка, который рожденъ со страстями, слабостями и пороками, и совершаетъ преступленія иногда по легкомысленности. Онъ прощаетъ Вадима, Гостомыслова внука, поднявшаго противъ него новогородскую область. Нѣкоторыя рѣчи дѣйствующихъ лицъ одного духа съ правилами Инструкціи и Гражданскаго ученія: онѣ (какъ сказано въ примѣчаніяхъ ко 2-му изданію драмы) «изъявляютъ собственное сердце и душу автора; въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, читатель находитъ свойства его характера, черты его умствованій, наклонностей и желаній». Слова Рюрика новгородскому посаднику Добрынину, что «любящій истину почитаетъ ее даже и въ томъ случаѣ, когда она непріятна», перешли въ піесу изъ Гражданскаго ученія: «правду любящій не отвращаетъ друзей говорить истину, слушаетъ и терпитъ непріятныя рѣчи и про самого себя». Когда супруга Рюрика, Эдвинда, говоритъ ему: «не наказанъ ли Вадимъ ужъ тѣмъ, что не имѣлъ въ своихъ намѣреніяхъ успѣха и что подверженъ всенародному осужденію», то въ этой рѣчи слышны и голосъ законодателя, который въ Наказѣ положилъ правиломъ, что наибольшая кара за злое дѣло состоитъ въ изобличеніи, и голосъ Инструкціи, что никакое наказаніе не можетъ быть полезно, если не соединено со стыдомъ, что учинили дурно. Вообще послѣднія сцены пятаго акта явно

внушены статьями Наказа о преступленіяхъ и наказаніяхъ.—«Начальное управленіе Олега» представляетъ дѣйствія этого князя: заложеніе Москвы, устройство Кіева, женитьбу Игоря и походъ къ Цареграду. Піеса написана не безъ мысли о восточномъ, или греческомъ, проэктѣ, главнымъ ревнителемъ котораго былъ Потемкинъ. Олегъ прибиваетъ Игоревъ щитъ къ столбу на ипподромѣ, чтобы узрѣли его тутъ позднѣйшіе потомки. Кромѣ того, въ пьесѣ отражается нравственное ученіе Екатерины. Олегъ не суевѣръ, хотя и язычникъ: онъ почитаетъ обманчивыми примѣты жрецовъ. Какъ Инструкція требуетъ вселять въ воспитанниковъ бодрость духа; какъ Гражданское ученіе полагаетъ между качествами великодушнаго человѣка бодрость духа, терпѣніе въ печали, болѣзни и несчастіи: такъ и Олегъ восхваляетъ это свойство героевъ: «Человѣкъ аки шаръ; счастіе и несчастіе, играющія между собою, кидаютъ его изъ угла въ уголъ къ стѣнамъ горницы; не повреждается душевно отъ того лишь тотъ, кто довольно имѣетъ въ себѣ твердости, чтобъ бодрость духа его не понесла урона отъ чрезвычайной скорби, или же не позабылась при безмѣрной радости» (¹).

§ 22. По поводу педагогической системы Екатерины II явились многія произведенія, разъяснявшія и укрѣплявшія новыя начала воспитанія. Голоса ихъ сливались во едино съ голосомъ правительства. «Слово на открытіе Академіи художествъ», Сумарокова, какъ бы повторяетъ мысль Бецкаго о превосходствѣ благонравныхъ людей предъ учеными: «Возсіяли науки и погибла естественная простота, а съ нею и чистота сердца. Полезнѣе быть неученымъ прежнихъ незлобивыхъ вѣковъ, нежели нынѣшнихъ ученымъ и ко вреду общества безъ воспитанія возращеннымъ. Лучше безумный (т. е. неумный) и честный человѣкъ, нежели разумный и безчестный». «Слово о воспитаніи (1765)», митрополита Платона, развиваетъ мысль о томъ, что воспитаніе есть предуготовленіе къ добродѣтели. Проповѣдникъ опредѣляетъ его и отрицательно, и положительно. «Оно не состоитъ въ нѣжностяхъ тѣлесныхъ, въ увеселеніяхъ чувственныхъ, въ обученіяхъ, которыя только своею наружностію поражать обыкли; оно состоитъ въ должности быть прилежну, въ домостроительствѣ тщательну, въ трудахъ неленостну, къ бѣдности другихъ сожалительну, въ счастіи не возносливу, въ несчастіи не уныну, къ общей пользѣ ревностну, во всякихъ обхожденіяхъ быть искренну, ласкову, снисходительну: въ семъ состоитъ существенная воспитанія сила».

¹) Драматическія сочиненія Екатерины II, М. Лонгинова.

Медикъ Леклеркъ въ разсужденіи о воспитаніи, произнесенномъ въ началѣ курса передъ кадетами, говоритъ: «человѣческое сердце подобно корню; о устроеніи его надлежитъ имѣть неусыпное попеченіе; наставленіе есть, такъ сказать, стебель онаго, а полезныя познанія—отрасли. Добронравіе есть первое или наипаче единое вещественное (существенное) свойство, требуемое въ наставникѣ, но оное въ нынѣшнемъ вѣкѣ столь же рѣдко, сколь науки сдѣлались общими». Слова эти, показывая, что добродѣтель и ученость рѣдко совмѣщаются, вмѣстѣ съ тѣмъ отводятъ ученію подчиненное мѣсто въ дѣлѣ воспитанія: познанія—только отрасли, корень же—хорошо (т. е. добродѣтельно) устроенное сердце. «Въ сей философскій вѣкъ поспѣшествовали не мало ученію тѣмъ, что доказали, что прежде всего надлежитъ укрѣпить тѣло, исправить чувства, дабы послѣ можно было понятія наши привести въ совершенство. Сіе открытіе есть драгоцѣннѣйшій даръ, учиненный философіею общественному порядку». Воспитаніе, разсуждаетъ княгиня Е. Р. Дашкова, состоитъ не въ однихъ внѣшнихъ талантахъ, не въ одномъ знаніи иностранныхъ языковъ, даже не въ одномъ научномъ образованіи. Истинное, совершенное воспитаніе заключаетъ въ себѣ три, соединенныя въ одное цѣлое, начала: воспитаніе физическое, нравственное и школьное или классическое. Послѣднее, по понятію Дашковой, требуетъ прежде всего изученія отечественнаго языка, потомъ языковъ древнихъ съ цѣлію заимствовать высокія мысли и красоты изъ греческихъ и римскихъ писателей, наконецъ нѣмецкаго, французскаго или англійскаго для сношеній съ иностранцами ([1]).

Но наилучшее представленіе новыхъ педагогическихъ началъ видимъ въ комедіяхъ Фонъ-Визина: «Бригадиръ (1764)» и «Недоросль (1782)». Онѣ служатъ блистательными памятниками дѣятельности ихъ автора, достоинство которой есть достоинство просвѣщеннаго, сознательнаго ея отношенія къ предметамъ гражданскаго благоустройства, въ особенности къ воспитанію. Первая изображаетъ внѣшній лоскъ европеизма, сообщаемаго французскими гувернерами и пребываніемъ въ Парижѣ; вторая—невѣжественное ученіе дома, подъ вліяніемъ родителей грубыхъ или ослѣпленныхъ животною любовію къ своимъ дѣтямъ.

Сюжетъ первой комедіи незначителенъ: ея завязка—взаимная любовь Добролюбова и дочери Совѣтника, Софьи, которую, противъ воли, положили выдать за Бригадирова сына, Иванушку, и забавныя отношенія Бригадира и сына его къ Совѣтницѣ, а Совѣтника

[1]) Исторія Рос. Академіи, М. И. Сухомлинова, I, 26.

къ Бригадиршѣ; развязка—обнаруженіе этихъ отношеній, въ слѣдствіе чего предполагаемый бракъ не состоялся, и Софья становится невѣстой Добролюбова. Но, при неважности сюжета, важенъ смыслъ комедіи, ея содержаніе. Оно не отвѣчаетъ ея названію, ибо главное лице въ ней вовсе не Бригадиръ. Равнымъ образомъ не указывается оно и заключительными словами Совѣтника, съ которыми онъ, какъ съ нравоученіемъ, обратился къ партеру: «говорятъ, что съ совѣстью жить худо; а я самъ теперь узналъ, что жить безъ совѣсти всего хуже». Сентенція эта, вполнѣ справедливая, относится къ нѣкоторымъ только лицамъ и наиболѣе къ самому Совѣтнику; но она не касается ни Добролюбова, ни Софьи, ни Бригадирши. За объясненіемъ смысла піесы надобно обратиться къ тѣмъ безцвѣтнымъ въ драматическомъ значеніи лицамъ, которыя справедливо называются резонерами, такъ какъ ихъ роль ограничена единственно разсужденіями. Имъ авторъ передалъ право толковать идею сочиненія. Въ «Бригадирѣ» это право предоставлено Добролюбову. Онъ и Софья образуютъ второй рядъ дѣйствующихъ лицъ, совершенно отличный отъ перваго, болѣе многочисленнаго—Бригадира съ женой и сыномъ, Совѣтника и Совѣтницы. Слѣдуя французскимъ драмамъ, Фонъ-Визинъ разставлялъ своихъ героинь и героевъ въ симметрической противоположности, подобно шашкамъ на шахматной доскѣ: на одной сторонѣ все хорошее, на другой—все дурное. Добролюбовъ—портретъ, написанный въ противоположность портрету Иванушки. По его фамиліи видно, что онъ любитъ добро; а внушеніе этой любви, «благонравіе», образуетъ, какъ мы знаемъ, главную цѣль новаго воспитанія. Когда Иванушка, поссорясь съ отцемъ, обратился къ Добролюбову съ словами: «вы, конечно, сами знаете много дѣтей, которыя дѣлаютъ честь своимъ отцамъ», послѣдній отвѣчалъ: «а еще больше такихъ, которыя имъ дѣлаютъ безчестье; правда и то, что всему причиной воспитаніе». Это дурное воспитаніе, какъ причина безчестья, представлено въ лицѣ Бригадирова сына: избалованный глупою матерью, онъ былъ отданъ въ пансіонъ, содержимый какимъ-то французскимъ кучеромъ, и завершилъ свое образованіе въ Парижѣ. «Онъ сдѣлался повѣсою», говоритъ его отецъ: «и тѣмъ хуже, что сдѣлался онъ повѣсою французскою; худы русскіе, а французскіе еще хуже». Иванушка гордится тѣмъ, что по духу онъ принадлежитъ Франціи, хотя его тѣло родилось въ Россіи. Влюбленный въ Совѣтницу, онъ находитъ въ ней единственный, но за то неисправимый недостатокъ: «все несчастіе мое состоитъ въ томъ, что ты Русская». Совѣтница, относительно понятія о томъ, какова должна быть женщина «новой породы людей», тоже, что Иванушка

по отношенію къ идеалу добродѣтельнаго, благонравнаго мужчины: она съ претензіями на свѣтскость, поклонница модъ, кокетка, зараженная пристрастіемъ ко всему французскому и легко смотрящая на обязанности супруги. Это—внѣшность европейской жизни, быстро усвоенная русскою женщиной, безъ всякой мысли о томъ, что такое истинно-европейское образованіе, и безъ малѣйшаго знакомства съ своимъ отечествомъ. Совсѣмъ другое дѣло Софья, столько же благоразумная и нравственная, сколько Совѣтница неразумна и безнравственна. Софья не выходитъ изъ повиновенія родителямъ, хотя и понимаетъ ихъ несправедливые съ собой поступки; не измѣняетъ слову, которое дала жениху своему, хотя и не предвидитъ благопріятнаго оборота въ своей судьбѣ.

«Отверзая новыя врата просвѣщенію, монархиня въ тоже время и тѣмъ же самымъ полагаетъ новую преграду ябедѣ и коварству»: такъ говоритъ Фонъ-Визинъ въ письмѣ къ «Сочинителю былей и небылицъ», т. е. къ самой Екатеринѣ. Однимъ изъ первыхъ ея распоряженій, по вступленіи на престолъ, были мѣры противъ взяточниковъ. Въ указѣ 1762 г. іюля 18 значится: «Съ истиннымъ огорченіемъ отъ давняго времени слышали довольно, а нынѣ и дѣломъ самымъ увидали, до какой степени въ государствѣ нашемъ лихоимство возрасло, что едва ли есть малое самое мѣсто правительства, въ которомъ бы божественное сіе дѣйствіе, судъ, безъ зараженія сей язвы отправлялся: ищетъ ли кто мѣста—платитъ; защищается ли кто отъ клеветы—обороняется деньгами; клевещетъ ли кто на кого—всѣ происки свои хитрые деньгами подкрѣпляетъ. Многіе судящіе освященное свое мѣсто, въ которомъ они именемъ нашимъ должны показать правосудіе, въ торжище превращаютъ, вмѣняя себѣ ввѣренное отъ насъ званіе судіи безкорыстнаго и нелицепріятнаго за пожалованный будто бы имъ доходъ въ поправленіе дома своего, а не за службу, приносимую Богу, намъ и отечеству, и мздопріимствомъ богомерзкимъ претворяютъ клевету въ праведный доносъ, разореніе государственныхъ доходовъ въ прибыль государственную, а иногда нищаго дѣлаютъ богатымъ, а богатаго нищимъ». За указаніемъ сильно распространеннаго зла послѣдовали вскорѣ нѣкоторыя мѣры къ его прекращенію: манифестомъ 15 декабря 1763 г. предписано «наполнить судебныя мѣста достойными и честными людьми, положивъ имъ довольное жалованье». «Бригадиръ», по поводу этого предмета, также представляетъ просвѣщенное отношеніе къ современнымъ нравамъ и современнымъ понятіямъ объ улучшеніи нравовъ. Въ лицѣ Совѣтника выведенъ старинный подьячій,—прямая приказная строка, по отзыву его жены. Онъ бралъ и съ виноватаго и съ

праваго: съ виноватаго за вину, съ праваго за правоту. Послѣ вышеозначеннаго указа о лихоимствѣ, онъ вышелъ въ отставку и удалился въ деревню, неправедно имъ нажитую. Чтобы выразить нѣсколько мыслей о поднятомъ тогда вопросѣ, комедія навязала Добролюбову какой-то процессъ. Въ разговорѣ съ Совѣтникомъ, онъ показываетъ, что прошло то время, когда «всякій, и съ правымъ, и съ неправымъ дѣломъ, шелъ въ приказъ и могъ, подружась съ судьею, получить милостивую резолюцію»; что «если корыстолюбіе нашихъ лихоимцевъ перешло всѣ предѣлы, то всякій, не находившій въ учрежденныхъ мѣстахъ своего права, могъ идти прямо къ высшему правосудію». Но страхъ наказанія за лихоимство породилъ другую бѣду, указываемую Добролюбовымъ—судейскія проволочки: «большая часть судей нынче взятокъ хотя и не берутъ, да и дѣлъ не дѣлаютъ». Есть также указаніе на безграмотность подьячихъ, какъ на одну изъ многихъ причинъ дурнаго состоянія правосудія, обратившагося въ кривосудіе: «сколько у насъ исправныхъ секретарей (говоритъ Совѣтникъ), которые экстракты сочиняютъ безъ грамматики! любо—дорого смотрѣть! У меня на примѣтѣ есть одинъ, который, что когда напишетъ, такъ иной ученый и съ грамматикою вовѣки того разумѣть не можетъ». Такимъ образомъ идея комедіи какъ бы двоится: съ одной стороны (и это главное) въ ней изображены вредныя и смѣшныя послѣдствія ложнаго образованія, сообщаемаго иностранцами; съ другой стороны—лихоимство и ябедничество, которымъ правительство старалось положить преграды.

Литературная критика справедливо находитъ въ «Бригадирѣ» многіе недостатки. Главный изъ нихъ тотъ, что между сюжетомъ комедіи и ея основною мыслью нѣтъ внутренней связи. Дурное воспитаніе и лихоимство могли быть представлены помимо любви Добролюбова и Софьи,—любви, въ которой не было никакой надобности и которая служитъ не болѣе, какъ общимъ мѣстомъ французскихъ драмъ XVIII в. Отсюда и происходитъ, что лица, нужныя для завязки и развязки піесы, совершенно не нужны по отношенію къ идеѣ, тогда какъ лица Бригадира, Бригадирши, Иванушки, Совѣтника и Совѣтницы, второстепенныя относительно сюжета, необходимы для выраженія идеи, и слѣдов. по отношенію къ ней главныя. Другой недостатокъ — неорганическое развитіе дѣйствія и характеровъ. Лица выходятъ на сцену и сходятъ со сцены по волѣ автора, а не въ силу естественнаго, необходимаго хода дѣйствія; характеры ихъ какъ явились съ перваго раза, такъ и сохранили тотъ же видъ. Постановка ихъ очень удачна, но дальнѣйшаго движенія въ нихъ нѣтъ: они обращены къ зри-

телю постоянно одною стороною и не выказывають другихъ сторонъ; притомъ же они проводятъ время не столько въ дѣйствіи, сколько въ разговорахъ. Наконецъ піеса переступила мѣру смѣшнаго. Кн. Вяземскій справедливо замѣтилъ, что Бригадиръ болѣе комическая каррикатура, нежели комическая картина. Увлекаемый комическимъ настроеніемъ и желая во что бы ни стало смѣшить зрителей, Фонъ-Визинъ иногда заставляетъ дѣйствующія лица говорить то, чего они не могли бы сказать по своему характеру или положенію. Поэтому въ одномъ мѣстѣ піесы даже оказалось странное противорѣчіе: Совѣтникъ вышелъ и чрезвычайно худымъ и чрезвычайно дороднымъ. Бригадирша замѣчаетъ ему, что онъ «съ поста и молитвы скоро будетъ походить на усопшаго»; а чрезъ нѣсколько времени онъ самъ разсказываетъ Бригадиру, что въ коллегіи, гдѣ онъ служилъ президентомъ, былъ одинъ канцеляристъ чуть не въ-пятеро его толще: и Бригадиръ не вѣритъ такой невиданной толщинѣ. «Но», какъ замѣчаетъ кн. Вяземскій, «каррикатурный отпечатокъ Бригадира не признакъ безвкусія, а выраженіе ума оригинальнаго, поэзія веселости». Дѣйствительно, комедія исполнена забавныхъ, истинно-комическихъ положеній. Лучшее лице ея—Бригадирша, списанная авторомъ съ дѣйствительности. Подлинникомъ этого лица послужила мать одной дѣвушки, которою Фонъ-Визинъ былъ заинтерисованъ—«дура набитая». Бригадирша, по словамъ гр. Н. И. Панина, часто слушавшаго чтеніе комедіи, «всѣмъ родня: никто не можетъ сказать, чтобы не имѣлъ у себя подобной или бабушки, или тетушки, или какой нибудь свойственницы». Онъ же назвалъ «Бригадира» первою комедіею въ русскихъ нравахъ. Благодаря живому отношенію къ современности, воплощенной въ нѣсколькихъ живыхъ лицахъ, «Бригадиръ» имѣлъ великій успѣхъ. «Вліяніе, имъ произведенное (таковъ отзывъ кн. Вяземскаго), можно опредѣлить тѣмъ, что отъ нея званіе бригадира обратилось въ смѣшное нарицаніе. Нарицаніе пережило и самое званіе: бригадировъ уже нѣтъ по табели о рангахъ, но есть еще (или по крайней мѣрѣ былъ) родъ свѣтскихъ старовѣровъ, къ которымъ имя сіе примѣняется».

Если послѣднія слова, которыми Совѣтникъ заключаетъ комедію «Бригадиръ» не указываютъ существеннаго ея смысла, то въ «Недорослѣ», напротивъ, такія же слова прямо идутъ къ дѣлу. При видѣ отчаяннаго положенія Простаковой, матери Митрофана (Недоросля), восклицающей: «погибла я совсѣмъ! отъ стыда никуда глазъ показать нельзя! нѣтъ у меня сына!», Стародумъ, дядя Софьи, жившей въ домѣ Простаковыхъ, говоритъ: «вотъ злонравія достойные плоды!» Именно такъ, а не иначе, потому что цѣль

піесы—представить дурное воспитаніе, невѣжество и злоупотребленіе домашней власти. Послѣдніе два предмета коренятся въ первомъ: причина ихъ—дурное воспитаніе или отсутствіе воспитанія; отсюда необходимо проистекаетъ злонравіе, тогда какъ хорошее воспитаніе есть источникъ благонравія. Тотъ же самый Стародумъ желаетъ, чтобы при наукахъ не забывалась главная цѣль всѣхъ знаній человѣческихъ—благонравіе: «какъ скоро всѣ увидятъ, что безъ благонравія никто не можетъ выйти въ люди, тогда всякій найдетъ выгоду быть благонравнымъ и всякъ хорошъ будетъ». Такъ какъ въ противоположность злонравной Простаковой выведена Софья, то, разумѣется, послѣдняя отличается благонравіемъ. Въ разговорахъ съ нею, Стародумъ постоянно напираетъ на это качество: «прямую цѣну уму даетъ благонравіе»; «какого воспитанія ожидать отъ матери, потерявшей добродѣтель? какъ ей учить благонравію, котораго въ ней нѣтъ?» На вопросъ Софьи, отъ чего происходятъ страшныя несчастія въ семейной жизни, Стародумъ отвѣчаетъ: «отъ того, что при нынѣшнихъ супружествахъ рѣдко съ сердцемъ совѣтуются. Дѣло о томъ, знатенъ ли, богатъ ли женихъ, хороша ли, богата ли невѣста; о благонравіи вопросу нѣтъ. Никому и въ голову не приходитъ, что добродѣтель все замѣняетъ, а добродѣтели ничто замѣнить не можетъ». Такимъ образомъ Фонъ-Визинъ положительно ставитъ ученіе ниже нравственнаго образованія и не придаетъ никакой цѣны уму, если онъ не соединенъ съ благороднымъ сердцемъ. Въ разговорахъ между Стародумомъ, Правдинымъ и Софьею, то и дѣло повторяется мысль о воспитаніи, какъ средствѣ внушить человѣку добродѣтель. «Прямое достоинство въ человѣкѣ есть душа. Безъ нея просвѣщеннѣйшая умница—жалкая тварь. Невѣжда безъ души—звѣрь... Съ великимъ просвѣщеніемъ можно быть великому скареду... Умъ, коль онъ только что умъ, самая бездѣлица. Съ пребѣглыми умами видимъ мы худыхъ мужей, худыхъ отцевъ, худыхъ граждан. Прямую цѣну уму даетъ благонравіе: безъ него умный человѣкъ—чудовище... Наука въ развращенномъ сердцѣ есть лютое оружіе дѣлать зло. Просвѣщеніе возвышаетъ одну добродѣтельную душу». Вѣра въ силу воспитанія, которое искореняетъ общественные недостатки и творитъ достойныхъ гражданъ, была общимъ убѣжденіемъ передовыхъ людей Екатеринина времени. «Припомните слова мои», говоритъ императрица въ Быляхъ и небылицахъ: «всѣ теперешніе пороки ничего не значатъ; они схожи на стекающее полноводіе; вода же, пришедъ въ прежнія границы и берега свои, возъимѣетъ теченіе естественнѣе прежняго: берега суть воспитаніе». Взглядъ Фонъ-Визина выра-

женъ въ одной сценѣ между Стародумомъ и Правдинымъ (дѣйствіе V, явленіе I), которая, по замѣчанію кн. Вяземскаго, приноситъ честь и писателю, и государю, въ царствованіе коего она написана: «Гдѣ государь мыслитъ, гдѣ онъ знаетъ, въ чемъ его истинная слава, тамъ человѣчеству не могутъ не возвращаться его права; тамъ всѣ скоро ощутятъ, что каждый долженъ искать своего счастья и выгодъ въ томъ, что законно... Великій государь есть государь премудрый. Его дѣло показать людямъ прямое ихъ благо. Слава премудрости есть та, чтобъ править людьми, потому что управляться съ истуканами нѣтъ премудрости. Достойный престола государь стремится возвысить души подданныхъ. Мы это видимъ своими глазами... Несчастіямъ людскимъ, конечно, причиною собственное ихъ развращеніе; но способы сдѣлать людей добрыми въ рукахъ государя. Чтобы въ достойныхъ людяхъ не было недостатку, прилагается нынѣ особливое стараніе о воспитаніи. Оно и должно быть залогомъ благосостоянія государства».

Въ «Недорослѣ», какъ и въ «Бригадирѣ», главныя лица разставлены симметрично: на одной сторонѣ идеалы, на другой—крайнія отступленія отъ идеаловъ. Къ первому разряду лицъ относятся: Стародумъ, Правдинъ, Софья и Милонъ; ко второму: Простаковы (мужъ и жена), Митрофанъ и Скотининъ. Представимъ краткую характеристику тѣхъ и другихъ, начавъ съ Недоросля, не потому только, что онъ далъ свое названіе комедіи, но и потому, что онъ дѣйствительно главное лице въ ней, служа по преимуществу къ выраженію ея идеи—дурнаго воспитанія. Такъ какъ недорослей не существуетъ уже болѣе, то и слѣдуетъ, за объясненіемъ ихъ значенія, отнестись къ исторіи. Матеріалы для знакомства съ ними находятся частію въ оффиціальныхъ актахъ, частію въ литературныхъ памятникахъ. Недоросли ведутъ свое начало отъ реформы Петра: его грозными указами повелѣно было дворянскимъ дѣтямъ явиться на службу немедленно; въ случаѣ неповиновенія, высылкой ихъ распоряжалось мѣстное начальство; не получившіе свидѣтельства въ томъ, что выучились наукѣ, не могли ни поступать на службу, ни жениться. По смерти Петра, правительство также постоянно озабочивалось судьбою недорослей: въ 1727 г. состоялся сенатскій указъ о высылкѣ ихъ изъ герольдмейстерской конторы въ адмиралтейскую коллегію; возрастъ былъ назначенъ отъ 12 до 17 лѣтъ; молодые дворяне, ничему не научившіеся, отдавались въ матросы. Императрица Анна подтвердила это распоряженіе сената (указами 1736 и 1737 г.). Всѣхъ малолѣтнихъ дѣтей, начиная съ семи лѣтъ, должно было представлять на экзаменъ, или «смотръ»—въ Петербургѣ въ герольдію, а въ

Москвѣ и другихъ городахъ къ генералъ-губернаторамъ и губернаторамъ для повѣрки возраста и для испытанія, чему мальчикъ дома учился. За тѣмъ, въ двѣнадцать лѣтъ, онъ долженъ былъ явиться на второй смотръ и доказать, что онъ умѣетъ «совершенно читать и чисто писать». Послѣ этого родители могли держать недоросля дома не иначе, какъ давъ письменное обязательство, что онъ, кромѣ одного изъ двухъ иностранныхъ языковъ (нѣмецкаго или французскаго) и закона Божія, будетъ обучаемъ ариѳметикѣ и геометріи. Въ пятнадцать лѣтъ молодой человѣкъ подвергался новому смотру и могъ быть отпускаемъ къ родителямъ только подъ тѣмъ условіемъ, что сверхъ ариѳметики и геометріи будетъ учиться географіи, исторіи и артиллеріи. Въ двадцать лѣтъ онъ обязанъ былъ поступить непремѣнно на службу. Указы о недоросляхъ при Елисаветѣ относятся къ 1742 и 1747 гг. Многіе родители не хотѣли разстаться съ своими дѣтьми, держали ихъ при себѣ дома, какъ можно болѣе отдаляя срокъ поступленія ихъ на службу или думая о томъ, какъ бы скорѣе выручить ихъ изъ службы. Такъ было и въ то время, когда явилась комедія Фонъ-Визина. Изъ современныхъ свидѣтельствъ о жизни и воспитаніи недорослей самымъ вѣрнымъ служатъ «Записки маіора Данилова», о которыхъ сказано выше. Въ племянникѣ Матрены Петровны, по безнравственному баловству ея, готовился своего рода Митрофанъ. Много яркихъ указаній на образъ жизни дворянъ и ихъ дѣтей-недорослей встрѣчается въ сатирическихъ журналахъ 1769—74 г.г. и другихъ литературныхъ произведеніяхъ. Такъ «Всякая всячина» (1769), въ одномъ изъ своихъ еженедѣльныхъ листовъ, содержитъ разсказъ епифанскаго дворянина объ ученіи его сначала у дьячка, съ которымъ онъ въ четыре года могъ съ нуждою разбирать букварь, а потомъ у француза, который былъ выгнанъ изъ дому за то, что хотѣлъ принуждать тринадцатилѣтняго ребенка. Слѣдствія такого воспитанія изображены въ «Живописцѣ» (1774). Это же изданіе заключаетъ въ себѣ письма къ Фалалею отъ его матери, отца и дяди, чрезвычайно похожихъ на Простакову, Простакова и Скотинина. Къ журналамъ присоединяются комедіи Екатерины. Хотя ни одна изъ нихъ не имѣла прямаго намѣренія выставить недорослей; однакожъ нѣкоторыми сценами онѣ даютъ понятія о той средѣ, въ которой росли и выростали лица, подобныя Митрофану. Такъ въ комедіи: «О время! (1772)», изъ разсказа госпожи Чудихиной о ея восьмнадцатилѣтнемъ сынѣ Николашкѣ узнаемъ многія черты молодаго провинціальнаго дворянства: Николашка всю зиму не сходилъ съ лежанки; въ болѣзни ничего не ѣлъ, кромѣ блиновъ

и сластей; мать спала у него въ головахъ, чтобы ночью чего-нибудь ему не причудилось; онъ только что кончилъ азбуку, но часослова не начиналъ; въ Питеръ не ѣздилъ и числился въ уѣздной командѣ; за малограмотность не давали ему и капральства, хотя мать его и даривала, кому надлежитъ. Приведенныя свидѣтельства достаточно объясняютъ лице недоросля. Мы видимъ, что онъ не только существовалъ дѣйствительно, но и былъ предметомъ законодательныхъ мѣръ съ одной стороны, литературныхъ изображеній съ другой. Эти изображенія предшествовали комедіи Фонъ-Визина, которая поэтому состоитъ съ ними въ исторической связи, но превосходитъ ихъ художественнымъ достоинствомъ: въ преемственныхъ характеристикахъ одного и того же типа, Митрофанъ занимаетъ между ними первое мѣсто. Какъ представлено его образованіе въ комедіи? Грамотѣ, часослову и псалтири онъ учится у дьячка Кутейкина, ариѳметикѣ, или цыфири, у отставнаго сержанта Цыфиркина, по-французски и всѣмъ наукамъ у Вральмана, который «ребенка (Митрофану 16 лѣтъ) не неволитъ». Вральманъ оказался кучеромъ, что̀ не выходитъ изъ предѣловъ вѣроятія. Подобные случаи могли быть и прежде и послѣ «Недоросля». Иванушка воспитывался въ пансіонѣ, содержимомъ французскимъ кучеромъ: чѣмъ же сынъ Простаковой лучше бригадирова сына? Въ комедіи: «Госпожа Вѣстникова съ семьею (1772)», императрица Екатерина заставляетъ старую Вѣстникову такъ отзываться о наставникѣ своего внука: «Ужасть какъ мнѣ хочется выгнать эту харю изъ дому. Да ужъ и обѣщали мнѣ достать какого-то другаго учителя, который гдѣ-то былъ скороходомъ; а этотъ пусть себѣ по прежнему опять пойдетъ въ кучера къ кому-нибудь». При родителяхъ-невѣждахъ легко было являться учителямъ-самозванцамъ. «Записки Порошина» (1764—65) разсказываютъ, что къ одному московскому дворянину поступилъ въ учителя чухонецъ, выдавъ себя за француза, и выучилъ дѣтей его вмѣсто французскаго языка чухонскому. Но какъ ни плохо шло образованіе Митрофана, все же оно было шагомъ впередъ. Родители и дядя недоросля совершенно безграмотны: Скотнинъ отъ роду ничего не читывалъ; Простаковъ воспитанъ, какъ красная дѣвица старыхъ временъ; Простакова гордится тѣмъ, что она можетъ получать письма, но читать ихъ всегда велитъ другому, и потому понятна ея ненависть къ новому образованію женскаго пола: «вотъ до чего дожили! къ дѣвушкамъ письма пишутъ! дѣвушки грамотѣ знаютъ!» Дѣдъ Митрофана не хотѣлъ и слышать о школѣ: «прокляну ребенка», кричалъ онъ, «который что-нибудь переиметъ у бусурмановъ, и не будь тотъ Скотининъ, кто чему-нибудь учиться за-

хочетъ». Въ противоположность семейству Простаковыхъ, Милонъ и Софья служатъ образцами людей «новой породы», произведенныхъ добрымъ воспитаніемъ. О Софьѣ мы уже говорили. Что касается до Милона, то, при всей его молодости, Стародумъ видитъ въ немъ и почитаетъ добродѣтель, украшенную разсудкомъ просвѣщеннымъ; другими словами, Милонъ соединяетъ «съ изящнымъ умомъ изящное сердце».

Стародумъ и Правдинъ—резонеры. Они прикомандированы къ піесѣ, а не входятъ въ нее, какъ живые члены драматическаго организма. Грѣша противъ условій драмы, обѣ роли весьма важны своимъ служебнымъ отношеніемъ къ идеѣ и цѣли комедіи. Стародумъ особенно былъ для того нуженъ: ему авторъ «Недоросля» передалъ свой обличительный голосъ. Читатели нашего времени могутъ находить его рѣчи утомительными и скучными, но въ эпоху Екатерины II онѣ выслушивались съ напряженнымъ вниманіемъ, потому что правдивой и смѣлой сатирой обличали самые видные недостатки. Авторъ понималъ силу резонерства Стародума, почему и говоритъ въ письмѣ къ этому вымышленному лицу (1788): «Я долженъ признаться, что за успѣхъ комедіи моей одолженъ я вашей особѣ. Изъ разговоровъ вашихъ съ Правдинымъ, Милономъ и Софьею составилъ я цѣлыя явленія, кои публика и донынѣ съ удовольствіемъ слушаетъ». Потому-то, задумавъ издавать «періодическое сочиненіе, посвященное истинѣ», Фонъ-Визинъ назвалъ его именемъ «Стародума». Поэтому же Стародумъ, въ отвѣтѣ на письмо, разумѣлъ самого себя, выражая открыто и благородно, что «человѣкъ съ дарованіемъ можетъ въ своей комнатѣ, съ перомъ въ рукахъ, быть иногда полезнымъ совѣтователемъ государю, а иногда спасителемъ согражданъ своихъ и отечества». Значеніе Стародума видно изъ его имени: это—человѣкъ, «думающій постарому», въ противоположность людямъ Екатеринина вѣка, которые думаютъ и поступаютъ по-новому. Теперь не въ обычаѣ предварительно знакомить зрителя съ дѣйствующими лицами посредствомъ ихъ именъ или фамилій; но тогда было почти общимъ правиломъ отмѣчать названіемъ лица его характеръ, его нравственную физіономію. Отецъ Стародума «служилъ Петру Великому и далъ своему сыну наилучшее воспитаніе по тому времени, когда еще не умѣли чужимъ умомъ набивать пустую голову». Это воспитаніе состояло въ одномъ правилѣ: «имѣй сердце, имѣй душу— и будешь человѣкъ во всякое время». Есть основаніе думать, что черты стародумства Фонъ-Визинъ припоминалъ въ почтенныхъ качествахъ отца своего, «кои въ нынѣшнемъ обращеніи свѣта едва ли сохранить можно» (Чистосердечное признаніе въ дѣлахъ

моихъ и помышленіяхъ). Человѣкъ стараго вѣка среди людей новосвѣтскихъ, «гдѣ всего чаще первая встрѣча бываетъ—умы, развращенные въ своихъ понятіяхъ, сердца, развращенныя въ своихъ чувствіяхъ»: вотъ кого представилъ Фонъ-Визинъ въ Стародумѣ, кто бы ни служилъ ему оригиналомъ. Стародумъ есть идеалъ нравственнаго совершенства, прямо-противоположный безнравственному состоянію, возникшему изъ превратной цивилизаціи, которая не лучше стариннаго невѣжества и на которую указывалъ Бецкій въ своихъ докладахъ. Въ чемъ же заключается высшее достоинство человѣка? По мнѣнію Стародума, или Фонъ-Визина (что одно и тоже), оно заключается въ честности. Стародумъ гордится этимъ качествомъ и называетъ себя «другомъ честныхъ людей». Тоже названіе Фонъ-Визинъ хотѣлъ перенесть на журналъ свой. Въ племянницѣ своей Стародумъ видитъ «сердце честнаго человѣка»: наилучшая похвала, какую только онъ могъ ей сдѣлать. Милонъ возбуждаетъ къ себѣ его сочувствіе, между прочимъ, и тѣмъ, что онъ племянникъ графа «Честана». И въ другихъ сочиненіяхъ, авторъ Недоросля остался вѣренъ своему взгляду на честность, какъ на высшую степень нравственности. «Каллисѳенъ», главное лице греческой повѣсти того же имени, можетъ быть сравниваемъ съ Стародумомъ. На письмѣ его къ Аристотелю послѣдній положилъ такую отмѣтку: «вотъ что честный человѣкъ въ два дня сдѣлать можетъ!» Въ «Жизни гр. Н. И. Панина», Фонъ-Визинъ не могъ придумать ему лучшаго панегирика, какъ сказавъ, что «гласомъ цѣлой націи было дано ему титло честнаго человѣка». Наконецъ одинъ изъ «Вопросовъ», предложенныхъ имъ Екатеринѣ II, начинается слѣдующимъ образомъ: «Имѣя монархиню *честнаго* человѣка», и пр. Будучи главнѣйшимъ достоинствомъ сердца, честность нераздѣлима и совмѣщаетъ всѣ другія хорошія качества: «умнаго человѣка легко извинить можно, если онъ какого-нибудь качества не имѣетъ; честному человѣку никакъ простить нельзя, если недостаетъ въ немъ какого-нибудь качества сердца: ему необходимо всѣ имѣть надобно. Честный человѣкъ долженъ быть совершенно честный человѣкъ». Изложенное понятіе Фонъ-Визина не принадлежитъ собственно ему, а заимствовано или прямо изъ упомянутаго сочиненія Дюкло: «Considérations sur les moeurs de ce siécle», который различаетъ слова: «probité», «vertu», «honneur», или изъ словаря французскихъ синонимовъ, принявшаго это различеніе на свои страницы. Фонъ-Визинъ воспользовался имъ въ «Опытѣ россійскаго сословника», съ тою перемѣною, что на первомъ планѣ поставилъ

честь, возвысивъ ее и надъ добродѣтелью, и надъ безпорочностью:

Безпорочный бываетъ таковымъ по воспитанію, для собственныхъ выгодъ и повинуясь законамъ; *добродѣтельный* слѣдуетъ часто въ дѣлахъ своихъ разсужденію; но *честный* человѣкъ не закону повинуется, не разсужденію слѣдуетъ, не примѣрамъ подражаетъ: въ душѣ его есть нѣчто величавое, влекущее его мыслить и дѣйствовать благородно. Онъ кажется самъ себѣ законодателемъ. Въ немъ нѣтъ робости, подавляющей въ слабыхъ душахъ самую добродѣтель. Онъ никогда не бываетъ орудіемъ порока. Онъ въ своей добродѣтели самъ на себя твердо полагается.

Въ отношеніи къ логикѣ здѣсь повторена ошибка французскаго автора: видовое понятіе (честь) смѣшано съ родовымъ (добродѣтель). Но Фонъ-Визину было нужно не точное разграниченіе и размѣщеніе понятій, а представленіе высшаго достоинства человѣка. Честность не видъ добродѣтели или безпорочности, предметъ не подчиненный имъ и даже не равночинный, а возвышающійся надъ ними; образцовый, примѣрный человѣкъ есть человѣкъ честный: такъ онъ думалъ, побуждаемый извѣстнымъ намѣреніемъ, въ силу котораго допустилъ логическую несообразность. А намѣреніемъ его было выставить дурно-воспитанныхъ дворянъ. Слова Правдина: «надобно, чтобъ всякое состояніе людей имѣло приличное себѣ воспитаніе», согласны съ правиломъ Инструкціи: «всякое доброе воспитаніе учреждено быть должно, смотря на того, кому оное дается». Митрофанъ—дворянинъ; дворянству въ особенности вмѣняется «Наказомъ» честь и воспрещены унизительныя дѣйствія; совершенство же сохраненія чести состоитъ «въ любви къ отечеству и наблюденіи всѣхъ законовъ и должностей» (Нак. §§ 373—374). Потому не удивительно встрѣтить въ рѣчахъ Стародума рѣзкія выходки противъ недостойныхъ дворянъ вообще, противъ знатныхъ дворянъ въ частности, которые, не смотря на свою знатность, «владѣли искусствомъ проманивать, т. е. не исполнять обѣщаемаго, питая одною тщетною надеждою». Изъ 13-го вопроса Екатеринѣ II видно, что въ сердцахъ дворянъ поселилась безчувственность къ достоинству благороднаго званія, что титло дворянина не было уже знакомъ душевнаго благородства. Надлежало «возвысить упадшія души дворянства». Но чтобы достигнуть этого, надлежало возвысить понятіе о чести, какъ главной принадлежности дворянства. Фонъ-Визинъ—самъ дворянинъ—то и сдѣлалъ: честь поставлена имъ на первомъ планѣ; добродѣтель и безпорочность отодвинуты на второй планъ. Нравственный упадокъ дворянства представленъ

Фонъ-Визинымъ во многихъ мѣстахъ, между прочимъ въ письмѣ къ Екатеринѣ по поводу «Вопросовъ». Увидѣвъ изъ ея отвѣтовъ, что она осталась недовольна нѣкоторыми вопросами, въ томъ числѣ и 13-мъ, Фонъ-Визинъ даетъ такое объясненіе: «Мнѣ случилось по своей землѣ поѣздить. Я видѣлъ, въ чемъ большая часть носящихъ имя дворянина полагаетъ свое любочестіе. Я видѣлъ множество такихъ, которые служатъ или паче занимаютъ мѣста въ службѣ для того только, чтобы ѣздить на парѣ. Я видѣлъ множество другихъ, которые пошли тотчасъ въ отставку, какъ скоро добились права впрягать четверню. Я видѣлъ отъ почтеннѣйшихъ предковъ презрительныхъ потомковъ. Словомъ, я видѣлъ дворянъ раболѣпствующихъ. Я дворянинъ,—и вотъ что растерзало мое сердце». Однимъ изъ крупныхъ недостатковъ современнаго дворянства Стародумъ признаетъ отсутствіе надлежащаго, прямаго разума, и въ слѣдствіе того непониманіе смысла въ словѣ «должность»: «Непрямой разумъ полагаетъ свое счастье не въ томъ, въ чемъ надобно»; а «должность есть тотъ священный обѣтъ, которымъ обязаны мы всѣмъ тѣмъ, съ кѣмъ живемъ и отъ кого зависимъ». Еслибъ у людей былъ прямой разумъ; «еслибъ такъ должность исполняли, какъ объ ней твердятъ: всякое состояніе людей осталось бы при своемъ любочестіи и было бъ совершенно счастливо. Дворянинъ, напримѣръ, считалъ бы за первое безчестье не дѣлать ничего, когда ему есть столько дѣла: есть люди, которымъ помогать; есть отечество, которому служить. Тогда не было бъ такихъ дворянъ, которыхъ благородство, можно сказать, погребено съ ихъ предками. Дворянинъ, недостойный быть дворяниномъ,—подлѣе его ничего не знаю». На замѣчаніе Софьи, что люди согласились полагать счастіе въ богатствѣ и знатности, Стародумъ отвѣчаетъ: «Степени знатности расчитываю я по числу дѣлъ, которыя большой господинъ сдѣлалъ для отечества, а не по числу дѣлъ, которыя нахваталъ на себя изъ высокомѣрія; не по числу людей, которые шатаются въ его передней, а по числу людей, довольныхъ его поведеніемъ и дѣлами».

Согласно своимъ понятіямъ о достоинствѣ и обязанностяхъ дворянъ, Фонъ-Визинъ распорядился съ недорослемъ. Правдинъ говоритъ послѣднему: «съ тобой, дружокъ, знаю, что дѣлать,—ступай-ка служить». Тоже самое говорилъ Бригадиръ своей женѣ объ Иванушкѣ: «жена, не балуй ребенка; запишемъ его въ полкъ; пусть онъ, служа въ полку, ума набирается». Другаго исхода Митрофану и не было, по тогдашнему времени. Дальнѣйшее пребываніе при родителяхъ сдѣлало бы его окончательно злонравнымъ. Въ воспитательныя заведенія, находившіяся подъ управле-

піемъ Бецкаго, онъ поступить не могъ, какъ потому, что служилъ бы дурнымъ примѣромъ для другихъ, тогда какъ цѣль Бецкаго состояла именно въ устраненіи всякаго вреднаго вліянія на воспитанниковъ, такъ и потому, что Митрофану было 16 лѣтъ, а въ означенныя заведенія принимали дѣтей ранняго возраста, когда семейная среда не оставила еще замѣтныхъ слѣдовъ на юномъ умѣ и сердцѣ. Народныя училища еще не существовали. Если бы Митрофанъ и пристроился гдѣ-нибудь, то безъ надежды на успѣхъ: ему не давалась даже грамота, не говоря уже о наукахъ. Оставалось служить. Служба имѣла большую важность для Фонъ-Визина въ то время, когда «у насъ было не стыдно *ничего не дѣлать*» (12-ый вопросъ Екатеринѣ); когда главное стараніе большей части дворянъ состояло въ томъ, чтобы поскорѣе сдѣлать дѣтей своихъ, *не служа*, гвардіи унтеръ-офицерами» (7-ой вопросъ); когда всякій только и смотрѣлъ, какъ бы на покой. Праздность, коренной порокъ многихъ дворянъ Екатеринина вѣка, заставляла ихъ бояться должности какъ огня. «Что за радость выучиться?» замѣчаетъ Простакова Правдину. «Мы это видимъ своими глазами и въ нашемъ краю. Кто посмышленѣе, того свои же братья выберутъ еще *въ какую-нибудь должность*». Нападая на дворянское ничегонедѣланіе, Фонъ-Визинъ мѣтилъ не въ небывалое, а въ дѣйствительное, сильно распространенное зло, которое привело его къ строгому, исключительному правилу: дворянину позволяется выдти въ отставку только въ томъ случаѣ, когда онъ увѣренъ, что его служба не приноситъ отечеству прямой пользы.

Кромѣ невѣжества и дурнаго воспитанія, «Недоросль», сказали мы, изображаетъ также неизбѣжный результатъ ихъ—злоупотребленіе помѣщичьей власти, въ лицѣ Простаковой, «презлой фуріи, которой адскій нравъ дѣлаетъ несчастье цѣлаго дома». Эту домашнюю тиранію останавливаетъ отъ имени правительства чиновникъ Правдинъ. Чуждый внутренняго отношенія къ сюжету, онъ важенъ, какъ органъ «человѣколюбивыхъ видовъ высшей власти». Ему предписано «замѣчать тѣхъ злонравныхъ невѣждъ, которые, имѣя надъ людьми своими полную власть, употребляютъ ее во зло безчеловѣчно». Онъ беретъ въ опеку домъ и деревни Простаковой, такъ какъ ея «злонравіе въ благоучрежденномъ государствѣ терпимо быть не можетъ»; вмѣстѣ съ тѣмъ предостерегаетъ и Скотинина, приказывая ему повѣстить всѣмъ Скотининымъ, чтобъ они людей своихъ побольше любили, или бы по крайней мѣрѣ не трогали ихъ. Распоряжаясь такимъ образомъ, онъ дѣйствовалъ по силѣ «Наказа» и «Учрежденія для управленія губерній (1775)».

Въ Наказѣ говорится: «какого бы рода покорство ни было, надлежитъ, чтобы законы гражданскіе злоупотребленія рабства отвращали (§ 254)»; «Петръ I узаконилъ въ 1722 г., чтобы безумные и подданныхъ своихъ мучащіе были подъ смотрѣніемъ опеки: по первой статьѣ сего указа чинится исполненіе, а послѣдняя для чего безъ дѣйства осталася—неизвѣстно (§ 256)». Приведеніе этой мѣры въ дѣйствіе учинено Учрежденіемъ о губерніяхъ. Въ разговорѣ съ Милономъ, Правдинъ указываетъ на связь своей роли съ этимъ законодательнымъ памятникомъ: «Ты знаешь образъ мыслей нашего намѣстника. Съ какою ревностію помогаетъ онъ страждущему человѣчеству! Съ какимъ усердіемъ исполняетъ онъ тѣмъ самымъ человѣколюбивые виды высшей власти! Мы въ нашемъ краю сами испытали, что гдѣ намѣстникъ таковъ, каковымъ изображенъ намѣстникъ въ Учрежденіи, тамъ благосостояніе обитателей вѣрно и надежно». Въ «Учрежденіи» же о намѣстникѣ говорится слѣдующее: «Намѣстникъ не есть судья, но оберегатель изданнаго узаконенія, ходатай за пользу общую и государеву, заступникъ утѣсненныхъ и побудитель безгласныхъ дѣлъ. Нося имя государева намѣстника, долженъ онъ показать въ поступкахъ своихъ доброхотство, любовь и соболѣзнованіе къ народу... Онъ имѣетъ пресѣкать всякаго рода злоупотребленія, а наипаче роскошь безмѣрную и разорительную, обуздывать излишества, беспутства, мотовство, тиранство и жестокости».

И содержаніемъ, и драматическимъ достоинствомъ «Недоросль» выше «Бригадира», хотя нѣкоторыми сценами и лицами отступаетъ отъ требованій истинной комедіи. И здѣсь также главная погрѣшность—внѣшнее отношеніе идеи къ завязкѣ. Милонъ и Софья введены безъ всякой пользы для дѣйствія, изъ одного желанія показать лица прямо противоположныя семейству Простаковыхъ; взаимная любовь ихъ нисколько не вяжется съ ходомъ піесы, угождая только обычаямъ ложно-классицизма. Другой недостатокъ «Недоросля» кн. Вяземскій находитъ въ неподвижности событія, иначе въ отсутствіи драматизма: изъ всѣхъ явленій, говоритъ онъ, едва ли найдется треть, и то короткихъ, входящихъ въ составъ самого дѣйствія и развивающихся изъ него какъ изъ клубка. Развязка есть своего рода deus ex machina: она производится не ходомъ обстоятельствъ, а волею Стародума, по праву родства, или волею Правдина, по силѣ закона. Дѣйствующія лица могутъ быть раздѣлены на нѣсколько категорій. Къ истинно-комическимъ относятся: Простаковъ, Простакова, Митрофанъ, Еремеевна и Тришка. Лучшій характеръ, выдержанный до конца — Простакова. Скотининъ, Вральманъ, Кутейкинъ и Цыфиркинъ, также взятые изъ

русской жизни, переходятъ въ каррикатуру. Первый изъ нихъ, по остроумному замѣчанію кн. Вяземскаго, нарисованъ въ родѣ театральныхъ героевъ классической трагедіи и говоритъ о любви своей къ свиньямъ, какъ Дмитрій Самозванецъ Сумарокова о любвѣ къ злодѣйствамъ. Кутейкинъ не могъ такъ наивно разсказывать о своихъ неудачахъ въ ученіи: надобно быть черезъ чуръ глупымъ, чтобы хвалиться плохимъ аттестатомъ, а онъ вовсе не такой дуракъ. Вральманъ неправдоподобенъ не тѣмъ, что онъ изъ кучеровъ попалъ въ учители: дѣло въ то время возможное, а тѣмъ, какъ онъ отзывается о себѣ и о Митрофанѣ. Наконецъ Стародумъ и Правдинъ—резонеры: этимъ словомъ достаточно указывается ихъ противорѣчіе сущности драмы, которая выводитъ лица для дѣйствія, а не для разсужденій. Успѣхъ «Недоросля», говоритъ кн. Вяземскій, былъ рѣшительный. Нѣкоторыя изъ именъ дѣйствующихъ лицъ сдѣлались нарицательными и донынѣ употребляются въ народномъ обращеніи. Нравственное вліяніе піесы заключается въ сознаніи образа дѣйствій, противоположнаго тому, которое въ ней изображено: «авторъ, въ начертаніи картины, далъ лицамъ смѣшное направленіе, но смѣшное хотя у него на первомъ планѣ, не мѣшаетъ разглядѣть гнусное, ненавистное въ перспективѣ. Въ семействахъ Простаковыхъ трагическія развязки не рѣдки. Архивы уголовныхъ дѣлъ нашихъ могутъ представить тому многочисленныя доказательства». Общественное значеніе «Недоросля» такъ важно, что эта комедія (обращаемся снова къ мнѣнію кн. Вяземскаго) есть не только хорошее сочиненіе, но и доброе дѣло, патріотическая заслуга. Служа примѣромъ благороднаго согласія между литературою и видами правительства, она въ тоже время представляетъ примѣръ полезнаго взаимнодѣйствія литературы и общества. Ея авторъ имѣлъ право отнести къ себѣ тѣ самыя слова, которыя онъ заставилъ написать Стародума и часть которыхъ мы привели выше: «въ томъ государствѣ, гдѣ писатели наслаждаются дарованною намъ свободой, имѣютъ они долгъ возвысить громкій гласъ свой противъ злоупотребленій и предразсудковъ, вредящихъ отечеству, такъ что человѣкъ съ дарованьемъ можетъ въ своей комнатѣ, съ перомъ въ рукахъ, быть иногда полезнымъ совѣтователемъ государю, а иногда и спасителемъ согражданъ своихъ и отечества».

Другія сочиненія Фонъ-Визина также служатъ свидѣтельствомъ той высоты, которой достигаетъ литература, будучи сознательнымъ выраженіемъ просвѣщенныхъ стремленій общества. Они имѣютъ предметомъ не матеріальное могущество Россіи, не политическое ея значеніе, не славу побѣдъ и завоеваній, а задачи и дѣла внут-

ренняго устройства, успѣхи гражданственности. И въ этомъ кругу гражданскихъ интересовъ они обращаютъ вниманіе не столько на фактическую сторону, сколько на смыслъ и основаніе фактовъ. Ни одинъ изъ современныхъ вопросовъ не былъ ими обойденъ или незамѣченъ. Во всѣхъ мнѣніяхъ Фонъ-Визина слышенъ голосъ передоваго человѣка своей эпохи, а въ нѣкоторыхъ и голосъ замѣчательнаго публициста. Намъ уже извѣстно, какъ онъ смотрѣлъ на воспитаніе, правосудіе, обязанности дворянства, отношеніе помѣщиковъ къ крестьянамъ. «Письмо Взяткина», хотя и вымышленное, не хуже подлинныхъ документовъ даетъ понятіе о потворствѣ беззаконію и плутнямъ. «Разговоръ у кн. Халдиной», разсуждая о средствахъ приготовить достойныхъ судей и адвокатовъ, предлагаетъ учредить въ университетѣ каѳедру политической науки, подъ которой разумѣется наука о «благочиніи, коммерціи и государственныхъ доходахъ». Гласность должна была съ своей стороны оградить законное теченіе дѣлъ, устрашая неправду приговоромъ общественнаго мнѣнія, какъ видно изъ 5-го вопроса Екатеринѣ: «отъ чего у нас тяжущіеся не печатаютъ тяжбъ своихъ и рѣшеній правительства?» По поводу отвѣта императрицы: «отъ того, что вольныхъ типографій до 1782 г. не было», Фонъ-Визинъ писалъ къ ней: «Отвѣтъ вашъ подаетъ надежду, что размноженіе типографій послужитъ не только къ распространенію человѣческихъ знаній, но и къ подкрѣпленію правосудія. Способомъ печатанія тяжбъ и рѣшеній гласъ обиженнаго достигнетъ во всѣ концы отечества. Многіе постыдятся думать то, чего дѣлать не страшатся. Всякое дѣло, содержащее въ себѣ судьбу имѣнія, чести и жизни гражданина, купно съ рѣшеніемъ судившихъ, можетъ быть извѣстно всей безпристрастной публикѣ: воздастся достойная хвала праведнымъ судіямъ; возгнушаются честныя сердца неправдою судей безсовѣстныхъ и алчныхъ». «Письмо отъ Стародума (1788)» показываетъ истинную причину малаго у насъ числа свѣтскихъ ораторовъ. Эта причина заключается не въ недостаткѣ національнаго дарованія, которое способно ко всему великому, не въ недостаткѣ русскаго языка, котораго богатство и красота удобны ко всякому выраженію, а въ недостаткѣ случаевъ, при которыхъ можетъ выказываться даръ политическаго краснорѣчія. Знаменитые «Вопросы Екатеринѣ II» затрогиваютъ важнѣйшіе государственные и общественные интересы. Вѣроятно по порученію начальства, Фонъ-Визинъ перевелъ съ французскаго языка книгу о среднемъ сословіи и сочинилъ о томъ же разсужденіе; ему также, какъ свидѣтельствуетъ кн. Вяземскій, принадлежитъ одно политическое сочиненіе, написанное, по заказу гр. Н. И.

Панина, для наслѣдника престола, великаго князя Павла Петровича. Не смотря на свою образованность, заимствованную съ запада, Фонъ-Визинъ различалъ дурныя стороны европейской жизни и видѣлъ вредъ, наносимый отечеству легкомысленнымъ усвоеніемъ ея внѣшности. Дѣятельность его была всегда направлена на раскрытіе сущности и пользы тѣхъ началъ, безъ которыхъ, по современнымъ понятіямъ, не могли совершиться улучшенія ни въ государствѣ, ни въ обществѣ, ни въ семейномъ быту. Поэтому Фонъ-Визинъ болѣе чѣмъ кто-нибудь имѣетъ право называться литераторомъ Екатеринина вѣка: мѣры правительства, состояніе и потребности общества находили въ немъ разумнаго истолкователя. Независимо отъ своего содержанія, литературные труды Фонъ-Визина обличаютъ рѣдкій талантъ сатирика. Въ его сатирѣ не остроуміе только, но и сила, которая клеймитъ недостатки ума или нравственности. «Чистосердечное признаніе въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ», къ сожалѣнію не конченное, есть примѣръ любопытной автобіографіи, которая не останавливается на одной семейной жизни автора, но даетъ понятіе о характерѣ тогдашняго университетскаго образованія, о замѣчательныхъ современникахъ, объ увлеченіи общества французскими энциклопедистами. «Письма изъ Франціи къ П. И. Панину (1777—1778)» представляютъ положеніе этого государства не задолго до революціи. «Письмо къ Козодавлеву о планѣ россійскаго словаря (1784)» содержитъ въ себѣ много дѣльныхъ и остроумныхъ замѣчаній о языкѣ и грамматикѣ. «Всеобщая придворная грамматика (1788)», по меткости и замысловатости сатиры, можетъ стать на ряду съ капитальными произведеніями въ этомъ родѣ. «Стародумъ, или другъ честныхъ людей», судя по нѣсколькимъ статьямъ, заготовленнымъ для этого изданія (1788), вышелъ бы однимъ изъ лучшихъ органовъ нашей журналистики. «Поученіе, говоренное въ Духовъ день іереемъ Василіемъ (1783)», служа критикою на сельскихъ проповѣдниковъ, вмѣстѣ съ этимъ даетъ примѣръ, хотя и односторонній, какъ и о чемъ должно говорить съ простонародьемъ въ церковныхъ бесѣдахъ. «Слово на выздоровленіе в. к. Павла Петровича (1771)» предлагаетъ ему совѣты въ духѣ «Наказа» и вообще воззрѣній XVIII в.

Фонъ-Визинъ род. 1745 г. въ Москвѣ, гдѣ отецъ его состоялъ на службѣ. Отъ природы получилъ онъ доброе сердце, чрезвычайную чувствительность и острый умъ. Когда онъ выучился грамотѣ, отецъ заставлялъ его читать церковныя книги на всенощной службѣ, отправлявшейся на дому: «этому чтенію», говоритъ онъ въ своихъ мемуарахъ (Чистосердечное признаніе въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ),

обязанъ я знаніемъ русскаго языка, котораго невозможно знать безъ языка славянскаго. Одиннадцати лѣтъ отдали его въ гимназію при московскомъ университетѣ, только что основанномъ: здѣсь онъ пріобрѣлъ нѣкоторыя познанія въ языкахъ латинскомъ и нѣмецкомъ, а также въ словесности; французскому языку выучился онъ позднѣе. Въ 1758 г. директоръ университета, И. И. Мелиссино, отправляясь въ Петербургъ, взялъ съ собою десять лучшихъ воспитанниковъ для представленія куратору (попечителю) И. Шувалову. Въ числѣ ихъ находился и Фонъ-Визинъ. Въ домѣ дяди своего онъ познакомился съ извѣстными актерами: Волковымъ и Дмитревскимъ. Театръ привелъ его въ восхищеніе, особенно игра комика Шумскаго. Произведенный въ студенты (1759), поступилъ на философскій факультетъ, гдѣ слушалъ лекціи логики у профессора Шадена. Въ тоже время занимался онъ переводами, изъ коихъ напечатаны: «Басни Гольберга» (1761) и «Жизнь Сиѳа, царя египетскаго» (1762—1768). Въ 1762 г. Фонъ-Визинъ поступилъ на службу въ гвардію, но вскорѣ перешелъ въ иностранную коллегію. Канцлеръ гр. Воронцовъ поручалъ ему, какъ знающему иностранные языки, переводъ важнѣйшихъ бумагъ. Въ 1763 г. онъ былъ прикомандированъ для нѣкоторыхъ дѣлъ къ кабинетъ-министру И. П. Елагину, который также любилъ словесность и оказывалъ покровительство молодымъ писателямъ. Самимъ Елагинымъ Фонъ-Визинъ былъ доволенъ, но много испыталъ непріятностей отъ своего сослуживца Лукина, драматическаго автора того времени, который старался ему вредить во мнѣніи ихъ общаго начальника. Служба не мѣшала литературнымъ занятіямъ Фонъ-Визина: онъ написалъ комедію «Бригадиръ» и перевелъ поэму Битобе: «Іосифъ». Комедія была читана и передъ императрицею, и у наслѣдника престола, и у многихъ вельможъ. Авторъ читалъ ее мастерски, потому что «имѣлъ даръ принимать на себя лице и говорить голосомъ весьма многихъ людей». Она понравилась всѣмъ и была оцѣнена по достоинству. Въ концѣ 1769 г. Фонъ-Визинъ перешелъ отъ Елагина къ гр. Н. И. Панину, который управлялъ иностранными дѣлами и кромѣ того былъ воспитателемъ наслѣдника престола, Павла Петровича. Отношенія къ нему новаго начальника оставались самыми дружелюбными съ начала и до конца служебнаго поприща. Фонъ-Визинъ, состоя при немъ въ званіи секретаря, удостоенъ былъ полной его довѣренности и былъ непоколебимо ему преданъ. Переписка его со многими дипломатами того времени служитъ свидѣтельствомъ и непосредственнаго участія его въ дѣлахъ, и уваженія снисканнаго имъ независимо отъ мѣста. Въ 1773 г. состояніе его увеличилось. Гр. Панинъ, окончивъ воспитаніе наслѣдника и получивъ отъ императрицы въ награду 9000 душъ, отдалъ половину изъ нихъ тремъ своимъ секретарямъ. Фонъ-Визину досталось 1180 душъ. Кромѣ того онъ женился на богатой вдовѣ, что дало ему возможность жить привольно, приглашать и угощать своихъ пріятелей, въ числѣ которыхъ находились Державинъ, Домашневъ, Богдановичъ, Княжнинъ, Козодавлевъ, Дмитревскій... Литературными же противниками его были А. С. Хвостовъ и кн. Горчаковъ. Но нелегко было вести съ нимъ литературную войну, такъ какъ онъ обладалъ сильнымъ остроуміемъ и чрезвычайною находчивостью какъ въ разговорѣ, такъ и на письмѣ. Фонъ-Визинъ три раза ѣздилъ за границу. Первое путешествіе

(1777—1778) было предпринято по нездоровью жены его; цѣлью поѣздки былъ Монпелье, въ которомъ онъ оставался около двухъ мѣсяцевъ, и кромѣ того прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижѣ. Этой поѣздкѣ одолжены своимъ появленіемъ «Письма изъ Франціи къ гр. П. И. Панину», замѣчательныя какъ по изображенію состоянія французскаго общества, за десять лѣтъ до революціи, такъ и по отзывамъ объ энциклопедистахъ, которымъ Фонъ-Визинъ не сочувствовалъ, потому что ихъ «ученіе хотя и уничтожаетъ предразсудки, но въ тоже время вырываетъ съ корнемъ добродѣтель». Въ 1782 г. явилась комедія «Недоросль», имѣвшая необычайный успѣхъ; этого же года напечатаны въ «Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова» его знаменитые «Вопросы», съ отвѣтами на нихъ автора «Былей и Небылицъ» (Императрицы Екатерины II), и объяснительное или оправдательное письмо его къ тому же автору. Смерть гр. Н. И. Панина (1783) сильно подѣйствовала на здоровье Фонъ-Визина: онъ вышелъ въ отставку и поѣхалъ въ Италію, гдѣ прожилъ около восьми мѣсяцевъ (1784—1785). По возвращеніи въ Москву, былъ пораженъ апоплексическимъ ударомъ, лишившимъ его языка, лѣвой руки и ноги. Для поправленія здоровья совершилъ онъ третье путешествіе (1786—1787) въ Вѣну, Карлсбадъ, Тренцинъ (въ Венгріи). Изъ всѣхъ своихъ путешествій Фонъ-Визинъ вынесъ очень невыгодное мнѣніе о заграничной жизни и состояніи заграничнаго общества. Въ 1788 г. намѣревался издавать журналъ: «Другъ честныхъ людей, или Стародумъ», но не получилъ на то разрѣшенія. Смерть Потемкина (1791) внушила ему «Размышленіе о суетной жизни человѣческой». Умеръ 1792 г. Представитель благороднаго образа мыслей въ свое время, Фонъ-Визинъ отличался самостоятельнымъ характеромъ и держалъ себя независимо. Онъ былъ «другомъ честныхъ людей», потому что главное достоинство человѣка полагалъ въ честности. Эта мысль выражена имъ въ разныхъ мѣстахъ его сочиненій ([1]).

§ 23. Раскрытію предразсудковъ и злоупотребленій Екатеринина вѣка были посвящены многія періодическія изданія. Наибольшее движеніе сатирической журналистики относится къ 1769—1774 г. Въ это семилѣтіе явились: Всякая всячина (1769—1770), И то и се (1769), Ни то ни се (1769), Поденьщина (1769), Смѣсь (1769), Трутень (1769—1770), Адская почта (1769), Полезное съ пріятнымъ (1769), Парнасскій Щепетильникъ (1770), Пустомеля (1770), Трудолюбивый Муравей (1771), Старина и новизна (1772—1773), Вечера (1772), Живописецъ (1772),

---

[1]) Фонъ-Визинъ, кн. П. А. Вяземскаго (1848); Разборъ Смирд. изданія сочиненій Фонъ-Визина, С. Дудышкина (От. Зап. 1847, №№ 8 и 9); Замѣтки по поводу Смирд. изданія рус. авторовъ, Н. Тихонравова (Моск. Вѣд. 1852, № 6); О жизни и сочиненіяхъ Фонъ-Визина, г. Пятковскаго, въ Глазунов. изд. сочиненій Фонъ-Визина, подъ редакціей П. Ефремова (Рус. писатели XVIII в., 1866).

Мѣщанина (1773), Кошелекъ (1774). Впрочемъ, сатирическое направленіе журналистики продолжалось и послѣ 1774 г., хотя съ меньшею противъ прежняго силою, въ Разскащикѣ забавныхъ басенъ (1781), Почтѣ духовъ (1789), Зрителѣ (1792). Своимъ содержаніемъ и частію заглавіемъ означенныя изданія состоятъ въ связи съ журналами Миллера и Сумарокова. «Полезное съ пріятнымъ», «Смѣсь», предлагающая чтеніе серьезное и легкое, даютъ знать о Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ, «къ пользѣ и увеселенію» служащихъ; «Трудолюбивый муравей» указываетъ на «Трудолюбивую пчелу». Кромѣ статей обличительныхъ, какъ главнаго своего элемента, журналы 1769—74 г. заключаютъ въ себѣ статьи, писанныя собственно для увеселенія. Издатель «Всякой всячины» поставилъ себѣ двоякую цѣль: «иногда дать читателямъ полезныя наставленія, иногда заставить ихъ смѣяться». Сочиненія, имѣвшія цѣлью возбудить смѣхъ, образовали сатирическій, преобладающій отдѣлъ журнала; изъ наставленій, облеченныхъ въ легкую форму, составился отдѣлъ поучительный. Моральный характеръ этого втораго отдѣла, общій у журналовъ 1769—74 г. и Миллерова ежемѣсячника, виденъ уже изъ того, что заглавія многихъ статей выражались нравоучительными сентенціями, наприм.: «неблагодарность вреднѣйшій есть порокъ», «упрямство есть порокъ слабаго ума», «привычка есть второе естество», и т. п. Но при этомъ сходствѣ есть и значительныя различія. Содержаніе Миллерова ежемѣсячника разнообразнѣе. Какъ учено-литературное изданіе, онъ предлагалъ статьи двоякаго рода: наукѣ отведено было главное мѣсто; стихотворенія и моральная сатира стояли на заднемъ планѣ. Напротивъ, журналы Екатеринина вѣка, чисто-литературные, дали первенство сатирѣ; за нею слѣдовали сочиненія поучительныя; а наука заходила въ нихъ какъ бы случайнымъ образомъ. Второе различіе опредѣляется характеромъ сатирическаго отдѣла: сатира Ежемѣсячныхъ сочиненій общая и отвлеченная, тогда какъ журнальная сатира второй половины прошлаго столѣтія имѣетъ предметомъ недостатки современнаго ей русскаго общества. По этому качеству журналы 1769—74 г. родственны «Трудолюбивой пчелѣ», но берутъ надъ нею верхъ многосторонностью обличеній. Въ подражательной формѣ излагали они собственный матеріалъ, или же, заимствуя содержаніе изъ иностранной литературы, примѣняли его къ отечественнымъ нравамъ. Такъ, напримѣръ, статья Аддисонова Зрителя «о суевѣріи» передѣлана «Всякой всячиной» въ разсказъ «о суевѣрной жительницѣ замоскворѣчья».

Общее направленіе журналовъ 1769—74 г. различалось по ихъ

взгляду на значеніе, цѣль и условія сатиры. Одни, принявъ за правило «цѣлить не въ личности, а единственно въ пороки», требовали отъ автора «добросердечія», по которому онъ изрѣдка касается нравственныхъ недостатковъ, изъ боязни оскорбить человѣчество, и главное вниманіе обращаетъ на примѣры людей, украшенныхъ совершенствами. По мнѣнію другихъ, сатира долженствовала быть открытою и рѣзкою, затѣмъ что снисхожденіе къ порокамъ есть не человѣколюбіе, а пороколюбіе; что больше человѣколюбивъ тотъ, кто исправляетъ ближнихъ, нежели тотъ, кто потакаетъ ихъ проступкамъ; что вымыслы, далекіе отъ дѣйствительности, и отвлеченная мораль не приведутъ ни къ чему. Оба взгляда переходили иногда въ крайность: полемизируя съ издателемъ «Всякой всячины», «Трутень» уполномочивалъ сатиру «критиковать» не порокъ вообще, безъ отношенія его къ лицу, а самое лице порочнаго (скрывая однакожъ его имя), на томъ основаніи, что «зеркало не виновато, коли рожа крива». Но какъ бы ни смотрѣли означенные журналы на обязанности сатирика, всѣ они оказали пользу современникамъ, выполняя прямое назначеніе литературы быть не только зеркаломъ общества, каково оно есть, но и указателемъ того, какимъ оно должно быть. Они честно служили и дѣлу европейскаго образованія, которое, по примѣру Петра, водворяла у насъ Екатерина, и дѣлу русской національности, которая нуждалась въ защитѣ отъ односторонности и крайности чужеземныхъ вліяній. Изъ трехъ задачъ, предложенныхъ «Всякой всячинѣ» ея издателемъ, первыя двѣ, какъ намъ уже извѣстно, требовали сатиры и наставленій, а послѣдняя состояла въ томъ, чтобы «говорить Русскимъ о Русскихъ, не представляя имъ умоначертаній, которыхъ они не знаютъ». Искоренять невѣжество и водворять въ отечествѣ западную цивилизацію, но только на основахъ національныхъ, съ сохраненіемъ своей самобытности и уваженія къ родной странѣ и ея исторіи: вотъ чего хотѣли журналы 1769—74 г. Мѣрою ихъ успѣховъ въ этомъ предпріятіи измѣряется ихъ достоинство. Къ лучшимъ изъ нихъ, по литературному и общественному значенію, принадлежатъ: «Всякая всячина», «Трутень» и въ особенности «Живописецъ». Издателемъ перваго журнала былъ Козицкій († 1775), адъюнктъ академіи наукъ, а въ послѣдствіи статсъ-секретарь Екатерины, извѣстный многими переводами и сотрудничествомъ въ «Трудолюбивой пчелѣ»; издателемъ двухъ остальныхъ—Новиковъ, о дѣятельности котораго на пользу русскаго образованія будетъ сказано ниже.

Независимо отъ своего главнаго направленія, нравоучительно-сатирическіе журналы Екатерининa вѣка представляютъ и другія

замѣчательныя особенности, которыя дали имъ значеніе, сходное съ значеніемъ англійскихъ и частію нѣмецкихъ періодическихъ изданій того же рода. Въ Англіи, еженедѣльные журналы: Болтунъ, Зритель и Опекунъ, издававшіеся Стилемъ и Аддисономъ въ 1709—1714 г., служили противодѣйствіемъ ложно-классическому вкусу Драйдена и Попа и рѣшительнымъ поворотомъ англійской литературы отъ французскаго вліянія къ народности. Заимствуя содержаніе изъ дѣйствительной жизни, отличаясь трезвымъ на нее взглядомъ и вѣрнымъ ея изображеніемъ, изящные по формѣ, они оказали сильное дѣйствіе на понятія и нравы общества. Нѣмецкія подражанія Стилю и Аддисону, далеко уступающія своимъ образцамъ, относятся къ 1721—29 г. Въ это время издавались: «Разсужденія живописца» и его продолженіе—«Живописецъ нравовъ», «Патріотъ», «Разумныя обличительницы» и «Честный человѣкъ». Исчисленные еженедѣльные листы давно были извѣстны нашей журналистикѣ. Начавъ изданіе примѣчаній къ Вѣдомостямъ съ 1728 г., Миллеръ, въ предисловіи, говоритъ: «По примѣру моралическихъ понедѣльныхъ писемъ (die moralischen Wochenschriften), «Патріотъ» (ревнитель о пользѣ отечества) усталъ отъ соревнованія; «Хулительницы» (которыя всѣ недобродѣтели хулятъ) перестали хулить; а какъ долго «Бидерманъ» (честный человѣкъ, такожде о добрыхъ и злыхъ дѣлахъ разсуждающій) роптать будетъ, время покажетъ». Въ одномъ нумерѣ «Всякой всячины» упомянуто о журналахъ англійскихъ (Зритель, Пустомеля) и французскихъ (Новый Менторъ, Мизантропъ), на которыхъ она походитъ. Болѣе другихъ славился и вызывалъ подражанія Зритель. Его названіе, равно какъ и названіе Болтуна, перенесены были на наши изданія (Пустомеля, Зритель). Можетъ быть и «Живописецъ» одолженъ своимъ именемъ нѣмецкому «Живописцу нравовъ» (Der Maler der Sitten). Слѣдуя Стилю и Аддисону, наши нравоучительно-сатирическіе журналы выбрали предметомъ своихъ изображеній обыкновенную домашнюю жизнь, которая не смѣла являться въ поэзіи при шумѣ торжественныхъ одъ и блескѣ героическихъ сюжетовъ на сценѣ. Этимъ они отрѣшились отъ ложно-классическихъ условій и вывели нашу литературу изъ тѣсной сферы высшаго общества въ просторную область средняго класса. Предисловіе къ пятому изданію «Живописца» (онъ имѣлъ шесть изданій) объясняетъ его успѣхъ тѣмъ, что «онъ пришелъ на вкусъ мѣщанъ нашихъ; ибо у насъ тѣ только книги третьими, четвертыми и пятыми изданіями печатаются, которыя симъ простосердечнымъ людямъ, по незнанію ихъ чужестранныхъ языковъ, нравятся». Въ подтвержденіе своего мнѣнія, Новиковъ

ссылается на тѣ книги, «кои отъ просвѣщенныхъ людей никакого уваженія не заслуживаютъ и читаются только мѣщанами: Троянская исторія, Синопсисъ, Юности честное зерцало, Совершенное воспитаніе дѣтей, Азовская исторія и другія; напротивъ того, книги, на вкусъ нашихъ мѣщанъ не попавшія, весьма спокойно лежатъ въ хранилищахъ, почти вѣчною для нихъ темницею назначенныхъ». Изъ этихъ словъ видно, что Живописецъ, на ряду съ прочими журналами 1769—74 г., для мѣщанской среды читателей имѣли значеніе народныхъ книгъ, изъ которыхъ одна (Троянская исторія) даже попала въ списокъ сочиненій, указанныхъ предисловіемъ. Издатель журналовъ: «И то и се» и «Парнасскій Щепетильникъ», Чулковъ, обозначилъ это мѣщанское направленіе еще яснѣе и рѣшительнѣе: стараясь придать своимъ статьямъ характеръ простонародности, онъ наполнялъ ихъ поговорками и пословицами, сообщалъ извѣстья о повѣрьяхъ и обычаяхъ народа, и нѣкоторые его праздники описалъ въ шутливыхъ стихахъ. Изображенія повседневнаго русскаго быта въ изданіяхъ 1769—74 г. освобождены отъ всякой идеализаціи: онъ показывается ими въ своемъ настоящемъ видѣ, съ неподдѣльными достоинствами и недостатками, не обманывая читателя ложнымъ цвѣтомъ или ложнымъ тономъ. Прямой взглядъ на общество спасалъ издателей отъ украшеній и преувеличеній. «Живописецъ» смѣется надъ «пастушескими сочиненіями», въ которыхъ поэтъ на нѣжной лирѣ воспѣваетъ небывалое и невозможное блаженство, какой-то златой вѣкъ, находя его у поселянъ, а самъ постоянно пребывая въ городѣ по двумъ причинамъ: «во-первыхъ за тѣмъ, что въ нашихъ долинахъ зимою бываетъ много снѣга; во-вторыхъ потому, что еслибъ идилликъ туда переселился, то совершенно позабылъ бы блаженство жизни». Чтобы показать, «какъ весело живутъ россійски пастушки», «Вечера» помѣстили эклогу-сатиру на фальшивое представленіе сельской жизни въ идилліяхъ Дезульеръ и Флоріана и русскихъ имъ подражателей.

Журналы 1769—74 г. выбирали цѣлію своихъ нападковъ тѣ явленія въ жизни общества, которыя противорѣчили гуманнымъ началамъ XVIII в., оскорбляя въ человѣкѣ достоинство его личности. Филантропическій характеръ ихъ наиболѣе виденъ въ статьяхъ о матеріальномъ и нравственномъ состояніи крестьянъ. «Отрывокъ путешествія въ ***, И. Т.» и «Письмо уѣзднаго дворянина къ Ѳалалею (въ Живописцѣ), «Копіи съ крестьянскихъ отписокъ» и «Копія съ помѣщичья указа» (въ Трутнѣ), «Рѣчь о существѣ простаго народа» и «Сатирическое письмо отъ камчадала» (въ Смѣси), при различіи формъ и тона, выражаютъ равно сочувствіе

къ низшимъ классамъ общества, или, какъ тогда ихъ называли, къ «подлымъ» людямъ. Живописецъ осуждаетъ это названіе, получившее отъ времени обидный смыслъ: «подлыми людьми», говоритъ онъ, «должны называться тѣ, которые дѣлаютъ худыя дѣла». Не порывая связи съ Кантемиромъ, журнальная сатира семидесятыхъ годовъ продолжаетъ начатую имъ войну противъ упорнаго сопротивленія наукѣ и противъ модной переимчивости иноземнаго. Подобно Кантемиру, она сопровождаетъ свои портреты «благородныхъ невѣждъ» разсужденіями о пользѣ знаній, образующими ея дидактическій элементъ; подобно ему, отвергаетъ мнѣніе, что опытъ житейскій служитъ замѣной образованія, въ которомъ поэтому будто бы и нѣтъ надобности. Многія статьи въ журналахъ Екатеринина времени посвящены воспитанію, какъ средству приготовлять гражданъ и устроивать благоденствіе. Теоретическими сужденіями объ этомъ предметѣ (въ изданіи: «Пріятное съ полезнымъ») подкрѣпляются извѣстные намъ педагогическіе взгляды Наказа и Бецкаго. Они совѣтуютъ съ самаго малолѣтства вкоренять въ юное сердце понятіе о чести и справедливости; внушать дѣтямъ наклонность къ труду; кроткимъ съ ними обращеніемъ пріучать ихъ къ человѣколюбію: «если кто хочетъ сдѣлать своихъ дѣтей честными людьми, тотъ долженъ быть имъ истиннымъ родителемъ, а не строгимъ и жестокосердымъ судьею; надлежитъ имъ доказать, что ихъ любишь: ибо когда они въ томъ удостовѣрятся, то и тебя взаимно любить будутъ; они тебя будутъ бояться не такъ, какъ властелина, но какъ любезнаго друга, коего почитаютъ и опасаются оскорбить». Картины воспитанія, въ духѣ обычаевъ и правилъ до-петровской старины, принадлежатъ къ лучшимъ страницамъ Всякой всячины, Трутня, И то и се, Живописца. Мы уже имѣли случай упомянуть о нѣкоторыхъ, поставивъ ихъ въ связи съ комедіей Фонъ-Визина. Въ дополненіе къ нимъ прибавимъ: разсказъ о Степанидѣ Богдановнѣ, которая дозволяла своимъ дѣтямъ бить людей и мучить животныхъ (Всякая всячина); письмо дворянина о дурномъ его воспитаніи въ домѣ родителей, тирански поступавшихъ съ прислугой (Живописецъ); описаніе ученія грамотѣ у особаго рода учителей, называвшихся «мастерами» (И то и се). Много также картинъ той среды, которая благопріятствовала дурному воспитанію. «Всякая всячина» изображаетъ старинный обычай дворянства окружать себя большою дворней, держать въ дому, для «потѣшнаго дѣла», приживалокъ, барскихъ барынь, сказочниковъ, дураковъ и дуръ; «Письма къ Ѳалалею» (въ Живописцѣ) предлагаютъ вѣрно-схваченныя типическія черты людей, закоснѣлыхъ въ невѣ-

жествѣ, суевѣрія, ложной набожности и грубости. Часто преслѣдуетъ сатира деревенскихъ трутней, поспѣшавшихъ оставить службу и удалявшихся въ свое помѣстье на покой. «Съ тѣхъ поръ», пишетъ «Смѣсь», «какъ россійское дворянство подарено вольностію, многимъ захотѣлось отвѣдать сего пріятнаго подарка: такое лакомство завело нѣкоторыхъ въ неограниченную праздность, гдѣ они въ самомъ дѣлѣ доказываютъ, что они вольны». Для примѣра, какъ не должно жить дворянину, журналъ этотъ упоминаетъ объ Отдыхаловѣ и Досужниковѣ: одинъ почти не сходитъ съ голубятни, другой почти безъ просыпу спитъ. Обличенія лихоимства, ябеды, судейскихъ проволочекъ и приказной безграмотности прибавляютъ новые факты къ исторіи той «застарѣлой неправды», противъ которой писали Посошковъ, Кантемиръ, Сумароковъ, Фонъ-Визинъ. «Нравоучительныя заповѣди подьячимъ» (Всякая всячина) остроумно излагаютъ десять главныхъ грѣховъ «крапивнаго сѣмени». Гуманныя понятія объ уголовномъ судѣ нашли себѣ отголосокъ въ разсказѣ «Трутня», какъ одинъ судья пыталъ невиннаго, подозрѣвая его въ покражѣ часовъ. Авторъ разсказа замѣчаетъ между прочимъ: «видно, судья не заглядывалъ въ тѣ указы, кои безпристрастнымъ быть повелѣваютъ. О просвѣщеніе, даръ небесный! расторгни скорѣе завѣсу незнанія и жестокости для защищенія человѣчества!» Этими словами указано вѣрнѣйшее средство противъ неправеднаго судопроизводства. Должность прокурора, который былъ «окомъ правосудія», надзирая за точнымъ исполненіемъ законовъ, вызвала жалобы крючкотворцевъ: наставительное письмо дяди къ племяннику (Трутень) отзывается о молодомъ и ученомъ прокурорѣ, какъ о выскочкѣ, серьезно смотрѣвшемъ на судейскую науку, тогда какъ она состоитъ въ умѣньѣ «искусно пригибать указы по своему желанію».

Крайности иноземнаго, преимущественно французскаго вліянія, были преслѣдуемы журнальною сатирою съ особеннымъ негодованіемъ. «Кошелекъ», посвященый «отечеству», поставилъ исключительною своею цѣлію защиту русскихъ отъ мнѣнія тѣхъ людей, «кои, обольщены будучи нѣкоторыми снаружи блестящими дарованіями иноземцевъ, не только что чужія земли предпочитаютъ своему отечеству, но еще, ко стыду цѣлой Россіи, и гнушаются своими соотечественниками, и думаютъ, что Россіянинъ долженъ заимствовать у иностранныхъ все, даже и до характера, какъ будто бы природа, устроившая всѣ вещи съ такою премудростію и надѣлившая всѣ области свойственными климатамъ ихъ дарованіями и обычаями, столько была несправедлива, что одной Россіи, не давъ свойственнаго народу ея характера, опредѣлила ски-

таться по всѣмъ областямъ и занимать клочками разныхъ народовъ разные обычаи, чтобы изъ сей смѣси составить новый, никакому народу несвойственный характеръ». Названіе журнала должно было объясниться въ обѣщанной имъ, но не помѣщенной, статьѣ: «Превращенія русскаго кошелька во французскій»; вѣроятно, Новиковъ разумѣлъ введеніе «кошельковъ», которые привязывались къ парикамъ, и другихъ французскихъ модъ, за что дорогою цѣною расплачивались кошельки русскихъ петиметровъ. Самое вредное дѣйствіе галломаніи оказывалось на воспитаніи русскаго юношества невѣжественными или безнравственными гувернерами и гувернантками: поэтому тѣмъ и другимъ, равно какъ и довѣрчивымъ родителямъ, часто достается отъ журналовъ. Патріотическая сатира ихъ на этомъ предметѣ примыкаетъ непосредственно къ правительственнымъ мѣрамъ, къ «Бригадиру» Фонъ-Визина и голосамъ другихъ просвѣщенныхъ людей, старавшихся охранять нашу молодежь отъ вліяній, противныхъ характеру и достоинству русскаго народа. Въ указѣ объ основаніи московскаго университета сказано, что «у большей части помѣщиковъ жили на дорогомъ содержаніи учителя, изъ которыхъ многіе не только преподавали науки, но и сами ничего не знали; иные же родители, не имѣя знанія въ наукахъ или по необходимости не сыскавъ лучшихъ учителей, принимали такихъ, которые лакеями, парикмахерами и другими подобными ремеслами всю жизнь свою препровождали». Другимъ указомъ (1757) предписано экзаменовать всѣхъ иностранцевъ, принимающихъ на себя обученіе дѣтей. При Екатеринѣ II (указъ 1784 г.) должны были также подвергнуться испытанію всѣ содержатели частныхъ пансіоновъ и школъ. Въ рѣчи профессора московскаго университета Шадена: «о правахъ родителей касательно воспитанія дѣтей», есть сильная выходка противъ гувернеровъ-иностранцевъ: «Врагами дѣтей своихъ готовы мы назвать тѣхъ отцевъ и матерей, которые, желая пріискать учителя, разсылаютъ своихъ слугъ по перекресткамъ и площадямъ, какъ будто добрый и образованный наставникъ такая мелочь, что его можно найти вездѣ! Что удивительнаго, если слуги находятъ заразу воспитанія, людей раболѣпныхъ, негодныхъ тварей, носящихъ только образецъ человѣческій!» Мессельеръ, членъ французскаго посольства при нашемъ дворѣ въ царствованіе Елисаветы, и графъ Сегюръ, извѣстный дипломатъ и писатель, съ крайнимъ изумленіемъ и жалостью говорятъ о непростительной довѣрчивости, съ которою Русскіе принимали къ себѣ въ домъ зазорныхъ выходцевъ изъ Франціи. Путешествія за границу дѣтей вельможъ и богачей, безъ надлежащей къ тому подготовки, стоили иноземнаго воспи-

танія. Предоставленные самимъ себѣ, молодые люди жадно бросались на удовольствія парижской жизни, забывая главную цѣль поѣздки — образованіе, и большею частію возвращались на родину съ пустою головою, развращеннымъ нравомъ и привычкой къ роскоши. Они, по словамъ «Бригадира», выходили французскими повѣсами, несравненно худшими русскихъ. «Трутень» жалуется, что наша молодежь вывозила изъ чужихъ земель только свѣдѣнія о томъ, какъ тамъ одѣваются, какія бываютъ зрѣлища и увеселенія, а никто не разскажетъ о нравахъ, учрежденіяхъ и законахъ просвѣщенныхъ народовъ. Онъ же, какъ бы въ подражаніе Сумарокову, уподобившему петиметра напудренной скотинѣ, помѣстилъ въ своихъ сатирическихъ вѣдомостяхъ замѣтку о «россійскомъ поросенкѣ, который ѣздилъ по чужимъ землямъ для просвѣщенія своего разума, а воротился совершенной свиньею, и котораго желающіе могутъ видѣть безденежно по многимъ улицамъ города. Господство моды, со всѣми ея аттрибутами въ обращеніи и костюмѣ, служило предметомъ частаго осмѣянія въ разныхъ формахъ. Журнальной сатирѣ особенно не нравилось вліяніе моды на родное слово; она негодовала на разговорный языкъ великосвѣтскихъ людей, представлявшій «смѣсь французскаго съ нижегородскимъ»: иностранныя реченія и фразы или цѣликомъ вставлялись въ русскую рѣчь, или переводились буквально на перекоръ ея складу; общеупотребительнымъ русскимъ словамъ придавался новый смыслъ; искажались даже грамматическія формы отечественной рѣчи. Еще въ «Бригадирѣ» разговоры Совѣтницы пересыпаны словами: сентименты, пассія, коммоднѣе, капабельно, диспютировать и др. «Живописецъ» напечаталъ «опытъ моднаго словаря щегольскаго нарѣчія»: здѣсь объяснены нѣкоторыя слова въ томъ смыслѣ, какой имъ придавался петиметрами и модными женщинами. Этими «новоманерными» словами испещрено «письмо Щеголихи къ Живописцу». Изъ вышесказаннаго о «Быляхъ и небылицахъ» Екатерины II видно, что въ предметахъ своей сатиры онѣ сходились съ сатирическими изданіями. «Почта Духовъ (1789)» и «Зритель (1792)» также относятся къ нимъ, по своему направленію. Первый изъ этихъ журналовъ издавался И. Крыловымъ (баснописцемъ) по образцу «Адской почты», т. е. въ формѣ переписки между вымышленными безплотными существами: водяные, воздушные и подземные духи сообщаютъ одному волшебнику извѣстія обо всемъ, ими видѣнномъ. Предметъ ихъ сообщеній—пороки, слабости и смѣшныя стороны современнаго общества. «Духи», говорится въ «извѣстіи» о журналѣ, «не любятъ крючкотворцевъ, ростовщиковъ и лицемѣровъ, не жалуютъ

щегольства, волокитства и мотовства, и потому не могутъ ужиться въ нынѣшнемъ просвѣщенномъ вѣкѣ видимыми». Половина писемъ принадлежитъ Крылову; другія написаны А. Радищевымъ. Обличенія Крылова направлены преимущественно противъ французскаго вліянія на дворянское сословіе. «Зритель» выходилъ подъ редакціей Крылова и Клушина. Его задачею было «представлять порокъ во всей его гнусности, дабы всякъ получилъ къ нему отвращеніе, а добродѣтель во всей красотѣ, дабы плѣнить ею читателя» (¹).

§ 24. На ряду съ Фонъ-Визинымъ, по тѣсному соотношенію съ эпохой Екатерины II, слѣдуетъ поставить Державина (1743—1816). Сочиненія его изображаютъ всѣ важнѣйшія событія и всѣхъ главнѣйшихъ дѣятелей ея царствованія, почему современники и назвали его «пѣвцомъ Екатерины»,—названіе, навсегда оставшееся при его имени. Самъ онъ смотрѣлъ на себя съ той же точки зрѣнія. «Превознесу тебя, прославлю, *тобой* безсмертенъ буду *самъ*», говоритъ онъ въ «Видѣніи мурзы», не отдѣляя такимъ образомъ своей извѣстности отъ величія государыни. Въ «Приношеніи» (посвященіи) ей собранія своихъ сочиненій, онъ называетъ свое безсмертіе отголоскомъ ея славы: «лира моя пребудетъ громкою подъ твоимъ именемъ:

Ты *славою*—твоимъ *я эхомъ* буду жить.

Этимъ «эхомъ» по преимуществу служили оды и другія стихотворенія, соотвѣтственно лирическому таланту, которымъ Державинъ былъ одаренъ въ сильной степени. Они могутъ быть названы «поэтическою лѣтописью» царствованія Екатерины. Цѣнность этой лѣтописи, независимо отъ ея внутренняго значенія, возвышается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что поэтъ былъ крупнымъ лицемъ въ администраціи и занималъ видное мѣсто въ высшемъ обществѣ: самъ сановникъ, онъ коротко зналъ и многихъ другихъ сановниковъ, состоялъ съ ними въ непосредственныхъ, близкихъ сношеніяхъ, имѣлъ средства наблюдать ихъ жизнь и характеръ, видѣть побужденія, которыми они руководствовались, оцѣнивать пользу или вредъ ихъ административныхъ распоряженій, достоинства и недостатки ихъ нравственныхъ качествъ. Кромѣ того, по своему горячему темпераменту, который часто не зналъ сдержки, Державинъ не любилъ молчать, а напротивъ любилъ высказывать и высказываться. Все это сообщало его произведеніямъ жизненность, такъ что они даютъ читателю возможность знакомиться и съ ха-

1) А. Аѳанасьева: Русскіе сатирическіе журналы прошлаго вѣка (1859). О Криловѣ, какъ сатирикѣ, сказано подробнѣе во II т. И. Р. С.

рактеромъ времени, и съ характеромъ самого автора, почему справедливо объ нихъ сказано, что, изображая факты Екатерининской эпохи, они сами по себѣ составляютъ замѣчательный ея фактъ, который занимаетъ почетное мѣсто не только въ исторіи русской словесности, но и въ исторіи Россіи вообще.

Поэзія Державина, въ своемъ развитіи, представляетъ два направленія: первое идетъ отъ начальныхъ опытовъ въ стихотворствѣ (1770) до оды «Успокоенное невѣріе (1779)», которая служитъ переходомъ ко второму, вполнѣ раскрывшемуся въ одѣ «Фелица» (1782). О томъ и другомъ мы имѣемъ свидѣтельство самого Державина: «Правила поэзіи почерпалъ я изъ сочиненій Тредьяковскаго, а въ выраженіи и слогѣ старался подражать Ломоносову, но такъ какъ не имѣлъ его таланта, то это и не удавалось мнѣ. Я хотѣлъ парить, но не могъ постоянно выдерживать, изящнымъ подборомъ словъ, свойственныхъ одному Ломоносову великолѣпія и пышности рѣчи. Поэтому, съ 1779 года, избралъ я совершенно особый путь, руководствуясь наставленіями Батте и совѣтами друзей моихъ, Львова, Капниста и Хемницера, причемъ наиболѣе подражалъ Горацію». Совѣты такихъ людей, безъ сомнѣнія, могли указать Державину невѣрность избраннаго имъ пути, который неминуемо велъ къ насильственному паренію, ложной величавости: Н. А. Львовъ въ поэзіи выше всего ставилъ простоту и естественность, зналъ цѣну народнаго языка и сказочныхъ преданій; Хемницеръ, какъ въ жизни, такъ и въ стихотворствѣ, отличался простотою; Капнистъ, подобно другимъ писателямъ изъ малороссовъ, менѣе чѣмъ великорусскіе авторы, подчинялся искусственнымъ пріемамъ и болѣе слѣдовалъ влеченію къ природѣ и дѣйствительной жизни. Гораціанскія оды не остались также безъ вліянія на перемѣну направленія: не зная латинскаго языка, Державинъ знакомился съ ними по нѣмецкимъ переводамъ, или по русскимъ, которыя дѣлалъ для него Капнистъ. Лучшее изъ стихотвореній перваго періода—«Пѣснь Петру Великому» (1776), написанная по поводу изготовленія ему памятника Фальконетомъ. Она очень уважалась масонами за выраженныя въ ней похвалы качествамъ преобразователя: человѣколюбію, смиренію, христіанскому братству и равенству. На переходѣ отъ перваго періода къ Фелицѣ явились стихотворенія, положившія основаніе громкой извѣстности поэта: «На рожденіе въ сѣверѣ порфиророднаго отрока» (Александра I), «На смерть кн. Мещерскаго» (обѣ 1779 г.), «Къ первому сосѣду» (1780) и «Властителямъ и судьямъ» (1780). Послѣднее, заимствованное изъ 81-го псалма, особенно выдается

силою стиха, смѣлостью мысли и даже художественной мѣрой, такъ рѣдко встрѣчающейся у Державина.

Сущность втораго направленія опредѣлена самимъ поэтомъ въ стихотвореніи «Памятникъ» (1796), заключающемъ его поэтическую дѣятельность въ царствованіе Екатерины. Здѣсь, подражая одѣ Горація «Къ Мельпоменѣ», онъ объясняетъ свою славу и право на безсмертіе тѣмъ, что первый дерзнулъ

..... въ забавномъ русскомъ слогѣ
О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить,
Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ
И истину царямъ съ улыбкой говорить.

И такъ «забавный русскій слогъ», которымъ поэтъ возглашалъ о дѣлахъ Екатерины, и «улыбка», которою онъ сопровождалъ свои правдивыя наставленія царямъ: вотъ характеристика его поэзіи. Она подтверждается многими другими піесами Державина, равно какъ и присоединенными къ нимъ поясненіями. «Видѣніе Мурзы» говоритъ тоже самое, только замѣняя улыбку шуткой, а истину правдой:

И въ шуткахъ правду возвѣщу;

а въ примѣчаніяхъ къ «Памятнику» прямо указано, что «Державинъ былъ первый изъ русскихъ писателей, сочинявшій лирическія піесы въ забавномъ слогѣ». Это сочетаніе двухъ противоположныхъ тоновъ, возвышеннаго и забавнаго, и составляетъ отличіе его лирики. Мѣстами оно пробивалось въ самыхъ первыхъ его піесахъ, но со всею ясностью обнаружено «Фелицей» (1782), въ которой достоинствамъ царевны противополагаются недостатки и слабости самого пѣвца, принадлежавшія собственно приближеннымъ императрицы: Потемкину, гр. Орлову, кн. Вяземскому и др. Оригинальность его такъ пріятно поразила современниковъ, что они тотчасъ же ее замѣтили и оцѣнили по достоинству. Вскорѣ за появленіемъ «Фелицы», напечатано было нѣсколько похвальныхъ стихотвореній ея автору. «Письмо къ Ломоносову», Козодавлева, говоря о новомъ парнасскомъ пути, проложенномъ Державинымъ, прибавляетъ, что

......кромѣ пышныхъ одъ,
Во стихотворствѣ есть «иной хорошій родъ».

Признаки «инаго стихотворнаго рода» указаны его противоположностью «пышнымъ одамъ». «Оды», замѣчаетъ одна статья «Собесѣдника», въ первой книжкѣ котораго напечатана «Фелица», «на-

полненныя именами баснословныхъ боговъ, наскучили и служатъ пищею мышамъ и крысамъ; «Фелица» написана совсѣмъ инымъ слогомъ, какъ прежде такого рода стихотворенія писались». Костровъ, въ «Письмѣ въ Державину», привѣтствовалъ поэта за обрѣтеніе имъ непротоптаннаго пути, за умѣнье безъ лиры и Пегаса воспѣть Фелицыны дѣла, за небывалое искусство въ одно и тоже время «и важно пѣть и играть на гудкѣ». Онъ признается, что нашъ слухъ почти оглохъ отъ громкихъ тоновъ: пора оставить облака, чтобы, летя съ высоты, не сломать себѣ рукъ и ногъ; пора заводить болѣе скромныя пѣсни, слѣдуя за Державинымъ, «установителемъ новаго вкуса» въ стихахъ.

Какимъ бы именемъ ни означали особенность той стихіи, которою отличается лирика Державина: забавнымъ ли тономъ, простотою ли слога, или шуткой,—фактъ остается неизмѣннымъ при всѣхъ возможныхъ эпитетахъ. Онъ первый низвелъ хвалебныя пѣснопѣнія съ мнимо-олимпійской высоты, показавъ на дѣлѣ, что простота и естественность, которыхъ они чуждались, такъ же приличны одѣ, какъ и всѣмъ прочимъ родамъ и видамъ поэзіи. «Разъявъ анатомическимъ ножемъ слогъ Державина», говоритъ Гоголь, «увидишь необыкновенное соединеніе самыхъ высокихъ словъ съ самыми низкими и простыми, на что бы никто, кромѣ его, не отважился. Кто бы посмѣлъ, кромѣ его, выразиться такъ, какъ выразился онъ въ одномъ мѣстѣ о величественномъ мужѣ, въ ту минуту, когда онъ все уже исполнилъ, что нужно на землѣ:

И смерть, какъ гостью, ожидаетъ,
Крутя, задумавшись, усы?

Кто, кромѣ Державина, осмѣлился бы соединить такое дѣло, каково ожиданіе смерти, съ такимъ ничтожнымъ дѣйствіемъ, каково крученіе усовъ?» Въ сочетаніи двухъ тоновъ, величественнаго и забавнаго, послѣдній нерѣдко восходитъ у Державина до строгаго обличенія и грозной кары, что и породило особыя, двухстихійныя стихотворенія, которыя могутъ быть названы «одами-сатирами», или «сатирами-одами», смотря потому, на сторонѣ какой стихіи оказывается преимущество. Въ нихъ, съ картиною важныхъ отступленій отъ нравственнаго идеала, представлена картина достоинствъ, въ большей или меньшей мѣрѣ идеальныхъ. Такъ «Вельможа» (1794) изображаетъ черты истинной знатности, противополагая ее ложному барству; такъ и въ «Фелицѣ» доблести киргизъ-кайсацкой царевны ярче выступаютъ въ сравненіи съ недостатками окружающихъ ее особъ. Обличенія сатиры умѣряются образами государ-

ственнаго величія, мужественнаго патріотизма и нравственной стойкости. Передъ лицемъ человѣка, который есть ложь и клевета на человѣчество, возвышается «прямой герой», строгій къ самому себѣ, крѣпкій своею правдой, недвижимый ни страстями, ни несчастіями. Къ этимъ одамъ-сатирамъ, составляющимъ характеристическій отдѣлъ Державинской лирики, относятся, сверхъ «Вельможи», стихотворенія: «На счастіе» (1789), «Мой истуканъ» (1794) и нѣкоторыя другія.

Къ стихотвореніямъ втораго періода должны быть отнесены прежде всего тѣ, которыя имѣютъ своимъ предметомъ прославленіе Екатерины II: «Фелица», «Благодарность Фелицѣ» (по полученіи подарка за первую оду), «Видѣніе Мурзы» (гдѣ отражаются обвиненія, взведенныя на автора за туже оду), «Изображеніе Фелицы». За тѣмъ слѣдуютъ: «Рѣшемыслу» (въ честь Потемкина), «Осень во время осады Очакова», «Памятникъ герою» (кн. Н. В. Репнину), «Ко второму сосѣду», «Водопадъ» (на смерть Потемкина), «Приглашеніе къ обѣду» и др.—Не слѣдуетъ, однакожъ, думать, что Державинъ, ступивъ на новый путь, совершенно простился съ торжественной лирикой: онѣ шли своимъ чередомъ, какъ доказываютъ оды «На взятіе Измаила», «На взятіе Варшавы», «На побѣды Суворова въ Италіи», «На переходъ Альпійскихъ горъ». Слова императрицы: «я по сіе время не знала, что *труба* ваша такъ же громка, какъ и *лира* пріятна», сказанныя Державину во дворцѣ, по прочтеніи оды «На взятіе Измаила», даютъ знать, что она и современники ея отличали тѣ произведенія, въ которыхъ являлся забавный, или шутливый слогъ, отъ собственно похвальныхъ стихотвореній, настроенныхъ на высокій тонъ. Въ тѣхъ одахъ, которыя славятъ подвиги Суворова, высказывается вліяніе Оссіановой поэзіи. Такъ картина полуночи на Эвксинскомъ понтѣ (на взятіе Измаила, 1791) снята съ картинъ, часто встрѣчающихся въ древне-шотланскихъ пѣсняхъ, собранныхъ и изданныхъ Макферсономъ. Первыя двѣ строфы оды «На побѣды въ Италіи» (1799) изображаютъ пиршество скальдовъ и туманный ликъ героя, внимающаго ихъ пѣснямъ. Въ одѣ «На переходъ Альпійскихъ горъ» (1799) прямо говорится объ Оссіанѣ, «пѣвцѣ тумановъ и морей», котораго любилъ читать Суворовъ въ посвященномъ ему переводѣ Кострова ([1]). Вѣроятно, тотъ же самый переводъ познакомилъ съ образами сѣверной поэзіи и Державина, хотя для знакомства могли служить и другіе, прежде изданные

[1]) Оссіанъ, сынъ Фингаловъ, бардъ третьяго вѣка (1792).

источники, напримѣръ «Поэмы древнихъ бардовъ, въ переводѣ А. Дмитріева (1788). Прибавимъ, что «Разсужденіе Державина о лирической поэзіи» даетъ краткую характеристику пѣсенъ, приписанныхъ барду третьяго вѣка. Излагая ея свойства у разныхъ народовъ, авторъ говоритъ: «скальдъ шкотовъ (шотландцевъ) видитъ въ облакахъ летающія тѣни своихъ предковъ, мечи на ихъ бедрахъ изъ сѣвернаго сіянія, мрачную, безмолвную природу и кровавыя брани.»

Кромѣ «возглашенія о добродѣтеляхъ Фелицы» и «шутливаго высказыванія правды царямъ», «Памятникъ» ставитъ Державину въ заслугу его «бесѣды о Богѣ». Здѣсь разумѣется его религіозная поэзія, или духовныя стихотворенія. Объ одномъ изъ нихъ (Властителямъ и судьямъ) уже было сказано. Другое—«Богъ» (1784)—наиболѣе возбудило похвалъ и всегда почиталось образцовымъ. Этой одѣ и одѣ «Фелица» поэтъ одолженъ упроченіемъ своей литературной славы: его нерѣдко величали пѣвцомъ Фелицы или пѣвцомъ Бога. Въ послѣднемъ пѣснопѣніи онъ изображаетъ вѣчность, безконечность, всемогущество и другія свойства Творца, входящія въ катехизическое опредѣленіе Непостижимаго, противополагая имъ ничтожество человѣка—существа скоропреходящаго, ограниченнаго, слабаго, которое лишь потому не есть ничтожество, что въ немъ отражается образъ и подобіе его Создателя. Величіе образовъ и сила поэтическаго взмаха справедливо отвели этому гимну почетнѣйшее мѣсто въ отдѣлѣ духовной лирики. Къ этому же отдѣлу принадлежатъ тѣ піесы, въ которыхъ выраженъ религіозный скептицизмъ, навѣянный вліяніемъ французской литературы XVIII в., но недолго владѣвшій умомъ поэта. Таковы: «Успокоенное невѣріе», «Истина», «Безсмертіе души», «Правосудіе», «На безбожниковъ», «Громъ», «Тлѣніе и Нетлѣніе». Въ первой піесѣ говорится, что человѣческая жизнь невыносима, если она такова, какъ представляютъ ее атеисты. Поэтъ хочетъ внимать не имъ, а голосу Творца, повелѣвающаго надѣяться, вѣрить и быть счастливымъ. Доказательствамъ безсмертія и опроверженію противной тому мысли посвящено «Безсмертіе души» (нач. 1785, кон. 1796). «Живъ Богъ—жива душа моя!» увѣренно восклицаетъ поэтъ. Можетъ ли, спрашиваетъ онъ, умереть духъ—тонкій, мудрый, сильный, сущій въ единый мигъ и тамъ и здѣсь, неосязаемый, незримый, въ желаньѣ, памяти и умѣ содержимый непостижимо, живующій внутри и внѣ человѣка? Рядъ вопросовъ, наполняющихъ нѣсколько строфъ этого духовнаго стихотворенія, имѣетъ сходство съ рѣчью Братановскаго на погребеніе Бецкаго (1795). Можетъ статься, Державинъ и подражалъ проповѣднику, который

въ то время славился своимъ краснорѣчіемъ. Подражательность еще болѣе замѣтна въ «Тлѣніи и Нетлѣніи» (1813),—піесѣ, служащей какъ бы дополненіемъ оды «На смерть Кутузова» (1813). Державинъ употребляетъ тотъ же оборотъ, которымъ пользовался упомянутый духовный ораторъ: онъ не можетъ помирить заслугъ героя съ мыслію о тлѣніи, какъ Братановскій изъ необходимости увѣнчать подвиги добродѣтели вывелъ необходимость нетлѣнія, или безсмертія. Державинъ сыплетъ укоры вольнодумцамъ, не признающимъ надъ собою всевышней власти, думающимъ, что все творитъ слѣпой случай (На безбожниковъ 1804 и Громъ 1807): имъ противополагается мужъ вѣрующій, твердый надеждою на Бога и потому не боящійся грозныхъ временъ. При всемъ религіозномъ настроеніи, Державинъ какъ бы по неволѣ поддавался иногда скептицизму. Духъ сомнѣнія кроется въ нѣкоторыхъ стихахъ оды-элегіи «На смерть кн. Мещерскаго». Онъ слышенъ въ восклицаніи: «о горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!» Онъ знаетъ, гдѣ персть умершаго, и не знаетъ, гдѣ его душа. Онъ же заставилъ Державина съ такимъ сожалѣніемъ смотрѣть на судьбу человѣка, по поводу смерти Кутузова:

Вотъ генія блестящій вѣкъ!
Гдѣ умъ? гдѣ духъ? гдѣ блескъ и сила?
И что такое человѣкъ,
Когда вся цѣль его—могила,
А сущность—горсть одна земли!

А съ другой стороны, религіозное настроеніе, подъ конецъ жизни Державина, переходитъ въ мистицизмъ. Его одряхлѣвшая поэзія занималась «дивами, непонятными мыслямъ», видѣла повсюду знаменательные символы, имена и числа, и толковала ихъ примѣнительно къ современнымъ событіямъ. Первая половина «Лироэпическаго гимна на прогнаніе Французовъ изъ отечества» (1812) заключаетъ въ себѣ «таинственный глаголъ» о Наполеонѣ и Александрѣ. Что такое Наполеонъ? звѣрь апокалипсическій, седьмиглавый Люциферъ, увѣнчанный десятью рогами: въ его имени содержится число звѣрино—666; семь главъ означаютъ семь королей, имъ поставленныхъ, а десять роговъ—десять подвластныхъ ему народовъ. Агнецъ бѣлорунный представляетъ Александра Благословеннаго, вступившаго на престолъ въ мартѣ мѣсяцѣ, когда солнце находится въ знакѣ овна. Слова пророка Даніила: «востанетъ Михаилъ, князь великій», отнесены къ Кутузову. Стихотвореніе «Христосъ» (1814), испещренное ссылками на разныя мѣста Св. Писанія и почему-то высоко-цѣнившееся польскимъ

поэтомъ Мицкевичемъ, можетъ быть названо теологическимъ трактатомъ въ стихахъ, а не свободнымъ актомъ творчества.

Тѣ стихотворенія Державина, въ которыхъ преобладаетъ моральный элементъ, дидактизмъ, получили названіе нравственно-философическихъ одъ и считались лучшими его одами, какъ наиболѣе свойственными его таланту и потому самыми характеристичными. Изъ одного примѣчанія къ одѣ: «На умѣренность» (1792), видно, что лирикъ нашъ вообще любилъ соединять поэзію съ нравоученіемъ. «Эпистола И. И. Шувалову» (1777) прямо говоритъ о пользѣ наставленій въ стихотворствѣ:

Согласіе стиховъ безъ истины—Цирцея;
Божественный языкъ на похвалу людямъ,
Безъ наставленья имъ, есть вредный фиміамъ.

Въ Запискахъ своихъ Державинъ замѣчаетъ, что духъ его всегда былъ склоненъ къ морали. Дѣйствительно, мораль видна въ самыхъ первыхъ его стихотвореніяхъ (Всемилѣ, 1770, и Нинѣ, 1770). Поэзія, вышній даръ боговъ (сказано въ «Видѣніи Мурзы») должна быть обращена «не къ тлѣнной похвалѣ человѣковъ, а къ поученью ихъ путей». «Разсужденіе о лирической поэзіи» развиваетъ мысль подробнѣе: «поэзія есть языкъ боговъ, голосъ истины, лирикъ—герольдъ неба, органъ истины. Величіе, блескъ и слава сего міра проходитъ; но правда пребываетъ и пребудетъ во-вѣки. Посему-то, думаю я, болѣе, а не по чему другому, дошли до насъ оды Пиндара и Горація, что и въ первомъ блещутъ искры богопочтенія и наставленія царямъ, а во второмъ, при сладости жизни, правила любомудрія»: въ разсужденіи чего нравоученіе, кратко, кстати и хорошо сказанное, не только не портитъ высокихъ лирическихъ мыслей, но даже ихъ и украшаетъ». Эти правила заставляютъ Державина искать счастія въ себѣ самомъ, а не въ коловратномъ свѣтѣ, цѣнить болѣе всего миръ совѣсти и тишину доброй жизни: «Блаженъ, кто доволенъ

Въ семъ свѣтѣ жребіемъ своимъ,
Обиленъ, здравъ, покоенъ, воленъ
И счастливъ лишь собой самимъ;
Кто сердце чисто, совѣсть праву
И твердый нравъ хранитъ въ свой вѣкъ,
И всю свою въ томъ ставитъ славу,
Что онъ лишь добрый человѣкъ.

Дѣла и страсти прошлыхъ вѣковъ, изображаемыя исторіею, дѣла и страсти настоящаго времени, извѣданныя поэтомъ въ жизни

придворной и столичной, даютъ ему сильнѣе чувствовать блаженство того, кто, «почивъ въ тихомъ заливѣ совѣсти,

Ума на якорѣ глубокомъ
Сталъ въ челнѣ и спокойнымъ окомъ
На суету мірскую зритъ».

«Жизнь Званская» (1807), изображая идеалъ счастія, всегда носившійся въ душѣ поэта, проникнута элегическимъ чувствомъ, свойственнымъ опытному мужу, который, окончивъ службу и оканчивая поэтическое поприще, удалился въ уединеніе:

«Все суета суетъ!» я, воздыхая, мню;
Но, бросивъ взоръ на блескъ свѣтила полудневна:
«О, коль прекрасенъ міръ! Чтожъ духъ мой бременю?
Творцемъ содержится вселенна....

Да будетъ на землѣ и въ небесахъ Его
Единаго во всемъ вседѣйствующа воля!
Онъ видитъ глубину всю сердца моего,
И строится моя Имъ доля....

Онъ корни помысловъ, Онъ зритъ полетъ всѣхъ мечтъ
И поглумляется безумству человѣковъ;
Тѣхъ освѣщаетъ мракъ, тѣхъ помрачаетъ свѣтъ,
И днешнихъ, и грядущихъ вѣковъ».

Къ дидактическимъ піесамъ, кромѣ того, относятся посланія къ Капнисту и Храповицкому, Похвала сельской жизни и др.

Пріятности жизни и правила любомудрія, которыми, по словамъ Державина, блещутъ Гораціевы оды, были любимыми темами и нашего поэта, почему нравственно-философическія его стихотворенія назывались также «гораціанскими». Даже сочетаніе двухъ тоновъ, важнаго и шутливаго, Мерзляковъ почиталъ свойствомъ заимствованнымъ Державинымъ у римскаго сатирика. Державинъ часто подражалъ ему или переводилъ изъ него (Памятникъ, Капнисту, Похвала сельской жизни, Лебедь, Пиррѣ, Весна и многія другія піесы). Въ посланіи «Рѣшемыслу» (1783) онъ называетъ свою музу «подругою Флакка». «Средь музъ съ Гораціемъ пою», говоритъ онъ въ одѣ: «На умѣренность» (1792). Таже ода прославляетъ завидное состояніе человѣка, выбравшаго златую средину, не восхищаемаго мечтаніемъ благъ и не ужасаемаго тмою бѣдъ. Средняя стезя—самый надежный путь, средственная доля—самый счастливый удѣлъ. Устроить жизнь къ покою, не гоняясь за преходящимъ или ложнымъ счастіемъ, вкушать только тѣ удовольствія, которыя не ведутъ за собою раскаянья: вотъ постоян-

кие совѣты его горацiанской философiи. Эта философiя вовсе не пасмурна: она любитъ веселье и даже не прочь отъ эпикуреизма. «Часы веселья—кратки, а минута скуки—цѣлый вѣкъ» (Стейнбоку, 1806): что же изъ этого слѣдуетъ? надобно умножить число веселыхъ часовъ и уменьшить число скучныхъ минутъ; надобно, если есть возможность, безпрерывно веселиться. Въ посланiи «Къ первому сосѣду» (1780), поэтъ приглашаетъ его пить, ѣсть и веселиться,

Доколь текутъ часы златые
И не приспѣли скорби злыя....
На свѣтѣ жить намъ время срочно.

«Живи и жить давай другимъ»: такъ начинается ода на рожденiе царицы Гремиславы, т. е. Екатерины (1796). Она посвящена Л. А. Нарышкину, извѣстному остроумцу и весельчаку. Державинъ видитъ въ немъ истинно-счастливаго человѣка:

Что нужды мнѣ, кто, все зефиромъ
Съ цвѣтка лишь на цвѣтокъ летя,
Доволенъ былъ собою, мiромъ,
Шутилъ, рѣзвился, какъ дитя?
Но если онъ съ столь легкимъ нравомъ
Всегда былъ добрый человѣкъ,
Всегда жилъ весело, прiятно
И не гонялся за мечтой;
Жалѣлъ о тѣхъ, кто жилъ развратно,
Плясалъ и самъ подъ тонъ чужой:
Хвалю тебя,—ты въ смыслѣ здравомъ
Пресчастливо провелъ свой вѣкъ.

По отношенiю къ эпикурейскому взгляду на жизнь замѣчательно стихотворенiе: «Аристиппова баня» (1811). Здѣсь изложено моральное ученiе Сократова ученика, Аристиппа, котораго главное правило состояло въ томъ, что человѣкъ долженъ владѣть удовольствiями, но что удовольствiя не должны владѣть имъ. Кто, услаждая чувства, услаждаетъ съ ними и духъ, тотъ истинно мудръ и счастливъ. Пользованiе благами природы законно; беззаконенъ только излишекъ пользованiя:

Жизнь мудраго—жизнь наслажденья
Всѣмъ тѣмъ, природа что даетъ.
Не спать въ свой вѣкъ,—и съ попеченья
Не чахнуть, коль богатства нѣтъ;
Знать малымъ пробавляться скромно;
Жить съ беззаконными законно;

Чтить доблесть, не любить порокъ;
Со всѣми и всегда ужиться,
Но только съ добрыми дружиться:
Вотъ въ чемъ былъ Аристипповъ толкъ!

Изъ той же мысли, что «человѣкъ родится для жизни и что веселье—его стихія», вытекло сочувствіе Державина къ Анакреону, пѣвцу земныхъ радостей. Другимъ источникомъ служила «влюбчивость» поэта, почему большая часть стихотвореній этого рода— эротическія. Названіе «Анакреонтическія пѣсни», вышедшія отдѣльной книжкой (1804)—не совсѣмъ точное, такъ какъ между ними есть подражанія Соломону (Пѣснь пѣсней), Сафо, Платону, Діонисію Сиракузскому, Горацію, Петраркѣ. Все, что выходило изъ героическаго, нравственно-философическаго или сатирическаго тона, что выражало безпечное воззрѣніе на міръ и похвалу удовольствіямъ, или что по формѣ своей было небольшою, легкою піесою, то Державинъ относилъ къ «золотымъ пѣснямъ Леля» (такъ называлъ онъ подражанія Анакреону). Въ числѣ ихъ помѣщена и ода «На рожденіе въ сѣверѣ порфиророднаго отрока». Ясно, что, кромѣ «приличности содержанія», которымъ служитъ особое понятіе о жизни, авторъ принималъ въ расчетъ и внѣшнія отличія стихотвореній, особенно «легкій слогъ». Не зная греческаго языка, онъ пользовался нѣмецкими переложеніями Анакреона, а также и русскимъ его переводомъ Н. Львова (1794). Со времени изданія этого перевода, начинаются собственно анакреонтическія пѣсни Державина. Число ихъ увеличивается въ 1797 г., когда на престолѣ уже не было Фелицы, когда «Задунайскій кончилъ свой вѣкъ, а Суворовъ скрылся тьмою (т. е. жилъ въ деревнѣ), какъ неславный человѣкъ». Переладимъ же струны, говоритъ поэтъ; откажемся пѣть героевъ и начнемъ пѣть любовь (Къ лирѣ, 1797). Къ затишью героическихъ дѣлъ присоединились непріятности по службѣ. Если міръ не жалуетъ тѣхъ, кто идетъ прямою стезей, то нѣтъ надобности предаваться суетѣ и нести бремя должностей (Къ самому себѣ, 1798):

Мужамъ, женщинамъ любезенъ
Можетъ пылкій богъ Эротъ.
Стану нынѣ съ нимъ водиться,
Сладко есть, и пить, и спать:
Лучше, лучше мнѣ лѣниться,
Чѣмъ злодѣевъ наживать.

И вотъ Державинъ идетъ по слѣдамъ «тіисскаго пѣвца»: онъ хочетъ забавлять свѣтъ и мѣняетъ лиру на балалайку; Пиндомъ

его будетъ Званка (Тишина, 1801). Чѣмъ же «тіисскій пѣвецъ» нравился нашему поэту? Тѣмъ, что онъ чинамъ и богатству предпочиталъ свободу, покой и любовь. «Вѣнецъ безсмертія» (1802), пріобрѣтенный Анакреономъ, увѣнчаетъ и его подражателя: онъ сплетется русскими красавицами, которыя будутъ слушать пѣсни любви у комелька, въ морозъ. На другой годъ по выходѣ изъ службы (1803) Державинъ издалъ анакреонтическія стихотворенія. Въ предисловіи къ нимъ, между прочимъ, сказано: «Въ Аѳинахъ запрещалось упражняться въ издѣвочныхъ сочиненіяхъ только ареопагитамъ; но какъ я уже свободенъ отъ должности, то и осмѣлился предать ихъ тисненію». Здѣсь же объяснены и другія побужденія, заставившія русскаго стихотворца подражать Анакреону, независимо отъ сочувствія къ тому взгляду на жизнь, выраженіемъ котораго служили пѣсни греческаго поэта. «По любви къ отечественному слову», говоритъ Державинъ, «желалъ я показать его изобиліе, гибкость, легкость и вообще способность къ выраженію самыхъ нѣжнѣйшихъ чувствованій, каковыя въ другихъ языкахъ едва ли находятся. Доказательствомъ его изобилія и мягкости служатъ нѣсколько пѣсенъ, въ которыхъ буквы *р* совсѣмъ не употреблено» (Анакреонъ въ собраніи, Желаніе и др.). Но не смотря на достоинства нѣкоторыхъ отдѣльныхъ «пѣсенъ Леля», онѣ не могли выдти удовлетворительными, по отсутствію художественной граціи, которая необходима для стихотвореній этого рода и до которой талантъ Державина, при всей своей силѣ, никогда не могъ возвыситься.

Однимъ изъ главныхъ достоинствъ Державинской лиры служитъ ея стремленіе къ народности, которая выражается и во взглядѣ на предметы, и въ выборѣ коренныхъ русскихъ оборотовъ и реченій. Не только шуточныя стихотворенія, но и «прямыя» оды представляютъ образцы національнаго элемента, допуская простымъ разговорнымъ словамъ и пословицамъ стоять подлѣ возвышенныхъ словъ и книжныхъ фразъ, на что піитика налагала строгое veto. Примѣровъ тому очень много. «Царь-Дѣвица» по содержанію и выраженію близко подходитъ къ памятникамъ народной поэзіи. Въ сатирѣ «На счастіе» также чисто-русскій складъ: счастіе «машетъ волшебною ширинкой», «въ издѣвку» обращаетъ свой взоръ на человѣка, «катаетъ кубаремъ» весь міръ. Цѣлыя строфы наполнены образами, употребительными въ простолюдьѣ, напр.:

Стамбулу бороду ерошишь,
На Тавре ѣдешь чехардой,
Задать Стокгольму перцу хочешь,
Берлину фабришь ты усы,

А Темзу въ фижмы наряжаешь,
Хохолъ Варшавѣ раздуваешь,
Коптишь голландцамъ колбасы.

Ни въ сказкахъ складно разсказать,
Ни написать перомъ красиво....

. . . . Вельможи,
И такъ и сякъ нахмуря рожи,
Тузятъ инова иногда....

И громъ за тридевять земель
Несетъ на лунно государство....

Бывало, подъ чужимъ нарядомъ,
Съ красоткой чернобровой рядомъ....

Безъ латъ я горе-богатырь....

Бояре понадули пузы....

Слети ко мнѣ, мое драгое,
Серебряное, золотое...

Народный элементъ встрѣчается во многихъ другихъ піесахъ: «Крезовъ Эротъ», «Бой», «Къ Эвтерпѣ», «Кружка», «Хоръ сельскихъ дѣвушекъ», «Истуканъ», «Вельможа», и пр. Въ примѣчаніи къ «Волхву Злогору» сказано, что это стихотвореніе взято изъ новгородской миѳологіи. Первая строфа «Зимы» есть подражаніе русской пѣснѣ, по складу стиховъ и отдѣльнымъ выраженіямъ. «Прологъ на рожденіе въ сѣверѣ порфиророднаго отрока» (1797) почерпнутъ «изъ древняго варяго-русскаго баснословія; въ театральномъ представленіи «Добрыня» (соч. 1804, нап. 1808) поэтъ воспользовался многими старинными сказочными преданіями. Въ то время, какъ стихотворцы обыкли изображать знаменитыхъ соотечественниковъ по образу древнихъ божествъ и героевъ, Державинъ, для прославленія подвиговъ Суворова, обратился къ народнымъ былинамъ. Русскій полководецъ является у него въ видѣ сказочнаго богатыря, надѣленнаго сверхъестественною силой: тьма отъ его чела, съ посвиста пыль, впереди его—молніи бѣгутъ отъ взоровъ, позади—дубы ложатся грядою. Съ точки зрѣнія народнаго эпоса, нѣтъ гиперболы въ извѣстныхъ стихахъ:

Ступитъ на горы—горы трещатъ;
Ляжетъ на воды—воды кипятъ;
Граду коснется—градъ упадаетъ;
Башни рукою за облакъ бросаетъ.

По отношенію къ народности замѣчательно посланіе «Атаману и войску донскому» (1807), гдѣ, между прочимъ, видно и вліяніе Слова о полку Игоревомъ. Обращаясь къ Платову, поэтъ изображаетъ быстроту и ловкость казаковъ:

Въ травѣ идешь—съ травою ровенъ;
Въ лѣсу—и ровенъ лѣсъ съ главой;
На конь вскокнешь—конь тихъ, не нравенъ,
Но вихремъ мчится подъ тобой;
По камню ль черну змѣемъ чернымъ
Ползешь ты въ ночь—и слѣду нѣтъ;
По влагѣ ль бѣлой гусемъ бѣлымъ
Плывешь ты въ день—лишь струйка слѣдъ;
Орломъ ли въ мглѣ паришь сгущенной—
Стрѣлу сѣчешь ей въ слѣдъ пущенной,
И, брося петли округъ шей,
Фазановъ удишь какъ ершей.

Чтожъ сталъ?—Борза ль коня не стало?
Возьми коверъ свой самолетъ.
Ружейнаго ль снаряду мало?
Махни ширинкой—лѣсъ падетъ, и пр.

И въ анакреонтическія пѣсни Державинъ вводилъ славянскія божества, вмѣсто греческихъ и римскихъ, для показанія, что можемъ и своею миѳологіею украшать нашу поэзію: Лель (богъ любви), Зимстерла (весна), Зничь (май), Лада (богиня красоты), Усладъ (богъ роскоши) являются у него то какъ дѣйствительныя существа, то какъ риторическія прикрасы.

По всѣмъ стихотвореніямъ Державина проходитъ одна мысль, которая сообщаетъ имъ особую цѣнность, независимо отъ ихъ историческаго значенія. Эта мысль—достоинство человѣка, какъ человѣка, въ его отрѣшеніи отъ всѣхъ иныхъ, временныхъ и мѣстныхъ, достоинствъ. Державинъ опредѣляетъ истинную цѣну каждаго лица не тѣми званіями, въ которыхъ оно находилось по волѣ судьбы, а единственно тѣмъ, сохранило ли оно на всякомъ мѣстѣ и во всякое время священное званіе человѣка, неподвластное никакимъ превратностямъ судьбы. Суета сует! часто восклицаетъ стихотворецъ: вся наша жизнь—пустое мечтаніе; главное дѣло—быть человѣкомъ, а все прочее тлѣнъ и прахъ. Восклицаніе естественное въ устахъ того, кто и вчужѣ видѣлъ и на себѣ испыталъ непрочность земныхъ благъ вообще, общественныхъ положеній въ частности. Передъ его глазами непрерывно вертѣлось колесо фортуны, представляя тщету величія и славы. Придворная жизнь, блескъ и пышность вельможъ, побѣдныя торжества и роскошные

пиры, всѣ треволненія политическія и общественныя устремляли его мысль отъ шума и грома къ тишинѣ, отъ превратности людской къ тому, что въ людяхъ должно оставаться несокрушимымъ и неприкосновеннымъ. Съ особенною силою возникаетъ эта мысль при какихъ-нибудь разительныхъ ударахъ судьбы: при опалѣ случайнаго лица, при разгромѣ обширныхъ замысловъ, при смерти вельможи, который сарданапаловски наслаждался жизнію, но и кончилъ ее гибельно, какъ Сарданапалъ. Тогда-то Державинъ ищетъ притона и спасенія «въ заливѣ совѣсти», которая должна сказать ему, не потемнился ли въ немъ человѣкъ. Уваженіемъ къ сану человѣка проникнуты всѣ его оды. Привѣтствуя появленіе въ свѣтъ «порфиророднаго отрока», онъ даетъ ему совѣтъ «быть на тронѣ человѣкомъ»; изображая Фелицу, заставляетъ ее сказать о себѣ: «я человѣкъ». Чувство человѣчности, сознаніе достоинства человѣка—преобладающій мотивъ поэзіи Державина.

Въ чемъ же заключается это главное достоинство? Гимнъ «истинѣ» (1778) доказываетъ бытіе Бога міромъ физическимъ и духовнымъ существомъ нашимъ. Богъ въ истинѣ, говоритъ Державинъ; истина же является и внутри и внѣ человѣка: внутри какъ совѣсть, внѣ какъ правда. Отъ истины раждается добродѣтель; безъ правды рушатся царства. Слѣдов. истина, или правда (которыя иногда различаются поэтомъ, а иногда сливаются въ одномъ понятіи), и ея плодъ—добродѣтель—составляютъ главное достоинство человѣка, который есть образъ и подобіе Бога. Потому-то слова геніи: «будь на тронѣ человѣкъ!» произнесены имъ въ то время, какъ онъ зараждалъ въ царственномъ отрокѣ «добродѣтель». Потому-то и главная обязанность каждаго человѣка—истина, правда. Поэтъ въ особенности долженъ быть глашатаемъ правды (Капнисту, 1797), ея поборникомъ и другомъ, твердымъ щитомъ и сподвижникомъ. Державинъ такъ и понималъ свое призваніе. Какъ поэтъ, онъ съ улыбкой говорилъ царямъ истину, въ шуткахъ возвѣщалъ правду, превозносилъ добродѣтели Фелицы. Такимъ образомъ справедливо сужденіе професcора Шевырева что въ поэзіи Державина выражается «идея правды». Гимномъ правдѣ (или правосудію), безъ которой рушатся царства, служитъ «Введеніе Соломона въ судилище» (1798), сочиненное по случаю введенія императоромъ Павломъ великаго князя Александра въ присутствіе сената. И всѣ другія стихотворенія Державина проникнуты этою идеей; онъ постоянно учитъ одному и тому же: что лишь истина даетъ вѣнцы; состояніе праведника (человѣка, шедшаго стезею правды) святъ кумиръ; что великіе міра тогда велики, когда любятъ правду, и столько велики, на сколько любятъ правду. Въ «Водопадѣ»

(1791) и «Памятникѣ герою» (1791) начертанъ идеалъ правдиваго, честнаго мужа, рачителя общей пользы, котораго обелискъ крѣпокъ добродѣтелью, котораго сокровища—спокойный духъ и чистая совѣсть, для котораго долгъ—царь, а правда—богъ. Поэтъ и самъ стремится достигнуть идеальнаго совершенства (Мой истуканъ, 1794):

Хочу я *человѣкомъ* быть,
Котораго страстей отрава
Безсильна сердце развратить;
Кого ни мздa не ослѣпляетъ,
Ни санъ, ни месть, ни блескъ порфиръ;
Кого лишь *правда* научаетъ,
Любя себя, любить весь міръ
Любовью мудрой, просвѣщенной,
По *добродѣтели* священной.

Сила лирическаго таланта Державина не подлежитъ сомнѣнію. Онъ одаренъ былъ могучей фантазіей, и потому въ его произведеніяхъ русское стихотворство впервые стало поэзіей. Хотя онъ и ставилъ административную свою дѣятельность на первомъ планѣ, говоря, что пишетъ только въ свободное отъ служебныхъ занятій время, но въ сущности выходило на оборотъ: истиннымъ его призваніемъ и настоящею службой было именно писаніе стиховъ. Такъ онъ и самъ смотрѣлъ на себя, такъ понимали его и другіе. Онъ самъ высказалъ, чѣмъ воздвигъ себѣ «памятникъ», въ чемъ его право на безсмертіе; стихотвореніе: «На смерть графини Румянцевой», сочиненное подъ впечатлѣніемъ непріятностей съ тамбовскимъ намѣстникомъ гр. Гудовичемъ, оканчивается слѣдующими строками:

Меня ничто вредить не можетъ:
Я злобу твердостью сотру;
Враговъ моихъ червь кости сгложетъ,
А я поэтъ—и не умру.

Природный зовъ заставлялъ его посвящать свое время любимому занятію и въ тѣсномъ казарменномъ помѣщеніи, и въ походной жизни, и въ канцелярскомъ быту; не измѣнять поэзіи, не смотря на преслѣдованія его начальника кн. Вяземскаго, на брань и насмѣшки чиновнаго люда. Слова Екатерины: «пусть пишетъ стихи», сказанныя Храповицкому о Державинѣ, послѣ того какъ она осталась имъ недовольна на аудіенціи, даютъ знать, что она цѣнила его болѣе, какъ автора Фелицы и другихъ произведеній, чѣмъ какъ администратора. Даже нѣкоторые изъ близкихъ къ нему

людей отзывались о немъ, какъ о выходящемъ изъ ряду стихотворѣ, но плохомъ губернаторѣ.

Но самородный талантъ Державина не достигъ той степени поэтическаго творчества, на которой оно производитъ художественныя творенія. Причинъ тому надобно искать прежде всего въ самомъ поэтѣ—въ его темпераментѣ, въ качествѣ его духовныхъ способностей и въ образовательномъ цензѣ, а потомъ уже въ дѣйствіи среды, въ которой онъ вращался, и въ общемъ состояніи современной ему эпохи. По собственному сознанію, онъ былъ «горячъ», и потому легко поддавался страстнымъ порывамъ своего пылкаго нрава какъ въ жизни, такъ и въ поэзіи. Съ этой стороны онъ не похожъ на Пушкина, который въ свѣтской жизни нерѣдко выступалъ изъ предѣловъ благоразумія, но въ моменты вдохновенія становился совершенно инымъ человѣкомъ, такъ что его созданія отличаются художественной мѣрой. Державинъ, напротивъ, оставался вѣренъ самому себѣ на всѣхъ путяхъ своей дѣятельности. «Мудрость заключается въ срединѣ крайностей», писалъ онъ въ одномъ письмѣ къ Дмитріеву; но самъ онъ не пріобрѣлъ такой мудрости даже въ поздніе годы: онъ часто впадалъ въ крайности, чѣмъ и объясняется главный недостатокъ его поэзіи — гиперболизмъ. Мы видѣли, что нѣкоторыя гиперболическія представленія могутъ быть оправданы подражаніемъ народному эпосу, но большинство другихъ ничѣмъ инымъ не объясняется, кромѣ природной наклонности поэта къ преувеличеніямъ; примѣровъ тому не мало, особенно въ одѣ на взятіе Варшавы, начиная съ самыхъ первыхъ строкъ.

Пошелъ—и гдѣ тристаты злобы?
Къ чему коснулся—все сразилъ;
Поля и грады стали гробы;
Шагнулъ—и царство покорилъ.

Духовныя способности Державина не находились въ равновѣсіи. Его умъ былъ ниже воображенія, чему и слѣдуетъ главнѣйшимъ образомъ приписать отсутствіе художественной мѣры. Стихотворенія его большею частію говорятъ больше того, сколько было бы нужно сказать для выраженія мысли и потому страдаютъ длиннотой. Иногда піеса двоится по двойственности сюжета: такъ въ «Водопадѣ» (на смерть Потемкина) прославляются и Потемкинъ и Румянцевъ. Иногда поэтическіе образы приводятся въ излишествѣ, недостаточно обдуманные, и подъ часъ не изящные, за неимѣніемъ у автора вполнѣ изощреннаго эстетическаго вкуса. Не только въ поэтическихъ представленіяхъ, но и въ отдѣльныхъ

стихахъ и выраженіяхъ замѣчается нерѣдко отсутствіе художественной обработки, могущей явиться лишь при дружномъ союзѣ воображенія съ разумомъ. Самыя лучшія произведенія Державина не чужды указанныхъ недостатковъ. Въ одѣ «На смерть кн. Мещерскаго» нельзя похвалить такихъ стиховъ, какъ

Зіяетъ время славу *стеретъ*...
Глотаетъ царства алчна смерть...,

потому что *зіяніе* (раскрытіе рта, зѣва)—непригодное средство для *стиранія* чего нибудь, особенно славы, а *глотаніе царствъ*—непріятная гипербола. Другіе стихи той же піесы:

И *звѣзды* ею (смертью) сокрушатся,
И *солнцы* ею потушатся,
И всѣмъ *мірамъ* она грозитъ,

показываютъ, что поэтъ считалъ *звѣзды, солнцы и міры* тремя различными предметами, тогда какъ они суть одно и тоже, — погрѣшность, происшедшая, вѣроятно, отъ незнакомства съ космографіей. Піеса: «Потопленіе» начинается противорѣчіемъ:

Изъ-за облакъ мѣсяцъ *красный*
Всталъ и *смотрится въ рѣкѣ*,
Сквозь туманъ и *мракъ ужасный*
Путникъ ѣдетъ въ челнокѣ.

Красный мѣсяцъ, *отражающійся въ водѣ*, трудно согласить съ *ужаснымъ мракомъ*. Странно представить себѣ и «Сибирь, *наклонившуюся* надъ столами», и океаны, *трясущіеся челами*, и другія подобныя изображенія въ Описаніи Потемкинскаго праздника:

Богатая Сибирь, наклоншись надъ столами,
Разсыпала по нимъ и злато и сребро;
Восточный, западный—сѣдые океаны—
Трясяся челами, держали рѣдкихъ рыбъ, и т. д.

Къ неточнымъ выраженіямъ, совмѣщающимъ несовмѣстимое, и потому мѣшающимъ ясности пониманія или созерцанія, принадлежатъ и слѣдующіе стихи:

Да дѣлъ твоихъ въ потомствѣ *звуки*,
Какъ въ небѣ звѣзды, *возблестятъ*....

Или:

Шепчетъ въ-слухъ страннику, въ дали какъ *тихій громъ*.

Короче: въ каждомъ произведеніи Державина видишь превосходныя

частности, чувствуешь несомнѣнное дарованіе поэта и силу его лирическаго взмаха, но вмѣстѣ съ тѣмъ видишь, какъ искреннее, могучее настроеніе духа нисцадаетъ потомъ въ искуственный, риторическій паѳосъ, или замѣняется дидактическимъ элементомъ. Введеніе послѣдняго въ поэзію Державина объясняется его любовью къ гораціанскимъ одамъ и кромѣ того взглядомъ на лирику въ частности и на поэзію вообще. Поэзія, по его ученію, какъ вышній даръ боговъ, должна быть обращена къ поученью людей; лирикъ есть герольдъ неба, органъ истины. При такомъ взглядѣ подъ истиной разумѣлась, конечно, не художественная правда въ выраженіи чувства, а правила любомудрія, нравоученіе, которое онъ считалъ наилучшею приправою стихотворства. Короче, цѣльно-выработанное, художественное представленіе идеи рѣдко встрѣтишь въ произведеніяхъ Державина; къ наиболѣе отдѣланнымъ или удавшимся относятся: «Властителямъ и судіямъ», «На кончину графа Орлова», «Памятникъ», «Богъ». Да и нельзя было требовать совершенства формы въ то время, когда еще не различались не только поэтическое отъ художественно-поэтическаго, но и поэзія отъ простаго стихотворства. Батте, съ своимъ принципомъ искусства, какъ механическаго подражанія природѣ, скорѣе могъ вредить непосредственному таланту, чѣмъ приносить ему пользу. Сверхъ того, образованіе нашего лирика было поверхностное. Въ гимназіи, по его собственнымъ словамъ, онъ отличался живостью и воображеніемъ, а не точностью и усидчивостью. Единственно пригодное знаніе, вынесенное имъ изъ школы, состояло въ знакомствѣ съ нѣмецкимъ языкомъ. Хотя Державинъ и старался въ послѣдствіи вознаградить недостатокъ своего ученія, но эти старанія ограничивались чтеніемъ книгъ, безъ разбора, такъ что, безъ нарушенія истины, можно сказать, что онъ навсегда остался самоучкой.

Кромѣ литературнаго недостатка, въ произведеніяхъ Державина есть нравственный изъянъ, какъ результатъ невѣрнаго понятія о нравственности; причины же невѣрности заключались прежде всего въ скудости образованія, потомъ во вліяніи среды, окружавшей поэта, которая не находила ничего унизительнаго въ поступкахъ, осуждаемыхъ точной, хотя и строгой истиной, и вообще въ шаткомъ и легкомысленномъ взглядѣ людей его времени на должное и недолжное. Въ послѣдней строфѣ оды «Рѣшемыслу», т. е. Потемкину (1783), обращаясь къ Музѣ, Державинъ говоритъ:

Конечно, ты своимъ перомъ
Хвалить достоинства лишь знаешь:

[illegible]

но послѣднему стиху противорѣчатъ другія произведенія Державина. «Видѣніе Мурзы», написанное въ одинъ годъ съ «Рѣшемысломъ», говоритъ Фелицѣ:

Довольно золотыхъ кумировъ,
Безъ чувствъ моихъ что пѣсни чьи;

значитъ, похвалы расточались иногда людямъ недостойнымъ, не возбуждавшимъ къ себѣ уваженія и любви. Авторъ сознавалъ свои отступленія отъ правды, какъ видно еще изъ его посланія къ Храповицкому (1793):

Ты самъ со временемъ осудишь
Меня за мягкіе стихи.

И Храповицкій осудилъ его дружескимъ посланіемъ, въ которомъ между прочимъ говоритъ: «я люблю твои стихотворства, но иногда ты

. . . . . . *полы лощишь* (1).
Я твой же стихъ напоминаю
И самъ по истинѣ не знаю,
Зачѣмъ ты такъ, мой другъ, *лукавишь*.

Достойны громкой славы звуковъ
Пожарскій, Mининъ, Долгоруковъ
И за Дунаемъ храбрый Петръ;
Но Зубовыхъ дѣла не громки,
И спрячь Потемкиныхъ въ потемки:
Какъ пузырей, ихъ свѣетъ вѣтръ ...
И Зубовъ, ставши размундиренъ,
Для всѣхъ россіянъ только смѣхъ

Твоею творческой рукою
И пылкою стиховъ красою
Достойныхъ должно прославлять,
Великихъ, мудрыхъ, справедливыхъ,
Но случаемъ слѣпымъ счастливыхъ
Въ забвеньи вѣчномъ оставлять.

По поводу этихъ стиховъ написано Державинымъ второе, замѣчательное посланіе къ Храповицкому. Оно содержитъ въ себѣ оправданіе или извиненіе «грѣха» современнымъ общественнымъ настроеніемъ, по которому лесть, угодничество и другіе нечистые поступки, какъ сказано выше, не считались унизительными, и кромѣ того выражаетъ взглядъ на отношеніе «слова» къ «дѣлу»,— взглядъ, подтверждающій ту мысль, что авторъ не имѣлъ истиннаго понятія о нравственности:

[1]) Выраженіе Державина въ одѣ «На умѣренность» (1792).

Извини, мой другъ, коль лестно
Я кого гдѣ воспѣвалъ:
Днесь скрывать мнѣ тѣхъ безчестно,
Разъ кого я похвалялъ.
За слова—меня пусть гложетъ,
За дѣла—сатирикъ чтитъ.

Но «слова поэта суть уже его дѣла», справедливо возразилъ Пушкинъ. Это возраженіе послужило Гоголю предметомъ для статьи «о томъ, что такое слово» ([1]). Здѣсь сказано слѣдующее: «Державинъ слишкомъ повредилъ себѣ тѣмъ, что не сжегъ цѣлой половины своихъ одъ... Опасно шутить писателю со словомъ. Слово гнило да не исходитъ изъ устъ его». Конечно такъ, хотя—замѣтимъ мимоходомъ—самъ Гоголь позволялъ себѣ шутить съ словомъ, по крайней мѣрѣ въ своихъ письмахъ. Но Державинъ добросовѣстно признавалъ свою вину и объяснялъ ее силою общаго положенія: бываютъ времена, въ которыя, говоритъ онъ, «со всею честностью и правотою души, и при всемъ желаніи слѣдовать законамъ, не всегда можно устоять въ правдѣ». Его автохарактеристика: «горячъ и въ правдѣ чортъ», конечно, не согласуется съ истиннымъ благоразуміемъ, которое требуетъ, любя правду и служа ей искренно, все таки оставаться человѣкомъ, а не быть чортомъ; но за то выходками своего горячаго темперамента онъ вредилъ собственно себѣ только, а не другимъ: онъ наживалъ себѣ непріятелей и не пользовался расположеніемъ тѣхъ, отъ кого зависѣла его прочная карьера. Вопросъ лишь въ томъ, дѣйствительно ли было правдой то, что Державинъ считалъ правдой. Отвѣтъ, конечно, будетъ отрицательный, не дающій впрочемъ права бросать въ правдолюба камнемъ, такъ какъ ошибка истекала изъ убѣжденія, хотя и невѣрнаго. За убѣжденія не преслѣдуютъ. А что эти убѣжденія были искренни, ручательствомъ служитъ нравъ Державина: онъ не умѣлъ маскироваться и лукавить; по отзыву С. Р. Воронцова, онъ «нисколько не прикрывалъ лицемѣріемъ того, что онъ дѣлаетъ, и всѣми своими дѣйствіями выставлялъ на показъ свой неуживчивый и бѣшенный характеръ». И прочитавъ «Записки» нашего лирика, несомнѣнно выносишь изъ нихъ то впечатлѣніе, что, при всѣхъ его несовершенствахъ, онъ все же былъ лучше тѣхъ лицъ, которыя въ его воспоминаніяхъ являются передъ читателемъ. По крайней мѣрѣ онъ не былъ способенъ на ухищренія и козни, къ чему многіе и многіе прибѣгали

---

[1]) Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями.

какъ къ средству для достиженія своихъ личныхъ, корыстныхъ цѣлей, даже которыхъ ничего не хотѣли знать.

Общее значеніе поэзіи Державина давно оцѣнено безпристрастно и вѣрно Бѣлинскимъ: «Поэзія Державина (говоритъ онъ по поводу изданія его сочиненій въ 1843 г.) въ лучшихъ ея проявленіяхъ есть прекрасный памятникъ царствованія Екатерины. Нечего жалѣть, что онъ не былъ поэтомъ-художникомъ; лучше подивиться тѣмъ свѣтозарнымъ проблескамъ поэзіи и художественности, которыми такъ часто и такъ ярко вспыхиваетъ поэзія этого могучаго таланта.... Мы видимъ въ немъ блестящую зарю нашей поэзіи» (¹). Вторая оцѣнка сдѣлана академикомъ Гротомъ, біографомъ Державина и издателемъ его произведеній, послѣ всесторонняго и безпристрастнаго разсмотрѣнія его жизни и дѣятельности: «Когда еще не была выработана у насъ простая и легкая разговорная рѣчь, Державинъ заговорилъ новымъ по звучности и складу русскимъ стихомъ; онъ пробуждалъ въ читателѣ возвышенныя чувства и ставилъ передъ ними идеалы въ живыхъ примѣрахъ отечественныхъ героевъ и сановниковъ, напоминая въ яркихъ образахъ святыя истины, вѣчные законы добра и чести» (²).

Родъ Державина (Гаврiила Романовича, 1743—1816) происходитъ отъ мурзы Багрима, выѣхавшаго, въ княженіе Василія Темнаго (XV в.), изъ Орды служить на Руси и крещеннаго самимъ княземъ. Сынъ одного изъ потомковъ Багрима, Держава, началъ службу въ Казани. Отецъ нашего поэта служилъ въ разныхъ гарнизонныхъ полкахъ и имѣлъ чинъ полковника. Онъ принадлежалъ къ небогатымъ дворянамъ и жилъ съ женою то въ Казани, то въ деревнѣ, въ 40 верстахъ отъ города. Въ этой-то деревнѣ и родился нашъ поэтъ, а по другому преданію—въ Казани, которую онъ называетъ *«колыбелью* своихъ первоначальныхъ дней» (въ стихотвореніи «Арфа»).

Выучась чтенію у матери и дьячка, семи лѣтъ былъ представленъ въ Оренбургскую губернскую канцелярію на «смотръ», которому, по указу, подвергались дворянскія дѣти этого возраста, и по просьбѣ отца былъ отданъ ему для обученія до 12 лѣтъ, когда слѣдовало являться на второй «смотръ» или экзаменъ недорослямъ. Въ 1752 г. отецъ Державина переселился въ Оренбургъ, куда въ то время ссылали каторжныхъ вмѣсто Сибири, чтобы имѣть достаточное число рабочихъ для городскихъ построекъ. Въ числѣ ссыльныхъ находился нѣмецъ Розе, заведшій школу, куда и отдали Державина. Здѣсь, черезъ два или три года, онъ выучился читать, писать и говорить по нѣмецки. Знаніе нѣмецкаго языка, который тогда считался такою же принадлежностью образованнаго дворянина, какъ позднѣе французскій, дало возможность

¹) Сочиненія Бѣлинскаго, т. VII.

²) Жизнь Державина (т. VIII-й академическаго изданія его сочиненій).

Державину читать въ подлинникѣ Галлера, Гагедорна, Клопштока, Клейста и другихъ писателей классическаго періода нѣмецкой литературы. Ни французскимъ, ни латинскимъ языкомъ онъ не владѣлъ, такъ что древніе авторы были ему извѣстны только по нѣмецкимъ или русскимъ переводамъ. По смерти отца, мать его, принужденная вести тяжбу съ сосѣдними помѣщиками, захватившими у нея родовую собственность, при тогдашнемъ безпорядочномъ межеваніи земель, испытала много хлопотъ и униженія отъ судей. Печальныя впечатлѣнія этого времени не только запали въ душу ея сына, который, по его словамъ, съ тѣхъ поръ не могъ равнодушно смотрѣть ни на какую несправедливость, особенно на притѣсненіе вдовъ и сиротъ, но и нерѣдко выражались въ его произведеніяхъ, наприм. въ Вельможѣ:

А тамъ—вдова стоитъ въ сѣняхъ
И горьки слезы проливаетъ,
Съ груднымъ младенцемъ на рукахъ
Покрова твоего желаетъ.

Ариѳметику и Геометрію, нужныя для экзамена на второмъ смотру, преподавалъ ему ученикъ гарнизонной школы, но какъ учитель (въ родѣ Цыфиркина) самъ плохо зналъ «цыфирь», то и ученикъ его на всю жизнь остался плохимъ математикомъ.

Въ 1759 г., по учрежденіи двухъ казанскихъ гимназій (для дворянъ и для разночинцевъ), Державинъ поступилъ въ первую изъ нихъ, и въ трехлѣтнее пребываніе въ ней выказалъ особенную охоту къ рисованію, музыкѣ и поэзіи. Гимназистовъ, которыхъ чертежи и рисунки представлены были куратору Московскаго университета, И. И. Шувалову, онъ записалъ въ гвардію, и въ 1762 г. Державинъ долженъ былъ явиться въ преображенскій полкъ. Двѣнадцать лѣтъ военной службы составляютъ безотрадный періодъ въ его жизни. Началъ онъ ее солдатомъ, а не съ офицерскаго чина, какъ другіе или по крайней мѣрѣ съ унтеръ-офицера: причина тому—неимѣніе протекторства. Помѣстили его въ казармы съ рядовыми; онъ ходилъ на ученье, стоялъ на караулахъ, отправлялъ на ряду съ солдатами разныя черныя работы. При постоянныхъ ротныхъ и баталіонныхъ ученіяхъ, при неудобствѣ казарменнаго помѣщенія, ему нельзя было и думать о серьезномъ самообразованіи; только по ночамъ читалъ онъ кой-какія книги, да пописывалъ стихи. Люди и обстоятельства, среди которыхъ, во время отпусковъ на родину, пришлось ему жить въ Москвѣ, вовлекли было его въ глубокое нравственное униженіе, но онъ рѣшился наконецъ вырваться изъ этой среды и тѣмъ спасъ себя. На это указываетъ піеса «Раскаяніе»:

. . . . Я въ роскошахъ забавъ
Испортилъ ужъ мой непорочный нравъ,
Испортилъ, развратилъ, въ тьму скаредствъ погрузился—
Повѣса, мотъ, буянъ, картежникъ очутился.

При назначеніи Бибикова для усмиренія пугачевскаго бунта (1773), Державинъ явился къ нему и просилъ взять его въ «секретную ком-

миссію» для слѣдственныхъ дѣлъ о сообщникахъ Пугачева. Бибиковъ поручилъ ему вести журналъ всей дѣловой переписки по бунту, съ описаніемъ и мѣръ, принимаемыхъ къ его прекращенію. Когда императрица, слѣдуя казанскому дворянству, положившему образовать конный корпусъ, повелѣла взять по рекруту съ каждыхъ двухъ сотъ душъ по своимъ удѣльнымъ имѣніямъ и назвала себя «казанской помѣщицей», Державинъ, отъ лица дворянства, сочинилъ благодарственную рѣчь—«первый опытъ малыхъ своихъ способностей», по его выраженію. Исполняя разныя порученія начальства, онъ провелъ весну и небольшую часть лѣта 1774 и 1775 г. г. въ заволжскихъ колоніяхъ, около Саратова: здѣсь-то частію сочинены, а частію переведены имъ изъ сочиненій Фридриха II нѣсколько одъ при горѣ Читалагаѣ (возвышенномъ холмѣ, противъ колоніи Шафгаузенъ), почему онѣ и названы Читалагайскими» (1774). За службу во все время пугачевщины награжденъ чиномъ коллежскаго совѣтника и тремя стами душъ въ Бѣлоруссіи (1777). Затѣмъ семь лѣтъ (1777—1784) служилъ подъ начальствомъ генералъ-прокурора кн. Вяземскаго, и въ домѣ его познакомился со многими лицами, которые въ послѣдствіи занимали важныя административныя мѣста. Собственно же дружескій кружокъ его состоялъ изъ А. Н. Львова, Капниста и Хемницера, къ коимъ позднѣе присоединились И. Дмитріевъ и Карамзинъ. Съ 1778 сдѣлался онъ постояннымъ сотрудникомъ С.П.бургскаго Вѣстника, издававшагося «обществомъ любителей наукъ»; здѣсь появились: «Пѣсни Петру Великому», «На смерть кн. Мещерскаго», «На рожденіе въ сѣверѣ порфиродныаго отрока», «Къ первому сосѣду», «Властителямъ и судьямъ...» Нѣкоторыя изъ помѣщенныхъ піесъ были потомъ перепечатаны въ «Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова», основанномъ кн. Дашковой въ 1782 г., и кромѣ того вошли въ него новыя оды: «Фелица», «Благодарность Фелицѣ», «Видѣніе Мурзы», «Рѣшемыслу», «Богъ». Награды, полученныя авторомъ отъ императрицы (за Фелицу), помимо его начальника, были непріятны послѣднему, который къ тому же нисколько не уважалъ литераторовъ, считая ихъ людьми, совершенно негодными для дѣлъ. Отсюда обоюдное неловольство, и Державинъ, вышедъ въ отставку, того же года (1784) былъ назначенъ исправляющимъ должность олонецкаго губернатора. Но здѣсь онъ не прослужилъ и года, потому что не поладилъ съ намѣстникомъ Тутолминымъ. Непріятности его служебнаго положенія выражены въ стихотвореніи: «Уповающему на свою силу». Обозрѣвая губернію, видѣлъ рѣку Суну и водопадъ Кивачъ, описаніемъ котораго начинается «Водопадъ». По возвращеніи въ Петербургъ получилъ мѣсто тамбовскаго губернатора (1785), на которомъ оставался съ 1786-го по конецъ 1788-го. Тамбовъ многимъ одолженъ заботливости Державина объ успѣхахъ образованія и общежитія: онъ открылъ свой домъ для обученія мѣстныхъ жителей, особенно дворянъ, и пригласилъ учителей, устроилъ у себя любительскіе театры, а потомъ городской театръ, открылъ училища какъ въ самомъ Тамбовѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ, и завелъ типографію. Но и на новомъ мѣстѣ возникли у него непріятности съ намѣстникомъ, гр. Гудовичемъ, кончившіяся тѣмъ что его повелѣно было отдать подъ судъ. Изъ стихотвореній его ко времени тамбовскаго губернаторства относятся: «На смерть гр. Румян-

цевой», и «Осень во время осады Очакова» Отрѣшенный отъ должности, Державинъ прiѣхалъ въ Москву (1789) для суда надъ нимъ сената. Здѣсь онъ написалъ: «Побѣдителю» (Потемкину), «Величество Божiе», «На счастiе». Послѣдняя ода исполнена намековъ на тогдашнiя политическiя событiя, на черты современной общественной жизни и на нѣкоторыхъ представителей высшей администрацiи, кромѣ того содержитъ въ себѣ игривое изображенiе дѣятельности Екатерины и автобiографическiя данныя. По прiѣздѣ въ Петербургъ того же года, благодаря предстательству Потемкина, Безбородки и Воронцова, былъ милостиво принятъ государыней, которой, по ея словамъ, было «трудно обвинить автора «Фелицы». Но на аудiенцiи она спросила его: «не имѣете ли вы въ нравѣ чего-нибудь строптиваго, что ни съ кѣмъ не уживаетесь? отчего разошлись съ Вяземскимъ? отчего не поладили съ Тутолминымъ? какая причина ссоры съ Гудовичемъ?» А потомъ дала о немъ Храповицкому такой отзывъ: «въ третьемъ мѣстѣ не могъ ужиться; надобно искать причины въ себѣ самомъ; пусть пишетъ стихи». Судъ кончился благопрiятно: подсудимый былъ оправданъ и велѣно было выдать ему неполученное жалованье и впредь производить до полученiя новаго мѣста, котораго, впрочемъ, пришлось ему ждать два года съ половиной. Въ это неслужебное время явились: «Изображенiе Филицы», «На взятiе Измаила», «Описанiе торжества въ домѣ Потемкина», «Водопадъ». Съ 1791 г. въ теченiи почти двухъ лѣтъ состоялъ при императрицѣ для принятiя прошенiй, но не умѣлъ угодить ей какъ по неспособности быть уклончивымъ, выражать свои мысли осторожно и прилично, такъ и по своей неловкости и горячности. Принося къ ней цѣлыя кипы бумагъ, онъ обременялъ ее чтенiемъ оныхъ, принималъ безъ разбора прошенiя о деньгахъ, «лѣзъ къ ней со всякимъ вздоромъ», какъ она выразилась Храповицкому. Въ 1793 г. назначенъ сенаторомъ. Важнѣйшiя стихотворенiя, написанныя съ этого времени до воцаренiя Павла, суть слѣдующiя: «Ласточка» (памяти первой жены), «Мой истуканъ», «Вельможа» (передѣланная изъ оды «На знатность»—одной изъ «Читалагайскихъ одъ»), «На взятiе Варшавы», «Приглашенiе къ обѣду, «На рожденiе царицы Гремиславы» (Л. А. Нарышкину), «На кончину гр. Орлова» (Ѳедора), «Аѳинейскому витязю» (А. Орлову), «Памятникъ». При Павлѣ назначенъ былъ правителемъ канцелярiи совѣта императора, но вскорѣ «за необузданность языка», какъ сказано въ «Запискахъ Болотова», опять отосланъ въ сенатъ; затѣмъ (1800) получилъ званiе президента коммерцъ-коллегiи и въ томъ же году втораго министра при государственномъ казначействѣ и наконецъ государственнаго казначея. Въ 1802 назначенъ министромъ юстицiи, но не расположилъ къ себѣ императора Александра своимъ противодѣйствiемъ новымъ, либеральнымъ идеямъ. Въ вопросѣ о крѣпостномъ правѣ онъ былъ самымъ крайнимъ консерваторомъ и намѣренiе освободить крестьянъ отъ рабства называлъ предразсудкомъ. Въ 1803 г. вовсе уволенъ отъ службы, и на этотъ случай написалъ стихотворенiе «Свобода» (1803). Сошедши съ поприща 42-хъ лѣтней службы, онъ въ остальные годы своей жизни сохранилъ враждебное отношенiе къ эпохѣ Александра I и самъ находился какъ бы въ опалѣ. Притомъ же онъ чувствовалъ приближенiе зимы своей. Не было уже друзей его:

Львовъ, Хемницеръ въ гробѣ скрыты;
За Днѣпромъ Капнистъ живетъ;
Вельяминовъ, лиръ любитель [1],
Богатырь, пѣвецъ въ кругу,
Беззаботный свѣта житель,
Согнутъ скорбями въ дугу.

Со времени отставки, поселился въ имѣніи своемъ Званкѣ (Новг. губ.), а зиму проводилъ въ Петербургѣ. Сельскія занятія его описаны въ стихотвореніи «Жизнь званская» (1807). Впрочемъ Державинъ не оставилъ своихъ любимыхъ занятій. «Привыкши къ безпрестаннымъ трудамъ», говоритъ онъ, «я не могъ быть безъ упражненій, и для того занимался литературою, написалъ нѣсколько лирическихъ сочиненій, которыхъ вышло 4 части (1808) и еще наберется, можетъ быть, одна, сочинилъ трагедіи: «Иродъ и Маріамна», «Евпраксія», «Темный», комическую оперу «Дурочка умнѣе умныхъ», нѣсколько прозаическихъ статей, эпиграммъ и «Разсужденіе о лирической поэзіи». Послѣднее напечатано въ изданіи: «Чтеніе въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова»—литературномъ обществѣ, основанномъ Шишковымъ вмѣстѣ съ Державинымъ, который подчинился вліянію славянофила и такимъ образомъ сдѣлался орудіемъ въ борьбѣ противъ Карамзинской школы [2].

§ 25. Съ именами Ломоносова и Сумарокова критика постоянно соединяла имя Хераскова (Михаила Матвѣевича, 1738 — 1807), образуя какъ бы особый поэтическій тріумвиратъ на томъ основаніи, что каждый изъ нихъ служитъ представителемъ особаго рода поэзіи. Какъ Ломоносовъ былъ первый нашъ лирикъ, а Сумароковъ—установитель нашего театра, такъ отъ Хераскова ведетъ свое начало нашъ искуственный эпосъ: онъ первый далъ намъ героическую поэму—«Россіяду», которая хотя и не ввела пѣвца въ обѣщанный ему «храмъ безсмертія», однакожъ долгое время удерживала за нимъ славу «русскаго Гомера», доказывая тѣмъ, по словамъ одного изъ критиковъ Россіяды, что въ литературѣ «имена» бываютъ болѣе долговѣчны, чѣмъ «творенія», ибо первыя находятся въ устахъ ученыхъ, а послѣднія ни у кого не находятся въ рукахъ.

Будучи эпическимъ твореніемъ, которое должно отражать въ себѣ внутренній характеръ и внѣшній образъ цѣлой эпохи, героическая поэма предполагаетъ какъ въ творцѣ своемъ, такъ и въ своихъ слушателяхъ или читателяхъ, если не вѣру въ дѣйствительное существованіе этой эпохи, то по крайней мѣрѣ не со-

---

1) Тамбовскій помѣщикъ, писавшій также стихи.

2) Я. Грота: «Жизнь Державина (въ VIII т. академическаго изданія его сочиненій).

всѣмъ порванное согласіе съ ея воззрѣніями, нравами, вообще духовнымъ настроеніемъ. Поэтическое воспроизведеніе эпохи невозможно, если она ничѣмъ уже не напоминаетъ о себѣ ни мысли, ни чувству настоящаго времени. Хотя Иліада и Одиссея явились черезъ нѣсколько вѣковъ по разрушеніи Трои, но въ этотъ долгій промежутокъ греческая жизнь не представляла существенныхъ измѣненій, которымъ она подверглась послѣ персидскихъ войнъ; поэзія воспѣвала гнѣвъ Ахилла и долгія странствованія Улисса въ то время, когда то и другое еще было предметомъ народныхъ бесѣдъ по всей Греціи. Энеида изображаетъ міръ, не похожій на вѣкъ Августа; но интересъ происхожденія того, что́ сдѣлалось столь обширнымъ и могущественнымъ, живыя преданія, обращавшіяся въ народѣ, могли уничтожить это несходство и связать темную старину съ настоящимъ. Божественная Комедія проникнута духомъ того времени, въ которое она явилась; по отношенію къ понятіямъ и вѣрованіямъ, она есть картина ближайшаго и непосредственнаго быта Италіи. Освобожденный Іерусалимъ отдѣляется большимъ пространствомъ времени отъ того движенія, которымъ было вызвано событіе, воспѣтое Тассомъ; но сущность поэмы—религіозный духъ среднихъ вѣковъ, увѣренность въ величіи и важности крестовыхъ походовъ,—не утратила своего значенія и въ XVI вѣкѣ, по крайней мѣрѣ въ Италіи, какъ средоточіи католицизма. Сверхчувственный міръ, изображенный Мильтономъ, вопросъ о происхожденіи зла, раскрываемый его поэмой, обращали на себя особое вниманіе англичанъ въ срединѣ XVII в., и потому предметъ Потеряннаго Рая былъ предметомъ интереса дѣйствительнаго и современнаго, а не вымышленнаго или потерявшаго всякое значеніе. Подобныхъ отношеній къ предмету Россіяды не существовало ни въ душѣ автора, ни въ душѣ его читателей. Покореніе Казани Грознымъ было «дѣломъ давно минувшихъ дней», которое учащійся узнавалъ изъ отечественной исторіи, но съ которымъ и прощался на школьной скамьѣ. Тотъ народъ, что сложилъ пѣсню «про взятье казанскаго царства», не имѣлъ и понятія о Россіядѣ. Если поэма могла представлять какой-либо интересъ, то не общій, а частный, для извѣстнаго круга публики, не по внутренней связи XVI-го столѣтія съ XVIII-мъ, а по внѣшнему сопоставленію событія, въ ней воспѣваемаго, съ современностью, по особому на него взгляду автора и подобныхъ ему лицъ. Вмѣсто поэтическаго замысла выступили здѣсь искуственныя примѣненія и тенденціи, объясняемыя исторіею тогдашней эпохи, именно восточнымъ вопросомъ, о которомъ говорили и писали открыто какъ въ Россіи, такъ и за границей, и рѣшеніе

котораго предполагалось въ изгнаніи турокъ изъ Европы и возстановленія греческой имперіи. Херасковъ принадлежалъ къ категоріи многихъ образованныхъ людей своего времени, питавшихъ сочувствіе къ Греціи. Еще за восемь лѣтъ до Россіяды, въ описательномъ стихотвореніи: «Чесменскій бой (1771)», исчислилъ онъ причины нашей войны съ турками: бѣдственное положеніе одновѣрныхъ намъ грековъ, разрушеніе церквей, притѣсненія христіанъ мусульманами, тьму невѣжества, покрывшую мѣста, гдѣ нѣкогда сіяло просвѣщеніе. Но, сказалъ онъ въ заключеніи,

.... близокъ, можетъ быть, приходъ златыхъ вѣковъ,
И греки изъ своихъ исторгнутся оковъ.

Эта мысль сохранена и въ Россіядѣ. Какъ христіанинъ, какъ патріотъ, какъ ревнитель наукъ, Херасковъ въ поклонникахъ Магомета видѣлъ враговъ истинной вѣры, своего отечества и просвѣщенія. Основнымъ его взглядомъ опредѣлились и выборъ эпическаго сюжета, и самое названіе поэмы, превышающее размѣръ содержанія. Взятіе Казани получило въ глазахъ его особенную важность: оно было торжествомъ креста надъ луною и вмѣстѣ торжествомъ Россіи надъ кровными врагами. Въ «историческомъ предисловіи» къ Россіядѣ читаемъ: «Воспѣвая разрушеніе казанскаго царства, со властію державцевъ ордынскихъ, я имѣлъ въ виду успокоеніе, славу и благоденствіе «всего россійскаго государства», знаменитые подвиги «всего россійскаго воинства», возвращенное благоденствіе не одной особѣ, но «цѣлому государству»... Горе тому россіянину, который не почувствуетъ, сколь сладкую тишину и сколь великую славу пріобрѣло наше отечество отъ разрушенія казанскаго царства!» Отъ Іоанна IV Херасковъ ведетъ начало крутой перемѣны въ Россіи—перехода ея изъ слабости въ крѣпость, изъ уничиженія въ силу, изъ порабощенія въ господство; грозный царь стоитъ въ срединѣ между бѣдственнымъ ея состояніемъ, около трехъ вѣковъ продолжавшимся, и новою, славною ея жизнію. Не одинъ Херасковъ придавалъ такую важность нашей борьбѣ съ татарами. Въ предисловіи къ Морскому уставу (1720), Петръ I освобожденіе Россіи отъ татаръ уподобляетъ «второму врещенію»: «Иванъ Васильевичъ Владимірово вредное дѣло (раздѣленіе Руси на удѣлы) исправилъ и расточенную махину паки въ гору собралъ и, яко новымъ врещеніемъ, силою воинскою христіанство отъ варваровъ (татаръ) свободилъ и утвердилъ, и оныхъ отъ ближняго сосѣдства отогналъ». Сообразно изложенному взгляду, поэма начинается такимъ двустишіемъ:

Пою отъ варваровъ Россію свобожденну,
Попранну власть татаръ и гордость низложенну.

Критика уличала Хераскова въ незнаніи исторіи, такъ какъ Россія освободилась отъ татаръ до Іоанна Грознаго; но дѣло не въ исторической точности, а въ томъ, что, для Хераскова, взятіе Казани было сильнымъ пораженіемъ магометанства, враждебнаго христіанамъ, цивилизаціи и Россіи. Притомъ же давноминувшій фактъ озарился новымъ блескомъ отъ успѣшныхъ дѣйствій Екатерины въ восточномъ вопросѣ, отъ ея побѣдъ надъ турками, подвигавшихъ впередъ замышленное возстановленіе Греціи. Такимъ образомъ событіе XVI в. приняло въ умѣ автора огромные размѣры, какъ по отношенію къ его религіознымъ, патріотическимъ и просвѣщеннымъ стремленіямъ, такъ и по отношенію къ политикѣ Екатеринина вѣка.

«Предисловіе къ Россіядѣ» и «Взглядъ на эпическія поэмы», ей предпосланный, показываютъ, что Херасковъ слѣдовалъ ложно-классической піитикѣ, отъ которой не отступалъ до конца. Давая наставленія стихотворцу, въ піесѣ «Поэтъ (1805),» онъ совѣтуетъ ему читать Гораціево «Посланіе къ Пизонамъ» и «Эпистолу о стихотворствѣ», Сумарокова, а главное—имѣть «всегда на памяти и часто на устахъ» науку о стихотворствѣ Буало. Ложно-классическая теорія эпоса требовала отъ него тѣхъ же принадлежностей, какія находила въ Иліадѣ, Одиссеѣ, Энеидѣ: она требовала важнаго событія, героическихъ характеровъ, обширнаго плана, вмѣщающаго въ себѣ значительное количество предметовъ, разнообразія эпизодовъ, которыми украшается главное дѣйствіе, чудеснаго въ языческомъ или христіанскомъ смыслѣ. Всѣ эти условія выполнены Херасковымъ по-возможности. Предметъ Россіяды (покореніе Казани), событіе само по себѣ важное, еще болѣе возвеличено взглядомъ на него автора. Дѣйствующія лица: самъ Іоаннъ, его сподвижники и противники, отличены необыкновенными качествами и подвигами. Чудесное есть—и языческое, и христіанское: пророческіе сны, явленіе тѣней, небесныя знаменія, чародѣйство и т. п. Нерѣдко вводятся олицетворенія естественныхъ и нравственныхъ предметовъ: зимы, корыстолюбія, стыда и пр. Объемъ поэмы обширенъ: она состоитъ изъ 12 пѣсенъ, какъ и Энеида, которую Херасковъ назвалъ «несравненною», чего не удостоились ни Иліада, ни Одиссея. Соблюдены также и второстепенныя принадлежности: возвѣщеніе избраннаго сюжета, начатое обычнымъ словомъ «пою»; два воззванія: къ духу стихотворства и къ вѣчности; наконецъ экспозиція, дающая знать читателю отношеніе Казани къ Россіи до начала войны.

Вѣрно-поэтическаго воспроизведенія нѣтъ и не могло быть въ Россіядѣ, какъ такой поэмѣ, которая сшита изъ подражаній Иліадѣ, Энеидѣ, Освобожденному Іерусалиму и Генріадѣ, и потому вышла смѣсью разнородныхъ элементовъ, не относящихся ни къ опредѣленной національности, ни къ опредѣленной исторіи. Отсюда всѣ недостатки ея дѣйствія, характеристикъ и чудеснаго. Недостатки дѣйствія: нѣтъ главнаго узла, счастливое разрѣшеніе котораго совершалось бы ходомъ событія; нѣтъ серьезныхъ препятствій, въ борьбѣ съ которыми главное лице могло бы выказать свою силу: зной, голодъ, чары, духи тьмы и другія противодѣйствующія силы не наносятъ дѣятелю вреда и уничтожаются какъ бы сами собою. Недостатокъ въ представленіи характеровъ: Іоаннъ, русскіе князья и защитники Казани являются то въ видѣ греческихъ или троянскихъ героевъ, то въ видѣ крестоносцевъ. Въ Іоаннѣ видишь черты и Энея и Годфреда, въ Курбскомъ—Ринальда, въ Сумбекѣ—Дидоны и Армиды вмѣстѣ. Курбскій говоритъ даже о храненіи рыцарскаго чина; татарскій витязь Гидромиръ наблюдаетъ рыцарскій уставъ; Троекуровъ, словно одинъ изъ воиновъ Иліады, снимаетъ доспѣхи съ убитаго врага; Эдигеръ, слѣдуя іудейскому обычаю, раздираетъ свою одежду и посыпаетъ пепломъ главу. Недостатокъ въ чудесномъ: оно состоитъ или въ холодномъ олицетвореніи понятій, которое служитъ только риторической прикрасой, или въ противосмысленномъ сочетаніи древняго съ новымъ, языческаго съ христіанскимъ. Какъ у Виргилія Анхизъ, въ елисейскихъ поляхъ, показываетъ Энею его потомковъ; какъ у Вольтера св. Людовикъ открываетъ въ сновидѣніи Генриху IV рядъ королей, имѣющихъ за нимъ послѣдовать: такъ и Херасковъ заставляетъ пустынника Вассіана вести Грознаго на гору, въ храмъ добродѣтели, и въ книгѣ судебъ читать ему будущую судьбу Россіи. Обвороженный казанскій лѣсъ есть копія съ такого же лѣса, описаннаго Тассомъ: что̀ въ Освобожденномъ Іерусалимѣ Исменъ, то въ Россіядѣ Нигринъ. Божества, духи, существа аллегорическія являются большею частію въ сновидѣніяхъ и дѣйствуютъ въ пользу той или другой стороны по безотчетному замышленію стихотворца, а вовсе не на основаніи какой-либо опредѣленной системы вѣрованій. Внѣшнее выраженіе Россіяды почти вездѣ искуственно. Отсутствіемъ простаго, естественнаго разсказа авторъ думалъ сообщить поэмѣ эпическое величіе, и сообщилъ ей монотонную высокопарность и надутость. Большая часть описаній сухи и однообразны. Нѣкоторыя изъ нихъ (напр. описанія казанскаго лѣса, зноя, Батыевой могилы, зимы, которую Нигринъ приводитъ изъ

Кавказской горы) удачны по языку. Въ послѣднемъ описаніи замѣчателенъ стихъ, изображающій владычество и суровость стужи:

Тамъ зримы кажутся вѣщаемы слова.

Вообще стихъ Хераскова для своего времени можетъ назваться хорошимъ. Если въ немъ нѣтъ энергіи и полета, то есть плавность и достаточная обработка.

За четыре года до Россіяды, явилась романтическая поэма или повѣсть «Душенька» (1775). Авторъ ея, Богдановичъ (Ипполитъ Ѳедоровичъ 1743—1803), подражалъ Лафонтенову разсказу: «Любовь Психеи и Купидона» (русскій переводъ 1769 г.); Лафонтенъ же подражалъ латинскому писателю Апулею, жившему во II в. по Р. Х. и написавшему романъ: «Превращеніе, или Золотой оселъ» (русскій переводъ, Кострова, 1780—1781).

Основная идея миѳа, знаменующаго стремленіе души (Психеи) къ высочайшему благу—любви (Купидону), первоначально возникла на востокѣ, откуда вошла въ греческія мистеріи. Платоническій философъ Апулей разсказалъ этотъ миѳъ, измѣнивъ его нѣсколько по духу своего времени, въ означенномъ сатирическомъ романѣ, который умно и оригинально изображаетъ недостатки современнаго общества: повсемѣстное суевѣріе, наклонность къ чудесамъ и магіи, обманы жрецовъ, дурную полицію въ римской имперіи. Въ основѣ всѣхъ превращеній «Золотаго осла» лежитъ идея души, погрязшей въ чувственности, матеріи, и потомъ, посвященіемъ въ таинства, очищенной и преображенной. Исторія Психеи скрываетъ, подъ покрываломъ вымысла, то ученіе, которое представлялось въ символическихъ обрядахъ таинствъ. Она есть образъ души, которая изъ горнила страданій выходитъ свѣтлою, причастною высшаго блаженства. Кромѣ того, въ ней являются мистеріи собственно-эротическія: душа женщины (Психея), утративъ свою невинность, долженствовала, какъ невольница любви (Венеры), пройти рядъ суровыхъ испытаній, чтобы стать достойною невѣстой небеснаго жениха Эрота (Купидона). Такимъ образомъ въ Апулеевомъ разсказѣ аллегорически представлены и очищеніе души вообще, и очищеніе души женской въ особенности.

Лафонтенъ отнесся къ своему оригиналу свободно: онъ заимствовалъ у Апулея матерію и ходъ басни, но измѣнилъ обстоятельства сообразно вкусу времени и своему собственному. Современный же вкусъ, по словамъ Лафонтена, стремился «къ шуткѣ и любезничанью» (se portait au galant et à la plaisanterie). Един-

ственною его цѣлью было нравиться читателямъ; а для этого слѣдовало, отъ начала до конца, шутить и любезничать. На миѳологію смотрѣлъ онъ, какъ на сплетеніе басенъ, «способныхъ только забавлять дѣтей». Миѳъ, это своего рода поэтическое созданіе, воплощающее религіозную идею въ извѣстную форму, не возбуждаетъ его сочувствія. Лафонтенъ смѣется надъ идеей, потому что въ миѳологическомъ чудесномъ видитъ дѣтскую забаву; а форма не плѣняетъ его на столько, чтобы онъ могъ питать къ ней артистическое уваженіе. Отсюда понятно значеніе Лафонтеновой повѣсти. Существенный недостатокъ ея—легкомысленный взглядъ на миѳологію, искаженіе классической красоты. Достоинствъ же надобно искать внѣ художественнаго воспроизведенія миѳа, т. е. въ предметахъ второстепенныхъ и постороннихъ. Сюда относятся: остроуміе, угождавшее тогдашнему вкусу публики, и поэтическое, хотя и не въ греческомъ духѣ, изображеніе нѣкоторыхъ частей вымысла, каковы, напримѣръ, плаваніе Венеры, портреты Купидона и Психеи. Иногда, увлекаясь красотами подлинника, Лафонтенъ какъ бы забывалъ свою задачу—смѣшить и забавлять читателей, и рисовалъ граціозныя картины, на которыя нельзя смотрѣть безъ удовольствія.

Значеніемъ Лафонтеновой повѣсти опредѣляется и значеніе «Душеньки», въ которой, сверхъ того, есть нѣкоторыя особыя отличія. Богдановичъ взялъ у Лафонтена и понятіе о миѳологіи, и невѣрное представленіе античныхъ сюжетовъ: какъ у французскаго баснописца Психея вышла француженкой, такъ у нашего автора она обратилась въ русскую дѣвицу. У Лафонтена также заимствованы и цѣль—угождать направленію современнаго вкуса, который «стремился къ любезностямъ и шуткѣ», и весь составъ сказки, отъ появленія на сцену Психеи до ея брака съ Амуромъ. Но Лафонтенъ, замѣтили мы, красоту древняго искусства замѣнялъ въ иныхъ мѣстахъ изображеніями въ духѣ искусства псевдо-классическаго, у которыхъ есть своя, условная, красота; угодничество современному вкусу не доводило его до пренебреженія изящнымъ вообще; въ остроумномъ разсказщикѣ нерѣдко сказывался поэтъ. Напротивъ, Богдановичъ совершенно поддался шуткѣ, такъ что его «Душенька», если прилагать къ ней строгія требованія художественной критики, вышла какъ бы комической пародіей миѳа, въ которомъ нѣтъ ничего комическаго, Психеей, «вывороченной на изнанку», тогда какъ Апулеевъ разсказъ о судьбѣ царской дочери, прославившей за красоту свою второю Венерой, трогателенъ и граціозенъ. Если же разсматривать «Душеньку» только по отношенію къ непосредственному образцу ея, т. е. къ Лафонтеновой

повѣсти, то и съ этой стороны критика окажется для нея невыгодною, по двумъ причинамъ: во-первыхъ, задавшись желаніемъ смѣшить читателей, Богдановичъ умышленно искажалъ каждый изящный образъ прибавкой какихъ-нибудь неизящныхъ подробностей; во вторыхъ, не умѣя передать подлинникъ сжатою и точною стихотворною рѣчью, онъ распространялъ его совершенно лишними чертами, отъ чего поэма вышла по объему больше Лафонтенова разсказа, если исключить изъ послѣдняго всѣ вставки, не принадлежащія собственно къ исторіи Купидона и Психеи. Для потвержденія этихъ словъ, достаточно сличить описаніе морскаго плаванія Венеры у обоихъ стихотворцевъ. Богдановичъ не ограничился однимъ жемчугомъ, посвященнымъ Венерѣ: онъ заставилъ Тритона «тащить» всѣ морскія сокровища; другому далъ онъ должность форейтора, который «бранится со встрѣчными» и велитъ имъ сворачивать съ дороги; третій «давитъ» дерзостныхъ чудовищъ; четвертый трубитъ въ коральный рогъ; пятый несетъ на-мѣсто зеркала «отломокъ горъ хрустальныхъ» (у Апулея—просто зеркало, у Лафонтена—un miroir fait de cristal de roche). Чтобъ защитить Венеру отъ солнечныхъ лучей, нашъ авторъ велѣлъ одному изъ тритоновъ «пускать къ-верху водные ключи», а сиренамъ «махать опахаломъ» (у Апулея—тритонъ умѣряетъ жаркіе лучи шелковой сѣткой; у Лафонтена—просто защищаетъ богиню отъ зноя). Уподобленіе зефировъ «пшеничному сѣмени»; выраженія: «пышатъ» въ трудахъ, «свиститъ» любовь на ухо, «дуетъ въ очи и уста», нарушаютъ изящество какъ постановкою неграціозныхъ образовъ, такъ и низведеніемъ серьезнаго міра миѳологіи до шутки и смѣхотворства. Наконецъ шумъ, возня и многочисленность Венериной свиты отвѣчаютъ ли тому очарованію, которое долженствовала разливать вокругъ себя воплощенная прелесть, заставившая самого Иракла промѣнять палицу на веретено? Мы говорили о распространеніяхъ, которыя дозволялъ себѣ Богдановичъ, въ ущербъ поэзіи. Условія стихотворной рѣчи (метръ и риѳма) принудили его жертвовать точною мѣрою изображеній. У Лафонтена храмы Венеры «поросли травой»; у Богдановича—«травой и лѣсомъ». Къ «утесамъ, гидрамъ и драконамъ» подлинника, находившимся въ пустынной горѣ, жилищѣ дракона, русское подражаніе прибавило «бугры, пески, рвы, пещеры, глубины, львовъ, мегеръ, церберовъ и дромадеровъ». Въ подлинникѣ «музыка, услаждавшая Психею, была восхитительна, какъ будто бы управляли ею Орфей и Амфіонъ»; въ переложеніи, явилось еще третье лице—Аполлонъ. У Лафонтена: «сновидѣніе представило ей супруга въ

образѣ юноши, пятнадцати или шестнадцати лѣтъ, боговиднаго, прекраснаго, какъ Амуръ»; у Богдановича:

Явилъ супруга ей со всею красотою,
Со стройствомъ, нѣжностью, дородствомъ, бѣлизною,
Съ румянцемъ, краше багреца:
Явилъ подобіе младаго Аполлона
Иль, можно такъ сказать, прекрасна Купидона
Въ восьмнадцать лѣтъ, иль такъ почти,
Что былъ онъ близко двадцати,
И былъ во всей красѣ и славѣ.

Не смотря на свои недостатки, Душенька имѣла чрезвычайный, вполнѣ заслуженный успѣхъ. Понятія о миѳологіи и поэтическомъ творчествѣ стояли при Богдановичѣ на такой степени, что невѣрности поэмы относительно этихъ двухъ предметовъ не только не считались противорѣчіемъ дѣйствительности или возможности, но даже вмѣнялись въ большую заслугу. Для читателей Екатеринина вѣка переложеніе чужаго на родные обычаи и нравы было именно тѣмъ, чего они особенно желали и что имъ нравилось по преимуществу. Безъ принаровки къ новому не нашли бы они удовольствія въ старомъ. Молодость общества, подобно молодости отдѣльнаго человѣка, выказывается тѣмъ, что оно во всемъ хочетъ видѣть себя и обо всемъ судитъ по себѣ. Душенька въ русскомъ сарафанѣ казалась несравненно милѣе гречанки Психеи. А забавный разсказъ и шутливый тонъ, конечно, цѣнились выше преданій и миѳовъ, въ которыхъ философія XVIII в. видѣла только плоды суевѣрія или выдумки жрецовъ. Кромѣ того, въ Душенькѣ есть положительныя достоинства, которыя сводятся къ одному—освобожденію поэтическаго разсказа отъ условныхъ, стѣснительныхъ формъ и правилъ, наложенныхъ на стихотворство обычаемъ и теоріей. Поэма Богдановича есть первое капитальное произведеніе въ такъ называемой легкой поэзіи, противоположной тому роду, который явился съ одной стороны въ эпическихъ повѣствованіяхъ, а съ другой въ торжественной лирикѣ. «На нашемъ языкѣ нѣтъ подобнаго рода стихотвореній», говоритъ издатель Душеньки, Ржевскій, въ предисловіи къ своему изданію (1783). И поэмы и оды строились на искуственно-возвышенный тонъ. Богдановичъ осмѣиваетъ риѳмотворческую напыщенность, говоря, что на Парнасѣ

. . . . отъ сѣвера бываетъ часто стужа,
И у Кастальскихъ водъ
Нерѣдко замерзалъ народъ.

Царевна чувствовала ужасную скуку, читая тяжеловѣсные стихи; по ея приказу, амуры должны были снова перевести «исправнымъ слогомъ» неудобопонятные переводы «извѣстнѣйшихъ творцовъ». Напротивъ, Душенька сложена «въ простотѣ и вольности». Легкій разсказъ, свободный тонъ пріятно поражали читателей, запуганныхъ надутымъ слогомъ эпиковъ и одописцевъ. Шутливому тону отвѣчало самое стихосложеніе. Вмѣсто александрійскаго стиха, усвоеннаго поэмой и драмой, и четырехстопнаго ямба, ставшаго обычнымъ размѣромъ одъ, Богдановичъ употребилъ вольный стихъ, разнообразный по количеству стопъ и сочетанію риѳмъ, «не безпокоя себя формой строкъ и не строя мѣрныхъ пѣсней». Этотъ разномѣрный стихъ отличался, по тогдашнему времени, рѣдкою чистотою, пріятностью, игривостью. Къ лучшимъ мѣстамъ поэмы, въ этомъ отношеніи, принадлежатъ: комическое изображеніе Сатурна, лирическое обращеніе къ Душенькѣ («Во всѣхъ ты, Душенька, нарядахъ хороша»), рѣчь ея Змѣю-Горыничу, сошествіе въ адъ, и пр. Успѣху повѣсти сильно содѣйствовали вольныя картины, которыя пріятно ласкали фантазію и чувство читателей, совершенно приходясь по вкусу времени, направленному «къ забавѣ и любезностямъ». Отзывъ Ржевскаго въ упомянутомъ предисловіи объясняетъ успѣхъ Душеньки именно этими качествами: «непринужденная вольность стиля, чистота стиховъ, удачный выборъ приличныхъ словъ по роду сей поэмы, а паче изобиліе поэтическихъ воображеній (разумѣется, по тогдашнимъ понятіямъ о поэзіи), мнѣ понравились».

Херасковъ, предки котораго произошли отъ рода валахскихъ бояръ Хереско, родился въ Переяславлѣ (полтав. губ.), воспитывался въ корпусѣ, по выходѣ изъ котораго (1751) сначала поступилъ въ армію, а потомъ (1755) перешелъ въ гражданскую службу—ассесоромъ при конференціи Московскаго университета и завѣдывалъ университетской типографіей. Около него стали групироваться воспитанники университета, имѣвшіе охоту къ словеснымъ наукамъ: Богдановичъ, Фонъ-Визины (двое братьевъ), Карины, Домашневъ, Булгаковъ, П. Потемкинъ... Сюда же примыкали Нарышкины, Ржевскій и другіе нѣсколько старшіе ихъ молодые люди. Всѣ они сотрудничали въ издававшихся Херасковымъ журналахъ: «Полезное увеселеніе» (1760—1761) и Свободные часы (1763). Въ томъ же 1763 г. былъ назначенъ директоромъ университета, а съ 1778 по 1801 занималъ должность куратора. Во время кураторства основалъ благородный пансіонъ при университетѣ (1779) и педагогическую семинарію (для приготовленія учителей, 1779), сдалъ Новикову въ аренду на десять лѣтъ университетскую типографію, книжную лавку и изданіе Московскихъ вѣдомостей, открылъ «собраніе университетскихъ питомцевъ» (1781). Херасковъ пользовался большимъ уваженіемъ современниковъ не только за свое авторство, но и за прав-

ственныя качества. Благородство характера, искренняя любовь къ просвѣщенію, доброе покровительство даровитымъ молодымъ людямъ, преданнымъ наукѣ и литературѣ, заслужили ему справедливую благодарность Тогдашніе московскіе литераторы рѣдко что выпускали въ печать, не прочитавъ ему предварительно своего сочиненія. Онъ получилъ даже прозвище «старосты россійской литературы» (1).

Богдановичъ род. въ Малороссіи. Въ 1754 г. привезли его въ Москву и опредѣлили въ юстицъ-коллегію юнкеромъ. Первыя его стихотворенія, написанныя на 15-мъ году отъ роду, обратили на него вниманіе Мелиссино, директора москов. университета, и Хераскова. По совѣту послѣдняго, онъ записался въ университетъ вольнымъ слушателемъ. Съ этого времени онъ пользовался особымъ покровительствомъ творца «Россіяды», который помѣстилъ его въ своемъ домѣ, давалъ направленіе первымъ его литературнымъ трудамъ и опредѣлилъ надзирателемъ надъ университетскими классами. Кн. Е. Р. Дашкова, знавшая Богдановича по стихотвореніямъ, которыя печатались въ «Полезномъ Увеселеніи», «Свободныхъ часахъ» и «Невинномъ упражненіи» (1763), доставила ему мѣсто переводчика въ иностранной коллегіи (1763). Чрезъ нѣсколько лѣтъ онъ былъ опредѣленъ секретаремъ посольства при саксонскомъ дворѣ и отправился съ министромъ, кн. Бѣлосельскимъ, въ Дрезденъ. Знаменитая картинная галерея этого города, безъ сомнѣнія, не осталась безъ вліянія на нѣкоторыя сцены и картины Душеньки. По возвращеніи въ отечество (1768), Богдановичъ, не оставляя службы, посвятилъ себя литературѣ. Вышедъ въ отставку (1795), уѣхалъ къ роднымъ въ харьковскую губ. и ум. въ Курскѣ (2).

§ 26. Переходимъ къ обзору поэтическихъ произведеній по родамъ ихъ, начиная съ лирики. Лирическая поэзія со времени Ломоносова быстро возрастала въ количественномъ отношеніи, не представляя важныхъ перемѣнъ въ своемъ характерѣ до появленія Державина. Между разными ея видами первенствовала ода, особенно похвальная. Восьмнадцатый вѣкъ былъ цвѣтущимъ періодомъ ея европейскаго развитія; но когда въ западной Европѣ она стала уступать господство другимъ формамъ лирики, у насъ она еще не выходила изъ моды. Безъ одъ не появлялся ни одинъ журналъ того времени. Роспись отдѣльнымъ ихъ изданіямъ занимаетъ большое мѣсто въ каталогахъ. Кромѣ того, ихъ много напечатано въ собраніяхъ сочиненій нашихъ авторовъ. Какое бы ни было специальное дарованіе русскаго стихотворца, но оно непремѣнно чинило набѣги на область торжественной лирики. Безъ одъ оставался въ его сочиненіяхъ замѣтный пробѣлъ, который онъ

---

1) Черты частной жизни Хераскова (Москвит. 1850, № 4); Краткая біографія и списокъ его сочиненій, М. Лонгинова (Рус. Архивъ 1873); Разсказы о немъ, Ю. Бартенева (ib. 1879, кн. 3).

2) О Богдановичѣ и его сочиненіяхъ, Карамзина (въ 10 № Вѣст. Евр. 1803 г.); Автобіографія, напечатанная г-мъ Геннади въ 4 № Отеч. Зап. 1853).

старался наполнить, какъ бы охраняя славу своего имени. Онъ былъ къ тому побуждаемъ не однимъ желаніемъ заявить универсальность своей дѣятельности, но и почетнымъ значеніемъ оды, которою, по словамъ Буало, поэтъ поддерживаетъ общеніе съ богами.

Въ литературѣ подражательной, гдѣ трудный процессъ органическаго зарожденія и развитія весьма часто замѣняется простымъ накопленіемъ фактовъ, исторія того или другаго рода словесныхъ произведеній представляетъ особыя явленія. Что легко перенесено извнѣ, не встрѣчая противодѣйствій внутри, то легко и распространяется, но, распространяясь, поддается скорому оскудѣнію, или даже искаженію. Первая прививка заимствованнаго отдѣляется небольшимъ періодомъ времени отъ ея крайностей; едва явятся удачные опыты подражаній, какъ уже надобно бояться ихъ вырожденія въ каррикатуру; по слѣдамъ увлеченій и пристрастія идетъ сатира, которая смѣется надъ тѣмъ, чему недавно работали. Такъ случилось и съ нашею ложно-классической одой. Въ то самое время, какъ являлись оды Ломоносова, Сумароковъ писалъ уже на нихъ пародіи, подъ именемъ «вздорныхъ» одъ. Начиная съ этихъ пародій и до сатиры И. Дмитріева «Чужой толкъ» (1795), пиндарическая лирика служила постоянною цѣлью насмѣшекъ, которыя были направлены на три предмета: на самый характеръ лирики, искуственной и однообразной, на бездарность пѣснопѣвцевъ и на злоупотребленіе поэтическаго вида, которое обращало каждый случай, важный и неважный, въ поводъ къ стихотворному славленію. Понятно, какъ должны были смотрѣть на оду сатирическіе журналы (1769—74 г.). Простому ихъ вкусу не могъ нравиться «громкій и высокій бредъ, въ которомъ стихотворъ лѣзъ на облака». Этими словами опредѣляетъ лироманію «Парнасскій Щепетильникъ», поставившій главною своею цѣлью осмѣивать бездарныхъ пѣвцовъ. Стихотвореніе: «Мысли» (въ «Вечерахъ»), даетъ ироническіе совѣты непризваннымъ послѣдователямъ Ломоносова, идущимъ вопреки природѣ: одописцы должны стараться о наборѣ стиховъ, которыхъ не понималъ бы никто, которые «гремѣли бы безъ разума». О замашкѣ риѳмачей становить вселенную вверхъ дномъ въ минуты ихъ восторга, взятаго на прокатъ, говоритъ «Посланіе Княжнина къ кн. Дашковой». Его стихотвореніе, вѣроятно, переводное: «Отъ дяди стихотворца Риѳмоскрипа», есть одна изъ лучшихъ сатиръ, напоминающая «Посланіе Попа къ доктору Арбутноту» (переводъ И. Дмитріева) и достойная стать рядомъ съ «Чужимъ толкомъ»:

Хоть скучный Рифмоскрипъ, возы навьюча строфъ,
Его терпѣнію (1) сто тысячъ одъ подноситъ,
Онъ плодородіе его—хвалой навозитъ;
И, сердцемъ дань платя препакостнымъ стихамъ,
Хотя исподтишка въ кулакъ зѣваетъ самъ,
Но восхищается онъ явно каждой строчкой,
И всѣмъ любуется—и запятой, и точкой.
«Куда», онъ говоритъ, «какъ это все умно»!
Инымъ покажется запутано, темно;
Но то и хорошо: одни лишь низки слоги
Понятны всякому: а кто, равно какъ боги,
Высоко говоря, на крыліяхъ паритъ,
Тотъ долженъ не понять и самъ, что говоритъ.
То честь ли, коль творца такъ мало почитаютъ,
Что безъ разбора всѣ его стихи читаютъ,
Что приступъ всякому свободный, легкій къ нимъ,
Что чернь безчеститъ ихъ понятіемъ своимъ?......

Крыловъ (баснописецъ) къ безсмыслію одъ присоединяетъ ихъ дерзкую лживость. Онъ выставляетъ безнравственный поступокъ стихотворца, который, на перекоръ истинѣ, отводитъ непремѣнныя квартиры добродѣтелямъ тамъ, куда онѣ заглянуть боятся, и ставитъ престолъ разуму въ такой головѣ, къ которой свищетъ сквозной вѣтеръ (повѣсть Каибъ, 1792). «Чужой толкъ» можно назвать панихидою громкой и пухлой одѣ. Не всѣ, конечно, оды подвергались осмѣянію, а только тѣ, въ которыхъ были презрѣны «и умъ простой, и чистый смыслъ», и которые спокойно лежали на книжныхъ полкахъ, «не оскверняемые дерзкою рукою читателей». Осуждая плодовитую бездарность, сатирики дѣлали оговорку въ избѣжаніе превратныхъ сужденій. При одномъ стихѣ «Чужаго толка», авторъ замѣчаетъ, что этотъ стихъ не можетъ относиться къ произведеніямъ Петрова, Хераскова, Державина. Приговоръ надъ одописцами, или одохватами, какъ ихъ тогда называли, не исключалъ похвалы, иногда заслуженной, а иногда и превышавшей заслуги, тѣмъ стихотворцамъ, которые продолжали дѣло Ломоносова. На пространствѣ между нимъ и тою перемѣною, которая произведена въ нашей лирикѣ Державинымъ, стоятъ Петровъ и Костровъ.

Если въ сочиненіяхъ Петрова обращать вниманіе только на его торжественныя оды, то къ нему справедливо прилагается толкъ старика, въ указанной сатирѣ Дмитріева. Онѣ страдаютъ напыщенностью и холодностью. Риторство заступаетъ въ нихъ мѣсто

1) Терпѣнію человѣка, хвалящаго всѣхъ все, въ томъ числѣ и оды.

поэтическаго одушевленія. «Опытъ историческаго словаря (1772), Новикова, имѣлъ право отозваться неблагопріятно о Петровѣ, даже послѣ того, какъ онъ написалъ прославленную оду «На побѣду россійскаго флота надъ турецкимъ, при Чесмѣ» (1770). «Въ сочиненіяхъ своихъ», говоритъ Словарь, «Петровъ напрягается идти по слѣдамъ россійскаго лирика (Ломоносова); и хотя нѣкоторые и называютъ уже его вторымъ Ломоносовымъ, но для сего сравненія надлежитъ ожидать важнаго какого-нибудь сочиненія и послѣ того заключительно сказать, будетъ ли онъ второй Ломоносовъ, или останется только Петровымъ и будетъ имѣть честь слыть подражателемъ Ломоносова». Не оды, которыя недостатокъ лиризма старались замѣнить искуственнымъ напряженіемъ и обиліемъ славянскихъ словъ, а посланія выказываютъ талантъ Петрова. Въ посланіяхъ онъ развязнѣе излагалъ свой образъ мыслей и его слогъ менѣе черствъ и тяжелъ. Одни изъ нихъ дидактическаго рода, другія относятся къ сатирамъ. На содержаніи первыхъ замѣтно вліяніе англійской литературы. Петровъ, воспитанникъ московской духовной академіи, былъ отправленъ (1770) Екатериною II въ Англію для образованія, гдѣ и прожилъ нѣсколько лѣтъ. Здѣсь онъ познакомился съ сочиненіями англійскихъ поэтовъ и ученыхъ. Особенно нравился ему Адиссонъ, какъ авторъ трагедіи «Катонъ». Въ посланіи къ Силову, сотоварищу по заграничной жизни, Петровъ, желая, чтобы «лучъ британскихъ умовъ озарилъ росскую грудь», упоминаетъ и о Катонѣ, монологи котораго, будучи выраженіемъ стоицизма, заучивались наизусть любителями нравственной философіи:

Межъ сладкихъ твоего глаголовъ Адиссона,
Межъ истинъ грознаго добротою Катона,
Дай мѣсто симъ строкамъ....

Есть современное свидѣтельство о вліяніи англійской науки и словесности на Петрова. Изъ него мы узнаемъ, что «разговоръ Петрова былъ свободенъ безъ разборчивости; что лѣтъ двѣнадцать назадъ толковалъ онъ катихизисъ, а нынѣ, кажется, способнѣе толковать Лукреція; что по его образу мыслить и чувствовать замѣтно, что онъ жилъ въ Англіи». А онъ жилъ тамъ въ то время, когда Локкова философія уже возъимѣла полное дѣйствіе на умы, когда деизмъ совершилъ кругъ своего развитія и шотландская школа философовъ утвердила систему новой нравственной философіи. Хотя тоже свидѣтельство думаетъ, что Петровъ приносилъ чувствительность въ жертву разуму, т. е. что преобладающій элементъ его лирики — рефлексія; однакожъ его посланія къ Потем-

кину отличаются отъ посланій другихъ стихотворцевъ къ меценатамъ искренней привязанностью и дружескимъ тономъ: въ нихъ нѣтъ ни раболѣпства, ни холодной торжественности. Петровъ называетъ его «своимъ другомъ», хвалитъ въ немъ доступнаго вельможу, любителя литературы и поэзіи, находившаго удовольствіе бесѣдовать съ нимъ о важныхъ предметахъ:

Ты пренья велъ со мной о промыслѣ и рокѣ,
О смерти, бытіи и цѣломъ міра токѣ.

Неизвѣстно, когда и по какому случаю Петровъ сблизился съ Потемкинымъ. Вѣроятно, это было вскорѣ по выходѣ послѣдняго изъ московскаго университета. Потемкину онъ былъ обязанъ мѣстомъ кабинетнаго переводчика и чтеца Государыни (1769), почему въ письмѣ къ ней изъ Лондона (1774) говоритъ: «я имѣлъ честь нѣкогда слыть карманнымъ вашего величества стихотворцемъ». Сатирическій талантъ Петрова виденъ въ посланіи его «Къ...., изъ Лондона», составляющемъ какъ бы отвѣтъ на отзывъ «Историческаго словаря». Здѣсь остроумно осмѣяны метроманія и восхваленіе стихотворцевъ пріятелями или невѣждами-патронами. Нѣкоторыя мѣста направлены противъ Новикова, какъ издателя Словаря, противъ Сумарокова, не терпѣвшаго чужихъ успѣховъ въ литературѣ и, вѣроятно, доставившаго въ Словарь мнѣніе о Петровѣ, и противъ Аблесимова, также писавшаго критики на современныя произведенія поэзіи. Другая сатира Петрова: «Приключеніе Густава III, короля шведскаго» (1788), любопытная, какъ выраженіе тогдашнихъ чувствъ по поводу войны съ шведами, не представляетъ ни поэтическаго, ни стихотворнаго достоинства: слогъ ея неуклюжъ, остроуміе натянуто.

Въ первыхъ лирическихъ стихотвореніяхъ (до 1780 г.), Костровъ слѣдовалъ Ломоносову, подражая главнымъ отличіямъ его торжественныхъ одъ. Съ появленія «Фелицы», Костровъ отступилъ отъ напряженно-риторическаго тона лирики и началъ думать о болѣе простомъ и естественномъ выраженіи своихъ чувствъ. Измѣнилась самая внѣшность его піесъ: четырехъ-стопный ямбъ, укрѣпленный Ломоносовымъ за одой, уступилъ мѣсто другимъ стихотворнымъ метрамъ. Въ послѣдствіи, Костровъ даже написалъ сатиру на громкія, парящія оды, хотя и продолжалъ сочинять ихъ на разные случаи отъ имени московскаго университета, будучи его привилегированнымъ, оффиціальнымъ поэтомъ. Нѣкоторыя особенности его стихотвореній, сравнительно съ однородными стихотвореніями Ломоносова, Сумарокова и Петрова, объясняются вліяніемъ переводовъ, которыми онъ занимался. Апулеевъ романъ и пѣсни

Оссіана сообщили имъ элементъ нѣжности; среди ихъ громкоторжественныхъ тоновъ слышны порою идиллическіе или эротическіе мотивы; наряду съ величественными образами Юпитера, Нептуна, Марса, Минервы являются образы другихъ языческихъ божествъ: Венеры, Зефировъ, Амура, Грацій, Нимфъ, Нереидъ и т. п. Такъ «Эпистола къ Суворову, на взятіе Измаила», подлѣ грознаго бога войны ставитъ Зефировъ и Венеру; такъ и въ «Письмѣ къ Державину», Нимфы внимаютъ стихамъ «Фелицы»: онѣ вышли изъ Невы, «имѣя волосы, украшенные кораллами, и нѣжно колеблясь поверхъ зыбей». Подражаніе Апулеевой Психеѣ или Душенькѣ Богдановича наиболѣе замѣтно въ эклогѣ «Три граціи» (въ день рожденія в. к. Александры Павловны), въ идилліи «Каллидоръ» (въ именины И. И. Шувалова) и въ эротическихъ піесахъ. Въ похвалахъ отъ земли, произносимыхъ Евфросиной, читатель узнаетъ описаніе Душенькина сада, а похвала отъ лица моря, произнесенная другой граціей (Таліей), есть не что иное, какъ измѣненное описаніе морской поѣздки Венеры. Гораздо слабѣе подражаніе Оссіану; оно сказывается въ двухъ-трехъ мѣстахъ, не болѣе: въ уподобленіи россіянъ высокому холму, которое принадлежитъ къ частымъ мотивамъ Оссіанова эпоса, и въ обращеніи къ солнцу (Ода на открытіе губерніи въ Москвѣ, 1782), заимствованномъ изъ пѣсни барда Уллина по возвращеніи Фингала съ брани.

Непосредственное вліяніе англійской науки видно также на Михаилѣ Муравьевѣ (1757—1807), литераторѣ, получившемъ основательное и многостороннее образованіе. Знаніе древнихъ и новыхъ языковъ (греч., лат., франц., нѣм., англ. и итал.) доставило ему возможность читать въ подлинникахъ классическія произведенія ученыхъ и поэтовъ, переводить Горація и Виргилія и подражать имъ. По назначенію императрицы Екатерины II, онъ преподавалъ ея внукамъ, великимъ князьямъ Александру и Константину, русскую словесность, русскую исторію и нравственную философію. Содержаніе его уроковъ по этимъ предметамъ кратко изложено въ небольшихъ статьяхъ, изданныхъ подъ заглавіемъ: «Опыты исторіи, письменъ и нравоученія» (1796). Въ руководство къ послѣдней наукѣ, Муравьевъ принялъ труды шотландскихъ философовъ: Адама Смита, Гютчесона, Фергюсона, Рида, Лорда и Кемса. Наиболѣе ссылается онъ на «Теорію нравственныхъ чувствованій», Смита, который выводитъ все ихъ многоразличіе изъ одного начала—симпатіи, соединяющей насъ съ обществомъ и человѣчествомъ. За тѣмъ онъ пользовался изслѣдованіями Гютчесона «о происхожденіи идеи красоты и добродѣтели», доказавшими

существованіе врожденнаго нравственнаго чувства, которому также свойственно различать добродѣтель, какъ глазу свѣтъ и краски. «Есть красота физическая, поражающая чувства наши въ твореніяхъ природы и искусствъ; есть и красота нравственная, ощутительная одному разумѣнію нашему, въ нравахъ, въ поступкахъ людей, въ ихъ чувствованіяхъ и словахъ... Не могутъ намъ нравиться недостатки тѣлесные, дурное обращеніе, глупость отвратительная; равно порокъ внушаетъ ненависть». Лордъ Шефтсбюри сообщилъ Муравьеву раздѣленіе страстей на «корыстолюбивыя», имѣющія въ виду частное благо, и доброжелательныя которыми мы «переносимся въ состояніе другихъ и присвояемъ себѣ счастіе ближняго», равно какъ и оправданіе первыхъ, если только онѣ «не побуждаютъ пріобрѣтать частнаго блага посредствомъ общаго». У того же писателя заимствовано оптимистическое воззрѣніе на міръ: «самое зло, которое приключается намъ частно, ежели оно обращается во благо цѣлой, нами необъемлемой системы существованія, не заслуживаетъ именованія зла и не прекословитъ благости Вышняго Существа». Понятія о добродѣтели, какъ высочайшемъ благѣ, о согласіи страстей съ разумомъ, о повсемѣстности счастія, разлитаго по всей природѣ, перешли въ сочиненія Муравьева изъ «Опыта о человѣкѣ».

Эти основы, или «черты», нравоученія отразились на чисто-литературныхъ трудахъ Муравьева. Чему училъ онъ въ своихъ урокахъ, то самое встрѣчается въ его стихахъ и прозѣ. Слѣдуя Смиту, онъ самою благородною независимостію называетъ «независимость отъ внѣшнихъ случаевъ и отъ внутреннихъ колебаній и страстей»; слѣдуя Попу, полагаетъ верховное счастіе въ добродѣтели, а главное достоинство добродѣтельнаго человѣка во владычествѣ надъ самимъ собою. Нравственное одобреніе, т. е. одобреніе совѣсти, ставитъ онъ выше всѣхъ возможныхъ наградъ, и потому требуетъ, чтобы отъ вниманія человѣка ни на одну минуту не укрывался его «внутренній человѣкъ, сей полубогъ, живущій въ груди его», чтобы «очами сего величественнаго обитателя онъ взиралъ на все, до него касающееся». Нѣкоторые уроки Муравьева, освобождаясь отъ догматизма, принимали тонъ гораціанскаго посланія или гораціанской оды. Таковы статьи: «о блаженствѣ» и «о владычествѣ надъ самимъ собою».

«Сочиненія Муравьева, говоритъ Карамзинъ, «изображаютъ прекрасную, нѣжную душу его, исполненную любви къ общему благу. Каковъ онъ былъ въ мысляхъ и чувствованіяхъ, таковъ и въ дѣлахъ. Страсть къ ученію равнялась въ немъ съ страстію къ добродѣтели». Не всѣ знали и знаютъ его частную жизнь, но всѣмъ

образованнымъ Русскимъ должны быть извѣстны его общественныя, гражданскія заслуги. Императоръ Александръ I, по вступленіи на престолъ, приблизилъ къ себѣ своего бывшаго наставника. Состоя (1801) при особѣ государя у принятія прошеній, подаваемыхъ на высочайшее имя, Муравьевъ имѣлъ возможность выказывать постоянно одушевлявшую его любовь къ ближнимъ. Исторія народнаго просвѣщенія съ благодарностью отмѣчаетъ его дѣятельность, какъ товарища министра (1803), а въ исторіи московскаго университета онъ навсегда останется памятнымъ, какъ его попечитель, управленіе котораго дало новую жизнь этому учебному учрежденію. Ходатайству Муравьева Карамзинъ былъ обязанъ званіемъ исторіографа, которое позволило ему заняться «дѣломъ, славнымъ для самого автора и не безславнымъ для Россіи». Гдѣ предстояла надобность трудиться для успѣховъ искусствъ и наукъ, драгоцѣнныхъ его сердцу, тамъ онъ почиталъ трудъ своимъ долгомъ, наградой и счастіемъ. Онъ былъ, употребляя его выраженіе, «всегда и вездѣ готовъ на пользу общую».

Костровъ (Ермилъ Ивановичъ, † 1796), сынъ государственнаго крестьянина вятской губ., учился сначала въ вятской семинаріи, потомъ въ московской духовной академіи, наконецъ въ московскомъ университетѣ, гдѣ получилъ степень баккалавра. Кромѣ стихотвореній на замѣчательныя событія, извѣстенъ какъ переводчикъ восьми съ половиною пѣсенъ Иліады (александрійскими стихами), Апулеева романа: «Превращеніе, или золотой оселъ», и гальскихъ стихотвореній: «Оссіанъ, сынъ Фингаловъ, бардъ III вѣка» (Моя статья о сочиненіяхъ Кострова и Аблесимова, въ Отеч. Зап. 1851, № 9; «Костровъ», въ Филологическихъ Запискахъ 1876 г.).

Петровъ (Василій Петровичъ) обучался въ московской духовной академіи, гдѣ, по окончаніи курса, былъ преподавателемъ. Рекомендація Потемкина, товарища его по ученью, доставила ему въ 1769 г., мѣсто кабинетнаго переводчика и чтеца государыни. Потомъ былъ отправленъ въ Англію для образованія. По возвращеніи въ Петербургъ, опредѣленъ придворнымъ библіотекаремъ. Вышелъ въ отставку 1780 г. Сочиненія его изданы вь 1811 г.—Сатирическое его стихотвореніе: «Приключеніе Густава III, короля шведскаго, 1788 г. іюля 6», нап. въ Рус. Старинѣ 1878 г., т. 23.

М. Н. Муравьевъ род. въ Вологдѣ, воспитывался въ москов. университетѣ, гдѣ слушалъ лекціи философіи у Барсова и Шадена; признательность имъ выражена въ «Посланіи къ И. П. Тургеневу, товарищу его по ученію и другу. По окончаніи курса, служилъ въ гвардіи. Въ 1785 г. поступилъ въ число воспитателей при в. к. Александрѣ Павловичѣ и Константинѣ Павловичѣ. Въ 1800 г. назначенъ сенаторомъ, а въ 1801 состоялъ при императорѣ Александрѣ I у принятія прошеній, подаваемыхъ на высочайшее имя. Въ 1803 г. назначенъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія и попечителемъ московскаго университета, въ како-

вомъ званіи и находился до самой смерти. Изданія его сочиненій, въ 2 ч. (1819, 1847, 1856).

Капнистъ (Василій Васильевичъ 1757—1824) род. въ имѣніи отца своего—деревнѣ Обуховкѣ (полтав. губ. миргородскаго уѣзда), которую изобразилъ въ особомъ стихотвореніи, подражая Горацію (кн. II, ода 18). Начальное воспитаніе получилъ дома, при чемъ хорошо ознакомился съ франц. языкомъ. Затѣмъ отвезенъ въ Петербургъ и помѣщенъ въ школу измайловскаго полка. Въ послѣдствіи перешелъ въ статскую службу (въ почтовомъ департаментѣ подъ начальствомъ Безбородки), но скоро вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ. Капнистъ былъ знакомъ съ древними языками и любилъ особенно Горація. Замѣчательно его мнѣніе о способѣ переводить Гомера на рус. языкъ. Лирическія его стихотворенія (изданіе 1806) содержатъ въ себѣ оды духовныя, торжественныя, нравоучительныя, элегическія, гораціанскія и анакреонтическія. Но онъ болѣе извѣстенъ какъ авторъ комедіи Ябеда, чѣмъ какъ лирикъ. Собраніе его сочиненій издано Смирдинымъ (1849).

§ 27. Репертуаръ нашего театра, до семидесятыхъ годовъ, держался преимущественно на трагедіяхъ Сумарокова, комедіяхъ Мольера и другихъ піесахъ того же направленія, частію переводныхъ, частію принаровленныхъ къ русскимъ нравамъ. Подрывъ довѣрія къ ложно-классической системѣ, въ теоріи или на практикѣ, былъ бы сочтенъ за явный признакъ безвкусія. Петербургская сцена въ особенности хранила вѣрность преданіямъ французской Мельпомены. Сумароковъ, и до переѣзда своего въ Москву, и послѣ переѣзда, ревниво отстаивалъ неприкосновенность героической трагедіи, взирая на себя, какъ на присяжнаго ея цѣнителя и стража. Онъ могъ величаться этимъ дѣломъ, общимъ для него и для Вольтера, которому, подъ конецъ жизни, пришлось также обличать упадокъ драматической поэзіи во Франціи. Слова нашего сатирика: «ужели Москва повѣритъ болѣе подьячему, нежели г. Вольтеру и мнѣ?» имѣли значеніе, при всей ихъ комичности: они показывали однородность литературныхъ явленій въ двухъ разныхъ странахъ. Но это однообразіе театральнаго репертуара начинаетъ, со второй половины прошлаго вѣка, оживляться притокомъ свѣжихъ элементовъ. Трагедіи и комедіи французскаго покроя, владѣвшія до того времени исключительнымъ вниманіемъ публики, встрѣчаютъ противовѣсіе въ драмахъ инаго содержанія и иной формы. Новыя піесы переводятся и сочиняются большею частію въ Москвѣ; московская сцена охотно оказываетъ имъ радушный пріемъ, къ крайнему неудовольствію тѣхъ любителей театра, для которыхъ Расинъ и Мольеръ были единственными образцами. Восполняя односторонность прежняго направленія, давая больший просторъ сценическому искуству, новыя піесы содѣйствовали успѣ-

хамъ нашего театра и кромѣ того представляютъ извѣстный интересъ въ исторіи нашихъ эстетическихъ понятій.

Прежнее направленіе драмы поддерживалось столько же переводами, сколько подражаніями и оригинальными сочиненіями. Въ теченіе семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ перешли въ нашу литературу почти всѣ главнѣйшія піесы Корнеля, Расина, Вольтера, Мольера. Нѣкоторыя изъ нихъ были переводимы два и три раза; многія достигали втораго изданія. Княжнину (1742—1791) приписываютъ переложеніе бѣлыми стихами трагедій Корнеля: Сидъ, Смерть Помпея и Цинна. Въ исторіи нашей драмы онъ слѣдуетъ непосредственно за Сумароковымъ, какъ его преемникъ. Въ трагедіяхъ своихъ: Дидона (1769), Владиміръ и Ярополкъ (1772), Рославъ (1784), Титово милосердіе (1785), Софонисба (1786), Владисанъ (1786) и Вадимъ (1789), онъ слѣдовалъ трагической системѣ французовъ. Ни въ содержаніи, ни въ формѣ ихъ нѣтъ того, что́ исторія поэтическихъ родовъ считаетъ существеннымъ успѣхомъ или по крайней мѣрѣ замѣчательнымъ видоизмѣненіемъ. Княжнинъ уступалъ своему предшественнику въ трагическомъ дарованіи, необходимомъ для самобытной дѣятельности какого бы то ни было размѣра. Пушкинъ былъ правъ, назвавъ его «переимчивымъ». За исключеніемъ Рослава и Вадима, въ каждой піесѣ его очевидно подраженіе, которое иногда малымъ чѣмъ отличалось отъ перевода и доходило «до неправеднаго присвоенія чужой собственности»: такъ образцами «Дидоны, служили «Оставленная Дидона», Метастазія, и «Дидона», Лефрана-Помпиньяна; въ «Ярополкѣ и Владимірѣ» скопирована Расинова «Андромаха»; «Софонисба» заимствована у Триссино и Вольтера, изъ піесъ того же названія; «Владисанъ» повторяетъ Вольтерову «Меропу». О «Титовомъ милосердіи» говорить нечего: оно почти цѣликомъ принадлежитъ Метастазію. Трагедіи Княжнина отличаются отъ трагедій Сумарокова несущественными, внѣшними свойствами, которыхъ, однакожъ, не слѣдуетъ называть дѣйствительными преимуществами. Первое изъ этихъ отличій относится къ выраженію: Княжнинъ превосходитъ Сумарокова чистотою языка и болѣе складнымъ строеніемъ стиха, но за то въ его діалогѣ нѣтъ движенія, которое замѣтно у Сумарокова. Шумные монологи Княжнина поражаютъ читателя съ перваго раза, но не оставляютъ за собою внутренняго отголоска: это не драматизмъ, а реторика. Новостью у Княжнина былъ также сюжетъ Рослава, «гдѣ не обыкновенная страсть любви, которая на россійскихъ театрахъ только одна была представляема, но страсть великихъ душъ, любовь къ отечеству, изображена»; но эта новость касается перемѣны въ выборѣ трагической страсти, а

не эстетическаго выполненія. По выполненію, Рославъ вышелъ такимъ же сверхъестественнымъ чудомъ героизма, какъ Димитрій Самозванецъ сверхъестественнымъ чудомъ зла. Важнѣйшимъ отличіемъ трагедій Княжнина служитъ, какъ намъ кажется, внушенное ему Корнелемъ стремленіе изображать качества «великихъ душъ». Долгу, которымъ заявляется гражданское величіе, отдаетъ онъ преимущество надъ любовью, въ которой женская натура выказываетъ свое торжество. Рославъ говоритъ:

Тиранка слабыхъ душъ, любовь—раба героя.
Коль счастья съ должностью не можно согласить,
Тогда порочёнъ тотъ, кто хочетъ счастливъ быть.

Сципіонъ, олицетвореніе суроваго Рима, безжалостно объявляетъ Массиниссѣ (въ траг. Софонисба):

Священной должности я твердый исполнитель,
Для сей я должности и твой теперь мучитель.

Свѣдель, вельможа Ярополка, облеченъ «жестокостью благонравія». Онъ положилъ влечь братьевъ-соперниковъ «отъ стыда къ славѣ», т. е. «отъ страсти къ должности». Онъ не измѣнитъ своимъ правиламъ, хотя бы отъ того рушился міръ. Человѣческая личность важна для него на столько, на сколько она способна къ героизму. Задумавъ исцѣлить Владиміра отъ злой страсти, онъ радостно восклицаетъ:

Исчезнетъ человѣкъ—останется герой!

Но величественное выражается въ трагедіяхъ Княжнина не столько дѣлами, сколько словами, и въ этихъ словахъ больше пышности и грома, чѣмъ истинной, душевной силы. Мерзляковъ, въ разборѣ Рослава, справедливо замѣтилъ, что этотъ герой, какъ молотомъ поражаетъ датскаго короля Христіерна громкими изреченіями, заимствованными у Корнеля, Расина и Вольтера (въ III явленіи 3-го дѣйствія).

По отношенію къ эпохѣ, трагедіи Княжнина стоятъ на ряду съ лучшими произведеніями современной имъ литературы. Въ нихъ разсѣяны здравыя понятія о человѣколюбіи, гражданскомъ долгѣ, истинной чести, высокомъ патріотизмѣ, составлявшія, такъ сказать, нравственный катихизисъ каждаго, кто причислялъ себя къ русскимъ европейцамъ XVIII в. Разговоры дѣйствующихъ лицъ выражаютъ благородный образъ мыслей автора, его безупречное служеніе музамъ:

Однѣ заслуги чтя, моя не подла муза;
Бѣжа порочнаго со лестію союза,
Въ терпѣніи своемъ несчастна, но тверда,
Не приносила жертвъ фортунѣ никогда.

Княжнинъ, говоря его словами, измѣрялъ заслуги «не по восторгу, а по уму», и оттого похвалы имъ «исполнены у него правды, а не мечты». Эту правдивую, умную похвалу видимъ въ «Титовомъ милосердіи», гдѣ римскій императоръ нерѣдко заступаетъ мѣсто русской царицы. Современные зрители такъ и понимали его дѣла и рѣчи. Они имѣли право ссылаться на кроткія мѣры «Наказа» противъ преступленій, когда слушали монологи о прощеніи порочному человѣку, сознавшему свои пороки, или о презрѣніи къ клеветникамъ, которые желали ложными слухами возставить Римъ противъ его владыки, или о томъ, что «нерѣдко въ строгости законы суть неправы». На дары, собранные отъ подвластныхъ народовъ, римляне хотѣли воздвигнуть Титу храмъ; сенатъ предложилъ ему имя отца отечества. Титъ не принялъ священнаго титла, довольный тѣмъ, что заслужилъ его, а дары велѣлъ раздать пострадавшимъ отъ изверженій Везувія. Прекрасный стихъ его:

Да будетъ храмъ мой—Римъ, алтарь—сердца гражданъ,

могъ быть примѣняемъ къ сходственнымъ событіямъ въ царствованіи Екатерины: она также отклонила отъ себя титулы «великой, премудрой и матери отечества», поднесенные ей общимъ собраніемъ депутатовъ (1767), замѣтивъ, въ отвѣтной рѣчи, что почитаетъ за долгъ свой любить врученныхъ ей Богомъ подданныхъ и что быть отъ нихъ любимою есть ея желаніе; она же опредѣлила (1780) внести въ приказъ общественнаго призрѣнія, на полезныя дѣла, тѣ деньги, которыя собрало дворянство петербургской губерніи, желавшее устроить торжественную ей встрѣчу по возвращеніи ея изъ поѣздки въ Бѣлоруссію.

Какъ человѣкъ образованный, искренно любившій словесность, какъ секретарь Бецкаго по управленію воспитательными учрежденіями, Княжнинъ былъ вполнѣ и открыто преданъ гуманнымъ идеямъ своего времени: поэтому въ его сочиненіяхъ нерѣдко встрѣчаемъ то самое, что намъ уже знакомо изъ другихъ авторовъ. Такъ «Рѣчь, произнесенная имъ въ академіи художествъ при первомъ выпускѣ ея питомцевъ (1779)», говоритъ о важности новаго воспитанія, которымъ «упадшее человѣчество возводится на степень человѣчества», о вредѣ разума безъ благонравія, этого «украшенія народовъ», о намѣреніи создать въ Россіи среднее

сословіе,—невиданную у насъ дотолѣ степень гражданства». «Посланіе къ питомцамъ свободныхъ художествъ (1783)», признавая необходимость просвѣщенія для художника, который «безъ наукъ равенъ ремесленнику», въ тоже время положительно утверждаетъ, что «исправленные нравы важнѣе наукъ», что «прежде всякихъ талантовъ намъ нуженъ человѣкъ». Въ эпоху литературной дѣятельности Княжнина, настроеніе умовъ или, выражаясь языкомъ тогдашняго времени, «умоположеніе» писателей было одинаковое. Каждый изъ нихъ старался, въ той или другой формѣ, заявить свои начала и тенденціи. Трагедія служила однимъ изъ лучшихъ къ тому средствъ: ея сюжеты сильнѣе дѣйствовали на воображеніе; ея стихи прочнѣе удерживались памятью. Вольтеръ давно уже показалъ, какъ можно сцену обратить въ трибуну и заставить трагическое чувство служить не искусству, а цѣлямъ, ему постороннимъ и отъ него не зависящимъ. Примѣръ его нашелъ подражателей въ Сумароковѣ, Княжнинѣ и другихъ, менѣе талантливыхъ авторахъ. Въ числѣ послѣднихъ долженъ быть упомянутъ Николевъ (1758—1815). Москва видѣла въ немъ опаснаго соперника Княжнину. Особенный шумъ произвела его трагедія «Сорена (1785)», благодаря сильнымъ стихамъ (des vers à retenir), написаннымъ въ духѣ Вольтерова «Брута».

Въ комедіяхъ Княжнина много остроумія и соли; они приноровлены къ русской жизни, хотя и не могутъ назваться оригинальными; нѣкоторыя ихъ лица знакомятъ насъ съ современными нравами. По этимъ качествамъ, двѣ главныя его комедіи: «Хвастунъ (1786)» и «Чудаки (соч. 1790, нап. 1793)», долго держались на сценѣ и дали поводъ къ подражаніямъ, изъ которыхъ упомянемъ о «Новыхъ чудакахъ (1798)», кн. Алексѣя Голицына.

Сюжетъ «Хвастуна» заимствованъ изъ комедіи де-Брюйе: «L'important de cour». Идея комедіи—тщеславіе, стараніе «казаться, а не быть», стремленіе завѣрить другихъ въ своей знатности, въ величіи общественнаго положенія, въ силѣ вліянія на дѣла и людей. Средство, для того употребляемое—ложь, хвастовство, отъ чего піеса и получила названіе: Верхолетъ (хвастунъ) хвалится своимъ значеніемъ при дворѣ, множествомъ должностей, имъ занимаемыхъ, властью раздавать какія-угодно мѣста, даже сенаторскія, перепиской съ королями. Цѣль хвастовства—жениться на дочери богатой и глупой госпожи Чванкиной, легко идущей на приманку тщеславія, какъ видно по ея фамиліи. Затѣямъ Хвастуна полагаетъ конецъ полиція: благочинный уничтожаетъ его мнимое графство, открываетъ всѣмъ глаза и сажаетъ обманщика въ сми-

рительный домъ. Служанка Марина заключаемъ піесу нравственнымъ урокомъ:

Чтобъ глупо не упасть и чтобъ не осрамиться,
Такъ лучше не въ свои намъ сани не садиться.

Въ комедіи есть нѣкоторыя вѣрныя черты современныхъ нравовъ. Запуганная Верхолетомъ, Чванкина боится признать Честона Честономъ, хотя и знаетъ его какъ самое-себя:

Такъ чтожъ, что ты Честонъ? хоть знаю, да не вѣрю.

Ея увѣренность, что «тотъ вѣчно не вздыхаетъ и постоянно веселъ, кто не глядѣлъ въ книги»; ея совѣты дочери, что «долженъ завсегда чинъ чина почитать», и потому въ сердцѣ молодой дѣвушки,

Чтобъ не подвергнуться законовъ строгихъ штрафу,
Такъ долженъ уступить дворянчикъ мѣсто графу;

досада Простодума на Честона, который не вѣритъ знатности Простодума и котораго за то называетъ «сущимъ атеистомъ», принадлежатъ къ комическимъ сценамъ и выходкамъ и не остались безъ подражанія. Для чего Простодуму (дядѣ Верхолета) хочется сенаторскихъ креселъ? Что побуждаетъ его занять ту должность,

Въ которой, дѣйствуя, онъ только что вредитъ;
Не дѣйствуя, смѣшонъ, за то, что пнемъ сидитъ?

Конечно, не жажда полезной дѣятельности, а мелкое желаніе задать страху сосѣдямъ-помѣщикамъ, удивить ихъ своимъ вельможествомъ:

Когда у насъ о томъ услышатъ въ деревняхъ,
Всплеснувъ руками, всѣ дворяне скажутъ: ахъ!
Которые себѣ въ богатствѣ мѣръ не ставятъ,
Которые меня своею спесью давятъ,
Увидя пыхи тамъ вельможески мои,
Опустятъ крылышки, какъ мокры воробьи....
Я также ихъ пожму во время сенаторства
И покажу мои имъ разныя проворства.
Покрѣпче буду ихъ держать въ моихъ рукахъ
И, какъ на собственныхъ, на ихъ косить лугахъ.

Такъ точно въ комедіи «Ревизоръ» городничему хочется «влѣзть въ генералы», чтобы имѣть удовольствіе обѣдать вмѣстѣ съ губернаторомъ и безъ задержки получать почтовыхъ лошадей.

Покровительство Верхолета обходится дядѣ не дешево: послѣдній предлагаетъ ему три тысячи рублей, которые скопилъ

> Не хлѣбомъ, не скотомъ, не выводомъ телятокъ,
> Но кстати въ рекруты торгуючи людьми.

Любопытны прошенія, поданныя Верхолету (дѣйствіе II, явленіе 4): въ одномъ представленъ сочинитель похвальныхъ одъ, начертанный и Крыловымъ въ повѣсти «Каибъ», и Клушинымъ въ «Портретахъ», подъ именемъ Одохвата (Зритель, 1792); въ другомъ является Мерсье де ла Ривьеръ, приглашенный Екатериною въ Россію (1775) для совѣтовъ по законодательству, но по своимъ проэктамъ, самолюбію и тщеславію оказавшійся смѣшнымъ, почему и былъ выведенъ въ пьесѣ: «Управлялловъ», написанной графомъ Кобенцелемъ, австрійскимъ посланникомъ при нашемъ дворѣ. На подобныхъ искателей фортуны указываетъ также статья Зрителя: «Передняя знатнаго барина».

Вторая комедія Княжнина имѣетъ много общаго съ «Страннымъ человѣкомъ (L'homme singulier)», Детуша, но отличается отъ французской піесы тѣмъ, что выставляетъ не одного чудака, а цѣлую галерею чудаковъ, почему и заключена такими стихами:

> ....Всякій, много ли иль мало, но чудакъ,
> И глупость, предстоя при каждаго рожденьѣ,
> Намъ всѣмъ дурачиться даетъ благословенье.

«Чудаки» собственно не комедія, т. е. не органическое развитіе единаго комическаго дѣйствія, а собраніе характеровъ или портретовъ, съ которыми зритель знакомится въ отдѣльныхъ сценахъ, не представляющихъ внутренней необходимости и связи. Первый между ними — Лентягинъ, сынъ кузнеца, недавно вышедшій въ дворянство, владѣлецъ «несмѣтнаго богатства». Онъ пріѣхалъ изъ провинціи въ столицу для пріисканія достойнаго жениха своей дочери Улинькѣ. Подражая Детушу, Княжнинъ сдѣлалъ Лентягина философомъ, ведущимъ жизнь по-своему, совершенно иначе, чѣмъ всѣ другіе. Какъ у Детуша «Странный человѣкъ» называетъ своего слугу «monsieur», обнимаетъ его и сажаетъ съ собой рядомъ, одѣвается по старомодному, уѣзжаетъ въ деревню на зиму, когда всѣ съѣзжаются въ городъ, и остается въ городѣ въ то время, когда всѣ живутъ на дачахъ, не провожаетъ никогда своихъ гостей, находя вѣжливость пустымъ обычаемъ, среди столицы ведетъ отшельническую жизнь и не хочетъ посылать за нотаріусомъ для подписанія контракта, безъ котораго не можетъ обойтись дѣло: такъ и у Княжнина Лентягинъ смѣется надъ всѣми

общественными условіями и обычаями, не хочетъ писать радной, говоритъ слугѣ своему (Пролазу) «вы» вмѣсто «ты», называетъ его другомъ и наконецъ простираетъ свою любовь къ нему до того, что хочетъ не только передать ему все свое имѣніе, но даже и выдать за него свою единственную дочь—хотя не прошло еще и одного дня, какъ Пролазъ нанялся къ нему въ услуженіе. Ясно, что странности Лентягина изъ рукъ вонъ и становятся дикими, чудовищными каррикатурами. Онѣ не могутъ быть оправданы никакими побужденіями — ни умственными, ни нравственными. Его «философствованіе по своему» есть просто самодурство. Лентягина, тревожимая бѣсомъ тщеславія — другой экземпляръ Чванкиной, только поумнѣе: у ней, по словамъ ея мужа, «лихорадка спеси и знатности». Вѣтромахъ, одинъ изъ претендентовъ на руку Улиньки—хвастунъ и петиметръ, помѣшанный на чванствѣ своею знатною породой и на галломаніи. Другой искатель Улинькиной руки, Пріятъ, представляетъ пасторальный сентиментализмъ. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ юношей, которые, начитавшись идиллій и романовъ, мечтали устроить себя по образу аркадскихъ пастушковъ. Вотъ его портретъ:

Во фракѣ мердоа и въ розовомъ платочкѣ,
По вечерамъ одинъ задумчивъ и смущенъ,
Такъ томенъ и унылъ, какъ будто селадонъ,
По рощамъ и лугамъ съ овечками гуляетъ,
Иль подъ окномъ моимъ по холодку пылаетъ.

Разговоръ Пріята—«чепуха сладкихъ словъ»; его желаніе—«вздыхать у ногъ своей возлюбленной

На мягенькихъ лугахъ между цвѣтовъ у рѣчки,
Пасутся издали невинны гдѣ овечки».

Имя «Семенъ» кажется ему жесткимъ, почему онъ и не рѣшается принять его даже на время, даже для собственной пользы:

Не лучшель Филимонъ, иль Тирсисъ, или Арсамъ,
Или хотя Аркасъ?

Буколическая чувствительность вычитывалась нашими юношами и дѣвицами изъ эклогъ и романовъ, которыхъ, до появленія «Чудаковъ», уже достаточно было въ нашей литературѣ.—Оригинальная комическая опера: «Несчастіе отъ кареты (1779)», имѣла большой успѣхъ, какъ по сюжету, такъ по веселости и комизму. Княжнинъ представилъ въ ней роскошь и мотовство знатныхъ бояръ, ихъ пристрастіе къ парижскимъ модамъ и французскому языку въ лицѣ

господина Фирюлина и его супруги. Фирюлину понадобилась къ празднику новая карета, вывезенная изъ Парижа, и по этому случаю онъ пишетъ прикащику: «О ты, котораго глупымъ и варварскимъ именемъ Клементія донынѣ безчестили! изъ особливой моей къ тебѣ милости за то, что ты большую часть крестьянъ одѣлъ по французски, жалую тебя Клеманомъ.... Ты мнѣ писалъ, что хлѣбъ не родился: это дѣло не мое, и я не виноватъ, что и земля у насъ хуже французской. Я тебѣ приказываю и прошу, не погуби меня; найди, гдѣ хочешь, денегъ. Теперь уже ты Клеманъ и носишь, по моей сеньерской милости, платье французскаго бальи. И такъ должно быть тебѣ умнѣе и проворнѣе. Мало ли есть способовъ достать денегъ! Напримѣръ, нѣтъ ли у васъ на продажу годныхъ людей въ рекруты? Нахватай ихъ и продай». Исполняя господскую волю, прикащикъ схватилъ самаго рослаго парня, Лукьяна, влюбленнаго въ Анюту. «Самъ виноватъ!» говоритъ бѣднягѣ барскій шутъ: «ты выросъ такъ, что можно на тебя купить около трети кареты; не выростать было такъ дорого». Но, посмѣясь надъ ростомъ Лукьяна, шутъ спасаетъ его отъ бѣды. Онъ выучилъ и его и Анюту двумъ-тремъ французскимъ словамъ. Фирюлины, пріѣхавъ въ деревню, восхитились такою рѣдкостью. «Parbleu!» говоритъ Фирюлинъ: «я этому бъ не повѣрилъ, чтобы и русскіе люди могли такъ нѣжно любить. Я внѣ себя отъ удивленія! Да не во Франціи ль я? Что онъ чувствуетъ любовь, тому не такъ дивлюсь,—но онъ говоритъ по французски!» Такимъ образомъ, по замѣчанію шута, «два французскія слова вытащили жалость, оставленную во Франціи». Лукьяна не только не продаютъ въ рекруты, но женятъ на Анютѣ и берутъ въ камердинеры. А карета? «Развѣ вы изволили отдумать карету покупать?» спрашиваетъ прикащикъ своего барина. «Нѣтъ», отвѣчаетъ баринъ, «но у меня еще много людей и безъ него».

Переходимъ къ новымъ явленіямъ театральнаго репертуара. Между ними первое мѣсто занимаетъ такъ называемая мѣщанская трагедія». Этотъ видъ драмы, почти одновременно возникшій въ Англіи и Франціи, былъ естественнымъ слѣдствіемъ перемѣны, произведенной въ гражданскомъ быту этихъ странъ упадкомъ феодализма и возвышеніемъ средняго сословія. Ни романтическія повѣсти, ни греческій котурнъ не плѣняли уже болѣе того общества, основами котораго сдѣлалось развитіе личности, благосостояніе всѣхъ и каждаго, нравственное достоинство частной жизни, и для котораго страданія и радости окружающей среды, маловажные, но тѣмъ не менѣе законные случаи повседневности представляли больше интереса, чѣмъ приключенія грековъ и римлянъ. Непо-

средственнымъ выраженіемъ этого прозаическаго, но честнаго образа мыслей и поступковъ, этого мѣщанства, добившагося своихъ правъ и отличнаго по своему характеру и жизни отъ феодаловъ, этой степенности домашняго быта, смѣнившей распущенность великосвѣтскихъ нравовъ, служили съ одной стороны изданія Стиля и Аддисона, а съ другой тѣсно съ ними связанные семейные романы. Тоже самое моральное направленіе стало предметомъ и трагедіи, которая, будучи занята новымъ сословіемъ, а не дворомъ и аристократизмомъ, получила названіе мѣщанской. Она поставила себѣ цѣлью содѣйствовать нравственному облагороженію зрителей и съ перваго же раза объявила открытую вражду законамъ и условіямъ ложно-классицизма. Лилло, авторъ первой мѣщанской трагедіи: «Георгъ Барнвель или лондонскій купецъ (1731)», десятью годами опередившей Ричардсонову «Памелу (1740)» и имѣвшей чрезвычайный успѣхъ, писалъ прозой не потому только, что этотъ видъ рѣчи свойственнѣе сюжету его піесъ, но и потому, что французскіе трагики пренебрегали прозой; онъ часто мѣнялъ время и мѣсто дѣйствія не потому только, что того требовало дѣйствіе, но и вопреки правилу о знаменитыхъ трехъ единствахъ. За Лилло слѣдовали Муръ, авторъ «Игрока (1753)», и Кумберландъ, авторъ трехъ піесъ: «Братья», «Американецъ» и «Жидъ». Хотя всѣ эти трогательныя піесы лишены глубокой художественной идеи; хотя сожалѣніе, ими производимое, не одно и тоже съ чувствомъ трагическаго состраданія; хотя недостатокъ идеальнаго представленія есть такая же ихъ односторонность, какъ недостатокъ истины есть односторонность французской драмы: но тѣмъ не менѣе онѣ принадлежатъ къ замѣчательнымъ фактамъ въ развитіи драмы, какъ одинъ изъ его моментовъ. Выбравъ своимъ предметомъ среднее сословіе, бывшее до того времени добычею сатирическаго глумленія, мѣщанская трагедія отвела ему въ поэзіи такое же почтенное мѣсто, какимъ оно начало пользоваться въ обществѣ; сообщивъ своимъ представленіямъ нравоучительный характеръ, она противодѣйствовала скандалу тѣхъ піесъ, которыя при послѣднихъ Стюартахъ служили зеркаломъ вольныхъ нравовъ; пренебрегши въ своей постройкѣ правилами и преданіями лжеклассицизма, обратила театръ къ народности, забытой литераторами.

Одинаковыя причины произвели и одинаковыя слѣдствія на театрѣ французскомъ, который не могъ уже отвѣчать новымъ потребностямъ. Прежде рѣзкимъ различіемъ родовъ и лицъ, трагическихъ, или комическихъ, выборомъ сюжетовъ, составомъ дѣйствія, онъ въ точности изображалъ то отборное, изящное общество, гдѣ аристократія задавала тонъ и направляла вкусъ. Но когда

дворянство начало грубѣть и падать, а среднее сословіе сознавать свою силу и возвышаться; когда общественные классы сблизились по образованію: тогда и въ драмѣ, какъ такомъ родѣ поэзіи, который по преимуществу выражаетъ общество, должны были произойти перемѣны. Героическая трагедія держалась еще авторитетомъ Вольтера. Онъ и послѣ него Дюси старались сдѣлать въ ней нѣкоторыя преобразованія, не сомнѣваясь однакожъ въ ея превосходствѣ и долговѣчности. Но рядомъ съ этими попытками Вольтера возникаетъ драма инаго содержанія и иной формы. По содержанію, она выводитъ на сцену мѣщанство; по формѣ, расширяетъ узкія рамки классицизма и стремится къ естественности изображеній, къ живописи подробностей. Мариво, Детушъ и Лашоссе положили основаніе этому новому роду драмы, подъ именемъ «слезной комедіи» или семейной трагедіи, такъ какъ она изображала частную жизнь съ ясно выступающею моральною тенденціей—трогать и улучшать. Внутренняя связь между «слезной комедіей» и «мѣщанской трагедіей» объясняется какъ однородностью общественныхъ явленій въ Англіи и Франціи, такъ частію и подражаніемъ. Многія произведенія англійской словесности были переведены на французскій языкъ; французскіе литераторы (Прево и Детушъ) посѣтили Англію; по примѣру Аддисонова Зрителя, Мариво издавалъ «Французскій Зритель». Теорія новаго вида драматической поэзіи изложена Дидро. Между двумя, строго разграниченными родами, трагедіей и комедіей, онъ вводитъ средній, соотвѣтствующій особенному настроенію духа, среднему между радостью и скорбію. Сюда онъ относитъ трогательную, или слезную, комедію и мѣщанскую трагедію. Теорію свою Дидро подкрѣпилъ двумя піесами: «Побочный сынъ (1757)» и «Отецъ семейства (1758)». За нимъ слѣдовали Седенъ, Бомарше и Себастіанъ Мерсье. Бомарше написалъ «Евгенію (1767)» и «Мать преступницу». Въ предисловіи къ первой піесѣ изложена имъ теорія серьезной драмы, занимающей средину между героической трагедіей и шутливой комедіей. Здѣсь въ первый разъ слезная комедія названа «драмой»: названіе это и сохранилось въ піитическомъ словарѣ для означенія третьяго рода драматической поэзіи. Лессингъ, усвоивъ взгляды Дидро, возвелъ мѣщанскую трагедію на высоту художественнаго созданія: его «Минна фонъ Барнгельмъ (1767)» и «Эмилія Галотти (1772)» имѣютъ идеальную, общечеловѣческую подкладку. Въ послѣдствіи Ифландъ, Шрёдеръ и Коцебу обогатили нѣмецкій репертуаръ множествомъ трогательныхъ піесъ, не отличающихся ни глубиною содержанія, ни поэтическимъ достоинствомъ.

Время появленія мѣщанскихъ драмъ въ нашей литературѣ совпадаетъ также со временемъ періодическихъ изданій 1769—74 г. Еще до этой эпохи были переведены: «Лондонскій купецъ, или приключенія Георга Барневеля» (1764), Детушева «Притворная Агнеса» (1764), Дидро «Чадолюбивый отецъ», т. е. «Père de famille» (1765), и «Побочный сынъ». Переводъ «Евгеніи», Бомарше, напечатанъ въ 1770 г. Французская передѣлка піесы Мура: «Игрокъ», подъ заглавіемъ «Беверлей, взятымъ отъ имени главнаго лица, явилась у насъ въ переводѣ актера Дмитревскаго (1773). За послѣднее тридцатилѣтіе прошлаго вѣка въ литературу нашу перешли и другія драмы вышеуказанныхъ писателей: Мариво—«Игра любви и случая»(1769) и «Вторично вкравшаяся любовь» (1773); Седена—«Deserteur», въ двухъ переводахъ («Бѣглецъ», 1781, и «Бѣглый солдатъ», 1793); Мерсье—«Женневаль, или французскій Барневель» (1778), «Ложный другъ» (1779), »Бѣглецъ» (1784), «Уксусникъ» (1785), «Судья» (1788), «Зоа» (1789) и «Наталія» (1794); Лессинга—Сара Сампсонъ» и «Эмилія Галотти», въ двухъ нереводахъ (1784 и 1788), изъ которыхъ второй принадлежитъ Карамзину. За переводами слѣдовали «подражанія и оригинальныя піесы въ томъ же родѣ. «Адская почта» отозвалась съ похвалою о театральныхъ сочиненіяхъ Н. (можетъ быть Семена Нарышкина, автора комедіи «Истинное дружество»), написанныхъ во вкусѣ Дидро. Комедія Веревкина «Такъ и должно» (1773), расчитывала больше на трогательный эффектъ, чѣмъ на комическій, какъ объяснилъ самъ авторъ въ ея посвященіи. Между сочиненіями Хераскова есть двѣ слезныя драмы: «Другъ несчастныхъ» (1774) и «Гонимые» (1775). Къ 1776 г. относится мѣщанская трагедія: «Человѣколюбіе, или картина бѣдности». Сюжетъ другой мѣщанской трагедіи, подъ названіемъ «Бѣдство, произведенное страстію» (1781), заимствованъ изъ повѣсти Арно: «Адельсонъ и Сальвини». Въ драмѣ «Друзья соперники» (1782), по словамъ «Драматическаго Словаря», «добродѣтель, благодарность, дружба и любовь представлены блестящими, а лицемѣрство и злоба гнусными.»

При нѣкоторомъ сходствѣ въ исторіи мѣщанской драмы на нашей сценѣ съ ея исторіей въ Англіи и Франціи, нельзя объяснять его тѣми самыми обстоятельствами, какія имѣли мѣсто на западѣ. Тамъ она была дѣйствительнымъ выраженіемъ перемѣны, происшедшей въ положеніи общественныхъ классовъ; у насъ такой перемѣны не существовало. Дворянство, какъ и прежде, стояло у насъ во главѣ образованности; о созданіи «третьяго чина» начали только думать, какъ намъ извѣстно изъ разсужденій Екатерины и

Бецкаго и нѣкоторыхъ принятыхъ къ тому мѣръ. Объясняя успѣхъ «Живописца» тѣмъ, что онъ пришелся на вкусъ нашихъ «мѣщанъ», Новиковъ разумѣлъ подъ этимъ словомъ не среднее сословіе (въ смыслѣ tiers-état), а среднюю и низшую степени грамотныхъ людей. Появленіе мѣщанскихъ, или гражданскихъ, трагедій въ нашей литературѣ и благосклонный пріемъ ихъ публикою имѣли однакожъ свои основанія, между которыми подражательность занимала, конечно, важное мѣсто. Успѣхъ какихъ-либо піесъ во Франціи служилъ уже достаточнымъ поводомъ и для нашего къ нимъ вниманія. Черезъ три года послѣ того, какъ «Евгенія» была представлена на парижской сценѣ, она переводится и разыгрывается въ Москвѣ. Однообразіе въ содержаніи и формѣ классической трагедіи также заставило зрителей желать смѣны ея другимъ видомъ драмы, болѣе простымъ и естественнымъ. Елагинъ справедливо писалъ Сумарокову, что, давая однѣ его трагедіи, онъ боится наскучить публикѣ. Само собою разумѣется, что и гуманныя начала XVIII в. не остались безъ замѣтнаго вліянія на успѣхъ нашей мѣщанской драмы, которая имѣетъ своимъ предметомъ жизнь и нравы большинства, а не подвиги немногихъ героевъ. Русская публика чувствовала то самое, что говорилъ Лессингъ въ предисловіи къ одной изъ своихъ піесъ: «несчастія близкихъ къ намъ людей сильнѣе дѣйствуютъ на душу; имена полубоговъ и царей сообщаютъ піесѣ блескъ и величіе, но не производятъ такого трогательнаго впечатлѣнія». Переводчикъ «Побочнаго сына»(1788) обратился къ читателю съ такими словами: «Неужели несчастія однихъ токмо знатныхъ людей, героевъ, завоевателей имперій, или разорителей многихъ народовъ, заслуживаютъ общую чувствительность, а участь прочихъ добрыхъ людей нашего вниманія недостойна и никакихъ впечатлѣній въ насъ произвести не можетъ? Предразсужденіе управляетъ нравами. Но не должно ли, чтобы разумъ когда нибудь хотя слегка просвѣщалъ оные?» Замѣчательно, что мѣщанскія драмы пользовались особеннымъ успѣхомъ въ Москвѣ, гдѣ больше того сорта людей, которыхъ Новиковъ назвалъ мѣщанами; онѣ, по словамъ Сумарокова, «вползли уже въ этотъ городъ, не смѣя появиться въ Петербургѣ.»

Какъ во Франціи Вольтеръ поддерживалъ классическую трагедію, такъ у насъ Сумароковъ принялъ подъ свою защиту «Мольеровъ и Расиновъ вкусъ». Въ предисловіи къ «Димитрію Самозванцу», онъ честитъ слезныя комедіи «пакостнымъ родомъ», а сочувствіе къ нимъ москвичей «скареднымъ вкусомъ, не принадлежащимъ вѣку великія Екатерины». Раздраженный успѣхомъ новыхъ піесъ, онъ, въ письмѣ къ Вольтеру, излилъ свою жалобу на упадокъ русской

Мельпомены и Таліи. Отвѣтъ Вольтера (1769 г.) повторяетъ прежнее его мнѣніе о мѣщанской драмѣ, какъ о незаконномъ выродкѣ поэзіи: «ces pièces batardes ne sont ni tragédies, ni comédies; quand on n'a point de chevaux, on est trop heureux de se faire traîner par des mulets». Получивъ такое сильное подкрѣпленіе, Сумароковъ, въ томъ же предисловіи, напалъ и на переводчика Евгеніи, и на посѣтителей театра за рукоплесканіе актерамъ. Онъ говоритъ: «сіе рукоплесканіе переводчикъ оныя драмы, какой-то подъячій, до небесъ возноситъ, сосплетая зрителямъ похвалу и утверждая вкусъ ихъ. Подъячій сталъ судіею Парнаса и утвердителемъ вкуса московской публики! Конечно, скоро преставленіе свѣта будетъ. Но не ужели Москва болѣе повѣритъ подъячему, нежели г. Вольтеру и мнѣ? и не ужели вкусъ жителей московскихъ сходнѣе со вкусомъ сего подъячаго?.. А ежели ни г. Вольтеру, ни мнѣ никто въ этомъ повѣрить не хочетъ, такъ я похвалю и такой вкусъ, когда щи съ сахаромъ кушать будутъ, чай пити съ солью, кофе съ чеснокомъ, и съ молебномъ совокупятъ панихиду. Между Таліи и Мельпомены различіе таково, каково между дня и ночи, между жара и стужи, и какая между разумными зрителями драмы и между безумными. Не по количеству голосовъ, но по качеству утверждается достоинство вещи; а качество имѣетъ основаніе на истинѣ:

Достойной похвалы невѣжи не умалятъ;
А то не похвала, когда невѣжи хвалятъ».

Не смотря на угрозы именемъ Вольтера и насмѣшки, Москва продолжала восхищаться мѣщанскими драмами. Антагонизмъ между столичными театрами, изъ которыхъ на одномъ еще господствовала классическая драма, а на другой «вползли новыя скаредныя піесы», отразился въ журналахъ. Такъ, напримѣръ, московская публика любила представленія Эмиліи Галотти. Разборъ ея, написанный, вѣроятно, самимъ переводчикомъ (Карамзинымъ) и помѣщенный въ первомъ году издававшагося имъ Московскаго журнала (1791), показываетъ въ критикѣ живое чувство истины, здравыя эстетическія понятія. Не таковы были понятія «С.п.бургскаго Меркурія». Къ переводу Вольтерова «разсужденія объ англійской трагедіи», въ томъ мѣстѣ, гдѣ піесы Шекспира названы чудообразными игрищами, Клушинъ дѣлаетъ слѣдующую замѣтку: «что же бы сказалъ г. Вольтеръ о многихъ нѣмецкихъ драматическихъ твореніяхъ, сихъ безобразныхъ выродкахъ литературы, въ которыхъ нѣтъ никакихъ правилъ, даже самаго важнѣйшаго—единства дѣйствія? Чтобы сказалъ онъ о сихъ удивительныхъ піесахъ,

которыя суть ни трагедіи, ни комедіи, гдѣ смѣшанъ плачъ съ смѣхомъ безъ всякой нужды; гдѣ эпизоды затмеваютъ самое дѣйствіе; гдѣ разговоры пустые и слабые, дѣйствующія лица каррикатурныя; гдѣ все обезображиваетъ вкусъ и правила? О піесахъ, каковы суть: Разбойники (Шиллера, пер. 1793), Сара Сампсонъ, Эмилія Галотти, Ненависть къ людямъ и раскаяніе (Коцебу, пер. 1792), и пр. и пр.? Ежели не болѣе, то, конечно, тоже, что говоритъ Горацій въ посланіи къ Пизонамъ. И есть люди, которые предпочитаютъ нѣмецкія драмы французскимъ! Отъ чего же? Отъ того только, что, читая послѣднія, не понимаютъ, какимъ образомъ играть ихъ. Что думать о сихъ знатокахъ? Или что они не знаютъ правилъ театральныхъ, какъ и того, что̀ значитъ самая драма, или слѣпое имѣютъ пристрастіе къ нѣмцамъ».

Постепенное освобожденіе русскаго театра отъ стѣснительныхъ правилъ лжеклассицизма могло совершаться не однѣми слезными комедіями, которыя, за исключеніемъ піесъ Лессинга, страдаютъ скудостью поэтическаго достоинства. Были и другія средства для того, чтобы обнаружить односторонность французскаго вліянія. Наилучшее между ними состояло въ знакомствѣ нашей литературы съ первоклассными драматургами Англіи и Германіи. Выше былъ упомянутъ переводъ «Разбойниковъ» Шиллера, но за нѣсколько лѣтъ до этого мы уже имѣли переводы изъ Гете и Шекспира, котораго называли Шакеспеаромъ, Шекеспиромъ и даже Чексперомъ. Переводъ драмы Гете «Клавиго» нап. въ 1780 г.; одна трагедія Шекспира: «Жизнь и смерть Ричарда III, короля англійскаго» переведена была въ Нижнемъ-Новгородѣ 1783 (нап. 1787), а другая: «Юлій Цесарь», въ Москвѣ, Карамзинымъ, 1786 (нап. 1787). Кромѣ «Евгеніи», въ 1787 представлена была другая, знаменитая піеса Бомарше: «Фигарова женитьба». Самая попытка уклониться отъ господствующаго вкуса и находить драматическія красоты въ «чудообразныхъ игрищахъ» того трагика, котораго Вольтеръ называлъ «дикаремъ», требовала извѣстнаго мужества. Тѣмъ болѣе чести литераторамъ, которые рѣшились плыть противъ общаго теченія, переводя Шекспира, или подражая ему, или разъясняя художественное значеніе его піесъ. Труды ихъ имѣли свою долю вліянія и на успѣхъ нашей сцены, и на очищеніе нашихъ эстетическихъ понятій отъ исключительно-французской теоріи. Мы уже знаемъ, что Шекспиръ былъ извѣстенъ Сумарокову въ псевдоклассическихъ передѣлкахъ; что одинъ монологъ Самозванца есть подражаніе монологу Ричарда III; что комедія Екатерины: «Вотъ каково имѣть корзину и бѣлье!» заимствована изъ Шекспировыхъ «Виндзорскихъ кумушекъ»; что «Историческое представленіе изъ

жизни Рюрика» и «Начальное управленіе Олега» написаны ею, въ подражаніе Шекспиру,» безъ сохраненія обыкновенныхъ правилъ». Въ сужденіяхъ своихъ о достоинствахъ и недостаткахъ англійскаго трагика журналы наши раздѣлились на два противные лагеря. Большинство критиковъ вторило Вольтерову о немъ приговору, изложенному Карамзинымъ въ предисловіи къ переводу Юлія Цесаря, а именно: что Шекспиръ писалъ безъ правилъ; что творенія его суть и трагедіи и комедіи вмѣстѣ, или траги-коми-лирико-пастушьи фарсы безъ плана, безъ связи въ сценахъ, безъ единствъ, непріятная смѣсь высокаго и низкаго, трогательнаго и смѣшнаго, истинной и ложной остроты, забавнаго и безсмысленнаго; что они исполнены такихъ мыслей, которыя достойны мудреца, и притомъ такого вздора, который только шута достоинъ; что въ нихъ рядомъ съ картинами, которыя принесли бы честь самому Гомеру, являются и каррикатуры, которыхъ устыдился бы и самъ Скарронъ. Адская Почта хотя и признаетъ въ Шекспирѣ «высокомысліе, остроуміе и ученость», но въ то же время находитъ, что онъ былъ «упрямъ и не хорошаго вкуса»: «въ его трагедіяхъ», говоритъ она, «характеры людей безъ разбору описаны и перемѣшаны; въ его Юліи Кесарѣ шутки, римскимъ грубымъ художникамъ приличныя, введены въ важнѣйшую сцену Брута и Кассія». Гораздо непочтительнѣе обошелся съ Шекспиромъ «Зритель (1792)». По поводу споровъ, завязанныхъ статьею «о театрѣ и о свойствѣ россійскихъ душъ», авторъ этой статьи, Плавильщиковъ, возражая своему антагонисту, говоритъ: «А для героевъ вы хотите, чтобъ родился у насъ Чекспередъ?... Вотъ изряднаго нашли вы опредѣлителя вкуса! и видно вы, его начитавшись, заключаете вкусъ въ тѣсные предѣлы рынковъ и кабаковъ». Когда съ такими взглядами на драму и великаго ея представителя мы сравнимъ предисловіе Карамзина къ переводу Юлія Цесаря и нѣкоторыя мѣста его путевыхъ писемъ, подъ 1790 г., то ясно увидимъ, на сколько онъ, двадцатилѣтній юноша, стоялъ выше современныхъ ему цѣнителей изящнаго по уму, образованію и эстетическому вкусу. Мнѣніе его о сущности трагедіи, основанное на знакомствѣ съ литературами нѣмецкой и англійской, не поколебалось ни отъ авторитета Вольтера, ни отъ общаго стремленія къ французскому классицизму. Восторженное сочувствіе его къ первому трагику выражено также въ стихотвореніи «Поэзія» (1787):

Шекспиръ, натуры другъ! кто лучше твоего
Позналъ сердца людей? Чья кисть съ такимъ искусствомъ
Живописала ихъ? Во глубинѣ души
Нашелъ ты ключь къ великимъ тайнамъ рока,

И свѣтомъ своего безсмертнаго ума,
Какъ солнцемъ, озарилъ пути ночные жизни.

Стремленіе къ самобытности было третьимъ новымъ явленіемъ въ исторіи нашей драмы Екатеринина вѣка. Хотя оно больше высказывалось теоретически, чѣмъ осуществлялось на дѣлѣ, однакожъ самое недовольство театромъ, который держался переводами и подражаніями, служило добрымъ знакомъ, обнаруживая сознаніе литературной односторонности и заявляя требованія болѣе развитаго вкуса. Честь перваго мнѣнія о необходимости народнаго элемента въ драмѣ принадлежитъ Владиміру Лукину. Предисловія къ его сочиненіямъ и переводамъ (2 ч., 1765) содержатъ въ себѣ критику современной комедіи, какъ такой, которая цѣликомъ переноситъ чуждые нравы на русскую сцену. Не допуская подражанія иностраннымъ піесамъ, онъ допускаетъ ихъ передѣлку на слѣдующемъ основаніи: «Подражать и передѣлывать—великая разница. Подражать значитъ брать или характеръ, или нѣкоторую часть содержанія, или нѣчто весьма малое и отдѣленное и такъ нѣсколько заимствовать; а передѣлывать значитъ нѣчто включить или исключить, а прочее, т. е. главное, оставить и склонять на наши нравы». Ясно, что критикъ подъ передѣлкой понимаетъ склоненіе нерусской піесы на русскіе нравы, т. е. внесеніе въ нее національнаго элемента. Въ передѣлкѣ онъ видитъ успѣхъ комедіи, которой, по тогдашнимъ понятіямъ, вмѣнялось въ обязанность имѣть моральную цѣль; а этого она могла достигнуть не иначе, какъ представляя знакомые зрителямъ характеры, имена, костюмы, рѣчь. «Мнѣ всегда несвойственно казалось», говоритъ Лукинъ, «слышать чужестранныя реченія въ такихъ сочиненіяхъ, которыя долженствуютъ изображеніемъ нашихъ нравовъ исправлять не только общіе всего свѣта, но болѣе участные нашего народа пороки; и неоднократно слыхалъ я отъ нѣкоторыхъ зрителей, что не только ихъ разсудку, но и слуху противно бываетъ, ежели лица, хотя по нѣсколько на наши нравы походящія, называются въ представленіи Клитандромъ, Дорантомъ, Цитадиною и Кладиною и говорятъ рѣчи, не наше поведеніе знаменующія. Негодованіе сихъ зрителей давно почиталъ я правильнымъ... Многіе зрители отъ комедіи въ чужихъ нравахъ не получаютъ никакого поправленія: они мыслятъ, что не ихъ, а чужестранцевъ осмѣиваютъ; да и то имъ примѣтно, что осмѣиваемые образцы не только несвойственно нашимъ нравамъ изъясняются, но и одѣты въ незнакомыя имъ одежды... Всякій невычищенный, т. е. на нравы того народа, предъ коимъ онъ представляется, несклоненный въ драмѣ образецъ покажется на театрѣ не что иное, какъ

смѣсью, иногда русской, иногда французской, а иногда обоихъ сихъ народовъ характеры вдругъ въ себѣ имѣющей». Средствомъ для избѣжанія этого недостатка Лукинъ почитаетъ передѣлку, при которой «надлежитъ не столько красоту и силу чужестраннаго писателя показывать, сколько исправлять пороки». Отъ общаго взгляда онъ переходитъ къ частнымъ примѣрамъ, «не наше поведеніе знаменующимъ», отыскивая ихъ въ русскихъ драмахъ. Онъ удивляется рѣшимости комика ввести въ свою піесу нотаріуса или подъячаго, для заключенія брачнаго контракта, вовсе намъ неизвѣстнаго: «нотаріусъ у насъ только векселя протестуетъ, а подъячій только по должности своей дѣла въ томъ приказѣ исправляетъ, откуда даютъ ему жалованье». Требуя отъ русской комедіи чего-нибудь «русскаго», Лукинъ разумѣлъ подъ этимъ словомъ «народное» не только въ обширномъ его смыслѣ, обнимающемъ всѣ классы народа, но и въ тѣсномъ, относящемся къ одному только его классу—простонародію. Въ слѣдствіе этого онъ перевелъ заглавіе французской піесы: «Le bijoutier» словомъ «щепетильникъ», и въ предисловіи объяснилъ тому причину: «не взирая на то, что подвергнуся хулѣ несмѣтному числу мнимыхъ въ нашемъ языкѣ знатоковъ, взялъ я къ тому старинное слово «щепетильникъ», потому что всѣ наши купцы, торгующіе перстнями, серьгами, кольцами, запонками и прочимъ мелочнымъ товаромъ, называются «щепетильниками». По той же причинѣ, въ «Щепетильникѣ» выведены лишнія противъ оригинальной піесы лица—простые работники изъ Галича (костромской губ.), говорящіе своимъ мѣстнымъ нарѣчіемъ. Чтоже касается до собственныхъ сочиненій Лукина, которыми слѣдовало бы подкрѣплять теорію, то они служатъ новымъ доказательствомъ давнишней истины, что критика гораздо легче творчества. Для творчества нуженъ талантъ, а его-то и не имѣлъ критикъ современной комедіи. Піесы его, заимствованныя изъ Реньяра, Кампистрона и Буасси, хотя и переложены на русскіе нравы, но выказываютъ очень мало истиннаго комизма и народности. Лучшая его комедія: «Мотъ, любовью исправленный», заключала бы въ себѣ, по справедливому отзыву кн. Вяземскаго, довольно занимательности и движенія, если бы все происходило въ дѣйствіи, а не въ разсказахъ, и еслибъ она была искуснѣе построена. Впрочемъ, и имѣя талантъ, Лукинъ едва ли бы произвелъ что-либо замѣчательное. Тотъ способъ, которымъ онъ думалъ устремить нашу комедію къ самобытности и народности, не предлагалъ ручательствъ въ успѣхѣ. Передѣлка или подражаніе, какъ тонко ни разграничивай эти дѣйствія, не приведутъ ни къ чему положительному, какъ въ поэтическомъ достоинствѣ драмы,

такъ и въ національномъ ея значеніи. Намъ извѣстно, что значитъ «склонять» чужіе нравы на отечественные: въ результатѣ «склоненія» выходитъ дѣйствительная смѣсь, которую и Русскій и не-Русскій откажутся принять на свой счетъ. Такимъ образомъ за Лукинымъ остается только заслуга критика: онъ первый вооружился противъ ложнаго направленія современной комедіи и первый заявилъ необходимость народнаго элемента въ русской драмѣ.

Хотя Лукинъ и не пользовался благосклонностію журналовъ 1769—74 г., однакожъ нѣкоторые изъ нихъ раздѣляли его взгляды на отечественный театръ. Самая задача «Всякой всячины»—«говорить Русскимъ о Русскихъ, а не представлять имъ умоначертаній чужестранныхъ, коихъ они не знаютъ»—обязывала издателя быть послѣдовательнымъ. «Я думаю», говоритъ онъ въ концѣ своего изданія, «что не въ однѣхъ книгахъ должно держаться сего правила, но и въ позорищахъ: ибо маркизъ на русскомъ ѳеатрѣ уши деретъ, а ко свадебному контракту тетушка моя и смысла не привязываетъ. Она хочетъ видѣть то, что ее ежечасно окружаетъ и чѣмъ она привыкла забавляться; незнакомые же гости не столь забавны, какъ знакомые. Я нахожу вкусъ тетушкинъ со здравымъ разсудкомъ схожій, и для того съ нею согласенъ». «Кошелекъ» также утверждалъ, что Детушевы и другія комедіи мало принесутъ намъ пользы, и что на театрѣ народномъ должны быть разыгрываемы такія піесы, которыя главною своею цѣлью имѣли бы народную забаву. По новоду вопроса о народномъ театрѣ, въ Зрителѣ (1792) завязалась интересная полемика между Плавильщиковымъ, сочинившимъ статью: «Нѣчто о врожденномъ свойствѣ душъ россійскихъ», и неизвѣстнымъ авторомъ «Письма къ издателямъ изъ Орла». Плавильщиковъ осуждаетъ распространенное въ обществѣ мнѣніе, будто у насъ, Русскихъ, нѣтъ ничего собственнаго и будто мы не что иное, какъ переимчивыя обезьяны, живущія чужимъ умомъ. Выхваляя особенныя качества соотечественниковъ, доказывая ихъ способность ко всѣмъ родамъ дѣятельности, онъ преимущественно останавливается на театрѣ: критикуетъ иностранный вкусъ на нашей сценѣ и порицаетъ тѣхъ драматическихъ писателей, которые берутъ сюжеты для своихъ піесъ не изъ родной исторіи, а изъ исторіи грековъ и римлянъ, не изъ среды своего народа, а изъ жизни другихъ націй. Мысль справедливая, но Плавильщиковъ не умѣлъ провести ее надлежащимъ образомъ. Въ патріотическомъ усердіи своемъ онъ зашелъ слишкомъ далеко, выдумывая «небывалыя достоинства» у себя дома и не умѣя быть справедливымъ къ истинно-хорошему

вчужѣ. Онъ, говоря словами «Письма», содержащаго въ себѣ умную, хотя и одностороннюю критику пристрастныхъ и голословныхъ сужденій, «слѣпилъ свой панегирикъ изъ малыхъ мыслей и большихъ словъ». «Я согласенъ», замѣчаетъ авторъ «Письма», «что Козьма Мининъ и князь Пожарскій могутъ со временемъ украшать россійскую Мельпомену; но, не во гнѣвъ вамъ, мнѣ также пріятно видѣть «тающую Дидону и бѣснующагося Ярба». Когда у насъ выдумаютъ басни, похожія на Гомерову Иліаду и Виргиліеву Энеиду, тогда будьте увѣрены, что чрезъ 2000 лѣтъ на театрахъ цѣлаго свѣта станутъ читать наши поэмы и представлять нашихъ героевъ въ трагедіяхъ.... Желаніе видѣть своихъ предковъ, подающихъ примѣры мужества, великодушія и пр., есть общее самолюбіе всѣхъ народовъ, и оно имѣетъ свои похвальныя стороны. Но запрещать чужимъ героямъ нравиться на нашей сценѣ, когда мы еще не имѣемъ ни сочинителей трагическихъ, ни актеровъ,—такого самовластія нигдѣ не видано, кромѣ папской инквизиціи. Изъ милости позвольте намъ восхищаться сладкою нѣжностію Расина, мужественною высотою Корнеля и многоразличнымъ блескомъ Вольтера; и пока Козьма Мининъ не заставитъ насъ плакать, не запрещайте намъ ходить въ представленія Федры, Аѳаліи, Ифигеніи, Сида, Гораціевъ, Цинны, Магомета, Заиры, Кесаря, а иногда и Титова милосердія.... Вы меня мучите вопросами: «для чего не создать въ Россіи на театрѣ вкуса, приличнаго нашему свойству?» Я у васъ спрашиваю: для чего бы не построить домъ безъ работниковъ и безъ припасовъ? Вы сами признаетесь, что мы съ вами плохіе работники и что господа «Зрители» печатаютъ насъ развѣ изъ одного снисхожденія или для наполненія листовъ своихъ. Припасовъ много, но и тѣ не годятся для составленія, по желанію вашему, россійскаго вкуса. Зрѣлище есть картина большаго свѣта, сельской жизни или любопытныхъ приключеній древнихъ героевъ. Большой свѣтъ у насъ больше иностранный, нежели русскій; сельскіе жители наши коптятся въ дыму, и надобно быть страшнымъ охотникомъ до романовъ, чтобы недостатки природы дополнить силою воображенія и сплести шалашъ какому-нибудь Ивану изъ миртъ и розовыхъ кустовъ. И такъ намъ остается только общество героевъ. Но между тѣмъ, пока не родится у насъ Шакеспиръ, который бы расширилъ и опредѣлилъ границы россійскаго вкуса, вы сами разберите, въ какихъ тѣсныхъ предѣлахъ будетъ оный заключаться: на площадяхъ, на рынкахъ и въ кабакахъ». Справедливость требованій народнаго театра была подтверждена и публикой и драматическими писателями. Публика встрѣчала съ особеннымъ удовольствіемъ тѣ піесы, которыя въ

дѣйствіи, характерахъ или другихъ, менѣе важныхъ принадлежностяхъ представляли что-либо національное; писатели, принаравливаясь къ ея вкусу, стали, подобно Лукину, перекладывать иностранныя драмы на отечественные нравы или брать сюжеты прямо изъ отечественной жизни. Такъ были переложены комедіи: «Выборъ по разуму (1773)» и «Виндзорскія кумушки (1786). Переводчикъ польской передѣлки Детушева «Мота или расточителя (1778)» «вмѣстилъ» въ свой переводъ русскія пословицы. Комическія оперы служили переходомъ отъ подражаній или передѣлокъ къ собственно русскимъ піесамъ. Въ 1772 г. явились на сценѣ: «Анюта», Михайлы Попова, и «Любовникъ-колдунъ» (нап. 1774); послѣдняя возбудила сочувствіе публики голосами русскихъ пѣсенъ. Матинскій, крѣпостной человѣкъ гр. Ягужинскаго, путешествовавшій по Италіи, сочинилъ двѣ ком. оперы: «Перерожденіе» (пред. 1777, нап. 1779) и «Гостиный дворъ» (нап. 1792). Опасаясь, что публикѣ, привыкшей къ комедіямъ Мольера и Сумарокова, не понравятся «забавныя зрѣлища» другаго рода, въ которыхъ выводится болѣе простая и близкая къ намъ жизнь, дирекція московскаго театра рѣшилась дать «Перерожденіе» не прежде, какъ испросивъ дозволенія у зрителей сочиненнымъ на этотъ случай разговоромъ между «большою» (т. е. высокою, серьезною) комедіею и комическою оперою. Представленіе «Гостинаго двора», по словамъ «Драматическаго словаря (1787)», доставило содержателю вольнаго театра больше прибытка, чѣмъ какая-либо другая піеса. Эта опера понравилась публикѣ «спектаклемъ подъяческой свадьбы въ древнихъ россійскихъ нравахъ», характеромъ жениха-подьячаго и его пѣснью:

Ахъ, что нынѣ за время!
Взятокъ брать не велятъ.

«Несчастіе отъ кареты», Княжнина, относится также къ попыткамъ оживить русскую драму содержаніемъ, взятымъ изъ русскаго простонароднаго быта. Хотя писатели наши, мало знакомые съ низшимъ сословіемъ, большею частію надѣляли его несвойственнымъ ему образомъ мыслей, чувствъ и рѣчи, въ которомъ безъ особеннаго труда узнавалъ себя образованный классъ; но одно уже намѣреніе выдти изъ подъ началъ французскаго вкуса заслуживаетъ похвалу. Чрезвычайный успѣхъ имѣла ком. опера: «Мельникъ, колдунъ, обманщикъ и сватъ (1779)», сочиненная Аблесимовымъ (1742 — 1783). Ее играли сряду 27 разъ, и театръ всегда былъ полонъ. Успѣхъ объясняется тѣмъ, что въ содержаніи «Мельника» дѣйствительно есть національный элементъ; его пѣсни и

куплеты, русскіе по складу и напѣвамъ, перешли даже на улицу. Мельникъ вызвалъ нѣсколько подражаній: «Розана и Любимъ (1781)», Николева, гдѣ зрителямъ особенно нравилась роль Семена Лѣсника; «Судьба деревенская (1772)», Провудина-Горскаго, написанная въ сельскихъ нравахъ; «Сбитеньщикъ (1783)», Княжнина, съ двумя аріями: «Все на свѣтѣ можно» и «Счастье строитъ все на свѣтѣ», бывшими въ большой модѣ; «Колдунъ, ворожея и сваха (1786)», Ювина. Въ 1793 г. Плавильщиковъ написалъ комедію: «Мельникъ и Сбитеньщикъ, соперники», въ которой принимаетъ сторону «Мельника», находя въ піесѣ Аблесимова больше своего, роднаго, чѣмъ въ пьесѣ Княжнина, подражавшаго Мольеровой «Школѣ мужей». Другая его піеса «Бобыль (1792)» пользовалась большою извѣстностью, благодаря сюжету и положеніямъ, взятымъ изъ простонароднаго быта. Кн. Д. Горчаковъ написалъ двѣ ком. оперы: «Счастливая тоня (1786)» и «Баба-Яга (1788)», которыя, вмѣстѣ съ третьей его піесой: «Калифъ на часъ (1786)», долго держались на сценѣ. Говоря о стремленіи нашего театра къ народности, нельзя пройти молчаніемъ піесы Екатерины, «составленныя по русскимъ сказкамъ и пѣснямъ», или имѣвшія цѣлію изобразить крестьянскій бытъ. Таковы комическія оперы: «Февей (1786)», «Новогородскій богатырь Боеславичъ (1786)», «Храбрый и смѣлый витязь Архидѣичъ (1786)», «Горе-богатырь Косометовичъ (1788)» и «Ѳедулъ съ дѣтьми (1790)». Въ послѣдней, пѣсня Дуняши: «Во селѣ, селѣ Покровскомъ», сдѣлалась общеизвѣстною. Кромѣ того, въ 3-мъ дѣйствіи «Начальнаго управленія Олега» представлена старинная свадьба и введены народныя свадебныя пѣсни и обряды. Сочиненіемъ этихъ піесъ Екатерина обнаружила свою любовь и уваженіе къ родной старинѣ и къ простонародному «умоначертанію», равно какъ отступленіемъ отъ «обыкновенныхъ ѳеатральныхъ правилъ», въ подражаніе Шекспиру, она заявила литературную терпимость, рѣдкую въ то время. Для представленія піесъ, которыя приходились на вкусъ «мѣщанъ», былъ даже открытъ въ Петербургѣ особый, народный театръ (1765), существовавшій впрочемъ недолго. Простой народъ посѣщалъ его съ большою охотою платя 50 коп. за мѣсто. Актеры-охотники изъ подъячихъ, мастеровыхъ, наборщиковъ, фабричныхъ и т. п. давали здѣсь: «Генриха и Перниллу», ком. Гольберга, пер. Андрея Нартова (пред. 1760, нап. 1764); «Лекаря по неволѣ», Мольера; «Скупаго», его же, пер. Ивана Кропотова (пред. 1757); «Новопріѣзжихъ», ком. Леграна, пер. Александра Волкова (пред. 1759); «Чадолюбіе», оригинальную комедію того же автора; «Привидѣніе съ барабаномъ или пророчествующій женатый», пер.

Андрея Нартова (пред. 1759, нап. 1764), и «Щепетильникъ», Лукина.

Нѣкоторыя переводныя піесы выдавались за оригинальныя, на что нападалъ Чулковъ, въ своемъ журналѣ: «И то и се»; другія, заимствованныя изъ иностранной литературы, «склонялись» на русскіе нравы; третьи были дѣйствительно русскія сочиненія. Изъ всего этого значительнаго количества драмъ немногія возвышаются надъ общимъ уровнемъ посредственности. Таковы комедіи Веревкина, Ефимьева, Клушина, Капниста и Судовщикова.

Въ комедіи Веревкина (1732—1795): «Такъ и должно», самъ авторъ цѣнилъ больше драматическій ея интересъ, чѣмъ комическій. Онъ хотѣлъ представить «отличныя дѣйствія добродѣтели, которыя, не только въ жизни встрѣчаемыя, но и въ книгахъ описанныя, приводятъ насъ въ восторгъ и нерѣдко извлекаютъ слезы». Поэтому дѣйствующія лица дѣлятся у него на двѣ категоріи: трогательныя и забавныя. Къ первымъ относятся двое Доблестиныхъ: дядя и племянникъ; ко вторымъ: Афросинья Сысоевна, уѣздная дворянка, страшно недовольная настоящимъ временемъ, въ которомъ видитъ только мотовъ, безбожниковъ и «фармазоновъ»; домовый дуракъ ея Фока; Урывай Алтынниковъ, съ приписью подьячій; воевода Протазанъ Безсчетный, зѣвающій и засыпающій въ судѣ при чтеніи дѣлъ. Сцены, когда молодой Доблестинъ узнаетъ въ колодникѣ-нищемъ своего дядю и потомъ требуетъ его освобожденія изъ тюрьмы, въ которую онъ былъ посаженъ по одному подозрѣнію, написаны во вкусѣ Дидро. По теоріи этого философа, любившаго въ своихъ драмахъ разсуждать о любви, добродѣтели, правахъ человѣчества и другихъ предметахъ, Веревкинъ также далъ мѣсто нѣсколькимъ декламаторскимъ тирадамъ. Лучшая часть піесы именно та, которую авторъ цѣнилъ меньше. Лица дворянки, воеводы и подьячаго доказываютъ несомнѣнный комическій талантъ, наблюдательность и умѣнье находить меткую, свободную отъ книжныхъ формъ, живую рѣчь для каждаго характера.

Комедія Ефимьева (1768—1804): «Преступникъ отъ игры, или братомъ проданная сестра» (1788), принадлежитъ также къ «слезнымъ», какъ видно по самому названію. Главное лице піесы—молодой офицеръ Безразсудовъ, предавшійся игрѣ. Проигравъ все имущество, онъ рѣшился продать свою сестру Прелесту, выдавъ ее за крѣпостную дѣвку. Но это преступленіе осталось безъ трагическихъ послѣдствій: покупщикъ нашелся въ Честонѣ, влюбленномъ въ Прелесту, на которой онъ женится, уничтоживъ купчую и заплативъ долги Безразсудова. Примѣръ игрока-преступника ставится на видъ всѣмъ игрокамъ, какъ нравоучительный выводъ ко-

медіи. Послѣдніе стихи показываютъ, что піеса легко могла бы кончиться неутѣшительной развязкой:

Плоха матерія преступниковъ закона!
Не всякій попадетъ на нашего Честона.

Все достоинство комедіи Ефимьева состоитъ въ немногихъ сценахъ, частію трогательныхъ, частію комическихъ, въ извѣстной долѣ остроумія и въ удачныхъ стихахъ.

Въ «Примѣчаніи» на комедію Клушина († 1804): «Смѣхъ и горе (1793)», Крыловъ, соредакторъ автора по изданію С.п.-бургскаго Меркурія, основательно высказалъ достоинства и недостатки его піесы, принятой публикою съ большимъ одобреніемъ. Къ достоинствамъ отнесены: изображеніе нѣкоторыхъ характеровъ (Вздоровой—пожилой кокетки, Вѣтрона—моднаго повѣсы), хорошіе стихи, остроумная и ѣдкая сатира. Главный недостатокъ заключается въ томъ, что «сатира не соединена съ дѣйствіемъ». Цѣль піесы—осмѣять порокъ двумя противоположными способами: смѣхомъ и плачемъ, почему и выведены Хохоталкинъ и Плаксинъ. Но эти лица, имѣющія значеніе Демокрита и Гераклита, являются передъ зрителями для того только, чтобы выставить различныя точки зрѣнія на одни и тѣже предметы; они говорятъ, а не дѣйствуютъ; они сатирики, а не характеры; ихъ можно уволить изъ піесы, какъ лица эпизодическія, выходящія на сцену и сходящія со сцены безъ участія въ дѣйствіи.

«Ябеда» (пред. 1796, нап. 1798), комедія Капниста (1757—1824), достойна стоять въ одномъ ряду съ «Недорослемъ». Она принадлежитъ къ числу тѣхъ комедій, которыя, по важности своего содержанія, носятъ названіе «общественныхъ», обличающихъ господствующій недостатокъ цѣлаго общества или какого-либо его сословія въ извѣстную эпоху. Чѣмъ враднѣе порокъ дѣйствуетъ на нравы и чѣмъ обширнѣе его вліяніе, тѣмъ болѣе возвышается значаніе піесы, отдающей его на судъ и посмѣянье свѣта. У строптивыхъ людей разные нравы, говоритъ Капнистъ въ посвященіи піесы императору Павлу: иному не страшна казнь, но онъ боится злой славы; и потому, желая обезславить мздоимство и ябеду, онъ написалъ комедію, въ которой изображено то и другое. Что въ очеркахъ и отрывкахъ разсѣяно по сатирамъ Кантемира, по сочиненіямъ Сумарокова и журналамъ 1769—74 г. г., то въ Ябедѣ образуетъ цѣльную картину, нарисованную яркою кистью. Двоякій предметъ узнается какъ изъ посвященія, такъ и изъ первой сцены перваго акта. Лице злаго ябедника Праволова, подкупность, плутовство и грабительство чиновниковъ метко описаны

повытчикомъ Добровымъ, единственно честнымъ человѣкомъ изъ всѣхъ членовъ гражданской палаты, въ его разговорѣ съ полковникомъ Прямиковымъ. Нѣкоторыя характеристики сдѣлались типическими поговорками, наприм.:

..... Гражданскій предсѣдатель
Есть сущій истины Іуда и предатель.—
..... Прокуроръ,
Чтобъ въ риему мнѣ сказать—существеннѣйшій воръ.
Вотъ прямо въ точности всевидящее око:
Гдѣ плохо что лежитъ, тамъ зетитъ онъ далеко.—
А о секретарѣ, дуракъ, кто слово тратитъ:
Хоть голъ будь какъ ладонь, онъ что-нибудь да схватитъ.—

Соотвѣтственно двумъ предметамъ піесы, и нравственный выводъ ея относится во-первыхъ къ ябедѣ, а потомъ къ лихоимству. «Что ни говори, а дѣло плоховато»! восклицаетъ предсѣдатель Кривосудовъ, попавшій въ уголовную вмѣстѣ съ прокуроромъ Хватайко, секретаремъ Кохтинымъ и другими членами палаты. Это плоховатое дѣло произошло, по объясненію служанки, отъ того, что ея «господинъ «жилъ ябедой и тѣмъ, что взято, то свято». Сюжетъ «Ябеды», по обычаю французскихъ комедій, не обходится безъ любви и свадьбы. Есть и неизбѣжная Софья, дочь Кривосудова, въ которую влюбленъ Прямиковъ, но которую хотятъ выдать за Праволова. Сцена пирушки у предсѣдателя, по случаю именинъ его жены и сговора дочери, превосходно выставляетъ безцеремонное обращеніе чиновниковъ съ законами: не стѣсняясь ни чѣмъ, служители Ѳемиды цинически высказываютъ свой образъ мыслей и дѣлъ. Особенно славилась пѣсня прокурора:

Бери, большой тутъ нѣтъ науки;
Бери, что только можно взять:
На чтожъ привѣшены намъ руки,
Какъ не на то, чтобъ брать?

Комедія оканчивается торжествомъ правды и наказаніемъ порока. сенатъ, узнавъ продѣлки Праволова, предписалъ посадить его въ тюрьму, а членовъ палаты предать суду; Прямиковъ является въ минуту невзгоды, упавшей на отца Софьи, и предлагаетъ ей свою руку: предложеніе, конечно, принято съ радостью. Но какъ дѣйствительность часто идетъ на перекоръ моральнымъ тенденціямъ комика, то и здѣсь довѣріе къ удовлетворительной, по видимому, развязкѣ подрывается замѣчаніемъ служанки, которая говоритъ Доброву:

Авось-либо и все намъ съ рукъ сойдетъ слегка;

Добровъ отвѣчаетъ:

Впрямь: моетъ, говорятъ, вѣдь руку-де рука;
А съ уголовною гражданская палата,
Ей, ей, частехонько живетъ за панибрата.
Не то, при торжествѣ уже какомъ ни есть,
Подъ милостивый васъ поддвинутъ манифестъ.

Успѣхъ «Ябеды» былъ чрезвычайный. Публика принимала ее съ шумными рукоплесканіями; но тѣ изъ зрителей, къ которымъ относились слова Доброва:

..... законы святы,
Но исполнители—лихіе супостаты,

были въ такой же степени ею недовольны. Язвительная сатира, живые, схваченные съ натуры характеры, сильные стихи долго удерживали эту комедію на сценѣ и сохраняютъ за ней и теперь право называться однимъ изъ лучшихъ произведеній нашей драматической литературы.

Комедія Судовщикова: «Неслыханное диво, или честный секретарь», по своему предмету имѣетъ сходство съ «Ябедой». Она представляетъ лихоимство въ лицѣ предсѣдателя Кривосудова и честное, правдивое служеніе законамъ въ лицѣ секретаря Правдина. До появленія своего въ печати (1802), она долгое время ходила въ рукописи. Нѣкоторое вліяніе на нее «Ябеды» доказывается самыми именами лицъ: Кривосудовъ, Пряниковъ; квартальный Крючкострой, удачно начертанный, занимаетъ мѣсто Праволова, Правдинъ—Доброва, Милена (дочь Кривосудова)—Софьи. Стихи гладки и по мѣстамъ исполнены сатирическихъ выходокъ.

Княжнинъ (Яковъ Борисовичъ) род. въ Псковѣ. До 15-ти лѣтъ учился дома. Въ 1757 привезли его въ Петербургъ и отдали къ профессору Ак. Н., Модераху; здѣсь онъ узналъ франц., нѣм. и итал. языки. Окончивъ ученіе, началъ служить въ иностранной коллегіи, а потомъ въ канцеляріи о строеніи домовъ и садовъ. Затѣмъ перешелъ въ военную службу, къ фельдмаршалу К. Г. Разумовскому. Трагедія Дидона (1769) сдѣлала его извѣстнымъ публикѣ. Того же года поѣхалъ въ Москву, представилъ свою піесу Сумарокову и женился на его дочери Екатеринѣ, также писавшей стихи. Разстройство имѣнія и какія-то другія непріятныя обстоятельства «растерзали его чувствительную душу», по словамъ одной біографіи: онъ вышелъ въ отставку (1772), уединился въ семействѣ и предался исключительно литературѣ. Къ этому-то времени относятся его переводы, которыми онъ занимался по заказу стихотворцевъ и которые служили ему пособіемъ при разстроенныхъ дѣлахъ. Въ 1779 г. онъ снова вступилъ въ службу секретаремъ къ Бецкому и кромѣ того преподавалъ въ кадетскомъ корпусѣ русскую словесность (Краткое начертаніе жизни Княжнина, при 3-мъ изд. его сочиненій, 1817; Словарь свѣт. писателей, Евгенія; статьи В. Стоюнина:

«Я. Б. Княжнинъ», въ 5, 6 и 7 №№ Библ. для чтенія 1850; мои статьи о сочиненіяхъ Княжнина въ 4, 8 и 12 № От. Зап. 1850; Княжнинъ и трагедія его «Вадимъ», М. Лонгинова, въ 4 № Рус. Вѣст. 1860; Еще о Княжнинѣ и трагедія его Вадимъ, В. Стоюнина, въ 10 № Рус. В. 1860; «Матеріалы для полнаго собранія сочиненій Княжнина», М. Лонгинова, въ 11 и 12 №№ Рус. Архива 1866).

Лукинъ (Владиміръ Игнатьевичъ) служилъ секретаремъ при И. П. Елагинѣ, кабинетъ-министрѣ Екатерины II. Въ біографіи Фонъ-Визина мы уже видѣли, что между нимъ и Лукинымъ были самыя непріятныя отношенія. Другіе писатели также не любили Лукина, почему онъ и комедіи его часто подвергались нападкамъ въ журналахъ, особенно въ «Трутнѣ» и «Всякой Всячинѣ, которую издавалъ Козицкій, пріятель Сумарокова. Причины такого нерасположенія надобно искать частію въ характерѣ Лукина, вѣроятно тяжеломъ и неуживчивомъ, частію и въ томъ, что онъ выражалъ свои мнѣнія прямо и рѣзко, не стѣсняясь литературными авторитетами, къ числу которыхъ принадлежалъ Сумароковъ. Главная изъ его піесъ—«Мотъ, любовію исправленный» (представлена 1765). Она написана въ назиданіе тѣмъ, кто въ молодости предается игрѣ, какъ это случилось съ самимъ авторомъ, и имѣла большой успѣхъ. Другія, подражательныя комедіи: «Пустомеля» и «Щепетильникъ (о Лукинѣ, статьи А. Пыпина въ 8 и 9 №№ От. Зап. 1853).

Аблесимовъ (Александръ Онисимовичъ) служилъ сначала въ лейбъ-компанской канцеляріи при Сумароковѣ, сочиненія котораго часто переписывалъ на бѣло, что и возбудило въ немъ склонность къ стихотворству. Потомъ опредѣлился въ коммиссію проэкта новаго уложенія, а отсюда перешелъ въ военную службу, адъютантомъ къ генералу Сухотину, дослужился до капитанскаго чина и былъ экзекуторомъ при московской управѣ благочинія. Умеръ въ величайшей бѣдности, употребляя получаемое жалованье на воспитаніе единственной дочери. Сочиненія его: нѣсколько стихотвореній въ «Трудолюбивой Пчелѣ» (1759); Сказки въ стихахъ (1769); Стихотворенія и прозаическія статьи въ Трутнѣ (1769—70); «Подьяческая пирушка», ком. въ 5 д. (не нап.) Мельникъ, колдунъ, обманщикъ и сватъ. (предст. 1779); «Походъ съ непремѣнныхъ квартиръ» (не нап. и не дошла до насъ, хотя часто была играна); Счастье по жеребью, оп. въ 1 д. (1780); «Странники», діалогъ на открытіе москов. петровскаго театра (1780); Разскащикъ забавныхъ басенъ, стихами и прозою (1781). Аблесимовъ, по отзыву современниковъ его, былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ русскихъ писателей, которые вполнѣ понимали характеръ своего народа и сильно содѣйствовали его развлеченію. Въ другихъ комическихъ операхъ (Управителѣ, Несчастіи отъ кареты и т. п.) много заимствованнаго; Аблесимовъ не могъ заимствовать, потому что не зналъ ни одного языка, кромѣ роднаго.

Веревкинъ (Михаилъ Ивановичъ) воспитывался въ Сухопутномъ корпусѣ, откуда поступилъ въ военную службу (1742 г.). При открытіи Московскаго университета (1756) опредѣленъ въ него ассессоромъ, а въ 1758 г. директоромъ казанской гимназіи. Исполненіемъ своихъ педагогическихъ обязанностей онъ оправдалъ выборъ начальства: заботился объ успѣхахъ учащихся, пріискивалъ годныхъ учителей и

хлопоталъ о пріобрѣтеніи учебныхъ пособій, старался возбудить въ гимназистахъ любовь къ чтенію, заставлялъ ихъ выучивать наизусть сочиняемыя преподавателями на разныхъ языкахъ рѣчи, представлять трагедіи Сумарокова, танцовать и фехтовать. По доносу учителей на разные безпорядки, Шуваловъ (кураторъ москов. университета) отставилъ его отъ директорства (1761). Въ 1763 г. состоялъ при Кабинетѣ у перевода иностранныхъ книгъ на рус. языкъ, а во время пугачевскаго бунта—директоромъ походной канцеляріи гр. П. И. Панина. Послѣ того служилъ еще въ разныхъ мѣстахъ по гражданскому вѣдомству; вышелъ въ отставку 1781 г. Веревкинъ былъ уменъ и остеръ, считался очень образованнымъ человѣкомъ для своего времени и обращалъ на себя вниманіе, какъ литераторъ. Онъ отличался способностью блистать въ обществѣ разговоромъ. «Когда онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ (говоритъ кн. Вяземскій), то, съ шести часовъ утра, прихожая его наполнялась присланными съ приглашеніями на обѣдъ, вечеръ; хозяева сзывали гостей «на Веревкина». Отправляясь на вечеринку или обѣдъ «говорить», онъ спрашивалъ у товарищей своихъ: «какъ хотите — заставить ли мнѣ сегодня слушателей моихъ плакать, или смѣяться?» И съ общаго назначенія то морилъ со смѣху, то приводилъ въ слезы». — Веревкинъ отличался замѣчательнымъ трудолюбіемъ. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ плодовитыхъ переводчиковъ и сочинителей. Главнѣйшій переводъ его: Исторія о странствіяхъ вообще, сокращенная Лагарпомъ изъ Исторіи Прево, 22 ч. (1782—87). Онъ имѣлъ даже намѣреніе перевести всю французскую Энциклопедію (Дидро). Кромѣ «Такъ и должно», онъ написалъ еще комедіи: Именинники (1774) и Точь въ точь (1785) («М. И. Веревкинъ», Рус. Бесѣда 1860, № 1).

§ 28. Кромѣ героическаго эпоса, мы имѣли пародіи на него или эпосъ комическій, который можетъ быть двоякаго рода: или маловажный предметъ воспѣвается тономъ какого-либо важнаго эпическаго произведенія; или послѣднее представляется въ противоположномъ, т. е. смѣшномъ видѣ, «выворачивается на изнанку». Образцы того и другаго представляютъ «Энеида», вывороченная на изнанку Осиповымъ и Котельницкимъ (1791—1808); «перелицованная» на малорусскій языкъ Котляревскимъ (1789); «Похищеніе Прозерпины», Котельницкаго (1795); поэмы Майкова: «Игрокъ ломбера» (1763) и «Елисей, или раздраженный Вакхъ» (1769). Эпосъ-пародія, или такъ называемая ирои-комическая поэма (ироническая по тону и внѣшней формѣ, комическая по содержанію), тогда только становится достойнымъ памятникомъ поэзіи, когда движется въ средѣ глубокой сатиры или свободнаго юмора; иначе она служитъ простою забавой, какъ смѣхотворная повѣсть, которая своею цѣлью не выкупаетъ посягательства на красоту художественнаго созданія. Но и въ послѣднемъ случаѣ комическій эпосъ можетъ имѣть зна-

ченіе, если онъ осмѣиваетъ господство ложнаго литературнаго вкуса, или даетъ таланту, надъ которымъ тяготѣетъ враждебное ему вліяніе, способъ вырваться на просторъ и заявить свою оригинальность, или, наконецъ, героевъ и событія чуждаго міра замѣщаетъ дѣлами и лицами, хотя и мелкаго разбора, но домашними, интересными для насъ, какъ наша собственность. Сочиненія Майкова (1728—1778) доказываютъ, какъ много выигрываетъ дарованіе, отрѣшаясь отъ предвзятой теоріи и сознавая свойственную ему дѣятельность. Въ одѣ «на вкусъ», онъ восхваляетъ Сумарокова, какъ высшій образецъ его, и хочетъ летѣть за нимъ во-слѣдъ; а между тѣмъ своею извѣстностью одолженъ стихотвореніямъ, которыя написаны вовсе не въ Сумароковскомъ вкусѣ. Не зная ни одного иностраннаго языка, онъ переложилъ «съ россійской прозы въ стихи» Вольтерову Меропу и, вѣроятно, подобнымъ же образомъ «перевелъ» стихами «Овидіевы превращенія» и «Военную науку» Фридриха II; сочинилъ, въ ложно классическомъ вкусѣ, трагедіи: «Агріопу» и «Өемисту и Іеронима»; писалъ оды, басни и другія стихотворенія. Но изъ всего, имъ написаннаго, исторія словесности отличаетъ только его комическія поэмы, въ которыхъ онъ обнаружилъ талантъ, остроуміе, искреннюю веселость, наблюдательность. По своей оригинальности онѣ стоятъ въ сторонѣ отъ обычной манеры современныхъ пѣснопѣвцевъ, умѣвшихъ «хитро ломать естество», какъ выразился Майковъ. «Игрокъ Ломбера» есть шутливый разсказъ сновидѣнія, представившаго всѣ перипетіи карточной игры; чудесное состоитъ въ олицетвореніи старшихъ картъ.—Герой другой поэмы: «Елисей или Раздраженный Вакхъ» — ямщикъ изъ Зимогорья. Вакхъ, въ гнѣвѣ на откупщиковъ за дороговизну вина, выбираетъ его орудіемъ своего мщенія. Мститель вводится Силеномъ въ домъ одного откупщика, оскорбляетъ честь его жены, опустошаетъ погребъ и потомъ начинаетъ разорять другихъ откупщиковъ; но такая дерзость прогнѣвляетъ Зевса, который собираетъ совѣтъ боговъ и по суду его Елисей отдается въ солдаты. Въ поэмѣ выступаетъ на сцену русское простонародье; всѣ ея дѣйствія пародируютъ дѣйствія серьезнаго эпоса: валдайцы и зимогорцы, подобно грекамъ и троянамъ, образуютъ два воинства; кулачные бои и драки первыхъ соотвѣтствуютъ битвамъ вторыхъ; они дерутся за сѣнокосъ, какъ будто за Трою или за тѣло Патрокла; гнѣвъ Елисея есть своего рода Ахилловъ гнѣвъ; похожденія его въ Калинкиномъ домѣ, связь съ тамошней начальницей и тайный выходъ оттуда напоминаетъ пребываніе Энея у Дидоны; какъ Эней повѣствуетъ кареагенской царицѣ свою про-

шедшую судьбу, такъ Елисей разсказываетъ начальницѣ прядильнаго дома о борьбѣ зимогорцевъ съ валдайцами. И во всемъ составѣ поэмы видно соблюденіе ложно-классическихъ правилъ и пріемовъ: она начинается словомъ «пою» и обращеніемъ къ лирѣ и Скаррону (образцу Майкова, автору «Энеиды, вывороченной на изнанку»). Современникамъ нравилась такая вѣрность ложно-классическимъ требованіямъ отъ комическаго эпоса; они хвалили «Елисея», какъ первую правильную у насъ шутливую поэму. Но, разумѣется, не въ этомъ главное достоинство забавной пародіи: она, какъ проявленіе своеобразнаго таланта, есть протестъ противъ односторонней торжественности искуственной поэзіи. Если уже переложеніе чужаго на родные обычаи и нравы привлекало сочувствіе читателей, то Майковъ пошелъ дальше: онъ почерпалъ матеріалъ для своихъ произведеній непосредственно изъ русской жизни, почему и былъ любимымъ въ свое время писателемъ; его читали люди не одного высшаго общества, но и «средняго рода», что и служитъ лучшимъ доказательствомъ его дѣйствительной популярности, какою немногіе пользовались въ XVIII вѣкѣ ([1]).

Изъ разныхъ видовъ повѣстей и романовъ явились у насъ прежде всего философско-политическіе, имѣвшіе цѣлію служить руководствомъ въ наукѣ правленія. Прототипомъ ихъ былъ «Телемакъ», Фенелона, котораго первое изданіе вышло у насъ въ 1747, хотя ему предшествовали рукописные переводы. Тредьяковскій переложилъ его гекзаметрами, подъ названіемъ «Тилемахиды» (1766); но еще прежде того (1751) онъ познакомилъ насъ съ «Аргенидой» ([2]), Іоанна Барклая, политическимъ романомъ, содержащимъ въ себѣ аллегорическое изображеніе состоянія Франціи и другихъ западныхъ государствъ въ эпоху лиги. Успѣхъ «Телемака» вызвалъ множество подражаній Фенелону, изъ коихъ укажемъ слѣдующія: «Жизнь Сиеа, царя египетскаго», аббата Террасона, переводъ фонъ-Визина (1762—68), «Велисарій» Мармонтеля и «Нума Помпилій», Флоріана, также переведенные на русскій языкъ (первый былъ переводимъ нѣсколько разъ, и въ томъ числѣ «разными знатными особами на Волгѣ», сопровождавшими Екатерину II во время ея путешествія въ Казань, нап. 1768 г.; второй—1788).

1) «О жизни и сочиненіяхъ В. И. Майкова», Л. Майкова (Сочиненія и переводы В. И. Майкова, въ изданіи Глазунова: Русскіе писатели XVIII и XIX ст., подъ Редакціей П. Ефремова).

2) Имя вымышленной сицилійской царицы, подъ которой, какъ полагали, разумѣлась Франція или династія Валуа.

Подражателемъ романовъ этого рода явился Херасковъ. Ему при-принадлежатъ: Нума, или процвѣтающій Римъ (1768), Кадмъ и Гармонія (1786), Полидоръ, сынъ Кадма и Гармоніи (1794), Царь, или спасенный Новгородъ (1800). При всей своей безцвѣтности и длиннотѣ, они не чужды указаній на тѣ предметы, которые, въ періодъ двухъ царствованій (Екатерины и Павла), интересовали вниманіе образованнаго класса. Текущія событія не только служили поводомъ къ ихъ появленію, но и отразились въ нихъ извѣстнымъ образомъ и въ извѣстной степени.

«Нума, или процвѣтающій Римъ», изображаетъ, въ лицѣ римскаго царя, Екатерину II, правленіе которой составляетъ второй періодъ въ исторіи новой, или петровской, цивилизаціи, какъ сказано въ эпилогѣ къ этому эпическому повѣствованію. Всѣ дѣйствія Нумы касательно воспитанія, законодательства и другихъ предметовъ внутренняго устройства вытекаютъ изъ началъ истины, добродѣтели и правосудія, бывшихъ лозунгомъ XVIII вѣка; почему Херасковъ и заключаетъ свое сочиненіе такими словами: «Можно теперь сказать съ божественнымъ Платономъ: счастливы тѣ народы, у которыхъ философъ государемъ бываетъ, или государь философомъ сдѣлается». Какъ «Нума» относится къ началу царствованія Екатерины II, такъ «Полидоръ» (1794) касается событій, занимавшихъ правителей и общество въ послѣдніе годы ея жизни. Хотя повѣствованіе о сынѣ Кадма и Гармоніи есть по преимуществу нравоучительное, доказывающее возможность изъ каждаго добра и зла извлекать пользу, однакожъ въ немъ высказываются не одни нравственныя, но и политическія мнѣнія автора. Многія мѣста представляютъ государственный переворотъ, совершившійся во Франціи. Представленіе особенно ясно въ третьей главѣ, описывающей посѣщеніе Полидоромъ какого-то острова Терзита на Атлантическомъ океанѣ. Въ жителяхъ этого острова (соименника «презрительному Терзиту» Иліады) является народъ, зараженный вольнодумствомъ, жаждою свободы и равенства, разрушившій всѣ прежнія основы общества. Полидоръ рѣшается возстановить и дѣйствительно возстановляетъ порядокъ у терзитянъ, доказывая право своего вмѣшательства тѣмъ, что «народы, сами собою управляющіе, больше пекутся о частномъ своемъ благѣ, а цари, правящіе государствами, обязаны пещись о благѣ всего свѣта». «Царь, или спасенный Новгородъ», изображаетъ двѣ картины: въ одной представлены «ужасъ безначалія, бѣшенство мнимой свободы и безумное алканіе равенства»; въ другой—счастіе государствъ и народовъ. По цѣли и направленію эта стихотворная

*

повѣсть тѣсно связана съ «Полидоромъ». Оба сочиненія написаны подъ вліяніемъ идей и намѣреній, которыми руководствовалась тогдашняя политика европейскихъ державъ. Какъ Полидоръ усмиряетъ терзитянъ, а Рюрикъ новгородцевъ, такъ цари должны возстановить порядокъ въ взволнованной Франціи. Этотъ долгъ, по убѣжденію Хераскова, въ особенности лежалъ на императорѣ Павлѣ, которому повѣсть посвящена и въ которомъ она видитъ укротителя революціи, возстановителя престоловъ, какъ бы новаго Полидора, давшаго государственное устройство терзитянамъ:

Когда я Рюрика и Гостомысла пѣлъ,
Тебя въ душѣ моей и въ мысляхъ я имѣлъ:
Ты также, какъ они, престоломъ обладаешь,
Чертогъ народнаго блаженства созидаешь.....
Но паче ихъ сердца, Монархъ, увеселяешь,
Что громомъ зло разишь, престолы возставляешь.

Изъ романовъ моральнаго направленія пользовались большою извѣстностью произведенія аббата Прево (Prevost d'Exiles): «Приключенія маркиза Г.... или жизнь благороднаго человѣка, оставившаго свѣтъ», переводъ И. Елагина и В. Лукина (1756—1765); «Философъ Англинской или житіе Клевеланда побочнаго сына Кромвелева, самимъ имъ писанное» (1760—1767); «Настоятель Килеринской» (1765—1781). Они пришлись по вкусу нашихъ переводчиковъ, которые отъ вымышленныхъ повѣствованій требовали не забавы только, но и пользы. Беллетристика должна была, по тогдашнему взгляду, и научать и поучать, сообщая нужныя знанія, внушая правила доброй нравственности. Кромѣ моральнаго урока, выводимаго изъ судьбы героинь и героевъ, читатель выслушивалъ назидательныя размышленія и правила, которыя почитались самой здоровой приправою книги: такъ «Настоятель Килеринской» (Doyen de Killerine) названъ «*нравоучительною* повѣстью, снабженной всѣмъ тѣмъ, что можетъ учинить чтеніе ея полезнымъ и пріятнымъ». А какъ торжество добродѣтели и наказаніе порока всего лучше могутъ выказаться въ превратностяхъ человѣческой жизни, то содержаніемъ романа обыкновенно служили разнообразныя приключенія или похожденія. Выборъ такого сюжета представлялъ удобство и потому еще, что, заставляя героя странствовать въ разныхъ краяхъ, романистъ достигалъ и второй своей цѣли—удовлетворялъ любознательности читателя описаніемъ государствъ и народовъ. Форма изложенія — всегда почти разсказъ самого лица, отъ чего такіе романы могутъ быть причислены къ мемуарамъ: «Приключенія маркиза Г....» въ подлинникѣ называются: «*Memoires* de Marquis***

ou aventures d'un homme de qualité qui s'est retiré du monde»; «Настоятель Киллеринской» сочинен также «из *записок* одной знатной ирландской фамиліи». Означенные романы Прево заслужили похвалу современных французских критиков: одни хвалили его за разнообразіе вымышленных похожденій и картин, за пламенное изображеніе страстей; другіе за то, что он исполнил прямую обязанность романиста, ибо «в романах, как и в драмах, порок должен быть всегда наказан, а добродѣтель всегда награждена». У нас они читались также с большим удовольствіем. «Приключенія маркиза Г***» имѣли три изданія; дѣйствующее лице обратилось в маркиза «Глаголя», по прежнему обычаю называть буквы славянскими их именами. Как этот роман, так и «Житіе Клевеланда» обращались даже в низшем кругу грамотных людей: в комедіи Крылова «Урок дочкам» слуга Семен присвоивает имя маркиза Глаголя, по совѣту горничной Даши, видно читавшей роман, а в комедіи «О время» Ханжахина обзывает свою горничную басурманкой за то, что она иногда читает Клевеланда. Переводчики наши смотрѣли на эти романы, как на поучительное чтеніе и ожидали от них пользы для нравственнаго чувства. Предисловіе к Клевеланду объясняет ее таким образом: в романах «изображаются нравы человѣческіе, добродѣтели их и немощи; показываются от разных пороков разныя бѣдствія в примѣрах, то причиняющих ужас, то соболѣзнованіе и слезы извлекающих; и между цѣпью наистрожайшим порядком совокупленных приключеній наставленія к добродѣтели полагаются». И читатели сознавали доброе вліяніе романическаго чтенія. По крайней мѣрѣ, так думали Карамзин и Дмитріев. Первый говорит: «герои и героини, не смотря на многочисленныя искушенія рока, остаются добродѣтельными, всѣ злодѣи описываются самыми черными красками; первые наконец торжествуют, послѣдніе, как прах, исчезают». Второй с похвалою отзывается о маркизѣ Глаголѣ и Клевеландѣ: «они возвышали мою душу, были антидотом противу всего низкаго и порочнаго».

Разсказы о приключеніях явились у нас из подражанія господствовавшей в иностранных романах модѣ водить читателя, как говорится, за тридевять земель в тридесятое царство. К таким разсказам принадлежат сочиненія Θедора Эмина (1735—1770), издателя «Адской почты». Его собственная жизнь была своего рода романом. Родом поляк, Эмин долго странствовал по свѣту. В Турціи, по какому-то несчастному с ним приключенію, он был вынужден принять магометанство и поступить

въ янычары. Успѣвъ тайно отплыть изъ Константинополя въ Лондонъ, явился къ русскому посланнику кн. Голицыну и перешелъ въ православіе. По прибытіи въ Петербургъ (1761) былъ учителемъ въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ и переводчикомъ сначала въ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, а потомъ въ Кабинетѣ. «Спадши съ колесницы фортуны и охромѣвши въ счастіи», Эминъ «началъ подпираться перомъ своимъ», т. е. сочинять и переводить. Не смотря на разнорѣчивость его показаній о себѣ самомъ, несомнѣнно то, что онъ былъ человѣкъ съ дарованіями и начитанный, зналъ нѣсколько языковъ, легко и скоро выучился русскому, видѣлъ на своемъ вѣку многое, и романы его читались охотно, равно какъ сатирическій журналъ «Адская почта» и назидательная книга «Путь ко спасенію». Лучшій романъ Эмина—«Непостоянная фортуна или похожденіе Мирамонда», имѣвшій три изданія (первое 1763) и посвященный графу Г. Г. Орлову, котораго авторъ называетъ своимъ «спасителемъ, благоволившимъ отогнать отъ очей его непросвѣтимый мракъ противнаго магометанскаго закона и озарить ихъ божественнымъ свѣтомъ евангельскія истины». Романъ исполненъ хитросплетенныхъ злоключеній, приличныхъ «свѣтозрителю», какимъ былъ самъ Эминъ, девять лѣтъ проведшій въ странствованіяхъ. Главное лице романа—Мирамондъ, сынъ министра турецкаго султана, отправленный отцемъ въ чужія государства для изученія политики, подъ надзоромъ ментора Азыза и въ товариществѣ съ Феридатомъ, подъ именемъ котораго авторъ представилъ себя самого: «сія книжица истинныя Мирамондовы приключенія и мое несчастное похожденіе въ себѣ заключаетъ». Цѣль сочиненія двоякая, согласно тому, что сказано о романахъ этого рода: во первыхъ—«описанныя здѣсь страны, по которымъ чрезъ нѣсколько лѣтъ носилъ меня рокъ, къ совершенству достигающихъ (читателей) любопытство удовольствовать могутъ»; во вторыхъ—«сплетенныя приключенія, здѣсь изображенныя, того къ добродѣтели привѣтствуютъ (привлекаютъ), кто съ точнымъ разсужденіемъ околичности оныхъ разбирать станетъ».—«То правда», говоритъ въ другомъ мѣстѣ авторъ, «что многія здѣсь сыщутся мыслями моими сплетенныя приключенія; однако ни одно изъ нихъ безъ намѣренія не написано, и каждое изображаетъ въ себѣ нѣчто или удовольствіе тебѣ (читателю) приносящее, или совѣсти твоей полезное». Обращеніе къ читателю, въ концѣ романа, выказываетъ искреннее элегическое чувство, заставляющее вѣрить предположенію, что въ судьбѣ Феридата Эминъ описалъ приключенія своей жизни:

Если Феридатовы злосчастія какого-либо соболѣзнованія достойны, то онъ (*сочинитель*) тебя униженно проситъ, чтобы ты разсуждать изволилъ съ сожалѣніемъ о его горестныхъ злоключеніяхъ. Знай то, что онъ и нынѣ въ мысляхъ своихъ часто бываетъ несчастенъ, стенаетъ и воздыхаетъ, воспоминая о минувшемъ, трепещетъ и ужасается, размышляя о неизвѣстности предбудущаго. Философія злосчастному и многими язвами сердце зараженное имѣющему не въ пользу бываетъ, потому что чѣмъ наше сердце съ младолѣтства напоено, то не скоро изъ онаго истребить возможно. Прошу и увѣщаваю тебя, имѣй сожалѣніе о бѣдныхъ, ибо предвидѣть того не можешь, что завтра съ тобой статься можетъ; мы всѣ перемѣнамъ подвержены, постоянности ни въ чемъ нѣтъ, и если сегодня нашъ ближній утопаетъ въ бѣдствіи, то завтра и мы оному подлежать можемъ. Ни достоинство, ни богатство—никого отъ злосчастія искупить не можетъ; и хотя я всякому желаю совершеннаго благополучія, однако самъ разсуди, благосклонный читатель, могутъ ли человѣческія желанія перемѣнить опредѣленія Всевышней власти. И такъ самъ собою старайся заслужить себѣ благополучіе, а о томъ не позабывай, что коль трудно сухощавому быть толстымъ, толь легко толстому похудѣть.

И независимо отъ сходства своего положенія съ положеніемъ дѣйствующаго лица въ романѣ, Эминъ любилъ не забывать себя и при случаѣ являться передъ читателемъ съ какою-нибудь выходкой, иногда элегической, а иногда юмористической. Такъ, напримѣръ, сказавъ, что Мирамондъ началъ умствовать послѣ утраты своего благополучія, онъ прибавляетъ: «и я, хотя межъ умныхъ себя поставить не могу, однако какъ бѣдность меня прижала, принялся къ сему моему сочиненію, началъ разсуждать философически, въ разныхъ переводахъ и чтеніи разныхъ книгъ на разныхъ языкахъ упражняться и быть доволенъ малымъ, когда большаго нѣтъ».

Изъ романовъ, относящихся къ одному роду съ сочиненіями Эмина, заслуживаетъ вниманія «Несчастный Никаноръ, или приключеніе жизни россійскаго дворянина Н***» [1], хотя и справедлива замѣтка Карамзина, что онъ, по литературному достоинству, принадлежитъ къ самымъ посредственнымъ. У «Никанора» былъ свой, и не малый, кругъ читателей, находившихъ повѣсть автора чувствительною и занимательною, и ея дѣйствіе большею частію совершается въ предѣлахъ отечества, а не въ Азіи и Африкѣ. Кромѣ того, приключенія злосчастнаго россійскаго дворянина не сплошной вымыселъ: это ясно по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, дѣйствительно бывшимъ, и по нѣкоторымъ лицамъ, дѣйствительно

1) Первое изданіе въ одной части (1775), второе въ 2 ч. (1787), третья часть—1789 г.

существовавшимъ, даже историческимъ. Здѣсь говорится о генералъ-фельдцейхмейстерѣ князѣ Рѣпнинѣ (Васильѣ Аникитичѣ, умершемъ 1748 г.), объ Ильѣ Александровичѣ Бибиковѣ (отцѣ Александра Ильича, извѣстнаго по дѣйствіямъ противъ Пугачева) и Иванѣ Ивановичѣ Свѣчинѣ, изъ которыхъ Бибиковъ былъ полковымъ командиромъ Никанора, а Свѣчинъ его двоюроднымъ братомъ, о смоленскомъ губернаторѣ Аршеневскомъ, о московскомъ докторѣ Кондоиди, о посѣщеніи Москвы дворомъ и пр. Трудно допустить, чтобы авторъ рѣшился съ такою точностью обозначать имена и фамиліи лицъ, безъ всякаго ихъ отношенія къ судьбѣ своего героя. Эта судьба сплетена изъ разныхъ несчастій. Единственный сынъ богатаго помѣщика, владѣвшаго четырьмя стами душъ въ одной изъ низовыхъ губерній, Никаноръ, на восьмомъ году возраста, поступилъ въ инженерный корпусъ, откуда выпущенъ кондукторомъ. Вскорѣ по выпускѣ онъ былъ командированъ изъ Петербурга въ Цесарію (точнѣе во Франконію), по случаю нашего вмѣшательства въ вопросъ объ австрійскомъ наслѣдствѣ, на основаніи оборонительнаго договора съ Англіею, коимъ Императрица Елисавета положила оказать помощь Маріи Терезіи въ ея войнѣ съ французами. Слѣдовательно, дѣйствіе романа открывается въ 1747 г. Съ прибытія Никанора въ Ригу, начались его злоключенія, о которыхъ онъ въ послѣдствіи разсказываетъ по вечерамъ какой-то княгинѣ. Вся жизнь его проходила въ любви. Одна страсть смѣнялась другою, но не изъ прихоти или вѣтренности, а по какой-то горемычной долѣ, словно на роду ему написанной. Онъ не имѣлъ и тѣни сходства съ Донъ-Жуаномъ или Фобласомъ; напротивъ, онъ былъ человѣкъ мирнаго нрава, тихаго обхожденія, искательный, довѣрчивый, готовый на послуги и угожденія. До какой степени простиралась его безотвѣтность, можно судить по словамъ жены его: «мнѣ кажется (закричала на него она однажды), если кто съ тебя не только рубашку сниметъ, но и кожу сдеретъ, ты и тогда огорченъ не будешь». Обращеніе его съ прекраснымъ поломъ отличалось особеннымъ нѣжносердечіемъ. Даже на старости лѣтъ онъ всѣми силами старался служить дамамъ со всякимъ усердіемъ и почитаніемъ: «игралъ съ ними въ маленькую игру, для препровожденія времени, въ кадриль и въ ломберъ; употреблялъ всякія пристойныя шутки; пѣлъ и сочинялъ пѣсни и всякіе увеселительные стишки; смотрѣлъ имъ на руки, будто-бы ученъ онъ былъ хиромантіи и въ издѣвкахъ обнадеживалъ каждую изъ нихъ особливымъ благополучіемъ; сказывалъ имъ сказки и исторіи; на святкахъ производилъ съ ними всякія игры и гаданія; въ маскарадахъ одѣвался въ женское платье; словомъ ска-

зать, все то дѣлалъ, что въ угодность имъ служило». Кромѣ пѣсенъ и увеселительныхъ стишковъ, Никаноръ сочинялъ оды и подносилъ ихъ Екатеринѣ II: одна изъ нихъ, написанная вскорѣ по вступленіи Императрицы на престолъ, помѣщена въ самомъ романѣ. За то «благородныя женщины и дѣвицы города», въ которомъ Никаноръ пріютился, «такъ его принимали, какъ будто бы своего ближняго, но притомъ недостаточнаго родственника; и всякая старалась чѣмъ нибудь по бѣдности его наградить; и столько много они его любили, что всегда желали имѣть его при себѣ въ своей компаніи». У Никанора и не лежало сердце къ мужской компаніи; въ теченіи цѣлаго романа онъ постоянно обращается въ кругу прекраснаго пола, хотя отъ него-то и сдѣлался «несчастнымъ». Несчастія свои приписываетъ онъ не самому себѣ, а «горестному сложенію смертныхъ». Виновенъ ли я состою тѣмъ», восклицаетъ онъ однажды, «что *вложено въ меня слабое, необоронительное сердце*»? И вотъ слабосердечіе завлекаетъ Никанора изъ одной напасти въ другую. Ради любви—единственнаго своего времепровожденія—онъ даже рѣшался на безнравственные поступки, въ которыхъ потомъ раскаявался: обманулъ отца ложнымъ паспортомъ, будто бы выданнымъ ему отъ полковаго командира; хотѣлъ увезти съ собой въ армію чужую крѣпостную дѣвку; вмѣсто того, чтобы отправиться къ мѣсту своего назначенія, пробирался за границу. Послѣ нѣсколькихъ романическихъ похожденій—любви къ двумъ, находившимся у него въ услуженіи дѣвушкамъ, которымъ онъ предлагалъ свою руку, но которыя отказали ему не потому, чтобъ сами не чувствовали къ нему привязанности, а потому, что считали себя недостойными такой чести,—Никаноръ наконецъ женился и имѣлъ двухъ дѣтей, вымышленныя имена которыхъ (Огорчена и Правосудъ) портятъ достовѣрную обстановку повѣсти. Но жена бросила его, какъ только онъ лишился имѣнія «обманомъ своей тетки», а дочь, служившая ему отрадой, умерла. И остался онъ одинъ одинешенекъ, безъ семейства и имѣнія, доживать свой вѣкъ, въ отдаленномъ отъ столицы городѣ, у какого-то добраго человѣка, разсказывая знакомымъ свои приключенія и выводя изъ нихъ такую мораль: «теперь-то я нахожу себя благополучнымъ, когда далече отъ благополучія моего я самъ отдалился; теперь считаю я себя богатымъ, когда всего моего имѣнія безъ остатку лишился; теперь я признаю себя счастливымъ, когда всѣ мои злоключенія и печали удары свои на мнѣ уже совершили; теперь могу назвать остатки дней моихъ, препровождаемые въ здѣшнемъ городѣ, златымъ я вѣкомъ, когда ни о чемъ

уже больше попеченія не имѣю; теперь ничто меня не безпокоитъ и ничто не трогаетъ». Чтобы дать понятіе о языкѣ и характерѣ разсказа, приводимъ изъ него небольшой отрывокъ:

И я взялъ смѣлость подойти къ Елеонорѣ (такъ имя той дворянской дочери); она, съ великою ласкою поцѣловавъ меня въ високъ, подала мнѣ свою руку; я, принявъ ее, послѣдовалъ предъидущимъ. И какъ вошли мы въ садъ, тогда капитанъ-поручикъ пошелъ передъ нами съ хозяиномъ, ведучи хозяйку за руку; а позади ихъ велъ я Елеонору; а за нами слѣдовали товарищъ мой Алексѣй Е. съ племянникомъ хозяйскимъ. И каждые, шедши изъ насъ своею партіею, особливые имѣли разговоры: капитанъ-поручикъ разговаривалъ съ хозяиномъ и съ хозяйкою о расположеніи мѣста того сада; а Алексѣй Е. съ племянникомъ хозяйскимъ вошли въ разговоръ о военныхъ дѣлахъ и наукахъ; а мы съ Елеонорою продолжали рѣчь о нѣжной пріятности случившагося тогда воздуха. И такъ шли мы проспектомъ прямо къ одной галереи; но Елеонора сказала мнѣ, чтобъ я пошелъ съ нею въ лѣвую сторону въ куртину того сада, гдѣ можетъ она нарвать хорошихъ яблокъ. Я весьма охотно повелѣніямъ ея повиновался. И какъ вошли мы съ нею въ ту куртину, тогда Елеонора, сорвавъ хорошее яблоко и вынувъ изъ кармана складной ножичекъ, коимъ, разрѣзавъ оное, поднесла ко мнѣ и просила меня, чтобъ я отвѣдалъ, каковы яблоки въ ихъ саду. Я, съ великимъ удовольствіемъ принявши, съѣлъ яблоко и сказалъ ей: я въ жизнь мою, милостивая государыня, нигдѣ и никогда такихъ пріятнаго вкуса яблокъ еще не ѣдалъ. Ахъ, господинъ Никаноръ! сказала она, чрезвычайная похвала составляетъ опорочиваніе. Клянусь вамъ въ томъ, милостивая государыня, сказалъ я, что не лестно объ ономъ я вамъ докладываю; да и какой бы притомъ ни былъ хотя изъ всѣхъ родовъ лучшій фруктъ, то оной такъ вкусенъ и пріятенъ для меня быть не можетъ, какъ это яблоко, котораго сладость не только гортань, но и сердце ощущаетъ. А! сказала Елеонора: такъ вы, можетъ быть, иначе разумѣете вкусъ этого яблока, для того что оно сорвано съ моей любимой яблони и что я вамъ сдѣлала почтеніе поднесла его изъ своихъ рукъ; я бъ желала, чтобъ вы навсегда съ таковымъ вкусомъ наслаждались плодомъ моей любимой яблони. Счастливъ бы я назваться могъ, милостивая государыня, сказалъ я, еслибъ я удостоенъ былъ именоваться садовникомъ родителя вашего сада: я бъ вашу любимую яблонь не только хранилъ, но и обожалъ бы навсегда.

Въ прибавленіе къ Никанору замѣтимъ, что наша литература XVIII вѣка знаетъ еще другаго россійскаго дворянина, бывшаго, въ удивительныхъ превратностяхъ своей жизни, «то сыномъ счастія, то несчастію преданнымъ рабомъ». Описаніе этихъ перемѣнъ, имъ самимъ сочиненное на испанскомъ языкѣ (?), перевели потомъ на нѣмецкій, а съ нѣмецкаго на русскій, подъ заглавіемъ:

«Странныя приключенія Димитрія Магушкина (¹), россійскаго дворянина» (2 ч., 1796). Разсказъ начинается торжественнымъ образомъ, *ab ovo*—со дня рожденія героя: «Пространное и отдаленнымъ народамъ долгое время бывшее неизвѣстнымъ россійское государство произвело родъ мой со многими другими изъ нѣдръ южной своей части: городъ Воронежъ, наименованіе свое имѣющій отъ рѣки того же имени, орошающей его, есть отечество моихъ родителей». Могушкинъ явился на свѣтъ 1667 г., «въ то самое время, когда благородная наша нація праздновала масляницу предъ великимъ постомъ». Отецъ его, бояринъ Василій Никоновичъ, воронежскій губернаторъ (?), пользовался отъ царя Алексѣя Михайловича великою знатностью и милостью, за свои заслуги. При Ѳедорѣ же Алексѣевичѣ, онъ, по завистливымъ наговорамъ, былъ отрѣшенъ отъ должности; однакожъ ему дали въ команду полкъ, съ которымъ онъ отличился въ сраженіи съ турками подъ Чигиринымъ (1678), что и доставило ему знатное мѣсто въ этомъ городѣ. Приключенія молодаго Могушкина дѣйствительно странны. Въ самый день крестинъ, когда и господа и прислуга перепились на радости, загорѣлся домъ: родильница съ трудомъ была спасена, а кормилица, испугавшись медвѣдя, котораго держали забавы ради и который сорвался съ цѣпи въ общей суматохѣ, бросила новорожденнаго на дворѣ, гдѣ поднялъ его какой-то литовскій служитель и принесъ къ хозяину своему, тоже литвину, жившему въ пригородной слободѣ. Такимъ образомъ, изъ боярскаго и губернаторскаго сына Могушкинъ сдѣлался сыномъ крестьянина. Съ тѣхъ поръ судьба играла нмъ какъ мячикомъ. Подвергая его диковиннымъ случайностямъ, бросая его изъ одного мѣста въ другое, она забросила его наконецъ въ Испанію. Отсюда онъ прибылъ въ Венецію, поступилъ на службу Венеціанской республикѣ и «донынѣ тамъ находится». Самымъ важнымъ фактомъ въ жизни Могушкина было его троеженство, чему онъ самъ несказанно дивился и что главнѣйшимъ образомъ понудило его написать свои мемуары. Впрочемъ, казусное дѣло не имѣло такихъ горькихъ послѣдствій, какъ въ баснѣ Крылова «Троеженецъ». Напротивъ, герой нашъ благополучно устроился, не смотря на то, что всѣ три его супруги сошлись у него въ одно время. Двухъ онъ оставилъ при себѣ: Лумиллу, первую по счету и старшую лѣтами, въ видѣ матери, а Мумеху, какъ супругу; третью же, Амазиру, съ ея согласія, уступилъ своему пріятелю, который былъ влюбленъ

---

¹) Такъ стоитъ въ заглавіи, но въ самомъ разсказѣ онъ называется Могушкинымъ.

въ нее. Все это не невозможно, при всей своей странности. Но сомнѣніе въ томъ, что имени Могушкина нѣтъ между воронежскими воеводами ни въ статьѣ митрополита Евгенія: «Воронежъ» (Словарь Географическій Россійскаго Государства, Щекатова), ни въ «Разрядныхъ книгахъ», ни въ указателяхъ къ «Актамъ», ни даже въ «Древнихъ грамотахъ и другихъ письменныхъ памятникахъ, касающихся Воронежской губерніи» (собранныхъ Второвымъ и Александровымъ-Дальникомъ). Значитъ, герой-авторъ вывелъ себя подъ вымышленнымъ именемъ, имѣя на то свои причины, и всю историческую и топографическую обстановку разсказа—событія и ихъ годы, города: Чигиринъ и Воронежъ, рѣки: Донецъ и Оскулъ (Осколъ) и проч., придумалъ только въ интересахъ достовѣрности. Не думаю также, чтобы сочиненіе принадлежало русскому перу и выдано за переводъ для какого-нибудь «прикрытія», какъ говорилось прежде. Русскій не назвалъ бы воеводу губернаторомъ, а Чигиринъ—Чехриномъ, если только не предполагать, что переводчикъ, по незнанію русской исторіи и географіи, оставилъ эти слова въ томъ видѣ, въ какомъ они, быть можетъ, находятся въ подлинникѣ. Принимая въ соображеніе, что между приключеніями описываются частыя набѣги татаръ и ихъ стычки съ русскими, что дѣйствіе долгое время происходитъ въ Литвѣ и Польшѣ, и что въ разсказѣ попадаются латинскія изреченія, нельзя ли «Странныя приключенія Могушкина» почитать произведеніемъ польской литературы?

Охотники до соблазнительнаго чтенія, не знавшіе французскаго языка, могли у насъ читать переводы нѣкоторыхъ романовъ временъ Людовика XV и революціи. Важнѣйшій между ними, «Фоблазъ», имѣлъ два перевода: петербургскій (Приключенія Шевалье де Фоблаза, 1792—96) и московскій (Жизнь и приключенія кавалера Фоблаза, 1793). Второе его изданіе, равно какъ переводъ другаго романа того же автора (Луве де Кувре): «Емилія Вармонтъ или разводъ по нуждѣ», относятся къ началу нынѣшняго столѣтія (1805). Не то дурно, что авторъ изображалъ безнравственныя явленія жизни: эпохи герцога орлеанскаго и Дюбарри не походили на вѣкъ невинности; литература есть зеркало общества, и, конечно, «не зеркало виновато, если рожа крива». Дурно то, что безнравственныя явленія изображены сочувственно, какъ идеалъ. Наши сочинители романовъ—надобно отдать имъ справедливость — не заражались такимъ недостойнымъ сочувствіемъ: ихъ отношеніе къ порочному чуждо французской легкомысленности; они смотрѣли на него глазами гнѣвной сатиры или, по крайней мѣрѣ, съ комической точки зрѣнія. Для примѣра укажемъ оригинальную повѣсть М. Чулкова,

остановившуюся на первой части: «Пригожая повариха или похожденіе развратной женщины» (1770) [1]. Въ свое время она имѣла большой успѣхъ; кромѣ того, ея заглавіе связано съ анекдотомъ о Суворовѣ [2]. Слово «развратная» показываетъ, что авторъ не выдаетъ кривду за плѣнительное дѣло, а указываетъ ея прямое свойство. Конечно, въ разсказѣ своихъ веселыхъ и пикантныхъ приключеній, героиня не отличается стыдливостью и не щадитъ стыдливости читателей; откровенность ея иногда безцеремонна; иногда и совѣсть не зазираетъ ее по той причинѣ, что «есть на свѣтѣ люди гораздо ея отважнѣе, которые въ одну минуту надѣлаютъ больше худаго, нежели она надѣлала въ три дня»; ея мнѣнія о себѣ самой отзываются съ одной стороны равнодушіемъ къ тому образу жизни, который она вела, а съ другой сомнѣніемъ въ лучшемъ качествѣ людей вообще, какъ будто разрѣшающимъ ея грѣхи; по временамъ она играетъ своими сужденіями, говоря, напримѣръ, что если бы «непостоянство и роскошь не побѣждали порочныхъ женщинъ, то онѣ были бы добродѣтельнѣе ростовщика и скупаго»: однакожъ, при всемъ этомъ, она не тщеславится своими продѣлками, принимая ихъ за продѣлки; безъ утайки причисляетъ себя къ порочнымъ женщинамъ; въ своихъ бѣдахъ видитъ послѣдствіе своего поведенія, которое по малой мѣрѣ, иронически называетъ не совсѣмъ изряднымъ; и виня людей, сбивающихъ ближняго съ пути и потомъ не въ мѣру взыскательныхъ къ ближнему, она, въ то же время, не оправдываетъ и себя, согласно съ пословицей: «неправъ медвѣдь, что корову съѣлъ, неправа и корова, что въ лѣсъ забрела». Морально-обличительный элементъ повѣсти выражается большею частію въ подобныхъ пословицахъ, которыми авторъ, по любви своей къ нимъ, пересыпалъ разсказъ пригожей поварихи.

Прямѣе и строже отнесся къ общественной безнравственности А. Измайловъ въ романѣ: «Евгеній или пагубныя слѣдствія дурнаго воспитанія и сообщества» (2 ч., 1799—1801). Это — сатира на легкомысленную, полную недостойныхъ явленій жизнь нѣкоторыхъ помѣщиковъ. Она замѣчательно-вѣрно представляетъ бытовую сторону нашего полуобразованнаго общества во второй поло-

---

[1] Содержаніе этого романа изложено г. Лонгиновымъ въ его «Библіографическихъ запискахъ» (Современникъ 1856, № 6).

[2] Однажды гр. Растопчинъ желалъ узнать мнѣніе Суворова о знаменитыхъ воинахъ и военныхъ книгахъ. Суворовъ перечислялъ всѣхъ извѣстныхъ полководцевъ и писателей, и при каждомъ имени крестился. Наконецъ, сказавъ Растопчину на ухо: «Юлій Кесарь, Аннибалъ, Бонапарте, Домашній лечебникъ, Пригожая повариха», заговорилъ о химіи.

винѣ прошлаго вѣка. Всѣ ея лица ясно высказываютъ себя не только своими поступками, но даже фамиліями: Негодяевъ, Развратинъ, Вѣтровы, Лицемѣркина, Подлянковы, гувернеръ Pendard (бездѣльникъ), гувернантка Sans-pudeur (безстыдная). Молодые еще хуже старыхъ. Родители какъ бы по завѣщанію передали дѣтямъ всѣ качества негодной своей натуры, которыя потомъ усилены и закрѣплены негоднымъ воспитаніемъ. Хорошаго не найдешь въ нихъ и съ фонаремъ. Единственная ихъ забота состоитъ въ томъ, чтобы удовлетворять животно-эгоистическимъ наклонностямъ. При выборѣ къ тому средствъ они не задумываются нисколько: все хорошо, что ведетъ къ цѣлямъ. А этихъ цѣлей не мало: успѣхи свѣтскаго волокитства и чувственныхъ наслажденій, состояніе на службѣ съ увольненіемъ себя отъ всякихъ служебныхъ обязанностей, легкое добываніе денегъ на мотовство, возліянія Бахусу, возмутительное обращеніе съ крестьянами и прислугой. Нѣтъ ни религіознаго чувства, ни понятія о долгѣ, ни патріотизма, ни истиннаго самолюбія; ни гражданской и семейной чести, ни любви и почтенія къ родителямъ, которые приходятъ на память лишь въ то время, когда необходимо выпросить у нихъ денегъ, нажитыхъ безъ труда, обманомъ или беззаконнымъ ростовщичествомъ. Подобное скопленіе отвратительныхъ личностей и дѣлъ въ небольшомъ романѣ, конечно, вредитъ его достоинству, какъ преднамѣренная односторонность; но каждая личность и каждое дѣло, взятыя порознь, не противорѣчатъ ни психологической возможности, ни исторической правдѣ. Герой романа, Евгеній Негодяевъ, немногимъ умнѣе Иванушки (въ комедіи «Бригадиръ») и многимъ хуже его въ нравственномъ отношеніи: въ немъ изъ подъ внѣшней цивилизаціи постоянно пробиваются грубыя, безсердечныя черты Скотинина и Митрофана. Сынъ бригадира просто смѣшонъ, а Евгеній отвратителенъ съ самаго дѣтства. Наперсникъ Негодяева, Развратинъ, умѣлъ съ несказаннымъ искусствомъ жить на счетъ другихъ и принадлежалъ къ числу вольтеріанцевъ: «онъ не наблюдалъ ни естественнаго закона, ни христіанскаго, хвасталъ какъ педантъ, пилъ какъ ремесленникъ, игралъ на биліардѣ какъ маркеръ и злословилъ какъ богомолка». Исторія его разсказана не безъ искусства. Однимъ словомъ, повѣсть отличается чувствомъ дѣйствительности, которое должно быть поставлено въ заслугу автору, тѣмъ болѣе, что онъ писалъ ее, имѣя только восьмнадцать лѣтъ отъ роду.(1) и въ эпоху увлеченія Бѣдною Лизой. Са-

---

1) Самъ Измайловъ говоритъ:

Восьмнадцати, не больше, лѣтъ
Урода этого я произвелъ на свѣтъ.

тирическое дарованіе взяло у него верхъ надъ приманками сентиментализма. Правда и то, что онъ имѣлъ передъ собою хорошіе образцы — сатирическіе журналы 1769—74 гг. Многія характеристики лицъ, равно какъ и многія картины домашняго и свѣтскаго быта живо напоминаютъ статьи Всякой всячины, Трутня, Живописца. Такова, напримѣръ, переписка Евгенія съ родителями, видимо внушенная письмами отца, матери и дяди Фалалея Трифоновича. Кромѣ того, въ романѣ Измайлова выказалась особенность его пера — цинизмъ изображенія и выраженія, заслужившій ему имя русскаго Теньера № 1, которое онъ принималъ охотно, съ сознаніемъ своего отличительнаго достоинства, и которое въ самомъ дѣлѣ было достоинствомъ. Авторъ находилъ удовольствіе подбирать такія слова и краски, которыя отвѣчаютъ изображаемымъ предметамъ и событіямъ. Безцеремонность и наивная грубость послѣднихъ отражаются на слогѣ и рисовкѣ ихъ повѣствователя. Будучи сатирой, «Евгеній» въ тоже время принадлежитъ къ отдѣлу нравоучительныхъ романовъ: онъ имѣетъ цѣлію, какъ говоритъ заглавіе, показать «пагубныя слѣдствія дурнаго воспитанія и сообщества». Авторъ надѣялся, что книга его можетъ быть не только пріятна, но и полезна, т. е. что иные родители, прочитавъ ее, приложатъ рачительнѣйшее стараніе о воспитаніи своихъ дѣтей. Послѣдняя глава играетъ роль Немезиды: всѣ лица несутъ заслуженную кару. Самъ Негодяевъ вошелъ въ неоплатные долги, былъ посаженъ, по просьбѣ заимодавцевъ, въ магистратъ, занемогъ тамъ горячкою и умеръ на 24-мъ году отъ рожденія; Вѣтровы продали половину своихъ крестьянъ и вмѣстѣ съ кредитомъ потеряли названіе «хорошо живущихъ людей»; дочь ихъ, увезенная Распутинымъ и потомъ брошенная имъ, сокрыла въ рѣкѣ свой стыдъ; Распутинъ занемогъ въ то самое время, какъ хотѣлъ жениться на другой дѣвушкѣ, и похороненъ въ тотъ день, въ который думалъ праздновать свадьбу; у Лицемѣркиной тысячъ съ тридцать пропало на должникахъ, да тысячъ съ двадцать укралъ у нея неблагодарный слуга Степка и бѣжалъ съ ними невѣдомо куда; у Тысящникова, мучителя своихъ крестьянъ, пожаръ истребилъ весь хлѣбъ; monsieur Pendard (Евгеніевъ учитель) добываетъ серебро и золото изъ нерчинскихъ рудниковъ; madame Sans pudeur попалась на какую-то суконную фабрику, гдѣ и прядетъ шерсть весьма искусно. Короче, порокъ наказанъ, и если добродѣтель не торжествуетъ, то потому единственно, что добродѣтельныхъ въ романѣ нѣтъ.

Современники Сумарокова особенно уважали его басни, видя въ нихъ «сокровище россійскаго Парнасса». Восторженные хвалители

подносили ему двойной вѣнецъ—Расина и Лафонтена. Если онъ не превзошелъ французскаго баснописца, говорили они, то, безъ сомнѣнія, сравнялся съ нимъ. Но изъ множества притчъ, переведенныхъ и сочиненныхъ Сумароковымъ, хороши именно тѣ, которыя ни по формѣ, ни по содержанію не имѣютъ ничего общаго съ баснями, и дурны большею частію тѣ, которыя относятся къ разряду басенъ. Сумароковъ былъ сатирикъ: сатирическое направленіе и составляетъ особенность и вмѣстѣ достоинство нѣкоторыхъ его притчъ, или другихъ стихотвореній, неизвѣстно почему помѣщенныхъ между притчами. Впечатлительный авторъ съ трудомъ покорялся условіямъ посредственнаго представленія жизни. Ему не доставало самообладанія, нужнаго для того, чтобы отъ начала до конца выдержать аллегорію. Онъ нетерпѣливо отбрасывалъ покровъ ея, и уже прямо, а не иносказательно, выговаривалъ, что у него было на сердцѣ. Поэтому въ притчахъ его много открытыхъ указаній на современные нравы, случаи, даже лица. Само собою разумѣется, что при такой откровенности нравоученіе, разоблачающее смыслъ басеннаго разсказа, становилось совершенно безполезнымъ. Съ этой-то точки зрѣнія, Карамзинъ почиталъ басни Сумарокова лучшимъ его твореніемъ: онѣ нравились ему «рѣзкою сатирой, сильными, безпощадно-язвительными стихами».

Не съ Сумарокова, а съ Хемницера (1744—1784) слѣдуетъ вести начало нашей искуственной басни. Басни его дѣлятся на переводныя и оригинальныя. Зная нѣмецкій языкъ, онъ переводилъ не Лафонтена только, но и Геллерта, который въ своихъ басняхъ былъ тѣмъ же, чѣмъ и на каѳедрѣ—профессоромъ морали: нравоученіе сильно выступаетъ впередъ, занимая иногда цѣлую, даже большую половину басни. Хемницеръ умѣлъ избѣгать этого недостатка. Понимая, что длинная мораль рѣдко бываетъ хороша и что авторъ обязанъ предоставлять иные выводы собственной догадкѣ читателей, онъ частію опускалъ, частію сокращалъ многорѣчивыя нравоученія Геллерта. Простота изложенія, и замысловатая, подъ часъ очень злая, наивность, при всей кажущейся безхитростности, служатъ главными отличіями его басенъ. И онъ самъ, и друзья его сознавали эти отличія. Въ посвященіи своихъ басенъ Дьяковой (сестрѣ второй жены Державина), онъ проситъ ее извинить «простой» ихъ слогъ. Слово «простой» относится не къ одному слогу, но и къ изобрѣтенію, составу и изложенію каждой басни. Надпись къ портрету баснописца говоритъ о не простотѣ, какъ главномъ его качествѣ:

Въ природѣ, въ простотѣ онъ истину искалъ;
Какъ видѣлъ, такъ ее списалъ.

Басни Хемницера служатъ вѣрнымъ отраженіемъ его характера и жизни: вотъ въ чемъ ихъ несомнѣнное достоинство. Хемницеръ, сколько намъ извѣстно изъ его біографіи, постоянно находился въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Честный, добросовѣстный, правдивый, онъ чувствовалъ цѣну своего ума и образованія, но, по врожденной ему простотѣ и скромности, никогда не выставлялъ ихъ на-показъ ни начальству, ни публикѣ, ни даже друзьямъ. По смерти отца, онъ остался съ матерью и двумя сестрами, которыхъ долженъ былъ содержать своимъ трудомъ. Но трудъ человѣка, дѣлающаго свое дѣло безъ шума и блеска, а единственно по чувству долга или по внутреннему призванію, рѣдко получаетъ достойное вознагражденіе. Такъ было и съ Хемницеромъ. Онъ очень хорошо зналъ, какъ легко живется на свѣтѣ глупцу или богачу, и какъ трудно пробивать себѣ дорогу умнымъ бѣднякамъ, которыхъ все имущество, и наслѣдственное и благопріобрѣтенное, состоитъ въ нравственныхъ качествахъ, да въ образованности. Это горькое знаніе выражено его баснями. Существенное ихъ содержаніе сводится къ двумъ мыслямъ: печальной долѣ ума и бѣдности, привольному житью богатства и глупости. Нравоученіе «Умирающаго отца» безъ оговорокъ утверждаетъ, что о глупцѣ нечего заботиться:

Дуракъ ужъ, вѣрно, сыщетъ средство
Счастливымъ въ свѣтѣ быть.

Элегическій мотивъ басни: «Пожилой гадатель», показываетъ, что сочинитель ея имѣлъ въ виду свое личное дѣло. Молодой человѣкъ пожелалъ узнать, какова будетъ его жизнь—счастливая или злосчастная; онъ призвалъ гадателя:

Гадатель былъ старикъ и строго честь любилъ,
Онъ зналъ людей и въ свѣтѣ жилъ,
Дѣтинѣ этому печально отвѣчаетъ:
Немного жизнь твоя добра предвозвѣщаетъ;
Ты къ счастью, кажется, на свѣтѣ не рожденъ:
Ты честенъ, другъ, да ты жъ уменъ.

Послѣдніе четыре стиха, опущенные при новомъ изданіи басенъ, содержатъ въ себѣ отвѣтъ старику:

Печальный прорекатель!
Какой стоическій урокъ!
Но къ счастію, что ты гадатель,
А не пророкъ.

Напрасное утѣшеніе! Молодой человѣкъ ошибся: старикъ былъ не пророкъ, а угадчикъ. Печальное гаданье повторяется на разные лады

въ басняхъ, указывая то блаженство глупости, то невзгоды и бѣдствія ума, честности, правды, трудовой жизни. Въ другой разъ, вѣроятно, тотъ же самый «дѣтина» спросилъ старика о средствахъ сдѣлаться знатнымъ (Совѣтъ старика). Будь храбръ, мой другъ, отвѣчалъ ему старикъ, отложи покой и забавы, трудомъ пріобрѣтай себѣ честь и славу, отличайся отъ другихъ глубокимъ знаніемъ.—Какъ это трудно! нѣтъ ли другихъ, болѣе легкихъ способовъ войти въ чины и почести?—

Ужъ легче нѣтъ того, какъ дуракомъ прожить.

Басня: «Богачъ и бѣднякъ» также построена на элегическій тонъ, вызванный неправымъ почетомъ богатству и столь же неправымъ презрѣніемъ къ бѣдности, поклоненіемъ мѣшку, набитому деньгами, а не внутреннимъ достоинствамъ человѣка. Но если свѣтъ не цѣнитъ послѣднихъ, то Хемницеръ зналъ ихъ самостоятельную, независимую отъ свѣтскихъ сужденій цѣнность. Умъ и глупость, невѣжество и образованіе часто противополагается въ его басняхъ. Исторія «мѣщанина въ баронствѣ» (Баронъ, изъ Геллерта) доказываетъ ничтожность богатства безъ образованія. Нравоученіе басни «Попугай» считаетъ бѣдою для умнаго человѣка попасться въ домъ невѣжды. Скромная работница, Пчела, уподобляется наукѣ, а Курица, носящаяся съ своимъ яйцомъ, хвастливому невѣждѣ (Пчела и курица). Этотъ умъ, которымъ такъ дорожитъ баснописецъ, не долженъ, по его мнѣнію, заходить за разумъ. Простой по нраву и образу жизни, простой въ своемъ авторствѣ, Хемницеръ любилъ тоже качество въ сужденіяхъ и въ наукѣ. Здравомысліе предпочиталъ онъ умствованію, пріемы безхитростнаго мышленія діалектическимъ тонкостямъ. Басня «Метафизикъ» есть сатира противъ тѣхъ школьныхъ вралей,

Которые съ ума не разъ людей сводили,
Неистолкуемымъ давая толкъ вещамъ.

Въ другой баснѣ (Буквы) являются «ученые отцы», любящіе въ самыхъ незначительныхъ словахъ открывать тайный смыслъ: такое направленіе учености басня называетъ сумасбродствомъ, доводящимъ и другихъ до безумія. «Лисица и сорока» замѣчаетъ, что у людей

Чѣмъ кто глупѣе,
Тѣмъ въ доказательствахъ сильнѣе.

«Ереси и спорныя слова, разсѣянныя въ законахъ», погубили множество народа, по словамъ басни «Слѣпцы». Кто скроменъ въ мыс-

ляхъ и желаніяхъ, тотъ не заносится высоко, а любитъ осторожно ступать по землѣ, «ловить, что сыщется подъ ногами, а не то, что летаетъ надъ головой» (Собака и муха). Хитроуміе ведетъ къ заблужденіямъ: умствуя, мы зовемъ счастіе несчастіемъ и клянемъ истинное благо, почитая его зломъ (Крестьянинъ съ ношею). И потому-то именно, что Хемницеръ смотрѣлъ себѣ подъ ноги, онъ лучше хитроумныхъ видѣлъ людскія злоупотребленія и неправду, особенно неправду на службѣ. Басня «Воинъ» представляетъ честнаго служиваго, обойденнаго наградой, но не напоминающаго о томъ начальству. Пускай, говоритъ онъ, лучше мнѣ скажутъ,

За что̀ креста я не прошу,
А не за что̀ я крестъ ношу.

«Часовая стрѣлка» показываетъ искусство нѣкоторыхъ особъ получать отличія за труды подчиненныхъ: какъ «иной дѣлецъ чужими чванится дѣлами». «Оплошалая Лисица» есть образъ тѣхъ людей, которые, вѣря пословицѣ: «отъ добра добра не ищутъ», не запасаются на всякій случай двумя тремя служебными мѣстечками:

Сталъ новый командиръ изъ мѣста выжимать:
Другое есть, куда пристать.
Хоть впрочемъ иногда случится,
Гдѣ статскій чинъ сидѣлъ, военный очутится;
Да дѣло здѣсь о томъ: когда пришла бѣда,
Что надобно бѣжать,—такъ было бы куда.

Дополнимъ наши указанія еще двумя баснями: «Великанъ и карлики» и «Паукъ и мухи». Гдѣ карлики не находили дна, тамъ великанъ перешелъ рѣку въ бродъ; такъ и въ дѣлахъ: иному океанъ—лужица, а иному и лужица—океанъ. Ту паутину, въ которую мушиная мелочь попадается сплошь и рядомъ, большая муха легко прорываетъ:

А это и съ людьми бываетъ,
Что маленькимъ, куда
Ни обернись, бѣда.
Воръ, напримѣръ, большой, хоть въ кражѣ попадется,
Выходитъ правъ изъ подъ суда;
А маленькій наказанъ остается.

Какъ же искоренять безпорядки и злоупотребленія? Хемницеръ оставляетъ этотъ вопросъ безъ отвѣта. Онъ знаетъ только, что ихъ не искоренишь тѣмъ способомъ, который всегда почти употребляется, т. е. начиная сметать соръ съ нижнихъ ступеней лѣстницы (басня «Лѣстница»):

На что бы походило,
Когда бъ въ правленіи, въ какомъ бы то ни было,
Не съ вышнихъ степеней, а съ нижнихъ начинать
Порядокъ наблюдать?

Ясному отраженію личности автора въ его сочиненіяхъ, полныхъ отношеній къ его жизни семейной и служебной, мы частію приписываемъ боязнь Хемницера выпустить въ свѣтъ свои басни. Излишняя совѣстливость мѣшала ему выставлять передъ публикой свою собственную личность, которою онъ, по скромности и простотѣ, мало занимался, всенародно исповѣдовать свои чувства и мысли, дѣлиться съ читателемъ наблюденіями и намеками, изъ которыхъ иные, какъ онъ самъ говорилъ друзьямъ, будутъ, кромѣ того, приняты въ дурную сторону и могутъ повредить его службѣ. Хемницеръ всегда твердилъ своимъ баснямъ «жить правдою и говорить правду»: какъ же было имъ явиться въ общество, которое и жило и говорило иначе? какъ, напримѣръ, Бѣднякъ, извѣдавшій на опытѣ неправое презрѣніе къ бѣдности, рѣшился бы еще дать ей въ спутницы суровую правду? «Посвященіе» раскрываетъ эти личныя опасенія Хемницера, который не только писалъ басни, но и часто описывалъ въ нихъ себя самого. Вмѣшательство личности сообщило имъ извѣстную задушевность, такъ что иныя изъ нихъ могутъ быть названы баснями-элегіями. но вмѣстѣ и пугало автора, не желавшаго сдѣлаться предметомъ толковъ и догадокъ. Потому-то, склонясь на просьбу Львова и Капниста напечатать сочиненія, онъ скрылъ свое имя и взялъ съ друзей слово не выдавать его.

Майковъ (Василій Ивановичъ) провелъ свое дѣтство въ отцовскомъ помѣстьѣ, близъ Ярославля. Отецъ его былъ друженъ съ ярославскимъ воеводою Мусинымъ-Пушкинымъ и вмѣстѣ съ нимъ покровительствовалъ театральнымъ начинаніямъ Ѳ. Г. Волкова. Образованіе молодой Майковъ получилъ ограниченное: онъ не зналъ ни одного иностраннаго языка. Но отсутствіе гувернеровъ, домашнее обученіе по церковнымъ книгамъ и самая семейная обстановка имѣли для него большую выгоду: они дали его природнымъ дарованіямъ возможность развиться лицемъ къ лицу и въ сочувствіи съ русскою дѣйствительностью и простонароднымъ бытомъ, слѣды чего и отразились въ его произведеніяхъ. Службу Майковъ началъ (1747) въ Семеновскомъ полку, а вышелъ въ отставку 1761 г. Въ теченіи ея, онъ познакомился съ нѣкоторыми представителями просвѣщенной петербургской молодежи: Сумароковымъ, Елагинымъ, Мелиссино, и сблизился съ своими земляками, актерами Волковымъ и Дмитревскимъ, которые помогали ему своими совѣтами. По выходѣ въ отставку поселился въ Москвѣ, гдѣ занялъ должность товарища губернатора (1766). Первыя печатныя его произведенія появились 1762 и 1763 г.г. въ журналахъ

Хераскова: «Полезное увеселеніе» и «Свободные часы»; поэма «Игрокъ Ломбера» (1763) всего болѣе содѣйствовала его извѣстности. Переселился въ Петербургъ 1768 г. и занялъ мѣсто прокурора военной коллегіи (1770). Въ 1771 г. вышла въ свѣтъ поэма «Елисей или Раздраженный Вакхъ», ходившая прежде въ рукописяхъ и имѣвшая большой успѣхъ между современными писателями. Въ 1775 г. оставилъ Петербургъ и поселился въ Москвѣ. Такъ какъ должность его (члена въ конторѣ оружейной палаты) была не обременительна, то онъ полнѣе отдался литературнымъ занятіямъ. Онъ вступилъ въ среду масоновъ, и съ 1777 г. стихотворенія его, помѣщенныя въ изданіи Новикова «Утренній свѣтъ», выражаютъ нравственное ученіе масонства (*Л. Майкова: О жизни и сочиненіяхъ В. И. Майкова*).

Иванъ Ивановичъ Хемницеръ, или Хемнитцеръ, какъ онъ самъ писалъ свою фамилію отъ города Хемница (Chemnitz — въ Саксоніи), по происхожденію былъ нѣмецъ. Отецъ его, въ царствованіе Петра Великаго выѣхавшій въ Россію, занималъ, въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія, должность военнаго штабъ-лѣкаря и проживалъ въ астраханской губерніи. Здѣсь, въ Енотаевской крѣпости (нынѣ Енотавскъ) родился нашъ баснописецъ (1745 г.). Начальное образованіе получилъ дома, а потомъ учился въ Астрахани у лютеранскаго пастора и одного инженернаго офицера: послѣдній преподавалъ ему ариѳметику и геометрію. По переѣздѣ отца въ Петербургъ (1755) былъ помѣщенъ къ учителю латинскаго языка при врачебномъ училищѣ (въ послѣдствіи медико-хирургическій институтъ). Отецъ готовилъ его къ медицинскому поприщу, но подготовка не привела къ цѣли: молодой Хемницеръ, задумавъ искать счастія въ военной службѣ, поступилъ въ солдаты Нотенбургскаго полка, былъ въ походахъ въ семилѣтнюю войну, состоялъ нѣкоторое время адъютантомъ при генералахъ: Остерманѣ и князѣ Голицынѣ, и выпущенъ въ отставку поручикомъ, послѣ двѣнадцатилѣтней службы (1757—1769). Служба эта также мало удовлетворила Хемницера, какъ и занятіе медициной, такъ что въ послѣдствіи онъ сравнивалъ военное поприще съ анатомическимъ театромъ, отъ котораго бѣжалъ. Изъ арміи перешелъ въ горное вѣдомство, которымъ управлялъ тогда Соймоновъ: мѣстомъ этимъ онъ одолженъ своему другу, А. Н. Львову, родственнику его начальника. Собственная охота, вліяніе друзей (особенно Львова), а частію и нужда побудили Хемницера заняться литературой. Онъ началъ серьезно изучать русскій языкъ (съ дѣтства говорилъ онъ дома по нѣмецки, и до зрѣлаго возраста писалъ еще нѣмецкіе стихи). Въ 1770 г. напечатано было первое его стихотвореніе—плохая ода на взятіе турецкой крѣпости Журжи. Около 1774 г. явился переводъ героиды Дорà (Dorat): «Письмо Барнвеля къ Труману изъ темницы». Съ учрежденіемъ при горномъ училищѣ ученаго собранія (1774), въ число его членовъ назначенъ и Хемницеръ. Въ 1776 г. ѣздилъ за границу съ Соймоновымъ. Около года употребили они на посѣщеніе Германіи, Голландіи и Франціи. По возвращеніи съ новымъ жаромъ предался научнымъ и литературнымъ занятіямъ: къ первымъ относятся переводы съ нѣмецкаго нѣсколькихъ сочиненій по минералогіи; ко вторымъ—басни и сказки, вышедшія первымъ изданіемъ въ 1779 г. По выходѣ Соймонова въ отставку, онъ тоже покинулъ службу (1781) при горномъ корпусѣ, но, не имѣя ни-

какого состоянія, долженъ былъ искать новой. При помощи Львова, служившаго подъ начальствомъ гр. Безбородки, онъ получилъ мѣсто генеральнаго консула въ Смирнѣ, куда и отправился въ 1782 г. Разлука съ родиной и съ друзьями, рѣзкая перемѣна климата и тяжелые труды быстро разстроили его здоровье: онъ умеръ на 40-мъ году жизни (1784); тѣло его было перевезено въ Россію и погребено въ Николаевѣ *(Я. К. Грота: Сочиненія и письма Хемницера, 1873)*.

§ 29. Говоря о Сумароковѣ, мы замѣтили, что при всей подражательности нашихъ авторовъ иностраннымъ литературамъ, въ особенности французской, все же ихъ произведенія, такъ или иначе, отражаютъ въ себѣ родную жизнь. Отраженіе имѣло различныя степени. Были такія произведенія, которыя напоминали русскій міръ только русскими именами дѣйствующихъ лицъ. За этимъ, самымъ бѣднымъ проявленіемъ народнаго элемента слѣдовало такъ называемое переложеніе заимствованнаго на отечественные нравы. Но подобныя передѣлки очень часто выходили неудачными, такъ какъ въ нихъ совмѣщалось несовмѣстимое: на ряду съ тѣмъ, что у насъ есть или было, оказывалось многое совершенно намъ чуждое; смѣсь двухъ разнородныхъ элементовъ бросалась въ глаза читателю и непріятно поражала его чувство истины. Далѣе идутъ представители стремленій къ дѣйствительности, почерпавшіе матеріалъ для своихъ сочиненій непосредственно изъ русской жизни и съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ знакомившіе соотечественниковъ съ ея явленіями. Эти лица намъ извѣстны: Фонъ-Визинъ, Капнистъ (въ Ябедѣ), Майковъ, Аблесимовъ, издатели сатирическихъ журналовъ времени Екатерины и другіе, о которыхъ скажется ниже. Они, хотя частію своей авторской дѣятельности, прокладываютъ путь къ литературѣ народной, въ обширномъ смыслѣ послѣдняго слова, и относятся къ литературѣ народной въ тѣсномъ смыслѣ (т. е. къ простонародной) иначе, чѣмъ большинство людей образованныхъ.

Какъ же относилось большинство этихъ людей къ народной словесности и народнымъ книгамъ, составлявшимъ любимое чтеніе средняго и низшаго общественныхъ классовъ?

Если въ древней Руси народная словесность возбуждала недовольство духовныхъ лицъ, которыя не могли примирить ея двоевѣрія съ догматами вѣры и церковными требованіями, то въ Россіи новой она долгое время оставалася въ загонѣ у литераторовъ и ученыхъ, потому что своимъ содержаніемъ разногласила съ началами науки и цивилизаціи, а своею формой не подходила подъ условія литературной теоріи. Прежде осужденіе народной поэзіи произносилось отъ имени религіозныхъ истинъ;

послѣ она осуждается съ высоты научныхъ и нравственныхъ интересовъ. Народныя книги, народныя пѣсни и сказки заключали въ себѣ предразсудки и ложныя понятія или съ сочувствіемъ изображали обычаи старины: просвѣщенные люди Екатеринина времени, почитая ихъ съ этой стороны опасными для разумныхъ идей, для началъ новой гражданственности, и будучи не въ состояніи оцѣнить ихъ поэтическое, самостоятельное, нераздѣльно связанное съ исторіей и духомъ народа значеніе, часто относились къ нимъ съ пренебреженіемъ и сатирой. Сумароковъ нападалъ на нихъ съ точки зрѣнія стилистической. Бова Королевичъ, Петръ Златые-Ключи заслужили его гнѣвъ тѣмъ, что написаны «неисправнымъ слогомъ» (эпистола о русскомъ языкѣ). Журналъ «И то и се» иронически называетъ произведенія лубочной литературы «весьма славными сочиненіями, подъ которыми господа авторы для вѣчной и безсмертной себѣ славы не ставили своихъ именъ». Впрочемъ, не всѣ раздѣляли такое гордое мнѣніе о народной словесности. Императрица Екатерина любила пословицы и сдѣлала изъ нихъ выборъ съ педагогическою цѣлью. Нѣсколько ея драмъ написано на пословицы, которыя и служатъ заглавіями піесъ, и заканчиваютъ ихъ, какъ моральные выводы. По ея порученію, Богдановичъ составилъ сборникъ русскихъ пословицъ, распредѣливъ ихъ на отдѣлы по нравственному смыслу и, кромѣ того, дозволивъ себѣ своевольное съ ними обращеніе. Взглядъ собирателя на пословицы изложенъ въ предисловіи: «до введенія письменъ, онѣ служили изустнымъ преданіемъ законовъ; въ послѣдствіи, народный разумъ распространилъ ихъ на всѣ части благонравія и благоповеденія». По этой причинѣ, Богдановичъ расположилъ пословицы по различію пороковъ и добродѣтелей, по статьямъ хорошаго и дурнаго поведенія, не замѣчая, что понятіе объ одномъ моральномъ направленіи чрезвычайно сузило кругъ народной мудрости, выражаемой въ пословицахъ. Но важнѣйшая ошибка Богдановича—измѣненіе ихъ текста. Онъ переложилъ ихъ въ стихи, увѣренный, что поступаетъ разсудительно, что будто въ первобытномъ своемъ реченіи «всѣ пословицы составлены были правильными стихами: ямбомъ, хореемъ или дактилемъ, хотя не вездѣ снабжены богатыми риѳмами; въ послѣдствіи, переходя изъ устъ въ уста, чрезъ долгое теченіе временъ онѣ долженствовали естественнымъ образомъ претерпѣть много измѣненій и поврежденій». И подъ вліяніемъ такого взгляда, Богдановичъ измѣнялъ почти каждую пословицу, чтобы облечь ее въ стихотворную форму, а стихи надѣлить богатою риѳмой. Приводимъ примѣры подобныхъ измѣненій. Вмѣсто пословицъ: «Богъ не выдастъ, свинья не

съѣстъ», «живой живое и думаетъ», «сытый голоднаго не разумѣетъ», «въ семьѣ не безъ урода», «и на старуху бываетъ проруха», читаемъ:

Какъ Богъ не дастъ,
Свинья не съѣстъ.

Живой живое размышляетъ
И вѣкъ, какъ лучше, пробавляетъ.

Сытый голоднаго не разумѣетъ,
Когда, какъ безъ хлѣба, голодный колѣетъ.

Отъ рыцарскаго рода
Въ роднѣ не безъ урода.

Бываетъ грѣхъ и на старуху;
Впадаетъ-скать и дѣдъ въ проруху.

Не нужно говорить, что подобныя перемѣны тождественны искаженію. Обстоятельствомъ, облегчающимъ проступокъ Богдановича, можетъ служить то, что въ его время даже первоклассные умы не совсѣмъ понимали сущность народной поэзіи. Фонъ-Визинъ, въ «Письмѣ къ Козодавлеву о планѣ россійскаго словаря», всѣ пословицы, гдѣ есть Сенюшки и Фили, называетъ весьма низкими умомъ и выраженіемъ, и желаетъ, чтобъ онѣ вовсе были забыты. Мудрено ли, что и Богдановичъ долженъ былъ извиняться передъ публикой за имена Ѳомы, Кузьмы, Вавилы и тому подобныя, «подъ которыми осмѣяны пороки и которыя могутъ показаться досадительны» своимъ тезкамъ? Иначе отнесся къ творческой фантазіи народа Н. Львовъ въ предисловіи къ «Собранію» русскихъ пѣсенъ, положенныхъ на музыку Прачемъ (1790). Вмѣсто того, чтобы въ безъискуственной поэзіи видѣть «лепетъ младенца» (какъ тогда любили выражаться), недостойный занимать человѣка образованнаго, онъ, напротивъ, ставитъ ее предметомъ серьезнаго изученія и ожидаетъ отъ него полезныхъ результатовъ. Львовъ понималъ, что народъ-младенецъ не одно и тоже съ младенцемъ-человѣкомъ; что въ жизни перваго, какъ бы она ни была молода, уже существуютъ преданія, вѣрованія, убѣжденія, находящія свое полное отраженіе въ поэзіи. Онъ справедливо хвалитъ мелодію нашихъ пѣсенъ, надѣясь, что композиторы воспользуются ихъ мотивами для оперъ и тѣмъ доставятъ любителямъ музыки новыя пріятности. Собраніе пѣсенъ будетъ весьма пригодно и для философа: по характеру народнаго пѣнія онъ можетъ заключать о характерѣ самого народа. Русскій человѣкъ не имѣетъ причины бояться

этихъ заключеній, подтверждаемыхъ исторіей: минорные тоны протяжныхъ пѣсенъ доказываютъ нѣжность, чувствительность и то расположеніе духа къ меланхоліи, которое производитъ великихъ людей и во всѣхъ родахъ дѣятельности. Столько же и выгоднымъ окажется для насъ и содержаніе пѣсенъ; онѣ обнаружатъ доблестныя качества: привязанность и почтеніе къ родителямъ, тѣсный союзъ родства между братьями и сестрами, неутѣшную горесть дѣвицы о потерѣ милаго друга. Авторъ предисловія отдаетъ преимущество русскимъ пѣснямъ и относительно ихъ стопосложенія, такъ какъ онѣ представляютъ многоразличные по роду и мѣрѣ стихи. Львовъ замѣчаетъ въ этихъ стихахъ правильность просодіи, согласіе ея съ музыкой, пріятную для слуха плавность, частыя, но естественныя отдохновенія для голоса. Конечно, въ этомъ лестномъ для русскихъ пѣсенъ мнѣніи нѣтъ еще истинно-научнаго взгляда, который и не могъ имѣть мѣста при маломъ знакомствѣ съ существенными отличіями народнаго творчества, но по крайней мѣрѣ оно выказываетъ сочувствіе образованнаго литератора къ поэтической старинѣ. Изъ сочиненій Львова извѣстны: «Добрыня, богатырская пѣсня» и «Ботаническое путешествіе на Дудерову гору». Первое написано стариннымъ тоническимъ размѣромъ; въ немъ есть неподдѣльное остроуміе и счастливые стихи. Такъ напр. русскій духъ, изгнанный изъ образованнаго общества, говоритъ:

Поклонился я приворотникамъ,
Поселился жить въ чистомъ воздухѣ
Посреди поля съ православными.
Я прижалъ къ сердцу землю русскую
И ношу ее припѣваючи;
Позовутъ меня—я откликнуся,
Оглянусь, но .. незнакомъ никто
Ни одеждою, ни поступками.

Или другое мѣсто, гдѣ авторъ требуетъ богатыря чисто-русской породы, а не выходца изъ чужой стороны:

Дайте русскаго мнѣ витязя!
Я Бову королевича
Не хочу пѣть; не Русскій онъ:
Онъ изъ города Антона,
Сынъ какого-то Гвидона,
Макароннаго царя;
О пустомъ не говоря,
Хлѣбъ ему нашъ полюбился,

Такъ онъ къ намъ переселился
И давно въ Москвѣ учился
Щи варить и хлѣбы печь;
Тутъ онъ взялъ и русску рѣчь.

Въ сочиненіяхъ Львова постоянно отражается сочувствіе къ крестьянскому быту и къ народности. Его разговоръ съ крестьяниномъ, какъ строить изъ земли избу, есть твореніе неоцѣненное по словамъ его біографа (Ѳ. Львова). Шутливое «путешествіе на Дудерову гору» написано частью прозой, частью стихами, въ подражаніе путешествію, которое сочинили сообща Башомонъ и Шапель, славившійся піесами въ легкомъ родѣ поэзіи, критическимъ вкусомъ и эпикурейскимъ нравомъ: потому-то и Львовъ, какъ знатокъ многихъ искусствъ (поэзіи, живописи, музыки, особенно архитектуры), въ кругу своихъ друзей-литераторовъ былъ прозванъ «новымъ Шапелемъ».

Памятники народной повѣствовательной литературы XVII-го и первой половины XVIII в. не были забыты и въ царствованіе Екатерины. Составляя нѣкогда достояніе не одного простонародья, но и высшаго класса общества, они, съ теченіемъ времени, спустились въ низшій и средній слои, которыхъ понятія приходились въ уровень съ ихъ содержаніемъ и формой. О нихъ-то сказалъ Новиковъ, что они не заслуживаютъ никакого уваженія просвѣщенныхъ людей и читаются одними только мѣщанами. Новыя изданія этихъ «мѣщанскихъ» повѣстей доказывали живую въ нихъ потребность и значительную массу ихъ читателей. Кромѣ печатныхъ книгъ, ходили по рукамъ ихъ списки. Въ журналѣ «И то, и се» говорится о подъячемъ, который, по прекращеніи приказной службы, кормился переписываніемъ «Бовы-Королевича, Петра златыхъ-ключей, Еруслана Лазаревича, Франца Венеціанина, Геріона, Евдона и Береы, Арсаса и Размѣра, Россійскаго дворянина Александра, Фрола Скобѣева и прочихъ полезныхъ исторій, продававшихся на рынкѣ». Между новыми народными книгами этого времени особенною популярностью пользовались переведенныя съ польскаго «Похожденія новаго увеселительнаго шута и великаго въ дѣлахъ любовныхъ плута Совѣстдрала, большаго носа» (1788). Въ искаженномъ словѣ «Совѣстдралъ» трудно открыть первоначальный его видъ: «совнно зеркало» (Eulenspiegel), сокращенно «сове зрцадло». Названіе это объясняется пословицей: «человѣку также трудно замѣчать свои собственные недостатки, какъ совѣ видѣть въ зеркалѣ свое безобразіе». Книга одолжена своимъ происхожденіемъ Германіи, гдѣ была напечатана въ XV в. и съ того времени сдѣлалась характеристическимъ образцомъ народнаго остроумія. Впро-

чемъ, важнѣйшія проказы и шутки Совѣстдрала принадлежали собственно не ему, а героямъ другихъ народныхъ повѣстей, откуда и перенесены на его личность. Кромѣ того многія его забавныя выходки и рѣчи составляли наслѣдственное достояніе сословій и ремесленныхъ цеховъ. Возникшая съ самимъ ремесломъ, повторявшаяся въ многоразличныхъ видахъ, прошедшая чрезъ нѣсколько поколѣній, вся эта игра народнаго остроумія и юмора дала книгѣ о Совѣстдралѣ свою сущность, свою несомнѣнную комическую силу, свою почтенную долговѣчность, какими рѣдко могутъ хвалиться остроумныя произведенія отдѣльныхъ лицъ. Къ народнымъ книгамъ относится также «Письмовникъ», Николая Курганова, содержащій въ себѣ науку россійскаго языка со многимъ присовокупленіемъ разнаго учебнаго и полезнаго вещесловія (1769).» Это своего рода энциклопедическій сборникъ, основнымъ фондомъ котораго служитъ грамматика, такъ какъ преждеизданное руководство въ этой наукѣ не удовлетворяло составителя, желавшаго преподавать ее своимъ дѣтямъ; все же остальное содержаніе, какъ учебное (научное), такъ и полезно-забавное, размѣщено въ восьми особыхъ «присовокупленіяхъ». Сюда входятъ пословицы, загадки, краткія замысловатыя повѣсти, достопамятныя рѣчи, хорошія мнѣнія, поучительные разговоры, стихотворенія, разноязычный словарь, всеобщій чертежъ наукъ и художествъ (исторія священная и свѣтская, исторія естественная, размышленія о физикѣ, о системѣ міра и многое другое). «Письмовникъ» соотвѣтствуетъ древне-русскому сборнику «Пчела», съ тѣмъ различіемъ, что содержаніе его многостороннѣе и объемъ обширнѣе. Апоѳегмы, замѣнившія въ XVII вѣкѣ «Пчелу», составляютъ въ сборникѣ Курганова только половину одного (третьяго) присовокупленія; другая половина заключаетъ въ себѣ правила Эпиктетовой морали съ толкованіемъ. Вѣдая, что различность веселитъ, обогащаетъ мысли и просвѣщаетъ разумъ, Кургановъ наполнилъ свою книгу множествомъ «благопристойныхъ вещей», пріятныхъ и полезныхъ людямъ всѣхъ званій:

Духовный ли, мірской ли ты? прилежно се читай:
Все найдешь здѣсь—тотъ и другой, но разумѣть смекай.

Въ умѣньѣ смекать читатель подражаетъ хитрости пчелъ, которыя и съ ядовитыхъ цвѣтовъ берутъ медъ.

Произведенія повѣствовательной литературы XVII в. не только сохраняли свою роль для низшихъ классовъ народа, но и возбуждали дѣятельность нѣкоторыхъ писателей. Старый литературный запасъ обновлялся подъ перомъ ихъ, принимая въ свое

содержаніе новыя подробности и получая иную, болѣе облагороженную форму. Эта полезная дѣятельность приходилась, по выраженію Новикова, на вкусъ простосердечныхъ людей средняго класса. Такъ, напримѣръ, исторія о Фролѣ Скобѣевѣ передѣлана была Иваномъ Новиковымъ въ изданной имъ книгѣ: «Похожденіе Ивана Гостинаго сына и другія повѣсти и сказки» (1785—86). Исторія получила здѣсь другое названіе: «Новгородскихъ дѣвушекъ святочной вечеръ съигранный въ Москвѣ свадебнымъ». Кромѣ того она разсказана съ нѣкоторыми перемѣнами и бо́льшими подробностями, и въ новомъ своемъ видѣ представляетъ любопытныя черты стараго московскаго быта. Изложеніе въ иныхъ мѣстахъ гораздо рѣзче, нежели въ оригиналѣ. Дѣйствующимъ лицамъ даны другія имена; характеры ихъ болѣе развиты. Изъ ловкаго приказнаго, какимъ былъ Фролъ Скобѣевъ, вышелъ плутъ Селуянъ Сальниковъ. Издатели сатирическихъ журналовъ (1760—74) также имѣли въ виду народное чтеніе. Мы знаемъ, чему Новиковъ приписывалъ успѣхъ своего Живописца. Особенное трудолюбіе выказано по этому поводу Михаиломъ Чулковымъ, издателемъ журналовъ: «И то и се» и «Парнасскаго Щепетильника». Во многихъ сочиненіяхъ своихъ онъ описываетъ старину, или собираетъ памятники народной поэзіи, или самъ ихъ пересказываетъ. Таковы: «Собраніе разныхъ пѣсенъ» (4 ч., 1780); «Русскія сказки о славныхъ богатыряхъ» (10 ч., 1780); «Абевега русскихъ суевѣрій» (1782); «Пересмѣшникъ, или славенскія сказки» (5 ч., 1783); «Вечерніе часы или древнія сказки славянъ древлянскихъ» (3 ч., 1787—88).

Львовъ (Николай Александровичъ, † 1803) не получилъ основательнаго образованія, но, чрезвычайно даровитый и любознательный, одолженъ своимъ развитіемъ собственно себѣ. Онъ много читалъ; служба въ иностранной коллегіи доставила ему возможность побывать, по дипломатическимъ дѣламъ, въ Германіи, Франціи, Италіи и Испаніи. Эти поѣздки обогатили его дѣятельный умъ многоразличными знаніями. Главное вниманіе обращалъ онъ на произведенія искусствъ (живописи, архитектуры, музыки) и умѣлъ цѣнить ихъ, какъ знатокъ. Обыкновенное его общество составляли Державинъ, Хемницеръ, Капнистъ, Елагинъ, Храповицкій, А. Хвостовъ. Первые двое были много одолжены его умнымъ совѣтамъ: благодаря ему, Державинъ настраивалъ свою лиру на болѣе естественный и простой тонъ; Хемницеръ (говорится въ одной біографіи Львова) не пускалъ ни одной своей басни въ свѣтъ, не прося объ ея пропускѣ Львова, который или снабжалъ таковымъ проѣзжую, или отказывалъ въ ономъ». Право совѣтника и руководителя въ кругу друзей давалъ ему вѣрный и замѣчательно развитый вкусъ.

Чулковъ (Михаилъ Дмитріевичъ, †1793) обучался въ московскомъ университетѣ, а потомъ служилъ секретаремъ въ сенатѣ. Не смотря на поверхностное образованіе и служебныя обязанности, онъ, по особенной любви къ литературѣ, много потрудился на пользу народнаго чтенія. Труды его, какъ издателя двухъ журналовъ («И то, и се», «Парнасскій Щепетильникъ»), какъ собирателя русскихъ народныхъ пѣсенъ, сказокъ и повѣрій, заслуживаютъ полнаго вниманія.

Кургановъ (Николай Гавриловичъ, 1726—1796), сынъ унтеръ-офицера, обучался сначала въ Навигацкой школѣ (въ Москвѣ), а потомъ въ Морской Академіи (въ Спб.). По окончаніи курса, произведенъ въ подмастерья математическихъ и навигацкихъ наукъ, далѣе переименованъ въ учителя, черезъ нѣсколько лѣтъ былъ профессоромъ, и наконецъ инспекторомъ, въ которой должности и оставался до самой смерти. Около 50 лѣтъ занимаясь преподаваніемъ въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, Кургановъ частію сочинилъ и частію перевелъ цѣлую математическую морскую учебную энциклопедію.

§ 30. Переводная литература Екатерининa времени оказала несомнѣнное вліяніе и на образованіе, и на литературу. Извѣстнѣйшія творенія всѣхъ почти древнихъ и новыхъ авторовъ перешли къ намъ во второй половинѣ прошлаго вѣка. При академіи наукъ учреждено было особое собраніе, подъ названіемъ «переводнаго департамента» (1767), которому отпускалось ежегодно по 5000 руб. для уплаты переводчикамъ. Занятія его продолжались до основанія Россійской Академіи (1783). Упраздненный въ это время, онъ былъ потомъ возобновленъ стараніями академика Протасова (1790). Главное мѣсто между переводами занимаютъ сочиненія французскихъ писателей XVIII и нѣкоторыхъ англійскихъ XVII—XVIII в. Особеннымъ преимуществомъ пользовался Вольтеръ; за нимъ слѣдуютъ: д'Аржансъ, Вольней, Гельвецій, Гоббесъ, Даламберъ, Дидро, Локкъ, Рейналь, Ж. Ж. Руссо, Фридрихъ II и пр. Что сочиненія Вольтера были значительно распространены въ русской публикѣ, это доказывается неоднократными ихъ изданіями. Его читали не одни Русскіе высшаго общества, хорошо знакомые съ французскою литературой, но и тѣ, которые не знали французскаго языка и которымъ слѣдовательно необходимы были переводы. Имя его, съ прибавкою слова «господинъ», произносилось на русскій ладъ: «господинъ Волтеръ». Начитавшіеся Вольтера слыли «волтеріанцами». Еще въ первой четверти нынѣшняго вѣка легко было встрѣтить многихъ «волтеріанцевъ» не только между аристократами, но и въ среднемъ классѣ, между помѣщиками и чиновниками. Главнымъ пунктомъ ихъ образа мыслей были не столько политическія, сколько религіозныя понятія, склонявшіяся къ деизму. Этимъ и объясняются слова одного изъ русскихъ пи-

сателей, который самъ заплатилъ дань французской философіи: «отступники откровенной религіи дѣлали досѣлѣ болѣе вреда въ Россіи, нежели непризнаватели бытія Божія—атеисты; таковыхъ у насъ мало». Разговоръ Фонъ-Визина съ Тепловымъ различаетъ два класса тогдашнихъ русскихъ скептиковъ: одни — глупцы и невѣжды, которые считали предразсудкомъ все, чего ихъ слабый разсудокъ былъ понять не въ силахъ; другіе—умствователи, старавшіеся доказать доводами справедливость своихъ мнѣній. На скептицизмѣ, какъ видно изъ того же разговора, сходились крайности нашего общества: съ одного конца унтеръ-офицеры гвардіи, а съ другаго—синодальный оберъ-прокуроръ (Признаніе въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ). Если не безвѣріе, то кощунство было въ модѣ, какъ плодъ легкомысленнаго обращенія съ важнѣйшими предметами ума и чувства. Этой модѣ послужилъ и Фонъ-Визинъ «Посланіемъ къ слугамъ своимъ», въ чемъ послѣ искренно раскаявался. Біографія Ушакова, написанная Радищевымъ (1789), даетъ понятіе о томъ, какъ сильно подѣйствовала книга Гельвеція «о разумѣ» на русскую молодежь, обучавшуюся за границей. Переводчики наши нерѣдко обращались къ Энциклопедіи Даламбера и Дидро: многія статьи ея или отдѣльно изданы, или помѣщены въ журналахъ. Веревкинъ даже сбирался перевести ее всю. Кромѣ того, есть выбранныя мѣста изъ сочиненій французскихъ философовъ. Эти сборники получали названіе «духа» такого-то писатели (Духъ Вольтера, Духъ Гельвеція, Духъ Руссо, и пр.). Не говоримъ о множествѣ переводовъ, разсѣянныхъ по журналамъ, гдѣ иногда не означалось имени подлинника.

О значеніи русской переводной литературы во второй половинѣ прошлаго столѣтія можно судить по слѣдующему списку авторовъ, которыхъ сочиненія, вполнѣ или частію, явились у насъ въ первый разъ или въ новыхъ переводахъ: Авлъ Геллій, Бернарденъ де Сенъ-Пьеръ, Боннетъ, Бюффонъ, Верто, Геснеръ, Гольбергъ, Гольдони, Гольдсмитъ, Гуго Гроцій, Демосѳенъ, Джонсонъ, Діодоръ Сицилійскій, Эразмъ Ротердамскій, Исократъ, Кондильякъ, Конфуцій, Крамеръ, Кребильонъ, Ксенофонтъ, аббатъ де Лапортъ, Лесажъ, Линней, Лукіанъ, Мабли, Маллетъ, Мармонтель, Мейснеръ, Миллотъ, Мопертюи, Овидій, Оксенштирнъ, Павсаній, Пеннъ (Вильгельмъ), Пиронъ, Плиній младшій, аббатъ Прево, Рабенеръ, Реньяръ, Ричардсонъ, Робертсонъ, Саллюстій, Светоній, Свифтъ, Сенека, Скарронъ, Стернъ, Тацитъ, Теренцій, Фенелонъ, Фильдингъ, Флешье, Флоріанъ, докторъ Циммерманъ, Цицеронъ, Юмъ, Юнгъ... Къ этому списку слѣдуетъ еще прибавить сочиненія, указанныя выше при исторіи поэтическихъ родовъ или при изложе-

нія дѣятельности нашихъ литераторовъ. Переводы нѣкоторыхъ книгъ были сдѣланы по повелѣнію императрицы; таковы: «Политическія наставленія Бильфельда» (1768—1775) и «Истолкованія англійскихъ законовъ Блакстона» (1780—1782). Переводомъ первой книги занимался профессоръ Барсовъ, вмѣстѣ съ кн. Ѳедоромъ Шаховскимъ, подъ наблюденіемъ московскаго университета; переводомъ второй—профессоръ того же университета Десницкій. Блакстонъ впервые знакомилъ русскую публику съ образомъ правленія того народа, которому Екатерина оказывала «несуетное предпочтеніе» и уваженіемъ котораго «дорожила во всю свою жизнь», какъ она сама говоритъ въ письмѣ къ доктору Циммерману (автору знаменитой нѣкогда книги «объ уединеніи»), писанномъ въ то время, когда Густавъ III началъ войну съ Россіей и когда посланникъ его при французскомъ дворѣ, Сталь, склонялъ и Англію на сторону своего короля (1791). Истолкователь государственнаго быта англичанъ пользовался должнымъ уваженіемъ нашихъ ученыхъ правовѣдовъ и вообще людей мыслящихъ. Одинъ изъ нихъ замѣчаетъ, что «не худо бы русскимъ судьямъ имѣть Блакстона и заглядывать въ него чаще, нежели въ мѣсяцесловъ».

Само собою разумѣется, что вольномысліе французскихъ философовъ не могло у насъ остаться безъ отпора, который прежде всего находимъ въ сочиненіяхъ духовенства. Орудіемъ православнаго богословія пастыри русской церкви обличали все несогласное съ догматами вѣры. Началамъ деизма они противополагали истину откровенной религіи, законамъ естества—пути провидѣнія, матеріалистическому взгляду на мораль, приводимую въ движеніе единственно эгоизмомъ—строгость христіанской морали, основанной на самоотреченіи. Платонъ, митрополитъ московскій, въ нѣкоторыхъ проповѣдяхъ своихъ доказываетъ необходимость искупленія, которое не признавали натуралисты; разсуждаетъ объ управленіи міра Творцемъ, который можетъ измѣнять естественное теченіе природы; опровергаетъ доводы людей, не признававшихъ безсмертія. Другой проповѣдникъ, Анастасій Братановскій, въ надгробныхъ словахъ Бецкому (1795) и Шувалову (1797), изъ недостаточности земныхъ наградъ добродѣтели выводитъ заключеніе, что эти награды предоставлено ей вкушать въ будущемъ вѣкѣ. Доказывая свою тему, онъ въ тоже время отвергаетъ противоположныя ей понятія; догматизмъ идетъ у него рядомъ съ полемикой, весьма понятной при тогдашнемъ вліяніи энциклопедизма. Тотъ же духовный писатель, съ цѣлію подорвать ученіе философовъ XVIII в., перевелъ съ французскаго двѣ книги: «Предохраненіе отъ безвѣрія и нечестія» (1794) и «Истинный Мессія, или

доказательство о божественномъ пришествіи въ міръ І. Х. и Его божествѣ» (1801). Изъ прочихъ переводовъ и сочиненій укажемъ на слѣдующіе: «Безсмертіе души, основательно противъ безбожниковъ и скептиковъ доказанное» (1779); «Посрамленный безбожникъ и натуралистъ» (1787); «Торжество вѣры надъ невѣрующими и вольномыслящими» (1792), и пр. Свѣтская литература вступала также въ борьбу съ энциклопедистами. Хотя сатирическіе журналы 1769—74 г. часто помѣщали на своихъ страницахъ переводы Вольтеровыхъ сочиненій, но въ тоже время и не щадили ихъ, если они легкомысленно и враждебно относились къ тѣмъ предметамъ, которые русскій человѣкъ привыкъ почитать какъ святую истину. Такъ нѣкоторыя статьи «Адской Почты» направлены противъ Вольтера. Объ анти-философическомъ духѣ изданій Новикова, во вторую половину его дѣятельности, будетъ сказано дальше. Въ «Недорослѣ», Стародумъ совѣтуетъ своей племянницѣ читать Фенелона, а не нынѣшнихъ мудрецовъ, которые, уничтожая предразсудки, воротятъ съ корнемъ и добродѣтель. Такъ какъ Вольтеръ былъ наибольшею силой между философами XVIII в., главнымъ представителемъ ихъ ученія, то неудивительно встрѣтить переводныя книги, подъ слѣдующими заглавіями: «Вольтеръ обнаженный» (1787), «Вольтеръ изобличенный» (1792), «Вольтеровы заблужденія» (1793). Государственный переворотъ во Франціи далъ поводъ и правительству строже наблюдать за распространеніемъ сочиненій, которые до того времени могли свободно обращаться къ публикѣ: такъ въ 1789 г., извѣстясь, что въ Москвѣ задумали перевести всѣ сочиненія Вольтера, императрица повелѣла не печатать перевода безъ цензуры и апробаціи митрополита Платона (Письмо Екатерины къ Еропкину, 23 сентября 1789 г.).

Другимъ средствомъ къ изученію европейской науки и литературы служила посылка молодыхъ людей за границу. Многіе изъ нихъ довершали свое образованіе въ иностранныхъ университетахъ, которые славою своихъ лекцій привлекали юношество со всѣхъ концевъ Европы: профессоры Третьяковъ и Десницкій въ Гласговѣ, Аѳонинъ и Карамышевъ въ Упсалѣ подъ руководствомъ знаменитаго Линнея, Веніаминовъ и Зыбелинъ въ Кенигсбергѣ, а потомъ въ Лейденѣ. В. Петровъ и Силовъ, какъ мы уже знаемъ, обучались въ Англіи. Между студентами кильскаго университета находилось нѣсколько русскихъ еще при Елисаветѣ. Въ началѣ царствованія императрицы Екатерины (1766 г.) поступили туда кн. Александръ Борисовичъ Куракинъ и Алексѣй Григорьевичъ Тепловъ, сынъ Григорья Николаевича, статсъ-

секретаря и автора многихъ сочиненій. Въ тридцатилѣтній періодъ времени (1750—1780) Русскіе чаще, нежели прежде или послѣ того, посѣщали университетъ лейпцигскій, наиболѣе тогда славившійся. Тамъ воспитывался гр. Владиміръ Григорьевичъ Орловъ, младшій братъ извѣстныхъ въ нашей исторіи Орловыхъ—Григорія и Алексѣя (Чесменскаго). По возвращеніи его въ отечество (1766), опредѣлено было послать въ Лейпцигъ двѣнадцать молодыхъ людей для изученія правъ. Между ними замѣчательны: Ѳедоръ Ушаковъ, Алексѣй Кутузовъ и Александръ Радищевъ. Всѣ трое принадлежали къ даровитымъ, любознательнымъ и благонамѣреннымъ молодымъ людямъ и всѣ трое были жертвами несчастныхъ обстоятельствъ, частію созданныхъ судьбою, а частію накликанныхъ ими самими. Ушаковъ (Ѳедоръ Васильевичъ), воспитанникъ статсъ-секретаря Теплова, служилъ при немъ секретаремъ до поѣздки въ Лейпцигскій университетъ. Здѣсь онъ готовилъ диссертацію «о смертной казни», но не успѣлъ ее кончить по болѣзни и умеръ въ 1768 г. ([1]). Кутузовъ (Алексѣй Михайловичъ) извѣстенъ въ литературѣ переводомъ первыхъ десяти пѣсенъ Мессіады (1785—87). По возвращеніи изъ Лейпцига, онъ поступилъ въ общество масоновъ и былъ отправленъ (1787) изъ Москвы въ Берлинъ, къ тамошней братіи, для изученія алхиміи. Письма его къ Лопухину и кн. Трубецкому ([2]) высказываютъ мистико-меланхолическое настроеніе духа. Умеръ въ Берлинѣ. Радищевъ (Александръ Николаевичъ, 1749 — 1802) воспитывался въ пажескомъ корпусѣ и въ 1766 былъ отправленъ въ лейпцигскій университетъ; по возвращеніи (1771) служилъ въ разныхъ вѣдомствахъ и наконецъ занялъ мѣсто совѣтника при с.п.бургской таможнѣ. Службу свою, по отзыву Безбородки, исправлялъ безкорыстно. Графы Воронцовы (Александръ Романовичъ и Семенъ Романовичъ) оказывали ему особенное расположеніе. Вообще онъ обращалъ на себя вниманіе, какъ человѣкъ умный, мыслящій и начитанный. Причиною его несчастія послужило изданное имъ сочиненіе: «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву (1790)». Оно возбудило гнѣвъ Екатерины II и сочинитель по суду сената, былъ сосланъ въ Илимскій острогъ ([3]). Освобожденный императоромъ Павломъ, жилъ въ своемъ имѣніи до вступле-

1) Радищевъ написалъ его біографію (Житіе Ѳ. В. Ушакова, съ пріобщеніемъ нѣкоторыхъ его сочиненій, 1789).

2) Рус. Старина, т. IX (въ ст. Русскіе вольнодумцы въ царствованіе Екатерины II).

3) Теперь заштатный городъ въ Киренскомъ уѣздѣ Иркутской губ.

нія на престолъ Александра I, который вызвалъ его въ столицу, возвратилъ чины, орденъ, дворянское достоинство и помѣстилъ въ коммиссію для составленія законовъ. Здѣсь Радищевъ трудился надъ проэктомъ гражданскаго уложенія. Взволнованный размолвкою съ гр. Завадовскимъ, предсѣдателемъ коммиссіи, онъ заболѣлъ и въ припадкѣ ипохондріи выпилъ стаканъ крѣпкой водки, отъ которой и умеръ на 53-мъ году отъ рожденія.

Въ книгѣ своей Радищевъ указалъ темныя стороны современной ему дѣйствительности и предложилъ нѣсколько проэктовъ, которые, по его мнѣнію, могли вести къ улучшенію неудовлетворительнаго общественнаго состоянія. Главный изъ этихъ проэктовъ имѣетъ предметомъ отмѣну крѣпостнаго права. Историкъ Россіи, безъ сомнѣнія, воздастъ справедливую похвалу филантропіи и гражданскому мужеству автора, который не только доказывалъ вредъ рабства въ нравственномъ отношеніи, но и предложилъ мѣры постепеннаго освобожденія крестьянъ. Сущность этихъ мѣръ состоитъ въ слѣдующемъ: изъ двухъ видовъ крѣпостнаго состоянія—сельскаго (собственно крестьянъ) и домашняго (дворовыхъ)—надобно сначала упразднить второй, запрещая брать во дворъ поселянъ и всѣхъ по деревнямъ написанныхъ въ ревизіи; участокъ земли, обработываемый крестьяниномъ, обратить въ его собственность; даровать ему гражданскія права; дозволить пріобрѣтать какъ недвижимое имѣніе (т. е. землю), такъ и вольность, платя господину извѣстную сумму за отпускную; судъ надъ нимъ, въ случаѣ его распри съ другими земледѣльцами, производить равными (на мірской сходкѣ); возбранить произвольное наказаніе безъ суда. Нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ такой реформѣ, которая, по волѣ нашего Монарха, окончательно совершена положеніемъ 19 февраля 1861 г. Мысль Радищева получаетъ еще бо́льшую цѣнность, если припомнить, съ какою осторожностью подходилъ къ рѣшенію того же вопроса Руссо. Авторъ «Общественнаго договора» и «Началъ неравенства между людьми» пугался спѣшности ея осуществленія, которое—какъ ему было хорошо извѣстно — не одно и тоже съ изложеніемъ ея на бумагѣ. «Освобожденіе крестьянъ», говоритъ онъ въ одномъ изъ небольшихъ своихъ сочиненій, «есть дѣло прекрасное и великое, но вмѣстѣ смѣлое и опасное. Надо приступать къ нему не кое-какъ, а съ предосторожностями, между которыми главнѣйшая состоитъ въ томъ, чтобы людей, назначаемыхъ къ освобожденію, сдѣлать достойными свободы и способными ею пользоваться. Позаботьтесь прежде всего объ этомъ; не освобождайте ихъ тѣла, прежде нежели освободите ихъ душу: безъ этого предваритель-

наго акта, ваша операція будетъ имѣть дурной исходъ». Но въ книгѣ Радищева есть другая сторона, говорящая не въ ея пользу и не въ пользу авторской серьезности. Подобно многимъ, увлекшимся идеями европейской цивилизаціи, онъ думалъ только о выраженіи того, что вычиталъ изъ книгъ, не принимая въ соображеніе строя жизни, выработаннаго исторіей, которую не сломишь ни разсужденіями, какъ бы они ни были справедливы, ни заявленіемъ желаній, какъ бы они ни были благонамѣренны. Прочесть книгу Гельвеція не значитъ еще сдѣлаться философомъ, равно какъ прочесть книгу Рейналя не значитъ еще сдѣлаться политикомъ. Легко вращаться въ сферѣ общаго и отвлеченнаго; главное и самое трудное дѣло въ томъ, какъ общее воплотить въ частномъ, отвлеченное перевести въ практическое. О возможности примѣненія теоріи къ практикѣ Радищевъ не подумалъ: онъ какъ будто не зналъ или не хотѣлъ знать тѣхъ препятствій, которыя представятъ ему тогдашнее умоначертаніе общества, характеръ народнаго быта, сущность государственнаго устройства. Поэтому естественъ вопросъ: съ какою цѣлію издалъ онъ свою книгу и чего надѣялся достигнуть ею? Покровители и друзья его справедливо отрицали при этомъ какой-либо злой умыселъ, но также справедливо называли его поступокъ проступкомъ, который объясняли необдуманностью, легкомысліемъ, непредвидѣніемъ имѣющихъ быть за то послѣдствій и частію тщеславіемъ. На послѣдній поводъ самъ Радищевъ напираетъ въ отвѣтахъ на предложенные ему вопросы: «главное мое намѣреніе въ сочиненіи сей книги состояло въ томъ, чтобы прослыть писателемъ и заслужить въ публикѣ гораздо лучшую репутацію, нежели какъ обо мнѣ до того думали». Кромѣ того сознается онъ въ «смѣломъ и дерзновенномъ выраженіи», заявляя, впрочемъ, открыто, что сердце его непорочно, совѣсть не упрекаетъ его и разумъ свободенъ отъ злоумышленности.—Переходя къ другимъ мнѣніямъ книги, видимъ въ нихъ, во первыхъ, слѣды ученія Гельвеція, который единственнымъ двигателемъ нашей дѣятельности ставилъ эгоизмъ; далѣе, въ сужденіяхъ о естественномъ правѣ человѣка и объ его правахъ въ обществѣ, видно вліяніе Руссо. Радищевъ смѣется надъ масонами, или мартинистами; равно не принадлежалъ онъ ни къ атеистамъ, ни къ деистамъ, замѣчая, что послѣдніе причинили болѣе вреда, чѣмъ «непризнаватели бытія Божія, которыхъ у насъ мало»; онъ подражалъ многимъ авторамъ, но въ этой подражательности не пристроился ни къ одной системѣ; короче, въ книгѣ его—смѣшеніе доктринъ, или, скорѣе, вычитанныхъ мыслей разнаго значенія и характера, что́ и слѣдовало ожидать отъ человѣка, получив-

шаго хотя и заграничное, но не солидное образованіе. Поэтому нельзя не согласиться съ отзывомъ Пушкина, не смотря на его строгость: «Въ Радищевѣ отразилась вся французская философія его вѣка: скептицизмъ Вольтера, филантропія Руссо, политическій цинизмъ Дидро и Рейналя; но все въ нескладномъ видѣ, какъ всѣ предметы криво отражаются въ кривомъ зеркалѣ. Онъ есть истинный представитель полупросвѣщенія. Невѣжественное отношеніе ко всему прошедшему, слабоумное изумленіе передъ своимъ вѣкомъ, слѣпое пристрастіе къ новизнѣ, частныя, поверхностныя свѣдѣнія, на-обумъ приноровленныя ко всему—вотъ что мы видимъ въ Радищевѣ. Книга его есть очень посредственное произведеніе». Что касается до формы «Путешествія», то авторъ за образецъ ея выбралъ «Сентиментальное путешествіе Стерна». Изложеніе чрезвычайно утомительно какъ въ сатирѣ, такъ еще болѣе въ сентиментально-риторскихъ мѣстахъ; многорѣчивость способна вывести изъ терпѣнія самаго терпѣливаго читателя; слогъ неустроенный, варварскій. Послѣдній пунктъ служитъ, между прочимъ, сильнымъ возраженіемъ на то мнѣніе, что половина писемъ въ «Адской Почтѣ» принадлежитъ перу Радищева. Эти письма написаны не дурнымъ языкомъ. Не могло же одно и тоже лице почти въ одно и тоже время, выражаться двумя различными стилями—довольно хорошимъ и очень нехорошимъ ([1]).

§ 31. Правильное соотношеніе двухъ предметовъ: народнаго самопознанія съ одной стороны и усвоенія того, что выработано духовными усиліями всего человѣчества съ другой, и составляетъ задачу истинной образованности. Эта задача вытекаетъ изъ понятія о народѣ, который, будучи самостоятельнымъ общественнымъ тѣломъ, живя собственною, индивидуальною жизнію, есть въ тоже время и необходимый членъ всенародной семьи. Въ его историческомъ развитіи дѣйствуютъ двѣ стихіи: національная и общечеловѣческая. Первая стихія образуетъ его личность, называемую народностью, по которой онъ отличается отъ другихъ народовъ и есть именно такой-то народъ, а не какой-либо другой; вторая ставитъ его въ общеніе со всѣми прочими націями, дѣлаетъ его необходимымъ звеномъ въ цѣпи всего человѣчества. Обѣ стихіи народнаго развитія остроумно уподобляютъ силамъ центробѣжной и центростремительной, дѣйствующимъ въ небесной сферѣ. Сила

---

[1]) «Александръ Радищевъ», Пушкина (Сочиненія, изд. Исакова, т. V); «А.Н. Радищевъ», Корсунова (Рус. Вѣст. 1858, т. XVIII); Подлинные документы, относящіеся къ дѣлу Радищева (Чтенія въ Общ. ист. и древ. рос., 1865, кн. 3); «Радищевъ и его книга», М. Лонгинова (Рус. Арх. 1868).

центробѣжная (національная) охраняетъ особное существованіе народа, удерживаетъ за нимъ его личность и самостоятельность; сила центростремительная (общечеловѣческая) влечетъ народъ къ единенію съ другими народами, не дозволяя ему совершать свою исторію въ отрѣшенной отъ нихъ области, жить исключительною, въ себѣ самой замкнутою жизнію. Какъ отъ правильнаго соотношенія силъ, въ жизни солнечной системы, зависитъ невозмущаемое теченіе планетъ: такъ отъ правильнаго соотношенія стихій въ жизни народа зависитъ его невозмущаемое развитіе. Господство или перевѣсъ одной какой-либо стихіи мѣшаетъ нормальному устройству народной судьбы. Если бы народъ подчинился дѣйствію національности, нераздѣльному и единственному, онъ осудилъ бы себя на китайскую неподвижность; если бы онъ могъ отречься отъ своихъ національныхъ отличій и жить единственно иноземнымъ вліяніемъ,—онъ представилъ бы примѣръ чудовищнаго космополитизма, который и въ отдѣльныхъ личностяхъ возмутителенъ для каждаго живаго человѣка. Цѣльное, гармоническое развитіе народа состоитъ въ возведеніи присущихъ ему началъ на степень общечеловѣческихъ; оно тогда только возможно, когда народъ, оставаясь вполнѣ самостоятельнымъ, усвоиваетъ духовныя пріобрѣтенія другихъ націй и въ свою очередь самъ становится участникомъ общечеловѣческаго развитія.

Осуществленіе этой формулы требуетъ длиннаго ряда вѣковъ. Прежде чѣмъ стать на чреду народовъ историческихъ, имѣющихъ всемірное значеніе, народъ проживаетъ нѣсколько послѣдовательныхъ періодовъ: періодъ исключительной національности, заботливо сторонящейся отъ всего чуждаго; періодъ сближенія съ другими народами, подражательности иноземному, которая весьма часто не знаетъ мѣры заимствованій и упускаетъ изъ виду свое собственное; наконецъ періодъ разумной самостоятельности, когда обѣ силы, національная и общечеловѣческая, приходятъ въ должное равновѣсіе, сохраняя свои законныя права и дѣйствіе.

Восемь столѣтій съ половиною Россія пребывала въ первомъ періодѣ и была выведена изъ него реформой Петра. Чѣмъ дольше общество жило особнякомъ, безъ рѣшительнаго сближенія съ другими народами, хотя и чувствуя потребности иной, болѣе просторной жизни, но только частными преобразованіями удовлетворяя этимъ потребностямъ, тѣмъ сильнѣе въ немъ боязнь потерять родную почву развитія, тѣмъ недовѣрчивѣе встрѣчаетъ оно новые порядки, наступающіе со времени втораго періода, и тѣмъ упорнѣе готово отвергать ихъ. Противодѣйствіе можетъ быть заявляемо двоякимъ образомъ: дѣломъ и мыслію. Противодѣйствіе дѣломъ

выражается въ приверженности быта къ исключительно-національному строю жизни; противодѣйствіе мыслію—въ особомъ ученіи, которое стремится къ національному, самостоятельному, боясь искаженія существенныхъ особенностей народа отъ потока чужеземныхъ вліяній, быстро разливающагося въ періодъ подражательности. Такое ученіе означено у насъ неточнымъ, позднѣе составленнымъ именемъ «славянофильства», т. е. любви къ славянамъ вообще, которая включаетъ въ себѣ любовь къ русскимъ славянамъ въ особенности. Направленіе, противоположное славянофильству, называлось «европеизмомъ», такъ какъ жизнь европейскихъ народовъ, сложившаяся изъ элементовъ древняго (греко-римскаго) и новаго (христіанскаго) міра, сдѣлалась источникомъ и образцомъ для общечеловѣческаго развитія. Слова: «европейцы» и «славянофилы», замѣнялись позднѣе словами: «западники» и «восточники» по той причинѣ, что Россія, по своему географическому положенію въ старомъ свѣтѣ, служитъ какъ бы звеномъ, соединяющимъ его западную и восточную половины. При Петрѣ I-мъ и въ ближайшее за нимъ время, когда нѣмцы были нашими учителями, слово «нѣмецъ» имѣло такое же значеніе какъ и слово «европеецъ», или «западникъ». Если славянофилы ищутъ самостоятельнаго, на коренныхъ началахъ русской природы основаннаго развитія, то западники видятъ идеалъ народнаго развитія въ началахъ европейской образованности, проходящей по всей исторіи запада и вполнѣ удовлетворительной для высшихъ требованій просвѣщенія. Карамзинъ обозначилъ крайность западничества, сказавъ, что главное дѣло быть не славянами, а людьми, что все національное ничто предъ человѣческимъ. Славянофильство противополагало тому другую крайность, утверждая, что западъ одряхлѣлъ въ жизни, мышленіи и образованности, что надобно одухотворить его инымъ, новымъ началомъ, подобно тому, какъ греко-римскій міръ, изжившій свое развитіе, былъ одухотворенъ началомъ германскимъ.

Вопросъ о народной самобытности пріобрѣталъ у насъ особое значеніе и силу каждый разъ, когда совершались важныя внутреннія реформы или завязывалась серьезная борьба съ Европою. Въ первомъ случаѣ, стремленіе къ западнымъ идеямъ и учрежденіямъ, которыя, со времени Петра, сдѣлались нашимъ идеаломъ, вызывало реакцію. Славянофильство являлось съ сомнѣніями и запросами, направлявшими общественную мысль въ противную сторону: это усвоеніе чуждой образованности согласно ли съ природой русскаго человѣка и его дѣйствительными нуждами? нѣтъ ли въ нашемъ прошломъ и настоящемъ какихъ-либо элементовъ, неизвѣданныхъ или забытыхъ, которыми возможно улучшить

прежній строй общества безъ всякой посторонней помощи? Сами дѣятели и защитники европейской цивилизаціи отступали иногда отъ своего собственнаго дѣла при видѣ тѣхъ крайностей, въ которыя она ударялась. Изъ нововводителей они обращались въ стародумовъ, перенося свой идеалъ въ періодъ русской жизни, болѣе или менѣе отдаленный отъ современности. Такъ для Стародума, въ ком. «Недоросль», этимъ идеаломъ служитъ эпоха Петра, противополагаемая состоянію русскаго общества при Екатеринѣ. Въ эпоху международной непріязни, славянофильскія мнѣнія возбуждались и руководились патріотизмомъ. Народная гордость отвергала всякій союзъ съ народомъ-врагомъ и не хотѣла быть ему одолженной никакими дарами, ни матеріальными, ни умственными. У себя дома она искала способовъ для всѣхъ видовъ преуспѣянія. Противные тому взгляды осуждались не просто какъ ложное направленіе мысли, но и какъ измѣна отчизнѣ, чтó весьма понятно при общемъ патріотическомъ воодушевленіи. Примѣръ такого явленія увидимъ въ русской литературѣ 1812 года.

Пока реформа не ввела Россію въ среду европейской цивилизаціи, до тѣхъ поръ не было у насъ мѣста означеннымъ воззрѣніямъ. Они могли возникнуть только при выходѣ ея изъ періода исключительной національности. Славянофильство и западничество порождены Петромъ. Впрочемъ, сходственныя съ ними, если не однородныя имъ, явленія представляла и до-петровская Русь. И тогда встрѣча съ чужеземными обычаями или чужеземною наукой тревожила ревнителей чисто-русской жизни и мысли. Исторія Максима Грека показываетъ, какъ большинство книжныхъ людей относилось къ исправленію перевода богослужебныхъ книгъ: ученый инокъ былъ заподозрѣнъ въ неправославіи. Симеонъ Полоцкій казался въ Москвѣ опаснымъ нововводителемъ. Въ XVII в., каждый русскій, умѣвшій читать латинскія книги и говорить по-польски, и кромѣ того усвоившій нѣкоторые польскіе обычаи, могъ возбуждать опасенія въ тѣхъ лицахъ, для которыхъ византійская ученость служила единственнымъ кормиломъ, исключавшимъ всякія другія руководства. Эта исключительность, отвѣчая позднѣйшему славянофильству, давала противнымъ ей взглядамъ названія бусурманства, иновѣрія, ереси и т. п.

Начиная съ Петровой реформы, въ исторіи славянофильства различается нѣсколько степеней или періодовъ. Выступая подъ тѣмъ или другимъ знаменемъ, оно обозначалось тѣмъ или другимъ именемъ. При Петрѣ оно имѣло религіозную подкладку, чѣмъ доказывало свою связь съ древне-русскою нетерпимостью всего чужеземнаго: сторонники преобразованій обвинялись въ иновѣріи и ере-

тичествѣ, а сторонники до-петровской Руси въ лицемѣріи, формализмѣ и староверствѣ. Въ царствованіе Елисаветы, славянофильскія тенденціи приняли патріотическій характеръ, возбужденныя рѣчью академика Миллера «о происхожденіи народа и имени Руссовъ», въ которой развивалось мнѣніе Байера, что варяго-русь— народъ скандинавскаго племени. Особыя обстоятельства сообщили научному предмету политическую важность. Взаимныя отношенія Швеціи и Россіи не могли быть искренно-дружелюбными, не смотря на вѣчный миръ, заключенный въ Або (1743): Швеція не могла забыть, чего она лишилась въ сѣверную войну, а Россія съ своей стороны понимала, что ея бывшая соперница не откажется и впредь отъ соперничества, въ надеждѣ возвратить потерянное и вновь занять мѣсто первоклассной державы. Доказывать, при такомъ характерѣ между-народныхъ отношеній, что Рюрикъ и его братья были одного племени съ нашими врагами, шведами, значило оскорблять народное самолюбіе. Рѣшеніе вопроса о способѣ водворенія варяго-руссовъ было также неблагопріятно русскому чувству. Допустивъ, что они, будучи призваны только на время для защиты границъ отъ норманскихъ нашествій, утвердили свое господство надъ славянами, должно было согласиться, что славяне не могли сами ни отразить враговъ, ни вытѣснить чужеземцевъ послѣ оказанной имъ помощи. Изъ гипотезы о добровольномъ подчиненіи славянъ варяго-руссамъ вытекало слѣдствіе, что предки наши неспособны были къ самоуправленію, что не они сами начали свою государственную исторію, что въ странѣ ихъ, богатой и обильной, установленъ порядокъ внѣшнею силою. Позднѣе, наука истолковала выгоднымъ для насъ образомъ тотъ самый фактъ, который смущалъ русскихъ ученыхъ XVIII в.: въ добровольномъ призваніи варяго-руссовъ она увидѣла самое счастливое преимущество нашей исторіи и ея существенное отличіе отъ исторіи другихъ государствъ, основанныхъ путемъ завоеванія, которое положило вражду между побѣжденными и побѣдителями. Но при Елисаветѣ подобныя воззрѣнія еще не имѣли мѣста. Русская партія академиковъ съ ея представителемъ, Ломоносовымъ, не могла относиться равнодушно къ мнѣніямъ нѣмецкихъ академиковъ. Упомянутая рѣчь казалась ему предосудительною для русскаго имени, а ея автора почиталъ онъ зложелателемъ, «высматривающимъ одни темныя пятна на одеждѣ россійскаго тѣла». Чувству патріотизма одолжены своимъ появленіемъ историческіе труды Ломоносова и Тредьяковскаго: первый приравниваетъ русскую исторію исторіи римской; второй доказываетъ

первоначаліе Россовъ и славянскаго языка предъ тевтоническимъ; и оба предлагаютъ ученіе о славянскомъ происхожденіи Руси.

Изъ вопроса Фонъ-Визина Собесѣднику: «какъ истребить два сопротивные и вредные предразсудки: первый—будто у насъ все дурно, а въ чужихъ краяхъ все хорошо; второй—будто въ чужихъ краяхъ все дурно, а у насъ все хорошо?» видимъ, что славянофильство и западничество не только существовали у насъ во второй половинѣ XVIII в., но и доходили до предразсудковъ. Сатирическіе журналы (1769—74) старались избѣгать такихъ крайнихъ воззрѣній. Задача объ отношеніяхъ народнаго къ общечеловѣческому должна была рѣшаться, по ихъ мнѣнію, путемъ эклектическимъ, т. е. заимствованіемъ хорошаго отвсюду, гдѣ бы оно ни встрѣчалось, и сочетаніемъ его съ собственнымъ хорошимъ. Такъ, напримѣръ, редакторъ «Всякой Всячины» замѣчаетъ, по поводу одной статьи, что «еслибы къ французскому кафтану прибавить, что у него недостаетъ, или у русскаго платья убавить все лишнее, то можно бы составить одежду, приличную климату и согласную съ здравымъ разсудкомъ». Но что такое хорошее въ сферѣ народнаго развитія? чѣмъ и какъ оно опредѣляется? опредѣляется ли оно независимо отъ органическихъ особенностей народа, или подъ условіемъ этихъ особенностей? Другой примѣръ беремъ изъ «Письма Люберуссова» (Трудолюбивый Муравей), содержащаго въ себѣ, между прочимъ, такія строки: «говорю я по-русски, а другихъ языковъ хотя нѣсколько разумѣю, но говорить на оныхъ не могу, да и не хочу, ибо кажется мнѣ, будто они противъ нашего недостаточны, да и расположеніе ихъ чудно». Но еслибы народы разсуждали подобно автору письма, то не одному изъ нихъ пришлось бы отказаться отъ своего роднаго языка за его бѣдность и «чудное расположеніе». На самомъ дѣлѣ этого никогда не бываетъ и быть не можетъ: значитъ, есть иная мѣра такъ называемому хорошему, когда говорится о народной организаціи. Означенные журналы захватывали предметъ не глубоко: они думали успокоиться на внѣшнемъ сопоставленіи національнаго съ чужеземнымъ, на механическомъ прилаживаніи одного къ другому, какъ будто народъ машина, изъ которой можно вынуть непригодныя части (наприм.: языкъ, складъ ума и пр.) и замѣнить ихъ болѣе совершенными. Заслуга ихъ не въ рѣшеніи вопроса и даже не въ постановкѣ его, а въ избѣжаніи предразсудковъ, указанныхъ Фонъ-Визинымъ. Славянофильство являлось въ нихъ подъ формой преслѣдованія чужеманіи, особенно французоманіи. Ревнители прогрессивныхъ мѣръ Екатерины, они не щадили темныхъ сторонъ руськаго быта, завѣщанныхъ до-петровской стариной, но вмѣстѣ съ тѣмъ не ща-

дили и тѣхъ, какія возникли по слѣпому пристрастію къ иноземнымъ обычаямъ. Нападая на поверхностный европеизмъ и неразборчивость при выборѣ гувернеровъ, они въ тоже время относились съ чувствомъ полнаго уваженія къ европейской наукѣ и ея представителямъ. Нѣкоторые между ними, напр. Кошелекъ, преимущественно обличали пристрастіе русскихъ къ Франціи Въ немъ помѣщено ироническое письмо какого-то защитника французскихъ нравовъ. Упомянутое же письмо Люборуссова неиронически защищаетъ народность, хваля русскаго человѣка, русскія кушанья, русскую одежду и русскій языкъ.

Патріотическая основа славянофильства Екатеринина времени высказалась по поводу сочиненій о Россіи, написанныхъ иностранцами и имѣвшихъ предметомъ ея исторію или современное ея состояніе. Въ 1761 году, аббатъ Шаппъ (Chappe d'Auteroche), членъ парижской академіи наукъ, былъ отправленъ въ Сибирь, чтобы наблюдать прохожденіе Венеры передъ солнцемъ. Записки его путешествія и ученыхъ наблюденій изданы въ 1768 г. (Voyage en Sybérie). Онѣ описываютъ наши нравы, обычаи, образъ нашего правленія и частію касаются нашей исторіи—описаніе невѣрное, одностороннее и легкомысленное, такъ какъ путешественникъ рѣшительно судитъ и рядитъ о томъ, чего не могъ осмотрѣть порядочно въ торопливой поѣздкѣ своей отъ Петербурга до Москвы. Національные предразсудки мѣшали ему находить что-либо хорошее въ той странѣ, которая такъ не похожа на его отечество и которую почиталъ онъ варварскою. Книга его подверглась осужденію со стороны Гримма и Дидро, но болѣе серьезная критика ея содержанія, приписываемая Екатеринѣ II, издана въ Амстердамѣ, подъ заглавіемъ: «Antidote, ou examen du mauvais livre, superbement imprimé, intitulé: Voyage en Sybérie» (1771). Эта критика, опровергая невѣрныя показанія аббата, раскрываетъ съ тѣмъ вмѣстѣ недостатки французскаго общества. Главная мысль ея состоитъ въ томъ, что современная Франція, подъ скипетромъ Людовика XV, не имѣетъ права гордиться передъ современной Россіей, управляемой творцемъ Наказа. Въ перепискѣ своей съ Вольтеромъ (1763 — 1777), Екатерина также беретъ на себя защиту своего отечества. Она часто останавливаетъ опрометчивыя понятія философа, который легкомысленно относился о государственныхъ учрежденіяхъ и вѣковыхъ обычаяхъ русскаго народа, думая, что то и другое удобно преобразовывается или даже уничтожается книжными идеями и административными мѣрами. О чемъ бы ни заводили рѣчь его письма—объ изгнаніи турокъ изъ Европы, о церковныхъ дѣлахъ или о законахъ, составляемыхъ

въ духѣ Наказа — вездѣ видишь незнаніе мѣстныхъ условій исторіи, настоящаго положенія страны, которой онъ рѣшился подавать совѣты изъ своей фернейской обители. Императрица, которую онъ постоянно уподоблялъ миѳологическимъ божествамъ и древнимъ героинямъ, сдержанно отвѣчала на его нетерпѣливые запросы объ успѣхахъ русской цивилизаціи, видя въ нихъ любопытство кабинетнаго человѣка, соединенное съ поверхностнымъ пониманіемъ самыхъ важныхъ и трудныхъ предметовъ. Между прочимъ, онъ часто освѣдомлялся о ходѣ законодательныхъ работъ, понуждая торопиться ихъ окончаніемъ. Екатерина писала ему на это изъ Казани (1767): «Подумайте только, что эти законы должны служить и для Европы и для Азіи: какое различіе климата, жителей, привычекъ, понятій! Я теперь въ Азіи и вижу все своими глазами. Въ Казани двадцать разныхъ народовъ, одинъ на другаго не похожихъ. Однакожъ необходимо сшить каждому пригодное платье. Легко положить общія начала; но частности? подробности? И какія подробности? Вѣдь это цѣлый, особый міръ: надобно его создать, сплотить, охранять». Переписка иногда касалась сравненія Россіи съ Франціей: въ такихъ случаяхъ, Екатерина постоянно доказывала, что послѣдняя страна, при всемъ своемъ просвѣщеніи, не можетъ служить безотносительнымъ примѣромъ для первой, хотя только что начавшей просвѣщаться.

Какъ въ критикѣ на путевыя записки Шаппа отстаивается настоящее Россіи, такъ въ «Запискахъ касательно россійской исторіи» отстаивается ея прошедшее. Занимаясь ими, Екатерина имѣла въ виду—изображеніемъ древнихъ доблестей и судебъ русскаго народа уронить клеветы, взведенныя на него иностранными писателями. Съ этою цѣлію всѣ факты освѣщаются выгоднымъ для нихъ свѣтомъ и во всемъ сочиненіи господствуетъ мысль о древности и великомъ значеніи славянъ и русскихъ, о важности ихъ языка и исторіи. При такомъ преднамѣренномъ освѣщеніи нельзя, конечно, соблюсти исторической истины: многія событія и лица получили не тотъ видъ, какой они имѣли въ дѣйствительности. Но въ Запискахъ своихъ авторъ преимущественно думалъ о выполненіи своей задачи: каково бы ни было ихъ достоинство, говоритъ онъ, по крайней мѣрѣ «ни нація, ни государство въ нихъ не унижены». Надобно было показать, что у русскаго народа нѣтъ причинъ краснѣть передъ другими націями за свою прошлую жизнь. Эта мысль опредѣленно выражена въ предисловіи къ Запискамъ: «если сравнить какую-нибудь эпоху русской исторіи съ одновременными ей событіями въ Европѣ, то безпристрастный читатель усмотритъ, что родъ человѣческій вездѣ одинакія имѣлъ

страсти, желанія, намѣренія и къ достиженію употреблялъ нерѣдко одинакіе способы».

Самымъ рѣшительнымъ выраженіемъ превосходства Россіи надъ другими странами служатъ заграничныя письма Фонъ-Визина. Здѣсь онъ заплатилъ богатую дань тому самому предразсудку, о которомъ позднѣе говорилъ въ 20-мъ вопросѣ Екатеринѣ, т. е. мнѣнію, «будто въ чужихъ краяхъ все дурно». Фонъ-Визинъ недоволенъ почти ничѣмъ, что видѣлъ во Франціи, Германіи, Италіи, и почти всегда свое родное ставитъ выше чужеземнаго. «Если кто изъ молодыхъ моихъ согражданъ, имѣющій здравый разсудокъ (пишетъ онъ къ гр. П. И. Панину, изъ Франціи, 1777—78 г.), вознегодуетъ, видя въ Россіи злоупотребленія и неустройства, и начнетъ въ сердцѣ своемъ отъ нея отчуждаться, то, для обращенія его въ должную любовь къ отечеству, нѣтъ вѣрнѣе способа, какъ скорѣе послать его во Францію. Здѣсь, конечно, узнаетъ онъ самымъ опытомъ очень скоро, что люди вездѣ люди, что прямо умный и достойный человѣкъ вездѣ рѣдокъ, и что въ нашемъ отечествѣ, какъ ни плохо иногда въ немъ бываетъ, можно быть столько же счастливу, сколько и во всякой другой землѣ, если совѣсть спокойна и разумъ правитъ воображеніемъ, а не воображеніе разумомъ». Впечатлѣніе, произведенное на Фонъ-Визина Германіею, также невыгодно, какъ видно изъ его писемъ къ сестрѣ: «здѣсь во всемъ генерально хуже нашего; люди, лошади, земля, изобиліе въ нужныхъ съѣстныхъ припасахъ,—словомъ, у насъ все лучше, и мы больше люди, нежели нѣмцы; это удостовѣреніе вкоренилось въ душѣ моей, ктобъ что ни изволилъ говорить». Еще болѣе нерасположенъ путешественникъ къ италіянцамъ. Во Флоренціи, говоритъ онъ, образъ жизни италіянскій, т. е. «весьма много свинства»: полы каменные и грязные; бѣлье мерзкое; хлѣбъ, какого у насъ не ѣдятъ и нищіе; чистая ихъ вода то, что у насъ помои. И сады на сѣверѣ лучше; петербургскія оперы не хуже италіянскихъ; что же касается до Рима, то это земной адъ для человѣчества». Короче, вояжъ доказалъ Фонъ-Визину истину пословицы: славны бубны за горами. Мнѣніе, вынесенное имъ изъ знакомства съ Европою, служитъ переходомъ отъ люборуссовъ Екатеринина времени къ исторіи славянофильства въ сороковыхъ годахъ нашего столѣтія: «Если здѣсь прежде насъ начали жить, то, по крайней мѣрѣ, мы, начиная жить, можемъ дать себѣ такую форму, какую хотимъ, и избѣгнуть тѣхъ неудобствъ и золъ, которыя здѣсь вкоренились. Nous commençons et ils finissent. Я думаю, что тотъ, кто родится, посчастливѣе того, кто умираетъ».

Упомянутыя статьи «Зрителя»: «Нѣчто о врожденномъ свойствѣ

душъ россійскихъ» и «Письмо къ издателямъ изъ Орла», показываютъ примѣръ столкновенія между двумя взглядами. Обѣ онѣ внушены патріотизмомъ, хотя и направлены въ разныя стороны. Авторъ первой статьи, Плавильщиковъ, на столько же превозноситъ соотечественниковъ, на сколько понижаетъ иностранцевъ: «Письмо» находитъ, что самовосхваленіе даетъ поводъ къ ложнымъ понятіямъ о нашихъ достоинствахъ и недостаткахъ. «Вы не прочь отъ романовъ», замѣчаетъ неизвѣстный его сочинитель, «когда увѣряете насъ, какъ будто китайцевъ, что въ Россіи не слыхать про бѣглаго солдата. Или нельзя хвалить свое отечество, не сплетая чудесъ въ его славу? Скоро вы станете божиться, что въ цѣлой Россіи нѣтъ ни плутовъ, ни дураковъ... Нѣкоторые листомаратели, думая тѣмъ угодить своему отечеству, наперерывъ выхваляютъ его просвѣщеніе, и въ глазахъ нашихъ, среди Россіи, составляютъ нелѣпые романы, которые называютъ ободреніемъ россійскихъ дарованій. Прекрасное средство ободрять науки, говоря, что намъ не нужно болѣе учиться! Не лучше ли, изъ любви къ соотечественникамъ, показывать имъ ихъ недостатки и, устыжая ихъ томную сонливость, воспламенить желаніе углубляться въ науки, дабы слава нашего непритворнаго просвѣщенія сравнялась съ славою россійскаго оружія».

Въ вышеприведенныхъ заявленіяхъ славянофильства мы не встрѣчаемъ того, что позднѣе сдѣлалось главнымъ пунктомъ его ученія. Откуда ни поднимались голоса противъ иноземнаго вліянія, всѣ они выражаютъ глубокое уваженіе къ Петру и признаютъ необходимость его реформы. Никому не приходила мысль о несовмѣстности русскаго развитія съ общеевропейскимъ просвѣщеніемъ. Напротивъ, Петръ, какъ и прежде, оставался божествомъ Россіи, и Европа все также должна была служить намъ образцемъ. Сомнѣніе въ непогрѣшимости Петровыхъ дѣлъ началось съ того времени, когда славянофильство выступило подъ знаменемъ нравственности, какъ реакція такимъ явленіямъ общественной и частной жизни въ XVIII вѣкѣ, которыя возникли и развились при одностороnней наклонности къ чужому. Вольность нравовъ, нарожденная поверхностнымъ европеизмомъ, была новымъ невѣжествомъ, противъ котораго слѣдовало также вести войну, какъ прежде вели войну съ невѣжествомъ старымъ, до-петровскимъ. Эта старина сдѣлалась безопасною для преуспѣянія на томъ пути, по которому преобразователь повелъ Россію. Не было уже никакой возможности отречься намъ отъ Европы и снова жить исключительно-національною жизнью. Но опасность угрожала съ другой, противоположной стороны—со стороны крайняго увлеченія иноземнымъ и

пренебреженія отечественнымъ. И потому, замѣчая упадокъ нравственности, стали обращать благопріятные взоры на старину и пользоваться ею какъ орудіемъ въ борьбѣ съ новымъ врагомъ. Добрыя качества предковъ выставлялись въ примѣръ и укоръ ихъ потомкамъ. Недовольство современнымъ направленіемъ общества и примиреніе съ до-петровскою стариною и составляютъ основный взглядъ новаго вида славянофильства. Взявъ на себя цензуру общественной и частной нравственности, славянофилы приписывали ея упадокъ преимущественно вліянію Франціи: поэтому французскій образъ жизни и французская философія служатъ главными предметами ихъ обличеній. Но какъ это вліяніе было дальнѣйшимъ послѣдствіемъ нашего перваго знакомства съ Европой, то отвѣтственность за новое зло, не имѣвшее мѣста въ древней Руси, должна была падать частію и на реформу: отсюда нѣкоторый поворотъ во мнѣніи о Петрѣ. Если не осужденіе его дѣйствій, то указаніе ихъ односторонности встрѣчаемъ еще въ докладахъ Бецкаго. Хотя «Наказъ» и думаетъ, что Петръ I, вводя нравы и обычаи европейскіе въ европейскомъ народѣ, нашелъ такія удобности, какихъ онъ и самъ не ожидалъ», т. е. что его преобразованія «сходствовали съ климатомъ»; но этотъ взглядъ принадлежитъ не «Наказу», а Монтескье, который большое участіе въ народоустройствѣ приписывалъ климату. Екатерина измѣнила потомъ свое понятіе, какъ это видно изъ ея разговора съ Густавомъ III объ опасности поспѣшныхъ или преждевременныхъ реформъ, равно какъ изъ ея письма къ Мордвинову (1790), касательно предложенія французскаго эмигранта, Сенака де-Мельяна, написать русскую исторію XVIII в. Письмо требуетъ, чтобы эмигрантъ отрекся отъ предубѣжденій противъ Россіи, свойственныхъ большей части иностранныхъ писателей—все видѣть съ дурной стороны, не обращая вниманія на происходившее въ тоже время въ другихъ государствахъ, и утверждать, «что Россія до Петра I-го не имѣла ни законовъ, ни устройства, между тѣмъ какъ существовало совсѣмъ тому противное». Въ Запискахъ кн. Дашковой помѣщенъ любопытный разговоръ ея съ австрійскимъ министромъ Кауницемъ о значеніи Петровыхъ преобразованій. Министръ называлъ преобразователя творцемъ Россіи. Княгиня отвергала это мнѣніе, приписывая его предразсудкамъ и невѣжеству иностранныхъ писателей, которые, восхваляя Петра, хвалили самихъ себя, такъ какъ онъ вызвалъ въ Россію множество иностранцевъ и съ ихъ помощію совершилъ свое «мнимое твореніе». Главная ошибка его, по словамъ княгини, состояла въ томъ, что онъ не хотѣлъ цѣнить достопочтенныхъ качествъ нашихъ пред-

ковъ и оригинальность ихъ характера исказилъ введеніемъ чужихъ нравовъ и обычаевъ, которые такъ высоко ставилъ надъ коренными русскими обычаями и нравами. Этотъ возвратъ къ древне-русской жизни, это сочувствіе къ простотѣ и степенности нашихъ до-петровскихъ предковъ всегда противополагались той вольности въ мысляхъ и нравахъ, которая тщеславно выставляла себя на-показъ въ XVIII в. Новиковъ, издатель Древней Россійской Вивліоѳики, въ предисловіи къ ней (1773), благодаритъ Бога за то, что «не всѣ еще у насъ заражены Франціею, но что есть много такихъ, которые съ великимъ любопытствомъ будутъ читать описанія нѣкоторыхъ обрядовъ, въ сожитіи предковъ нашихъ употреблявшихся, съ неменьшимъ удовольствіемъ увидятъ нѣкое начертаніе нравовъ ихъ и обычаевъ и съ восхищеніемъ познаютъ великость духа ихъ, украшеннаго простотою».... Затѣмъ предисловіе отзывается такимъ образомъ о русскихъ галломанахъ: «напоенные сенскимъ воздухомъ сограждане наши станутъ, можетъ быть, пересмѣхать суевѣріе и простоту или по ихъ глупость нашихъ прапрадѣдовъ; но одни ли россіяне подвержены были суевѣрію? Пусть припомнятъ господа наши полу-французы день св. Варѳоломея: тогда не должно будетъ удивляться, что у насъ нѣкоторые частные люди отъ суевѣрія пострадали. Но я прекращу сіе, дабы не навлечь на себя гнѣва отъ сихъ подражателей клеветъ А. де Ш.» (т. е. аббата Шаппа). Отъ полу-французовъ Новиковъ обращается къ любителю россійскихъ древностей, прося его не смотрѣть на молодыхъ кощуновъ, которые и самыя добродѣтели предковъ своихъ пересмѣхаютъ и презираютъ. Тѣже воззрѣнія стала раздѣлять и литература. Въ нѣкоторыхъ ея произведеніяхъ изображается патріархальность того племени, къ которому принадлежатъ русскіе. Драма Богдановича «Славяне» привела Александра Македонскаго къ этому народу, заставила его полюбить Доброславу, дочь воеводы города Славенска, восхищаться простодушіемъ добрыхъ людей, еще не вышедшихъ изъ эпическаго періода народной жизни, и отдавать имъ преимущество предъ аѳинянами, у которыхъ съ утонченною цивилизаціей явились и ея злыя послѣдствія. Знаменитый завоеватель говоритъ Парменіону: «По нравамъ грековъ не должно судить о всѣхъ прочихъ. Посмотри на славянъ: добронравіе, простота и вѣрность между ними предупреждаютъ повелѣнія. Природа, кажется, ошиблась, произведши въ Греціи Аристидовъ и Сократовъ; здѣсь бы они гонимы не были». Въ другомъ мѣстѣ, послѣ разговора съ огородницей Потапьевной, доброй и легковѣрной, Александръ высказываетъ снова свое славянофильство: «Вотъ какъ простымъ и добрымъ лю-

дамъ вздорными разсказами набиваютъ головы! Простодушная огородница говоритъ, что слышала; однако ея невѣдѣніе нравится мнѣ лучше, нежели высокій разумъ, во зло употребляемый. О, какъ далеки нравами отъ славянъ аөиняне! Другъ мой, Парменіонъ, много ошибается, почитая аөинянъ своими добрыми учителями. Со всею своею премудростью, Аөиняне недовольны, безпокойны и всегда несчастій опасаются. Славяне, въ счастливой простотѣ своей, не разумнѣе ли мудрецовъ, которые любятъ часто химерамъ слѣдовать? Пускай аөиняне, какъ хотятъ, толкуютъ: я ставлю простоту и добронравіе выше аөинской премудрости». Понятно, что вмѣсто словъ: «аөиняне», «аөинскій», надобно читать: «французы», французскій», и что Парменіонъ на столько же западникъ, на сколько Александръ—славянофилъ.

Славянофильство, исходящее изъ нравственнаго начала, отчетливѣе раскрыто тремя сочиненіями: «О поврежденіи нравовъ въ Россіи», кн. Щербатова; «Примѣчанія на Русскую исторію Леклерка», Болтина; «Мысли о Россіи, или нѣкоторыя замѣчанія о гражданскомъ и нравственномъ состояніи Русскихъ до царствованія Петра Великаго», неизвѣстнаго автора.

Въ сочиненіи своемъ, имѣющемъ характеръ мемуаровъ, кн. Щербатовъ (1733—1790), историкъ и публицистъ, признаетъ, что мы въ людкости и нѣкоторыхъ предметахъ оказали удивительные успѣхи, и «исполинскими шагами шествовали къ поправленію нашихъ внѣшностей, но тогда же гораздо съ вящщей скоростію бѣжали къ поврежденію нашихъ нравовъ». Сѣтуя на упадокъ общественной и семейной нравственности, онъ указываетъ его причины и исторію, отъ самаго начала печальнаго явленія до «настоящей (современной) развратности». Главными причинами зла онъ почитаетъ сластолюбіе и ослабленное значеніе родовой знати. Отъ сластолюбія, подъ которымъ разумѣется все то, что питаетъ чувственную сторону человѣческой природы, произошла роскошь въ убранствѣ домовъ, одеждѣ, экипажахъ, столѣ. Разрушенное же мѣстничество, не замѣненное никакимъ новымъ правомъ для знатныхъ родовъ, «истребило мысли благородной гордости въ дворянахъ; ибо стали не роды почтенны, но чины, и заслуги, и выслуги, и тако каждый сталъ добиваться чиновъ; а не всякому удается прямыя услуги учинить, то за недостаткомъ заслугъ стали стараться выслуживаться, всякими образами льстя и угождая». Первому источнику зла, сластолюбію, кн. Щербатовъ противополагаетъ незатѣйливую, простую жизнь до-петровской Руси; а второму источнику—признанію личныхъ заслугъ и способностей единственнымъ правомъ на участіе въ государственной дѣятельности—

прежнее начало, т. е. раздачу мѣстъ и чиновъ по рожденію. Когда же зародилось поврежденіе нравовъ, дошедшее до «настоящей развратности»? Оно было слѣдствіемъ реформы, хотя и явилось помимо воли Петра. Потому-то исчисленіе успѣховъ нашихъ по разнымъ отраслямъ государственнаго устройства при Петрѣ кн. Щербатовъ заключаетъ слѣдующими словами: «но тогда же искренняя привязанность къ вѣрѣ стала исчезать, твердость уменьшилась, уступая мѣсто нагло стремящейся лести, роскошь и сластолюбіе положили основаніе своей власти, а симъ побужденіемъ и корыстолюбіе къ разрушенію законовъ и ко вреду гражданъ начало проникать въ судебныя мѣста». Впрочемъ кн. Щербатовъ былъ убѣжденъ въ необходимости преобразованій, и осуждалъ только крутыя мѣры, посредствомъ которыхъ они были совершаемы, да недостатокъ уваженія къ преданіямъ старины.

«Исторія древней и новой Россіи», французскаго медика Леклерка, вышедшая въ Парижѣ на франц. языкѣ (6 т., 1783—94), дала Болтину поводъ написать «Примѣчанія» на первые ея томы (1788). Цѣль «Примѣчаній»—защищеніе правды и отечества. Изъ любви къ тому и другому Болтинъ принялся за перо, «чтобъ уличить и устыдить» иностраннаго писателя, въ сочиненіи котораго нашелъ онъ «ложь, клевету, пристрастіе, наглость, нелѣпость разсужденій, пустоту доводовъ, безчисленныя и грубыя во всѣхъ родахъ ошибки». Мнѣнія русскаго критика, отвергая все, служащее къ нареканію чести и славы нашего отечества, выражаютъ яснымъ образомъ его понятія о реформѣ и объ отношеніи древней Россіи къ новой. Въ торопливомъ сближеніи нашемъ съ Европою онъ видитъ вредную ошибку, требующую исправленія. Упадокъ нравственности есть для него очевидный фактъ, который ведетъ свое начало съ того времени, какъ юношество стали посылать въ чужіе края и ввѣрять его воспитаніе чужестранцамъ. Новую образованность людей своего времени онъ прямо называетъ мнимымъ просвѣщеніемъ. Неразумному ходу отечественной жизни, ея внѣшнему европеизму, производящему французо-русскихъ петиметровъ, «Примѣчанія» постоянно противополагаютъ древне-русскій бытъ съ его строгими правилами, здравымъ взглядомъ на вещи, твердымъ, хотя и медленнымъ, поступаніемъ впередъ. Основный образъ мыслей Болтина высказанъ въ замѣткѣ на слѣдующее мѣсто изъ исторіи Леклерка: «чтобъ познанія другихъ народовъ, ихъ науки и ихъ художества не могли проникнуть въ Россію, запрещено было (до Петра) ученымъ другихъ племенъ въѣзжать въ нее, а Русскимъ ѣздить къ нимъ для просвѣщенія своего». Критикъ нашъ отвѣчаетъ, что для заграничныхъ путешествій требовались зрѣлый

разумъ и твердость въ вѣрѣ и нравахъ: «Людямъ молодымъ, ненадежнаго ума и поведенія, не дозволяемъ былъ выѣздъ, изъ мудрыя предосторожности, чтобъ не заразить ихъ вредными новостями. Сіе самое послѣ сбылося. Съ тѣхъ поръ, какъ юношество свое стали мы посылать въ чужіе краи и воспитаніе ихъ ввѣрять чужестранцамъ, нравы наши совсѣмъ перемѣнилися; съ мнимымъ просвѣщеніемъ насадилися въ сердцахъ нашихъ новыя предубѣжденія, новыя страсти, слабости, прихоти, кои предкамъ нашимъ были неизвѣстны: погасла въ насъ любовь къ отечеству, истребилася привязанность къ отеческой вѣрѣ, обычаямъ, и пр. И такъ мы старое позабыли, а новаго не переняли, и, ставъ не похожими на себя, не сдѣлалися тѣмъ, чѣмъ быть желали. Сіе все произошло отъ торопливости и нетерпѣнія: захотѣли сдѣлать то въ нѣсколько лѣтъ, на что потребны вѣки; начали строить зданіе нашего просвѣщенія на пескѣ, не сдѣлавъ прежде надежнаго ему основанія. Петръ Великій думалъ, что для просвѣщенія дворянства довольно будетъ заставить ихъ путешествовать по иностраннымъ государствамъ; но опытъ оправдалъ стариковъ нашихъ мнѣніе, что вмѣсто ожиданной пользы вышелъ изъ того вредъ. Большая часть изъ посланныхъ имъ возвратилися не просвѣщеннѣе, не умнѣе, но порочнѣе и смѣшнѣе, нежели были. Тогда позналъ Петръ Великій, что надобно начать хорошимъ воспитаніемъ, а кончить путешествіемъ, чтобъ видѣть желаемый плодъ. Нынѣ предпріемлются ко исправленію поврежденнаго благопріятнѣйшія средства». Сравнивая старое съ новымъ, историческая критика Болтина большею частію склоняетъ вѣсы свои на сторону перваго. При замѣткѣ французскаго автора, что Уложеніе Алексѣя Михайловича даетъ тиранскую власть мужу надъ женой, Болтинъ описываетъ современный бытъ въ Россіи и доказываетъ, что, благодаря новому образу жизни, мужъ сталъ рабомъ жены. Невыгодный отзывъ о русскомъ языкѣ, будто бы недостаточномъ для выраженія мыслей, потому что сами Русскіе употребляютъ въ разговорѣ иностранныя слова, Болтинъ объясняетъ истиннымъ толкованіемъ факта, подмѣченнаго, но непонятаго Леклеркомъ: «Въ царствованіе Елисаветы введено было въ языкъ русскій множество словъ французскихъ, не по нуждѣ, а по буйственному пристрастію ко всему, что называется французскимъ, но лѣтъ съ двадцать странный сей вкусъ началъ выходить изъ употребленія. Не взирая, однакожъ, на всеобщее осмѣяніе и укоризну, довольно еще осталося такихъ, кои, будучи воспитаны въ рукахъ французскихъ и научась отъ нихъ отъ юности все русское презирать, не стараются или не хотятъ узнать природнаго своего языка, и по не-

обходимости, не умѣя на немъ объясняться, мѣшаютъ въ разговорѣ своемъ половину словъ иностранныхъ... Можетъ быть, г. Леклерку случилося такихъ французо-русскихъ петиметровъ слышать разговаривающихъ между собою, а по ихъ разговорамъ заключилъ, что и всѣ такимъ же страннымъ языкомъ говорятъ, какъ они».... Главная мысль, проводимая Болтинымъ, видна и въ примѣчаніяхъ его ко 2-му изд. «Историческаго представленія изъ жизни Рюрика». По поводу словъ одного изъ дѣйствующихъ лицъ: «прилично въ семъ случаѣ начать дѣло приношеніемъ жертвы богамъ», Болтинъ хвалитъ обычай нашихъ предковъ—призывать Бога на помощь въ каждомъ случаѣ, а затѣмъ переходитъ къ новому времени: «недавно сей обычай, посредствомъ французскаго воспитанія, между благородныхъ людей началъ истребляться, или, лучше сказать, истребился, но между невѣжественныя черни и поднесь существуетъ: они всякое дѣло начинаютъ молитвою и возложеніемъ на себя знаменія крестнаго; а просвѣщенные люди, видя ихъ то дѣлающихъ, съ презрѣніемъ надъ ними смѣются, для того что у французовъ то не въ обычаѣ».

«Мысли о Россіи» написаны около 1791 или 1792 г., въ чужихъ краяхъ, на французскомъ языкѣ, для нѣкоторыхъ знатныхъ особъ, которыя часто спрашивали автора объ его отечествѣ. Имя его неизвѣстно. Статья, къ сожалѣнію не конченная, содержитъ въ себѣ немногія о немъ извѣстія: онъ занималъ должности, оставлявшія ему мало свободнаго времени; жилъ за границей для излеченія болѣзни; надѣялся получить отсрочку своему отпуску и въ Вѣнѣ снова заняться воспоминаніями о Россіи; наставникомъ его былъ Иннокентій, архіепископъ рижскій и псковскій. Цѣль статьи—сравненіе древней Россіи съ новою. Авторъ открыто выражаетъ сочувствіе къ до-петровскому быту, основанное на томъ, что «до Петра русскій народъ былъ единообразенъ въ своихъ обычаяхъ, твердъ въ правилахъ, благоразуменъ, прозорливъ и осмотрителенъ въ своихъ дѣйствіяхъ; наслажденія его состояли въ простыхъ произведеніяхъ здраваго смысла; незнакомы были ему изступленія и мечты распаленнаго воображенія, равно какъ и его очарованія; никто не выказывалъ себя знающимъ то, чего не вѣдалъ, и всѣ довольны были тѣмъ, что знали; промышленность ограничивалась предѣлами родной страны, и Русскіе не желали наслажденій искуственныхъ и удовольствій иноземныхъ; народъ имѣлъ собственный характеръ, суровый, можетъ быть, для нашего вѣка, но характеръ прямой и честный, умѣвшій чувствовать свое достоинство». Въ Алексѣѣ Михайловичѣ статья видитъ идеалъ государя мудраго, кроткаго, благочестиваго и бодраго въ трудахъ.

Онъ управлялъ царствомъ безъ шуму и тщеславія и «первый въ Россіи созвалъ государственныхъ чиновъ». Его Уложеніе, написанное кратко, просто и общепонятно, доказываетъ «доброту» всего общественнаго состава. Во всѣхъ идеяхъ узаконеній онъ совѣтовался чрезъ мудрыхъ своихъ бояръ на Красной московской площади съ духомъ народа. Каждый день доносили ему, что замѣчательное было говорено на площади и какъ народъ о томъ думаетъ. Онъ умѣлъ направлять умы къ полезнымъ цѣлямъ, одобрять добрыхъ и возвращать заблудшихъ къ духу общественному, котораго зналъ цѣну и важность. Сынъ его Θеодоръ наслѣдовалъ тѣже чувства, тоже вниманіе къ единообразности обычаевъ, тоже раченіе образовать, поощрять, исправлять, совершенствовать духъ народа и возвышать моральную его натуру чрезъ добросовѣстное поведеніе вельможъ и свое собственное. До конца его царствованія Россія была спокойна и счастлива. Съ реформы начался, по мнѣнію автора, совершенно другой порядокъ. Хотя онъ и признаетъ въ дѣлахъ Петра «творческое подражаніе», но думаетъ, что еслибы всѣ его преемники были подражателями, то Русскіе стали бы обезьянами. Направлять умъ народа къ иноземнымъ нуждамъ значитъ засѣвать въ немъ сѣмена порока, портить его, дѣлать несчастнымъ. Охотники до преувеличеній, часто говорящіе о томъ, что имъ вовсе неизвѣстно, французскіе писатели назвали Петра творцемъ Россіи, а между тѣмъ забыли древнюю пословицу: «ex nihilo nihil»; одинъ только всемогущій Творецъ могъ все произвести единымъ словомъ. Таково свойство ума человѣческаго! замѣчаетъ авторъ: быстрое движеніе и смѣлые порывы болѣе поражаютъ его, нежели ходъ спокойный и ровный; государи, которые съ кроткимъ благоразуміемъ управляютъ ходомъ великихъ и маловажныхъ случаевъ, нечувствительно предуготовляютъ событія, доставляющія намъ тихія, но продолжительныя наслажденія,—такіе государи дѣлаютъ менѣе впечатлѣнія на историковъ, нежели грозные исполины судорожными движеніями вводимыхъ новостей,—исполины, двигающіе вдругъ цѣлыми массами. И въ сочувствіи своемъ, и въ недовольствѣ авторъ, одинаково съ кн. Щербатовымъ, руководствуется началомъ естественнаго и нравственнаго развитія народа: онъ видитъ, какъ это начало постоянно дѣйствовало въ жизни предковъ нашихъ, и не видитъ его дѣйствія въ жизни современной, изъ чего и заключаетъ о превосходствѣ до-петровской Руси надъ петровскою. Идиллическая похвала правленію, нравамъ, обычаямъ, воспитанію при царѣ Алексѣѣ противополагается темной картинѣ тѣхъ же предметовъ въ современной эпохѣ. Разность между нравами просвѣщенныхъ людей нынѣшняго времени и нра-

вами тогдашнихъ Россіянъ, которыхъ господа умники называютъ варварами, убѣдительно показываетъ, до чего довели современнаго человѣка понятія французскихъ философовъ вообще, парижскихъ вольнодумцевъ въ частности. Въ этой философіи скрывается, по словамъ автора, корень зла. Какой же выводъ даютъ всѣ его разсужденія? Если реформа есть важная историческая ошибка, то необходимо ее исправить. Екатерина II то и дѣлала и дѣлаетъ: она знала, что всякое существо, физическое и политическое, цѣнно и долговѣчно по собственной своей натурѣ; что отношенія случайныя, чуждыя этой натурѣ, иногда ослѣпляютъ простой народъ, но никогда не составляютъ сущности общества: напротивъ, они непримѣтно разстроиваютъ натуру и мало по малу вовсе ее разрушаютъ. Собственными только силами растутъ всѣ существа: и Екатерина II обратила націю къ свойственному ей бытію и природнымъ ея силамъ посредствомъ разныхъ установленій и перемѣнъ въ обширной своей имперіи.

Но почти въ то самое время, какъ неизвѣстный авторъ «Мыслей о Россіи» неблагосклонно смотрѣлъ на реформу Петра, возвысился умный голосъ въ защиту преобразованія. Путешествуя по Европѣ, Карамзинъ встрѣтилъ въ парижской академіи надписей и словесности члена ея Левека, семь лѣтъ жившаго въ Петербургѣ (1773—1780), куда онъ былъ вызванъ Екатериною II, по рекомендаціи Дидро, и преподавалъ кадетамъ словесныя науки. Воротясь на родину, Левекъ написалъ Русскую Исторію (8 т., 1782—1783), въ которой не признаетъ за Петромъ геніальности государственнаго дѣятеля на томъ основаніи, что Петръ, желая образовать свою націю, умѣлъ только подражать другимъ народамъ. Карамзинъ опровергаетъ это мнѣніе, которое часто слышалось и отъ Русскихъ. Въ путевыхъ запискахъ своихъ (мая 1790) онъ доводитъ до крайности свой взглядъ на реформу, совершенно несогласный съ предъидущими на нее взглядами: «Путь образованія или просвѣщенія одинъ для народовъ; всѣ они идутъ имъ вслѣдъ другъ за другомъ. Иностранцы были умнѣе Русскихъ: и такъ надлежало отъ нихъ заимствовать, учиться, пользоваться ихъ опытами.... Избирать во всемъ лучшее есть дѣйствіе ума просвѣщеннаго; а Петръ Великій хотѣлъ просвѣтить умъ во всѣхъ отношеніяхъ.. Всѣ жалкія іереміады объ измѣненіи русскаго характера, о потерѣ русской нравственной физіогноміи или не что иное какъ шутки, или происходятъ отъ недостатка въ основательномъ размышленіи. Мы не таковы, какъ брадатые предки наши: тѣмъ лучше! Грубость наружная и внутренняя, невѣжество, праздность, скука были ихъ долею и въ самомъ высшемъ состояніи:

для насъ открыты всѣ пути къ утонченію разума и къ благороднымъ душевнымъ удовольствіямъ. Все народное ничто предъ человѣческимъ. Главное дѣло быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для Русскихъ; и что англичане или нѣмцы изобрѣли для пользы, выгоды человѣка, то мое, ибо я человѣкъ». Въ послѣдствіи Карамзинъ отступилъ отъ этого взгляда, какъ такого, въ которомъ забыты и коренныя отличія народности, и ея историческое развитіе ([1]).

§ 22. Философія энциклопедистовъ, возбуждая косвенное недовольство людей, порицавшихъ недостатокъ самостоятельнаго развитія Россіи, встрѣтила прямое и рѣшительное противодѣйствіе въ масонскомъ ученіи.

Когда именно явилось у насъ масонство, въ точности неизвѣстно. По иностраннымъ сочиненіямъ о масонствѣ, въ 1731 г. капитанъ Джонъ Филипсъ былъ провинціальнымъ великимъ мастеромъ (гроссмейстеромъ) въ Россіи, а въ 1741-мъ—Яковъ Кейтъ, генералъ русской службы. Первое свидѣтельство о томъ, что наше правительство стало обращать вниманіе на масоновъ, относится къ 1747 г., когда графа Николая Головина, служившаго въ прусскомъ войскѣ волонтеромъ и подозрѣваемаго въ исполненіи порученій Фридриха II при его дипломатическомъ агентѣ въ Петербургѣ, по повелѣнію императрицы допрашивали, кто изъ русскихъ въ масонахъ. Головинъ назвалъ себя и двухъ графовъ Чернышевыхъ (Захара и Ивана). Въ одномъ дѣлѣ съ допросомъ находится показаніе Михайлы Олсуфьева (относящееся къ 1756 г.), которому императрица повелѣла дознать основанія масонской секты и открыть ея членовъ. Масонство, по этому дознанію, есть «ключъ дружелюбія и братства»; между членами его, рядомъ съ знатными фамиліями, стоятъ лица всякаго званія: музыканты, танцовальный учитель, купецъ; большую часть членовъ дало военное сословіе (кн. Михаилъ Щербатовъ, Иванъ Болтинъ, Мелиссино); гроссмейстерскій стулъ занималъ гр. Р. И. Воронцовъ, отецъ княгини Е. Р. Дашковой. Одинъ изъ указанныхъ членовъ, полковникъ Мелиссино имѣлъ въ Петербургѣ (1765) такъ называемый капитулъ и распространялъ свои особенныя мнѣнія, получившія названіе «системы Мелиссино». Въ 1772 г. основана первая русская Великая Ложа, и И. П. Елагинъ назначенъ, отъ великой англійской ложи, провинціальнымъ гроссмейстеромъ въ русской имперіи.

---

[1]) О значеніи взглядовъ Болтина см. С. Соловьева: «Рус. историки 18-го в.» (Калачова «Архивъ историко-юридич. свѣдѣній о Россіи» т. 2); Сочиненіе Щербатова: «О поврежденіи нравовъ въ Россіи», разобрано проф. Ешевскимъ (Атеней, 1858, № 3); «Мысли о Россіи» нап. въ 1 и 2 №№ Вѣст. Евр. 1807 г.

Система, которой слѣдовали масоны этой ложи въ своихъ работахъ, стала извѣстна подъ именемъ «Елагинской», хотя въ сущности она была англійскою, болѣе другихъ системъ сохранявшею масонство въ его первоначальномъ, чистомъ видѣ. Другія вновь открываемыя ложи вводили систему шведскую. Сильнѣйшее развитіе масонской дѣятельности въ Москвѣ началось съ переѣздомъ въ этотъ городъ, 1779 года, Новикова (1744—1816), который занимаетъ почетное мѣсто не только въ исторіи русскаго масонства, но и въ исторіи русскаго просвѣщенія, какъ его ревнитель. Онъ началъ свое образованіе въ московскомъ университетѣ и въ 1758 г. показанъ въ спискѣ учениковъ, достойныхъ награжденія, но черезъ два года, неизвѣстно почему, исключенъ, вмѣстѣ съ Потемкинымъ и другими семьюдесятью учениками и студентами. Состоя на службѣ въ измайловскомъ полку (1762—1770), онъ, въ 1767—68 г., занимался въ коммисіи о составленіи проэкта новаго уложенія, а потомъ (1769—70) издавалъ «Трутень». Въ отставкѣ предался книжному и журнальному дѣлу. За «Трутнемъ» слѣдовали сатирическіе журналы: «Живописецъ» (1772—73) и «Кошелекъ» (1774), мистическій «Утренній свѣтъ» (1777—78) и «С.п.бургскія ученыя Вѣдомости». Самымъ важнымъ изданіемъ его было десять частей «Древней Россійской Вивліоѳики» (1773—75) ([1]), матеріалы для которой, равно какъ и денежное пособіе на печатаніе, доставляла сама императрица, приказавъ исторіографу Миллеру сообщать издателю копіи съ хранившихся въ архивѣ описаній посольствъ, разныхъ старинныхъ обрядовъ и пр. Къ другимъ изданіямъ петербургскаго періода жизни Новикова относятся: «Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ (1772)»— трудъ, исполненный при участіи трагическаго актера Дмитревскаго; «Повѣствователь древностей россійскихъ (1776)»; «Исторія о заточеніи боярина Матвѣева (1776)»; первая часть «Скиѳской Исторіи, Лызлова» (1776) ([2]). Что касается до масонства, то есть извѣстія, что Новиковъ принятъ въ него 1775 г. и что слѣдующимъ годомъ была основана для него и друзей его ложа Немезида.

Такимъ образомъ, до переѣзда въ Москву Новиковъ уже пріобрѣлъ себѣ извѣстность какъ издатель лучшаго сатирическаго журнала и важнаго для русской исторіи сборника. Переселясь въ Москву, куда за годъ передъ тѣмъ кураторомъ университета былъ назначенъ Херасковъ, онъ взялъ на десятилѣтній откупъ универ-

---

[1]) Продолженіе ея состоитъ изъ 20 частей.

[2]) Всѣхъ частей три.

ситетскую типографію. Это десятилѣтіе показываетъ, что́ можетъ совершить энергическій человѣкъ, когда онъ одушевленъ любовію къ отечеству и безкорыстно дѣйствуетъ отъ имени твердыхъ началъ, имѣя въ виду потребности гражданъ. Безъ надлежащаго ученія, не знавшій ни одного иностраннаго языка, «не читавшій никакихъ школьныхъ философовъ», Новиковъ привлекъ къ себѣ любовь и уваженіе всѣхъ людей, для которыхъ нравственное возвышеніе общества составляло главную задачу цивилизаціи. Цѣлью всѣхъ стремленій его было — распространить образованіе Россіи во всѣхъ сословіяхъ. Его дѣло было подвигомъ, заслужившимъ общественную благодарность и навсегда оставшимся въ нашей исторіи. Важность его заслугъ указаны Карамзинымъ въ запискѣ, представленной императору Александру 1-му, въ 1818 г. Къ счастію для своего дѣла, онъ дружески сошелся съ профессоромъ Шварцемъ, пріѣхавшимъ въ Россію въ 1776 г. († 1784). и поступившимъ въ университетъ профессоромъ нѣмецкаго языка. Труды того и другаго служили взаимнымъ дополненіемъ. Шварцъ имѣлъ значеніе учителя и наставника, а Новиковъ, вмѣстѣ съ другими, распространялъ его воспитательно-образовательныя мысли въ обществѣ посредствомъ изданія книгъ. Основательный педагогъ, проникнутый глубоко-религіозными убѣжденіями, Шварцъ дѣйствовалъ какъ профессоръ: онъ преподавалъ исторію философіи студентамъ педагогической семинаріи, основанной въ 1779 г. и которой онъ былъ ректоромъ, и кромѣ того у себя на дому, по воскресеньямъ, читалъ «для людей всякаго рода и званія» лекціи о трехъ родахъ познанія: любопытномъ, пріятномъ и полезномъ. Подъ любопытнымъ познаніемъ разумѣется такое, которое питаетъ разумъ и приноситъ пользу въ жизни, но не есть необходимо для будущаго блаженства; познаніе пріятное, къ которому относятся изящныя искуства, удовлетворяетъ зрѣнію и слуху, и воображеніемъ занимаетъ нашу познавательную способность; познаніе полезное научаетъ насъ истинной любви, молитвѣ, стремленію духа къ высшимъ понятіямъ: его-то человѣкъ долженъ достигать по преимуществу, такъ какъ онъ въ земной своей жизни только путешественникъ, а въ будущей гражданинъ. Мистико-религіозное направленіе лекцій Шварца благотворно дѣйствовало на молодыхъ людей, предохраняя ихъ отъ невѣрія, ставя на мѣсто современнаго легкомыслія твердыя, строгія начала жизни и мышленія. Слушатели съ благодарностію воспоминали своего наставника. «Главное и для тогдашняго времени поразительное явленіе было то (говоритъ одинъ изъ нихъ), съ какою силою простое слово профессора

исторгло изъ рукъ многихъ соблазнительныя и безбожныя книги, въ которыхъ, казалось, тогда весь умъ заключался, замѣнивъ ихъ Библіею. Шварцъ учредилъ «Собраніе университетскихъ питомцевъ» (1781), гдѣ они читали и обсуживали свои собственные литературные опыты. Собраніе имѣло двѣ цѣли: одна «относилась къ просвѣщенію», другая — «къ исправленію порочныхъ склонностей». Для достиженія первой, воспитанники упражнялись въ сочиненіяхъ разнаго рода и переводахъ лучшихъ мѣстъ изъ древнихъ и новыхъ писателей; для достиженія второй, при началѣ каждаго собранія произносились членами рѣчи о какихъ-либо нравственныхъ предметахъ. Въ 1782 г. открыта, при университетѣ, филологическая, или переводческая, семинарія, для переложенія лучшихъ авторовъ и нравоучительныхъ сочиненій на русскій языкъ. Ею также завѣдывалъ Шварцъ. Труды воспитанниковъ университета и двухъ семинарій поступали въ журналы, изданіе которыхъ предназначалось въ пользу бѣдныхъ.

Изъ круга людей, близкихъ къ Новикову и Шварцу, образовалось «Дружеское ученое общество», открытое въ 1782 г. и поставившее своею обязанностью облагороженіе нравовъ и распространеніе полезныхъ знаній. Занятія его изложены въ пригласительной запискѣ къ членамъ, написанной Шварцемъ. Записка предлагаетъ обществу найти полезное занятіе въ свободные отъ гражданскихъ обязанностей часы, по примѣру Сципіона Африканскаго, «мудрѣйшаго и счастливѣйшаго человѣка, который всего менѣе былъ празденъ въ то время, когда освобождался отъ государственныхъ дѣлъ; а умѣть пользоваться досугомъ есть самая трудная вещь, по словамъ одного изъ греческихъ мудрецовъ». Задачею общества должно быть нравственное, взаимною помощью членовъ-друзей производимое возбужденіе къ труду. Особенному вниманію его указаны три предмета: а) печатаніе разнаго рода книгъ, особенно ученыхъ, и разсылка ихъ по училищамъ; б) содѣйствіе къ успѣхамъ тѣхъ наукъ, въ которыхъ Руские мало упражнялись: греческаго и латинскаго языковъ, знанія древностей, знанія качествъ и свойствъ вещей въ природѣ, химіи; в) занятія филологическою, или переводческою семинаріей. На открытіи общества присутствовалъ главнокомандующій въ Москвѣ графъ З. Г. Чернышевъ, принадлежавшій къ масонскому ордену, какъ мы видѣли изъ допроса гр. Головину. Архіепископъ Платонъ принялъ его подъ свое покровительство, какъ такое учрежденіе, котораго программа была согласна съ духомъ христіанства. Между членами общества, кромѣ Новикова и Шварца, при-

надлежали къ наиболѣе дѣятельнымъ и вліятельнымъ И. В. Лопухинъ, И. П. Тургеневъ, С. И. Гамалея и двое князей Трубецкихъ. Служа дѣлу образованія и вмѣстѣ съ тѣмъ заботясь объ организаціи масонства въ Россіи, Шварцъ, въ 1781 г, былъ отправленъ за границу для «снискавія истиннаго масонства». Онъ присутствовалъ на Вильгемсбадскомъ конвентѣ (1782), собранномъ съ цѣлію опредѣлить сущность и цѣль ордена и положить конецъ разногласіямъ въ средѣ его устройствомъ одной общей системы. Россія была признана самостоятельною (восьмою) провинціей ордена. Въ Берлинѣ Шварцъ завелъ связи съ тамошними розенкрейцерами, и по возвращеніи распространялъ ихъ ученіе въ Москвѣ. Неудовольствія, возникшія между нимъ и кураторомъ Мелиссино, заставили его выдти изъ университета. Мѣсто Шварца, по смерти его (1784), заступилъ баронъ Шредеръ, вовсе не похожій на своего предшественника нравственными качествами. Съ нимъ-то, въ 1787, отправленъ былъ въ Берлинъ Дружескимъ обществомъ Кутузовъ, сотоварищъ Радищева по образованію, для изученія алхиміи, которая, вмѣстѣ съ теософіей, составляла основный принципъ розенкрейцерства, какъ особой системы масонства.

Еще прежде открытія Дружескаго общества, Новиковъ началъ приводить въ исполненіе его не оглашенные еще планы. Университетская типографія стала наравнѣ съ лучшими европейскими типографіями. Въ три года (1779—82) она выпустила больше книгъ, нежели сколько изъ нея вышло за всѣ прежніе двадцать четыре года ея существованія. Семинаріямъ и другимъ училищамъ было подарено книгъ на 3000 руб. Открыто было нѣсколько книжныхъ лавокъ въ Москвѣ и по губернскимъ и уѣзднымъ городамъ. Стараясь всячески пріохотить публику къ чтенію, Новиковъ первый завелъ вольную (публичную) библіотеку для безденежнаго пользованія книгами. Чтобы знакомить читающій классъ съ мистико-масонскимъ ученіемъ, онъ прибѣгнулъ къ пособію періодическихъ изданій, дѣйствіе которыхъ было извѣдано имъ на опытѣ. Мы знаемъ, что до поступленія въ масонство, Новиковъ служилъ общественной мысли двоякимъ способомъ: сатирой и обнародованіемъ матеріаловъ, касательно русской археологіи, исторіи и географіи. Посвященный въ масоны, Новиковъ принялся за изданіе журналовъ мистическаго направленія. Первымъ изъ нихъ былъ «Утренній свѣтъ», начатый еще въ Петербургѣ (1777), но конченный въ Москвѣ (1780). Изданіе выбрало своимъ предметомъ искоренять вкравшееся вольномысліе, дѣйствовать на «духъ» и «душу», какъ главные элементы тройственнаго человѣческаго состава, предоставивъ «тѣло» портнымъ, которые его укра-

шаютъ, и медикамъ, которые его врачуютъ. Путемъ кроткихъ наставленій оно обязалось вести публику къ самопознанію. Поэтому наставительныя статьи образуютъ преимущественное содержаніе журнала. Почти всѣ онѣ переводныя изъ древнихъ и новыхъ писателей: Платона, Плутарха, Сенеки, Геллерта, Геснера, Юнга, Паскаля и другихъ. Въ числѣ умозрительныхъ предметовъ на первомъ планѣ стоитъ безсмертіе души; съ цѣлію доказать эту истину, напечатаны двѣ статьи: «Жизнь Сократа», побѣдившаго страхъ смерти вѣрою въ безсмертіе, и «Федонъ, или разговоры о безсмертіи души». Программа «Утренняго свѣта», изложенная въ предисловіи, раскрыта еще стихотвореніемъ В. Майкова и правилами мудраго искателя истины, въ «Сновидѣніи Іакова Всегдатута». Благонамѣренность правилъ видна, между прочимъ, изъ ихъ понятія о гражданскихъ обязанностяхъ: «если не можешь быть стражемъ кедровъ ливанскихъ, то будь доволенъ стереженіемъ мха, на стѣнахъ растущаго, ибо не на порученную людямъ должность смотрятъ, но паче на исполненіе оныя». На деньги, собранныя за подписку, основаны были въ Петербургѣ Екатерининское и Александровское училища для бѣдныхъ дѣтей. За «Утреннимъ Свѣтомъ» слѣдовало «Московское изданіе» (1781). Почувствовавъ, что постоянно-серьезное направленіе перваго журнала пугало публику, новый журналъ вознамѣрился удовлетворять какъ тѣхъ, которые скучали высокими матеріями, такъ и тѣхъ, которые ощущаютъ сладость и пользу въ «нравоученіи и высокомысліи». Изъ предисловія къ нему видно, что онъ явился въ свѣтъ съ цѣлію противодѣйствовать ученію энциклопедистовъ: «Причиною предпріятія было сострадание, которое всякій мыслящій чувствуетъ, слыша, что люди умные, просвѣщенные и почтенные говорятъ надменно и вооружась остроуміемъ о законѣ, ко спасенію рода человѣческаго первыми людьми полученномъ, и взирая на простодушныхъ людей, прилежно внимающихъ умствованію вольномысленныхъ мудрецовъ». Съ особеннымъ вниманіемъ слѣдило изданіе за понятіями матеріалистовъ о нравственности. Оно сторожило русскую публику «отъ тѣхъ высокихъ и вмѣстѣ низкихъ любомудровъ нынѣшняго вѣка, которые прославляютъ истину, состоящую въ послѣдованіи склонностямъ нашимъ, каковы бы они ни были и куда бы ни стремились, говоря, что природа къ тому насъ побуждаетъ и что безумно возлагать оковы на виновницу толикихъ удовольствій и сладости». Борьба съ французской философіей, составлявшая одинъ изъ главныхъ предметовъ масонской дѣятельности, ясно здѣсь выступаетъ. Средства для борьбы—въ распространеніи истиннаго свѣта знаній, такъ какъ невѣріе или безбо-

жіе происходитъ не отъ ученія, а отъ невѣжества. Но ученіе должно идти объ руку съ нравственностью: «если у ученаго злое сердце, то онъ со всею своею ученостью будетъ сущимъ невѣждой, вреднымъ себѣ и обществу. Отъ такихъ-то ученыхъ и возникла вся мерзость на земномъ шарѣ. Чистосердечный мужикъ можетъ лучше воспринимать истину, нежели развращенный звѣздочетъ. Развратъ въ наукахъ происходитъ отъ незнанія источника, изъ котораго онѣ проистекли, и отъ незнанія предмета, куда онѣ текутъ. Науки суть плодъ созрѣвшаго безсмертнаго человѣческаго духа. Если человѣкъ цѣлую жизнь упражняется въ томъ, въ чемъ и животныя, то наука разума не только ему безполезна, но и пагубна. Когда же человѣкъ имѣетъ главною своею цѣлью—совершенство духа, состоящее въ познаніи безсмертныхъ истинъ, то наука разума приноситъ ему пользу». «Вечерняя заря» (1782) служила продолженіемъ «Утреннему свѣту», связанная съ нимъ не одною послѣдовательностью времени, но и послѣдовательностію смысла, на которую указываютъ самыя названія. Вечерняя заря—это слабый свѣтъ нашего разума въ сравненіи съ полдневнымъ свѣтомъ мудрости, которымъ блисталъ праотецъ человѣковъ. Потемненный паденіемъ Адама, человѣческій разумъ достигнетъ прежняго своего состоянія, когда воля въ дѣйствіяхъ, а разумъ въ познаніяхъ, подобно вечерней зарѣ, слѣдующей за солнцемъ, будетъ направлять свое теченіе за великимъ солнцемъ вселенной—Божествомъ. Тремя степенями вечерняя заря души нашей восходитъ до лучезарнаго полдневнаго свѣта: самопознаніемъ, познаніемъ природы и чтеніемъ Священнаго Писанія. Цѣль изданія—выбрать изъ древнихъ и новыхъ писателей лучшія сочиненія по этимъ тремъ сферамъ вѣдѣнія. Такъ какъ во всѣхъ дѣйствіяхъ разумъ предшествуетъ и свѣтитъ, а воля послѣдуетъ и сопровождаетъ, то въ первомъ отдѣлѣ журнала помѣщались «открытія, касающіяся до просвѣщенія разума»; во второмъ—нравоученія для исправленія воли; въ третьемъ—примѣры или исторіи, вмѣстѣ съ другими статьями, между которыми любопытны сатирическія выходки противъ любви русскихъ къ иноземному. Если названіе «Вечерней Зари», сверхъ нравственнаго смысла, означало и время занятій; то новому журналу, какъ ея продолженію, всего приличнѣе имя «Покоящагося Трудолюбца» (1784). Сама природа указала это имя, научая насъ, что въ то время, когда съ дневнымъ шумомъ престанутъ волненія души, утихнутъ бури страстей и прекратится суета мірская, подъ кровомъ тишины человѣкъ становится наиболѣе способенъ къ духовнымъ упражненіямъ. Тогда умъ скорѣе постигаетъ божественныя свойства, удобнѣе проникаетъ въ связь

вещей, открытіе устремляетъ взоры въ малый міръ и приближается къ самопознанію и нравственному совершенству. Такимъ образомъ соединяются два, видимо-противоположные, предмета: покой и трудъ. Покой есть лучшая пора умственныхъ трудовъ. Важнѣйшія статьи журнала проникнуты мистицизмомъ. Таковы: «письмо съ того свѣта къ сыну малыя земли муравью, живущему въ муравейникѣ»; «бесѣда съ самимъ собою», разсуждающая объ устройствѣ внутренняго человѣка; «о любленіи истинной христіанской философіи», которая, какъ всѣмъ доступная, противополагается мудрствованіямъ и изслѣдованіямъ, понятнымъ только гордой учености. Между сатирическими пьесами, особенно замѣчательна «Новая логика», по меткой правдѣ и рѣзкому тону напоминающая лучшія страницы «Живописца»: она исчисляетъ различные аргументы, которыми пользуются люди на переворъ высшей правдѣ и здравому разуму.

Черезъ два года по открытіи «Дружескаго ученаго общества», оно было преобразовано въ «Типографическую компанію» (1784), цѣлью которой было издавать полезныя книги, большею частію учебныя и мистическія, и продавать ихъ по дешевой цѣнѣ. «Цѣлое море душеспасительныхъ книгъ было противопоставлено адской водѣ вольнодумческихъ и безбожныхъ сочиненій», говоритъ Невзоровъ, излагая въ одномъ письмѣ благотворныя дѣйствія Новиковскаго общества, къ которому принадлежалъ и самъ. Книжная торговля, построенная на разумныхъ и широкихъ основаніяхъ, постоянно занимала Новикова. Онъ справедливо ожидалъ отъ нея двоякой выгоды: распространенія истинъ въ массѣ народа, которыя очистили бы его отъ вредныхъ предразсудковъ и заблужденій, и кромѣ того примѣра нашему купечеству, какъ вести правильно свои дѣла. Указъ о вольныхъ типографіяхъ далъ усиленный ходъ компаніи: она учредила типографію; другія двѣ заведены были Новиковымъ и Лопухинымъ. Московскія Вѣдомости, поступившія въ завѣдываніе Новикова, приняли новый видъ; содержаніе ихъ сдѣлалось интереснѣе и разнообразнѣе, такъ что число подписчиковъ съ шести сотъ возрасло черезъ десять лѣтъ до четырехъ тысячъ. При нихъ безденежно выдавалось «Дѣтское чтеніе» (1785—1788), единственный тогда журналъ для дѣтей, бывшій долгое время настольною ихъ книгою, благодаря прекрасному выбору статей. Здѣсь помѣщено нѣсколько переводовъ А. Петрова и его друга, Карамзина, введеннаго въ 1785 г. въ Новиковскій кругъ И. П. Тургеневымъ. Дѣйствія компаніи не ограничивались тѣмъ предметомъ, который означается словомъ «типографическій». Ея просвѣщенная благотворительность была разнообразная и широкая, благодаря

средствамъ, доставленнымъ ей нѣкоторыми ея членами: она заводила училища, больницы и аптеки для бѣдныхъ; покровительствовала молодымъ талантамъ, которые были одолжены ей своимъ образованіемъ и нравственнымъ возвышеніемъ; раздавала, во время неурожая, хлѣбъ бѣднымъ земледѣльцамъ, и т. п.

Правительство обратило вниманіе на дѣятельность Новикова съ 1784 года, когда онъ самовольно перепечаталъ нѣкоторыя изданія Коммиссіи о народныхъ училищахъ и когда въ Прибавленіяхъ къ Московскимъ вѣдомостямъ появилось начало «Исторіи ордена іезуитовъ». Печатаніе этой книги было запрещено. Кромѣ того, не зная въ точности ни причины, ни цѣли, ни предмета тайныхъ собраній, въ которыхъ молчаніе почиталось самонужнѣйшею добродѣтелью, Государыня естественно могла придти къ мысли, что масонское общество не безопасно для спокойствія гражданъ, что оно образуетъ какъ бы государство въ государствѣ. Когда по повелѣнію Маріи Терезіи была закрыта вѣнская ложа и нѣкоторые масоны жаловались на то Фридриху Великому, послѣдній сказалъ имъ: «императрица совершенно права; она не знаетъ, что происходитъ въ ложахъ, и потому не обязана терпѣть ихъ. Я, напротивъ, знаю ложи очень хорошо, и потому не только дозволяю ихъ, но и обязанъ оказывать имъ покровительство и защиту». Отзывъ прусскаго короля объясняетъ нѣкоторымъ образомъ отношеніе императрицы Екатерины къ обществу Новикова. Книги, издаваемыя этимъ обществомъ, казались ей странными по содержанію и формѣ изложенія; она могла думать, что въ нихъ скрывается какой-либо «новый расколъ», что онѣ наполнены «умствованіями, несходными съ простыми и чистыми правилами православія и гражданской должности», и потому повелѣла (1785) главнокомандующему въ Москвѣ, гр. Брюсу (преемнику гр. Чернышева), составить списокъ означенныхъ книгъ, а митрополиту Платону разсмотрѣть ихъ и вмѣстѣ испытать самого Новикова относительно вѣры. Платонъ далъ самый одобрительный о немъ отзывъ, назвавъ его истиннымъ, рѣдкимъ христіаниномъ. Книги же были раздѣлены имъ на три разряда: а) собственно-литературныя, большее и большее распространеніе которыхъ весьма желательно, такъ какъ онѣ содѣйствуютъ образованію; б) мистическія, о которыхъ пастырь не взялся судить, потому что, какъ говоритъ, не понималъ ихъ; в) сочиненія энциклопедистовъ—самыя зловредныя, орудіе разврата добрыхъ нравовъ, подкопъ подъ твердыни святой вѣры. На донесеніе митрополита послѣдовалъ приказъ запретить продажу указанныхъ имъ шести книгъ, которые, однакожъ, принадлежали не къ сочиненіямъ энциклопедистовъ, а къ

масонской литературѣ. Содержателямъ вольныхъ типографій было строжайше подтверждено, чтобы они остерегались издавать книги, «исполненныя странныхъ мудрованій или, лучше сказать, сущихъ заблужденій». Оправданный отзывомъ Платона, Новиковъ принялся съ усиленнымъ рвеніемъ за свою дѣятельность; но въ будущемъ ему суждено было потерпѣть болѣе чувствительныя неудачи и несчастія. Особенныя обстоятельства умножили подозрѣніе къ нему правительства. Они изложены въ запискѣ Карамзина: а) одинъ изъ мартинистовъ, архитекторъ Баженовъ, писалъ изъ Петербурга къ своимъ московскимъ друзьямъ, что онъ, говоря о масонахъ съ наслѣдникомъ престола (в. к. Павломъ Петровичемъ), удостовѣрился въ его добромъ объ нихъ мнѣніи. Государынѣ вручили это письмо. Она могла думать, что масоны желаютъ преклонить къ себѣ великаго князя. 2) Новиковъ, во время неурожая, роздалъ много хлѣба бѣднымъ земледѣльцамъ: удивлялись его богатству, не зная, что деньги на покупку хлѣба давалъ Новикову Походяшинъ, масонъ, который имѣлъ тысячъ шестьдесятъ дохода и по любви къ благодѣяніямъ въ этотъ годъ разорился. 3) Новиковъ велъ переписку съ прусскими масонами, хотя и не политическую, въ то время, когда нашъ дворъ былъ въ явной непріязни съ берлинскимъ. Четвертое обстоятельство, бывшее неизвѣстнымъ Карамзину, состояло въ томъ, что одинъ изъ членовъ «Дружескаго общества», не поладивъ съ Новиковымъ, умышленно писалъ къ нему изъ за-границы письма, которыя должны были утвердить правительство въ основательности его подозрѣній. Ко всему этому говоритъ Карамзинъ, присоединились французская революція и излишнія опасенія московскаго градоначальника (кн. Прозоровскаго). Они рѣшили судьбу Новикова и его общества. Типографическая компанія закрыта 1791 г.; самъ онъ былъ арестованъ и заключенъ въ крѣпость, имѣніе его конфисковано, мистическія книги сожжены. Главные его товарищи подверглись допросу: двое изъ нихъ (И. П. Тургеневъ и кн. Н. Н. Трубецкой) сосланы на жительство въ деревни, а третій (Лопухинъ) оставленъ въ Москвѣ, ради дряхлаго и больнаго отца своего. Съ восшествіемъ на престолъ Павла I судьба пострадавшихъ измѣнилась. Въ первый же день своего царствованія, онъ освободилъ Новикова изъ четырехлѣтняго заключенія. Трубецкіе и Лопухинъ были пожалованы сенаторами; кромѣ того послѣдній назначенъ статсъ-секретаремъ. Кн. Н. В. Репнинъ, И. С. Плещеевъ сдѣлались самыми близкими ко двору особами. Всѣ эти назначенія оправдали предположенія Екатерины и ея недовольство масонами. О Новиковѣ носились слухи, какъ о будущемъ директорѣ

университета, но они оказались ложными. Главный дѣятель «типографическаго общества» провелъ послѣдніе годы съ другомъ своимъ Гамалеей въ родовомъ имѣніи подъ Москвой. При его дѣтяхъ, во время его заключенія, находилась вдова Шварца, не имѣвшая никакого состоянія.

Внѣшняя, или практическая, дѣятельность Новиковскаго общества вытекала изъ основныхъ началъ мистико-масонскаго ученія. Разъясненіе этихъ началъ составляетъ, какъ мы замѣтили, внутреннюю, или теоретическую дѣятельность того же самого общества. Она обнимаетъ оригинальную и переводную литературу масонства, наибольшее движеніе которой относится къ восьмидесятымъ годамъ. Главное мѣсто принадлежало здѣсь Шварцу, который «былъ истиннымъ орудіемъ Божіимъ исправленія въ Россіи ордена каменьщиковъ». Такъ опредѣляетъ его заслугу Невзоровъ, получившій образованіе въ филологической семинаріи. За Шварцемъ слѣдовали Лопухинъ, И. Тургеневъ и Гамалея — наиболѣе вліятельныя лица, управлявшія, вмѣстѣ съ Новиковымъ, дѣйствіями русскаго масонства. Лопухинъ (1756—1816) имѣлъ «большую дирекцію и переписку по обществу», какъ онъ самъ говоритъ въ своихъ «Запискахъ». Невзоровъ называетъ его однимъ изъ первыхъ драгоцѣнныхъ камней въ коронѣ масонскаго братства: «когда онъ сидѣлъ на стулѣ великаго мастера и говорилъ, тогда истинно сама воплощенная любовь, самъ духъ Христовъ и христіанское откровеніе евангельское устами его исходили». Желая ознакомить публику съ истиннымъ духомъ братства, о которомъ она имѣла превратныя понятія, Лопухинъ сочинилъ «Нравоучительный катихизисъ истинныхъ франмасоновъ», гдѣ въ краткихъ и общихъ чертахъ представлены начала масонской науки и морали. Французскій переводъ этой книжки, принадлежащій перу самого автора, нап. въ Москвѣ 1790 г., а русскій подлинникъ явился послѣ, при другомъ сочиненіи Лопухина: «Духовный рыцарь, или ищущій премудрости» (1791). Третья, наиболѣе извѣстная, книга Лопухина: «Нѣкоторыя черты о внутренней церкви, о единомъ пути истины и о различныхъ путяхъ заблужденія и гибели» (1789), достигла трехъ изданій и переведена на латинскій, французскій и нѣмецкій языки. Знаменитый мистикъ Эккартсгаузенъ называлъ ее драгоцѣннымъ, истинною мудростью наполненнымъ твореніемъ. Третьимъ лицемъ, стоявшимъ у кормила московскаго масонства, былъ Гамалея. Его рѣчи, которыя онъ произносилъ, какъ великій мастеръ стула, и въ особенности его «Письма» (3 книги: первая и вторая 1832, третья 1839) имѣли для масоновъ значеніе какъ бы пастырскихъ посланій.

Оригинальныя сочиненія русскихъ масоновъ составляютъ меньшую часть ихъ библіотеки, сравнительно съ переводами, изданными стараніемъ лицъ, которые находились во главѣ союза. Цѣль изданій, какъ мы знаемъ,—сообщить хотя легкія понятія публикѣ объ истинномъ свободномъ каменьщичествѣ, и чрезъ то разсѣять ложныя, смѣшныя и постыдныя о немъ мнѣнія. Наибольшее число ихъ явилось въ восьмидесятыхъ годахъ, начиная съ 1783 г., т. е. съ указа о вольныхъ типографіяхъ. Въ это время напечатаны слѣдующіе переводы: «Карманная книжка для вольныхъ каменьщиковъ и для тѣхъ, которые не принадлежатъ къ числу оныхъ» (1783); «Хризомандеръ, аллегорическая и сатирическая повѣсть различнаго, весьма важнаго содержанія» (1783); Таинство креста (1783); «Объ истинномъ христіанствѣ, Арндта, пер. И. Тургенева» (1783); «Братскія увѣщанія къ нѣкоторымъ братьямъ Св. К.» (1784); «Химическая псалтирь, Парацельса» (1784). По распоряженію Лопухина, общество задумало, въ довольно большомъ размѣрѣ, изданіе «Магазина свободно-каменьщическаго, содержащаго въ себѣ рѣчи, говоренныя въ собраніяхъ, пѣсни, письма, разговоры и другія разныя краткія писанія, стихами и прозою». Всѣхъ томовъ предназначалось семь, и каждый томъ долженъ былъ состоять изъ трехъ частей; но вышло только двѣ части перваго тома (1784). Мистики: Бемъ, Пордечъ и Сенъ-Мартенъ пользовались особеннымъ сочувствіемъ нашихъ масоновъ, которые смотрѣли на ихъ творенія какъ на догматико-нравственные уставы. Первые переводы Бема, прозваннаго «тевтоническимъ философомъ» († 1625), явились еще въ концѣ XVII в. на славяно-русскомъ языкѣ. По основательной догадкѣ нѣкоторыхъ, они были сдѣланы послѣдователями Кульмана, сожженнаго въ Москвѣ (1689) по приговору особой коммиссіи. «Предки наши», говоритъ одинъ изъ русскихъ мистиковъ первой четверти нынѣшняго вѣка, «отнюдь не были чужды тѣхъ понятій, кои нынѣ называются новизнами». Молитвы, выбранныя изъ сочиненій Бема и ходившія въ рукописяхъ, были, по преданію, напечатаны Новиковымъ для практическаго употребленія въ масонскомъ обществѣ. Идеи того же мистика лежатъ въ основѣ лекцій Шварца. Письма Гамалеи рекомендуютъ читать рукописные переводы трехъ Бемовыхъ сочиненій: «О тройственной жизни», «О благодатномъ избраніи», Mysterium magnum». При содѣйствіи Новикова и подъ руководствомъ Гамалеи цѣлымъ обществомъ друзей составленъ былъ «Серафимскій цвѣтникъ, или духовный экстрактъ изъ всѣхъ писаній Іакова Бема» (1794), обращавшійся также въ рукописяхъ. Послѣдователи Сенъ-Мартена, «неизвѣстнаго философа» († 1803), получили названіе «мартини-

стовъ» отъ Мерсье, автора сочиненія «Картина Парижа». Русскій переводъ его знаменитой книги: «О заблужденіяхъ и истинѣ», напечатанъ въ 1785 г. Ученіе его состоитъ въ близкомъ родствѣ съ ученіемъ Бема, главнѣйшія сочиненія котораго: «Аврора», «Начала божественной сущности» и «Тройственная жизнь», были имъ переведены на франц. языкъ. Англійскій докторъ и мистикъ Пордечъ († 1698) былъ также бемистъ, изложившій въ «Божественной и истинной метафизикѣ» систему идей своего учителя. Книга эта, переведенная съ нѣмецкаго, нап. у насъ около 1787 г. Чтобы пополнить перечисленіе важнѣйшихъ, такъ сказать «уставныхъ», книгъ масонства, упомянемъ о «Пастырскомъ посланіи къ истиннымъ и справедливымъ свободнымъ каменьщикамъ древней системы», которое напечатано въ 90-хъ годахъ, но котораго рукописи появляются съ 1785 г.

Въ основѣ масонства лежитъ деизмъ. Но деизмъ былъ однимъ изъ первыхъ произведеній того умственнаго движенія, на пути котораго развилась и французская философія XVIII в. Такимъ образомъ два ученія, выросшія на одномъ и томъ же корнѣ, оказались потомъ враждебными другъ другу. Значитъ, или масонство, при дальнѣйшемъ своемъ развитіи, отступило отъ нѣкоторыхъ деистическихъ воззрѣній, или деизмъ, по своей сущности, отвергалъ дальнѣйшія явленія философіи XVIII в., именно: матеріализмъ и атеизмъ. То и другое должно быть допущено при объясненіи означенной вражды. Будучи системою естественной религіи, деизмъ становился въ рѣшительный контрастъ съ тѣми философскими школами, которыя не признавали никакой религіи. Масонъ, выходя изъ начала всемірныхъ, каждому народу присущихъ религіозныхъ вѣрованій, могъ еще находить кой-какія точки соприкосновенія съ Вольтеромъ, какъ деистомъ; но не могъ имѣть ничего общаго съ Гельвеціемъ, Гольбахомъ и имъ подобными. Существованіе атеистовъ казалося ему дѣломъ непостижимымъ. Ихъ нѣтъ и быть не можетъ, говорилъ онъ: встрѣчаются софисты, но нельзя встрѣтить богоотступниковъ. Атеизмъ есть слово безпредметное: слово найдешь въ любомъ лексиконѣ, а предмета, означаемаго этимъ словомъ, не сыщешь нигдѣ. Противодѣйствуя французской философіи XVIII в., масоны естественно находили себѣ союзниковъ въ духовенствѣ: матеріализмъ и атеизмъ были общими ихъ врагами. Но, съ другой стороны, церковь не могла признать и масонства, которое держалось на ученіи деистовъ. Правда, она сильнѣе ратовала противъ энциклопедическихъ книгъ, какъ самыхъ зловредныхъ, которыя «развращаютъ добрые нравы и ухищряются подкапывать твердыни православія»; одна-

кожъ и книги масонскія, во многомъ несогласныя съ христіанской догматикой, должны были возбуждать ея негодованіе.—Ученые, съ своей стороны, возвышали голосъ противъ масонства, которое мало цѣнило «школьную мудрость», находя ее одностороннею и признавая истинными лишь тѣ открытія разума, которыя можно было согласовать съ началами и требованіями мистицизма. Такимъ образомъ въ анти-масонской литературѣ принимали участіе философія XVIII в., православная догматика и наука, въ собственномъ смыслѣ этого слова. Масонское общество не могло возбуждать сочувствія въ послѣдователяхъ той философіи, которая, во имя разума, какъ своего краеугольнаго камня, отвергала все, несовмѣстимое съ его положеніями, которая стремилась къ положительному и естественному, разумѣя подъ «тайною» единственно явленія, еще не поддавшіяся изслѣдованію науки или сужденію здраваго смысла. Мистицизмъ требовалъ цѣльнаго настроенія духа; онъ призывалъ, для преслѣдованія истины, совокупное дѣйствіе мысли и внутренняго чувства, иногда предоставляя послѣднему больше значенія и силы, тогда какъ энциклопедисты руководствовались исключительно разсудкомъ, устраняя чувство отъ всякаго участія въ сферѣ знанія и еще болѣе устраняя возможность какихъ-либо таинственныхъ, недоступныхъ разсудку откровеній. Прочитавъ книгу «о заблужденіяхъ и истинѣ», Вольтеръ писалъ Даламберу (1776): «Je ne crois pas qu'on ait jamais rien imprimé de plus absurde, de plus obscur, de plus fou et de plus sot». Отзывъ совершенно согласный съ духомъ его ученія. Подъ вліяніемъ разсудочно-философскаго образованія, опираясь на общечеловѣческій смыслъ, Екатерина II написала брошюру: «Тайна противо-нелѣпаго общества, открытая непричастнымъ оному» (1780). Брошюра осмѣиваетъ масонство, называя его «нелѣпымъ»; почему противоположное ему общество должно было получить имя «противо-нелѣпаго». Основаніе послѣдняго—здравый умъ, прямое разсужденіе и строгая точность выраженій, которыя въ масонскихъ ложахъ замѣняются химерами, привидѣніями и изступленіями, пустыми, неясными и двузнаменательными рѣчами, своего рода обезьянствомъ, состоящимъ въ необычайныхъ и странныхъ тѣлодвиженіяхъ «Не забывайте никогда», говоритъ предсѣдатель ложи противо-нелѣпаго общества желающему поступить въ число его членовъ, «что здравый разсудокъ препятствуетъ видѣть мечтанія и вдаваться въ небылицы». Комедіи императрицы: «Обманщикъ» (1785), «Обольщенный» (1785 и «Шаманъ сибирскій» (1786), имѣютъ предметомъ мартинизмъ, иллюминатизмъ и другія «новыя заблужденія»,

какъ она ихъ назвала въ письмѣ къ Циммерману. Общество иллюминатовъ было основано Вейсгауптомъ, профессоромъ каноническаго права въ Ингольштадтѣ (въ Баваріи). Начальная цѣль его состояла во взаимной помощи членовъ, безъ различія вѣроисповѣданій; но потомъ оно впало въ мистицизмъ и покушалось пріобрѣсти вліяніе на дѣла общественныя и политическія, чѣмъ и возбудило опасенія баварскаго правительства. Вейсгауптъ долженъ былъ удалиться къ одному изъ послѣдователей своего ученія, герцогу готскому, во владѣніи котораго и кончилъ жизнь (1822). Иллюминаты и мартинисты быстро распространились по Франціи и Германіи. «Говорятъ», писала императрица Циммерману (1786), что Германія наполнена иллюминатами, и это, я думаю, по модѣ, потому что французы восхищаются такими бреднями». Другое письмо ея къ тому же лицу (1787) замѣчаетъ: «нелѣпости стойки; содержащіяся же въ сей пьесѣ (Шаманъ сибирскій) сдѣлались модными. Большая часть нѣмецкихъ принцевъ думаютъ, что слѣпо предаваться всѣмъ симъ фиглярствамъ принадлежитъ къ искусству жить въ свѣтѣ; они ужъ наскучили здравою философіею. Помню, что въ 1740 г. головы, менѣе всего философскія, хотѣли быть философами; по крайней мѣрѣ въ такомъ случаѣ разсудокъ и общій смыслъ не теряли своей силы. Но сіи новыя заблужденія принудили у насъ сдурачиться такимъ людямъ, которые прежде сего не были дураками».

Разсмотримъ содержаніе комедій Екатерины. На что обращена ихъ сатира? Конечно, не на нравственную сторону масонства, которое, съ этой стороны, стояло внѣ насмѣшекъ, такъ какъ его стремленія, одушевленныя высокой филантропіей, достойны были полнаго уваженія, а на обряды, знаки и способъ выраженія. Комедіи имѣютъ въ виду злоупотребленія масонства, крайность его увлеченій или шарлатанизмъ. Онѣ преслѣдуютъ алхимиковъ, теозофовъ и духовидцевъ, которые примыкали къ союзу вольныхъ каменьщиковъ, какъ его особые виды, но которые осуждались разсудительными братьями, видѣвшими въ нихъ вредныя уклоненія отъ чистой сущности и цѣли братства. Пьеса «Обманщикъ» осмѣиваетъ вообще мартинистовъ. Въ лицѣ Калифалкжерстона выведенъ Калиостро, оставившій у насъ много адептовъ, послѣ пребыванія своего въ Петербургѣ и Москвѣ (1779—1780). Калифалкжерстонъ дѣлаетъ золото, бесѣдуетъ съ духами и имѣетъ свиданіе съ умершими, въ томъ числѣ съ Александромъ Македонскимъ. Мартинисты, за свои кривлянія, названы мартышками. Въ «Тайнѣ противо-нелѣпаго общества», на вопросъ: «что такое есть, которое въ просторѣчіи называется обезьянствомъ?» данъ такой отвѣтъ:

«необычайныя и странныя тѣлодвиженія». Стихъ Державина: «мартышки въ воздухѣ явились» (На счастіе), относится также къ мартинистамъ, увѣрявшимъ, что они могутъ видѣть духовъ и бесѣдовать съ ними. Комедія смѣется еще надъ таинственными рѣчами мистиковъ. Разсказывая о людяхъ, съ которыми знается ея господинъ, служанка удивляется ихъ разговору: «когда заговорятъ они между собою, право, мы ничего не разумѣемъ; еслибъ нашъ братъ такъ говорилъ, а не бары, то бы подумать можно было, что бредитъ». Тотъ же предметъ и комедіи «Обольщенный»: въ ней выставлено смѣшное положеніе людей, увлеченныхъ бреднями Каліостро. Отецъ семейства Радотовъ (отъ слова radoter—говорить вздоръ) познакомился съ обществомъ лицъ, которые варятъ золото и алмазы, добываютъ изъ росы металлы, вызываютъ духовъ. Ему свернули голову кабалистическія бредни; для распознанія таинственнаго смысла цыфръ, онъ пригласилъ къ себѣ учителя-еврея. Дочь его также заражена духовидѣніемъ. Вотъ слова матери Радотова: «Что здѣсь ежедневно происходитъ, того глаза мои болѣе терпѣть не могутъ. Иной, ходя, явно бредитъ и вздоръ несетъ; другой шепчетъ, говоритъ будто съ духами; даже и ребятамъ нелѣпую сажаютъ въ голову. Пришла ко мнѣ въ горницу внучка моя, увидѣла—на столѣ передо мною стоитъ стаканъ воды съ цвѣтами; она начала цѣловать листики. Я спросила: на что? Она на то сказала, что на каждомъ листикѣ душокъ обитаетъ! и будто на булавочномъ концѣ нѣсколько тысячъ умѣщается!... Я отъ страха обмерла.... Развращеніе вѣдь это сущее!» О такихъ-то чудодѣяхъ сказалъ Державинъ: «изъ камней золото варишь» (На счастіе). Въ примѣчаніи къ этому стиху говорится, что онъ касается тѣхъ, которые вдались въ алхимію и что одинъ изъ современныхъ царедворцевъ впалъ въ это заблужденіе. Авторъ комедіи не могъ допустить, чтобы дѣла истины и человѣколюбія должно было совершать подъ кровомъ тайны, помимо правительственнаго вѣдома; чтобы честный человѣкъ, желающій добра согражданамъ, шелъ извилистыми и темными путями, а не прямою дорогой, говорилъ и дѣйствовалъ загадочнымъ образомъ, а не открыто. Когда одно изъ дѣйствующихъ лицъ комедіи выставляетъ намѣреніе членовъ общества заводить разныя благотворительныя заведенія, какъ то: школы, больницы и т. п., для чего они стараются привлекать къ себѣ людей богатыхъ,—другое лице возражаетъ на это: «дѣла такого рода на что производить сокровенно, когда благимъ узаконеніемъ открыты всевозможныя у насъ къ такимъ установленіямъ удобства? Всякій изъ нихъ, по своевольному хотѣнію выдумывая, прибавляетъ правила и словечушки, но по-

чему оныя предпочтительны суть издревле принятымъ и славнымъ законодательствамъ, утвержденнымъ для общей и частной пользы, сего никто мнѣ не докажетъ». Обманутый духовидцами, Радотовъ признается, что онъ былъ обольщенъ наружностью тѣхъ, которые непрестанно твердили ему о необходимости быть добродѣтельнымъ. По этому поводу его спрашиваютъ: «не ужъ-то есть добродѣтели болѣе числомъ и выше тѣхъ, коихъ отъ насъ требуетъ издревле установленный у насъ законъ, и не ужъ-то развращенный какой ни есть толкъ замыкаетъ въ себѣ иныя и лучшія добродѣтели?» Заключеніе піесы отдаетъ преимущество здравомыслію передъ разстроеннымъ воображеніемъ: «похвалы приписываютъ однимъ тѣмъ столѣтіямъ, кои не бредомъ, но здравымъ разсудкомъ отъ прочихъ отличались». Основаніемъ третьей комедіи (Шаманъ сибирскій) послужила статья французской энциклопедіи: «теозофы». Комедія изображаетъ простака, поддавшагося шарлатану, подобному Каліостро. Сибирскій Шаманъ владѣлъ необычайнымъ знаніемъ: онъ по лицу узнавалъ характеръ; по степенямъ, изъ которыхъ каждая подлежала особымъ условіямъ, приходилъ въ искренній восторгъ; молчаніемъ достигалъ небытія. Одни величали его мудрецомъ, другіе колдуномъ, потому что «глупость и невѣжество видятъ колдовство тамъ, гдѣ смыслъ обыкновенный ихъ кратокъ находится». На дѣлѣ же оказывается, что онъ великій шарлатанъ: его сажаютъ подъ караулъ за разныя плутовскія продѣлки. Описывая Циммерману путешествіе свое по Тавридѣ, императрица касается и своей комедіи: «Между иманами (въ Бахчисараѣ) есть такіе, кои вертятся до тѣхъ поръ, пока не упадутъ въ обморокъ, и все кричатъ: Алла гюе! Такіе очень близки получить вдохновеніе, а слѣдовательно не очень далеки отъ шамановъ сибирскихъ и нѣмецкихъ». «Но въ свѣтѣ», прибавляетъ тоже письмо, «не одинъ родъ вѣтряныхъ мельницъ въ модѣ, и не одинъ Донъ Кихотъ любитъ ихъ строить, чтобы послѣ сражаться съ ними». Этотъ новый родъ вѣтряныхъ мельницъ—животный магнетизмъ. Поэтому комедіи императрицы, осмѣивая мистиковъ вообще, имѣютъ въ виду и ученіе Месмера; поэтому же статья Циммермана, въ гамбургской газетѣ, противъ страсбургскихъ магнетизеровъ, упоминаетъ о шаманахъ сибирскихъ; потому же самому и Екатерина обратилась къ автору статьи съ такими словами: «ласкаюсь надеждою, что не замедлятъ выписать изъ Страсбурга занимающихся магнетизмомъ и въ тѣ земли, гдѣ показывается столь постоянная склонность къ подобнымъ шарлатанамъ; могу увѣрить напередъ, что они будутъ подешевле и удобнѣе обмануть, нежели Каліостро съ товарищи». Въ то самое время, какъ написаны ко-

медіи: «Обманщикъ» и «Шаманъ сибирскій», магнетизмъ былъ въ употребленіи въ Петербургѣ: примѣчаніе къ одѣ «На счастіе» свидѣтельствуетъ, что новымъ открытіемъ занималась какая-то г-жа К. и предъ всѣми въ магнетическомъ снѣ говорила разныя прорицанія. Въ одномъ году съ «Шаманомъ сибирскимъ» явилась ком. «Мнимый мудрецъ» (1786). Неизвѣстный авторъ ея также вывелъ на сцену обманщика Хитроума, который забралъ въ свои руки Легковѣра и жену его, учитъ ихъ «самопознанію», вызываетъ духовъ и вставляетъ въ свой разговоръ цѣлыя тирады изъ книги «о заблужденіяхъ и истинѣ». Для отличія отъ другихъ рѣчей, тирады напечатаны курсивомъ. Въ этомъ собственно цѣль и главный интересъ піесы, не имѣющей никакого драматическаго достоинства. Мнимый мудрецъ, т. е. Хитроумъ, съ помощью друга своего Плутцова, хочетъ жениться на племянницѣ Легковѣра, Прелестѣ; но замыселъ ихъ разрушенъ Правомысломъ, который и заканчиваетъ дѣйствіе нравоученіемъ: «Потщимся обуздывать свое воображеніе и не искать проникнуть непроницаемое. Служеніе отечеству, помощь ближнему: вотъ предметы достойные и возвышающіе человѣка. Здравый разсудокъ предпочтителенъ сброду разженнаго воображенія, какъ бы ни облекался онъ въ высокопарныя изреченія». Совѣтъ вполнѣ справедливый, но разумному зрителю не могло, конечно, нравиться доказательство, употребленное авторомъ: какъ будто послѣдователь ложнаго ученія непремѣнно долженъ быть негодяемъ и плутомъ. Сочиненіе Сенъ-Мартена встрѣтило болѣе серьезную критику со стороны общества провинціальныхъ любителей наукъ. Въ Тулѣ, 1790 г., напечатано было «Изслѣдованіе книги о заблужденіяхъ и истинѣ», сочиненное двумя годами раньше (1788). Оно становится на сторонѣ истинъ, добытыхъ наукой, и обличаетъ безплодныя мечтанія Сенъ-Мартена, какъ противныя раціонализму. Точка зрѣнія авторовъ (или автора) указана въ предувѣдомленіи: «Никогда благоразумный и чтущій справедливость примѣчатель не будетъ вмѣсто дѣяній натуры, многократными испытаніями утвержденныхъ, предлагать свои увѣренія, не получившія, такъ сказать, клейма истины, неопровержимыми доказательствами на нихъ наложеннаго... Обладающій справедливымъ ученіемъ ничего безъ вѣрнѣйшихъ объясненій, учинившихся долговременными наблюденіями несомнѣнными и ощутительными, не предлагаетъ: но мечтающій умствователь, гордясь вымышленными своими мудроположеніями, повелѣваетъ читателямъ принимать ихъ за истинныя пружины всего естества, не смотря на то, что существо онаго и текущее обращеніе его не воображеніемъ познаемо быть можетъ, но вопроше-

ніемъ рачительнѣйшаго испытанія натуры, которая отрицаетъ всякое откровеніе въ себѣ пустомысленности, изображающейся суесловіемъ, но обнаруживаетъ себя только тѣмъ, кои прилежаніемъ и трудолюбіемъ тщатся проникнуть въ творенія ея». Степень образованности изслѣдователей доказывается ссылками на мнѣнія ученыхъ по разнымъ предметамъ: они цитуютъ Беля, Локка, Шталя, Невтона, Коперника, Мопертюи, Бюффона и многихъ другихъ. Радищевъ служитъ новымъ доказательствомъ того, что французско-философское образованіе не имѣло возможности мириться съ мистицизмомъ. Онъ не приступилъ къ масонству, хотя былъ дружески связанъ съ нѣкоторыми членами Новиковскаго общества. «Бумага семинариста», вмѣстѣ съ выпиской изъ Белева Словаря помѣщенныя въ его «Путешествіи», осмѣиваетъ мистическую литературу. Она содержитъ въ себѣ, между прочимъ, слѣдующія строки: «Открой новѣйшія таинственныя творенія,—возмнишь быти во времена схоластики и словопренія, когда разумъ человѣческій заботился объ изреченіяхъ, не мысля о томъ, былъ ли въ реченіи смыслъ; когда задачею любомудрія почитали и на рѣшеніе изслѣдователей истины отдавали вопросъ, сколько на игольномъ остреѣ можетъ умѣститься душъ». Упомянемъ еще о двухъ книжкахъ: «Масонъ безъ маски» (1784) и «Мопсъ безъ ошейника» (1784). Обѣ онѣ ничего не говорятъ противъ существенныхъ основаній масонства, а касаются только его злоупотребленій или слабостей, которыя могутъ имѣть мѣсто въ наилучшихъ учрежденіяхъ. Первая книжка обличаетъ сластолюбіе, корысть и обманы, вкравшіяся въ ложи, вопреки истинному духу масонства. Авторъ ея называетъ себя бѣглецомъ, покинувшимъ союзъ и снова обратившимся въ профана. Онъ признаетъ добродѣтели масоновъ, но подъ условіемъ, что онѣ не составляютъ исключительнаго ихъ права и достоянія. Въ то же время онъ раскрываетъ и пороки ихъ, которые произведены злоупотребленіемъ таинствъ. Приговоръ его очень строгъ. За исключеніемъ тайныхъ обрядовъ и корыстолюбія предсѣдателей, онъ видитъ въ ложахъ своего рода клубы, въ которые собираются люди всякаго рода и состоянія пить хорошій портеръ и толковать о торговлѣ, вѣрѣ, правительствѣ, наукахъ, художествахъ, словомъ обо всемъ, о чемъ говорить можно. Если вѣрить его словамъ, то союзъ вольныхъ каменьщиковъ поддерживается легкомысліемъ молодыхъ его членовъ и апологіями старыхъ, хотя въ этихъ апологіяхъ столь же много словъ, сколь мало правды. Описавъ, по обѣщанію, «подлинныя таинства» масонскія, экс-масонъ въ заключеніе книги обращается съ просьбой къ бывшимъ своимъ братьямъ—трудиться по прежнему въ созиданіи храма,

т. е. проводить ночи въ питьѣ. «Что же касается до меня, видѣвшаго ихъ работы (говоритъ онъ), то я отстаю отъ нихъ съ великимъ удовольствіемъ и доволенъ буду, если они возвратятъ мнѣ мои деньги, такъ какъ я имъ возвращаю ихъ тайны». «Мопсъ безъ ошейника» описываетъ причины основанія ордена Мопсовъ и церемоніи, наблюдаемыя въ ихъ ложахъ. Послѣ анаѳемы, произнесенной папою Климентомъ XII на фран-масонство, многіе нѣмецкіе католики, бывшіе его члены, принуждены были сложить съ себя это званіе. Не зная что́ дѣлать и вздыхая по увеселеніямъ, которыя находили въ своихъ собраніяхъ, они задумали учредить особое братство. Установлены были обряды, изобрѣтены знаки и слова. Оставалось выбрать символъ и имя. Такъ какъ вѣрность и любовь служатъ главными принадлежностями масонскаго союза, то члены новаго общества взяли себѣ символомъ собаку и стали называться мопсами. Чтобы усыпить ревнивый надзоръ римскаго двора, положено было въ отличіе отъ фран-масоновъ не требовать присяги отъ поступающихъ и допускать въ ложу женщинъ. Затѣмъ книжка переходитъ къ церемоніямъ общества Мопсовъ и предлагаетъ нѣсколько вопросовъ изъ его катихизиса. Больше объ ней говорить нечего, какъ о произведеніи пошломъ и бездарномъ.

Духовенство имѣло свои законныя причины отвергать масонскій орденъ, основанный на деизмѣ. Ученіе о естественной религіи, иначе религія разума, какъ бы ни измѣнялся его первоначальный характеръ, не могло быть согласовано съ ученіемъ православной церкви. Поэтому митрополитъ Платонъ, одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ нашихъ пастырей, возставалъ противъ Новиковскаго общества, хотя и имѣлъ доброе мнѣніе о многихъ его членахъ, особенно о Новиковѣ и Лопухинѣ. Вообще дѣйствія Новиковскаго общества, одобряемые одними, возбуждало недовольство въ другихъ. Большинство публики не могло мириться съ таинственностью внутренняго учрежденія ордена, съ его символическою обрядностью, съ его особеннымъ языкомъ. «Мы учились», говоритъ Лопухинъ, «стремясь къ познанію самихъ себя, творенія и Творца». Многимъ это казалось смѣшно; но простолюдинная пословица: «вѣкъ живи, вѣкъ учись», гораздо умнѣе такого смѣха». Конечно, такъ, но притомъ необходимо, чтобы ученіе выступало откровенно съ своею сущностью и цѣлью, чего въ масонствѣ не было. Поэтому нападки на масоновъ начались рано. Еще въ 1765 г. явились стихотворенія: «Изъясненіе проклятаго сборища франкъ-масонскихъ дѣлъ» и «Псалма на обличеніе франкъ-масоновъ» (послѣднее напеч. въ Письмовникѣ Курганова). Между рукописями Царскаго значится

(№ 708) «Отвѣтъ масонамъ», опровергающій двѣ рукописи: «Бѣлый масонъ» и «Защитникъ масонскія секты». Неизвѣстный авторъ отвѣта жалуется, что послѣ Гедеона Криновскаго, писавшаго о франкъ-масонахъ, не слышится болѣе пастырскихъ обличеній этой секты. Масоны, съ своей стороны, иногда находили нужнымъ какъ ознакомить публику съ характеромъ братства, такъ и возражать на обличенія. Въ 1784 г. вышла, переведенная съ нѣмецкаго, «Апологія или защищеніе ордена в. к. (вольныхъ каменьщиковъ). Лопухинъ написалъ: «Нравоучительный катихизисъ истинныхъ франмасоновъ», гдѣ въ краткихъ и общихъ чертахъ представлены начала масонской науки и морали, а потомъ (1791) «Духовный Рыцарь, или ищущій премудрости». Для одной цѣли съ катихизисомъ была сочинена И. Тургеневымъ на франц. языкѣ брошюра: «Кто можетъ быть добрымъ гражданиномъ и подданнымъ вѣрнымъ» (рус. переводъ нап. (1796). Одно изъ главныхъ обвиненій, падавшихъ на масонскій союзъ состояло въ томъ, что онъ образуетъ какъ бы государство въ государствѣ, управляемое своими особенными законами и держащее своихъ членовъ подъ особою властью. Тургеневъ доказываетъ, что истинно-добрымъ гражданиномъ, вѣрнымъ государю и отечеству, можетъ быть только истинный христіанинъ, каковъ и есть каждый масонъ.

Коренной недостатокъ московскаго и вообще русскаго масонства заключался не въ различіи системъ, равно какъ и не въ различномъ числѣ степеней масонскихъ, а въ томъ, что члены его не имѣли точнаго понятія о сущности общества, цѣлью котораго было стремленіе къ достиженію извѣстнаго идеала, именно: единства съ природой и Богомъ посредствомъ нравственнаго самосовершенствованія. Хотя слова Лопухина: «мы упражнялись въ познаніи самихъ себя, твореніи и Творца и имѣли предметомъ — добродѣтель и стараніе, исправляя себя, достигать ея совершенства», нѣсколько даютъ знать объ указанной цѣли, но дѣло въ томъ, что къ главному предмету—совершенствованію, примѣшивались другіе предметы и стремленія, вовсе не относившіеся къ братскому союзу. Важнѣйшіе члены московскаго Дружескаго общества принадлежали къ розенкрейцерамъ: Шварцъ, Новиковъ, Лопухинъ; другіе держались по преимуществу моральнаго начала; третьи, будучи мистиками, въ тоже время напоминали піэтистовъ. Первыхъ плѣняла въ масонствѣ преимущественно чудодѣйственность (теософія, таинства алхиміи, кабалистическіе элементы). Кутузовъ посланъ въ Берлинъ изучать розенкрейцерскую алхимію; въ 1788-мъ г. студенты Невзоровъ и Колокольниковъ отправлены изъ Москвы за границу также для изученія химіи, чтобы потомъ быть лаборан-

тами при орденскихъ работахъ для добыванія золота. Нападая на ученость, предпочитая простодушныхъ людей любомудрамъ, масоны сами пускались въ мудрованія и умствованія, не представлявшія никакого научнаго достоинства, чѣмъ и возбудили противъ себя людей науки. Не признавая авторитетовъ въ мірѣ современнаго знанія, они преклонялись предъ авторитетами средневѣковыми. Отвергая астрономію и химію, вѣрили въ таинства магіи, алхиміи и астрологіи, доискивались какой-то древне-египетской мудрости. Парацельсъ былъ для нихъ выше Лаувазье, Бемъ или Пордечъ выше Кеплера или Коперника. Притомъ же притязанія главныхъ двигателей масонства на догматизмъ, умозрѣніе и теоріи были крайне неосновательны по недостатку научной подготовки. Профессоръ Шварцъ составляетъ въ этомъ случаѣ почти единственное исключеніе. Что касается до Новикова и Лопухина, то намъ извѣстенъ отзывъ перваго о самомъ себѣ: «я невѣжда», писалъ онъ Карамзину, «не знающій никакихъ языковъ, не читавшій никакихъ школьныхъ философовъ»; второй называлъ себя «прямымъ самоучкой». Понятно, съ какою недовѣрчивостью и даже гордостью должны были смотрѣть на нихъ люди, понимавшіе цѣну основательнаго, систематическаго ученія. Профессорамъ Шадену и Барсову, независимо отъ ихъ личныхъ побужденій, если и были таковыя, трудно было сойтись съ мистиками, не потому, чтобы они стояли за Вольтера, а потому, что они представляли университетъ и его высшую образованность. Шаденъ не хуже масоновъ ратовалъ противъ энциклопедистовъ, но онъ, конечно, ратовалъ и противъ мистико-масонской догматики, какъ профессоръ философіи, которую читалъ по Вольфу. Въ сочиненіи Лопухина «Духовный Рыцарь» представлены «главные пункты герметической науки, образъ ея святилища, ходъ внутренняго обновленія человѣка и начала самопознанія и глубокой морали». Что такое герметическая наука? Это часть химіи, или точнѣе алхимія, занимавшаяся претвореніемъ однихъ металловъ въ другіе и объяснявшая всѣ естественныя дѣйствія тремя главными факторами—солью, сѣрой и ртутью. Изобрѣтеніе ея приписываютъ Гермесу Трисмегисту, египетскому Меркурію, отъ котораго она и получила свое названіе. Отсюда видно, что Лопухинъ и нѣкоторые другіе члены Новиковскаго общества, кромѣ нравственныхъ тенденцій, въ которыхъ заключалась главная сила и заслуга масоновъ, устремляли свою любознательность на природу и хотѣли выпытывать изъ нея двухъ чудесныхъ откровеній: универсальнаго лѣкарства и философскаго камня, посредствомъ котораго всѣ металлы обращаются въ золото. Не даромъ пригласительная записка Шварца рекомендовала особливому вниманію

«Дружескаго ученаго общества», между прочими предметами его занятій, «знаніе качествъ и свойствъ вещей въ природѣ и употребленіе химіи». Такое отступленіе отъ сущности масонства разъединяло его членовъ и заставило нѣкоторыхъ прибѣгнуть къ письменному осужденію отступниковъ. Въ сочиненіи И. П. Елагина: «Ученіе древняго любомудрія и богомудрія, или наука свободныхъ каменьщиковъ (1785—87)» ([1]) есть полемическія выходки противъ московскихъ розенкрейцеровъ, и въ особенности противъ Шварца, какъ ихъ устроителя. Неудовольствіе видно и въ письмѣ Невзорова къ члену «Дружескаго общества», Поздѣеву: «мы прежде были члены одного и того же каменьщическаго ордена, хотя по наружности разныхъ степеней, но послѣ и сей союзъ между вами и Иваномъ Владиміровичемъ (Лопухинымъ) пошатнулся». Отъ чего жъ онъ пошатнулся? отъ того, безъ сомнѣнія, что одни братья плѣнялись «герметическою философіей», ожидая отъ нея неимовѣрныхъ благъ для человѣческой жизни, тогда какъ другіе почитали ее несвойственною высокой цѣли масонства, ограничивая его нравоученіемъ и филантропіей. Невзоровъ принадлежалъ къ послѣднимъ. Въ издававшемся имъ журналѣ «Другъ юношества» (1810 г., ноябрь), онъ перевелъ «Разговоръ Натуры, Меркурія и Алхимиста», имѣющій цѣлію осмѣять искателей философскаго камня. Въ предисловіи къ разговору, переводчикъ изложилъ свой взглядъ на всеобщую медицину и химію. Онъ даетъ имъ нравственный толкъ. По мнѣнію его, «истинная всеобщая медицина есть школа христіанская, гдѣ учатъ людей съ помощію Божіею исправлять дурную свою природу, побѣждать страсти, не поддаваться самовольно чувственности, питающейся всякими развратами и тѣмъ самымъ становящейся источникомъ всѣхъ болѣзней, самими нами добываемыхъ, сносить всякія противности и оскорбленія, какимъ-либо образомъ наносимыя нашей тѣлесной природѣ, просить о подкрѣпленіи въ томъ помощи верховнаго врача и владыки, и умѣть при ней употреблять и пользоваться врачествомъ простымъ, которое можно сыскать и въ большихъ городахъ, и въ малыхъ деревняхъ». Что касается до авторовъ, писавшихъ о химіи, то лучшіе между ними, для извѣстныхъ имъ причинъ, въ сочиненіяхъ своихъ «скрыли аллегорію нравственности человѣческой и подъ видомъ химическихъ операцій разумѣли ходъ и обороты исправленія и совершенствованія человѣческаго духа». Невзоровъ не отвергаетъ естествовѣдѣнія. «Нѣтъ спору», говоритъ онъ, «что натуру должно испытывать

---

[1]) Рус. Архивъ 1864, № 1.

я познавать для двухъ особливо причинъ: во-первыхъ, чтобы познаніемъ ея открывать и доставлять себѣ способы жить въ мірѣ, въ которомъ мы находимся, и таковымъ образомъ взаимно другъ другу помогать; во-вторыхъ, для созерцанія славы Божія и таинствъ его творенія. Что касается до перваго, то въ публичныхъ школахъ и университетахъ болѣе гораздо стараются знать, нежели то нужно для общежительнаго состоянія. Что касается до втораго, то прежде знать и непрестанно памятовать должно, что въ злохудожную душу не входитъ премудрость; что въ таковомъ случаѣ неоспоримое правило и законъ, Богомъ уставленный, есть тотъ, чтобы познать себя, исправить себя въ духѣ и очистить отъ страстей; иначе, плавая въ морѣ таинствъ, мы будемъ слѣпы. Чтобы созерцать славу Божію и видѣть таинства Его творенія, для сего не нужны великихъ издержекъ стоящія лабораторіи и пышные химическіе снаряды. Иди безъ всего смотрѣть, какъ сѣмя, брошенное въ землю, гніетъ, возраждается, растетъ и дѣлается новымъ сѣменемъ; поди всякій бѣдный съ пастушьимъ посохомъ къ муравью, пчелѣ, бобру и другимъ животнымъ, и смотри, какъ всеобщій промыслительный отецъ всякой твари далъ свой смыслъ и способность свойственнымъ себѣ образомъ пещись о своемъ благосостояніи и пропитаніи; поди ко всякому насѣкомому и смотри, какъ оно родится въ яйцѣ, дѣлается червячкомъ, личинкою, получаетъ крылья и въ прекрасномъ видѣ и нарядѣ летаетъ по воздуху. Исправь себя, откинь всѣ злыя склонности, брось гордость, самолюбіе, алчность къ пріобрѣтеніямъ и грубую чувственность и изъ злохудожной души сдѣлай добрую: тогда вся природа явится тебѣ въ новомъ видѣ, и милліоны откроются таинствъ ея, которыя ты, въ противномъ случаѣ, ногами топчешь и не видишь». Вѣрный своей масонской системѣ, Невзоровъ съ неудовольствіемъ встрѣтилъ книгу Плуменека: «Вліяніе истиннаго свободнаго каменьщичества на всеобщее благо государствъ», написанную въ концѣ XVIII в. Русскій переводъ ея нап. 1816 г. Она явилась по поводу сочиненія нѣмецкаго публициста Мозера: «О терпимости свободно-каменьщическихъ сообществъ». Плуменекъ доказываетъ, что масонское братство не только не научаетъ ничему противному религіи, государству, любви къ ближнему и вообще добрымъ нравамъ, но еще много способствуетъ ко всеобщему благоденствію. Онъ разсматриваетъ достохвальную цѣль союза и три существенные предмета его занятій: первый—достигать премудрости, искуства и добродѣтели, второй — угождать Богу, третій — служить ближнему. Первый, обще-масонскій предметъ воспѣвается одною пѣснію при открытіи ложи, помѣщенною во 2-й ч. «Свободно-

каменьщическаго магазина». Хоръ заканчиваетъ куплеты пѣсни словами: премудрость, искусство и добродѣтель. Что же разумѣетъ подъ ними Плуменекъ? Премудрость изображена словами царя Соломона, взятыми изъ книги Премудрости (гл. VII и VIII) и Притчъ (гл. III). На тотъ же священный авторитетъ ссылается и Лопухинъ въ своихъ Запискахъ: «Члены нашего общества упражнялись въ познаніи самого себя, творенія и Творца, по правиламъ той науки, о которой говоритъ Соломонъ въ книгѣ Премудрости (гл. VII, ст. 17—22), содержащимся въ Библіи и въ писаніяхъ мужей, непосредственнымъ откровеніемъ просвѣщенныхъ отъ Бога,—науки, открывающей начала всѣхъ вещей, безъ познанія коихъ натура вещей истинно извѣстна быть не можетъ». Искусство, которому учатъ масоны, состоитъ въ томъ, чтобы по лѣстницѣ тварей восходить къ строителю міра и продолжать безпрерывно идти по пути добродѣтели. А на добродѣтель масоны смотрятъ подобно всѣмъ христіанскимъ мудрецамъ, именно какъ на способность располагать своими дѣйствіями по закону природы. Плуменекъ выразился бы точнѣе, еслибы «христіанскихъ мудрецовъ» замѣстилъ «деистами»; но дѣло здѣсь не въ точности опредѣленія, а въ понятіи автора о масонскомъ искусствѣ. Наибольшая часть его сочиненія посвящена этому предмету. Хотя онъ осуждаетъ златолюбцевъ, но вѣра его въ алхимическія и теургическія таинства высказывается съ достаточной ясностью. Онъ допускаетъ возможность превращать металлы въ золото и признаетъ его величайшую врачебную силу, видя въ немъ коренное основаніе всеобщаго лѣкарства. Онъ положительно говоритъ: «мы (масоны) вовсе не полагаемъ златодѣланія главнымъ предметомъ нашимъ, но взираемъ на него токмо какъ на слѣдствіе ближайшаго познанія натуры, которое бываетъ удѣломъ весьма немногихъ счастливцевъ». Такъ какъ эти неимовѣрныя чаянія совершенно расходились со взглядомъ Невзорова на масонство, то послѣдній представилъ опроверженія на книгу Плуменека въ упомянутомъ письмѣ къ Поздѣеву (1817).

Новиковъ съ большею силою, чѣмъ Лопухинъ и другіе, увлекался противонаучнымъ стремленіемъ, или вѣрнѣе, наклонностью къ средневѣковой наукѣ. Онъ отвергалъ новыя открытія въ астрономіи и химіи, называя ихъ бредомъ, какъ это видно изъ двухъ его писемъ къ Карамзину (1814). «Съ позволенія нашихъ почтенныхъ астрономовъ», говоритъ онъ въ первомъ письмѣ, «они изволятъ бредить, находя болѣе семи планетъ, находя и видя неподвижныя звѣзды и жалуя ихъ въ солнцы. Ни больше, ни меньше семи планетъ быть не можетъ, понеже Богъ ихъ сотворилъ только

семь и наполнилъ ихъ силами, каждой приличными. Неподвижныхъ звѣздъ быть не можетъ, ибо неоспоримая истина: что не имѣетъ движенія, то мертво, понеже жизнь есть движеніе. Они пожаловали и самое солнце въ наилѣнивѣйшую планету бездѣйственную, ибо что не имѣетъ движенія, то не имѣетъ и дѣйствія... Нынѣшніе физики, не довольствуясь четырьмя стихіями, которыхъ Богъ сотворилъ четыре только, а не болѣе, совсѣмъ ихъ разжаловали изъ стихій, за то только, что, по ихъ высокой наукѣ, что̀ можетъ дѣлиться, то не есть стихія. Какая слѣпота и какое нищенское понятіе о стихіяхъ! Однако они наградили насъ почти сотнею стихій. Химики все прежнее отбросили и надѣлили насъ какими-то газами, т. е. пустыми словами, не имѣющими ни значенія, ни силы. И кто можетъ всѣ ихъ бредни исчислить? не письмами, но фоліантами развѣ можно описать оныя». Понятно, какъ долженъ былъ Новиковъ смотрѣть на Лавуазье, доказавшаго, что вода есть тѣло сложное. Открытія знаменитаго химика подрывали прежнее ученіе о стихіяхъ. Понятно также, почему Карамзинъ, при всемъ уваженіи къ Новикову, не могъ одобрять его герметической философіи (1).

§ 33. О двухъ главныхъ проповѣдникахъ царствованіе Екатерины: Платонѣ, митрополитѣ московскомъ (1737—1812), и Анастасіи Братановскомъ, архіепископѣ астраханскомъ (1761—1806), мы имѣли уже поводъ упоминать выше. Нѣкоторыя ссылки на ихъ поученія были сдѣланы въ доказательство того, что эти пастыри даромъ своего краснорѣчія подкрѣпляли просвѣщенные виды правительства и дѣйствовали противъ ученій, отвергаемыхъ православною церковью. Ихъ проповѣдное слово обращалось и на предметы гражданскаго благоустройства, и на предметы общественной мысли, соединяя такимъ образомъ извѣстныя ораторскія достоинства съ достоинствомъ современности. Платонъ славился своими катихизическими бесѣдами еще въ то время, когда былъ учителемъ пінтики въ Московской Академіи. Люди всякаго состоянія стекались слушать молодаго катихизатора, пишетъ онъ въ своихъ Запискахъ: нѣкоторые изъ нихъ повергали своихъ дѣтей къ ногамъ учителя, повторяя имъ, чтобъ они его слушали и помнили.

1) М. Лонгинова: Новиковъ и московскіе мартинисты (1867); А. Пыпина: Русское масонство въ XVIII в. (В. Евр. 1867, №№ 2—4), Русское масонство до Новикова (ib. 1868, №№ 6 и 7), Хронологическій указатель рус. ложъ, съ 1731 по 1822 (1873); П. Пекарскаго: Дополненія къ исторіи масонства въ Россіи XVIII в. (1869); Сборникъ рус. историч. Общества, т. II; А. Афанасьева: Н. И. Новиковъ, біографическій очеркъ (Библ. Записки, 1858, № 5).

Въ проповѣдяхъ его различаютъ два рода: къ одному относятся слова, произнесенныя по поводу важныхъ событій или торжественныхъ дней; къ другому бесѣды и поученія, въ которыхъ предложены правила христіанской жизни или толкованіе православныхъ догматовъ. Въ торжественныхъ словахъ Платона замѣтно стремленіе къ искуственному краснорѣчію; большею частію онѣ настроены на возвышенный тонъ; лучшее между ними, по развитію мысли и красотѣ формы,—рѣчь на коронованіе императора Александра I (1801). Напротивъ, слова поучительныя отличаются простотою. Это качество явилось не безсознательно, а въ слѣдствіе точныхъ понятій проповѣдника о своемъ дѣлѣ. «Признаюсь», говоритъ онъ, «что о витійственномъ и испещренномъ слогѣ я никогда много не заботился. Таковый словами играющій и надменный слогъ можетъ быть для свѣтскихъ сочиненій когда-либо пристоенъ и нуженъ; но на священномъ мѣстѣ, гдѣ устами проповѣдника бесѣдуетъ вѣчная истина, почиталъ я, что оный излишенъ. Проповѣдникъ долженъ бесѣдовать къ людямъ различнаго состоянія и понятія: а потому необходимость требуетъ, дабы духовная бесѣда была всякому удобопонятная, удаляя отъ себя, сколько возможно, то подозрѣніе, что будто проповѣдникъ болѣе ищетъ хвалы слушателей за свое краснорѣчивое слово, нежели ревнуетъ о насажденіи добродѣтели и страха Божія въ сердцахъ слушателевыхъ». Особенно находилъ Платонъ неумѣстнымъ краснорѣчіе, какъ знакъ суетнаго славолюбія, въ изложеніи спорныхъ догматовъ, въ уясненіи истины ея противникамъ: «Витійство полезно, чтобъ истину, всѣми признаваемую, въ краснѣйшемъ и лестнѣйшемъ представить видѣ; но гдѣ надобно оную, ложью побораемую, защитить и доказать, тамъ оно не только есть излишно, но и вредно. Излишно: ибо правды лице само по себѣ прекрасно, безъ всякихъ притворныхъ красокъ. Вредно: ибо даетъ подозрѣніе, что защитникъ истины побѣждаетъ, можетъ быть, не тѣмъ, что истина на его сторонѣ, но что онъ преимуществуетъ только токомъ своихъ словъ и чародѣйствомъ краснорѣчія». Духовныя бесѣды Платона большею частію имѣютъ предметомъ ученіе нравственное. Особенно въ послѣдніе годы своей жизни онъ мало занимался вопросами догматическими. Разсмотрѣвъ поученія одного проповѣдника, онъ далъ о немъ такой отзывъ: «я ничего въ проповѣдяхъ его противнаго не нахожу; только скажите, чтобъ онъ отъ ѳеоретическихъ и догматическихъ мыслей подалѣе себя велъ, чтобъ не заблудить, а болѣе держался нравоученія». Потому-то западные проповѣдники не удовлетворяли Платона: онъ находилъ ихъ краснорѣчіе искуственнымъ, «чешущимъ только слухъ, а не назидающимъ въ хри-

стіанской жизни». Образцами его служили святители греческой церкви, особенно Златоустъ. Кромѣ того подражалъ онъ русскимъ проповѣдникамъ: Гедеону Криновскому и Ѳеофану Прокоповичу. Слово послѣдняго въ день коронаціи Анны Іоанновны оказало вліяніе на упомянутую рѣчь Александру I.

По внѣшней отдѣлкѣ, церковное слово Анастасія Братановскаго выше проповѣдей Платона. Оно представляетъ въ замѣтной степени художественный элементъ; воображеніе и чувство оратора высказываются въ немъ многими мѣстами; слогъ его вообще пріятенъ; въ языкѣ меньше пестрой смѣси церковно-славянскихъ оборотовъ и реченій съ реченіями и оборотами русскими. Но и по содержанію своихъ словъ, Анастасій стоитъ на ряду съ замѣчательными русскими проповѣдниками. Онъ говорилъ о предметахъ, близкихъ современной ему паствѣ; въ особенности же дѣйствовалъ противъ невѣрія, выясняя, доказывая тѣ истины, несомнѣнность которыхъ была колеблема энциклопедистами. Отсюда догматико-полемическій характеръ многихъ его словъ, не исключая даже написанныхъ на извѣстные случаи. Таковы, напримѣръ, лучшія его слова: «на погребеніе Бецкаго» (1795) и «на погребеніе Шувалова» (1797) Оба они имѣютъ много общаго, по содержанію и по формѣ. Темою ихъ служитъ безсмертіе души, которое въ первомъ словѣ доказывается самою смертію добродѣтельнаго, не получающаго достойной награды на землѣ, а во второмъ тою мыслію, что счастіе, иногда сопутствуя добродѣтели въ ея земномъ бытіи, далеко отъ должнаго, совершеннаго воздаянія, предоставленнаго ей Богомъ на небеси.

§ 34. Литературная критика этого времени обращала почти исключительное вниманіе на языкъ и слогъ. Характеръ ея, за весьма немногими исключеніями, чисто стилистическій, ведущій во Франціи свое начало отъ Малерба, которому послѣдовали и наши судіи словесныхъ произведеній. Разборъ сочиненій ограничивается указаніемъ ихъ достоинствъ или недостатковъ только по отношенію къ грамматикѣ и риторикѣ. Онъ имѣетъ въ виду замѣтки объ отдѣльныхъ словахъ и выраженіяхъ, въ которыхъ разсматриваетъ правильность, точность, благозвучіе, живописность или противоположныя тому свойства. Другихъ, болѣе серьезныхъ требованій критика не предъявляла: всецѣло занятая стилемъ, она не касалась ни эстетической оцѣнки поэтическихъ твореній, ни историческаго метода при ихъ изученіи. Примѣры подобныхъ критическихъ сужденій рельефно выдаются у Сумарокова, въ разборѣ одъ Ломоносова. Выписавъ два стиха оды въ день вступленія на престолъ Елисаветы (1747):

Возлюбленная тишина,
Блаженство селъ, градовъ ограда,

онъ начинаетъ перебирать отдѣльныя слова и выраженія: «Градовъ ограда» сказать не можно. Можно молвить: «селенія ограда», а не «ограда града»; «градъ» отъ того имя свое имѣетъ, что онъ «огражденъ».—Я не знаю сверхъ того, что за «ограда града» тишина. Я думаю, что «ограда града»—войско и оружіе, а не тишина.—«Городъ» имѣетъ въ родительномъ падежѣ множественнаго числа «городо́въ», а «градъ»—«гра́довъ», а не «градо́въ», для того что въ именительномъ падежѣ множественнаго числа «городъ» имѣетъ «города́», а градъ—гра́ды, а не града́ и не грады́.—Стихъ: «межъ льдистыми горами» вызвалъ такое замѣчаніе: «межъ льдистыми» дѣлаетъ выговору великую трудность. Ясно, что критикъ интересуется не художественною техникой стихотворенія во всемъ его составѣ, а подробностями и мелочами. Другая статейка того же критика, подъ громкимъ титуломъ: «Разсмотрѣніе одъ Ломоносова», дѣлитъ ихъ строфы на прекраснѣйшія, прекрасныя, весьма хорошія, хорошія, изрядныя, и т. д., не приводя никакихъ причинъ такому дѣленію, напоминающему отмѣтки старинныхъ учителей чистописанія на школьныхъ тетрадкахъ. Въ иныхъ журналахъ, критика стиля замѣнялась библіографіей, т. е. извѣстіями о вновь выходящихъ книгахъ, съ болѣе или менѣе подробнымъ изложеніемъ ихъ содержанія, или съ голословнымъ восхваленіемъ ихъ красотъ: такъ статья о Россіядѣ, написанная Каницомъ, директоромъ казанской гимназіи, и переведенная въ С.п.бургскомъ Вѣстникѣ излагаетъ содержаніе всѣхъ пѣсенъ поэмы; такъ въ «Академическихъ извѣстіяхъ» (1779—1781), издававшихся П. Богдановичемъ, сказано о той же поэмѣ, что она должна составить въ письменахъ нашихъ славную эпоху, представляя красоты, дотолѣ невѣдомыя; что въ ней есть всѣ роды живописанія: страшное, пріятное, свирѣпое, нѣжное; что авторъ изобразилъ страсти и ихъ противоборство, и наполнилъ свое твореніе превосходными картинами природы. Редакція Собесѣдника почитала критику наилучшимъ средствомъ «къ вычищенію россійскаго слова», почему и просила всѣхъ любителей литературы и публику присылать въ журналъ критическія статьи, обѣщая печатать ихъ безъ малѣйшей перемѣны. На этотъ вызовъ явился «Любословъ» съ замѣтками на первую книжку Собесѣдника и съ «начертаніемъ о россійскихъ сочиненіяхъ и россійскомъ языкѣ»; кромѣ того какой-то корреспондентъ доставилъ въ редакцію «сумнительныя предложенія отъ одного невѣжды», содержащія въ себѣ замѣтки на оду къ Фелицѣ, съ построчными возра-

женіями самого Державина, и на стихотворенія Богдановича, также съ его возраженіями. Во всѣхъ этихъ статьяхъ критика исключительно вращается вокругъ словъ, оборотовъ и грамматическихъ формъ. Ея сужденія не только не тверды, но и произвольны, потому что произносятся на основаніи личнаго вкуса, случайнаго впечатлѣнія и выдуманныхъ, не подкрѣпленныхъ наукою соображеній судящаго. Тоже самое должно сказать и о полемикѣ Фонъ-Визина съ критикомъ, доставившимъ примѣчанія на его «Опытъ россійскаго сословника». Многія повременныя изданія вовсе обходились безъ критики, которая въ то время не составляла существенной ихъ принадлежности. Поэтому «С.п.бургскій Меркурій» замѣчаетъ о русскихъ журналахъ, что въ нихъ мало или и совсѣмъ нѣтъ того, что свойственно журналистикѣ. «Для чего», говоритъ онъ, «не сказать публикѣ о новыхъ произведеніяхъ россійской словесности? для чего не возвѣстить о театрѣ, что̀ на немъ играно и какъ играно?» Критика «С.п.бургскаго Меркурія» служила, по словамъ его издателей, отличительнымъ нововведеніемъ, восполнявшимъ недостатокъ другихъ журналовъ. Впрочемъ, обѣщаніе предисловія знакомить читателей съ произведеніями русской словесности, въ особенности драматической, не было исполнено въ надлежащей мѣрѣ: Меркурій бѣденъ критическими статьями. Лучшая между ними принадлежитъ Крылову: это — разборъ комедіи Клушина «Смѣхъ и горе», заключающій въ себѣ нѣсколько здравыхъ мыслей объ условіяхъ драмы. Осуждая резонерство одного изъ дѣйствующихъ лицъ, Крыловъ проводитъ вѣрное различіе между моралистомъ и драматургомъ: «На театрѣ должно нравоученіе извлекаться изъ дѣйствія. Пусть говоритъ философъ, сколь недостойно питать въ сердцѣ зависть къ счастью ближняго, сколь вредна страсть сія въ общежитіи, сколь пагубна въ сильныхъ людяхъ; пусть истощаетъ всѣ риторическія украшенія, дабы сдѣлать отвратительное изображеніе сей страсти; я буду восхищенъ и тронутъ его краснорѣчіемъ. Но драматическій писатель долженъ мнѣ показать завидливаго, коего риторъ сдѣлалъ описаніе; онъ долженъ придать ему такое дѣйствіе и оттѣнки, которыя бы, безъ помощи его слова, заставили ненавидѣть это лице, а съ нимъ вмѣстѣ и пагубную страсть, въ немъ изображенную. Мольеръ въ своей комедіи, не говоря длинныхъ нравоученій противъ скупости, заставляетъ ненавидѣть Гарпагона и дѣлаетъ его смѣшнымъ; но въ нѣкоторыхъ нашихъ комедіяхъ старики говорятъ презрядныя и предлинныя нравоученія, охлаждаютъ ими жаръ дѣйствія, и весь успѣхъ производимый ими,—это тотъ, что слушатели желаютъ только скорѣе дождаться счастливой минуты, когда опустятъ зана-

вѣсъ». Что касается до Клушина, то ни въ талантѣ его, ни въ образованіи не было данныхъ, нужныхъ критику. Принадлежащій ему разборъ «Вадима» (Княжнина) есть не что иное, какъ выписка нѣкоторыхъ, особенно эффектныхъ тирадъ; а замѣтки его на стихотвореніе И. Мартынова: «Къ бардамъ», вертятся около отдѣльныхъ словъ и выраженій, какъ бы воскрешая манеру Сумарокова; наприм.: «небосклонъ»—слово вновь произведенное, прекрасное и музыкальное; «хитрый живописецъ»—«хитрый» здѣсь не у мѣста: надобно «искусный», «превосходный», и т. п. Впрочемъ тотъ составилъ бы неточное понятіе о значеніи критики, кто сталъ бы судить о ней только по журналамъ, въ которыхъ она, какъ мы видѣли, иногда и не имѣла мѣста. Для оцѣнки литературныхъ произведеній необходимы природный вкусъ, способность къ анализу, многостороннее образованіе, въ особенности знакомство съ теоріей и исторіей словесности. Рѣдкое соединеніе всѣхъ этихъ данныхъ могло встрѣчаться въ литераторѣ-нежурналистѣ; и на оборотъ, издатель журнала могъ обходиться и безъ ихъ помощи. Болтинъ и Фонъ-Визинъ выказали сильный критическій талантъ, хотя не направляли никакимъ періодическимъ изданіемъ: «Письмо о планѣ россійскаго словаря», «Примѣчанія на исторію Леклерка», по основательности сужденій и остроумію, сохраняютъ до сихъ поръ извѣстное достоинство. Рядомъ съ ними стоитъ Карамзинъ, отличавшійся вѣрнымъ взглядомъ на произведенія литературы, способностью опредѣлять достоинства и недостатки авторской дѣятельности. Мы приводили его сужденія о Шекспирѣ, объ англійской и нѣмецкой драмѣ сравнительно съ драмой французской,—сужденія, которыми онъ становился впереди своего времени. Прибавимъ къ нимъ его взглядъ на поэзію вообще, выраженный въ предисловіи ко второй книжкѣ «Аонидъ» (1797). Онъ затрогиваетъ два недостатка юныхъ поклонниковъ музъ—высокопарность и слезливость: «Поэзія состоитъ не въ надутомъ описаніи ужасныхъ сценъ натуры, но въ живости мыслей и чувствъ. Если стихотворецъ пишетъ не о томъ, чтó подлинно занимаетъ его душу; если онъ не рабъ, а тиранъ своего воображенія, заставляя его гоняться за чуждыми, отдаленными, несвойственными ему идеями; если онъ описываетъ не тѣ предметы, которые къ нему близки и собственною силою влекутъ къ себѣ его воображеніе; если онъ принуждаетъ себя или только подражаетъ другому (что все одно): то въ произведеніяхъ его не будетъ никогда живости, истины или той сообразности въ частяхъ, которая составляетъ цѣлое и безъ которой всякое стихотвореніе похоже на странное существо, описанное Гораціемъ въ началѣ Эпистолы къ Пизонамъ. Молодому питомцу музъ лучше изобра-

жать въ стихахъ первыя впечатлѣнія любви, дружбы, нѣжныхъ красотъ природы, нежели разрушеніе міра, всеобщій пожаръ натуры и прочее въ семъ родѣ. Не надобно думать, что одни великіе предметы могутъ воспламенять стихотворца и служить доказательствомъ дарованій его: напротивъ, истинный поэтъ находитъ въ самыхъ обыкновенныхъ вещахъ піитическую сторону; его дѣло наводить на все живыя краски, ко всему привязывать остроумную мысль, нѣжное чувство, или обыкновенную мысль, обыкновенное чувство украшать выраженіемъ, показывать оттѣнки, которые укрываются отъ глазъ другихъ людей, находить непримѣтныя аналогіи, сходства, играть идеями, и, подобно Юпитеру (какъ сказалъ объ немъ мудрецъ Езопъ), иногда «малое дѣлать великимъ», иногда «великое дѣлать малымъ».

§ 35. Выше были разсмотрѣны нѣкоторыя явленія періодической литературы именно: сатирическіе и мистическіе. Дополнимъ обзоръ ея свѣдѣніями о другихъ болѣе замѣчательныхъ журналахъ, къ которымъ относимъ: «С. п. бургскій Вѣстникъ», «Чтеніе для вкуса, разума и чувствованія», «Пріятное и полезное препровожденіе времени», «С. п. бургскій журналъ», «Иппокрена». Всѣ они по преимуществу литературные, хотя, при общемъ направленіи, и различаются нѣкоторыми особенностями. Издателемъ С. п. бургскаго Вѣстника (1778—1781), основаннаго обществомъ любителей наукъ, былъ Брайко. По принятому плану, каждая книжка журнала дѣлилась на два отдѣла: ученый, въ который входили и статьи «для увеселительнаго чтенія», т. е. собственно-литературныя, и политическій, подъ которымъ разумѣлись и внѣшнія и внутреннія извѣстія. Въ первомъ отдѣлѣ помѣщены стихотворенія Державина, стоящія на переходѣ отъ подражательнаго направленія его лирики къ направленію самобытному. Лучшія ученыя статьи касаются наукъ естественныхъ и географіи; изъ другихъ достойны замѣчанія: «о театральныхъ въ Россіи представленіяхъ», Штелина, и «исторія учрежденія патріаршества въ Россіи». Особеннаго вниманія заслуживаетъ критика «Вѣстника». Онъ справедливо оцѣнилъ «Историческое изображеніе Россіи», Богдановича, похваливъ эту компиляцію единственно «за изрядный слогъ и за исправность печатанія», осуждая автора за цвѣты краснорѣчія, которыми онъ исказилъ простыя рѣчи нашихъ предковъ, и выражая ту мысль, что историческія личности должны говорить языкомъ, соотвѣтствующимъ ихъ времени. «Повѣсть о жизни и сочиненіяхъ Сумарокова» чужда односторонности и пристрастія, которыми страдали всѣ почти тогдашніе отзывы о рус-

скомъ Расинѣ и Лафонтенѣ. «Вѣстникъ» указалъ также на достоинства Хемницеровыхъ басенъ, при первомъ ихъ изданіи.

Сохацкій, профессоръ эстетики и древней словесности, издавалъ журналы: «Чтеніе для вкуса, разума и чувствованія» (1791—1793), «Пріятное и полезное препровожденіе времени» (1794 — 1798) и «Ипокрену или утѣхи любословія» (1799—1801). Соредакторомъ его по второму журналу былъ Подшиваловъ. Особенности этихъ изданій опредѣлялись характеромъ образованія и родомъ занятій ихъ издателей. И Сохацкій, воспитанникъ филологической семинаріи, и Подшиваловъ, кончившій курсъ въ университетской гимназіи, находились подъ вліяніемъ Шварца и участвовали въ Покоящемся Трудолюбцѣ. Оба они были хорошо знакомы съ нѣмецкою литературой; оба преподавали словесность: одинъ, какъ профессоръ; другой, какъ учитель въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ. Поэтому означенные журналы содержатъ въ себѣ дѣльныя сочиненія по исторіи и теоріи изящныхъ произведеній. Въ «Чтеніи для вкуса» напечатаны: «опытъ о стихотворствѣ», «о турецкомъ и испанскомъ театрахъ», «о прелести въ произведеденіяхъ искусства», по руководству Винкельмана; въ «Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени»: «письмо о россійскомъ стопосложеніи», «греческая поэзія», «исторія римской поэзіи»; въ Ипокренѣ: «о характерѣ эпической поэмы», «о высокости мыслей у священныхъ пѣснопѣвцевъ». Отдѣлъ изящной прозы наполнялся переводами преимущественно изъ нѣмецкихъ авторовъ: Мейснера, Глейма, Морица, Клейста, Виланда, Геллерта, Козегартена, Рамлера, Гагедорна, Галлера, Вейсе, Гедике, Эбергарда, Энгеля и пр. Большая часть этой работы лежала на Подшиваловѣ. Онъ перевелъ Біанку Капелло и другія повѣсти Мейснера. Кромѣ того въ журналахъ Сохацкаго напечатаны переводы Сенъ-Пьеровыхъ романовъ: «Павелъ и Виргинія» и «Индѣйская хижина», сдѣланные супругою Подшивалова. Въ нихъ же помѣщались сочиненія лучшихъ нашихъ писателей того времени: Державина, И. Дмитріева, Нелединскаго-Мелецкаго, кн. И. Долгорукаго, В. Пушкина, Мерзлякова, равно и первые юношескія опыты Нарѣжнаго и Жуковскаго.

Въ 1798 г., Пнинъ, соединясь съ А. Бестужевымъ, издавалъ «С.п.бургскій журналъ». Употребляя современныя названія, первый былъ редакторомъ, а второй издателемъ. Въ журналѣ помѣщено много серьезныхъ статей по законовѣдѣнію, государственному хозяйству и воспитанію; таковы: переводы изъ Духа законовъ, Монтескье, и изъ Разсужденій о политической экономіи, Пьера Верри, современника Беккаріи, и Трактатъ о воспитаніи,

преимущественно военномъ, составленный по Филіанжери и дополненный примѣчаніями Бестужева. Здѣсь также явились впервые: двѣ книги (вторая не вполнѣ) «Исповѣданія» Фонъ-Визина и его же «Письмо къ гр. П. И. Панину изъ Парижа». Журналъ отличался благороднымъ образомъ мыслей, уваженіемъ къ наукѣ и слову; одна критическая статья его (Письмо къ издателю) умно защищаетъ книгопечатаніе отъ нападковъ тогдашняго обскурантизма, который былъ выраженъ въ книгѣ, переведенной Михаиломъ Антоновскимъ: «Вѣрное лѣкарство отъ предубѣжденія умовъ» (1798). О журналахъ Карамзина будетъ сказано при обзорѣ всей его дѣятельности.

§ 36. Усвоеніе европейской науки и литературы при Екатеринѣ не мѣшало знакомству съ своимъ отечествомъ, основательному изученію своей страны въ ея прошлой жизни и современномъ состояніи. Мѣры, которыми доставлялась возможность всесторонняго изученія русской природы и русскаго народа, принадлежатъ къ важнѣйшимъ событіямъ въ исторіи нашего образованія, равно какъ сочиненія, въ которыхъ изложены результаты этого изученія, составляютъ важнѣйшее пріобрѣтеніе нашей ученой литературы.

Изъ трудовъ Академіи Наукъ особенно замѣчательны ученыя путешествія, совершенныя академиками и имѣвшія цѣлію описаніе Россіи въ отношеніяхъ естественномъ, географическомъ и статистическомъ. Для этого были снаряжены четыре экспедиціи: двѣ астраханскія и двѣ оренбургскія. Первыми распоряжались Самуилъ Гмелинъ и Гильденштедтъ; вторыя, подъ начальствомъ Палласа, состояли изъ Лепехина, Фалька, Георги, Зуева, Рычкова, Озерецковскаго. Экспедиціямъ предписано было производить изслѣдованія и наблюденія относительно всѣхъ замѣчательныхъ предметовъ, показывать выгоды и недостатки разныхъ областей нашего отечества, описывать нравы и обычаи народовъ, изыскивать способы къ улучшенію всѣхъ родовъ промышленности. Путешествія продолжались съ 1768 по 1774 г. Оренбургскія экспедиціи осмотрѣли сѣверную, восточную и западную части Россіи; астраханскія — южную часть ея, съ одной стороны до прилежащихъ персидскихъ областей и самую Персію, съ другой до Кавказа и Грузіи и самыя эти страны. «Путевыя записки», веденныя академиками, содержатъ въ себѣ не только подробное описаніе Россіи, познакомившее съ нею и Русскихъ и Европу, но и обильное число наблюденій и открытій по естественнымъ наукамъ. Кромѣ того, онѣ обогатили русскую ученую терминологію множествомъ словъ, заимствованныхъ изъ мѣстнаго народнаго словаря или составленныхъ въ духѣ того же словаря, и дали примѣръ простаго, чисто-

русскаго изложенія научныхъ предметовъ, особенно естествознанія. Русскіе академики, и въ своихъ книгахъ и въ переводахъ трудовъ нѣмецкихъ академиковъ, еще держались преданія Ломоносова, умѣвшаго находить въ родномъ словѣ достойные матеріалы для передачи свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ науки. Къ сожалѣнію, позднѣйшая терминологія болѣе и болѣе теряла изъ виду источники, къ которымъ ей слѣдовало бы обращаться за совѣтомъ и справкой. Вмѣсто того, чтобы вводить въ книжный языкъ тѣ слова, которыя давно существуютъ среди народа, она обогащалась и обновлялась буквальнымъ, варварскимъ переводомъ иностранныхъ реченій или новосоставленными, не менѣе варварскими, реченіями, въ которыхъ не было и тѣни національнаго элемента.

Московскому университету даны средства распространить курсъ ученія и умножить число учащихся. Особое вниманіе обращено было на молодыхъ русскихъ ученыхъ, которые получали образованіе за границею или въ самомъ университетѣ и со временемъ долженствовали замѣстить профессоровъ иностранныхъ. При Елисаветѣ университетъ имѣлъ только двухъ русскихъ профессоровъ: Поповскаго и Барсова; при Екатеринѣ многіе уже воспитанники его съ честію заняли профессорскія каѳедры: Аничковъ, Аѳонинъ, Зыбелинъ, Веніаминовъ, Десницкій, Третьяковъ, Чеботаревъ, Страховъ. Съ 1767 г. введено было преподаваніе лекцій, особенно по каѳедрамъ юридическихъ наукъ, на языкѣ отечественномъ. Какъ въ «Наказѣ» изложены главныя педагогическія правила для согласнаго устройства двухъ родовъ воспитанія: домашняго и общественнаго, такъ и «Способъ ученія» (1771), изданный отъ университета, имѣлъ цѣлію согласить домашнее ученіе съ ученіемъ гимназическимъ, приготовляющимъ къ слушанію профессорскихъ лекцій.

Въ 1783 г. учреждена Россійская Академія. Цѣль этого учрежденія опредѣленно указана въ уставѣ или планѣ: Академія должна имѣть предметомъ очищеніе и обогащеніе русскаго языка; установленіе употребленія словъ; свойственное русскому языку витійство и стихотворство. Для достиженія этого предмета надобно составить русскую грамматику, русскій словарь, риторику и правила стихотворства. Предсѣдателемъ назначена княгиня Дашкова (Екатерина Романовна, 1744—1810), уже занимавшая тогда мѣсто директора Академіи наукъ. Въ рѣчи своей, при открытіи новаго учрежденія, предсѣдательница его расширила предѣлы академическаго устава, говоря, что, вмѣстѣ съ составленіемъ грамматики и словаря, академики должны заняться изученіемъ памятниковъ отечественной исторіи и увѣковѣчить въ произведеніяхъ слова

знаменитыя ея событія какъ минувшаго, такъ и настоящаго времени. Въ число членовъ приглашены были всѣ писатели того времени, составлявшіе украшеніе литературы, извѣстнѣйшіе ученые, преимущественно изъ академиковъ и профессоровъ московскаго университета, наконецъ и представители высшаго круга русскаго образованнаго общества, заявившіе свое сочувствіе къ литературѣ и наукѣ. Благодаря энергической дѣятельности своего предсѣдателя, Россійская Академія, въ тринадцатилѣтній періодъ его управленія (1783—1796), составила и издала «Словопроизводный словарь» (въ 6 томахъ, 1789—1796).

Послѣ императрицы Екатерины, княгиня Дашкова, дочь гр. Романа Ларіоновича Воронцова, безпорно, занимала второе мѣсто между современными ей женщинами по уму и образованію. Воспитывалась она въ домѣ своего дяди, государственнаго канцлера М. И. Воронцова. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ она пристрастилась къ серьезному чтенію; любимыми ея писателями были Бейль, Монтескье, Вольтеръ. Дальнѣйшее образованіе и умственное развитіе Дашковой происходило при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Она совершила два путешествія: сначала, для поправленія своего здоровья (1769—72), а потомъ для воспитанія своего сына въ Эдинбургскомъ университетѣ (1775—82). Эти годы она проводила въ избранномъ кругу ученыхъ и писателей: Робертсона и Адама Смита въ Шотландіи, Дидро во Франціи, Вольтера въ Швейцаріи. По смерти Екатерины (1796), она была удалена изъ Петербурга въ одно изъ ея помѣстій. При вступленіи на престолъ Александра I, члены Россійской Академіи обратились къ ней съ просьбой стать во главѣ этого учрежденія, но она, не чувствуя прежнихъ силъ, отклонила предложенную ей честь. Литературная дѣятельность Дашковой состояла въ сотрудничествѣ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ второй половины XVIII в. и начала XIX-го в. Записки ея изданы на англійскомъ языкѣ въ Лондонѣ. Ея мысли о воспитаніи указаны выше. Въ понятіяхъ своихъ о требованіяхъ умственной и общественной жизни она сходилась съ понятіями Болтина, Щербатова, Новикова, т. е. отдавала предпочтеніе старинному быту въ томъ отношеніи, что *тогдашнее* невѣжество было менѣе вредно теперешней нравственной испорченности: «неуча научить можно скорѣе, нежели развратнаго исправить» [1].

Вскорѣ послѣ назначенія своего директоромъ Академіи наукъ, Дашкова основала (1783) журналъ «Собесѣдникъ Любителей Россій-

---

[1]) Исторія Россійской Академіи, М. Сухомлинова, т. I.

скаго слова». Онъ издавался болѣе года, при постоянномъ участіи Екатерины, которая печатала въ немъ свои «Были и Небылицы». Всѣ извѣстные литераторы были его сотрудниками: Державинъ (ода котораго «Фелица» и послужила поводомъ къ основанію «Собесѣдника»), Фонъ-Визинъ, Княжнинъ, Херасковъ, Богдановичъ.—Другое изданіе Академіи Наукъ, подъ названіемъ: «Россійскій ѳеатръ, или полное собраніе всѣхъ россійскихъ ѳеатральныхъ сочиненій» (43 тома, 1789—1794), было задумано также княгиней Дашковой съ цѣлью собрать въ одно цѣлое какъ печатныя, такъ и оставшіяся еще въ рукописяхъ театральныя піесы, и тѣмъ самымъ сохранить ихъ для потомства и вмѣстѣ дать возможность публикѣ прочитать все то, что еще не было напечатано; другая цѣль состояла въ томъ, чтобы сдѣлать болѣе удобнымъ выборъ піесъ для даваемыхъ театральныхъ представленій.

Одной изъ самыхъ важныхъ мѣръ къ распространенію просвѣщенія служилъ указъ 1783 г., дозволяющій заводить во всѣхъ городахъ частныя типографіи и печатать въ нихъ книги на русскомъ и иностранныхъ языкахъ. Въ слѣдствіе этого явилось даже нѣсколько сельскихъ типографій, заведенныхъ помѣщиками-литераторами. Благоразумная, снисходительная цензура, взглядъ на которую выраженъ въ Наказѣ (§ 484), была главною причиною успѣховъ книгопечатанія, давъ возможность возникнуть многимъ періодическимъ изданіямъ. Политическія событія во Франціи заставили частію ослабить, частію прекратить дѣйствіе этихъ просвѣтительныхъ мѣръ. Въ самый годъ смерти императрицы (1796), частныя типографіи были упразднены, ввозъ иностранныхъ книгъ ограниченъ, и въ Петербургѣ, Москвѣ, Ригѣ, Одессѣ и при Радзивиловской таможнѣ учреждены цензуры.

КОНЕЦЪ 2-ГО ОТДѢЛА I-ГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Эпоха Петра I.

II. Отъ смерти Петра I до Ломоносова.

III. Отъ Ломоносова до Карамзина.

ИСТОРІЯ

РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ,

ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ.

ИСТОРІЯ
РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ,

ДРЕВНЕЙ и НОВОЙ.

сочиненіе

А. Галахова.

Изданіе второе, съ перемѣнами.

ТОМЪ II.

Отъ Карамзина до Пушкина.

Рекомендована Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, какъ пособіе для гимназій и прогимназій.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Печатано въ типографіи И. И. Глазунова, Казанская ул., № 8.
1880.

НОВЫЙ ПЕРІОДЪ.

II. ОТЪ КАРАМЗИНА ДО ПУШКИНА.

(ЦАРСТВОВАНІЕ АЛЕКСАНДРА I).

§ 1. Въ образованіи характера Карамзина (1766 — 1826), его, взгляда на вещи и способовъ къ дѣятельности участвовали различныя силы и обстоятельства. Первое мѣсто принадлежитъ, конечно, природѣ, надѣлившей его рѣдкою чувствительностью, которая обнаружилась въ немъ съ дѣтства и не покидала его до смерти. По собственнымъ признаніямъ, онъ въ юношествѣ былъ чувствителенъ, какъ младенецъ; въ возрастѣ мужества, мечтательность составляла его неизлечимую болѣзнь; на склонѣ лѣтъ, онъ также любилъ предаваться меланхоліи и, читая романы, не могъ удерживать своихъ слезъ. И въ романической исторіи: «Рыцарь нашего времени» (1802 — 1803), на которую надобно смотрѣть какъ на автобіографію первыхъ лѣтъ жизни, къ сожалѣнію, не конченную; и въ прозаической элегіи: «Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона» (1793), представляющей автохарактеристику; и въ письмахъ къ друзьямъ Карамзинъ постоянно выставлялъ расположеніе своего духа къ грусти и мечтательности. Онъ не стыдился своего врожденнаго дара, хотя и придавалъ ему иногда патологическое значеніе; напротивъ, онъ какъ бы гордился имъ и любилъ давать ему пищу, находя въ немъ источникъ разнообразныхъ пріятностей. Мы должны отмѣтить эту неизмѣнную, яркую черту его нрава, такъ какъ безъ нея остались бы необъясненными многія явленія въ его жизни и дѣятельности.

Преобладающая наклонность природы развилась потомъ подъ вліяніемъ романовъ, которые Карамзинъ нашелъ въ библіотекѣ своего отца и которые доставили ему первое знакомство съ литературой. Чтеніе оказалось полезнымъ для образованія нравственнаго чувства, представивъ отроческому понятію тождество добро-

дѣтели и красоты, порока и безобразія. Какъ это чувство спасительно въ жизни, какою твердою опорою служитъ оно для доброй нравственности—нѣтъ нужды доказывать: таковы слова самого Карамзина, у котораго мысль о безвредномъ дѣйствіи романовъ перешла потомъ въ убѣжденіе ([1]).

Вторымъ періодомъ образованія Карамзина, послѣ первоначальнаго домашняго ученія, надобно считать его ученіе въ пансіонѣ Шадена, профессора философіи въ московскомъ университетѣ. Здѣсь онъ обучался иностраннымъ языкамъ, слушалъ уроки нравственной философіи, которую преподавалъ самъ Шаденъ и вмѣстѣ съ другими пансіонерами посѣщалъ лекціи профессоровъ. По выходѣ изъ пансіона, Карамзинъ думалъ довершить свое образованіе за границей, въ лейпцигскомъ университетѣ, который славился своими преподавателями и гдѣ обучались многіе русскіе. Это намѣреніе не исполнилось ([2]) и Карамзинъ поступилъ на службу въ гвардію (1781). Ко времени пребыванія его въ Петербургѣ относятся первые его литературные опыты. То были переводы съ нѣмецкаго: «Разговоръ Маріи Терезіи съ русскою императрицею Елисаветою въ Елисейскихъ поляхъ» (1782) и «Деревянная нога, идиллія Геснера» (1783). Независимо отъ общераспространенной въ царствованіе Екатерины любви къ словесности, на Карамзина дѣйствовалъ и примѣръ его земляка и друга, И. Дмитріева, служившаго тоже въ гвардіи, мелкіе переводы котораго печатались въ тогдашнихъ журналахъ. По смерти отца своего, Карамзинъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Симбирскъ для устройства дѣлъ по наслѣдству. Здѣсь онъ началъ вести разсѣянную жизнь и пользоваться успѣхами въ провинціальномъ обществѣ, благодаря своимъ талантамъ и образованности. И. Тургеневъ, находившійся тогда въ Симбирскѣ, жалѣя о напрасной тратѣ времени даровитымъ человѣкомъ, уговорилъ его ѣхать съ нимъ въ Москву, куда они и прибыли 1785 г.

Въ кругу Новикова, тѣсно связаннаго съ Тургеневымъ общностью понятій и намѣреній, прошелъ третій, весьма важный періодъ умственно-нравственнаго воспитанія Карамзина (1785—1788). Этотъ кругъ, притягивая къ себѣ даровитую молодежь, поручалъ ей полезныя литературныя работы и старался направить ея мысль къ серьезнымъ предметамъ природы и человѣческаго духа. Главнаго устроителя мистико-масонскихъ дѣлъ, Шварца, уже не

[1]) О книжной торговлѣ и любви къ чтенію въ Россіи (1802).

[2]) Сожалѣніе объ этомъ выражено въ Письмахъ русскаго путешественника: «Воображая, какъ бы я могъ провести тѣ лѣта, въ которыя образуется душа наша, и какъ я провелъ ихъ, чувствую горесть въ сердцѣ и слезы въ глазахъ».

было въ живыхъ, но его имя и ученіе хранились, какъ священный завѣтъ, въ душѣ переживших его одномысленниковъ. Между сотрудниками Карамзина нашлось нѣсколько лицъ, съ которыми онъ завязалъ короткую дружбу. Ближайшимъ къ нему человѣкомъ былъ А. А. Петровъ († 1793), изображенный имъ въ элегіи: «Цвѣтокъ на гробъ моего друга Агатона» и частію въ повѣсти: «Чувствительный и хладнокровный» (1803), подъ именемъ Леонида. По отзыву И. Дмитріева, Петровъ обладалъ замѣчательнымъ умомъ, способностью къ здравой критикѣ и свѣдѣніями въ древнихъ и новыхъ языкахъ. Переводы его помѣщались въ Новиковскихъ журналахъ; кромѣ того отдѣльно напечатаны: аллегорическая повѣсть «Хризомандеръ» (съ нѣмецкаго) и индійская поэма «Баггаватъ-Гита» (съ англійскаго). Молодые друзья часто размышляли о высшихъ задачахъ метафизики и вмѣстѣ читали классическихъ авторовъ. Наставленіямъ Петрова, его разборчивому вкусу Карамзинъ былъ обязанъ развитіемъ чувства изящнаго. Вообще послѣдній смотрѣлъ на своего Агатона, какъ на руководителя въ изученіи разныхъ предметовъ, какъ на старшаго по знаніямъ и по благоразумію. Другой пріятель Карамзина, А. М. Кутузовъ, переводчикъ Мессіады, умеръ въ Берлинѣ (1789), гдѣ проживалъ агентомъ московскихъ масоновъ, которые черезъ него сносились съ своими нѣмецкими братьями и получали свѣдѣнія о новыхъ движеніяхъ въ орденѣ. Карамзинъ называетъ Кутузова жертвою печальныхъ обстоятельствъ, человѣкомъ воображенія пасмурнаго и характера меланхолическаго, вѣроятно потому, что мысль его, стремясь къ рѣшенію важнѣйшихъ задачъ нашего существованія, не находила на нихъ отвѣта ни въ системѣ матеріалистовъ, которыми онъ увлекался наравнѣ съ своими заграничными товарищами—Ушаковымъ и Радищевымъ, ни въ ученіи мистико-масонскомъ, которому онъ предался въ кругу Дружескаго общества. Нѣсколько времени Карамзинъ жилъ въ одномъ домѣ съ Ленцомъ, нѣмецкимъ поэтомъ того періода исторіи литературы, который извѣстенъ подъ именемъ «Sturm-und Drang Periode». Въ эпоху своего нравственнаго упадка, причиненнаго неудачею въ любви и оскорбленнымъ самолюбіемъ, Ленцъ пріѣхалъ въ Москву, гдѣ и умеръ (1792) у одного изъ членовъ Новиковскаго кружка, давшаго ему пріютъ въ своемъ домѣ. Безъ сомнѣнія, Ленцъ произвелъ сильное вліяніе на Карамзина и Петрова своими «піитическими идеями», своимъ знакомствомъ съ современною литературою Германіи, особенно своимъ глубокимъ пониманіемъ Шекспира. Чтобы узнать законы изящнаго, Карамзинъ изучаетъ Батте; но когда сужденіе касается Шекспира и вообще драмы, въ немъ является не сторонникъ французской эстети-

ки, а послѣдователь серьезной нѣмецкой критики, приносившей полную дань уваженія геніальному трагику. Въ обществѣ пріятелей Карамзинъ слылъ подъ именемъ Рамзея, которое было дано ему, вѣроятно, въ честь автора «Новой Кпропедіи», — сочиненія написаннаго въ подражаніе Фенелонову Телемаку и бывшаго въ большомъ почетѣ у масоновъ. Какъ въ наставленіяхъ Ментора Телемаку, такъ и въ наставленіяхъ Киру проводятся воззрѣнія, полнѣе изложенныя Рамзеемъ въ «Опытѣ о гражданскомъ правленіи». Шотландецъ происхожденіемъ, Рамзей († 1743) перешелъ въ католичество по совѣту Фенелона, къ которому обратился, волнуемый религіозными сомнѣніями. Онъ жилъ въ Парижѣ, какъ воспитатель сыновей претендента, Якова III, былъ гроссъ-канцлеромъ французскихъ масонскихъ ложъ и написалъ разсужденіе о братствѣ, первый пустивъ легенду о его происхожденіи, будто оно возникло въ обѣтованной землѣ, въ эпоху крестовыхъ походовъ, и начально имѣло цѣлію вновь сооружать разрушенные сарацинами христіанскіе храмы. Не одни друзья принимали участіе въ серьезной любознательности Карамзина. Обративъ вниманіе на физіогномику, онъ вошелъ въ переписку съ Лафатеромъ и просилъ у него отвѣта на вопросъ о всеобщей цѣли человѣческаго бытія.

«Дружеское общество» поручало воспитанникамъ московскаго университета и другимъ образованнымъ молодымъ людямъ переводы сочиненій религіозно-философскаго содержанія, противоположнаго духу французскаго энциклопедизма, который въ то время по преимуществу полонилъ умы. На долю Карамзина выпалъ переводъ Галлеровой поэмы: «О происхожденіи зла» (1786)—вопросъ, сильно занимавшій богослововъ и метафизиковъ. Стихи подлинника переложены прозой. Нѣсколько примѣчаній переводчика выказываютъ, съ одной стороны, его наклонность къ идиллической мечтательности, съ другой—его знакомство съ литературою христіанской догматики. «Галлеръ», говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, «предлагаетъ здѣсь такую истину, которой мы не найдемъ во множествѣ томовъ сочиненій нынѣшнихъ молодыхъ теологовъ». Нѣсколько статей переведено Карамзинымъ съ нѣмецкаго изъ «Штурмовыхъ размышленій о дѣлахъ Божіихъ въ царствѣ натуры и провидѣнія, на каждый день года, и бесѣдъ съ Богомъ, или размышленій въ утренніе и вечерніе часы» ([1]). Въ теченіи четырехъ лѣтъ (1785—89) Новиковъ при Московскихъ Вѣдомостяхъ издавалъ «Дѣтское Чтеніе». Карамзинъ работалъ для этого изданія вмѣстѣ съ Петровымъ. Онъ помѣстилъ въ немъ нѣсколько оригинальныхъ статей (важнѣйшая изъ нихъ

[1]) Полный переводъ этого періодическаго изданія вышелъ въ 12 ч. (1787—89).

—«Прогулка») и переводы «Деревенскихъ вечеровъ» (Жанлисъ), драмы: «Аркадскій памятникъ» (Вейсе), Томсоновыхъ временъ года и пр. Хотя самъ переводчикъ назвалъ свои труды «ученическими», однакожъ они не остались безъ вліянія на послѣдующую его дѣятельность. Касательно языка, «Дѣтское Чтеніе» справедливо называютъ «дѣтскою школою» Карамзина, въ которой вырабатывался его слогъ; касательно содержанія, переводы его заключаютъ въ себѣ многія мысли и чувства, которыя потомъ встрѣчаются въ собственныхъ его сочиненіяхъ. О переводахъ «Юлія Цезаря», трагедіи Шекспира (1787), съ французскаго Летурнерова перевода, и «Эмиліи Галотти», трагедіи Лессинга (1788), съ нѣмецкаго, было упомянуто при обзорѣ нашего знакомства съ англійской драмой въ эпоху Екатерины II.

Дѣйствительность вліянія, произведеннаго на Карамзина обществомъ Новикова, не подлежитъ сомнѣнію. Существенная его польза состояла въ прочномъ закалѣ мысли, державшейся на серьезныхъ занятіяхъ, на обсужденіи предметовъ, которые по своей важности всегда обращаютъ на себя вниманіе даровитой любознательности. Въ тотъ періодъ жизни, когда умъ большею частію истощаетъ свои силы на трудахъ маловажныхъ, или безъ надежнаго руководства переходитъ отъ одной дѣятельности къ другой, останавливаясь на каждой поверхностно и ни къ одной не привязываясь искренно,—въ этотъ самый періодъ Карамзину была указана достойная сфера человѣческаго знанія. Карамзинъ охотно вошелъ въ нее и непраздно оставался въ ней, хотя потомъ и сдѣлался ея отщепенцемъ, такъ какъ она рѣшительно не подходила ни къ характеру его чувства, ни къ складу его познавательной способности, не любившей ни въ чемъ темноты.

Въ 1789 г. Карамзинъ отправился за границу, гдѣ и пробылъ полтора года. Для покрытія путевыхъ издержекъ, онъ передалъ старшему брату въ управленіе свое имѣніе и получилъ отъ него въ счетъ будущихъ доходовъ 2,000 руб. Цѣлью путешествія было— «видѣть природу въ ея разнообразіи, видѣть великихъ мужей, которыхъ творенія сильно дѣйствовали на чувство», и тѣмъ по возможности восполнить недостатокъ высшаго образованія, такъ какъ намѣреніе пріобрѣсть его слушаніемъ лекцій въ лейпцигскомъ университетѣ не состоялось. Путешественникъ былъ отлично подготовленъ къ тому, чтобы съ успѣхомъ воспользоваться заграничною жизнію. Знаніе иностранныхъ языковъ, разнообразныя свѣдѣнія, обширная начитанность, познакомившая его съ литературами самыхъ цивилизованныхъ странъ Европы, нравственная выдержка въ Новиковскомъ кругу замѣтно возвышали его не только

надъ сверстниками, но и надъ людьми болѣе зрѣлыми. Едва ли кто другой въ то время могъ похвалиться такимъ обиліемъ данныхъ — и природныхъ, и благопріобрѣтенныхъ. Читая заграничныя письма Карамзина, которыя онъ писалъ въ Москву къ семейству короткихъ друзей своихъ, Плещеевыхъ, и которыя потомъ явились въ печати подъ названіемъ «Писемъ русскаго путешественника», нельзя не удивляться, съ одной стороны, количеству прочтенныхъ имъ сочиненій на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, а съ другой—вѣрности многихъ сужденій, и въ наше время сохраняющихъ свою цѣну. А между тѣмъ ему было 22 года—возрастъ только что кончившаго курсъ студента.

Карамзинъ посѣтилъ Германію, Швейцарію, Францію и Англію. Каждая изъ этихъ странъ представляла ему особенный, такъ сказать спеціальный, интересъ для наблюденій. Непосредственнымъ знакомствомъ съ мѣстами и лицами повѣрялъ онъ впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ чтенія книгъ, или сформировавшіяся въ его умѣ подъ дѣйствіемъ воображенія. Германія привлекала его, какъ страна литературы, съ которою онъ освоился больше, чѣмъ съ другими литературами. Ему пріятно было увидѣть лицемъ къ лицу знаменитыхъ ученыхъ и поэтовъ, которыхъ сочиненія онъ читалъ и переводилъ. Карамзинъ питалъ къ нимъ искреннее уваженіе; по характеру сочиненій думалъ заключать о характерѣ авторовъ; на самой дѣйствительности желалъ провѣрить свои заочные выводы. Это желаніе, наконецъ, осуществилось; эта повѣрка сдѣлалась возможна. Легко понять радость Карамзина во время его путешествія по Германіи, гдѣ жили и дѣйствовали его литературные кумиры. — Другой интересъ находилъ Карамзинъ въ Швейцаріи — «странѣ живописной натуры, свободы и благополучія». Хотя и здѣсь жили привлекательныя для него личности: Боннетъ—«философъ съ чувствомъ», что, во мнѣніи путешественника, служило наилучшею похвалою философіи, и Лафатеръ, съ которымъ онъ завелъ переписку, работая для Дружескаго общества, и который поэтому называлъ его своимъ «московскимъ пріятелемъ»; но не этимъ собственно нравилась ему Швейцарія. Она плѣняла его, какъ царство наивной, согласной съ природою жизни человѣковъ. Въ ней онъ видѣлъ новую Аркадію, осуществленіе мечты о невозмутимомъ счастіи пастуховъ и пастушекъ. Картина патріархальной простоты восхищала его издавна. По наклонности къ пасторальному сентиментализму, онъ любилъ читать описательное стихотвореніе Галлера «Альпы» и въ примѣчаніи къ переводу поэмы «О происхожденіи зла» жалѣлъ, что мы уклонились отъ первобытной невинности и гордимся мнимою цивилизаціей. Тоже сожалѣ-

ніе, хотя нѣсколько охлажденное, встрѣчаемъ въ «Письмахъ»: «Для чего не родились мы въ тѣ времена, когда всѣ люди были пастухами и братьями? Я съ радостію отказался бы отъ многихъ удобностей жизни, которыми обязаны мы просвѣщенію дней нашихъ, чтобы возвратиться въ первобытное состояніе человѣка. Всѣми *истинными* удовольствіями — тѣми, въ которыхъ участвуетъ сердце и которыя насъ подлинно счастливыми дѣлаютъ—наслаждались люди и тогда, и еще болѣе, нежели нынѣ: болѣе наслаждались они любовію, болѣе наслаждались дружбою, болѣе красотами природы». Другимъ источникомъ пристрастія Карамзина къ Швейцаріи было увлеченіе судьбою и сочиненіями Руссо, «женевскаго гражданина». «Величайшій изъ писателей XVIII в.», какъ онъ называетъ Руссо, имѣлъ значительное на него вліяніе. Въ одномъ письмѣ Карамзинъ описываетъ мѣстечко Кларанъ, гдѣ происходитъ главное дѣйствіе Новой Элоизы, а въ другомъ—островъ св. Петра, гдѣ ея авторъ «укрывался отъ злобы и предразсужденій человѣческихъ». Оба описанія проникнуты сочувствіемъ къ Руссо. — Съ противоположными чувствами въѣхалъ Карамзинъ во Францію. Онъ не искалъ здѣсь ни искренности, ни симпатичнаго сердца, потому что не надѣялся найти ихъ. Легкомысленный французскій умъ онъ уподобляетъ мыльному пузырю. Притомъ же ему довелось быть въ Парижѣ въ грозное время зачинавшейся революціи, несогласной съ его чувствами и понятіями. Однакожъ этотъ городъ, сокращеніе всей Франціи, оставленъ былъ Карамзинымъ съ сожалѣніемъ и благодарностью. Причина тому—«духъ пріятнаго общежитія, которое какъ будто для французовъ или французами выдумано, искусство жить съ людьми, обратившееся въ ихъ вторую природу». Вотъ почему онъ мирился съ тѣмъ народомъ, бѣглому уму котораго, по его словамъ, не доставало зрѣлости, а живому чувству—искренности и силы.—Цѣня всего болѣе нѣжную чувствительность, онъ отнесся антипатично и къ характеру англичанъ, бывшихъ предметомъ его поклоненія въ отрочествѣ. Но семейственные нравы англійскаго народа, богатство ихъ литературы и науки, крѣпость политической силы и экономическаго быта, ихъ полная всемірнымъ значеніемъ исторія стояли на виду у образованнаго путешественника и умѣряли его невольную холодность къ странѣ, которую онъ, не видавъ, воображалъ пріятнѣйшею для сердца землею. «Увидавъ же англичанъ», говоритъ онъ, «отдаю имъ справедливость, хвалю ихъ, хотя похвала моя такъ же холодна, какъ они сами».

Воротясь въ Москву (осенью 1790), Карамзинъ рѣшился посвятить свои способности и знанія литературѣ. Пребываніе за гра-

ницей показало ему, какое видное мѣсто занимаетъ въ тамошнемъ обществѣ литераторъ, какъ влiятельна его дѣятельность, не уступающая другимъ родамъ службы на пользу родной страны. Своимъ примѣромъ онъ задумалъ отмѣнить у насъ тотъ исконный обычай, по которому дворянинъ былъ обязанъ непремѣнно занимать какую-нибудь ступень въ административной iерархiи. Онъ хотѣлъ быть единственно, исключительно литераторомъ, и потому, отказавшись отъ чиновнаго честолюбiя, принялся за редакцiю Московскаго журнала, который и издавалъ два года сряду (1791 и 1792). Сочиненiя свои, помѣщенныя въ этомъ журналѣ, онъ выдалъ особою книжкой, подъ названiемъ: «Мои бездѣлки» (1794), въ подражанiе сборникамъ французскимъ и нѣмецкимъ, носившимъ скромные титулы «бездѣлокъ», «пустяковъ» и т. п. (bagatelles, riens) ([1]). Утомленный срочною журнальною работою, онъ перешелъ отъ нея къ изданiю литературныхъ сборниковъ (альманаховъ), бывшихъ тогда въ большой модѣ, особенно у французовъ. Первый сборникъ—Аглая (2 ч., 1794)—наполненъ одними русскими сочиненiями, преимущественно самого издателя: Цвѣтокъ на гробъ Агатона, Нѣчто о наукахъ и искусствахъ, Островъ Борнгольмъ, Аѳинская жизнь, Письма Мелодора къ Филарету и Филарета къ Мелодору, Илья Муромецъ, и др. Въ 1795 г. Карамзинъ редижировалъ смѣсь «Московскихъ Вѣдомостей», сообщая читателямъ разныя мелкiя пiесы и отрывки, почему либо достойныя вниманiя. Сюда входили анекдоты, мысли древнихъ и новыхъ философовъ, статьи изъ натуральной исторiи, краткiя описанiя малоизвѣстныхъ народовъ и мѣстъ, стихотворенiя, свѣдѣнiя о новыхъ иностранныхъ книгахъ. За Аглаей слѣдовали «Аониды или собранiе разныхъ новыхъ стихотворенiй» (3 кн., 1796—99), по образцу стихотворныхъ сборниковъ, которые подъ именемъ календаря или альманаха Музъ (Аонидъ), ежегодно издавались за границей и пользовались большимъ успѣхомъ. Аониды наполнены пiесами почти всѣхъ извѣстныхъ въ то время стихотворцевъ: Державина, Дмитрiева, Хераскова, Капниста, Кострова, кн. Д. Горчакова, самого издателя. Въ 1798 г. вышелъ «Пантеонъ иностранной словесности» — сборникъ переводовъ съ французскаго, нѣмецкаго и другихъ языковъ. Въ томъ же году Карамзинъ задумывалъ похвальное слово Петру I. Мысли, долженствовавшiя получить развитiе въ этомъ панегирикѣ и сохранившiяся въ записной книжкѣ автора, любо-

---

[1]) Изъ другихъ сочиненiй и переводовъ Карамзина, напечатанныхъ въ этомъ журналѣ, получили въ послѣдствiи отдѣльныя изданiя: «Мармонтелевы новыя повѣсти» (2 ч., 1794 и 1798), «Лизинъ прудъ» (1797), «Письма русскаго путешественника» (6 ч., 1797—1801).

пытны по своему отношенію къ послѣдующему его взгляду на преобразователя Россіи. Къ 1801 году относится «Пантеонъ россійскихъ авторовъ», содержащій въ себѣ краткія характеристики нашихъ писателей, отъ пѣвца Бояна до Ломоносова включительно (¹) и къ 1802 «Историческое похвальное слово Екатеринѣ II».

Исчисленные труды доставили Карамзину почетную извѣстность: онъ сдѣлался любимцемъ читающей публики; для нѣкоторыхъ его сочиненій потребовались новыя изданія, а нѣкоторыя были переведены на нѣмецкій языкъ; въ московскомъ литературномъ кругу называли его «десятникомъ русской литературы», а Хераскова «старостой»; зависть породила многихъ ему непріятелей, бросавшихъ въ него эпиграммами. Письма Каменева (автора баллады «Громвалъ») къ Москотильникову (переводчику «Освобожденнаго Іерусалима»), писанныя въ 1800 г., знакомятъ насъ съ тогдашнимъ положеніемъ Карамзина въ обществѣ. Каменевъ хвалитъ кроткій его нравъ, его доброту и привѣтливость, его начитанность и сужденія о разныхъ писателяхъ, и указываетъ его дружескія связи съ Тургеневымъ, бывшимъ въ то время директоромъ университетскаго пансіона, съ Лопухинымъ, Дмитріевымъ. Молодой, но уже знаменитый литераторъ былъ вполнѣ доволенъ своею судьбою: въ 1801 г. онъ женился на дѣвушкѣ, которую давно зналъ и любилъ (²), отъ трудовъ своихъ онъ имѣлъ все нужное для жизни и не думалъ мѣнять авторскую дѣятельность на какую-либо другую. Въ 1802 г. положилъ онъ основаніе новому журналу: «Вѣстникъ Европы». Талантъ редактора обѣщалъ вѣрный успѣхъ изданію, которому благопріятствовало и самое состояніе общеевропейскихъ дѣлъ. Амьенскій миръ, успокоивъ умы, развязывалъ правительствамъ руки на внутреннее развитіе, на успѣхи наукъ и художествъ. Тѣмъ желательнѣе было это развитіе для русской державы, которою правилъ царь, готовый на реформы и нововведенія къ лучшему государственному устройству. Сознавая значеніе литературы, какъ общественной силы, Карамзинъ цѣлью своего журнала поставилъ «содѣйствовать нравственному образованію такого великаго и сильнаго народа, какъ россійскій, развивать новыя, лучшія идеи, питать душу моральными удовольствіями и сливать ее въ сладкихъ чувствахъ съ благомъ другихъ людей». Публика оказала ему лестное вниманіе, по свидѣтельству самого Карамзина, который тѣмъ не менѣе смотрѣлъ на свое дѣло, какъ на занятіе временное, переходное къ другому,

¹) Въ послѣдствіи, при 3-мъ изданіи своихъ сочиненій, Карамзинъ прибавилъ еще нѣсколько характеристикъ.

²) На Протасовой, сестрѣ жены Плещеева.— По смерти ея, вступилъ въ новый бракъ съ сестрой князя П. А. Вяземскаго.

представлявшему для него сильнѣйшій интересъ. Онъ задумалъ написать Русскую исторію, чтобы оставить добрую по себѣ память въ потомствѣ. Желаніе его исполнилось. Благодаря ходатайству М. Н. Муравьева, товарища министра народнаго просвѣщенія, получилъ онъ (1803) званіе исторіографа съ ежегодной пенсіей въ 2000 руб. Такимъ образомъ въ 1804 г. оканчивается первый, собственно-литературный періодъ его дѣятельности: онъ исключительно посвящаетъ свои труды исторической наукѣ, къ первымъ опытамъ которой относятся: «Похвальное слово Екатеринѣ», написанное по оффиціальнымъ актамъ, выданнымъ ему отъ правительства, нѣсколько статей въ Вѣстникѣ Европы и повѣсти: «Наталья боярская дочь» и «Марѳа Посадница». Рѣшеніе было принято имъ неуклонно, такъ что онъ не дозволялъ себѣ развлекаться ни литературой, столько имъ уважаемой, ни другими видами и побужденіями, столько приманчивыми для обыкновеннаго честолюбія. Онъ отказался отъ предложеній занять каѳедру, сдѣланныхъ ему, какъ члену московскаго университета, совѣтами университетовъ дерптскаго и харьковскаго (1803 и 1805), находя профессорскую должность «неблагопріятною для таланта» и трудно-совмѣстимою съ выполненіемъ той мысли, которая давно занимала его умъ и душу. Сочиненіе русской исторіи, достойной русскаго народа, достойной царствованія Александра, приняло въ его совѣсти силу внутренняго, непреложнаго обязательства, сдѣлалось задачею, подвигомъ, значеніемъ всей его жизни.

Письма Карамзина къ Муравьеву (1803 — 1807), которому онъ былъ обязанъ возможностью написать исторію, «не варварскую и не постыдную для царствованія Александра I», представляютъ отчетъ о постепенномъ движеніи работы. Сочувствуя полезному дѣлу, товарищъ министра облегчалъ его всѣми зависѣвшими отъ него средствами: испросилъ автору дозволеніе пользоваться рукописями монастырскихъ библіотекъ и архива иностранной коллегіи, доставлялъ ему книги, какихъ нельзя было найти въ Москвѣ, рекомендовалъ его лицамъ, въ содѣйствіи которыхъ встрѣчалась надобность. Достойный примѣръ покровительства, исходящаго изъ той мысли, что появленіе дѣльнаго ученаго труда занимаетъ, какъ выразился Карамзинъ, уважительное «мѣсто въ системѣ государственнаго управленія». А. И. Тургеневъ, сынъ извѣстнаго дѣятеля въ Новиковскомъ кругу, съ своей стороны оказывалъ большую помощь историку: онъ былъ посредникомъ между нимъ и тѣми лицами, которыя въ то время, въ Петербургѣ и за границею, занимались изслѣдованіями по русской исторіи[1]. Чрезъ него Карамзинъ сносился съ ака-

[1]) Письма Карамзина къ Тургеневу, съ 1806 по 1825, въ Москвит. 1855, №№ 1, 23 и 24.

демиками: Кругомъ и Лербергомъ, получалъ рѣдкія книги и рукописи, узнавалъ о новыхъ историческихъ сочиненіяхъ, выходившихъ въ чужихъ краяхъ. Преданность многосложному труду не оставляла Карамзину времени для литературы(1), но онъ внимательно слѣдилъ за ходомъ государственныхъ реформъ въ отечествѣ. Новые законы и учрежденія, быстро слѣдуя одни за другими, не могли не возбуждать вниманія образованныхъ москвичей, какими, напримѣръ, кромѣ самого Карамзина, были гр. Ѳ. В. Растопчинъ и Ю. А. Нелединскій - Мелецкій. Безъ сомнѣнія, они разсуждали о томъ, что дѣлалось въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Древнія судьбы Россіи не заслоняли отъ историка ея современнаго положенія; напротивъ, тѣмъ охотнѣе направлялась его мысль къ сличенію прошлаго съ настоящимъ, чтобы на основаніи перваго судить о характерѣ втораго. Знакомство съ великой княгиней Екатериной Павловной, отличавшейся умомъ и любознательностію, доставило ему новый поводъ къ бесѣдамъ о томъ, что въ Петербургѣ задумывалось по мысли Царя и его совѣтниковъ для лучшаго государственнаго устройства(2). Она вела съ нимъ переписку(3) и нерѣдко приглашала его въ Тверь, гдѣ имѣлъ пребываніе супругъ ея, принцъ Ольденбургскій. Здѣсь онъ былъ представленъ Государю, который уже зналъ его по сочиненіямъ; здѣсь читалъ ему (1811) нѣкоторыя мѣста изъ исторіи, о чемъ упоминается въ посвященіи книги; здѣсь же (1811) великая княгиня вручила своему державному брату написанную, по ея желанію, «Записку о древней и новой Россіи», излагающую взгляды Карамзина на дѣла внѣшней политики и внутренняго управленія. Рѣзкая, хотя и благонамѣренная, критика того, что было совершено въ Россіи въ первое десятилѣтіе XIX в., не понравилась Государю, но вскорѣ онъ оцѣнилъ нельстивый(4) голосъ подданнаго, движимаго любовью къ отечеству и преданностью къ престолу, и временное недовольство смѣнилось постояннымъ благоволеніемъ. Государь даже имѣлъ мысль назначить его статсъ-секретаремъ при своей особѣ на время войны съ Наполеономъ, и только по особымъ обстоятельствамъ выборъ его

---

1) Только по случаю указа о милиціи (1806) Карамзинъ написалъ «Пѣснь воиновъ», да въ 1814 г. оду: «Освобожденіе Европы и слава Александра I».

2) Великая княгиня, принцесса Ольденбургская, называла Карамзина своимъ учителемъ, такъ какъ онъ выправлялъ ея переводы и другія упражненія въ русскомъ языкѣ.

3) Съ 1810 по 1818 г. (напеч. въ «Неизд. сочиненіяхъ Карамзина, т. I»).

4) Эпиграфъ къ «Запискѣ»: «Нѣсть льсти въ языцѣ моемъ» (Псал. 138, ст. 4). Напеч. въ Рус. Архивѣ 1870 г.

палъ на Шишкова. Нашествіе французовъ прервало работу Карамзина. Послѣдніе мѣсяцы 1812 и первую половину 1813 г. онъ провелъ съ своимъ семействомъ въ Нижнемъ-Новгородѣ[1]. Воротясь въ Москву, онъ ничѣмъ уже не отвлекался отъ усиленныхъ занятій: великая княгиня, по смерти своего супруга (1813), отправилась за границу, а потомъ жила въ Петербургѣ до своего втораго замужства[2]. Изъ писемъ его къ брату[3] видно, что въ 1815 г. у него было готово восемь томовъ, которые онъ и рѣшился выдать въ свѣтъ, отмѣнивъ прежнее намѣреніе не печатать ни одной строки своей исторіи до тѣхъ поръ, пока она не будетъ доведена до вступленія на престолъ дома Романовыхъ. По званію исторіографа, Карамзинъ почиталъ долгомъ представить двѣнадцатилѣтній трудъ свой лично Государю, чтобы «Исторія Государства Россійскаго», посвященная его имени, явилась въ публику съ его собственнаго одобренія и подъ его высокимъ покровомъ. Съ этою цѣлью онъ отправился въ Петербургъ (1816)[4]. Любопытны письма его, писанныя отсюда къ женѣ[5]. Литераторы и правительственныя лица съ разными чувствами встрѣтили москвича, который хотя не имѣлъ никакого участія въ администраціи, но понималъ, что дѣлалось въ Россіи, и судилъ о томъ откровенно, съ извѣстной точки зрѣнія. Если многіе изъ первыхъ видѣли въ немъ либеральнаго нововводителя, то нѣкоторые между вторыми разумѣли его, какъ сторонника отсталыхъ идей въ политикѣ. Самого Сперанскаго, противъ котораго главнѣйшимъ образомъ направлена «Записка о древней и новой Россіи», не было въ столицѣ, но были другіе, на глаза которыхъ реформаторъ въ словесности отсталъ отъ вѣка по своимъ понятіямъ о реформахъ государственныхъ. Инымъ казался онъ выше, а инымъ ниже составленнаго о немъ мнѣнія. Академикъ Кругъ нашелъ его ученѣе, чѣмъ предполагалъ; политико-экономъ Шторхъ признавался, что услышалъ отъ него «новыя и сильныя вещи». Вообще же пріемомъ петербургскихъ жителей Карамзинъ остался вполнѣ доволенъ: «здѣсь», писалъ онъ, «всѣ, кромѣ Кутузова и кн. Шаховскаго, сыплютъ на меня цвѣты». Онъ по-

---

[1]) Московскій пожаръ истребилъ его библіотеку, но рукописи уцѣлѣли въ Остафьевѣ, родовомъ помѣстьѣ князя Вяземскаго, на дочери котораго онъ женился въ 1804 г.

[2]) Въ 1816 г. она вышла за короля Виртембергскаго; скончалась въ 1818 г.

[3]) Александру Михайловичу, котораго онъ особенно любилъ и уважалъ. Письма нап. въ Атенеѣ 1858 (№№ 19—28).

[4]) Карамзинъ, сверхъ чаянія, прожилъ въ Петербургѣ 50 дней, почему и называлъ это время «петербургской пятидесятницей».

[5]) Нап. въ I т. «Неизд. сочиненій и переписки К—на».

знакомился съ Шишковымъ, правдивымъ, честнымъ, «незлобивымъ какъ голубь». Державинъ устроилъ для него обѣдъ, желая свести его съ членами «Бесѣды». Но не въ эту сторону склонялся Карамзинъ: лучшее себѣ развлеченіе находилъ онъ въ кругу даровитой и образованной молодежи (Блудова, Дашкова, Уварова, Тургеневыхъ, кн. Вяземскаго и др.),—той самой, что за годъ до того устроила литературное общество «Арзамасъ», въ противоположность серьезной «Бесѣдѣ». «Здѣсь не знаю ничего умнѣе «Арзамасцевъ», писалъ Карамзинъ: «съ ними бы жить и умереть... Вотъ истинная русская Академія! Жаль только, что она не въ Москвѣ или не въ Арзамасѣ». Обѣ императрицы, Елизавета Алексѣевна и Марія Ѳеодоровна, и великіе князья обласкали Карамзина и слушали чтеніе его исторіи. Графъ Аракчеевъ, пожелавшій съ нимъ познакомиться, вызвался ускорить исходъ дѣла, для котораго Карамзинъ собственно пріѣхалъ въ Петербургъ, «замолвить за него слово Государю». Вскорѣ послѣ того Государь принялъ Карамзина, долго бесѣдовалъ съ нимъ, наградилъ его чиномъ статскаго совѣтника и орденомъ св. Анны 1-ой степени и приказалъ выдать ему изъ Кабинета 60,000 руб. на печатаніе исторіи (1).

Въ 1816 г. Карамзимъ съ семействомъ переселился въ Петербургъ, гдѣ думалъ остаться на годъ или на два, пока издастъ восемь томовъ Исторіи. Онъ вовсе не имѣлъ мысли покинуть Москву навсегда. Изъ писемъ его видно, въ какомъ меланхолическомъ расположеніи онъ находился не только первое время по переѣздѣ, но и въ послѣдствіи, какъ скучалъ и рвался на прежнее мѣсто, желая тамъ кончить жизнь. «Ласка двора къ намъ необыкновенная», увѣдомлялъ онъ брата; «за всѣмъ тѣмъ сильно грущу. Мое положеніе могло бы восхитить молодаго человѣка, а я старъ и мраченъ духомъ.... Веселья для меня уже нѣтъ на свѣтѣ».—«Москва у меня въ сердцѣ», писалъ онъ Малиновскому; «кажется, что мнѣ лучше провести остатокъ жизни тамъ же, гдѣ я провелъ молодость, въ любви семейственной и дружеской... Не могу изобразить вамъ, какъ мнѣ бываетъ тяжело и грустно. Чувствую, что я не созданъ для здѣшней жизни и что мнѣ оставалось бы доживать свой вѣкъ въ уединеніи, съ вами, моими немногими друзьями московскими. Можетъ быть, я сдѣлалъ ошибку: да будетъ воля Божія» (2).

---

1) Что Карамзинъ былъ обязанъ гр. Аракчееву скорѣйшимъ окончаніемъ дѣла, это видно изъ письма его къ женѣ (1816 марта 16): «вѣроятно, Аракчеевъ говорилъ обо мнѣ съ императоромъ».

2) Письма Карамзина къ Алексѣю Ѳедоровичу Малиновскому и Письма Грибо-

Черезъ полтора года по переѣздѣ Карамзина въ Петербургъ, вышли восемь томовъ его «Исторіи государства россійскаго» (1816—1818). Въ 25 дней было продано 3000 экземпляровъ: дѣло безпримѣрное въ нашей книжной торговлѣ. «Появленіе этой книги», разсказываетъ А. Пушкинъ въ своихъ запискахъ, «надѣлало много шуму и произвело сильное впечатлѣніе. Всѣ, даже свѣтскія женщины, бросились читать исторію своего отечества, дотолѣ имъ неизвѣстную. Она была для нихъ новымъ открытіемъ. Древняя Россія, казалось, была найдена Карамзинымъ, какъ Америка Коломбомъ. Нѣсколько времени ни о чемъ иномъ не говорили, хотя многіе толки были такого свойства, что могли отучить всякаго отъ охоты къ славѣ». Печатаніе втораго изданія, проданнаго книгопродавцу Сленину за 50,000 рублей, снова удержало автора въ Петербургѣ: онъ жилъ, какъ и прежде, «особнякомъ» съ женою, съ дѣтьми и съ типографіями. «Изданіе идетъ такъ медленно», писалъ онъ друзьямъ своимъ, «что не скоро могу раздѣлаться съ Петербургомъ... Какъ еще далеко отъ меня любезная Москва!»

Царская фамилія оказывала постоянныя милости и ласки Карамзину. Благоволеніе къ нему Александра равнялось его чистой, безкорыстной преданности престолу. Никогда, быть можетъ, не выражались съ такимъ достоинствомъ взаимныя отношенія двухъ лицъ, такъ далеко стоявшихъ другъ отъ друга по своему положенію. Подданный не искалъ у Государя никакихъ для себя благъ, и Государь цѣнилъ эту независимую въ себѣ любовь подданнаго. Нѣсколько разъ было ему предлагаемо мѣсто министра народнаго просвѣщенія, но онъ постоянно отъ него отказывался, довольствуясь титуломъ исторіографа и личнымъ благоволеніемъ къ нему Государя. «Я привязанъ къ Нему болѣе, чѣмъ когда либо», писалъ Карамзинъ гр. Каподистріи (1825), «не помышляя ни о какихъ особенныхъ милостяхъ, ни о какомъ вліяніи, т. е. ни мало не тревожась тѣмъ, что не имѣю никакого вліянія (¹). Государь часто видался съ Карамзинымъ. Лѣтомъ онъ почти ежедневно бесѣдовалъ съ нимъ въ большой аллеѣ царскосельскаго сада, которую прозвалъ своимъ *зеленымъ* кабинетомъ. «Исторія государства россійскаго» печаталась безъ цензуры; цензоромъ былъ самъ Государь: онъ просматривалъ ее въ рукописи, которая посылалась къ

ѣдова къ Степану Никитичу Бѣгичеву (1860). Малиновскій былъ сенаторомъ и управлялъ Московскимъ архивомъ иностранныхъ дѣлъ. Въ Письмахъ къ И. Дмитріеву (1866) выражается тоже чувство и постоянное намѣреніе воротиться въ Москву и окончить тамъ свою жизнь.

¹) Письмо на фран. яз. въ Неизд. соч., ч. I; русскій переводъ въ соч. Жуковскаго.

нему и въ то время, когда онъ уѣзжалъ за границу. Такъ онъ читалъ царствованіе Ѳедора Ивановича на пути въ Верону (1822) и, возвращая тетради, писалъ автору: «Если послѣ сего чтенія встрѣтилъ бы я васъ, на прогулкѣ нашей ежедневной въ Царскомъ Селѣ, то, можетъ быть, дозволилъ бы я себѣ войти съ вами въ разсужденіе о трехъ или четырехъ выраженіяхъ, возбудившихъ нѣкое сомнѣніе во мнѣ о ихъ правильности (¹). Нѣкоторыя примѣчанія Государя совѣтовали Карамзину смягчить отзывы о Польшѣ. Карамзинъ отвѣчалъ на это (1824): «Слѣдуя Вашему замѣчанію, я съ особеннымъ вниманіемъ просмотрѣлъ тѣ мѣста, гдѣ говорится о полякахъ, союзникахъ Лжедимитрія: нѣтъ, кажется, ни слова обиднаго *для народа;* описываются только худыя дѣла *лицъ*, и такъ, какъ сами польскіе историки описывали ихъ или судили. Я не щадилъ и Русскихъ, когда они злодѣйствовали или срамились. Употребляю предпочтительно имя *Ляховъ* для того, что оно короче, пріятнѣе для слуха, и въ сіе время (т. е. въ XVI или XVII вѣкѣ) обыкновенно употреблялось въ Россіи» (²). Первыя три главы XII-го тома были читаны Государемъ въ 1825 году, на возвратномъ пути изъ Варшавы въ Царское Село. Наконецъ другія главы того же тома служили послѣднимъ чтеніемъ Императора Александра I: рукопись, присланная изъ Таганрога по кончинѣ Государя, была возвращена автору не задолго до его смерти. Награжденный чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника (1824), историкъ отвѣчалъ на извѣщеніе слѣдующимъ письмомъ: «Въ лицѣ исторіографа приношу Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйшую благодарность за чинъ, которымъ Вы хотѣли изъявить *для публики* вниманіе къ трудамъ, небезполезнымъ, можетъ быть, и въ государственномъ смыслѣ» (³). Смерть Государя поразила Карамзина глубокою горестью, которую онъ изливалъ въ письмахъ и къ брату и къ И. И. Дмитріеву. «Александра», писалъ онъ первому, «любилъ я какъ человѣка, какъ искренняго, добраго, милаго пріятеля, если смѣю такъ сказать: онъ самъ называлъ меня своимъ *искреннимъ*. Его величіе и слава, конечно, давали этой связи еще особенную для меня прелесть. Не думалъ я пережить его и надѣялся оставить въ немъ покровителя моимъ дѣтямъ. Да будетъ воля Божія! Привязанность моя къ нему осталась безкорыстною» (⁴). «Мнѣ

---

¹) Переписка Карамзина съ Императоромъ Александромъ I (1822—25) въ 1 ч. Неизд. Соч.

²) Ib. стр. 28—29 (письма 6 и 8).

³) Ib. стр. 31 (письмо 11, служащее отвѣтомъ на письмо Государя подъ № 10).

⁴) Атеней, 1858, № 28, стр. 117.

хочется болѣе плакать, нежели писать о немъ», говоритъ онъ въ одной изъ бумагъ, оставленныхъ сыновьямъ. «Я любилъ его искренно и нѣжно, любилъ человѣка, красу человѣчества своимъ великодушіемъ, милосердіемъ, незлобіемъ рѣдкимъ. Не боюсь встрѣтиться съ Нимъ на томъ свѣтѣ, о которомъ мы такъ часто говорили, оба не ужасаясь смерти, оба вѣря Богу и добродѣтели[1].

Однакожъ не смотря на такія близкія отношенія подданнаго къ монарху, слова Карамзина, что онъ не имѣлъ никакого вліянія, остаются въ своей силѣ. Ходатайство его по дѣламъ частныхъ лицъ, конечно, уважалось. Такъ, между прочимъ, онъ обратилъ благотворное вниманіе Государя на судьбу семейства Новикова; также точно А. И. Тургеневъ былъ обязанъ ему тѣмъ, что остался на службѣ, послѣ увольненія своего отъ должности директора департамента духовныхъ дѣлъ, и получалъ полное жалованье [2]. Но относительно предметовъ государственныхъ, о которыхъ онъ бесѣдовалъ съ Александромъ, десятилѣтняя милость и довѣренность вѣнценосца, какъ онъ самъ выразился, остались безплодны. Государь, большею частію, не слѣдовалъ его совѣтамъ, хотя всегда выслушивалъ ихъ кротко, терпѣливо, съ неизъяснимою любезностью. Въ 1819 г., по поводу намѣренія Государя возстановить Польшу въ ея цѣлости (въ предѣлахъ до перваго ея раздѣла), Карамзинъ читалъ ему свою записку, подъ названіемъ «Мнѣніе русскаго гражданина» [3], въ которой объяснялъ, что «возстановленіе Польши будетъ паденіемъ Россіи». Въ «Новомъ прибавленіи для потомства» [4], написанномъ чрезъ шесть лѣтъ послѣ Записки, Карамзинъ замѣтилъ: «правда, Россія удержала свои польскія области; но болѣе счастливыя обстоятельства, нежели мои слезныя убѣжденія, спасли Александра отъ дѣла равно бѣдственнаго и несправедливаго: по крайней мѣрѣ такъ сказалъ онъ мнѣ въ ноябрѣ 1824 года» [5]. Были и другіе важные предметы, о которыхъ Карамзинъ велъ разговоры съ Государемъ, стараясь своими мнѣніями подѣйствовать на его волю: «я не безмолвствовалъ», говоритъ онъ, «о налогахъ въ мирное время, о нелѣпой Г... [6] системѣ финансовъ, о грозныхъ военныхъ поселеніяхъ, о странномъ выборѣ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ сановниковъ, о мини-

---

[1]) Неизд. сочин., ч. I, стр. 12.

[2]) Письмо къ Тургеневу (1824). Москвит. 1855, №№ 23 и 24.

[3]) Она извѣстна также подъ именемъ «Записки о Польшѣ» (нап. въ Неизд. соч.).

[4]) Стр. 11.

[5]) Ib. стр. 11.

[6]) Министра финансовъ, Гурьева.

стерствѣ просвѣщенія или затмѣнія (1), о необходимости уменьшить войско, о мнимомъ исправленіи дорогъ, столь тягостномъ для народа, наконецъ о необходимости имѣть твердые законы, гражданскіе и государственные (2). Бесѣды Карамзина съ Императоромъ, съ глазу на глазъ, продолжавшіяся иногда по нѣскольку часовъ сряду, выказали въ немъ неизмѣнно-твердый патріотизмъ, такъ что онъ записку свою о Польшѣ, угрожавшую ему царскою немилостью, не безъ причины назвалъ «мнѣніемъ русскаго гражданина» и имѣлъ право обратиться къ потомству съ такими словами: «Потомство! достоинъ ли я былъ имени гражданина россійскаго? любилъ ли отечество? вѣрилъ ли добродѣтели? вѣрилъ ли Богу?... Я не зналъ нужды по своей бережливости и по милости Божіей, но не имѣлъ достатка, имѣя многочисленное семейство, безъ способовъ воспитывать дѣтей, какъ бы мнѣ хотѣлось (3).

По смерти Александра, Карамзинъ намѣревался, кончивъ 12-ый томъ Исторіи, удалиться отъ двора, въ Москву или въ нѣмецкую землю, для воспитанія сыновей, такъ какъ ученіе въ Петербургѣ и труднѣе, и дороже. Болѣзненные припадки стали чаще задерживать его работу. Силы его слабѣли, меланхолія увеличивалась. Письмо къ Каподистріи (1825) трогательнымъ образомъ знакомитъ насъ съ тѣмъ состояніемъ, въ какомъ находился Карамзинъ не задолго до кончины Государя и за годъ до своей собственной смерти; оно же показываетъ, что историкъ ясно сознавалъ достоинства своего характера и свои заслуги передъ отечествомъ:

Мои скопляющіеся годы, шаткость моего здоровья, печальныя обстоятельства, насъ разлучающія и которымъ конца не вижу, все это заставляетъ меня думать, что прошедшее для меня уже не возвратится. Но въ утѣшеніе себѣ говорю: «Хотя онъ и далеко, но онъ объ насъ помнитъ: а мы безсмертны. Соединеніе душъ не прекращается съ жизнію матеріальною: пережившій сохраняетъ воспоминаніе; отшедшій, быть можетъ, болѣе выигрываетъ, нежели теряетъ. Земные путешественники слишкомъ разсѣянны: имъ нѣтъ досуга заботиться о дружбѣ; не прежде, какъ бросивъ свой посохъ, мы можемъ предаться вполнѣ привязанностямъ своего сердца; тогда растерянное во времени будетъ отыскано въ вѣчности.»—Такіе разговоры съ самимъ собою занимаютъ меня теперь гораздо болѣе всѣхъ разговоровъ въ обществѣ: они сохраняютъ теплоту моей души, которая мнѣ еще нужна для моего милаго семейства, для моихъ друзей, для моей Исторіи, подвигающейся къ окончанію (даръ отъ меня

1) Разумѣется управленіе Шишкова, въ 1824 г. замѣстившаго князя А. Н. Голицына.

2) Неизд. соч., стр. 11 и 12.

3) «Для потомства» (Неизд. соч. I, стр. 9).

потомству, если оно его приметъ; если же нѣтъ, то нѣтъ). Такъ! я старѣюсь, не угасая (быть можетъ придетъ и то). О! какъ я люблю еще моихъ товарищей путешествія! какъ трогаетъ меня ихъ бѣдная участь! какъ вся душа моя полна жалости для стольких близкихъ, для стольких народовъ!...

Мы на сихъ дняхъ переѣхали въ Петербургъ изъ Царскаго Села, гдѣ прожили болѣе двухъ мѣсяцевъ въ ненарушимомъ уединеніи: какъ далеко была отъ меня скука въ тѣ минуты, когда я не страдалъ физически! Сколько глубокихъ наслажденій находилъ я въ этомъ ежедневномъ досугѣ, въ кругу моего семейства, иногда одинъ совершенно. Работа, чтеніе, осеннія, не рѣдко ночныя прогулки имѣли для меня прелесть неизъяснимую. Не слишкомъ боясь смерти, иногда смотря на нее съ какимъ-то радушіемъ и любя повторять съ Ж. Ж. Руссо, что *засыпающій на рукахъ отца беззаботенъ о своемъ пробужденіи*, я допиваю по каплямъ сладкое бытіе земное; я радуюсь имъ по-своему, непримѣтно для зависти. Подходя къ концу жизни, я благодарю Бога за все, что Онъ мнѣ даровалъ въ ней; можетъ быть ошибаюсь, но совѣсть моя спокойна; милое отечество ни въ чемъ не упрекнетъ меня; я всегда былъ готовъ служить ему, сохраняя достоинство своего характера, за который ему же обязанъ отвѣтствовать: и что же? я могъ описать одни только варварскія времена его Исторіи; меня не видали ни на полѣ сраженія, ни въ совѣтахъ государственныхъ; зная однако, что я не трусъ и не лѣнивецъ, говорю самому себѣ: «такъ было угодно Богу», и, не имѣя смѣшной авторской спеси, вхожу не стыдясь въ общество нашихъ генераловъ и нашихъ министровъ.

Какъ бы предчувствуя, что съ окончаніемъ историческаго труда приближается и смерть, Карамзинъ писалъ Дмитріеву (1826):

Списываю вторую главу Шуйскаго: еще главы три съ обозрѣніемъ до нашего времени, и поклонъ всему міру, не холодный, но съ движеніемъ руки на встрѣчу потомству, ласковому или спесивому, какъ ему угодно. Признаюсь, желаю довершить съ нѣкоторою полнотою духа, правотою сердца и воображенія. Близко, близко, но еще можно не доплыть до берега. Жаль, если захлебнусь съ перомъ въ рукѣ до пункта, или перо выпадетъ изъ руки отъ какого нибудь удара. Но да будетъ воля Божія[1].

Собираясь, по настоянію врачей, въ Италію и затрудняясь въ средствахъ ѣхать туда и жить внѣ отечества, Карамзинъ желалъ занять мѣсто повѣреннаго въ дѣлахъ, если бы оно открылось. Онъ обратился съ просьбой о томъ къ Императору Николаю I. Государь, принявъ живѣйшее участіе въ возстановленіи его здоровья, повелѣлъ изготовить фрегатъ, который долженъ былъ отвезти его въ Марсель. При этомъ Карамзинъ получилъ слѣдующій высочайшій рескриптъ:

Николай Михайловичъ!

Разстроенное здоровье ваше принуждаетъ васъ покинуть на время отечество и искать благопріятнѣйшаго для васъ климата.

---

[1]) Атеней 1858, стр. 118.

Почитаю за удовольствіе изъявить вамъ мое искреннее желаніе, чтобъ вы скоро къ намъ возвратились съ обновленными силами и могли снова дѣйствовать для пользы и чести отечества, какъ дѣйствовали донынѣ. Въ то же время, и за покойнаго Государя, знавшаго на опытѣ вашу благородную, безкорыстную къ Нему привязанность, и за Себя Самого, и за Россію, изъявляю вамъ признательность, которую вы заслуживаете и своею жизнію какъ гражданинъ, и своими трудами какъ писатель. Императоръ Александръ сказалъ вамъ: Русскій народъ достоинъ знать свою Исторію. Исторія, вами написанная, достойна Русскаго народа.—Исполняю то, что желалъ, чего не успѣлъ исполнить братъ Мой. Въ приложенной бумагѣ найдете вы изъявленіе воли Моей, которая, будучи съ Моей стороны одною только справедливостію, есть для Меня и священное завѣщаніе Императора Александра. Желаю, чтобы путешествіе было вамъ полезно и чтобы оно возвратило вамъ силы, для довершенія главнаго дѣла вашей жизни.

Николай.

Въ приложенномъ къ рескрипту указѣ повелѣно было производить Карамзину, по случаю его отъѣзда за границу для излеченія, по 50 тысячъ руб. въ годъ съ тѣмъ, чтобы сія сумма, обращаемая ему въ пенсію, послѣ него была производима сполна его женѣ, а по смерти ея также сполна и дѣтямъ, — сыновьямъ до вступленія всѣхъ ихъ на службу, а дочерямъ до замужества послѣдней изъ нихъ.

Но Карамзинъ уже не былъ въ силахъ покинуть отечество: онъ умеръ 22 мая 1826 и похороненъ въ Александроневской Лаврѣ. На надгробномъ его камнѣ вырѣзаны слова: «Блажени чистіи сердцемъ». Въ Симбирскѣ воздвигнутъ ему памятникъ 1845 г.

Карамзинъ принадлежитъ къ числу самыхъ достопамятныхъ людей русской земли. Память его священна для каждаго изъ насъ. Онъ, первый, своимъ талантомъ, образованностью и нравственными качествами возвысилъ званіе литератора въ нашемъ отечествѣ. Не обладая геніемъ Ломоносова и Пушкина, онъ не имѣлъ и тѣхъ недостатковъ, которые равно предосудительны какъ въ геніальныхъ людяхъ, такъ и въ обыкновенномъ смертномъ. Лучшія стороны европейской цивилизаціи высказывались въ немъ достойнѣе, чѣмъ онѣ высказываются многими изъ великихъ ученыхъ и первоклассныхъ поэтовъ. Во всѣхъ своихъ дѣлахъ и мнѣніяхъ онъ руководствовался чистыми побужденіями. Можно было не соглашаться съ его образомъ мыслей; но нельзя было сомнѣваться въ благородствѣ души его: оно стояло внѣ всякой критики. Какъ писатель, онъ имѣлъ враговъ; какъ характеръ, онъ пользовался общимъ

уваженіемъ. Никому не далъ онъ повода заподозрить себя во лжи, зависти, лицемѣріи, искательствѣ. Никогда онъ не старался извлекать лично для себя выгоды изъ своего положенія, которымъ другой на его мѣстѣ не преминулъ бы воспользоваться всѣми силами и мѣрами. Онъ имѣлъ право гордиться своею независимостью, сказавъ, что «завоевалъ ее миромъ совѣсти и довѣренностію къ провидѣнію». Его отношенія къ людямъ отличались постояннымъ благорасположеніемъ, которое онъ самъ называлъ «добродѣтелью общежитія, слѣдствіемъ утонченнаго человѣколюбія». Онъ почиталъ своимъ долгомъ оказывать привѣтъ и ласку кому бы то ни было. Каждый, имѣвшій съ нимъ дѣло, получалъ выгодное о немъ мнѣніе. Въ обращеніи Карамзина не замѣчалось даже того, что объясняется выходками дурнаго расположенія духа и что такъ непріятно дѣйствуетъ на окружающихъ насъ людей. Письма Каменева, Записки К. Калайдовича и Вигеля, и многія другія свидѣтельства согласно говорятъ о его благодушіи и гуманности, этихъ наилучшихъ украшеніяхъ человѣка. Скромность, его отличавшая, не мѣшала ему сознавать свои достоинства и доблестныя заслуги. Это благородное сознаніе дозволяло ему безъ стыда входить въ общество генераловъ и сановниковъ; оно же побудило его сказать въ письмѣ къ женѣ: «я ничто передъ лицемъ Бога, но открыто и смѣло смотрю въ глаза людямъ».

Приводимъ слѣдующія строки изъ превосходнаго изображенія доблестной личности Карамзина:

«Значеніе Карамзина не исчерпывается его литературными заслугами, какъ ни важны онѣ, не исчерпываются даже и великимъ трудомъ его жизни, «Исторіей Государства Россійскаго». Карамзинъ дорогъ для насъ не тѣмъ только, что̀ онъ сдѣлалъ, но и чѣмъ онъ былъ. Въ исторіи нашего юнаго образованія онъ представляетъ собою одинъ изъ самыхъ привлекательныхъ типовъ, въ которомъ гармонически сочеталось все, что только можетъ быть сочувственно и дорого для просвѣщеннаго и мыслящаго русскаго человѣка. Въ немъ все пополняется одно другимъ и нѣтъ ничего, что̀ искупалось бы какимъ-либо печальнымъ недостаткомъ: въ немъ все поднимаетъ ваше чувство и ничто не роняетъ его; какъ бы вы ни подошли къ нему и чего бы вы ни затребовали, вездѣ и во всемъ, много-ли, мало-ли онъ дастъ вамъ, но нигдѣ онъ у васъ ничего не отниметъ, нигдѣ и ни въ чемъ не оскорбитъ васъ. Для нашихъ поколѣній, посреди броженія умовъ и сбивчивости направленій, типическій образъ Карамзина не только привлекателенъ, но и весьма поучителенъ.

«Онъ былъ Русскій не только по рожденію, но и по чувству; всею жизнію своею и дѣятельностію, столь плодотворною, принадлежалъ онъ Россіи. Но въ своемъ качествѣ Русскаго, онъ былъ человѣкъ и ничто человѣческое не считалъ себѣ чуждымъ; онъ былъ сынъ всемірной цивилизаціи. Качество Русскаго и качество Европейца не были въ немъ дву-

ня чуждыми, другъ друга не знавшими силами, или двумя противными тяготѣніями; они не только не ссорились въ немъ, не только не отнимали другъ у друга мѣста, но были, какъ и слѣдуетъ, одною и тою же силой, и онъ былъ весь Русскій въ своемъ европейскомъ качествѣ, онъ былъ весь Европеецъ въ своемъ русскомъ чувствѣ. Онъ сходилъ во глубины нашего прошедшаго, изъ забытыхъ архивовъ воскресилъ онъ для русскаго народа память его давняго, темнаго минувшаго; но онъ остался сыномъ своей эпохи, и корни прошедшаго любилъ онъ въ цвѣтѣ настоящаго. Никто изъ его сверстниковъ не сдѣлалъ такъ много для русской народности, но онъ не былъ доктринеромъ какой-либо народной школы. Кто болѣе его любилъ Россію, кто былъ ревнивѣе къ ея достоинству, величію и чести? Въ комъ чище и сильнѣе горѣло святое пламя патріотизма? И однако никто изъ современныхъ ему дѣятелей не былъ болѣе его предметомъ слѣпой вражды доктринеровъ народности, полагавшихъ ея силу въ скованныхъ ими самими «шаропихахъ» и «мокроступахъ». Въ немъ жило на все отзывавшееся поэтическое чувство, и въ тоже время онъ былъ высоко одаренъ здравымъ смысломъ дѣйствительности, и воображеніе мирилось въ немъ съ ясностію трезваго разума. Въ вѣкъ вольнодумства и отрицанія онъ былъ христіанинъ, искренно и глубоко убѣжденный, но религіозное чувство было свободно въ немъ отъ фанатизма и нетерпимости, и онъ умѣлъ отличать существенное отъ случайнаго, внутреннее отъ внѣшняго. Человѣкъ свѣтскаго образованія, онъ являетъ собою поучительный примѣръ постояннаго, упорнаго и усидчиваго труда; не будучи ученымъ, ни по приготовленію, ни по призванію, онъ въ себѣ являетъ намъ образецъ изслѣдователя, который не останавливается предъ трудностями, и это въ то время, когда дѣло науки въ Россіи было еще такъ скудно и слабо. Онъ былъ писатель, доводившій свое выраженіе до классической оконченности. Онъ былъ политическимъ дѣятелемъ, хотя и не находился на офиціальныхъ поприщахъ государственной службы. Не смотря на то, что его время представляло мало условій для политическаго образованія, онъ обладалъ удивительно зрѣлымъ политическимъ умомъ, который онъ воспиталъ и укрѣпилъ своими историческими изученіями. Онъ не былъ придворнымъ, но находился въ самыхъ близкихъ, можно сказать дружескихъ отношеніяхъ къ членамъ царской семьи и къ самому Государю, который съ нимъ переписывался. Его переписка съ Императоромъ Александромъ Павловичемъ, Императрицею Елизаветою Алексѣевною и великою княгинею Екатериною Павловною исполнена удивительной искренности, простоты и человѣчности. И, конечно, изъ числа людей, самыхъ приближенныхъ къ Императору, никто не былъ преданъ ему болѣе Карамзина, но никакого раболѣпства ни въ дѣйствіяхъ, ни въ словахъ его. Чувство подданнаго въ Карамзинѣ, этомъ свѣтломъ представителѣ нашей народности, не было чувствомъ раба. Благоговѣя предъ святынею верховной власти, глубоко чувствуя и ясно разумѣя силу семейныхъ, общественныхъ и государственныхъ уставовъ, Карамзинъ представляетъ собою образецъ характера въ высокой степени независимаго и благороднаго. Онъ разумѣлъ всю цѣну порядка, но точно также понималъ онъ и цѣну свободы, и одно понималъ въ другомъ. Никто болѣе его не былъ чуждъ того поверхностнаго и пошлаго либерализма, который служитъ вѣрнымъ признакомъ умственной незрѣлости людей и политической незрѣлости обществъ; за то и никто болѣе его не обладалъ тѣмъ святымъ инстинктомъ свободы,

безъ котораго человѣкъ не можетъ имѣть никакого нравственнаго достоинства. Независимость его характера восходила до гражданскаго мужества» (¹).

§ 2. Изъ исчисленныхъ литературныхъ трудовъ Карамзина, въ «Московскомъ журналѣ» впервые выказалась самостоятельная его дѣятельность; важнѣйшимъ же отдѣломъ этого изданія служили заграничныя письма издателя.

Путешествіе было давнею, пріятнѣйшею мечтою Карамзина. Живучи въ Москвѣ съ Петровымъ, онъ началъ писать романъ и хотѣлъ въ воображеніи объѣздить именно тѣ земли, которыя дѣйствительно пришлось ему посѣтить. Въ одномъ письмѣ исчислены удовольствія и польза путешествія: чувство неоцѣненной свободы, по которой человѣкъ не прикованъ къ одному мѣсту, какъ животное, но можетъ переходить изъ климата въ климатъ и справедливо называется царемъ земнаго творенія; знакомство съ новыми предметами, которымъ самая душа какъ бы обновляется; мудрая связь общественности, благодаря которой мы повсюду находимъ всевозможныя удобства жизни, какъ бы нарочно для насъ придуманныя, и по которой жители всѣхъ странъ предлагаютъ намъ плоды трудовъ своихъ. Изъ этихъ новыхъ предметовъ европейской жизни Карамзинъ особенно интересовался плодами трудовъ умственныхъ и художественныхъ, произведеніями науки и литературы и ихъ производителями. Во многихъ его письмахъ выражена юношеская радость при состоявшейся наконецъ возможности личнаго знакомства съ современными учеными, поэтами и литераторами. Разсказъ о визитѣ Гердеру заключенъ такими словами: «пріятно, друзья мои, видѣть человѣка, который былъ намъ прежде столько извѣстенъ и дорогъ по своимъ сочиненіямъ, котораго мы такъ часто себѣ воображали или вообразить старались; теперь, мнѣ кажется, я еще съ большимъ удовольствіемъ буду читать произведенія Гердерова ума, воспоминая видъ и голосъ автора». Описавъ свой ужинъ съ лейпцигскими учеными, Карамзинъ прибавляетъ: «милые друзья мои! я вижу людей достойныхъ моего почтенія, умныхъ, знающихъ». Самая мѣстность получала въ его глазахъ особую цѣну по своему отношенію къ литературнымъ именамъ: такъ онъ смотрѣлъ съ отмѣннымъ удовольствіемъ на окрестности Цюриха, воспоминая Геснера, Клопштока, Бодмера, Виланда, Гете, Штольберга, Ленца. И потому главное содержаніе Писемъ русскаго путешественника составляютъ извѣстія объ ученыхъ и литераторахъ, современныхъ и прежняго

¹) Передовая статья «Моск. Вѣд.» (1866, № 254), написанная М. Н. Катковымъ.

времени, объ ихъ сочиненіяхъ и лекціяхъ, объ ученыхъ обществахъ и училищахъ, о библіотекахъ, кабинетахъ, музеяхъ. Въ письмахъ изъ Германіи и Швейцаріи, эти извѣстія занимаютъ четвертую часть. При свиданіи съ Кантомъ, Лафатеромъ и Боннетомъ Карамзинъ направлялъ рѣчь на важнѣйшіе предметы знанія, предлагалъ имъ вопросы о природѣ и нравственности человѣка, о философіи и философахъ, и въ ихъ отвѣтахъ думалъ найти рѣшеніе своихъ сомнѣній. Однимъ словомъ: умственные интересы, факты западнаго просвѣщенія служатъ выдающимся пунктомъ его путевыхъ замѣтокъ. Съ этой стороны, «Письма» были дѣйствительною новостію въ литературѣ русскихъ путешествій. Тогдашніе читатели еще не встрѣчали такого просвѣщеннаго сочувствія къ дѣятелямъ въ искусствѣ и наукѣ, и въ первый разъ знакомились какъ съ ихъ личностью, такъ и съ ихъ произведеніями. Искренно любя просвѣщеніе, твердо убѣжденный въ томъ, что оно есть сила, Карамзинъ выставлялъ преимущества цивилизованной жизни, дѣйствіе «мудрой связи общественности». Вотъ чѣмъ замѣчательны его письма, хотя, съ другой стороны, справедливо, что въ нихъ, по сознанію самого автора, много неважнаго и мелочей, что они часто обращаютъ вниманіе на внѣшность европейской цивилизаціи, и что современные интересы гражданскаго устройства и политики въ видѣнныхъ имъ странахъ мало ими затронуты, чего, впрочемъ, и нельзя было ожидать отъ двадцати-трехъ-лѣтняго путешественника. Достаточно и тѣхъ качествъ, которыя несомнѣнно принадлежатъ его письмамъ: вѣрности многихъ сужденій, сохраняющихъ и донынѣ свою силу, тонкости замѣтокъ о характерѣ французовъ, какъ причинѣ многихъ общественныхъ явленій, наконецъ интереса тѣхъ извѣстій, о которыхъ мы сейчасъ говорили и къ которымъ постоянно склонялась мысль путешественника.

Московскій журналъ (1791—1792) возникъ вскорѣ по возвращеніи Карамзина въ отечество. Мысль объ его изданіи и составѣ образовалась подъ вліяніемъ идей и впечатлѣній, вынесенныхъ путешественникомъ изъ за-границы. Онъ долженъ былъ служить и дѣйствительно служилъ продолженіемъ дѣла, начатаго «Письмами», которыя, въ журнальной программѣ, и стоятъ особой статьей, какъ бы особымъ отдѣломъ изданія. «Письма»—мы видѣли — знакомятъ русскую публику преимущественно съ личностями авторовъ и ихъ произведеніями; журналъ принималъ на себя туже обязанность: онъ наполнялся русскими сочиненіями въ стихахъ и прозѣ, переводами изъ лучшихъ иностранныхъ авторовъ, краткими ихъ біографіями и характеристиками, извѣстіями о важнѣйшихъ новостяхъ заграничной и отечественной словесности,

хроникою театровъ—парижскихъ и московскаго, т. е. отчетами о содержаніи и представленіи наиболѣе замѣчательныхъ піесъ. Литература составляла единственный его интересъ. Самъ Карамзинъ смотрѣлъ на свое изданіе, какъ на литературный пантеонъ. Нѣкоторыя статьи журнала и были потомъ перепечатаны въ «Пантеонѣ иностранной словесности» (1798), послѣ котораго не замедлилъ явиться «Пантеонъ россійскихъ авторовъ» (1801). Будучи сборникомъ произведеній русской и иностранной словесности, «Московскій журналъ» не имѣлъ особаго направленія, которымъ опредѣляется характеръ и цвѣтъ періодической прессы. Этимъ онъ отличался отъ сатирическихъ журналовъ Екатеринина времени. Къ «Ежемѣсячнымъ сочиненіямъ», Миллера, онъ относится, какъ собственно-литературный сборникъ къ сборнику учено-литературному. Програма его тѣснѣе. Но въ предѣлахъ чисто-литературнаго пространства, содержаніе журнала было и разнообразно, и занимательно. Херасковъ, Державинъ, Дмитріевъ, Нелединскій-Мелецкій, Подшиваловъ помѣщали въ немъ свои сочиненія. Изъ иностранныхъ писателей встрѣчаемъ имена Мармонтеля, Бартелеми, Мерсье, Флоріана, Морица, Коцебу, Мейстера, Гарве, Энгеля, Виланда. Но большая и конечно лучшая часть статей принадлежитъ самому Карамзину. Между ними самое видное мѣсто занимаютъ «Письма»; за тѣмъ слѣдуютъ повѣсти: «Бѣдная Лиза» и «Наталья, боярская дочь»; далѣе разборы новыхъ явленій литературы, отчеты объ игранныхъ піесахъ. Ни одно изъ періодическихъ изданій, одновременно выходившихъ съ «Московскимъ Журналомъ», ни въ какомъ отношеніи не выдерживали съ нимъ сравненія (¹). На издателѣ лежали всѣ труды по изданію. Онъ былъ и авторомъ, и критикомъ, и переводчикомъ. При немъ не находилось никакихъ постоянныхъ сотрудниковъ, которые въ наше время такъ усердно помогаютъ редактору или совсѣмъ замѣняютъ его. Да ему и негдѣ было взять ихъ: онъ только мечталъ— какъ о чемъ-то неосуществимомъ — объ обществѣ молодыхъ, дѣятельныхъ людей, одаренныхъ истинными способностями и готовыхъ, съ чувствомъ своего достоинства, посвятить себя литературѣ изъ благородной и безкорыстной любви къ добру. Источниками, но не точными образцами журнала служили иностранныя изданія— французскія, нѣмецкія и англійскія. Болѣе другихъ Карамзинъ имѣлъ въ виду «Французскій Меркурій» (Mercure de France), съ 1790 г. поступившій къ Мармонтелю, который, вмѣстѣ съ Ла-

---

¹) Замѣтимъ, что «Зритель» (1792), издававшійся въ Петербургѣ И. А. Крыловымъ, при главномъ сотрудничествѣ Клушина, находился во враждебныхъ отношеніяхъ къ Московскому Журналу (Письма Карамзина къ Дмитріеву).

гарпомъ, занимался ученымъ отдѣломъ журнала. Здѣсь появились новыя Мармонтелевы повѣсти (Вечера), переведенныя для русскихъ читателей. Благодаря разнообразію и занимательности, «Московскій журналъ» имѣлъ успѣхъ. Публика находила въ немъ пріятное чтеніе и по содержанію, и по языку. Большею частью журналы 1769—1774 существовали только одинъ годъ, и закрывались, не находя поддержки въ публикѣ. Карамзинъ же самъ прекратилъ свое изданіе не по недостатку подписчиковъ, число которыхъ на второй годъ увеличилось, а по собственной волѣ: онъ хотѣлъ заняться болѣе серьезными предметами, хотѣлъ, какъ онъ самъ говоритъ, учиться, а срочная работа мѣшала ученію. Впрочемъ этотъ успѣхъ «Московскаго журнала» измѣрялся скромною цыфрою, сравнительно съ числомъ подписчиковъ у современныхъ намъ журналовъ. На первый годъ онъ расходился въ числѣ 300 экземпляровъ, а Карамзинъ желалъ пяти сотъ, чтобы имѣть средства улучшить внѣшность изданія. Свидѣтельствомъ успѣха журнала служила и потребность въ новомъ изданіи, которое напечатано въ 1802—1803 г.

§ 3. Господствующій тонъ въ «Письмахъ» Карамзина—сентиментальный, объясняемый, съ одной стороны, природною наклонностью автора ко всему чувствительному, а съ другой—подражаніемъ иностраннымъ образцамъ, на которые въ то время была мода.

Начало сентиментализму въ литературѣ положено Томсоновой поэмой «Времена года» (1726), Ричардсоновымъ романомъ «Кларисса» (1748) и «Чувствительнымъ путешествіемъ» Стерна (1768), которому принадлежитъ и изобрѣтеніе слова «sentimental». Чрезвычайный успѣхъ «Клариссы» объясняется тѣми самыми обстоятельствами, по которымъ мѣщанская трагедія привлекала зрителей въ театръ ([1]). Какъ этотъ родъ драмы служилъ реакціей ложно-классическимъ трагедіямъ, такъ и Ричардсоновъ романъ былъ поворотомъ отъ романтическихъ сказокъ и героическихъ исторій къ повѣсти о вседневной домашней жизни, съ ея радостями и страданіями, съ ея мелкими случайностями и великими, не всегда и не для всѣхъ замѣтными жертвами. Тамъ и здѣсь поэзія замѣняла холодный идеализмъ истиной и дѣйствительностью, величіе родоваго или общественнаго положенія лицъ внутреннимъ, человѣческимъ ихъ достоинствомъ, условныя формы и торжественный тонъ простотою и естественностью рѣчи. Карамзинъ понималъ существенное значеніе Ричардсонова романа, какъ

[1]) См. 1 т. этой Исторіи.

видно изъ его извѣстія о русскомъ переводѣ «Клариссы»: «Ричардсонъ—искусный живописецъ моральной натуры человѣка.... Въ романѣ его — наилучшая философія жизни, предложенная наиприятнѣйшимъ образомъ... Написать романъ въ восьми томахъ, не прибѣгая ни къ чудесамъ, которыми эпическіе поэты стараются возбуждать любопытство въ читателяхъ, ни къ сладострастнымъ картинамъ, которыми многіе изъ новѣйшихъ романистовъ прельщаютъ наше воображеніе, и не описывая ничего, кромѣ самыхъ обыкновенныхъ сценъ жизни—не бездѣлица» ([1]). Руссо, почитавшій Клариссу лучшимъ англійскимъ романомъ, подражалъ ему въ «Новой Элоизѣ» (1761), которая оказала быстрое и могущественное дѣйствіе на европейскія литературы.

Стернъ назвалъ свое путешествіе «чувствительнымъ» потому, что оно описываетъ не столько внѣшній міръ, имъ видѣнный, сколько его собственный внутренній міръ—его впечатлѣнія и чувства. Это, говоря его словами, «путешествіе сердца къ природѣ и такимъ ощущеніямъ, которыя проистекаютъ изъ нея и побуждаютъ насъ любить ближнихъ и даже цѣлый міръ больше, нежели мы обыкновенно его любимъ». Между англійскими подражаніями Стерну замѣчателенъ романъ второстепеннаго писателя Макензи: «Чувствительный человѣкъ.» Въ Германіи Стерновскій тонъ былъ доведенъ до крайности Георгомъ Якоби: его «Лѣтнія и зимнія странствованія» ([2]) не описываютъ никакихъ явленій, а выражаютъ только смутныя ощущенія, возбужденныя въ душѣ путешественника природою двухъ противоположныхъ временъ года. По отношенію къ нашей литературѣ, важнѣе путешествія французскаго писателя Верна, котораго соотечественники величали Стерномъ. Ихъ два: «Чувствительный путешественникъ иля моя прогулка въ Иверденъ» и «Чувствительный путешественникъ по Франціи во время Робеспьера ([3]). Но они имѣли вліяніе не на самого Карамзина, а на его подражателей.

Съ Ричардсономъ знакомились мы и чрезъ его собственные романы: «Памелу» (1787), «Клариссу (1791—1792)» и «Грандиссона (1793—94)», и чрезъ французское ему подражаніе: «Новая Памела» (1788), и чрезъ русское подражаніе французскому подражанію: «Россійская Памела, или исторія Маріи, добродѣтельной поселянки» (1794). Авторъ послѣдней, Павелъ Львовъ, былъ ча-

---

[1]) Московъ. журналъ, 1791.

[2]) Winterreise (1769), Sommerreise (1770).

[3]) Le Voyageur sentimental ou ma promenade à Iwerdun (1781); Le Voyageur sentimental en France sous Robespierre.

сто осмѣиваемъ въ журналѣ Крылова «Зритель», подъ именемъ Антирихардсона. На ряду съ англійскимъ романистомъ ставили у насъ Бакюлара Арно или Арно старшаго, сочиненія котораго носятъ печать меланхолическаго, подъ часъ мрачнаго сентиментализма. Его повѣсти начали переходить въ нашу литературу еще съ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Особенною извѣстностью пользовались: «Батильда или торжество любви», а потомъ «Эльвиръ», въ переводѣ Кострова. Изъ сочиненій Стерна переведены, въ 1789 г., Письма Іорика, а въ 1793—Путешествіе; кромѣ того въ 1801 г., изданы: «Красоты Стерна, для чувствительныхъ сердецъ», и его же «Нравоучительныя рѣчи и нѣкоторыя нравственныя изреченія». Другія его сочиненія вышли позднѣе. Уваженіе къ таланту и манерѣ англійскаго юмориста доходило иногда до наивнаго паѳоса. Въ одномъ журналѣ ([1]) переводъ отрывка изъ «Новаго Іорика» сопровождается такимъ замѣчаніемъ: «*Безподобный* Стернъ! ты произвелъ многихъ подражателей, которые и чрезъ то уже имѣютъ въ глазахъ моихъ великую цѣну, что *тебѣ* подражали». Первая часть Новой Элоизы явилась еще въ 1769 г. ([2]); вполнѣ этотъ романъ переведенъ два раза: 1792—93 и 1804 г. Прибавимъ, что Ѳедоръ Эминъ подражалъ Элоизѣ въ «Письмахъ Эрнеста и Доравры» (1766) ([3]).

«Письма русскаго путешественника» видимо имѣли передъ собою классическій образецъ въ этомъ родѣ литературы—«Путешествіе Стерна», котораго Карамзинъ называетъ «оригинальнымъ живописцемъ чувствительности». Но подражать оригинальному автору возможно только при однородномъ съ нимъ талантѣ. Талантъ же Карамзина вовсе не былъ способенъ къ юмору, «озирающему міръ сквозь смѣхъ и слезы». Цѣлостное, неразложимое сочетаніе двухъ противоположныхъ элементовъ въ одномъ юмористи-

---

[1]) Пріятное и полезное препровожденіе времени.

[2]) Переводчикъ ея, гр. Павелъ Потемкинъ, передалъ на русскій языкъ два другія сочиненія Руссо: Разсужденіе о томъ, «возстановленіе наукъ и художествъ способствовало ли къ исправленію нравовъ» (1768) и Разсужденіе о началѣ и основанія неравенства между людьми (1770).

[3]) Здѣсь указаны только отдѣльныя изданія переводовъ. Но знакомство съ ихъ подлинниками началось, разумѣется, раньше. Переходъ чужеземнаго въ отечественную словесность представляетъ нѣсколько степеней: сначала движеніе иностранной литературы доходитъ до свѣдѣнія людей образованнѣйшихъ, имѣющихъ возможность знакомиться съ нею на ея языкѣ; потомъ его органомъ становится журналистика; далѣе являются переводы тѣхъ сочиненій, которыми оно обнаружилось или въ которыхъ сосредоточилось; наконецъ слѣдуютъ подражанія этимъ сочиненіямъ. Не всегда эти степени идутъ въ обозначенномъ порядкѣ: нерѣдко случается, что подражаніе предваряетъ переводы.

ческомъ потокѣ даже приходилось ему не по сердцу. Онъ осудилъ драму Коцебу: «Ненависть къ людямъ и раскаяніе», именно за то, что она заставляетъ зрителей въ одно и тоже время и плакать и смѣяться. Такой характеръ піесы онъ объясняетъ или отсутствіемъ вкуса въ авторѣ или нехотѣніемъ автора подчиняться законамъ вкуса. Въ слѣдствіе этого, подражаніе Стерну вышло у Карамзина одностороннимъ и не глубокимъ, хотя и нѣтъ никакого повода заподозрѣвать искренность чувствительности, разлитой по всѣмъ «Письмамъ», и напротивъ есть всѣ основанія утверждать, что она вполнѣ чистосердечна, какъ естественное проявленіе—съ одной стороны, природнаго свойства его души, а съ другой—его понятія о пользѣ и необходимости этого свойства для авторской дѣятельности. Карамзинъ самъ называетъ себя въ письмахъ чувствительнымъ путешественникомъ; самъ говоритъ, что повѣсть: «Наталья боярская дочь» (1792) написана «для однѣхъ чувствительныхъ душъ, вѣрующихъ въ симпатію сердецъ». Изъ окончанія статьи: «Нѣчто о наукахъ, искусствахъ и просвѣщенія» (1793) видно, что лучшимъ качествомъ своихъ сочиненій, достойнымъ памяти потомства, онъ признавалъ отраженіе души и сердца. Однихъ талантовъ и знаній недостаточно писателю: онъ долженъ имѣть и доброе, нѣжное сердце, «если хочетъ быть другомъ и любимцемъ души нашей, если хочетъ, чтобы дарованія его сіяли свѣтомъ немерцающимъ, если хочетъ писать для вѣчности и собирать благословеніе народовъ». Назначеніе искусства, по мнѣнію Карамзина—распространять пріятныя впечатлѣнія «въ области чувствительнаго». Романистъ, историкъ сообщаютъ своимъ повѣствованіямъ прелесть и силу только при дѣйствіи чувствительности: «ты хочешь быть авторомъ? читай исторію несчастій рода человѣческаго: и если сердце твое не обольется кровію—оставь перо, или оно изобразитъ намъ хладную мрачность души твоей... Однимъ словомъ: дурной человѣкъ не можетъ быть хорошимъ авторомъ».

Изъ этой-то «области чувствительнаго» Карамзинъ заимствовалъ сюжетъ своей повѣсти: «Бѣдная Лиза» (1792). Въ настоящее время трудно представить себѣ силу впечатлѣнія, произведеннаго небольшимъ разсказомъ, который не заключаетъ въ себѣ ничего особеннаго ни по интригѣ, ни по развитію психологическому. Однакожъ чрезвычайный успѣхъ повѣсти есть несомнѣнный фактъ. Симоновъ монастырь съ его окрестностями, гдѣ жила Лиза, сдѣлался любимымъ мѣстомъ для сентиментальныхъ прогулокъ. Посѣтители и посѣтительницы, гуляя по берегамъ пруда, въ который съ тоски и отчаянія бросилась героиня, мечтали о несчастной судьбѣ ея и вырѣзывали начальную букву ея имени на прибреж-

ныхъ березахъ [1]. Одни ставили себя на мѣстѣ Эраста, другія страшились быть обманутыми въ любви. Стихотворцы славили автора или сочиняли элегіи «къ праху бѣдной Лизы». А сколько слезъ было пролито при чтеніи повѣсти! сколько подражаній ей написано! Одинъ изъ журналовъ замѣтилъ, что, увлекаясь Карамзинымъ, наши авторы не оставили ни одного монастыря въ покоѣ. Бѣдная Лиза стала забываться только съ того времени, какъ явилась Людмила Жуковскаго (1808).

Необыкновенный успѣхъ повѣсти объясняется тѣмъ, что она была первымъ талантливымъ произведеніемъ въ новомъ, сентиментальномъ, направленіи повѣствовательной поэзіи. До нея уже многіе виды романа перебывали въ нашей литературѣ, постоянно слѣдовавшей за движеніемъ литературъ европейскихъ; но въ ближайшее къ ней время, какъ мы видѣли изъ отзыва Карамзина о Ричардсоновой Клариссѣ, стояли на виду романы героическіе. Идеаломъ ихъ служили баснословныя или, по крайней мѣрѣ, древнеисторическія личности, поднимавшіяся высоко надъ породою обыкновенныхъ смертныхъ. Разсказъ объ ихъ приключеніяхъ большею частію имѣлъ цѣль поучительную; онъ доставлялъ романисту возможность выговаривать, въ бесѣдахъ между дѣйствующими лицами, свои понятія о философіи, политикѣ, морали. Прототипомъ ихъ былъ Фенелоновъ Телемакъ, за которымъ слѣдовали: Киропедія, Жизнь Сиѳа, царя египетскаго, Похожденія Неоптолема, Ахиллесова сына, и многіе другіе. Къ числу оригинальныхъ сочиненій въ этомъ родѣ относятся сочиненія Ѳедора Эмина и Хераскова. Первый написалъ «Приключенія Ѳемистокла и разные политическіе, гражданскіе, философическіе, физическіе и военные съ сыномъ своимъ разговоры» (1763); второму мы одолжены двумя эпическими повѣствованіями: «Кадмъ и Гармонія» (1789) и «Полидоръ, сынъ Кадма и Гармоніи» (1794) [2]. Въ слѣдъ за этими прозаическими эпопеями надобно поставить романы, интересъ которыхъ сосредоточивался не на той или другой тенденціи, выступавшей изъ разсказа о приключеніяхъ, а на самыхъ приключеніяхъ, болѣе или менѣе запутанныхъ. Они водили своего героя— не полубога или дѣятеля глубокой старины, а простаго смертнаго—по морямъ и по сушѣ, словно хитроумнаго Улисса, или заставляли его перебывать, какъ Жильблаза, въ разныхъ состояніяхъ жизни, чтобы въ первомъ случаѣ познакомить читателя съ

---

[1]) Къ отдѣльному изданію «Бѣдной Лизы» (1797) приложена картинка, изображающая прудъ и деревья съ вырѣзанными на нихъ вензелями.

[2]) Упомянемъ еще объ «Арфаксадѣ, халдейской повѣсти» (1793—96), и о «Приключеніяхъ Клеандра, храбраго царевича лакедемонскаго» (1798).

природой и жителями чужеземныхъ государствъ, а во второмъ— съ характеромъ общественныхъ разрядовъ и званій. Карамзинъ находилъ эти романы полезными, такъ какъ они сообщаютъ публикѣ энциклопедическія познанія, преимущественно по географіи и натуральной исторіи. Въ разговорѣ съ Каменевымъ онъ утверждалъ, что «ничѣмъ больше нельзя усовершенствовать себя въ истинѣ, какъ прилежнымъ чтеніемъ подобныхъ книгъ». Что касается до романовъ соблазнительнаго содержанія, то они, по самому свойству изображаемыхъ лицъ и событій, не допускающихъ идеализаціи, выказывали болѣе правдоподобія, болѣе согласія съ дѣйствительною жизнію, но это достоинство не избавляло ихъ отъ другихъ важныхъ недостатковъ: цинизма сладострастныхъ картинъ, ласкательства животнымъ инстинктамъ и вообще легкомысленнаго отношенія къ нравственному чувству. Повѣсть А. Измайлова: «Евгеній или пагубныя слѣдствія дурнаго воспитанія и общества» (1799—1801) даетъ намъ понятіе о романахъ этого разряда. Ее нельзя пройти молчаніемъ, потому что она во многомъ отражаетъ тогдашнюю русскую жизнь извѣстныхъ классовъ общества: нѣкоторыя лица, ею очерченныя, нѣкоторыя случайности, въ ней разсказанныя, провѣряются и подтверждаются характеристикою нравовъ прошлаго столѣтія въ сатирическихъ журналахъ Екатеринина времени.

Если скандалезная хроника возмущала нравственное чувство читателей, то героическое повѣствованіе не могло вполнѣ удовлетворить ихъ ни выборомъ дѣйствующихъ лицъ, ни диковинными ихъ приключеніями, ни философскими бесѣдами, для которыхъ сюжетъ нерѣдко служилъ только рамкою. Дѣйствующія лица слишкомъ удалены отъ обыкновенной жизни по своей породѣ, общественному положенію, духовнымъ и тѣлеснымъ силамъ. Они были герои и героини, въ высшемъ значеніи этого слова, исключительные счастливцы или несчастливцы, на долю которыхъ выпадало то, что въ насущномъ быту человѣка или вовсе не является или является какъ чудо. По ихъ чрезвычайнымъ подвигамъ нельзя было измѣрять обыкновенной исторіи человѣка,—того, въ чемъ проходятъ дни и годы цѣлыхъ поколѣній. Они не затрогивали ни чувства народности, ни чувства общечеловѣчности, такъ какъ послѣдняя выражается всѣмъ извѣстными и всѣмъ доступными фактами, а не такими, какіе трудно и вообразить себѣ безъ предсказаній оракула. Не встрѣчая въ повѣсти объ ихъ похожденіяхъ близкаго себѣ интереса, читатель оставался къ нимъ равнодушенъ. Отсутствіе возможныхъ съ ними связей не вознаграждалось ни разсужденіями, часто умными и дѣльными, но часто и утомительными, ни раз-

сѣянными по роману историко-географическими указаніями, какъ бы они ни были полезны. Большинство читающихъ ищетъ въ романѣ пріятныхъ впечатлѣній на воображеніе и чувство, а не обогащенія ума идеями и познаніями.

Мѣщанская драма и Ричардсоновы романы низвели поэтическій вымыселъ изъ надземнаго героизма въ среду ежедневно переживаемой нами жизни. Къ этому роду повѣстей относится и «Бѣдная Лиза». Она понравилась современному образованному классу не столько сюжетомъ и внѣшнею обстановкой, сколько внутреннимъ содержаніемъ; другими словами: въ ней выраженіе національныхъ особенностей уступаетъ выраженію общечеловѣческаго элемента. Впрочемъ и мѣстный колоритъ соблюденъ въ ней до извѣстной степени. Мѣсто дѣйствія—Симоновъ монастырь съ его окрестностями—описано вѣрно, о чемъ свидѣтельствуетъ Каменевъ въ письмѣ къ своему казанскому пріятелю. Имя героя (Эрастъ) хотя и звучитъ романически, но взято изъ русскихъ святцевъ. Добросердечный и въ тоже время вѣтрѣный и слабовольный, онъ легко могъ встрѣчаться въ кругу тогдашней молодежи, какъ въ кругу молодежи всякаго времени. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что такому человѣку, начитавшемуся идиллій и романовъ и мечтавшему о природной простотѣ, понравилась миловидная крестьянка. Вещь также возможная, что и крестьянка полюбила молодаго, привѣтливаго барина. Другое дѣло—образъ мыслей Лизы и ея матери, характеръ ихъ чувствъ, способъ ихъ выраженія: все это, конечно, не соотвѣтствуетъ крестьянскому быту, и съ этой стороны дѣйствующія лица не типы, а идеализація, заимствованная у пасторальной поэзіи. Но строго осуждать за то автора значило бы измѣнять требованіямъ исторической критики литературныхъ произведеній. Въ то время, вымыселъ, своимъ близкимъ воспроизведеніемъ дѣйствительной жизни, даже не понравился бы читателямъ. Если они, наравнѣ съ журналами, одобряли идилліи, выходившія много лѣтъ спустя послѣ «Бѣдной Лизы» и ничѣмъ не напоминавшія русскихъ поселянъ, то что имѣли возразить они противъ крестьянки, своею рѣчью и манерами напоминавшей барышню? Напротивъ, такое сходство сообщало, въ ихъ представленіи, особенную цѣну героини. Недостатокъ индивидуальнаго колорита закрывался общечеловѣческимъ элементомъ, лежащимъ въ основѣ повѣсти. Этотъ элементъ—чувство любви, которая отвергаетъ неравенство состояній и для которой пословица: «не въ свои сани не садись», лишена всякаго значенія. Въ комъ это чувство проявляется естественнѣе, чище и независимѣе, къ тому и стремится симпатія читателя. Состраданіе къ судьбѣ Лизы было состраданіемъ къ человѣку, какъ человѣку, цѣ-

нимому по его внутренней пробѣ, а не по внѣшнему клейму, которое кладутъ на него генеалогическая роспись, общественное положеніе и другія отличія. Повѣсть возбуждала филантропическое впечатлѣніе, что и служитъ наилучшею ей похвалой. Читатели самовольно становились на сторону Лизы; никто изъ нихъ, съ гуманной точки зрѣнія, не думалъ оправдывать Эраста, хотя съ другихъ точекъ зрѣнія и можно было оправдывать, что онъ не женился на крестьянкѣ. Послѣ «Бѣдной Лизы» сентиментальное направленіе повѣствовательной поэзіи одержало верхъ надъ другими направленіями. Разсуждая о книжной торговлѣ и любви къ чтенію въ Россіи (1802), Карамзинъ говоритъ, что изъ всѣхъ родовъ книгъ больше всего расходились у насъ романы, а изъ разныхъ родовъ романа—чувствительные.

Въ повѣсти: «Наталья боярская дочь» (1792), Карамзинъ обратился за сюжетомъ къ русской старинѣ, показавъ тѣмъ, что патріотическое чувство его давно уже направлялось къ прошлому отчизны, «когда русскіе были русскими, когда они въ собственное платье наряжались, ходили своею походкою, жили по своему обычаю, говорили своимъ языкомъ, по своему сердцу». Не смотря, однакожъ, на описаніе нѣкоторыхъ обычаевъ до-петровскаго времени, повѣсть не можетъ быть названа «историческою» въ томъ смыслѣ, какъ теперь понимаютъ это слово. Авторъ ея только въ извѣстной, очень малой мѣрѣ поддѣлывался подъ древній колоритъ. И по характеру любви, и по ея выраженію дѣйствующія лица очень далеко отстоятъ отъ тѣхъ, которыхъ они должны были служить поэтическимъ воспроизведеніемъ, и почти незамѣтной чертой различаются отъ современниковъ и современницъ Карамзина. Повѣсть направлена главнѣйшимъ образомъ къ возбужденію чувствительности. Предполагая, что читатели усомнятся въ быстро зародившейся «симпатіи сердецъ, другъ для друга сотворенныхъ», Карамзинъ дѣлаетъ оговорку: «кто не вѣритъ симпатіи, тотъ поди отъ насъ прочь и не читай нашей исторіи, которая назначается для однѣхъ чувствительныхъ душъ, имѣющихъ сію сладкую вѣру».

§ 4. Начало XIX в., Карамзинъ находилъ самымъ благопріятнымъ для русскаго журналиста. Въ предисловіи къ Вѣстнику Европы и въ одной изъ статей его: «Пріятные виды, надежды и желанія нынѣшняго времени», онъ указалъ добрые знаки состоянія европейскихъ дѣлъ вообще и отечественныхъ въ частности относительно политики, науки и литературы. Въ отношеніи къ политикѣ оно знаменуется счастливымъ настроеніемъ умовъ и сердецъ. «Десятилѣтняя революціонная война», говоритъ авторъ, кончилась,

измѣнивъ мнѣніе о вещахъ и людяхъ. Революція, грозившая ниспровергнуть всѣ правительства, утвердила ихъ. Она убѣдила народы въ необходимости законнаго правленія, а государей въ необходимости правленія благодѣтельнаго, твердаго, но отеческаго. Правительства чувствуютъ важность общаго мнѣнія, нужду въ любви народной, необходимость истребить злоупотребленія. Вмѣсто того, чтобы осуждать разсудокъ на безмолвіе, они склоняютъ его на свою сторону, такъ что лучшіе умы стоятъ теперь подъ знаменемъ власти». По отношенію къ наукѣ, съ началомъ XIX в. наступила эра для новыхъ въ ней открытій, благодаря дружественному союзу народовъ, который благопріятствуетъ общенію великихъ ученыхъ. Переворотъ въ идеяхъ отразился также на характерѣ литературы: до революціи, «всякая дерзкая, безнравственная книга была модною; нынѣ, напротивъ того, писатели боятся оскорбить нравственность, ибо передъ всякимъ жива картина бѣдствій, произведенныхъ во Франціи развратомъ; даже въ самыхъ дурныхъ романахъ соблюдается какая-то благопристойность и уваженіе къ святынѣ нравовъ». Обращаясь за тѣмъ къ Россіи, Карамзинъ прежде всего говоритъ объ ея человѣколюбивомъ государѣ, употребляющемъ власть на то, чтобы возвысить достоинство человѣка въ своей державѣ, а потомъ обозначаетъ ея внѣшнее и внутреннее состояніе: «въ политикѣ она пользуется такимъ уваженіемъ, какого прежде никогда не имѣла; свѣтъ ученія болѣе и болѣе стѣсняетъ темную область невѣжества; благородныя, истинно-человѣческія идеи болѣе и болѣе дѣйствуютъ въ умахъ; разсудокъ утверждаетъ права свои; патріотическій духъ возвышается. Всѣ эти видимые успѣхи гражданственности служатъ залогомъ будущихъ».

Программа Вѣстника Европы обширнѣе программы Московскаго журнала. Послѣдній былъ изданіемъ собственно литературнымъ, а первый—литературно-политическимъ. Политика и не могла найти мѣсто въ Московскомъ журналѣ, такъ какъ онъ явился въ эпоху французской революціи, неудобную для обязанностей публициста. Карамзинъ не желалъ стѣснять ни извѣстій, ни сужденій своихъ, которыя, лишаясь искренности и безпристрастія, не имѣли бы притомъ и возможности быть рѣшительными, потому что направленіе событій еще недостаточно обнаружилось. Сверхъ того, издатель состоялъ въ близкихъ связяхъ съ Новиковымъ и другими членами дружескаго общества, уже заподозрѣннаго правительствомъ. Открытый его голосъ о дѣлахъ встревоженной тогда Европы могъ бы навлечь ему большія непріятности. Другое различіе между двумя журналами опредѣлялось болѣе зрѣлымъ талантомъ издателя, отъ чего содержаніе Вѣстника Европы вышло болѣе зрѣ-

лымъ, обдуманнымъ. Соотвѣтственно своему названію, этотъ журналъ долженъ былъ представлять читателямъ главныя новости въ литературѣ и политикѣ. Самъ Карамзинъ смотрѣлъ на него, какъ на сборникъ достопамятностей по этимъ двумъ предметамъ.

Литературный отдѣлъ Вѣстника имѣетъ, какъ и Московскій журналъ, значеніе пантеона словесности. Онъ заключаетъ въ себѣ—въ переводахъ цѣлыхъ піесъ или въ извлеченіяхъ—все любопытное по части литературы, выходившее во Франціи, Англіи, Германіи и другихъ странахъ, такъ что, говоря словами Карамзина, лучшіе европейскіе авторы сдѣлались какъ бы сотрудниками редактора. Россія, какъ европейское государство, должна была также сообщать матеріалы журналу, который поэтому не отказывался отъ оригинальныхъ сочиненій, но съ условіемъ, чтобы они, какъ того требовало чувство народной гордости, могли безъ стыда явиться среди произведеній иностранныхъ писателей. Критика не составляла обязательной рубрики. Карамзинъ не признавалъ ее истинною потребностью современной ему литературы, хотя и давалъ извѣстія о книгахъ. «Хорошая критика», говоритъ онъ, «есть роскошь литературы: она рождается отъ великаго богатства, а мы еще не Крезы. Лучше прибавить что-нибудь къ общему мнѣнію, нежели оцѣнивать его». Политическій отдѣлъ наполнялся извѣстіями и разсужденіями. Предоставивъ газетамъ сообщеніе текущихъ политическихъ новостей, Вѣстникъ обращалъ вниманіе только на важнѣйшія, а изъ нихъ на тѣ преимущественно, которыя свидѣтельствовали объ успѣхахъ міра: на благоденствіе державъ, на полезныя учрежденія и новые мудрые законы.

Направленіе Вѣстника преимущественно высказывалось въ собственныхъ статьяхъ Карамзина, которыя здѣсь, равно какъ и въ Московскомъ журналѣ, составляютъ наиболѣе цѣнный вкладъ. Передовая мысль въ этомъ направленіи—необходимость и польза просвѣщенія для каждаго народа, особенно для народа русскаго, молодаго. Наука, улучшеніе нравовъ, соотвѣтственное развитіе гражданственности и въ слѣдствіе того общее благо: вотъ предметы, которые заставляли Карамзина браться за перо, съ цѣлію содѣйствовать ихъ успѣхамъ. Всѣ его мнѣнія и надежды проникнуты любовью къ ближнимъ, а изъ нихъ больше всего къ соотечественникамъ, и замѣтка Кирѣевскаго, что съ Карамзина литература наша приняла направленіе филантропическое, совершенно справедлива. Первое мѣсто между статьями Вѣстника принадлежитъ тѣмъ, въ которыхъ говорится о мѣрахъ правительства, имѣвшихъ въ виду исчисленные предметы высокаго сочувствія журналиста. Руководящими статьями служатъ: «Пріятные виды, надежды и желанія

нынѣшняго времени» ([1]) и «О новомъ образованіи народнаго просвѣщенія въ Россіи» ([2]). Къ нимъ, какъ бы къ центру, тяготѣютъ всѣ другія сужденія издателя по поводу правительственныхъ мѣропріятій и учрежденій. Въ первой статьѣ, изложивъ состояніе Европы и Россіи, авторъ заявляетъ свои патріотическія желанія. Онъ желаетъ, во первыхъ, чтобы исполнилась воля государя имѣть полное, методическое собраніе гражданскихъ законовъ, выраженное въ рескриптѣ къ гр. Завадовскому, который былъ назначенъ предсѣдателемъ коммиссіи для составленія законовъ. За тѣмъ онъ желаетъ хорошаго воспитанія, указывая недостатокъ нравственныхъ правилъ въ семейномъ образованіи, отъ чего у насъ молодые люди съ характеромъ, съ твердымъ образомъ мыслей — рѣдкія явленія. Наконецъ онъ желаетъ уничтоженія разсѣянной жизни дворянъ, водворенія порядка въ ихъ домашнемъ хозяйствѣ. Авторъ призываетъ благородное сословіе содѣйствовать славѣ и счастію отечества такими дѣлами, которыя напоминали бы потомству о ихъ достойномъ существованій. Примѣръ безслѣдной жизни знатныхъ господъ, чуждыхъ всякаго понятія о должностяхъ человѣка и гражданина, разсказанъ въ «Моей исповѣди» ([3]). Вторая статья, написанная по поводу указа (24 января 1803) о заведеніи новыхъ училищъ и распространеніи наукъ въ Россіи, самымъ положительнымъ образомъ знакомитъ съ задушевными стремленіями Карамзина. Указъ называется началомъ новой эпохи въ исторіи нашего нравственнаго образованія, великимъ актомъ государственной филантропіи. Онъ показываетъ, что «Александръ выбралъ вѣрнѣйшее, единственное средство для успѣха въ своихъ великодушныхъ намѣреніяхъ; что монархъ желаетъ просвѣтить Россіянъ, чтобы они могли пользоваться его человѣколюбивыми уставами, безъ всякихъ злоупотребленій и въ полнотѣ ихъ спасительнаго дѣйствія». Главнымъ благодѣяніемъ новаго устава Карамзинъ почитаетъ учрежденіе сельскихъ школъ. Изъ другихъ положеній устава хвалятся отдѣленіе министерства народнаго просвѣщенія, какъ особенной системы, отъ другихъ частей государственнаго управленія, и мѣры принятыя для образованія учителей, безъ которыхъ учрежденіе высшихъ и низшихъ школъ остались бы только на бумагѣ. Касательно перваго предмета, Карамзинъ замѣтилъ, что ученыя мѣста должны зависѣть единственно отъ ученыхъ, т. е. отъ ихъ свободнаго выбора; касательно втораго онъ изло-

[1]) В. Евр. 1802, № 12.
[2]) Ib. 1803, № 5.
[3]) Ib. 1803.

жилъ свои мысли въ особой статьѣ: «О вѣрномъ способѣ имѣть въ Россіи довольно учителей» (1), которая поэтому служитъ какъ бы дополненіемъ его разсужденій «о новомъ образованіи народнаго просвѣщенія въ Россіи».

Вѣстникъ Европы съ живымъ участьемъ слѣдилъ за мѣрами гражданскаго устройства въ Россіи и подавалъ о нихъ свой патріотическій голосъ или въ особыхъ статьяхъ или по крайней мѣрѣ въ извѣстіяхъ и замѣчаніяхъ. Такъ по случаю манифеста о новомъ образованіи министерствъ и указа о правахъ и обязанностяхъ сената, онъ слѣдующимъ образомъ изъясняетъ программу министерскихъ дѣйствій: «способствовать утвержденію мудрой политической системы въ Европѣ, торжеству святаго правосудія внутри имперіи, мирнымъ успѣхамъ гражданственности и народному просвѣщенію, котораго одно имя столь любезно душѣ благородной и безъ котораго нѣтъ ни славы, ни величія, ни морали въ государствахъ» (2). Какъ въ статьѣ: «Пріятные виды, надежды и желанія» замѣчено, что современныя правительства чувствуютъ важность *«общаго мнѣнія»* и своего согласія съ лучшими умами, такъ и здѣсь государственнымъ сановникамъ указана новая, дотолѣ неизвѣстная имъ, награда изъ службы: «уже прошло то время въ Россіи, когда одна милость Государева, одна мирная совѣсть могли быть наградою добродѣтельнаго министра въ теченіе его жизни; теперь лестно и славно заслужить, вмѣстѣ съ милостію государя, *и любовь просвѣщенныхъ Россіянъ*, которые чувствуютъ достоинство знаменитыхъ патріотовъ, цѣну ихъ усердія къ отечеству и къ монарху». Уничтоженіе тайной канцеляріи дало поводъ къ историческому обзору этого учрежденія (3). Недостатокъ самоуваженія въ Русскихъ, забвеніе національныхъ достоинствъ, недовѣрчивость къ собственнымъ дарованіямъ и въ-слѣдствіе того отсутствіе самостоятельности служатъ предметомъ его разсужденія «О любви къ отечеству и народной гордости» (4). Оно явилось вскорѣ по открытіи журнала и служило какъ бы указаніемъ того, что издатель почиталъ нашею важнѣйшею потребностью. Въ одной Россіи, говоритъ онъ, можно сдѣлаться хорошимъ Русскимъ; гражданское и нравственное счастіе человѣка существуетъ только въ отечествѣ, и хотя съ просвѣщеніемъ народы сближаются между собою характеремъ, но различіе все еще велико и навсегда оста-

---

1) В. Евр. 1803, № 8.
2) Ib. 1802, № 19 (Извѣстія и замѣчанія).
3) Ib. 1803, № 6.
4) В. Евр. 1802, № 4.

нется [1]. Отправку молодыхъ людей за границу для изученія того, что преподается въ Московскомъ университетѣ, называетъ онъ поступкомъ неблагоразумнымъ, противнымъ долгу патріота [2]. Чтобы возбудить любовь къ отечественному, котораго «русскіе французы» даже и не знали, Вѣстникъ отъ времени до времени представлялъ статьи о русской исторіи и литературѣ, о русской природѣ, о русскихъ примѣчательныхъ мѣстахъ [3]. Но патріотизмъ Карамзина вовсе пе походилъ на «квасной»: онъ былъ «дѣйствіемъ разсудка, а не слѣпой страсти», и потому равно сознавалъ какъ забываемыя нами національныя достоинства, такъ и незамѣчаемые нами національные недостатки. Обязанностью своего журнала поставилъ онъ напоминать первыя и обличать вторые,— обличать безъ злорадства, безъ «браннаго и сатирическаго духа», къ которому не чувствовалъ ни малѣйшей наклонности.

Стихотворенія доставлялись въ Вѣстникъ самимъ издателемъ, Державинымъ, Дмитріевымъ, В. Пушкинымъ, Нелединскимъ-Мелецкимъ и Жуковскимъ. Послѣднему принадлежатъ: «Вадимъ Новгородскій» и «Сельское кладбище», переводъ Греевой элегіи, съ котораго переводчикъ велъ начало своей поэтической дѣятельности, хотя онъ и былъ не первымъ ея опытомъ. Отдѣлъ переводовъ ниже отдѣла оригинальныхъ статей. Въ беллетристикѣ главное мѣсто отдано новымъ повѣстямъ (contes moraux) Жанлисъ. Надъ переводами трудился почти одинъ Карамзинъ, не имѣвшій для Вѣстника Европы, какъ и для Московскаго журнала, постоянныхъ сотрудниковъ. Нѣкоторую помощь оказывалъ ему В. Измайловъ, подражавшій слогу его, и Жуковскій, которымъ, кромѣ указанныхъ стихотвореній, написанъ еще разборъ «Поѣздки въ Малороссію» (кн. Шаликова).

Политическій отдѣлъ «Вѣстника» сообщалъ публикѣ извѣстія о важнѣйшихъ современныхъ событіяхъ и предлагалъ сужденія о нихъ. Первая часть его (передача новостей) не ограничивалась, по примѣру газетъ, сухими, короткими указаніями: издатель давалъ обстоятельное описаніе современнаго хода дѣлъ, останавливая вниманіе читателей на томъ, что дѣйствительно могло возбуждать къ себѣ интересъ. Вторая часть (сужденія) была новостью, до того

---

[1]) Странность (В. Е. 1802., № 2).

[2]) О публичномъ преподаваніи наукъ въ Московскомъ университетѣ.

[3]) Историческія воспоминанія и замѣчанія на пути къ Троицѣ; О случаяхъ и характерахъ въ Россійской исторіи, которые могутъ быть предметомъ художествъ; Путешествіе вокругъ Москвы; Извѣстіе о Марѳѣ Посадницѣ; Записки стараго московскаго жителя; О московскомъ мятежѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича; Русская старина.

времени неизвѣстною въ русской журналистикѣ. Здѣсь Карамзинъ принялъ на себя обязанность публициста, которую и выдержалъ съ достоинствомъ. Собственныхъ его голосовъ немного, но всѣ они по праву занимали мѣсто въ его журналѣ на ряду съ голосами иностранной публицистики. Выборъ послѣднихъ производился съ умнымъ тактомъ и знаніемъ дѣла, изъ лучшихъ явленій политической прессы, наиболѣе же изъ Архенгольцевой Минервы, издававшейся съ 1792 по 1812 г.

Въ началѣ года, т. е. въ первой его книжкѣ, Карамзинъ излагалъ событія протекшаго времени. Подводя итогъ рѣшеннымъ дѣламъ, онъ, такъ сказать, забѣгалъ впередъ желаніями, перечислялъ pia desideria, согласныя съ его понятіями о возможномъ счастіи народовъ. Понятно, что судьба Франціи и ея властелина была у него на особенномъ виду, какъ и у всѣхъ его современниковъ. Нельзя не замѣтить и не назвать любопытнымъ недовѣріе, которое постоянно питалъ къ консулу русскій журналистъ и которое оправдалось дальнѣйшей исторіей. Самыя похвалы Бонапарту идутъ съ его пера какъ бы неохотно, выражаясь условно, съ оговорками, или припасаются для будущаго, когда время разъяснитъ силу дѣйствій и побужденій дѣятеля. Величанія Бонапарта «спасителемъ республики», «первымъ героемъ всѣхъ вѣковъ», «единственнымъ» и проч. и пр. кажутся ему преждевременными и подозрительными. Да и чѣмъ бы Бонапартъ могъ привлечь къ себѣ любовь человѣка съ такимъ образомъ мыслей, какой имѣлъ Карамзинъ? Консулъ французской республики не былъ властителемъ по его убѣжденіямъ и сердцу. Онъ стоялъ далеко отъ героевъ его романа или исторіи, потому что и романическіе и историческіе идеалы Карамзина были одни и тѣже — «друзья добра и человѣчества», одушевленные истинною любовью къ людямъ. Въ немъ Карамзинъ видѣлъ геніальнаго политика, отлично понимавшаго свой народъ и умѣвшаго управлять имъ, но въ тоже время наклоннаго къ захватамъ власти, не изъ героизма добродѣтели, а изъ видовъ честолюбія. Въ немъ—только что консулѣ—подозрѣвался или прозрѣвался уже монархъ. Вотъ почему Карамзинъ инстинктивно отъ него отворачивался, чуя въ его образѣ темную силу земнаго могущества.

Предметами политическихъ статей Карамзина служили именно тѣ событія, которыми болѣе или менѣе оправдывались его подозрѣнія. Такъ въ статьѣ по поводу устава «почетнаго легіона» онъ называетъ это учрежденіе странною выдумкою, удивительно сложною въ средствахъ для произведенія весьма обыкновеннаго

дѣйствія и годною развѣ для приманки народнаго тщеславія французовъ. Статья «о похитителяхъ», по поводу статьи такого же названія въ «Bulletin de Paris», раскрывая мысль парижскаго журнала, имѣвшаго въ виду подготовить общественное мнѣніе къ перемѣнѣ консульскаго сана на императорскій, прибавляетъ: «Все возможно, однакожъ мы еще не хотимъ вѣрить тому до времени. Видимъ только, что Бонапарте будетъ скорѣе Гіерономъ, нежели Тимолеономъ. Впрочемъ, друзья или льстецы его напрасно доказываютъ, что Бонапарте не есть похититель, и заранѣе бранятъ исторію: нѣтъ, она не назоветъ его симъ именемъ, а скажетъ, что онъ людей считалъ людьми и даже самъ не хотѣлъ быть выше человѣка. Не Бонапарте свергнулъ Бурбоновъ съ трона; не Бонапарте сдѣлалъ революцію: онъ только воспользовался ею для своего властолюбія». Особенно замѣчательна третья стятья: «Швейцарія», вызванная арестованіемъ Рединга, президента Швейцарской республики, и заключеніемъ его въ Арбургскій замокъ французскими властями. Наконецъ передовая политическая статья въ первой книжкѣ Вѣстника 1803 г.: «Взоръ на прошедшій (1802) годъ», раскрываетъ во всей ясности основную мысль издателя при его сужденіяхъ о главномъ историческомъ характерѣ тогдашней эпохи. Похваливъ консула за то, что онъ умертвилъ революцію и тѣмъ заслужилъ благодарность Франціи и даже Европы, Карамзинъ прибавляетъ въ заключеніи: «Пожалѣемъ, если консулъ не имѣетъ законодательной мудрости Солона и чистой добродѣтели Ликурга, который, образовавъ Спарту, самъ себя на вѣки изгналъ изъ отечества. Вотъ дѣло героическое, передъ которымъ всѣ Лоди и Маренго исчезаютъ! Черезъ 2700 лѣтъ оно еще воспаляетъ умъ, и добрый юноша, читая Ликургову жизнь, плачетъ отъ восторга... *Видно, что быть искуснымъ генераломъ и хитрымъ политикомъ гораздо легче, нежели великимъ, т. е. героически-добродѣтельнымъ человѣкомъ*». Въ этихъ словахъ разгадка того нерасположенія, которое Карамзинъ постоянно чувствовалъ къ правителю Франціи: Бонапартъ не представлялъ ему образца истиннаго величія, состоящаго въ героизмѣ добродѣтели.

Въ исторіи нашей періодической прессы Вѣстникъ Европы составляетъ эпоху, которая не скоро смѣнилась новой. Достоинство его содержанія, равно какъ и талантъ его издателя становятся еще понятнѣе при сравненіи первыхъ двухъ его годовъ съ послѣдующими. Всѣ другіе редакторы не возвысили, а понизили его уровень, не смотря на бо̀льшія средства. На успѣхъ журнала указываетъ самъ Карамзинъ въ письмѣ къ М. Н. Му-

равьеву, говоря, что онъ имѣлъ отъ него 6000 руб. доходу: цифра по тогдашнему времени значительная ([1]).

§ 5. Такъ какъ изданіемъ «Вѣстника Европы» кончился первый періодъ дѣятельности Карамзина (1791—1803), собственно литературный, то мы ознакомимся съ его образомъ мыслей касательно нѣкоторыхъ важнѣйшихъ предметовъ, на сколько онъ выразился какъ въ журнальныхъ статьяхъ и въ сборникахъ (Аглаѣ, Аонидахъ), такъ и въ трудахъ отдѣльно изданныхъ, напр. въ Разговорѣ о счастіи.

а) «Разговоръ о счастіи», между Мелодоромъ и Филалетомъ, сопоставляетъ два другъ другу противоположныя мнѣнія: одно, что «счастія нѣтъ на землѣ»; другое, что «счастіе существуетъ». Защитникъ втораго мнѣнія—Филалетъ, говорящій отъ лица автора. Смыслъ его рѣчей состоитъ въ слѣдующемъ:

Человѣкъ не можетъ быть счастливъ, не будучи доволенъ самимъ собою. Самодовольство пріобрѣтается повиновеніемъ сердцу и разсудку. Сердце велитъ искать удовольствій, а разсудокъ—однихъ невинныхъ удовольствій, *согласныхъ съ законами природы*. Природа дала намъ чувства для того, чтобъ услаждать ихъ; дала разсудокъ для того, чтобъ выбирать лучшія наслажденія; дала страсти для того, что онѣ необходимы для дѣятельности въ физическомъ и нравственномъ мірѣ. Страсти въ своихъ границахъ благодѣтельны, внѣ границъ пагубны; границы долженъ назначать разсудокъ. Здѣсь Филалетъ является панегиристомъ страстей—любви, корыстолюбія, честолюбія, различая правильное ихъ дѣйствіе отъ пагубныхъ заблужденій. Природа употребила, съ своей стороны, всѣ средства удержать наши страсти въ *естественномъ*, или, что одно и тоже, въ *благомъ* ихъ теченіи, соединивъ съ истиннымъ путемъ живое удовольствіе, а съ заблужденіемъ—горе и страданіе. Не она виновата, если мы несчастны, и врожденныя склонности—источникъ вѣрныхъ благъ—превращаемъ въ источникъ золъ, вопреки ея доброму уставу. Человѣкъ долженъ быть творцемъ своего благополучія, приводя страсти въ счастливое равновѣсіе и образуя вкусъ для истинныхъ наслажденій, т. е. пріобрѣтая навыкъ соглашать чувства съ разсудкомъ. Доказавъ, что счастіе существуетъ, Филалетъ рѣшаетъ потомъ вопросъ: кто можетъ имъ пользоваться? Всѣ безъ исключенія. Истинныя удовольствія равняютъ людей. Естественное, иначе разумное, счастіе должно быть общимъ достояніемъ человѣчества, не собственностью нѣкоторыхъ избран-

[1]) Статьи В. Евр. 1802—1803 г. перечислены въ «Указателѣ къ Вѣстнику Европы 1802—1830 г.», составленномъ М. Полуденскимъ (1861).

ныхъ людей. Это равенство счастія состоитъ не въ равной суммѣ благъ, данныхъ каждому человѣку, а въ равенствѣ чувства, которымъ наслаждается каждый данною ему долею блага. Оно не количественное, а качественное; не отношеніемъ къ другимъ долямъ оно измѣряется: его мѣра—въ личномъ ощущеніи, во внутреннемъ самодовольствѣ каждаго смертнаго. Добро присуще человѣческой природѣ, и потому стремленіе къ добродѣтели есть общее для всѣхъ. Въ заключеніи «Разговора», Филалетъ короткими словами выражаетъ свою доктрину: «Возможное земное счастіе состоитъ въ дѣйствіи врожденныхъ склонностей, покорныхъ разсудку, въ хорошемъ употребленіи физическихъ и душевныхъ силъ. *Быть счастливымъ есть быть вѣрнымъ исполнителемъ естественныхъ мудрыхъ законовъ; а такъ какъ эти законы основаны на общемъ добрѣ, то быть счастливымъ есть быть добрымъ.*

Эта доктрина—такъ-называемый «оптимизмъ», выражаемый опредѣленною формулою: «все въ мірѣ благо, все устроено къ наилучшему концу».

Въ томъ видѣ, какъ представляетъ его Карамзинъ, оптимизмъ есть произведеніе англійскаго деизма. Лордъ Шафтсбери, одинъ изъ главнѣйшихъ деистовъ, изложилъ свое ученіе въ «Разсужденіи о добродѣтели» и въ рапсодіи «Моралисты» (1709). Содержаніемъ послѣдней, равно какъ и «Ѳеодицеи» Лейбница (1710), служитъ идея о наилучшемъ мірѣ. Міросозерцаніемъ Шафтсбери возобладала поэзія: «Времена года», Томсона, и «Опытъ о человѣкѣ», Попа, изображаютъ совершенство міровой архитектоники. Особенно важна дидактическая поэма Попа (1733). Содержаніе и цѣль ея сокращенно указаны заключительными стихами. Авторъ старался доказать, что въ мірѣ все благо; что между естественными страстями и разумомъ нѣтъ противорѣчія; что любовь человѣка къ ближнимъ нераздѣльно связана съ его любовью къ самому себѣ; что главнѣйшая наука есть самопознаніе; что счастье есть плодъ добродѣтели. Оптимизмъ Попа перенесенъ во Францію Вольтеромъ, написавшимъ дидактическія поэмы: «Разсужденіе о человѣкѣ» (1748) и «Естественный законъ» (1752).

«Опытъ о человѣкѣ» переведенъ на русскій языкъ Поповскимъ. Доктрина, въ немъ изложенная, была усвоена нашими учеными и литераторами. Имя Попа, или «Попія», цитовалось какъ авторитетъ. Рѣчь профессора московскаго университета Аничкова «о превратныхъ понятіяхъ человѣческихъ, происходящихъ отъ излишняго упованія, возлагаемаго на чувства» (1779), содержатъ въ себѣ слѣдующія слова: «все устрояется промысломъ Божіимъ во благое, хотя бы мы чего своимъ разумомъ и постигнуть не могли,

какъ то и славный англійскій стихотворецъ Попій объясняетъ». Стихотворцы наши или прямо обращались къ Попу, переводя его сочиненія, или въ собственныхъ піесахъ выражали ученіе оптимизма. Изъ числа послѣднихъ укажемъ на «Стансы Богу» и «Письмо къ Г. А. и Д.», Княжнина. Нѣтъ сомнѣнія, что Карамзинъ читалъ «Опытъ о человѣкѣ» и въ переводѣ Поповскаго, и въ подлинникѣ. Переводомъ Галлеровой поэмы «о происхожденіи зла», онъ показалъ, что вопросъ, занимавшій нѣкогда великихъ мыслителей, не былъ чуждъ и ему. Ничего не приложилъ онъ отъ себя къ рѣшенію вопроса, но, по крайней мѣрѣ, зналъ, какъ онъ рѣшается другими. Основное понятіе Шафтсбери, Лейбница и Попа ясно передано въ поэмѣ: «міръ сотворенъ ко счастію гражданъ; всеобщее благо одушевляетъ натуру и все ознаменовано добромъ величайшимъ». Наклонность Карамзина къ оптимистическому воззрѣнію опредѣленнѣе обнаружилось по возвращеніи изъ за-границы, въ первый же годъ изданія Московскаго журнала. Оптимизмъ выступаетъ здѣсь какъ profession de foi журналиста, и хотя ни одна статья не излагаетъ его въ цѣломъ составѣ, какъ стройную совокупность понятій, но положенія его встрѣчаются нерѣдко разсѣянныя тамъ и здѣсь. Чѣмъ инымъ объяснить эпиграфъ къ цѣлому годовому изданію журнала, взятый изъ «Опыта о человѣкѣ»: «удовольствіе, ложно или справедливо понимаемое, есть величайшее зло или величайшее благо?» Выборъ эпиграфа—не случайность. Имѣлся, конечно, сознательный поводъ пустить въ свѣтъ изданіе подъ такимъ знаменемъ. Между статьями Московскаго журнала за первый годъ помѣщены письмо Беля къ Шафтсбери и отвѣтъ послѣдняго, ясно выражающій основное понятіе англійскаго деиста: «въ царствѣ Бога все должно быть благо, и все зло—призракъ, исчезающій тогда, когда обозримъ весь планъ Его творенія». Изъ «разныхъ отрывковъ», напечатанныхъ въ 6-й части Московскаго журнала, замѣчателенъ восьмой ([1]), какъ свидѣтельство не только живаго сочувствія къ природѣ, но и деистическаго на нее воззрѣнія. Деизмъ проглядываетъ въ разныхъ статьяхъ Карамзина и послѣ изданія «Московскаго журнала». Видъ сельской природы, въ пьесѣ «Деревня» (1792), напоминаетъ автору лѣта его младенчества, когда «духъ его воспитывался въ простотѣ естественной, когда ударъ грома, сообщивъ ему первое понятіе о величествѣ Міроправителя, былъ основаніемъ его религіи». Въ «Цвѣткѣ на гробъ моего Агатона» онъ обращается къ при-

[1]) Онъ начинается слѣдующими словами: «мысль о смерти была бы для меня не столь ужасна».

родѣ съ воплемъ сомнѣнія: «величественная натура... или Ты, котораго назвать не умѣю». Взглядъ оптимиста виденъ и въ «Аѳинской жизни (1793)». Карамзинъ отдаетъ грекамъ преимущество предъ нами за то, что они болѣе, чѣмъ какой-либо другой народъ, занимались важнымъ искусствомъ счастія; что цѣлью ихъ жизни было наслажденіе, котораго они искали съ жаромъ страсти, съ живѣйшимъ чувствомъ потребности. И послѣ «Разговора» Карамзинъ оставался вѣренъ оптимизму, какъ видно изъ нѣкоторыхъ статей Вѣстника Европы на 1802 г. Разсказывая исторію своего младенчества въ «Рыцарѣ нашего времени» (¹), онъ говоритъ, что «безъ страстей нѣтъ ничего прелестнаго въ свѣтѣ». «Разсужденіе о любви къ отечеству и народной гордости» (²), раздѣливъ эту любовь на три вида: физическую, нравственную и политическую, основаніемъ первой полагаетъ то, что «въ свѣтѣ нѣтъ ничего милѣе жизни», что «жизнь есть первое счастіе». По словамъ того же сочиненія, «самая лучшая философія есть та, которая основываетъ должности человѣка на его счастьи», то есть на добродѣтели, ибо, какъ намъ уже извѣстно, «быть счастливымъ есть быть добрымъ» (³).

Но вскорѣ за рѣшительными свидѣтельствами оптимистическаго взгляда Карамзина мы видимъ поворотъ его мыслей въ совершенно-

---

¹) Вѣстн. Евр. 1802 г., № 18.

²) Ib. № 4.

³) Указаніе сочиненій, въ которыхъ послѣ «Разговора о счастіи», выражается оптимизмъ, сюда не относится. Нельзя однакожъ умолчать о нѣкоторыхъ литературныхъ явленіяхъ, по своему содержанію относящихся къ одному разряду съ сочиненіемъ Карамзина. Таковъ напримѣръ Клеантовъ «Гимнъ Юпитеру», переложенный на русскій языкъ, съ нѣмецкаго перевода, Державинымъ подъ названіемъ «Гимнъ Богу» (1800). (Сочиненія Державина т. 2, изд. Акад. Наукъ). Таковы два посланія И. Крылова: «о пользѣ страстей», 1808 г. и «о пользѣ желаній». Въ журналахъ ближайшихъ къ тому времени, въ которое написанъ «Разговоръ», встрѣчаются взгляды Карамзина. «Иппокрена» (1799—1801) содержитъ въ себѣ два стихотворенія: «Делія» (переводъ съ англійскаго) и «Чувственность» (Д. Колоколова). Первое изъ нихъ заключается тѣмъ же самымъ, чѣмъ заключенъ «Разговоръ»:

Чтобъ быть счастливыми, быть добрыми должны.

Второе развиваетъ мысль, что все естественное-благо:

Что врожденно—безпорочно,
Всякъ быть долженъ философъ.

Понятно, какого рода эта философія: она—оптимизмъ, по ученію котораго природа влечетъ всѣхъ къ добру:

Чувствамъ нашимъ что пристойно,
То не должно нарушать.
Въ свѣтѣ все благоустройно:
Что намъ свѣтъ перемѣнять?

другую сторону. Небольшое пространство времени (меньше года) лежитъ между двумя противоположными понятіями. Отъ убѣжденія, что «жизнь есть первое счастіе», что «въ мірѣ все прекрасно», Карамзинъ перешелъ къ убѣжденію, что «здѣшній міръ есть училище терпѣнія», что «вездѣ и во всемъ окружаютъ насъ недостатки». Защитникъ оптимизма опровергаетъ оптимизмъ; послѣдователь Лейбница и Попа становится ихъ противникомъ. Этотъ новый взглядъ на жизнь изложенъ въ разсужденіи «о счастливѣйшемъ времени жизни» (¹), гдѣ вопросъ о счастливѣйшимъ возрастѣ жизни замѣняется, соотвѣтственно новому воззрѣнію автора, другимъ: какой возрастъ жизни менѣе несчастливъ, или, что одно и тоже, какой возрастъ счастливѣйшій относительно, по сравненію его съ другими возрастами? Рѣшеніе вопроса, въ настоящемъ разсужденіи, измѣняется вмѣстѣ съ перемѣною взгляда на всю человѣческую жизнь. Прежде Филалетъ, въ отвѣтѣ Мелодору (²), называлъ юность краснымъ утромъ жизни, «лучшею эпохою нравственнаго бытія», а здѣсь счастливѣйшею эпохою нашего существованія называется послѣдняя степень физической зрѣлости, т. е. возмужалость: «какъ плодъ дерева, такъ и жизнь бываетъ всего сладостнѣе передъ началомъ увяданія».

Согласить различныя понятія объ одномъ и томъ же предметѣ невозможно: противоположности не примиряются. Но можно объяснить поводъ къ переходу отъ одного понятія къ другому, прямо ему противоположному.

Усвоеніе извѣстнаго взгляда на природу и нравственный міръ зависитъ, съ одной стороны, отъ характера личности, а съ другой—отъ характера того образованія, которое принадлежало небольшому классу людей просвѣщенныхъ.

Отличительными свойствами Карамзина были чувствительность и благодушіе. Направляемый ими, онъ смотрѣлъ на людей и природу съ доброй, свѣтлой точки зрѣнія, глазами расположенія и любви. «Я никогда не бывалъ мизантропомъ», говоритъ онъ, «даже и въ такихъ обстоятельствахъ, которыя могли бы извинить маленькую досаду на людей». Въ сочиненіяхъ его не открываешь не только мрачнаго настроенія души, но и дурнаго расположенія духа. «Дурной нравъ» и «скуку» онъ почиталъ самыми жестокими бичами сердца. Онъ не имѣлъ наклонности ни къ сатирѣ, ни къ жалобамъ на судьбу: всѣ іеремiады, выражающія недовольство, возбуждали его неодобреніе. Обстоятельства жизни благопріятство-

---

¹) Вѣст. Евр. 1803.

²) Письма Мелодора къ Филалету и Филалета къ Мелодору, въ Аглаѣ (1794).

вали развитію такихъ благодушныхъ инстинктовъ. Карамзинъ, не смотря на свою молодость, пользовался рѣдкою литературною извѣстностью и занималъ счастливое положеніе въ свѣтѣ. Завѣтныя желанія его исполнились: онъ совершилъ путешествіе за границу; по возвращеніи посвятилъ себя литературѣ, согласно наклонностямъ сердца и убѣжденію просвѣщеннаго гражданина; въ обществѣ знакомыхъ нашелъ онъ удовлетвореніе и дружбы и любви. Все въ немъ и вокругъ него устроилось хорошо и пріятно; будущее могло обѣщать еще лучшее и пріятнѣйшее. Человѣкъ мыслящій и просвѣщенный, какимъ былъ Карамзинъ, всегда чувствуетъ потребность въ основныхъ убѣжденіяхъ, въ доктринѣ. Для Карамзина выборъ доктрины предопредѣлялся врожденными качествами, житейскими обстоятельствами и характеромъ образованія. Онъ остановился на оптимизмѣ, который согласовался съ естественнымъ расположеніемъ души его, съ чувствомъ его сердца и, какъ гипотеза, удачно объяснялъ явленія, не только въ его собственной жизни, но и въ сферѣ нравственнаго міра вообще.

Но гипотеза до тѣхъ поръ сохраняетъ свою достовѣрность, пока значеніе предметовъ, наиболѣе содѣйствовавшихъ ея усвоенію, остается неизмѣннымъ. Съ перемѣною обстоятельствъ жизни, которыя играютъ въ этомъ случаѣ очень важную роль, измѣняется и гипотеза. Отвлеченному легко можетъ встрѣтиться противорѣчіе въ реальномъ, предполагаемому въ дѣйствительно-существующемъ, понятію, относящемуся ко всѣмъ явленіямъ, въ явленіи отдѣльномъ—въ жизни одного человѣка. Для спасенія гипотезы надобно примирить всеообщее съ индивидуальнымъ, а примирить ихъ нѣтъ возможности, и потому необходимо допустить одно изъ двухъ: или невѣрна мысль, служившая къ объясненію мироваго устройства, или ложно собственное, личное чувство человѣка. На послѣднее человѣкъ рѣшиться не въ силахъ: это—естественный крикъ его самоощущенія, непреложный опытъ его плоти и крови. Остается слѣдовательно признать невѣрность основной мысли.

Противорѣчія между жизнью лица и понятіемъ этого лица о жизни вообще не избѣгнулъ и Карамзинъ. Тяжкая горесть посѣтила его въ 1803 г.: онъ лишился первой супруги своей. Въ это-то время семейной утраты и меланхоліи, явилось разсужденіе «о счастливѣйшемъ времени жизни». Чувство сердца заставило автора обратиться къ печальному взгляду на жизнь, какъ прежде сердечное же чувство сказалось въ оптимизмѣ. Элегическій конецъ разсужденія есть вѣрный отголосокъ тогдашняго состоянія души Карамзина, соотвѣтствуетъ главной его мысли и кромѣ того указываетъ на печальное событіе въ его жизни. Теченіе времени не

остается также безъ вліянія на перемѣну образа мыслей. Зрѣлыя лѣта приносятъ съ собою и новый, болѣе зрѣлый взглядъ на вещи. Отдавая предпочтеніе возмужалости, Карамзинъ имѣлъ въ виду свои собственные 37 лѣтъ, на что указываютъ слѣдующія строки разсужденія: «человѣкъ *за тридцать пять лѣтъ*, безъ сомнѣнія, не пылаетъ уже такъ страстями, какъ юноша, а въ самомъ дѣлѣ можетъ быть гораздо его счастливѣе».

б) Карамзинъ прожилъ во Франціи четыре мѣсяца (съ марта по іюль 1790 г.), въ ту эпоху учредительнаго собранія, которая замѣчательна не столько событіями, сколько болѣе и болѣе выступавшимъ распаденіемъ народныхъ представителей на партіи. Важныя событія уже совершились прежде его пріѣзда и еще имѣли совершиться по возвращеніи его на родину. Созваніе государственныхъ чиновъ и сліяніе ихъ въ одно нераздѣлимое представительство, взятіе и разрушеніе Бастиліи, отмѣна сословныхъ привилегій, возстаніе Парижа, отобраніе имѣній, принадлежавшихъ духовенству, уничтоженіе монашескихъ орденовъ, все это послѣдовало въ первый годъ революціи, съ мая 1789 по мартъ 1790 г. Путешественникъ приближался къ Парижу съ пасмурными мыслями. Описывая берега Сены, онъ находилъ возможнымъ будущее запустѣніе Франціи: кто поручится, спрашивалъ онъ, чтобы это прекраснѣйшее въ свѣтѣ государство рано или поздно не уподобилось нынѣшнему Египту? О самомъ государственномъ переворотѣ въ письмахъ говорится рѣдко; однакожъ изъ немногихъ словъ, сюда относящихся, легко разумѣть, какъ смотрѣлъ на него авторъ. По поводу уличной исторіи въ Ліонѣ, онъ называетъ ее дѣломъ празднолюбцевъ, не хотящихъ работать съ эпохи «такъ называемой французской свободы» или, вѣрнѣе, «страшнаго народнаго деспотизма». Въ революціи онъ видитъ «ужасную политическую перемѣну».

Карамзинъ и не могъ стать въ другое отношеніе къ событію XVIII вѣка во Франціи. Если бы онъ и одобрялъ нѣкоторые его результаты, то съ самымъ способомъ, какимъ результаты были достигнуты, онъ ни на какихъ условіяхъ не пошелъ бы на мировую сдѣлку. Словомъ «переворотъ» обозначается понятіе о грозныхъ потрясеніяхъ, насильственныхъ мѣрахъ и крайностяхъ, а это не согласовалось ни съ чувствомъ Карамзина, ни съ его образованіемъ, ни съ его взглядомъ на развитіе государственнаго организма. Подобно многимъ своимъ современникамъ, онъ могъ еще ожидать добра при началѣ событія, но подобно имъ же вскорѣ назвалъ свое ожиданіе призракомъ, потому что жертвами переворота падали невинные на ряду съ виновными; имъ нарушался

спокойный токъ общественной и частной жизни; въ немъ не обходилось безъ пролитія крови; во имя правъ человѣка совершались кровавыя историческія драмы. Онъ положительно говоритъ, что нельзя полюбить англичанъ, читая ихъ исторію, потому что она богата злодѣйствами и потому что, по числу жителей, въ Англіи больше чѣмъ въ другихъ земляхъ погибло народу отъ внутреннихъ мятежей. Хотя ему и было извѣстно, что революціонные дѣятели выставляли идеи Руссо своимъ знаменемъ, однакожъ онъ думалъ, что Руссо, какъ «чувствительный и добродушный» философъ, объявилъ бы себя первымъ врагомъ революціи. Образованіе, и домашнее и въ пансіонѣ Шадена, а потомъ связи съ Новиковскимъ кругомъ укрѣпили Карамзина въ правилахъ строгаго повиновенія существующимъ законамъ. Однимъ изъ коренныхъ постановленій масонства требовалась безусловная покорность предержащей власти. Такъ называемая «Книга конституцій,» или «древнихъ обязанностей», составленная англиканскимъ проповѣдникомъ Андерсономъ и признанная въ 1723 г. основнымъ законоположеніемъ для членовъ братства, предписываетъ каждому изъ нихъ исполнять, безъ всякихъ ограниченій, долгъ вѣрноподданнаго. Тоже предписаніе внесено и въ уложеніе русскихъ масонскихъ ложъ (¹), которыя въ каждомъ сословіи, имѣвшемъ передъ лицемъ государя какую-нибудь тайну касательно правительства, совершенно справедливо видѣли противозаконное, вредное общество въ обществѣ.

На темпераментѣ, образованіи и знакомствѣ съ исторіей установились понятія Карамзина о прогрессѣ гражданскихъ обществъ и каждаго человѣка въ отдѣльности. Измѣненія, совершаемыя съ цѣлью улучшить строй государства или бытъ народа, не могли не возбуждать его полнаго сочувствія, но онъ твердо держался своего взгляда на характеръ перемѣнъ, на способъ, какимъ онѣ производятся, и на дѣятелей, которыми ведутся. По его мнѣнію, новый порядокъ вещей долженъ возникать на исторической почвѣ, на основахъ того, что выработано жизнію народа, а не на развалинахъ его прошедшаго и настоящаго. Другими словами: онъ видѣлъ различіе между реформой и революціей,—между системою преобразованій, которая на мѣсто прежняго, отживающаго свой вѣкъ, воздвигаетъ лучшее, болѣе отвѣчающее потребностямъ времени, и системою преобразованій, которыя съ корнемъ вырываютъ

---

¹) Уложеніе великой массонской ложи Астреи на в. (востокѣ) С.-Петербурга, Ч. 2-я, 5815 (т. е. 1815 г.). NB. Масоны вели свое лѣтосчисленіе за 4000 лѣтъ до Р. Х., которыя и прилагали къ годамъ, протекшимъ отъ Р. Х.

старое во имя какой-нибудь доктрины. Въ первомъ случаѣ, перемѣны совершаются извнутри народной жизни: это есть собственно развитіе, требуемое каждымъ организмомъ, слѣд. и государственнымъ; во второмъ, перемѣны берутся извнѣ, изъ сферы общихъ, отвлеченныхъ началъ и соображеній: это не развитіе, а насильственный переломъ, переворотъ. Маколей, въ своей Исторіи Англіи, провелъ различіе между этими двумя способами государственныхъ преобразованій: историческимъ, орудіями котораго служатъ законность и преданіе, и теоретическимъ, или философскимъ, который, сходя съ исторической почвы, думаетъ строить государство à priori, по кабинетной идеѣ или по примѣру Аѳинъ и Рима. Съ первой точки зрѣнія Боркъ, государственный мужъ, смотрѣлъ на современную ему, первую французскую революцію. Мнѣніе Карамзина вытекало изъ однихъ основаній съ вышеизложенными: «всякое гражданское общество, вѣками утвержденное», говоритъ онъ, «есть святыня для гражданъ; насильственныя потрясенія гибельны; мудрые умы знаютъ опасность перемѣнъ, тогда какъ умамъ легкимъ все кажется легко».

Преобразованія должны совершаться дѣйствіемъ времени, посредствомъ медленныхъ, но вѣрныхъ, безопасныхъ успѣховъ разума, просвѣщенія, воспитанія, добрыхъ нравовъ. Таково убѣжденіе Карамзина, заявленное имъ еще въ письмахъ изъ Франціи, и болѣе и болѣе крѣпчавшее въ его сознаніи. Неизмѣнно руководствуясь имъ, онъ обсуждалъ внутреннюю и внѣшнюю политику, успѣхи или неуспѣхи гражданскаго общества. Московскій Журналъ не подавалъ голоса о политическихъ дѣлахъ Европы, за неимѣніемъ особаго для того отдѣла. Но въ статьяхъ Аглаи (1794), особенно въ полемикѣ противъ Руссо (Нѣчто о наукахъ, искусствахъ и просвѣщеніи) и въ письмахъ Мелодора къ Филалету и Филалета къ Мелодору, мы встрѣчаемся съ образомъ мыслей Карамзина по поводу событій, которыя въ то время занимали весь міръ. Эти событія быстро слѣдовали одни за другими. Сентябрскія убійства, вліяніе якобинцевъ на всю государственную жизнь Франціи, объявленіе ея республикой, повсемѣстная анархія и наконецъ казнь короля потрясли даже наиболѣе смѣлыхъ энтузіастовъ переворота: они съ ужасомъ отступили передъ неожиданнымъ разливомъ того, что началось провозглашеніемъ «правъ человѣка», и подобно Лафатеру должны были сознаться, что трагедія, которая разыгрывалась во Франціи, есть дѣло людей, а не благаго провидѣнія, какъ имъ прежде казалось. Общее многимъ смятеніе ума и сердца Карамзинъ выразилъ въ означенной перепискѣ. На Мелодора и Филалета слѣдуетъ смотрѣть не какъ на двѣ разныя

личности, а какъ на одного и того же человѣка въ двухъ послѣдовательныхъ моментахъ ехо духа: Мелодоръ—это самъ Карамзинъ, взволнованный революціонными событіями; Филалетъ—это Карамзинъ же, успокоенный вѣрою въ преходимость зла, какъ бы оно ни было велико, и въ непреложное торжество добра и истины, какъ бы долго оно ни заставляло себя ожидать. Но тревожному состоянію Мелодора предшествовало другое, противоположное: разочарованный въ своихъ надеждахъ теперь, онъ былъ ими очарованъ прежде. Что же именно его очаровывало? какія питалъ онъ надежды?

Карамзинъ отвергалъ революцію и за ея мѣры, несогласныя съ желаннымъ для филантропа способомъ государственнаго развитія, и за ея послѣдствія, возмущавшія сердце чувствительнаго философа, но онъ признавалъ ученія XVIII-го вѣка, къ которымъ событіе относилось, какъ крайній выводъ къ первоначальной посылкѣ. Это видно изъ слѣдующихъ словъ Мелодора Филалету: «Кто болѣе нашего славилъ преимущества осьмагонадесять вѣка? свѣтъ философіи, смягченіе нравовъ, тонкость разума и чувства, размноженіе жизненныхъ удовольствій, всемѣстное распространеніе духа общественности, тѣснѣйшую и дружелюбнѣйшую связь народовъ, кротость правленій?... *Конецъ нашего вѣка* почитали мы концемъ главнѣйшихъ бѣдствій человѣчества и думали, что въ немъ послѣдуетъ важное, общее *соединеніе теоріи съ практикою, умозрѣнія съ дѣятельностію*; что люди, увѣрясь въ изящности законовъ чистаго разума, начнутъ исполнять ихъ во всей точности и подъ сѣнію мира, въ кровѣ тишины и спокойствія, насладятся истинными благами жизни». Сильнѣе и сильнѣе крѣпло въ его умѣ убѣжденіе, выводимое изъ сличенія древнихъ временъ съ новыми, что «родъ человѣческій возвышается, и хотя медленно, хотя неровными шагами, но всегда приближается къ духовному совершенству». Онъ смотрѣлъ на природу, какъ «на обширный садъ, въ которомъ зрѣетъ *божественность человѣчества*». Эта утѣшительная мысль рушилась въ своемъ основаніи французскими событіями: «свирѣпая война опустошаетъ Европу, столицу искусствъ и наукъ, хранилище всѣхъ драгоцѣнностей ума человѣческаго; милліоны погибаютъ; города и села исчезаютъ въ пламени; цвѣтущія страны превращаются въ горестныя пустыни». Филантропъ, съ такою чувствительной организаціей, какую имѣлъ Карамзинъ, не могъ, при видѣ общенародныхъ бѣдствій, не почитать себя несчастнымъ, и потому-то онъ обращается съ патетическимъ упрекомъ къ XVIII вѣку: «вѣкъ просвѣщенія, не узнаю тебя! въ крови и пламени не узнаю тебя! среди убійствъ и разрушенія не узнаю

тебя!» Но свирѣпая война, гибель милліоновъ, пожаръ городовъ и селъ, запустѣніе благословенныхъ странъ не составляютъ еще главныхъ ужасовъ революціи. Есть другое, сильнѣйшее зло, которымъ она угрожаетъ міру. Карамзинъ всего больше страшится ненавистниковъ науки: ихъ мнѣніе можетъ сдѣлаться общимъ мнѣніемъ, которое вооружится противъ философіи, противъ просвѣщенія, находя въ нихъ источникъ зла. Паденіе цивилизаціи кажется ему не только вѣроятнымъ, но и неминуемымъ. Этотъ благородный страхъ напоминаетъ письмо Ломоносова о смерти Рикмана. Какъ Ломоносовъ опасался, что смерть профессора будетъ перетолкована не въ пользу занятій науками, такъ Карамзинъ опасается, что бѣдствія революціи будутъ перетолкованы во вредъ просвѣщенію и заподозрятъ его благотворное вліяніе на нравственность.

Филалетъ возстановляетъ утѣшительную систему друга. Онъ заключаетъ свои разсужденія хвалебнымъ просвѣщенію гимномъ: «просвѣщеніе всегда благотворно; просвѣщеніе ведетъ къ добродѣтели, доказывая намъ тѣсный союзъ частнаго блага съ общимъ и открывая неизсякаемый источникъ въ собственной груди нашей; просвѣщеніе есть лекарство для испорченнаго сердца и разума; одно просвѣщеніе животворно дѣйствуетъ на нравственность; въ одномъ просвѣщеніи найдемъ мы противоядіе для всѣхъ бѣдствій человѣчества».

Выразивъ опасеніе за судьбу наукъ, Карамзинъ взялъ на себя ихъ защиту въ статьѣ: «Нѣчто о наукахъ, искусствахъ и просвѣщеніи». Это рядъ замѣтокъ на извѣстное разсужденіе Руссо. Цѣль полемической статьи очевидна: Руссо отвѣчалъ отрицательно на вопросъ, предложенный Дижонскою Академіею: «возстановленіе наукъ и искусствъ способствовало ли улучшенію нравовъ?» Карамзину слѣдовало, напротивъ, доказать, что просвѣщеніе ведетъ къ добродѣтели. О пользѣ наукъ для развитія ума и обогащенія его познаніями не было надобности разсуждать: никто не оспаривалъ ихъ дѣйствія съ этой стороны. Онѣ подвергались строгому суду за ихъ вредное дѣйствіе на общественную нравственность. Науки портятъ нравы, говорилъ Руссо, нашъ просвѣщенный (т. е. восьмнадцатый) вѣкъ служитъ тому доказательствомъ. За нимъ повторяли тоже многіе современники Карамзина, указывая на Францію, какъ на одну изъ просвѣщеннѣйшихъ странъ въ мірѣ. Надобно было отвергнуть этотъ доводъ, имѣвшій наибольшее значеніе для самого апологиста. Карамзинъ отвергаетъ его свидѣтельствами исторіи: изъ нихъ видно, что нравы прошедшихъ вѣковъ были не лучше, а хуже нравовъ XVIII вѣка. Послѣднему

ставятъ въ вину утонченное притворство, забывая его источникъ: оно проистекаетъ изъ желанія порока скрываться подъ личиною добродѣтели, а это служитъ доказательствомъ, что современные намъ люди гнушаются порокомъ больше, чѣмъ гнушались имъ прежде. Свѣтская учтивость, которую новые мизантропы называютъ сусальнымъ золотомъ XVIII вѣка, въ глазахъ философа есть цвѣтъ общежитія, своего рода добродѣтель, слѣдствіе утонченнаго человѣколюбія, которое поставляетъ себѣ въ обязанность и малыми знаками—ласковымъ словомъ, привѣтливымъ взоромъ—оказывать ближнему благорасположеніе, но которое не пресѣкаетъ возможности великихъ жертвъ на пользу отдѣльнаго человѣка и цѣлаго общества. Важнѣйшею наукою Карамзинъ почитаетъ мораль (нравственную философію): она доказываетъ человѣку, что для собственнаго счастія онъ долженъ быть добрымъ (положеніе, развитое потомъ въ Разговорѣ о счастіи); представляетъ ему необходимость и пользу гражданскаго порядка; соглашаетъ его волю съ законами, и дѣлаетъ свободнымъ въ самыхъ узахъ.... однимъ словомъ, могъ бы добавить авторъ, устраняетъ возможность печальныхъ явленій, господствующихъ во Франціи, гдѣ свобода обратилась въ деспотизмъ массы и со временемъ обратится въ военный деспотизмъ. Не одна мораль, эта «альфа и омега наукъ и искусствъ», но всѣ онѣ вообще облагороживаютъ душу, дѣлаютъ ее чувствительною и нѣжною, возбуждаютъ въ ней любовь къ порядку, гармоніи, добру, слѣдственно ненависть къ безпорядку, разгласію и порокамъ, которые разстраиваютъ прекрасную связь общежитія.... примѣръ чего, подразумѣвалъ при этихъ словахъ авторъ, видимъ въ современной Франціи.—Но современную Францію, могли возразить ему, нельзя же не назвать просвѣщенною; а между тѣмъ ея современное знаменуется кровью и слезами. На это возраженіе Карамзинъ далъ уже отвѣтъ въ письмѣ Филалета къ Мелодору: «если осьмнадцатый вѣкъ ознаменуется въ книгѣ бытія кровью и слезами, то онъ не могъ именовать себя просвѣщеннымъ». Смыслъ отвѣта слѣдующій: я не признаю современную Францію просвѣщенною, если знаменіемъ ея просвѣщенія останутся въ исторіи только слезы и кровь; я готовъ жертвовать такъ называемымъ ея просвѣщеніемъ; не о такомъ просвѣщеніи говорю я и не такое мнѣ надобно: мнѣ надобно просвѣщеніе, приводящее не къ тому, что представляютъ ужасы революціи, а къ тому, что совершенно противоположно этимъ ужасамъ.

Впрочемъ, голосъ хулителей науки не очень смущалъ Карамзина. Они могли кричать сколько имъ угодно, но не отъ нихъ зависѣли мѣры, враждебныя просвѣщенію. Это было во власти

высшаго правительства, если бы оно открыло внутреннюю связь между развитіемъ народнаго образованія и смутными обстоятельствами эпохи. И потому Карамзинъ, писавшій свои замѣтки на Руссо при Екатеринѣ, вспомнилъ мысль, высказанную въ Наказѣ, вслѣдъ за Монтескье и Беккаріей, и повторилъ ее въ своей статьѣ: «Законодатель и другъ человѣчества! ты хочешь общественнаго блага? да будетъ же первымъ закономъ твоимъ — просвѣщеніе!» Зная, что въ Россіи, какъ монархіи, система дѣйствій по каждому вѣдомству опредѣляется волею самодержца, онъ обращается съ совѣтомъ къ самодержавію: «Просвѣщеніе есть палладіумъ благонравія, и когда вы, которымъ вышняя власть поручила судьбу человѣковъ, желаете распространить на землѣ область добродѣтели, то любите науки и не думайте, чтобы онѣ могли быть вредны, чтобы какое нибудь состояніе въ гражданскомъ обществѣ долженствовало пресмыкаться въ грубомъ невѣжествѣ... Всѣ люди имѣютъ душу, имѣютъ сердце: слѣдственно всѣ могутъ наслаждаться плодами искусства и науки, и кто наслаждается ими, тотъ дѣлается лучшимъ человѣкомъ и спокойнѣйшимъ гражданиномъ». Здѣсь, кромѣ благородной боязни за просвѣщеніе вообще, за русское въ особенности, видно еще—говоря словами самого автора—«желаніе всеобщаго, никакими сферами неограниченнаго блага» (¹). Карамзинъ требуетъ образованія для простаго народа и признаетъ возможность просвѣщенныхъ у насъ земледѣльцевъ, ставя въ примѣръ многихъ швейцарскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ поселянъ, которые, обработывая землю, собираютъ библіотеки и читаютъ Гомера, а нѣкоторые и сами пишутъ стихи, что не мѣшаетъ имъ быть трудолюбивыми работниками, довольными своею долею.

Замѣтки на сочиненіе Руссо оканчиваются идеальнымъ представленіемъ будущаго гражданскаго устройства: «Когда свѣтъ ученія, свѣтъ истины озаритъ всю землю и проникнетъ въ темнѣйшія пещеры невѣжества: тогда, можетъ быть, исчезнутъ всѣ нравственныя гарпіи, доселѣ осквернявшія человѣчество, тогда, можетъ быть, настанетъ златой вѣкъ поэтовъ, вѣкъ благонравія,— и тамъ, гдѣ возвышаются теперь кровавые эшафоты, тамъ сядетъ добродѣтель на свѣтломъ тронѣ». Человѣку, видѣвшему вовсе не утопическое состояніе Франціи, естественно было мечтать объ утопіи. Но недовольство настоящимъ можетъ искать отрадныхъ себѣ идеаловъ столько же въ далекомъ прошедшемъ, сколько и въ далекомъ будущемъ. Идеалъ перваго рода Карамзинъ находилъ въ «Аѳинской жизни» (1793), воображаемая картина которой служила

¹) Что нужно автору?

ему отводомъ отъ неизящныхъ картинъ революціи. Заключеніе статьи даетъ знать о поводѣ къ ея сочиненію: «завтра поутру», говоритъ авторъ, «гамбургскія газеты извѣстятъ меня объ ужасномъ безумствѣ нашихъ просвѣщенныхъ современниковъ».

На вопросъ: какому образу правленія Карамзинъ отдавалъ преимущество? сочиненія его даютъ возможность отвѣчать довольно положительно. По убѣжденіямъ, онъ былъ неизмѣнный монархистъ, но по чувству склонялся къ республикѣ. Заключаемъ такъ не изъ того обстоятельства, что онъ, еще обучаясь у Шадена, держалъ сторону сѣверо-американцевъ въ борьбѣ ихъ съ метрополіей за независимость, а изъ мыслей, высказанныхъ уже въ зрѣломъ возрастѣ. Это чувство пробивается въ исторической повѣсти: «Марѳа Посадница, или покореніе Новгорода» (1), въ авторѣ которой, по словамъ предисловія, «явно играетъ кровь новогородская, при описаніи нѣкоторыхъ случаевъ». Карамзинъ не винитъ Іоанна, присоединившаго новгородскую область къ своей державѣ: онъ даже хвалитъ его, какъ историкъ или какъ политикъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ дѣлаетъ оговорку, что сопротивленіе новгородцевъ не было бунтомъ какихъ-нибудь якобинцевъ, такъ какъ они сражались за древніе свои уставы и права, данныя имъ отчасти самими великими князьями, напримѣръ Ярославомъ, утвердившимъ ихъ вольности. Душевное расположеніе его видимо доброжелательствуетъ Новгороду. Онъ допустилъ Марѳу Посадницу, защитницу новгородской вольности, торжествовать своимъ ораторствомъ надъ Холмскимъ, представителемъ Іоанна. Въ ея рѣчи больше страсти и силы, чѣмъ въ рѣчи московскаго воеводы. Особенно увлекаетъ она согражданъ началомъ слова, взывая къ памяти Вадима, и концемъ, представляя имъ блага вольности и бѣдствія, которыя съ ея утратою наступятъ для города. Не имѣемъ ли мы достаточнаго основанія предположить, что въ лицѣ Марѳы Посадницы и Холмскаго выражены два взгляда самого Карамзина, вытекавшіе изъ разныхъ побужденій, какъ прежде два состоянія души его, по поводу событій конца XVIII вѣка, нашли свое выраженіе въ Мелодорѣ и Филалетѣ? Черезъ десять лѣтъ послѣ «Марѳы Посадницы», разсказывая о паденіи Новгорода не какъ романистъ, а какъ историкъ (2), Карамзинъ еще сохраняетъ въ себѣ то чувство, которое волновало кровь автора повѣсти. Вотъ что говоритъ онъ: «Лѣтописи республикъ обыкновенно представляютъ намъ сильное дѣйствіе страстей человѣческихъ, порывы

1) Вѣстникъ Европы 1803, №№ 1, 2 и 3.
2) Въ VIII т. Исторія Государства Россійскаго.

великодушія и нерѣдко умилительное торжество добродѣтели, среди мятежей и безпорядка, свойственныхъ народному правленію: такъ и лѣтописи Новагорода въ искуственной простотѣ своей являютъ черты плѣнительныя для воображенія.... Сердцу человѣческому свойственно доброжелательствовать республикамъ, основаннымъ на коренныхъ правахъ вольности, ему любезной; самыя опасности и безпокойства ея, питая великодушіе, плѣняютъ умъ, *въ особенности юный, малоопытный*; Новогородцы, имѣя правленіе народное, безъ сомнѣнія, отличались благородными качествами отъ другихъ Россіянъ, униженныхъ тиранствомъ моголовъ». Но республика, разсуждаетъ историкъ, держится тѣмъ, что Монтескье называлъ «virtus», и безъ нея упадаетъ. Исторія Новгорода подтвердила справедливость этой мысли: съ XIV столѣтія начинается эпоха бѣдственная для его гражданской свободы; успѣвая въ торговлѣ, онъ болѣе и болѣе слабѣлъ доблестью. Слѣдствія не замедлили обнаружиться. Какъ прежде, по словамъ предисловія къ повѣсти, Іоаннъ долженъ былъ для славы и силы отечества, присоединить область новгородскую къ своей державѣ, такъ и теперь, по исторіи, государственная мудрость предписывала ему усилить Россію твердымъ соединеніемъ частей въ цѣлое, чтобы она достигла независимости и славы. Заключая разсказъ о паденіи Новгорода, Карамзинъ снова возвращается къ мысли, которую проводилъ въ обзорѣ исторіи этого города: «Императоръ Гальба сказалъ: я былъ бы достоинъ возстановить свободу Рима, если бы Римъ могъ пользоваться ею. Историкъ русскій, любя *и человѣческія и государственныя добродѣтели*, можетъ сказать: Іоаннъ былъ достоинъ сокрушить утлую вольность новгородскую, ибо хотѣлъ твердаго блага всей Россіи». И такъ любовь къ человѣческимъ добродѣтелямъ, независимо отъ всякихъ другихъ соображеній, внушала автору доброжелательство къ новогородской республикѣ, но политическіе расчеты, государственныя соображенія, высокое чувство патріота, желающаго своему отечеству величія, славы, блага, убѣждали его въ необходимости и пользѣ пожертвовать своею наклонностью и славить державный умъ Іоанна. Карамзинъ искренно исповѣдывалъ то самое, что онъ вложилъ въ уста Холмскому: «народы мудрые любятъ порядокъ, *а нѣтъ порядка безъ власти самодержавной*». Къ этому убѣжденію привели его не только смуты французскаго переворота, но и уроки исторіи, и размышленія объ истинныхъ потребностяхъ Россіи. Замѣтимъ, что мысль Монтескье о virtus, какъ отличительной особенности республикъ, которыя безъ высокой народной добродѣтели стоять не могутъ, встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ сочиненій

Карамзина. По этой причинѣ «монархическое правленіе гораздо счастливѣе и надежнѣе: оно не требуетъ отъ гражданъ чрезвычайностей и можетъ возвышаться на той степени нравственности, на которой республики падаютъ».

Выводы, извлеченные изъ заявленій самого Карамзина, можемъ подкрѣпить свидѣтельствомъ его современника. Вотъ что онъ пишетъ: «Карамзинъ громко провозглашалъ необходимость и пользу самодержавія въ Россіи, провозглашалъ по убѣжденію, потому что былъ неспособенъ къ лицемѣрію или лжи, какъ человѣкъ великаго таланта, просвѣщеннаго разума, души благородной и возвышенной. Но съ другой стороны, онъ не былъ и врагомъ противоположнаго образа правленія. Занятія отечественной исторіей содѣйствовали образованію въ немъ этого убѣжденія. Онъ видѣлъ, что Россія, при вѣчевомъ порядкѣ, раздѣленная на многія владѣнія, была покорена татарами и что единственно преобладаніемъ Москвы, соединившей подъ своимъ скипетромъ удѣльныя княжества, освободилась отъ ига. Изъ государственныхъ соображеній возникло въ его умѣ понятіе о непреложности и необходимости самодержавной власти не только для того, чтобы цѣлить бѣдствія страны, но и для того, чтобы развивать и укрѣплять ея могущество. «Россія прежде всего должна быть великою, сильною и грозною въ Европѣ, и только самодержавіе можетъ сдѣлать ее таковою»: такъ отвѣчалъ онъ на всѣ дѣлаемыя ему замѣчанія.

Особенности представительнаго правленія Карамзинъ узналъ изъ книги Делольма ([1]) и ставилъ его выгоды въ безусловную зависимость отъ народной образованности. Не конституція, какъ только конституція, хороша сама по себѣ; хорошо то, что англичане народъ образованный, и знаютъ истинные свои интересы и потребности. Слѣдовательно настоящею охраною англичанъ служитъ ихъ просвѣщеніе. Это понятіе объ условіяхъ конституціонализма Карамзинъ относитъ и къ другимъ видамъ правленія. Каждое изъ нихъ есть плодъ того, что въ литературѣ Екатеринина вѣка называлось народнымъ «умоначертаніемъ» (духомъ, характеромъ): «гражданскія учрежденія должны быть соображены съ характеромъ народа; что хорошо въ Англіи, то будетъ дурно въ иной землѣ. Не даромъ сказалъ Солонъ: мое учрежденіе есть самое лучшее, но только для Аѳинъ». Но какой бы ни былъ образъ правленія, разсуждаетъ Карамзинъ, онъ, какъ форма, не составляетъ существенной важности: исключительно важно его содержаніе, душа властвующая его дѣйствіями. Этотъ внутренній,

[1]) Constitution de l'Angleterre (1771).

духовный двигатель правленія заключается въ справедливости. Каждое правленіе, будучи справедливымъ, благотворно и совершенно; въ противномъ случаѣ, оно неблаготворно и несовершенно. Тотъ же самый выводъ сохраняетъ свою силу и для политическихъ партій: одушевленная желаніемъ блага, управляемая чувствомъ справедливости, каждая партія достойна похвалы; при качествахъ противоположныхъ, каждая партія бѣдственна: «злой роялистъ не лучше злаго якобинца», замѣтилъ Карамзинъ въ одной статьѣ Вѣстника Европы.

Сообразивъ мысли Карамзина относительно занимающаго насъ предмета, не трудно построить его идеалъ гражданскаго благоденствія. Цѣль правленія—счастіе подданныхъ, которое возможно только при знаніи истинныхъ потребностей и выгодъ народа, какъ со стороны правителей, такъ и со стороны управляемыхъ. Обезпеченіемъ сознанныхъ выгодъ служатъ, во первыхъ, хорошіе законы, и во вторыхъ (и это главное) справедливое ихъ выполненіе. Но и точное пониманіе народныхъ интересовъ, и правильное дѣйствіе законовъ немыслимы безъ образованности, которая вліяетъ на нравы и ведетъ ихъ къ добру. Сократъ называлъ добродѣтель знаніемъ; порокъ можно назвать невѣжествомъ, ибо онъ есть слѣпота ума. Слѣдовательно вся сила въ народной нравственности, очищаемой и совершенствуемой просвѣщеніемъ—этимъ «палладіумомъ благонравія»; на ней коренится государственное и частное счастіе; безъ нея счастіе не существуетъ, каковъ бы ни былъ образъ правленія. Когда нравственное достоинство человѣка возвышено въ державѣ, тогда народъ имѣетъ право считать себя избраннымъ. И какъ изъ всѣхъ возможныхъ партій есть только одна хорошая—«друзей человѣчества и добра, которая въ политикѣ составляетъ тоже, что эклектика въ философіи», такъ и правленіе хорошее только одно—основанное на просвѣщеніи и добродѣтели. Просвѣщеніе, ведущее къ доброй нравственности, и добрая нравственность, невозможная безъ просвѣщенія: таковъ идеалъ государственнаго развитія и благоустройства. Но твердое строеніе государства, какъ великаго политическаго творенія, совершается медленно: «Историкъ означаетъ только эпохи его рожденія и возникающихъ въ немъ новыхъ силъ: для полнаго его образованія нужны цѣлые вѣки. Бѣда тому законодателю, который задумаетъ опередить время, медленно и тихо подвигающее впередъ разумъ народовъ! Законодатель мудрый идетъ шагъ за шагомъ и смотритъ вокругъ себя», принимая въ соображеніе естественныя и историческія условія народной жизни, какъ священный завѣтъ и столь же священное руководство для своихъ просвѣтительныхъ реформъ.

в) Съ понятіемъ Карамзина о крѣпостномъ состояніи произошло тоже самое, что и съ его взглядомъ на конецъ XVIII вѣка. Прежде онъ стоялъ за свободу крестьянъ; потомъ нашелъ ее преждевременною, приносящею больше вреда, чѣмъ пользы. Будучи, по его словамъ, напитанъ духомъ филантропическихъ авторовъ, т. е. ненавистью къ злоупотребленіямъ помѣщичьей власти, онъ захотѣлъ быть благодѣтелемъ своихъ поселянъ: отдалъ имъ всю землю, обложивъ самымъ умѣреннымъ оброкомъ и предоставивъ распоряжаться своими дѣлами какъ они сами заблагоразсудятъ. Опытъ показалъ ему печальные плоды этого заочнаго знакомства съ сельскимъ бытомъ: лѣность, пьянство и бѣдность представились глазамъ помѣщика-филантропа, по возвращеніи его изъ путешествія. Тогда, разочарованный въ своемъ либерализмѣ, онъ завелъ порядки, которыхъ требовала истинная филантропія: возобновилъ господскую пашню, обращалъ празднолюбцевъ къ труду, самъ смотрѣлъ за хозяйствомъ. Слѣдствія такого домостроительства оказались какъ нельзя больше счастливые: прежде крестьяне лѣнились, пили и терпѣли во всемъ недостатокъ; теперь они сдѣлались рачительными, трезвыми и зажиточными ([1]).

Новое мнѣніе Карамзина объ одномъ и томъ же предметѣ естественно вытекало изъ разсмотрѣннаго въ предъидущемъ параграфѣ идеала правленія. Связь народа съ его главою, основанная на любви и признательности, должна, по его взглядамъ, скрѣплять и отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ. Обязанность законовъ—опредѣлить эти взаимныя отношенія; обязанность просвѣщенія—не допускать злоупотребленій. «По нашимъ законамъ, говоритъ Карамзинъ, господская власть не есть тиранская и неограниченная; чтобы она не выступала изъ границъ, необходима повсемѣстная образованность, тихо, но вѣрно подвигающая впередъ «разумъ народовъ». Но рядомъ съ злоупотребленіями съ одной стороны, возможны большія опасности съ другой—отъ данной крестьянамъ свободы, которую они, за недостаткомъ подготовительнаго образованія, не съумѣютъ употребить во благо. Гдѣ же, въ виду настоящаго положенія, искать наилучшаго устройства дѣла? «Главное право русскаго дворянина, отвѣчаетъ Карамзинъ, быть помѣщикомъ: главная должность его быть *добрымъ* помѣщикомъ. Кто исполняетъ ее, тотъ служитъ отечеству какъ вѣрный сынъ, тотъ служитъ монарху какъ вѣрный подданный».

Карамзинъ не первый находилъ освобожденіе крестьянъ безъ ихъ просвѣщенія опаснымъ. Такъ думали многіе люди и прежняго и

---

[1]) Письмо сельскаго жителя (В. Евр. 1803, № 17).

его вѣка. Съ какою осторожностію подходилъ къ рѣшенію того же вопроса Руссо! Поборникъ идеи, совершенно справедливой въ самой себѣ, онъ пугался спѣшности ея осуществленія. «Освобожденіе крестьянъ», говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ небольшихъ сочиненій ([1]), «есть дѣло прекрасное и великое, но вмѣстѣ смѣлое и опасное. Надобно приступать къ нему не кое-какъ, а съ предосторожностями, между которыми главнѣйшая заключается въ томъ, чтобы людей, назначаемыхъ къ освобожденію, сдѣлать достойными свободы и способными ею пользоваться. Позаботьтесь прежде всѣго объ этомъ; не освобождайте ихъ тѣла, прежде нежели освободите ихъ душу; безъ этого предварительнаго акта ваша операція будетъ имѣть дурной исходъ». Какую же мѣру предлагаетъ философъ для постепеннаго, крайне осмотрительнаго хода реформы? «Общественный голосъ, строго провѣряемый, долженъ указывать крестьянъ, отличившихся поведеніемъ, добрыми нравами, приличнымъ образованіемъ, попеченіемъ объ ихъ семействахъ, тщательнымъ выполненіемъ всѣхъ обязанностей ихъ званія. Изъ ихъ-то среды слѣдуетъ выбирать опредѣляемое закономъ число для освобожденія... И даръ свободы долженъ быть имъ вручаемъ торжественно, съ такою обстановкою, отъ которой церемонія дѣлалась бы величественною, трогательною и памятною». Вотъ какъ смотрѣлъ на это дѣло авторъ «Общественнаго договора» и трактата «о началѣ и основаніяхъ неравенства между людьми».

Начало сужденій объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія относится къ первымъ годамъ царствованія Екатерины II. Она первая, въ письмѣ къ членамъ Вольнаго Экономическаго Общества (1765), поставила вопросъ: «нужна ли поземельная собственность крестьянину для благоденствія общественнаго»? Этотъ вопросъ былъ въ такомъ видѣ публикованъ отъ Общества (1766): «что полезнѣе для общества, чтобъ крестьянинъ имѣлъ въ собственности землю, или токмо движимое имѣніе, и сколь далеко его право на то или другое имѣніе простираться должно»? Изъ отвѣтныхъ сочиненій извѣстны два: одно, на французскомъ языкѣ—Беарде Делабея, члена Дижонской Академіи; другое, на русскомъ—Полѣнова, состоявшаго при Академіи Наукъ, по возвращеніи его изъ геттингенскаго университета. Первое признано наилучшимъ, почему авторъ и получилъ назначенную награду (100 червонцевъ и медаль въ 25 червонцевъ); авторъ втораго награжденъ золотою медалью въ 12 червонцевъ. Сочиненіе Беарде дѣлится на двѣ части. Сначала онъ доказываетъ, что надѣленіе крестьянъ поземельною

[1]) **Considérations sur le gouvernement de Pologne (1772).**

собственностію немыслимо безъ ихъ личной свободы, а потомъ разсуждаетъ о способахъ освобожденія и надѣла. Согласно со второю половиною девиза, выбраннаго имъ для своего сочиненія (est modus in rebus), онъ совѣтуетъ строгую постепенность въ преобразованіяхъ условій крестьянскаго быта, рекомендуя, какъ мѣру пріуготовительную, народное просвѣщеніе и обѣщаніе послѣ извѣстнаго срока дать крестьянамъ землю и личную свободу. Трудъ Беарде оканчивается прекраснымъ обращеніемъ къ Екатеринѣ: «Когда мы съ удивленіемъ взираемъ на чудныя дѣла, произведенныя Петромъ Великимъ въ его земляхъ, то вдругъ покажется, что преемники его, подобно сыну Филиппа Македонскаго, могли бы сказать, что онъ имъ ничего великаго сдѣлать не оставилъ. Но какъ Александръ въ подвигахъ своихъ знатно превзошелъ отца, такъ равномѣрно предоставлено было безсмертной Екатеринѣ содѣлать еще большія чудеса, одушевляя, просвѣщая и даруя новую жизнь безчисленному множеству рабовъ, чувствующихъ только половину своего бытія, и преображая такимъ образомъ человѣками многія тысячи самодвижущихся махинъ» [1]. Девизъ къ сочиненію Полѣнова: plus boni mores valent, quam bonae leges, показываетъ, что онъ, какъ въ послѣдствіи Карамзинъ, приписывалъ добрымъ нравамъ больше значенія, чѣмъ хорошимъ законамъ. Первымъ средствомъ для улучшенія крестьянскаго быта онъ ставитъ образованіе, предлагая и способы къ достиженію успѣха въ этомъ основномъ дѣлѣ. Затѣмъ сочиненіе разсуждаетъ о движимой и недвижимой собственности крестьянъ. Отдавая первую въ полное ихъ распоряженіе, Полѣновъ говоритъ, что извѣстное количество помѣщичьей земли должно быть также имъ уступлено за опредѣленную повинность и съ ограниченнымъ правомъ, т. е. только въ ихъ наслѣдственное пользованіе, но безъ права отчуждать ее какимъ бы ни было образомъ [2]. Таковы ученыя рѣшенія вопроса о крѣпостномъ состояніи въ Россіи. Честь перваго заявленія его въ литературѣ принадлежитъ Радищеву, автору «Путешествія изъ Санктпетербурга въ Москву» (1790) [3].

д) Первоначальное понятіе Карамзина о реформахъ Птера I вы-

---

[1]) Исторія Вольнаго Экономическаго Общества съ 1765 до 1865 г. (1865). Сочиненіе Беарде напеч. въ VIII ч. «Трудовъ» Общества (1768). Императоръ Александръ I сослался на него въ своемъ отвѣтѣ В. С. Попову, бывшему статсъ-секретарю Екатерины II (Русскій Архивъ 1864, № 8).

[2]) Объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія крестьянъ въ Россіи, А. Я. Полѣнова (Рус. Архивъ 1865, № 3); А. Я. Полѣновъ, русскій законовѣдъ XVIII в. (Ib. №№ 4, 5 и 6).

[3]) Ист. Слов., т. I.

текало изъ его взгляда на развитіе народной жизни. Преобразованія великаго царя, по мнѣнію нѣкоторыхъ повредившія русской національности, онъ оправдываетъ тѣмъ положеніемъ, что путь образованія одинъ для всѣхъ народовъ. Это положеніе имѣло для него силу исторической аксіомы и привело къ гуманитарно-космополитической точкѣ зрѣнія, сущность которой выражена въ Письмахъ русскаго путешественника: «Все народное ничто предъ человѣческимъ. Главное дѣло быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для русскихъ, и что англичане или нѣмцы изобрѣли для пользы, для выгоды человѣка, то мое, ибо я человѣкъ». Изъ мыслей для похвальнаго слова Петру I, уцѣлѣвшихъ въ записной книжкѣ 1798 г., видно, что въ это время Карамзинъ думалъ о реформѣ по прежнему: Левека и подобныхъ ему порицателей великаго дѣятеля онъ причисляетъ къ умамъ мелкимъ, безсильнымъ понимать генія; до-Петровскую Русь уподобляетъ безобразному (необдѣланному) куску мрамора, а Россію новую, преобразованную Петромъ — Фидіасовой статуѣ Юпитера Олимпійскаго; подражаніе Европѣ называетъ единственнымъ способомъ подвинуть народъ къ совершенству; даже повторяетъ тѣ самыя слова, какія были употреблены имъ въ письмѣ о Левекѣ: «ходъ натуры одинаковъ, одно просвѣщеніе, одинъ способъ къ совершенству, одно назначеніе всѣхъ народовъ». — Но вскорѣ этотъ взглядъ, измѣняясь, замѣнился другимъ, ему противоположнымъ, причина чего объяснится ниже.

д) Изъ литературныхъ мнѣній Карамзина наиболѣе замѣчательно мнѣніе о Шекспирѣ. Оно выражено въ предисловіи къ переводу «Юлій Цезарь», въ стихотвореніи «Поэзія» и въ разныхъ мѣстахъ «Писемъ». Предисловіе и стихотвореніе характеризуютъ всеобъемлющій геній англійскаго трагика: «Шекспиръ зналъ всѣ сокровеннѣйшія побужденія человѣка, отличительность каждой страсти, каждаго темперамента, каждаго рода жизни. Для каждой мысли находилъ онъ образъ, для каждаго ощущенія выраженіе, для каждаго движенія души наилучшій оборотъ. Съ равнымъ искусствомъ изображалъ онъ героя и шута, умнаго и безумца, Брута и башмачника. Геній его, подобно генію натуры, обнималъ взоромъ своимъ и солнце и атомы. Драмы его, подобно неизмѣримому театру натуры, исполнены многоразличія; все же вмѣстѣ составляетъ совершенное цѣлое». Въ «Письмахъ», при сравненіи «французской Мельпомены» съ «Шекспировой музой», отдается послѣдней рѣшительное преимущество: Карамзинъ ни у Корнеля, ни у Расина не находитъ ничего подобнаго монологу Лира, когда онъ, изгнанный дочерьми, долженъ былъ провести бурную ночь въ лѣсу. Такой

взглядъ на Шекспира былъ исключеніемъ изъ ряда тогдашнихъ понятій о томъ же трагикѣ. Опираясь на авторитетъ Вольтера, наши критики театральныхъ піесъ дошли до того, что вкусъ Шекспира называли вкусомъ «рынковъ и кабаковъ». Предисловіе къ переводу «Юлія Цезаря» защищаетъ Шекспира отъ нападковъ «знаменитаго софиста» и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ урокъ русскимъ драматическимъ писателямъ: «не хотѣлъ Шекспиръ соблюдать такъ называемыхъ единствъ, которыхъ нынѣшніе наши авторы такъ крѣпко придерживаются, потому что не хотѣлъ полагать тѣсныхъ предѣловъ своему воображенію. Онъ смотрѣлъ только на натуру, не заботясь ни о чемъ прочемъ. Извѣстно было ему, что мысль человѣческая мгновенно можетъ перелетать отъ запада къ востоку, отъ конца области Моголовой къ предѣламъ Англіи».

Уваженіе Карамзина къ англійской трагедіи объясняется его знакомствомъ съ нѣмецкой литературой, въ которой вопросъ о Шекспирѣ не только былъ поднятъ, но и значительно разработанъ. Лессингъ первый указалъ своимъ соотечественникамъ на Шекспира, какъ на образецъ, которому должно слѣдовать для усвоенія истинно-драматическаго стиля и для созданія оригинальныхъ произведеній. Изъ его «Гамбургской драматургіи», Карамзинъ могъ узнать многое о различіи между этимъ стилемъ и трагической системой французовъ. Онъ перевелъ «Эмилію Галотти» (Лессинга),—піесу, по своему характеру совершенно противоположную псевдоклассическимъ драмамъ. Кромѣ того нѣсколько лѣтъ жилъ онъ въ одномъ домѣ съ Ленцомъ, умершимъ въ Москвѣ; а Ленцъ, какъ одинъ изъ авторовъ того періода нѣмецкой словесности, который извѣстенъ подъ именемъ періода «бурныхъ стремленій», принадлежитъ къ горячимъ, хотя и неискуснымъ, подражателямъ Шекспира. Можетъ быть въ бесѣдахъ съ нимъ онъ болѣе и болѣе проникался уваженіемъ къ геніальному трагику, за сочиненіями котораго просиживалъ половину зимнихъ ночей съ своимъ другомъ Петровымъ, отличавшимся вѣрнымъ вкусомъ. Во всякомъ случаѣ своими понятіями о драмѣ Карамзинъ опередилъ современныхъ ему критиковъ не только конца прошлаго вѣка, но и первой четверти настоящаго. Эти понятія не поколебались ни отъ авторитета Вольтера, ни отъ общаго стремленія къ французскому псевдоклассицизму. Тогда какъ другіе не видѣли въ драмѣ ничего далѣе искуственной правильности, условныхъ приличій и неминуемыхъ трехъ единствъ, Карамзинъ требовалъ отъ нея глубины общечеловѣческаго содержанія, истинности и цѣльности характеровъ, художественнаго воспроизведенія жизни.

И всѣ эти требованія выговаривались имъ въ начальный періодъ его дѣятельности, на двадцатилѣтнемъ возрастѣ.

§ 6. Если публика своимъ полнымъ сочувствіемъ награждала труды Карамзина, то въ литературномъ мірѣ онъ встрѣтилъ противниковъ, изъ которыхъ одни по мелочному самолюбію, а другіе по несогласію во взглядахъ, заявляли свое къ нему недоброжелательство.

Мы уже упоминали о выходкахъ «Зрителя» противъ Московскаго журнала. Издатели «Зрителя» (Крыловъ и Клушинъ), равно какъ и сотрудникъ Ѳ. Эминъ, неблаговолили ни къ Карамзину, ни къ его другу Дмитріеву. Издатель Россійскаго Магазина (1792 г.), Ѳедоръ Туманскій также зацѣплялъ Карамзина, въ отмщеніе за то, что Московскій Журналъ рѣзко отозвался о его переводѣ сочиненія греческаго писателя Палефата (о невѣроятныхъ сказаніяхъ) и не принималъ на свои страницы его бездарныхъ одъ и посланій. Потомъ тотъ же Туманскій, будучи цензоромъ въ Ригѣ, даже остановилъ нѣмецкій переводъ «Писемъ русскаго путешественника». Нѣсколько эпиграммъ вышло изъ подъ пера Шатрова и А. С. Хвостова, воителей извѣстнаго кружка, неблагосклонно смотрѣвшаго на литературныя новизны Карамзина.

Иную цѣль имѣли обличенія: они не довольствовались насмѣшкой, но хотѣли заподозрить образъ мыслей Карамзина, указать ихъ безнравственность. Умѣренно-либеральные взгляды его, съ одной стороны казавшіеся тощими тому, кто увлекался событіями 1789 г., могли, съ другой стороны, пугать воображеніе тѣхъ, кто ученіе деистовъ смѣшивалъ съ матеріализмомъ или безбожіемъ и въ стремленіи къ общегражданскому благу видѣлъ якобинство. Въ журналѣ «Ипокрена» ([1]) явилось стихотвореніе — пасквиль, подъ заглавіемъ: «Ода въ честь моему другу». Анонимный авторъ ея ([2]) выставляетъ нравственную философію своего друга, противополагая ее другой — безнравственной, извлеченной изъ сочиненій Карамзина. Онъ до того простеръ свою безцеремонность, что мнѣнія Карамзина обозначилъ курсивомъ, съ указаніемъ въ выноскахъ на тѣ пьесы, изъ которыхъ они приведены. Вотъ четыре строфы, направленныя противъ «Разговора о счастіи»:

---

[1]) 1799, ч. 4.

[2]) По всему вѣроятію П. И. Голенищевъ-Кутузовъ, издатель журнала «Другъ просвѣщенія» (1804—1806), бывшій два раза попечителемъ Московскаго университета: до его преобразованія (1798—1803) и послѣ преобразованія (1810—1812).

Картинъ не пишешь сладострастныхъ,
Чтобы читателей привлечь,
Чтобъ тѣмъ у юношей несчастныхъ
Воображенье не разжечь,
Чтобъ не испортить ихъ природы
И въ самые незрѣлы годы
Огня страстей не развернуть;
Но гласъ твой мудрый повторяетъ:
«Чѣмъ меньше кто страстямъ внимаетъ,
«Скорѣй найдетъ къ блаженству путь».

Не мнишь, что тамъ сіе блаженство,
Гдѣ на окнѣ горшокъ цвѣтовъ стоитъ (¹);
Не мнишь, что миръ и совершенство
Найдешь ты съ Хлоей межъ кустовъ:
Но, помня мудрости совѣты,
И въ юныя, и въ стары лѣты
Велишь со страстью быть въ борьбѣ,
Чтобъ были духъ и тѣло здравы,
Чтобъ зрѣть стези къ блаженству правы
Въ религіи, въ самомъ себѣ.

Не мнишь, *даны чтобы чувства были*
На то, чтобъ всѣ ихъ услаждать,
И разума лучи служили,
Чтобъ наслажденья избирать;
Не выдалъ странную чудесность,
Приведши страсти въ равновѣсность (²),
Къ блаженству съ буйствомъ ихъ идти:
Но ты, всю цѣну истинъ зная,
Твердишь, что, страсти побѣждая,
Къ блаженству путь легко найти.

Не мнишь, чтобъ жить въ союзѣ тѣсномъ
Намъ нужно было со страстьми;
Что *въ мірѣ нравственномъ, тѣлесномъ*
Безъ нихъ и жить не льзя съ людьми:
Но знаешь, что звѣрямъ подобенъ,
Кто сладострастенъ, скупъ и злобенъ,
Коль равновѣсны страсти въ немъ.
Но если страсти утишились,
Молчатъ, не дѣйствуютъ, сокрылись,
То схожъ онъ съ ангеломъ во всемъ.

---

¹) Красивый, чистенькій домикъ всегда представляетъ моему воображенію картину возможнаго счастія, особливо когда *вижу на окнѣ цвѣты*, а подъ окномъ... миловидную женщину, за рукодѣліемъ, за книгою, за арфою (Разг. о счастіи).

²) См. выше изложеніе содержанія «Разговора о счастіи».

О путешествіи Карамзина говорится слѣдующее:

Хоть ты и ѣздилъ въ земли чужды,
Но не трактировъ тамъ смотрѣлъ;
Не видѣлъ въ томъ ни малой нужды,
Чтобъ знали, что ты пилъ и ѣлъ.
И ѣздивши не на проказы,
Хрусталь не кажешь за алмазы,
Чтобъ быть слѣпымъ вождемъ слѣпцовъ,
Но, къ истинѣ всегда стремяся
И къ ней единой прилѣпяся,
Искалъ бесѣды мудрецовъ.

Четырестишіе Карамзина, въ родѣ эпитафіи самоубійцѣ (1), почти все приведено въ «Одѣ»:

Не мнишь ты также, чтобъ *Создатель*
Такой свѣтильникъ далъ уму,
Съ которымъ истины искатель
Находитъ ложь вездѣ и тьму;
Что *сердце—Божье дарованье—*
Дано на лютое страданье.
Ты жъ видишь въ семъ, сколь благъ Творецъ;
Что умъ всѣхъ истинъ есть содѣтель;
Что все дано на сей конецъ.

Другое стихотвореніе Карамзина: *Исправленіе* (2) также обличается въ безнравственномъ смыслѣ:

Ты мыслишь также, что не худо
Memento mori повторять (3),
За тѣмъ что никакое чудо
Не можетъ смерти насъ изъять;
За тѣмъ что рано или поздно
Наступитъ смерти время грозно.
Чтобъ сласти мнимыя пресѣчь,
То лучше къ смерти быть готовымъ,
Чтобъ гробъ не такъ намъ былъ суровымъ,
И чтобъ въ него спокойно лечь.

Какъ эту «Оду», такъ еще болѣе слѣдовавшія за нею обличенія, нельзя объяснить тѣмъ, что французы называютъ jalousie

1) Можетъ быть, шведу Шпренгпорту, который былъ знакомъ съ Карамзинымъ. Оно напеч. въ Соч. Кар., изд. Смир. 1, стр. 118:

Богъ далъ мнѣ свѣтъ ума: я истины искалъ,
И видѣлъ ложь вездѣ—свѣтильникъ погашаю.
Богъ далъ мнѣ сердце: я страдалъ—
И Богу сердце возвращаю.

2) Ib. стр. 174.

3) При этомъ авторъ «Оды» замѣчаетъ въ выноскѣ: сіе напоминательное изреченіе, совѣтуемое и христіанскими, и языческими мудрецами, осмѣхается новымъ мудрецомъ (Аониды, III, 255).

du métier. Корень ихъ глубже и чернѣе. Анекдотъ, переданный гр. Растопчинымъ И. И. Дмитріеву (1), показываетъ, что Карамзинъ еще при императорѣ Павлѣ слылъ во мнѣніи нѣкоторыхъ недоброжелателей за безбожника, за человѣка, опаснаго правительству. Получивъ отъ одного изъ нихъ доносъ въ этомъ смыслѣ, Государь бросилъ его въ огонь послѣ разговора съ дежурнымъ генералъ-адъютантомъ Растопчинымъ, очень хорошо знавшимъ обвиняемаго и несправедливость обвиненій. Другой доносъ, можетъ быть отъ того же самаго лица (2), адресованъ министру народнаго просвѣщенія, гр. А. К. Разумовскому, и относится къ 1810 г., когда Карамзину былъ пожалованъ орденъ св. Владиміра 3-ей степени, при лестномъ рескриптѣ, выставлявшемъ его литературныя заслуги (3). Доноситель пишетъ, что сочиненія Карамзина «исполнены вольнодумческаго и якобиническаго яда», что въ нихъ «явно проповѣдуется безбожіе и безначаліе», что «не хвалить, а сжечь ихъ слѣдовало бы», что авторъ ихъ «цѣлитъ не менѣе, какъ въ Сіесы или въ первые консулы». Письмо осталось безъ всякихъ послѣдствій. Карамзинъ былъ крѣпокъ правотою своею, дружбою и уваженіемъ къ нему многихъ вліятельныхъ лицъ. «Говорить ли о К—вѣ»? писалъ онъ А. И. Тургеневу (21 апрѣля 1811). «Онъ самъ себя наказываетъ злобою. По сіе время не удалось ему мнѣ сдѣлать зла, а что будетъ впредь—не знаю, и знать не хочу. Мщенія не люблю; довольствуюсь презрѣніемъ, и то невольнымъ». Сильнымъ заступникомъ Карамзина была великая княгиня Екатерина Павловна, принцесса ольденбургская, въ послѣдствіи королева Виртембергская (4). Въ письмѣ къ нему (3-го іюля 1811) она припомнила исторію доноса: «обѣдалъ у меня кураторъ К......., но онъ нашелъ мою кухню нездоровою, принужденный выслушать мои мнѣнія о васъ и профессорѣ Буле (5) и мои къ вамъ чувства». Отношенія Кутузова къ Карамзину не измѣнились и въ послѣдствіи, какъ можно видѣть изъ писемъ послѣдняго къ женѣ, въ бытность его въ Петербургѣ (1816): «Видѣлъ во дворцѣ и К... ; вѣроятно,

1) Словарь достопамятныхъ людей русской земли, Бантышъ-Каменскаго, ч. 2, стр. 133.

2) П. И. Голенищева-Кутузова.

3) Письмо къ гр. Разумовскому въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и древностей россійскихъ при Москов. унив.» (1858, кн. 2, смѣсь, стр. 185—186).

4) Она жила въ Твери, куда, по ея приглашенію, нерѣдко ѣзжалъ Карамзинъ. Принцъ имѣлъ пребываніе въ этомъ городѣ, какъ тверской и ярославскій генералъ-губернаторъ.

5) Профессоръ Моск. унив. Буле 1811 г. былъ опредѣленъ библіотекаремъ великой княгини.

что онъ вымышляетъ какіе-нибудь новые доносы и лжетъ по обыкновенію».... «A propos de K.....: сказываютъ, что онъ на сихъ дняхъ старался доставить гр. Аракчееву записку съ новыми доносами на меня, но посредникъ отказался ([1]).

§ 7. Реформа, произведенная Карамзинымъ въ книжномъ языкѣ, возбудила противодѣйствіе собственно-литературное, имѣвшее своимъ предметомъ не содержаніе его сочиненій, а ихъ внѣшнее выраженіе. Возникшая по этому предмету полемика тянулась долгое время. Мы изложимъ ея послѣдовательный ходъ съ указаніемъ важнѣйшихъ явленій, которыя, занимая мѣсто въ исторіи нашего книжнаго языка и слога, любопытны и въ другихъ отношеніяхъ.

Еще въ переводахъ для Дѣтскаго чтенія, Карамзинъ представилъ образцы инаго языка и слога, сравнительно съ господствовавшимъ до него Ломоносовскимъ строемъ рѣчи. «Письма русскаго путешественника», независимо отъ содержанія, плѣняли современную публику особенностями языка, близкаго, по ясности и легкости, къ языку разговорному и вмѣстѣ отличавшагося тѣмъ, что рѣдко встрѣчается въ разговорѣ—пріятностью. Раздѣляя исторію русскаго слога на эпохи, Карамзинъ первую ведетъ отъ Кантемира, вторую отъ Ломоносова, третью отъ славяно-русскихъ переводовъ Елагина, а четвертую отъ своего времени, въ которое, какъ онъ говоритъ, образуется *пріятность* слога, называемая французами *élégance* ([2]). Карамзинъ умалчиваетъ объ имени образователя и даже не опредѣляетъ, въ чемъ именно заключается эта «пріятность»; но изъ его собственныхъ произведеній не трудно было видѣть по крайней мѣрѣ отрицательныя ея качества: она свободна съ одной стороны отъ славянскихъ словъ, а съ другой — отъ латино-нѣмецкаго словорасположенія. Внимательный читатель могъ замѣтить съ перваго же раза, что авторъ, не получившій схоластическаго образованія, не изучавшій греко-латинскихъ классиковъ, но хорошо знакомый съ тогдашнею западноевропейскою словесностью, выбралъ себѣ примѣрами по преимуществу французскихъ писателей; что отъ его природнаго вкуса не скрывалась неумѣстность славяно-русской смѣси въ литературномъ

---

[1]) Неизд. сочиненія и переписка Карамзина. Друзья и почитатели Карамзина не могли, по образу своихъ мыслей и чувствъ, воевать съ Кутузовымъ его оружіемъ; они преслѣдовали его эпиграммами, въ которыхъ онъ являлся «Картузовымъ». Въ сатирѣ Воейкова «Домъ сумасшедшихъ», Кутузову посвящена особая строфа.

[2]) Пантеонъ Россійскихъ авторовъ (характеристика Кантемира). При внесеніи Пантеона въ собраніе сочиненій Карамзина, слова: «называемая французами «élégance», исключены.

языкѣ, и по преимуществу въ эпистолярномъ стилѣ, наиболѣе подходящемъ къ раговорному, такъ какъ письмо есть своего рода разговоръ. Извѣщая, въ Московскомъ журналѣ, о выходѣ русскаго перевода Ричардсоновой Клариссы, Карамзинъ критикуетъ выраженіе: «колико для тебя чувствительно», и объясняетъ его дикость тѣмъ, что переводчикъ хотѣлъ послѣдовать модѣ, введенной въ русскій слогъ «голѣмыми (великими) претолковниками, иже отрѣвають все, еже есть русское, и блещаются блаженнѣ сіяніемъ славяномудрія». При разговорѣ съ Каменевымъ (1800 г.), онъ показалъ, какимъ способомъ упражнялся онъ въ искусствѣ писать: «Вознамѣрясь выдти на сцену, я не могъ сыскать ни одного изъ русскихъ писателей, который бы былъ достоинъ подражанія, и, отдавая всю справедливость краснорѣчію Ломоносова, не упустилъ замѣтить стиль его *дикій*, *варварскій*, вовсе несвойственный нынѣшнему вѣку, и старался писать чище и живѣе. Я имѣлъ въ головѣ нѣкоторыхъ иностранныхъ авторовъ; сначала подражалъ имъ, но послѣ писалъ уже своимъ, ни отъ кого не заимствованнымъ слогомъ» Записки И. Дмитріева точнѣе объясняютъ, къ какому собственно стилю относятся эпитеты: «варварскій» «дикій». Ломоносовъ хотя и вводилъ въ свою рѣчь славянскія слова, но осторожно, т. е. съ извѣстнымъ тактомъ и соотвѣтственно матеріи. Тоже видимъ у ближайшихъ его послѣдователей—Поповскаго и Барсова; но потомъ подчиненіе авторитету преступило мѣру, предписанную разсужденіемъ о пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ. При изложеніи чувствъ и мыслей такъ называемымъ высокимъ слогомъ, писатели считали непремѣнною обязанностью наполнять свою рѣчь, кстати и некстати, славянщиной, отчего и образовался подъ перомъ ихъ особенный литературный языкъ, получившій названіе «славянороссійскаго» или «славянорусскаго». Карамзинъ ведетъ его начало отъ переводовъ Елагина, открывшихъ, по его мнѣнію, третью эпоху нашего слога въ его послѣдовательномъ развитіи съ Кантемира. Дмитріевъ къ имени Елагина присоединяетъ также имя фонъ-Визина, какъ переводчика похвальнаго слова Марку Аврелію ([1]) и поэмы «Іосифъ» ([2]). За ними слѣдовали (а иные и одновременно шли съ ними): Михаилъ Поповъ, переводчикъ Освобожденнаго Іерусалима (1772), Екимовъ, переводчикъ Иліады (1776), Пахомовъ и священникъ Сидоровскій, общими силами переведшіе «Разговоры Лукіана» (1775—1783) и «Творенія Платона» (1780—85), Захаровъ, переводчикъ поэмы «Авелева смерть» (1780).

[1]) Французскаго писателя Тома.

[2]) Битобе, также французскаго писателя.

На этихъ-то переводчиковъ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ, вѣроятно, намекалъ другъ Карамзина Петровъ, когда давалъ ему такой совѣтъ: «лучше пиши все свое сочиненіе на русско-славянскомъ языкѣ, долгосложно-протяжно-парящими словами» Самъ же Карамзинъ подъ «голѣмыми претолковниками» разумѣлъ членовъ Россійской Академіи, отличавшихся славяноманіей. Въ числѣ этихъ членовъ состояли упомянутые Сидоровскій и Захаровъ ([1]).

Такъ какъ многіе изъ тогдашнихъ литераторовъ, и особенно тѣ, что засѣдали въ Россійской Академіи, вовсе не почитали Ломоносовскій слогъ «дикимъ и варварскимъ», а напротивъ видѣли въ немъ идеалъ, къ которому должно стремиться, то реформа Карамзина равнялась, по ихъ мнѣнію, посягательству на образецъ и требовала противодѣйствія. Защиту оскорбляемаго авторитета взялъ на себя Шишковъ, воспитанникъ Морскаго корпуса, знавшій многіе иностранные языки и на чтеніи духовныхъ книгъ, памятниковъ древне-русской словесности и отечественныхъ писателей XVIII в. ознакомившійся съ языками церковно-славянскимъ и русскимъ литературнымъ. Въ 1803 г. вышло его «Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка». Изъ названія книги видны ея содержаніе и составъ. Она дѣлится на двѣ части: въ одной идетъ рѣчь о старомъ слогѣ, въ другой о новомъ, постоянно противополагаемомъ первому. Достоинства стараго слога разъясняются на образцахъ изъ духовной литературы, изъ сочиненій Ломоносова, Сумарокова и другихъ писателей XVIII в. Особенно восхваляется мастерство Ломоносова сочетать высокопарный славянскій слогъ съ просторѣчивымъ русскимъ ([2]). За примѣрами образцоваго стараго слога слѣдуютъ примѣры новаго. Самъ Карамзинъ не представлялъ, въ этомъ отношеніи, слабыхъ сторонъ своему противнику. Но многіе изъ подражателей Карамзина оказывали плохія услуги его дѣлу отсутствіемъ таланта, безвкусіемъ и незнаніемъ духа русскаго языка. Безъ всякой нужды, они пестрили свою рѣчь галли-

---

[1]) Карамзинъ въ исторіи русскаго литературнаго языка, Я. Грота (Ж. М. Н. Просв. 1867 г. апрѣль). Въ приложеніяхъ къ этой статьѣ приведены образцы до-Карамзинскаго слога.—Другіе примѣры см. въ примѣчаніяхъ къ 1-му т. моей Русской Христоматіи.

[2]) Какъ примѣръ крайней осмотрительности, ясности и точности въ рѣчахъ Ломоносова, «Разсужденіе» приводитъ слѣдующій стихъ, въ которомъ говорится о Купидоновомъ лукѣ:

Въ дождѣ *чать* повредился.

Ломоносовъ, замѣчаетъ Шишковъ, почувствовалъ, что, поставя *чай* (вмѣсто *чать*), выйдетъ изъ сего двусмысліе глагола *чай* съ именемъ *чай*, т. е. китайской травы, которую мы по утрамъ пьемъ, и для того, сокращая глаголъ *чаять*, поставилъ *чать*.

цизмами, или выдумывали новыя слова, которыя не отвѣчали ни смыслу выражаемыхъ ими понятій, ни требованіямъ благозвучія. Шишковъ имѣлъ право назвать ихъ переводы «французско-русскими». Цитируя вышеприведенное изъ «Пантеона россійскихъ авторовъ» дѣленіе нашего слога на эпохи, «Разсужденіе» замѣчаетъ: «правда, ежели французское слово *élégance* перевести по-русски *чепуха*, то можно сказать, что мы дѣйствительно и въ краткое время слогъ свой довели до того, что погрузили въ него всю полную силу и знаменованіе сего слова».

При чтеніи нѣкоторыхъ журналовъ, современныхъ книгѣ Шишкова, легко было найти, что возмущало его и чѣмъ онъ пользовался, какъ меткимъ орудіемъ, въ своихъ нападкахъ на новизну. Такъ одинъ критикъ, вмѣсто разбора литературныхъ произведеній, *дѣлаетъ экзаменъ* (экзаменъ «Хорева», трагедіи Сумарокова; экзаменъ «Лизы или торжества благодарности», драмы Ильина); говоритъ, что у Ломоносова было больше учености, но меньше *духа* (вм. творчества, генія), нежели у Сумарокова, который имѣлъ всѣ *пороки* (вм. недостатки) Корнеля, не имѣя ни одной изъ его красотъ. Геснеръ, въ предисловіи къ переводу его идиллій, названъ не геніемъ, а *жени*. Шишковъ представилъ длинный списокъ подобныхъ выраженій, изъ которыхъ, для примѣра, беремъ слѣдующія: подпирать свое мнѣніе; имена мелкія цѣны; голова образованная для тайной связи съ невинностью; законъ ударяетъ совсѣмъ на иные предметы; вѣдомственныя извѣстія; казалось, что вся природа искала намъ добронравствовать; мысль перваго мая; народъ не потерялъ перваго отпечатка своей цѣны, и проч. и проч. (¹).

---

¹) Такъ какъ списокъ Шишкова многимъ обязанъ «россійскому сочиненію А. О. (Орлова): «Утѣхи меланхоліи» (1802), то выписка изъ этой книжки будетъ не лишнею для знакомства съ смѣшными крайностями новаго слога и вмѣстѣ съ такими же крайностями сентиментализма. Беремъ статью: «Чувство пріятнаго».

Пасмурный день въ сердцѣ іюля вызвалъ насъ пользоваться воздухомъ. Предлагая интересную прогулку въ дружескомъ кругѣ, идемъ за городъ развлечь задумчивость; полевыя красоты нѣжно плѣнили насъ; поспѣшая, съ сердечнымъ удовольствіемъ входимъ въ рощу. Здѣсь зрѣніе наше находитъ разнообразные предметы; съ неизъяснимою пріятностію разсѣявшись въ ея сѣни, слышимъ страстную Филомелу, тающую въ своихъ восторгахъ: Орфеи лѣсовъ ей аккомпанируютъ. Сквозь рѣдкія дерева сей скиніи мелькаютъ по М... дорогѣ скачущіе экипажи; далѣе съ котомками пильгримы. Между тѣмъ сокровище Цереры обращаетъ вниманіе наше. Тутъ сельская прелесть съ восхищеніемъ обозрѣваетъ созрѣвающее богатство; привѣтствуемъ ее съ нетерпѣніемъ ожидаемаго: низкій натуральный комплиментъ при невинной улыбкѣ былъ отвѣтъ ея. Покоясь въ объятіи уединеннаго Сильвана, обитателя прикосновенной чаши, воз-

Неправильности новаго слога Шишковъ дѣлитъ на три разряда. Одни писатели безобразятъ родной языкъ внесеніемъ словъ ему чуждыхъ, напр. моральный, эстетическій, эпоха, гармонія, энтузіазмъ, катастрофа, акція. Другіе стараются изъ русскихъ словъ дѣлать не русскія, наприм.: «настоящность», вм. настоящее время, «будущность», вм. будущее время ([1]). Третьи переводятъ французскія имена, глаголы и цѣлыя рѣчи изъ слова въ слово на отечественный языкъ, принимая ихъ въ томъ самомъ смыслѣ, какой они имѣютъ въ подлинникѣ; отсюда явились: переворотъ (révolution), развитіе (développement), утонченный (raffiné), сосредоточить (concentrer), трогательно (touchant), занимательно (interessant), и многія другія. Всѣ эти злоупотребленія роднаго слова приписываетъ Шишковъ пристрастію къ языку французскому и пренебреженію славянскимъ.

За тѣмъ въ «Разсужденіи» слѣдуютъ двѣ выписки: въ одной выбраны изъ новѣйшихъ сочиненій и переводовъ слова и рѣчи, несвойственныя нашему языку, съ цѣлію обнаружить вводимыя странности; вторая есть «опытъ словаря» и содержитъ въ себѣ слова и рѣчи изъ книгъ церковныхъ, съ объясненіемъ ихъ знаменованія и съ цѣлію показать, что, вмѣсто нелѣпыхъ новостей, должно прибѣгать къ памятникамъ духовной литературы, какъ источнику истиннаго краснорѣчія. Послѣдняя выписка замѣчательна тѣмъ, что рекомендуетъ славянскія и русскія слова, которыми, по мнѣнію Шишкова, удобно могли бы замѣниться нововведенія. Онъ удивляется, зачѣмъ явились *сцена*, *актъ*, *меланхолія*, *миѳологія*, *рецензія*, *героизмъ*, когда у насъ есть *явленіе*, *дѣйствіе*, *уныніе*, *баснословіе*, *разсматриваніе книгъ*, *добледушіе*. Понятіе объ *актерѣ*, говоритъ онъ, дается словомъ *лицедѣй*; новое выраженіе: *развитіе понятій* уступаетъ болѣе намъ свойственному: *прозябеніе понятій*. Заброшенныя слова: *лысто*, *непщевать*, *овъ*, *зане*, *поне*, *убо*, *иже*, *яко*, онъ находитъ хорошими и

лежимъ на мшистомъ бархатѣ прекрасной лужайки, пригласившей насъ на ковры ея, читаемъ творенія мужей знаменитыхъ, мирно апплодируемъ изящность идей ихъ. Сблизился вечеръ,—въ полномъ наслажденіи чувствъ возвращаемся; вкусный кофе питаетъ насъ аппетитно, и разговоръ друзей неощутительно застаетъ ночь. Облобызавшись взаимно съ признательностію къ подателю благъ, предпринимаемъ въ послѣдствіи заниматься прохладою. Тихій, сладкій сонъ заключаетъ времяпровожденіе дня того... Священная природа! въ храмѣ твоемъ токмо человѣкъ можетъ существенно блаженствовать.

[1]) Послѣ этого, замѣчаетъ Шишковъ, прошедшее время дозволено будетъ называть «прошедшность», человѣческое жилище—«человѣчатнею» (по подобію голубятни), а березовое или дубовое дерево — «березятиной», «дубовятиной» (по подобію телятины).

выразительными. Еще прежде «опыта словаря», онъ хвалилъ русскія переложенія геометрическихъ терминовъ, въ старинномъ переводѣ «Эвклидовыхъ началъ»: *минующія черти* (параллельныя линіи), *подтягивающая* (хорда), *размѣръ* (діаметръ), *ость* (центръ), равно какъ, съ другой стороны, осуждалъ слова: *обработанность*, *обдуманность*, *начитанность*, замѣчая, что послѣ этого начнутъ, пожалуй, писать: *летательность*, *насмотрѣнность* и т. п.

Въ одинъ годъ съ книгою Шишкова вышелъ разборъ ея, написанный Макаровымъ, издателемъ «Московскаго Меркурія» (¹). Исходная мысль критика—непрерывное развитіе языка, которое онъ противополагаетъ его установленности, поддерживаемой Шишковымъ. Всѣ языки съ теченіемъ времени мѣняются и ветшаютъ. Изъ общаго закона не изъятъ и нашъ. Не только славянскій языкъ, но и тотъ, которымъ писалъ Ломоносовъ, уже устарѣлъ и не можетъ болѣе служить примѣромъ для прозы. Движеніе языка, появленіе въ немъ новыхъ словъ идетъ за движеніемъ просвѣщенія, за появленіемъ новыхъ предметовъ и понятій. Умственныя пріобрѣтенія обогащаютъ и словарь. Такова сущность мысли Макарова, который подкрѣпляетъ ее примѣрами. Отъ главнаго своего тезиса Макаровъ переходитъ къ другимъ, менѣе существеннымъ. Онъ признаетъ фактъ, возбудившій негодованіе Шишкова, но въ тоже время показываетъ односторонность его критики. Дѣйствительно, говоритъ онъ, плохіе писатели употребляютъ иностранныя слова безъ разсудка и вкуса; но развѣ виноватъ талантъ, если нашлись бездарные ему подражатели? Десятки, сотни ошибочныхъ фразъ, выбранныхъ изъ книгъ разнаго сорта, доказываютъ только, что у насъ есть дурныя книги, но несправедливо судить по нимъ о состояніи языка, о качествѣ современной словесности. Далѣе Макаровъ отвергаетъ мысль Шишкова, будто книжный языкъ долженъ быть какимъ-то особеннымъ, противополагаемымъ низкому, простонародному. По мнѣнію Макарова, есть и долженъ быть языкъ средній, который стараются образовать нынѣшніе передовые писатели и для общества и для литературы, чтобы *писать какъ говорятъ и говорить какъ пишутъ*. Короче, онъ хочетъ совершенно упразднить книжный языкъ, не имѣющій никакихъ свойствъ живой рѣчи. Это мнѣніе замѣчательно. Оно дополняетъ правило, которому слѣдовалъ Карамзинъ (*писать, какъ говорятъ*), другимъ столь же законнымъ: *и говорить, какъ пишутъ*. Первое безъ втораго было бы односторонне. Требуя сближенія литературной рѣчи съ разговорною, необходимо требовать и возвы-

---

¹) 1803, № 12.

шенія разговорной до уровня литературной. Каждая изъ нихъ имѣетъ свойственныя ей преимущества. На сторонѣ разговорнаго языка—начало жизни, начало движенія; на сторонѣ языка литературнаго—начало вкуса, начало искусства, образуемаго чувствомъ красоты и мыслію. Языкъ литературный почерпаетъ матеріалъ и живость изъ языка разговорнаго, но самъ въ свою очередь сообщаетъ послѣднему вкусъ, красоту, обработку.

Другой отвѣтъ Шишкову, подъ названіемъ: «Письмо деревенскаго жителя» [1], принадлежитъ Каченовскому, бывшему потомъ профессоромъ въ московскомъ университетѣ. Онъ прибавляетъ мало новаго къ критикѣ Московскаго Меркурія. Подобно Макарову, Каченовскій признаетъ злоупотребленіе иностранными словами, но отличаетъ его отъ разумнаго ихъ заимствованія. Несправедливо, говоритъ онъ, осуждать хорошее, на ряду съ дурнымъ. Слова и даже выраженія, введенныя нашими лучшими писателями и переводчиками, ни мало не оскорбили бы нашихъ прадѣдовъ, если бы они жили въ одно съ нами время и если бы не нашли въ родномъ языкѣ приличныхъ реченій для выраженія современныхъ утонченныхъ понятій [2]. Подобно Макарову, Каченовскій видитъ въ обновленіи языковъ общій законъ ихъ, указанный еще Гораціемъ, и не считаетъ порокомъ счастливую отважность писателя, который, по мѣрѣ надобности и въ духѣ своего языка, творитъ неологизмы.

Въ отвѣтъ «Московскому Меркурію» и «Сѣверному Вѣстнику» Шишковъ написалъ «Прибавленіе къ сочиненію, называемому «Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка», или собраніе критикъ, изданныхъ на сію книгу, съ примѣчаніями на оныя» (1804). Защитникъ стараго слога не отрекся ни отъ одного изъ своихъ прежнихъ положеній, но старался только подкрѣпить ихъ новыми доводами. Онъ настаивалъ на тождествѣ языковъ

---

[1]) Сѣверный Вѣстникъ, 1804, № 1.

[2]) Замѣтку Шишкова о словѣ *чать*, вм. *чай* (см. выше), критикъ отражаетъ другимъ примѣромъ изъ Ломоносова: «И неумѣющій читать пойметъ тотчасъ по смыслу рѣчи, что тутъ не означается напитокъ; а знающій исторію знаетъ также, что во время Анакреона (которому подражалъ Ломоносовъ) чай не только еще не пивали, но онъ былъ и неизвѣстенъ, слѣд. въ дождѣ ему повредиться никакъ нельзя было. Мнѣ кажется, поставивъ *чать* вм. *чай*, Ломоносовъ затмилъ смыслъ, потому что частичку *чать* немногіе теперь понимаютъ. И почему Ломоносовъ не почувствовалъ двусмыслія въ другихъ своихъ стихахъ:

Не *тая ли* на насъ взираетъ,
Что матерію всѣ зовутъ?

Слово *тая* можно принять за дѣепричастіе отъ глагола *таять*.

русскаго и славянскаго, яснѣе и яснѣе давая знать критикамъ, что подъ русскимъ онъ разумѣетъ только нарѣчіе, или разговорный нынѣшній языкъ. «Если славенскій языкъ отдѣлить отъ россійскаго, то изъ чего же сей послѣдній состоять будетъ? развѣ изъ однихъ татарскихъ словъ, да изъ площадныхъ и низкихъ?... Богатство нашего языка состоитъ въ славянскомъ языкѣ; россійскій языкъ есть его чадо, заимствующее отъ него свое украшеніе; между языкомъ русскимъ и славенскимъ *никакого существеннаго различія полагать не можно*. Запрети намъ писать: конь, всадникъ, возница, вертоградъ, храмъ, молніеносный, быстропарящій и тому подобныя слова, имѣющія свой корень въ славенскомъ языкѣ,— словесность наша не лучше будетъ камчадальской». Слѣдствіе этого ясно: нашимъ писателямъ необходимо прибѣгать къ славянскому, который обогащаетъ русскій новыми матеріалами и даетъ способъ обходиться безъ иностранныхъ. Вмѣсто словъ: «горизонтъ», «аттитюдъ», «аллея», Шишковъ предлагаетъ: «обзоръ», «постава», «омѣна». Послѣднее находится въ Притчахъ Соломона (гл. VII, ст. 25): «да не прельстишися въ омѣнахъ ея» (прелестницы). Для чего бы, спрашиваетъ онъ, и нынѣ, въ новѣйшемъ нашемъ языкѣ, не сказать: «гнусенъ есть ядца плоти себѣ подобнаго» или: «бездушенъ есть піица крови своего ближняго»? О сближеніи книжнаго языка съ разговорнымъ Шишковъ не хотѣлъ и слышать, по той причинѣ, что языкъ литературный обыкновенно дѣлится на высокій, средній и низкій, а въ разговорномъ такихъ подраздѣленій не существуетъ. Хотѣть писать какъ говоримъ и говорить какъ пишемъ—по его мнѣнію, тоже, что хотѣть поравнять орла съ синицей или носъ свой съ головою своею.

Протестъ Шишкова подѣйствовалъ на многихъ. У стараго слога явились свои воители, какъ у новаго были свои, хотя первые уступали вторымъ въ дарованіи. Нѣкоторые журналы сочувствовали идеямъ «Разсужденія». На первыхъ порахъ сочувствіе ограничивалось предпочтеніемъ церковно-славянскихъ словъ и формъ русскимъ, или замѣною послѣдними словъ иностранныхъ, которые давно уже существовали въ нашемъ языкѣ. Сѣверный Вѣстникъ, гдѣ помѣщена была критика на книгу Шишкова, подтверждалъ ученіе послѣдняго, что россійскій и славянскій языки всегда составляли одинъ и тотъ же языкъ [1]. «Журналъ Россійской Словесности», Брусилова (1805), дѣлая выходки противъ варваризмовъ, совѣтовалъ «гармонію» и «монотонію» замѣнить «согласіемъ» и «единообразіемъ». Но главнымъ притономъ идей Шиш-

[1]) Въ статьѣ: «Изображеніе просвѣщенія Россіянъ (1804, № 2).

кова была Россійская Академія, гдѣ онъ распоряжался какъ хозяинъ. Въ засѣданіяхъ ея представлялись переводы иностранныхъ словъ на русскій языкъ([1]), конечно съ тою цѣлію, чтобы исподволь изгнать вошедшіе къ намъ варваризмы, о чемъ, съ свойственною ему живостью, хлопоталъ еще Сумароковъ([2]). Переводы не отличались искусствомъ, да и самая задача показывала невѣрный взглядъ на то, какимъ образомъ языкъ обогащается новыми словами. Члены Академіи шли въ этомъ случаѣ за Шишковымъ, который изъ иностранныхъ словъ соглашался терпѣть одни техническіе термины или, какъ онъ выразился, «художественныя названія», и то временно—до изобрѣтенія соотвѣтствующихъ имъ русскихъ([3]).

Чтобы подкрѣпить себя какимъ-либо авторитетомъ, Шишковъ напечаталъ «Переводъ двухъ статей изъ Лагарпа» (1808), снабдивъ ихъ примѣчаніями ([4]). Обѣ статьи имѣютъ прямое отношеніе къ мыслямъ переводчика. Въ первой изъ нихъ (сравненіе французскаго языка съ греческимъ и латинскимъ) Лагарпъ говоритъ о тѣхъ французскихъ писателяхъ, которые, при всей скудости своего языка, умѣли его вычистить, расширить, обогатить: слѣд. она соотвѣтствуетъ той части «Разсужденія», въ которой старый слогъ выставляется какъ образецъ. Вторая статья (о украшеніяхъ, въ краснорѣчіи употребляемыхъ) направлена противъ тѣхъ авторовъ, которые, оставивъ путь, проложенный ихъ разумными предшественниками, думаютъ, помимо всякихъ знаній и упражненій въ языкѣ, открывать новыя стези, насаждать новую словесность: поэтому она отвѣчаетъ той части «Разсужденія,» гдѣ обличаются литературныя новизны. Для Шишкова, первая статья важнѣе по тому заключенію, къ которому она его приводитъ. Если, какъ доказано Лагарпомъ,

---

[1]) Вотъ опыты этихъ переводовъ: авторитетъ (превосходство), адресъ (надпись), адъюнктъ (пріобщникъ), актеръ (лицедѣй), аллея (прохожь, просадь), анаграмма (буквопреложеніе), антипатія (противустрастіе), ассистентъ (присущникъ), аудиторія (слушалище), аудіенція (пріемъ).—Атмосфера и артиллерія остались безъ перевода.

[2]) О истребленіи чужихъ словъ изъ русскаго языка (Соч. Сумарокова. ч. 9). Мысль сатирика вѣрна: «восприятіе чужихъ словъ, а особливо безъ необходимости, есть не обогащеніе, а порча языка». [Въ числѣ ненужныхъ варваризмовъ онъ ставилъ удержавшіеся въ нашемъ языкѣ: фрукты, сюртукъ, сервисъ (столовый приборъ), супъ, гувернантка, валетъ (въ картахъ), фершелъ.

[3]) Многія изъ этихъ названій почиталъ онъ ненужными, такъ какъ они замѣняются отечественными, напр.: перпендикуляръ (отвѣсъ), астрономія (звѣздочетство), геометрія (землемѣріе), физика (естествословіе).

[4]) Переведены только нѣкоторыя мѣста ихъ, нужныя для Примѣчаній, которыя поэтому и служатъ дополненіемъ къ «Разсужденію».

французскій языкъ бѣденъ, сравнительно съ латинскимъ и греческимъ, особенно въ словорасположеніи; то позволительно ли увлекаться имъ русскому? Если славено-россійскій языкъ, древній и первородный, обладаетъ всѣми преимуществами, которыя Лагарпъ находитъ въ языкахъ древнихъ; то какъ же русскому читателю не обращаться къ нему и не черпать изъ него, какъ изъ чистаго и неизсякаемаго источника? Заботясь объ очищеніи русскаго языка отъ варваризмовъ, Шишковъ въ предувѣдомленіи ко второй статьѣ излагаетъ мысли о переводѣ иностранныхъ техническихъ словъ на русскій языкъ. Онъ изумляется безобразію, до котораго дошли нѣкоторые переводчики и авторы (1), и употребляетъ *краснословъ*, *вещесловіе*, *словоизвитіе*, *иноименіе*, *инословіе* вмѣсто ораторъ, матерія, фигура (риторическая), метонимія, аллегорія. Изъ двухъ русскихъ словъ, выражающихъ одно и тоже понятіе, онъ всегда почти отдаетъ предпочтеніе старинному: такъ онъ хвалитъ слово «искидокъ» какъ хорошую замѣну «изверга». Онъ сѣтуетъ, почему мы не только не смѣемъ писать «грядый», «созерцаяй», но даже хотимъ истребить «грядущій», «созерцающій», и вмѣсто нихъ писать: «тотъ, который идетъ», «тотъ, который поглядываетъ.» Сложныя слова (напр. древо *благосѣннолиственное*), это особенное преимущество языковъ греческаго и русскаго, приводятъ его въ восхищеніе (2).

Примѣчанія къ переводу Лагарповыхъ статей подверглись болѣе основательной критикѣ, чѣмъ «Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ» (3). Критикъ (Д. В. Дашковъ), подобно Макарову, признаетъ справедливую сторону мыслей Шишкова. Онъ согласенъ, что не должна быть терпима варварская смѣсь, какою писаны многія современныя сочиненія; но вмѣстѣ съ этимъ ему видны и недос-

---

1) Примѣръ взятъ изъ книги «Пролюзія къ медицинѣ, какъ основательной наукѣ, соч. Данилы Велланскаго» (1805): Электричество есть *феноменъ динамическаго процесса* тѣлъ или одной изъ *категорій*, по котрымъ *формуется конкретное*, и проч.

2) «Разсвѣтъ полночи» (1804), собраніе стихотвореній Семена Боброва, заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, слѣдующія выраженія: моря *ѵороносныя* (по сравненію кораблей съ горами); гробъ *водосланый* (море—отъ соленой, сланой воды); *кровомлечное* лице (лице—кровь съ молокомъ); *свѣтлолучный*; въ одеждѣ скорби *слезощвенной*; музы въ плачѣ *растопленны* и пр. Въ эпиграммахъ Батюшкова и кн. Вяземскаго, Бобровъ является подъ именемъ *Бибриса*, выспренняго поэта:

Нѣтъ спора, что Бибрисъ боговъ языкомъ пѣлъ:
Изъ смертныхъ-бо никто его не разумѣлъ (*Кн. Вяземскій*).
Какъ трудно Бибрису со славою ужиться:
Онъ пьетъ, чтобы писать, и пишетъ, чтобъ напиться (*Батюшковъ*).

3) Цвѣтникъ, издаваемый А. Измайловымъ и П. Никольскимъ, 1810 г. №№ 11 и 12.

татки примѣчаній. Первый недостатокъ состоитъ въ излишнемъ расширеніи выводовъ, въ неправильномъ обобщенія частностей. Есть, конечно, писатели, не умѣющіе пользоваться матеріаломъ и чужихъ языковъ, и своего собственнаго, но есть и такіе, которые удачно переносятъ къ намъ иностранныя слова и столь же удачно обогащаютъ литературный языкъ новыми выраженіями. Шишковъ ратуетъ противъ первыхъ, а вторые какъ бы не существуютъ для него, или существовали только до Карамзина. Что слѣдуетъ отнести единственно къ злоупотребленію предметомъ, онъ относитъ къ употребленію предмета вообще. Второй недостатокъ—частію парадоксальныя, частію преувеличенныя мнѣнія объ особенностяхъ русскаго языка и о погрѣшностяхъ новаго слога. Самый главный между парадоксами—смѣшеніе славянскаго языка съ русскимъ. Нельзя почитать ихъ тождественными, равно какъ французскій языкъ не одно и тоже съ латинскимъ, его родоначальникомъ. Если бы языки русскій и славянскій составляли одно и тоже, то къ чему предосторожности, рекомендуемыя Шишковымъ, касательно надлежащаго употребленія того и другаго въ разныхъ родахъ слога? Кто говоритъ или пишетъ на одномъ, тотъ, стало быть, говоритъ или пишетъ въ тоже время и на другомъ, ничѣмъ отъ перваго не отличающемся.

Разсматривая особенности языка, говоритъ Дашковъ, надобно выставлять дѣйствительно существующія и въ томъ значеніи, какое онѣ имѣютъ на самомъ дѣлѣ, а не преувеличивать ихъ и не выдумывать небывалыя. Шишковъ за-частую грѣшилъ на этомъ пунктѣ. Онъ осуждалъ тѣхъ, которые вмѣсто: *грядый*, *созерцаяй*, *грядущій*, *созерцающій*, въ важныхъ сочиненіяхъ пишутъ: *тотъ, который идетъ*, *тотъ*, *который поглядываетъ*, а потомъ отвергалъ и окончанія на *щій*, какъ непріятныя для слуха. Дашковъ возражаетъ: «за чѣмъ отнимать у писателя свободу употребить по произволу то или другое выраженіе, когда оба не противны свойству языка нашего?» Правда, Державинъ сказалъ:

> *Живый* въ движеньи вещества;

но «если бы въ прекрасныхъ стихахъ:

> Царямъ подвластенъ міръ, цари подвластны Богу,
> *Тому, кто* съ облачныхъ высотъ
> Гигантамъ въ адъ *отверзъ* дорогу,
> *Кто* маніемъ бровей *колеблетъ* сводъ небесъ,

вмѣсто: *тому*, *кто отверзъ*, *кто колеблетъ*, поэтъ непремѣнно долженъ былъ поставить: *отверзшему*, *колеблющему*, то могли ли бы выдти такіе стихи? Или:

Въ отвѣтъ на вздохъ мой, вѣтръ *ревущій*
И ключъ въ гранитно дно *біющій*
Шумятъ сквозь вѣтвія древесъ.

Въ этихъ стихахъ конечно *ревущій*, *біющій* гораздо лучше и удобнѣе для стихотворца, нежели *тотъ*, *который реветъ* или *бьетъ*; но захотѣлъ ли бы онъ промѣнять сіи причастія на славянскія: *ревяй и біяй?*»

Свободное расположеніе словъ въ нашемъ языкѣ есть важное его преимущество, но не слѣдуетъ восторгаться имъ безусловно: оно имѣетъ границы, подлежитъ закону и можетъ быть злоупотребляемо. Сплошь и рядомъ бываютъ перестановки словъ и ошибочныя и некрасивыя, допускаемыя безъ всякаго уваженія къ смыслу рѣчи и къ ея благозвучію. Къ числу такихъ принадлежатъ и примѣры, съ похвалою приводимыя Шишковымъ (¹). Тоже ограниченіе надобно имѣть въ виду, объясняя другую выгоду нашего языка—способность образовывать сложныя слова (особенно прилагательныя). Прекрасны слова: *свѣтоносный*, *лучезарный*, *искрометный*; но древо *благосѣнномиственное* дурно. «Развѣ трудно», замѣчаетъ Дашковъ, «такимъ образомъ ковать новыя слова, соединяя въ одно три или четыре, имѣющія каждое особенный смыслъ? Развѣ трудно, переводя напримѣръ изъ Освобожденнаго Іерусалима прекрасную рѣчь сатаны и описывая его самого, сказать: «*длинногустозакоптѣлая* брада по персямъ висѣла», или «сія *христогробопокланяемая* страна» (²)? но къ чему такая варварская смѣсь? Хорошіе писатели наши часто совокупляютъ два слова, изъ коихъ одно дополняетъ или поясняетъ смыслъ другаго. Державинъ очень хорошо сказалъ въ своемъ «Памятникѣ»:

Ни вихрь его, ни громъ не сломитъ *быстротечный*,

и сіе соединеніе придаетъ болѣе блеска его выраженію. Но въ предъидущемъ стихѣ:

Я памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный,

для чего не сказалъ онъ *чудесновѣчный?* для того, что сіи двѣ мысли никакого не имѣютъ отношенія между собою и что, смѣшавъ ихъ, онъ не придалъ бы стиху своему никакой новой красоты».

Третій недостатокъ—ошибки самого Шишкова противъ русскаго или славянорусскаго языка, котораго чистоту онъ взялся охранять. Критика мѣняется здѣсь ролью съ защитникомъ стараго слова:

¹) Между прочимъ изъ письма Филлиды къ Демофонту, въ переводѣ Козицкаго: «А если наши твоими моря вспѣнятся веслами» и пр.

²) Взято изъ рукописнаго перевода Тассовой поэмы Б...ча.

изъ обвинителя, какимъ онъ былъ до этого времени, она переводитъ его на скамью обвиняемыхъ и требуетъ отвѣта въ собственныхъ его проступкахъ. Шишковъ обличалъ переводчиковъ въ неумѣньѣ перелагать чуждую рѣчь по русски, и самъ, въ переводѣ Лагарпа, надѣлалъ галлицизмовъ. Онъ обличалъ новыхъ писателей въ несвойственныхъ нашему языку словахъ и оборотахъ, и самъ «не умѣтилъ въ свойства нашего языка». Если «дикія нелѣпости» послѣдователей Карамзина произошли отъ крайняго пристрастія ко всему французскому, то такія же, если не худшія, нелѣпости перевода Лагарповыхъ статей имѣли причиной крайнее пристрастіе переводчика къ славянскому. Изъ разныхъ источниковъ вытекло одно и тоже слѣдствіе, а въ слѣдствіи-то и заключается вся сила. Такимъ образомъ галломанія и славяноманія, будучи крайностями, сходятся; и потому дѣло не въ той или другой, а въ талантѣ, вкусѣ, знаніи предмета и языка.

Послѣдователи новаго слога, въ возмездіе за придирчивую критику Шишкова, начали обличать погрѣшности писателей, принадлежавшихъ къ школѣ слога стараго. Изъ журналовъ «Цвѣтникъ» ([1]) съ особенною ревностью отмѣчалъ недостатки тѣхъ литературныхъ явленій, на которыхъ видно было вліяніе «Разсужденія». Указавъ чудесности или чудовищности «Велисарія», въ переводѣ Захарова (1808), критикъ заключаетъ свою статью выводомъ: «Нѣсколько лѣтъ назадъ наводняли нашу словесность *иностранныя слова и галлицизмы*; теперь наводняютъ *слова славенскія и галлицизмы же*. И такъ что мы выиграли? переставили буквы и только. Не на слова одни преимущественно долженъ обращать всякій писатель свое вниманіе, но на *составленіе рѣчи*, на *обороты* оной. Надобно, чтобы рѣчь была *русская*, а не буквы, ибо *знаки* безъ порядка *ничего не значатъ*; надобно идти по прямой дорогѣ, а не уклоняться то въ ту, то въ другую сторону. Хорошо, если писателю вспадетъ на умъ счастливая мысль; хорошо, если онъ удачно изобрѣтетъ новое слово или удачно переведетъ какое-нибудь иностранное. Такъ, напримѣръ, выдуманы *самодержецъ*, *терпимость*, *скороходъ*; такъ переведены *водопадъ* (каскадъ), *водометъ* (фонтанъ), *кругозоръ* (горизонтъ), *олицетворить* (personifier); но неужели изрядство сихъ словъ даетъ право выдумывать *скиптродержавныя руки*, *преломимость*, *скоротеча*? или переводить лютню—*струнницею*, медаль—*гривною*, героевъ—*удалыми головами*, футляръ—*скрыней?*» ([2]) У автора сказано: «министръ или *дѣловецъ*

[1]) Онъ издавался два года (1809 и 1810): первый годъ—А. Измайловымъ и Бенитцкимъ, второй—А. Измайловымъ и П. Никольскимъ.

[2]) Цвѣтникъ, 1809, № 2.

государственный». Критикъ замѣчаетъ: «Недавно изобрѣтено было слово *дѣловодецъ*, а теперь показалось еще новое—*дѣловецъ*. Не знаемъ, которое хуже изъ сихъ названій, но скажемъ утвердительно, что ни то, ни другое не означаетъ министра.... Не всѣ иностранныя слова можно замѣнять отечественными, а особливо давно уже употребляемыя въ нашемъ языкѣ и сдѣлавшіяся, такъ сказать, *техническими*, или *искуственными терминами*. Упоминая о «Посланіи кн. Сергѣя Шихматова къ брату» (1810), Цвѣтникъ выписываетъ изъ его поэмы: «Петръ Великій» (1810) слова и выраженія, которыя восхищали Шишкова (на примѣръ: *зложадная* грудь; *многосластная* жизнь; *достомужный* образъ; *неозлобный* щитъ спокойства; *звиздающія* эхидны; тартара *отродъ*; *преисподнѣйшія дрожди; безпищныя* скалы; Этна, *чревоболящая пожарами*; *своинствовать; удержавить* землю; *водостланная* равнина; *піяный* множествомъ *кровей; безлучное* величество; *юностный* садъ; *мертвость*, и пр.) (¹).

Въ разборѣ перевода Лагарповыхъ статей всего чувствительнѣе для Шишкова было указаніе его собственныхъ больныхъ мѣстъ,— тѣхъ самыхъ, которыя онъ хотѣлъ, какъ врачъ, лечить у другихъ. Пройти молчаніемъ критику значило бы признать своего противника побѣдителемъ, а себя побѣжденнымъ. Шишковъ рѣшился отвѣчать не прямо, а косвенно. Отвѣтъ его привязанъ въ читанному въ годичномъ собраніи Россійской Академіи (1810) «разсужденію о краснорѣчіи священнаго писанія и о томъ, въ чемъ состоитъ богатство, обиліе, красота и сила россійскаго языка, и какими средствами оный еще болѣе распространить, обогатить и усовершенствовать можно» (²). Оно служитъ рѣшеніемъ двухъ задачъ, предложенныхъ академіей; но авторъ соединилъ ихъ въ одну, находя между ними тѣсную связь. Оно состоитъ изъ трехъ частей, которыя слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: а) о превосходныхъ свойствахъ нашего языка, б) о краснорѣчіи священнаго писанія, в) какими средствами словесность наша обогащаться можетъ и какими приходить въ упадокъ. Всѣ три части имѣютъ предметомъ раскрытіе мыслей о старомъ и новомъ слогѣ.

а) Въ первой части Шишковъ говоритъ о способности нашего языка составлять слова звукоподражательныя, изображать въ названіяхъ чувствъ самыя чувства, а иногда и ихъ органы (напр. *слухъ—ухо*); именовать видимыя вещи сообразно ихъ качествамъ, напр. круглый предметъ означается и буквами, имѣющими такую

---

¹) Ib. № 12.

²) Нап. 1811, въ 5 т. Сочиненій и переводовъ Рос. Академіи.

же форму, т. е. круглыми (напр. *око*). Также оригинально толкуется и превосходство русскихъ нарѣчій. По мнѣнію Шишкова, нарѣчія: *далеко*, *близко*, *низко*, *глубоко*, *широко*, *высоко* и т. п. составлены изъ словъ: *даль око* (простирай зрѣніе далѣе), *близь око* (не простирай оное вдаль), *низь око* (опускай глаза внизъ), и проч.

б) Какъ эти, такъ и другія отличныя свойства нашего языка проявились съ особеннымъ блескомъ въ славянскомъ переводѣ священнаго писанія, который поэтому красотою, силою и богатствомъ превосходитъ переводы его на другіе языки.

в) Отсюда слѣдуетъ, что для украшенія нынѣшняго нашего нарѣчія (т. е. русскаго языка) остается намъ единственное средство—языкъ славянскій. Такой выводъ заставляетъ Шишкова опять войти въ разборъ взаимныхъ отношеній русскаго и славянскаго языковъ. Новаго онъ не сказалъ ничего, но по крайней мѣрѣ яснѣе высказалъ свой прежній взглядъ. «Откуда», говоритъ онъ, «родилась неосновательная мысль, что славенскій и русскій языкъ различны между собою? Если слово *языкъ* взять въ смыслѣ нарѣчія или слога, то, конечно, разность есть; но таковыхъ разностей мы найдемъ не одну, а многія: во всякомъ вѣкѣ или полувѣкѣ примѣчаются нѣкоторыя перемѣны въ нарѣчіяхъ.... *Подъ именемъ языка разумѣются корни словъ и вѣтви отъ нихъ происшедшія*: если оныя въ двухъ языкахъ различны, тогда и языки различны, но когда знаменованія словъ и вѣтвей оныхъ находятся въ самомъ языкѣ, тогда оныя всякому нарѣчію общи, выключая развѣ такое, которое совсѣмъ отъ корней языка своего удалились: тогда уже оное не есть болѣе нарѣчіе, но совсѣмъ иной языкъ. Гдѣ жъ примѣчаемъ мы то въ нашемъ нарѣчіи?.... разность не въ языкѣ, а въ нарѣчіи, нимало не уклонившемся отъ свойствъ языка. Скажутъ: мы много имѣемъ двоякихъ именъ, изъ которыхъ одни русскія (глазъ, лобъ, щеки, плечи) и другія славенскія (око, чело, ланиты, рамена); но чѣмъ докажутъ мнѣ, что *глазъ*, *лобъ*, *щеки*, *плечи* суть русскія, а не славенскія названія?... Могутъ еще ссылаться на слова: *лошадь*, *колпакъ*, *кучеръ*, *артиллерія*, *фортификація* и проч., но сіи столько же не славенскія, сколько и не русскія, потому что изъ чужихъ языковъ взяты. Чтожъ такое русскій языкъ отдѣльно отъ славянскаго? Мечта, загадка. *И такъ славенскій и русскій языкъ есть одно и тоже*. А когда языкъ одинъ, то и нарѣчія онаго, хотя бы онѣ разнствовали между собою, не могутъ называться одно славенскимъ, а другое русскимъ: въ такомъ случаѣ предполагались бы различіе въ сихъ двухъ языкахъ... Не славенскій языкъ, отдѣляя отъ русскаго, презирать;

не слова онаго на славенскія и русскія раздѣлять: но какое слово какому слогу прилично, знать надлежитъ.... *Мы не иное что подъ славенскимъ языкомъ разумѣемъ, какъ тотъ языкъ, который выше разговорнаго* и которому слѣдственно не можемъ иначе научиться, какъ изъ чтенія книгъ; *онъ есть высокій, ученый, книжный языкъ*....

За «разсужденіемъ о краснорѣчіи священнаго писанія» слѣдуетъ особое «присовокупленіе»: это уже не косвенный, а прямой отвѣтъ Дашкову. Слова Дашкова: «нашъ русскій языкъ самъ по себѣ», приводятъ его противника въ изумленіе. «Какъ!» восклицаетъ онъ: «нашъ русскій языкъ самъ по себѣ? да что такое нашъ русскій языкъ самъ по себѣ? гдѣ онъ? возьмемъ какую-нибудь нынѣшнюю книгу, найдемъ ли мы въ ней хотя два такихъ слова (выключая иностранныя), о которыхъ могли бы мы сказать: вотъ это славенское, а это русское? Ежели мы подъ славенскимъ словомъ разумѣть будемъ высокое слово, напримѣръ *вниду*, а подъ русскимъ простое, напримѣръ *войду*, то конечно о разности ихъ разсуждать можемъ, утверждая справедливо, что первое изъ нихъ прилично важному, а другое среднему или простому слогу; но утверждать, что *вниду* есть славенское, а *войду* русское, и дѣлать изъ того два разныхъ языка есть не знать составленія словъ, есть утверждать, что предлогъ *во* различенъ отъ предлога *въ* и глаголъ *иду* различенъ отъ глагола *иду*». Хорошіе писатели, конечно, не смѣшиваютъ славянскаго языка съ русскимъ, продолжаетъ Шишковъ, но подъ сими словами разумѣется различіе высокаго слога съ простонароднымъ (напр. можно сказать: «препояши чресла твоя и возьми жезлъ въ руцѣ твои», и можно также сказать: «подпояшься и возьми дубину въ руки»; то и другое въ своемъ родѣ и въ своемъ мѣстѣ прилично; но, начавъ словами: «препояши чресла твоя», кончить: «и возьми дубину въ руки», было бы и смѣшно и странно). Впрочемъ, дополняетъ онъ свою рѣчь, не опасаясь или не замѣчая противорѣчія самому себѣ, славянскій языкъ и высокій слогъ не одно и тоже. Не всякая славянская рѣчь есть высокая: «хощеши ли, дамъ ти подзатыльницу», не такой же высокій языкъ, какъ «трепетна бысть земля, и основаніе горъ смятошася» (¹).

¹) Споръ не обходился безъ забавныхъ выходокъ. Отвѣчая Шишкову, Дашковъ говоритъ: «Не всякая славенская рѣчь есть высокая, но высокій слогъ нашъ безъ славенскихъ словъ, съ осторожностію употребляемыхъ, существовать не можетъ. Славянскія рѣчи бываютъ высокія и низкія (кто въ этомъ сомнѣвается?) и приведенный г. сочинителемъ примѣръ: *хощеши ли, дамъ ти подзатыльницу*, конечно, не есть такой же высокій языкъ, какъ: *и абіе воздамъ ти сторицею*. Послѣднее выраженіе несравненно сильнѣе.

Какъ ни казались крѣпкими Шишкову его сужденія, но всѣ они были разбиты его противникомъ, въ отдѣльной книжкѣ: «О легчайшемъ способѣ отвѣчать на критики» (1811). Она имѣла цѣлію показать, что Шишковъ, за недостаткомъ убѣдительныхъ доводовъ въ пользу своего дѣла, счелъ удобнѣйшимъ уклоняться отъ дѣла и говорить о предметахъ, ему посторонних, вдаваясь при этомъ въ личности и грубые укоры.

Авторъ ея шагъ за шагомъ преслѣдуетъ своего противника, выбиваетъ его изъ каждой позиціи, разсѣеваетъ всѣ его парадоксы. Такъ, напр., вопреки мнѣнію Шишкова, звукоподражательными словами обильны всѣ языки, не одинъ русскій: у дикихъ народовъ ихъ еще больше, чѣмъ у образованныхъ. Слова: *далеко*, *близко*, *глубоко* и др. вовсе не означаютъ того, что видитъ въ нихъ Шишковъ: это — нарѣчія, производимыя извѣстнымъ образомъ отъ прилагательныхъ, какъ *жестоко*, *мягко*, *крѣпко*; сходство ихъ окончанія съ словомъ *око* есть случайное. Существительное *слухъ*, заключающее въ себѣ и названіе самого органа (ухо), не лучше латинскаго *auditus* (*auris*) и французскаго *ouïe* (*oreille*). Если русскій умъ сблизилъ слово *зрѣніе* съ подобными же, свѣтъ означающими понятіями (*заря*, *зареніе*), то почему слова: *день*, *солнце*, гораздо болѣе дающія понятіе о свѣтѣ, да и самое слово *свѣтъ* нимало не похожи на *зрѣніе?* Если буква *о* есть несомнѣнный признакъ круглости во всѣхъ словахъ, гдѣ только она находится: отчего нѣтъ ея въ названіяхъ *круга* и *шара*—фигуръ наикруглѣйшихъ? Заключеніе всего отвѣта слѣдующее: «такимъ образомъ страсть къ системамъ увлекаетъ насъ отъ умствованія къ умствованію, отъ софизма къ софизму, и наконецъ ввергаетъ въ очевидное заблужденіе».

Сочиненія Шишкова быстро слѣдовали одни за другими, и каждое изъ нихъ прямо или косвенно должно было служить тому же предмету. Въ 1811 г. вышли «Разговоры о словесности между двумя лицами: Азъ и Буки», а въ 1812-мъ «Прибавленіе къ разговорамъ». Каченовскій, разбирая первое сочиненіе Шишкова обнаружилъ странность той гипотезы, которая была исходной точкой въ ученіи о старомъ и новомъ слогѣ. «Оставшійся въ книгахъ духовныхъ славянскій языкъ», говоритъ онъ, «отдѣленъ отъ нынѣшняго русскаго несходствомъ нѣкоторыхъ словъ и разностію въ спряженіяхъ и даже въ правилахъ синтаксиса. Безъ всякаго сомнѣнія, русскій языкъ есть отрасль славенскаго; но теперь онъ уже въ такомъ состояніи, что приличнѣе называть его языкомъ, а не нарѣчіемъ. На немъ издаются законы; на немъ написаны многія книги: какъ же можно сказать, что онъ не существуетъ, и какъ

можно называть его нарѣчіемъ, тогда какъ самъ онъ уже имѣетъ множество мѣстныхъ нарѣчій? Ежели такъ, то ни одинъ изъ нынѣшнихъ европейскихъ языковъ не существуетъ, ибо всѣ они произошли отъ древнихъ и изъ нихъ составились. Было бы очень странно, когда бъ увѣрять стали, что у италіанцевъ и французовъ нѣтъ языка, и что тѣ и другіе говорятъ нарѣчіемъ или слогомъ».

Тѣснимый противниками, Шишковъ задумалъ болѣе широкій планъ для своего дѣла. Ему хотѣлось не только разсужденіями водворять нужныя ему понятія о старомъ и новомъ слогѣ, но и прилагать ихъ къ литературному производству. Для выполненія задуманнаго были нужны союзныя усилія многихъ лицъ. Съ этою цѣлію онъ устроилъ общество, подъ названіемъ: «Бесѣда любителей русскаго слова» (1), которое открыло свои засѣданія въ домѣ Державина (14 марта 1811). При открытіи Шишковъ произнесъ рѣчь о красотахъ русскаго языка. По уставу, написанному также Шишковымъ, засѣданія происходили ежемѣсячно и были публичны. Личный составъ «Бесѣды» дѣлился на четыре разряда, имѣвшіе каждый своего предсѣдателя, членовъ и сотрудниковъ. Шишковъ предсѣдательствовалъ въ первомъ разрядѣ, Державинъ во второмъ, А. С. Хвостовъ въ третьемъ, Захаровъ въ четвертомъ. Кромѣ того находились почетные члены, въ числѣ которыхъ видимъ и Карамзина, не смотря на то, что общество образовалось въ противодѣйствіе его реформѣ. Попечителями Бесѣды были избраны: гр. Завадовскій, Мордвиновъ, гр. Разумовскій, И. Дмитріевъ, другъ и сподвижникъ Карамзина. Съ 1811 по 1815 г. общество напечатало 19 книжекъ изданія, служившаго ему органомъ, подъ названіемъ: «Чтеніе въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова».

Въ этой-то «Бесѣдѣ», передъ великимъ событіемъ нашей исторіи, Шишковъ читалъ «Разсужденіе о любви къ отечеству» (1811, нап. 1812)—лучшее изъ его сочиненій, по языку и горячимъ патріотическимъ чувствамъ и доставившее ему мѣсто государственнаго секретаря: онъ состоялъ при императорѣ Александрѣ (1812 и 1813 гг.), двигая, по слову С. Аксакова, духомъ Россіянъ писанными имъ манифестами въ отечественную войну.

На ряду съ критическимъ обсужденіемъ вопроса о слогѣ являлись и другія произведенія касательно того же предмета. Война съ Шишковымъ была ведена и прозой и стихами. Стихотворцы

(1) Общество названо, вѣроятно, въ память литературнаго сборника: «Собесѣдникъ любителей россійскаго слова».

вступили въ дѣло послѣ того, какъ онъ задѣлъ личности своихъ противниковъ. В. Пушкинъ въ шутливомъ разсказѣ: «Опасный Сосѣдъ», первый пустилъ въ ходъ названіе «славянофилъ». Басня А. Измайлова: «Шутъ въ парикѣ» (1811) посмѣялась надъ нетерпимостью Шишкова, который, нападая на любовь къ французскому языку, самъ употреблялъ галлицизмы и въ защитѣ новаго слога подозрѣвалъ нелюбовь къ отчизнѣ и посягательство на вѣру. Въ «Журналѣ драматическомъ», выходившемъ подъ редакціей М. Макарова (1811), помѣщена комедія: «Обращенный славянофилъ», гдѣ Педантовъ, пріятель славянофила, представленъ глупцомъ и негодяемъ. «Санктпетербургскій Вѣстникъ» (1812), второй, послѣ Цвѣтника, органъ карамзинистовъ, остроумно подмѣчалъ литературныя дикости въ твореніяхъ членовъ «Бесѣды». Воейковъ отвелъ мѣсто Шишкову въ своей сатирѣ: «Домъ сумасшедшихъ», вмѣстѣ съ нѣкоторыми его чтителями, а Батюшковъ, пародируя Жуковскаго, воспѣлъ дѣянія и чувства всей славяно-россской дружины. Наконецъ Нарѣжный комически вывелъ любителя славянщизны, подъ именемъ Трисмегалоса, въ «Русскомъ Жилблазѣ». Изъ воспоминаній одного современника видно, что споръ карамзинистовъ съ шишковистами проникъ даже въ стѣны училищъ и интересовалъ школьниковъ ([1]).

Самъ Карамзинъ не вмѣшивался въ распрю, будучи занятъ историческимъ трудомъ и чувствуя отвращеніе отъ полемики вообще. Притомъ же онъ имѣлъ право оставлять безъ вниманія критику, направленную, какъ мы видѣли, собственно не противъ него, а противъ его жалкихъ подражателей. А сознаніе литературныхъ заслугъ, которыя для Шишкова какъ бы не существовали, не дозволило ему защищать тѣ или другія мѣста своихъ сочиненій, поставленныя ихъ критикомъ на одну доску съ нелѣпостями бездарныхъ писакъ. Должно жалѣть однакожъ, что Карамзинъ рѣшительно уклонился отъ спора. Авторъ такихъ критическихъ замѣтокъ, какъ «Великій мужъ русской грамматики» и «О русской грамматикѣ француза Модрю», могъ бы своимъ умнымъ словомъ разрѣшить недоразумѣнія воюющихъ сторонъ. Случай къ этому слову представился черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ книги Шишкова, когда Карамзинъ выдалъ восемь томовъ «Исторіи государства россійскаго», и Академія почтила историка званіемъ члена. Содержаніе рѣчи, произнесенной Карамзинымъ въ торжественномъ собраніи Академіи (5 декабря 1818), очень замѣчательно.

---

[1]) Семейная хроника и воспоминанія С. Аксакова.

Онъ долженъ былъ, наконецъ, высказаться передъ своими сочленами и, высказываясь, припомнить замолкшую полемику. Онъ явился съ словомъ благодарности и примиренія, но вмѣстѣ и съ совѣтами академикамъ. Нѣкоторыя мѣста его рѣчи прямо относятся къ прежнимъ толкамъ о языкѣ, какъ полезный урокъ на будущее время. Критика не одно и тоже съ укоризной, говоритъ Карамзинъ; она должна прежде всего выставлять достоинства дѣла: «самый легкій умъ находитъ несовершенства, только умъ превосходный открываетъ безсмертныя красоты въ сочиненіяхъ; когда увидимъ важныя злоупотребленія, новости неблагоразумныя въ языкѣ, замѣтимъ, предостережемъ безъ язвительной укоризны». Предсѣдатель Академіи (Шишковъ) могъ слышать въ этихъ словахъ намекъ на рѣзкость и односторонность своей критики, не отличавшей въ реформѣ Карамзина существеннаго отъ несущественнаго. Обличая странности новаго слога, Шишковъ противополагалъ ему старый, долженствующій, по его мнѣнію, оставаться безсмѣннымъ; Карамзинъ выводитъ языкъ изъ такого оцѣпѣненія, подтверждая то, что уже говорилось Макаровымъ и Дашковымъ; онъ предлагаетъ академіи исправлять изданные ею словарь и грамматику,—книги, «всегда богатыя бѣлыми листами для пополненія, для перемѣнъ, необходимыхъ по естественному, безпрестанному движенію живаго слова къ дальнѣйшему совершенству,—движенію, которое пресѣкается только въ языкѣ мертвомъ». Шишковъ хотѣлъ обогащать языкъ и замѣною иностранныхъ словъ отечественными, и введеніемъ въ русскую рѣчь славянскихъ, и созданіемъ новыхъ на основаніи собственныхъ умствованій; Карамзинъ показываетъ несостоятельность его намѣренія:

Главнымъ дѣломъ вашимъ было и будетъ *систематическое образованіе языка*; непосредственное же его *обогащеніе* зависитъ отъ успѣховъ общежитія и словесности, отъ дарованія писателей, а дарованія единственно отъ судьбы и природы. Слова не изобрѣтаются академіями: они рождаются вмѣстѣ съ мыслями или въ употребленіи языка или въ произведеніяхъ таланта, какъ счастливое вдохновніе. Сіи новыя, мыслію одушевленныя слова, входятъ въ языкъ самовластно, украшаютъ, обогащаютъ его, *безъ всякаго ученаго законодательства* съ нашей стороны: мы не даемъ, а принимаемъ ихъ. Самыя правила языка не изобрѣтаются, а въ немъ уже существуютъ: надобно только открыть или показать оныя.

Шишковъ возставалъ противъ подражанія иностранному; Карамзинъ, разъясняя, въ чемъ должно состоять подражаніе и какъ оно неизбѣжно въ литературѣ, съ тѣмъ вмѣстѣ показываетъ невозможность возвращаться къ тому, что отжило свой вѣкъ:

Петръ Великій, могущею рукою своею преобразивъ отечество, сдѣлалъ насъ подобными другимъ европейцамъ. Жалобы безполезны. Связь между умами древнихъ и новѣйшихъ россіянъ прервалася навѣки. Мы не хотимъ подражать иноземцамъ, но пишемъ, какъ они пишутъ: ибо живемъ, какъ они живутъ; читаемъ, что они читаютъ; имѣемъ тѣ же образцы ума и вкуса; участвуемъ въ повсемѣстномъ, взаимномъ сближеніи народовъ, которое есть слѣдствіе самаго ихъ просвѣщенія. Красоты *особенныя*, составляющія характеръ словесности *народной*, уступаютъ красотамъ общимъ: первыя измѣняются, вторыя вѣчны. Хорошо писать для россіянъ: еще лучше писать для всѣхъ людей. Если намъ оскорбительно идти позади другихъ, то можемъ идти рядомъ съ другими къ цѣли всемірной для человѣчества, путемъ своего вѣка, не Мономахова, и даже не Гомерова: ибо потомство не будетъ искать въ нашихъ твореніяхъ ни красотъ *Слова о полку Игоревѣ*, ни красотъ Одиссеи, но только свойственныхъ нынѣшнему образованію человѣческихъ способностей. Тамъ нѣтъ *бездушнаго подражанія*, гдѣ говоритъ умъ или сердце, хотя и *общимъ* языкомъ времени; тамъ есть *особенность личная*, или характеръ, всегда новый, подобно какъ всякое твореніе физической природы входитъ въ классъ, въ статью, въ семейство ему подобныхъ, но имѣетъ свое частное знаменіе.

Что же касается до неразумныхъ и бездарныхъ подражателей иностраннымъ образцамъ, то они остались бы таковыми же, подражая и отечественнымъ авторамъ:

Молодые писатели нерѣдко подражаютъ у насъ иноземнымъ, ибо думаютъ, ложно или справедливо, что мы еще не имѣемъ великихъ образцевъ искусства: если бы сіи писатели не знали творцевъ чужеземныхъ, что бы сдѣлали? *подражали* бы своимъ; но и тогда *списки* ихъ остались бы *бездушными*. А кто рожденъ съ избыткомъ внутреннихъ силъ, тотъ и нынѣ, начавъ подражаніемъ, свойственнымъ юной слабости, будетъ наконецъ *самъ собою*.

Въ примѣчаніяхъ къ новому изданію «Разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ»(¹), когда уже многія слова, порицаемыя Шишковымъ, вошли въ общее употребленіе, онъ коснулся мысли Карамзина относительно способа, какимъ неологизмы являются въ языкѣ. Онъ находитъ ее справедливою только для исключительныхъ случаевъ. Что сказано въ рѣчи Карамзина, то, по его мнѣнію, можно сказать о пяти или десяти словахъ, не болѣе, но о цѣлыхъ сотняхъ словъ должно сказать совершенно тому противное, т. е. что «они не *родились вмѣстѣ съ мыслями*, а взяты точно тѣми же (²) или переведены съ чужихъ словъ, чужою мыслію, часто намъ несвойственною, порожденныхъ, и вошли въ языкъ не по *счастливому вдохновенію таланта*, но по неосновательной пере-

---

¹) Собраніе сочиненій и переводовъ Шишкова, ч. 2 (1824). Здѣсь «Разсужденіе» напеч. уже 4-мъ изданіемъ.

²) Т. е. безъ перевода на отечественный языкъ.

кичивости, и утверждаются въ немъ не *самовластно*, т. е. не властію достоинства своего, но силою частаго повторенія тѣми, которые понимаютъ ихъ не по разуму собственнаго своего, но по смыслу чужаго языка.... Отъ таковыхъ нововведеній языкъ несравненно больше скудѣетъ, нежели богатѣетъ и украшается, и если не оговаривать сихъ несвойственныхъ ему словъ и выраженій, если не дѣлать имъ никакого *законодательства*, то напослѣдокъ заразятъ они его совершеннымъ мракомъ и непонятностію. Употребленіе и навыкъ вводятъ въ языкъ слово, но оправдываютъ его не они, а разсудокъ». Изъ сокрушенной своей теоріи, Шишковъ хотѣлъ спасти по крайней мѣрѣ одинъ, главный ея догматъ— тождество славянскаго языка съ русскимъ, право называть первый высокимъ слогомъ, а второй простымъ. И онъ упорно повторялъ свое положеніе при каждомъ случаѣ, не только предсѣдательствуя въ Россійской академіи, но и управляя министерствомъ народнаго просвѣщенія (съ 1824 по 1828). Мнѣніе о переводѣ священнаго писанія на русскій языкъ, представленное имъ Императору Александру I, выражаетъ ту самую мысль, которую онъ постоянно проводилъ въ своихъ разсужденіяхъ: «*Языкъ у насъ славенскій и русскій одинъ и тотъ же. Онъ различается только на высокій и простой*. Высокимъ написаны священныя книги; простымъ мы говоримъ между собою и пишемъ свѣтскія сочиненія, комедіи, романы, и проч. Но сіе различіе такъ велико, что слова, имѣющія одно и тоже значеніе, приличны въ одномъ и неприличны въ другомъ. Сколь смѣшно въ простыхъ разговорахъ говорить высокимъ славенскимъ языкомъ, столь же странно и дико употреблять простой языкъ въ священномъ писаніи» ([1]). Наконецъ въ «предисловіи къ опыту словопроизводнаго словаря» (1833), не отступаясь отъ своей главной мысли, Шишковъ не называетъ однакожъ русскаго языка нарѣчіемъ славенскаго: «Необдуманное раздѣленіе языка на славенскій и русскій произошло отъ неопредѣленности слова «славенскій». Мы даемъ сіе названіе языку по имени народа называвшагося славянами, но не ужъ ли народъ сей до принятія сего имени былъ нѣмой, безъязычный? не ужъ ли съ того времени сталъ имѣть языкъ или перемѣнилъ его на другой? Нѣтъ, онъ продолжалъ говорить тѣмъ же языкомъ; не знаемъ, какъ его называли, но знаемъ, что, по раздѣленіи сего народа на русскихъ, поляковъ, чеховъ, иллиріянъ и проч., и языкъ сей сталъ называться, по ихъ именамъ, русскій, польскій, чешскій, иллирійскій и проч. При всѣхъ сихъ именахъ, онъ былъ и есть одинъ и тотъ

[1]) Записки адмирала А. С. Шишкова (за время управленія министерствомъ народнаго просвѣщенія).

же общій всѣмъ. Вотъ первое объ языкѣ понятіе. Второе: языкъ хотя одинъ и тотъ же, но у разныхъ народовъ больше или меньше измѣняется и получаетъ имя нарѣчій. Польское нарѣчіе отошло всего далѣе отъ нашего, такъ что мы и уразумѣть онаго не можемъ; но русское не есть нарѣчіе славенскаго языка, а тотъ же самый языкъ, не имѣющій ни малѣйшаго съ нимъ различія» ([1]).

Изложенная нами полемика кончилась торжествомъ новаго, карамзинскаго слога. Шишковъ проигралъ свое дѣло и въ теоріи и на практикѣ. Онъ проигралъ его въ теоріи, не доказавъ правоты своего ученія о языкѣ положительными, научными доводами; онъ проигралъ его на практикѣ, не подкрѣпивъ своихъ разсужденій образцами, которые могли бы привлечь на его сторону и литераторовъ, и публику. Какъ его собственныя сочиненія представляютъ мало литературнаго искусства, такъ и «Чтенія въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова» большею частію отличаются сухостью и педантствомъ. По качеству произведеній судятъ не только о талантѣ производителя, но и о достоинствѣ правилъ, которыми онъ руководствовался. Напротивъ, Карамзинъ, еще до начала спора, заявилъ себя какъ отличный писатель: «Исторія государства россійскаго» еще болѣе возвысила его имя: она служила наилучшимъ отвѣтомъ славянофильской критикѣ и своимъ выходомъ въ свѣтъ (1816—18) положила конецъ спору, въ теченіи котораго реформа пріобрѣла новыхъ, достойныхъ дѣятелей и въ стихахъ и прозѣ. Можно было по временамъ возвращаться къ толкамъ о старомъ и новомъ слогѣ, какъ это и дѣлалъ Шишковъ въ своихъ академическихъ трудахъ, но уже не было возможности вырвать побѣду изъ рукъ непріятеля.

Шишковъ и не могъ одержать побѣды, потому что его критика новаго литературнаго слога страдаетъ многими недостатками.

Первый изъ нихъ—недобросовѣстность, вольная или невольная, но съ разу бьющая въ глаза каждому безпристрастному человѣку. Въ одномъ изъ своихъ писемъ Карамзинъ назвалъ Шишкова честнымъ, но тупымъ. Такъ какъ первое качество противорѣчитъ недобросовѣстности, то и слѣдуетъ приписать эту послѣднюю ограниченности или странному затменію мысли. Въ погонѣ за уклоненіями отъ лексическихъ и синтаксическихъ свойствъ русскаго языка, Шишковъ упустилъ изъ виду характеристическія особенности новаго слога. Обвиненія свои онъ основывалъ не на сочиненіяхъ самого Карамзина и даровитѣйшихъ его послѣдователей, а на книгахъ и книжонкахъ самаго низкаго разряда, взваливая одна-

---

[1]) Опытъ словопроизводнаго словаря (1833).

кожъ отвѣтственность за находимыя въ нихъ нелѣпости на образецъ. Онъ видѣлъ только дурныя крайности реформы, а самой реформы какъ будто не хотѣлъ замѣтить. Что надобно относить къ злоупотребленію предметомъ, онъ относилъ къ предмету вообще. Такимъ образомъ обвиненіе было неправильно распространено имъ отъ плохихъ писакъ на всю новую школу и ея основателя.

Второй, главнѣйшій недостатокъ—ошибочное понятіе объ отношеніи между русскимъ и славянскимъ языками. Для него оба эти языка были одно и тоже, съ тѣмъ только различіемъ, что русскій языкъ есть «простой», а славянскій «высокій». Онъ даже смѣшивалъ «языкъ» съ «слогомъ», и весьма часто выраженія: «русскій языкъ», «славянскій языкъ» замѣнялъ выраженіями «русскій слогъ, «славянскій слогъ». Славянскій языкъ былъ, по его убѣжденію, корнемъ и началомъ русскаго, какъ будто русскіе, до принятія христіанства, говорили тѣмъ самымъ языкомъ, на которомъ получили мы отъ болгаръ переводы священнаго писанія и богослужебныхъ книгъ. Онъ не могъ простить Карамзину, что не видѣлъ у него «краснорѣчиваго смѣшенія славянскаго величаваго слогá съ простымъ россійскимъ» и умѣнія «высокій славянскій слогъ съ просторѣчивымъ россійскимъ такъ искусно смѣшивать, чтобы высокопаріость одного изъ нихъ пріятно обнималась съ простотою другаго».

Ошибочно, въ третьихъ, мнѣніе о томъ, какимъ образомъ неологизмы являются и утверждаются въ языкѣ. Приговоры по этому дѣлу онъ предоставлялъ суду грамматическаго устава, другими словами: Академіи, какъ высшей инстанціи этого суда. Это заблужденіе было, въ послѣдствіи, отвергнуто Карамзинымъ, справедливо замѣтившимъ, что слова не изобрѣтаются академіями, а раждаются вмѣстѣ съ мыслями или въ употребленіи языка или въ произведеніяхъ таланта.

Непослѣдовательность—если не въ теоріи, то на практикѣ—составляетъ четвертый недостатокъ Шишкова. Вооружаясь противъ нелѣпостей новаго слога, особенно противъ галлицизмовъ, онъ самъ платилъ имъ обильную дань, соблюдалъ, по словамъ Дашкова, цѣлыми страницами французское словосочиненіе.

Въ полемикѣ своей противъ Карамзина Шишкову преимущественно вредили два предмета: бѣдность филологическаго образованія и безвкусіе. Не зная древнихъ языковъ, не имѣя возможности почерпать доказательства ни въ историческомъ, ни въ сравнительномъ языкознаніи, онъ слишкомъ довѣрялъ личной логикѣ, т. е. своимъ собственнымъ соображеніямъ, и потому часто

строилъ на нихъ весьма странные выводы, поражавшіе своею дикостью или возбуждавшіе смѣхъ.—Безвкусіе же и отсутствіе такта выразились съ одной стороны въ пристрастіи къ славянскому языку, доходившемъ до того, что каждый славянизмъ казался ему хорошимъ единственно потому, что это—славянизмъ, а съ другой изобрѣтеніемъ новыхъ словъ, которыми онъ думалъ замѣнить не только нововведенныя, но и давноосѣдлыя. При всемъ уваженіи къ Ломоносову онъ не замѣчалъ различія между его слогомъ и слогомъ его послѣдователей, образовавшихъ славяно-россійскій книжный языкъ, который былъ не успѣхомъ, а движеніемъ назадъ. Этому послѣднему стилю, искаженному безразсуднымъ употребленіемъ славянщины, Шишковъ также воздавалъ похвалы.

Въ реформѣ литетатурнаго языка, совершенной Карамзинымъ, надобно различить двѣ стороны: синтаксическую (строй рѣчи) и лексическую (составъ и формы словъ).

Въ первомъ отношеніи, въ противоположность началамъ Ломоносовскаго синтаксиса, Карамзинъ считалъ необходимымъ: 1) писать недлинными, неутомительными предложеніями; 2) располагать слова сообразно съ теченіемъ мыслей и съ законами языка.

Во второмъ отношеніи, у Карамзина замѣчаются слѣдующіе элементы: 1) ограниченіе славянизмовъ, т. е. заимствованій словъ и формъ изъ церковно-славянскаго языка, посредствомъ чего обѣ стихіи нашего литературнаго языка: славянская и русская, вступали въ болѣе опредѣленныя границы; 2) введеніе иностранныхъ словъ для новыхъ понятій; 3) сообщеніе прежнимъ словамъ новаго значенія (*потребность*, *развитіе*, *положеніе* въ драмѣ, *выработанный* слогъ, всѣ части учености *обработываются*); 4) составленіе новыхъ словъ (*промышленность*, *достижимая*); 5) оживленіе рѣчи словами, заимствованными изъ лѣтописей, которыми пользовался Карамзинъ при сочиненіи Исторіи.

Такимъ образомъ съ Карамзина литературный языкъ нашъ, сближенный съ разговорною рѣчью людей образованныхъ, вступилъ въ новый періодъ своего развитія. Отличительныя свойства этого языка: легкость, простота, плавность, соединенныя съ пріятностью, или изяществомъ (élégance), удовлетворяющимъ эстетическому вкусу [1].

Отвѣчая на замѣтки Дашкова въ присовокупленіи къ разсужденію «о краснорѣчіи священнаго писанія», Шишковъ впервые поставилъ вопросъ о языкѣ въ связи съ вопросомъ о вѣрѣ и нравственности.

---

[1]) Карамзинъ въ исторіи рус. литер. языка, Я. Грота (Ж. М. Н. Просв. 1867, апрѣль).

Эта мысль сама по себѣ совершенно справедлива: наука о языкѣ, какъ она выработана учеными филологами, разумѣется, видитъ въ немъ отраженіе всѣхъ элементовъ народной жизни. Но у Шишкова, на первой порѣ, она могла быть истолкована и дѣйствительно толковалась, какъ орудіе, ведущее къ достиженію недостойной цѣли— обличить противниковъ въ безнравственности, заподозрить ихъ въ намѣреніи ослабить власть религіи, внушить неуваженіе къ родному. Позднѣе, именно въ «разсужденіи о любви къ отечеству» Шишковъ объяснилъ ее серьезнѣе, хотя вовсе не научно. Онъ говоритъ: «языкъ есть душа народа, зеркало нравовъ, вѣрный показатель просвѣщенія, неумолчный свидѣтель дѣлъ. Гдѣ нѣтъ въ сердцахъ вѣры, такъ нѣтъ въ языкѣ благочестія. Гдѣ нѣтъ любви къ отечеству, тамъ языкъ не изъявляетъ чувствъ отечественныхъ. Гдѣ ученіе основано на мракѣ лжеумствованій, тамъ въ языкѣ не возсіяетъ истина. Однимъ словомъ, языкъ есть мѣрило ума, души и свойствъ народныхъ». Такимъ образомъ полемика по поводу слога раздвинула свой кругъ. Послѣдователи Карамзина съ неудовольствіемъ увидѣли, что похвалы старому слогу въ тоже время суть похвалы старинѣ вообще, старому, до-петровскому просвѣщенію въ особенности, а нападки на новый слогъ служатъ съ тѣмъ вмѣстѣ нападками на новое время вообще, на европейскую цивилизацію. Въ этомъ отношеніи и замѣчательны посланія В. Пушкина къ Жуковскому (1810) и Дашкову (1811): онъ отстаиваетъ просвѣщеніе, которому какъ онъ увѣренъ, грозятъ идеи «раскольниковъ-славянъ». Если Шишковъ объявляетъ возмущеніе въ языкѣ нравственною распущенностью писателей, то Пушкинъ объясняетъ ученіе Шишкова отсталостью, обскурантизмомъ. И себя и друзей своихъ онъ успокоиваетъ мыслію о невозможности забыть или измѣнить прочное дѣло Петра и Екатерины II. «Намъ нужны не слова», говоритъ онъ, «намъ нужно просвѣщеніе. Истинный сынъ отечества стыдится утопать во мракѣ невѣжества «и въ старинѣ не видитъ ничего хорошаго».

Въ исторіи литературныхъ споровъ нерѣдко встрѣчаются подобные переходы воюющихъ съ одного пункта на другой. Такъ въ вопросѣ «о преимуществѣ древнихъ и новыхъ» начально имѣлось въ виду опредѣлить только мѣру значенія греко-римской литературы сравнительно съ литературою новаго, христіанскаго міра. Но въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи вопросъ вступилъ на иную почву: имѣлось въ виду опредѣлить сравнительное значеніе не одной литературы, но всего интеллектуальнаго развитія, достигнутаго древними и новыми. Защитники послѣднихъ дорожили рѣше-

ніемъ въ свою пользу, потому что оно сопряжено было съ торжествомъ идеи интеллектуальнаго прогресса человѣчества (¹).

§ 8. Исторія Государства Россійскаго, какъ и всякій историческій трудъ, можетъ быть разсматриваемъ съ двухъ точекъ зрѣнія: чисто-научной и историко-литературной.

1. Задача исторіи—воспроизведеніе прошлой жизни всего человѣчества или какого либо отдѣльнаго народа. Цѣль исторіи таже, что и прочихъ наукъ—истина. Эта научная истина требуетъ, чтобы прошлое было представлено точно такимъ, каково оно было въ дѣйствительности. Исторію справедливо уподобляютъ чистому и вѣрному зеркалу, въ которомъ событія отражаются въ подлинномъ своемъ видѣ и значеніи. Для достиженія этой цѣли первой работой историка должна быть работа критическая, или аналитическая: разборъ и оцѣнка памятниковъ. За тѣмъ слѣдуетъ вторая часть историческаго труда—часть построительная, или синтетическая, предметъ которой—свести разъясненные матеріалы въ одно цѣлое, по опредѣленному плану, изложить событія въ хронологическомъ порядкѣ и въ органической связи ихъ между собою, какъ причины и слѣдствія, и такимъ образомъ опредѣлить законы, управлявшіе развитіемъ народной жизни.

При оцѣнкѣ Исторіи Карамзина съ чисто-научной точки зрѣнія, необходимо прежде всего указать въ общихъ чертахъ состояніе науки русской исторіи передъ началомъ этого труда (²).

Изданіе историческихъ источниковъ началось у насъ еще въ XVIII вѣкѣ; но большая часть рукописей были и прочитаны, и изданы чрезвычайно небрежно. Кн. Щербатовъ, въ изданіи такъ называемаго «Древняго Лѣтописца», вмѣсто *утечьими ловцы* читалъ: *Утечь* и *Миловцы*, принимая эти слова за собственныя имена. Львовъ, издавая «Русскій Временникъ», счелъ возможнымъ замѣнить неупотребительныя слова текста словами новаго времени, наприм. *баталія* въ описаніи битвы Ярослава съ Святополкомъ. Барковъ исказилъ Радзивиловскій списокъ начальной лѣтописи. Изданія были до того небрежны, что страницы, перепутанныя въ рукописи, путались и въ изданіи и даже въ изложеніи исторіи: такъ случилось съ Царственной книгой, напечатанной Щербатовымъ. Самые важные списки лѣтописи оставались не только неизданными, но даже неизвѣстными: такъ Шлецеръ, списавшій

¹) А. С. Шишковъ, г. Стоюнина (Вѣст. Европы №№ 9—12).

²) Указаніе это заимствую изъ рѣчи К. Н. Бестужева-Рюмина: «Карамзинъ какъ историкъ», съ дополненіями изъ его же статьи «Современное состояніе русской исторіи какъ науки» (Москов. Обозрѣніе 1859 г. № 1) и изъ 1-го тома «Русской исторіи» (1872 г).

себѣ первыя страницы Ипатьевскаго списка, даже не подозрѣвалъ, что въ томъ же спискѣ заключаются лѣтописи Кіевская, извѣстная только Татищеву, и Волынская, никому неизвѣстная. Грамоты печатались такъ же, какъ и лѣтописи: печатали то, что подъ руку попадалось, съ перваго списка, и рѣдко заявляли, откуда взята грамота.

Если не было хорошихъ изданій лѣтописи, то тѣмъ менѣе можно было ждать ученыхъ комментаріевъ. Только Шлецеръ началъ объясненіе нашихъ лѣтописей и въ ту пору появился одинъ первый томъ его «Нестора»; только онъ началъ отдѣлять источники, годные къ употребленію, отъ негодныхъ, сталъ добиваться, какимъ путемъ дошли извѣстія. Комментаріи Татищева ограничивались по большей части соображеніями здраваго смысла: его примѣчанія интересны главнымъ образомъ своими указаніями на нравы и обычаи XVII и XVIII вѣковъ и вовсе не имѣютъ цѣны, какъ ученыя изысканія.

Ученыхъ пособій совсѣмъ не было. Генеалогическія таблицы были такъ перепутаны, что одинъ и тотъ же князь являлся два раза сыномъ двухъ разныхъ князей: такъ у Щербатова случилось съ Всеволодомъ Чермнымъ. Географія древней Россіи была не въ лучшемъ состояніи: постоянно путались такіе извѣстные города, какъ Владиміръ на Клязьмѣ и Владиміръ на Волыни; такіе народы, какъ Болгары Камскіе и Болгары Задунайскіе. Состояніе археологіи было таково, что въ 1824 г., уже послѣ изданія исторіи Карамзина, ученое общество напечатало въ своемъ изданіи описаніе Грузинской хоругви св. Владиміра. О миѳологіи и говорить нечего: въ XVIII вѣкѣ ее считали дѣломъ празднаго любопытства, и миѳографы, для забавы читателя, изобрѣтали не только обряды, но даже боговъ. Къ этому еще слѣдуетъ прибавить большое количество недоразумѣній: такъ изъ Перунова *уса злата* сдѣлали бога *Услада* и потомъ уже приписали ему разные атрибуты. Тотъ же взглядъ замѣтенъ и въ собираніи пѣсенъ, сказокъ и т. п. Въ сборникахъ постоянно являлись присочиненныя пѣсни и сказки: изслѣдователи не только не умѣли отличать ихъ отъ дѣйствительно народныхъ, но даже не находили этого нужнымъ, ибо и произведенія народной словесности считали занятіемъ празднаго любопытства, и то для черни. Извѣстно, съ какимъ презрѣніемъ Сумароковъ и Тредьяковскій смотрѣли на народную поэзію.

На основаніи накопившагося матеріала старались изобразить прошлую жизнь. Трудъ Татищева: «Исторія Россійская съ древнѣйшихъ временъ» (1768—74) — въ сущности сводная лѣтопись, доведенная до смерти Ѳедора Іоанновича, объясненная примѣчаніями, значе-

ніе которыхъ опредѣлено выше; прагматическимъ изложеніемъ событій назвать его нельзя. Первымъ опытомъ такого изложенія или, справедливѣе, покушеніемъ на прагматизмъ служила «Исторія Россійская отъ древнихъ временъ» кн. Щербатова (1770—1791), доведенная до Михаила Ѳедоровича. Авторъ вообще понималъ исторію, какъ цѣпь причинъ и слѣдствій, но не искалъ этихъ причинъ въ состояніи самого общества; для него онѣ были болѣе или менѣе случайны. Не представляя себѣ ясно условій эпохи, онъ нерѣдко впадалъ въ заблужденія: такъ онъ причину успѣха татаръ видитъ въ излишнемъ благочестіи нашихъ предковъ; нападенія Литвы въ эпоху до-татарскую объясняетъ дѣлами польскими, забывая, что Литва тогда не была еще соединена съ Польшею.

Представляя себѣ неудовлетворительное состояніе нашей исторической науки передъ появленіемъ Исторіи Карамзина, ясно видимъ, какъ великъ былъ его трудъ. Примѣчанія къ тексту каждаго тома занимаютъ цѣлую его половину. Изъ предисловія къ исторіи видно, какъ они были необходимы и чего они стоили историку: «Множество сдѣланныхъ мною примѣчаній и выписокъ устрашаетъ меня самого. Если бы всѣ матеріалы были у насъ собраны, очищены критикою, то намъ оставалось бы единственно ссылаться; но когда большая ихъ часть въ рукописяхъ, въ темнотѣ, когда едвали что обработано, изъясиено, соглашено, надобно вооружиться терпѣніемъ». Просматривая эти примѣчанія, нельзя не чувствовать уваженія къ его работѣ: въ нихъ осталось свидѣтельство его обширной начитанности, его образцовой критической внимательности; онъ останавливался надъ каждымъ памятникомъ, надъ каждымъ запросомъ. Для человѣка, начинающаго заниматься исторіею, нельзя указать лучшаго руководства: изъ примѣчаній онъ познакомится со всѣмъ кругомъ источниковъ, бывшихъ доступными Карамзину, и потомъ уже легко дополнитъ свои свѣдѣнія. А этотъ кругъ великъ: онъ заключаетъ массу памятниковъ, которые онъ въ первый разъ нашелъ, или которыми онъ впервые пользовался. Сюда принадлежатъ: списки лѣтописей — Хлѣбниковскій, Лаврентьевскій, Троицкій, Ростовскій, нѣкоторыя изъ Новогородскихъ лѣтописей и Псковскія, Даніилъ Паломникъ, Иларіонова похвала Владиміру, множество житій святыхъ, множество грамотъ, сказаній. И все это онъ прочелъ, изучилъ, провѣрилъ, изъ всего извлекъ самое любопытное и нигдѣ не спутался. Выписывалъ онъ часто то, что ему не пригодилось бы самому, но могло бы пригодиться другому. Выписывая, онъ часто подчеркивалъ слова, особенно любопытныя сами по себѣ или по соединенному съ ними факту. Не довольствуясь нашими библіотеками и

архивами, онъ ищетъ возможности получать нужные для него документы и изъ архивовъ заграничныхъ: такъ изъ Кенигсбергскаго архива ему доставляется множество интересныхъ бумагъ, между прочимъ грамоты галицкихъ князей, о которыхъ только изъ этихъ грамотъ и можно было получить нѣкоторыя свѣдѣнія; такъ чрезъ М. Н. Муравьева ищетъ онъ возможности добыть переписку папъ изъ Ватиканскаго архива и т. п. До него никто, кромѣ Миллера и Успенскаго([1]), не пользовался такъ много иностранными писателями о Россіи. Встрѣчающіяся въ памятникахъ слова, вышедшія изъ употребленія, онъ старается объяснить, и объясняетъ большею частію вѣрно, для чего ему нужны бываютъ выписки изъ другихъ памятниковъ, совершенно другаго времени. Не будучи филологомъ, Карамзинъ, конечно, объясняетъ слово только сличеньемъ текстовъ и не прибѣгаетъ къ филологическимъ соображеніямъ, даже не всегда пользуется помощію другихъ славянскихъ нарѣчій. Памятники вещественные интересуютъ его такъ же какъ и памятники письменные: онъ собираетъ извѣстія о святынѣ, хранимой въ ризницахъ, о раскопкахъ, кладахъ, зданіяхъ—обо всемъ, что сохранилось отъ жизни нашихъ предковъ. Имъ помѣщены рисунки буквъ Десятинной церкви, изображеніе стариннаго рубля, буквы зырянской азбуки Стефана Пермскаго. Когда въ наличныхъ источникахъ онъ не находитъ требуемыхъ свѣдѣній, то вступаетъ въ переписку съ мѣстными жителями и получаетъ нужное свѣдѣніе на мѣстѣ. Все, что возбуждаетъ какой-либо вопросъ касательно древностей: сомнительная дата, генеалогія того или другаго князя, банное строеніе, старинный русскій счетъ, вѣсы и монеты, не остается у Карамзина безъ изслѣдованія. Всѣ чужія мнѣнія тщательно разсматриваются и провѣряются. Изслѣдованія обыкновенно чрезвычайно точны и могутъ опровергаться только столь же точными изслѣдованіями или новыми памятниками. Словомъ, на пространствѣ до 1611 г. не много найдется вопросовъ, которые бы онъ не предвидѣлъ и на которые нельзя было бы найти у него рѣшенія, указанія или по крайней мѣрѣ намека. Велика заслуга того, кто первый познакомилъ большинство людей читающихъ съ отечественной исторіей, бывшей для нихъ какъ бы землей невѣдомой, — кто, по выраженію Пушкина, былъ «Колумбомъ древней Россіи». Мѣра такого подвига увеличивается при мысли, что самъ Карамзинъ, принимаясь за дѣло, не имѣлъ достаточной научной для него под-

[1]) Книга Успенскаго: «Опытъ о древностяхъ россійскихъ» вышла 2-мъ изданіемъ въ 1818 г..

готовки; онъ не былъ спеціалистомъ ни въ одной изъ тѣхъ отраслей наукъ, которыя по преимуществу образуютъ историка; онъ не былъ ни филологомъ, ни юристомъ; не подготовленный наукою, онъ не былъ подготовленъ и жизнію, потому что не участвовалъ ни въ дѣлахъ государственныхъ, ни въ переговорахъ. Литераторъ, журналистъ, свѣтскій человѣкъ — вотъ чѣмъ былъ Карамзинъ до своего *постриженія* въ историки, по мѣткому слову кн. Вяземскаго.

Что касается до вопроса: вѣрно ли исторія Карамзина воспроизводитъ прошлое Россіи? то онъ уже довольно опредѣлительно рѣшенъ историками, слѣдовавшими за Карамзинымъ, а именно: Н. Полевымъ, С. Соловьевымъ и К. Бестужевымъ - Рюминымъ. Они не скрываютъ, что Карамзинъ произносилъ иногда приговоры надъ дѣятелями и дѣйствіями вопреки объективности исторической науки, которая требуетъ, чтобы судъ производился по современному имъ образу мыслей, а не по образу мыслей того вѣка, въ которомъ живетъ судія; что, прочитавъ сочиненіе Карамзина, мы (по выраженію одного писателя, можетъ быть болѣе остроумному, чѣмъ справедливому) *знаемъ* исторію нашего отечества, но не *понимаемъ* ея, т. е. что *факты* переданы вѣрно, но невѣрно истолкованіе ихъ, *представленіе*, освѣщеніе.

II. Критика историко-литературная разсматриваетъ трудъ Карамзина съ двухъ сторонъ: во-первыхъ, со стороны высказаннаго въ ней образа мыслей, т. е. тѣхъ идеаловъ, господствомъ которыхъ онъ равно дорожилъ и въ историческомъ развитіи народа, и въ обыкновенной жизни людей, и служеніе которымъ было для него обязательно, какъ для литератора, такъ и для историка; во вторыхъ, со стороны искусства, или формы — внутренней и внѣшней. При разсмотрѣніи исторіи съ первой стороны, критика обязана отмѣчать встрѣчающіяся тамъ и сямъ примѣненія взглядовъ къ современному положенію Россіи, намеки на тѣ государственныя реформы царствованія Александра I, которыя даютъ поводъ автору сближать ихъ съ древне-русскими правительственными мѣрами; ибо исторія, по словамъ самого автора, есть изъясненіе и дополненіе настоящаго и примѣръ будущаго. Мы уже знаемъ, что изслѣдованія прошедшихъ судебъ отечества не отвлекали Карамзина отъ современныхъ ему интересовъ общества. Доказательствомъ тому служитъ «Записка о древней и новой Россіи», посвященная преимущественно сужденію о государственныхъ реформахъ за первое десятилѣтіе текущаго вѣка. Она явилась въ то время, когда было написано уже нѣсколько томовъ исторіи. И потому, говоря объ одномъ трудѣ, необходимо принять къ соображенію и

другой. По образу мыслей, онѣ состоятъ въ тѣсной между собою связи, взаимно себя дополняютъ и объясняютъ.

A) Образованіе Карамзина было завершено въ прошедшемъ вѣкѣ. Подъ вліяніемъ передовой литературы этого вѣка, сложились его убѣжденія, установились идеи, между которыми первенствовали идеи человѣколюбія и просвѣщенія, какъ единственнаго, по его мнѣнію, средства для умственнаго и нравственнаго развитія человѣчества. Карамзинъ началъ писать исторію въ то время, когда уже достаточно высказалъ свои воззрѣнія на важнѣйшіе предметы государства и общества. Державный обѣтъ Императора, заявленный въ манифестѣ при вступленіи на престолъ—«править народомъ по законамъ и сердцу бабки своей Екатерины Великой»—исполнилъ Карамзина радостными надеждами, потому что царствованіе Екатерины II было, по его искреннимъ убѣжденіямъ, идеаломъ правительственной системы, а величайшая слава этой системы состояла въ умѣніи все дѣлать *въ пору и въ мѣру*. Карамзинъ написалъ «Историческое похвальное слово Екатеринѣ II (1802)» съ двоякою цѣлію: указать во всѣхъ дѣйствіяхъ Екатерины—завоеваніяхъ, законахъ и учрежденіяхъ—важнѣйшія ихъ качества, т. е. своевременность и мудрую мѣру, и кромѣ того преподать совѣты правительству новому. Такимъ образомъ занятія исторіей могли измѣнить только мнѣнія о нѣкоторыхъ событіяхъ и лицахъ, но не могли разсѣять окрѣпшіе въ сознаніи историка политическіе, гражданскіе и нравственные идеалы. По этой причинѣ, при чтеніи Исторіи государства россійскаго нерѣдко встрѣчаешь воззрѣнія и «Писемъ русскаго путешественника», и «Вѣстника Европы», и отдѣльныхъ статей, которыя помѣщались въ сборникахъ, издававшихся Карамзинымъ (Аглая, Пантеонъ иностранной словесности). Общность въ этомъ отношеніи между «Исторіей» и «Запиской» еще яснѣе: если въ первыхъ томахъ Исторіи, предшествовавшихъ «Запискѣ», высказывалось многое, что потомъ «Записка» повторила въ обзорѣ древне-русской исторіи, то, съ другой стороны, этотъ обзоръ предварительно изложилъ многое, что подробнѣе разсказано слѣдующими томами Исторіи.

Самъ авторъ обозначилъ направленіе своей исторіи, поднося ее Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ: «я писалъ съ любовію къ отечеству, ко благу людей въ гражданскомъ обществѣ и къ святымъ уставамъ нравственности» (¹).

a) Нравственный уставъ господствуетъ надъ всѣми другими законами и побужденіями. Онъ проходитъ по всей исторической

¹) Письмо отъ 24 янв. 1818 (Неизд. соч. К—на).

ткани яркою нитью, не умѣряемый въ строгости даже государственными требованіями. Что въ одинаковой силѣ обязательно для каждаго человѣка, къ тому Карамзинъ и питаетъ особенное уваженіе, то и служитъ для него главною мѣрою достоинства и правителей и подвластныхъ. На этомъ пунктѣ исторіографъ и публицистъ сошлись въ немъ самымъ дружнымъ образомъ. Какъ Вѣстникъ Европы не признавалъ Наполеона героемъ, потому что не находилъ «героизма добродѣтели» въ его дѣйствіяхъ, такъ и Исторія, въ характеристикахъ древне-русскихъ князей и царей, наиболѣе останавливается на добродѣтельныхъ подвигахъ, даетъ имъ первое мѣсто, а не подчиняетъ ихъ какимъ-либо другимъ заслугамъ. Только та политика одобряется ею, которая согласна съ чувствомъ естественной справедливости. Если есть иная политика, то она не должна быть. Называя политикой коварство, лицемѣріе, хитрость, мы смѣшиваемъ разнородные предметы. Присяга всегда сохраняетъ свою святость, и вѣроломство есть всегда преступленіе. Хотя Карамзинъ и цитируетъ слова Цицерона: «вѣкъ извиняетъ человѣка»; хотя между апоѳегмами, разсѣянными въ его историческомъ трудѣ, мы и встрѣчаемъ мысль, что «самые великіе люди дѣйствуютъ согласно съ образомъ мыслей и правилами вѣка»: однакожъ, призывая мертвыхъ къ суду, онъ выговаривалъ его на основаніи тѣхъ самыхъ положеній, которыя неуклонно примѣнялъ и къ своимъ современникамъ. Передъ его нравственнымъ идеаломъ были равны всѣ времена и народы, всѣ разряды гражданскаго общества. Этотъ идеалъ положительно выраженъ въ оцѣнкѣ дѣйствій Калиты. Хваля его за утвержденіе великокняжеской власти, историкъ не прощаетъ ему смерти Александра Тверскаго: «правила нравственности и добродѣтели святѣе всѣхъ иныхъ и служатъ основаніемъ истинной политики». Съ дурнымъ поступкомъ не мирили его ни похвальная цѣль, ни успѣшное достиженіе цѣли, потому что «отъ человѣка зависитъ только дѣло, а слѣдствія отъ Бога», и потому «судъ исторіи не извиняетъ и самаго счастливаго злодѣйства». Тѣже мысли повторены по случаю Казимирова умысла убить или отравить Іоанна III: «Никогда выгода государственная не можетъ оправдать злодѣянія; нравственность существуетъ не только для частныхъ людей, но и для государей: они должны такъ поступать, чтобы правила ихъ дѣяній могли быть общими законами.

И такъ передъ лицемъ нравственныхъ требованій всѣ люди равноправны. Исторія, ими вооруженная, ставитъ важнѣйшимъ величіемъ дѣятелей—служеніе добродѣтели; важнѣйшимъ ихъ преступленіемъ—измѣну добродѣтели. Съ этой точки зрѣнія, Карам-

зинъ судитъ неуклонно-строго. Особенной строгости подвергся Іоаннъ Грозный. По его объясненіямъ, конецъ счастливыхъ дней Грознаго наступилъ въ то время, когда онъ лишился не только супруги, «но и добродѣтели»: Анастасія, вмѣстѣ съ Сильвестромъ и Адашевымъ, питала въ немъ любовь «къ святой нравственности». Послѣдній величается мужемъ незабвеннымъ въ нашей исторіи, «красою вѣка и человѣчества»: двоякая похвала — относительная, воздаваемая человѣку извѣстной эпохи, и безотносительная, сохраняющая свою цѣнность для всѣхъ возможныхъ эпохъ. Подвигъ митрополита Филиппа заслужилъ ему славу такого героя, знаменитѣе котораго, какъ выражается нашъ историкъ, не представляетъ ни древняя, ни новая исторія: ибо «умереть за добродѣтель есть верхъ человѣческой добродѣтели». Изобразивъ вторую, мрачную половину царствованія Іоанна IV, Карамзинъ дѣлаетъ замѣтку о пользѣ исторіи подобныхъ ему властителей: «вселять омерзѣніе ко злу есть вселять любовь къ добродѣтели». Онъ жалѣетъ о Курбскомъ, какъ о злополучномъ мужѣ, лишившемъ себя главнаго утѣшенія въ бѣдствіяхъ—«внутренняго чувства добродѣтели». Имя же «добродѣтельнаго» слуги его, Шибанова, сочтено достойною принадлежностью исторіи.

Таже мѣрка прилагается къ Годунову, Лжедимитрію, Шуйскому и событіямъ междуцарствія. При описаніи блистательныхъ свойствъ Годунова, Карамзинъ даетъ намъ ключъ къ уразумѣнію того, что скажетъ о немъ потомство: «превосходя всѣхъ вельможъ дарованіями, Борисъ *не имѣлъ только.... добродѣтели*; видѣлъ въ ней не цѣль, а средство къ достиженію цѣли; не могъ одолѣть искушеній тамъ, гдѣ зло казалось для него выгодою — и проклятіе вѣковъ заглушаетъ въ исторіи его добрую славу». Ошибочныя распоряженія Бориса во время успѣховъ самозванца вновь подтверждаютъ извѣстную истину, «сколь умъ обманчивъ въ раздорѣ съ совѣстію, и какъ хитрость, чуждая добродѣтели, запутывается въ собственныхъ сѣтяхъ». Ни эта хитрость, ни правительственный умъ не обольщаютъ Карамзина: они были для него темною силой, направленной къ личнымъ выгодамъ. Въ Борисѣ онъ чуялъ нечистую личность, не столько явными уликами, сколько сердцемъ открывая благовидность его дѣйствій при неблагомъ ихъ значеніи, соблюденіе законныхъ формъ при беззаконности содержанія. И потому исторія Борисова царствованія заключена строгимъ приговоромъ:

Имя Годунова, одного изъ разумнѣйшихъ властителей въ мірѣ, въ теченіе столѣтій было и будетъ произносимо съ омерзѣніемъ, *во славу нравственнаго, неуклоннаго правосудія*. Потомство видитъ лобное мѣсто,

обагренное кровію невинныхъ, св. Димитрія, издыхающаго подъ ножемъ убійцъ, героя псковскаго въ петлѣ, столь многихъ вельможъ въ мрачныхъ темницахъ и келліяхъ; видитъ гнусную мзду, рукою вѣнценосца предлагаемую клеветникамъ-доносителямъ; видитъ систему коварства, обмановъ, лицемѣрія предъ людьми и Богомъ... вездѣ личину добродѣтели, и гдѣ добродѣтель? въ правдѣ ли судовъ Борисовыхъ, въ щедрости, въ любви къ гражданскому образованію, въ ревности къ величію Россіи, въ политикѣ мирной и здравой? Но *сей яркій для ума блескъ хладенъ для сердца*, удостовѣреннаго, что Борисъ не усомнился бы ни въ какомъ случаѣ дѣйствовать вопреки мудрымъ государственнымъ правиламъ, если бы властолюбіе потребовало отъ него такой перемѣны.

Измѣна Басманова, «честолюбца безъ чести», его переходъ на сторону «державнаго прошлеца», какъ энергически Карамзинъ называетъ Лжедимитрія, даетъ историку поводъ заявить нетвердость того, что противно уставу нравственности: «Басмановъ», говоритъ онъ, «не зналъ, что сильные духомъ падаютъ какъ младенцы на пути беззаконія». Отъ Василія Шуйскаго историкъ не ожидалъ ничего великаго, потому что онъ могъ быть только вторымъ Годуновымъ: лицемѣромъ, а *не героемъ добродѣтели, которая бываетъ главною силою и властителей народа и народовъ въ опасностяхъ чрезвычайныхъ*». Одна изъ такихъ опасностей наступила для нашего отечества въ междуцарствіе: «Россія гибла и могла быть спасена только Богомъ и собственною *добродѣтелью*».

Какъ бы ни судили объ изложенномъ взглядѣ, но, по крайней мѣрѣ, онъ отличается послѣдовательностью. Карамзинъ остался ему вѣренъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ. Если строго-нравственная точка зрѣнія не совсѣмъ удобна въ исторіи, которая поэтому можетъ забывать главную цѣль свою — разъясненіе прошлаго, и имѣть въ виду цѣль стороннюю—поученіе настоящаго; если свѣточъ, который такъ твердо держалъ въ рукахъ своихъ историкъ, недостаточенъ для озаренія точнаго смысла событій: то блескъ такого свѣточка—все же прекрасный блескъ. Противъ мѣрила, выбраннаго Карамзинымъ, сказать нечего. Разсматриваемый въ самомъ себѣ, онъ безупреченъ. Но, при всемъ внутреннемъ своемъ достоинствѣ, соотвѣтствуетъ ли онъ различнымъ историческимъ временамъ? На этотъ первый вопросъ сочиненія Карамзина даютъ положительный отвѣтъ: для ихъ автора существовала только одна нравственность, исконная и нескончаемая; никакой другой онъ не признавалъ. Вторымъ вопросомъ требуется рѣшить, всегда ли полно и вѣрно примѣняется его нравственный уставъ? Примѣненіе общаго къ частному подвержено многимъ погрѣшностямъ. Въ томъ случаѣ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, историкъ можетъ иногда проходить молчаніемъ крупные факты, не подозрѣвая въ

нихъ права заявлять торжество или помраченіе нравственнаго идеала, тогда какъ факты некрупные, даже мелкіе могутъ находить въ немъ строгаго судію или апологиста, съ той же точки зрѣнія. Есть событія, туго выдающія нарушеніе правды: необходимо близко подойти къ нимъ и зорко разсмотрѣть ихъ, чтобы понять тяжесть обиды, нанесенной въ нихъ нравственному чувству. Таково, напримѣръ, презрѣніе къ человѣческой личности, нарушеніе гражданской равноправности въ одномъ человѣкѣ или въ коллективной единицѣ (корпораціи, сословіи, значительной части земства) и т. д. Встрѣчаются ли у Карамзина подобныя ошибки? Если въ отвѣтъ на этотъ вопросъ Карамзинъ можетъ сказать, что на нѣкоторыя историческія явленія (напримѣръ на крѣпостное право) онъ смотрѣлъ не тѣми глазами, какими смотримъ на нихъ мы, и рѣшалъ ихъ иначе (какъ мы уже видѣли), нежели они рѣшены послѣдующимъ временемъ; то, съ другой стороны, нельзя не сказать, что чувствительность, которую почиталъ онъ лучшимъ даромъ человѣческой природы и въ тоже время счастливѣйшимъ орудіемъ авторства, мѣшала ясности его историческаго созерцанія. Она, пользуясь выраженіемъ самого Карамзина, иногда малое представляла великимъ, а иногда великое малымъ. Отсюда, между прочимъ, и желаніе подмѣчать слѣды чувствительности въ древне-русскихъ князьяхъ, хотя эти замѣтки ничего не прибавляютъ ни къ характеристикѣ лицъ, ни къ характеристикѣ событій. Такъ о Владимірѣ Мономахѣ говорится: «онъ могъ бы сѣсть на престолѣ родителя своего; но сей *чувствительный*, миролюбивый князь уступилъ оный Изяславу». Глава о Ярославѣ II Всеволодовичѣ, вступившемъ на престолъ по завоеваніи Руси татарами, начинается словами: «въ такихъ обстоятельствахъ государь *чувствительный* могъ бы возненавидѣть власть». Въ письмахъ Василія Ивановича къ его супругѣ Еленѣ, историкъ указываетъ нѣжность супруга и отца, который, «будучи въ разлукѣ съ женою и съ дѣтьми, обращается къ нимъ въ мысляхъ, изъясняемыхъ простыми словами, но внушаемыми только *чувствительнымъ* сердцемъ». Говоря о жестокомъ характерѣ Іоанна III, Карамзинъ прибавляетъ: «рѣдко основатели монархій славятся *нѣжною чувствительностію*». Излишество и вмѣстѣ наивность этой прибавки не скрылась отъ современныхъ читателей. Записки А. Пушкина разсказываютъ, что нѣкоторые остряки переложили первыя главы Тита Ливія слогомъ Исторіи Карамзина, включивъ въ характеристику Брута приведенныя слова, съ перемѣною одного изъ нихъ: «рѣдко основатели республикъ славятся нѣжною чувствительностію».

б) «Исторія Государства Россійскаго» есть исторія государственная, какъ видно изъ самаго ея названія. Она повѣствуетъ объ установленіи государственнаго порядка въ Россіи. По отношенію къ этому предмету и въ связи съ нимъ разсматриваются важнѣйшія явленія древней Руси, какъ послѣдовательныя ступени, ведущія къ рѣшенію главнаго вопроса, къ уразумѣнію того, какъ началась и сложилась наша государственность, какъ въ землѣ русскихъ славянъ, великой и обильной, но не имѣвшей порядка, выработался прочный государственный порядокъ.

Но государственнаго порядка нѣтъ безъ власти самодержавной, говоритъ Холмскій новогородцамъ, въ Мареѣ Посадницѣ. Слова московскаго воеводы выражаютъ мысль Карамзина о направленіи нашей исторіи, указываютъ ту идею, которая, по его взгляду, обнаруживается рядомъ русскихъ событій. Мы знаемъ, что онъ началъ свой трудъ вскорѣ послѣ упомянутой повѣсти. Къ тому, что имѣли ему открыть русскія лѣтописи, присоединялось и то, что уже было ему извѣстно изъ современныхъ событій, въ особенности изъ самаго крупнаго—французской революціи. Если, говоря словами автора, «исторія есть изъясненіе настоящаго», то и настоящее служитъ къ разъясненію исторіи, дополняя собою свѣдѣнія, найденныя въ письменныхъ памятникахъ, и подтверждая вѣрность выводовъ о значеніи прошлаго. Не надобно терять изъ виду, что начало исторической работы Карамзина отдѣляется немногими годами отъ конца французскаго погрома. Онъ и самъ хорошо помнилъ это, даже въ то время, когда двѣ трети его труда были совсѣмъ готовы. Излагая пользу исторіи для правителей и законодателей, Карамзинъ пишетъ въ предисловіи (1815): «Должно знать, какъ искони мятежныя страсти волновали гражданское общество и какими способами благотворная власть ума обуздывала ихъ бурное стремленіе, чтобы учредить порядокъ, согласить выгоды людей и даровать имъ возможное на землѣ счастіе». Хотя въ этихъ строкахъ нѣтъ прямаго указанія на историческую годину, которая явила міру наибольшій мятежъ страстей, но оно безспорно подразумѣвается. Прямое же указаніе отнесено къ характеристикѣ Грознаго. Здѣсь авторъ, снова касаясь пользы исторіи, говоритъ: «не исправляя злодѣевъ, исторія предупреждаетъ иногда злодѣйства, всегда возможныя, ибо страсти дикія свирѣпствуютъ и въ вѣки гражданскаго образованія». Въ примѣчаніи къ послѣднимъ словамъ читаемъ: «смотри исторію французской республики» (¹).

¹) Прим. 762 къ IX т.

И такъ установленіе государственнаго порядка невозможно безъ самодержавія. Самодержавіе даруетъ государству единство, могущество, независимость и гражданское образованіе—всѣ принадлежности, составляющія понятіе о благоустроенномъ обществѣ. Таковъ государственный идеалъ Карамзина. И его «Исторія» неотступно слѣдитъ за осуществленіемъ этого идеала въ нашемъ отечествѣ. Главными моментами древне-русской жизни служатъ тѣ явленія, которыми высказался наибольшій успѣхъ въ стремленіи къ означенной цѣли. Обозрѣвая ходъ событій съ этой точки зрѣнія, «Записка о древней и новой Россіи» различаетъ на историческомъ пути нашемъ три періода: «Россія основалась единоначаліемъ, гибла отъ разновластія и спаслась самодержавіемъ». «Исторія» въ подробности разсказываетъ то, что только намѣчено сжатою формулою: она излагаетъ содержаніе каждаго періода, съ его отличіями и подробностями.

Первымъ счастливымъ періодомъ было правленіе Ярослава I, когда «Россія, рожденная, возвеличенная единовластіемъ, не уступала въ силѣ и въ гражданскомъ образованіи первѣйшимъ европейскимъ державамъ». Несчастнѣйшій же періодъ простирается отъ Василія Ярославича до Калиты, когда Россія утратила главныя государственныя блага — единовластіе и независимость. Имена князей, которыхъ усилія въ это время были направлены къ возвращенію утраченнаго, заслуживаютъ похвалу историка: Андрей Боголюбскій, явно стремившійся «къ спасительному единовластію»; Всеволодъ III, подобно ему напомнившій Россіи «счастливые дни единовластія». Іоаннъ Калита указалъ своимъ преемникамъ путь къ лучшей системѣ правленія. Усиленіе Москвы возвысило княжескую власть въ отношеніи къ народу, а съ тѣмъ вмѣстѣ понизило прежнюю важность бояръ: «раждалось самодержавіе». «Сія перемѣна, объясняетъ Карамзинъ, безъ сомнѣнія непріятная для тогдашнихъ гражданъ и бояръ, оказалась величайшимъ благодѣяніемъ судьбы для Россіи: она устранила важныя препятствія на пути Россіи къ независимости». Іоанну III суждено было совершить два великіе подвига: и освободить Россію отъ татаръ и водворить единовластіе неограниченное, или самодержавіе ([1]). Съ его времени ведетъ свое начало новый и весьма важный моментъ: «исторія наша принимаетъ достоинство истинно-государственной». Карамзинъ изображаетъ Іоанна III великимъ монархомъ, потому

---

[1]) Глубокомысленная политика князей московскихъ не удовольствовалась собраніемъ частей въ цѣлое: надлежало еще связать ихъ твердо и единовластіе усилить самодержавіемъ (*Записка о древн. и нов. Россіи*).

что онъ помышлялъ единственно о государственной пользѣ, которая требовала безпрекословнаго единовластія, потому что онъ «не имѣлъ никакихъ страстей въ политикѣ, кромѣ добродѣтельной любви къ прочному благу народа», а это благо могло быть устроено только единою и самодержавною властію. Она сдѣлалась таковою при сынѣ Василія Темнаго. Впрочемъ, не ради одной этой заслуги, какъ ни велика она, Карамзинъ видитъ въ Іоаннѣ III великаго представителя монархизма, а ради и другихъ его свойствъ и дѣяній, какъ узнаемъ дальше. Таковъ ходъ нашей исторіи.

в) Понятія Карамзина о характерѣ государственныхъ и общественныхъ преобразованій намъ уже извѣстны. «Исторія» и «Записка» держатся того же ученія, проводя его по событіямъ древней и новой Россіи. Только въ его духѣ и по его начертаніямъ допускаютъ онѣ обновленіе жизни, развитіе гражданственности. Уваженіе къ прошедшему и существующему, при всѣхъ возможныхъ реформахъ, для Карамзина—законъ. Для него дороги историческія основы народнаго быта, и потому онъ ищетъ умиротворенія стараго съ новымъ, а не разрушенія перваго вторымъ. По его мнѣнію, столько же необходимо выполнять законно-возникшія, дѣйствительно указанныя временемъ потребности, сколько вредно испытывать дѣйствіе высшихъ улучшеній, которыя не заявлялись обществомъ. Короче: онъ сторонникъ и заступникъ охранительнаго начала; онъ консерваторъ. Подобно лучшимъ людямъ Екатерининскаго времени, онъ признавалъ нововведенія только подъ тѣмъ условіемъ, что они согласованы съ «умоначертаніемъ» народа и съ его вѣками сложившимся строемъ жизни. Онъ не мечталъ объ идеальномъ совершенствѣ реформъ: онъ желалъ лучшаго, болѣе отвѣчающаго нуждамъ страны. Реформы перваго рода, какъ умозрительныя, легко сочиняются въ кабинетѣ, но на практикѣ весьма часто оказываются негодными; реформы втораго рода, какъ вызванныя обстоятельствами, служатъ орудіемъ общественнаго прогресса. Слова Солона, приведенныя выше, повторены, хотя нѣсколько иначе, въ «Запискѣ»: «мои законы *несовершенны*, но *лучшіе* для Аѳинянъ». Они указываютъ путь законодателямъ и вообще всѣмъ лицамъ, стоящимъ во главѣ управленія. Когда же новыя учрежденія вступили въ дѣйствіе, тогда они должны пользоваться охраной и почтеніемъ, какими пользовались до нихъ дѣйствовавшія и ими упраздненныя: «уставы отцевъ бываютъ не всегда мудры, но всегда священны для народа», говоритъ Карамзинъ въ «Исторіи», какъ бы повторяя прежнюю мысль свою, выраженную еще въ «Письмахъ»: «всякое граждан-

ское общество, вѣками утвержденное, есть святыня для добрыхъ гражданъ».

Съ точки зрѣнія охранительной, Карамзинъ, въ своей «Исторіи», даетъ отчетъ о движеніи государственныхъ реформъ. Іоаннъ III возведенъ имъ на «вышнюю степень величія» не только передъ другими царями до-петровской Руси, но и сравнительно съ Петромъ. Историкъ видитъ въ немъ идеалъ монарха, главнѣйшимъ образомъ потому, что этотъ царь укрѣпилъ Россію духомъ самодержавія, и кромѣ того по многимъ инымъ причинамъ: Іоаннъ всегда дѣйствовалъ осторожно, а осторожность «успѣхами, какъ бы неполными, даетъ своимъ твореніямъ прочность»; онъ «уважалъ правила вѣка и общее мнѣніе, не отвергалъ хорошаго для лучшаго, не совсѣмъ вѣрнаго, не мыслилъ о введеніи новыхъ обычаевъ, о перемѣнѣ нравственнаго характера подданныхъ», короче: поступалъ «благоразумно, т. е. согласно съ истинною пользою отечества». Историческая точка зрѣнія побудила Карамзина измѣнить прежній взглядъ на реформы Петра Великаго. «Записка» осуждаетъ преобразователя за излишнюю страсть къ подражанію иноземнымъ державамъ, во вредъ народному духу. Сущность новаго взгляда выражена слѣдующими словами: «Духъ народный составляетъ нравственное могущество государствъ, подобно физическому, нужное для ихъ твердости. Сей духъ и вѣра спасли Россію во время самозванцевъ; онъ есть не что иное, какъ привязанность къ нашему особенному, не что иное, какъ уваженіе къ своему народному достоинству... Любовь къ отечеству питается сими народными особенностями, благотворными въ глазахъ политика глубокомысленнаго... Два государства могутъ стоять на одной степени гражданскаго просвѣщенія, имѣя нравы различные. Государство можетъ заимствовать отъ другаго полезныя свѣдѣнія, не слѣдуя ему въ обычаяхъ. Пусть сіи обычаи естественно измѣняются, но предписывать имъ уставы есть насиліе... Съ пріобрѣтеніемъ добродѣтелей человѣческихъ мы утратили гражданскія... Мы стали гражданами міра, но перестали быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ гражданами Россіи».

Въ исторіи новой Россіи образцемъ правительственной мудрости Карамзинъ ставитъ царствованіе Екатерины Второй: «едва ли не всякій изъ насъ скажетъ, что время Екатерины было счастливѣйшимъ для гражданина россійскаго; едва ли не всякій изъ насъ пожелалъ-бы жить тогда, а не въ иное время». Такъ говоритъ онъ въ «Запискѣ», и этими словами выказываетъ въ себѣ автора «Похвальнаго слова» Императрицѣ, при которой завершилось его образованіе и сформировались его убѣжденія. Если время Екате-

рины было счастливѣйшее, то отсюда прямо выходитъ, что Россія должна держаться порядка, его установленнаго. Уклоненія отъ этого порядка, какъ наилучшаго, должно отозваться неблагопріятными послѣдствіями: важными ошибками, общимъ недовольствомъ, упадкомъ довѣрія къ правительству, критикой его цѣлей и мѣръ. Вотъ въ чемъ главная мысль «Записки».

Баронъ Корфъ справедливо называетъ Карамзина, какъ автора «Записки», органомъ консервативнаго мнѣнія о работахъ графа Сперанскаго. «Записка» показываетъ несостоятельность и опасность нововведеній этого знаменитаго дѣятеля. За что собственно онъ осуждается? За излишнюю поспѣшность въ государственныхъ преобразованіяхъ, за излишнее уваженіе формъ государственной дѣятельности, въ ущербъ ея содержанію. Эти преобразованія (мы передаемъ смыслъ того, что подробно развито Карамзинымъ) возникли не на исторической основѣ, а изъ умозрѣній, вызывались не дѣйствительною потребностію, а жаждою новизны, простымъ подражаніемъ Европѣ. Они были не прямымъ и строгимъ выводомъ изученія Россіи, а теоретическими опытами надъ Россіей неизслѣдованной. Они служили не отвѣтами на заявленія прошедшаго и настоящаго, а вопросами будущему. Они своевольно обращались съ тѣмъ, что завѣщано стариной. Они быстро ломали то, что медленно вырабатывалось жизнію. Исправляя дурное, они съ тѣмъ вмѣстѣ не щадили и хорошаго; желая пресѣчь зло, могли породить еще большее зло. И потому они блистательны, но не прочны; изящны на бумагѣ, но мало примѣнимы къ дѣлу ([1]).

Всякая новость въ государственномъ порядкѣ есть зло, къ коему надобно прибѣгать только по необходимости, ибо мы болѣе уважаемъ то, что давно уважаемъ, и все дѣлаемъ лучше отъ привычки.

Мудрые законодатели, принужденные измѣнять уставы политическіе, старались какъ можно менѣе отходить отъ старыхъ. «Если число и власть сановниковъ должны быть перемѣнены», говоритъ Махіавель, «то удержите имя ихъ для народа». Мы поступаемъ иначе: оставляемъ вещь, гонимъ имена; для произведенія того же дѣйствія вымышляемъ другіе способы... Къ древнимъ государственнымъ зданіямъ прикасаться опасно... Требуемъ болѣе мудрости охранительной, нежели творческой... Гораздо легче отмѣнить новое, нежели старое. Новости ведутъ къ новостямъ и благопріятствуютъ необузданностямъ произвола ([2]).

Наибольшей критикѣ подверглись труды законодательной коммиссіи, направляемые Сперанскимъ. Коммиссія намѣревалась переводить кодексъ Фридриха Великаго. «Къ чему это?» замѣчаетъ

[1]) Кое-что о прогрессѣ (Рус. Вѣстникъ, 1861, № 10).

[2]) Записка о древ. и нов. Россіи.

Карамзинъ: «Россія не Пруссія. Не худо знать его, но не менѣе ли нужно знать Юстиніановъ или датскій,—единственно для общихъ соображеній, а не для путеводительства въ нашемъ особенномъ законодательствѣ». О томѣ предварительныхъ работъ коммиссіи Записка даетъ такой отзывъ: «Множество ученыхъ словъ, почерпнутыхъ въ книгахъ,—ни одной мысли, почерпнутой въ содержаніи особеннаго гражданскаго характера Россіи. Голосъ автора въ лунѣ, а не на землѣ русской; соотечественники желали, чтобы сіи умозрители или спустились къ намъ, или не писали для насъ законовъ». Двѣ книжки, содержащія въ себѣ, подъ именемъ проэкта уложенія, переводъ Наполеонова кодекса, изумили Карамзина: «Законы народа», говоритъ онъ, «должны быть извлечены изъ его собственныхъ понятій, нравовъ, обыкновеній и мѣстныхъ обстоятельствъ. Мы имѣли бы уже девять уложеній, если бы надлежало только переводить. Авторы шьютъ намъ кафтанъ по чужой мѣркѣ. Все не русское, все не порусски: какъ вещи, такъ и предложеніе оныхъ... Для стараго народа не надобно новыхъ законовъ. Мы требуемъ отъ коммиссіи систематическаго предложенія нашихъ... Указы и установленія отъ временъ Алексѣя Михайловича до нашихъ: вотъ содержаніе кодекса (1).

Не такъ было въ старину. Быстрой и кабинетной работѣ своихъ современниковъ Карамзинъ противопоставляетъ медленную, на опытѣ вѣковъ основанную работу прежняго времени. Въ похвалѣ «Исторіи» Іоанну IV и его совѣтникамъ за «Судебникъ» (1550) нельзя не видѣть косвеннаго порицанія дѣйствій Сперанскаго по коммиссіи законовъ:

> Іоаннъ и добрые его совѣтники искали въ трудѣ своемъ не блеска, не суетной славы, а вѣрной, явной пользы, съ ревностною любовію къ справедливости, къ благоустройству; не дѣйствовали воображеніемъ, умомъ не обгоняли настоящаго порядка вещей, не терялись мыслями въ возможностяхъ будущаго, но смотрѣли вокругъ себя, исправляли злоупотребленія, не измѣняя главной, древней основы законодательства; все оставили какъ было и чѣмъ народъ казался довольнымъ: устраняли только причину извѣстныхъ жалобъ; хотѣли лучшаго, не думая о совершенствѣ,—и безъ учености, безъ ѳеоріи, не зная ничего кромѣ Россіи, но зная хорошо Россію, написали книгу, которая всегда будетъ любопытною, доколѣ стоитъ наше отечество: ибо она есть вѣрное зерцало нравовъ и понятій вѣка (2).

Не въ одной этой тирадѣ слышится движеніе субъективнаго чувства, возбужденнаго современностью. Намеки «Исторіи» на те-

(1) Зап. о древ. и нов. Россіи.

(2) И. Г. Р., изд. Эйнер., кн. III, т. 8, стр. 67—68.

кущія дѣла какъ бы подтверждаютъ слова ея предисловія о пользѣ этой науки, которая, будучи «зерцаломъ прошедшаго», есть въ тоже время «завѣтъ предковъ къ потомству, дополненіе, изъясненіе настоящаго и примѣръ будущаго.» Признаніе своего труда «не безполезнымъ въ государственномъ смыслѣ» могло явиться у скромнаго автора только по вѣрѣ въ силу историческихъ откровеній для правительственной дѣятельности. Вліяніе живущаго нерѣдко выдается у него и похвалами, и упреками, произносимыми по поводу разсказа объ отжившемъ. Иногда оно такъ ярко, что повѣствованіе допускаетъ лирическую вставку или принимаетъ драматическую форму. Ограничимся немногими примѣрами. Показавъ причину общаго нерасположенія къ Андрею Боголюбскому въ худомъ исполненіи законовъ, иначе въ несправедливости судей, историкъ сопровождаетъ объясненіе совѣтомъ: «столь нужно вѣдать Государю, что онъ не можетъ быть любимъ безъ строгаго, бдительнаго правосудія; что народъ за хищность судей и чиновниковъ ненавидитъ Царя, самаго добродушнаго и милосердаго!» (1). Вассіановъ совѣтъ Грозному: «не имѣть совѣтниковъ мудрѣе себя», побудилъ Карамзина даже выдти на сцену изъ-за повѣствуемыхъ событій: «Нѣтъ, Государь! могли бы мы возразить ему: нѣтъ! совѣтъ, тебѣ данный, внушенъ духомъ лжи, а не истины. Царь долженъ не властвовать только, но властвовать благодѣтельно: его мудрость, какъ человѣческая, имѣетъ нужду въ пособіи другихъ умовъ, и тѣмъ превосходнѣе въ глазахъ народа, чѣмъ мудрѣе совѣтники, имъ выбираемые» (2). «Исторія не любитъ именовать живыхъ», замѣчаетъ Карамзинъ, переносясь отъ времени Іоанна IV къ славнымъ временамъ Петра I и Екатерины II, рядомъ съ которою, въ его мысли, становилось имя Александра I; однако имъ не умалчиваются современныя явленія, когда они уже высказали свое историческое достоинство въ нравственномъ или государственномъ значеніи. Покончивъ изложеніе царствованія Іоанна Грознаго, онъ восклицаетъ: «слава времени, когда вооруженный истиною дѣеписатель можетъ, въ правленіи самодержавномъ, выставить на позоръ такого властителя, да не будетъ уже впредь ему подобныхъ!» (3).

Главная ошибка законодательныхъ работъ Сперанскаго состояла, по мнѣнію Карамзина, «въ излишнемъ уваженіи формъ государственной дѣятельности: дѣла не лучше производятся, только въ мѣстахъ и чиновниками другаго званія». Что же сдѣлать для ис-

1) Ib., кн. I, т. 3, стр. 20.
2) Ib. кн. II, т. 8, стр. 132.
3) Ib. кн. III, т. 9; стр. 259.

правленія ошибки? «Послѣдовать иному правилу и сказать, что не формы, а люди важны». Отсюда первое правило: счастливое избраніе людей. Выбранные люди должны отличаться солиднымъ образованіемъ и доброю нравственностью. Таково руководящее начало мудрой правительственной системы. Начало не новое. Карамзинъ постоянно предлагалъ его и въ «Письмахъ», и въ «Вѣстникѣ Европы»; онъ предлагаетъ его также въ «Исторіи». «Письма» объявляютъ гражданское благоустройство Англіи не конституціей, которая есть не что иное, какъ одна изъ бренныхъ и не лучшихъ политическихъ формъ, а просвѣщеніемъ англичанъ и въ особенности ихъ сановниковъ. «Вѣстникъ Европы» неоднократно развиваетъ мысль, что главный двигатель при управленіи людьми — справедливость, что для желаемаго дѣйствія хорошихъ законовъ необходимо нравственное достоинство ихъ исполнителей. «Исторія», приводя слова лѣтописи: «царь, самый добрый и мудрый, не въ силахъ искоренить зла человѣческаго; гдѣ законъ, тамъ и многія обиды» (¹), толкуетъ ими нелюбовь подданныхъ къ Андрею Боголюбскому. При законѣ, требующемъ извѣстнаго дѣйствія, разсуждаетъ она, возможны уклоненія отъ этого дѣйствія, злоупотребленія; не допускать злоупотребленій лежитъ на обязанности охранителей закона, судей; обязанность исполняется исправно только людьми просвѣщенными и нравственными: слѣдов. вся сущность въ назначеніи такихъ людей на правительственныя мѣста. Другими словами: администрація должна быть ограждена не только правильнымъ своимъ устройствомъ, но еще болѣе личными качествами администраторовъ.

За умѣньемъ выбирать людей слѣдуетъ другое, не менѣе существенное правило—умѣнье обходиться съ людьми. «Мало ангеловъ на свѣтѣ, немного и злодѣевъ,» говоритъ Карамзинъ въ «Запискѣ»; «гораздо болѣе смѣси, т. е. добрыхъ и худыхъ вмѣстѣ. Мудрое правленіе находитъ способъ усиливать въ чиновникахъ побужденіе къ добру, или обуздывать стремленіе ко злу. Для перваго есть награды, отличія; для втораго—боязнь наказаній.»

Но гдѣ добыть подобныхъ людей? А если ихъ нѣтъ вовсе, или имѣется очень мало, то какъ произвести ихъ? Воспитательные планы Бецкаго мечтали, въ видахъ общественнаго обновленія, создать «новую породу человѣковъ». Карамзину, такому же сыну своего времени, какъ и Бецкій, пришлось бы созидать породу «друзей добра и человѣчества»,—единственно-хорошую партію въ политикѣ. Средства къ тому—просвѣщеніе и нравственность. Но

¹) Кн. I, т. 3, стр. 20.

самъ Карамзинъ говоритъ: «время медленно и тихо подвигаетъ разумъ народовъ». Для повсемѣстнаго и всегдашняго водворенія благихъ общественныхъ нравовъ, спасительныхъ обычаевъ, характеровъ съ твердымъ образомъ мыслей нужны цѣлые вѣки. И вѣки недостаточны для осуществленія такого идеальнаго царства, въ которомъ изъ среды народа постоянно выдѣлялись бы «герои добродѣтели». Въ чаяніи же того, чтобы явленіе, столь рѣдкое, столь исключительное теперь, сдѣлалось когда-либо обычнымъ и нормальнымъ, надобно жить—не какъ нибудь, а по возможности лучше. Предполагать, что возможно-лучшее гражданское устройство можетъ быть совершено единственно личными качествами выбранныхъ лицъ, и въ слѣдствіе того на нихъ возложить все бремя и отвѣтственность по дѣлопроизводству, значитъ почитать или бремя слишкомъ легкимъ, или силы людскія слишкомъ мощными. Предположеніе Карамзина тоже, что Сенъ-Пьеровъ проэктъ вѣчнаго мира: это—«мечта добраго человѣка», прекраснодушное заблужденіе.

Отдѣлимъ же въ понятіяхъ Карамзина истину отъ того, что нельзя признать истиннымъ. Онъ совершенно правъ, утверждая систему государственныхъ улучшеній на историческомъ подножіи, т. е. допуская поступательное движеніе народа впередъ не иначе, какъ на условіяхъ прошедшей и настоящей его жизни, на соображеніяхъ съ дѣйствительными его потребностями; онъ правъ, видя въ народномъ образованіи и нравственности самое вѣрное орудіе для гражданскаго благоденствія: но онъ неправъ, не давая почти никакого участія въ общественномъ прогрессѣ учрежденіямъ, плохо вѣря ихъ организующему дѣйствію и смотря на нихъ не болѣе, какъ на «бренныя формы». Вотъ въ чемъ его ошибка или, точнѣе, неполнота его идеала.

Б) Для художественной постройки историческаго труда, необходимы три условія: единство плана, надлежащая группировка матеріаловъ, живая характеристика лицъ и событій.

а) Единство плана опредѣляется единствомъ идеи, выражаемой, по взгляду автора, ходомъ народной жизни.

Эта основная идея намъ уже извѣстна. Исторія Карамзина, сказали мы, есть исторія государственная: она слѣдитъ за началомъ, развитіемъ и укрѣпленіемъ государственнаго устава Россіи —самодержавія. Историкъ заботливо изображаетъ, какимъ образомъ теченіе событій, не смотря на многія бѣдствія, вело и привело наше отечество къ цѣли, какъ бы свыше ему предначертанной.

Соотвѣтственно коренному началу русской государственности строится планъ «Исторіи Государства Россійскаго». Россія, рожденная единовластіемъ, была имъ возвеличена еще при Владимірѣ

Великомъ и Ярославѣ I, такъ что не уступала въ силѣ первѣйшимъ европейскимъ державамъ того же времени. Удѣльная система, междоусобныя войны и татарское иго ниспровергли это величіе: четыреста лѣтъ, протекшіе отъ смерти Ярослава до Іоанна III составляютъ періодъ народнаго и правительственнаго *заблужденія*, для котораго «въ исторіи есть время, болѣе или менѣе долгое, равно какъ есть время и для *истины*»: «Сколько вѣковъ Россіяне не могли живо увѣриться въ томъ, что соединеніе княженій необходимо для ихъ государственнаго благоденствія! Нѣкоторые вѣнценосцы начинали сіе дѣло, но слабо, безъ ревности достойной онаго; а преемники ихъ опять все разрушали. Даже и Москва, болѣе Кіева и Владиміра наученная опытами, какъ медленно и недружно двигалась къ государственной цѣлости!» ([1]). Когда же миновало заблужденіе и явилась истина? Она явилась при Іоаннѣ III, съ котораго исторія наша и «принимаетъ значеніе *истинно-государственной*», болѣе и болѣе укрѣплявшееся до нашего времени. Таковы важнѣйшіе моменты, выдающіеся пункты нашей исторіи. На нихъ и слѣдовало бы основать постройку плана. Однакожъ Карамзинъ дѣлитъ свою исторію не по внутреннему ея свойству, а чисто-внѣшнимъ образомъ—на томы и главы, озаглавливая послѣднія именами князей, какъ будто каждое княженіе служило эпохой въ осуществленіи нашего государственнаго устава. Какая тому причина? Единственно та, что Карамзинъ не придавалъ большой важности дѣленію. «Нѣтъ нужды ставить грани тамъ, гдѣ мѣста служатъ живымъ урочищемъ», замѣчаетъ онъ въ предисловіи. Эти живыя урочища суть именно тѣ выдающіеся пункты нашей государственной исторіи, о которыхъ сказано выше. Читатель легко различаетъ ихъ самъ, знакомясь съ содержаніемъ книги. Они видны безъ помощи особыхъ примѣтъ. Зачѣмъ ставить грани, т. е. заголовки, тамъ, гдѣ разсказъ сообщаетъ наглядное понятіе объ историческихъ пространствахъ? Впрочемъ, въ концѣ предисловія и какъ бы неохотно, Карамзинъ предложилъ дѣленіе русской исторіи на *древнѣйшую* (отъ Рюрика до Іоанна III), *среднюю* (отъ Іоанна до Петра) и *новую* (отъ Петра до Александра): «система удѣловъ была характеромъ первой эпохи, единовластіе — второй, измѣненіе гражданскихъ обычаевъ — третьей». Не зная, что былобы у Карамзина въ новой исторіи, мы имѣемъ право говорить только о томъ, что у него есть въ древнѣйшей и средней. Характеромъ древней ставитъ онъ удѣлы; но изъ его же книги мы видимъ, что въ первую часть древняго періода (до смерти Яро-

---

[1]) И. Г. Р. кн. II, т. 5, стр. 220.

слава) Россія уже была возвеличена *единовластіемъ*, а остальная часть была временемъ заблужденія, задержкою въ развитіи государственнаго устава Россіи; слѣд. дѣленіе Карамзина не противорѣчитъ послѣдовательности важнѣйшихъ моментовъ нашей исторіи, какъ степеней въ осуществленіи идеи.

б) Въ группировкѣ содержанія, наполняющаго всѣ части плана, центромъ тяжести должна тоже служить основная идея. Что бросаетъ сильнѣйшій свѣтъ на идею, въ чемъ она наиболѣе обнаружилась, то и должно выдвигаться на первый планъ; все прочее, какъ не столь важное и не столь характеристичное, должно занимать второстепенное мѣсто или стоять въ сторонѣ. По отношенію къ задачѣ, рѣшеніемъ которой обязался историкъ, малое можетъ иногда говорить громче многаго; отдѣльный фактъ беретъ перевѣсъ надъ цѣлымъ рядомъ фактовъ; даже мелочь получаетъ такой смыслъ, какого она вовсе не имѣетъ при другихъ цѣляхъ и побужденіяхъ. Задача же Карамзина—раскрыть постепенное образованія самодержавія въ Россіи. Онъ и занятъ преслѣдованіемъ этого предмета, постоянно, такъ сказать, налегая на него въ своемъ повѣствованіи. Конечно, не одно это находится въ его исторіи, но это въ ней главное и вмѣстѣ источникъ общаго впечатлѣнія, которое воспринимаютъ ея читатели. Карамзина упрекали въ томъ, что онъ изображеніе внутренней жизни народа (религіи, культуры, нравовъ и обычаевъ, торговли и промышленности и проч.) не вставлялъ въ самый разсказъ, а помѣщалъ его въ отдѣльныя главы, примыкая ихъ какъ бы дополненіе къ концу каждаго періода. Если это—погрѣшность, то нашъ авторъ раздѣляетъ ее со многими иными, даже знаменитыми, историками. Такъ поступалъ Юмъ, котораго онъ, на ряду съ Гиббономъ и Робертсономъ, почитаетъ образцемъ въ дѣлѣ историческаго искусства; такъ поступилъ и Маколей, обозрѣвъ, въ особой главѣ, состояніе Англіи въ 1685, по смерти Карла II.

в) Не дѣло историко-литературной критики объяснять, вѣрны ли, въ историческомъ смыслѣ, характеристики лицъ у Карамзина, т. е. согласны ли онѣ съ дѣйствительными ихъ образами, начертанными въ лѣтописяхъ и иныхъ памятникахъ. Она смотритъ единственно на вѣрность характеровъ самимъ себѣ, на ихъ внутреннюю соотвѣтственность тому представленію, какое имѣлъ о нихъ авторъ. Становясь на эту точку зрѣнія, нельзя не видѣть, что некоторые дѣятели изображены въ «Исторіи Государства Россійскаго» весьма искусно: они какъ бы живутъ передъ нами, если не собственною жизнію, которою жили на самомъ дѣлѣ, то, по крайней мѣрѣ, тою, какою надѣлилъ ихъ историкъ по своимъ соображе-

ніямъ. Къ числу живо изображенныхъ характеровъ относятся Іоаннъ III, Іоаннъ IV, Филиппъ митрополитъ, Годуновъ, Шуйскій, Прокопій Ляпуновъ. Не даромъ IX-ый томъ произвелъ на современную публику сильное впечатлѣніе, разсказавъ, какъ, съ утратою добродѣтели, царь все болѣе и болѣе предавался жестокостямъ. Не даромъ также образъ Годунова, цѣлую жизнь носившаго личину добродѣтели, вдохновилъ поэта, который, въ своей драмѣ, согласно съ воззрѣніемъ Карамзина, развилъ трагическія послѣдствія цареубійства. Представленіе нѣкоторыхъ событій отличается не менѣе живымъ колоритомъ: между ними осада и взятіе Казани есть блистательная, одушевленная картина. «Нѣтъ предмета столь бѣднаго, чтобы искусство уже не могло въ немъ ознаменовать себя пріятнымъ для ума образомъ»: справедливость этихъ строкъ предисловія доказана «Исторіей Государства Россійскаго».

Внѣшняя форма достойна художественной постройки, возведенной Карамзинымъ. Слогъ его исторіи ясный, точный, благородный, сильный и весьма часто живописный. Строеніе рѣчи удержало тѣ же самыя особенности, какія мы видѣли въ его литературныхъ трудахъ (¹). Историкъ не обратился къ Ломоносовскому словорасположенію: только, по требованіямъ излагаемаго предмета, свое собственное слово настроилъ на болѣе мужественный и величавый ладъ. Еще при новыхъ изданіяхъ своихъ сочиненій, до выхода въ свѣтъ «Исторіи», Карамзинъ очищалъ рѣчь отъ иностранныхъ словъ; историческій же языкъ его, въ этомъ отношеніи, безупреченъ: для общепринятыхъ и давнихъ варваризмовъ онъ умѣетъ находить соотвѣтственныя имъ русскія названія. Современная рѣчь нерѣдко украшается вставкою старинныхъ словъ и оборотовъ, вычитанныхъ изъ лѣтописей и другихъ памятниковъ (²). Мы говоримъ: «украшается», потому что подобныя вставки дѣйствительно имѣютъ значеніе орнаментовъ и видимо допущены съ этою цѣлью: отъ нихъ, какъ отъ частной, большею частію лексической примѣси древняго къ новому, нельзя было ожидать, чтобы новое существенно из-

---

¹) Сохранилось и столько любимое имъ дактилическое окончаніе фразъ, первый примѣръ котораго читатель встрѣчаетъ на заглавномъ листѣ: «Исторія Государства *Россійскаго*».

²) Примѣры: Въ угодность имъ *не затворимъ дорогъ* въ свою землю. Желаетъ всегда *блюсти ихъ подъ своею рукою*. Я кину свое бѣдное царство и побѣгу, *куда несутъ очи*. *Избывая мірскія суеты и докуки*, онъ не хотѣлъ слушать ихъ и послалъ къ Борису. Александръ палъ, ибо *не прямилъ* Россіи. *Покрыть милосердіемъ* вину заблужденія, и пр. Отдѣльныя слова: *благорѣчіе*, *остуда* (охлажденіе), *отечестволюбецъ*, *исправа* (полиція), и др. (Въ 1-ой ч. соч. Буслаева: «О преподаваніи отечеств. языка», выбраны изъ всѣхъ 12 т. И. Г. Р. примѣры старинныхъ словъ и оборотовъ).

мѣнилось въ своемъ характерѣ; это — искусная инкрустація одного предмета въ другой, а не органическое ихъ сочетаніе. Вставки служатъ только элементомъ того способа излагать исторію, по которому она заставляетъ каждый вѣкъ разсказывать событія его собственною рѣчью, какъ это и сдѣлали, наприм., Тьери въ «Разсказахъ о Меровингахъ», а Барантъ въ «Исторіи герцоговъ бургундскихъ». Указанныя отличія слога «Исторіи Государства Россійскаго» примирили Шишкова съ ея авторомъ и покончили многолѣтній филологическій споръ. Особенно послѣдніе ея томы Шишковъ читалъ съ отмѣннымъ удовольствіемъ, находя въ нихъ все исправнымъ, кромѣ двухъ-трехъ выраженій, по его мнѣнію несовсѣмъ приличныхъ или несовсѣмъ правильно построенныхъ (1).

Дидактическій элементъ «Исторіи» выражается апоѳегмами, содержащими въ себѣ нравственныя или политическія мысли, по примѣру историковъ XVIII в., преимущественно Миллера, злоупотреблявшаго этимъ обычаемъ, за что Карамзинъ и осуждаетъ его въ предисловіи. Апоѳегмы нашего историка большею частію замыкаютъ разсказъ, служа ему или объясненіемъ или дополненіемъ. Встрѣчаются однакожъ и такія, которыя не составляютъ естественнаго, свободнаго вывода изъ событій, и безъ которыхъ, какъ лишнихъ, хотя и умныхъ, прибавокъ, повѣствованіе могло бы обойтись (2).

Въ изложеніи господствуетъ риторическая настроенность. Она почиталась вполнѣ умѣстною по важности излагаемаго предмета. Эта риторическая стихія у Карамзина не превышаетъ мѣры, установленной его тактомъ, и потому она не одно и тоже съ высокопарнымъ, напыщеннымъ тономъ. Если можно сказать, что изложеніе выиграло бы отъ простоты и естественности, то, съ другой стороны, нельзя не видѣть, что оно нерѣдко восходитъ на степень одушевленнаго краснорѣчія. Въ особенности это ясно при разсказѣ о тѣхъ событіяхъ, въ которыхъ идеалы, дорогіе историку,

---

1) Державный *прошлецъ*; Москвитяне не дали бы *рѣзать* себя какъ агнцевъ; *приверженникъ* Разстригинъ.

2) Примѣры апоѳегмъ: Судьба испытываетъ людей и государства многими неудачами на пути къ великой цѣли, и мы заслуживаемъ счастіе мужественною твердостію въ превратностяхъ онаго.—Характеры сильные требуютъ сильнаго потрясенія, чтобы свергнуть съ себя иго злыхъ страстей и съ живою ревностію устремиться на путь добродѣтели.—Всякое бореніе слабаго съ сильнымъ, возбуждая въ сердцахъ естественную жалость, склоняетъ насъ искать справедливости на сторонѣ перваго.—Страсти зрѣютъ вмѣстѣ съ умомъ, и самолюбіе дѣйствуетъ еще сильнѣе въ лѣтахъ совершенныхъ.—Какъ любовь, такъ и ненависть рѣдко бываютъ довольны истиною: первая въ хвалѣ, послѣдняя въ осужденіи.

заявляютъ свое торжество или терпятъ оскорбленіе, а также и тамъ, гдѣ патріотическое его чувство изливается живой, сильной струею, возбуждая гордость Русскихъ. Карамзинъ понималъ важность исторіи, какъ средства, ведущаго къ народному самопознанію. Любовь къ родной странѣ для него немыслима при незнаніи ея прошедшаго: «исторія предковъ любопытна для того, кто достоинъ имѣть отечество; государственная нравственность ставитъ уваженіе къ нимъ въ достоинство гражданину образованному». Допуская, что дѣянія грековъ и римлянъ важнѣе и любопытнѣе русскихъ, онъ выставляетъ особенный интересъ отечественной исторіи: «всемірная исторія великими воспоминаніями украшаетъ міръ для ума, а россійская украшаетъ отечество, гдѣ живемъ и дѣйствуемъ.... Чувство: *мы*, *наше*, оживляетъ повѣствованіе, и какъ грубое пристрастіе несносно въ историкѣ, такъ любовь къ отечеству даетъ его кисти жаръ, силу, прелесть. Гдѣ нѣтъ любви, нѣтъ и души». Это одушевленіе, внушаемое любовью, порождаетъ истинно-патетическія мѣста, однимъ изъ которыхъ заключается предисловіе: «мы одно любимъ, одного желаемъ: любимъ отечество; желаемъ ему благоденствія еще болѣе, нежели славы; желаемъ, да не измѣнится никогда твердое основаніе нашего величія; да правила мудраго самодержавія и святой вѣры болѣе и болѣе укрѣпляютъ союзъ частей; да цвѣтетъ Россія.... по крайней мѣрѣ долго, долго, если на землѣ нѣтъ ничего безсмертнаго, кромѣ души человѣческой».

Кромѣ «Записки о древней и новой Россіи», написанной въ то время, когда Карамзинъ работалъ надъ своей исторіей, ему принадлежитъ также «Письмо о Польшѣ», читанное Императору Александру I. Оно относится къ 1819 г. и было вызвано намѣреніемъ государя возстановить Польшу въ цѣлости, т. е. въ предѣлахъ до перваго ея раздѣла. Это не первый мемуаръ о томъ же предметѣ. Въ эпоху Вѣнскаго конгресса, баронъ Штейнъ и извѣстный дипломатъ Поццо-ди-Борго высказали государю свои мнѣнія касательно организаціи герцогства Варшавскаго, присоединеннаго къ Россіи. Въ «Запискѣ» послѣдняго, съ точки зрѣнія государственной, разсматривается намѣреніе образовать изъ герцогства Польское королевство, подъ непосредственнымъ и верховнымъ владычествомъ Русскаго царя, но отдѣльно отъ имперіи и съ представительнымъ правленіемъ. Выходя изъ того начала, что каждая политическая реформа тогда только благоуспѣшна, когда согласована съ характеромъ народа, для котораго она назначается, съ его настоящими обстоятельствами и съ духомъ времени, «Записка» не одобряетъ намѣренія. Устройство Польши, въ предполагавшейся формѣ, было

бы, по убѣжденію автора, противно существеннымъ интересамъ Россіи, постоянной угрозой ея спокойствію и безопасности. Между бумагами Потемкинскаго секретаря, В. С. Попова, находятся двѣ записки о Польшѣ (1815): первая изъ нихъ вызвана нѣкоторыми мѣрами въ западныхъ и югозападныхъ губерніяхъ, представлявшими уклоненіе отъ политическихъ видовъ Екатерины II (наприм.: введеніемъ судопроизводства и преподаванія наукъ на польскомъ языкѣ) (¹).

«Письмо» Карамзина явилось по иному случаю: оно имѣетъ цѣлію отклонить Александра I отъ намѣренія «возстановить Польшу въ ея цѣлости». Доводы свои почерпаетъ онъ въ правилахъ исторической, національной политики, единственно полезной для государства. Онъ мужественно высказываетъ мысль, что всецѣлое возстановленіе древняго королевства польскаго несогласно ни съ законами государственнаго блага, ни съ священными обязанностями царя, ни съ его любовію къ Россіи и къ самой справедливости. «Старыхъ крѣпостей нѣтъ въ политикѣ (говоритъ онъ): иначе мы долженствовали бы возстановить и казанское, астраханское царство, новогородскую республику, великое княжество рязанское, и такъ далѣе. Къ тому же и по старымъ крѣпостямъ Бѣлоруссія, Волынія, Подолія, вмѣстѣ съ Галиціею, были нѣкогда кореннымъ достояніемъ Россіи. Если Вы отдадите ихъ, то у Васъ потребуютъ и Кіева, и Чернигова, и Смоленска: ибо они также долго принадлежали враждебной Литвѣ. Или все, или ничего.... Однимъ словомъ, возстановленіе Польши будетъ паденіемъ Россіи, или сыновья наши обагрятъ своею кровію землю польскую и снова возьмутъ штурмомъ Прагу» (²). Въ заключеніе Карамзинъ указываетъ Императору на высокое его призваніе—«утвердить миръ въ Европѣ и благоустройство въ Россіи: первый безкорыстнымъ, великодушнымъ посредничествомъ; второе хорошими законами и еще лучшею управою». Въ содержаніи «Письма» собственно нѣтъ ничего таково, что не было бы высказано предшествовавшими ему «Записками»; но оно отличается прекрасной литературной формой и тѣмъ патріотическимъ одушевленіемъ, которое одно только способно внушать человѣку гражданскіе подвиги. Поэтому Карамзинъ справедливо озаглавилъ письмо «Мнѣніемъ русскаго гражданина».

§ 9. Какъ сильный талантъ, Карамзинъ нашелъ себѣ многихъ подражателей, которые, имѣя его во главѣ, образовали особую литературную школу. Направленіе, данное имъ языку и содержа-

¹) Рус. Архивъ, 1865, № 2.
²) Неизд. соч. К—на, ч. I.

нію словесности, усвоилось, съ большимъ или меньшимъ искусствомъ, въ тѣхъ или другихъ родахъ сочиненій, каждымъ членомъ школы. Съ именемъ «карамзинистъ» соединялось понятіе о такомъ писателѣ, произведенія котораго представляли характеристическія отличія образца, и внѣшнія, и внутреннія.

Внѣшнее усвоивается легче, нежели внутреннее, и потому карамзинскій языкъ сдѣлался первымъ предметомъ подражанія. Въ короткое время нашлись и достойныя его явленія, и безжизненныя, механическія подъ него поддѣлки. Укажемъ лучшіе примѣры подражательной ему дѣятельности.

Первое, по времени, мѣсто въ Карамзинской школѣ безспорно принадлежитъ И. Дмитріеву (1760—1837). Заслуга его касательно литературнаго языка и слога опредѣлена современною ему критикою слѣдующимъ образомъ: Карамзинъ далъ образцы, какъ должно писать *въ прозѣ*; Дмитріевъ далъ образцы, какъ должно писать *въ стихахъ* (¹). Другими словами: что̀ сдѣлалъ Карамзинъ для образованія прозаическаго языка, то самое сдѣлалъ Дмитріевъ для образованія языка стихотворнаго. Дѣло Карамзина намъ извѣстно: онъ сблизилъ книжную прозу съ разговорнымъ языкомъ общества. Дмитріевъ воспользовался этимъ началомъ для того, чтобы сообщить стихотворной рѣчи ясность, легкость, непринужденное словопостроеніе и пріятность. И потому-то имена обоихъ писателей постоянно ставились рядомъ, какъ образователей литературнаго языка нашего: одного въ прозѣ, другаго въ стихахъ. Это образованіе стихотворной рѣчи, вызванное примѣромъ Карамзина (²), соотвѣтствовало какъ свойству французскаго языка, съ котораго переводилъ Дмитріевъ, такъ и роду сочиненій, которыя онъ переводилъ. Французскій языкъ давно привыкъ «къ почтовой прозѣ». Литературнымъ своимъ развитіемъ онъ одолженъ не одному трудолюбію авторовъ, но и успѣхамъ общежитія. Искусство писать вырабатывалось у французовъ вмѣстѣ съ искусствомъ вести бесѣду. Переводилъ же и сочинялъ Дмитріевъ преимущественно басни, сказки, сатиры, эпиграммы и разныя мелкія піесы (poésies fu-

---

¹) Слова А. Измайлова въ извѣщеніи о 5-мъ изд. Сочиненій И. Дмитріева (Благонамѣренный 1819, № 3). Они повторены и позднѣйшею критикою: см. Мелочи изъ запаса моей памяти, М. Дмитріева.

²) Самъ И. Дмитріевъ признавалъ Карамзина своимъ образцемъ: «Съ того только времени я почувствовалъ, что такое талантъ и авторское искусство, когда пріобрѣлъ уже, въ зрѣлой молодости, пріязнь Державина и утвердилъ дружбу съ Карамзинымъ» (предисловіе къ 6-му изд. его стихотвореній, 1823). «Кажется мнѣ суждено было тогда только воспламеняться поэзіей, когда Карамзинъ издавалъ журналы» (Записки И. Дмитріева).

gitives); а содержаніе такихъ сочиненій выражается легкимъ, свободнымъ, подходящимъ къ разговорному языку стихомъ. Вотъ почему критики десятыхъ и двадцатыхъ годовъ совѣтовали тому, кто желаетъ писать гимны, оды, диѳирамбы, учиться у лириковъ (Ломоносова, Петрова, Державина) краткости, силѣ и смѣлости выраженій; тому же, кто чувствуетъ въ себѣ талантъ и склонность сочинять комедіи, посланія, сатиры, элегіи, сказки, дидактическія, описательныя и романтическія поэмы, мадригалы, эпиграммы, требующія инаго языка, иныхъ качествъ въ слогѣ, они рекомендовали Дмитріева, какъ надежнѣйшаго руководителя (¹).

Стихотворенія самого Карамзина, если разсматривать въ нихъ только складъ рѣчи, не отличаются отъ стихотвореній Дмитріева. Подъ вліяніемъ тѣхъ и другихъ мало по малу сложился у насъ легкій стихъ, приличный извѣстному разряду поэтическихъ сочиненій. Успѣшному его развитію благопріятствовала перемѣна во вкусѣ писателей: ода склонялась къ упадку; посланіе сдѣлалось моднымъ родомъ стихотворства, представляя удобнѣйшую форму для выраженія мыслей. Но посланію, какъ письму въ стихахъ, наравнѣ съ обыкновенными письмами свойственъ такъ называемый эпистолярный стиль, главныя отличія котораго—простота и непринужденность. Большинство талантливыхъ стихотворцевъ двадцатыхъ годовъ, по строенію своей рѣчи, суть послѣдователи Карамзина и Дмитріева. Одни изъ нихъ начали подражать своимъ образцамъ раньше, другіе позднѣе; но всѣ шли одною и тою же дорогою, проложенною первоначальниками реформы.

Еще больше было подражателей-прозаиковъ, потому что легче ладить съ прозой, чѣмъ съ стихами, строеніе которыхъ стѣснено условіями мѣры и риѳмы. За Карамзинымъ слѣдовали охотно не изъ одного увлеченія его талантомъ, но и по сознанію въ правотѣ его дѣла, объясняемаго потребностями времени. Какъ Шишковъ въ новомъ слогѣ видѣлъ ближайшее слѣдствіе испорченныхъ нравовъ, такъ литераторы противоположнаго направленія связывали появленіе того же слога съ успѣхами образованности. По поводу перваго изданія сочиненій Карамзина (1803—1804), одинъ изъ тогдашнихъ журналистовъ (²) оцѣнилъ его заслугу такимъ образомъ: «Обстоятельства эпохи, въ которую явился Карамзинъ, довели общества въ Петербургѣ и Москвѣ до утонченія идей, искусствъ и образа жизни. Недоставало только языка, ближайшаго

¹) См. извѣщеніе Воейкова «о новомъ (6-мъ) изд. стихотвореній Дмитріева» (Новости литературы 1824, №№ 3 и 4).

²) В. Измайловъ, въ Патріотѣ, журналѣ воспитанія (1804, № 9).

къ тону разговора и общества, къ новымъ понятіямъ вѣка, къ новой вѣжливости нравовъ, котораго легкая пріятность могла бы побѣдить въ свѣтскихъ людяхъ, а особливо въ женщинахъ, непростительное предубѣжденіе противъ языка русскаго, который, наконецъ, могъ бы усвоить себѣ достоинства лучшихъ языковъ въ Европѣ. Карамзинъ далъ языку новое направленіе и сблизилъ его съ другими чистѣйшими языками европейскими». Критическій отзывъ заключается дѣльной замѣткой о взаимнодѣйствіи общества и автора: «такимъ образомъ духъ вѣка и народа имѣетъ, въ началѣ, столько же вліянія на характеръ писателя, сколько писатель въ послѣдствіи и въ свою очередь пріобрѣтаетъ вліянія на духъ и языкъ народа». Этотъ ближайшій къ состоянію общества и тону разговора языкъ, созданный Карамзинымъ, вскорѣ сдѣлался достояніемъ многихъ писателей. Не прошло и двадцати лѣтъ отъ появленія перваго его памятника (Писемъ русскаго путешественника въ Московскомъ журналѣ), какъ онъ уже водворился въ нашей словесности. Всѣ болѣе или менѣе видные литераторы эпохи Александра I образовали искусство выражать свои мысли по сочиненіямъ Карамзина, относящимся еще къ первому періоду его дѣятельности (1791—1803). Дашковъ, П. Макаровъ, Каменевъ, Подшиваловъ, В. Пушкинъ, Бенитцкій, В. Измайловъ, А. Измайловъ, Каченовскій, В. Панаевъ, Милоновъ, Воейковъ, Озеровъ, Жуковскій, Батюшковъ, кн. Вяземскій.... все это ученики одного и того же учителя, сторонники и двигатели совершеннаго имъ преобразованія. Выходъ въ свѣтъ «Исторіи Государства Россійскаго» окончательно и надолго утвердилъ за карамзинскимъ слогомъ право быть исключительнымъ образцемъ для всякаго, кто принимался за перо. И. А. Крыловъ составлялъ исключеніе: поэтическій языкъ его не могъ вполнѣ освободиться отъ нѣкоторой шероховатости, усвоить себѣ легкость и гладкость, выработанныя писателями Карамзинскаго періода.

Этотъ Карамзинскій языкъ не всѣми, однако-жъ, признавался, образцовымъ, т. е. такимъ, который отвѣчалъ бы складу истинно-русской рѣчи. Кромѣ Шишкова и его партіи, были лица, извѣстныя въ литературѣ, не находившія въ новомъ слогѣ достаточной мужественности и силы. Въ «Разсужденіи о причинахъ, замедляющихъ успѣхи нашей словесности (1814)», Гнѣдича, Карамзинъ хотя и удостоенъ похвальнаго отзыва, но легкаго, произнесеннаго какъ бы мимоходомъ и противъ воли; ему не дано мѣста между прославленными Державиными и Дмитріевыми, Озеровыми и Капнистами; онъ не считается образователемъ желаннаго средняго (между

высокимъ и пріятнымъ) слога, ибо «образцы сего слога имѣемъ мы въ стихотвореніяхъ Ломоносова, Державина и еще нѣкоторыхъ высшаго рода поэтовъ, но въ прозѣ, хотя многіе писатели отъ временъ Ломоносова и до нашихъ его избирали, образцевъ не умѣли еще оставить» (¹). Въ статьѣ: «Взглядъ на нынѣшнее состояніе нашей словесности» (²), литераторы наши раздѣлены на три котегоріи: къ первой отнесены славянолюбцы, шедшіе за Шишковымъ; ко второй Карамзинисты, подражавшіе легкому слогу Карамзина; къ третьей образованные люди, безъ особаго представителя въ родѣ Шишкова или Карамзина, но съ своимъ уложеніемъ правилъ здраваго вкуса, основанныхъ на примѣрахъ древности и новѣйшихъ временъ. Послѣдніе названы «истинными русскими литераторами». Начальникомъ ихъ авторъ желалъ бы видѣть лице, подобное М. Н. Муравьеву, который пріятностямъ своего языка учился изъ классической литературы другихъ народовъ. Короче, Муравьевъ предпочтенъ Карамзину не только за преданность классицизму, по даже за слогъ свой.

Вторымъ предметомъ подражанія Карамзину служилъ сентиментальный тонъ его сочиненій. Современники почитали его преобразователемъ не только литературнаго языка, но и направленія литературы. Его имя, какъ начальника новаго періода, ставилось въ слѣдъ за именемъ Ломоносова, главнаго дѣятеля въ періодѣ предшествовавшемъ. Журнальная критика указывала и различіе между ними: «послѣ Ломоносова граціи сказали: пусть теперь въ твореніяхъ русскихъ улыбается нѣжность и прольется въ сердца чувствительныхъ» (³). Значитъ, русскимъ авторамъ Ломоносовской школы, показавшимъ примѣры высокаго и торжественнаго, не доставало пріятности, нѣжности, чувствительности, очередь которымъ наступила съ Карамзина. По обычаю величать отечественныхъ писателей именами древнихъ или новыхъ знаменитостей, которымъ они подражали, Карамзина приравнивали то Стерну, то Мармонтелю, то обоимъ вмѣстѣ. «Письма русскаго путешественника» и «Бѣдная Лиза» были первыми явленіями литературнаго сентиментализма Карамзина: и первыми же опытами подражательнаго авторства естественно долженствовали быть путешествія и повѣсти. «Путешествіе въ полуденную Россію» (1800—1802) сохранило да-

¹) Понятно, что Карамзинъ слышалъ въ «Разсужденіи» голосъ человѣка, нерасположеннаго къ его стилистической реформѣ (см. въ Письмахъ Карамзина къ Дмитріеву, письмо 171 и примѣчаніе къ нему).

²) Опыты въ прозѣ, Разумника Гонорскаго (1818), одного изъ издателей Украинскаго Вѣстника съ 1816 по 1818 г.

³) С.-Петербургскій журналъ (1798, май).

же форму своего образца: оно разсказано въ письмахъ. Сочинитель его, Владимiръ Измайловъ (1773—1830), одинъ изъ самыхъ искреннихъ и стойкихъ карамзинистовъ, почти вовсе не думалъ знакомить своего читателя съ предметами, которые встрѣчались ему на пути: главнѣйшимъ образомъ заботился онъ о передачѣ ему впечатлѣнiй, возбуждаемыхъ предметами, важными и неважными. Все его вниманiе устремлено было на то, чтобы дорогою скопить запасъ прiятныхъ и живыхъ ощущенiй, которыя на вѣки сохранились бы въ его памяти. Не даромъ выбралъ онъ эпиграфъ изъ «Писемъ объ Италiи,» Дюпати: «нѣкоторые путешественники привозятъ изъ чужихъ странъ статуи, медали, произведенiя природы; я же возвращаюсь съ идеями и чувствами». Но, не имѣя дарованiй своихъ образцовъ (Карамзина и Дюпати), Измайловъ не могъ, подобно имъ, заинтересовать публику: описанiе достопримѣчательностей вышло у него скуднымъ, нехарактеристичнымъ, лиризмъ вертится на приторной чувствительности и безпричинной меланхолiи, въ слогѣ нѣтъ самобытности и силы, хотя онъ и не лишенъ прiятной легкости, заученной у Карамзина. Если книга В. Измайлова страдаетъ отсутствiемъ положительнаго содержанiя, то два путешествiя князя Шаликова (1768—1852) въ Малороссiю (одно 1803 и другое 1804) довели сентиментализмъ до комическаго преувеличенiя. Въ нихъ совершенно стерты особенности страны и людей, съ которыми авторъ знакомился. Передъ глазами чувствительнаго путешественника исчезаютъ не только образы, но даже имена предметовъ: подумаешь, что города, села, жители, деревья, цвѣты не имѣютъ названiй и обречены на безличное, мечтательное существованiе. Пусть для него, какъ и для В. Измайлова, были важны не люди и вещи, а воспринятыя отъ нихъ впечатлѣнiя, которыми онъ хотѣлъ дѣлиться съ читателемъ: дѣло въ томъ, что эти впечатлѣнiя безхарактерны, что они имѣютъ значенiе общихъ мѣстъ, и потому могутъ быть выражаемы по поводу любаго предмета. Вѣстникъ Европы остроумно замѣтилъ объ одной статьѣ въ первомъ путешествiи князя Шаликова: «иной, прочитавъ эту статью, скажетъ: поѣду въ Малороссiю! А я скажу: не ѣздите; на Дѣвичьемъ полѣ (въ Москвѣ) можете увидать тоже самое». Наши чувствительные путешественники, почерпавшiе свой матерiалъ у Карамзина и Дюпати, увлекались еще Верномъ (Vernes de Genève), который прославился двумя путешествiями [1] и слылъ между фран-

---

[1]) Le voyageur sentimental, ou ma promenade à Jverdun и Le voyageur sentimental en France sous Robespierre.

цузами за новаго Стерна. О тонѣ «Прогулки въ Иердюнъ» можно судить по ея эпиграфу:

Une larme du sentiment,
Quelle plus douce récompense!

Содержаніе же ея объяснено самимъ авторомъ: «ученыя путешествія не мой родъ; оттѣнокъ чувства поражаетъ и привлекаетъ меня болѣе, чѣмъ пантеоны и Траяновы столбы». Въ послѣдней главѣ онъ обращается къ читателю: «прости мнѣ, если я изображаю болѣе чувствованія, нежели мѣста, если не описываю памятниковъ, любопытныхъ предметовъ, рѣдкостей. Когда холодъ лѣтъ или болѣе глубокое знаніе людей уменьшитъ мою чувствительность, тогда я начну говорить о томъ, что *видѣлъ*; теперь же говорю о томъ, что *чувствую*». Рѣчь автора живая и бойкая; выраженіе чувствъ идетъ рядомъ съ легкимъ юморомъ, иногда заканчиваясь иронической выходкой. Второе путешествіе болѣе серьезнаго тона. Вернъ оставилъ Парижъ въ эпоху террора, чтобы не слышать «стоновъ, выходившихъ изъ тѣхъ заклеповъ, гдѣ тираннія стерегла свои жертвы». Грозныя событія девяностыхъ годовъ, при господствѣ Робеспьера, когда несогласіе въ мнѣніяхъ наказывалось конфискаціею имущества, заключеніемъ въ темницу и смертью, когда одна политическая партія возводила на эшафотъ другую, отразились въ содержаніи и направленіи книги. Тема ея объяснена въ предисловіи: «Такъ какъ мнѣнія выказываютъ слабость и несовершенство нашего ума, то я стараюсь доказать, что добрыя и благородныя чувства сердца должны господствовать надъ мнѣніями, должны быть выслушиваемы какъ единственный голосъ, не обманывающій человѣчества, какъ единственный законъ, на которомъ природа основываетъ счастіе своихъ тварей. Послѣ злополучныхъ и кровавыхъ дней, пережитыхъ нами; послѣ того, какъ мы видѣли человѣческую природу, обезображенную звѣрскими страстями, оскверненную всѣми пороками, чувствуешь потребность успокоить душу созерцаніемъ этой природы въ ея первобытной красотѣ, въ сіяніи простыхъ добродѣтелей и слѣдующаго за ними счастія, въ томъ идеальномъ образцѣ, въ какомъ она должна была существовать по волѣ Творца». Вернъ не довѣряетъ уму, который надѣлалъ столько зла на свѣтѣ; въ непосредственномъ чувствѣ находитъ онъ неизмѣннаго себѣ наставника: «Великій Боже, я не отвергну свѣта, исходящаго отъ людей, но буду искать его не столько въ нихъ, сколько въ инстинктѣ, вложенномъ Тобою въ мое сердце; съ этого времени, онъ будетъ моимъ вожатаемъ и не введетъ меня въ заблужденія, если, памятуя Твои совершенства, стану подражать

Тебѣ въ любви къ тварямъ». Исповѣдью автора опредѣляется и содержаніе его путевыхъ записокъ: «Доброе сердце необходимѣе великихъ знаній; пускай же не ожидаютъ отъ меня поученій или описаній, представляемыхъ большинствомъ путешествій: первое и самое важное поученіе—люби своихъ ближнихъ». Вотъ съ какими мыслями и побужденіями принялся французскій путешественникъ за перо. Поклонникъ Руссо, онъ хотѣлъ созерцать неиспорченную природу, которой не найдешь въ столицѣ; искренній деистъ, онъ цѣнилъ лишь то, что Богъ напечатлѣлъ въ серцахъ всѣхъ людей; человѣкъ чувствительный, видѣвшій въ добродѣтели наилучшее доказательство своего божественнаго происхожденія, онъ бѣжалъ отъ зрѣлища преслѣдованій и казней, которыя совершались во имя разума.

Сентиментальные путешественники очень скоро сдѣлались предметомъ сатиры, имѣющей право смѣяться надъ всѣмъ, что дѣйствительно смѣшно. Въ переводной повѣсти: «Любовники, соперники въ авторствѣ» (1), даются слѣдующіе совѣты, какъ писать путешествія: «Нынѣ не дѣлаютъ болѣе описанія городовъ, памятниковъ, славныхъ картинъ и проч., но должно, чтобъ путешественникъ никогда не проѣзжалъ мимо какой-нибудь развалины или могилы, не дѣлая меланхолическихъ разсужденій о бренности земныхъ великостей и жизни. Въ каждомъ лѣсу надобно ему чувствовать священный ужасъ, на каждой горѣ приходить въ восторгъ, а на холмахъ и долинахъ вспоминать о юности своей, если ему за сорокъ лѣтъ, или о любовницѣ, когда ему не болѣе тридцати. Каждое утро онъ обязанъ восхищаться восхожденіемъ солнца и всякій вечеръ при закатѣ онаго плакать или по крайней мѣрѣ тяжело вздыхать. Онъ не описываетъ ни нравовъ, ни обычаевъ, но строжайшій даетъ отчетъ во всѣхъ своихъ чувствахъ и даже въ малѣйшихъ ощущеніяхъ». Авторъ стихотворенія: «Чудеса» (2) удивляется охотѣ русскихъ искать за моремъ того, что они легко находятъ у себя дома:

Видалъ я чудаковъ, которые ѣзжали
За тридевять земель
Смотрѣть, какъ солнышко заморское садится,
Иль слушать, какъ шумитъ заморскій вѣтерокъ,
Иль любоваться, какъ заморскій ручеекъ
По камнямъ и песку заморскимъ же струится.
Какъ будто на Руси не стало ручейковъ?
Иль будто вѣтерокъ шумѣть у насъ не смѣетъ
И солнце русское садиться не умѣетъ?

---

1) Журналъ пріятнаго, любопытнаго и забавнаго чтенія, изд. П. Сумарокова, ч. I (1802).

2) В. Евр. 1804, № 20.

Остроумная комедія князя А. Шаховскаго: «Новый Стернъ» имѣла два изданія (1807 и 1822) и часто игралась на сценѣ. Главныя въ ней лица: графъ Пронской и его слуга Ипатъ, соотвѣтствуютъ Донъ-Кихоту и Санчо-Пансѣ въ томъ смыслѣ, что мечтанія барина постоянно разрушаются здравомысліемъ слуги. Хотя въ Пронскомъ комикъ представилъ то самое лице, о которомъ говоритъ сатира кн. Вяземскаго «Къ перу моему»:

Хочу ли намекнуть объ авторѣ смѣшномъ?
Вздыхаловъ, какъ живой, на остріѣ твоемъ;

однакожъ піеса причтена была въ обиду не ему одному, но и родоначальнику нашихъ сентиментальныхъ путешественниковъ, чѣмъ и возбудила противъ себя негодованіе чтителей Карамзина. Въ одной изъ сатиръ своихъ (Посланіе къ кн. С. И. Долгорукову), кн. Горчаковъ такъ изображаетъ состояніе русской словесности, воздѣлываемой Карамзинистами:

Въ ней модныхъ авторовъ французско-русскій ликъ
Стремится искажать отеческій языкъ.
Одинъ въ ней слѣдуетъ жеманну Дюпати,
Другой съ собакою вступаетъ въ симпати;
Тамъ воздыхающій, плаксивый Мирлифлёръ
Гордится, выпустя сентиментальный вздоръ;
А сей, вообразя, что онъ россійскій Стернъ,
Жемчужну льетъ слезу на шелковистый дернъ.

Другой сатирикъ, кн. И. Долгорукій, строже отнесся къ сентиментализму, въ которомъ онъ видѣлъ напускную болѣзнь и который раздражалъ его, какъ несносная аффектація, предпочитавшаяся столько-же естественному чувству, сколько и трезвому пониманію жизни.»

Да будетъ проклятъ тотъ безмозглыхъ книгъ писецъ,
Кто первый въ кровь пустилъ ядъ оспы лжеморальной
И, разумъ помутя, направилъ путь сердецъ
Къ той жизни, кою мы зовемъ сентиментальной.

Еще больше было подражаній «Бѣдной Лизѣ», отдѣльно изданныхъ или вошедшихъ въ журналы. Исчислимъ нѣкоторыя по порядку ихъ появленія: «Бѣдная Маша», А. Измайлова (1801); «Обольщенная Генріетта, или торжество обмана надъ слабостію и заблужденіемъ, истинная повѣсть», Ивана Свѣчинскаго (1801); «Несчастная Маргарита, истинная россійская повѣсть» (1803); «Прекрасная Татьяна, живущая у подошвы Воробьевыхъ горъ»; «Исторія бѣдной Марьи»; «Инна», Каменева; «Марьина роща», Жуковскаго (1809). Сочиненіе А. Измайлова выходитъ изъ круга

собственно такъ называемыхъ сентиментальныхъ повѣстей своею мелодраматической развязкой и сценами простаго быта, изображеніе которыхъ было свойственно автору «Евгенія или пагубныхъ слѣдствій заблужденія» и которыя поэтому вышли лучшія. Повѣсть Каменева, написанная лирической прозой, оканчивается также трагической катастрофой. «Марьина роща» по всѣмъ отношеніямъ выше прочихъ подражаній «Бѣдной Лизѣ», обнаруживая, кромѣ чувствительности, новую стихію — романтическій идеализмъ, нашедшій потомъ столь обильное и столь прекрасное выраженіе въ поэзіи Жуковскаго.

Путешествіями и извѣстіями не ограничивалось сентиментальное направленіе: оно охватывало всѣ роды прозы и поэзіи; безъ приправы имъ не обходились ни быль, ни сказка. Мода выказывала въ этомъ случаѣ такое же дѣйствіе, какъ и всегда: «сначала громкія у насъ *гремѣли оды*», потомъ мы начали *ахать*. Аханье, вздохи и слезы сдѣлались эпидемической болѣзнью. Отъ подражаній Ломоносову и Державину перешли къ подражаніямъ Карамзину и Дмитріеву. Твердя одно и тоже, болѣе и болѣе довольствуясь одними словами, болѣе и болѣе освобождаясь отъ всякаго содержанія, сентиментальная литература стала, наконецъ, причудливой, комической игрой въ чувствованія и ощущенія, столько же легкимъ, сколько и пустымъ провожденіемъ времени, которое слѣдовало бы употребить на что-нибудь другое, и потому не могла долѣе существовать. Извѣщая о представленіи «Новаго Стерна» на московской сценѣ, Вѣстникъ Европы радуется прекращенію сентиментальной заразы ([1]). Правда, насмѣшки надъ чувствительными авторами продолжались и въ двадцатыхъ годахъ, но онѣ имѣли предметомъ не повсемѣстное господство направленія, а только отдѣльные его факты или лучше двѣ-три личности запоздалыхъ служителей сентиментализма — кн. Шаликова и Иванчина-Писарева. Ихъ называли послѣдними карамзинистами въ томъ смыслѣ, что они искренно и усердно держались на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ Карамзинъ поставилъ словесность «Письмами русскаго путешественника» и «Бѣдной Лизой» ([2]).

Вліяніе Карамзина на молодыхъ литераторовъ, переступавшее въ фанатическое, часто смѣшное преклоненіе предъ нимъ у В. Измайлова, кн. Шаликова и Иванчина-Писарева, объясняется, конечно, не однимъ пристрастіемъ къ новому слогу, или къ сенти-

[1]) 1811 № 1 и 1812 № 18.

[2]) Въ Литературномъ Музеумѣ на 1827 (издатель В. Измайловъ) нап. рѣчь въ память исторіографу, Иванчина-Писарева, который также издалъ «Духъ Карамзина, или избранныя мысли и чувствованія сего писателя» (1827).

ментализму ихъ кумира, а болѣе сильной и достойной уваженія причиной. Не на нихъ только Карамзинъ дѣйствовалъ такъ возбудительно, а на всѣхъ читателей развитыхъ или, по крайней мѣрѣ, способныхъ къ развитію, и дѣйствовалъ потому, что его сочиненія служили органомъ обще-европейскихъ идей, съ цѣлію распространить ихъ среди общества, еще мало цивилизованнаго, привить ихъ къ нашей нравственной жизни; что эти сочиненія имѣли воспитательное значеніе, смягчая жесткіе, грубые нравы и такимъ образомъ способствуя нашему гуманно-духовному развитію. Карамзинъ, по справедливости, можетъ быть названъ первымъ русскимъ европейцемъ. Въ своихъ Письмахъ онъ знакомилъ соотечественниковъ со всѣмъ добрымъ, изящнымъ и великимъ, что̀ выработалось обще-европейскою жизнію; своими сентитентальными повѣстями, стихотвореніями и многими прозаическими статьями показалъ возможность и цѣну жизни внутреннимъ чувствомъ, а не ощущеніями грубаго, стихійнаго инстикта, не вѣдающаго различія между жизнію человѣческою и жизнію чисто-животною.

Со времени Карамзина, замѣтимъ между прочимъ, литераторы наши при своемъ авторствѣ имѣютъ въ виду и дамъ; въ пользу или удовольствіе ихъ издаются особые журналы; сами онѣ нерѣдко принимаются за перо. Конечно, не въ сочиненіяхъ, изданныхъ для прекраснаго пола, равно какъ и не въ его собственныхъ литературныхъ произведеніяхъ, заключалось главное дѣло. Значеніе того и другаго не важно; важно побужденіе къ дѣятельности. Она была вызвана болѣе просвѣщеннымъ взглядомъ, на взаимныя отношенія мужчинъ и женщинъ, на мѣсто, которое послѣднія должны занимать въ обществѣ, на участіе, которое онѣ могутъ и обязаны принимать въ общемъ стремленіи къ образованности. Такъ называемое «служеніе граціямъ», выражавшееся нерѣдко въ комическихъ формахъ, обнаруживало добрые знаки: отвычку отъ грубаго образа жизни, наклонность къ вѣжливости, которую Карамзинъ называлъ «добродѣтелью общежитія и слѣдствіемъ утонченнаго человѣколюбія», не осуждающаго цѣлую половину человѣческаго рода на пассивное существованіе, не замыкающее для нея входовъ въ область литературы и науки. Издатель «Московскаго Меркурія» отличался самымъ ревностнымъ почтеніемъ къ прекрасному полу, которое объясняется не однимъ его темпераментомъ, но и образомъ мыслей. За женщинами признавалъ онъ полное право не только на занятія литературой, но и на высшее просвѣщеніе. Онъ не понимаетъ, какимъ несчастіемъ мы, подражатели французовъ, не переняли у нихъ одного, самаго полезнаго обычая: «Француженки девятаго-на-десять вѣка посѣщаютъ лицеи,

смотрять музеумы, слушають профессоровъ, читають, переводять и сами сочиняють. У насъ нѣтъ ни лицеевъ, ни дружескихъ ученыхъ собраній; но все это было бы, если бы женщины захотѣли.... Кто не желаеть женщинамъ просвѣщенія, тотъ врагъ ихъ, тотъ хочетъ удержать себѣ право сказать нѣкогда женѣ своей (въ которой онъ искалъ ключницу или няньку): я тебя умнѣе!... И почему не быть женщинѣ столько же ученою, сколько и мужчинѣ? Способности ея превосходнѣе нашихъ и требуютъ только развитія... Женщины всегда были и будутъ первою (хотя иногда невидимою) пружиною человѣческихъ дѣяній, причиною всего изящнаго и великаго».

Филантропія послѣдователей Карамзина выражалась въ отношеніи не къ женщинамъ только, но и къ общественнымъ состояніямъ людей, о чемъ мы уже упомянули, говоря о Бѣдной Лизѣ. Съ этой точки зрѣнія не лишена интереса полемика по поводу «Новаго Стерна», хотя она и отзывается отроческимъ паѳосомъ. Противники комедіи кн. Шаховскаго отстаивали сентиментализмъ во имя гуманныхъ началъ. Такъ какъ она осмѣиваетъ главное дѣйствующее лице, графа Пронскаго, за то, что онъ нигдѣ не служитъ, плачетъ надъ могилою собачки и хочетъ жениться на крестьянкѣ; то письмо къ издателю «Журнала Россійской Словесности» (¹) и касается этихъ трехъ предметовъ, доказывая, что не одной службой можно приносить пользу отечеству, что человѣку все сотворенное не должно быть чуждо, и что дворянину, хотя бы онъ былъ и графъ, не предосудительно жениться на бѣдной, но доброй крестьянкѣ: «кто унижаетъ права человѣчества, тотъ перваго унижаетъ себя; благодѣтельная природа равно смотритъ какъ на вельможу, такъ и на дворянина». Издатель «Московскаго Зрителя» получилъ также «письмо сельскаго жителя» (²), содержащее въ себѣ жалобу на обычай провинціальныхъ дворянъ жениться на бывшихъ своихъ челядинкахъ и наемницахъ. Иначе смотритъ на этотъ обычай авторъ «размышленія о письмѣ» (³), заставившемъ его «скорбѣть за человѣчество». «Въ началѣ 19-го столѣтія (говоритъ онъ), въ странѣ, отличающейся успѣхами въ наукахъ и искусствахъ, въ государствѣ, славящемся просвѣщеніемъ своимъ, — въ Россіи явился ревностный защитникъ доброправія, вопіющій противу ослѣпленія благовоспитанныхъ людей, возлагающихъ на себя цѣпи Гименея съ невоспитанными женщинами.

¹) 1805, № 7.
²) 1806, апрѣль.
³) Ib., май.

Если бы сей поборникъ нравовъ явилъ себя чуждымъ всякаго пристрастія и, не взирая на знатность особъ, устремилъ бы вниманіе свое лишь на образованіе ума и сердца ихъ—тогда трудъ его былъ бы полезенъ. Но нѣтъ: онъ изливаетъ обильный токъ строгости единственно противу женщинъ.... Дворянка, упоенная предразсудками вмѣсто истиннаго просвѣщенія, не можетъ дать хорошаго воспитанія дѣтямъ своимъ, не можетъ подать имъ наставленія о нравственности, такъ же какъ и крестьянка, находящаяся въ сущемъ невѣжествѣ.... Нѣжный родитель! если воспитаешь дочь свою, какъ слѣдуетъ, то увѣряю тебя, что крестьянка не отниметъ у ней жениха».

Отвращеніемъ отъ невѣжества, любовью и уваженіемъ къ просвѣщенію, желаніемъ совершенства русскому человѣку въ духѣ и формѣ европейской образованности отличались вообще писатели карамзинской школы, въ противоположность славянофильству Шишкова и его одномысленниковъ, крѣпко державшихся за старыя понятія, и потому антагонистовъ Карамзина, вносившаго новыя нравственныя понятія въ жизнь русскаго общества. Проявленіе этой отличительной особенности намъ уже извѣстно изъ спора съ Шишковымъ. Что вызвало Макарова, Дашкова, В. Пушкина на защиту новаго слога? Увѣренность, что этотъ новый слогъ удобнѣе выражаетъ европейскія идеи и знанія. Почему они не славили старину? По увѣренности же, что она несовмѣстима съ европеизмомъ, что возвращеніе къ ней, если бы таковое и было возможно, грозитъ успѣхамъ гражданскаго образованія. Любовь къ искусству и наукѣ — эта почтенная черта карамзинистовъ въ молодости — осталась при нихъ и въ то время, когда ихъ молодость давно исчезла, когда они отъ занятій литературою перешли къ другимъ родамъ дѣятельности. Измѣнившись съ лѣтами во многомъ, измѣнивъ многое въ образѣ мыслей, они сохранили вѣрность предмету своего начальнаго служенія. Современники прошлаго, они, на этомъ почтенномъ чувствѣ, какъ бы на нейтральной, общедорогой почвѣ, шли вровень съ современниками настоящаго, которое расходилось съ ними по другимъ вопросамъ.

§ 10. Шишковъ, какъ мы знаемъ, не отдѣлялъ литературы отъ общественной нравственности, поставляя порчу первой въ причинной связи съ искаженіемъ послѣдней. Его взглядъ раздѣлялся очень многими. Упадокъ нравовъ они объясняли иностраннымъ или, вѣрнѣе, французскимъ воспитаніемъ русскихъ людей, которое притомъ, по ихъ мнѣнію, служило орудіемъ европейской политики для достиженія коварныхъ, анти-русскихъ цѣлей. Эта цѣль—внушить русскимъ уваженіе ко всему иностранному и презрѣніе ко

всему отечественному. Все то, что собственное, наше, стало становиться въ глазахъ нашихъ худо и презрѣнно... Французы научили насъ презирать благочестивые нравы предковъ нашихъ и насмѣхаться надъ всѣми ихъ мнѣніями и дѣлами.

Подражательное развитіе русскаго общества: вотъ въ чемъ Шишковъ обвинялъ своихъ современниковъ, и въ томъ числѣ новыхъ литераторовъ, которые будто содѣйствовали злу. Самостоятельность развитія: вотъ чего онъ требовалъ отъ русскаго общества. Онъ добивался русскаго направленія, окрещённаго неточнымъ именемъ славянофильства. Шишковъ — славянофилъ, или руссофилъ, потому что стоялъ за сохраненіе русской національности въ нравахъ, обычаяхъ и языкѣ. Но за тоже самое стоялъ, тоже самое говорилъ, еще прежде Шишкова, Карамзинъ, имя котораго, какъ истинно-русскаго европейца, могло быть равно усвоиваемо какъ западничествомъ, такъ и славянофильствомъ. Въ «разсужденіи о любви къ отечеству и народной гордости» онъ выставляетъ слабую сторону современнаго общества — излишнее смиреніе въ политикѣ, указывая ему самобытность народной жизни, какъ идеалъ: «Есть всему предѣлъ и мѣра. Какъ человѣкъ, такъ и народъ начинаетъ всегда подражаніемъ, но долженъ со временемъ быть *самъ собою*, чтобы сказать: *я существую нравственно!* Хорошо и должно учиться, но горе и человѣку и народу, который будетъ всегдашнимъ ученикомъ!» Требованія одни и тѣ же, что и въ «разсужденіи о старомъ и новомъ слогѣ». И можно ли предполагать, чтобы Карамзинъ и его послѣдователи были меньше руссофилы, чѣмъ Шишковъ и члены Весѣды? Справедливѣе думать иначе: «Исторія государства Россійскаго» и «Записка о древней и новой Россіи» заявляютъ славянофильство ихъ автора несравненно сильнѣе набатныхъ возгласовъ Шишкова, которые по большей части оказывались фальшивой тревогой. Ученіе о развитіи народа сообразно съ его коренными особенностями подкрѣплено въ этихъ сочиненіяхъ многими доводами. «Исторія» не знаетъ другаго монарха, «достойнѣйшаго жить и сіять въ ея святилищѣ», кромѣ Іоанна III, потому что въ своихъ дѣйствіяхъ онъ уважалъ народный характеръ и правила вѣка; «Записка» осуждаетъ политику Петра, который иноземнымъ началамъ приносилъ иногда въ жертву начало русское, и кромѣ того даетъ совѣты, какъ исправить ошибки, допущенныя новыми реформами. Вопросъ, слѣдовательно, не въ томъ, кто стоялъ за самобытное образованіе народа, а въ томъ, что разумѣли подъ такимъ образованіемъ и какъ понимали его отношеніе къ европейской, или общечеловѣческой культурѣ. На этомъ предметѣ, школа Карамзина и школа Шиш-

кова представляютъ большую разницу. Карамзинъ не признавалъ нравовъ своего вѣка худшими сравнительно съ нравами предковъ: напротивъ, онъ находилъ современныхъ Россіянъ, въ нравственномъ отношеніи, превосходнѣе Россіянъ, живившихъ подъ великокняжескимъ или царскимъ правленіемъ. Возвращеніе къ старинѣ вовсе не было ему желательно. Передъ лицемъ Шишкова, когда уже печаталась «Исторія», выразилъ онъ извѣстную намъ мысль: «связь между умами древнихъ и новѣйшихъ россіянъ прервалася навѣки». Образцомъ для подражанія ставилъ онъ не старину, а время Екатерины II, слѣдовательно *европейское* же начало, но подъ условіемъ примѣненія его къ дѣйствительнымъ потребностямъ русской страны. Новые просвѣтители (либералисты), выросшіе «на почвѣ французской революціи», пугали его тѣми опасностями, которыхъ онъ ожидалъ отъ нихъ *для европейской* цивилизаціи; но вѣдь изъ тѣхъ же опасеній и министерство просвѣщенія при Шишковѣ онъ называлъ министерствомъ затменія. Законодательныя реформы Сперанскаго встрѣтили въ немъ противника потому единственно, что онъ видѣлъ въ нихъ уклоненіе отъ правительственной системы Екатерины. Репрессивныя мѣры, имѣвшія цѣлью закрыть для Россіи міровыя пріобрѣтенія въ искусствѣ и наукѣ, никогда не могли быть имъ одобряемы. При томъ же онъ яснѣе Шишкова смотрѣлъ на причины и ихъ слѣдствія, цѣня тѣ и другія по настоящему ихъ смыслу и размѣру. Рабскія подражанія иностранцамъ въ бездѣлкахъ почиталъ онъ оскорбительными для народной гордости, но подражателей не обзывалъ врагами отечества, тогда какъ Шишковъ намѣревался издателей Сѣвернаго Вѣстника и Московскаго Меркурія, защищавшихъ новый слогъ, «ткнуть носомъ въ пепелъ Москвы и громко сказать имъ: вотъ чего вы хотѣли». Какъ будто они хотѣли этого!

Галломанія начала у насъ водворяться съ царствованія императрицы Елисаветы. Уже тогда въ числѣ явившихся къ намъ гувернеровъ и гувернантокъ находилось много невѣждъ или безнравственныхъ лицъ. Шишковъ приводитъ слѣдующее мѣсто изъ сочиненія Мессельера, чиновника французскаго посольства при дворѣ Елисаветы: «Voyage à Pétérsbourg, ou nouveaux mémoires sur la Russie»: «Мы обступлены были тучею всякаго рода французовъ, изъ коихъ главная часть, поссорясь съ парижскою полиціею, пришли заражать сѣверныя страны. Мы поражены были удивленіемъ и сожалѣніемъ, нашедъ у многихъ знатныхъ господъ бѣглецовъ, промотавшихся, распутныхъ людей, которымъ поручено было воспитаніе дѣтей самыхъ знатнѣйшихъ». Французская эмиграція, при Екатеринѣ II и Павлѣ I, усилила ряды иностранныхъ

воспитателей русскаго юношества. Безразборчивая довѣренность къ нимъ родителей не могла быть остановлена даже правительственными мѣрами. Необразованность тѣхъ, отъ кого зависѣлъ выборъ наставниковъ, пристрастіе къ французскому языку, который сдѣлался языкомъ высшаго общества и свидѣтельствомъ внѣшняго европеизма, отсутствіе педагогическихъ заведеній, въ которыхъ готовились бы не только русскіе преподаватели наукъ, но и русскіе воспитатели, все больше и больше укрѣпляли обычай, въ сущности неразумный, но объясняемый историческими обстоятельствами. Онъ упалъ бы самъ собою, еслибъ устранены были причины, его породившія. Но этого не случилось и при Александрѣ I. Напротивъ, французское вліяніе достигло въ это время наибольшей степени. Примѣру высшаго класса послѣдовало сначала зажиточное дворянство, а за нимъ потянулась и «мелкая сошка», желавшая жить какъ знатные господа. Крыловъ не безъ цѣли прибавилъ нравоученіе къ переведенной изъ Лафонтена басни «Лягушка и Волъ» (1808): оно списано съ натуры. Другая его басня: «Крестьянинъ и Змѣя» (1813) имѣетъ цѣлью напомнить отцамъ о томъ злѣ, которое дѣтямъ ихъ причиняютъ воспитатели—французы. Дворяне помѣщали дѣтей своихъ въ пансіоны, содержимые иностранцами, потому что у нихъ можно было научиться свѣтскому обращенію, французскому языку и танцамъ. Процентъ благороднаго сословія, обучавшагося въ уѣздныхъ училищахъ и гимназіяхъ, былъ очень незначителенъ, какъ потому, что эти заведенія были открыты для всѣхъ состояній, съ которыми дворянство не хотѣло смѣшиваться, такъ и потому, что въ нихъ нельзя было выучиться французскому языку— не только разговорному, который единственно требовался, но и книжному. Дворянскій сынъ стыдился сидѣть на одной скамейкѣ съ разночинцами, боясь, что они испортятъ его нравственность, научатъ чему нибудь зазорному, но забывая, что для такой науки къ его услугамъ существовала цѣлая дворня и что отъ своего гувернера онъ узнавалъ многое, чего бы никогда не узналъ даже отъ конюха. О настоящемъ изученіи французскаго языка не было ни мысли, ни рѣчи: добивались только настоящаго французскаго выговора — «прононсіи» или «прононса», какъ многіе тогда выражались. Сатирѣ и комедіи легко было собирать обильную поживу съ галломаніи. Сколько встрѣчалось такихъ господъ, и молодыхъ и не молодыхъ, которые не умѣли похристосоваться на родномъ языкѣ! Существовали даже градоначальники, затруднявшіеся въ объясненіяхъ съ подчиненными, которые не говорили по французски. Но смѣшное было только одною стороною предмета; на другой сторонѣ французолюбія выходилъ положительный вредъ.

*

Комизмъ оказывался преимущественно въ среднемъ и низшемъ слояхъ дворянства. Въ самомъ дѣлѣ, легко понять, почему сынъ знатнаго барина объяснялся по французски: ему гораздо легче было говорить на иностранномъ языкѣ, чѣмъ на русскомъ, котораго онъ часто и не зналъ вовсе. Но иностранный языкъ въ устахъ мелкопомѣстнаго владѣльца, который по-русски говорилъ очень хорошо, а по-французски очень дурно, означалъ забавное увлеченіе модой, глупость тщеславія. Понятно также, почему вельможа могъ находить больше удовольствія въ бесѣдѣ съ образованнымъ иностранцемъ, чѣмъ, напримѣръ, съ русскимъ литераторомъ, въ родѣ Кострова или Сумарокова, изъ которыхъ одинъ рѣдко бывалъ трезвъ, а второй ни о чемъ иномъ, «кромѣ своего бѣднаго риѳмичества», не говорилъ, и даже за обѣдомъ у наслѣдника престола не умѣлъ держаться съ должнымъ приличіемъ ([1]). Вельможу нельзя было удивить ни Хоревомъ, ни Семирой, если онъ въ Парижѣ видѣлъ представленіе піесъ Корнеля и Расина лучшими въ то время артистами. Но для какой потребы нуженъ былъ французскій разговорный языкъ мелкому помѣщику, которому не приходилось заглядывать даже въ сочиненія Сумарокова и который всю жизнь свою оставался въ провинціи, зрѣвшей его рожденіе? Вредъ французскаго воспитанія простирался особенно на лица высшей знати. Въ этомъ отношеніи, гувернеръ-невѣжда представлялъ меньше опасности, чѣмъ умный и образованный иностранецъ, искусно стремившійся къ своей цѣли. Въ іезуитскомъ пансіонѣ, основанномъ въ Петербургѣ при Александрѣ, учили, можетъ быть, основательнѣе, чѣмъ въ тогдашнихъ русскихъ гимназіяхъ, но въ тоже время онъ былъ не прочь отъ прозелитизма. Зная наизусть католическую обѣдню, иныя дѣти не понимали православнаго богослуженія. Обличенные въ пропагандѣ, іезуиты были высланы сначала изъ столицъ (1815), а потомъ изъ всѣхъ областей Россіи за границу (1820) ([2]). Но случаи прозелитизма, какъ бы они ни были важны, не покрывали собою всего вреднаго вліянія, производимаго иностраннымъ воспитаніемъ. Главное зло состояло въ духовномъ отрѣшеніи русскихъ отъ Россіи, которая не могла ожидать отъ нихъ никакой пользы, и въ легкомысленномъ ихъ отношеніи къ предметамъ первой важности, которое они усвоивали отъ своихъ легкомысленныхъ или завѣдомо

---

[1]) Записки Порошина.

[2]) Le catolicisme romain en Russie, 2 v. Соч. гр. Д. А. Толстаго (10 глава 2-ой части). См. также Некрологъ графа Александра Николаевича Толстаго (Рус. Инвалидъ, 1866, № 212).

дѣйствовавшихъ наставниковъ. «Воспитанный французами дуракъ», по выраженію Воейкова (въ сатирѣ: объ истинномъ благородствѣ, 1806), умѣлъ только тщеславиться своимъ родомъ, но любовь къ отечеству была ему чужда. Кн. Горчаковъ (въ Посланіи къ кн. Долгорукому) тщетно искалъ «русскаго» между молодыми людьми, отраслями истыхъ русскихъ фамилій: онъ видѣлъ въ нихъ преимущественно французовъ. Изъ глубины русской души вырвалось у Пушкина проклятіе его французскому воспитанію. «Съ нравственностію не то дѣлается, что съ естественностію», замѣчаетъ Шишковъ: «курица, высиженная и вскормленная уткою, останется курицею и не пойдетъ за нею въ воду; но русскій, воспитанный французами, всегда будетъ больше французъ, нежели русскій». Въ такомъ французорусcѣ отечество не найдетъ достойнаго себѣ гражданина, отечественная исторія — уваженія, соотечественникъ — любви. Болѣе и болѣе распространявшееся воспитаніе русскаго юношества иностранцами обратило наконецъ на себя вниманіе правительства. Въ 1811 г. министръ народнаго просвѣщенія, графъ Разумовскій, поднесъ Государю записку касательно частныхъ пансіоновъ, которая удостоилась высочайшаго одобренія. Она показываетъ вредныя дѣйствія обычая, глубоко пустившаго свои корни, и вмѣстѣ постановляетъ мѣры къ ихъ ослабленію: право на открытіе пансіона давать не столько по степени учености лица, сколько по его доброй нравственности; требовать отъ содержателя знанія русскаго языка; преподаваніе наукъ должно быть производимо на языкѣ отечественномъ; пяти-процентный сборъ съ платы за каждаго пансіонера на учрежденіе особыхъ училищъ, въ коихъ будутъ воспитываться дѣти родителей, оказавшихъ отечеству заслуги, а также и дѣти неимущихъ дворянъ (¹).

Недовольство иностраннымъ воспитаніемъ, увеличенное деспотическими дѣйствіями Наполнона (²) и нашими съ нимъ войнами, образовало патріотическую литературу, которой голосъ сильно раздавался въ современныхъ журналахъ, стихотвореніяхъ и отдѣльныхъ книгахъ. Въ 1806—1807 напечатано значительное число политическихъ сочиненій, большею частію переведенныхъ съ нѣмецкаго. Содержаніе ихъ вращается въ кругу однихъ и тѣхъ же предметовъ: завоевательной политики Наполеона, уничиженія Германіи и необходимости для нея вступить въ союзъ съ русскимъ монархомъ.

Параллельно съ переводами политическихъ книгъ, шли соб-

---

¹) Сѣверная Почта, 1811, № 47 (іюня 14).

²) Нарушеніемъ нейтралитетовъ, казнью герцога энгіенскаго и нюренбергскаго книгопродавца Пальма.

ственно литературныя произведенія, выражавшія патріотическую настроенность въ разныхъ формахъ. Державинъ написалъ нѣсколько одъ, изъ которыхъ только одна (Атаману и войску донскому, 1807) напоминаетъ его прежній талантъ; прочія же показываютъ отсутствіе истиннаго лиризма, замѣненнаго каламбурами и миѳическими представленіями. «Пѣснь воиновъ», Карамзина (1806), простѣе смотритъ на дѣло: Бонапартъ называется общимъ злодѣемъ, котораго необходимо низвергнуть, чтобы міръ наслаждался покоемъ. «Пѣснь барда надъ гробомъ Славянъ побѣдителей», Жуковскаго (1806), призывала ко брани и мщенію. Манифестомъ 30 августа 1806 г. обнародавана предстоящая война съ французами; другой манифестъ, 16 ноября, объявилъ начало войны. Повелѣно было сформировать шестьсотъ тысячъ земскаго войска, для подкрѣпленія дѣйстующей арміи и для защиты имперіи. 28 ноября изданъ былъ указъ о высылкѣ изъ Россіи всѣхъ подданныхъ Франціи и нѣкоторыхъ нѣмецкихъ областей, если они не пожелаютъ вступить въ русское подданство, о недозволеніи пропускать ихъ въ Россію безъ паспорта, выданнаго министромъ иностранныхъ дѣлъ. Иностранцамъ предписано было выѣхать изъ столицъ и другихъ городовъ черезъ десять дней по объявленіи указа. Учителя и другія лица, жившіе въ частныхъ домахъ, обязаны были, во первыхъ, дать присягу въ томъ, что они во все продолженіе войны не будутъ имѣть никакого сношенія съ подданными поименованныхъ областей, а вовторыхъ предъявить поручительство лицъ, у которыхъ жили, въ добромъ поведеніи. Преступившіе присягу подвергались строгому наказанію, а съ поручителя взыскивалось 5000 рублей штрафу. На особую коммиссію возложено было приведеніе указа въ дѣйствіе. По этому поводу сочинена была комедія: * «Высылка французовъ» (1807), не имѣющая никакого значенія, какъ драма, но любопытная, какъ свидѣтельство образа мыслей многихъ тогдашнихъ людей. Главное лице—французъ Пуазонье, содержатель пансіона и шпіонъ, которому «великая нація» щедро платитъ за доставляемыя свѣдѣнія о Россіи. Онъ открываетъ піесу слѣдующими словами: «Autant barbare qu' ignorant—вотъ фраза, изображающая народъ русскій. Торжествуй, мое отечество! граждане твои покоряютъ тебѣ народы всего свѣта мечемъ, умомъ, а всего больше приготовляютъ къ тому воспитаніемъ». Съ Пуазонье за-одно мадамъ Грифонъ, бывшая гувернантка, и нѣсколько его соотечественниковъ-аферистовъ, изъ которыхъ одинъ на вопросъ, какъ онъ распорядился по случаю высылки французовъ, отвѣчаетъ: «я присягнулъ: гдѣ интересъ, тутъ моя клятва; нѣтъ его, дымъ и присяга».

За нѣсколько дней до Прейсишъ-эйлауской битвы сыграна была трагедія Озерова: «Димитрій Донской» (1807). Публика приняла ее съ восторгомъ, находя въ ней явное отношеніе къ современнымъ обстоятельствамъ. Въ Димитріи она видѣла Александра, съ именемъ Мамая соединяла мысль о Наполеонѣ, «дерзостный посолъ надменнѣйшаго хана» напоминалъ ей высокомѣріе французскихъ посланниковъ. Театръ стоналъ отъ рукоплесканій, исторгаемыхъ многими тирадами, а иногда и отдѣльными выраженіями. Съ рѣзкою и смѣлою сатирою выступилъ противъ французскаго вліянія графъ Ѳ. В. Растопчинъ (1763—1826), подъ вымышленнымъ именемъ Силы Андреевича Богатырева, которое за нимъ и осталось, прославленное его бойкимъ, оригинальнымъ перомъ. При извѣстіи объ эйлаусскомъ сраженіи (27 января 1807 г.) написалъ онъ «Мысли въ слухъ на красномъ крыльцѣ» (1807) ([1]), пріобрѣтшія ихъ автору громкую извѣстность своимъ патріотическимъ содержаніемъ. Тотъ же Богатыревъ выведенъ главнымъ лицемъ въ комедіи Растопчина: «Вѣсти или убитый живой» (1807), сочиненной по случаю нелѣпыхъ толковъ и слуховъ въ-слѣдъ за сраженіемъ при Эйлау. Авторъ и здѣсь сыплетъ жесткими рѣчами. Вотъ какъ отдѣлываетъ онъ новомодныхъ русскихъ барынь и поклонниковъ Франціи:

За что вы губите молоденькихъ дѣвушекъ вашимъ безобразнымъ одѣяніемъ? Эта мерзкая мода обливаетъ любовь и уваженіе холодною водою и вмѣсто того, чтобъ привлекать, гонитъ прочь, и жениховъ ловятъ, какъ бѣглыхъ. Въ старину, и не очень давно, у иной дѣвушки въ мѣсяцъ не увидишь руки безъ перчатки, а нынче воображенію и догадкѣ дѣла нѣтъ. Да прежде сего одѣвались, а нынѣ раздѣваются. Иная ѣдетъ на балъ, какъ модель для живописцевъ; другая изъ отцовскаго дома, какъ изъ кунстъ-камеры: на рукѣ мѣшокъ съ бѣльемъ, все сквозитъ, все летитъ; разъ взглянулъ, точно какъ отъ купели принималъ.

Мать есть примѣръ, покровъ и наставница для дочери. А дочь благовоспитанная есть лучшее украшеніе матери. Но иныя, по несчастію, что нынче дѣлаютъ? притравливаютъ ихъ къ пороку и, теряя свое право, теряютъ и дочерей. Дочь съ матерью точно какъ съ мадамой: обѣ налегкѣ, подъ краской. Дочь мигаетъ, мать моргаетъ: одна танцуетъ, другая вальсируетъ; одна ищетъ женишка, другая пастушка; одна съ ума сходитъ, другая въ себя не приходитъ. Господи помилуй, да будетъ ли этому конецъ!

---

[1]) Подражанія ему: Мысли не въ слухъ у деревяннаго дворца Петра Великаго, или посланіе Силы Сидоровича Правдина къ Силѣ Андреевичу Богатыреву (1807); Мысли для всѣхъ отъ сердца и души, или посланіе украинскаго помѣщика, отставнаго капитана Трифона Сидоровича Правоговорева къ старому сослуживцу своему и пріятелю Никитѣ Севастьяновичу Праворускому (1813).

От безразсуднаго пристрастія и ослѣпленія къ иностраннымъ мы обращаемся изъ людей въ обезьяны, изъ господъ въ слугъ, изъ русскихъ въ ничто. Этотъ развратъ есть болѣзнь завозная, прилипчивая и иныхъ у насъ обезобразила такъ, что и узнать нельзя. А что я говорю, это правда и для ушей, и для глазъ, и для души: въ семьѣ не безъ урода; да на чтожъ самому себѣ изуродовать и сдѣлаться гадкимъ спискомъ мерзкаго подлинника?

Другимъ тономъ осмѣивается сумасбродное пристрастіе къ французскому языку и вмѣстѣ къ французамъ въ комедіи Крылова: «Урокъ дочкамъ» (1807). Въ ней много забавныхъ сценъ, написанныхъ остроумно, но безъ желчи. Съ меньшимъ знаніемъ мѣры нападалъ на любовь къ иностранному Ѳ. Ивановъ, авторъ многихъ драматическихъ піесъ, изъ которыхъ «Семейство Старичковыхъ или за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаютъ» (1808), особенно нравилось посѣтителямъ театра. По отзыву современниковъ, трагедія Крюковскаго: «Пожарскій» (1807) имѣла большій успѣхъ, чѣмъ «Димитрій Донской», можетъ быть потому, что она была играна вскорѣ послѣ военныхъ дѣйствій съ французами, когда каждый намекъ на едва минувшія событія воспринимался живѣе. Въ нѣкоторыхъ стихахъ слышится горесть неудовлетвореннаго чувства народной славы:

О русская земля! отечество драгое!
Узримъ ли время мы опять твое златое?
Заставимъ ли врага, какъ прежде, трепетать?
Коварныхъ замыслы успѣемъ ли попрать?
И водворимъ ли вновь въ сердцахъ доброты рѣдки,
Что завѣщали намъ въ залогъ почтенны предки?

Что же завѣщали намъ предки? Не умѣя цѣнить издѣлій роскоши, русскій умѣлъ карать порокъ и почитать добродѣтель, а теперь— повсюду пагубное вліяніе поляковъ (подъ которыми авторъ разумѣлъ французовъ):

Они и въ сердце намъ разврата ядъ вливаютъ,
И нравы нѣгою постыдной разслабляютъ.
Обычай суетный почто перенимать
И рабски чуждому примѣру подражать?
Не пользу отъ сего, какъ мыслятъ, обрѣтаемъ,
Но русскій духъ въ мѣнѣ толь низкой мы теряемъ.

Тильзитскій миръ понизилъ тонъ патріотической литературы (¹),

¹) Напечатавъ по заключенію тильзитскаго мира отрывки изъ книги: «Разсужденіе объ участіи, пріемлемомъ Россіею въ нынѣшней войнѣ», Вѣстникъ Европы (1807, № 21) выбросилъ рѣзкіе отзывы о Наполеонѣ, на томъ основаніи, что «въ мирное время браниться не надобно».

но не пресѣкъ враждебнаго чувства къ французамъ. Русскій человѣкъ справедливо видѣлъ въ немъ только перемиріе и не вѣрилъ его прочности, зная характеръ Наполеоновой политики. Еще въ 1805 г. С. Глинка предчувствовалъ, что и до Москвы дойдетъ очередь завоеванія; это предчувствіе сдѣлалось потомъ внутреннимъ убѣжденіемъ его души. Ода Державина «на миръ 1807 г.» звучитъ замѣтнымъ недовольствомъ, почему и была напечатана съ измѣненіями; поэтъ, говоря его словами, «радовался съ оглядкою», и нѣкоторые стихи называлъ «предусмотрѣніями». Извѣстный партизанъ въ войну 1812 г., Д. В. Давыдовъ, бывшій очевидцемъ свиданія двухъ монарховъ въ Тильзитѣ (Александра I и Наполеона) оцѣнилъ настоящее значеніе привѣтливости, которою русскіе отвѣчали на заказную привѣтливость французовъ: «двѣнадцатый годъ стоялъ уже посреди насъ, русскихъ, съ своимъ штыкомъ въ крови по дуло, съ своимъ ножемъ въ крови по локоть».

И дѣйствительно, черезъ полгода послѣ тильзитскаго мира, въ 1808 г. С. Глинка основалъ журналъ: «Русскій Вѣстникъ», знаменательный самымъ названіемъ, не только что содержаніемъ. Издатель положилъ своей задачей—возбужденіе народнаго духа согражданъ, вызовъ ихъ къ новой, неизбѣжной борьбѣ съ Наполеономъ. Мысль о предстоящей опасности отечеству была для Глинки предчувствіемъ, убѣжденіемъ и пророчествомъ вмѣстѣ; она обступала его со всѣхъ сторонъ, держала въ постоянной тревогѣ, сосредоточивала на себѣ его умъ, способный отъ природы разсѣеваться безгранично и безцѣльно. Въ своемъ патріотическомъ ей служеніи онъ напоминаетъ тѣ наивныя и безвѣстныя личности, которыя выводились обстоятельствами времени на предназначенное имъ дѣланіе, всецѣльно предавались ему сколько по инстинкту, столько же по сознанному долгу, и совершали то, чего не могли бы совершить сильные и мудрые міра. Кто-то шутя сравнивалъ издателя Русскаго Вѣстника съ Жанной д'Аркъ: въ этой шуткѣ есть доля правды. Заслуга Глинки, какъ литератора, заключается въ томъ, что онъ своевременно возбуждалъ народный духъ русскихъ: послѣ того оставалось ему лишь воспоминать о своихъ трудахъ по этому предмету. Все прочее, имъ написанное (а онъ писалъ очень много), не имѣетъ важности. Онъ могъ бы не являться на литературной сценѣ до «Русскаго Вѣстника» и долженъ былъ сойти съ нея послѣ своихъ «Записокъ» (1). Событія опредѣлили свойственную ему роль: прошли событія—упразднилась его миссія.

---

1) Записки о 1812 г.: Записки о Москвѣ и о заграничныхъ происшествіяхъ отъ исхода 1812 до половины 1815 г.—Болѣе подробныя его записки въ Рус. Вѣстникѣ 1863 № 4, 1865 № 7, 1866 №№ 1—3 и 7.

Объявленіе объ изданіи Русскаго Вѣстника возбудило недоумѣніе. Графъ Растопчинъ назвалъ предпріятіе Глинки отважнымъ, имѣя въ виду съ одной стороны прекращеніе непріязненныхъ отношеній къ Франціи, а съ другой—духъ чужеземства, обуявшій русское дворянство. Но издатель не унывалъ. Безъ гроша денегъ приступилъ онъ къ дѣлу, вѣруя, что «Богъ не безъ милости, а свѣтъ не безъ добрыхъ людей». Графъ Растопчинъ и княгиня Е. Р. Дашкова предложили Глинкѣ свое сотрудничество, которое, однакожъ, скоро прекратилось, по винѣ самого издателя, безъ нужды торопливаго, отличавшагося крайней беззаботностью, необдуманностью и дѣтскимъ невѣдѣніемъ самыхъ обыкновенныхъ житейскихъ отношеній. Въ Русскомъ Вѣстникѣ все было направлено къ одной цѣли—знакомить Русскихъ съ Россіею. Въ противоположность журналамъ, сообщавшимъ свѣдѣнія о Европѣ, онъ наполнялся только тѣмъ, что касалось отечества; объ иностранномъ же упоминалъ не иначе, какъ по отношенію къ отечественному. Издатель пользовался каждымъ случаемъ, чтобы, согласно программѣ, изображать доблести русскихъ настоящаго и преимущественно прошлаго времени, обличать иностранныхъ писателей за ихъ ложныя о насъ мнѣнія и доказывать превосходство своего, роднаго, передъ чужеземнымъ. Излагая мысли по случаю представленія «Ябеды», журналъ защищаетъ старинныхъ судей и старинное правосудіе; на вопросъ переводчика Виргиліевыхъ эклогъ (Мерзлякова), «гдѣ этотъ золотой вѣкъ, эта золотая сторона, въ которой царствовали невинность и правда?» отвѣчаетъ: «онѣ извѣстны были въ Россіи», и дѣлаетъ выписку изъ путешественника Флемминга о простотѣ и счастіи нашихъ поселянъ; разбирая древне-русскія стихотворенія, отыскиваетъ въ нихъ доблестныя черты русскаго народа: любовь къ ближнему, мужество, великодушіе, и пр. Достохвальныя свойства россіянъ вообще, русскихъ бояръ въ частности служатъ предметомъ особыхъ статей. Изъ разныхъ городовъ и селъ корреспонденты журнала доставляли ему свѣдѣнія о замѣчательныхъ проявленіяхъ русскаго духа: братской любви, наслѣдственномъ мужествѣ, рѣшительности и т. п. Въ противодѣйствіе переводнымъ повѣстямъ, Русскій Вѣстникъ печаталъ романы и повѣсти оригинальные, которые постоянно воевали съ французскимъ воспитаніемъ, модами, роскошью. Сочувствуя Шишкову, онъ старался замѣнять иностранныя слова русскими. Поборничество за родную старину нерѣдко увлекало Глинку слишкомъ далеко, вынуждая его сопоставлять такіе предметы, которые не допускали никакого сопоставленія. Такъ, напримѣръ, въ статьѣ: «Зотовъ, наставникъ Петра I», способъ его ученія

«соображается съ правилами Руссо, Кондильяка, Локка и прочихъ писателей о воспитаніи»; другая статья: «Наставленіе Симеона Полоцкаго царю Алексѣю Михайловичу», сличаетъ мысли, въ немъ изложенныя, съ мнѣніями не только Сократа, Платона и Цицерона, но и Декарта, Боссюэта, Вольтера, Дидро. Излишества и крайности направленія были по тогдашнимъ обстоятельствамъ понятны. «Нужно было», говоритъ кн. Вяземскій въ воспоминаніи о Глинкѣ ([1]), «воспламенять духъ народный, пробуждать силы его, напоминая о доблестяхъ предковъ, которые также сражались за честь и цѣлость отечества. Нужно было противодѣйствовать духу чужеземства всѣми силами и средствами. Укорительныя слова: «галломанія», «французолюбіе», бывшія тогда въ употребленіи, имѣли полное значеніе. Ими стрѣляли не въ воздухъ, а въ прямую цѣль. Надлежало драться не только на поляхъ битвы, но воевать и противъ нравовъ, предубѣжденій, малодушныхъ привычекъ. Европа «онаполеонилась». Россіи, прижатой къ своимъ степямъ, предлежалъ вопросъ: «быть или не быть», т. е. слѣдовать за общимъ потокомъ и поглотиться въ немъ, или упорствовать до смерти или до побѣды? Перо Глинки, первое на Руси, начало перестрѣливаться съ непріятелемъ. Онъ не заключалъ перемирія даже въ тѣ роздыхи, когда русскіе штыки отмыкались, уступая силѣ обстоятельствъ и выжидая новаго вызова къ дѣйствію.... Мнѣнія, имъ оглашаемыя, и отзывъ, который они встрѣчали въ массѣ читателей, не могли ускользнуть отъ неусыпнаго, безпокойнаго и ревниваго деспотизма Наполеона. Французскій посолъ Коленкуръ жаловался нашему правительству на непріязненный духъ Русскаго Вѣстника» ([2]).

Русскій Вѣстникъ былъ дѣйствительно своего рода силою, благодаря дарованію издателя угадывать духъ народный, «который всего торжественнѣе высказывается въ годину рѣшительнаго подвига», и направлять его къ извѣстной цѣли; понятнымъ для большинства словомъ возбуждать чувство любви къ отечеству, а если оно уже возбуждено, поддерживать его въ уровень событіямъ; русскимъ сердцемъ давать вѣсть русскимъ сердцамъ или откликаться на ихъ голосъ; «при возстаніи душъ дѣйствовать на нихъ силою нравственной, при которой нѣтъ надобности въ

---

[1]) С.Петербургскія Вѣдомости, 1847, №№ 277 и 278.

[2]) Французское посольство указывало на статью о тильзитскомъ мирѣ. Во вниманіе къ его жалобѣ, цензору журнала, профессору Мерзлякову, сдѣланъ былъ выговоръ, а издатель, по политическимъ обстоятельствамъ, уволенъ отъ московскаго театра, гдѣ состоялъ на службѣ. Но журналъ нашли нужнымъ сохранить (Записки С. Н. Глинки, Рус. Вѣст. 1865, іюль).

сотняхъ тысячъ рублей». Вотъ мѣсто, занятое Глинкою съ 1808 года. Не онъ искалъ его: безъ его домогательствъ «оно было ему указано необычайными обстоятельствами, съ которыми онъ шелъ на ряду». Глинка, какъ онъ самъ говоритъ, «жилъ среди народа и жизнію народной». Онъ умѣлъ толковать съ нимъ и для него; «непрестанное присутствіе его на площадяхъ, на рынкахъ, на улицахъ московскихъ сроднило съ нимъ взоры, сердца и мысли московскихъ обывателей». Духъ народа признаетъ своимъ вождемъ того, кто самъ, безусловно и непосредственно, проникнутъ этимъ духомъ. И потому-то на Поклонной горѣ, въ ожиданіи прибытія Государя (1812), тысячи голосовъ воскликнули Глинкѣ: «ведите насъ!» и тысячи людей двинулись за нимъ по одному слову: «впередъ»! Потому-то нѣкоторые воспитанники московскаго университета, юноши-патріоты, являлись къ нему, въ томъ же 1812 г., съ просьбами содѣйствовать ихъ усердію: «вашъ Русскій Вѣстникъ», говорили они ему, «воспламенилъ нашъ духъ; помогите намъ жертвовать собою отечеству». Искренняя дѣятельность Глинки мирила съ нимъ литературныхъ его противниковъ, другаго образа мыслей по всѣмъ другимъ предметамъ, но одного и того же понятія о необходимости воевать перомъ съ посягателями на честь и независимость народа. По тому же близкому и живому соотношенію съ публикой, Русскій Вѣстникъ получалъ изъявленія благодарности отъ многихъ жителей провинцій и пріобрѣлъ извѣстную степень политическаго значенія. Съ 1812 г., когда «жизнь сдѣлалась послѣднимъ условіемъ» горячаго патріота, Глинка становится виднымъ общественнымъ дѣятелемъ: онъ первый записался ратникомъ въ московское ополченіе, получилъ Владиміра 4-ой степени «за любовь къ отечеству, доказанную сочиненіями и дѣяніями» и 300,000 руб. экстраординарной суммы, которою могъ распоряжаться по усмотрѣнію. Государь возложилъ на него особыя порученія, по которымъ онъ былъ долженъ совѣщаться съ московскимъ главнокомандующимъ, графомъ Растопчинымъ. Эти порученія состояли въ томъ, чтобы успокоивать умы московскихъ жителей, внушать имъ единомысліе и осторожность, предостерегать отъ смятенія и робости. Для характеристики Глинки достаточно сказать, что триста тысячъ руб. остались въ казнѣ сполна: онъ не истратилъ изъ нихъ ничего, будучи убѣжденъ, что «для русскаго сердца достаточно силы слова, идущаго отъ души». Въ это время Русскій Вѣстникъ получилъ еще большее дѣйствіе. «Онъ облекся въ плоть и кровь», говоритъ кн. Вяземскій. «Одно заглавіе его было уже знамя. Глинка перенесъ свою литературу на площадь. Онъ попалъ на свою колею. Онъ былъ рожденъ народнымъ три-

буномъ, но трибуномъ законнымъ, трибуномъ правительства. Онъ умѣлъ по православному говорить съ православными. Рѣчами своими онъ успокоивалъ и ободрялъ народъ».

Недолговременна была красная пора журнала Глинки. «Бѣдный мой Русскій Вѣстникъ упадалъ», говоритъ онъ печально въ своихъ «Запискахъ». Я началъ прибавлять къ нему «Дѣтское Чтеніе», но и это предпріятіе мало имѣло хода. Если время приготовляетъ зданіе къ неизбѣжному паденію, тогда тщетны всѣ подмостки. Такъ случилось и съ Русскимъ Вѣстникомъ. Вызовы Минина, Пожарскаго и другихъ старожиловъ лѣтописей нашихъ утомляли слухъ. Духъ времени требовалъ освѣженія». Фактъ вѣрно разсказанъ, но объясненіе его только на-половину вѣрно. Не одно время здѣсь виновато. Конечно, съ прекращеніемъ обстоятельствъ, вызвавшихъ извѣстную дѣятельность, ослабѣваетъ и возбужденный ею интересъ; однакожъ зданіе можетъ стоять долго, если оно построено искуснымъ архитекторомъ, который кромѣ того отпускаетъ на его поддержку достаточный матеріалъ. У Глинки не было ни строительнаго искусства, ни способности выдерживать достойное направленіе. Въ печати онъ отличался такою же торопливостью, какъ и въ разговорѣ. Онъ, такъ сказать, писалъ походя, какъ иные походя ѣдятъ. Его скороговореніе и скорописаніе вошли въ пословицу. А при спѣшной работѣ некогда вдумываться въ предметъ, находить его точные признаки, цѣнить и взвѣшивать правильно. Не ощупью ступалъ онъ, какъ замѣчено однимъ изъ тогдашнихъ журналовъ, а бѣгомъ бѣгалъ онъ «въ темныхъ переходахъ оружейной палаты нравственныхъ русскихъ сокровищъ». Соображеніе уроковъ Зотова съ правилами Локка и Руссо, сличеніе наставленій Полоцкаго съ мыслями Декарта, Вольтера и Дидро суть не что иное, какъ сужденія на авось, выводы съ плеча. Они не далеко ушли отъ тѣхъ, которые сатира Воейкова придумала въ духѣ Глинки, а именно, что Расинъ укралъ Гоѳолію изъ Стоглава, а въ Андромахѣ подражалъ «Погребенію кота». Ни одинъ образованный читатель не могъ мириться съ подобными литературными странностями. Чувство національнаго достоинства всегда важно, и въ эпоху предстоящей отечеству опасности оно получаетъ особенное значеніе; но противоположеніе отечественнаго чужеземному въ благопріятномъ для народной гордости свѣтѣ тогда только достигаетъ цѣли, когда благопріятное въ то же время истинно, а не сочинено. Глинка, разумѣется, не выдумывалъ, но онъ часто думалъ видѣть то, чего на самомъ дѣлѣ не было. И въ другихъ работахъ онъ оставался вѣренъ своему темпераменту. Все у него дѣлалось на живую нитку. Русскую исторію писалъ онъ

шутя, по отзыву его пріятелей. Самъ онъ откровенно сознается, что и въ глаза не видалъ тѣхъ книгъ, на которыя ссылался въ подкрѣпленіе гипотезы о родствѣ славянъ съ руссами, а цитировалъ изъ нихъ мѣста по выпискамъ, приведеннымъ въ другихъ сочиненіяхъ. Кромѣ того, въ этой Исторіи, похвалы прошлому русскому переступали всякое чувство мѣры, такъ что, по выраженію Н. Полеваго, даже Святополкъ Окаянный, какъ онъ представленъ Глинкой, заткнетъ за поясъ любаго героя добродѣтели. Удивляться ли послѣ этого, что съ 1813 г. Русскій Вѣстникъ отошелъ въ сторону, уступивъ свое мѣсто «Сыну Отечества», основанному Н. Гречемъ въ 1812 г.? Знаменемъ этого журнала былъ также патріотизмъ, но издатель умѣлъ сообщить ему и литературный интересъ. Неудивительно также, что Русскій Вѣстникъ имѣлъ противниковъ. Они возставали не противъ основнаго начала журнала: здѣсь не могло быть разномыслія, а противъ исключительности убѣжденія, которое само по себѣ не подлежало ни сатирѣ, ни критикѣ, противъ крайняго понятія о національности. Одни изъ литераторовъ, не касаясь журнальнаго направленія, смѣялись надъ странностями и промахами Глинки. Другихъ оскорбляло «сомнѣніе Глинки въ любви русскихъ къ отечеству, грозившее сдѣлаться какъ бы заразительною болѣзнію». Для третьихъ (и эти смотрѣли на дѣло серьезнѣе) литературное старообрядство Глинки противорѣчило ходу отечественной цивилизаціи, возможной только при тѣснѣйшемъ сближеніи съ Европою. Въ своихъ упрекахъ защитникамъ исключительно-русскаго направленія они были руководимы также патріотизмомъ, который требовалъ вести Россію по пути общечеловѣческаго, европейскаго образованія. Подъ вліяніемъ этой мысли Цвѣтникъ представилъ, какъ Глинка, сначала обогрѣвшись на солнцѣ, которое Петръ I возжегъ на русскомъ небѣ, потомъ внезапно и добровольно бросился въ болото, изъ котораго преобразователь вытащилъ наше общество. По поводу драмы Глинки: «Мининъ», издатель Вѣстника Европы замѣтилъ, что авторъ ея пишетъ «для двунерстнаго сложенія и мучныхъ лавокъ».

Кромѣ «Мыслей въ слухъ на Красномъ крыльцѣ» и комедіи «Вѣсти или убитый живой», гр. Растопчинъ написалъ повѣсть: «Охъ, французы!» (1). Цѣль ея таже, что и прежнихъ сочиненій— возбудить національное чувство Русскихъ, отчужденныхъ иностраннымъ воспитаніемъ отъ отечества. Одаренный необыкновенными способностями, Растопчинъ былъ проникнутъ ненавистью къ чуждымъ вліяніямъ на современное ему общество. Онъ преслѣдовалъ

1) Нап. въ 10 № Отеч. Записокъ 1842 г.

не одно ослѣпленіе родителей, ввѣрявшихъ молодое племя руководству французовъ, но и всю систему веденія дѣлъ, оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ, когда замѣчалъ, что она идетъ въ сторону отъ чисто-русскаго направленія (¹). По званію московскаго главнокомандующаго (1812—1814) онъ обнаружилъ и рѣзкія отличія своего характера, о которомъ здѣсь не мѣсто говорить, и умѣнье, въ исключительную годину, дѣйствовать не только административными распоряженіями, но и словомъ къ народу. Если оригинально-умныхъ рѣчей его заслушивались самые умные и образованные люди, то «растопчинскія» афишки (1812) принадлежатъ къ замѣчательнымъ произведеніямъ. Растопчинъ не былъ записнымъ литераторомъ; онъ принимался за перо только въ особенныхъ случаяхъ, когда явное или тайное нашествіе враждебной намъ силы требовало воззваній къ національному чувству. Но живой, бойкій языкъ, не стѣсненный рутинерствомъ, меткое и рѣзкое остроуміе, своеобразность колкой и желчной сатиры ставятъ его въ число оригинальныхъ писателей нашихъ. Онъ, какъ говорится, не ходилъ въ карманъ за словомъ и не чувствовалъ ложнаго стыда, если слово являлось крупное, подъ пару его крупной мысли. Легко предугадывать, что бы изъ него вышло, еслибъ онъ посвятилъ себя исключительно литературѣ (²).

Необходимо также сказать нѣсколько словъ о коллекціи каррикатуръ, которыя въ 1812 г. выходили въ Петербургѣ. Она заключаетъ въ себѣ гравюры иглою (черныя и большею частію иллюминованныя), гравюры подъ карандашъ и гравюры aqua tinta, съ замысловатыми, весьма часто въ народномъ духѣ сложенными подписями. Сюжетами ихъ служатъ событія и анекдоты отечественной войны, по разсказамъ журналовъ, въ особенности Сына Отечества. Большинство картинокъ принадлежитъ талантливому скульптору Ивану Ивановичу Теребеневу, умершему въ молодыхъ лѣтахъ (1815). Кромѣ Теребенева, занимался составленіемъ подобныхъ же картинокъ Иванъ Алексѣевичъ Ивановъ († 1848), инспекторъ рисовальныхъ классовъ въ Академіи художествъ, извѣстный по рисункамъ къ роскошнымъ изданіямъ басенъ Хемницера и Крылова, и Алексѣй Гавриловичъ Венеціановъ, отецъ живописи русскаго

---

¹) Воротясь изъ Владиміра въ столицу, по выходѣ изъ нея французовъ, Растопчинъ, въ письмѣ къ одному пріятелю, иронически замѣтилъ, что теперь министръ финансовъ и другіе его товарищи, вѣроятно, примутся за «русскія» дѣла (Письма Растопчина къ Д. И. Киселеву, въ 12 № Рус. Архива 1863 г.).

²) Растопчинъ и французскимъ языкомъ владѣлъ такъ же мастерски, какъ и русскимъ. Его «mes mémoires ou moi au naturel écrits en dix minutes» такъ оригинальны, что въ переводѣ теряютъ половину своей прелести.

быта († 1846). Гравюры расходились въ большомъ количествѣ, служа средствомъ или для осмѣянія врага, или для возбужденія къ нему ненависти. Чтобы познакомить съ этимъ проявленіемъ патріотическаго духа, беремъ изъ коллекціи нѣсколько картинокъ. Подъ одной изъ нихъ: *Вороній супъ* (¹) подписаны стихи:

Бѣда намъ съ великимъ нашимъ Наполеономъ!
Кормилъ насъ въ походѣ изъ костей бульономъ.
Въ Москвѣ попировать свистѣлъ у насъ зубъ:
Не тутъ-то! похлебаемъ же хоть вороній супъ.

Другая представляетъ Наполеона и его воиновъ въ снѣгу по грудь. Двое маршаловъ спрашиваютъ его: какъ прикажете написать въ бюллетенѣ?—Пишите (отвѣчалъ онъ): остановились на зимнихъ квартирахъ. Заглавіе третьей: *Русскій ратникъ домой возвращаясь.* На ружейномъ стволѣ висятъ три француза, двое другихъ воткнуты на штыкѣ; сынъ ратника, мальчикъ лѣтъ четырехъ, ѣдетъ верхомъ на французскомъ знамени; внизу слова ратника, идущаго за сыномъ съ ружьемъ на плечѣ: «для курьезу ребятишкамъ бирюлекъ принесъ». Четвертая: *Крестьянинъ Иванъ Долбила кладетъ вилами французовъ на возъ!* съ подписью: «вотъ и вилы тройчатки пригодились убирать да укладывать; ну, мусье, полно вздрягивать». Пятая: *Французы голодныя крысы въ командѣ у старостихи Василисы.* Старостиха на конѣ; двое плѣнныхъ французовъ становятся передъ нею на колѣни, а третьяго старуха ведетъ на веревочкѣ. Въ подписи слова старостихи:

Добрыхъ людей
Да званыхъ гостей
Съ честію у насъ встрѣчаютъ
И въ передній уголъ сажаютъ;
А незваныхъ нахаловъ,
Грабителей басурмановъ
Съ безчестьемъ прогоняютъ
И кулакомъ провожаютъ.
Знать вы въ Москвѣ-то не солоно похлебали,
Что хуже прежняго и тоще стали,
А кабы занесло васъ въ Питеръ,
Онъ бы вамъ всѣ бока повытеръ.

Шестая: Наполеонъ и его маршалъ пляшутъ въ присядку, подъ пѣсню: «Ахъ, скучно мнѣ на чужой сторонѣ». Одинъ русскій крестьянинъ постегиваетъ маршала плетью, а другой—Наполеона розгой, приговаривая (въ подписи):

---

¹) Тотъ же самый сюжетъ разсказанъ въ баснѣ Крылова: Ворона и Курица.

И мы твою, братъ, слышали погудку:
Въ присядку попляши теперь подъ нашу дудку ([1]).

Наконецъ седьмая: *Консиліумъ*. На сценѣ два доктора. Одинъ изъ нихъ, щупая у Наполеона пульсъ и голову, передаетъ другому симптомы и вмѣстѣ причины болѣзни: «Языкъ бѣлехонекъ (въ наказаніе за то, что много лгалъ въ бюллетеняхъ).—Пульсъ едва бьется! (отъ чрезмѣрнаго кровопусканія).—Голова въ страшномъ жару (отъ того, что не удались сумасбродные планы)».—Наполеонъ замѣчаетъ: «Надобно скорѣе убираться въ Парижъ. Видно въ Россіи климатъ мнѣ не благопріятствуетъ».

При чтеніи своего «разсужденія о любви къ отечеству» (1812), Шишковъ имѣлъ передъ собою хотя многочисленную, но избранную публику. Его слово получило высшее и обширнѣйшее дѣйствіе, когда онъ былъ назначенъ статсъ-секретаремъ при императорѣ Александрѣ въ отечественную и заграничную войны. Вся Россія внимала въ это время манифестамъ, грамотамъ, рескриптамъ, приказамъ по арміи и другимъ извѣщеніямъ, выходившимъ изъ подъ его пера ([2]). Не ему, конечно, принадлежало содержаніе того, что доводилось до всенароднаго свѣдѣнія, но внушаемое свыше онъ проводилъ въ своей рѣчи, въ которой нельзя не видѣть духа вѣры и патріотизма, непреклоннаго сопротивленія врагу, христіанской покорности провидѣнію и христіански великодушнаго пользованія успѣхами. Если изъ двухъ лицъ, Карамзина и Шишкова, имѣвшихся въ виду для занятія мѣста государственнаго секретаря, Александръ остановился на послѣднемъ, то это предпочтеніе было ему оказано по основательнымъ причинамъ. При тогдашнихъ обстоятельствахъ, перо Шишкова оказывалось болѣе сподручнымъ. Какъ литераторъ, онъ, конечно, стоялъ ниже Карамзина, но въ воззваніяхъ къ народу литературная обработка рѣчи занимаетъ не первое мѣсто. Языкъ Шишкова, образованный на духовныхъ и старинныхъ книгахъ, слышнѣе, непосредственнѣе доходилъ до большинства грамотныхъ и неграмотныхъ. Съ перваго же раза чувствовался въ немъ голосъ русскаго книжника, крѣпкаго родной старинѣ, не разъединеннаго съ нею чужеземными новизнами,—голосъ искренній и твердый, хотя не блистающій особенными красотами. Стихи А. Пушкина:

Сей старецъ дорогъ намъ: онъ блещетъ средь народа
Священной памятью двѣнадцатаго года,

поэтически и вѣрно выражаютъ историческую заслугу Шишкова.

---

[1]) Пѣсня: «За горами, за долами, Бонапарте съ плясунами», сочиненная Кованинскимъ, сдѣлалась народною.

[2]) Собраніе ихъ издано Шишковымъ въ 1816 г.

«Бесѣда любителей русскаго слова» (1811—1816) съ своей стороны трудилась надъ распространеніемъ мысли о томъ, какъ вредна подражательность и какъ важно самобытное развитіе. Хотя она поставила себѣ задачей «обогащать и возвышать родную словесность красотами священнаго и народнаго языка», но уже изъ понятія ея членовъ о неразрывной связи языка съ общественною нравственностью было очевидно, что, говоря объ одномъ предметѣ, они не могли не касаться и дѣйствительно касались другаго. Въ «Чтеніи», издававшемся Бесѣдою ([1]), не мало статей, направленныхъ къ прославленію и оборонѣ всего русскаго, къ отраженію не-русскаго. Статья Филатова «о несправедливомъ сужденіи иностранныхъ писателей о Россіи», опровергаетъ мнѣніе историковъ, въ особенности Кондильяка и Миллота, которые на русскихъ до XVIII вѣка смотрѣли какъ на дикарей, живущихъ въ первобытномъ состояніи. Она доказываетъ, что въ Россіи до Петра существовали уже законы, воинство, торговля, словесность, художества. «Краткое начертаніе о славянахъ и славянскомъ языкѣ» (Д. Воронова) зашло въ своихъ гипотезахъ слишкомъ отважно и далеко. Изъ мысли о языкѣ, какъ отпечаткѣ жизни и нравственныхъ силъ народа, авторъ выводитъ, что «славяне, наши предки, долженствовали быть и дѣйствительно были народъ могущественный и твердый, ибо въ языкѣ его вездѣ открываемъ отличительныя свойства силы, твердости и богатства, а сіе также убѣждаетъ вѣрить, что онъ могъ быть господствующимъ въ Европѣ, особливо въ такое время, когда могущество славянъ нерѣдко потрясало основанія константинопольскаго престола и когда римская имперія готова была низринуться въ пропасть со степени прежняго своего величія». «Письмо въ Бесѣду» ([2]) есть переводъ (вѣроятно псевдопереводъ) рѣчи одного жителя Померанiи, доктора Пуфа, къ своимъ одноземцамъ, восхваляющей «грубыхъ Поморцевъ или Поморянъ» за то именно, что они грубы, т. е. не усвоили чужихъ нравовъ и остались настоящими нѣмцами. «Что такое мы были?» спрашиваетъ авторъ? «Мы были, когда все наводнено было чужеземцами, истые нѣмцы.... Покуда мы отечество свое любить и нравы свои сохранять будемъ, до тѣхъ поръ не перестанемъ, гдѣ бы мы ни были, быть поморянами, по пословицѣ: хоть въ Римѣ будемъ, а все будемъ поморяне». Басня Крылова «Червонецъ» (1812) выставляетъ вредъ наружно-европейской образованности, подъ кото-

---

[1]) Чтеніе въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова, 19 книжекъ (1811—1815). Вторая книжка раздѣлена на двѣ части.

[2]) Чтеніе, кн. 19 (1815).

рою многіе разумѣютъ «прельщеніе роскоши и развратъ». Ложная образованность, говорится въ нравоученіи басни, снимая грубую кору съ людей, ослабляетъ ихъ духъ, портитъ нравы, разлучаетъ съ естественной простотой, сообщаетъ имъ мишурный блескъ и вмѣсто славы навлекаетъ на нихъ безславье.

Дѣйствія Шишкова и его послѣдователей произвели ли желаемое дѣйствіе, или были голосомъ вопіющихъ въ пустынѣ? Отказалось ли русское общество отъ подражанія французамъ, даже послѣ 1812 года? Если дѣло идетъ объ иностранномъ воспитаніи юношества, на что въ особенности и нападалъ Шишковъ, то современники отвѣчаютъ отрицательно. Вотъ что сказано въ журналѣ Амфіонъ (1815) по случаю разсказа о какой-то Софіи, отказавшей своему жениху, русскому офицеру, и вышедшей замужъ за француза, спасеннаго этимъ офицеромъ при Тарутинѣ: «Казалось бы, что послѣ недавнихъ происшествій поклоненіе французамъ должно исчезнуть. Иные думаютъ, что ему надлежало даже обратиться въ вѣчную народную ненависть. Это правда. Но, къ сожалѣнію, тѣже мадамы и тѣже гувернеры опять приняты учителями въ тѣ самые домы, которые были разграблены руками сихъ учителей» (¹). Мы увидимъ, что сатирѣ и комедіи суждено будетъ снова преслѣдовать неисправимое обезьянство русскихъ, отсутствіе въ нихъ народнаго любочестія и духа независимости. А съ другой стороны, лѣтъ черезъ шесть послѣ отечественной войны начали раздаваться иные голоса, осуждавшіе, во имя достойнѣйшихъ началъ, слѣпую ненависть къ иностранцамъ, которая, какъ крайность, сходится съ другою крайностью—слѣпою любовью ко всему иностранному.

§ 11. Одновременно съ «охранительнымъ» направленіемъ внутренней политики, выразителемъ котораго былъ Карамзинъ и въ «Исторіи», и въ «Запискѣ о древней и новой Россіи» и образцомъ котораго, по мнѣнію того же лица, служила правительственная мудрость Екатерины II, развивалось другое, ему противоположное—«творческое» (какъ назвалъ его Карамзинъ), то есть прогрессивное, въ либеральномъ духѣ. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежалъ самому правительству, почему «охранители» и смотрѣли на его реформы, какъ на отступленіе отъ заявленнаго въ манифестѣ обѣщанія — царствовать по духу Екатерины Великой. За правительствомъ, по открытому имъ пути, пошли общество, въ лицѣ болѣе развитыхъ своихъ членовъ, и литература, исполняющая двоякую роль: роль провозвѣстницы идеальныхъ стремленій и роль выразительницы той, большей или меньшей, степени въ

¹) Амфіонъ, № 1.

достиженіи идеаловъ, на которой стоитъ общество въ извѣстную эпоху.

Исторія царствованія императора Александра I показываетъ, что, при самомъ восшествіи на престолъ, онъ приступилъ къ реформамъ различныхъ частей управленія, находя состояніе этихъ частей не соотвѣтственнымъ потребностямъ времени. Одною изъ главныхъ и постоянныхъ его заботъ было освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Къ постепенному улучшенію ихъ быта клонились первыя правительственныя мѣры. Всѣмъ свободнымъ состояніямъ, не исключая и казенныхъ крестьянъ, дано право пріобрѣтать на свое имя недвижимую собственность; крестьяне могли быть увольняемы на добровольныхъ условіяхъ съ ихъ помѣщиками; въ 1804 г. утверждено положеніе о лучшемъ устройствѣ лифляндскихъ крестьянъ. Чтобы сильнѣе подвинуть указанныя мѣры, государь изъявлялъ особенное благоволеніе лицамъ, внявшимъ его желанію. Благоволеніе должно было свидѣтельствовать, «сколь сіе похвальное дѣяніе (увольненіе крестьянъ) пріятно сердцу его величества» (¹). Періодическія изданія министерства внутреннихъ дѣлъ: Санктпетербургскій журналъ (1804—1809) и Сѣверная почта (1809—1820) были первымъ проявленіемъ правительственной гласности: они знакомили публику съ дѣятельностью министерства, особенно поставляя на видъ слѣдствія указовъ, которыми, на основаніи свободы и собственности, устраивается благоденствіе крестьянъ. Правительственные органы печати сознательно допускали оглашеніе мѣръ, предначертанныхъ или дѣйствующихъ, съ обозначеніемъ выгодъ, которыя могутъ принести первыя и которыя уже принесены вторыми. Въ статьѣ «О пользѣ просвѣщенія», переведенной изъ Бентама (²) указана польза «публичныхъ бумагъ» (печатнаго слова): «помощію ихъ всего удобнѣе руководствовать общее мнѣніе; помощію ихъ просвѣщеніе нисходитъ отъ правительства къ народу или восходитъ отъ народа къ правительству. Чѣмъ болѣе въ нихъ свободы, тѣмъ лучше можетъ сіе послѣднее видѣть направленіе общаго мнѣнія и тѣмъ надежнѣе можетъ оно дѣйствовать». Чтобы возбудить въ обществѣ интересъ къ тѣмъ знаніямъ, которыя непосредственно относились къ совершеннымъ или ожидаемымъ преобразованіямъ, положено было заняться переводомъ капитальныхъ

¹) Сѣверная почта 1811, № 59, въ извѣстіи о пожалованіи полтавскому помѣщику Сахновскому Владиміра 3-й степени, который повелѣно было генералъ-губернатору вручить при особомъ рескриптѣ въ собраніи дворянъ.

²) С.-п.-б. журналъ 1804 кн. 2, второй отдѣлъ, назначенный для разсужденій и переводовъ касательно предметовъ управленія.

сочиненій политическихъ и политико-экономическихъ, о чемъ государь извѣщалъ своего воспитателя Лагарпа, вскорѣ по вступленіи на престолъ. Такимъ образомъ явились на русскомъ языкѣ: «Разсужденіе о преступленіяхъ и наказаніяхъ, Беккаріи» (1803), «Разсужденіе о гражданскомъ и уголовномъ законоположеніи, Бентама» (1805 — 1811), «О существѣ законовъ, Монтескье» (1814) ([1]), «Изслѣдованіе свойства и причинъ богатства народовъ, Адама Смита» (1803—1806), «Политическая экономія или о государственномъ хозяйствѣ, Верри» (1810). Бентамъ пользовался особеннымъ авторитетомъ: многія статьи изъ его сочиненій переводились для неоффиціальнаго отдѣла С.-петербургскаго журнала; кромѣ того, мы входили съ нимъ и въ особенныя сношенія ([2]). Знакомство съ ученіемъ Адама Смита вмѣнялось въ достоинство, какъ знакъ отлично образованнаго, передоваго человѣка ([3]). Указы 1801 и 1803 г. вызвали замѣчательныя по тому времени сочиненія. Одно изъ нихъ есть философско-политическая диссертація объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи, написанная на степень доктора и напечатанная въ Геттингенѣ ([4]), гдѣ ея авторъ, Андрей Кайсаровъ, слушалъ лекціи университетскихъ профессоровъ. Цѣль этого труда — показать всѣ выгоды, которыя произойдутъ отъ уничтоженія крѣпостнаго права для самихъ освобожденныхъ и для государства вообще, — выгоды относительно личнаго значенія крестьянъ, земледѣлія, народонаселенія, торговли, промышленности, образованія. Въ заключеніи авторъ касается способа освобожденія крестьянъ, находя, что оно должно совершиться не вдругъ, а постепенно, съ разумной къ нему подготовкой. Второе сочиненіе вышло изъ-подъ пера польскаго графа Стройновскаго: «О условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами» (1809). Одна изъ его главъ развиваетъ ту же мысль, что и Кайсаровъ, то есть, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ крестьяне получили личную свободу и собственность, образованіе преуспѣваетъ, народонаселеніе увеличивается, земледѣліе улучшается, изобиліе и богатство возрастаютъ. Вопросы и сужденія о крѣпостномъ правѣ, равно какъ и о другихъ предметахъ подобнаго рода не подвергались стѣсненіямъ,

[1]) Переводы напечатаны по повелѣнію государя и посвящены его имени.

[2]) Ст. г. Пыпина: «Русскія отношенія Бентама» (В. Евр. 1869, февраль и апрѣль).

[3]) Письмо Карамзина къ Дмитріеву, 6 іюля 1817.

[4]) De manumittendis per Russiam servis, 1806. Кайсаровъ убитъ въ Бородинскомъ сраженіи. Выборомъ ученыхъ занятій и намѣреніемъ посвятить себя профессорской дѣятельности онъ былъ какъ бы исключеніемъ изъ дворянъ, которые смотрѣли на подобную карьеру, какъ на низкую, недостойную ихъ сословія.

на основанiи цензурнаго устава (1804 г.), которымъ было разрѣшено изслѣдованiе всякой истины, «относящейся до гражданскаго состоянiя, законоположенiя, управленiя государственнаго, или какой-бы ни было отрасли управленiя» (§ 22). Редакцiя С.-Петербургскаго журнала приглашала читателей сообщать ей сочиненiя, до предметовъ управленiя касающiяся.

Съ 1809-го года начинается второй, усиленный перiодъ внутреннихъ преобразованiй, который долженъ былъ различныя административныя мѣры привести къ органическому единству, завершить ихъ общимъ уложенiемъ, такъ чтобы всѣ части управленiя дѣйствовали согласно одна съ другими. Устройство всей государственной системы имѣло цѣлiю водворить строгiй порядокъ, замѣнить произволъ законностью, обязать извѣстною отвѣтственностью тѣхъ, которымъ ввѣрялось управленiе, обезпечить общественные интересы и права каждаго, поставивъ ихъ въ зависимость отъ учрежденiй, а не отъ лицъ. Выполненiе этой задачи, по мысли государя, возложено было имъ на Сперанскаго, первый и главный трудъ котораго состоялъ въ окончательномъ образованiи государственнаго совѣта и въ постановкѣ отношенiй къ нему министерствъ и сената (1). Тѣмъ же государственнымъ дѣятелемъ была выработана мѣра, сильно подвинувшая высшее образованiе: указъ 1809 г. даровалъ большiя служебныя преимущества лицамъ, кончившимъ университетскiй курсъ, сравнительно съ тѣми, которые не были въ университетѣ и которымъ для прiобрѣтенiя такихъ же правъ слѣдовало выдержать особо-установленный экзаменъ. Этою мѣрою дворянство, пренебрегавшее высшимъ ученiемъ ради скорѣйшаго поступленiя на службу, принуждено было помириться съ тою истиной, что несравненно полезнѣе провести годы преждевременнаго служенiя въ той школѣ, которая готовитъ серьезныхъ гражданъ.

За окончанiемъ войны съ Наполеономъ наступилъ третiй перiодъ въ томъ направленiи, которое было проложено самимъ правительствомъ. На защиту отечества вооружились всѣ русскiе безъ различiя, какъ лучшiе по уму и образованiю, между которыми находилось много литераторовъ, такъ и необразованные. Для тѣхъ и для другихъ, особенно для первыхъ, не могло пройдти безплодно ихъ непосредственное знакомство съ Европой вообще, съ Францiей въ особенности. Отсюда вынесли они понятiе о новыхъ учрежденiяхъ, которыя даны были этой странѣ по настойчивому желанiю

(1) Сперанскiй и его государственная дѣятельность, Ѳ. Дмитрiева (Рус. Архивъ 1868).

императора Александра. Возвратясь въ отечество, они и въ разговорахъ и печатнымъ словомъ распространяли усвоенные ими взгляды и понятія, относящіеся къ сферѣ государственнаго и гражданскаго устройства. Политика заняла первое мѣсто въ ихъ бесѣдахъ, какъ прежде, въ эпоху Екатерины II, занимала умы философія энциклопедистовъ. Къ именамъ Адама Смита и Бентама присоединились имена Бенжаменъ-Констана и другихъ публицистовъ, принявшихъ на себя политическое воспитаніе французскаго народа. Военное сословіе не только не отдалялось отъ такого настроенія, но обнаружило его даже прежде другихъ, такъ какъ заключало въ своей средѣ не малое число образованныхъ и литературныхъ силъ. Въ 1816 г., въ помѣщеніи гвардейскаго штаба, положено было основаніе библіотеки, гдѣ офицеры могли заниматься чтеніемъ отборныхъ и полезныхъ книгъ. Вмѣстѣ съ этимъ, по соизволенію государя, образовалось «общество военныхъ людей», которое въ теченіи трехъ лѣтъ (1817 — 1819) издавало Военный журналъ. Въ торжественномъ собраніи этого общества, черезъ годъ по его образованіи, извѣстный литераторъ, Ѳ. Н. Глинка, состоявшій при начальникѣ гвардейскаго штаба, генералѣ Сипягинѣ, читалъ «Разсужденіе о необходимости дѣятельной жизни, ученыхъ разсужденій и чтенія книгъ» для человѣка вообще и для воина въ особенности (напеч. 1818). Рекомендуя воину заниматься не одними военными науками, но и другими, онъ особенно выставляетъ на видъ пользу знаній политическихъ, изложенныхъ въ сочиненіяхъ Адама Смита, Сея, Стюарта, Шлецера, Ганиля. Тотъ же авторъ, въ брошюрѣ: «Нѣсколько мыслей о пользѣ политическихъ наукъ» (1819), придаетъ этимъ наукамъ тѣмъ большую цѣнность, что онѣ, по его мнѣнію, «всегда служатъ вѣрнымъ признакомъ, неразлучными спутниками народнаго просвѣщенія»; за тѣмъ онъ объясняетъ начала политической экономіи и науки о государственныхъ финансахъ. Означенное умонастроеніе не осталось безъ вліянія: военные люди стали относиться серьезнѣе къ самообразованію, думать объ установкѣ болѣе разумныхъ нравственныхъ и общественныхъ началъ. Перемѣну въ образѣ жизни и держаніи лучшаго военнаго люда нельзя было не замѣтить: Д. Давыдовъ, поэтъ и партизанъ, вспоминая прежнюю гусарскую жизнь, сѣтовалъ, что теперь отъ новой военной молодежи только и слышишь толки о Жомини (авторѣ многихъ военныхъ сочиненій) (1). Причина новаго настроенія указана И. В. Васильчиковымъ, командиромъ гвардейскаго корпуса, въ его отвѣтѣ на-

1) Жомини, да Жомини,
А объ водкѣ ни полслова (*Пѣсня стараго гусара*).

чальнику главнаго штаба, князю П. М. Волконскому, который удивлялся несходству прежняго съ настоящимъ: «Причину надобно искать въ различія времени. Немногіе изъ насъ (военныхъ) читали тогда газеты, никто не говорилъ о политикѣ; служили утромъ и веселились вечеромъ (¹)». На ряду съ стараніемъ офицеровъ возвысить уровень своей образованности возникла мысль о грамотности солдатъ, распространенію которой много содѣйствовали учрежденныя при нѣкоторыхъ полкахъ школы взаимнаго обученія (ланкастерскія).

Общественное мнѣніе настраивалось согласно съ внушеніями, исходившими отъ лицъ оффиціальныхъ. Журналы, болѣе или менѣе выражающія духъ общества, приняли такой же тонъ. «Духъ журналовъ» (1815—1821), т. е. извлеченіе всего лучшаго и любопытнѣйшаго изъ другихъ журналовъ, издававшійся Ященковымъ, главное вниманіе обращалъ на политику и государственное устройство. Въ особомъ отдѣлѣ его: «Замѣчанія о внутреннемъ состояніи Россіи», предполагалось помѣщать статьи о великихъ способахъ и выгодахъ нашего отечества, о нѣкоторыхъ недостаткахъ и злоупотребленіяхъ, средствахъ къ исправленію оныхъ и къ возвышенію тѣмъ благоденствія нашего. Хотя предположенный отдѣлъ и не былъ допущенъ, но въ книжкахъ журнала много печаталось статей, прямо или косвенно сюда относящихся, хотя и стоявшихъ подъ другими рубриками, наприм.: «письмо о выгодахъ хорошаго хозяйства», восхваляющее судьбу удѣльныхъ крестьянъ, сравнительно съ помѣщичьими; «замѣчанія о земледѣліи, мануфактурахъ и торговлѣ въ отношеніи къ Россіи»; «письма объ Америкѣ», «система почтъ въ Лондонѣ съ примѣненіемъ къ Россіи» и др. Вообще въ содержаніи «Духа журналовъ» слышался голосъ благонамѣренной и дѣльной публицистики. Другой журналъ (Сѣверный Наблюдатель, 1817), хотя и неважный по своему внутреннему значенію, тѣмъ не менѣе, въ «политическихъ запискахъ» самого издателя, П. Корсакова, проводилъ мысль о свободѣ, отличая ее отъ вольности, какъ противоположной ей крайности. Выраженіе духа настоящаго времени видѣлъ онъ въ терпимости вѣръ и терпимости мнѣній: «мысли благонамѣренныхъ людей изъясняются вслухъ, и если еще встрѣчаются внутри государствъ частные враги просвѣщенія и тираны умовъ, то великодушіе царей не замедлитъ и отъ нихъ освободить человѣчество» (²). Изъ всѣхъ знаній «Сѣверный Наблюдатель» отдавалъ главный почетъ наукамъ и художествамъ свободнымъ (studia liberalia), такъ какъ онѣ обра-

¹) Письмо 11 сентября 1820 (Рус. Архивъ 1875, кн. 5).
²) № 1.

зовали свободу мыслей и въ особенности свободу мыслей политическихъ: «Одно изъ отличій свободно мыслящаго правительства есть позволеніе изъяснять ему вслухъ свои мысли о такихъ предметахъ, въ которыхъ всѣ сословія государства принимаютъ участіе. Публичныя о томъ сужденія даютъ нерѣдко поводъ къ опроверженію настоящаго и къ предложенію новыхъ средствъ, о которыхъ, можетъ быть, до того и не думали» (¹).

Годы 1818 и 1819-ый были временемъ сильнѣйшаго сочувствія періодической печати къ означеннымъ идеямъ, возбужденнаго крупнымъ событіемъ — рѣчью Императора Александра при открытіи польскаго сейма (15 марта 1818). Эта рѣчь, по выраженію Карамзина, сильно отозвалась въ молодыхъ сердцахъ. Особенное вниманіе привлекли къ себѣ слова Государя, что «законно-свободныя постановленія служатъ непрестаннымъ предметомъ его помышленій и что законы должны ограждать священнѣйшія блага: безопасность личную, собственность и свободу мнѣній». По поводу этой рѣчи, профессоръ Царскосельскаго Лицея, Куницынъ, въ журнальной статьѣ (²) показываетъ доброту представительнаго правленія, подтверждая свое мнѣніе выпискою слѣдующаго мѣста изъ рѣчи Государя: «законно-свободныя постановленія, коихъ священныя начала смѣшиваютъ съ разрушительнымъ ученіемъ, угрожавшимъ въ наше время бѣдственнымъ паденіемъ общественному устройству, не суть мечта опасная; напротивъ, таковыя постановленія, когда приводятся въ исполненіе по правотѣ сердца и направляются съ чистымъ намѣреніемъ къ достиженію полезной и спасительной для человѣчества цѣли, то совершенно согласуются съ порядкомъ и общимъ содѣйствіемъ утверждаютъ истинное благоденствіе народовъ». Въ томъ же 1818 г., но только позднѣе варшавской рѣчи, С. С. Уваровъ, президентъ Академіи наукъ и попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа, въ торжественномъ собраніи Главнаго педагогическаго института, по поводу открытія въ немъ каѳедръ персидскаго и арабскаго языковъ и возобновленія каѳедры исторіи, произнесъ рѣчь, которая произвела значительное впечатлѣніе и заслужила согласную похвалу журналовъ (³). Императоръ Александръ названъ въ этой рѣчи красноречивымъ защитникомъ священныхъ правъ человѣчества и гражданства, на незыблимости которыхъ основывается высокое политическое образованіе учрежденій. «Мы», говоритъ Уваровъ, «по примѣру Европы, начинаемъ помышлять о свободныхъ понятіяхъ... Политическая

¹) Ib. № 2.
²) О конституціи (Сынъ Отеч. 1818, № 18).
³) Рѣчь изд. 1818 г.

свобода не есть состояніе мечтательнаго благополучія, до котораго можно бы было достигнуть безъ трудовъ. Политическая свобода, по словамъ знаменитаго оратора нашего вѣка (лорда Эрскина), есть послѣдній и прекраснѣйшій даръ Бога: но сей даръ пріобрѣтается медленно, сохраняется неусыпною твердостію; онъ сопряженъ съ большими жертвами, съ большими утратами». Воейковъ написалъ похвальное посланіе къ оратору ([1]), а Куницынъ посвятилъ двѣ статьи разсмотрѣнію рѣчи ([2]). Приведя слова Уварова, что «мы начинаемъ помышлять о свободныхъ понятіяхъ», критикъ замѣчаетъ: «конечно, такъ; но мы давно о нихъ помышляли; никогда не были они чужды россійскому народу»,—и за тѣмъ приводитъ изъ исторіи доказательства своей мысли. «Опытъ теоріи налоговъ», Н. Тургенева (1818), возбудилъ, не менѣе рѣчи Уварова, сильное вниманіе журналистики. Въ этомъ серьезномъ трудѣ для читателей имѣло особенную важность не столько главное его содержаніе, о которомъ, какъ о специальномъ предметѣ, могли судить весьма немногіе, сколько прикосновенные къ нему предметы, именно замѣтки о крѣпостномъ правѣ и о гласности ([3]). Къ тому же авторъ касался новаго духа времени, жалѣя, что общей дѣятельности, общему стремленію къ образованности и благосостоянію препятствовало существованіе рабства. Критикомъ этой книги явились Куницынъ ([4]) и Ѳ. Глинка ([5]). Наконецъ, упомянемъ еще о книгѣ Куницына: «Право естественное», знакомящей какъ съ образомъ мыслей автора, такъ и вообще съ направленіемъ тогдашнихъ умовъ ([6]).

Само собою разумѣется, что вышеизложенные факты не могли заглушить вопроса о крѣпостномъ правѣ; напротивъ онъ, находя себѣ опору въ рѣчи Государя при открытіи варшавскаго сейма, еще сильнѣе выдвинулся на передній планъ. Періодическая литература съ большею настойчивостью проводила мысль о личной

[1]) В. Евр. 1819, № 5.

[2]) Сынъ Отечества 1818, №№ 23 и 24.

[3]) Напр. стр. 118—121, 124—125, 274—275 (2-е изд. 1819).

[4]) С. От. 1818, №№ 50 и 51.

[5]) Въ брошюрѣ: Нѣсколько мыслей о пользѣ политическихъ наукъ (1819).

[6]) Въ двухъ частяхъ: 1-ая часть (право чистое)—1818; 2-ая (право прикладное)—1820. По выходѣ второй части, заслужившей одобрительный отзывъ главнаго правленія училищъ, предполагалось поднести ее Государю, но чрезъ нѣсколько дней, согласно съ мнѣніемъ члена правленія Рунича, книга была запрещена, изъята изъ продажи и отобрана какъ изъ библіотекъ, такъ и отъ частныхъ лицъ, успѣвшихъ пріобрѣсть ее («Магницкій» въ Рус. Вѣст. 1864, іюнь). Но такой исходъ дѣла объясняется уже поворотомъ внѣшней и внутренней политики, съ 1820 года, въ противоположную сторону.

свободѣ крестьянъ. Укажемъ на статьи: «о рабствѣ въ иностранныхъ государствахъ», и «взглядъ на постепенный упадокъ рабства и крѣпостнаго состоянія въ Европѣ и въ ея колоніяхъ» (1). Особенное дѣйствіе произвела рѣчь малороссійскаго генералъ-губернатора, кн. Н. Г. Репнина, при открытіи дворянскихъ собраній въ Полтавѣ и Черниговѣ (3 и 20 января 1818) (2). Напомнивъ дворянамъ волю Государя, чтобы благоустройство внутреннихъ дѣлъ частію было совершаемо самимъ дворянствомъ, а именно — попеченіями его о судьбѣ крѣпостныхъ крестьянъ, начальникъ края обратился потомъ къ благородному сословію съ слѣдующими словами: «Корыстолюбіе изгнано будетъ изъ сердецъ вашихъ; вы не будете изыскивать все, что можетъ дать вамъ крестьянинъ доходу, а то, что вы можете отъ него требовать, не уменьшая благоденствія его; напротивъ, вы изыщете способы увеличить оное; вы пожертвуете для сего изъ доходовъ вашихъ; вы устроите училища для малолѣтнихъ, больницы для недугующихъ; вы улучшите хижины крестьянъ вашихъ; вы снабдите неимущихъ скотомъ и плугами для воздѣлыванія земли; вы займетесь нравственностію подвластныхъ вамъ и отвлечете ихъ отъ порока, столь между простолюдинами здѣсь обыкновеннаго, и не будете на немъ основывать дохода своего. Но сіи отеческія попеченія ваши да не будутъ подвержены кратковременности жизни человѣческой: основайте и на будущія времена благоденствіе чадъ и внучатъ вашихъ. По мѣстнымъ познаніямъ вашимъ изыщите способы, коими, не нарушая спасительной связи между вами и крестьянами вашими, можно бы было обезпечить ихъ благосостояніе и на грядущія времена, опредѣливъ обязанности ихъ. Чрезъ сію единственную мѣру предохраните вы ихъ навсегда отъ тѣхъ притѣсненій, которыя, по несчастію, еще досамѣ случаются; избавите правительство отъ горестной обязанности преслѣдовать оныя, а благородное сословіе ваше отъ нареканія, происходящаго чрезъ поступки людей, недостойныхъ быть сочленами онаго». На сколько этими и другими такого же смысла заявленіями, исходившими какъ отъ правительства и его органовъ, такъ и отъ частныхъ лицъ, путемъ печати, были взволнованы и напуганы многіе, достаточно показываютъ письма Сперанскаго къ Столыпину, 1818 и 1819-го годовъ (3).

---

1) Первая въ Духѣ журналовъ (1818, кн. 12); вторая въ В. Евр. (1819, № 14), переведена изъ Шторхова курса политической экономіи, который былъ напечатанъ на иждивеніи Государя.

2) Изданная отдѣльно, она была перепечатана въ Духѣ журналовъ (1818, № 20).

3) Рус. Архивъ 1871.

Направленіе, сложившееся подъ союзнымъ дѣйствіемъ указанныхъ вліяній, получило названіе либеральнаго, а лица, его усвоившія, отличались именемъ либераловъ или, по тогдашнему, либералистовъ. Въ образѣ мыслей этихъ лицъ, иначе въ либеральныхъ идеяхъ, выражался духъ времени. «Нынѣшній духъ времени», сказано въ одномъ журналѣ, «на обветшалыхъ развалинахъ творящій новыя лучшія зданія, есть самый благодѣтельный: посему-то онъ оживляется содѣйствіемъ самихъ государей, имѣющихъ благороднѣйшій образъ мыслей. Подъ руководствомъ такихъ вождей предадимся благотворному стремленію и въ сладостной надеждѣ будемъ ожидать еще счастливѣйшихъ временъ». (¹). Такъ называемые либералы составили образованное меньшинство общества. Но и этотъ небольшой общественный кругъ имѣлъ, конечно, разныя степени; ибо если, съ одной стороны, нѣкоторые способны усвоивать тѣ или другія идеи не болѣе, какъ усвоивается извѣстное знаніе, безъ убѣжденія въ ихъ истинности и безъ душевной потребности осуществить ихъ въ жизни, то, съ другой, тѣ же самыя идеи становятся для иныхъ жизненнымъ началомъ, неизмѣннымъ обязательствомъ. Люди послѣдняго рода и составляли высшую часть образованнаго меньшинства эпохи Александра I. Въ ихъ сознаніи твердо заложено было понятіе о правильномъ, нормальномъ образѣ человѣческаго существа. Устроить свою собственную судьбу соотвѣтственно этому идеальному понятію было ихъ задачею, для рѣшенія которой они запасались и твердыми основами, какъ точкой исхода, и образованіемъ, какъ средствомъ къ достиженію цѣли, и силою внутренняго влеченія, необходимой для того, чтобы не останавливаться на полпути. Интересы умственные, нравственные и эстетическіе возбуждали ихъ полное сочувствіе, какъ высшія блага человѣческой природы. По своей осмысленной жизни, по своему просвѣщенію, справедливости, честности и благородству, они возвышались надъ другими тѣмъ, что были знакомы съ вопросами о состояніи отечественнаго и общеевропейскаго быта, съ тѣми законными нуждами, которыя заявляла современность, и съ тѣми орудіями, которыми можно было удовлетворить заявленное. Сознаніе нравственнаго превосходства и умственной самостоятельности сообщило ихъ характеру независимость. Они понимали, что въ средѣ ихъ образуется разумное общественное мнѣніе, которое должно давать тонъ большинству, а не подчиняться сужденіямъ большинства.

Въ виду указаннаго прогрессивнаго движенія, Карамзинъ

¹) Въ ст. «О духѣ времени» (Украинскій Вѣстникъ 1818, іюнь).

остался при своихъ прежнихъ понятіяхъ. Онъ держался въ сторонѣ отъ современнаго ему либерализма, не находя въ немъ духа истинной свободы — ни гражданской, ни человѣческой, и сопоставляя его съ доктриной революціонныхъ дѣятелей XVIII-го вѣка. Когда онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, въ 1816 г., то на него многіе смотрѣли какъ на человѣка отсталаго, ретрограда. Одинъ изъ министровъ (¹), не смотря на давнее съ нимъ знакомство, даже оказалъ ему холодный пріемъ, какъ противнику новыхъ идей. Политическія движенія въ Германіи, Италіи и Испаніи усилили отвращеніе Карамзина отъ «либералистовъ», или «просвѣтителей», какъ онъ называлъ ихъ. Онъ боялся за успѣхъ человѣческаго совершенствованія, какъ уже прежде боялся въ эпоху французской революціи. Въ письмѣ изъ Царскаго Села за границу (1822), онъ указываетъ роль, предназначенную государю: «Вы служите орудіемъ провидѣнію. Здѣсь (въ Россіи) либералисты, тамъ сервилисты; истина и добро въ срединѣ: вотъ ваше мѣсто, прекрасное, славное!» Отрывокъ, написанный въ послѣдній годъ его жизни, излагаетъ нѣсколько мыслей объ истинной свободѣ. Дѣйствія аристократовъ и сервилистовъ, демократовъ и либералистовъ объясняются здѣсь единственно домогательствомъ личныхъ выгодъ. Кто же даетъ истинную свободу, «безъ которой для существа нравственнаго нѣтъ блага?» Ее, по отвѣту Карамзина, «даетъ не государь, не парламентъ, а каждый изъ насъ самому себѣ, съ помощію Божіею. Свободу мы должны завоевать въ своемъ сердцѣ миромъ совѣсти и довѣренностію къ провидѣнію.» Изъ этого отвѣта видно, что Карамзинъ выступилъ собственно изъ области предмета: онъ говорилъ о внутренней независимости, которая пріобрѣтается самосовершенствованіемъ человѣка, а не о политической свободѣ, которая утверждается правительственными учрежденіями и мѣрами, согласно съ общественнымъ мнѣніемъ. Отношеніемъ Карамзина къ «новымъ идеямъ» объясняется недовольство, возбужденное имъ въ сторонникахъ этихъ идей и обнаружившееся при появленіи въ свѣтъ «Исторіи». Злыя эпиграммы были написаны на нее Грибоѣдовымъ и Пущинымъ. Послѣдній, въ своихъ «Запискахъ», говоритъ, что «молодые якобинцы негодовали на исторіографа за его умѣренность». Появились пародіи на тонъ ея изложенія (переложеніе первыхъ главъ Тита Ливія слогомъ Карамзина) и неблагопріятное мнѣніе объ ея основной мысли, принадлежащее Н. М. Муравьеву (²). Самъ Карамзинъ, въ письмѣ къ Дмитріеву,

¹) По догадкѣ Погодина, Козадавлевъ, министръ внутреннихъ дѣлъ.

²) Оно напеч. Погодинымъ въ «Матеріалахъ для біографіи К—на» (ч. 2, стр. 199—203).

(28 ноября 1818 г.) говорить, что Н. И. Тургеневъ, авторъ «Опыта теоріи налоговъ», смотрѣлъ на него косо.

§ 12. Одновременно съ либеральнымъ движеніемъ происходили два другія: масонское и мистическое.

Масонство, о которомъ, по иностраннымъ свѣдѣніямъ, при императорѣ Павлѣ и слуху не было, возобновило свою дѣятельность въ царствованіе Александра I въ 1803 г. Съ его разрѣшенія, на ряду съ организаціей новыхъ ложъ стали возстановляться и прежде существовавшія, такъ какъ были еще живы многіе масоны Екатерининскаго времени (Новиковъ, Лопухинъ, Тургеневъ, Гамалѣя, Поздѣевъ, Ключаревъ...) и послѣдователи ихъ (Лабзинъ, Невзоровъ...). Въ 1810 г. основана «Директоріальная ложа Владиміра къ порядку», а въ 1815-мъ «Великая ложа Астреи»: первая управляла тремя соединенными ложами въ Петербургѣ, а въ союзѣ второй состояли уже двадцать четыре ложи. Кромѣ столицъ, ложи находились во многихъ провинціальныхъ городахъ. Направленіе масонскихъ работъ въ ложахъ зависѣло отъ разныхъ вліяній, частію приходившихъ изъ Германіи, частію возникавшихъ въ самой русской общественной средѣ. Къ числу первыхъ принадлежали: система Шредера, который отвергалъ высшія масонскія степени, не имѣвшія никакого смысла, и, слѣдуя Лессингу, старался придать масонству значеніе космополитической человѣчности, и ученіе Фесслера, вызваннаго Сперанскимъ въ Россію на профессуру еврейскаго языка, а потомъ философіи въ с. п. б. духовной Академіи: онъ ставилъ масонству высокія философическія задачи, видѣлъ въ немъ средство для нравственнаго воспитанія, на которомъ должно основываться гражданское. Вліяніе втораго рода внесено въ ложи лицами либеральнаго круга, которые желали направить дѣйствія масонскаго союза на политическую пропаганду. Такое намѣреніе было уже рѣшительнымъ уклоненіемъ отъ основнаго характера общества, которое единственною цѣлію своихъ занятій поставило «усовершеніе благополучія человѣковъ исправленіемъ нравственности, распространеніемъ добродѣтели, благочестія», или, по словамъ Лопухина, «моральное перерожденіе, которое дѣлаетъ человѣка образомъ и подобіемъ Божіимъ». Указанныя вліянія служили причиной разногласія въ средѣ масонскаго общества: одни его члены дѣйствовали въ духѣ старой московской мистики; другіе слѣдовали новѣйшему, болѣе раціональному масонству, въ системѣ Шредера и Фесслера; третьи хотѣли сообщить ложамъ стремленія политическія. Къ этому присоединились большія злоупотребленія, обращавшія собраніе въ ложахъ въ игру большихъ дѣтей, которыя добивались высшихъ степеней, потому что съ ними соединены были наружные знаки

отличія, или въ средство предаваться разгульному пиршеству, какъ это раскрыто многими свидѣтельствами [1]. Но подобныя злоупотребленія не закрываютъ, однакожъ, пользы масонства: оно развивало въ серьезныхъ людяхъ сознание человѣческаго достоинства и тѣсно связанное съ тѣмъ чувство собственной независимости, какъ это и видимъ на примѣрѣ многихъ масоновъ и Екатерининскаго и Александровскаго времени. Безпорядки, возникшие въ другихъ государствахъ отъ существованія разнихъ тайныхъ обществъ, побудили наше правительство, указомъ 1822-го года, закрыть всѣ масонскія ложи и впредь не дозволять ихъ учрежденія [2].

Движеніе мысли въ области мистики, значительное уже въ прошломъ столѣтіи, усилилось при Александрѣ I и выразилось рядомъ переводныхъ и оригинальныхъ сочиненій, образующихъ богатый и во многихъ отношеніяхъ любопытный отдѣлъ мистико-религіозной литературы, сущность и важнѣйшіе факты которой будутъ изложены ниже.

Мистику не должно смѣшивать съ масонствомъ. Она возникла раньше масонства, хотя адепты его и возводятъ начало этого общества къ отдаленной эпохѣ. Если масоны были болѣе или менѣе мистики, то отсюда вовсе не слѣдуетъ, что каждый мистикъ есть непремѣнно масонъ. Если, съ одной стороны, мистика развивалась въ масонскомъ кругу, то, съ другой, существовали такія масонскія ложи, которыя положительно преслѣдовали мистическое направленіе масонства. Хотя масонъ можетъ быть въ тоже время и мистикомъ, равно какъ и мистикъ можетъ быть въ тоже время масономъ; однакожъ, не смотря на это, мистика и масонство—явленія сами по себѣ, особенныя и самостоятельныя.

Какъ мы видѣли, главными представителями религіозной мистики, во второй половинѣ прошлаго вѣка, были Новиковъ, Тургеневъ, Лопухинъ, Гамалѣя. Кромѣ оригинальныхъ трудовъ двухъ послѣднихъ лицъ, явились переводы нѣкоторыхъ твореній, приписываемыхъ Діонію Ареопагиту, а также книгъ Арндта (объ истинномъ христіанствѣ), Бема (таинство креста) и Сенъ-Мартена (о заблужденіяхъ и истинѣ)—составившихъ наиболѣе капитальный матеріалъ, посредствомъ котораго любители духовнаго чтенія, во второй половинѣ XVIII-го вѣка, знакомились съ ученіемъ ми-

[1]) Записки Вигеля; романъ Нарѣжнаго: «Россійскій Жильблазъ»; Разсказъ и письмо Степанова о принятіи его въ ложу (Рус. Старина 1870, т. 1).

[2]) Общественное движеніе при Александрѣ I, А. Пыпина; Матеріалы для исторіи массонскихъ ложъ (Вѣст. Европы 1872, январь, февраль и іюль) и Хронологическій указатель русскихъ ложъ (массонскихъ), его же; Уничтоженіе масонскихъ ложъ въ Россіи (Рус. Старина 1877, т. 18).

стиковъ, хотя это знакомство и не могло имъ сообщить ясныхъ понятій о мистикѣ въ чистомъ ея значеніи, такъ какъ и переводчики и авторы наши не имѣли сами опредѣленныхъ свѣдѣній о предметѣ, ихъ интересовавшемъ: они постоянно смѣшивали, даже отождествляли его съ піетизмомъ, теософіей, алхиміей, кабалистикой и другими предметами, такъ что въ результатѣ выходила смутность, запутанность представленій.

Начиная съ первыхъ годовъ текущаго столѣтія, за все царствованіе Императора Александра I выходятъ или новыя изданія прежде изданныхъ книгъ, или новые переводы и новыя оригинальныя сочиненія. Къ Діонисію Ареопагиту, Бему, Арндту, Сенъ-Мартену и другимъ присоединяются Таулеръ, Эккартсгаузенъ, Юнгъ Штиллингъ, Дю-Туа, Гюйонъ.... Вообще, періодъ времени съ 1814 г. по 1825-ый наиболѣе обогатилъ нашу мистическую литературу, что и заставило одного переводчика сказать съ радостью: «благодареніе Богу! у насъ теперь довольно вышло и выходитъ мистическихъ книгъ, такъ что въ средствахъ нѣтъ недостатка».

Журналъ «Сіонскій вѣстникъ», начатый и прекращенный въ 1806-мъ году, а потомъ возобновленный въ 1817-мъ, въ трехлѣтнее свое существованіе наполнялся почти исключительно статьями мистико-религіозными. Издатель его, Лабзинъ, «ученикъ масоновъ», какъ онъ называлъ себя (¹), былъ самымъ дѣятельнымъ и самымъ даровитымъ распространителемъ идей Бема, Эккартсгаузена, сочиненія которыхъ также переводилъ на русскій языкъ. Другой журналъ, «Другъ юношества», значительную часть своего отдѣла посвящалъ тому же мистико-религіозному ученію, давая тѣмъ знать, что оно служитъ назидательнѣйшей пищей не только для старыхъ и возрастныхъ, но и для юношества. Въ трудахъ его издателя, Невзорова, принималъ ревностное участіе Лопухинъ, доставляя ему и собственныя свои работы, и сочиненія князя Н. В. Репнина, сановника при Екатеринѣ II и Павлѣ I и масона-мистика, пользовавшагося большимъ почетомъ въ средѣ людей одного съ нимъ религіознаго духа. Въ общемъ съ двумя указанными журналами направленіи издавался, при с. петербургской духовной академіи, третій журналъ: «Христіанское чтеніе» (съ 1821 г.); по крайней мѣрѣ въ первыхъ годахъ этого изданія несомнѣнно его стремленіе въ сторону мистико-религіозныхъ взглядовъ и представленій.

Но на этомъ непрерывномъ пути религіозной мистики былъ

---

¹) Почему и подписывался подъ статьями своими: У. М.

моментъ ея ускореннаго движенія, ея наибольшаго возбужденія, именно—вторая половина царствованія Александра I (1812—1825). Что же служило къ тому поводомъ? Историки нѣмецкой мистики приписываютъ развитіе оной въ Германіи, въ первой четверти нашего столѣтія, слѣдующимъ обстоятельствамъ: во-первыхъ, индифферентизму къ религіи вообще, унаслѣдованному отъ прошлаго вѣка и своею крайностью вызвавшему противоположное ему явленіе, какъ реакцію; во-вторыхъ, политическому положенію Германіи, приниженному деспотизмомъ Наполеона и принизившему народный духъ, который, за невозможностью проявить свою силу во внѣшнихъ дѣйствіяхъ, долженъ былъ погрузиться во внутрь самого себя и здѣсь искать успокоенія и развитія; въ-третьихъ, философіи Канта, Фихте и въ особенности Шеллинга, ученіе котораго заключаетъ въ себѣ богатый родникъ мистическихъ созерцаній. Изъ этихъ трехъ обстоятельствъ только первое могло у насъ имѣть мѣсто, такъ какъ извѣстно, что многіе русскіе второй половины XVIII-го и первой четверти XIX вѣка, увлекшись вольтеріанизмомъ, совершенно охладѣли къ вѣрѣ, въ чемъ и полагали свое умственное превосходство. Такимъ явленіемъ объясняется другое, состоящее въ томъ, что наши мистики постоянно воюютъ съ французской философіей XVIII-го вѣка, какъ съ главнымъ врагомъ своимъ. Лекціи Шварца, журналы Новикова, Лабзина и Невзорова, равно какъ и всѣ другія сочиненія одного съ ними характера, настойчиво опровергая французскихъ энциклопедистовъ, раскрываютъ нравственную гибель, кроющуюся въ нихъ для христіанъ ([1]). Что касается до втораго обстоятельства, то положеніе Россіи не только не имѣло никакого сходства съ бѣдственнымъ положеніемъ Германіи, но и оказалось совершенно ему противоположнымъ. Борьба съ Наполеономъ доставила Россіи первенствующее политическое значеніе, а императору Александру — имя освободителя Европы. Вмѣсто уничиженія народнаго духа, она возвысила его, была источникомъ его торжествъ и славы. Но это же самое и породило усиленное движеніе религіозной мистики. Неожиданныя послѣдствія міровыхъ событій, превысивъ мѣру самыхъ пламенныхъ патріотическихъ желаній, самыхъ отважныхъ предположеній оптимизма, направило тогдашнихъ людей къ признанію сверхъ-естественной силы, дѣйствовавшей, по своимъ предначертаніямъ, на перекоръ земнымъ расчетамъ и замысламъ. Торжествующій духъ видѣлъ свой первый долгъ въ смиреніи предъ непостижимымъ ходомъ вещей. Все

[1]) По свидѣтельству Сперанскаго, одинъ изъ преподавателей въ Александро-Невской семинаріи проповѣдывалъ ученикамъ Вольтера и Дидро.

склоняло его къ таинственному и погружало въ таинственность. Самъ Государь смотрѣлъ на себя, какъ на избранника свыше, какъ на орудіе Провидѣнія, отрицая вліяніе собственной силы. Мистическое чувство, при врожденной къ тому наклонности, равно какъ и подъ дѣйствіемъ всемірно-исторической роли, выпавшей ему на долю, глубоко коренилось въ его сердцѣ. Нельзя объяснять такого явленія какимъ-либо постороннимъ, случайнымъ фактомъ, напр. знакомствомъ съ г-жею Крюднеръ (¹): послѣднее могло совпадать съ первыми, главными причинами—и только.

Побуждаемый этимъ чувствомъ, императоръ любилъ бесѣдовать о внутреннемъ дѣйствіи Св. Духа, ожидалъ духовныхъ благъ и получалъ ихъ посредствомъ внутренняго назиданія и озаренія свыше, молился духовной молитвой (²). Имена его и великаго князя Константина Павловича стоятъ во главѣ лицъ, получавшихъ Сіонскій Вѣстникъ на 1817 г. Высочайшему же имени посвящены переводы «Христіанской философіи», Дю-Туа (1815—1817), и «Благоговѣйныхъ размышленій о жизни и страданіяхъ Христа Спасителя», Таулера (1823). Послѣдній изданъ по повелѣнію Государя; а въ предисловіи къ первому, переводчикъ (Трескинъ), указавъ характеръ ученія, изложеннаго въ книгѣ Дю-Туа, говоритъ: «Се наука, се философія, се свѣтъ и просвѣщеніе, коимъ ты, Государь, желаешь озарить народъ твой! Се еще то знаменіе, по коему высочайше-премудрый Іисусъ Христосъ образуется въ Тебѣ и ты въ Немъ». Министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, кн. А. Н. Голицынъ, искренно былъ преданъ тому же настроенію и, благодаря своему высокому посту, много содѣйствовалъ къ распространенію религіозной мистики. Идея внутренняго возрожденія захватила въ свой кругъ многихъ дамъ образованнаго и высшаго круга (княгиню Анну Голицыну и сестру ея княгиню Софью Мещерскую, Стурдзу, Хвостову). Нѣкоторые члены духовенства, высшаго и низшаго, сочувствовали дѣятельности тѣхъ, которые или своимъ служебнымъ вліяніемъ, или путемъ литературы давали пищу мистическому настроенію духа (³). Изъ свѣтскихъ лицъ достаточно назвать Сперанскаго, предавшагося мистическимъ занятіямъ съ 1804-го года, и Лубяновскаго. Наконецъ мистическая атмосфера охватила и дѣтей: по разсказамъ кн. А. Н. Голицына

---

¹) Vie de mad. de Krudener, par Eynard.

²) Записки квакера о пребываніи въ Россіи 1818—1819 г. (Рус. Старина, 1874, январь).

³) И. И. Глазуновъ передавалъ мнѣ, что между бумагами покойнаго отца его, книгопродавца, находятся письма многихъ священниковъ, которые нетерпѣливо желали знать, когда выйдетъ новая книжка «Сіонскаго Вѣстника».

американскому квакеру, на записки котораго мы ссылались, дѣти, озаренныя Св. Духомъ, дѣлались орудіями обращенія своихъ родителей ([1]). Конечно, не каждый ступалъ на путь мистики по искреннему убѣжденію, но и за вычетомъ лицъ, платившихъ дань простому подражанію или модѣ, оставался еще значительный итогъ, который и служитъ доказательствомъ дѣйствительно-усиленнаго распространенія религіозной мистики во второй половинѣ царствованія Александра I.

Вышеизложенными причинами обусловилась наибольшая сила мистическаго движенія въ извѣстный періодъ нашей исторіи. Но кромѣ того необходимо указать причину общую, производившую одинаковое послѣдствіе, гдѣ бы и когда бы оно ни обнаруживалось. Исторія мистики показываетъ, что возникновеніе послѣдней всегда было вызываемо тѣмъ состояніемъ, въ какомъ находилась господствующая церковь. Мистика, равно какъ и другіе родственные ей предметы (напр. піетизмъ), развивалась обыкновенно какъ противодѣйствіе формализму и разсудочной теологіи. Духъ вѣрующаго, стѣсненный внѣшностью культа и оцѣпенѣлой догматикой, стремился освободиться отъ того и другаго, и находилъ свое освобожденіе въ чистой, внутренней, духовной религіозности: онъ погружался въ мистическое созерцаніе. Въ буквѣ, въ непреложныхъ постановленіяхъ, онъ видѣлъ не одежду, прикрывающую истину, а покровъ, скрывающій истину, и потому отвергалъ ихъ, вмѣстѣ съ ихъ служителями, какъ преграду ближайшему отношенію человѣка къ Богу, непосредственному общенію конечнаго съ безконечнымъ. Такъ было въ религіяхъ нехристіанскихъ, такъ было и въ христіанствѣ. Противъ инквизиціоннаго вѣроученія выступила мистика аломбрадовъ, противъ іезуитизма—квіетизмъ. Когда, въ XVI вѣкѣ, протестантизмъ отъ чистой, правдивой вѣры сердца хотѣлъ замкнуться въ ученіе мертвящей буквы, тогда явились Арндтъ и Яковъ Бемъ, изъ которыхъ первый своею книгою «объ истинномъ христіанствѣ» старался возвратить церковную ортодоксію на истинный путь. Тѣми же причинами объясняется дѣятельность Шпенера, творца нѣмецкаго піетизма, въ XVII-мъ вѣкѣ, и дѣятельность Лафатера и Юнга Штиллинга на пользу мистицизма въ XVIII-мъ ([2]).

Судя по свидѣтельствамъ современниковъ, и у насъ формализмъ обращалъ на себя вниманіе какъ недостатокъ, который долженъ былъ устремить религіозное чувство въ противоположную сторону. Въ разговорѣ съ квакеромъ, Александръ I жаловался на то, что

[1]) Записки квакера.

[2]) Статья «мистика», въ Real-Encyklöpedie für protestantische Théologie und Kirche, von Herzog, t. 10.

былъ съ дѣтства пріученъ къ формальной молитвѣ, не удовлетворявшей его внутреннимъ потребностямъ. Такого же рода жалобы слышалъ иностранецъ и отъ свѣтскихъ людей, утомленныхъ формами и обрядами внѣшней церковной жизни и искавшихъ дѣйствительнаго и существеннаго въ предметахъ вѣры, и отъ лицъ духовныхъ. Одинъ монахъ въ Москвѣ сказалъ ему: «всѣ внѣшніе обряды и церковные обычаи составляютъ лишь форму; Христосъ же и Духъ Его суть сущность; на нихъ мы должны опереться, а безъ нихъ все прочее не принесетъ намъ никакой пользы (1). Самыя слова митрополита Михаила, имѣвшія преимущественною цѣлью направить паству на путь внутренней, духовной жизни, служатъ нѣкоторымъ указаніемъ не только того, что̀ составляетъ истинное христіанство, но и того, въ чемъ онъ видѣлъ недостатокъ поучаемыхъ имъ христіанъ.

Вторымъ предметомъ обвиненія служили проповѣдное слово и другія духовныя сочиненія того времени. Здѣсь мы ссылаемся на переписку Сперанскаго съ архіепископомъ калужскимъ Өеофилактомъ (Русановымъ) (2). Какъ Арндтъ, въ книгѣ «объ истинномъ христіанствѣ», такъ и Сперанскій указывали на одинаковое явленіе въ разныя эпохи—на преобладаніе полемическаго характера въ церковной литературѣ. Сочиненія, сюда относящіяся, пишетъ Сперанскій, говорятъ не съ христіанами, а съ безбожниками и деистами, тогда какъ первое было бы нужнѣе послѣдняго. Каждый пастырь прежде всего долженъ сохранить и усовершить стадо, ему ввѣренное. Споръ и препинаніе не лучшее къ тому средство: они возбуждаютъ только пытливость духа и рѣдко убѣждаютъ; долгъ пастырей—наставлять христіанъ на переходѣ отъ внѣшняго христіанства къ внутреннему (3). Для этой цѣли онъ и рекомендуетъ христіанамъ читать творенія Климента Александрійскаго и Августина, «Добротолюбіе», «О подражаніи Христу», Өомы Кемпійскаго, равно сочиненія Фенелона и Гюйонъ. Вопросъ, какъ видно, касался преобладанія богословскаго догматизма надъ ученіемъ христіанской нравственности. Въ одномъ мѣстѣ «Сіонскаго вѣстника», по поводу статей: «Духъ и истина», издатель журнала (Лабзинъ) замѣтилъ, что онѣ предлагаются тѣмъ читателямъ, которые въ «обыкновенныхъ» наставленіяхъ о религіи не находятъ полнаго себѣ удовлетворенія. Чѣмъ же отличаются эти обыкновенныя наставленія? Особенность ихъ состоитъ въ томъ, что̀ Сперанскій въ письмѣ къ Өеофилакту назвалъ внѣшнимъ путемъ

1) Записки квакера.
2) Въ память гр. М. М. Сперанскаго (1872).
3) Письмо 5 сентября 1804 г.

христіанина: «Я называю внѣшнимъ путемъ сію нравственную религію, въ которую стѣснили мірскіе богословы ученіе божественное; я называю внѣшнимъ путемъ сіе обезображенное христіанство, покрытое всѣми цвѣтами чувственнаго міра, соглашенное съ политикою человѣческихъ обществъ, ласкающее плоти и страстямъ, или по крайней мѣрѣ ихъ не умерщвляющее, христіанство слабое, уклончивое, самоугодливое, которое отъ языческаго нравственнаго ученія различно только словами, которое мѣста трудныя въ св. писаніи изъясняетъ тропами и фигурами и истинный ихъ разумъ насилуетъ тщетнымъ разумомъ суемудрія. Въ семъ христіанствѣ самые обряды потеряли ихъ истинный смыслъ и превратились въ мертвую букву» ([1]). Въ такомъ же смыслѣ выразился Штиллингъ объ одномъ разрядѣ нѣмецкаго духовенства, которое проповѣдывало только о должностяхъ человѣка, только одну мораль, едва упоминая о томъ, что принадлежитъ до спасенія человѣка, или и вовсе не касаясь этого. Проповѣдниковъ этого рода онъ называетъ друзьями нынѣшняго просвѣщенія, неологами или нововѣрами ([2]).

§ 13. Теперь намъ предстоитъ обзоръ литературныхъ произведеній, въ главныхъ отдѣлахъ поэзіи и прозы.

Относительно формы, литература первыхъ двадцати лѣтъ XIX вѣка, въ большинствѣ своихъ явленій, служила продолженіемъ литературы Екатеринина времени. Французскій классицизмъ долго не уступалъ своей власти другимъ направленіямъ. «Исключительная любовь къ французской словесности», писалъ Батюшковъ въ 1814 г., «неизлечима: она выдержала всѣ возможныя испытанія и времени и политическихъ обстоятельствъ. Все было сказано на сей счетъ; всѣ укоризны, всѣ насмѣшки Таліи и людей просвѣщенныхъ остались безъ пользы, безъ вниманія» ([3]). Но укорять и смѣяться легко; другое дѣло—замѣстить достойное укора и смѣха чѣмъ-либо инымъ: вотъ здѣсь-то возникаетъ настоящая трудность Наши служители Таліи, выставляя на публичный смѣхъ пристрастіе къ французской словесности, шли по слѣдамъ той же словесности: они переводили Мольера, Детуша и другихъ комиковъ временъ Людовика XIV и Людовика XV, или подражали имъ по мѣрѣ своихъ способностей. Наша сатира противъ галломаніи страдала тою же самою болѣзнію: она была переводомъ сатиръ Буало или такъ называемымъ ихъ воспроизведеніемъ, которое нерѣдко огра-

---

[1]) Въ память Сперанскаго, стр. 373—374.

[2]) Угрозъ Свѣтовостоковъ, переводъ Лабзина, 8 ч. или 30 кн. (1806—1815). См. книжку 16-ую.

[3]) Письмо къ И. М. Муравьеву-Апостолу о сочиненіяхъ М. Н. Муравьева (Полное собраніе сочиненій М. Н. Муравьева, 1819, ч. 1).

ничивалось замѣной иностранныхъ собственныхъ именъ русскими. Просвѣщенные люди, о которыхъ упоминаетъ Батюшковъ, всѣ почти получили свое просвѣщеніе изъ французскихъ книгъ, на французскій ладъ. Исключительное господство псевдоклассицизма въ нашей литературѣ извѣстнаго періода есть явленіе историческое, необходимое слѣдствіе нашей цивилизаціи, общее съ такимъ же слѣдствіемъ въ другихъ странахъ. Отрѣшеніе отъ избранной доктрины или образца возможно только при помощи новыхъ доктринъ или новыхъ образцовъ. Для знакомства же съ произведеніями другихъ литературъ, кромѣ французской, и другими теоретиками, кромѣ Буало, прежде всего необходимо знаніе иностранныхъ языковъ, не одного французскаго. Это знаніе заходило въ среду нашихъ литераторовъ случайно. Да и случайное знаніе обращалось на пользу лжеклассицизма. Ломоносовъ зналъ нѣмецкій языкъ, но подражалъ нѣмцамъ именно въ томъ, что они заимствовали у французовъ; Княжнинъ зналъ италіянскій языкъ, но его Дидона и Софонисба— трагедіи совершенно французской постройки. Мы и греко-римскихъ классиковъ переводили съ французскихъ переводовъ. Что касается до теоріи изящныхъ искусствъ и поэзіи въ особенности, то въ нашихъ университетахъ, или лучше въ московскомъ университетѣ, эстетика и піитика преподавались не такимъ образомъ, который могъ бы указывать односторонность и недостатки французскаго классицизма и внушать сочувствіе къ другимъ поэтическимъ направленіямъ. Профессоръ Сохацкій и его преемникъ Мерзляковъ вооружались противъ возникавшаго романтизма. Еще строже осуждалъ Мерзляковъ произведенія А. Пушкина. Онъ никакъ не хотѣлъ приписать успѣхъ комической оперы «Мельникъ» (Аблесимова) тому обстоятельству, что она, по общему тогда понятію, «сочинена въ русскихъ нравахъ». Съ его точки зрѣнія популярность піесы объясняется сохраненіемъ въ ней законовъ классической драмы. Въ одномъ изъ критическихъ чтеній (1) онъ доказываетъ, что «Мельникъ», подобно лучшимъ трагедіямъ и комедіямъ, вполнѣ оправдываетъ эстетическіе законы Аристотеля, наставленія Горація и Буало, и вообще правила науки о вкусѣ. Между тѣмъ критикъ, по своему происхожденію, стоялъ близко къ народу и сочинилъ нѣсколько пѣсенъ въ духѣ народной поэзіи; онъ зналъ древніе языки, а изъ новыхъ, кромѣ французскаго, нѣмецкій и италіянскій: слѣдовательно имѣлъ способы отрѣшиться отъ одностороннихъ вліяній. Чего же было ожидать отъ тѣхъ литераторовъ, которые, по своему образованію, чуждались народной поэзіи и не знали сущности истиннаго

---

1) Вѣст. Европы 1817, № 6.

классицизма? Волею-неволею приходилось имъ вращаться въ единственномъ для нихъ, неизбѣжномъ кругу французскихъ воззрѣній на искусство и французскихъ образцовъ. Комедія Грибоѣдова: «Горе отъ ума» была встрѣчена ожесточенными нападками нѣкоторыхъ критиковъ преимущественно по той причинѣ, что она не напоминала собою обычной французской комедіи.

Восьмнадцатый вѣкъ былъ временемъ господства нашей торжественной лирики, а Ломоносовъ и Державинъ главными ея представителями. Хотя многіе стихотворцы, замѣнявшіе одушевленіе высокопарностью, содѣйствовали упадку этого поэтическаго рода; хотя кредитъ его былъ подрываемъ меткою сатирой на оды-реляціи или оды-поученія, какъ назвалъ ихъ Дмитріевъ въ «Чужомъ толкѣ» (1795): однакожъ онъ не тотчасъ потерялъ свое значеніе, и только по силѣ особенныхъ обстоятельствъ уступилъ свое мѣсто другимъ отдѣламъ лирической поэзіи. Отсюда не слѣдуетъ, чтобы оды, извѣстныя подъ именемъ торжественныхъ (героическихъ, похвальныхъ), навѣки отошли въ область исторіи: онѣ могутъ существовать до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать и предметы, способные своимъ величіемъ возбуждать одушевленное чувство, и поэты, способные вдохновляться великими предметами природы и человѣчества. Но въ историческую область отойдутъ тѣ указныя формы и пріемы, которыми наши стихотворцы, въ подражаніе чуждымъ образцамъ, пользовались при выраженіи своихъ чувствъ.

И. Дмитріевъ, такъ остроумно смѣявшійся надъ одоманіей въ упомянутой сатирѣ «Чужой толкъ», написалъ три стихотворенія по поводу современныхъ или давнопрошедшихъ событій отечественной исторіи: «Гласъ патріота на взятіе Варшавы», «Ермакъ» и «Освобожденіе Москвы» (Пожарскимъ). Первое стихотвореніе, по тону, языку и пріемамъ, до такой степени подходитъ къ лирѣ Державина, что даже почиталось произведеніемъ сего послѣдняго. Чувство, выражаемое вторымъ стихотвореніемъ, развито въ формѣ разговора между двумя сибирскими шаманами—старымъ и молодымъ; только въ началѣ и концѣ авторъ говоритъ отъ своего лица. Соединеніе эпическаго элемента (разсказа шамана) съ изліяніемъ чувствъ заставило назвать эту піесу лирической поэмой. Въ «Освобожденіи Москвы», Дмитріевъ отъ настоящаго состоянія первопрестольнаго города—его блеска и красоты—переносится мыслью къ прошедшимъ его бѣдствіямъ, когда онъ страдалъ отъ поляковъ. Общее достоинство этихъ одъ—патріотическое чувство, выраженное, если не въ цѣломъ, то въ частяхъ, сильными стихами, почему современные читатели и критики причисляли ихъ къ образцовымъ произведеніямъ русской лиры. Нѣкоторыя мѣста, какъ примѣры изящнаго

слова, вошли въ руководства къ риторикѣ и піитикѣ. Обращеніе къ Екатеринѣ (въ Ермакѣ): «речешь—и двигнется полсвѣта», и обращеніе къ Ермаку: «великій! гдѣбъ ты ни родился», стояли въ ряду такъ называемыхъ фигуръ чувствъ. Бой между Ермакомъ съ Мегметъ-Куломъ—близкое подражаніе единоборству Сварана, сына Старнова, съ Фингаломъ (въ пѣсняхъ Оссіана)—цитировался, какъ образецъ поэтической живописи. Недостатокъ, общій всѣмъ тремъ піесамъ, состоитъ въ гиперболизмѣ представленія, который прежніе стихотворцы неправильно почитали какъ бы дозволенною поэтическою вольностью. Особенно страдаетъ имъ конецъ лирической поэмы «Ермакъ». Чтобы ни думалъ авторъ о подвигѣ завоевателя Сибири, похвала этому подвигу крайне превысила мѣру его историческаго значенія:

... ты, великій человѣкъ,
Пойдешь въ ряду съ полубогами
Изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ;
И славы лучъ твоей затмится,
Когда померкнетъ солнца свѣтъ,
Со трескомъ небо развалится
И время на косу падетъ.

Такъ нельзя сказать ни объ одномъ воителѣ или можно сказать о весьма немногихъ герояхъ. Послѣ этого мы не найдемъ уже ни достаточно сильныхъ словъ, ни достаточно приличныхъ образовъ для возвеличенія Петра—бога Россіи, по выраженію Ломоносова. Подобнымъ преувеличеніемъ страдаютъ и послѣдніе стихи въ Освобожденіи Москвы. Вторая погрѣшность Ермака—фигуры шамановъ, которыхъ рѣчи, мысли и чувства начертаны по образцу оссіановскихъ героевъ: это не дикіе служители дикаго язычества, а плодъ авторскаго воображенія, настроеннаго пѣснями шотландскаго барда.

Удачнѣе похвальныхъ одъ вышелъ у Дмитріева гимнъ: «Размышленіе по случаю грома» (1795). Авторъ подражалъ стихотворенію Гете: Die Grenzen der Menschheit, замѣнивъ пантеистическое воззрѣніе подлинника христіанскимъ понятіемъ о всемогуществѣ Божіемъ и о ничтожности человѣка. Искреннее чувство выражено достойнымъ его словомъ, въ которомъ русская стихія искусно соединена съ церковно-славянской. Главные представители нашей лирики, Ломоносовъ и Державинъ, имѣли даровитаго себѣ подражателя въ Мерзляковѣ (1778—1830), профессорѣ краснорѣчія и поэзіи въ московскомъ университетѣ. Особенно были извѣстны духовныя его оды: «На разрушеніе Вавилона» (изъ пророка Исаіи) и «Пѣснь Моисея по прехожденіи Чермнаго моря» (изъ Исхода). Достойныя стоять на ряду съ одой Ломоносова, выбранной изъ книги Іова, онѣ занимали мѣсто въ каждомъ сборникѣ поэтиче-

скихъ образцовъ и, какъ таковые, изучались и въ школахъ и любителями духовныхъ стихотвореній. Другія оды Мерзлякова, въ особенности торжественныя, большею частью замѣняли силу одушевленія риторическою настроенностью: онѣ длинны и скучны.

Изъ библейскихъ книгъ, Псалтирь преимущественно настраивалъ лиру нашихъ стихотворцевъ. Переложенія пѣсней Давида слѣдовали одни за другими въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій. Даже тѣ занимались ими, чьи дарованія были мало способны къ такъ называемому пѣснопѣнію. Примѣромъ служитъ переложеніе 37-го псалма, удачно сдѣланное баснописцемъ Крыловымъ. Нѣкоторые же стихотворцы почти исключительно посвящали себя этому дѣлу. Двѣ части стихотвореній Шатрова (1765—1841), одного изъ первыхъ и вѣрныхъ партизановъ Шишкова, содержатъ въ себѣ подражанія псалмамъ и пѣсни духовныя. Подражанія выказываютъ умѣнье строить звучные, а по мѣстамъ и сильные, стихи, хотя, съ другой стороны, нельзя не согласиться съ замѣткой Жуковскаго, что стихотворецъ постоянно заботился о томъ, какъ бы «извѣстное и обыкновенное сказать необыкновеннымъ образомъ». Но такое замѣчаніе въ равной мѣрѣ относится ко многимъ не первоклассньмъ писателямъ нашимъ, и къ Мерзлякову, быть можетъ, еще болѣе, чѣмъ къ кому нибудь иному. Позднѣе Шатрова, пріобрѣлъ извѣстность духовными стихотвореніями Ѳ. Н. Глинка, родной братъ Сергѣя Николаевича (род. 1788). Сборникъ его переложеній изъ Библіи, принимавшихся съ почетомъ журналами и альманахами двадцатыхъ годовъ, изданъ подъ именемъ «Опытовъ священной поэзіи» (1826). Лучшія между ними: «Земная грусть», «Исканіе Бога», «Гласъ къ Господу», «Горе и благодать», и др. Недостатокъ же ихъ происходитъ главнѣйшимъ образомъ отъ того, что авторъ не столько прелагалъ подлинники, сколько распространялъ ихъ. Второй недостатокъ еще важнѣе: это—субъективная настроенность переложеній, отъ чего они и вышли замѣтно однообразными. Прелагатель не нашелъ въ себѣ столько поэтической силы, чтобы вполнѣ отрѣшиться отъ своего личнаго чувства. Однимъ изъ прекрасныхъ памятниковъ торжественой лирики былъ и остается «Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ» (1812), Жуковскаго. Написанное послѣ сдачи Москвы, передъ сраженіемъ при Тарутинѣ, это стихотвореніе было вѣрнымъ отголоскомъ общаго патріотизма, заслуживъ автору имя Тиртея, воспламенявшаго въ воинахъ бранное мужество и жажду мщенія врагу. Другія два стихотворенія того же рода: «Императору Александру I-му» (1814) и «Пѣвецъ въ Кремлѣ» (1814) вышли менѣе удачны.

Другому виду лирической поэзіи, пѣснѣ, у насъ меньше по-

счастливилось, не смотря на то, что она сосредоточивается на выраженіи непосредственнаго чувства, возбуждаемаго предметомъ. Мы не имѣли тогда авторовъ, которые прославили бы свое имя исключительно пѣсенной поэзіей. Нѣкоторыя пѣсни, пользовавшіяся особеннымъ успѣхомъ въ нашемъ обществѣ, большею частію были явленіемъ случайнымъ, какъ бы нежданной обмолвкой стихотворцевъ, занятыхъ другимъ дѣломъ. Таковы, напримѣръ: «Пятнадцать мнѣ минуло лѣтъ» (Богдановича), «Вечеркомъ въ румяну зорю» (Николева), «Кто могъ любить такъ страстно» (Карамзина). Притомъ ихъ и немного. Пѣсни Нелединскаго-Мелецкаго (1751—1829) и И. Дмитріева долгое время принадлежали къ любимѣйшимъ нашей публики. Онѣ отвѣчали сентиментальпому настроенію литературы и общества. Кто восхищался «Бѣдной Лизой», тотъ, конечно, могъ съ большимъ удовольствіемъ пѣть «Голубка». Ошибка Нелединскаго и Дмитріева состояла въ томъ, что они, служа сентиментализму, думали совмѣщать два элемента—народный и цивилизованный. Первый изъ этихъ элементовъ вводился единственно для поддѣлки подъ безъискуственную поэзію, чуждую сентиментальности и въ которой, кромѣ того, не чувствовалось надобности. Съ какою цѣлію пѣсни, сочиняемыя для благороднаго, больше или меньше образованнаго круга и назначаемыя для пѣнія въ гостинныхъ, украшались или, говоря по справедливости, обезображивались приправой кой-какихъ простонародныхъ словъ и выраженій? Они видимо не ладили съ тономъ цѣлаго и, какъ фальшивыя ноты, поражали слухъ каждаго, кому была хорошо знакома лирическая поэзія русскаго народа. Употребленіе нерусскихъ, иногда и миѳологическихъ именъ, нисколько не вредило сентиментальной пѣснѣ или романсу: Хлоя (въ пѣснѣ: «всѣхъ цвѣточковъ болѣ») и подобныя ей существа были на своихъ мѣстахъ тамъ, гдѣ героиня представлялась пастушкой, а ея милый—пастушкомъ. Еслибы Нелединскій и Дмитріевъ, при сочиненіи своихъ пѣсенъ, имѣли въ виду воспроизведеніе народной поэзіи, по ея духу и складу, то, конечно, они заслуживали бы строгой критики. Но у нихъ и въ мысляхъ не было такой задачи, которой они, замѣтимъ, не съумѣли бы исполнить. Оба они писали подъ вліяніемъ французскихъ образцовъ. Дмитріевъ, говоря его словами, «прилѣпился къ вѣтренному Дорату (Dorat) ([1]) и его товарищамъ». А Нелединскаго кн. Вяземскій не въ шутку называлъ «русскимъ Шольё» ([2]), котораго сами французы признаютъ «любезнымъ поэтомъ» (aimable poëte).

[1]) Дора († 1780), французскій стихотворецъ, отличался въ легкой поэзіи.

[2]) Шолье († 1720) воспѣвалъ эпикуреизмъ, почему и заслужилъ прозвище французскаго Анакреона.

Художественное подражаніе народному творчеству доступно лишь тому, кто, обладая поэтическимъ даромъ, основательно изучилъ обычаи, понятія и чувства простонародья; еще доступнѣе оно тому, кто, по своему происхожденію, состоя въ близкомъ родствѣ съ народомъ, не отрѣшился отъ роднаго корня и въ то время, когда поступилъ въ среду высшей, образованной жизни. Тогда онъ вдвойнѣ постигаетъ сущность народной поэзіи: и путемъ непосредственнаго сочувствія, и путемъ научнаго знакомства. Примѣръ такого счастливаго постиженія представляетъ Мерзляковъ, сынъ небогатаго купца. Его пѣсни и романсы, сложенныя, какъ онъ выразился, «во время мечтаній о той сладостной жизни или не-жизни, о которой жалѣемъ и въ которой не можемъ дать себѣ отчета, какъ во снѣ», отличаются неподдѣльнымъ чувствомъ. Пѣсни звучатъ чисто-русскими звуками; въ нихъ личное чувство автора изливается по образу и свойству народнаго чувства, которое не имѣетъ ничего общаго съ сентиментализмомъ: здѣсь горесть не является въ видѣ унылой томности или меланхоліи, и мысль о другѣ не переходитъ въ мечтательность или раздумчивость. Знаменитѣйшая между пѣснями Мерзлякова: «Одиночество», по моему мнѣнію, несвободна отъ искуственности. Первый стихъ ея: «*среди долины ровныя, на гладкой высотѣ*», даже страдаетъ неопредѣленнымъ указаніемъ мѣстности. Но пѣсни: «Я не думала ни о чемъ въ свѣтѣ тужить», «Ахъ, чтожъ ты, голубчикъ, не весело сидишь?» «Чернобровый, черноглазый, молодецъ удалый», не даромъ сдѣлались общеизвѣстными. Начало послѣдней содержитъ въ себѣ выраженія, почерпнутыя прямо изъ родника наивной русской лирики:

Чернобровый, черноглазый,
Молодецъ удалый,
Вложилъ мысли въ мое сердце,
Зажегъ ретивое!

Вторая половина ея начинается вѣрною картиною нашей печальной зимы въ деревняхъ:

Воетъ сыръ боръ за горою,
Мятелица въ полѣ;
Встала вьюга, непогода,
Запала дорога.

Задушевнымъ чувствомъ проникнуты и застольныя пѣсни Мерзлякова, сочиненныя для пѣнія въ кругу друзей: «Къ друзьямъ», «Что есть жизнь?», «Пиръ», «Къ добродѣтели». По нимъ можно судить о добромъ сердцѣ автора, горячаго въ дружбѣ, любившаго всѣхъ людей и смотрѣвшаго на жизнь не глазами легкомысленнаго эпи-

курейца. Мысль, что «жизнь смертныхъ—тяжелое бремя», заводила его пѣсни на грустный тонъ. Прибавимъ, что Мерзляковъ, какъ слагатель пѣсенъ, стоитъ въ противорѣчіи съ своими понятіями объ искусствѣ. По доктринѣ строгій классикъ, онъ забывалъ ея уставы подъ вдохновеніемъ живаго сочувствія къ красотамъ народной лирики: тогда поэтъ побѣждалъ въ немъ профессора и критика.

Третій видъ лирики—элегія—одолжена своимъ развитіемъ и долгимъ господствомъ Жуковскому, поэзія котораго, вмѣстѣ съ поэзіей Батюшкова, и по содержанію, и по формѣ, образовала новый и важный моментъ въ исторіи нашей лирики вообще. Въ чемъ состоитъ значеніе этого момента, равно какъ и значеніе элегическихъ стихотвореній Жуковскаго, будетъ указано ниже, при изложеніи его дѣятельности.

§ 14. Уваженіе къ искуственному эпосу, образецъ котораго представила Россіада, равно какъ и авторитетъ ея сочинителя, крѣпко держались въ нашей литературѣ до 1815 г. Отвергать первое значило, по тогдашнимъ понятіямъ, не понимать относительной важности поэтическихъ родовъ; не признавать втораго—значило впадать въ тяжкую литературную ересь. Фантазія эпическаго стихотворца цѣнилась несравненно выше той силы изобрѣтенія, какая нужна трагику или комику; даже чудесное искуственныхъ поэмъ, получившее у французовъ названіе «machinerie», было предпочитаемо наивнымъ вѣрованіямъ Гомера, его непосредственному, полному свѣжести и силы, міросозерцанію. Не смотря, однакожъ, на трудности, предстоявшія эпику, явились продолжатели дѣла, начатаго еще Кантемиромъ. Неконченная поэма Ломоносова: «Петръ Великій» соблазнила нѣсколькихъ нашихъ стихотворцевъ. Двое изъ нихъ: князь С. Шихматовъ (1783—1837) и Грузинцевъ, болѣе извѣстный своими трагедіями, не только начали, но и кончили восхваленіе преобразователя Россіи. Лирическое пѣснопѣніе Шихматова: «Петръ Великій» (1810) состоитъ изъ восьми пѣсенъ; эпическая поэма Грузинцева: «Петріада» (1812)—изъ десяти ([1]). На сколько личность Петра изображена въ нихъ согласно съ ея историческимъ величіемъ, всего лучше сказало знаменитое четверостишіе Батюшкова:

Какое хочешь имя дай
Твоей поэмѣ полудикой:
Петръ длинный, Петръ большой, но только Петръ Великій
Ее не называй.

---

[1]) Третья поэма: «Петръ Великій» (1803), Романа Сладковскаго, по языку и эпическому складу самой низкой пробы, долгое время служила для литераторовъ предметомъ смѣха.

Если и отбросить отъ эпиграммы ея лишнюю колкость, вызванную отношеніемъ Карамзинистовъ къ Шишкову и его «любимому сыну по литературѣ»—князю Шихматову, то все же останется въ ней много правды. Вообще ни одна изъ нашихъ поэмъ, воспѣвавшихъ Петра, не удовлетворитъ историка. На сколько же поэмы Шихматова и Грузинцева удовлетворяютъ требованіямъ эпическаго стиля, законы котораго должны сохранять свою силу и въ искуственномъ эпосѣ? На столько, на сколько эпическій стиль сохраненъ въ Ломоносовѣ, Херасковѣ, Вольтерѣ. Послѣднему особенно подражалъ Грузинцевъ, усвоивъ внѣшніе пріемы своего образца, отъ изложенія предмета и воззванія съ одной стороны, до риторическаго тона и стихотворнаго метра съ другой. Первые восемь стиховъ Петріады не что иное, какъ переложеніе первыхъ шести стиховъ Генріады; русскій стихотворецъ за вдохновеніемъ обращается также къ Истинѣ, богинѣ новыхъ временъ, и также дѣлитъ свою поэму на десять пѣсенъ. Различіе между обѣими поэмами опредѣляется не эпическимъ ихъ складомъ, который въ сущности тамъ и здѣсь одинаковъ, а другими особенностями, зависящими отъ степени авторскаго таланта: новизною и достоинствомъ мыслей, силою чувствъ, картинностью описаній, разнообразіемъ вымысловъ, искусствомъ версификаціи и т. п. Въ этомъ отношеніи, конечно, смѣшно и сравнивать подражаніе съ образцемъ, какъ было бы смѣшно называть Грузинцева Вольтеромъ или Вольтера Грузинцевымъ. Лирическое пѣснопѣніе Шихматова, какъ ни смѣялись надъ нимъ въ свое время, представляетъ нѣкоторыя достоинства; по крайней мѣрѣ оно оригинально, хотя эта оригинальность и служила предметомъ эпиграмматическаго остроумія. Нужно было немалое искусство избѣгать риѳмъ на глаголы, почему Пушкинъ и прозвалъ Шихматова «безглагольнымъ». Языкъ поэмы славено-россійскій, въ которомъ много сложныхъ прилагательныхъ, безъ насилія укладываемыхъ въ четырехстопный ямбъ. Шихматовъ видимо заботился о томъ, чтобы оправдать мнѣнія Шишкова на практикѣ: нѣкоторыя слова, восхваляемыя послѣднимъ (напр. исчадокъ вм. извергъ, доилица вм. корова), употреблены въ поэмѣ, которая, съ своей стороны, наводила «отца славянофиловъ» на новыя догадки и соображенія. И дѣйствительно, Шишковъ былъ въ восторгѣ отъ лирической поэмы «Петръ Великій» ([1]).

Другія поэмы явились въ эпоху борьбы съ Наполеономъ, подъ вліяніемъ патріотическаго духа. Здѣсь намъ снова встрѣчаются тѣже лица: С. Шихматовъ написалъ лирическую поэму въ 3-хъ пѣсняхъ: «Пожарскій, Мининъ, Гермогенъ, или Спасенная Россія» (1807);

[1]) Семейная Хроника и воспоминанія. С. Аксакова.

Грузинцевъ—поэму въ 4-хъ пѣсняхъ: «Спасенная и побѣдоносная Россія въ девятомъ на-десять вѣкѣ» (1813). Воспѣвая событіе XVII вѣка, авторъ первой поэмы имѣлъ въ мысли и новѣйшую исторію Россіи. Онъ говорилъ о самозванцахъ и въ то же время разумѣлъ Наполеона. А заключеніе уже прямо относится къ современнымъ русскимъ людямъ. Стихотворецъ даетъ имъ совѣтъ, какъ чтитель родной старины, по духу «Разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ». Поэма исполнена обычныхъ, лиро-эпическихъ пріемовъ, образующихъ внѣшнюю связь однѣхъ ея частей съ другими: «я зрю»; «отверсты очи мнѣ душевны»; «я вижу таинства временъ» и т. п. Олицетворенія убійства, грабежа, мятежа введены какъ риторическія украшенія, избавляющія сочинителя отъ необходимости прибѣгать къ языческимъ божествамъ или отъ неумѣнья замѣнить ихъ чудеснымъ христіанскаго міра. Тоже самое событіе служитъ предметомъ поэмы Александра Волкова: «Освобожденная Москва» (1820). Сознавая, что для поэмъ ложно-классическаго стиля проходитъ время, авторъ вошелъ въ разсужденіе объ основахъ своего стихотворенія. Онъ старался построить механизмъ поэмы не на олицетвореніи понятій, ни тѣмъ менѣе на чудесахъ миѳологіи, а на верховномъ Промыслѣ, введя въ противодѣйствіе этой благой силѣ другую силу—сатанинскую. Пусть такъ, но произведеніе нисколько отъ того не выиграло въ поэтическомъ достоинствѣ, по явному отсутствію въ авторѣ творческаго таланта.

Означенныя поэмы не могли быть опасными соперницами Россіадѣ; напротивъ, онѣ только возвысили ея славу. Девятилѣтній трудъ Хераскова сравнительно съ трудами его подражателей выигрывалъ во всѣхъ отношеніяхъ: первый по времени, онъ остался и лучшимъ по достоинству опытомъ «высочайшаго рода поэзіи», какъ тогда понимали эпическую поэму псевдо-классическаго характера. Если Россіаду перестали почитать «безсмертнымъ» твореніемъ, а ея творца «русскимъ Гомеромъ», то это было дѣйствіемъ критики, дотолѣ отзывавшейся о ней въ общихъ и безусловныхъ похвалахъ. Въ одинъ и тотъ же годъ (1815) Россіада подверглась разборамъ въ двухъ журналахъ: «Амфіонѣ» (¹) и «Современномъ наблюдателѣ россійской словесности» (²). Издатель перваго, Мерзляковъ, подробно разсмотрѣлъ содержаніе и расположеніе поэмы, ея чудесное, характеры, слогъ. Хотя онъ въ ней и находитъ нѣкоторые недостатки, но тѣмъ не меньше уподобляетъ ее храму св. Петра: «какъ громада неподвижная и въ буряхъ времени, и

¹) №№ 1, 2, 3, 5, 6, 8 и 9.
²) №№ 1 и 3.

въ буряхъ мнѣній, стоитъ Россіада, огражденная неизмѣннымъ своимъ величіемъ». Издатель «Современнаго наблюдателя», извѣстный археологъ П. М. Строевъ, бывшій тогда еще студентомъ московскаго университета, взглянулъ на дѣло иначе. Его критика справедливѣе, потому что не подкуплена господствовавшею въ то время теоріей поэзіи. Критикъ доказалъ, что Россіада часто грѣшитъ противъ исторіи, что она не заключаетъ въ себѣ и поэтическихъ красотъ, что даже истинно хорошихъ стиховъ въ ней очень мало. Изъ разбора выводится рѣшительное заключеніе: «мы не имѣемъ еще хорошей эпической поэмы; Россіада недостойна тѣхъ громкихъ похвалъ, коими ее до сихъ поръ осыпали». Разборъ Строева принадлежитъ къ замѣчательнымъ явленіямъ нашей критики, почему. и слѣдовало сказать о немъ, по поводу эпическихъ поэмъ. Надобно было имѣть немалое мужество, чтобы идти, какъ выразился критикъ, наперекоръ «стоглаву россійской словесности, который призналъ и нарекъ Хераскова великимъ поэтомъ». Надобно было также имѣть основательныя познанія въ исторіи и поэтическій тактъ, чтобы открыть недостатки произведенія, почитавшагося образцомъ эпоса. Разборъ принесъ несомнѣнную пользу, показавъ литераторамъ и судіямъ ихъ, что если въ словесности весьма часто «*имена* бываютъ болѣе безсмертны, чѣмъ *творенія*», то будущимъ эпикамъ и вообще стихотворцамъ надлежитъ заботиться «не столько о томъ, чтобы ихъ имена были въ устахъ, сколько о томъ, чтобы ихъ творенія были въ рукахъ».

Слѣдуя примѣру многочисленныхъ подражателей Лесажа въ самой Франціи и другихъ странахъ, В. Нарѣжный (1780—1825) (¹) сочинилъ романъ: «Россійскій Жилблазъ или похожденія князя Гаврилы Симоновича Чистякова», въ шести частяхъ, изъ которыхъ первыя три напечатаны въ 1814 г., а послѣднія три остались въ рукописи, потому что цензура осудила нѣкоторыя мѣста третьей части (²). Намѣреніе Лесажа — представить человѣческую жизнь, какъ она есть, — выполнено превосходнымъ образомъ. Дѣйствіе происходитъ въ Испаніи, а не во Франціи, гдѣ въ то время сатира была осуждена на молчаніе. Авторъ совѣтуетъ читателю внимательно замѣчать нравоученія, вытекающія изъ разсказа о похожденіяхъ героя: тогда только чтеніе принесетъ пользу и вмѣстѣ пріятность. Нарѣжный «вывелъ на показъ русскимъ людямъ рус-

¹) Ист. Христ. II.

²) «Предосудительныя и соблазнительныя» мѣста указаны тогдашнимъ министромъ просвѣщенія, гр. Разумовскимъ. См. Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи въ царствованіе Александра I», М. Сухомлинова (Журналъ министерства народн. просв. 1866, ноябрь).

скаго же человѣка, считая, что гораздо сходнѣе принимать участіе въ дѣлахъ земляка, нежели иноземца»; слѣдовательно романистъ нашъ сдѣлалъ то, чего не могъ сдѣлать Лесажъ и на что, по его словамъ, нельзя было бы отважиться у насъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, т. е. безпристрастно описывать наши нравы ([1]). Своею задачею положилъ онъ изобразить человѣческую жизнь въ многоразличныхъ отношеніяхъ. И цѣль всего этого такая же, какую начерталъ себѣ Лесажъ: соединеніе полезнаго съ пріятнымъ.

Кромѣ характеристики русскаго человѣка въ различныхъ состояніяхъ, сатира Нарѣжнаго имѣла въ виду нѣсколько спеціальныхъ предметовъ, о которыхъ говорится въ предисловіи:

Да не прогнѣваются на меня изступленные любители *метафизики, славенскаго языка и всего, что есть нѣмецкаго*, что я не всегда съ должною почтительностію объ нихъ отзывался. Это отнюдь не значитъ, чтобы считалъ я метафизику наукою вздорною, славенскій языкъ варварскимъ, и все то, что выдумано нѣмецкою головою, глупою выдумкою. Сохрани отъ того, Боже! Но мнѣ всегда казалось, что перейти должные предѣлы въ чемъ бы то ни было есть крайнее неразуміе. Метафизика безъ сомнѣнія есть наука высокая и утончаетъ разумъ человѣка, однакожъ не до такой степени, чтобы могъ онъ опредѣлить, чѣмъ занималось Высочайшее Существо до созданія міра и чѣмъ заниматься будетъ по разрушеніи онаго. А есть такіе храбрые ученые, которые на то пускаются. Славенскій языкъ безспорно высокъ, точенъ, обиленъ; однакожъ тотъ изъ насъ, который, стоя передъ красавицею, будетъ нѣжить слухъ ея названіями: «лѣпообразная дѣво! голубице, краснѣйшая рая!» — едвали не долженъ быть почтенъ за сумасброда; а такіе витязи и до сихъ поръ у насъ находятся и не безъ послѣдователей. Что касается до нѣмчизны, подъ которымъ названіемъ, слѣдуя выраженію нашихъ прадѣдовъ, разумѣю я всякую чужеземщину, то весьма недовольнымъ почту себя, если кто нибудь назоветъ меня порицателемъ всего того, что не наше. Это была бы излишняя склонность ко всему своему, что также никуда не годится.

Нарѣжный писалъ романъ свой въ то время, когда еще не остыла любовь къ чтенію вымышленныхъ приключеній или похожденій. Чѣмъ они были диковиннѣе, тѣмъ книга больше нравилась читателямъ, которые не задавали себѣ вопроса о предѣлахъ вѣроятности и были бы въ затрудненіи отмежевать возможное отъ невозможнаго, быль отъ сказки. Нарѣжный самъ находился подъ вліяніемъ сказочной настроенности. При замѣчательномъ дарованіи, онъ еще не покинулъ обычая придумывать дѣйствіе похитрѣе и запутаннѣе. Существенное отличіе дальнихъ «похожденій» осталось, хотя въ меньшей степени, и въ похожденіяхъ «Россійскаго Жилблаза».

Главное лице романа—князь Гаврило Симоновичъ Чистяковъ, уроженецъ села Фаладеевки (курской губерніи), гдѣ «столько же

[1]) Россійскій Жилблазъ подвергся осужденію не за то, что онъ описываетъ отечественные нравы; а за «безнравственное» (съ точки зрѣнія тогдашняго министра) ихъ описаніе (Ib).

князей, сколько въ Малороссіи дворянъ, а въ Шотландіи графовъ». Эти князья сами пашутъ и орутъ не хуже однодворцевъ, о которыхъ сложилъ пѣсню мельникъ Аблесимова. Исторія Чистякова начинается тѣмъ, чѣмъ оканчивается исторія настоящаго Жилблаза: онъ *женился*—на Ѳеклушѣ, дочери другаго фалалеевскаго князя. Черезъ три года послѣ замужества, княгиня охотно дозволила похитить себя одному изъ столичныхъ князей. Трудно сказать, что правдоподобнѣе въ этомъ фактѣ: то ли, что свѣтскій молодой человѣкъ плѣнился Ѳеклушей, которая сама работала въ огородѣ и еле выучилась читать и писать, или то, что «чувствительная» женщина, какъ называетъ авторъ Ѳеклушу, три года жившая съ мужемъ въ любви и согласіи, бросила его и младенца-сына безъ всякой жалости, безъ всякой внутренней борьбы? Мало этого: она издѣвается надъ оставленнымъ, увѣдомляя его о своемъ побѣгѣ. Продѣлки такого рода приличны ловкимъ, искусившимся въ интригахъ актрисамъ, которыя описаны Лесажемъ и, вѣроятно, служили подлинникомъ Ѳеклушѣ. Послѣдняя и является актрисой въ концѣ третьей части, только не на театрѣ, а въ масонскихъ собраніяхъ, гдѣ она играла своего рода роль. Какой изумительный скачекъ отъ Фалалеевки до столицы, отъ княгини Ѳеклы Сидоровны, ничего не читавшей, кромѣ сказокъ, до прекрасной Лавиніи, блиставшей на пирахъ масоновъ! Подражаніе Лесажу завело Нарѣжнаго слишкомъ далеко: незамѣтно для себя прилаживалъ онъ испанскіе обычаи къ русскому сюжету. Лишась жены, Чистяковъ вскорѣ испыталъ другую потерю: двухлѣтній сынъ его былъ похищенъ орловскимъ купцомъ Аѳанасіемъ Онисимовичемъ Причудинымъ. Съ какою цѣлію учинено похищеніе? Покойный дѣдъ Причудина былъ тоже князь Чистяковъ, бѣдный, какъ и всѣ его родственники; разбогатѣвъ, онъ бросилъ родовую фамилію, напоминавшую ему «сіятельное нищенство», и принялъ новую, въ память своего тестя. Разбирая отцовы бумаги, Причудинъ нашелъ тетрадку, содержащую въ себѣ имена усопшихъ, которые поминались за упокой; между ними онъ увидѣлъ имя князя Симона Гавриловича Чистякова, приходившагося ему родственникомъ въ осьмнадцатомъ колѣнѣ. «Вотъ», подумалъ Причудинъ, «остались еще князья моей фамиліи. Они вѣрно люди бѣдные. Почему мнѣ не взять у котораго нибудь изъ нихъ малолѣтняго сына, не воспитать какъ должно, не удѣлить части моего имущества, не обижая дочери, и не возставить чрезъ то благороднаго дома?» Сказано— и сдѣлано. Зачѣмъ, однако, выбранъ кривой и опасный путь для выполненія замысла? Россійскій Жилблазъ былъ такъ безпеченъ; всѣ его дѣйствія въ деревенской жизни, начиная съ волокитства

за Өеклушой, отличались такимъ легкомысліемъ, чтобъ не сказать глупостью, что онъ и добровольно уступилъ бы сына заботливой роднѣ. Какъ бы предвидя вопросъ, Причудинъ отвѣчалъ на него: «Отецъ не утерпитъ видѣть сына какъ можно чаще; дитя узнаетъ, что онъ князь, и притомъ имѣетъ богатаго родственника, который взялся воспитать его и слѣдовательно никогда не оставитъ. Это могло помѣшать его нравственности, успѣхамъ въ наукахъ и моимъ намѣреніямъ». Такіе-то расчеты руководили орловскаго купца въ его продѣлкѣ. Читатель видитъ здѣсь романическую диковинку, благодаря которой выступаетъ на сцену новое лице, являются два Жилблаза—отецъ и его сынъ Никандръ, также разсказывающій свои похожденія, и романъ теряетъ единство интереса. Что приключалось съ героемъ Лесажева романа, то естественно вытекало изъ хода человѣческой жизни вообще и изъ національныхъ особенностей жизни испанской: здѣсь все вѣрно—событія, характеры и языкъ дѣйствующихъ лицъ, почему и называютъ этотъ романъ поучительнымъ, какъ поучительна сама опытность. Жилблазъ Нарѣжнаго самъ отыскиваетъ приключенія, или, вѣрнѣе, они придумываются для него авторомъ, который умышленно наталкиваетъ на нихъ своего неразумнаго героя. Положивъ изобразить русскіе нравы, Нарѣжный не съумѣлъ приладить ихъ къ дѣйствіямъ, приличнымъ русскому человѣку. Сверхъ указанныхъ несообразностей, въ романѣ то и дѣло встрѣчаются другіе. Кромѣ купца, таинственнаго похитителя и благодѣтеля, желающаго возстановить княжескій родъ, есть купецъ, совѣтующій Чистякову не учиться метафизикѣ, которую онъ называетъ великою наукой. Крестьянинъ Чистякова, Иванъ, самовольно продаетъ сосѣдямъ господское поле,—и господинъ мирится съ беззаконнымъ фактомъ, какъ будто на него нѣтъ управы. Простолюдины выражаются литературнымъ языкомъ.

Если въ дѣйствіи романа нѣтъ правдоподобія, то изъ двухъ цѣлей—пріятности и пользы,—къ которымъ романистъ стремился, первая не достигнута. Разумный читатель не находитъ ничего пріятнаго въ невѣроятной интригѣ. Что касается до пользы, то она могла бы заключаться въ нравственныхъ правилахъ, которыя герой выводитъ изъ опытовъ своей жизни. Но такому герою, какъ Чистяковъ, не пристало быть моралистомъ, хотя онъ и любитъ при случаѣ брать на себя эту обязанность. Всѣ его начинанія оканчиваются недобромъ или смѣхомъ, по его собственной простотѣ, которая иногда хуже воровства. Мораль Лесажева сочиненія можетъ быть добыта внимательнымъ читателемъ изъ похожденій Жилблаза; самъ Жилблазъ ее не проповѣдуетъ. Жизнь этого героя представляетъ картину свойственнаго людямъ равно-

душія къ добродѣтели и пороку. Онъ, какъ и большинство смертныхъ, столько же готовъ на честное дѣло, сколько и на плутни, смотря по тому, что лучше ведетъ къ устройству благоденствія. Но онъ, однакожъ, понимаетъ достоинство одного и низость другаго, и нерѣдко скорбитъ, если обстоятельства вынуждаютъ его жертвовать дурному хорошимъ. Жаль одного, говоритъ онъ послѣ какой-то продѣлки, что нѣтъ тутъ столько же чести, сколько есть прибыли и удовольствія. Жилблазовскій индифферентизмъ не къ лицу «Россійскому Жилблазу»: послѣдній преступаетъ правила большею частію потому, что неясно различаетъ законное отъ незаконнаго. Его продѣлки—всегда почти несообразности. Еще меньше смысла имѣютъ въ его устахъ нравоучительные выводы. Что разсказывается Жилблазомъ Лесажа, то каждый человѣкъ можетъ примѣнять къ себѣ: отъ того-то авторъ и проситъ читателей не подозрѣвать въ его романѣ личныхъ намековъ. Что разсказывается о Чистяковѣ, того нельзя взять на свой счетъ, такъ какъ его дѣйствія несогласны съ русскою жизнію, исключительны и въ добавокъ глупы. Подобные герои не возбуждаютъ сочувствія. Мы не то хотимъ сказать, что сочиненіе Нарѣжнаго не выдерживаетъ сравненія съ сочиненіемъ Лесажа: это само собою разумѣется; мы хотимъ сказать, что подражать образцовому автору значитъ писать такъ, какъ бы онъ, будучи русскимъ, описывалъ дѣйствія и нравы русскихъ.

Несостоятельность «Россійскаго Жилблаза», какъ романа, выкупается сатирическимъ описаніемъ нѣкоторыхъ современныхъ нравовъ. Съ этой стороны надобно отдать справедливость и таланту, и здравому смыслу Нарѣжнаго, который лучше хотѣлъ имѣть дѣло съ настоящимъ положеніемъ вещей, каково оно ни есть, нежели рисовать сентиментальныя картины. Правда, онъ не соблюдаетъ должной мѣры въ своихъ изображеніяхъ, часто преувеличивая смѣшное, однакожъ въ самой каррикатурѣ держится на дѣйствительномъ основаніи. Изъ многихъ предметовъ его сатиры въ предисловіи указана, какъ нѣчто особенное, «изступленная любовь къ метафизикѣ, славянскому языку и всему нѣмецкому». Насколько можно судить по словамъ Чистякова, подъ метафизикой авторъ разумѣлъ такую науку, которая измѣряетъ все сущее и несущее, разсуждаетъ о жизненныхъ духахъ, о душѣ, умѣ, адѣ, раѣ и т. п. Представитель подобнаго метафизика—Трисмегалосъ, провинціальный философъ-учитель, будто бы имѣвшій обязанность преподавать публичныя лекціи или говорить рѣчи о философіи. Конечно, здѣсь не безъ подражанія Лесажеву роману: Трисмегалосъ сбивается на баккалавровъ саламанкскаго университета; но есть и подлинныя черты бывшаго схоластическаго преподаванія въ нашихъ духовно-

учебныхъ заведеніяхъ, среднихъ и высшихъ, которыхъ воспитанники были упражняемы въ безполезныхъ диспутахъ и по окончаніи курса сообщали своимъ проповѣдямъ и другимъ сочиненіямъ характеръ школьной науки. Трисмегалосъ, знатокъ онтологіи, пневматологіи и психологіи, способенъ защищать или опровергать прямо-противоположныя мнѣнія: онъ доказываетъ, что «душа наша во лбу между глазами», а потомъ, съ такою же легкостью, что «она имѣетъ пребываніе въ затылкѣ, но съ тѣмъ однако, что властна перейти въ чело». Кромѣ схоластическаго мудрованія, подъ метафизикой разумѣется масонскій мистицизмъ, господствовавшій у насъ почти все время царствованія Александра I. Конецъ третьей части вводитъ Россійскаго Жилблаза въ общество вольныхъ каменщиковъ; какъ новоизбранный членъ, онъ присутствуетъ на ихъ собраніяхъ съ рѣчами, пѣснями и символической обрядностью. Предсѣдатель ложи, посвящая Чистякова, предлагаетъ ему вопросъ: «хочешь ли имѣть понятіе о высокой таинственной мудрости, которая пронзаетъ небеса и освѣщаетъ сокровенныя движенія горнихъ духовъ?» Обстановка засѣданій въ ложѣ схвачена вѣрно, хотя самый взглядъ на масонство одностороненъ. Сатирикъ отнесся къ нему отрицательно. Онъ представляетъ явленія выродившагося, испорченнаго союза, который, уклонясь отъ своей цѣли—нравственнаго строенія людей, ударился въ тщеславіе, шарлатанство, обманъ и развратъ.

Трисмегалосъ не только философъ, но и славянофилъ. Онъ и говоритъ на церковно-славянскомъ языкѣ и объясняетъ пренебреженіе къ нему упадкомъ нравственности, какъ Шишковъ. Когда явился къ нему сынъ Чистякова, Никандръ, и изумилъ его знаніемъ почитаемаго имъ языка, а бывшій при этомъ посѣтитель (Горланіусъ) смѣялся надъ комическимъ изумленіемъ старца, послѣдній замѣтилъ ему съ упрекомъ: «что смѣешися, о Горланіе! Не есть ли во времена наши, *егда погибло всеизящное на земли и нравы развратишася*, — но есть ли, глаголю, чудо зрѣти юношу сего въ толикомъ благомысліи, вѣщающаго языкомъ мудрѣйшимъ и доброгласнѣйшимъ?»

Нѣмцоманію надобно понимать и въ собственномъ смыслѣ, какъ любовь къ нѣмцамъ, и въ болѣе обширномъ, какъ пристрастіе къ иностранному вообще. Временемъ сочиненія романа объясняются сатирическія его выходки. Нарѣжный трудился надъ нимъ въ эпоху великихъ нашихъ войнъ. Естественно было питать не только нелюбовь, но и ненависть къ двадцати языкамъ разорявшимъ Россію, какъ бы они ни пришли въ нее, волею или неволей; еще естественнѣе было осуждать благоволеніе русскихъ къ недавнимъ врагамъ ихъ отечества. Эта ненависть замѣчалась въ Малороссіи, и одинъ изъ украинскихъ дѣятелей, В. Н. Каразинъ, правитель дѣлъ

основаннаго имъ въ Харьковѣ «филотехническаго общества», счелъ за нужное возстать противъ чувства, которое обратилось въ предубѣжденіе, отвергаемое гуманностью, и съ этою цѣлію въ публичномъ собраніи общества, 1818 г., произнесъ рѣчь «объ истинной и ложной любви къ отечеству» (1). Рѣчь развиваетъ слѣдующее положеніе: «Любовь къ отечеству не есть исключительная привязанность къ странѣ рожденія, къ единоплеменникамъ: она согласуется съ любовію къ роду человѣческому... Государственное злословіе (т. е. ненависть къ чужимъ государствамъ и народамъ) не есть любовь къ отечеству: это ложный патріотизмъ». Въ одномъ мѣстѣ романа, помѣщикъ Простаковъ произноситъ грозную діатрибу противъ иностраннаго воспитанія русскихъ дѣтей. Въ другомъ выведенъ какой-то фонъ-Вольфъ-Кальбъ-Гаузовъ, гордящійся «достоинствомъ нѣмца, т. е. благородствомъ, чувствительностью и всегдашнимъ присутствіемъ духа». Россійскій Жилблазъ не могъ надивиться хвастовству и спеси этого нѣмецкаго пустомели. «Въ послѣдствіи времени», говоритъ онъ, «я узналъ, что многіе изъ сихъ спесивыхъ безумцевъ, не находя на родинѣ куска хлѣба, приходятъ въ Россію, нерѣдко съ котомкою за плечьми и въ лохмотьяхъ, и скоро, съ помощію такихъ же выходцевъ, какъ и они, подлостію, ласкательствами и всѣми низкими средствами, достаютъ себѣ выгодныя мѣста, и послѣ съ гордостію и безстыдствомъ презираютъ и тѣснятъ природныхъ Русскихъ. Тогда узналъ я, что мы въ гражданской образованности еще весьма далеки отъ другихъ націй, потому что такихъ примѣровъ нигдѣ не найдешь, кромѣ какъ у насъ». Нѣтъ сомнѣнія, что слова Чистякова и теперь вызовутъ сочувствіе многихъ; для современниковъ Нарѣжнаго они были еще понятнѣе и сочувственнѣе. Тогда не даромъ ходилъ анекдотъ объ одномъ лицѣ, которое, испытывая постоянныя неудачи на службѣ, будто бы пріѣхало въ столицу хлопотать о перемѣнѣ своей русской фамиліи на нѣмецкую.

Есть и другія мѣста, рекомендующія сатирическій элементъ романа. Антипатія къ такъ называемому свѣтскому кругу, съ его наружнымъ благоприличіемъ и внутренней растлѣнностью; заступничество за крестьянъ, тѣснимыхъ жестокосердыми владѣльцами; изображеніе присудственныхъ мѣстъ, отправлявшихъ неправосудіе.... все это является у Нарѣжнаго иногда съ цѣлью обличить дурное, а иногда съ цѣлью привлечь читателя къ хорошему. Забавна сцена на базарѣ между хранителемъ городскаго благочинія и Чистяковымъ, когда послѣдній не подѣлился съ нимъ завтра-

---

1) Сынъ Отечества, 1818, № 48.

комъ, и тотъ влѣпилъ ему около дюжины ударовъ плетью, приговаривая: «не чавкай, не нарушай тишины и порядка!» Столько же забавно, но больше правдоподобно распоряженіе канцеляриста Застойкина, который, исполняя данный ему ордеръ, вмѣсто убѣжавшаго купеческаго сына схватилъ попавшагося ему на дорогѣ Чистякова, нашелъ въ немъ всѣ прописанныя въ ордерѣ примѣты, обобралъ у него деньги и на вопросъ его: «развѣ мнѣ запрещено говорить въ свое оправданіе?» отвѣчалъ: «ни мало; въ ордерѣ о губахъ и языкѣ ни слова не сказано, и ты можешь дѣйствовать ими, сколь душѣ угодно». Встрѣчаются у Нарѣжнаго и такія картины, которыя, какъ сказано въ предисловіи, заставляютъ «пожилыхъ богомоловъ и богомолокъ, хотя притворно, застыдиться». Любопытно выслушать мнѣніе автора въ виду тѣхъ выговоровъ, которыхъ ожидалъ онъ отъ моральнаго пуризма: «можетъ быть, тоже дѣйствіе будетъ и надъ молодыми; но пусть молодые, почувствовавъ низость порока чужаго, краснѣютъ, не бывъ еще подвержены оному сами, нежели краснѣть въ лѣтахъ по сдѣланіи и когда уже будетъ мало случаевъ и силъ ему противиться».

Кромѣ «Россійскаго Жилблаза», Нарѣжный написалъ еще три романа: «Аристіонъ, или перевоспитаніе» (1822), «Бурсакъ» (1824) и «Два Ивана, или страсть къ тяжбамъ» (1825). Общій ихъ недостатокъ—или запутанность, или неправдоподобіе сюжета; общее ихъ достоинство—частію комическое, частію сатирическое изображеніе нѣкоторыхъ дѣйствій и личностей.

«Аристіонъ» названъ «справедливою» повѣстью. Эта справедливость случайная. Мало ли что бываетъ на свѣтѣ? Не все анекдотическое можетъ служить предметомъ поэтическаго повѣствованія. А въ «Аристіонѣ» разсказанъ именно анекдотъ, и притомъ исключительный. Дѣйствіе происходитъ сначала въ столицѣ, едва не погубившей молодаго человѣка (Аристіона) своими соблазнами, а потомъ въ Украйнѣ, куда онъ былъ вызванъ нарочно-выдуманнымъ извѣстіемъ о смерти своихъ родителей. Въ деревнѣ, подъ надзоромъ мнимо-умершаго отца и его друга, совершается перевоспитаніе блуднаго сына: они приглашаютъ къ нему учителей, заставляютъ его читать книги, ведутъ съ нимъ назидательныя бесѣды. Послѣ годичнаго искуса, въ которомъ двадцатипятилѣтній Аристіонъ игралъ незавидную роль школьника, комедія оканчивается. Убѣдившись въ твердомъ поворотѣ сына на истинный путь, отецъ (бригадиръ Валеріанъ) объясняетъ ему благодѣтельный обманъ и въ заключеніе женитъ его на образованной дѣвушкѣ, дочери своего друга, какого-то графа Родіона, также украинскаго помѣщика. Не смотря на доброе намѣреніе повѣсти, легко замѣтить, что она испытываетъ

участь большей части нравоучительныхъ разсказовъ, то есть: ея мораль разногласитъ съ фактомъ. Въ завязкѣ говорится одно, а въ развязкѣ происходитъ другое. Завязка поучаетъ, что счастіе человѣческое не одно и тоже съ земными благами, а развязка самымъ дѣломъ, на судьбѣ главнаго лица доказываетъ, что если счастіе не заключается ни въ знатности рода, ни въ богатствѣ, ни въ почестяхъ, ни въ красотѣ, то, по крайней мѣрѣ, всѣ эти предметы — значительное число душъ, графское званіе, генеральскій чинъ, красавица жена—заключаются въ счастіи, какъ его необходимыя принадлежности. И потому читатель, сличая начало съ концемъ, недоумѣваетъ, чему меньше вѣрить—искренности ли нравоучителя, или искренности возрожденія, описаннаго повѣствователемъ. Между дѣйствующими лицами въ «Аристіонѣ» встрѣчаются три пана: Сильвестръ, Парамонъ и Тарахъ. Одинъ изъ нихъ страстный охотникъ, другой весельчакъ, третій — скредъ, иронически названный «бережливымъ». Послѣдній особенно замѣчателенъ. У него слуга ходитъ въ лохмотьяхъ, а служанка босикомъ; онъ по каплямъ наливаетъ льняное масло въ яшную кашицу; въ болѣзни не рѣшается ѣсть похлебку съ курицей и печеные яблоки, хотя богаче всѣхъ своихъ сосѣдей; не платитъ доктору за визиты и лекарства, и даже продаетъ зайца, подареннаго ему гостемъ. Ради скопидомства, онъ заманиваетъ крестьянскихъ коровъ, овецъ, куръ и гусей на свой кормъ, а потомъ сгоняетъ ихъ къ себѣ на дворъ, какъ вознагражденіе за потраву. Кромѣ этого случайнаго побора установлены имъ другіе, «христіанскіе»: «Буде въ праздничный день крестьяне захотятъ помолиться Богу въ церкви ближняго села, то прежде должны принести господину—кто курицу, кто утку, кто десятокъ яицъ, мѣрку меду, масла, сыру.... По приведеніи всего принесеннаго въ порядокъ и по надлежащей оцѣнкѣ, очередной крестьянинъ, на своей телѣгѣ, долженъ эту добычу везти въ ближайшій городъ, за двадцать верстъ, на продажу. Если ему не удастся продать по той цѣнѣ, какая назначена, то долженъ пополнить собственными деньгами, а буде заупрямится, то челядинцы придутъ на его дворъ и возьмутъ на господина то, что, по мнѣнію ихъ, вознаградитъ недоимку». Отклоняя всякія сравненія, можно сказать, что въ чертахъ этого малорусскаго Гарпагона, набросанныхъ Нарѣжнымъ, замѣчается фамильное сходство съ Гарпагономъ великорусскимъ, художественно представленнымъ въ лицѣ Плюшкина.

Въ «Бурсакѣ» главное лице (Неонъ Хлопотинскій) разсказываетъ свои черезъ-чуръ романическія похожденія: изъ мнимаго сына дьячка онъ, съ помощью разныхъ чудесъ, оказывается внукомъ малорусскаго гетмана. Дѣйствіе происходитъ въ Украйнѣ.

Неонъ — воспитанникъ духовнаго училища, бурсакъ. Описаніе бурсы, гдѣ онъ жилъ на казенномъ содержаніи, заведенныхъ въ ней порядковъ и обычаевъ, нравовъ ея учителей и учащихся составляетъ единственно-замѣчательную часть повѣсти. Здѣсь много вѣрныхъ, очень комическихъ сценъ изъ бурсацкой жизни, изображеніе которой достигло высшаго комизма подъ перомъ Гоголя. Но за Нарѣжнымъ остается честь почина въ ознакомленіи читателей съ предметомъ, до того почитавшимся недостойнымъ литературной сферы или карикатурно выходившимъ на сцену въ одеждѣ театральныхъ піесахъ.

Знаменитый сподвижникъ Екатерины Великой, канцлеръ Безбородко, называлъ Малороссію страною прирожденныхъ повытчиковъ и секретарей. Подъ этимъ онъ разумѣлъ не только способность ея жителей къ юридической дѣятельности, но вмѣстѣ и неодолимую ихъ охоту къ сутяжничеству. Нигдѣ, конечно, глаголъ «позывать» (требовать къ суду) не употреблялся такъ часто, не приводился въ исполненіе такъ настойчиво и не оканчивался такимъ разореніемъ истцевъ и отвѣтчиковъ, какъ въ предѣлахъ благословенной Украйны. Малоруссы тягались какъ по необходимости, такъ еще изъ любви къ искусству, въ которомъ они большіе мастера. Ихъ процессы изумительны съ одной стороны ничтожностью поводовъ, съ другой — своею долговременностью. Десятилѣтняя ссора Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ изъ-за слова «гусакъ» (1) вовсе не выдумана; можно считать ее даже непреувеличенной. Эта страсть къ тяжбамъ, лежащая въ физіологическихъ особенностяхъ племени, развилась подъ вліяніемъ его исторической судьбы. Малоруссы отличаются стойкимъ упорствомъ. Выраженіе: «упрямъ какъ хохолъ», сдѣлалось почти пословицей. Въ этомъ свойствѣ есть и хорошая сторона: чувство самостоятельности, требованіе законной охраны и своему лицу, и своей собственности. То и другое, личность и имущество, приходилось въ теченіи многихъ лѣтъ защищать отъ польской справы иногда оружіемъ, а иногда гражданскимъ судомъ. Отъ давней привычки быть всегда на-сторожѣ, отстаивать свое добро, «угнѣздилась въ Малороссіи страсть къ тяжбамъ, это истинное порожденіе ада», какъ говоритъ Нарѣжный; «сама породила тамъ чадъ и внучатъ и не выродится до дня страшнаго суда». Она-то составляетъ предметъ повѣсти: «Два Ивана». Пожилые отцы взрослыхъ сыновей, Иванъ старшій (Зубарь) и Иванъ младшій (Хмара) ведутъ забавно-ожесточенную тяжбу съ пожилымъ отцемъ взрослыхъ дочерей, Хари-

---

(1) Повѣсть Гоголя.

тономъ Замозой. Началась она изъ-за полдюжины кроликовъ, застрѣленныхъ послѣднимъ паномъ, и нѣсколькихъ десятковъ голубей, убитыхъ первыми. Половина повѣсти занята разсказомъ о непріятностяхъ, которыя сосѣди взаимно себѣ наносятъ: Харитонъ сжегъ у Ивановъ гумно, подкопалъ водяную мельницу и разорилъ пасѣку, а Иваны выжгли у Харитона цѣлое поле съ созрѣвшимъ хлѣбомъ, сожгли голубятню и подкопали двѣ вѣтряныя мельницы. За обоюдными пакостями слѣдуютъ позывы къ суду и самый судъ въ канцеляріяхъ, начинаясь съ низшей—сотенной, продолжаясь въ средней—полковой, и оканчиваясь въ высшей — войсковой. Разсказъ ведется веселымъ тономъ и возбуждаетъ комическій смѣхъ; ни одна сцена не кажется карриватурною; прошенія тянущихся и опредѣленія разныхъ судебныхъ инстанцій удовлетворяютъ читателя, какъ согласныя съ настроеніемъ фантазіи автора. Другая часть повѣсти описываетъ горькіе плоды ссоры, мировую пановъ и устройство ихъ дѣтей при посредствѣ благодѣтельнаго ихъ родственника, который у Нарѣжнаго словно изъ земли выростаетъ. Она же представляетъ интереса, потому что авторъ, талантливый въ разсказѣ о смѣшныхъ явленіяхъ жизни, преимущественно малорусской, не мастеръ вести и заканчивать интригу. Конецъ придумывается имъ всегда съ нравоучительною цѣлью, какъ бы для очищенія обязанности романиста, по тогдашнему на нее взгляду. Въ заключеніе скажемъ, что романы Нарѣжнаго, по предмету и грубой рисовкѣ, не могли нравиться всѣмъ читателямъ. Они, какъ замѣчено однимъ критикомъ, «обдаютъ насъ варенухою, и куда авторъ ни вводитъ насъ, все, кажется, не выходишь у него изъ корчмы»: посему-то и назвали его Теньеромъ русскаго романа, или Теньеромъ № 2, такъ какъ № 1 принадлежалъ А. Измайлову, Теньеру русской басни.

Повѣсти Веницкаго (1781 — 1809): «Ибрагимъ, или великодушный» (1807), «Бедуинъ» (1807), «На другой день» (1809), умныя по содержанію и замѣчательныя литературной отдѣлкой, доставили ему скорую извѣстность. Читатели и критики справедливо находили въ нихъ здравыя понятія, интересный сюжетъ, живой, остроумный разсказъ и чистый, пріятный языкъ. И теперь можно читать ихъ съ удовольствіемъ, какъ сочиненія несомнѣнно даровитаго человѣка. Онѣ принадлежатъ къ такъ называвшимся «восточнымъ» повѣстямъ, на которыя въ европейской литературѣ была мода, заимствованная потомъ и нашими писателями. Ихъ появленіе и господство объясняются, во-первыхъ, возможностью рѣшительнѣе высказывать истину, изображать, въ разсказѣ о чужихъ дѣйствіяхъ и лицахъ, современные недостатки своего об-

«хорошимъ, настоящимъ версификаторомъ» [1]; это мнѣніе подробнѣе было высказано Н. Полевымъ [2]. Но едва-ли не лучшее рѣшеніе вопроса находится въ Запискахъ самого Дмитріева, открыто исповѣдавшихъ характеръ его стихотворства, которое съ большими перерывами шло отъ 1777 до 1810 г., всего въ теченіи двадцати лѣтъ:

Вся моя забота (*въ первые годы авторства*) была только объ томъ, чтобъ стихи мои были менѣе шероховаты, чѣмъ у многихъ. Одну только плавность стиха и богатую риѳму я считалъ красотой и совершенствомъ поэзіи.

Привыкнувъ въ молодости писать урывками, я не могъ уже и въ зрѣломъ возрастѣ высидѣть за бумагой около часа: нетерпѣливъ былъ обдумывать предпринимаемую работу. При малѣйшемъ упорствѣ риѳмы, при малѣйшемъ затрудненіи въ краткомъ и ясномъ изложеніи мыслей моихъ, я бросалъ перо въ ожиданіи счастливѣйшей минуты: мнѣ казалось унизительнымъ ломать голову надъ парою стиховъ и насиловать самого себя, или самую природу.

Отъ того, можетъ быть, и примѣчается, даже самимъ мною, въ стихахъ моихъ скудость въ идеяхъ, болѣе живости, украшеній, чѣмъ глубокомыслія и силы. Отъ того послѣдовало и то, что ни въ которомъ изъ лучшихъ моихъ стихотвореній нѣтъ обширной основы.

Какъ бы то ни было, но я долженъ быть признателенъ къ счастливой звѣздѣ своей: едва ли кто изъ моихъ современниковъ проходилъ авторское поприще съ меньшею заботою и большею удачею.

Прим. Дмитріевъ, Иванъ Ивановичъ (1760—1837), родился Симбирской губерніи въ Сызранскомъ уѣздѣ. Весьма незначительное образованіе, полученное въ частныхъ пансіонахъ (въ Казани и въ Симбирскѣ), а потомъ въ полковой школѣ (въ Петербургѣ), онъ по возможности восполнилъ чтеніемъ книгъ на русскомъ и французскомъ языкахъ и знакомствомъ съ литераторами, московскими и петербургскими. Четырнадцати лѣтъ (1774) поступилъ въ гвардію въ семеновскій полкъ. Свободное отъ строевой службы время посвящалъ литературѣ. Онъ началъ писать стихи, еще не зная версификаціи, и образцами себѣ выбралъ Сумарокова и Хераскова. Первое его стихотвореніе: «Надпись къ портрету Кантемира», нап. въ «Ученыхъ Вѣдомостяхъ», издававшихся Н. Новиковымъ (1777). «Я стихотворствовалъ», пишетъ онъ въ своихъ «Запискахъ», «нѣсколько лѣтъ посреди черствой службы, въ малыхъ чинахъ, между строями и караулами, въ обращеніи съ товарищами, почти необразованными; въ уголкѣ тѣснаго, низменнаго домика, чрезъ перегородку, раздѣляющую меня съ братомъ, въ шуму входящихъ и выходящихъ; не бывъ почти никогда, ниже на двѣ минуты, въ совершенномъ уединеніи». Кромѣ того, Дмитріевъ занимался переводами съ французскаго небольшихъ прозаическихъ сочиненій и отдавалъ переводы книгопродавцамъ, которые платили ему за то книгами. Въ 1781 г. онъ познакомился съ землякомъ своимъ, Карамзинымъ, поступившимъ на службу также въ гвардію. Связь молодыхъ лю-

---

[1]) Разборъ 5-го изданія сочиненій Дмитріева (Благонамѣренный, 1819, № 3).

[2]) Разборъ сочиненій Дмитріева (Очерки русской литературы, ч. 2-ая, 1839).

дей, укрѣпленная единствомъ интересовъ, продолжалась слишкомъ сорокъ лѣтъ, до самой смерти Карамзина, котораго Дмитріевъ называлъ своимъ «единственнымъ» другомъ. Съ изданія «Московскаго журнала» начался болѣе зрѣлый періодъ стихотворства Дмитріева: помѣщенныя въ этомъ журналѣ пѣсня «Голубокъ» и сказка «Молодая жена» доставили ихъ автору извѣстность. 1794-ый годъ Дмитріевъ называетъ своимъ лучшимъ «піитическимъ» годомъ; онъ провелъ его посреди семейства въ Сызранѣ или въ странствованіяхъ по низовому краю, и написалъ слѣдующія піесы: «Гласъ патріота», «Ермакъ», Чужой толкъ», «Воздушныя башни», «Причудницу» и др. Подражая «Бездѣлкамъ» Карамзина, издалъ въ 1795 г. «И мои бездѣлки». Въ 1796 г. вышелъ въ отставку съ чиномъ полковника, но въ слѣдующемъ получилъ мѣсто оберъ-прокурора въ сенатѣ и званіе младшаго товарища министра въ новоучрежденномъ департаментѣ удѣльныхъ имѣній, которыя должности и занималъ до 1 января 1800 г. Чувства при свиданіи съ московскими друзьями, послѣ долгой съ ними разлуки, выразилъ онъ въ «Посланіи», одномъ изъ лучшихъ своихъ стихотвореній. Два года за тѣмъ проводилъ онъ то въ деревнѣ у родителей, то въ Москвѣ на одной квартирѣ съ Карамзинымъ, то въ Петербургѣ. Съ 1802 г. поселился въ Москвѣ, сообщая Карамзину басни и другія стихотворенія для «Вѣстника Европы». Въ 1806-мъ былъ назначенъ сенаторомъ; въ 1807-мъ, гр. Завадовскій, министръ народнаго просвѣщенія, предлагалъ ему званіе попечителя московскаго университета, на мѣсто умершаго М. Н. Муравьева, но Дмитріевъ, сознавая недостатокъ нужнаго для того образованія, отказался отъ предложенія. Въ 1810 г. назначенъ министромъ юстиціи, которымъ и оставался до 30 августа 1814 г. По увольненіи переѣхалъ снова въ Москву. Въ 1816 г., при учрежденіи коммисіи для пособія разореннымъ въ Москвѣ отъ пожара и непріятеля, былъ назначенъ въ ея предсѣдатели. Труды его по этой обязанности были награждены (1818 и 1819 гг.) чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и орденомъ св. Владиміра 1-ой степени (до того Дмитріевъ уже имѣлъ св. Анны 1-ой степени и св. Александра Невскаго). Съ тѣхъ поръ, въ теченіе 28 лѣтъ, Дмитріевъ постоянно жилъ въ Москвѣ, иногда выѣзжая изъ нея только на родину или въ Петербургъ.

«Матеріалы для полнаго собранія сочиненій Дмитріева» исчислены М. Н. Лонгиновымъ (Рус. Архивъ 1863, стр. 710—720); дополненіе къ нимъ (ib. 1864, стр. 1251—1255). Здѣсь же указаны критическія и біографическія статьи о немъ; лучшія изъ нихъ: Каченовскаго (В. Евр. 1806, №№ 8 и 9), кн. П. А. Вяземскаго (Извѣстіе о жизни и стихотвореніяхъ И. И. Дмитріева, при 6-мъ изд. его стихотвореній, 1823), Н. Полеваго (Очерки русской литературы, 1839, ч. 2) и М. Дмитріева (Мелочи изъ запаса моей памяти).—Записки Дмитріева, съ приложеніями и примѣчаніями, изданы 1866 г., подъ заглавіемъ: «Взглядъ на мою жизнь». Много свѣдѣній о немъ находится въ письмахъ къ нему Карамзина, изданныхъ 2-мъ отдѣленіемъ Академіи Наукъ (1866).

§ 15. Первая четверть нынѣшняго вѣка останется памятною въ исторіи нашего театра и драмы. Замѣчательные ихъ успѣхи обусловились одновременнымъ появленіемъ талантливыхъ артистовъ и писателей. На петербургской сценѣ блистали Яковлевъ и Семенова,

а потомъ Каратыгинъ и Колосова (въ послѣдствіи Каратыгина); на московской славились Померанцевъ, Шушеринъ, Плавильщиковъ, Сандуновъ и Сандунова, и позднѣе Мочаловъ, первоклассный трагикъ, и Щепкинъ, первоклассный комикъ. Въ средѣ ихъ, какъ живое преданіе начальной эпохи русскаго театра, стоялъ Дмитревскій; руководствуя своею опытностью молодыхъ и немолодыхъ актеровъ. Взаимнодѣйствіе сценическихъ талантовъ и драматическихъ авторовъ естественно и несомнѣнно. Драма пишется для представленія, успѣхъ котораго невозможенъ безъ хорошихъ исполнителей. Озеровъ дѣлилъ съ Семеновой дань слезъ и рукоплесканій, вызванныхъ его трагедіями, и «шумный рой комедій» Шаховскаго не возбудилъ бы и половины смѣха безъ геніальной игры Щепкина. Если драматургъ образуетъ артиста, то и артистъ своей игрою дѣйствуетъ на него образовательно. По крайней мѣрѣ нельзя отвергать того факта, что драматическое творчество во многихъ случаяхъ принимало къ соображенію средства и способности извѣстныхъ сценическихъ сюжетовъ.

Но оживленный ходъ сценической и драматической дѣятельности немыслимъ безъ общественнаго къ ней сочувствія, которое, возбуждая и поддерживая ее, служитъ главнѣйшею причиною ея развитія. Въ публикѣ десятыхъ и двадцатыхъ годовъ усиленно распространялся вкусъ къ благороднымъ зрѣлищамъ, отбивающимъ охоту отъ зрѣлищъ неблагородныхъ, отъ грубаго времепровожденія. Изъ разныхъ слоевъ ея стало выдѣляться большее противъ прежняго количество лицъ, для которыхъ художественный интересъ занялъ мѣсто въ ряду потребностей, необходимыхъ человѣку образованному. Многіе, даже люди серьезные и дѣловые, предавались театру не какъ забавѣ только, но и какъ важному занятію. Литераторы, по старой памяти, видѣли въ немъ училище добрыхъ нравовъ, исправителя пороковъ и заблужденій. Сужденія о піесахъ, о постановкѣ ихъ на сцену и выполненіи служили предметомъ разговоровъ какъ во время самаго спектакля, такъ и на обѣдахъ или вечернихъ собраніяхъ, литературныхъ и нелитературныхъ. Съ цѣлью очищать вкусъ публики и направлять ея приговоры былъ еженедѣльно издаваемъ «Драматическій Вѣстникъ» (1808), заключающій въ себѣ два отдѣла: правила драматическаго искусства, извлеченныя изъ лучшихъ иностранныхъ писателей, и, согласно съ правилами, отчеты о піесахъ и ихъ выполненіи. По словамъ этого журнала, отечественный театръ сталъ обращать на себя вниманіе людей даже великосвѣтскихъ, пріученныхъ иностранными воспитателями презрительно отзываться о произведеніяхъ русскаго ума: они уже не стыдились признаваться, что плакали

въ «Эдипѣ» и «Пожарскомъ», смѣялись въ «Недорослѣ» и «Модной лавкѣ», и даже подшучивали надъ слѣпыми поклонниками чужеземщины. Въ подражаніе столичнымъ театрамъ заводились провинціальные, по губернскимъ городамъ, на содержаніи антрепренеровъ, и частные или домашніе, которые устраивались вельможами и зажиточными помѣщиками изъ крѣпостныхъ людей. Труппы тѣхъ и другихъ иногда доставляли столицамъ отличныхъ артистовъ. Въ числѣ посѣтителей театра явились страстные его любители, такъ называемые «театралы», къ которымъ принадлежали сановники на-ряду съ малочиновными, пожилые на-ряду съ молодежью. Искусство читать драматическую піесу, декламировать изъ нея наизусть монологи и даже цѣлыя сцены уважалось высоко; благодаря ему, передъ новичками въ литературѣ отворялись двери опытныхъ литераторовъ: С. Аксаковъ, С. Жихаревъ и П. Араповъ представляютъ тому доказательство. Послѣдній, не имѣя ничего для чтенія, отрекомендовалъ себя князю Шаховскому тѣмъ, что продекламировалъ у него на вечерѣ «Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ». Поденныя записки С. П. Жихарева (Дневникъ чиновника) почти на-половину заняты театральными извѣстіями и отчетами. Какъ свидѣтельство рѣдкой театроманіи, хранилась у него коллекція ежедневныхъ афишъ за тридцать лѣтъ сряду! Для записнаго театрала, не пассивнаго, а дѣятельнаго, сочинить піесу, прочесть ее въ кругу знатоковъ драматическаго искуства и выслушать ихъ мнѣніе, наконецъ видѣть ея на сценѣ, составляло три постепенно восходившія ступени наслажденія.

Любовью къ театру отличались и лица, стоявшія при его управленіи. Директоры: Нарышкинъ и Майковъ въ Петербургѣ, Кокошкинъ въ Москвѣ, много сдѣлали для его совершенствованія. Особенную пользу оказалъ ему князь Шаховской, членъ театральной конторы по репертуарной части: онъ заботился не только о разнообразіи репертуара, но и объ улучшеніи сценическаго искуства. Его стараніемъ учреждена театральная школа для формированія «молодой труппы», обновлявшей составъ главной труппы замѣчательными дарованіями. При выборѣ и постановкѣ новыхъ піесъ, при разучиваніи ролей начальство и артисты дорожили его опытностью. Онъ распоряжался какъ знатокъ дѣла, возбуждая противъ себя много непріязней, изъ которыхъ иныя были заслужены, но не измѣняя своей заботливости объ успѣхахъ любезнаго ему искусства. Кокошкинъ соединялъ въ себѣ знаніе драмы съ сценическимъ талантомъ: онъ былъ авторъ, декламаторъ и отличный по тогдашнему времени актеръ. Московскіе старожилы помнятъ его классическую игру въ благородныхъ спектаклахъ, на которыхъ

временами являлась и Семенова, вышедшая замужъ за князя И. А. Гагарина. Домъ Шаховскаго былъ сборнымъ мѣстомъ образованныхъ любителей театра — Гнѣдича, Лобанова, И. Крылова, Катенина, Хмельницкаго, Жандра, Грибоѣдова, помогавшихъ ему своими знаніями. Туда приносилъ авторъ новую піесу читать и выслушивать замѣчанія объ ея достоинствахъ и недостаткахъ; тамъ же оцѣнивалась игра артистовъ или обсуждались мѣры для лучшей постановки прежде игранныхъ трагедій и комедій. Успѣхами русской сцены интересовался и Державинъ, на закатѣ своего таланта пустившійся въ сочиненіе драматическихъ піесъ. Но слава наиболѣе образованнаго знатока изящныхъ произведеній справедливо принадлежала А. Н. Оленину, президенту Академіи художествъ. Преданіе говоритъ, что въ его домѣ сосредоточивалось все, что являлось въ столицѣ замѣчательнаго по искусствамъ и литературѣ. У него впервые Озеровъ читалъ своего «Эдипа въ Аѳинахъ» и по его же совѣту написалъ «Фингала».

Наконецъ сильными поводами къ развитію сцены служили съ одной стороны права, данныя артистамъ, а съ другой отношеніе къ нимъ общества и литераторовъ. Въ 1806 г. театры поступили въ вѣдомство Императорской театральной дирекціи: это обрадовало и артистовъ, и драматическихъ авторовъ, ибо тѣ и другіе опредѣленно знали, съ кѣмъ они будутъ имѣть дѣло въ своихъ занятіяхъ. За извѣстный срокъ службы была положена актерамъ и актрисамъ пенсія, при назначеніи которой не пропадало время, проведенное ими у содержателей частныхъ театровъ. Окладъ ихъ жалованья возвышался соразмѣрно возвышенію ихъ извѣстности, такъ что наиболѣе извѣстные (Семенова, Колосова, Яковлевъ, Каратыгинъ) не имѣли права жаловаться на скудость средствъ для жизни. Привлекая къ себѣ сочувствіе публики талантомъ, становясь ея любимцемъ на сценѣ, артистъ дѣлался предметомъ общественнаго вниманія и внѣ сцены. Онъ принимался въ образованные круги, пользовался ласкою и покровительствомъ вліятельныхъ лицъ. Въ Москвѣ князь М. А. Долгорукій особенно любилъ Плавильщикова, приглашая его къ своимъ обѣдамъ, вмѣстѣ съ Померанцевымъ и Зловымъ. На вечерахъ князя Шаховскаго, въ Петербургѣ, военный генералъ-губернаторъ графъ М. А. Милорадовичъ, одинъ изъ героевъ 1812 г., весьма часто дѣлилъ компанію съ присутствовавшими тамъ же артистами. Послѣдніе много выигрывали отъ своего общенія съ литераторами: оно восполняло ихъ чрезвычайно-бѣдную образованность и въ тоже время отучало отъ обычаевъ грубаго невѣжества, благодаря которому «актеръ» и «гуляка» означали одно и тоже. Первоклассные сценическіе сю-

жеты, Семенова и Яковлевъ, были драгоцѣнные самородки, не обдѣланные ученіемъ. Яковлева даже товарищи называли «неучемъ». Своими успѣхами они одолжены были всего болѣе природѣ. Инстинктивно выполняли они роли, не сознавая ни историческаго, ни психологическаго ихъ значенія. Они поражали публику вдохновенными «порывами», а не полнотою стройно-цѣлаго, художественно-обдуманнаго представленія. И для общаго образованія такихъ прирожденныхъ актеровъ, и для ихъ спеціальнаго образованія въ сценическомъ искусствѣ была необходима помощь разумныхъ наставниковъ, которые и нашлись въ литературной средѣ. Гнѣдичъ занялся обученіемъ Семеновой, Катенинъ давалъ совѣты Каратыгину и Колосовой. Они, употребляя техническія выраженія, «проходили» роли съ своими protégés или protégées, «ставили» ихъ на трагическія или комическія амплуа. Разсказываютъ, что Гнѣдичъ училъ Семенову читать «съ-голосу», на первое время тяжело добиваясь отъ своей ученицы толковой, согласной съ смысломъ рѣчи декламаціи. И однакожъ — такова сила таланта — игра Семеновой, проникнутая внутреннимъ огнемъ и чувствомъ, заставляла зрителей плакать и громомъ рукоплесканій выражать свой единодушный восторгъ. Другими знаками общественнаго одобренія служили вызовы артистовъ на сцену, сначала по окончаніи спектакля, а потомъ и непосредственно за нѣкоторыми сценами, патетическими или комическими. На провинціальныхъ театрахъ иногда оказывалось болѣе реальное вниманіе игравшимъ: актеру или актрисѣ бросали на сцену, во время самаго представленія, кошелекъ съ деньгами, собранными заранѣе или тутъ же въ антрактѣ. Особенное покровительство какому-нибудь таланту, желаніе выдвинуть его впередъ, дать ему первенствующее мѣсто на сценѣ, иногда поселяло непріятности между артистами, а иногда не оставалось безъ послѣдствій и для самого покровителя. Избѣгая интригъ, Семенова и Колосова принуждены были временно покинуть сцену. Катенину, расположенному къ Колосовой и нерасположенному къ Семеновой, запрещено было посѣщать театръ въ то время, когда послѣдняя на немъ играла, а потомъ онъ былъ высланъ изъ Петербурга въ свою деревню, гдѣ и провелъ десять лѣтъ (¹).

¹) О состояніи театра въ царствованіе Александра I см.: «Записки Современника (С. П. Жихарева) съ 1805 по 1819 г.» Часть 1—«Дневникъ студента» (1859); часть 2—«Дневникъ чиновника» (От. Зап. 1855, №№ 4, 5, 7, 8, 9 и 10) его же «Воспоминанія стараго театрала» (Отеч. Зап. 1854, № 10); «Яковъ Емельяновичъ Шушеринъ», С. Аксакова (Семейная хроника и воспоминанія); его же «Литературныя и театральныя воспоминанія» (Рус. Бесѣда 1856, кн. 4); «Лѣтопись русскаго театра». П. Арапова (1861).

Въ драматической поэзіи шли рядомъ два направленія: одно выражалось быстрымъ развитіемъ вкуса къ мѣщанской драмѣ, появившейся у насъ во второй половинѣ прошлаго вѣка ([1]); другое держалось французско-классической трагедіей и комедіей.

Репертуаръ драмы состоялъ преимущественно изъ піесъ Коцебу, которыя стали появляться на русской сценѣ въ послѣднихъ годахъ XVIII столѣтія. Онъ былъ въ страшной модѣ. Нѣкоторыя его піесы: «Ненависть къ людямъ и раскаяніе» (1792), «Сынъ любви» (1795), «Гусситы подъ Наумбургомъ» (1807), давались очень часто и всегда съ чрезвычайнымъ успѣхомъ. Первыя двѣ оставались на сценѣ слишкомъ тридцать лѣтъ, не теряя интереса для зрителей. Для обозначенія «модныхъ драмъ», какъ тогда назывались драмы Коцебу, водворившіяся на сценахъ петербургской и московской, было выдумано слово «коцебятина»:

Одинъ лишь *Сынъ любви* здѣсь трогаетъ сердца!
Гусситы, Попугай ([2]) предпочтены *Соренъ* ([3])
И *коцебятина* одна теперь на сценѣ ([4]).

Коцебу не только обогащалъ репертуаръ, но и доставлялъ публикѣ занимательное чтеніе. Собраніе театральныхъ его произведеній вышло въ нѣсколькихъ переводахъ, и каждый переводъ имѣлъ по нѣскольку изданій. Кромѣ того почти каждая піеса печаталась отдѣльно. Блистательный успѣхъ Коцебу соблазнилъ и нашихъ авторовъ; явились оригинальныя драмы, въ подражаніе нѣмецкимъ: Н. Ильинъ написалъ «Лизу или торжество благодарности» (1803) и «Великодушіе или рекрутскій наборъ» (1804); В. Ѳедоровъ — «Лизу или слѣдствія гордости и обольщенія» (1804); Ѳ. Ивановъ—«Семейство Старичковыхъ, или за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаютъ» (1808). Нѣкоторыя изъ этихъ піесъ производили чрезвычайное впечатлѣніе и доставляли ихъ сочинителямъ извѣстность.

Вмѣстѣ съ сочувствіемъ публики, нѣмецкая драма возбуждала негодованіе тѣхъ литераторовъ, которые въ классической трагедіи и комедіи французовъ видѣли идеалъ драматическаго искусства. Противники Коцебу большею частію были тѣ самыя лица, которымъ не могъ угодить Карамзинъ своею дѣятельностью и которыя потомъ наполнили собою «Бесѣду»: явленіе понятное, объясняемое происхожденіемъ слезныхъ комедій, такъ какъ онѣ, по отношенію къ

[1]) Ист. Рус. Слов. I.
[2]) Драма Коцебу (1796).
[3]) Трагедія Николева, не допущенная на театръ за нѣкоторыя тирады противъ властителей.
[4]) Сатира кн. Д. Горчакова (Ист. Христ. 11).

французской трагедіи, тоже, что «Бѣдная Лиза» относительно классико-эпическихъ повѣствованій. Желаніе противодѣйствовать успѣхамъ Коцебу и вмѣстѣ охранять преданія строгаго классицизма служило главнѣйшею причиною основанія «Драматическаго Вѣстника». Планъ театральнаго журнала съ такою цѣлью задуманъ впервые кн. Шаховскимъ, подобравшимъ издателя и сотрудниковъ одного съ нимъ образа мыслей—Марина, Писарева, Д. Языкова, И. Крылова. «Вѣстникъ» состоялъ изъ двухъ отдѣловъ: одинъ переводами изъ иностранныхъ теоретиковъ, преимущественно Вольтера, напоминалъ законы псевдоклассической драмы; другой велъ войну съ драмами нѣмецкими. Въ каждомъ почти нумерѣ восхвалялись свѣтила французской трагедіи и комедіи, и раскрывались нелѣпости мѣщанскихъ трагедій и слезныхъ комедій. Піесы Коцебу и подражателей его подвергались двойной атакѣ: со стороны ихъ содержанія, вреднаго для нравственности, и со стороны нарушенія французской піитики, портящаго хорошій вкусъ. Названіе комедій «слезными» сочтено вопіющимъ противорѣчіемъ, безсмыслицей; авторы ихъ въ насмѣшку провозглашены траги-комическими или комико-трагическими, неспособными производить ни истинно-забавнаго, ни истинно-трогательнаго. Отъ «Евгеніи» (Бомарше) ведется начало современнаго упадка драматической словесности, предсказаннаго Вольтеромъ. Критика «Ненависти къ людямъ» (переведенная съ французскаго) утверждаетъ, что эта піеса причинила много разводовъ и, разстроивъ много свадьбъ, оказалась не менѣе пагубною и для искусства: успѣхъ ея завалилъ театръ драмами подобнаго же разбора и сочиненія великихъ писателей (французскихъ) забывались для глупыхъ зареинскихъ игрищъ. Въ томъ же тонѣ выражался кн. Горчаковъ и о нашей сценѣ въ упомянутой сатирѣ.

Походъ «Драматическаго Вѣстника» противъ піесъ Коцебу, безнравственности и дурнаго вкуса, не достигъ своей цѣли: онѣ продолжали болѣе и болѣе интересовать публику. Напрасно его издатели ожидали другихъ послѣдствій. Драма, въ тѣсномъ смыслѣ мѣщанскихъ трагедій, хотя у насъ была заносимымъ товаромъ, а не историческимъ явленіемъ, какъ на западѣ, однакожъ раздвигала границы репертуара, замкнутаго дотолѣ въ области французской Мельпомены и Таліи. Она возбуждала сочувствіе общечеловѣческимъ содержаніемъ, доступнымъ сердцу каждаго зрителя. Если бы критика «Вѣстника» доказывала, что это содержаніе въ трогательныхъ драмахъ Ифланда, Шредера и Коцебу захватывается мелко и представляется не художественно, тогда она могла бы назваться справедливою; но она говорила совсѣмъ не то: она безусловно отвергала мѣщанскія драмы, какъ незаконный видъ драматической

поэзіи, и впечатлѣніе, ими производимое, силилась объяснить единственно любовью толпы къ каррикатурамъ и нелѣпостямъ. Въ ихъ сценическомъ успѣхѣ она не замѣчала особенной пользы, которую онѣ приносили расширенію взглядовъ на поэзію вообще, ощутительно показывая, что не въ однихъ французскихъ трагикахъ спасеніе нашего театра, и слѣдовательно скорѣе освобождая большинство отъ пристрастія къ псевдоклассицизму, отъ вѣры въ его поэтическое единовластіе. Можно сказать, что театръ первый подкапывалъ у насъ основы французской эстетики, и не его вина, если наши литературные теоретики и критики закрывали глаза на очевидный фактъ. Другое освобожденіе совершалось въ сценической игрѣ, мало по малу отучая ее отъ преданій и обычаевъ французской сцены и пріучая къ простотѣ, естественности, свободѣ. Величественная поступь, размѣренныя движенія, пѣвучая дикція, соблюденіе приличныхъ формъ въ самомъ разгарѣ трагической страсти, всего менѣе допускающей мысль о какомъ-либо приличіи, не имѣютъ мѣста въ слезныхъ комедіяхъ: они вызвали бы смѣхъ тамъ, гдѣ дѣйствуютъ обыкновенные смертные, а не герои Корнеля и Расина. Кромѣ того, самое развитіе, постепенное расширеніе и осложненіе репертуара необходимо слѣдовало за развитіемъ общественнаго вкуса къ театру. Когда театральныя зрѣлища становятся уже не рѣдкой, такъ сказать праздничной, забавой, а частымъ, почти ежедневнымъ удовольствіемъ многихъ, когда изъ предмета роскоши они переходятъ въ предметъ потребности, тогда, конечно, является настоятельная забота о разнообразіи репертуара. Самое лучшее, безпрерывно повторяемое, наконецъ прискучитъ. Мольеръ, Корнель, Расинъ, Вольтеръ, Кребильонъ.... все это уже было переиграно и пересмотрѣно. Другихъ, подобныхъ имъ, писателей не являлось. Откуда же взять новаго, хотя бы въ томъ же родѣ? Противники мѣщанской драмы видятъ низкую пробу ея поэтическаго достоинства въ томъ, что она легко сочиняется. Но эта легкость— сущій кладъ въ томъ случаѣ, когда предстоитъ безотлагательная нужда въ обогащеніи репертуара. Сочиненіе героической трагедіи обставлено многими трудностями, изъ которыхъ только талантъ выходитъ съ счастливымъ успѣхомъ; переводчику ея также необходима извѣстная степень поэтическаго дарованія, кромѣ знанія языка и умѣнья владѣть стихомъ: поэтому не было физической возможности часто угощать публику піесами классическаго стиля. А между тѣмъ публикѣ некогда ждать нарожденія искусныхъ авторовъ и переводчиковъ: она требуетъ зрѣлищъ и зрѣлищъ. Нельзя отказать ей въ такомъ законномъ требованіи, и вотъ Коцебу, написавшій болѣе двухъ сотъ театральныхъ піесъ, очень кстати явился

на пополненіе и оживленіе нашего репертуара. Если онъ легко производилъ ихъ, то еще легче было переводить ихъ. Не маловажнымъ достоинствомъ «коцебятины» служила и ея сценическая удобоисполнимость. Въ первенствующихъ лицахъ классическихъ трагедій должны выступать отличные артисты; актеръ второстепенный непремѣнно роняетъ ихъ, а посредственность становится въ нихъ невыносимою. Напротивъ, и неперворазсные сценическіе сюжеты могутъ съ успѣхомъ представлять главныя лица мѣщанскихъ драмъ, не имѣющія ни величія, прирожденнаго героямъ Корнеля и Вольтера, ни патетическаго напряженія, изъ котораго эти герои не выходятъ въ теченіе пяти актовъ.

На основаніи высказаннаго, мы считаемъ рѣшительнымъ успѣхомъ появленіе драмъ въ нашей литературѣ и на сценѣ, равно какъ и возбужденный ими интересъ. Оригинальныя пiесы того же рода были новымъ шагомъ впередъ, какъ выраженіе общечеловѣческаго содержанія въ національной формѣ. Попытки оказывались не вполнѣ удачными въ поэтическомъ отношеніи: онѣ часто нарушали законъ правдоподобія, такъ что критикѣ легко было разглядѣть живую нитку, которою авторъ сшивалъ оба элемента—общечеловѣческій и русскій. И самые зрители могли, напримѣръ, замѣтить въ драмѣ Ильина: «Лиза или торжество благодарности», что крестьянка выражается лучше иной благовоспитанной дѣвицы и разсуждаетъ не хуже иного профессора, или что отставной солдатъ Кремневъ изъ героическаго великодушія отказывается отъ дочери своего полковника. Но эти и подобныя имъ несообразности, отъ которыхъ несвободна и «Бѣдная Лиза» Карамзина, доказываютъ только неосмотрительное подражаніе автора иностраннымъ образцамъ, допустившимъ въ драму моральное резонерство. По крайней мѣрѣ въ именахъ, мѣстѣ дѣйствія и самомъ дѣйствіи зритель видѣлъ нѣчто свое, русское, хотя и не всегда согласное съ точною дѣйствительностью. Ему было пріятнѣе, въ «Рекрутскомъ наборѣ» (драмѣ того же Ильина), трогаться великодушнымъ дѣломъ крестьянина, идущаго въ рекруты на мѣсто своего женатаго брата, нежели великодушіемъ Пилада, покрытаго историческимъ мракомъ. Ради пріятнаго впечатлѣнія, онъ охотно прощалъ извощику Герасиму его резонерство, которымъ это дѣйствующее лице не уступаетъ любому пастору въ романахъ Августа Лафонтена.

Новымъ видомъ драмы была мелодрама, названная такъ отъ музыки, которою сопровождаются наиболѣе разительныя положенія и рѣчи дѣйствующихъ лицъ. Потомъ она утратила начальный смыслъ свой и выродилась въ такое представленіе, которое

разсчитываетъ единственно на возбужденіе сильныхъ ощущеній какимъ бы то ни было способомъ. Эффектамъ—главной цѣли автора—предается въ жертву и физическое, и нравственное, и историческое правдоподобіе: отсюда слово «мелодраматическій», для означенія всего эффектнаго, если послѣднее не дорожитъ ни истиной природы, ни истиной духа, а придумано какъ легкое средство, оправдываемое цѣлью. Одной изъ первыхъ мелодрамъ, явившихся на нашей сценѣ, была «Убійца и сирота» (1819); за нею слѣдовали «Обріева собака», «Христофоръ Колумбъ или открытіе новаго свѣта», «Тридцать лѣтъ или жизнь игрока», и другія большею частію переведенныя съ французскаго.

Обращаемся къ классической трагедіи, оригинальной и переводной. Прежде всего мы замѣчаемъ здѣсь, что піесы Сумарокова почти совсѣмъ изъяты изъ репертуара. Сходитъ со сцены и Княжнинъ, къ сожалѣнію литературныхъ старожиловъ, помнившихъ эффектъ, который производили Дидона и Росславъ. Трагедіи его возобновляются случайно, по какимъ-нибудь внѣшнимъ поводамъ: или для дебюта сценическихъ сюжетовъ, или изъ желанія артистовъ блеснуть талантомъ въ той роли, которая прославила ихъ предшественниковъ. Такъ Дидона давалась въ 1808 г. для Валберховой и въ 1820-мъ для Колосовой и Брянскаго.

Мѣсто Княжнина заступилъ Озеровъ, третій по времени нашъ трагикъ, о которомъ мы будемъ говорить особенно: его піесы подняли русскую классическую трагедію и долго держались на сценѣ. Одновременно съ блистательнымъ успѣхомъ его «Димитрія Донскаго» (1807) имѣла не меньшій успѣхъ и патріотическая трагедія Крюковскаго: «Пожарскій». Въ томъ же родѣ драматической поэзіи трудились Плавильщиковъ, Ѳ. Ивановъ, Висковатовъ и Грузинцевъ, какъ сочинители и какъ переводчики. Многія піесы французскаго трагическаго тріумвирата были переведены въ первый разъ или явились въ новыхъ переводахъ: Маринъ перевелъ «Меропу», Лобановъ — «Ифигенію въ Авлидѣ» и «Федру», Гнѣдичъ — «Танкреда», Катенинъ—«Эсфирь» и «Гоѳолію», и онъ же, по словамъ А. Пушкина, «воскресилъ Корнеля геній величавый» переводомъ «Сида». Надъ нѣкоторыми трагедіями, напримѣръ «Заирой» и «Горацiями», трудились литераторы сообща, для скорѣйшаго ихъ приготовленія къ бенефису любимыхъ артистовъ или артистокъ. На трагедіи англійскую и нѣмецкую наши драматурги еще мало обращали вниманіе. За исключеніемъ «Леара» (пер. Гнѣдича), посѣтители театра знакомились съ Шекспиромъ большею частію по передѣлкамъ Дюси, изъ которыхъ Вельяминовъ перевелъ «Отелло», а Висковатовъ «Гамлета». Не видно также замѣтнаго сочувствія

къ Шиллеру, хотя и были переведены двѣ его трагедіи въ прозѣ: «Заговоръ Фіеско въ Генуѣ» и «Коварство и любовь»; «Разбойники», въ переводѣ Сандунова (1793), явились на петербургской сценѣ только въ 1814 г. Очередь главнѣйшихъ представителей трагедіи наступила лишь въ то время, когда литераторы, писавшіе для театра, обнаружили охлажденіе къ классицизму.

Сдѣлаемъ такой же общій обзоръ важнѣйшимъ комедіямъ. Прежніе комики: Фонъ-Визинъ, Княжнинъ и Капнистъ уже рѣдко привлекають публику, уступая свое первенство новымъ ея любимцамъ. «Ябеду» смотрѣли еще съ удовольствіемъ, но «Хвастунъ», возобновленный въ 1825 г. для Сосницкаго, который занималъ роль Верхолета, казался стародавнею рѣдкостью. Главнымъ представителемъ русской Таліи въ разсматриваемый періодъ былъ князь А. А. Шаховской: свыше тридцати лѣтъ онъ обогащалъ комическій репертуаръ, неослабно поддерживая его интересъ; другія комедіи написаны Хмельницкимъ, Загоскинымъ, Кокошкинымъ, Грибоѣдовымъ. Изъ двухъ комедій И. Крылова: «Урокъ дочкамъ» (1807) и «Модная Лавка» (1807), мы упоминали о первой при изложеніи патріотической литературы, замѣтивъ, что эта піеса осмѣиваетъ безсмысленное пристрастіе русскихъ къ французамъ, въ особенности къ ихъ языку и модамъ. Сатира второй піесы сосредоточена на томъ же предметѣ. Та и другая имѣли большой успѣхъ на сценѣ, благодаря комизму нѣкоторыхъ лицъ и положеній, но въ цѣломъ онѣ не выдерживаютъ строгой критики, потому что имѣютъ цѣлію болѣе возбудить смѣхъ, нежели соблюсти правдоподобіе, почему и впадаютъ не рѣдко въ преувеличенія, доходящія до карикатуры. Все ихъ дѣйствіе, по примѣру французкихъ комедій, ведется слугой и служанкой, что не въ русскихъ нравахъ. Было говорено также о комедіи графа Ростопчина «Вѣсти, или убитый живой» (1808), осмѣивающей московскихъ вѣстовщицъ и вѣстовщиковъ въ войну съ французами 1807 г. При отсутствіи художественнаго достоинства, она выступаетъ изъ ряда многихъ піесъ оригинально-рѣзкою, желчною сатирою.

Водевиль былъ такою же новостью въ комическомъ репертуарѣ, какъ мелодрама въ отдѣлѣ драмы. Послѣ Аблесимовскаго «Мельника» и «Ѳедула съ дѣтьми», которыя почитаются первыми нашими водевилями, Шаховской написалъ «Казака-стихотворца» (1812), чрезвычайно нравившагося публикѣ. Затѣмъ онъ и Хмѣльницкій ставили другія піесы того же рода, иногда переводя ихъ съ французкаго безъ перемѣны, а иногда съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ прилаживая переводы къ русскимъ нравамъ. Во-

девильныя представленія скоро пришлись публикѣ по вкусу, хотя литераторы—даже тѣ самые, что снабжали ими театръ—смотрѣли на нихъ свысока, почитали ихъ выскочками, недостойными дѣлить компанію съ Таліей. Не смотря на такую строгость безсмертной Музы, приближалось то время, когда стихъ Репетилова

Лишь водевиль есть вещь, а прочее все—гиль,

долженъ былъ оказаться не совсѣмъ шуткой. Волею-неволею театръ широко отворилъ ворота водевилямъ, въ быстрой смѣнѣ однихъ другими утолявшихъ жажду публики къ игривому разнообразію спектаклей.

Между писателями, которымъ наша драма одолжена успѣхами въ первую четверть нынѣшняго вѣка, главное мѣсто, по старшинству дѣятельности и по количеству піесъ, принадлежитъ князю А. А. Шаховскому (1777—1846). Піесы его (числомъ до 70, если не больше) составили разнообразный и пріятный репертуаръ, долгое время державшійся на столичныхъ и провинціальныхъ театрахъ. Независимо отъ удовольствія, доставляемаго ими зрителямъ, онѣ дѣйствовали воспитательнымъ образомъ на артистовъ. Домъ Шаховскаго былъ сборнымъ пунктомъ не только для служившихъ при театрѣ и писавшихъ для театра, но и вообще для образованныхъ любителей сценическаго искусства. Бесѣды въ кругу людей, постоянно у него собиравшихся, развивали понятія о драмѣ и ея исполненіи, а также питали благородную привязанность къ этому роду поэзіи.

Шаховской имѣлъ чрезвычайную страсть къ театру, которая не охлаждалась въ теченіе сорока пяти лѣтъ, съ того самаго времени, какъ онъ получилъ мѣсто репертуарнаго члена въ петербургской театральной дирекціи (1801), обязанность котораго въ то время состояла въ постановкѣ піесъ и въ содѣйствіи развитію молодыхъ сценическихъ талантовъ. Эта страсть не уступала даже служебнымъ непріятностямъ. Принужденный, по столкновенію съ директоромъ театровъ (кн. Тюфякинымъ), оставить свою должность (1818), онъ не переставалъ руководить артистовъ, обращавшихся къ нему за совѣтами, и съ прежнимъ усердіемъ поставлялъ одну за другой піесы. Уволенный (1825), по новому столкновенію съ кн. Долгорукимъ, предсѣдателемъ комитета, занимавшагося составленіемъ правилъ управленія театрами ([1]), онъ переселился въ Москву, гдѣ на свободѣ и по волѣ дѣлалъ тоже самое, что дѣлалъ въ Петербургѣ, по обязанностямъ службы.

---

[1]) Въ указѣ объ отставкѣ было сказано, что Шаховскій увольняется для лучшаго устройства комитета (Театральныя воспоминанія Р. Зотова, 1859).

Числу піесъ, написанныхъ Шаховскимъ, не уступаетъ ихъ разнообразіе. Между ними находятся всѣ виды и формы драматической поэзіи: собственно драма, трагедія, комедія, опера, водевиль, прологъ, балетъ. Каждый видъ обозначался иногда особеннымъ названіемъ: драма—романтическая; комедія—романтическая, анекдотическая, историческая; опера—анекдотическая, волшебная, волшебно-комическая, опера-водевиль; водевиль—волшебный, пословица-водевиль. Видовое отличіе піесы нерѣдко замѣнялось общимъ: зрѣлище, представленіе, быль, трилогія, драматическая поэма и т. п. Главнымъ же родомъ, свойственнымъ таланту автора, была комедія. Шаховскаго, и въ рецензіяхъ и въ эпиграммахъ, называли комикомъ, такъ что въ исторіи литературы онъ занялъ мѣсто «шумнымъ роемъ своихъ комедій», по выраженію Пушкина.

На долгомъ пути дѣятельности кн. Шаховскаго замѣчается нѣсколько направленій. Началъ онъ свою литературную карьеру строгимъ классикомъ, который видѣлъ высшіе авторитеты драмы въ произведеніяхъ французскихъ писателей. По его мысли былъ основанъ Драматическій Вѣстникъ, подъ редакціей Д. Языкова, отстаивавшій превосходство теоріи и преданій французскаго классицизма надъ мѣщанской трагедіей и другими явленіями, несогласными съ ученіемъ Вольтера. Первымъ чисто-внѣшнимъ уклоненіемъ отъ руководящихъ образцовъ служили вольные стихи, которые Шаховской сталъ вводить на мѣсто александрійскихъ. Незадолго до 1820 г., онъ перешелъ на сторону романтической драмы, сюжеты для которой заимствовалъ изъ Шекспира, В. Скотта, Оссіана и Пушкина. Сущность третьяго направленія (съ начала двадцатыхъ годовъ) объяснена самимъ авторомъ, въ письмѣ къ князю В. Ѳ. Одоевскому: «Успѣвши нѣсколько въ старомъ, или обыкновенномъ, я ищу для нашего театра если не совсѣмъ новаго, то по крайней мѣрѣ не столь условнаго, какъ драматическія подражанія, принесенныя къ намъ съ пудрою, шитыми кафтанами и красными каблуками изъ Парижа. Я хочу моими опытами открыть дорогу людямъ, имѣющимъ больше моего дарованія, для обогащенія нашей драматической литературы и даже къ созданію своего собственнаго театра на обширномъ и прочномъ фундаментѣ (¹). Стремясь къ этой цѣли, Шаховской написалъ русскимъ размѣромъ драму въ 4-хъ дѣйствіяхъ: «Соколъ князя Ярослава тверскаго или суженый на бѣломъ конѣ» (1823). Другими, позднѣйшими опытами такого направленія были двѣ піесы: драма «Двумужница» (1832) и опера «Чурова долина» (1844).

¹) Русскій Архивъ, 1864.

По количеству піесъ, сочиненныхъ кн. Шаховскимъ, можно, до нѣкоторой степени, заключать и объ ихъ качественномъ значеніи. Ему некогда было вдумываться въ драматическіе сюжеты и обработывать ихъ съ должнымъ тщаніемъ. Разнообразіе и плодовитость таланта рѣдко соединяются съ его глубиною. Только геніальность представляетъ сочетаніе такихъ свойствъ, а Шаховской вовсе не принадлежалъ къ числу геніальныхъ людей, и, какъ комикъ, вообще плавалъ не глубоко. Всѣ его піесы имѣли большее или меньшее достоинство относительное, но нѣтъ изъ нихъ ни одной съ достоинствомъ безотносительнымъ, которое даетъ поэтическому произведенію силу не только переживать своего творца, но и сохраняться надолго въ потомствѣ. По всему вѣроятію, самъ Шаховской чувствовалъ внутреннюю слабость своихъ піесъ, почему и старался прикрывать ее блестящей обстановкой: вводилъ въ нихъ, часто не кстати, музыку и танцы, пользовался машинами и декораціями, короче—угощалъ публику великолѣпнымъ спектаклемъ. Кромѣ того, любилъ онъ выставлять портреты современниковъ, извѣстныхъ публикѣ съ комической стороны, отчего вмѣсто лица, какъ представителя извѣстнаго общественнаго круга, являлась на сценѣ личность, принадлежащая одному человѣку. Публика смѣялась, потому что «смѣяться не грѣшно надъ тѣмъ, что есть смѣшно», и самъ авторъ оставался доволенъ успѣхомъ представленія, забывая, что подобный успѣхъ крайне недолговѣченъ, такъ какъ со смертію осмѣянной личности почти всегда умираетъ и піеса. Въ извиненіе Шаховскаго можно замѣтить, что современное ему значеніе театра обусловливало спѣшность авторской работы. Мы видѣли, какъ, при Александрѣ I, сильно развилась въ публикѣ охота къ сценическимъ представленіямъ. Развившейся охотѣ необходимо было удовлетворять разнообразнымъ репертуаромъ. Этому разнообразію много содѣйствовали бенефисы. Бенефиціанту, для его собственныхъ выгодъ, слѣдовало явиться предъ публикой съ какой-нибудь новой піесой, — и вотъ онъ обращался къ литератору съ просьбой приготовить для него, къ извѣстному сроку, драму, или комедію, или по меньшей мѣрѣ водевиль. Нѣкоторые изъ писателей для театра сами заинтересованы были въ судьбѣ бенефисовъ, потому что въ средѣ драматической труппы имѣли своихъ protegés или protegées. Отъ успѣха игры во многомъ зависѣлъ успѣхъ самой новопоставленной піесы, такъ что авторъ и бенефиціантъ какъ бы дѣлили пополамъ рукоплесканія зрителей. Такого срочнаго, заказнаго сочинительства на долю Шаховскаго приходилось гораздо больше, чѣмъ на долю другихъ драматическихъ писателей: въ годъ ставилъ онъ по двѣ, по три піесы, а

иногда и болѣе. Мудрено ли, что, при скорописаніи, онъ былъ вынужденъ многое брать изъ иностранныхъ образцовъ, не имѣя времени ни производить оригинальнаго, ни тщательно обдумывать передѣлку заимствованнаго? Не смотря, однакожъ, на это, и относительное значеніе піесъ Шаховскаго ставитъ его на видное мѣсто въ исторіи нашей драматической литературы. Въ драмѣ, равно какъ и въ другихъ родахъ поэзіи, кромѣ глубины содержанія и художественнаго строя, есть другія качества, производящія впечатлѣніе на публику — разнообразіе сюжетовъ, живость дѣйствія, непритворная веселость, остроуміе. Они-то и были причиною, по которой публика принимала піесы Шаховскаго съ большимъ удовольствіемъ. Многимъ также ему обязаны естественность и свободное теченіе разговора, какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ, хотя при этомъ мы должны сдѣлать оговорку, что, навыкнувъ въ искусствѣ легко владѣть стихомъ, авторъ иногда безъ нужды развязывалъ языкъ своимъ героямъ и героинямъ, которые отъ того впадали въ многословіе. Не малой заслугой его служитъ и то, что онъ во второй половинѣ своей дѣятельности сумѣлъ отрѣшиться отъ условій французскаго классицизма, перешелъ на сторону романтической школы и даже старался нѣкоторыми опытами заложить основаніе народной русской драмы.

Лучшія изъ комедій Шаховскаго представляютъ характеръ и затѣи дворянъ средней руки, большею частію необразованныхъ и недальняго ума, которые, по своему состоянію и общественному положенію не принадлежа ни къ бѣднымъ помѣщикамъ, ни къ знатному, столбовому дворянству, тянулись за послѣднимъ, желая изъ полубаръ стать полными, настоящими барами. Отличительная черта такихъ личностей — смѣшное тщеславіе, чванство. Счастіе свое полагали они въ знакомствѣ, хотя-бы случайномъ и временномъ, съ важными по роду и сану особами. Не столько богатство, сколько титулъ и чинъ привлекали ихъ: первое могло быть имъ и не въ диковинку, а второй и третій служили для нихъ идеаломъ. Чтобы достигнуть этого идеала, они приводили въ движеніе всѣ имѣющіяся у нихъ средства: давали именитымъ лицамъ обѣды, устроивали для нихъ праздники и доморощенные спектакли, расточали передъ ними лесть и угодничество, отрекались отъ бѣдной и темной родни, навязывались въ родню къ титулованнымъ однофамильцамъ, не замѣчая въ простотѣ ума, что чествуемый ими знатный и чиновный людъ относится къ ихъ ухаживанію или съ презрительною снисходительностью или съ насмѣшкою, иногда даже нескрываемою. Не изъ желанія получить мѣсто это дѣлалось, а просто изъ желанія разыгрывать непривычную роль важнаго че-

ловѣка и почваниться передъ ровней, которая большею частію завидовала своему собрату, тѣмъ еще сильнѣе подстрекая его на тщеславныя затѣи. Удовлетвореніе такого желанія и служило самою сладкою наградою за хлопоты и расходы. Развязка выходила двоякая: или печальная, когда въ итогѣ кажущагося успѣха оказывалось разстроенное имѣніе; или комическая, состоявшая въ катастрофѣ разоблаченія, когда князья и графы отворачивались отъ притязателя на ихъ знакомство, и онъ испытывалъ положеніе человѣка, который случайно сѣлъ въ чужія сани, а потомъ былъ принужденъ изъ нихъ выдти со стыдомъ и снова стать на одной доскѣ съ своей братіей—полубарами. Одинъ изъ такихъ полубаръ представленъ Шаховскимъ въ двухъ (не напечатанныхъ) піесахъ: «Полубарскія затѣи» или «Домашній театръ» (представлена 1808), и «Чванство Транжирина или слѣдствіе полубарскихъ затѣй» (представлена 1822). Въ послѣдней, чванству главнаго лица (Транжирина) нанесла жестокій ударъ или, какъ выражается самъ Транжиринъ, зарѣзала его родная сестра, по батюшкѣ «Коновна», которой онъ не хотѣлъ знать, хотя и побаивался ея отважнаго нрава. Эта бѣдная, но бойкая женщина, не смотря на строгое приказаніе брата не пускать ее, ворвалась къ нему съ дочерью, въ поношенномъ и старомодномъ платьѣ, въ самый развалъ праздника, который онъ давалъ какому-то графу съ пѣснями и плясками дворовой челяди, смутила гостей грубыми упреками зазнавшемуся кровному родному, а его самого скомпрометировала самымъ жестокимъ образомъ. Піеса исполнена комизма и въ представленіи, успѣхомъ котораго одолжена была преимущественно московскому комику Щепкину (въ роли Транжирина), постоянно производила общій хохотъ. Обѣ комедіи выставили не воображаемую, а дѣйствительную забавную слабость средняго дворянства въ первую четверть текущаго столѣтія. О ней часто говорятъ мемуары и другія произведенія литературы, между прочимъ басня Крылова: «Лягушка и Волъ», переведенная изъ Лафонтена. Показавъ печальный исходъ затѣй Лягушки, вздумавшей сравняться съ Воломъ, баснописецъ заключаетъ:

И диво ли, когда жить хочетъ мѣщанинъ,
Какъ именитый гражданинъ,
А сошка мелкая, какъ знатный дворянинъ.

Только на мѣсто мелкой сошки, т. е. мелко-помѣстныхъ дворянъ, Шаховской ставилъ дворянъ средней руки съ хорошимъ состояніемъ, полубаръ, которые къ настоящимъ барамъ относятся почти такъ же, какъ Мольеровъ «мѣщанинъ во дворянствѣ» относится къ дворянству. Третья комедія: «Пустодомы» (1820) представляетъ по-

мѣщика и помѣщичьи затѣи другаго рода. Князь Радугинъ, богатый землевладѣлецъ или, какъ тогда говорили, душевладѣлецъ, совершенно незнакомый съ русскою жизнію и условіями русскаго сельскаго хозяйства, производитъ реформы въ имѣніи, руководствуясь единственно книгами и совѣтами библіотекаря своего, тупаго педанта Инквартуса. На дѣлѣ оказалось, что различные проэкты, вмѣсто ожидаемыхъ отъ нихъ улучшеній и доходовъ, привели къ долгамъ и разоренію. Придумывая въ кабинетѣ съ Инквартусомъ планы хозяйственныхъ преобразованій, князь не видитъ, что въ домѣ его крайній безпорядокъ. Жена его, свѣтская дама, мотовствомъ своимъ еще болѣе усиливала пустодомство, которое ложилось тяжкимъ гнетомъ на крестьянъ и причиняло страшный вредъ дѣтямъ, остававшимся безъ надзора. Только горничная да управитель (онъ же и стряпчій), пользуясь слабостями господъ, умѣли набивать себѣ карманы. Чтобы поправить разстроенныя дѣла князя, сестра его отдала въ закладъ свое наслѣдство. Но это была временная помощь. Коренное спасеніе получаютъ пустодомы отъ дяди своего, простаго, но здравомыслящаго помѣщика; узнавъ о жизни племянника и племянницы, онъ пріѣзжаетъ въ городъ, выкупаетъ изъ залога ихъ имѣніе и увозитъ ихъ въ деревню. Хотя нѣкоторые театральные критики и ставили «Пустодомовъ» въ число лучшихъ піесъ Шаховскаго за многія искусно веденныя въ ней сцены и за свободный разговорный языкъ, однакожъ ясно, что комикъ, въ лицѣ Радугина, мѣтилъ въ явленіе исключительное, не подходившее подъ уровень обычнаго помѣщичьяго быта. Нѣтъ сомнѣнія, что и до 1820-го года, когда написана комедія, въ умѣ нѣкоторыхъ, впрочемъ очень немногихъ сельскихъ хозяевъ, возникала мысль объ устройствѣ земледѣлія на болѣе правильныхъ началахъ съ цѣлію—при возможно-меньшихъ расходахъ на землю получать возможно-большій доходъ съ нея. Это доказывается тѣми голосами въ нашей литературѣ, которые, въ слѣдъ за возникшею мыслію, раздавались какъ отпоръ ей, какъ защита прежняго, доморощеннаго. Такъ небольшая книжка «Плугъ и соха» (1807), графа Растопчина, стоитъ за старыя орудія для пахані, показывая непригодность агрономическихъ нововведеній на Руси; такъ еще Крыловъ, въ «Огородникѣ и Философѣ» (1811), смѣется надъ послѣднимъ, потому что онъ, слѣдуя книгамъ, остался безъ огурцовъ, тогда какъ у перваго, не отступавшаго отъ старины, все въ огородѣ взошло и поспѣло. Но отъ такихъ явленій далеко еще до помѣщика въ родѣ Радугина, который замѣняетъ ручную работу машинами, разводитъ ревень и свекловицу, устроиваетъ водопроводы, употребляетъ торфъ для сидки вина. Когда очень та-

лантливый профессоръ московскаго университета Павловъ, по возвращеніи изъ-за границы, началъ въ началѣ двадцатыхъ годовъ читать лекціи раціональнаго сельскаго хозяйства, на которыхъ доказывалъ несостоятельность общепринятой у насъ трехпольной системы и развивалъ выгоды системы плодопеременной, то лекціи его сильно дѣйствовали на умы молодыхъ слушателей, но сельскіе хозяева недовѣрчиво относились къ новымъ понятіямъ, заимствованнымъ у знаменитаго въ то время нѣмецкаго агронома Тээра. Поэтому я долженъ сказать, что комедія Шаховскаго, по малой мѣрѣ, была несвоевременна; отъ этого, вѣроятно, публика находила князя Радугина неестественнымъ. Въ самомъ дѣлѣ трудно представить, чтобы такой ученый болванъ, какъ Инквартусъ, могъ имѣть вліяніе на князя, хотя тоже педанта въ своемъ родѣ, но все же видавшаго людей умныхъ и дѣльныхъ. Притомъ Инквартусъ очень напоминаетъ собою другаго чудака—Синекдохоса, въ комедіи Княжнина: «Неудачный примиритель». Оба комика, ради смѣха, вывели карриватуры, а не живыя лица. — Изъ другихъ піесъ Шаховскаго особенно нравились: Казакъ-Стихотворецъ, опера-водевиль; Урокъ кокеткамъ, или Липецкія воды, комедія; Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ, драма; Аристофанъ, или всадники, комедія; Финнъ, волшебная трилогія (изъ Руслана и Людмилы, Пушкина) ([1]).

Прим. Что касается до отношеній кн. Шаховскаго къ современнымъ ему передовымъ литераторамъ, то въ этомъ случаѣ онъ пользовался дурною славою, которая, можетъ статься, была преувеличенною. Онъ навлекъ на себя неудовольствіе карамзинистовъ піесой «Новый Стернъ», осмѣявшей сентиментальнаго путешественника, графа Пронскаго. Хотя подъ этимъ графомъ разумѣется вѣрнѣе князь Шаликовъ, доведшій сентиментализмъ до комической крайности, но всѣ знали, что начало такому направленію въ нашей литературѣ положено Письмами русскаго путешественника и Бѣдной Лизой. Притомъ Шаховской былъ членъ «Бесѣды» и дѣятельный сторонникъ Шишкова, противника Карамзина. Другая его комедія: «Липецкія воды», направленная противъ Жуковскаго, увеличила число недруговъ комика, тѣмъ болѣе что піеса имѣла успѣхъ на сценѣ и раздѣлила петербургскую публику на двѣ партіи. Шаховской давалъ поводы обвинять себя въ недоброжелательствѣ къ талантамъ особенно драматическимъ. Утверждали, что онъ, восхищаясь трагедіями Озерова при чтеніи ихъ въ домѣ Оленина, старался однакожъ вредить ихъ успѣху на театрѣ. Самую болѣзнь и смерть трагика приписывали раздраженію горести, причиненнымъ интригами его недоброжелателя. Кому тогда не были

[1]) Кромѣ матеріаловъ, означенныхъ въ подстрочныхъ указаніяхъ, см. еще: Лѣтопись русскаго театра, Арапова (1861); О заслугахъ кн. Шаховскаго въ драматической словесности и Литературныя и театральныя воспоминанія (Разныя сочиненія С. Аксакова, 1858).

извѣстны стихи Жуковскаго изъ Посланія къ кн. Вяземскому и В. Пушкину, что творецъ Димитрія (Донскаго) угаснулъ отъ печали, какъ слѣдствія зависти, вплетавшей терніе въ лавровый вѣнокъ? Нѣкоторыя лица драматической труппы имѣли также причину оставаться имъ недовольными: покровительствуя Валберховой, онъ тѣснилъ Каратыгину и Семенову. Коротко знавшіе Шаховскаго объясняютъ дурную его славу тѣмъ, что онъ, управляя театромъ, самъ находился подъ управленіемъ извѣстной особы (актрисы Ежовой). Вотъ слова С. Аксакова: «Ежова умѣла раздражать Шаховскаго, а въ раздраженіи Шаховской бывалъ несправедливъ и на словахъ, и на дѣлѣ.... Добродушный, горячій до смѣшнаго самозабвенія, онъ одну половину обвиненій наговорилъ и наклепалъ на себя самъ, а другая произошла отъ недоразумѣній, зависти и клеветы петербургскаго театральнаго міра, раздраженнаго нововведеніями Шаховскаго» (1). (Рус. Архивъ 1869 г.: «Отношеніе Озерова къ Оленину»; «Къ біографіи Озерова» и по поводу этой статьи).

Представителемъ классической трагедіи былъ Озеровъ (1770—1816). Онъ написалъ пять трагедій: Ярополкъ и Олегъ (1798), Эдипъ въ Аѳинахъ (1804), Фингалъ (1805), Димитрій Донской (1807) и Поликсена (1809). Первая изъ нихъ, какъ начальный и слабый опытъ, а послѣдняя, какъ неимѣвшая успѣха на сценѣ и не представляющая интереса въ чтеніи, не заслуживаютъ разбора.

«Эдипъ въ Аѳинахъ» есть подражаніе французской трагедіи Дюси († 1816): «Эдипъ въ Колонѣ». Озеровъ много перевелъ изъ нея: первая сцена втораго акта—лучшее мѣсто нашей піесы—есть не что иное, какъ лучшее мѣсто подлинника, близкое и хорошее его переложеніе; да и слѣдующія за тѣмъ явленія съ Антигоной, до конца піесы, взяты изъ того же источника, съ тою разницей, что у Озерова умираетъ Креонъ и оставленъ въ живыхъ Эдипъ, тогда какъ у Дюси умираетъ Эдипъ, а Креона нѣтъ вовсе. Заслуга Озерова заключается собственно въ переводѣ французскаго образца такими стихами, какіе до него еще не раздавались на русской сценѣ. Ничего самостоятельнаго не представляетъ его трагедія; отмѣны, встрѣчаемыя въ ней противъ французскаго образца, такъ маловажны, что не измѣняютъ понятія о цѣломъ.

Основою трагедіи Софокла (Эдипъ въ Колонѣ) служитъ предсказаніе оракула, возвѣстившаго близкую смерть Эдипа, могила котораго станетъ залогомъ побѣды для той страны, гдѣ она будетъ находиться. Долговременнымъ бѣдствіемъ старецъ искупилъ свои невольныя преступленія: боги примирились съ нимъ и даруютъ ему мирную кончину. Въ мѣстечкѣ Колонъ, среди священнаго лѣса, гдѣ воздвигнутъ храмъ Эвменидамъ, обрѣтетъ онъ наконецъ вѣчное успокоеніе. Идея судьбы господствуетъ здѣсь, какъ

(1) Литерат. и театр. воспоминанія.

и въ трагедіи «Царь Эдипъ», но уже очищенная вліяніемъ нравственнаго ученія. Эдипъ еще жертва, но онъ возвысился самосознаніемъ. Таинственное сцѣпленіе обстоятельствъ, не подчиненныхъ волѣ смертнаго, сдѣлало его преступникомъ; отсутствіе свободнаго участія въ преступленіяхъ успокоило его совѣсть: онъ говоритъ о нихъ безъ смущенія, зная, что они дѣло боговъ. Нѣсколько разъ замѣчаетъ онъ, что вина человѣка—въ намѣреніи; что нѣтъ тамъ вмѣняемости, гдѣ не было умышленнаго дѣйствія, а было только невольное исполненіе предреченнаго свыше. Такимъ образомъ Софоклъ различаетъ догматъ фатализма отъ догмата нравственности, проводитъ ясную черту между совѣстью, свободно выбирающею добро или зло, и роковою силою судьбы, которая устроиваетъ дѣло на перекоръ самымъ мудрымъ нашимъ распоряженіямъ. Дюси и въ слѣдъ за нимъ Озеровъ совлекли съ Эдипа таинственность, которая такъ идетъ къ нему, освященному грознымъ вниманіемъ боговъ. Преданіе о сверхъ-естественной смерти изложили они по своему: у Дюси, Эдипъ умираетъ, пораженный громомъ и проговоривъ нѣсколько сентенцій; у Озерова, онъ остается въ живыхъ, какъ будто ему значитъ что-нибудь жизнь послѣ всего, извѣданнаго имъ въ жизни. Впрочемъ, начальная развязка нашей трагедіи согласовалась съ преданіемъ; но Озеровъ измѣнилъ ее, внявъ совѣтамъ литераторовъ, дорожившихъ нравоучительнымъ внушеніемъ театральныхъ піесъ, по которому непремѣнно слѣдовало награждать добродѣтель и наказывать порокъ, какъ будто Креонъ былъ порочень. Изступленіе Эдипа, когда онъ узнаетъ, что находится близь храма Эвменидъ, неумѣстно, хотя и эффектно: оно портитъ характеръ трагедіи. Въ «Царѣ Эдипѣ» оно было бы кстати; но въ «Эдипѣ Колонскомъ» главное лице уже утратило силу угрызеній, которыя терзали его въ первое время открывшихся преступленій. Душа его сохранила только чувство несчастія да сознаніе своей невинности, и это душевное состояніе Софоклъ изобразилъ какъ бы символически, приведя страдальца окончить послѣднія минуты жизни въ святилищѣ фурій. Ходъ дѣйствія также измѣненъ. У Софокла оно происходитъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, куда пришелъ Эдипъ и откуда онъ не хочетъ выдти; Дюси и Озеровъ, напротивъ, передвигаютъ сцену. Самое мѣсто обрисовано не такъ. Въ греческой трагедіи, оно, своею красотою, представляетъ разительный контрастъ мрачной судьбы героя. Озеровъ, на вопросъ Эдипа: «гдѣ мы?» заставляетъ отвѣчать Антигону: «въ долинѣ мы, окрестъ *пустынны виды*»,—заставляетъ потому, что у Дюси, во второмъ же thêatre représente *un desert épouvantable* и Полиникъ восклицаетъ:

«quel désert affreux! des antres, des rochers, des cyprès tenebreux!» Этимъ оба новые трагика стали въ противорѣчіе съ хоромъ, который называетъ Колонъ *восхитительнымъ* мѣстомъ Аттики. Софоклъ искусно и непосредственно вводитъ зрителя въ сюжетъ; мѣсто дѣйствія, дѣйствующія лица, событія предшествовавшія и послѣдующія выступаютъ сами собою: завязка начата съ перваго же явленія, интересъ возбужденъ немедленно. У Дюси и Озерова, Эдипъ выходитъ на сцену только во второмъ дѣйствіи, съ котораго и слѣдовало бы начать піесу: первое посвящено такъ называемому *изложенію*, т. е. длиннымъ разсказамъ о дѣйствующихъ лицахъ и о томъ, что происходило до начала трагическаго дѣйствія. Нашъ авторъ ввелъ Креона, и въ этомъ отношеніи ближе къ греческому образцу, чѣмъ Дюси, исключившій, какъ мы видѣли, Креона. У Софокла, Тезей выходитъ уже послѣ многихъ явленій, когда царское вступничество оказалось необходимымъ: Дюси и Озеровъ вывели его съ самаго начала, чтобы выслушать разсказъ о завязкѣ дѣйствія. Оба они создали первосвященника: имъ хотѣлось показать внутренность храма и поразить—одному Креона, другому Эдипа—предъ лицемъ богинь мстительницъ. Ихъ Полиникъ остается до конца піесы, какъ свидѣтель смерти отца въ «Эдипѣ Колонскомъ», какъ свидѣтель его торжества и наказанія Креона «въ Эдипѣ въ Аѳинахъ». Софокловъ Полиникъ уходитъ или, вѣрнѣе, увлекается судьбою на гибель: ненависть къ брату, жажда мщенія заглушаютъ въ немъ всѣ прочія чувства. Что касается до характеровъ главныхъ лицъ, то мы уже показали, какъ невыгодно и Дюси и Озеровъ уклонились, въ этомъ отношеніи, отъ Эдипа. Вотъ еще примѣръ такого же уклоненія. У Софокла, Эдипъ непреклоненъ къ сыну. Напрасно Полиникъ умоляетъ его о прощеніи, напрасно и Антигона подкрѣпляетъ мольбы брата своимъ заступничествомъ; Эдипъ не хочетъ даже отвѣчать, ибо отцовскій голосъ, какъ святыня, потерялъ бы свою силу, вступивъ въ общеніе съ неблагодарнымъ. Потомъ онъ разрѣшаетъ молчаніе, но для того только, чтобы изречь проклятіе—и никто не смѣетъ противорѣчить ему—ни Тезей, ни дочь, ни хоръ. Новые трагики во многомъ измѣнили понятія и чувства древнихъ людей, сообразно понятіямъ и чувствамъ христіанскимъ. Эдипъ французской трагедіи есть отецъ новаго міра, какихъ XVIII вѣкъ любилъ выводить на сцену—снисходительный къ проступкамъ дѣтей, готовый плакать и прощать. Для очищенія грѣха, совершеннаго Полиникомъ Софокла, нужна жертва, а не прощеніе; въ религіи откровенной достаточно послѣднее, ибо зло, не наказанное въ здѣшней жизни, приметъ достойное наказаніе въ будущей.

Антигона начертана Софокломъ художественно. Это—воплощенный героизмъ дѣтской любви. Ея преданность отцу—долгъ, а не восторженное состояніе, могущее охлаждаться. Она говоритъ мало: только слова терпѣнія, соболѣзнованія, самопожертвованія выходятъ изъ ея устъ. Всего трогательнѣе это молчаніе, когда Эдипъ заводитъ рѣчь о своихъ несчастіяхъ; она слушаетъ, но не отвѣчаетъ, потому что ей, чистой и невинной, нечего сказать: несчастія отца ея—рядъ нечестивыхъ дѣлъ, такъ что утѣшенія нельзя здѣсь отдѣлить отъ воспоминанія объ ужасной судьбѣ. Но, скупая на слова, она много дѣйствуетъ, поддерживая отца, окружая его заботливостью, покровительствуя любовью. У Озерова или у Дюси, что одно и тоже, Антигона—если забыть греческій образецъ—хороша; но она уже сдѣлалась говорливѣе: она разсуждаетъ о своемъ значеніи, какъ помощницы въ несчастіяхъ, указываетъ на свою необходимость для слѣпаго отца. Конечно, это не самохвальство, но это—и не молчаливое исполненіе долга. Притомъ, она впадаетъ въ сентенціи; монологъ ея, которымъ открывается четвертое дѣйствіе, довольно длиненъ. Эта страсть къ сужденіямъ есть принадлежность французскихъ трагедій XVIII вѣка, любившихъ резонерство и риторику. Изъ Креона, сначала благороднаго мужа въ трагедіи Софокла: «Царь Эдипъ», а потомъ сдѣлавшагося честолюбивымъ и самовластнымъ и въ согласіи съ сыновьями безпомощнаго старца изгнавшимъ его изъ царства, Озеровъ сдѣлалъ непонятнаго мстителя Эдипу,—такого же врага ему, какимъ былъ Полиникъ въ отношеніи къ своему брату Этеоклу. Онъ не только злодѣй, но и злодѣй, величающійся самимъ собою. Князь Вяземскій справедливо замѣчаетъ о лицахъ, подобныхъ Креону: «Злодѣи, гордящіеся своими преступленіями и съ отвратительнымъ чистосердечіемъ судящіе себя безпристрастно, какъ судіи посторонніе, не находятся ни въ природѣ, ни въ произведеніяхъ геніевъ, ей подражавшихъ, но раждаются отъ безпечности или безсилія трагиковъ... Сей родъ изображенія есть одинъ изъ главнѣйшихъ пороковъ русской трагедіи и торжествуетъ въ Димитріи Самозванцѣ (Сумарокова). Въ первомъ явленіи третьяго дѣйствія «Эдипа» Озерова, Креонъ съ излишнею искренностью сообщаетъ Нарцесу исповѣдь свою, хотя и весьма поэтическую, но приносящую болѣе чести стихотворцу, нежели трагику» [1]. Заслуга нашего трагика, какъ уже замѣчено, состоитъ въ достойномъ переложеніи французской піесы. Для этого требовалось, во первыхъ, владѣть языкомъ и стихомъ, во-вторыхъ—стать на ряду съ авто-

[1]) Извѣстіе о жизни и трудахъ Озерова, при его сочиненіяхъ (изд. 1818 г.)

ромъ подлинника, своимъ талантомъ состязаться съ его талантомъ. Озеровъ исполнилъ оба дѣла. Стихи его звучны и сильны; читая ихъ и теперь, легко себѣ представляемъ, какъ они были хороши въ то время. Сцены трагическаго ужаса и чувствительности переданы одушевленно. Озеровъ самъ надѣленъ былъ послѣднимъ качествомъ въ сильной степени, и потому трогательная преданность дочери, сыновнее разскаяніе, отцовская нѣжность и вмѣстѣ авторитетъ родительской власти нашли въ немъ глубокое сочувствіе и патетическое выраженіе. Когда же представимъ себѣ необычайный успѣхъ трагедіи на сценѣ, впечатлѣніе, произведенное ею на зрителей, то насъ нисколько не удивятъ посланія Державина, Капниста и Батюшкова къ автору, исполненныя похвалъ ему и благодарности: стихотворцы говорили то самое, что чувствовали всѣ посѣтители театра. «Эдипъ въ Аѳинахъ» былъ долгое время почетнѣйшею піесою въ нашемъ репертуарѣ: она заставила публику полюбить трагическія представленія болѣе, чѣмъ какія-либо иныя; образованные и полуобразованные знали наизусть многіе монологи главныхъ лицъ; нѣкоторые стихи ея обратились въ ходячія изреченія, которыя потомъ стали примѣняться къ другимъ, даже не трагическимъ предметамъ.

«Фингалъ» представляетъ событіе изъ жизни народа, совершенно противоположнаго греческому. Озеровъ имѣлъ цѣлью «описать Ахилла сѣверныхъ странъ». Новость предмета должна была интересовать публику, долго смотрѣвшую однихъ греческихъ и римскихъ героевъ. Содержаніе трагедіи взято изъ поэмы «Фингалъ», приписываемой сыну этого героя, Оссіану. Подлинникъ исполненъ оригинальной поэзіи—суровой, величественной, меланхолической. Бардъ Кариллъ славитъ храбрость и великодушіе Фингала, который, побѣдивъ локлинскаго царя Старна и захвативъ его въ плѣнъ, даровалъ ему свободу. Сердце Старна исполнилось гордости и злобы: онъ замыслилъ смерть побѣдителя, единственнаго соперника своей силы. Для выполненія замысла, онъ пригласилъ къ себѣ Фингала и предложилъ ему руку своей дочери. Дочь, изъ любви къ герою, открываетъ угрожающую ему опасность. Раздраженный отецъ убиваетъ ее. Тогда Фингалъ сзываетъ своихъ воиновъ, поражаетъ Локлинцевъ, уноситъ на корабль тѣло своей невѣсты и погребаетъ ее на одномъ изъ утесовъ своей родины. У Озерова другая причина мести: Фингалъ убилъ Старнова сына, Тоскара, и огорченный отецъ далъ обѣтъ успокоить тѣнь убитаго смертію убійцы; Моина, невѣста Фингала, избавляетъ его отъ смерти, но сама принимаетъ смерть отъ руки отца. Положеніе Старна трагическое; онъ самое интересное лице въ піесѣ, по твердой пре-

данности одной мысли, одному желанію, которому приносить въ жертву другое желаніе — видѣть дочь свою счастливой. Но онъ утратилъ свою оригинальную суровость и неподатливость. Оссіановы пѣсни приписываютъ ему характеръ дикій и свирѣпый; онъ не могъ выносить превосходства великодушнаго врага, и если прибѣгалъ къ хитрости, то не долго ее выдерживалъ: звѣрство брало верхъ надъ притворствомъ. У Озерова, Старнъ хитрѣе, осторожнѣе въ дѣйствіяхъ; авторъ далъ ему много скрытной злобы, а не той, которой трудно выдерживать тайные планы. Фингалъ удалился отъ подлинника: въ немъ много нѣжно-рыцарскаго элемента: онъ выражаетъ любовь свою, какъ сталъ бы выражать ее самъ Озеровъ, подъ вліяніемъ романической настроенности. Тоже до извѣстной степени должно сказать и о Моинѣ, хотя ей, какъ сѣверной дѣвѣ, очень къ лицу мечтательность и унылость. При всѣхъ недостаткахъ вымысла и плана и нѣкоторыхъ частныхъ несообразностяхъ, «Фингалъ» особенно нравился зрителямъ. Своимъ успѣхомъ онъ былъ одолженъ новости сюжета, сценической постановкѣ, игрѣ Семеновой и Яковлева, прекраснымъ стихамъ и еще болѣе чувствительности, разлитой по всей піесѣ и «создавшей душу Моины» (1).

Въ «Димитріи Донскомъ», авторъ пожертвовалъ исторіей своему вымыслу. Извѣстно, что Димитрій въ то время, къ которому относится дѣйствіе трагедіи, былъ женатъ, а трагедія представляетъ его домогающимся руки Ксеніи, княжны нижегородской, которая, кромѣ того, живетъ въ воинскомъ станѣ, на перекоръ обычаямъ древне-русскаго быта. Отступленіе отъ факта, котораго не могутъ не знать даже школьники, произошло отъ того, что трагикъ боялся нарушить законы и преданія французской трагической системы. Когда замѣтили Расину, что любовь Ипполита къ Арисіи (въ Федрѣ) противорѣчитъ подлинному характеру юноши, еще не испытавшаго страсти, онъ отвѣчалъ: «а что скажетъ публика, если въ моей піесѣ не будетъ любовной завязки?» Если Озерову приходило на умъ подобное замѣчаніе, то онъ, вѣроятно, думалъ: «а что сказалъ бы Расинъ, не нашедъ въ моей трагедіи любовной завязки?» И вотъ онъ въ важное и патріотическое дѣйствіе вводитъ романическую интригу. Но, при невѣрности исторической, піеса могла бы соблюсти вѣрность идеѣ патріотизма, воплощенной въ главномъ лицѣ, къ какой бы націи оно ни принадлежало. Героическая любовь отечеству требуетъ всецѣлой ему преданности, и нѣтъ такой жертвы, передъ которой было бы дозволено остано-

---

1) Выраженіе Жуковскаго въ посланіи къ кн. Вяземскому и В. Пушкину.

виться въ минуту критическаго его положенія, угрожающихъ ему бѣдствій. Такимъ ли чувствомъ воодушевленъ Димитрій Озерова? Нѣтъ, онъ заслуживаетъ справедливую укоризну и какъ лице, созданное воображеніемъ, не слѣдовавшимъ исторіи. «Предупреждая обвиненія судей», говоритъ кн. Вяземскій, «трагикъ влагаетъ въ уста князей Бѣлозерскаго, Смоленскаго и самой Ксеніи рѣшительный приговоръ осужденія поступкамъ Димитрія, законнымъ во всякое другое время, но преступнымъ въ день боя, когда отечество, требуя жертвы его страсти и обиженнаго самолюбія, ожидаетъ отъ него своего освобожденія. Не унижается ли достоинство Димитрія, когда Ксенія, не менѣе его страстная, находитъ довольно мужества въ душѣ, чтобы заглушить голосъ любви, и произвольною жертвою не укоряетъ ли она его въ постыдномъ малодушіи? Кончина Бренскаго, на смерть посланнаго Димитріемъ, не есть ли ужаснѣйшая и постыднѣйшая ему укоризна? Самый соперникъ Димитрія (князь Тверскій) не исторгаетъ ли невольной дани уваженія, отказываясь отъ руки Ксеніи, и не долженъ ли признаться каждый зритель вмѣстѣ съ Димитріемъ, что тотъ его превзошелъ?» ([1]).

Разсмотрѣвъ піесы Озерова, мы должны сдѣлать о нихъ слѣдующее заключеніе: всѣ онѣ принадлежатъ къ французской трагической системѣ. Озеровъ—псевдо-классикъ не только въ сюжетахъ, взятыхъ изъ греческаго міра, но и въ представленіи событій каледонской и отечественной исторіи. Въ этомъ смыслѣ, Фингалъ и Димитрій Донской тоже, что Эдипъ въ Аѳинахъ и Поликсена: единство родовыхъ отличій доказывается и постройкой, и характерами, и веденіемъ разговора. Чувствительность была врожденнымъ качествомъ Озерова: отсюда превосходство трогательныхъ сценъ, возбуждавшихъ жалость и умиленіе въ душѣ зрителей; отсюда же особенная наклонность къ созданію женскихъ характеровъ, которые вышли интереснѣе мужскихъ. Въ трагедіяхъ Озерова есть своя доля романтизма: мечтательность и грусть Моины, ея отношеніе къ Фингалу, равно какъ сцены Димитрія съ Ксеніей, воспоминанія Поликсены объ Ахиллѣ.... всѣ эти скорбныя жалобы на невѣрность земнаго счастія, смутныя предчувствія бѣдъ, идеальныя ожиданія будущаго блага, въ замѣну блага утраченнаго, не что иное, какъ элементы романтической поэзіи. Онъ значительно возвышается надъ Сумароковымъ и Княжнинымъ не только по языку и версификаціи, но и расположеніемъ піесъ, большею обдуманностью завязки и развязки, болѣе правильною постройкою харак-

[1]) Извѣстіе о жизни и сочиненіяхъ Озерова.

теровъ, и главное — тѣмъ поэтическимъ одушевленіемъ, которое отъ автора сообщалось артистамъ и посредствомъ игры ихъ переходило къ публикѣ. Лучшихъ трагедій въ духѣ французскаго классицизма мы не имѣемъ: онъ третій и послѣдній нашъ трагикъ въ этомъ родѣ. Современники превозиесли похвалами заслугу Озерова: похвалы, можетъ быть, преувеличенныя, но легко объясняемыя современнымъ ея значеніемъ. Успѣхомъ піесъ своихъ на сценѣ онъ одолженъ въ особенности Семеновой: съ ней, по словамъ Пушкина, дѣлилъ онъ рукоплесканія публики.

Въ обществѣ Шаховскаго, Катенинъ (1792—1853) былъ строгимъ и неизмѣннымъ классикомъ. Французскіе трагики имѣли для него значеніе высшихъ образцовъ, и то не всѣ, а исключительно времени Людовика XIV и немногіе ихъ послѣдователи. Въ Вольтерѣ видѣлъ онъ уже отщепенца отъ прямаго искусства, виновника ложныхъ взглядовъ на драму. Раздѣленіе поэзіи на классическую и романтическую называлъ онъ вздорнымъ, ни на какомъ ясномъ различіи не основанномъ. Надъ восторженными поклонниками нашихъ литераторовъ Шекспиру смѣялся, замѣчая, не безъ основанія, что въ большинствѣ случаевъ этотъ восторгъ есть припадокъ моды, а не плодъ дѣйствительнаго знакомства съ предметомъ восторга. Когда Шаховской перешелъ къ романтическому направленію драмы, заимствуя сюжеты то изъ Шекспира, то изъ Вальтеръ-Скотта, Катенинъ упрекалъ его въ заблужденіи, въ поворотѣ съ настоящей дороги на ложную. Знаніе многихъ иностранныхъ языковъ дало ему возможность познакомиться съ теоріею словесности и исторіей литературъ по хорошимъ источникамъ. Усвоенныя имъ понятія о поэзіи вообще, о драматической въ особенности изложилъ онъ въ рядѣ статей, которыя подъ названіемъ «Размышленія и разборы» печатались въ «Литературной газетѣ», Дельвига (1830). Послѣднія пять статей (о театрѣ) заняты критикой Шлегелева курса драматической поэзіи и содержатъ въ себѣ апологію французско-классической трагедіи. Такимъ образомъ начитанность не измѣнила взглядовъ Катенина. Въ похвалу ему слѣдуетъ сказать, что эта вѣрность одному и тому же была въ немъ не упрямствомъ самолюбія, а искреннимъ убѣжденіемъ добросовѣстнаго человѣка, любившаго литературу и разсуждавшаго о ней не съ чужаго голоса. Его раздражали критическіе толки журналовъ, которые, единственно по пристрастію къ новымъ идеямъ, иногда воспринятымъ изъ десятыхъ рукъ, были несправедливы къ прежнему, старому, которому сами недавно поклонялись. «Врагъ непримиримый всѣхъ пристрастныхъ и одностороннихъ сужденій», говоритъ онъ о себѣ, «я старался обличить неправоту нынѣ господствую-

щихъ, отнюдь не съ намѣреніемъ ввести вмѣсто ихъ противныя—да и только; всѣ исключительныя системы вредны; во всѣхъ формахъ условныхъ можетъ жить красота неизмѣнная. Предметъ искусствъ вообще—человѣкъ; драматическаго въ особенности—человѣкъ въ дѣйствіи. Кто сумѣетъ пружины сего дѣйствія, нравы, чувства и страсти изобразить вѣрно, сильно и горячо, тотъ заслужитъ похвалу знающихъ, отдѣльно отъ принятаго имъ по мѣстному обычаю или произвольному выбору костюма; симъ-то достоинствомъ равно стяжали себѣ безсмертіе и Софоклъ, и Шекспиръ, и Расинъ» ([1]). Пушкинъ вѣрно подмѣтилъ главную черту въ образѣ мыслей и въ литераторствѣ Катенина, сказавъ о немъ, что онъ питалъ отвращеніе отъ мелочныхъ способовъ добывать успѣхи и оставался самостоятельнымъ: «Никогда не старался онъ угождать господствующему вкусу въ публикѣ; напротивъ, шелъ всегда своимъ путемъ, творя для самого себя, что и какъ ему угодно. Онъ даже до того простеръ свою гордую независимость, что оставлялъ одну отрасль поэзіи, какъ скоро становилась она модною, удалялся туда, куда не сопровождали его ни пристрастіе толпы, ни образцы какого-нибудь писателя, увлекающаго за собою другихъ» ([2]). Литературная практика Катенина согласовалась съ его теоріей. За образцами обращался онъ къ Корнелю и Расину. Изъ перваго перевелъ онъ 4-е дѣйствіе Горацієвъ (1817) ([3]), Сида (1822); изъ втораго—Есѳирь (1816), и кромѣ того, въ подражаніе ему, написалъ Андромаху (1827). По словамъ Пушкина, Катенинъ «воскресилъ величавый геній Корнеля». Такое мнѣніе скорѣе голосъ пріязни, чѣмъ справедливый приговоръ. Достаточно сравнить переводъ 4-го дѣйствія Горацієвъ съ подлинникомъ, чтобы видѣть, насколько сила чувствъ и ихъ выраженія у французскаго трагика потерпѣли отъ переводчика. Оригинальная же трагедія Андромаха вяла и безцвѣтна. Публика, по свидѣтельству самого Пушкина, относилась къ сочиненіямъ Катенина вообще холодно; но обвинять ее за это нельзя: въ нихъ нѣтъ того, что необходимо каждому поэтическому произведенію — поэзіи, есть соблюденіе извѣстныхъ правилъ и добросовѣстность исполненія ([4]).

---

[1]) Литер. Газета, Дельвига, т. II.

[2]) Соч. Пушкина, изд. Анненкова, т. V.

[3]) Первыя три дѣйствія переведены другими; пятое оставлено безъ перевода.

[4]) Предисловіе Н. Бахтина къ изданію сочиненій и переводовъ Катенина (2 ч. 1831); Отчетъ Ак. Н. по отдѣленію русскаго языка и словесности, П. Плетнева (въ 1-ой кн. Ученыхъ Записокъ этого отдѣленія, 1854); О сочиненіяхъ Катенина (въ сочин. Пушкина, изд. Анненкова, V).

Кокошкинъ съ 1818 по 1823 былъ членомъ конторы по репертуарной части при петербургскомъ театрѣ, а въ 1823-мъ, когда московскій театръ получилъ особое образованіе и особаго директора, онъ поступилъ на эту должность. Здѣсь оказалъ онъ много пользы: вызвалъ комика Щепкина изъ провинціи и пригласилъ другихъ талантливыхъ актеровъ; самъ владѣя исскуствомъ сценической игры, образовалъ нѣсколько новыхъ сюжетовъ и обучалъ начальной практикѣ воспитанниковъ театральной школы. Даже первоклассные артисты, какъ Щепкинъ и Мочаловъ, обращались къ нему за совѣтами, видя въ немъ не только знаніе дѣла, но и любовь къ дѣлу. Выборомъ піесъ, отчетливой ихъ постановкой, онъ старался сдѣлать изъ театра достойное образованной публики удовольствіе и въ самихъ артистахъ развить любовь и уваженіе къ искусству. Годы его директорства дѣйствительно были замѣчательнымъ временемъ въ исторіи московскаго театра. Драматическая труппа могла похвалиться многими талантами: кромѣ Щепкина и Мочалова, въ ней находились Сабуровъ и Сабурова, Рязанцевъ, Живокини, Лавровъ, Степановъ, Рѣпина, Львова-Синецкая, Кавалерова. Было кому играть и въ трагедіяхъ, и въ комедіяхъ, и въ водевиляхъ. Репертуаръ обогащался новыми піесами самого Кокошкина, кн. Шаховскаго, Загоскина, А. Писарева. Развилась и обстоятельная театральная критика въ статьяхъ С. Аксакова, В. Ушакова, Н. Полеваго. Короче, публика посѣщала театръ не потому единственно, что ей больше негдѣ было развлечься, а потому, что онъ не ронялъ значенія драматической поэзіи ни плохимъ репертуаромъ, ни плохимъ исполненіемъ репертуара.

Первое время драматической карьеры Загоскина (Михаила Николаевича, 1789—1852) протекло въ Петербургѣ, гдѣ онъ съ годъ служилъ при театрѣ помощникомъ члена по репертуарной части, познакомился съ Шаховскимъ и сдѣлался горячимъ его послѣдователемъ. Эту карьеру началъ онъ піесой, имѣвшей хорошій успѣхъ: «Комедія противъ комедіи, или урокъ волокитамъ» (1815), написанной въ защиту «Липецкихъ водъ», о чемъ самъ авторъ говоритъ въ предисловіи и что видно изъ разговоровъ нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ. Такой услугой Загоскинъ пріобрѣлъ расположеніе Шаховскаго, вскорѣ перешедшее въ дружескую между ними пріязнь, но въ то же время вооружилъ противъ себя враждебную Шаховскому партію литераторовъ [1]. Другую піесу: «Господинъ Богатоновъ, или провинціалъ въ столицѣ (1817)»,

[1]) Письмо Д. В. Дашкова къ кн. П. А. Вяземскому (Рус. Арх. 1866).

публика приняла еще лучше. Главное лице ея (Богатоновъ)— степной помѣщикъ, богатый и глупый невѣжда, помѣшавшійся на связяхъ съ знатью и переѣхавшій въ Петербургъ, гдѣ всѣ его обманываютъ и смѣются надъ нимъ, какъ надъ вороной въ павлиныхъ перьяхъ. Въ мысли піесы, равно какъ и въ главномъ лицѣ ея, видимо вліяніе «Полубарскихъ затѣй», почему Грибоѣдовъ и отозвался о Богатоновѣ, что онъ богатъ чужимъ добромъ, ходитъ въ кафтанѣ, который стащилъ съ Транжирина [1]. Комедія «Вечеринка ученыхъ» (1817) осмѣиваетъ бывшіе тогда въ модѣ литературныя вечера, на которыхъ читались новыя произведенія и нерѣдко присутствовали дамы. Одна изъ такихъ дамъ, въ родѣ «синяго чулка», собираетъ у себя сочинителей, а братъ ея смѣется надъ скучнымъ и нелѣпымъ времепровожденіемъ. Выслушавъ съ нетерпѣніемъ гимнъ, прочтенный лирическимъ стихотворцемъ, онъ не выдерживаетъ болѣе при видѣ тетради драматическаго писателя, вскакиваетъ съ мѣста и восклицаетъ: «нѣтъ, ужъ это чисто бѣда; посмотри-ка, какую онъ тетрадищу вывалилъ!» Контрастъ между педантическимъ увлеченіемъ женщины-писательницы и противоположнымъ взглядомъ ея брата-оригинала, не умѣющаго да и не желающаго скрывать ни симпатій, ни антипатій своихъ, и составляетъ искренній комизмъ піесы, возбуждавшій въ зрителяхъ столь же искренній смѣхъ. Комедія «Добрый малый» (1820) серьезнѣе по мысли. Она представляетъ плута и мошенника, который всѣхъ обманываетъ, навѣрняка обыгрываетъ своего пріятеля и хочетъ отбить у него невѣсту, но который умѣлъ такъ ловко и выгодно поставить себя во мнѣніи другихъ, что его принимаютъ за порядочнаго человѣка и называютъ «добрымъ малымъ». — По переѣздѣ изъ Петербурга въ Москву, Загоскинъ получилъ мѣсто въ конторѣ дирекціи Московскаго театра и продолжалъ драматическіе труды, изъ которыхъ особенно замѣчательны двѣ комедіи: «Урокъ холостымъ, или наслѣдники» (1822) и «Благородный Театръ» (1828). Въ первой, очень забавны сцены угодливости наслѣдниковъ богатому и холостому ихъ дядѣ, который однакожъ видитъ ихъ лицемѣрность и отдаетъ свое имѣніе другому лицу. Предметъ второй—благородные спектакли, которыми въ то время занимались не изъ удовольствія только, но и серьезно, какъ важнымъ дѣломъ. Это — лучшая піеса Загоскина

[1]) Въ 1817 г. Загоскинъ, вмѣстѣ съ Корсаковымъ, издавалъ журналъ «Сѣверный наблюдатель», въ которомъ помѣщались замѣтки объ игрѣ актеровъ. Загоскинъ выписалъ слабые стихи изъ комедіи Грибоѣдова: «Молодые супруги», съ своимъ комментаріемъ. Грибоѣдовъ по этому поводу сочинилъ шуточное стихотвореніе «Лубочный театръ», гдѣ осмѣялъ піесы Загоскина.

по комизму, по выдержанности характеровъ и по прекрасному стихотворному языку. Изъ лицъ особенно интересны: Любскій, задумавшій у себя благородный спектакль и съ начала до конца находящійся въ тревогѣ и волненіи; Волгинъ, грубый добрякъ, случайно попавшій въ закулисный міръ, вовсе ему неизвѣстный; наконецъ Посошковъ, человѣкъ умный, страстный любитель театра, сочинитель и актеръ, понимающій искусство и только потому смѣшной и даже глупый, что ничего кромѣ искусства не видитъ и не понимаетъ. Загоскинъ имѣлъ несомнѣнный комическій талантъ, и самою дорогою чертою его таланта была неподдѣльная, добродушная, чисто-русская веселость, которая поэтому инстинктивно понимается и очень цѣнится каждымъ русскимъ человѣкомъ. Эта веселость, по выраженію С. Аксакова, проступаетъ у Загоскина вездѣ: въ характерахъ, въ комизмѣ ихъ положеній, въ живой и свободной рѣчи, которою онъ владѣлъ мастерски, такъ что самые резонеры и добродѣтельные люди его комедій говорятъ по человѣчески, а не языкомъ автоматовъ. Ее нельзя замѣнить ни остроуміемъ, при которомъ піеса можетъ оставаться скучною и бездушною, ни замысловатой интригой, которая всегда возбуждаетъ любопытство зрителей, но не всегда заставляетъ ихъ смѣяться тѣмъ искреннимъ, задушевнымъ смѣхомъ, какимъ они смѣялись, смотря «Богатонова», «Наслѣдниковъ», «Благородный театръ». Вотъ почему его піесы имѣли въ свое время большой успѣхъ, да и теперь нельзя нѣкоторыхъ сценъ читать безъ смѣха. Что касается до сюжета, завязки и развязки, то они однообразны. Даже характеры часто повторяются, съ нѣкоторыми впрочемъ измѣненіями, хотя авторъ и въ видоизмѣненномъ умѣлъ найти забавныя черты и выставить ихъ съ свойственною ему добродушной веселостью. Схему почти каждой піесы начертать легко: неизбѣжная пара влюбленныхъ, противодѣйствующая имъ сила, въ видѣ тетушки или сестры, сила покровительствующая, въ видѣ дяди, брата или друга, изобличеніе какого-нибудь негодяя, искавшаго руки хорошей дѣвушки, и выдача ее за мужъ за добраго человѣка, ею любимаго. Загоскинъ не отступалъ отъ условныхъ пріемовъ французской комедіи, шелъ по дорогѣ уже избитой и новаго съ этой стороны у него нѣтъ [1].

Хмѣльницкій (Николай Ивановичъ, 1789—1846) дебютировалъ комедіей «Говорунъ» (1817), за которой слѣдовали «Воздушные замки» (1818), «Бабушкины попугаи» (1819), «Семь пятницъ на

---

[1]) Лѣтопись рус. театра; Біографія М. Н. Загоскина (въ Разныхъ сочиненіяхъ С. Аксакова).

недѣлѣ или нерѣшительный» (1820), «Актеры между собой, или первый дебютъ г-жи Троепольской» (1821), «Суженаго конемъ не объѣдешь» (1821), «Новая шалость или театральное сраженіе» (1822), и другія. Эти небольшія комедіи, водевили и оперетки почти всѣ переведены или передѣланы съ французскаго. Главное ихъ достоинство—остроуміе, но кромѣ того онѣ отличаются граціозною игривостью куплетовъ, благороднымъ тономъ, не оскорбляющимъ вкуса зрителей пошлою игрою словъ или неприличными двусмысленностями, наконецъ живымъ, легкимъ, свободнымъ разговоромъ. Въ силу этихъ качествъ онѣ имѣли чрезвычайный успѣхъ, долго держались на репертуарѣ и многія изъ нихъ сдѣлались любимыми піесами благородныхъ спектаклей. Можно сказать, что Хмѣльницкій впервые достойнымъ образомъ обработалъ для нашей сцены водевиль, бывшій тогда еще новинкой.

Первые опыты Грибоѣдова въ драмѣ относятся къ тому же времени, когда дѣятельность многихъ литераторовъ усильно была направлена на пользу театра. По переѣздѣ изъ Смоленска въ Петербургъ, онъ пристроился къ обществу Шаховскаго. Связь съ драматическими писателями (Катенинымъ, Хмѣльницкимъ, Жандромъ, Корсаковымъ) и артистами побудила его трудиться на томъ же поприщѣ. Въ 1815 г. была играна его комедія: «Молодые супруги», переведенная, по совѣту Шаховскаго, съ французскаго подлинника: Le secret du ménage. Другая комедія: «Притворная невѣрность» (1818) есть передѣлка, для бенефиса актрисы Семеновой, піесы Барта: «Les fausses infidélités», при участіи Жандра, которому впрочемъ принадлежатъ только двѣ сцены. Обѣ онѣ имѣли успѣхъ въ представленіи. Кромѣ того для комедіи Шаховскаго: «Своя семья или замужняя невѣста» (1818) онъ написалъ сцену племянницы съ скупою теткой, во 2-мъ дѣйствіи. О главномъ его произведеніи: «Горе отъ ума» будетъ сказано особенно.

§ 16. Чтобы поколебать въ нашей литературѣ исключительное господство псевдоклассицизма, необходимо было обратиться къ одному изъ самыхъ дѣйствительныхъ для того средствъ — къ знакомству съ другими областями всемірной поэзіи. Частію это и было дѣлано нѣкоторыми писателями. Но важнѣйшая заслуга по этому предмету совершена Жуковскимъ: художественными переводами образцовыхъ твореній онъ раздвинулъ передъ нами поэтическій горизонтъ, который дотолѣ ограничивался корифеями французскаго классицизма, какъ недосягаемыми идеалами словеснаго искусства, по ученію теоретиковъ.

Василій Андреевичъ Жуковскій (1783 — 1852), сынъ Аѳанасія Ивановича Бунина, родился въ имѣніи послѣдняго—селѣ Мишен-

скомъ, тульской губерніи, въ трехъ верстахъ отъ Бѣлева. Мать его, Елизавета Дементьевна, была крещеная плѣнная турчанка ([1]). Фамильное имя получилъ онъ отъ своего крестнаго отца, Андрея Григорьевича Жуковскаго. По смерти Бунина (1790), онъ остался на попеченіи вдовы его, Марьи Григорьевны, полюбившей мальчика, какъ роднаго сына, и своей матери, женщины хотя безъ всякаго образованія, но добрыхъ нравственныхъ качествъ. Изъ четырехъ дочерей Бунина, сестеръ Жуковскаго, двѣ особенно замѣчательны своими къ нему отношеніями: Варвара Аѳанасьевна, вышедшая замужъ за Петра Николаевича Юшкова, и Катерина Аѳанасьевна, супруга Андрея Ивановича Протасова, роднаго брата первой жены Карамзина. Юшкова, крестная мать Жуковскаго, умерла въ 1797 г. и на ея-то кончину онъ написалъ прозаическую піесу «Мысли при гробницѣ» — первое сочиненіе, которымъ началась его литературная дѣятельность ([2]). Двѣ ея дочери, Анна Петровна Зонтагъ и Авдотья Петровна Елагина (по первому замужству Кирѣевская), пріобрѣли почтенную извѣстность: одна сочиненіемъ многихъ, достойно уважаемыхъ, книгъ для дѣтскаго чтенія; другая рѣдкою между женщинами образованностью и отличнымъ воспитаніемъ своихъ сыновей, Ивана Васильевича и Петра Васильевича, занимающихъ почетное мѣсто въ исторіи русскаго просвѣщенія и литературы. У Протасовой были двѣ дочери: Марья Андреевна, впослѣдствіи супруга дерптскаго профессора Мойеръ, и Александра Андреевна (крестница Жуковскаго), вышедшая замужъ за извѣстнаго литератора А. Ѳ. Воейкова. Такъ какъ, говоритъ П. А. Плетневъ, сестры Жуковскаго были гораздо старше его, то ихъ дочери, а его племянницы, сдѣлались его совоспитанницами. Онъ сталъ общимъ любимцемъ многочисленной семьи по своему привлекательному нраву и замѣчательнымъ, быстро развивавшимся способностямъ. Родственная среда, состоявшая изъ однѣхъ женщинъ, не могла остаться безъ вліянія на нравственную организацію мальчика: она сообщила ему набожность, благородство, нѣжность, отвращеніе отъ всего грубаго и заносчиваго ([3]). Характеръ семейной обстановки съ одинаковою силой подѣйствовалъ какъ на жизнь его, такъ и на выраженіе жизни— поэзію.

[1]) Въ турецкія войны при Екатеринѣ II, нѣкоторые изъ крестьянъ Бунина отправлялись въ армію маркитантами. Однажды, прощаясь съ нимъ, они спросили его: что тебѣ привезти изъ похода? Бунинъ, шутя, отвѣчалъ: привезите турчаночку. Крестьяне, не шутя, исполнили по словамъ своего господина.

[2]) «Полезное и пріятное препровожденіе времени» (1797), ч. 16. Первые стихи Жуковскаго: «Майское утро» — тамъ же.

[3]) В. А. Жуковскій (Живописный сборникъ 1853 г.)

Заботы о начальномъ воспитаніи Жуковскаго приняла на себя Юшкова, женщина образованная. Сначала поручили его взятому въ домъ учителю-нѣмцу, а потомъ отдали въ пансіонъ Роде, въ Тулѣ. По закрытіи пансіона, онъ пользовался уроками гувернантки, жившей у Юшковой, и русскаго учителя. Затѣмъ помѣстили его въ тульское народное училище, гдѣ старшимъ учителемъ натуральной исторіи, технологіи, статистики и россійской словесности былъ Покровскій, докторъ философіи, писавшій историческія и философскія статьи въ журналѣ: «Пріятное и полезное препровожденіе времени», подъ именемъ «философа горы Алаунской (живущаго при подошвѣ горы Утлы)». Покровскій не угадалъ наклонностей будущаго поэта: отъ мальчика, одареннаго живымъ воображеніемъ и чувствительностью и уже дома сочинявшаго драмы, онъ требовалъ занятій математикою, къ которой тотъ не имѣлъ, быть можетъ, способности и которая, всего вѣроятнѣе, была плохо преподаваема. Онъ даже хотѣлъ исключить Жуковскаго изъ школы, что и заставило родныхъ послѣдняго взять его къ себѣ и записать въ рязанскій пѣхотный полкъ, стоявшій въ Кексгольмѣ ([1]). Жуковскій отправился туда въ 1796 году, но смерть Императрицы Екатерины измѣнила его судьбу: онъ воротился изъ Петербурга въ Тулу. Въ началѣ 1797 г. поступилъ въ Благородный пансіонъ московскаго университета, гдѣ пробылъ до конца 1800 г. Трехлѣтній курсъ его ученія былъ вмѣстѣ временемъ его первоначальнаго авторства, на которое возбудительно дѣйствовало «собраніе благородныхъ воспитанниковъ университетскаго пансіона», основанное по примѣру «собранія университетскихъ питомцевъ». Первые опыты Жуковскаго въ стихахъ и прозѣ печатались въ «Полезномъ и пріятномъ препровожденіи времени», «Ипокренѣ» и «Утренней Зарѣ», сборникѣ трудовъ пансіонскаго литературнаго общества. Въ пансіонѣ завязалъ онъ дружбу съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей, особенно съ Андреемъ Тургеневымъ, старшимъ сыномъ И. П. Тургенева, директора московскаго университета. Тургеневъ, умершій вскорѣ по выходѣ изъ пансіона, былъ для Жуковскаго тѣмъ же, чѣмъ Петровъ былъ для Карамзина. Какъ искренно привязывался поэтъ къ благороднымъ личностямъ, спутникамъ его благородной жизни, какъ свято «хранилъ нетлѣнность братскихъ узъ», доказываютъ задушевныя сѣтованія о ранней кончинѣ друга ([2]). Если Жуковскій вынесъ

[1]) Маіоръ этого полка, Постниковъ, жившій въ постоянномъ отпуску въ Тулѣ, взялся хлопотать о Жуковскомъ, который, по старинному обычаю, на второмъ году отъ рожденія былъ записанъ въ астраханскій гусарскій полкъ сержантомъ.

[2]) «Посланіе къ А. И. Тургеневу», баллада «Ахиллъ».

изъ пансіона немного научныхъ свѣдѣній, то онъ несомнѣнно одолженъ мѣсту своего воспитанія собственно-литературнымъ образованіемъ, развитіемъ любви и вкуса къ словесности, и знаніемъ новыхъ языковъ, открывшимъ ему свободный доступъ къ поэзіи англичанъ и нѣмцевъ.

Въ 1801 г. основано было «новое дружеское литературное общество», въ которомъ, вмѣстѣ съ Жуковскимъ, участвовали двое братьевъ Тургеневыхъ (Андрей и Александръ), Воейковъ и Мерзляковъ, и уставомъ котораго члены были обязаны образовывать въ себѣ, «въ честь и славу добродѣтели и истины», талантъ — трогать и убѣждать другихъ произведеніями слова. На службу Жуковскій поступилъ въ главную соляную контору, гдѣ пробылъ до 1802 г. Вышедъ въ отставку, онъ оставилъ Москву и переѣхалъ на родину, неотразимо привлекавшую его воспоминаніями дѣтства и любовью къ роднымъ, у которыхъ онъ, учась въ пансіонѣ, каждое лѣто проводилъ вакаціи. Здѣсь въ Мишенскомъ, доставшемся, по смерти Бунина, семейству Юшковой, написалъ онъ элегію: «Сельское кладбище» (1802), которую назвалъ своимъ «первымъ напечатаннымъ стихотвореніемъ», вѣроятно въ томъ смыслѣ, что эта піеса была первымъ произведеніемъ, давшимъ литературную извѣстность ея автору и удостоеннымъ занять первое мѣсто въ собраніи его сочиненій. Въ Бѣлевѣ поселилась другая сестра поэта, Протасова съ дочерьми; здѣсь же жили мать его, для которой онъ построилъ домъ, и вдова Бунина: обѣ онѣ умерли въ одинъ и тотъ же годъ (1811). Такимъ образомъ, Жуковскій сталъ «мирнымъ жителемъ Бѣлева». Въ концѣ 1805 г. писалъ онъ къ сосѣду своему по деревнѣ, Ѳ. Г. Вендриху: «Я переселился въ Бѣлевъ, въ свой домъ; вся наша фамилія теперь живетъ у меня, слѣдовательно я не могу пожаловаться, чтобы вокругъ меня было пусто». Мы обстоятельно указываемъ семейную обстановку Жуковскаго потому, что она, находясь въ тѣсной связи съ его жизнію, сообщила, какъ увидимъ, и живое содержаніе его поэзіи.

На первыхъ порахъ своей литературной дѣятельности, Жуковскій поставленъ былъ въ необходимость трудиться надъ переводами, по заказу книгопродавцевъ: онъ перевелъ повѣсть изъ Коцебу «Мальчикъ у ручья» (1801) и «Донъ-Кихота» (1815) съ французскаго Флоріанова перевода. Въ 1808 г. онъ принялъ на себя завѣдываніе Вѣстникомъ Европы, который и издавалъ три года: первые два (1808 и 1809) при сотрудничествѣ Каченовскаго, а послѣдній (1810) въ соредакторствѣ съ нимъ. Новый издатель умѣлъ оживить журналъ, но не воротилъ ему того значенія, какое онъ имѣлъ въ рукахъ своего основателя. Отдѣлъ «изящной

словесности», дѣйствительно, вышелъ лучше; но цѣль, поставленная Карамзинымъ — знакомить русскихъ читателей съ Европою, успѣшнѣе достигалась въ первое двухлѣтіе «Вѣстника». Главный интересъ журнала заключался въ трудахъ самого Жуковскаго, которыя относятся къ четыремъ отдѣламъ: стихотвореніямъ, повѣстямъ и другимъ статьямъ для «легкаго чтенія», разсужденіямъ о разныхъ предметахъ, преимущественно о словесности, и критикѣ нѣкоторыхъ произведеній русской литературы. Изъ стихотвореній самыми замѣчательными піесами были: «Людмила» (передѣлка Бюргеровой Леноры на русскій ладъ), Кассандра (изъ Шиллера), Тоска по миломъ (изъ него же), Моя богиня (изъ Гете), къ Нинѣ, къ Филалету и пѣсня (Мой другъ, хранитель, ангелъ мой). Въ «Людмилѣ», прелесть гармоническихъ стиховъ и новость поэтическаго вида (баллады) произвели сильное впечатлѣніе на публику, подобное тому, какое, за пятнадцать лѣтъ, произвелъ Карамзинъ «Бѣдною Лизой». Въ подражаніе послѣдней Жуковскій написалъ «Марьину рощу», дѣйствующія лица которой, Марія и Усладъ, представляютъ образцы мечтательной настроенности. Разсужденіе: «Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ», излагаетъ мысли автора о существенныхъ благахъ жизни, знакомитъ съ его идеальными стремленіями. Наконецъ, ему принадлежатъ двѣ критическія статьи: «О баснѣ и басняхъ Крылова», «О сатирѣ и сатирахъ Кантемира». Кромѣ оригинальныхъ статей, въ Вѣстникѣ Европы 1808—1810 гг. много переводовъ Жуковскаго изъ французскихъ и нѣмецкихъ писателей: Руссо, Шатобріана, Шанфора, Жанлисъ, Коцебу, Морица, Виланда, Энгеля, Мюллера и другихъ.

Передавъ Вѣстникъ Европы Каченовскому, Жуковскій снова поселился въ Бѣлевѣ, продолжая журнальную работу, «необходимую для кармана». По той же необходимости издано имъ «Собраніе русскихъ стихотвореній» (5 частей 1810 — 1811; 6-я—1815). Само собою разумѣется, что онъ не отказывался и «отъ набѣговъ на парнасскую область»: первая часть повѣсти въ стихахъ «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ» явилась въ 1811 г. Но мысли Жуковскаго въ это время были направлены къ другому, существенному для него дѣлу. Сознавая недостатокъ своего образованія, онъ твердо рѣшился взять чтеніемъ то, чего не дала ему школа. Письмо его къ А. И. Тургеневу (1810) подробно объясняетъ намѣреніе поэта: «Между нами будь сказано, я совершенный невѣжда въ исторіи... Хочу получить о ней хорошее понятіе; не быть въ ней ученымъ, ибо я не располагаюсь писать исторію, но пріобрѣсть философическій взглядъ на происшествія въ связи.. Для литератора и поэта исторія необходимѣе всякой другой науки: она

возвышаетъ душу, расширяетъ понятіе и предохраняетъ отъ излишней мечтательности, обращая умъ на существенное». Жуковскій хотѣлъ прочитать всѣхъ тогда извѣстныхъ классиковъ-историковъ, начавъ Гаттереромъ и Гереномъ. Стороннимъ побужденіемъ къ труду служили письма нѣмецкаго историка Іоанна Мюллера къ Бонстеттену, излагавшія важность историческихъ занятій ([1]). Исторія русская составляла предметъ особаго изученія, необходимаго для задуманной Жуковскимъ поэмы «Владиміръ» ([2]): «тутъ ужъ нечего думать о классикахъ, а надобно добираться самому до источниковъ... Владиміръ будетъ моимъ фаросомъ». Кромѣ исторіи всемірной, какъ приготовленія къ русской и къ классикамъ, Жуковскій началъ изучать латинскій языкъ, а за тѣмъ думалъ приступить къ греческому: «Три года сряду будутъ посвящены труду *приготовительному*, необходимому, тяжелому, но услаждаемому высокою мыслію быть прямо тѣмъ, что должно. Авторство почитаю службою отечеству, въ которой надобно быть или отличнымъ, или презрѣннымъ: промежутка нѣтъ. Но съ тѣми свѣдѣніями, которыя имѣю теперь, нельзя достигнуть до перваго. И такъ лучше поздно, нежели никогда». Таковъ былъ планъ самоученія, начертанный двадцати-семилѣтнимъ поэтомъ, который, не успокоиваясь авторскою извѣстностью, сѣтовалъ на тѣсноту своего, исключительно-литературнаго образованія. Если обстоятельства и не дозволили ему провести трехъ лѣтъ сряду въ предположенныхъ занятіяхъ и выучиться древнимъ языкамъ, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ прочелъ много историческихъ сочиненій и познакомился, конечно помощію переводовъ, съ образцами древне-классической поэзіи. Начитанность его доказывается и письмами къ разнымъ лицамъ ([3]) и дальнѣйшими его произведеніями.

Война 1812 г. прервала уединенный трудъ Жуковскаго. Онъ отправился къ арміи и вступилъ въ московское ополченіе поручикомъ. Состоя при дежурствѣ главнокомандующаго Кутузова-Смоленскаго, онъ, вмѣстѣ съ другими волонтерамя, находился подъ Бородинымъ въ строю и за отличіе былъ награжденъ чиномъ штабсъ-капитана и орденомъ св. Анны 2-й степени. Передъ сраженіемъ при Тарутинѣ написалъ «Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ»—патріотическое стихотвореніе, сдѣлавшее имя автора извѣстнымъ во всей Россіи. Изъ подъ Тарутина онъ временно пріѣзжалъ въ Муратово, имѣніе Протасовой (въ 30 верстахъ отъ

[1]) Часть ихъ переведена Жуковскимъ (В. Евр. 1810, № 16, и 1811, № 6).

[2]) Это намѣреніе осталось неисполненнымъ.

[3]) Особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи письма къ А. Ѳ. Фонъ-деръ-Бриггену (1845—1849). Рус. архивъ 1867, №№ 5 и 6.

Орла), а изъ Вильны вернулся сюда же въ самомъ началѣ 1813 г. и оставался до половины 1814-го; вторую же половину прожилъ въ Долбинѣ, родовомъ имѣніи Кирѣевскихъ (калужской губерніи, въ 7 верстахъ отъ Муратова), гдѣ написалъ нѣсколько стихотвореній (¹). Все, отъ чего война оторвала поэта, было возвращено ему снова: «сладость мира, отчій домъ, кругъ друзей, уединенный трудъ». Въ 1813 г. напечатана баллада Свѣтлана, написанная раньше, а къ 1814-му относится «Посланіе Императору Александру», обратившее на автора особое вниманіе Императрицы Маріи Ѳеодоровны, которая еще прежде того, выслушавъ чтеніе «Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ», приглашала его въ Петербургъ. Но «другъ мирныхъ селъ» предпочиталъ «невѣдомую стезю» широкимъ, заманчивымъ для многихъ путямъ свѣта. Онъ не только не добивался близости ко двору, замѣчаетъ кн. Вяземскій, но долго и довольно настойчиво отъ нея уклонялся. Только особенное возмущеніе въ ровномъ потокѣ жизни могло привести уединеннаго пѣвца именно въ ту сторону, которая и въ мечтахъ ему не представлялась. Въ концѣ 1813 г., А. Ѳ. Воейковъ посѣтилъ автора, жившаго въ Муратовѣ. Онъ умѣлъ очень понравиться Протасовой и женился на ея дочери, Александрѣ Андреевнѣ. Когда ему выхлопотали каѳедру русской словесности въ дерптскомъ университетѣ, и семейство Протасовыхъ переселилось съ нимъ въ Дерптъ, Жуковскому не для чего было оставаться въ опустѣвшемъ, столь дорогомъ ему пріютѣ: онъ также отправился за родными и жилъ съ ними почти безвыѣздно, до начала 1817 г. Въ университетскомъ кругу онъ познакомился съ Эверсомъ, представителемъ исторической науки, и самъ принялся за прерванныя занятія исторіей. Между тѣмъ мысль о поэмѣ не была имъ оставлена: въ половинѣ 1816 г. онъ думалъ сдѣлать путешествіе въ Кіевъ и Крымъ, нужное, какъ онъ говорилъ, для «Владиміра». Того же года началъ заботиться о собраніи русскихъ сказокъ и преданій, по любви къ нимъ съ издѣтства. Для этого поручилъ онъ своимъ племянницамъ, остававшимся въ Бѣлевѣ, Зонтагъ и Кирѣевской, записывать и пересылать ему розсказни деревенскихъ разсказщиковъ, намѣреваясь послѣ привести собранные матеріалы въ порядокъ. На поэзію національную, писалъ онъ имъ, никто не обращаетъ вниманія: въ сказкахъ заключаются народныя мнѣнія, суевѣрныя преданія даютъ понятіе о нравахъ и степени просвѣщенія старины. Стараніями Тургенева, первое изданіе стихотвореній Жуковскаго (2 ч., 1815—1816) было, чрезъ князя А. Н. Го-

¹) Долбинскія стихотворенія (Рус. Архивъ 1864, № 10).

лицына, поднесено Государю, который назначилъ автору пенсію въ 4000 руб. Эта награда заставила его смотрѣть на свои дальнѣйшіе труды, какъ на святую обязанность передъ трономъ и отечествомъ: «слава достойная, писалъ онъ, есть для меня теперь тоже, что благодарность». Въ 1817 г. была издана баллада Вадимъ (вторая часть повѣсти Двѣнадцать спящихъ дѣвъ). Того же года, съ замужствомъ старшей дочери Протасовой, наступилъ второй, петербургскій періодъ жизни Жуковскаго. «Свадьба кончена», извѣщалъ онъ Тургенева, «и душа совсѣмъ утихла».

Лѣтомъ 1815 г. Жуковскій былъ представленъ Императрицѣ Маріи Өедоровнѣ С. С. Уваровымъ. Друзьямъ давно хотѣлось перетянуть его въ Петербургъ; но прежде чѣмъ уступить ихъ убѣжденіямъ, онъ выговаривалъ себѣ извѣстныя условія. Не столько перемѣна мѣста, сколько перемѣна образа жизни тревожила его, а послѣдней невозможно было избѣжать, водворясь въ столицѣ. Вотъ почему онъ и желалъ пріѣзжать въ Петербургъ лишь на время. «Чтобы сдѣлать для меня то, что мнѣ надобно», писалъ онъ Тургеневу (4 августа 1815), «вы должны имѣть настоящее понятіе о томъ, что мнѣ надобно. Боюсь я этихъ grands projets [1]. Могутъ составить себѣ за меня какой-нибудь планъ моей жизни, да и убьютъ все... Тебѣ, кажется, не нужно имѣть комментарія на то, что мнѣ надобно. Независимость — да и только. Способъ писать, не заботясь о завтрашнемъ днѣ. Что, и гдѣ, и когда писать, мнѣ на волю. Я не буду жильцомъ петербургскимъ; но каждый годъ буду въ Петербургѣ непремѣнно... Если писать сдѣлается для меня обязанностію непремѣнно, то сказываю напередъ, что написано ничего не будетъ». Недовольство настоящимъ и сожалѣніе о прошломъ выражено въ письмѣ къ Зонтагъ (осенью 1815 г.): «Мое *теперь* хуже прежняго. Здѣшняя жизнь (въ Петербургѣ) мнѣ тяжела, и я не знаю, когда отсюда вырвусь. Ваше *одно и тоже* кажется мнѣ прекраснымъ положеніемъ; работать безъ всякаго разсѣянія, въ кругу своихъ, отдѣлясь отъ прошедшаго и будущаго—вотъ чего мнѣ хочется.... Или все, меня окружающее, ничтожно; или я самъ ничто, потому что у меня ни къ чему не лежитъ сердце, и рука не поднимается взяться за перо, чтобы описывать то, что мнѣ какъ чужое. И воображеніе поблѣднѣло. Поэзія отворотилась.... Я здѣсь живу очень уединенно; никого кромѣ своихъ немногихъ не вижу, и, не смотря на это, все время проскакиваетъ между пальцевъ. И этой немногой разсѣян-

[1]) Слова «grands projets» показываютъ намѣреніе друзей Жуковскаго приблизить его ко Двору.

ности для меня слишкомъ много. Прибавьте къ ней какую-то неспособность заниматься, которая меня давитъ и отъ которой не могу отдѣлаться. Жестокая сухость залѣзла въ мою душу:

О рощи, о друзья, когда увижу васъ!»

Отъ этихъ жалобъ, порожденныхъ не столько мыслію о предстоящей жизни въ Петербургѣ, сколько воспоминаніемъ жизни прошлой, Жуковскій былъ отвлеченъ своими обязанностями при дворѣ. Придворная жизнь его началась еще съ того времени, какъ Императрица Марія Ѳедоровна опредѣлила его къ себѣ лекторомъ (чтецомъ). Въ 1817 г. онъ былъ избранъ въ преподаватели русскаго языка великой княгинѣ (впослѣдствіи Императрицѣ) Александрѣ Ѳедоровнѣ. Это заставило его заняться изученіемъ грамматики роднаго слова, которымъ на практикѣ онъ уже владѣлъ художнически. Въ 1818 г., когда дворъ находился въ Москвѣ, Жуковскій, для своей Августѣйшей слушательницы, переводилъ изъ первоклассныхъ нѣмецкихъ поэтовъ стихотворенія, которыя она знала наизусть. Переводы, вмѣстѣ съ подлинниками (texte en regard), печатались ежемѣсячно небольшими книжечками, подъ названіемъ «Для немногихъ» (Für Wenige), такъ какъ онѣ не поступали въ продажу, а раздавались немногимъ лицамъ ([1]). Всѣхъ книжекъ вышло шесть. Въ послѣдней напечатанъ прологъ изъ Орлеанской Дѣвы. Однимъ изъ самыхъ производительныхъ годовъ для поэзіи Жуковскаго былъ 1821-ый. Въ теченіи его явились переводы Орлеанской Дѣвы (Шиллера), Шильонскаго узника (Байрона), Пери и Ангела, изъ повѣсти Мура: Лалла-Рукъ. Въ свободные отъ обязанности мѣсяцы, Жуковскій ежегодно ѣздилъ въ Дерптъ, на поэтическій отдыхъ среди родныхъ, къ которымъ съ дѣтскихъ лѣтъ и во всю жизнь былъ привязанъ самыми тѣсными узами дружбы и любви. Съ 1820 г. онъ жилъ у Воейкова, который, оставивъ каѳедру, переѣхалъ на службу въ Петербургъ. Смерть старшей его племянницы (М. А. Мойеръ) поразила его душу глубокою скорбію. Тѣмъ сильнѣе привязался Жуковскій къ оставшейся въ живыхъ.

По вступленіи на престолъ Императора Николая, Жуковскій былъ выбранъ въ наставники Великому Князю Наслѣднику (нынѣ царствующему Государю) Александру Николаевичу. Онъ всецѣло предался своей обязанности, сознавая ея величіе передъ отечествомъ и трономъ. Поэзія уступила мѣсто педагогическимъ трудамъ, такъ что въ собраніи его стихотвореній мы видимъ семи-

---

[1]) Это внушило А. Пушкину посланіе къ Жуковскому, гдѣ сказано:
Ты правъ, творишь ты для *немногихъ*....

тній пробѣлъ (съ 1823 по 1829). Все это время было имъ про-
ено въ обдумываніи плана и пріемовъ образованія, въ урокахъ
густѣйшему Питомцу и въ наблюденіи за уроками другихъ пре-
давателей. Жуковскій смотрѣлъ на свои занятія, какъ на мно-
трудный священный подвигъ. Вотъ что писалъ онъ по этому
лу къ роднымъ: «Моя настоящая должность беретъ все мое
емя. Въ головѣ одна мысль, въ душѣ одно желаніе... Какая
бота и отвѣтственность! Занятіе, питательное для души! Цѣль
я цѣлой остальной жизни! Чувствую ея великость, и всѣми мы-
ями стремлюсь къ ней! До сихъ поръ я доволенъ успѣхомъ, но
угъ дѣйствій безпрестанно будетъ расширяться. Занятій множе-
во: надобно учить и учиться — и время все захвачено. Прощай
всегда, поэзія съ риѳмами! Поэзія другаго рода со мною, мнѣ
ному знакомая, понятная для одного меня, но для свѣта без-
лвная. Ей должна быть посвящена остальная жизнь». Къ поэзіи
уковскій обратился съ 1829 г., посвящая ей часы свободные отъ
нятій, а также время поѣздокъ за границу, совершаемыхъ для
дыха или для поправленія здоровья. Въ этотъ годъ перевелъ онъ
оргерову балладу «Ленору», стихотворенія Шиллера: «Кубокъ»,
Торжество побѣдителей», «Жалоба Цереры» и другія. Того же
да понесъ онъ новую утрату въ семейномъ кругу. А. А. Воей-
ва скончалась въ Ливорно, куда она отправилась лечиться. Лю-
вь свою къ умершей онъ перенесъ на ея сиротъ. Въ 1831 г.,
ивучи въ Царскомъ, вмѣстѣ съ Пушкинымъ, онъ написалъ сказки:
царѣ Берендеѣ, Спящая Царевна, Война мышей и лягушекъ.
ять нумеровъ «Муравейника» (1831)[1], вѣроятно, издававшагося
и участіи Жуковскаго, содержатъ въ себѣ нѣсколько его стихо-
орeній: «Сидъ» (извлеченіе изъ древнихъ романсовъ испанскихъ),
Перчатка», «Двѣ были и еще одна», «Сраженіе съ Змѣемъ»
ь 1836 г. онъ докончилъ «Ундину», начатую до того за четыре
да. Путешествуя, въ свитѣ Наслѣдника по Европѣ (1838), онъ,
подражаніе Гальму, сочинилъ драматическую поэму «Камоэнсъ»
перевелъ въ другой разъ «Сельское Кладбище» Грея; къ тому же
ду относятся «Очерки Швеціи» (въ прозѣ). Три года (1837 —
840), въ досужное отъ занятій время, переводилъ онъ съ нѣмец-
го поэму «Наль и Дамаянти». По совершеніи бракосочетанія Го-
даря Цесаревича Жуковскій получилъ чинъ тайнаго совѣтника и
угія награды: ему до смерти предоставлено было все, чѣмъ онъ
льзовался по должности наставника; онъ могъ жить тамъ, гдѣ
йдетъ для себя удобнѣе и пріятнѣе; особенная сумма была на-

[1]) Книжная рѣдкость (Рус. Арх. 1867, № 2).

значена на первое обзаведеніе его хозяйства ([1]); наконецъ онъ и въ отсутствіе свое считался состоящимъ на службѣ при Государѣ Наслѣдникѣ. Въ 1841 г. онъ женился на дочери давнишняго своего друга, полковника Рейтерна, проживавшаго съ своимъ семействомъ въ Дюссельдорфѣ. Съ тѣхъ поръ ему не пришлось болѣе видѣть Россіи, за разными семейными обстоятельствами, преимущественно за болѣзнію жены. Въ заграничной жизни своей, на полной свободѣ, онъ посвятилъ свое время поэзіи, сдѣлавшись, по его выраженію, изъ романтика классикомъ: «подъ старость», писалъ онъ П. А. Плетневу, «я присосѣдился къ древнему разсказчику-Гомеру и началъ въ-слѣдъ за нимъ, на его ладъ, разсказывать своимъ соотечественникамъ Одиссею». Такое намѣреніе не должно было удивлять людей, знавшихъ поэта. Письма его къ Тургеневу показываютъ, какъ онъ уважалъ классическую литературу. Это уваженіе осталось при немъ навсегда. Сѣтуя на свое незнаніе латинскаго и греческаго языковъ, которымъ, по обстоятельствамъ, не могъ выучиться, онъ, однакожъ, еще въ 1822 г. перевелъ вторую пѣснь Энеиды (нап. 1823), а въ 1828-мъ — отрывки изъ Иліады (нап. въ Сѣверныхъ Цвѣткахъ 1829), по нѣмецкимъ переводамъ Фосса и Штольберга. Письма его къ фонъ-деръ Бриггену (1845—1849) выражаютъ убѣжденіе, что хорошіе переводы латинскихъ и греческихъ поэтовъ и прозаиковъ принесли бы чрезвычайную пользу и нашему языку, и нашему образованію. Онъ благодаритъ Бриггена за переводъ Цезаревыхъ Записокъ, который тотъ хотѣлъ посвятить ему, и совѣтуетъ впослѣдствіи приступить къ другимъ историкамъ — Саллюстію, Тациту и Титу Ливію, а также къ Цицероновымъ письмамъ. Первая половина Одиссеи напечатана въ 1847 г., вмѣстѣ съ «повѣстями и сказками», и съ поэмой «Рустемъ и Зорабъ», а вторая въ 1849 г. Того же 1849 г. былъ празднованъ пятидесятилѣтній юбилей дѣятельности Жуковскаго ([2]). Государь пожаловалъ знаменитому поэту орденъ Бѣлаго орла, въ ознаменованіе (какъ сказано въ грамотѣ) особеннаго своего уваженія къ трудамъ юбиляра на поприщѣ отечественной литературы и въ изъявленіе душевной признательности за заслуги, Царскому семейству оказанныя. Покончивъ съ Одиссеей, поэтъ принялся было за Иліаду, но успѣлъ изъ нея перевести только первую пѣснь и часть второй. Равнымъ образомъ не кончилъ онъ и поэмы «Вѣчный Жидъ». Одновременно съ поэзіей шли у Жуковскаго прозаическія занятія

[1]) Въ это время Жуковскій былъ женихомъ и занимался приготовленіями къ отъѣзду за границу, гдѣ жила его невѣста.

[2]) Юбилей приходился не въ 1849, а въ 1847 г.

и новые педагогическіе труды: онъ сталъ работать надъ учебнымъ курсомъ для дѣтей своихъ — дочери Александры и сына Павла, которымъ незадолго до смерти посвятилъ книжечку стихотвореній. Касательно же прозы, онъ писалъ П. А. Плетневу: «У меня уже готово на цѣлый толстый томъ. Матеріаловъ довольно для будущаго — и есть великій замыселъ, о которомъ поговоримъ, когда Богъ велитъ свидѣться». Середи этихъ замысловъ на новыя работы, поэта стали посѣщать недуги. Зрѣніе его слабѣло, слухъ тупѣлъ. Въ 1851 г. онъ не могъ уже видѣть однимъ глазомъ и писалъ съ помощію машинки, имъ самимъ изобрѣтенной. Занемогши 1 апрѣля 1852 г., онъ скончался въ Баденъ-Баденѣ 7-го того же мѣсяца, на семидесятомъ году своей жизни. Тѣло его, поставленное въ склепѣ на загородномъ Баденскомъ кладбищѣ, было перевезено въ Петербургъ и 29 іюля предано землѣ въ Александроневской Лаврѣ. «Слезы августѣйшихъ особъ» (заключаемъ нашъ очеркъ словами Плетнева), «оплакивавшихъ утрату наставника ихъ и друга, смѣшались съ слезами поклонниковъ незабвеннаго поэта на его гробѣ, который, наравнѣ съ друзьями его, несъ и царственный первенецъ изъ церкви до самой могилы, гдѣ Жуковскій покоится нынѣ подлѣ Карамзина».

Въ одномъ изъ посланій своихъ, Жуковскій сказалъ, что онъ желаетъ быть такимъ, какимъ себя изображаетъ. Произносимыя другими поэтами, подобныя слова большею частію имѣютъ случайный смыслъ, какъ плодъ преходящаго настроенія ихъ духа. Съ новымъ душевнымъ настроеніемъ мѣняется у нихъ и образъ идеальнаго человѣческаго достоинства. Въ устахъ такого поэта, какъ Жуковскій, сказанныя слова выражаютъ не капризъ и увлеченіе, а твердый обѣтъ слѣдовать тому идеалу, который оставался неизмѣннымъ въ его изображеніяхъ. Онъ постоянно славилъ добродѣтель, не отличая ее ни отъ поэзіи, ни отъ счастія: «поэзія есть добродѣтель», «истинно счастливый человѣкъ есть человѣкъ истинно добрый». Служенье музамъ, по его понятію, нераздѣльно съ служеніемъ всему доброму; «геній чистой красоты» есть въ тоже время вѣстникъ «нетлѣнныхъ благъ». Жизнь непорочная, куда бы ни привела его судьба: вотъ что положилъ онъ осуществлять своими мыслями, чувствами и дѣлами, и вотъ на что постоянно указывали его поэтическія представленія. По мнѣнію Карамзина, дурной человѣкъ не можетъ быть хорошимъ авторомъ. Жуковскій думалъ тоже: нечистый человѣкъ не можетъ быть хорошимъ поэтомъ; или, точнѣе, дѣйствіе, производимое его творчествомъ, будетъ недоброе. Жизнь поэтическому созданію, разсуждалъ онъ, даетъ *духъ поэта*, въ созданіи его тайно соприсутственный; и

потому нравственно-образовательное вліяніе поэтическаго произведенія заключается не въ содержаніи его, а въ томъ, что есть самъ поэтъ. Каковъ самъ поэтъ, таково будетъ и твореніе. Если онъ есть духъ чистоты, если художественное созданіе (каковъ бы ни былъ предметъ его) проникнуто имъ такъ же, какъ образецъ его, Божіе созданіе, духомъ Создателя, то и дѣйствіе его будетъ благодатно, какъ дѣйствіе неизглаголаннаго мірозданія на душу. Напротивъ: самое святое подѣйствуетъ на насъ какъ отрава, когда оно выльется изъ сосуда души отравленной (1). Мы привели эти слова не съ тѣмъ, чтобы, изложивъ взглядъ Жуковскаго на искусство, опредѣлить, вѣренъ ли онъ или нѣтъ, а для того только, чтобы показать, что Жуковскій не рознилъ творца съ твореніемъ. Что же, исполнилось ли желаніе нашего поэта? былъ ли онъ таковъ, какимъ онъ изображалъ себя въ стихахъ, по идеалу нравственнаго достоинства? И одно искреннее стремленіе къ идеалу составляетъ немалую заслугу; гораздо выше, конечно, достиженіе идеала. Изъ матеріаловъ для біографіи Жуковскаго, особенно изъ его писемъ, видно, что онъ выдерживаетъ самый взыскательный надъ собою судъ... Свидѣтельства его друзей и знакомыхъ, собственныя его письма, самыя интимныя, въ которыхъ человѣкъ является безъ притворства, выказываютъ въ немъ образецъ душевной чистоты. Не даромъ друзья называли его «Свѣтланой». Всегдашняя готовность дѣлать добро была въ немъ чутка какъ инстинктъ, сильна какъ сознаніе. Идти на встрѣчу нуждѣ—словомъ и дѣломъ—онъ почиталъ и обязанностію, и счастіемъ. Что было имъ сказано, въ Сельскомъ кладбищѣ, объ уединенномъ пѣвцѣ, то безъ лести прилагалось къ нему самому: онъ дарилъ несчастныхъ чѣмъ только могъ. Въ этомъ отношеніи, любопытно одно изъ его писемъ къ Тургеневу, въ лицѣ котораго онъ сердито упрекаетъ петербургскихъ пріятелей за ихъ безпечность и легкомысліе: «Вы хвастаете своимъ Арзамасомъ. Хвастайте, хвастайте, голубчики! Правда, вы запаслись *Рейномъ* (2): пожива славная! Но, милые друзья, надобно помнить и о томъ, что ближе къ Арзамасу: Мещевскій (3) въ Сибири; а вы, друзья, очень весело поживаете въ Петербургѣ! Если вы не собрались еще о немъ вспомнить отъ разсѣянности, то это срамъ и ребячество. Еслижъ отъ холодности къ его судьбѣ, то это... что это? Я не знаю, какъ назвать это! На чтожъ намъ толковать о добрѣ, о общей пользѣ, о хорошихъ, возвышающихъ душу

1) Письмо къ Гоголю.

2) Т. е. приняли въ литературное общество «Арзамасъ» новаго члена, М. Ѳ. Орлова, подъ именемъ *Рейна*.

3) Стихотворенія Мещевскаго печатались въ тогдашнихъ журналахъ.

стихахъ? На что смѣяться надъ Шаховскими и Rivarol? Ни на то, ни на другое не имѣемъ мы права, если способны быть столь безпечны, когда дѣло идетъ о судьбѣ, можетъ быть о жизни, а можетъ быть (что еще важнѣе) о нравственномъ спасеніи человѣка, который намъ себя ввѣряетъ! Признаться, мнѣ больно быть хлопотуномъ за Мещевскаго, безсильнымъ его орудіемъ. Своихъ способовъ нѣтъ, а вы не помогаете. Если бы у меня была сила въ рукахъ, я бы вамъ не поклонился». Не меньше трогательна заботливость Жуковскаго о другомъ ссыльномъ—Бриггенѣ: какъ родной, входитъ онъ съ нимъ въ переписку касательно его занятій, даетъ ему совѣты, беретъ на себя изданіе его перевода, предлагаетъ деньги... и все съ одною цѣлью, о которой онъ не упомянулъ ни словомъ, но которую очень хорошо понимала и чувствовала другая сторона, — съ цѣлью облегчить по возможности участь наказаннаго. Третьимъ свидѣтельствомъ глубокой чувствительности и высокаго доброжелательства Жуковскаго служатъ его отношенія къ извѣстному стихотворцу И. И. Козлову, когда этотъ лишился зрѣнія: Жуковскій сдѣлался у него домашнимъ человѣкомъ, неизмѣнною опорою всей его семьи. Его веселыя и задушевныя бесѣды бывали лучшимъ утѣшеніемъ несчастному поэту, и въ послѣдніе его часы все тотъ же дружескій голосъ читалъ отходныя молитвы умирающему другу. Мы выставляемъ крупные факты необычайной доброты поэта, а сколько такихъ, которыхъ еще не знаетъ его біографія и которые, вѣроятно, остались неизвѣстными самымъ близкимъ его друзьямъ!

Примѣромъ долговременной своей дѣятельности Жуковскій доказалъ несправедливость поговорки, что стихотворцы—народъ тщеславный, завистливый и раздражительный. Какъ въ первые успѣхи своего авторства, такъ и на высотѣ своей славы онъ отличался одинаковою скромностью. Рѣдкіе одобряли возникающій талантъ и содѣйствовали ему съ такимъ радушіемъ, какое онъ оказалъ Кольцову. Онъ былъ другомъ Батюшкова, который одинъ изъ современныхъ авторовъ могъ съ нимъ соперничать въ дарованіи и стихотворномъ искуствѣ. Учитель Пушкина, по словамъ сего послѣдняго, онъ признаетъ въ ученикѣ своего побѣдителя и съ полной искренностью радуется его успѣхамъ. Передъ литературной къ нему непріязнію онъ держался такъ же благородно, какъ Карамзинъ, но еще снисходительнѣй и незлобивѣй. Природное добродушіе, сознаніе собственнаго достоинства и возвышенный взглядъ на поэзію не дозволили закрадываться въ его душу ни высокомѣрію, ни презрѣнію. Онъ былъ убѣжденъ, что нѣтъ ничего хуже той славы, которой всѣ обыкновенно ищутъ или которая всѣмъ дается свѣтомъ,

и поэтически уподоблял ее скелету, обвитому розами. Вот его исповѣдь, по поводу комедіи кн. Шаховскаго: «Липецкія воды», въ которой онъ былъ выведенъ подъ именемъ Фіалкина: «Здѣсь (въ Петербургѣ) есть авторъ князь Шаховской. Извѣстно, что авторы не охотники до авторовъ. И онъ поэтому не охотникъ до меня. Вздумалъ онъ написать комедію и въ этой комедіи смѣяться надо мною. Друзья за меня вступились... Теперь страшная война на Парнассѣ. Около меня дерутся за меня, а я молчу, да лучше было бы, когда бы всѣ молчали... Всѣ эти глупости еще болѣе привязываютъ къ поэзіи, святой поэзіи, которая независима отъ близорукихъ судей и довольствуется сама собою... Бѣда писателю, если у него душа доступна для оскорбленія глупцовъ и невѣждъ. Я благодаренъ этому глупому случаю: онъ болѣе познакомилъ меня съ самимъ собою. Я теперь знаю, что люблю поэзію для нея самой, не для почестей, и что комары парнасскіе меня не укусятъ никогда слишкомъ больно» ([1]). Слова Жуковскаго еще тѣмъ замѣчательны, что они указываютъ его понятіе объ источникѣ нашего спокойствія и счастія: этотъ источникъ—въ довольствѣ самимъ собою, которое возможно только при внутренней самостоятельности. Къ чему стремился онъ всю свою жизнь? Конечно не къ богатству и почестямъ, никогда его не плѣнявшимъ. Онъ былъ идеалистъ, и къ нему прилагаются слова Шиллера, сказанныя объ идеалистахъ вообще, въ противоположность реалистамъ: онъ искалъ не независимости состоянія, а независимости отъ состоянія, какое бы ни выпало на его долю.

Излишне говорить о патріозмѣ Жуковскаго, прославленномъ его поэзіей и доказанномъ дѣлами. Но нельзя умолчать о его глубокомъ религіозномъ чувствѣ. Онъ былъ истинный христіанинъ, питавшій неизмѣнную довѣренность къ Провидѣнію. Въ словахъ Спасителя: «да не смущается сердце ваше: вѣруйте въ Бога и въ Меня вѣруйте», находилъ онъ всевозможныя утѣшенія, данныя человѣку на всѣ житейскія бѣды. Эти слова начерталъ онъ «на двухъ родныхъ, земной судьбиною разрозненныхъ могилахъ» (на могилахъ М. А. и А. А. Протасовыхъ); ихъ же, говоритъ онъ, рука жены и рука дочери должны были начертать и на его гробовомъ камнѣ

Въ воспоминаніе земнаго счастья,
Въ вознагражденіе любви земныя
И жизни вѣчныя на упованье.

Упомянемъ еще объ одной чертѣ въ характерѣ Жуковскаго. Поэтъ по преимуществу элегическій, пѣвецъ меланхоліи и грусти,

---

[1]) Письмо къ роднымъ 1815 (Рус. Архивъ, 1864, стр. 459—461).

онъ въ общежитіи, особенно въ кругу друзей, вовсе не былъ меланхоликомъ: веселость составляла отличительное свойство его добраго и уживчиваго нрава. Онъ любилъ и умѣлъ шутить, хотя и не дозволялъ себѣ злоупотреблять шуткой, обращая ее въ орудіе вредное или обидное ближнему. Шутливый элементъ видѣнъ въ нѣкоторыхъ его стихотвореніяхъ, большею частію неизданныхъ, напримѣръ въ протоколахъ Арзамаса, которые онъ велъ по званію секретаря этого общества ([1]).

«Жизнь и поэзія одно». Эти слова Жуковскаго допускаютъ различное толкованіе. Самъ авторъ выразилъ ими ту мысль, что онъ всецѣло отдался своему призванію, что поэзія составляла главное, существенное дѣло его жизни. Но можно понимать ихъ и въ томъ смыслѣ, что поэтъ старался устроить свою жизнь по тому идеалу нравственнаго достоинства, какой представлялъ въ своихъ созданіяхъ. Наконецъ они могутъ означать, что поэзія Жуковскаго есть звучный отголосокъ, вѣрное откровеніе его собственной жизни. Мы останавливаемся на послѣднемъ толкованіи, какъ на такомъ, которымъ разъясняется отношеніе поэтической дѣятельности Жуковскаго къ его біографіи.

Немногіе таланты находились подъ такимъ вліяніемъ первоначальной жизненной среды, какое испыталъ Жуковскій. Она дѣйствовала на него обаятельно и нескончаемо. Родина, «гдѣ онъ расцвѣлъ въ тѣни уединенья», представлялась ему обѣтованной землей, которую онъ по обстоятельствамъ долженъ былъ покинуть, но съ которой никогда не разлучался ни чувствомъ, ни воображеніемъ. Въ одномъ изъ раннихъ своихъ переводовъ онъ совѣтуетъ друзьямъ любить родительскій кровъ, потому что здѣсь только возможно счастіе «съ забвеніемъ суетъ, съ безпечностью свободы» ([2]). Вдали

---

[1]) Важнѣйшіе матеріалы для біографіи Ж-го:

Плетнева П. А.: «В. А. Жуковскій (Живописный сборникъ, изд. Плюшара, 1853) и отдѣльной книжкой, подъ заглавіемъ: «Жизнь и сочиненія В. А. Жуковскаго, 1854».

Доктора Зейдлица: «Очеркъ развитія поэтической дѣятельности Жуковскаго» (Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія, 1869, №№ 4, 5 и 6).

Шевырева: «О значеніи Ж-го въ русской жизни и поэзіи» (Москвит. 1853, № 1, и отдѣльнымъ изданіемъ).

Бѣлинскаго: Сочиненія, т. 8.

Выдержки изъ старой записной книжки, кн. П. А. Вяземскаго (Рус. Архивъ разныхъ годовъ).

Письма Ж-го къ разнымъ лицамъ (ib).

Лонгинова М. Н.: Матеріалы для полнаго изданія сочиненій Ж-го (Рус. Арх. 1864, №№ 5 и 6; дополненіе къ нимъ, ib. 1866, №№ 11 и 12).

[2]) Сонъ Могольца.

отъ родины онъ непрестанно вспоминалъ о ней и какъ бы всегда имѣлъ ее передъ глазами. Дрезденскія окрестности представляли ему окрестности Бѣлева; въ извивахъ Эльбы онъ видѣлъ извивы Оки; а отдаленіе—несмотря на то, что на немъ синѣлись горы Саксонской Швейцаріи—имѣло для него что-то похожее на рощи, окружающія одну изъ родныхъ пустыней ([1]). У подошвы швейцарскихъ горъ, онъ мысленно переносился на тотъ холмикъ, на которомъ стоялъ Мишенскій домъ съ своею церковью и гдѣ началась его поэзія переводомъ Греевой элегіи ([2]). Но привязанность къ людямъ, съ которыми онъ «расцвѣталъ въ тѣни уединенья», была еще сильнѣе привязанности къ естественнымъ красотамъ мѣсторожденія. Къ членамъ своего семейства онъ питалъ не простое чувство родства, но заботливую дружбу и горячую, неизмѣнную любовь. Подъ вліяніемъ окружавшей его родной среды и въ отношеніи къ ней сложился «идеалъ счастія», сдѣлавшійся основною темою поэзіи Жуковскаго. Черты этого идеала въ первый разъ опредѣлительно указаны «Письмомъ изъ уѣзда къ издателю Вѣстника Европы», которое, какъ программа или передовая статья, излагаетъ обязанности журналиста. Авторъ «письма» — самъ редакторъ (Жуковскій), но онъ выражаетъ мнѣніе не отъ себя собственно, а отъ лица Стародума ([3]).

Письмо наполнено разсужденіями Стародума, вошедшаго въ моду со времени «Недоросля». Объяснивъ существенную пользу журнала, какъ скорѣйшаго проводника полезныхъ идей въ обществѣ, Стародумъ указываетъ то поприще, на которомъ, для нашего счастія, общее просвѣщеніе должно дѣйствовать. Это поприще — мирный и тѣсный кругъ семейства: «въ семействѣ будетъ заключено сладкое счастіе, дѣятельность, награды, все, къ чему стремимся, къ чему привязано сердце, что радуетъ, возвеличиваетъ душу; имѣй въ виду семейство, въ которомъ, со временемъ, на самомъ дѣлѣ ты могъ бы исполнить всѣ лучшія мечты, озаряющія твою душу въ часы уединеннаго размышленія». Но если, при всѣхъ правахъ на счастье, просвѣщенный человѣкъ не найдетъ его тамъ, гдѣ оно блистаетъ наилучшимъ свѣтомъ, гдѣ оно единственно возможно, тогда пусть ищетъ замѣны «въ собственной дѣятельности,—въ томъ удовольствіи, которое неразлучно съ любовію къ прекрасному, съ трудами ума, съ работами воображенія, въ той неотъемлемой наградѣ, которая заключена во внутреннемъ спокойномъ увѣреніи, что исполнилъ свою должность, какъ *чело-*

---

[1]) Отрывки изъ писемъ о Саксоніи, 1821 г.
[2]) Изъ письма къ Зонтагъ (1833) (Жив. Сбор. ч. 3).
[3]) В. Европы, 1808, № 1.

въкъ—совершенствуя свою натуру, какъ *гражданинъ* —трудясь съ намѣреніемъ приносить пользу отечеству». Основныя положенія Стародума повторены въ разсужденіи: «Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ?». Не отдѣляя добродѣтели отъ счастія, авторъ мѣстомъ дѣйствій для нихъ назначаетъ семейство — «тихое, сокрытое отъ людей поприще, на которомъ совершаются *самые благородные, самые безкорыстные подвиги добродѣтельнаго*». За этимъ поприщемъ простираются болѣе обширные круги—отечество и человѣчество. О нихъ съ элегическимъ паѳосомъ разсуждаетъ Теонъ ([1]), имѣя передъ глазами памятникъ, воздвигнутый надъ могилою его супруги. Возвышенныя стремленія Стародума и Теона дышатъ скорбью потому именно, что они внушены сердцемъ, потерявшимъ верховный идеалъ свой. Напрасно это сердце ищетъ новыхъ, равносильныхъ или важнѣйшихъ, идеаловъ: ничто не въ силахъ замѣнить утраченнаго. Все остальное получаетъ цѣну лишь по отношенію къ утратѣ: или какъ воспоминаніе о ней, или какъ надежда на ея возвращеніе. Прошедшее, настоящее и будущее дружатся этими единственными чувства омраченной жизни. Въ отвѣтъ Д. Сѣверину, переведшему съ французскаго небольшую пьесу «Писатель въ обществѣ», Жуковскій напечаталъ въ журналѣ статью подъ тѣмъ же заглавіемъ. Переводъ оканчивается совѣтомъ Делиля автору: «du fond de ta retraite habite l'univers». Жуковскій, согласно съ своимъ взглядомъ, выразился такъ: «вселенная, со всѣми ея радостями, должна быть заключена въ той мирной обители (семействѣ), гдѣ онъ (писатель) мыслитъ и гдѣ онъ любитъ».

Поэтъ не только создалъ идеалъ счастія по тому образу, какой представляла ему родная семья, но и думалъ обрѣсти его въ той же семьѣ, гдѣ «сладость тайная во грудь его лилась». Онъ питалъ глубокую любовь къ своимъ племянницамъ, Протасовымъ. Его намѣреніе жениться на старшей (Марьѣ Андреевнѣ) могло бы исполниться, если бы мать ихъ въ родственныхъ отношеніяхъ не видѣла причины своему упорному отказу. Въ письмѣ къ Тургеневу 1810 г. Жуковскій бесѣдуетъ съ нимъ объ этой тайнѣ своего сердца: «Ахъ, братъ и другъ, сколько погибло времени! Вся моя прошедшая жизнь покрыта какимъ-то туманомъ *недѣятельности душевной*, который ничего не даетъ мнѣ различить въ ней. Причина этой недѣятельности тебѣ извѣстна. А теперь, другъ мой, эта самая дѣятельность служитъ мнѣ лекарствомъ отъ того, что было прежде ей помѣхою. Если романическая любовь могла спасать душу отъ порчи, за то она уничтожаетъ въ ней и дѣятель-

---

[1]) Въ элегіи: «Теонъ и Эсхинъ».

ность, привлекая ее къ одному предмету, который удаляетъ ее отъ всѣхъ другихъ. Этотъ одинъ убійственный предметъ какъ царь сидѣлъ въ душѣ моей по сіе время. Но теперешняя моя дѣятельность, наполнивъ мою душу (или, лучше сказать, *начиная* наполнять), избавляетъ ее отъ вреднаго постояльца. Если бы онъ ушелъ самъ, *не уступивши* мѣста своего другому, то душа могла бы угаснуть; но теперь она только перемѣнила свое направленіе и, признаться, къ совершенной своей выгодѣ... Не подумай, однако, чтобы моя мысль о дѣйствіи любви была *общею* мыслію, а не моею; нѣтъ, она справедлива и неоспорима, но только тогда, когда будешь предполагать нѣкоторыя особыя обстоятельства: она справедлива въ отношеніи ко мнѣ». Отсюда въ поэзіи Жуковскаго частые диѳирамбы труду. Но этотъ благотворный трудъ былъ для него только «цѣлителемъ скорбной души, а не животворителемъ счастія». Онъ мирилъ печальнаго съ судьбой, не измѣняя самой судьбы. По прежнему печаль осталась его спутницей и вдохновеніемъ. «Во дни печали я съ тобой», отвѣчаетъ онъ Тургеневу, а не во дни счастья, давая тѣмъ знать, что онъ всегда помнитъ своихъ друзей. Какъ прежде Жуковскій жаловался на жребій, не судившій ему дѣлить свою жизнь съ тою, которой онъ готовъ былъ жертвовать всѣми благами земли; какъ прежде находилъ онъ въ любви «одну мечту, безумца тяжкій сонъ и невозвратное надеждъ уничтоженье»: такъ и теперь, съ обращеніемъ къ дѣятельности, прославляемый и призываемый имъ трудъ не былъ для него—и долго еще не будетъ—ни замѣной счастія, ни самимъ счастіемъ. Для знакомства съ его душевнымъ настроеніемъ того времени, о которомъ здѣсь говорится, любопытны стихи «въ альбомъ А. А. П.», отнесенные имъ къ 1814 г. Если не ошибаемся, они написаны для крестницы его Протасовой и, вѣроятно, послѣ того, какъ она была сосватана за Воейкова. Выписываемъ отсюда заключеніе:

Тѣснишься въ сердце ты изображеньемъ милымъ
Всего минувшаго, всего, чѣмъ жизнь была
Такъ сладостно полна, такъ пламенно мила,
Что вдохновеніемъ всю душу зажигало,
Всего, что лучшаго въ ней было и пропало...
О упоеніе томительной мечты,
Покинь меня! *Желать* безжалостно ты учишь;
Не воскрешая, смерть мою тревожишь ты;
Въ могилѣ мертвеца ты чувствомъ жизни мучишь.

Какъ ни туманны послѣднія четыре строки, но томительное чувство, ими выраженное, понятно: это — скорбь невольной и нежеланной, судьбою устроенной разлуки съ дорогимъ существомъ или дорогими существами. Потеря идеала въ жизни сообщила слѣдую-

щей за тѣмъ поэзіи Жуковскаго еще болѣе унылый тонъ. Меланхолія, какъ ожиданіе грядущей бѣды, перешла въ меланхолію, какъ ощущеніе бѣды совершившейся. Въ разныхъ образахъ поэтъ сталъ воплощать крушеніе надежды и разными причинами объяснять его: то отецъ, искатель богатства, разорвалъ сердечный союзъ (¹); то тщеславная мать выдала свою дочь за другаго (²); то изгнаніе раздѣляетъ любовниковъ (³); то смерть похищаетъ одного изъ нихъ (⁴). Всегда и вездѣ разлука съ предметомъ любви— съ идеаломъ счастья. Такъ какъ отъ настоящаго ждать было нечего, то прошлое украсилось особенною прелестью. Только воспоминаніе могло приносить отраду: «разлуки жизнь—воспоминанье». Мысль о минувшемъ осаждала душу поэта сильными прибоями: чувствуя ея тяжесть, потому что въ его воображеніи живо возникало погибшее счастіе, онъ однакожъ не только не отбивался отъ нея, но и хотѣлъ постоянно имѣть ее при себѣ, какъ замѣну погибшаго. Всѣ обращенія къ прежнему времени исполнены трогательныхъ жалобъ:

Минувшихъ дней очарованье,
Зачѣмъ опять воскресло ты?
Кто разбудилъ воспоминанье
И замолчавшія мечты?...

О милый гость, святое *прежде*,
Зачѣмъ въ мою тѣснишься грудь?
Могуль сказать: *живи*, надеждѣ?
Скажуль тому, что было будь?...

Зачѣмъ душа въ тотъ край стремится,
Гдѣ были дни, какихъ ужъ нѣтъ?
Пустынный край не населится,
Не узритъ онъ минувшихъ лѣтъ... (⁵).

Этотъ пустынный край—родныя мѣста поэта; эти минувшіе дни—время, проведенное имъ на родинѣ, особенно въ семействѣ сестры его Протасовой. Живость воспоминанія, выраженная въ «Пѣснѣ» рядомъ вопросовъ, нашла еще сильнѣйшее и болѣе поэтическое выраженіе въ другой піесѣ. Посвятивъ «Громобоя» (1810) А. А. Протасовой, Жуковскій черезъ нѣсколько лѣтъ написалъ «Вадима» (1817), вторую и послѣднюю часть «Двѣнадцати спящихъ дѣвъ». Сравненіе времени, когда онъ началъ свою повѣсть, съ совершенно

¹) Эльвина и Эдвинъ.
²) Алина и Альсимъ.
³) Эолова арфа.
⁴) Теонъ и Эсхинъ. Голосъ съ того свѣта.
⁵) Пѣсня (1816).

иными обстоятельствами, при которыхъ она была кончена, вызвало въ его душѣ «тоску по благамъ прежнихъ лѣтъ»:

Опять ты здѣсь, мой благодатный Генiй,
Воздушная подруга юныхъ дней... (¹).

Прежнiе годы надолго остались для поэта «лучшими» годами, «тѣмъ свѣтомъ», куда любилъ онъ носиться воспоминанiемъ, своимъ добрымъ генiемъ, внимательно прислушиваясь къ каждой вѣсти, оттуда къ нему приходившей. «Хотѣлось бы взглянуть на васъ» (писалъ онъ Зонтагъ 1824 г.), на моего представителя *прежнихъ*, *лучшихъ* лѣтъ.... Ваше письмо точно было голосъ съ того свѣта, а *тѣмъ свѣтомъ* я называю нашу молодость, наше бывалое, счастливое *вмѣстѣ*». Пользуясь славою поэта и достоинствомъ общественнаго положенiя въ столицѣ, Жуковскiй то и дѣло стремился къ бывалому, просилъ жизни по старинѣ. Что напоминало ему эту старину, въ чемъ видѣлъ онъ какое нибудь подобiе своей душевной настроенности, то немедленно облекалось въ поэтическiй образъ или заводило элегическiя пѣсни. Онъ перевелъ французское стихотворенiе (Листокъ), въ которомъ изображенъ жребiй листка, отлученнаго отъ родной вѣтки и носимаго по волѣ случая. Полевая незабудка обращается для него въ «цвѣтъ завѣта», символъ воспоминанiя (Цвѣтъ завѣта). Хотя эта пiеса написана по особенному поводу, но содержанiе ея близко относилось къ автору. Онъ самъ, на далекомъ сѣверѣ, чувствовалъ то именно, что высказываетъ отъ другаго лица, для котораго сочинено стихотворенiе. Даже пiесы на случай, у другихъ поэтовъ вялыя и холодныя, Жуковскiй оживлялъ собственною печалью. Только изъ души, испытавшей тяжесть сердечной утраты, могли вырываться такiя искреннiя жалобы, какими наполнена элегiя на кончину королевы виртемберской (Екатерины Павловны, 1818), сочиненная вскорѣ послѣ того, какъ старшая племянница поэта вышла за мужъ.

О наша жизнь, гдѣ вѣрны лишь утраты,
Гдѣ милому мгновенье лишь дано,
Гдѣ скорбь безъ крылъ, а радости крылаты,
И гдѣ на вѣкъ минувшее одно...
Почтожъ мы здѣсь мечтами такъ богаты,
Когда мечтамъ не сбыться суждено?
Внимая гласъ надежды намъ поющей,
Не слышимъ мы шаговъ бѣды грядущей.

Когда же умерла вторая его племянница (Александра Андреевна, въ февралѣ 1829), онъ перевелъ Шиллерову балладу: «Жалоба

¹) Эта элегiя есть вольный переводъ «посвященiя», написаннаго Гете по окончанiи 2-ой части «Фауста».

Цереры» (1829). Въ сѣтованіяхъ богини, лишившейся дочери, въ ея печальной встрѣчѣ весны:

Все цвѣтетъ,—лишь мой единый
Не взойдетъ прекрасный цвѣтъ,

не трудно слышать голосъ самого переводчика, который, еще задолго до этого времени, посвящая дорогой родственницѣ «Громобоя», называлъ ее «очарованьемъ сердецъ», своимъ «несравненнымъ цвѣтомъ». Какъ съ лѣтами онъ не измѣнялся нравственно, и былъ, говоря его словами, тотъ же дитя, житель уединенія, такъ и его поэзія оставалась неизмѣнною. Лирическія мѣста «Ундины» (1836) показываютъ, что въ немъ не замирала память о минувшемъ, хотя оно и скрывало въ своей дали много развалинъ и могилъ. Такъ, напримѣръ, пятая глава повѣсти начинается обращеніемъ къ читателю, которое, при всемъ спокойствіи тона, даетъ чувствовать сердечную боль автора. Коснувшись охлажденія рыцаря къ Ундинѣ, Жуковскій не хочетъ подробно описывать предстоящее ей горе, потому что оно напоминаетъ ему превратность собственнаго счастья (глава XIII):

. . . . позволь мнѣ
Лучше о томъ позабыть, что такъ больно душѣ; испытали
Всѣ мы невѣрность здѣшняго счастья; ты самъ, вѣроятно,
Былъ имъ обманутъ—таковъ ужъ земной человѣческій жребій.....
. . . . Можетъ быть, слушая нашу
Повѣсть, ты вспомнишь и самъ о своемъ миновавшемъ, и тихо
Милая грусть тебѣ черезъ душу прокрадется, снова
То, что прошло, оживетъ, и ты слезу сожалѣнья
Бросишь опять на цвѣты, которыми такъ любовался
Прежде на грядкахъ своихъ, давно ужъ растоптанныхъ. Полно жъ,
Полно объ этомъ, читатель.

И при самомъ почти вступленіи въ новый періодъ своей жизни, память минувшаго, еще живую и чувствительную, онъ высказалъ словами «Камоэнса» (1838):

О, святая
Пора любви! твое воспоминанье
И здѣсь, въ моей темницѣ, на краю
Могилы, какъ дыханіе весны,
Мнѣ освѣжило душу. Какъ тогда
Все было въ мірѣ отголоскомъ звучнымъ
Моей любви! какимъ сіяньемъ райскимъ
Блистала предо мной вся жизнь съ своимъ
Страданіемъ, блаженствомъ, съ настоящимъ,
Прошедшимъ, будущимъ...
Все переживешь
На свѣтѣ... Но забыть?... Блаженъ, кто носитъ
Въ своей душѣ святую память, вѣрность

Прекрасному минувшему! Моя
Душа ее во глубинѣ своей,
Какъ чистую лампаду засвѣтила,
И въ ней она поэзіей горѣла.

Поэзія Жуковскаго дѣйствительно горѣла чистымъ и ровнымъ свѣтомъ, зажженнымъ «тоскою по благамъ прежнихъ лѣтъ».

Отъ природы мечтательный, добрый и кроткій, Жуковскій не былъ способенъ ни къ ожесточенію, ни къ отчаянію, которыя поражаютъ многихъ людей, имѣвшихъ право роптать на судьбу. Онъ занасся утѣшеніемъ и сохранилъ взглядъ оптимиста на жизнь и природу. Утѣшительная доктрина его немногосложна; она состоитъ изъ двухъ-трехъ догматовъ, сущность которыхъ заключается въ слѣдующемъ:

Человѣкъ, лишась любимаго предмета, вмѣстѣ съ тѣмъ лишился и счастья. Но счастье, вдвоемъ столь живое, не изчезло: самая скорбь о погибшемъ идеалѣ есть наслажденье; страданье въ разлукѣ обращается въ благодѣтельную для сердца любовь. Идеалъ живетъ съ нами воспоминаніемъ, которое такъ чутко и сильно, что, при малѣйшемъ поводѣ, въ одно мгновеніе можетъ давноминувшее дѣлать настоящимъ, а настоящее отодвигать на далекое разстояніе:

Все близкое мнѣ зрится отдаленнымъ,
Отжившее, какъ прежде, оживленнымъ.

Могила служитъ святымъ завѣтомъ пережившему: свершить одному то, что онъ такъ достойно началъ вдвоемъ; взять въ образецъ своей жизни прекрасную жизнь тѣхъ, которыхъ уже нѣтъ на свѣтѣ. Мы всегда пребываемъ съ ними воспоминаніемъ: оно возвышаетъ душу въ счастіи, ободряетъ ее въ несчастіи, и есть, такъ сказать, двойникъ нашей совѣсти. Другое утѣшеніе печальный находитъ въ надеждѣ на возвратъ идеала: гробъ, сокрывшій друга, невѣсту, супругу, есть вѣрный свидѣтель,

Что лучшее въ жизни еще впереди,
Что вѣрно желанное будетъ.

Сей гробъ—затворенная къ счастію дверь;
Отворится... жду и надѣюсь!
За нимъ ожидаетъ сопутникъ меня,
На мигъ мнѣ явившійся въ жизни (¹).

И потому-то огорченный долженъ не роптать на природу и жизнь, а примириться съ ними, какъ примирился «Эпимесидъ» (²), какъ примирился Теонъ:

¹) Теонъ и Эсхинъ.
²) Эпимесидъ (Изъ Парни). Рос. Музеумъ 1815, № 2.

Все небо намъ дало, мой другъ, съ бытіемъ;
Все въ жизни къ великому средство;
И горесть и радость—все къ цѣли одной:
Хвала жизнодавцу—Зевесу (¹).

Такимъ образомъ жизнь человѣка, разлученнаго съ идеаломъ, слагается изъ двухъ элементовъ: изъ воспоминанія объ утраченномъ благѣ и изъ надежды на возвратъ его. Только прошедшее и будущее имѣютъ для него значеніе; настоящее какъ бы вовсе не существуетъ (²).

Жуковскій оставался вѣренъ и своей печали, и своей философіи. Сводъ его мыслей, взятыхъ изъ разныхъ піесъ, начиная съ разсужденія: «Кто истинно-добрый и счастливый человѣкъ», и оканчивая «Ундиной» (1837), на которой мы остановились, показываетъ, что въ теченіи *тридцати* лѣтъ, отдѣляющихъ первое сочиненіе отъ послѣдняго, когда поэту было уже *пятьдесятъ четыре* года, ни доктрина его, ни тоска по идеалу не измѣнились. Онъ любилъ и выражать эту доктрину, какъ лирикъ, и представлять ее въ символахъ — своихъ или заимствованныхъ изъ чужой литературы. Воспоминаніе и надежда—два чувства, данныя человѣку небомъ, въ замѣнъ потеряннаго счастья, изображались для него двумя ненадменными цвѣтками — незабудкой и анютиными глазками (pensée):

О милое *воспоминаніе*
О томъ, чего ужъ въ мірѣ нѣтъ!
О *дума сердца—упованіе*
На лучшій, неизмѣнный свѣтъ!
Блаженъ, кто васъ среди губящаго
Волненья жизни сохранилъ,
И съ вами низость настоящаго
И пренебрегъ, и позабылъ.

Поэтическій образъ загробнаго свиданія созданъ въ «Жалобѣ Цереры»—элегіи, переведенной изъ Шиллера. Послѣ долгихъ, но тщетныхъ поисковъ дочери, богиня нашла средство торжествовать надъ разлукой, сблизить мертвыхъ съ живыми: сѣмяна, которыя она осенью ввѣрила землѣ, изображаютъ вѣсть любви, посылаемую въ царство тѣней, а цвѣты, распустившіеся весною—голосъ дочери, отвѣчающей на материнскій привѣтъ:

Ими таинственно слита
Область тьмы съ страною дня,

¹) Теонъ и Эсхинъ.

²) Кромѣ указанныхъ піесъ, см.: къ К. М. С....ой (1807), Надгробіе Тургеневымъ (1807). Кто истинно-добрый и счастливый человѣкъ (1808), Голосъ съ того свѣта (1815).

И приходятъ отъ Коцита
Съ ними вѣсти для меня;
И ко мнѣ въ живомъ дыханьѣ
Молодыхъ цвѣтовъ весны
Подымается признанье,
Гласъ родной изъ глубины:
Онъ разлуку услаждаетъ,
Онъ душѣ моей твердитъ,
Что любовь не умираетъ
И въ отшедшихъ за Коцитъ.

Разъяснивъ достаточно предположенное нами значеніе словъ: «жизнь и поэзія — одно», мы имѣемъ право сказать о произведеніяхъ Жуковскаго, что они — *поэтическая лѣтопись его личной судьбы, преимущественно его романической любви.*

Сохранила ли эта поэзія тотъ же характеръ въ своихъ явленіяхъ, слѣдовавшихъ за «Ундиной» и «Камоэнсомъ»? Если Жуковскій славилъ трудъ, какъ цѣлителя печальной души, то у времени столько же цѣлебной силы: съ теченіемъ лѣтъ печаль неминуемо затихаетъ или и совсѣмъ прекращается, даже въ тѣхъ душахъ, которыя могутъ быть названы ея избранными сосудами. Самъ Жуковскій испыталъ на себѣ преходимость горя:

Какъ намъ, добрый читатель, сказать: къ сожалѣнью иль къ счастью, что наше
Горе земное не надолго? Здѣсь разумѣю я горе
Сердца, глубокое, нашу всю жизнь губящее горе,
Горе, которое съ милымъ, потеряннымъ благомъ сливаетъ
Насъ во-едино, которымъ утрата для насъ не утрата,
Скорбь вдвоемъ бытіе, а жизнь—порывъ непрестанный
Къ той чертѣ, за которую милое наше изъ міра
Прежде насъ перешло. Есть, правда, много избранныхъ
Душъ на свѣтѣ, въ которыхъ святая печаль, какъ свѣча предъ иконой
Ярко горитъ, пока догоритъ; но она и для нихъ ужъ
Все не та подъ конецъ, какою была при началѣ,
Полная, чистая; много, много инаго, чужаго
Между утратою нашей и нами уже протѣснилось;
Вотъ, наконецъ, и всю измѣняемость здѣшняго въ самой
Нашей печали мы видимъ.... и такъ, скажу: къ сожалѣнью,
Наше горе земное не надолго.

Для Жуковскаго конецъ горя наступилъ вскорѣ послѣ того, какъ онъ выразилъ сожалѣніе о его невѣчности. Въ 1841 г. онъ женился. Тоска по благамъ прежнихъ лѣтъ изчезла, потому что идеалъ былъ найденъ, только въ лицѣ другаго существа, въ другомъ мѣстѣ и при другихъ обстоятельствахъ. Семейная жизнь осуществила то счастіе, къ которому поэтъ стремился съ юныхъ лѣтъ, но которое было у него похищено судьбою. «Наль и Дамаянти» (1840) стоитъ на рубежѣ, раздѣляющемъ два періода его жизни

и дѣятельности. Переводъ этой поэмы, представляющей идеалъ вѣрной жены, есть «послѣдній цвѣтъ, данный ему поэзіей» перваго, почти сороколѣтняго періода. Въ посвященіи раскрыто новое состояніе души переводчика:

И нынѣ тихо, безъ волненья льется
Потокъ моей уединенной жизни.
Смотря въ лице подруги, данной Богомъ,
На освященье сердца моего,
Смотря, какъ спитъ сномъ ангела на лонѣ
У матери младенецъ мой прекрасный,
Я чувствую глубоко тотъ покой,
Котораго такъ жадно здѣсь мы ищемъ,
Не находя нигдѣ; и слышу голосъ,
Земныя всѣ смиряющій тревоги:
«Да не смущается твоя душа»,
Онъ говоритъ мнѣ, «вѣруй въ Бога, вѣруй
Въ меня».

Нѣкоторые, опираясь на заявленіе Жуковскаго (въ предисловіи къ переводу Одиссеи), что онъ «изъ мечтателя-романтика сдѣлался трезвымъ классикомъ», думаютъ видѣть въ послѣднихъ трудахъ его замѣтный поворотъ отъ прежняго направленія къ новому. Мнѣніе ошибочное: такъ называемый поворотъ ограничился тѣмъ, что, на старости, поэтъ захотѣлъ повеселить свой досугъ разсказами, и потому, оставивъ лиру, принялся за переводъ безсмертнаго разсказщика Гомера. Обусловилось же это желаніе фактомъ, важнымъ для каждаго человѣка: Жуковскій «перешелъ въ спокойное пристанище семейной жизни». Было бы странно, по достиженіи пристани, обоготворять бывшую печаль, происходившую отъ долговременнаго одиночества. Напротивъ, очень естественно веселить умиротворенную душу первобытной поэзіей, которая «такъ тиха и покойна, такъ мирно украшаетъ все насъ окружающее». Здѣсь выборъ занятія согласовался съ внутреннимъ настроеніемъ поэта. Сверхъ того, и до перевода Одиссеи Жуковскій представлялъ образцы своего знакомства съ древне-классической поэзіей, отъ изученія которой нашими литераторами ожидалъ большой пользы для русской словесности. Перемѣны, повторяемъ, не было, если только подъ классицизмомъ не разумѣть спокойствія, которое, въ извѣстные годы, или даруется какъ награда за нравственныя заслуги, или является само собою, какъ результатъ физіологическаго процесса. Что же касается до слова «романтикъ», то оно крайне неопредѣленно, и въ примѣненіи къ Жуковскому должно быть употребляемо съ ограниченіями, если не хотимъ извращать и спутывать понятій.

Элегическое чувство, которымъ проникнута поэзія Жуковскаго за первый періодъ, сохранилось и во второмъ ея періодѣ; только тамъ оно было печалью по утраченномъ идеалѣ, а здѣсь оно вытекало изъ тревогъ, нераздѣльныхъ съ пользованіемъ идеаломъ и убѣждающихъ, что «земная жизнь—страданія питомецъ». «Счастье досталось мнѣ именно такое (писалъ онъ къ А. О. С.***), какое я желалъ во снѣ и на яву; но вѣнецъ этого счастія есть вѣнецъ божественный, слѣдственно въ него должны быть необходимо вплетены терны изъ того вѣнца, передъ которымъ всѣ другіе земные вѣнцы исчезаютъ. Душа моя познакомилась съ тѣми тревогами, которыя составляютъ многочисленную свиту нашихъ любезнѣйшихъ земныхъ сокровищъ... Семейная жизнь есть та школа, въ которой настоящимъ образомъ научишься жизни; но не радостями беззаботными, не поэтическими мечтами, а болѣе тревогами, страхами, ссорами съ самимъ собою, ведущими отъ раздраженія души къ терпѣнію, отъ терпѣнія къ вѣрѣ, отъ вѣры къ сердечному миру, и все это наконецъ сливается въ одно — въ любовь безсмертную, а ея имя Богъ-Спаситель». И Жуковскій стремился къ этой цѣли, т. е. къ наукѣ жизни въ христіанскомъ духѣ. Опыты изученія видны въ «Размышленіяхъ и замѣчаніяхъ», въ «письмахъ къ Гоголю и Стурдзѣ», въ статьяхъ «о меланхоліи въ жизни и въ поэзіи» и «объ изящномъ искусствѣ», и другихъ. Къ поэтическимъ мечтамъ (независимо отъ перевода Одиссеи и Иліады) авторъ прибѣгалъ только какъ къ формамъ для выраженія догматовъ и правилъ той же науки: «сказка о Мудрецѣ Керимѣ» заключается выводомъ, что наша жизнь есть странствіе по свѣту въ исполненье верховной воли Высшаго Царя; «Выборъ креста» показываетъ, что каждый человѣкъ долженъ безропотно нести свой крестъ, не требуя облегченія крестнаго бремени; «Капитанъ Бошъ» есть исторія великаго нечестивца, раскаяніемъ примиреннаго съ Богомъ (1); основной идеей неконченной поэмы «Агасверъ» служитъ апотеоза страданій, закаляющихъ душу христіанскимъ смиреніемъ и любовью къ Искупителю міра, превышающею всякую иную любовь.

Поэтическія произведенія Жуковскаго обогатили нашу лирику новымъ, плодотворнымъ содержаніемъ, которое составляетъ важный моментъ въ ея историческомъ развитіи. Они впервые раскрыли передъ нами внутренній міръ человѣка, міръ его души, какъ пред-

1) «Капитанъ Бошъ» есть переводъ французскаго прозаическаго разсказа: «Le capitaine de vaisseau et son mousse, histoire véritable», publié par la Société des traités religieux de Paris (1825). Въ эпиграфѣ слова Спасителя ученикамъ: «Развѣ вы никогда не читали: изъ устъ младенцевъ и грудныхъ дѣтей Ты устроилъ хвалу? (Пс. VIII, 3).

мета, наиболѣе достойнаго вдохновенныхъ пѣсенъ. Душевная исповѣдь служитъ господствующею ихъ темою, не возбуждавшею дотолѣ сочувственнаго вниманія писателей, которые притомъ и не были къ тому призваны ни характеромъ своихъ талантовъ, ни качествами своей природы. До чего бы ни касалась поэтическая дѣятельность Жуковскаго, въ какія бы формы ни облекались его представленія и чувства, онъ никогда не подчиняетъ явленій психическаго міра предметамъ и фактамъ другихъ сферъ: душа постоянно занимаетъ у него первенствующее мѣсто. Красота любви, дружбы, поэзіи, таинственнаго соотношенія между природой и человѣкомъ, радость въ наслажденіи ими, печаль при ихъ утратѣ... выступаютъ предпочтительно даже въ тѣхъ стихотвореніяхъ, которыя, ссылаясь на установленный обычай, могли бы ограничиться прославленіемъ героическихъ дѣлъ, заявленіемъ внѣшняго величія и славы. Такъ «Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ» содержитъ въ себѣ не мало мѣстъ, выражающихъ тоску объ утраченномъ счастіи (при воспоминаньѣ о Кутайсовѣ) или прелести дружбы, любви и служенья музамъ, и эти мѣста проникнуты задушевнымъ чувствомъ. Такъ въ піесѣ «на кончину королевы Виртембергской», не довольствуясь трогательнымъ воспоминаніемъ объ умершей, поэтъ вводитъ строфы о бѣдности нашей жизни; о гибели всего прекраснаго на земли.

Господствующій тонъ въ этой душевной лирикѣ—элегическій. Причины тому двоякія: частныя и общія. Первыя намъ извѣстны: это—врожденная наклонность поэта къ меланхоліи, въ соединеніи съ обстоятельствами его жизни. Что касается до вторыхъ, то онѣ указаны самимъ Жуковскимъ, который назвалъ меланхолію «одною изъ самыхъ звучныхъ струнъ лиры, настроенной послѣ распространенія христіанства». «Христіанство, говоритъ онъ, открывъ намъ глубину нашей души, увлекло насъ въ духовное созерцаніе, соединило съ міромъ внѣшнимъ міръ таинственный, что отразилось и въ жизни дѣйствительной, и въ поэзіи». И вотъ онъ постоянно обращался въ этой области: задачею его было—углубляться въ міръ внутренній, преслѣдовать душу въ ея движеніяхъ, высказывать подробно ея тайны. А для высказыванія такихъ предметовъ элегія, какъ лирика рефлексіи, служитъ наиболѣе пригодною художественною формою. Элегія не ограничивается, подобно пѣснѣ, сосредоточеннымъ изліяніемъ непосредственнаго чувства; не покушается, подобно одѣ, на смѣлые образы, порождаемые сильнымъ одушевленіемъ: она свои думы и чувства выражаетъ рядомъ образовъ, состоящихъ во взаимной, внутренней связи. Основная тема ея—преходимость всего земнаго. Оба элемента ея: описаніе и раз-

мышленіе (образы и думы), равно служатъ къ достиженію цѣли, т. е. въ передачѣ читателю того чувства, которое овладѣло элегикомъ: описываемый образъ вызываетъ мысль, а высказанная мысль находитъ себѣ подтвержденіе или отраженіе въ ново-представляющемся образѣ. Естественно-художественная смѣна одного элемента другимъ, ихъ разумное чередованіе и равновѣсіе и составляютъ прелесть элегическаго рода.

Самыя лучшія, наиболѣе характеристическія произведенія Жуковскаго относятся къ этому роду. Элегіей началась его поэзія. Онъ выбралъ для перевода «Сельское кладбище» Грея, который, вмѣстѣ съ другимъ англійскимъ писателемъ XVIII вѣка, Гольдсмитомъ, сообщилъ элегіи идиллическій характеръ, безъ сомнѣнія нравившійся переводчику, какъ «любителю мирныхъ селъ». «Лѣтній вечеръ» написанъ подъ вліяніемъ той же любви къ сельскому быту. Элегическое чувство проникаетъ почти каждое стихотвореніе Жуковскаго, хотя бы оно и не называлось элегіей. Большая часть его пѣсенъ, романсовъ, балладъ—тѣже элегіи. Какое впечатлѣніе производятъ Ахиллъ, Алина и Альсимъ, Эолова Арфа, Жалоба Цереры? Не вырываются ли грустныя жалобы даже въ стихотвореніяхъ его на торжественные случаи? и самая преходимость горя не служитъ ли источникомъ горя и поводомъ къ элегической вставкѣ въ повѣсть объ Ундинѣ? Тяготѣніе Жуковскаго къ одному и тому же роду поэзіи обнаружилось также выборомъ образцовъ иностранной литературы для переложенія ихъ на русскій языкъ. Изъ Овидіевыхъ превращеній взялъ онъ «Цеикса и Гальціону» — изображеніе разлуки супруговъ и свиданія ихъ по смерти; изъ Мессіады «Аббадону» — раскаяніе ангела и тоску его по небѣ; изъ лирическихъ поэмъ Байрона «Шильонскій узникъ»—страданія узника въ темницѣ при смерти и по смерти братьевъ; изъ Мура «Пери и Ангелъ»—стремленіе души отъ земли на небо.

Существенное содержаніе элегій Жуковскаго намъ уже извѣстно. Скорбя объ утраченномъ идеалѣ, онѣ одною стороной обращены къ прошедшему—воспоминаніемъ, другою къ будущему—надеждой на возвратъ идеала за гробомъ. Но эта скорбь, было также замѣчено, не есть безотрадно-тяжелое, ничѣмъ неумиряемое чувство: она находитъ свѣтлый для себя исходъ не только въ ожиданіи счастія за предѣлами земной жизни, но еще и на земномъ пути— въ бодромъ стремленіи къ нравственной цѣли, къ которой прежде оно совершалось вдвоемъ, въ сладости возвышенныхъ мыслей, особенно въ мысли о красотѣ и величіи человѣческаго существа. Въ жалобахъ Жуковскаго нѣтъ и тѣни презрѣнія къ жизни, той горечи духа, которой проникнуты элегіи нѣкоторыхъ другихъ по-

этовъ. Онѣ завершаются внутреннимъ покоемъ, благодушнымъ примиреніемъ съ природой и жизнью. О спутникахъ, которые своимъ присутствіемъ животворили для насъ міръ, онѣ говорятъ не съ печалью: *ихъ нѣтъ*, но съ благодарностію: *были*. Разсказъ о смерти супруги Теонъ заключаетъ восклицаніемъ: «хвала жизнодавцу-Зевесу»! Такую же хвалу возноситъ богамъ Эпимесидъ, испытавшій на себѣ, какъ унылъ жребій смертнаго. Въ этомъ отношеніи, элегіи Жуковскаго представляютъ сходство съ элегіями А. Пушкина, который тоже не давалъ печали овладѣвать собою надолго и всецѣло, но существенная между ними разница въ идеяхъ и побужденіяхъ, отъ имени которыхъ внутренній раздоръ замирялся.

Основныя мысли и чувства Жуковскаго выражались, меньшею частью его собственными сочиненіями и большею — переводами. Но онъ переводилъ преимущественно то, что своимъ содержаніемъ совпадало съ его душевною настроенностью, съ его идеальными стремленіями. «У меня, писалъ онъ Гоголю (1847), почти все чужое или по поводу чужаго—и все однако мое», т. е. заимствуемое у другихъ было вмѣстѣ его собственностью, так какъ постигнутое и прочувствованное оригинальнымъ авторомъ постигалось и чувствовалось имъ въ той же мѣрѣ, и находило въ немъ художественнаго воспроизводителя. Поэтому Жуковскій-переводчикъ долженъ быть признанъ за самобытнаго творца; переводы его имѣютъ значеніе оригинальныхъ созданій; повсюду выступаетъ его личность, родственная чужой личности, насколько эта послѣдняя отразилась въ образцѣ. Вѣрное понятіе объ обязанности и значеніи переводчика поэтическихъ произведеній изложено Жуковскимъ въ нѣкоторыхъ критическихъ статьяхъ. Главная заслуга поставляется въ томъ, чтобы переводъ производилъ такое же дѣйствіе, какое производитъ оригиналъ; для этого необходимо наполниться духомъ переводимаго поэта.[1]. «Переводчикъ-стихотворецъ есть въ нѣкоторомъ смыслѣ самъ творецъ оригинальный. Конечно, первая мысль, на которой основано зданіе стихотворное, и планъ этого зданія принадлежатъ не ему; но онъ остается творцемъ *выраженія*. Онъ не найдетъ выраженій оригинальнаго автора въ собственномъ своемъ языкѣ: ихъ долженъ онъ сотворить. А сотворить ихъ можетъ только тогда, когда, наполнившись идеаломъ, представляющимся ему въ твореніи переводимаго имъ поэта, преобразитъ его, такъ сказать, въ созданіе собственнаго воображенія;

---

[1]) О переводахъ вообще и въ особенности о переводахъ въ стихахъ (В. Евр. 1810, № 8).

когда, руководствуемый авторомъ оригинальнымъ, повторитъ съ начала до конца работу его генія. Но сія способность дѣйствовать одинаково съ творческимъ геніемъ не есть ли сама по себѣ ужъ творческая способность?» (¹).

Но изъ двухъ переводчиковъ, при равномъ ихъ дарованіи, легче тому наполняться духомъ переводимаго поэта, кто самъ одаренъ такимъ же духомъ, или питаетъ къ нему сочувствіе, нежели тому, кто, для этого наполненія, принужденъ насильственно отрѣшаться отъ своей личности; легче тому воспламеняться идеаломъ оригинальнаго созданія, кому онъ родственъ и близокъ, нежели тому, кто, для воспламененія, долженъ забывать собственные идеалы. Жуковскій находился въ благопріятномъ положеніи перваго переводчика: онъ обращался большею частію къ такимъ произведеніямъ, которыми выражались мысли и чувства, бывшія его собственными идеями и чувствами; онъ, какъ говорится, бралъ «свое» вездѣ, гдѣ только находилъ его. Находилъ же онъ его всего болѣе у нѣмцевъ, извѣстныхъ своимъ поэтическимъ идеализмомъ. Съ особеннымъ чувствомъ обращался онъ къ Шиллеру, мастерски передавая тѣ его стихотворенія, въ которыхъ созерцаніе и рефлексія идутъ рука объ руку и которыя означаются именемъ «дидактической лирики». Образецъ такой лирики, проводящей чувства и образы сквозь среду мысли и знанія, представилъ самъ Жуковскій нѣкоторыми своими стихотвореніями (особенно Теономъ и Эсхиномъ). Кромѣ Шиллера, онъ переводилъ Гете, Уланда, Бюргера, Гебеля, Зейдлица, Маттисона, Клопштока и другихъ, а изъ англійскихъ—Грея, Саути, Вальтеръ-Скотта, Байрона, Мура... Не всѣ его переводы изъ этихъ и изъ другихъ писателей были вызваны потребностью передать, на родной рѣчи, что̀ жило въ его собственной душѣ, какъ неизмѣнный идеалъ, и въ чемъ заключается характеристическая особенность его поэзіи. Кругъ его дѣятельности по этому предмету оченъ обширенъ. Труды его образуютъ значительный по объему и художественный по выполненію отдѣлъ нашей переводной изящной литературы. Переводы представляютъ образецъ вѣрности какъ внѣшней (по формѣ и выраженію), такъ и внутренней (по духу, идеѣ и тону). Нельзя, конечно, отрицать, чтобы на нѣкоторыхъ переводахъ не отражалась личность нашего поэта; но, вообще говоря, имя Жуковскаго, какъ переводчика, справедливо сдѣлалось представителемъ искусства овладѣвать духомъ разнообразныхъ поэтическихъ явленій, разныхъ

¹) Разборъ Кребильоновой трагедіи: «Радамистъ и Зенобія», переведенной Висковатовымъ (Ib. 1810, № 22).

временъ и народовъ, мастерски выражать ихъ на отечественномъ языкѣ, и такимъ образомъ производить переводами то самое впечатлѣніе, какое производится подлинниками. Подобная заслуга останется навсегда памятною. Доставляя соотечественникамъ наслажденіе изящнымъ, Жуковскій расширялъ нашъ поэтическій горизонтъ знакомствомъ съ лучшими созданіями нѣмецкихъ и англійскихъ поэтовъ и тѣмъ показывалъ, что французскій классицизмъ—не единственная въ мірѣ поэзія, но что есть многое кромѣ его и выше его, т. е. ближе къ истинному существу поэзіи. Переводы Жуковскаго оказывали и оказываютъ также большую пользу въ отношеніи педагогическомъ: по разнообразному выбору и художественному достоинству они служать, въ нашемъ учебномъ мірѣ, необходимымъ пособіемъ при изученіи такъ называемой теоріи поэзіи. Преподаватель найдетъ въ нихъ образцы очень многихъ, если не всѣхъ поэтическихъ родовъ и видовъ. Для знакомства съ древнимъ эпосомъ—греческимъ, индѣйскимъ, персидскимъ,— онъ изберетъ «Одиссею», «Наля и Дамаянти», «Рустема и Зораба», для знакомства съ средневѣковымъ—«романсы о Сидѣ», а съ комическимъ—«Войну мышей и лягушекъ». «Орлеанская Дѣва» представитъ ему примѣръ романтической драмы, а «Ундина» — примѣръ романтической повѣсти. О лирикѣ и говорить нечего: онъ найдетъ почти всѣ ея формы — оду, гимнъ, пѣсню, элегію, балладу... Безъ всякой опасности, но всегда съ выгодой можетъ онъ, въ подкрѣпленіе своихъ уроковъ или для вывода научныхъ положеній, читать и разбирать съ воспитанниками сочиненія Жуковскаго, которыя если и не всегда окажутся вполнѣ вѣрными подлинникамъ, то всегда дадутъ учащимся превосходный образецъ поэтическихъ представленій, изящнаго стиха и языка.

Исторія нашей литературы обыкновенно поставляла заслугу Жуковскаго въ томъ, что онъ ввелъ къ намъ романтизмъ. Этими словами выражался взглядъ литераторовъ и образованныхъ читателей на характеръ его поэзіи. Жуковскій самъ причислялъ себя къ романтикамъ. Въ предисловіи къ переводу Одиссеи (1848), имъ положительно заявлено, что онъ *«изъ мечтателя романтика* сдѣлался трезвымъ классикомъ»; а въ письмѣ къ Стурдзѣ (1849) онъ называетъ себя «родителемъ на Руси *нѣмецкаго романтизма* и поэтическимъ дядькою чертей и вѣдьмъ нѣмецкихъ и англійскихъ». Какой смыслъ, въ этихъ выраженіяхъ, придавалъ онъ понятіямъ «романтикъ» и «романтизмъ»? Не стѣснялъ ли онъ объемъ ихъ, присоединяя къ одному признакъ «мечтательности», а къ другому—признакъ «нѣмчизны»? Шлегели разумѣли подъ романтизмомъ поэзію ново-христіанскихъ народовъ, въ отличіе отъ древне-клас-

сической. Жуковскій думалъ почти также, по крайней мѣрѣ относительно лирики, сказавъ, что «меланхолія есть одна изъ самыхъ звучныхъ струнъ *романтической* лиры, т. е. лиры, настроенной послѣ распространенія христіанства». Сводъ приведенныхъ мѣстъ показываетъ, что Жуковскій противополагалъ свою поэзію — съ одной стороны древнеклассицизму, не знавшему меланхоліи въ томъ смыслѣ, какой она получила со введеніемъ христіанства, а съ другой—классицизму французскому, думавшему возстановить поэзію Грековъ и Римлянъ. До Жуковскаго не было у насъ той сферы поэзіи, которая отличается идеальными стремленіями къ таинственному; онъ первый далъ намъ образцы новохристіанской поэзіи, какъ она явилась въ произведеніяхъ нѣмецкой музы извѣстной школы. Эта школа—Шиллеро-Гетевская или Гете-Шиллеровская, а не собственно-романтическая, имѣвшая своими главными представителями Фридриха Шлегеля и Тика: послѣдняя не пользовалась сочувствіемъ Жуковскаго, который только переложилъ Ундину (Ламотъ-Фуке) русскими стихами. Возникнувъ подлѣ Шиллера и Гете, романтическая школа нѣкоторое время стояла на одной съ ними почвѣ, но потомъ не только отрѣшилась отъ нихъ, но и высказала враждебное къ нимъ отношеніе. Обѣ школы сходны между собою идеалистической основой: ихъ творчество вытекало не изъ современныхъ побужденій, а вопреки современности, пошлой, недостойной поэтическаго воспроизведенія. Существенное же между ними различіе опредѣлилось различными путями, выбранными тою и другою для достиженія цѣли: Шиллеръ и Гете, избѣгая *своей* дѣйствительности, не отрицали дѣйствительности *вообще*; романтики, напротивъ, въ негодованіи на пошлость окружающей среды, совершенно покинули дѣйствительность, не старались воспроизводить ее, но при помощи воображенія вступили съ нею въ борьбу. Такимъ образомъ идеализмъ Шиллера и Гете обратился у романтиковъ въ фантастику и мистику. Нѣкоторые историки романтической школы ведутъ ея начало отъ Фихте и Шеллинга, доказывая, что романтики поэтически представляли то самое, что философы выводили логически и метафизически; что первый изъ этихъ философовъ открылъ путь къ романтической ироніи, а второй — къ романтической мистикѣ и романтическому одухотворенію природы[1].

И такъ Жуковскій можетъ быть названъ романтикомъ, но только не въ томъ смыслѣ этого слова, какой оно имѣетъ въ исторіи *собственно-романтической* нѣмецкой поэзіи, а въ двухъ другихъ значеніяхъ. Онъ романтикъ, какъ всѣ поэты христіанскаго

[1]) Hettner. Die romantische Schule.

міра, и преимущественно, какъ поэтъ школы Шиллера, парившаго надъ жизнью своими идеалами; онъ романтикъ и потому, что лучшія его стихотворенія, какъ переводныя, такъ и оригинальныя, отступали отъ правилъ французскаго классицизма: въ этомъ последнемъ значеніи и Пушкина называли новымъ романтикомъ, основателемъ ново-романтической русской поэзіи.

Красота внѣшней формы въ произведеніяхъ Жуковскаго соотвѣтствуетъ достоинству ихъ содержанія. Его стихъ и проза выказываютъ какъ глубокое знаніе русскаго языка, такъ и свободное, вполнѣ артистическое умѣнье владѣть имъ.

Особенно важенъ его стихъ, составляющій замѣчательную эпоху въ исторіи нашего стихосложенія. По двумъ періодамъ поэтической дѣятельности Жуковскаго, онъ представляетъ два отличія: первое выказалось въ такъ называемыхъ романтическихъ піесахъ; второе преимущественно обнаружилось съ того времени, когда Жуковскій, говоря его словами, изъ мечтателя-романтика сдѣлался классикомъ.

Въ піесахъ перваго рода, стихъ Жуковскаго отличается главнѣйшимъ образомъ легкостью и музыкальностью. По выраженію Гоголя, онъ «безтѣлесенъ, какъ видѣніе», «порхаетъ, какъ неясный звукъ Эоловой арфы». Ни одинъ русскій писатель не употреблялъ до Жуковскаго столь разнообразныхъ стихотворныхъ размѣровъ: онъ первый ввелъ ихъ въ нашу метрику и водворилъ въ ней навсегда; каждый его опытъ по этому дѣлу былъ въ тоже время изящнымъ образцомъ. Замѣтивъ монотонность хореевъ съ дактилическими окончаніями, которыми Карамзинъ, въ подражаніе народнымъ пѣснямъ, написалъ «Илью Муромца», онъ употреблялъ эти окончанія черезъ стихъ, отъ чего они получили особенную гармонію (въ монологѣ Іоанны д'Аркъ: «ахъ, почто за мечъ воинственный»). Драма «Орлеанская Дѣва» переведена пятистопными ямбами, что было въ то время новизной. Въ «Шильонскомъ узникѣ» однѣ мужескія риѳмы, которыя, однако, не утомляютъ читателя монотонностью, а еще усиливаютъ выраженіе чувства. Въ балладѣ «Замокъ Смальгольмъ» чередуются трехстопный и четырехстопный анапестъ, на который рѣдко покушались наши стихотворцы, какъ на тяжелый размѣръ. Къ гексаметру обращался поэтъ не изъ желанія избѣгнуть шестистопнаго ямба, а по внутреннему соотвѣтствію его эпическому стилю. Благозвучіе стиха, доведенное до совершенства, не исключаетъ другаго его свойства — изобразительности, которая является всегда, гдѣ нужно, почему Баратынскій имѣлъ право назвать Жуковскаго «живописнымъ». Этотъ эпитетъ не прилагается, конечно, къ лирикѣ, выражающей чувство чего-

либо неопредѣленнаго, туманнаго и таинственнаго: въ подобныхъ піесахъ — стихи, говоря словами Гоголя, слышны какъ «неясные звуки Эоловой арфы». Но когда надобно представить картину природы, или ясный ходъ событія, или ясно заявленное чувство, тогда и стихотворная рѣчь Жуковскаго становится картинною.

Въ произведеніяхъ Жуковскаго, относящихся ко второму періоду, преимущественно начиная съ перевода Одиссеи, стихъ отличается крѣпостью, мужественностью, пластичностью. Вездѣ господствуетъ ровное, спокойно-эпическое одушевленіе; вездѣ видна забота о ясномъ и точномъ выраженіи, свободномъ отъ искуственныхъ выраженій. Послѣднее время поэтъ даже раззнакомился съ риѳмой. Простота формы становится его идеаломъ Съ стихотворнымъ размѣромъ онъ старался и умѣлъ согласовать безъискуственность прозы, такъ что вольный разсказъ нисколько не стѣснялся необходимостію укладывать слова въ стопы. Любимыми метрами Жуковскаго сдѣлалися ямбы безъ риѳмъ и сказочный гексаметръ, отличный отъ гексаметра гомерическаго. Этотъ слогъ, по разсужденію творца его, долженъ былъ составлять средину между стихами и прозой, т. е., не смотря на затрудненіе метра, литься непринужденною рѣчью. Но такая «проза въ стихахъ», если дозволено такъ выразиться, не одно и тоже съ «стихомъ прозаическимъ», равно какъ «кадансированная проза» не одно и тоже «съ прозой поэтической».

Такимъ образомъ въ стихѣ Жуковскаго мы видимъ оба художественныя свойства рѣчи: музыкальность и изобразительность, возведенныя талантомъ и мастерствомъ поэта на высокую степень достоинства.

Проза Жуковскаго въ главныхъ своихъ формахъ, не разнится отъ прозы Карамзина, особенно въ первыхъ сочиненіяхъ. Но Жуковскій, говорили, внесъ въ прозаическій языкъ стихіи языка стихотворнаго, сообщилъ ему поэтическій колоритъ. Это отличіе не составляетъ, однакожъ, существенной особенности: оно естественно происходило отъ того настроенія, которое водило перомъ автора; другими словами: Жуковскій былъ поэтомъ и въ то время, когда выражался прозой, а не языкомъ боговъ. Для примѣра укажемъ на разсужденіе: «Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ?», или на аллегорическую піесу «Три сестры», или наконецъ на «Воспоминаніе о торжествѣ 1834 г.» Въ первомъ сочиненіи авторъ находился подъ вліяніемъ своего идеала, истину котораго хотѣлось ему доказать; во второмъ, онъ олицетворилъ три времени—прошедшее, настоящее и будущее, отдавъ видимое сочувствіе прошедшему, воспоминанію; въ третьемъ, всѣ обстоятельства,

предшествовавшія торжеству и его сопровождавшія, равно какъ и памятникъ, служившій ему предметомъ, получили въ умѣ и воображеніи автора высокую знаменательность: они изображали ему судьбу Россіи въ минувшемъ, и ея назначеніе въ современномъ и будущемъ. Поэтически возбужденный авторъ долженъ былъ выражаться какъ поэтъ, и не могъ выражаться иначе. Съ теченіемъ времени этотъ «поэтическій цвѣтъ», которымъ окрашивалась его проза, сталъ изчезать. Она подверглась одинаковой перемѣнѣ со стихомъ, т. е. сдѣлалась простою, ясною, точно передающею мысли и воззрѣнія автора. Свидѣтельствами прозаической безъискуственности служатъ, между прочимъ: «Письма къ Гоголю», «О меланхоліи въ жизни и поэзіи», «Объ изящномъ искусствѣ» и другія статьи послѣднихъ лѣтъ Жуковскаго.

§ 17. Съ дѣятельностью Жуковскаго связывается исторія литературнаго общества «Арзамазъ», возникшаго въ противодѣйствіе «Бесѣдѣ любителей русскаго слова» и существовавшаго не болѣе трехъ лѣтъ (1815—1818). Онъ былъ однимъ изъ усерднѣйшихъ его членовъ вмѣстѣ съ Д. В. Дашковымъ и Д. Н. Блудовымъ; послѣднему принадлежитъ первая мысль объ основаніи общества.

«Арзамасъ» образовался частію изъ тѣхъ лицъ, которыя въ спорѣ о старомъ и новомъ слогѣ приняли сторону послѣдняго, и частію изъ другихъ, болѣе молодыхъ литераторовъ, хотя и не участвовавшихъ въ спорѣ, но развивавшихъ свой вкусъ къ словесности подъ вліяніемъ Карамзинской реформы. Всѣ они принадлежали къ передовымъ людямъ своего времени. Литературныя мнѣнія свои они заявляли сначала въ «Цвѣтникѣ» (1809—1810), а потомъ въ «Санктпетербургскомъ Вѣстникѣ» (1812). Но какъ журнальные голоса, вызываемые случаемъ и являясь только отъ времени до времени, не замѣняютъ постояннаго общенія людей единомысленныхъ, то чувствовалась надобность въ правильной организаціи взаимнаго обмѣна взглядовъ и понятій, обмѣна лицемъ къ лицу, въ живой устной рѣчи. Чтобы удовлетворить такой потребности, задумано было устроить особый литературный кружокъ. Внѣшнимъ поводомъ къ его устройству послужила комедія кн. Шаховскаго: «Урокъ кокеткамъ или Липецкія воды» (1815). Осмѣявъ сентиментализмъ въ «Новомъ Стернѣ», комикъ желалъ поглумиться надъ балладами, какъ моднымъ поэтическимъ видомъ, и вывелъ въ «Липецкихъ водахъ» балладника Фіалкина. Самъ Жуковскій хладнокровно отнесся къ поступку автора, «не любившаго авторовъ»; но друзья его не могли хранить молчанія: они осыпали Шаховскаго эпиграммами и сатирами. Подражая французской шуткѣ: «Vision de l'abbé Morrelet» (1760), написанной

по поводу комедіи Палиссо: «Les philosophes», въ которой осмѣяны энциклопедисты и Руссо, Д. Н. Блудовъ сочинилъ: «Видѣніе въ Арзамасскомъ трактирѣ, изданное обществомъ ученыхъ людей», съ эпиграфомъ: «le vrai peut quelquefois n'être pas vraisemblable». Это сонный бредъ какого-то проѣзжаго, остановившагося въ Арзамасскомъ трактирѣ, куда по назначеннымъ днямъ собиралось общество друзей литературы. Проѣзжій—авторъ «Липецкихъ водъ». Славяно-русскимъ языкомъ онъ разсказываетъ о Словесницѣ (Бесѣдѣ) и нѣкоторыхъ ея членахъ: Мѣшковѣ (Шишковѣ), Барабановѣ (Карабановѣ) и двухъ Хлыстовыхъ (Хвостовыхъ: гр. Д. И. Хвостовѣ, извѣстномъ метроманѣ, и А. С. Хвостовѣ, славившемся остроуміемъ). Мѣстомъ дѣйствія выбранъ Арзамасъ по той причинѣ, что за нѣсколько до того лѣтъ воспитанникъ Академіи Художествъ Ступинъ основалъ въ своемъ родномъ городѣ Арзамасѣ школу живописи. Д. Н. Блудовъ и его пріятели находили забавнымъ, что уѣздный городъ нижегородской губерніи, извѣстный гусями, прославится со временемъ и живописью, такъ что нѣкогда будутъ говорить: «арзамасская школа живописи», какъ говорятъ: школа венеціанская, болонская и другія. Посему и было положено новообразующійся литературный кружокъ назвать въ шутку Арзамасскимъ обществомъ ученыхъ людей, Арзамасской академіей или просто «Арзамасомъ».

Имѣя главною цѣлію смѣяться надъ литературными старовѣрами, «Арзамасъ», по своему устройству и характеру, былъ совершенною противоположностью «Бесѣды». Какъ засѣданія «Бесѣды» отличались степенностью и чинною важностью, такъ на сходкахъ Арзамаса постоянно господствовали веселая шутка и пародія. Не дѣлился онъ на разряды, словно на департатенты, но каждый членъ титуловался одинакимъ образомъ: «его превосходительство геній Арзамаса». Поступающему въ общество давалось имя изъ балладъ Жуковскаго, иногда по какому-нибудь сходству, внѣшнему или внутреннему, а иногда на оборотъ, по отсутствію всякаго сходства. Вотъ списокъ Арзамасцевъ съ ихъ балладными прозвищами: К. Н. Батюшковъ (Ахиллъ), Д. Н. Блудовъ (Кассандра), Ф. Ф. Вигель (Ивиковъ журавль), А. Ѳ. Воейковъ (Дымная печурка), кн. П. А. Вяземскій (Асмодей), Д. В. Давыдовъ (Армянинъ), Д. В. Дашковъ (Чу!), С. П. Жихаревъ (Громобой), Жуковскій (Свѣтлана), Д. А. Кавелинъ (Пустынникъ), М. Ѳ. Орловъ (Рейнъ), А. А. Плещеевъ (Черный вранъ), П. И. Полетика (Очарованный челнъ), А. С. Пушкинъ (Сверчокъ), В. Л. Пушкинъ (Вотъ), Д. П. Сѣверинъ (Рѣзвый котъ), А. И. Тургеневъ (Эолова арфа), Н. И. Тургеневъ (Варвикъ), С. С. Уваровъ (Старушка).

Сверхъ этого, такъ сказать штатнаго состава общества, нѣкоторыя лица выбирались въ почетные или прирожденные его члены: главнымъ изъ нихъ былъ Карамзинъ. Принятіе сопровождалось иногда символическими обрядами, указывавшими на сторонниковъ Бесѣды, въ особенности на кн. Шаховскаго и его сочиненія. Можно видѣть въ этой обрядности и пародію на посвященіе въ масонство, къ которому арзамасцы относились отрицательно, почитая его явленіемъ несовмѣстнымъ съ истинной цивилизацієй. Извѣстно, что современная масонская именитость, Лабзинъ, не пользовался ихъ расположеніемъ. Санктпетербургскій Вѣстникъ подвергъ строгой критикѣ переведенное имъ сочиненіе Эккартсгаузена «о фосфорной кислотѣ» (1811), какъ противорѣчащее положительной наукѣ, которая приносится въ жертву фантазіи.

Занятія общества представляли оригинальную особенность. Въ уставѣ его, написанномъ Блудовымъ и Жуковскимъ, сказано: «По примѣру всѣхъ другихъ обществъ, каждому нововступающему члену Арзамаса подлежало бы читать похвальную рѣчь своему покойному предшественнику, но всѣ члены новаго Арзамаса *безсмертны*, и потому, за неимѣніемъ собственныхъ готовыхъ покойниковъ, новоарзамасцы (въ доказательство благороднаго своего безпристрастія, и еще болѣе въ доказательство, что ненависть ихъ не простирается за предѣлы гроба) положили брать на прокатъ покойниковъ между халдеями ([1]) Бесѣды и Академіи, дабы воздавать имъ по дѣламъ ихъ, не дожидаясь потомства». Это значило «похоронить» бесѣдиста или академика: эти лица почти не различались, такъ какъ, съ назначеніемъ Шишкова президентомъ Россійской Академіи, членами ея сдѣлались многіе члены Бесѣды. На панегирикъ, произнесенный тому или другому халдею, отвѣчалъ очередной предсѣдатель, еженедѣльно мѣнявшійся: въ привѣтствіи своемъ онъ искусно мѣшалъ похвалы новоарзамасцу съ похвалами усопшему. Такъ графъ Блудовъ чествовалъ Захарова, предсѣдателя въ четвертомъ разрядѣ «Бесѣды», автора «Похвалы женамъ»,—сочиненія, обильнаго разными дикостями. Жуковскій прославилъ графа Хвостова, «избранныя притчи» котораго (1802) дали богатый матеріалъ оратору. Жихаревъ, бывшій прежде сотрудникомъ «Бесѣды», долженъ былъ отпѣвать самъ себя. Какъ рѣчи, такъ отвѣты на нихъ и протоколы, веденные Жуковскимъ въ гексаметрахъ, при серьезно-торжественномъ тонѣ, были содержанія комическаго и весьма часто пропитывались намѣренной безсмыслицей, какъ такимъ родомъ выраженія, который прямо отвѣчалъ литературному

[1]) Такъ Карамзинисты называли членовъ Бесѣды и Россійской Академіи.

значенію восхваляемыхъ «живыхъ покойниковъ» ([1]). Ихъ можно назвать какъ бы рапсодіями о членахъ Бесѣды, матеріалами для ирои-комической поэмы, о которой подумывалъ Жуковскій, замѣчая при каждомъ странномъ явленіи въ дѣятельности шишковистовъ: «ей, быть Бесѣдіадѣ».

Нѣкоторые арзамасцы (М. Ѳ. Орловъ и Н. И. Тургеневъ) находили занятія своего общества односторонними и несерьезными, и потому желали расширить кругъ его дѣятельности, вырвавъ ее изъ области пародіи и смѣха. При вступленіи въ Арзамасъ, Орловъ, вмѣсто того, чтобы, по заведенному обычаю, восхвалить въ пародическомъ стилѣ какого-нибудь бесѣдиста, произнесъ рѣчь, въ которой выразилъ своимъ сочленамъ, какъ недостойно людей умныхъ и образованныхъ тратить время на пустые литературные споры, когда ихъ отечество представляетъ обширное поле для просвѣщенныхъ дѣйствій въ пользу общества. На первый разъ, онъ предложилъ изданіе журнала, который оглашалъ бы не однѣ литературныя идеи, но и другія, остающіяся въ тайнѣ или ходящія въ оборотѣ только между арзамасцами. По одному свидѣтельству, это предложеніе было отклонено, изъ боязни измѣнить первобытный характеръ кружка введеніемъ въ него новыхъ элементовъ; по другому, была отвергнута только программа журнала, предложенная Орловымъ, какъ слишкомъ обширная, выступавшая за предѣлы чистой словесности, и принята другая, составленная гр. Блудовымъ. Есть извѣстіе, что для преднамѣреваемаго изданія было уже заготовлено нѣсколько статей, напримѣръ: гр. Блудова «о русскихъ пословицахъ», гр. Уварова и Батюшкова—«о греческой Антологіи», напечатанная потомъ отдѣльно въ 1820 г. Графъ Каподистрія, занимавшій важное мѣсто между тогдашними политиками, обѣщалъ доставлять редакціи политическія статьи и свѣдѣнія о ходѣ европейскихъ дѣлъ. Но предположеніе не осуществилось главнѣйшимъ образомъ потому, что самые ревностные арзамасцы, занятые службою, не могли удѣлять время литературѣ: гр. Блудовъ, назначенный (1818) совѣтникомъ посольства въ Лондонѣ, оставилъ Петербургъ; Дашковъ отправился въ Константинополь, гдѣ состоялъ также при посольствѣ; Жуковскій былъ приглашенъ ко Двору преподавать русскую словесность в. к. Александрѣ Ѳедоровнѣ. Такимъ образомъ кончилось существованіе Арзамаса. Но прежде кончины своей (замѣчаетъ одинъ изъ его членовъ—Вигель) породилъ онъ чувство, рѣдко встрѣчаемое—неизмѣнную,

---

[1]) Арзамасская критика, говорилъ Жуковскій, должна ѣхать верхомъ на галиматьѣ.

твердую дружбу между людьми, которые, оказывая великія услуги государству, въ вѣкъ обмана и златолюбія служили примѣромъ чести и безкорыстія.

Какіе слѣды оставилъ по себѣ Арзамасъ? Если значеніе литературнаго общества измѣрять только его печатными трудами, то онъ уступаетъ даже Бесѣдѣ, которая издала девятнадцать книжекъ «Чтеній». Но такая мѣрка ошибочна. Достоинство профессора состоитъ главнѣйшимъ образомъ въ томъ вліяніи, какое оказываютъ его лекціи на слушателей: равно и общество, не оглашая своихъ бесѣдъ, можетъ дѣйствовать ими плодотворно въ небольшомъ кругу своей аудиторіи. Таково именно и было дѣйствіе Арзамаса: относясь прямо къ своимъ членамъ, возбуждая, поддерживая и просвѣщая ихъ дѣятельность, онъ, посредствомъ нея, приносилъ несомнѣнную пользу и литературѣ вообще, нуждавшейся въ болѣе широкихъ началахъ и въ болѣе основательной критикѣ. Въ своихъ собраніяхъ, арзамасцы посвящали время не одной пародіи и шуткѣ. «Арзамасскія шалости», какъ назвалъ ихъ кн. Вяземскій, составляли только отрицательную сторону занятій общества: онѣ имѣли цѣлію похоронить бездарныхъ ревнителей стараго слога, съ его неизбѣжными спутниками — безвкусіемъ и педантствомъ. Гораздо важнѣе была сторона положительная, засвидѣтельствованная однимъ изъ самыхъ образованныхъ Арзамасцевъ, графомъ Уваровымъ: «направленіе этого общества, или, лучше сказать, этихъ пріятельскихъ бесѣдъ, было преимущественно *критическое*. Лица, составлявшія его, занимались строгимъ разборомъ литературныхъ произведеній, примѣненіемъ къ языку и словесности отечественной всѣхъ источниковъ древней и иностранныхъ литературъ, изысканіемъ началъ, служащихъ основаніемъ твердой, самостоятельной теоріи языка, и проч. Въ то время и подъ вліяніемъ Арзамаса писались стихи Жуковскаго, Батюшкова, А. Пушкина; и это вліяніе отразилось, можетъ быть, и на иныхъ страницахъ Исторіи Карамзина» (1). Автору этихъ строкъ принадлежало, конечно, первенство руководящихъ сужденій. Нѣтъ сомнѣнія, что подъ его вліяніемъ сложилось убѣжденіе Жуковскаго въ важности древне-классической поэзіи, заставившее его въ послѣдствіи приняться за Гомера. Оно же, надобно думать, направило Батюшкова на знакомство съ антологической поэзіей древнихъ: по крайней мѣрѣ мы знаемъ, что нѣсколько стихотвореній этого рода переведено Батюшковымъ на русскій языкъ съ французскаго ихъ пе-

---

1) Литературныя воспоминанія (Современникъ 1851, № 6).

ревода, сдѣланнаго Уваровымъ ([1]). Строгою разборчивостью отличались сужденія Дашкова, не щадившія и произведеній пріятельскаго пера. Особенно преслѣдовалъ онъ излишества въ выраженіи мыслей, ненужныя отступленія отъ темы, внѣшнія прикрасы, отъ которыхъ толстѣло сочиненіе безъ всякой выгоды для своего содержанія. Слова его: «давай ножницы!» означали, что авторъ долженъ былъ укорачивать свою напрасно растянутую піесу. Самъ Жуковскій не былъ изъятъ изъ критики. Посылая на просмотръ къ друзьямъ нѣкоторыя изъ новыхъ своихъ стихотвореній, онъ выслушивалъ ихъ замѣчанія, съ нѣкоторыми соглашался, а справедливость другихъ оспаривалъ. Въ антикритикѣ онъ выказывалъ не только поэта, но и отличнаго знатока языка, образцоваго стилиста и версификатора ([2]).

Частныя литературныя собранія начали появляться съ первыхъ же лѣтъ Александрова царствованія, свидѣтельствуя любовь образованнаго общества къ словесности, наслѣдованную имъ отъ времени Екатерины II. Одно изъ такихъ собраній устроилъ у себя Державинъ, организовавъ его потомъ въ «Бесѣду». Другіе литературные вечера заведены были А. С. Хвостовымъ и И. С. Захаровымъ. Особенною извѣстностью въ этомъ отношеніи пользовался домъ А. Н. Оленина († 1843), президента Академіи художествъ, страстнаго любителя искусствъ и литературы. Писатели именитые на ряду съ возникавшими талантами находили у него и его образованной супруги (урожденной Полторацкой) самый радушный пріемъ. Сюда стекалось все, что могло интересовать людей, болѣе или менѣе движимыхъ любовью къ просвѣщенію: здѣсь Озеровъ читалъ свои трагедіи, прежде чѣмъ онѣ поступали на сцену, Гнѣдичъ — переводы изъ Иліады, а Крыловъ — басни прежде, чѣмъ онѣ являлись въ печати. Двое послѣднихъ питали самую искрен-

---

[1]) Въ брошюрѣ: «о Греческой Антологіи» (1820), написанной сообща Уваровымъ и Батюшковымъ, которые подъ предисловіемъ выставили свои арзамасскія имена: Ст. (Старушка) и А. (Ахиллъ).

[2]) Осьмое января 1851 (описаніе пятидесятилѣтняго юбилея службы гр. Д. Н. Блудова, въ Современникѣ 1851, № 3); Литературныя воспоминанія (гр. Уварова, написанныя по поводу этой статьи, ib. № 6); въ Матеріалахъ для біографіи Пушкина (Моск. Вѣд. 1855, № 142), П. Бартеневъ привелъ отрывки изъ произнесенныхъ въ Арзамасѣ рѣчей; «Матеріалы для литературнаго общества Арзамасъ», въ Библ. Зап. Лонгинова (Совр. 1856, № 8); «Арзамасъ», М. Н. Лонгинова (Энцикл. словарь, томъ пятый, 1862); Воспоминанія Вигеля, ч. V, гл. 4 (Рус. Вѣст. 1865, № 1, стр. 190-206); «Наши арзамасскія литературныя шалости» и «Письма Д. В. Дашкова», въ Выдержкахъ изъ старыхъ бумагъ Остафьевскаго Архива, кн. Вяземскаго (Рус. Арх. 1866, № 3).

нюю привязанность къ семейству Оленина, нашедъ въ его домѣ совершенно родственный прiютъ.

Всѣ эти домашнiя литературныя общества, замѣчаетъ гр. Уваровъ, оказывали у насъ (равно какъ и въ другихъ мѣстахъ) замѣчательное влiянiе на успѣхи словесности, превышая своимъ дѣйствiемъ дѣйствiе подобныхъ оффицiальныхъ учрежденiй. Эти послѣднiе большею частiю не даютъ знаменитымъ писателямъ, а заимствуютъ отъ нихъ жизнь и направленiе; тогда какъ частныя собранiя лицъ, связанныхъ между собою свободнымъ призванiемъ и личными талантами, имѣютъ силу возбуждать авторскiя дарованiя къ дѣятельности и направлять ее къ извѣстной цѣли.

§ 18. Рядомъ съ именемъ Жуковскаго современники его ставили имя Батюшкова, какъ такого поэта, которому наша лирика также одолжена сильнымъ развитiемъ. Съ младенчества «отторженный судьбой отъ своей матери» ([1]), страдавшей разстройствомъ умственныхъ способностей, Батюшковъ (Константинъ Николаевичъ, 1787—1855), не испыталъ счастiя къ кругу роднаго семейства. Взаимныя отношенiя между нимъ и отцемъ его не отличались нѣжностью. Родина (Вологда) и ссылка были для него одно и тоже. Дѣтство его протекло въ сиротствѣ; юность свою называлъ онъ печальною. Это нравственное одиночество, при всей своей горечи, осталось не безъ пользы: оно заставило Батюшкова сосредоточиваться въ самомъ себѣ и служило орудiемъ ранняго развитiя способностей, которыя, говоря его словами, заимствуютъ свою силу отъ первыхъ впечатлѣнiй, отъ первыхъ свѣжихъ чувствъ. Семейными обстоятельствами объясняется также, почему, при независимомъ состоянiи, дозволявшемъ имѣть при себѣ гувернеровъ и учителей, какъ тогда водилось у зажиточныхъ дворянъ, Батюшковъ воспитывался не дома, а въ петербургскихъ пансiонахъ, подъ надзоромъ двоюроднаго дяди, М. Н. Муравьева, которому собственно и одолженъ своимъ образованiемъ. Въ этихъ пансiонахъ онъ обучался преимущественно языкамъ: французскому, италiянскому и нѣмецкому; впрочемъ къ послѣднему онъ пристрастился и овладѣлъ имъ позднѣе, во время пребыванiя своего въ Германiи. Лучшую школу нашелъ Батюшковъ въ домѣ своего воспитателя, Муравьева, и супруги, заступившихъ ему родителей, въ той нравственной средѣ, которая постоянно его окружала, въ общенiи съ образованными людьми, посѣщавшими его дядю. Съ малолѣтства принадлежалъ онъ къ кружку избранныхъ лицъ, не только уважавшихъ, но и двигавшихъ литературу. Благодаря примѣру и вну-

[1]) «Умирающiй Тассъ». Нѣкоторые стихи этой элегiи выражаютъ личное чувство автора.

шеніямъ своего дяди и другаго родственника, И. М. Муравьева-Апостола, онъ пріобрѣлъ любовь къ словесности вообще, къ словесности классической и италіянской въ особенности. Надобно полагать, что за изученіе латинскаго языка онъ принялся уже по выходѣ изъ пансіона, гдѣ въ то время обращали вниманіе на одни новые языки, главнѣйшимъ образомъ на французскій разговорный.

Гражданская служба Батюшкова была, такъ сказать, номинальная. Онъ не имѣлъ опредѣленныхъ занятій, а только числился на службѣ, состоя сначала въ канцеляріи перваго министра народнаго просвѣщенія, гр. Завадовскаго, потомъ письмоводителемъ при товарищѣ министра, М. Н. Муравьевѣ, и наконецъ библіотекаремъ въ публичной библіотекѣ. Напротивъ, военную службу онъ несъ дѣйствительно, въ теченіи десяти лѣтъ (1806 — 1816), съ нѣкоторыми впрочемъ перерывами. Она обогатила его разнообразными и могучими впечатлѣніями, отразившимися въ его произведеніяхъ. Въ прусскую кампанію, подъ Гейлсбергомъ (1807), онъ получилъ тяжелую рану, которой приписываютъ существенное разстройство его здоровья, почему и видятъ въ ней одну изъ причинъ оказавшагося въ послѣдствіи умопомѣшательства. Раненный, онъ былъ отвезенъ въ Ригу, а отсюда, по выздоровленіи, пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ нашелъ родственный за собою уходъ въ семьѣ А. Н. Оленина. Шведская война (1808 — 1809) познакомила его съ природою страны, «дикой, но прелестной и въ дикости своей»; она же свела его съ Петинымъ, воспитанникомъ Благороднаго пансіона при московскомъ университетѣ, убитымъ въ Лейпцигскомъ бою. Дружба человѣка, отличавшагося прекрасными качествами ума и сердца, оставила глубокіе слѣды и въ жизни и въ поэзіи Батюшкова. Послѣ мира съ Швеціею, вышелъ въ отставку и отправился въ Москву, куда переѣхала его тетка, вдова М. Н. Муравьева. Но весною 1810 г. снова поселился въ Петербургѣ. Въ 1812 г., поступилъ опять на службу и назначенъ состоять адъютантомъ при генералѣ Бахметевѣ, лишившемся ноги въ сраженіи. Не дождавшись его выздоровленія, онъ состоялъ при генералѣ Раевскомъ и участвовалъ въ сраженьяхъ Кульмскомъ и Лейпцигскомъ. Недовольный наградою за свою службу, онъ въ 1816 г. вышелъ въ отставку. Походы 1813 — 1814 г.г. дали Батюшкову возможность, во время пребыванія въ Германіи, узнать бытъ, языкъ и поэзію нѣмцевъ, провести два мѣсяца въ Парижѣ, съѣздить въ Англію, а изъ Англіи въ Швецію, гдѣ «память сердца, болѣе сильная чѣмъ память разсудка», воскресила передъ нимъ и тревоги измѣнчивой боевой жизни, и наслажденія благородныхъ

дружествомъ. Элегія «Тѣнь друга» (1816) живо изображаетъ то душевное состояніе, которое испытывалъ поэтъ на морскомъ пути отъ Лондона до Готенбурга.

Обязанности воина мѣшали Батюшкову посвящать время истинному его призванію — поэзіи. Первые его опыты въ стихахъ относятся къ 1805 г. Но едва началъ онъ пробовать свое перо, какъ «судьбы премѣны», т. е. поступленіе въ военную службу (1806), «заставили его забыть источникъ Ипокрены». Онъ занимался литературою только въ то время, когда усаживался на одномъ мѣстѣ. А такихъ временъ было немного, чѣмъ и объясняется скудное количество всего имъ написаннаго. Они выпадали между выходомъ въ отставку и новымъ поступленіемъ на службу. Четыре года: по завоеваніи Финляндіи (1809 — 1810) и съ окончаніемъ наполеоновскихъ войнъ (1816 — 1817), составляютъ періодъ наибольшей поэтической дѣятельности Батюшкова. Это время проводилъ онъ то въ Петербургѣ, то въ Москвѣ. Въ первомъ изъ этихъ городовъ онъ сблизился съ Оленинымъ, Гнѣдичемъ, А. Тургеневымъ, Уваровымъ; во второмъ завязалъ крѣпкую пріязнь съ Жуковскимъ, Дашковымъ, кн. Вяземскимъ.

Батюшковъ и не могъ засиживаться на одномъ мѣстѣ, сколько по привычкѣ къ перемѣнной жизни, столько же по необходимости искать въ лучшемъ климатѣ подкрѣпленія разстроенному здоровью. Онъ называлъ себя «бездомнымъ странникомъ», постоянно мечтая о тихомъ пріютѣ. Сказка «Странствователь и домосѣдъ», въ лицѣ Филалета, показываетъ,

Какъ трудно вѣкъ дожить на родинѣ своей
Тому, кто въ юности изъ края въ край носился.

Особенно большіе разъѣзды выпали на 1818 г. Въ концѣ 1817 г., по случаю смерти отца своего, Батюшковъ отправился изъ Москвы въ Вологодскую деревню для устройства домашнихъ дѣлъ. Изъ деревни проѣхалъ онъ въ Петербургъ, потомъ въ Москву и Одессу, для пользованія морскимъ купаньемъ. Осенью онъ снова былъ въ деревнѣ и въ Петербургѣ, а къ исходу года въ Неаполѣ, гдѣ, по ходатайству А. И. Тургенева, получилъ мѣсто при посольствѣ. Но жизнь въ Италіи не помогла поэту. Здоровье его ветшало безпрерывно. 1820-й годъ былъ послѣднимъ его поэтической дѣятельности, а 1821-й—послѣднимъ нормальнаго состоянія его духа. Въ слѣдующемъ году поразило его тяжкое несчастіе — умопомѣшательство, причину котораго объясняютъ различно: наслѣдственною болѣзнію, такъ какъ его мать и младшая сестра кончили жизнь такимъ же образомъ; общимъ разстройствомъ, въ слѣдствіе раны, остановившей ростъ, отъ чего голова развилась

чрезмѣрно; противорѣчіемъ между его убѣжденіями и ходомъ общественной мысли въ послѣдніе годы Александра I, что сильно тревожило его, поселяя въ немъ страхъ и вмѣстѣ недовѣріе къ близкимъ ему людямъ (за исключеніемъ гр. Блудова и Жуковскаго); наконецъ самолюбіемъ, которому будто бы нанесенъ былъ чувствительный ударъ нашимъ посланникомъ при неаполитанскомъ дворѣ, замѣтившимъ въ одной дипломатической бумагѣ, написанной Батюшковымъ, плохое знаніе латинскаго языка. Какъ бы то ни было, а въ 1823 г., когда Батюшковъ, на возвратномъ пути изъ Италіи, проѣхалъ въ Крымъ и находился въ Симферополѣ, психическая болѣзнь достигла уже сильнаго развитія. Отсюда родные перевезли его въ Вологду, гдѣ онъ и провелъ вторую половину своей жизни, свыше тридцати лѣтъ. Состояніе его, сначала тревожное, перешло потомъ въ болѣе спокойное и неопасное. Умственное просвѣтлѣніе случалось очень рѣдко; только въ послѣдній годъ жизни онъ пользовался нормальнымъ здоровьемъ. Въ журналахъ, съ 1824 по 1861 г., являлись его стихотворенія и письма, относящіяся ко времени до духовнаго разстройства. Послѣднимъ его стихотвореніемъ, кажется, должно почитать «Изреченіе Мельхиседека»:

Ты помнишь, что изрекъ,
Прощаясь съ жизнію, сѣдой Мельхиседекъ?
Рабомъ родится человѣкъ,
Рабомъ въ могилу ляжетъ,
И смерть ему едва ли скажетъ,
За чѣмъ онъ шелъ долиной скорбной слезъ,
Страдалъ, рыдалъ, терпѣлъ, исчезъ.

На судьбѣ Батюшкова оправдалась справедливость той мысли, что жизнь и волненіе—одно. Онъ почти не выходилъ изъ состоянія раздражительности и недовольства. Вѣрное свое подобіе видѣлъ онъ въ образѣ Тасса, почитая и его и себя «добычею злой судьбины», «бѣднымъ странникомъ, испытавшимъ всѣ житейскія превратности». Для полноты сходства слѣдовало бы прибавить, что превратности происходили не столько отъ внѣшнихъ событій, надъ которыми человѣкъ не властенъ, сколько отъ внутреннихъ стремленій, за которыя каждый отвѣчаетъ единственно самъ, своимъ лицемъ; что на ряду съ физическими недугами, безпокоившими поэта, шла и нравственная неустойчивость, которая есть также болѣзнь. Въ своемъ характерѣ носилъ онъ судьбу свою. Треволненія, какъ главная помѣха поэтическому призванію, большею частію зарождались внутри его, а не набѣгали извнѣ. Главная черта этого характера указана сознаніемъ самого Батюшкова: «я

честолюбивъ и суетенъ». Честолюбіе обнаруживалось желаніемъ не одной литературной общеизвѣстности, но и виднаго, упроченнаго положенія на службѣ и въ обществѣ. Слава перваго рода ставилась ниже второй, такъ какъ «успѣхи въ словесности», по отзыву Батюшкова, «не ведутъ ни къ чему». Онъ платилъ дань и особому виду честолюбія — чиновному. Тотъ или другой чинъ значилъ для него не одно и тоже. Служебныя неудачи, глубоко его оскорбляя, совершенно отвращали его отъ службы. Малѣйшій ударъ съ этой стороны отзывался на немъ болѣзненно: «одинъ отказъ и промахъ сдѣлали бы меня несчастнымъ человѣкомъ», говорилъ онъ своей теткѣ, Муравьевой, думая получить лестное для себя назначеніе и боясь неуспѣха. Онъ остался недоволенъ, когда при отставкѣ изъ военной службы былъ переименованъ въ коллежскіе ассессоры, а не въ надворные совѣтники съ правомъ «по болѣзни служить музамъ». Недовольство обманутой надежды просвѣчиваетъ въ шутливомъ письмѣ къ В. Пушкину (1817):

. . . . Я не поэтъ,
Я не ученый, не профессоръ;
Меня въ календарѣ въ числѣ счастливцевъ нѣтъ:
Я.... отставной ассессоръ.

«Въ Петербургѣ жить не хочу и не буду», писалъ онъ послѣ того, какъ изъ Петербурга пришло рѣшеніе, несогласное съ его ожиданіемъ. Конечно, при общемъ теченіи въ одну сторону трудно плыть противъ потока; несправедливо обвинять одного въ томъ, что, по духу времени, было общею слабостью: но въ такомъ случаѣ уже не слѣдовало пенять на судьбу и почитать себя ея жертвой. И любовь, вмѣсто украшенія жизни, только озабочивала и раздражала поэта, потому ли, что онъ былъ «непостояненъ и вѣтренъ», въ чемъ упрекала его Муравьева, недовольная развязкою его сердечной привязанности къ небогатой дѣвицѣ, жившей въ домѣ Олениныхъ, или потому, что онъ не расчелъ своихъ силъ, думая быть счастливымъ одною любовью, «безъ упроченнаго состоянія». «Я три года мучился», писалъ онъ: «разсудокъ упрекаетъ меня въ страсти и въ потерянномъ времени. Богъ спасъ меня отъ пропасти. Не думаю, чтобы та особа меня любила». Намъ трудно рѣшить, оправдываютъ ли Батюшкова эти слова и что именно склонило его къ разрыву, но все же фактъ свидѣтельствуетъ о тревожномъ его духѣ. Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ положительно, что безъ шести тысячъ дохода нельзя жить въ Петербургѣ. Отсюда можно заключать, что непостоянство, замѣченное въ Батюшковѣ родными, было сознательное, основанное на житейскомъ расчетѣ.

Распредѣляя по отдѣламъ сочиненія Батюшкова, мы относимъ къ первому изъ нихъ тѣ піесы, въ которыхъ авторъ, при воспоминаніи о важнѣйшихъ фактахъ своей жизни, передаетъ испытанныя имъ впечатлѣнія. Какъ военный человѣкъ, онъ пережилъ много ощущеній, физическихъ и нравственныхъ, которыя навсегда остаются памятны. Природа Финляндіи, своимъ суровымъ величіемъ, сильно поражала воображеніе поэта, въ шведскую войну. «Отрывокъ изъ писемъ русскаго офицера о Финляндіи (1809)» въ живой картинѣ изображаетъ особенности новой земли. Хотя описаніе составлено по сочиненію французскаго натуралиста Ласепеда, который говоритъ о природѣ и жителяхъ другихъ странъ, имѣющихъ нѣчто общее съ Финляндіей; но оно составлено на самомъ мѣстѣ войны, подъ непосредственнымъ вліяніемъ походной жизни, и заключаетъ въ себѣ нѣсколько самостоятельныхъ образовъ, каковы: ратный станъ, черты финляндской кампаніи и стихотворная вставка о Біарміи, скальдахъ и Валкиріяхъ. Эта вставка внесена потомъ, какъ часть цѣлаго, въ стихотвореніе «Мечта» (1810). Кромѣ того, въ «Посланіи къ Петину» Батюшковъ вспомнилъ жаркое дѣло при Индесальми. Позднѣе, посѣтивъ театръ начальной своей военной службы, на пути изъ Лондона въ отечество, онъ снова обратился мыслью къ прошлому и настоящему Скандинавіи, доказательствомъ чего служатъ: переводъ Маттисоновой элегіи «На развалинахъ замка въ Швеціи» (1814) и «Пѣснь Гаральда Смѣлаго» (1816). Въ 1812 г. Батюшкову пришлось три раза побывать въ Москвѣ: въ первый разъ онъ былъ свидѣтелемъ бѣгства ея жителей, а потомъ, проѣздомъ изъ Нижняго Новгорода въ Вологду и обратно, онъ видѣлъ ее разграбленной и обгорѣлой. Чувства скорби надъ прахомъ древней столицы, жалости къ пострадавшимъ и ненависти къ виновнику народныхъ бѣдъ, вынесенныя изъ этого троекратнаго посѣщенія, излились въ «Посланіи къ Дашкову» (1813). Къ поэтическимъ представленіямъ заграничнаго похода относятся: «Переходъ черезъ Рейнъ» (1814) и «Плѣнный». Дополняются они нѣкоторыми мѣстами сказки «Странствователь и Домосѣдъ» и письмами къ друзьямъ изъ Парижа. Отдаваясь, по долгу службы, всевозможнымъ опасностямъ, воинъ въ тоже время отдаетъ себя всецѣло десницѣ Божіей, которая одна только можетъ отвести смертный ударъ при ежечасныхъ поводахъ къ смерти. И если ему, неожиданно для него, сохранена жизнь, то въ душѣ его слагается мужественная, неколебимая вѣра въ Провидѣніе. Гимнъ «Надежда» славитъ это мужество вѣры, сохраняющей свою силу и въ битвахъ человѣка внутреннихъ — съ самимъ собою, съ своими страстями и сомнѣ-

ніями. Задушевнѣйшія піесы этого разряда стихотвореній выражаютъ исповѣдь любви и дружбы. «Воспоминаніе» и «Посланіе къ гр. Віельгорскому» переносять поэта къ тому времени,

Когда, отвоевавъ подъ знаменемъ Беллоны,
Подъ знаменемъ любви онъ началъ воевать.

Эта первая любовь ([1]), не смотря на свою непродолжительность, оставила въ душѣ его пріятную память; онъ искренно и живо порывался къ ней въ мечтаніяхъ:

О мой любезный другъ, отдай, отдай назадъ
Зарю прошедшихъ дней и съ прежними бѣдами,
Съ любовью и войной!

Инаго характера была вторая любовь ([2]), въ три года доставившая Батюшкову много внутреннихъ мученій. Но чѣмъ раздражительнѣе ихъ горечь, тѣмъ изящнѣе зараждаются пѣсни въ душевной глубинѣ поэта. Подобное явленіе нерѣдко; оно же имѣло мѣсто и въ судьбѣ нашего поэта: «Воспоминанія» (1814), «Мой геній» (1816), «Выздоровленіе» (1817), «Разлука» и «Таврида» принадлежать къ образцовымъ стихотвореніямъ. Лучшее изъ нихъ, по художественной формѣ, «Выздоровленіе». Дружба, какъ замѣчено выше, доставляла Батюшкову болѣе прочныя и чистыя наслажденія, чѣмъ любовь, которую онъ не отдѣлялъ отъ чувственныхъ восторговъ. Памяти Петина посвятилъ онъ превосходную элегію «Тѣнь друга» (1816); кромѣ того въ прозаической піесѣ: «Воспоминаніе о Петинѣ», изобразилъ онъ нравственныя качества умершаго, сознавая ихъ доброе вліяніе на свою личность.

Во второмъ отдѣлѣ сочиненій Батюшкова заключаются переводы изъ главнѣйшихъ италіанскихъ поэтовъ и характеристики ихъ литературнаго значенія. Хотя Батюшкову было усвоено имя страстнаго любителя авзонской Музы и онъ самъ не могъ говорить безъ восторга объ Италіи и пѣвцахъ ея, однакожъ мы не видимъ достаточныхъ доказательствъ ни его знанія италіанской поэзіи, ни особеннаго искусства воспроизводить ее на родномъ языкѣ. Двѣ прозаическія статьи: «Аріостъ и Тассъ» (1816) и «Петрарка» (1816) относятся къ самымъ обыкновеннымъ, легкимъ очеркамъ, не представляющимъ ни самостоятельнаго изслѣдованія, ни даже серьезной критики. Переводъ одного сонета Петрарки: «На смерть Лауры» (1810) и подражаніе одной его канцонѣ: «Вечеръ» (1810)—вовсе не лучшія между стихотвореніями Батюшкова. По двумъ отрывкамъ изъ Освобожденнаго Іерусалима (1817) и од-

[1]) Къ рижской нѣмкѣ, въ семействѣ которой Батюшковъ, раненный подъ Гейлсбергомъ, нашелъ гостепріимный кровъ.

[2]) Къ Аннѣ Ѳедоровнѣ Фурманъ, жившей у Олениныхъ.

кому отрывку изъ Неистоваго Орланда (1818) трудно рѣшить, былъ ли онъ въ состояніи передать намъ прославленныя поэмы, объ одной изъ которыхъ онъ выразился такимъ образомъ: «поэма Аріоста заключаетъ въ себѣ все видимое и всѣ страсти человѣческія: это—Иліада и Одиссея, однимъ словомъ — природа, порабощенная жезлу волшебника». Наибольшее сочувствіе питалъ Батюшковъ къ Тассу, которому «былъ обязанъ лучшими наслажденіями въ жизни», котораго тѣнь ставилъ «среди Элизія, близь древняго Омира», и какъ его, такъ и Гомера называлъ «вѣрными спутниками воина». Посланіе «къ Тассу» есть дань удивленія поэту, равно владѣвшему, по словамъ его поклонника, и эпическимъ созерцаніемъ, и пастушьей свирѣлью; а элегія «Умирающій Тассъ» служитъ апоѳеозой его славы. Послѣдняя піеса одна выступаетъ изъ втораго отдѣла стихотвореній, какъ образцовая, прекрасными стихами выражающая искреннее и глубокое чувство. Въ лицѣ Тасса авторъ не только представлялъ себѣ идеальный образъ поэта, но и находилъ въ немъ значительное съ собою сходство. Многое, что говорится о судьбѣ Тасса, примѣнялось Батюшковымъ къ обстоятельствамъ своей жизни ([1]), такъ что подъ изображеніемъ чужой печали скрывается элегическая настроенность собственнаго духа. По этой причинѣ элегія проникнута глубоко-искреннимъ чувствомъ.

Третій отдѣлъ составляютъ переводы древне-классическихъ произведеній. Ихъ очень немного: три элегіи Тибулла (1809, 1810 и 1816) и двѣнадцать піесъ изъ Антологіи (1820). Если вольное переложеніе Тибулловыхъ элегій не даетъ должнаго понятія объ ихъ поэтическомъ достоинствѣ, то въ антологическихъ піесахъ Батюшковъ является истиннымъ художникомъ, хотя онъ перелагалъ ихъ не съ греческаго подлинника, а съ французскаго перевода. Эти переводы показываютъ способность Батюшкова къ творчеству въ духѣ древне-классической поэзіи.

Характеръ послѣдняго отдѣла — эротическій. Сюда принадлежатъ переводы изъ Парни ([2]) и подражанія ему: Привидѣніе (1810), Ложный страхъ (1810), Источникъ (1810), Мщеніе (1816) и Вакханка, а также собственныя стихотворенія въ томъ же духѣ: Веселый часъ (1810), Отрывокъ изъ элегіи, Къ другу, Выздоровленіе (1817), Таврида, нѣкоторыя мѣста въ «Моихъ пенатахъ» (1814) и другихъ піесахъ. Весь этотъ отдѣлъ, по граціи поэтическихъ

[1]) Это примѣненіе видимо въ тирадѣ, отъ стиха: «отъ самой юности игралище страстей»... и до стиха: «карающей богинѣ обреченной».

[2]) Французскаго поэта, писавшаго въ эротическомъ и элегическомъ родахъ (1753—1814).

изображеній и по изяществу внѣшней формы, заслуживаетъ названіе образцоваго и долженъ быть поставленъ на ряду съ переводами изъ Антологіи.

Опредѣленіе литературной заслуги значительно облегчается, когда намъ извѣстно, какъ понималъ ее самъ авторъ. Взглядъ Батюшкова на характеръ и значеніе своей поэтической дѣятельности изложенъ въ «Рѣчи о вліяніи легкой поэзіи на языкъ» (1816). Выбранный въ члены Общества любителей русской словесности въ Москвѣ, онъ принялъ оказанную ему честь какъ свидѣтельство того, что «успѣхи и въ малѣйшей отрасли словесности могутъ быть полезны нашему языку». Эта малѣйшая отрасль словесности, и въ тоже время ея «прелестная роскошь», есть такъ называемая «легкая поэзія», которую онъ противополагаетъ эпопеѣ, драмѣ, восторженной лирикѣ, исторіи и краснорѣчіи, требующимъ «великихъ усилій ума, высокаго и пламеннаго воображенія». Главнѣйшее различіе между двумя противоположными родами, по мнѣнію Батюшкова, состоитъ въ стихотворномъ слогѣ: «Въ большихъ родахъ, читатель, увлеченный описаніемъ страстей, ослѣпленный живѣйшими красками поэзіи, можетъ забыть недостатки и неровности слога... Въ легкомъ родѣ поэзіи, читатель требуетъ возможнаго совершенства, чистоты выраженія, стройности въ слогѣ, гибкости, плавности; онъ требуетъ истины въ чувствахъ и сохраніи строжайшаго приличія во всѣхъ отношеніяхъ; онъ тотчасъ дѣлается строгимъ судьею, ибо вниманіе его ничѣмъ сильно не развлекается. Красивость въ слогѣ здѣсь нужна необходимо и ничѣмъ замѣниться не можетъ». Не смотря на скромный отзывъ о легкой поэзіи, сравнительно съ другимъ поэтическимъ родомъ, Батюшковъ отвелъ ей просторное и достославное мѣсто на парнассѣ всѣхъ народовъ. Число поэтовъ, къ категоріи которыхъ онъ причисляетъ и себя самого, не мало, и между ними есть громкія имена: у Грековъ—Віонъ, Мосхъ, Симонидъ, Ѳеокритъ, Анакреонъ, Сафо; у Римлянъ—Катуллъ, Тибуллъ и Проперцій; въ Италіи—Петрарка, во Франціи—Маро, въ Англіи—Валлеръ, въ Германіи—Гагедорнъ и другіе. Переходя къ нашей легкой поэзіи, Батюшковъ включаетъ въ ея область переводы и подражанія Анакреону Ломоносова и Державина, Душеньку, басни, сказки и посланія Дмитріева, басни Хемницера и Крылова, стихотворенія Карамзина, гораціанскія оды Капниста, пѣсни Нелединскаго, подражанія древнимъ Мерзлякова, баллады Жуковскаго, стихотворенія Востокова и Муравьева (М. Н.), посланія кн. Долгорукова и нѣкоторыя Воейкова.

Красота слога, возможное совершенство выраженія, какъ существенная принадлежность легкой поэзіи, и въ особенности важ-

нѣйшаго ея вида—эротическаго, отличаетъ и стихотворенія Батюшкова, входящія въ четвертый отдѣлъ. Онъ тщательно заботился объ изяществѣ формы, безъ которой немыслимо поэтическое представленіе. Яснымъ, отчетливымъ образомъ своихъ чувствъ и мыслей онъ сообщалъ прелесть граціи, раздѣляя мнѣніе Парни, что въ дѣлѣ искусства грація—все и что безъ граціи нѣтъ истиннаго искусства. О вѣрности его художественнаго вкуса можно судить по многимъ піесамъ. Приводимъ для примѣра одно изъ самыхъ характеристическихъ: «Выздоровленіе»:

Какъ ландышъ подъ серпомъ убійственнымъ жнеца
        Склоняетъ голову и вянетъ:
Такъ я въ болѣзни ждалъ безвременно конца
        И думалъ: Парки часъ настанетъ.
Ужъ очи покрывалъ Эреба мракъ густой,
        Ужъ сердце медленнѣе билось:
Я вянулъ, исчезалъ, и жизни молодой,
        Казалось, солнце закатилось.
Но ты приблизилась, о жизнь души моей,
        И алыхъ устъ твоихъ дыханье,
И слезы пламенемъ сверкающихъ очей,
        И поцѣлуевъ сочетанье,
И вздохи страстные, и сила милыхъ словъ,
        Меня изъ области печали,
Отъ Орковыхъ полей, отъ Леты береговъ
        Для сладострастія призвали.
Ты снова жизнь даешь; она—твой даръ благой;
        Тобой дышать до гроба стану.
Мнѣ сладокъ будетъ часъ и муки роковой;
        Я отъ любви теперь увяну.

Не смотря на краткость какъ этого стихотворенія, такъ и другихъ одного съ нимъ рода, всѣ они удовлетворяютъ эстетическое чувство читателя ровностью тона, полнотою впечатлѣнія, законченностью образа. Переводы изъ Парни принадлежатъ къ лучшимъ піесамъ эротическаго отдѣла потому, что у нашего переводчика много общаго съ французскимъ стихотворцемъ въ талантѣ и направленіи. Не даромъ того и другаго называли Тибулломъ. Характеръ любви—чувства, наиболѣе ими выражаемаго—одинаковъ: она положительная, а не идеальная, дѣйствительная, а не мечтательная. Въ этомъ отношеніи, Батюшковъ—рѣшительная противоположность Жуковскому. «Въ то время», говоритъ Гоголь, «когда Жуковскій отрѣшалъ нашу поэзію отъ земли и существенности и уносилъ ее въ область безтѣлесныхъ видѣній, Батюшковъ, какъ бы нарочно ему въ отпоръ, сталъ прикрѣплять ее къ землѣ и тѣлу, выказывая всю очаровательную прелесть осязаемой суще-

ственности. Какъ тотъ терялся весь въ неясномъ для него самомъ идеальномъ, такъ этотъ весь потонулъ въ роскошной прелести видимаго, которое такъ ясно слышалъ и такъ сильно чувствовалъ. Все прекрасное во всѣхъ образахъ, даже и незримыхъ, онъ какъ бы силился превратить въ осязательную нѣгу наслажденія. Онъ слышалъ, выражаясь его же выраженіемъ, *стиховъ и мыслей сладострастье*».—Послѣднее слово часто встрѣчается въ сочиненіяхъ Батюшкова, который прилагаетъ его даже къ предметамъ духовнымъ, называя, напримѣръ, совѣсть «сладострастіемъ возвышенныхъ душъ», но чаще пользуется имъ въ томъ случаѣ, когда надобно выразить ощущеніе, доставляемое эпикуреизмомъ, упоеніемъ земными благами, а изъ нихъ наиболѣе страстью въ тѣсномъ смыслѣ—любовью:

О пламенный восторгъ! о страсти упоенье!
О сладострастіе.... себя, всего забвенье!

Тамъ поэтъ напоминаетъ своему другу, какъ они «пили чашу сладострастья»; здѣсь приглашаетъ друга «упиться сладострастьемъ». Изъ цѣлыхъ сутокъ онъ желалъ бы отдать по одному часу дружбѣ, Вакху и сну, а остальнымъ временемъ подѣлиться съ предметомъ своей страсти. Такое направленіе, опредѣляясь въ началѣ темпераментомъ, потомъ развивается и укрѣпляется образомъ мыслей. Это—философія Аристиппа, удобно соглашаемая съ природными инстинктами. Мы узнаемъ ее изъ стихотвореній: «Мечта», гдѣ отвергается ученіе стоиковъ; «Веселый часъ», гдѣ дается совѣтъ сѣять на пути розы, наслаждаться жизнью и полной чашей пить радость; «Отрывокъ изъ Элегіи», приглашающей славить безпечность и любовь; «Посланіе къ Петину», почитающее счастливымъ того, кто цвѣтами украшалъ дни любви. Потому-то Жуковскій, зная капитальную слабость своего друга, совѣтовалъ ему бѣжать сладострастныхъ мечтаній, какъ губительницъ душевной чистоты ([1]).

Различіе въ характерахъ поэзіи Жуковскаго и Батюшкова видна и на элегіяхъ послѣдняго. Какъ самая печаль, ими выражаемая, не расплывается въ меланхолію или уныніе и не затемняется ни мудреной рефлексіей, ни другимъ постороннимъ чувствомъ, но выходитъ изъ потрясенной души ясною, безхитростною, непосредственною, такъ и выраженіе, по наглядности художественныхъ образовъ, не только легко воспринимается внутреннимъ ощущеніемъ, но и какъ бы становится доступнымъ внѣшнему зрѣнію.

[1]) Посланіе къ Батюшкову (1813).

Доказательствомъ служатъ элегіи: Пробужденіе (1816), Разлука, Послѣдняя весна (1816), Къ другу, Тѣнь друга (1816). Батюшковъ, по свойству таланта и по образованію, которымъ руководилъ Муравьевъ, былъ способенъ къ поэтическому созерцанію и представленію въ античномъ духѣ. Цѣлыя піесы выливались у него, какъ отчетливыя изваянія мыслей и впечатлѣній, и въ каждомъ его стихотвореніи есть мѣста, убѣждающія, что онъ могъ бы съ равнымъ искусствомъ и передавать древне-классическія произведенія на родномъ языкѣ, и подражать имъ.

Переводъ антологическихъ піесъ наилучшимъ образомъ характеризуетъ поэтическій талантъ Батюшкова. Мы уже говорили, что въ 1820 г. была издана (Д. Дашковымъ) небольшое сочиненіе «о Греческой Антологіи». Предисловіе къ нему подписано арзамасскими именами гр. Уварова (Ст.—Старушка) и Батюшкова (А.—Ахиллъ). Послѣднему принадлежатъ стихотворенія, переложенныя съ французскаго текста, а не съ греческаго подлинника, а первому—объясненіе, содержащее въ себѣ историческія свѣдѣнія объ антологіи и характеристику піесъ, ее образующихъ. Антологіей называется собраніе небольшихъ стихотвореній, а именно: надписей и эпиграммъ (піесъ, написанныхъ элегическимъ размѣромъ—гексаметромъ и пентаметромъ). «Все служитъ предметомъ эпиграммы», говоритъ Уваровъ въ объясненіи: «она то поучаетъ, то шутитъ, и почти всегда дышитъ любовію. Часто она не что иное, какъ мгновенная мысль, или быстрое чувство, рожденное красотами природы или памятниками искусства». Совершенство внѣшней формы, которое Батюшковъ ставилъ необходимымъ условіемъ произведеній легкой поэзіи, есть существенная принадлежность антологическаго рода. Безъ граціи и артистической отдѣлки древняя эпиграмма немыслима. Эти-то художественныя качества умѣлъ Батюшковъ сохранить въ своемъ переводѣ. А такъ какъ многія изъ его собственныхъ сочиненій отличаются тѣми же качествами, то критика имѣла право заключить, что онъ могъ бы лучше, чѣмъ кто-либо изъ современныхъ ему поэтовъ, познакомить насъ съ красотами древне-классической поэзіи. Жаль только, что тревожныя обстоятельства не дозволили ему настойчиво послѣдовать своему призванію. Вообще онъ написалъ мало. Въ теченіи пятнадцати лѣтъ (считая съ 1805 по 1820) оставилъ онъ небольшое число стихотвореній. Однакожъ и этимъ немногимъ пріобрѣлъ онъ славу первоклаcснаго нашего поэта. Современная критика ставила его на ряду съ Жуковскимъ, говоря, что въ отношеніи къ нему Батюшковъ былъ не вторымъ, а другимъ (non secundus, sed alter); что поэтическій талантъ послѣдняго нисколько не уступалъ

таланту перваго: только характеры этихъ талантовъ были различные, равно какъ различны и пути, ими выбранные.

Цѣлый томъ сочиненій Батюшкова содержитъ въ себѣ прозу. Значеніе ея—преимущественно стилистическое: по чистотѣ, правильности, благозвучію и образности языка, она заслуживаетъ названіе образцовой. Въ этомъ отношеніи наиболѣе замѣчателенъ «Отрывокъ изъ писемъ русскаго офицера о Финляндіи». Содержаніемъ же своимъ прозаическія статьи уступаютъ слогу, не поднимаясь выше посредственнаго уровня. Въ нихъ нѣтъ глубины или обилія мыслей, нѣтъ и многосторонняго или своеобразнаго ихъ развитія. Авторъ видимо заботился не столько о томъ, что сказать, сколько о томъ, какъ сказать. Критическія сужденія его слабы, не то что эпиграммы—острыя, меткія, сжатыя. Такія статьи, какъ «Письмо къ И. М. Муравьеву-Апостолу о сочиненіяхъ М. Н. Муравьева», «Аріостъ и Тассъ», «Петрарка», не даютъ существенной характеристики обсуждаемыхъ лицъ и ихъ авторства. ([1])

§ 19. Система французскаго классицизма возникла изъ невѣрно истолкованной піитики Аристотеля, изъ превратно или односторонне понятыхъ образцовъ древней поэзіи, почему и называется лжеклассическою. Чтобы открыть ложь, принятую французами за истину и перешедшую отъ нихъ къ другимъ народамъ, необходимо было ближайшее, непосредственное знакомство какъ съ поэтическимъ ученіемъ грековъ и римлянъ, такъ и съ ихъ художественными произведеніями. Этимъ путемъ нѣмцы свергли съ себя вѣковое иго псевдоклассицизма; этотъ же путь предстоялъ и намъ при освобожденіи нашей литературы отъ вліянія французскихъ понятій объ искусствѣ, стѣснявшихъ ее также въ теченіе цѣлаго столѣтія, съ Кантемира и Тредьяковскаго до Пушкина.

Для непосредственнаго знакомства съ содержаніемъ и формой истиннаго классицизма, требовалось, кромѣ знанія древнихъ языковъ, и безпристрастное, не стѣсняемое французскимъ авторитетомъ, отношеніе критики къ поэтическимъ образцамъ древности. Средства наши, въ томъ и другомъ отношеніи, большею частію были слабы. Немногіе изъ нашихъ литераторовъ могли похвалиться серьезнымъ филологическимъ образованіемъ; немногіе также умѣли отрѣшиться отъ французскихъ воззрѣній какъ на самые подлин-

---

[1]) Главнѣйше матеріалы для біографіи и поэтической дѣятельности Батюшкова: Матеріалы для полнаго изданія его сочиненій, М. Лонгинова (Рук. Арх. 1863 г. № 12).

К. Н. Батюшковъ. Его письма и очерки его жизни, съ 1806 по 1819 г., двѣ статьи П. Бартенева (ib, 1867, №№ 10 и 11).

Письма Б-ва къ Гнѣдичу (Рус. Старина, т. т. 1, 3, 10).

ники, такъ и на способъ ихъ перевода. Отсюда происходило, что имена Аристотеля, Горація и Буало мы ставили на одну доску, не различая ихъ поэтической науки и почитая каждаго законодателемъ изящнаго вкуса; что въ Расинѣ и Вольтерѣ видѣли не только воскресителей Софокла и Эврипида, но и усовершенствователей трагическаго искусства, доведшихъ его до nec plus ultra; что переложенія греческихъ и римскихъ стихотвореній, сдѣланныя съ французскихъ вольныхъ переводовъ, удовлетворяли насъ, вызывая громкія себѣ похвалы. Трудно было, при такихъ взглядахъ, ожидать воспроизведенія подлинниковъ, по ихъ духу и художественному смыслу: оно могло явиться только при здравыхъ понятіяхъ объ искусствѣ вообще, объ искусствѣ грековъ и римлянъ въ особенности, при несомнѣнномъ поэтическомъ талантѣ, необходимомъ переводчику. Разсмотримъ же важнѣйшіе факты нашего знакомства съ древне-классической поэзіей.

М. Н. Муравьевъ служилъ примѣромъ и какъ бы руководителемъ тѣхъ, которые заботились о внесеніи классическаго элемента въ отечественную литературу. Они справедливо поставляли на видъ его классическую образованность, вѣрныя мысли о пользѣ изученія древнихъ писателей, нѣкоторые труды по этой части и содѣйствіе такимъ же трудамъ другихъ. Ободряемый имъ, какъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія и вмѣстѣ попечителемъ московскаго университета, Мерзляковъ задумалъ «представить образцы древнихъ писателей во всѣхъ родахъ стихотворныхъ сочиненій, дабы учащійся могъ ихъ имѣть на своемъ языкѣ при самомъ истолкованіи правилъ піитики». Первые опыты его переводовъ: сцены изъ Эврипидовой трагедіи «Альцеста» и «первая олимпійская ода Пиндара» явилась въ 1804 г.; за ними слѣдовали: «Эклоги Виргилія», съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ эклогъ Ѳеокрита, Біона и Моска (1807), и «Наука Стихотворства» (Ars poëtica) Горація (1808). Какъ эти, такъ и дальнѣйшіе труды переводчика, помѣщенные въ журналахъ или напечатанные отдѣльно, собраны и изданы въ двухъ томахъ, подъ заглавіемъ: «Подражанія и переводы изъ греческихъ и латинскихъ стихотворцевъ (1825—26)». Первый томъ содержитъ въ себѣ, кромѣ разсужденія «о началѣ и духѣ древней трагедіи и о характерахъ трехъ греческихъ трагиковъ», переводы эпическихъ и драматическихъ твореній—изъ Гомера, Виргилія, Эсхила, Софокла и Эврипида; второй—переводы изъ лириковъ: Каллимаха, Клеанта, Тиртея, Пиндара, Сафо, Теокрита, Біона, Горація, Тибулла, Проперція, Овидія.

Мерзляковъ различаетъ два способа перелагать древнихъ: бук-

вальный, для занимающихся исключительно изученьемъ языковъ греческаго и латинскаго, и вольный, или подражаніе. Такъ какъ первый большею частію выходитъ каррикатурнымъ, а второй невѣрнымъ, то переводчикъ выбралъ средину, т. е. не позволялъ себѣ ни лишняго стѣсненія, ни лишней вольности. Намѣреніе его могло бы принести большую пользу, если бы удовлетворительно было исполнено. Къ сожалѣнію, трудъ его представляетъ нѣкоторые существенные недостатки, происшедшіе главнымъ образомъ отъ французскаго взгляда на искусство и на способъ перелагать произведенія искусства. Во-первыхъ, Мерзляковъ иногда знакомитъ съ піесой посредствомъ отрывковъ: мысль ошибочная, несогласная съ значеніемъ греческой трагедіи, которой достоинство, особенно у Софокла, заключается въ стройномъ единствѣ частей, въ художественной красотѣ цѣлаго. Полный переводъ одной Софокловой трагедіи былъ бы соотвѣтственнѣе цѣли труда. Во-вторыхъ, отрывки переданы не въ настоящемъ видѣ: переводчикъ многое сокращалъ, что ему казалось слишкомъ растянутымъ или не относящимся къ дѣйствующей страсти, иное перестанавливалъ и соединялъ (напримѣръ, первый актъ съ пятымъ), дабы образовать изъ того нѣчто цѣлое драматическое. Кромѣ того, языкъ въ переводахъ разныхъ писателей безразличный. Стихъ то настраивается на риторическій ладъ, въ подражаніе Ломоносову, то падаетъ пѣвучимъ дактилическимъ окончаніемъ, которое такъ любилъ Карамзинъ. Гармоніи его много мѣшало излишнее употребленіе славянской стихіи, почитавшейся необходимостью каждый разъ, когда стихотворецъ хотѣлъ сообщить своей рѣчи особенную важность и величіе. Къ лучшимъ переводамъ Мерзлякова относятся Виргиліевы эклоги и греческія идилліи; второе мѣсто занимаютъ Тиртеевы оды и Гораціева «Наука о стихотворствѣ». Что касается до понятій, изложенныхъ въ «Разсужденіи о началѣ и духѣ древней трагедіи», то они убѣждаютъ въ эмпирическомъ взглядѣ автора на искусство. Согласно съ французской теоріей, онъ объяснялъ происхожденіе поэтическихъ родовъ подражаніемъ природѣ, а не даромъ творчества, присущимъ человѣку и проявляющимъ свою дѣятельность созданіемъ разнообразныхъ предметовъ особаго, эстетическаго міра. Этотъ ложный взглядъ подвергся основательной критикѣ со стороны Веневитинова [1], выступившаго противъ французской теоріи съ новыми началами нѣмецкой эстетики.

«Подражанія и переводы» Мерзлякова, представляя образцы греческихъ и латинскихъ стихотвореній, должны были служить по-

---

[1]) Сынъ Отеч. 1825, т. 8.

собіемъ при изученіи поэтическихъ родовъ. Пользу учащагося юношества имѣлъ въ виду и Мартыновъ, директоръ департамента министерства народнаго просвѣщенія († 1833), при своемъ переводѣ греческихъ классиковъ. Многолѣтній трудъ его изданъ въ 26 томахъ (1823—28) и заключаетъ въ себѣ Гомера, Софокла, Пиндара, Анакреона, Каллимаха, Езопа, Иродота и Лонгина. Переводъ каждаго классика снабженъ разсужденіями о немъ самомъ и его сочиненіяхъ, обширнымъ историко-филологическимъ комментаріемъ и другими объясненіями, выбранными изъ древнихъ и новыхъ писателей, а также и своими собственными. Кромѣ того, первая пѣснь Иліады переведена еще подстрочно, съ цѣлью показать различіе между языками греческимъ и русскимъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ трудность и невозможность сохранить въ переводѣ всѣ обороты, частицы и слова подлинника. Видимо, Мартыновъ прилагалъ всѣ старанія, чтобы русскому читателю облегчить знакомство съ классическими твореніями. Въ работѣ своей положилъ онъ правиломъ не удаляться отъ подлинника, для «лучшаго удержанія его смысла», сохраняя однакожъ свойства русскаго языка. Это и заставило его переложить стихотворцевъ прозой, за исключеніемъ Анакреона, переданнаго бѣлыми стихами. О поэтическомъ достоинствѣ переводовъ и говорить нечего. Оно было невозможно по самой обширности задачи. Надобно имѣть геніальныя способности, быть великимъ поэтомъ, чтобы художественно воспроизвести образцовыя созданія древности по всѣмъ родамъ поэзіи— эпосу, драмѣ и лирикѣ; а Мартыновъ, лишенный поэтическаго дарованія, не владѣлъ даже и стихомъ, какъ доказываетъ его переводъ Анакреона. Хотя ложная теорія часто сбивала Мерзлякова, но врожденное ему чувство изящнаго противодѣйствовало ложнымъ понятіямъ, и потому въ его переводахъ встрѣчаются такіе, которые удачно передавали красоты подлинниковъ; Мартыновъ же, по отзыву его начальника, отличался больше всего «пространнымъ» трудолюбіемъ, котораго недостаточно для удовлетворительнаго перевода греческихъ классиковъ.

Въ числѣ лицъ, которыя своими сужденіями содѣйствовали распространенію вѣрныхъ мыслей о значеніи французской литературы сравнительно съ литературами другихъ народовъ, и въ особенности съ греко-латинской, одно изъ главныхъ мѣстъ занимаетъ И. М. Муравьевъ-Апостолъ († 1851), служившій по дипломатической части и бывшій нашимъ посланникомъ въ Испаніи. По классической образованности и знанію многихъ языковъ, онъ составлялъ исключеніе въ томъ кругѣ, къ которому принадлежалъ по своему рожденію и общественному положенію. Въ нѣкоторыхъ

взглядахъ на воспитаніе и словесность онъ сходился съ Шишковымъ, былъ членомъ «Бесѣды», и для «Чтеній» перевелъ двѣ Гораціевы сатиры (первую и третью 1-ой книги), приложивъ къ первому переводу разсужденіе о Гораціи, а ко второму—разсужденіе о причинахъ, побудившихъ Горація написать третью сатиру (1). Подъ живымъ впечатлѣніемъ недавно конченной борьбы съ Наполеономъ, Муравьевъ-Апостолъ писалъ замѣчательныя письма изъ сожженной Москвы въ Нижній Новгородъ, къ другу (2). Проникнутыя ненавистью къ французамъ, они направлены главнѣйшимъ образомъ противъ галломаніи, которая господствовала въ высшемъ дворянствѣ. Употребленіе французскаго языка называетъ авторъ несказаннымъ зломъ, отравившимъ у насъ главный источникъ общественнаго благоденствія—воспитаніе. Родители, говоритъ онъ, не думаютъ ни о серьезномъ школьномъ образованіи сыновей, ни о пріученіи дочерей къ обязанностямъ хозяйки и матери: единственная цѣль ихъ состоитъ въ томъ, чтобы мальчика какъ можно раньше нарядить въ офицерскій мундиръ, а дѣвочку какъ можно скорѣе вывозить на балъ. Два таковыхъ поколѣнія—и чего ожидать?.... того, что мы часто видимъ: *русскихъ не-русскихъ*. Отъ чего же такое зло вкралось къ намъ? давно-ли стало укореняться? почему есть люди, умные и хорошіе, которые увѣрены въ томъ, что намъ нельзя обойтись безъ французскаго языка? не это ли предубѣжденіе причиною, что мы еще не далеки на поприщѣ словесности? Таковы вопросы, предлагаемые авторомъ себѣ и другимъ на рѣшеніе. Въ настоящемъ случаѣ для насъ важны два послѣдніе, рѣшенные въ четвертомъ письмѣ, гдѣ передается разговоръ Неотина и Археонова. Неотинъ, представитель господствующаго мнѣнія, доказываетъ, что мы, русскіе, обязаны французскому языку почти всѣми успѣхами нашей словесности и что лучшіе французскіе писатели первенствуютъ во всѣхъ литературныхъ родахъ: трагедія не можетъ выставить никого подобнаго Расину, Корнелю и Вольтеру; истинная комедія основана Мольеромъ; Лафонтенъ неподражаемъ и самъ никому не подражалъ; во всемъ французы сдѣлались образцами—въ поэзіи высокой и легкой, въ краснорѣчіи, въ слогѣ повѣствовательномъ. Отсюда и заключеніе: языкъ французскій, подобно латинскому, переживетъ народъ и останется классическимъ; онъ долженъ быть таковымъ и для насъ: мы обязаны учиться ему въ школахъ, не

(1) Чтеніе, книга вторая, № 2 (1811) и кн. шестая (1812).

(2) Всѣхъ писемъ пятнадцать; они нап. въ Сынѣ Отеч. 1813, 1814 и 1815 гг. Перепечатаны въ Рус. Арх. 1876 г., книга 3.

опасаясь вреднаго вліянія на нравы.—Археоновъ, т. е. самъ авторъ письма, опровергаетъ оба тезиса своего собесѣдника. Критику французской литературы начинаетъ онъ съ Расина. Въ чемъ очаровательная сила этого трагика? въ искусствѣ подражать древнимъ и въ мастерствѣ владѣть языкомъ. Если отнять у него то, что принадлежитъ Гомеру, Софоклу, Эврипиду, Виргилію, Сенекѣ, то въ остаткѣ получится только прекрасный механизмъ стиха,—достоинство хотя и великое, но далеко не то, которое требуется отъ генія-творца. Археоновъ очень умно отличаетъ *общій* вкусъ къ изящному, неизмѣнно принадлежащій всѣмъ вѣкамъ и всѣмъ просвѣщеннымъ народамъ, отъ вкуса *особеннаго*, образуемаго характеромъ каждаго народа, его нравственными свойствами, образомъ правленія. «Я самъ, говоритъ онъ, ничѣмъ такъ не восхищаюсь, какъ искуснымъ представленіемъ Расиновой трагедіи; но въ правѣ ли я отъ того заключить, что всѣ непремѣнно должны точно такъ чувствовать и мыслить, какъ я, и что напрасно предпочитаютъ Расину: англичане Шекспира, нѣмцы Шиллера, итальянцы Альфіери? Мое заключеніе, можетъ статься, и несходно съ истиною. Кто увѣритъ меня, что не дѣйствовало надъ нимъ сильное вліяніе привычекъ и предубѣжденій, съ которыми нельзя справедливо судить о вещахъ? Буде на это мнѣ возразятъ, что привычки и предубѣжденія могутъ точно также находиться и въ другихъ людяхъ, тогда я изо всего этого выведу одно то, что на счетъ народнаго вкуса не должно никого ни винить, ни оправдывать; что всякій будетъ правъ у себя, и виноватъ, если вздумаетъ судить о другихъ по себѣ. Ипполитъ на сценѣ французской исторгаетъ у насъ, русскихъ, слезы; а на аѳинскомъ театрѣ греки бы расхохотались, еслибъ услышали его открывающагося въ любви къ Арисіи». Переходя отъ трагедіи къ эпической поэзіи, Археоновъ не видитъ у французовъ ни одного достойнаго ея произведенія, ибо слишкомъ смѣло назвать поэмой холодную въ стихахъ декламацію Вольтера (Генріаду). Нельзя и сравнивать ее съ поэмами Данта, Аріоста, Тасса. Что касается до французской комедіи, то Мольеръ въ характерахъ, ходѣ дѣйствія и развязкѣ заимствовалъ частію у древнихъ, частію у испанцевъ: «Кальдеронъ и Лопе де-Вега были во многомъ его учителями: ихъ дѣйствующія лица, въ рукахъ Мольера, принаровились къ парижскимъ обычаямъ, перерядились во французское платье и сдѣлались для французовъ оригинальными; намъ же, русскимъ, предпочтительно нравятся потому, что и мы принаровились къ парижскимъ обычаямъ и перерядились во французское платье. Если комедія есть живое въ лицахъ представленіе господствующихъ нравовъ, то каждый на-

родъ долженъ имѣть свою комедію, по той самой причинѣ, что каждый народъ имѣетъ свои собственные нравы и обычаи: Ифландъ на театрѣ своемъ представляетъ нѣмцевъ, Шериданъ англичанъ, а мы *французовъ*, потому что мы по обычаю французы, и съ такими французскими, т. е. нелѣпыми, предразсудками, что не стыдимся называть порокомъ того, что составляетъ одно изъ главныхъ достоинствъ въ нѣмцахъ и англичапахъ,—что они не обезьяны, какъ мы».

Изъ отвѣта своего Неотину, Археоновъ выводитъ два заключенія:

Во-первыхъ, французы не во всѣхъ родахъ словесности успѣли; у нихъ нѣтъ ни поэмы, ни исторіи, ни живописной поэзіи (poësie descriptive), ни пастушеской, ни даже романа своего. Во-вторыхъ, если они могутъ гордиться своими Расиномъ, Корнелемъ, Буало, Мольеромъ, а особливо Лафонтеномъ, за то другіе народы имѣютъ право хвалиться такими высокими умами, каковымъ нѣтъ подобныхъ во Франціи. Испанцы скажутъ: у насъ Сервантесъ; англичане, и не упоминая о Шекспирѣ, Мильтонѣ, Драйденѣ, Томсонѣ, выставятъ рядъ историковъ таковыхъ, какъ Юмъ, Фергюсонъ, Робертсонъ; нѣмцы укажутъ на Виланда, Лессинга, Гете, Шиллера; а мы развѣ не въ правѣ гордиться нашимъ Державинымъ, котораго природа одарила геніемъ удивительнымъ, а случайность предохранила въ воспитаніи отъ робкаго, изнѣженнаго вкуса французовъ? Такъ, я смѣло утверждаю, что Державинъ много обязанъ незнанію французскаго языка: опутанный цвѣтками, поддѣланными изъ атласа и тафты, не размахнулся бы никогда нашъ богатырь.

Я осмѣлился сказать: «робкій, изнѣженный вкусъ», и къ этой смѣлости прибавляю еще дерзость утверждать сказанное. Всѣ художества основаны на подражаніи природѣ: очарованіе ихъ состоитъ въ вѣрности сего подражанія, и тотъ художникъ наиболѣе выполнитъ необходимое условіе, который, избравъ предметъ, будетъ умѣть представить его взорамъ нашимъ въ изящнѣйшемъ его видѣ, т. е. придавъ ему тѣ украшенія, которыя сродны ему и естественны. Это французы называютъ embellir la nature—*украшать природу*: явная безсмыслица! ибо украшать природы невозможно; напротивъ того: лишнимъ тщаніемъ давать несродныя ей прикрасы значитъ портить ее,—то, что французы же въ художествахъ называютъ «genre maniéré», а я—изнѣженнымъ, жеманнымъ вкусомъ.

Превознесеніе французской литературы надъ всѣми прочими, по мнѣнію Археонова, происходитъ у насъ отъ знакомства съ первою, которое начинается еще въ дѣтскомъ возрастѣ, и отъ совершеннаго незнанія послѣднихъ, котораго мы не стыдимся. Мы и не можемъ знать ихъ, потому что не знаемъ другихъ языковъ, кромѣ французскаго,

Хочешь ли имѣть основательное понятіе о свойствахъ, преимуществахъ и недостаткахъ народовъ, наиболѣе въ письменахъ отличившихся? Сперва учись ихъ языкамъ. Прочитай Данта на италіянскомъ, Сервантеса на

испанскомъ, Шекспира на англійскомъ, Шиллера на нѣмецкомъ: тогда ты пріобрѣтешь нѣкоторое право произносить надъ ними приговоръ, и тогда конечно ты не скажешь подобно тому, что я читалъ въ одномъ изъ нашихъ журналовъ: «долго ли нѣмцамъ быть педантами»?... Долго ли намъ быть невѣждами и бранить то, что мы не разумѣемъ! Мы привыкли ко всему прикладывать французскій масштабъ, и что нейдетъ къ нему въ-мѣру,—отбрасывать, какъ недостойное сравненія: такимъ образомъ и Шиллеръ провинился предъ нами, и именно въ томъ, что онъ не соблюдалъ необходимой (для насъ только) благопристойности—представить героевъ своихъ въ видѣ французскихъ маркизовъ, Я такъ за это его не виню и, обращаясь къ тому, съ чего началъ, скажу, что вкусъ изнѣженности у французовъ господствуетъ вездѣ, даже и въ лучшихъ ихъ писателяхъ. Не говоря о другихъ, довольно сказать, что и Расинъ не избавился отъ заразы: Пирръ въ Андромахѣ его, Ахиллесъ въ Ифигеніи, Ипполитъ въ Федрѣ, Неронъ въ Британникѣ—не тѣ идеалы, которые мы воображаемъ по начертаніямъ въ Гомерѣ, Виргиліи, Эврипидѣ и Тацитѣ. Они чрезвычайно хороши у Расина, можно сказать прелестны, но все-таки изъ подъ-палліи или тоги выказываются у нихъ французскіе красные каблучки. Когда же Расинъ, великій Расинъ, не ушелъ отъ упрека въ *изнѣженности*, то что же сказать о другихъ? ума много, а изящной природы, во всей очаровательной ея простотѣ, нѣтъ ни въ одномъ. Вездѣ натяжка; нигдѣ нѣтъ цвѣтовъ, которые мы видимъ въ природѣ: наблюдатель строгій тотчасъ догадается, что картина простой сельской жизни писалась въ парижскомъ будуарѣ, а Ѳеокритовы пастухи срисованы въ оперѣ съ танцовщиковъ. И быть иначе не можетъ. Французы осуждены писать въ одномъ Парижѣ; внѣ столицы имъ не дозволяется имѣть ни вкуса, ни дарованій: то какъ же имъ познакомиться съ природою, которой ничего нѣтъ противоположнѣе, какъ большіе города? Напротивъ того, въ нѣмецкой землѣ писатели рѣдко живутъ въ столицахъ; большая часть ихъ разсѣяна по маленькимъ городамъ, а нѣкоторые изъ нихъ цѣлую жизнь свою провели въ деревняхъ: за то они знакомѣе съ природою, и за то между тѣмъ какъ Фоссъ начерталъ прелестную «Луизу» свою въ Эйтинѣ, подражатель приторнаго Флоріана въ Парижѣ, смотря въ окно на грязную улицу, описываетъ испещренные цвѣтами андалузскіе луга, или пышно рисуетъ цѣпь Пиренейскихъ горъ, глядя съ чердака на Мормартръ.

Указать невѣжественное пристрастіе и объяснить его причины не значитъ еще исправить его. Оно и неисправимо въ тѣхъ, которые ничего другаго не читали, кромѣ французскаго, ничему другому не учились, какъ только по французски. Убѣждать ихъ напрасно: они отживутъ свой вѣкъ, какъ его начали и какъ его продолжаютъ. Чтобъ искоренить зло, которое не ограничивается односторонностью литературныхъ сужденій, надобно дѣйствовать не на поколѣніе, заматорѣлое въ галломаніи, а на юношество. Главное же къ тому средство — перемѣна учебной нашей методы:

Учиться новѣйшимъ языкамъ не только можно, да и похвально; но французскому оставаться у насъ классическимъ такъ, какъ онъ былъ до сихъ поръ, это значитъ тоже, что убивать природныя наши способности, и доколѣ это продолжится, мы будемъ оставаться въ сущемъ младенче-

ствѣ на поприщѣ ученія. Ни одна изъ новѣйшихъ литературъ не усовершенствовалась отъ подражанія новѣйшимъ же: всѣ онѣ, безъ изъятія, почерпнули красоты свои въ единственномъ и неизсякаемомъ источникѣ всего изящнаго — у грековъ и римлянъ. Для того и намъ пора бы приняться за настоящее дѣло, и потому я смѣло скажу и всегда говорить буду, что пока мы не будемъ учиться, т. е. посвящать все время перваго возраста, отъ 7 до 15 лѣтъ, на изученіе греческаго или, по крайней мѣрѣ, латинскаго языка, вмѣстѣ съ русскимъ, основательно, эстетически, — до тѣхъ поръ мы, большая часть толпы, будемъ не говорить, а болтать, не писать, а лишь марать бумагу.

Представленныя нами сужденія Муравьева-Апостола не удивятъ теперь никого, по своей общеизвѣстности. Но они имѣли достоинство важной и смѣлой новизны, за пятьдесятъ лѣтъ до нашего времени. Тогда нельзя было назвать ихъ азбукой науки. Тогда и въ стѣнахъ московскаго университета передавалось слушателямъ почти тоже самое, что журнальная критика принимала въ основу своихъ приговоровъ о литературѣ. Сохацкій и Мерзляковъ, руководители юношества въ изученіи изящнаго и въ способахъ его оцѣнивать, не смотри на основательное знаніе древнихъ языковъ и слѣдовательно на возможность непосредственнаго знакомства съ классическими образцами, не могли вполнѣ отрѣшиться отъ французскаго устава поэзіи. Сохацкій старался соединять этотъ уставъ съ воззрѣніями Винкельмана, а Мерзляковъ съ психологической теоріей Эшенбурга. Оба они были эклектики. Устранивъ односторонность французской теоріи, они не замѣнили ее другимъ началомъ, положительно-твердымъ и единымъ. На ихъ взглядъ, новыя движенія словесности, выступавшія изъ круга, обведеннаго Гораціемъ и Буало, были болѣзненными припадками времени. И тотъ и другой съ неудовольствіемъ относились къ романтическому направленію. Послѣдній не признавалъ и поэзіи Пушкина, потому только, что не могъ подогнать ее подъ мѣрку французскихъ понятій объ искусствѣ. Позднѣе писемъ Муравьева, рѣшая вопросъ: «отъ чего такъ долго и постоянно опера «Мельникъ» (Аблесимова) удерживается на театрѣ?» Мерзляковъ высказалъ свою преданность разъ навседа усвоенной теоріи. Успѣхъ «Мельника» объясняется не тѣмъ, что она «сочинена въ русскихъ нравахъ», какъ тогда говорили, а тѣмъ, что эта піеса, подобно всѣмъ лучшимъ трагедіямъ и комедіямъ, вполнѣ оправдываетъ законы Аристотеля, наставленія Горація и Буало, и вообще правила науки о вкусѣ. Поэтому Муравьевъ-Апостолъ не ошибался, полагая, что мнѣнія Археонова будутъ сочтены ересью, которая напугаетъ даже умныхъ людей, не только тѣхъ, у кого «пружины языка проведены къ ушамъ безъ всякаго сношенія съ мозгомъ.»

Опасеніе его оправдалось. Очень умный человѣкъ, Д. В. Дашковъ, разсердился на Муравьева, какъ видно изъ письма его къ кн. П. А. Вяземскому (25 іюня 1814 г.): «Письмо о московскомъ праздникѣ ([1]) тотчасъ было мною послано къ издателю Сына Отечества и, по увѣдомленію его, уже напечатано. Каково напечатано, ради Бога у меня не спрашивайте: со времени *проклятаго письма Муравьева о словесности*, отъ котораго точно у меня желчь разлилась въ первый разъ, я не беру въ руки его пасынка» (т. е. Сына Отечества) ([2]). Что же такъ сильно взволновало Дашкова? Сужденія Муравьева не могли казаться ему ни софистическими, ни небывалыми въ нашей литературѣ. Задолго до «писемъ въ Нижній Новгородъ», Карамзинъ говорилъ о французской трагедіи тоже самое, что они говорятъ о французской словесности вообще: Корнель, Расинъ и Вольтеръ поставлены имъ ниже Шекспира и Шиллера. Объяснять неудовольствіе Дашкова единственно духомъ партіи едва ли будетъ справедливо: члены «Бесѣды» до того времени большею частію возбуждали въ немъ смѣхъ, но не портили его крови. Была, слѣдовательно, иная причина непріятнаго чувства, произведеннаго письмомъ о словесности. Эта причина, какъ я думаю, заключается въ отношеніи писемъ къ литературному дѣлу Карамзина и его послѣдователей. Изъ критическихъ замѣтокъ Муравьева оказывается, что онъ не признавалъ полезнаго значенія ни за новымъ слогомъ, ни за новымъ направленіемъ литературы. То и другое почиталъ онъ явленіемъ поверхностнымъ, ложнымъ въ своемъ началѣ, вреднымъ въ послѣдствіяхъ, и потому относился къ нему съ видимымъ равнодушіемъ, безъ всякаго уваженія. Ни разу не упомянулъ онъ писателя, котораго имя уже сдѣлалось общеизвѣстнымъ: только Державинъ заслужилъ почетнаго сравненія съ богатыремъ. Большинство критиковъ утверждало, что Карамзинъ создалъ новую литературную рѣчь, а «Письма» доказываютъ, что книжнаго языка у насъ еще нѣтъ и до тѣхъ поръ не будетъ, пока мужчины не получатъ классическаго воспитанія, а женщины не научатся новѣйшимъ языкамъ для того только, чтобы читать на нихъ. По мнѣнію Муравьева, нашей словесности нужно не то, что далъ ей

---

[1]) Письмо изъ Москвы (описаніе праздника, даннаго въ Москвѣ 17 мая 1814 г., по случаю занятія Парижа русскими войсками, съ приложеніемъ пѣтыхъ въ этотъ вечеръ стихотвореній кн. П. А. Вяземскаго и В. Пушкина). Сынъ От. 1814, № 26.

[2]) Рус. Арх. 1866, № 8.

Карамзинъ: ей нужна классическая основа, то есть изученіе древнихъ языковъ, чтеніе греческихъ и римскихъ писателей, подражаніе имъ въ собственныхъ сочиненіяхъ. Такого фундамента не могъ заложить Карамзинъ, чуждый классическаго образованія. Еще меньше слѣдовало возлагать надежду на силы его послѣдователей, большею частію получившихъ одностороннее французское образованіе. Вотъ что думалъ Муравьевъ, подкрѣпляя свои мысли доводами, которые выказывали въ немъ человѣка многознающаго, не дилетанта въ наукѣ, а дѣйствительно ученаго. Съ такимъ соперникомъ трудно было бороться: отсюда раздраженіе.

Основныя мысли Муравьева-Апостола вошли въ «Разсужденіе Гнѣдича о причинахъ, замедляющихъ успѣхи нашей словесности» (1814) ([1]). Авторъ его рѣшаетъ вопросъ: «отъ чего, при такомъ множествѣ выходящихъ у насъ книгъ, мы такъ мало видимъ хорошихъ переводовъ, даже выборовъ для нихъ хорошихъ»? Конечно, не отъ скудости и слабости дарованій, на которыя русскій человѣкъ не можетъ жаловаться, а отъ того, что мы дурно пользуемся дарами природы, т. е. не развиваемъ ихъ ученіемъ, не упражняемъ искусствомъ. Что же надобно изучать для успѣховъ нашей словесности, гдѣ искать правилъ для искусства хорошо выражать свои мысли? «Отъ временъ Рима и до нашихъ, во всѣхъ странахъ Европы и у насъ, образованіе языка тогда только начиналось, когда писатели знакомились съ языками древнихъ; а успѣхи тамъ только быстрѣе возрастали и словесность народную возвысили до совершенства, гдѣ писатели основательно изучали творенія древнихъ, признанныя образцами превосходнаго первымъ законодателемъ вкуса: «читайте образцы греческіе, читайте ихъ денно и нощно, говоритъ Горацій». Указавъ единственныя пособія, образующія и совершенствующія писателя, Гнѣдичъ съ горестью замѣчаетъ, что изученіе древнихъ языковъ у насъ или вовсе не существуетъ, или находится въ крайнемъ небреженіи. Отсюда, по его мнѣнію, и происходитъ печальное состояніе русской словесности: поэтическія свѣдѣнія нашихъ молодыхъ литераторовъ ограничиваются миѳологическимъ словаремъ, а научныя—словаремъ историческимъ; французская словесность служитъ для нихъ исключительнымъ образцомъ. А если бы древность, общая наставница просвѣщенныхъ народовъ, была и нашею наставницею,—мы спаслись бы отъ многихъ заблужденій Вандаловъ (французовъ), омрачившихъ Европу, отъ варварскаго вкуса Готтовъ, обременившаго ея поэзію

[1]) Читано 2 января 1814 г. въ торжественномъ собраніи И. П. Библіотеки, по случаю ея открытія. Напечатано въ «Описаніи этого открытія» и отдѣльной брошюрой.

варварскими цѣпями; не бряцали бъ великолѣпныхъ одъ своихъ на готическихъ лирахъ; не основывали бъ своей эпопеи на скудномъ зданіи поэмы французской; не дѣлали бъ нашего театра зрѣлищемъ однихъ любовныхъ приключеній; не дали бъ иностранцамъ упредить насъ глубокими познаніями и изысканіями нашей исторіи. Конечный выводъ «Разсужденія» тождественъ съ главнымъ тезисомъ Муравьева: словесность наша никогда не достигнетъ совершенства, если не будетъ у насъ классическаго ученія и если въ обществахъ мы не станемъ говорить по-русски.

Гнѣдичъ былъ откровеннѣе Муравьева-Апостола въ указаніи недостатковъ или темныхъ пятенъ нашей словесности. «Письма въ Нижній-Новгородъ» ратуютъ противъ пристрастія русскихъ къ французскому языку и французскимъ писателямъ, а «Разсужденіе», кромѣ того, затрогиваетъ и другія направленія современной литературы, видя въ нихъ свидѣтельства дурнаго вкуса. На ряду съ развращенною философіей (XVIII вѣка), оно осуждаетъ метафизическую поэзію, заимствованную у нѣмцевъ, приторную чувствительность и меланхолію—болѣзни новыхъ стихотворцевъ, и подобныя тому «странности, не имѣющія ни роду, ни имени, занятія праздности и лѣни, которыя внушаетъ дурной вкусъ, но которымъ прихоть и мода даютъ иногда въ обществахъ торжество кратковременное». Критика Гнѣдича могла возбудить неудовольствіе въ извѣстнѣйшихъ писателяхъ того времени. Онъ не упомянулъ даже имени Жуковскаго, который имѣлъ право принять на свой счетъ метафизическую поэзію и маланхолію. Карамзинъ не признается образователемъ желаннаго средняго слога. Понятно, что нѣкоторые карамзинсты недружелюбно относились къ Гнѣдичу, какъ литератору инаго образа мыслей. Графъ Блудовъ, въ письмѣ къ Дмитріеву, замѣтилъ, что въ домѣ Олениныхъ удивляются только Гнѣдичу, какъ въ Бесѣдѣ—Шихматову, а въ Москвѣ—Мерзлякову; Жуковсбій въ шутку прозвалъ Гнѣдича «гнѣдко», примѣнивъ къ его гексаметрамъ стихъ изъ «Овсянаго киселя»:

Вотъ и *гнѣдко* потащился на мельницу съ возомъ тяжелымъ.

Съ вопросомъ о важности изученія классическихъ писателей неизбѣжно соединялся вопросъ о способахъ переводить ихъ. Послѣдній разъясненъ С. С. Уваровымъ, почерпавшимъ свои доводы не изъ одного знакомства съ образцами, но также изъ нѣмецкой науки, которую онъ зналъ основательно. Состояніе современной филологіи и эстетики было ему извѣстнѣе, чѣмъ Муравьеву-Апостолу и Гнѣдичу. Онъ въ надлежащемъ свѣтѣ показалъ отношеніе формы къ идеѣ въ поэтическихъ созданіяхъ, — отношеніе, опре-

дѣляемое самою сущностью искусства. Свои мнѣнія объ этомъ предметѣ онъ высказалъ по случаю первыхъ опытовъ русскаго переложенія Иліады, предпринятаго Гнѣдичемъ. Извѣстно, что первыя шесть пѣсенъ этой поэмы, переведенныя Костровымъ, напечатаны 1787 г. Трудъ его, какъ человѣка «благоискуснаго въ красотахъ отечественной словесности», уважался многими и дѣйствительно заслуживалъ уваженія. Гнѣдичъ началъ съ 7-ой пѣсни, выбравъ для перевода, въ подражаніе своему предшественнику, александрійскій стихъ, которымъ и перевелъ четыре пѣсни съ половиной [1]. Въ 1811 г. нашлось продолженіе перевода Кострова, именно пѣсни 7, 8 и половина 9-ой [2]. Это открытіе не остановило Гнѣдича, но онъ уже сознавалъ бѣдность выбраннаго имъ стихотворнаго размѣра и невозможность передать имъ въ точности красоты подлинника, хотя и не осмѣливался прибѣгнуть къ гексаметру, почитая его несвойственнымъ русской просодіи, послѣ Тилемахиды. Сомнѣнія его были разсѣяны Уваровымъ, по настоянію котораго онъ рѣшился замѣнить однобразный шестистопный ямбъ героическихъ стихомъ грековъ. Письмо Уварова къ Гнѣдичу о греческомъ гексаметрѣ [3] содержить въ себѣ также умныя сужденія о слѣпомъ подражаніи нашихъ поэтовъ французамъ, благодаря которому мы усвоили не только иноземныя идеи, но даже иноземныя формы. Подражаніе идетъ отъ Ломоносова. Увлеченный общимъ въ его время предубѣжденіемъ, онъ написалъ двѣ пѣсни поэмы «Петръ Великій» шестистопными ямбами, хотя самъ, въ «Письмѣ о правилахъ россійскаго стихотворства», наилучшею формою стиховъ почитаетъ гексаметръ. Съ тѣхъ поръ всѣ роды нашей словесности подчинились французскому вліянію: прежде чѣмъ образовался нашъ театръ, мы стали строго соблюдать правила лжеклассической трагедіи и комедіи; характеръ, постройку и стихотворную форму одъ мы заимствовали у Малерба и Руссо. Чтобы высвободиться изъ-подъ ига, необходимо знать древность. Для распространенія этого знанія существуютъ два средства: правильное изученіе древнихъ языковъ и хорошіе переводы лучшихъ классическихъ писателей. Обращаясь за тѣмъ къ гексаметру, Уваровъ ставитъ общее положеніе, что версификація каждаго народа соотвѣтственна образу его мысли и генію его языка. Поэтому стихосложеніе грековъ есть одна изъ важнѣйшихъ красотъ ихъ поэзіи: каждый поэтическій родъ имѣлъ свой размѣръ, каждый размѣръ — не только свои законы и пра-

---

[1]) Переводъ 7-ой пѣсни изданъ отдѣльно (1809), а 8-ой нап. въ 5 кн. Чтенія въ Бесѣдѣ (1812).

[2]) Нап. въ В. Евр. 1811, №№ 14 и 15.

[3]) Чтеніе въ Бесѣдѣ, кн. 13 (1813).

вила, но, такъ сказать, свой духъ и свой языкъ. Эпопеѣ былъ предоставленъ гексаметръ—ясный, плавный, богатый измѣненіями, гармоническій. Онъ также служилъ эпическимъ стихомъ у римлянъ. Изъ новыхъ народовъ, французы, по свойству языка своего, неспособнаго къ поэзіи, принуждены были метрическую систему грековъ замѣнить другою, въ которой не расположеніе слоговъ, а число ихъ принимается въ расчетъ, и риѳма служитъ прикрытіемъ бѣдности склада. У нихъ-то явился александрійскій стихъ—совершенная противоположность гексаметру: сухой, монотонный, съ невольнымъ удареніемъ на полустишіи. «Когда вмѣсто плавнаго, величественного гексаметра, говоритъ авторъ, я слышу скудный и сухой александрійскій стихъ, риѳмою прикрашенный, то мнѣ кажется, что я вижу божественнаго Ахиллеса во французскомъ платьѣ... Прилично ли намъ, имѣющимъ изобильный, метрической просодіею наполненный языкъ, заимствовать у иноземцевъ бѣднѣйшую часть языка ихъ, просодію, совершенно намъ несвойственную?... Если нѣмцы, владѣя языкомъ весьма непокорнымъ, достигли до того, что имѣютъ хорошіе и вѣрные метрическіе переводы, зачѣмъ намъ, русскимъ, не имѣть наконецъ перевода Омера гексаметрами?» Въ возможности русскихъ гексаметровъ Уваровъ убѣждается первыми памятниками нашего стихотворства, основаннаго на весьма опредѣленномъ произношеніи *долихъ* и *краткихъ* слоговъ: надобно только воскресить просодію этого древне-русскаго стихотворства.

Въ отвѣтѣ своемъ Гнѣдичъ изложилъ формы гексаметрическихъ измѣненій, чтобы показать превосходство эпическаго стиха древнихъ предъ александрійскимъ, и приложилъ опытъ перевода изъ 6-ой пѣсни Иліады гексаметрами (¹). Ни этотъ опытъ, ни мнѣніе Уварова не понравились Капнисту (автору Ябеды), не знавшему, по его собственнымъ словамъ, древнихъ языковъ, да и въ новѣйшихъ не очень искусному. Въ письмѣ къ Уварову (²) онъ старался доказать, что гексаметръ въ русскомъ языкѣ существовать не можетъ, такъ какъ онъ долженъ непремѣнно оканчиваться спондеемъ, а спондеевъ у насъ очень мало, да и тѣ противны русскому уху. Вмѣсто слѣпаго подражанія древнимъ, онъ совѣтуетъ, для усовершенствованія русскихъ стиховъ, искать свойственнаго имъ, пріятнѣйшаго склада—въ народныхъ пѣсняхъ. Совѣтъ подкрѣпленъ переводомъ отрывка изъ Иліады размѣромъ пѣсни: «какъ

¹) Чтеніе, кн. 3 (1813).
²) ib., кн. 17 (1815).

бывало у насъ, братцы, черезъ темный лѣсъ» (хореями съ дактилическимъ окончаніемъ, по образцу сказки Карамзина: «Илья Муромецъ»).

Возраженія Капниста были опровергнуты Уваровымъ ([1]), который выражалъ мнѣніе, для многихъ тогда новое, но въ другихъ литературахъ, особенно въ нѣмецкой, общепринятое, какъ согласное съ понятіемъ о внѣшней формѣ поэтическихъ созданій. Уваровъ находитъ даже страннымъ защищать Гомера: это значило бы оправдывать его въ томъ, что онъ родился въ Греціи и воспѣвалъ троянскую войну. Стихосложеніе Гомерово есть совершеннѣйшій плодъ эпической поэзіи или, лучше сказать, источникъ оной, почему Аристотель и называетъ ее «повѣствующею и гексаметрами изображающею». Мнѣніе, будто мы не можемъ имѣть этого стиха потому, что у насъ нѣтъ спондеевъ, несправедливо: Уваровъ доказываетъ своему противнику, что не спондей, а дактиль есть истинная основа гексаметра, который весьма часто оканчивается хореемъ. Если и невозможно образовать настоящаго гексаметра, со всѣми отличіями, какія онъ представляетъ у древнихъ грековъ, то все же лучше пожертвовать нѣкоторою метрическою строгостью, какъ это и сдѣлали нѣмцы, нежели отказаться отъ надежды обогатить нашу просодію превосходнѣйшимъ размѣромъ, вполнѣ соотвѣтствующимъ широкому, безграничному потоку эпическаго творенія. Переходя за тѣмъ къ предполагаемому переводу Иліады размѣромъ народныхъ русскихъ пѣсенъ, Уваровъ обличаетъ несостоятельность такого намѣренія, какъ несогласнаго ни съ понятіемъ о художественномъ воспроизведеніи образцовъ (со всѣми отличіями времени, мѣста и народнаго характера), ни съ понятіемъ о самой сущности поэтическихъ твореній, въ которыхъ идея и форма составляютъ единое и нераздѣльное:

Не въ томъ дѣло состоитъ, чтобъ написать поэму съ поэмы или чтобъ сохранить впечатлѣніе, производимое чтеніемъ Омера или всѣхъ древнихъ вообще надъ нѣсколькими только читателями. Мы должны стараться утвердить впечатлѣніе, производимое чтеніемъ ихъ надъ всѣми просвѣщенными умами, слѣдственно представить *отпечатокъ* творенія Омерова въ духѣ оригинала, съ его формами и со всѣми оттѣнками, такимъ образомъ, чтобъ мы имѣли въ глазахъ не Кострова, не Гнѣдича, но Омера—Омера въ яснѣйшемъ созерцаніи его красоты, Омера въ томъ видѣ, въ какомъ онъ плѣнялъ законодателя Спарты, побѣдителя Азіи, Александрійскихъ мудрецовъ и весь, однимъ словомъ, блистательный рядъ его любителей въ древнемъ и новомъ мірѣ. Вотъ въ какомъ отношеніи могутъ древніе дѣйствовать надъ нами. Но чтобъ достигнуть сей цѣли, чтобъ распростра-

[1]) Въ отвѣтѣ Капнисту (ib).

нить благодѣтельное ихъ вліяніе, необходимо нужно признать первымъ правиломъ, что *формы* въ поэзіи неразлучны съ *духомъ*; что между формами и духомъ поэзіи находится таже самая таинственная связь, какъ между тѣломъ и душою; что обоюдное ихъ вліяніе и дѣйствіе—формы на мысль, а мысли на форму — такъ тѣсны, что никакъ нельзя опредѣлить истинныхъ границъ ихъ, а еще менѣе расторгнуть ихъ союзъ, не жертвуя тою или другою. Союзъ сей въ поэзіи древнихъ еще сильнѣе, нежели въ стихотвореніяхъ новѣйшихъ народовъ. Въ греческой поэзіи всѣ формы изобрѣтены такъ счастливо, опредѣлены такъ глубокомысленно, что составъ ихъ служитъ путеводителемъ въ хранилище генія древности. Кто не чувствуетъ изящности стопосложенія Омера, Эсхила, Теокрита, Анакреона, тотъ теряетъ половину ихъ красотъ.... Если доказано будетъ, что гекзаметрами переводить намъ Омера не можно, то я бы скорѣе предпочелъ *переводъ въ прозѣ*. Омеръ въ русскомъ зипунѣ столько же мнѣ противенъ, какъ и во французскомъ кафтанѣ. Переводить Иліаду русскимъ народнымъ размѣромъ еще хуже, чѣмъ переводить александрійскими стихами: ибо сей послѣдній стихъ, по большому употребленію, принадлежитъ *всѣмъ* и занимаетъ мѣсто героическаго стиха во *всѣхъ* почти новѣйшихъ языкахъ.

Въ заключеніи письма, снова подтверждена необходимость образовать метрическую просодію, на геніи языка основанную, какъ она уже существовала въ нашемъ древнемъ стихотворствѣ: нужно только воскресить его. Наконецъ указаны способы для благоуспѣшнаго развитія отечественной словесности:

Безъ основательныхъ познаній и долговременныхъ трудовъ въ древней словесности никакая новѣйшая существовать не можетъ; безъ тѣснаго знакомства съ другими новѣйшими мы не въ состояніи обнять все поле человѣческаго ума — обширное и блистательное поле, на которомъ всѣ предубѣжденія должны бы умирать и всякая ненависть гаснуть; но безъ собственныхъ формъ, языку нашему свойственныхъ, намъ никогда нельзя имѣть истинно-народной словесности. И такъ, на изысканіе сихъ формъ мы должны употребить всевозможное стараніе.

Въ слѣдствіе споровъ между Уваровымъ и Капнистомъ, Гнѣдичъ рѣшился перевести «Иліаду» размѣромъ подлинника: онъ взялъ смѣлость «отвязать отъ позорнаго столба стихъ Гомера и Виргилія, прикованный къ нему Тредьяковскимъ». За Уваровымъ и Капнистомъ слѣдовали другіе литераторы, принявшіе участіе въ спорѣ о гексаметрахъ. Одни доказывали, что гексаметръ рѣшительно несвойственъ нашему языку и не можетъ быть замѣненъ никакимъ другимъ размѣромъ; другіе, напротивъ, утверждали, что просодія наша способна къ полному и точному воспроизведенію древняго героическаго стиха; третьи, держась средняго мнѣнія, думали, что хотя у насъ нѣтъ настоящаго гексаметра, однакожъ мы имѣемъ средства образовать стихъ, ему подобный и могущій, въ случаѣ надобности, замѣнять его.

Отъ сужденій слѣдовало перейти къ опытамъ, которые своимъ достоинствомъ показали бы ихъ состоятельность и вѣрность. Первымъ капитальнымъ опытомъ былъ переводъ Иліады—добросовѣстный, двадцатилѣтній трудъ Гнѣдича (1784—1833), тѣмъ болѣе заслуживающій уваженія, что онъ начатъ и конченъ при обстоятельствахъ мало для него благопріятныхъ.

Переводчику предстояли большія трудности въ совершеніи задуманнаго имъ подвига.

Главнѣйшая изъ нихъ есть общая для всѣхъ поэтовъ, которые рѣшались воспроизвести Гомера на своемъ языкѣ. Истинно-изящный, художественный переводъ поэтическаго созданія обязанъ сохранить неизмѣннымъ не только его содержаніе, но и тонъ, характеръ, духъ его, опредѣляемый взаимнымъ отношеніемъ содержанія и формы. Это отношеніе должно во всей чистотѣ и ясности явиться на языкѣ перевода такимъ же, какимъ оно явилось на языкѣ подлинника. Если художественно-вѣрная передача ново-европейскаго поэтическаго произведенія, близкаго намъ по идеямъ, характеру и изложенію, требуетъ большаго искусства, то несравненно труднѣе имѣть дѣло съ твореніемъ вполнѣ народнымъ, отдаленнымъ отъ насъ на тридцать вѣковъ, изображающимъ совершенно чуждую намъ жизнь. Гнѣдичъ вѣрно сознавалъ эту трудность: онъ опредѣляетъ ее «непрерывной борьбой переводчика съ собственнымъ духомъ, съ собственною внутреннею силою, которыхъ свободу должно обуздывать на каждомъ шагу, ибо выраженіе оной было бы совершенно противоположно духу Гомера». Такое всецѣлое, никогда не выпускаемое изъ виду отрѣшеніе отъ собственной личности, или, что одно и тоже, такое всецѣлое соблюденіе объективности есть идеалъ, къ которому необходимо стремиться, но который достигается только до извѣстнаго предѣла. Большею или меньшею мѣрою предѣла и опредѣляется болѣе или менѣе удовлетворительное выполненіе задачи. Проникнуть въ духъ подлинника можно путемъ долговременнаго его изученія, даже безъ помощи высокаго поэтическаго таланта; но чтобы воспроизвести этотъ духъ въ переводѣ, одной науки недостаточно: надобно быть истиннымъ художникомъ. Къ сожалѣнію, Гнѣдичъ не владѣлъ высокимъ поэтическимъ дарованіемъ, хотя его рачительное изученіе подлинника не подлежитъ спору.

Кромѣ борьбы съ собственнымъ духомъ, Гнѣдичъ велъ еще борьбу и съ греческимъ языкомъ, съ его богатыми, разнообразными формами и оборотами. Для перевода Гомеровой поэмы необходимо было создать эпическій складъ, по возможности равносильный складу подлинника, чтобы на чуждомъ языкѣ она возбуждала въ читателѣ

тоже настроеніе, какое производила на языкѣ родномъ. Гнѣдичъ хорошо чувствовалъ и эту трудность, тѣмъ болѣе, что онъ началъ поздно изучать греческій языкъ, почему и не успѣлъ усвоить его въ совершенствѣ, но въ тоже время видѣлъ, что русскій переводчикъ найдетъ средство для побѣды надъ ней въ своемъ языкѣ — богатомъ, гибкомъ, просодическомъ, обладающемъ драгоцѣннѣйшимъ свойствомъ, особенно для перевода съ греческаго, *свободнымъ словорасположеніемъ*. «Я былъ вѣренъ Гомеру», говоритъ онъ, «и, слѣдуя умному изреченію: *должно переводить нравы, такъ же какъ и языкъ*, я ничего не опускалъ, ничего не измѣнялъ. У великихъ писателей есть такія выраженія, которыхъ сила, хорошо чувствуемая, болѣе, нежели цѣлая книга, даетъ понятіе о лицѣ, которое произноситъ ихъ, или о народѣ, который ихъ употребляетъ. Дѣлая выраженія греческія русскими, должно было стараться, чтобы не сдѣлать русскою мысли Гомеровой, но что еще болѣе—не украшать подлинника. Очень легко украсить, а лучше сказать—подкрасить стихъ Гомера краскою нашей палитры: и онъ покажется щеголеватѣе, пышнѣе, лучше для нашего вкуса; но несравненно труднѣе сохранить его Гомерическимъ, какъ онъ есть, ни хуже, ни лучше. Вотъ обязанность переводчика, и трудъ, кто его испыталъ, не легкій. Квинтиліанъ понималъ его: facilius est plus facere, quam idem (легче сдѣлать болѣе, нежели тоже) (¹)».

Послѣдняя трудность—самый стихъ, гексаметръ, еще мало обработанный русскими поэтами въ то время, когда Гнѣдичъ принялся за переводъ Гомера. Извѣстно, что разсужденія Тредьяковскаго о свойствахъ героическаго метра древнихъ гораздо лучше, чѣмъ самый метръ, употребленный имъ, впервые, въ Тилемахидѣ. Въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія Востоковъ представилъ опыты стихотворныхъ размѣровъ, между прочимъ и гексаметра, взятыхъ, по примѣру нѣмцевъ, съ латинскаго и греческаго. Но первенство приложенія гексаметра къ переводу древняго эпоса, равно какъ и обработка этого стиха, не имѣвшаго почти образцовъ и неустроеннаго, безспорно принадлежатъ Гнѣдичу. Поэтому онъ справедливо смотрѣлъ на Жуковскаго и Дельвига, какъ на своихъ послѣдователей, хотя и очень скромно отзывался о самомъ себѣ: «если мои собственныя усилія несчастны, по крайней мѣрѣ послѣдствія не безплодны».

Изложивъ, въ предисловіи къ своему труду, условія, при которыхъ переводъ Гомера становится вѣрнымъ и вмѣстѣ художественнымъ, Гнѣдичъ не вполнѣ ихъ выдержалъ, и потому его переводъ,

¹) Предисловіе къ Иліадѣ.

при существенныхъ достоинствахъ, имѣетъ и недостатки. Главное достоинство его—точность, не исключающая художественности, по крайней мѣрѣ въ извѣстной степени. Главный недостатокъ его—отсутствіе простоты: переводчикъ сообщилъ гомерическимъ пѣснямъ какую-то торжественность, настроилъ ихъ на риторическій тонъ, чему особенно способствовало излишнее и не всегда разборчивое употребленіе славянскихъ словъ и оборотовъ. Справедливо упрекая современное ему общество въ предвзятыхъ понятіяхъ о древности, Гнѣдичь не могъ однакожъ освободиться отъ обычнаго мнѣнія, будто искуственная важность тона есть необходимая принадлежность эпоса. Языкъ перевода, вообще крѣпкій и мужественный, иногда тяжелъ: стараясь о вѣрнѣйшемъ воспроизведеніи подлинника, переводчикъ тѣмъ самымъ повредилъ конструкціи и характеру родной рѣчи.

Великая заслуга Гнѣдича не была и не могла быть оцѣнена современною ему публикой, по недостатку знакомства съ древнею поэзіей и слѣдовательно по невозможности постигать красоты ея, даже въ средѣ литераторовъ, которые очень часто произносили имя Гомера, но большинство ихъ не читало ни Иліады, ни Одиссеи, не только въ подлинникѣ, даже во французскомъ переводѣ ([1]). О нелитературныхъ кругахъ и упоминать нечего. «Древняя тьма лежитъ на рощахъ русскаго Ликея», говоритъ Гнѣдичъ: «у насъ нѣтъ еще никакихъ руководствъ къ понятіямъ справедливымъ о древности, и слѣдственно къ чтенію древнихъ писателей съ удовольствіемъ и пользою»,—не то что въ Германіи, гдѣ «изученіе Гомера такъ же тѣсно соединено съ воспитаніемъ юношества, какъ могло быть у Грековъ. Наши учители до сихъ поръ головы героевъ Гомеровыхъ ненаказанно украшаютъ перьями, а руки вооружаютъ сталью и булатомъ. И мы, ученики ихъ, оставляемые учителями въ понятіяхъ о древности, совершенно превратныхъ, удивляемся, что Гомеръ своихъ героевъ сравниваетъ съ мухами, богинь съ птицами; сожалѣемъ о переводчикахъ его, которые такими дикостями оскорбляютъ вкусъ нашъ. *Надобно подлинникъ приноравливать къ странѣ и вѣку*, въ которомъ пишутъ: такъ нѣкогда думали во Франціи и Англіи; такъ еще многіе не перестали думать въ Россіи. У насъ еще господствуютъ тѣ одно-

[1]) Одинъ изъ немалыхъ тому примѣровъ—Хмѣльницкій, драматическій писатель. Онъ рѣшился прочесть Иліаду, во французскомъ переводѣ, только по настоянію своего пріятеля Катенина, человѣка образованнаго, не допускавшаго, что можно быть литераторомъ безъ положительнаго знакомства съ классическими образцами литературы. Хмѣльницкій признался ему, что онъ прочиталъ только четыре пѣсни. Скука страшная! говорилъ онъ: только и дѣло, что герои ругаются какъ извощики, да жрутъ барановъ.

сторонніе литературныя сужденія, которыя достались намъ въ наслѣдство отъ аббатовъ». Равнодушіе соотечественниковъ глубоко огорчило Гнѣдича, тѣмъ болѣе, что онъ, предвидя всѣ трудности своего подвига, имѣлъ право думать, что эти трудности были имъ преодолѣны по мѣрѣ силъ и что переводъ его, при всѣхъ недостаткахъ, долженъ занять въ нашей литературѣ такое же почетное, если не высшее, мѣсто, какое занимаетъ Фоссовъ переводъ въ литературѣ нѣмецкой. Утѣшеніемъ Гнѣдичу служили одобрительные, сочувственные отзывы хотя немногихъ, но просвѣщенныхъ любителей изящнаго. Пушкинъ въ томъ числѣ поэтически выразилъ впечатлѣніе, произведенное на него чтеніемъ перевода:

Слышу умолкнувшій звукъ божественной эллинской рѣчи;
Старца великаго тѣнь чую смущенной душой.

Сказавъ о переводѣ Иліады, мы не должны забыть перевода Аристофановой комедіи: «Облака» (1821). Переводчикъ, И. М. Муравьевъ-Апостолъ, издалъ его вмѣстѣ съ греческимъ текстомъ, снабдилъ подробными историко-филологическими примѣчаніями и въ предисловіи старался объяснить причины, которыя побудили аѳинскаго комика осмѣять Сократа. Хотя вопросъ объ отношеніи комедіи къ знаменитому философу рѣшается теперь иначе, но для насъ, въ сужденіяхъ переводчика, замѣчателенъ не самый отвѣтъ, а непредубѣжденный взглядъ на классическую древность. Переводчикъ ставитъ себѣ и другимъ за правило отрѣшиться отъ обычаевъ и предразсудковъ XIX вѣка, когда идетъ рѣчь о Перикловомъ вѣкѣ, забыть современныя «условныя понятія» о театральной пристойности, не имѣющей никакого сходства съ тѣмъ, что было терпимо на театрѣ въ Аѳинахъ. Умный знатокъ и любитель древности остался вѣренъ взглядамъ, изложеннымъ въ извѣстныхъ намъ «письмахъ». Онъ постоянно держалъ на умѣ зависимость искусства отъ времени и мѣста; отъ свойствъ народа и его исторіи: «при Людовикѣ XIV Аристофанъ былъ бы Мольеромъ, точно такъ какъ Мольеръ при Периклѣ, въ Аѳинахъ, не могъ бы ничѣмъ инымъ быть, какъ только Аристофаномъ. Вмѣнимъ ли мы сему послѣднему въ порокъ, что онъ принадлежалъ таковому вѣку, а не иному?» ([1]).

---

[1]) О Мерзляковѣ см. Біографич. словарь профессоровъ Москов. университета.

О Мартыновѣ: «И. И. Мартыновъ», двѣ статьи г. Колбасина (Соврем. 1856, № 3 и 4).

О Гнѣдичѣ въ 2-мъ т. моей Истор. хрестоматіи.

О Муравьевѣ-Апостолѣ (Иванѣ Матвѣевичѣ, род. 1765, ум. 1851): Отчетъ Акад. Н. по отдѣленію русск. языка и словесности (Журн. Мин. Нар.

*

§ 20. Знакомство съ поэтическою производительностью древняго и новаго міра, въ переводахъ или въ подражаніяхъ, раздвигало предѣлы нашей изящной литературы, указывая многоразличіе художественныхъ образцовъ и ослабляя пристрастіе къ французскому классицизму. Для дальнѣйшихъ ея успѣховъ необходимо было развитіе самостоятельной поэзіи, постигающей характеръ народной жизни и выражающей ее въ подлинномъ ея видѣ. Высокимъ ея проявленіемъ, равно удовлетворявшимъ и чувству народности, и другимъ требованіямъ образованнаго вкуса, были басни Крылова.

Иванъ Андреевичъ Крыловъ (1768—1844) родился въ Москвѣ, но первые годы дѣтства провелъ въ Оренбургѣ, по службѣ отца своего, бѣднаго армейскаго офицера, извѣстнаго храброю защитой Яицкой крѣпости отъ Пугачева. Съ окончаніемъ пугачевщины, отецъ его переселился на родину, въ Тверь, гдѣ занялъ мѣсто предсѣдателя губернскаго магистрата. Ему, конечно, а не матери, не знавшей даже грамоты, Крыловъ былъ обязанъ умѣньемъ читать и писать; дальнѣйшее образованіе получилъ онъ въ семействѣ предсѣдателя уголовной тверской палаты, Николая Петровича Львова, дяди Николая Александровича. Чтеніе книгъ, оставшихся по смерти отца (1780), служило другимъ образовательнымъ средствомъ, на этотъ разъ болѣе дѣйствительнымъ, чѣмъ уроки учителя: оно возбудило интересъ къ литературѣ и стремленіе къ авторству, такъ что на пятнадцатомъ году (1782) Крыловъ написалъ оперу «Кофейница», вѣроятно, въ подражаніе одной изъ прочитанныхъ имъ піесъ. Почти одновременно съ ученіемъ началась и служба. Вынуждаемая бѣдностью, мать Крылова записала его подканцеляристомъ въ калязинскій уѣздный судъ, откуда онъ вскорѣ былъ переведенъ канцеляристомъ въ тверской магистратъ. Досужное время онъ любилъ проводить на базарѣ, площадяхъ, гдѣ происходили кулачные бои, или на плоту, куда

Просв. ч. LXXII); Воспоминанія Вигеля, ч. VI, гл. 3; Біографическій очеркъ (Рус. Старина, VII, 654—657). Письма изъ Нижняго-Новгорода содержатъ въ себѣ нѣсколько біографическихъ о немъ указаній: въ 1797 г., проѣзжая чрезъ Кенигсбергъ, былъ представленъ Канту; по прошествіи нѣкотораго времени поселился въ Гамбургѣ и сблизился искреннею пріязнію съ Клопштокомъ, жившимъ тогда въ Альтонѣ; въ Парижѣ былъ во время Наполеонова консульства. Литературные труды его: переводы двухъ комедій — Шеридана «Школа злословія», съ англ. (1794) и Аристофана «Облака», съ греч. (1821); сочиненія: ком. «Ошибки, или утро вечера мудренѣе» (1794), «Путешествіе по Тавридѣ въ 1820 г.» (1823). Изъ мнѣній его, какъ сенатора, замѣчательно мнѣніе о цензурѣ, по дѣлу Попова (Чтенія Общества Исторіи и древностей, 1859, кн. 4).

стекались водовозы и прачки; эти народныя сборища были для него школой чисто-русскаго языка и вмѣстѣ предметомъ наблюденія коренныхъ свойствъ русскаго человѣка. Въ 1782 г., мать его, желая выхлопотать себѣ пенсію и пристроить сына, отправилась въ Петербургъ (¹). Здѣсь Крыловъ опредѣлился сперва въ казенную палату, съ жалованьемъ по 2 руб. мѣсяцъ, а потомъ (1788) въ Кабинетъ Государыни, гдѣ и оставался до конца 1790 г. Тяготясь службой, какого бы то ни было рода, онъ вышелъ въ отставку, чтобы посвятить себя литературѣ, и по смерти матери (1788) вполнѣ предался театру и журналистикѣ. Вскорѣ по пріѣздѣ въ столицу, онъ продалъ рукопись «Кофейницы» книгопродавцу, взявъ у него, вмѣсто денегъ, сочиненія Расина, Мольера и Вуало, представился Княжнину, какъ автору «Дидоны» и «Росслава», а черезъ него познакомился съ актеромъ Дмитревскимъ. За «Филомелой», оставшейся въ рукописи, слѣдовали еще двѣ трагедіи: «Клеопатра» (1785), тоже не изданная въ свѣтъ, и «Филомела» (1786) — первое напечатанное сочиненіе Крылова. Отъ театральныхъ піесъ Крыловъ перешелъ къ журналистикѣ: въ 1789 г., при сотрудничествѣ Радищева, онъ издавалъ «Почту духовъ», въ формѣ переписки жителей подземнаго царства; въ 1792, съ Клушинымъ, «Зритель»; въ 1793, также съ Клушинымъ, «Петербургскій Меркурій». Всѣ эти журналы были сатирическіе, служа какъ бы продолженіемъ литературной дѣятельности того же направленія, начатой «Всякою всячиной». Покончивъ съ повременными изданіями, Крыловъ возвратился къ театру и въ теченіи двухъ лѣтъ написалъ три комедіи: «Бѣшеная семья» (1793), «Проказники» (1793), «Сочинитель въ прихожей» (1794). О литературныхъ занятіяхъ его въ слѣдующіе два года (1795 и 1796) не сохранилось свѣдѣній; извѣстно только, что онъ, прекрасно играя на скрипкѣ, участвовалъ въ пріятельскихъ концертахъ и, кромѣ того, выучился италіянскому языку, такъ что могъ свободно читать на этомъ языкѣ книги. Съ 1797 до 1801 г. жилъ онъ въ Казацкомъ (кіевской губ.), имѣніи кн. С. Ѳ. Голицына, который, вскорѣ послѣ коронаціи Павла I, впалъ въ немилость за неуваженіе къ одному изъ временщиковъ и получилъ повелѣніе не выѣзжать изъ деревни. Здѣсь онъ давалъ уроки русскаго языка сыновьямъ князя, устраивалъ концерты на скрипкѣ для домашнихъ и написалъ двѣ піесы: трагедію «Трумфъ» (забавную

¹) По словамъ г. Кеневича, Крыловъ ѣздилъ въ Петербургъ, отпросясь въ отпускъ на 29 дней, а за нимъ отправилась мать его (И. А. Крыловъ. Біографическій очеркъ во 2-ой кн. Вѣст. Европы 1868 г.).

пародію на классическія трагедіи французовъ) и комедію «Пирогъ». Въ числѣ учениковъ Крылова находился также Вигель (авторъ «Записокъ»), начертавшій замѣчательную характеристику своего учителя, какъ человѣка. Когда кн. Голицынъ былъ назначенъ рижскимъ военнымъ губернаторомъ (1801), онъ взялъ съ собою и Крылова правителемъ канцеляріи. Но Крыловъ не выказалъ ни охоты, ни способности къ этой должности, отъ которой былъ уволенъ въ 1803 г., оставшись при князѣ въ качествѣ собесѣдника. Въ 1804 г., по выходѣ своего патрона въ отставку, Крыловъ воротился въ Петербургъ. Гдѣ онъ провелъ 1804 и 1805 гг., біографы его не сообщили указаній. Полагаютъ, что онъ, пристрастившись въ Ригѣ къ картамъ и выигравъ тамъ значительную сумму (до 30 тысячъ руб.), разъѣзжалъ для карточной игры по разнымъ городамъ и между прочимъ посѣтилъ нижегородскую ярмарку. На обратномъ пути изъ Нижняго Новгорода (вѣроятно въ концѣ 1805 г.) былъ онъ въ Москвѣ, познакомился съ И. Дмитріевымъ и вручилъ ему переводы трехъ Лафонтеновыхъ басень: «Дубъ и Трость», «Разборчивая Невѣста», «Старикъ и трое молодыхъ», которыя напечатаны въ 1 и 2 №№ Московскаго Зрителя, издававшагося кн. Шаликовымъ въ 1806 г. На слѣдующій годъ вышли въ свѣтъ три драматическія піесы, безъ сомнѣнія, подготовленные прежде — въ деревнѣ кн. Голицына или въ Ригѣ: комедіи — «Модная лавка» и «Урокъ дочкамъ», и опера «Илья Богатырь». 1807-мъ годомъ заканчивается первая половина жизни и дѣятельности Крылова и начинается вторая: сочинитель драмъ и журналистъ-сатирикъ становится баснописцемъ.

Какъ прежде, изъ любви къ театру, Крыловъ познакомился съ Княжнинымъ и Дмитревскимъ, такъ и теперь, воротясь въ Петербургъ, по тому же чувству сблизился съ кн. Шаховскимъ. «Драматическій Вѣстникъ», основанный послѣднимъ, украшался его баснями, первое изданіе которыхъ (въ числѣ 23-хъ) вышло въ 1809 и которыя поставили автора на ряду съ первоклассными нашими литераторами. Тѣснѣйшею дружбою и вмѣстѣ благодарностью за постоянное въ немъ участіе былъ онъ связанъ съ А. Н. Оленинымъ. Подъ начальствомъ Оленина началъ онъ снова службу при монетномъ дворѣ (1808) и продолжалъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ помощникомъ библіотекаря по русскому отдѣленію (съ 1812 по 1841). Но служба, какъ мы уже видѣли, имѣла для Крылова значеніе не столько серьезной обязанности, сколько синекуры, доставлявшей ему возможность жить и по временамъ писать басни. «Съ этой эпохи» (съ поступленія

на службу въ Библіотеку), говоритъ Плетневъ, «началась для нашего поэта новая жизнь, тихая, беззаботная, однообразная, почти неподвижная. До 1841 г. (т.е. до выхода въ отставку) не перемѣнилъ онъ ни службы, ни литературныхъ занятій, ни даже квартиры. . . . Кромѣ выходовъ къ должности, очень легкой и неголоволомной, кромѣ выѣздовъ къ обѣду въ англійскій клубъ (гдѣ онъ послѣ игралъ нѣкоторое время по привычкѣ въ карты, а подъ конецъ только дремалъ) и на вечеръ иногда къ Оленинымъ, Крыловъ ничего не полюбилъ какъ человѣкъ общественный и образованный, какъ писатель геніальный. Онъ продолжалъ отъ скуки сочинять иногда новыя басни, а больше читалъ самые глупые романы, особенно старинные, — читалъ не для пріобрѣтенія новыхъ идей, а чтобы убить только время. Можно одну сторону найти въ этомъ хорошую. Онъ доказалъ, что мелочное честолюбіе, чиновническое или писательское, не общая у насъ слабость. Не увлекаясь никакими замыслами, онъ отсторонился отъ людей, можетъ быть, не чувствуя въ себѣ столько свѣжести силъ, чтобы съ вѣрнымъ успѣхомъ раздвигать дорогу между ними. Но онъ и тутъ не былъ позабытъ ни въ какомъ отношеніи» ([1]). Дѣйствительно, въ первый годъ службы своей библіотекаремъ, Крыловъ, сверхъ жалованья, получилъ пенсію въ 1500 руб. ас. изъ Кабинета Государя, которая черезъ восемь лѣтъ (1820) была удвоена, а въ 1834 г. къ этимъ тремъ тысячамъ прибавилась новая пенсія, также въ 3000 руб., изъ государственнаго казначейства. Въ 1814 г. былъ ему пожалованъ чинъ коллежскаго ассесора, «въ уваженіе (какъ сказано въ рескриптѣ) отличныхъ дарованій въ россійской словесности». Въ 1838 г., по случаю пятидесятилѣтняго юбилея его литературной дѣятельности, была выбита медаль съ его портретомъ и открыта подписка для учрежденія стипендіи (Крыловской) на воспитаніе одного или нѣсколькихъ молодыхъ людей, смотря по суммѣ, въ какомъ либо учебномъ заведеніи; самъ юбиляръ получилъ орденъ св. Станислава 1-ой степени. Эта дѣятельность Крылова, какъ баснописца, дѣлится на два неравномѣрные періода. Первыя двѣнадцать лѣтъ (1806—1818) отличаются особенной плодовитостью: въ это время написано 140 басенъ; тогда какъ въ слѣдующее за тѣмъ двадцатипятилѣтіе (1818—1843) явилось только 58 басенъ, изъ которыхъ 39 падаютъ на два года (1825 и 1830), а на остальные 23 года приходится только 19. Самъ авторъ объяснялъ такую неравномѣрность не лѣнью и рав-

---

[1]) Жизнь и сочиненія Крылова.

подушіемъ, а другою причиной. На вопросъ одной дамы, почему онъ болѣе не пишетъ басенъ, онъ отвѣчалъ: потому, что я болѣе люблю, чтобы меня упрекали, для чего я не пишу, нежели дописаться до того, чтобы спросили, зачѣмъ я пишу. По выходѣ Крылова въ отставку (1841), повелѣно было производить ему въ пенсію 5700 руб., что съ прежними шестью тысячами составило 11,700 рублей. Родныхъ у Крылова не осталось: братъ его (Левъ Андреевичъ) умеръ прежде него. За нѣсколько лѣтъ до смерти Крыловъ усыновилъ семейство крестницы своей (Савельевой), съ которымъ и жилъ на одной квартирѣ. Прибавимъ, что Крыловъ, съ самаго основанія «Бесѣды любителей русскаго слова», находился въ числѣ ея членовъ, сходясь съ Шишковымъ въ нѣкоторыхъ взглядахъ на литературу и воспитаніе, и что изъ писателей самымъ близкимъ къ нему человѣкомъ былъ Гнѣдичъ, сослуживецъ его по Библіотекѣ.

Давно утвердилось мнѣніе, что Крыловъ созналъ свое истинное призваніе только съ 1806 г., т. е. съ того времени, какъ началъ писать басни. На это обстоятельство смотрѣли какъ на новое сходство нашего автора съ Лафонтеномъ, къ которому любили его приравнивать и который прежде, чѣмъ сдѣлаться баснописцемъ, пробовалъ свои силы въ другихъ родахъ поэзіи. Сходство оказывается, однакожъ, мнимымъ. Что вѣрно по отношенію къ Лафонтену, то невѣрно по отношенію къ Крылову. Если подъ словами Плетнева: «Крыловъ родился для насъ только въ 40 лѣтъ», разумѣется художественное превосходство второй половины его литературной дѣятельности, сравнительно съ первою, то еще можно допустить справедливость остроумной замѣтки, хотя не безъ оговорки, ибо превосходнѣйшее не есть что-либо совершенно новое. Если же въ переходѣ Крылова къ баснямъ открываютъ новый родъ дѣятельности, не имѣющій съ прежнимъ близкой внутренней связи, то замѣтку надобно отбросить какъ ошибочную и остановиться на мнѣніи совершенно противоположномъ, что Крыловъ, какъ писатель, никогда не измѣнялъ себѣ. Характеръ его сочиненій — постоянно сатирическій [1]. Сатира его мѣняла только формы, выражаясь сначала въ журнальныхъ статьяхъ и драмѣ, а потомъ уже, самымъ яркимъ образомъ, въ басняхъ, упрочившихъ за нимъ славу знаменитаго баснописца. Единство направленія доказывается, во-первыхъ, общностью предметовъ, которые интересовали Крылова

[1]) Мнѣніе это выяснено въ статьѣ Я. Грота: «Сатира Крылова и его Почта духовъ» (Вѣст. Европы 1868, кн. 3).

въ обѣ половины его авторскаго поприща, а во-вторыхъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что какъ послѣ выставлялъ онъ личные и общественные недостатки въ притчахъ, такъ и прежде, въ сатирѣ своихъ журналовъ, любилъ пользоваться притчною формой. Ниже увидимъ, какъ зачатки нѣкоторыхъ басенъ были имъ начертаны еще въ раннюю пору его дѣятельности; позднѣе, они явились у него развитыми, полными образами, какъ художественныя произведенія. Форму басни почиталъ онъ наилучшею для цѣлей писателя. Признавая особенную силу за нравоучительными правилами, выводимыми не изъ однѣхъ басенъ, но также и изъ другихъ сочиненій, онъ говоритъ: «надлежало бы поставлять въ число благотворителей рода человѣческаго того, кто главнѣйшія правила добродѣтельныхъ поступковъ предлагаетъ въ короткихъ выраженіяхъ, дабы они глубже впечатлѣвались въ памяти». Что бы ни разумѣлъ Крыловъ подъ нравоучительными правилами, но гдѣ они могутъ быть предложены короче и выпуклѣе, какъ не въ апологахъ, и когда прочнѣе ложатся въ памяти, какъ не при чтеніи апологовъ?

Разсмотримъ же значеніе сатиры Крылова въ послѣдовательныхъ ея проявленіяхъ: сначала въ журнальныхъ статьяхъ, потомъ въ комедіяхъ и наконецъ въ басняхъ.

I. Крыловъ издавалъ три журнала: Почта духовъ (1789), Зритель (1792) и Санктпетербургскій Меркурій (1793). Первымъ изданіемъ завѣдывалъ онъ самъ, какъ его полный хозяинъ; вторымъ же и третьимъ въ сообществѣ съ Клушинымъ.

«Почта духовъ, или ученая, нравственная и критическая переписка арабскаго философа Маликульмулька съ водяными, воздушными и подземными духами», была чисто-сатирическимъ сборникомъ, при названіи котораго Крыловъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду изданіе Ѳ. Эмина: «Адская почта или переписка хромоногаго бѣса съ Кривымъ (1779)» ([1]). По преданію, Крылову принадлежатъ только 18 писемъ жителей Плутонова царства, гномовъ: Зора, Бурстона и Вѣстодава ([2]). Въ этихъ письмахъ, первомъ опытѣ своей сатиры, двадцатилѣтній писатель обнаружилъ рѣдкія для такого возраста качества: твердую постановку нравственно-общественныхъ требованій отъ русскаго человѣка, рѣшительный тонъ и силу обличеній и значительную литературную отдѣлку. Главная тема обличеній — иностранное воспитаніе нашихъ дворянъ, которое, со-

---

[1]) Первообразомъ же этого и подобныхъ ему изданій должно почитать Le diable boiteux, Лесажа.

[2]) Этимъ преданіемъ руководствовались издатели «Полнаго Собранія сочиненій Крылова». Остальныя письма, по соображеніямъ г. Пыпина, принадлежатъ Радищеву (Крыловъ и Радищевъ, В. Евр. 1865, кн. 5).

общая имъ внѣшній обликъ европейца, не только не дѣлало ихъ просвѣщенными, но и вытравляло изъ нихъ похвальныя черты отечественныхъ нравовъ. Отсюда, по мысли сатирика, взяли начало важнѣйшіе недостатки современнаго ему общества: презрѣніе къ родинѣ, ея обычаямъ и языку, безумная расточительность, легкое понятіе о бракѣ, внутренняя пустота, грубый, ничѣмъ не сдерживаемый произволъ. Щеголяя моднымъ платьемъ и французскимъ общежитіемъ, петиметры въ тоже время щеголяли и развратомъ; отъ дрянныхъ родителей происходили дрянныя отрасли, которыя, однакожъ, готовились занимать важныя мѣста въ государствѣ; роскошь падала всею своею тягостью на земледѣльческій классъ и кромѣ того причиняла страшную дороговизну въ городахъ и упадокъ отечественной торговли: «богатый помѣщикъ превращалъ свой хлѣбъ и своихъ крестьянъ въ модные товары, а французы имѣли искусство дѣлать эти товары такими, чтобы превращались они черезъ мѣсяцъ въ ничто». На ряду съ этими фактами домашней и публичной безнравственности, особенно преслѣдуемыми Крыловымъ, въ изображеніяхъ его являются: игроки, плуты-купцы, взяточники, спесивцы, съ ихъ самовеличіемъ не по заслугамъ, писатели-льстецы, скрывающіе пороки своихъ одноземцевъ и воспѣвающіе небывалыя доблести вельможъ, или гнусные сатирики, ругающіе свое отечество частію изъ тщеславія, частію изъ злорадства и т. п.

Въ сущности эта сатирическая тема не была новостью. Начиная съ Кантемира, внѣшній европеизмъ служилъ предметомъ негодованія или глумленія нашихъ писателей: Фонъ-Визинъ представилъ его въ Бригадирѣ; журналы 1769 — 74 гг. посвящали ему почти половину своихъ разсказовъ. Тоже дѣло преемственно продолжалъ Крыловъ, при которомъ сильнѣе распространились и ярче обозначились слѣдствія французскаго вліянія на русскихъ дворянъ. Но для сатириковъ первой половины царствованія Екатерины II, особенно для Новикова, эти слѣдствія составляли только одну сторону ихъ наблюдательности, и при томъ менѣе важную, чѣмъ другая сторона — грубое невѣжество старины. У Крылова отношеніе между двумя источниками общественнаго нестроенія измѣнилось: по его понятію, главное зло кроется въ невѣжествѣ новаго рода—полуобразованности, почему онъ особенно и не расположенъ къ ней. Нѣкоторыя мѣста «Почты духовъ» прямо указываютъ, что нравственность русскихъ ухудшалась по мѣрѣ ихъ равнодушія къ предкамъ. Гнѣвъ сатирика болѣе падаетъ насовременныхъ родителей и дѣтей ихъ; онъ меньше касается дѣдушекъ, и бабушекъ, «скучныя предразсужденія которыхъ не запинаютъ уже

новыхъ кавалеровъ и дамъ на пути ихъ тайныхъ приключеній». Крыловъ иронически отзывается о просвѣщеніи, съ развитіемъ котораго бытъ всѣхъ сословій пришелъ въ разстройство. Въ одномъ письмѣ купецъ говоритъ: «были здѣсь варварскія времена, когда у насъ спрашивали лучшаго (товара); но *просвѣщеніе* перемѣнило такіе грубые нравы, и мы теперь нерѣдко беремъ за серебро обыкновенную цѣну, по 24 коп. и менѣе, за золотникъ, а за такой же золотникъ стали платить намъ по 120 руб.» Просвѣщеніе, измѣняя званія и названія, не ослабляетъ пороковъ и дурныхъ наклонностей, а, напротивъ, даетъ имъ большую пищу и благовидный покровъ: «въ старину плутовство было во всей своей силѣ, но какъ *просвѣщеніе* начало умножаться, то наши промышленники приняли на себя разныя имена: первостатейные сдѣлались старшинами и законниками, другіе купцами, а третьи ремесленниками и поселянами; но, перемѣняя званія, жители не перемѣнили своихъ склонностей, и плутовство никогда столько не владычествовало надъ ними, какъ послѣ сей перемѣны, такъ что наконецъ оно превратилось въ совершенный грабежъ, которому, однакожъ, даны самые честные виды».

Такое направленіе мысли въ двадцатилѣтнемъ сатирикѣ замѣчательно. Оно доказываетъ степенность не по возрасту, такъ сказать врожденное благоразуміе, которое не подкупается никакимъ блескомъ и новизной. Молодость всегда почти порывается впередъ, нерѣдко переступая въ своемъ порывѣ должную мѣру; Крыловъ, напротивъ, сколько по темпераменту и воспитанію, столько же по образу мысли, съ самаго начала объявилъ себя консерваторомъ. Къ перемѣнамъ, въ какой бы то ни было сферѣ, относился онъ равнодушно или недовѣрчиво; а если онѣ являлись съ самонадѣянностью и рѣзкостью, обнаруживая при этомъ угловатости и педантизмъ, то онъ встрѣчалъ ихъ ироніей. Охранительный, устойчивый взглядъ на вещи сводилъ его съ людьми, отличавшимися тѣмъ же направленіемъ, и разводилъ съ тѣми, въ которыхъ онъ замѣчалъ стремленіе къ чужеземной образованности. Этимъ обстоятельствомъ объясняется непріязненное отношеніе «Зрителя» къ Карамзину, издававшему въ то время «Московскій Журналъ». Цѣль Зрителя состояла въ томъ, чтобы «порокъ, представленный во всей гнусности, вселялъ отвращеніе, а добродѣтель, изображаемая во всей красотѣ, плѣняла собою читателя». Кромѣ соредактора Клушина, сотрудниками Крылова по этому журналу были: Дмитревскій (извѣстный трагикъ), Плавильщиковъ, Ѳ. Туманскій (издатель многихъ матеріаловъ по Русской Исторіи) и Н. Эминъ (сынъ издателя Адской Почты и авторъ ком. «Знатоки», имѣвшей

въ свое время успѣхъ). Независимо отъ раздраженія, возбужденнаго въ нихъ критикой Московскаго Журнала, были и другія причины ихъ неблаговоленія къ Карамзину. Они почитали себя представителями національнаго чувства, а въ Карамзинѣ видѣли представителя европеизма на французскій ладъ, противоположнаго себѣ дѣятеля. Имъ не могли нравиться нововведенія русскаго путешественника въ языкѣ и литературѣ: этотъ языкъ, по ихъ мнѣнію, искажалъ чисто-русскій складъ рѣчи несвойственными ей словами и оборотами; эта литература представила образцы сентиментализма, занесеннаго изъ чужихъ краевъ. Въ понятіяхъ о театрѣ, «Зритель» держался ложно-классическаго ученія и французскихъ образцовъ, обзывая Шекспировъ вкусъ кабацкимъ, тогда какъ Карамзинъ осуждалъ неестественность французской трагедіи, ставя Шекспира несравненно выше Корнеля, Расина и Вольтера. При томъ направленіи мысли, какое усвоилъ себѣ Крыловъ, неудивительно, что онъ стоялъ на сторонѣ Шишкова и былъ членомъ «Бесѣды», принимая участіе въ ея чтеніяхъ.

Лучшее содержаніе «Зрителя» составляютъ статьи Крылова, преимущественно: «Каибъ» (повѣсть) и «Похвальная рѣчь въ память моему дѣдушкѣ». Каибъ принадлежитъ къ разряду такъ называемыхъ восточныхъ повѣстей. Главная часть разсказа—мнѣнія визирей о томъ, какимъ бы образомъ калифу совершить путешествіе такъ, чтобы подданные не замѣтили его отсутствія. Рѣшенія этой задачи, высказанныя Дурсаномъ, Ослашидомъ, Грабилеемъ, мастерски представляютъ раболѣпство дивана передъ повелителемъ, который, только подъ своимъ смотрѣніемъ, дозволяетъ совѣтникамъ мыслить. Повѣсть содержитъ также забавныя выходки противъ «безпріютныхъ строителей храмовъ славы» (сочинителей похвальныхъ одъ) и противъ идилликовъ, изображающихъ золотой вѣкъ въ жизни поселянъ. «Похвальная рѣчь въ память моему дѣдушкѣ» иронически восхваляетъ достоинства помѣщика (какихъ въ то время было не мало), «лучшаго друга собакъ всего свѣта и сердце котораго было, такъ сказать, стойломъ его лошади». Кромѣ дарованія въ псовой охотѣ, дѣдушка «имѣлъ тысячу другихъ, приличныхъ и необходимыхъ нашему брату дворянину: онъ показалъ, какъ должно проживать въ недѣлю благородному человѣку то, что двѣ тысячи подвластныхъ ему простолюдиновъ выработаютъ въ годъ; онъ сильные подавалъ примѣры, какъ эти двѣ тысячи человѣкъ можно пересѣчь въ годъ раза два-три съ пользою; онъ имѣлъ дарованіе обѣдать въ своихъ деревняхъ пышно и роскошно, когда казалось, что въ нихъ наблюдался величайшій постъ». Описаніе, не уступая въ ѣдкости лучшимъ очеркамъ Но-

виковскаго «Живописца», превосходитъ ихъ остроуміемъ и литературной отдѣлкой. Въ «Санктпетербургскомъ Меркуріи» Крыловъ помѣстилъ двѣ сатиры: «Похвальная рѣчь наукѣ убивать время» и «Похвальная рѣчь Ермалафиду [1], говоренная въ собраніи молодыхъ писателей». Обѣ онѣ исполнены рѣзкихъ нападеній—первая на празднолюбцевъ, вторая на бездарныхъ авторовъ.

Многія мѣста журнальныхъ статей Крылова давали чувствовать, что басня со временемъ сдѣлается любимою формою его сатиры. Идеи и образы нѣкоторыхъ басенъ вырабатывались имъ прежде, чѣмъ онъ направилъ свою дѣятельность исключительно на этотъ родъ произведеній. Что̀ прежде было отрывочнымъ представленіемъ, назначеннымъ подкрѣплять какую-нибудь мысль или разъяснять характеристику какого-нибудь лица, то впослѣдствіи получало самостоятельное значеніе и поэтическую отдѣлку. Такъ, напримѣръ, тема басни Вельможа (1835) занимала Крылова въ «Почтѣ духовъ» и въ «Ночахъ». По разсказу гнома Вѣстодава, изъ трехъ адскихъ судей — двое (Родомантъ и Эакъ) совершенно оглохли, а третій (Миносъ) невозвратно лишился ума. Чтобы не обидѣть ихъ, изъ уваженія къ ихъ долговременной службѣ, поданъ совѣтъ—«приставить къ нимъ умнаго секретаря, который бы, вмѣсто ихъ, разсматривалъ дѣла, а они подписывали бы то, что̀ онъ имъ скажетъ». Въ разсказѣ: «Ночи», «превосходительный господинъ привыкъ думать секретарскою головою, которая есть его душа, а вельможа — ея тѣло», такъ что «онъ основательно можетъ сказать въ извиненіе безпрерывнаго своего сна: духъ бодръ, но плоть немощна, т. е. секретарь рожденъ обдумывать, а я подписывать съ просонья его мысли». Первообразъ басни «Вороненокъ» (1811) находится въ разсказѣ о судейскихъ приговорахъ бѣдняку и богачу, несоразмѣрно ихъ виновности: бѣднякъ, голодомъ вынужденный украсть платокъ, былъ присужденъ къ висѣлицѣ, а богачъ, наворовавшій изъ государственной казны нѣсколько милліоновъ, оправданъ. Ясный очеркъ басни: «Слонъ и Моська» (1808), только подъ другимъ иносказаніемъ, представляютъ «Мысли философа по модѣ»: «Ничто такъ не блистательно, какъ молодой человѣкъ, когда онъ шутитъ надъ важными вещами, не понимая ихъ. При всей мелкости своего ума, онъ тогда такъ милъ, какъ болонская собачка, которая бросается на драгунскаго рослаго капитана и хочетъ его разорвать, между тѣмъ какъ онъ равнодушно куритъ трубку, не занимаясь ея гнѣвомъ. Какъ мила и забавна смѣлость этой собаченки, такъ точно забавна смѣлость ума, когда огры-

[1]) Ермалафидъ — человѣкъ, несущій *ермолафію* или чепуху.

зается онъ на вещи, передъ которыми онъ менѣе, нежели болонская собачка передъ драгунскимъ капитаномъ». Крыловъ любилъ прибѣгать къ подобію, какъ зародышу басни, изъ котораго она легко развивается при посредствѣ фантазіи. Въ повѣсти «Каибъ» погоня кота за мышью, старающейся увернуться отъ своего врага, уподобляется погонѣ судьи за взяткой: «такъ точно челобитчикъ желаетъ увернуться отъ подарка своему судьѣ; но напрасно заговариваетъ онъ съ нимъ о дурной погодѣ и о хорошей, о старыхъ временахъ и о нынѣшнихъ; хотя бы онъ заговорилъ съ нимъ о Эмпедокловыхъ туфляхъ, взяткобратель и отъ нихъ искусно склонитъ рѣчь на то, что ему надобны деньги». Но есть у Крылова и цѣльная, развитая басня, съ нравоученіемъ, въ повѣсти Каибъ: «Славный живописецъ, плѣнясь новою мыслью, вздумалъ написать Венеру, натянулъ кусокъ полотна и съ великимъ успѣхомъ исполнилъ свое намѣреніе. Картина была драгоцѣнна и современемъ стала украшеніемъ чертоговъ славнѣйшаго императора. Множество зрителей стекалось ее смотрѣть. Полотно, на которомъ была написана Венера, вздумало, что оно причиною всѣхъ восторговъ, примѣчаемыхъ въ зрителяхъ. Паукъ, раскидывая на немъ сѣти для мухъ, вывелъ его изъ заблужденія. Ты напрасно гордишься, полотно, сказалъ онъ: еслибъ не вздумалось славному художнику покрыть тебя блестящими красками, то ты давно бы истлѣло, бывъ употреблено на обтирку посуды».

II. Изъ драматическихъ піесъ Крылова только двѣ имѣли успѣхъ на сценѣ: «Модная лавка» и «Урокъ дочкамъ».

Преслѣдуя французское воспитаніе, какъ главную причину легкаго взгляда нашихъ дворянъ на нравственность и пристрастія ихъ къ роскоши и мотовству, Крыловъ еще въ «Почтѣ духовъ» постоянно выставлялъ тотъ вредъ, который причиняли намъ иностранные учителя и иностранныя торговки модными товарами. Одно изъ писемъ гнома Зора вводитъ читателя въ магазинъ, содержимый француженкой, которая «покупала у русскихъ купцовъ гнилые товары и завертывала ихъ въ бумаги, украшенныя французскими надписями, чтобы послѣ продавать за иностранныя». Сверхъ того, магазинъ служилъ притономъ недозволенныхъ свиданій: здѣсь щеголь Скотонравъ обольщалъ молодую дѣвушку разными подарками при содѣйствіи ея гувернантки. По уходѣ покупателей, содержательница модной лавки передаетъ своему брату, бѣжавшему изъ смирительнаго дома, правила обращенія съ жителями русской столицы и способъ выгодно пользоваться ихъ легковѣріемъ. Таже тема положена въ основаніе комедіи «Модная лавка». Другая комедія названа «Урокомъ дочкамъ» потому, что доч-

ки, за ихъ слѣпое пристрастіе къ французскому языку, получають чувствительный урокъ: съ слугой проѣзжаго офицера, назвавшимся маркизомъ Глаголемъ, онѣ обращаются какъ съ французскимъ маркизомъ. Здѣсь авторъ заимствовалъ главную мысль піесы (урокъ) изъ ком. Мольера: «Les précieuses ridicules», а одну сцену изъ прежнихъ своихъ сочиненій, именно: первая сцена между Дашей и Семеномъ есть возпроизведеніе разговора между Машей и Мірабродомъ въ «Ночахъ». Плетневъ далъ справедливый отзывъ объ этихъ комедіяхъ: «хотя онѣ несравненно выше прежнихъ комедій Крылова движеніемъ и правдоподобіемъ событія, очертаніемъ характеровъ, указаніями на мѣстность и современные нравы, самимъ языкомъ, довольно естественнымъ, довольно разнообразнымъ; но въ подробностяхъ дѣйствій, въ составѣ сценъ, въ развитіи предпріятій много еще ложнаго, изысканнаго, — и отъ того цѣлое больше утомляетъ зрителя, нежели проникаетъ въ его сердце. Между тѣмъ есть здѣсь явленія, исполненныя комическаго достоинства».

Шуточная трагедія «Трумфъ» презабавно пародируетъ постройку, тонъ и языкъ лжеклассическихъ французскихъ трагедій и кромѣ того осмѣиваетъ нѣмецкій выговоръ русскихъ словъ.

III. Въ развитіи басни различаютъ нѣсколько періодовъ и въ каждомъ періодѣ особый ея характеръ, какъ видоизмѣненіе существенныхъ ея свойствъ. Къ какому періоду относятся басни Крылова? Рѣшеніе этого вопроса необходимо для ихъ точнѣйшей характеристики.

Существуютъ два мнѣнія о происхожденіи басни: одно изложено Я. Гриммомъ, въ его изслѣдованіи средневѣковаго нѣмецкаго сказанія о жизни и похожденіяхъ Лисы; другое, совершенно противоположное, высказано, по поводу этого изслѣдованія, Гервинусомъ (1). Мнѣніе Гримма, какъ несомнѣннаго авторитета во всѣхъ случаяхъ касательно сущности и развитія естественной поэзіи, принято наукой. Оно состоитъ въ томъ, что корнемъ басни, произведшимъ всѣ ея дальнѣйшіе виды, должно почитать сказаніе о животныхъ, животный эпосъ (Thierepos). Начало животнаго эпоса лежитъ въ непосредственномъ сочувствіи человѣка къ природѣ. Онъ возникаетъ у народовъ, въ историческую эпоху ихъ существованія, по глубокой, естественной потребности ихъ духа. Разсматривая многоразличныя способности и свойства животныхъ, человѣкъ признавалъ ихъ почти подобными себѣ существами. Отсюда явились тѣ представленія и вѣрованія, которыя и теперь еще

¹) Rinhart Fuchs, von Iacob Grimm, 1835. Geschichte der poëtischen Nationnal-Literatur der Deutschen, v. Gervinus.

могутъ жить среди наивно-дѣтскихъ, патріархальныхъ обществъ. Отъ однихъ животныхъ человѣкъ ожидалъ совѣта и помощи въ опасности; отъ другихъ, напротивъ, вреда и напасти. Постоянно открывалъ онъ въ нихъ сверхъ естественныя силы и суевѣрно остерегался произносить ихъ имена, замѣняя ихъ ласкательными. Обращеніе людей въ животныхъ было вѣрованіемъ, произведшимъ догматъ переселенія душъ. Безъ животныхъ не совершались нѣкоторыя жертвы, не произносились нѣкоторыя предсказанія. Они служили вожаками массъ при ихъ переселеніи съ одного мѣста на другое, помѣщались на небо для означенія созвѣздій, исполняли обязанности вѣстниковъ, предрекали счастіе или бѣдствіе. Нѣкоторымъ изъ нихъ приписывалось долголѣтіе, далеко превышавшее положенный человѣку срокъ жизни. Поэзія, овладѣвъ этими и подобными имъ представленіями, сдѣлала дальнѣйшій и послѣдній шагъ въ отношеніи человѣка къ міру животныхъ: она надѣлила послѣднихъ, созерцаемыхъ по образу человѣка, необходимымъ средствомъ ближайшаго съ нимъ общенія — даромъ членораздѣльной рѣчи. Выраженіе: «когда звѣри говорили», встрѣчающееся въ басняхъ и лишенное теперь значенія, имѣло въ первобытной баснѣ понятный смыслъ: оно указывало на близкое отношеніе людей къ животнымъ, воспоминаніе о которомъ сохранилось только въ поэтическихъ образахъ.

Изъ происхожденія и характера животнаго эпоса видно, что ему, какъ изображенію идеальной жизни животныхъ, созданному безмятежно-наивнымъ творчествомъ народа, вовсе несвойственна наклонность къ сатирѣ, будетъ ли то осмѣяніе людей вообще, или насмѣшка надъ сословіями и личностями. Сатира всегда безпокойна, исполнена намековъ, дѣйствуетъ сознательно и намѣренно, преслѣдуетъ какую-нибудь цѣль, которой и подчиняетъ самое содержаніе. Животный же эпосъ не питаетъ ни къ чему ни намѣреннаго пристрастія, ни намѣренной нелюбви; онъ спокоенъ и безстрастенъ, исходя изъ внутренняго побужденія, а не изъ предвзятой цѣли. Онъ можетъ выродиться и въ сатиру, даже личную, но только позднѣе, когда сословія политически усложняются, удаляясь отъ непосредственнаго созерцанія природы: такъ народное остроуміе, впослѣдствіи, примѣнило къ историческимъ событіямъ и лицамъ характеры и прозвища животныхъ, встрѣчающіяся въ германской сагѣ о Лисѣ. Еще меньше можно почитать животный эпосъ пародіей эпоса героическаго: искаженное, намѣренное подражаніе поэтическимъ памятникамъ принадлежитъ также позднѣйшему времени.

Равнымъ образомъ животному эпосу чуждо направленіе дидак-

тическое. Онъ не поучаетъ и не имѣетъ намѣренія поучать. И какое бы нравоученіе можно было извлечь изъ него? Не то ли, что прожорливая хитрость (въ образѣ Лисы) всегда одерживаетъ верхъ надъ глупымъ обжорствомъ (въ образѣ Медвѣдя)? Но думать такъ еще смѣшнѣе, чѣмъ думать, что пѣснь Нибелунговъ основана на ученіи, что убійство должно быть наказано, а Одиссея на томъ, что жены должны бытѣ вѣрны мужьямъ своимъ. Конечно, животный эпосъ поучителенъ въ томъ смыслѣ, какъ поучительно каждое произведеніе поэзіи; но онъ возникаетъ не изъ желанія поучать. Нравственный урокъ добывается изъ поэтическихъ произведеній, какъ сокъ изъ винограда; но сладость винограднаго сока еще не содержитъ въ себѣ совершенно готоваго вина. Дидактическія, равно какъ и сатирическія цѣли приходятъ позднѣе, свидѣтельствуя не о свѣжести животнаго эпоса, а объ его ослабленіи и упадкѣ.

Животный эпосъ, по ученію Гримма, былъ общимъ достояніемъ народовъ индоевропейскаго племени въ доисторическій періодъ ихъ совмѣстной жизни, а съ выселеніемъ каждаго народа изъ первобытнаго отечества въ новое мѣстопребываніе становился его достояніемъ обособленнымъ. Но въ цѣльности онъ сохранился только у германцевъ: жизнь и похожденія Лисы (Рейнгарта, Рейneке) — единственный памятникъ сказанія о животныхъ, которое у другихъ одноплеменныхъ народовъ (Индѣйцевъ, Грековъ, Славянъ), съ теченіемъ времени и въ силу различныхъ обстоятельствъ, распалось на отдѣльныя сказки о животныхъ. Поэтому въ такъ называемыхъ Езоповыхъ басняхъ Гриммъ видитъ обломки или разрозненные члены первобытной, нѣкогда цѣльной, многообъемлющей греческой животной саги. Разрозненность почитаетъ онъ свидѣтельствомъ ослабленія или порчи поэтическаго и наивнаго элементовъ народнаго эпоса. Таже гипотеза, конечно, должна быть распространена и на басни Индѣйцевъ и Славянъ. Сходствомъ басенъ у разныхъ народовъ, даже у тѣхъ, которые не имѣли между собою никакого общенія и не могли ихъ заимствовать другъ у друга инымъ путемъ въ позднѣйшее время, подтверждается мысль о первоначальномъ единствѣ животнаго эпоса.

Таковъ взглядъ Гримма, принятый большинствомъ ученыхъ, какъ наиболѣе согласный съ существомъ и развитіемъ естественной поэзіи и ея переходомъ въ поэзію искуственную. Гервинусъ, напротивъ, разсматриваетъ животную басню независимо отъ животной саги, какъ предметъ самостоятельный, приписывая баснямъ Езопа если не старшинство происхожденія, то первенство по значенію предъ нѣмецкимъ сказаніемъ о Лисѣ. Заслуга его полемики съ Гриммомъ состояла въ томъ, что онъ обратилъ вниманіе на раз-

личіе между животнымъ эпосомъ (Thierepos) и животною баснею (Thierfabel). Впрочемъ, нѣкоторые ученые, становясь на сторону Гримма, тѣмъ не менѣе находятъ нужнымъ видоизмѣнить его мнѣніе въ виду литературныхъ, не подходящихъ подъ него фактовъ. Самымъ крупнымъ фактомъ служитъ отсутствіе животнаго эпоса у Грековъ. Не смотря на разительное сходство отдѣльныхъ Езоповыхъ басенъ съ нѣмецкими, можно утвердительно сказать, что до-гомерическаго существованія басенной сокровищницы у Грековъ не было; напротивъ, всѣ свидѣтельства ручаются за относительно позднѣйшее введеніе и дальнѣйшее усовершеніе этого рода поэзіи въ Греціи. Нельзя искать животной саги въ Батрахоміомахіи (Войнѣ мышей съ лягушками), которая ограничила дѣйствующія лица двумя видами животныхъ низшаго сорта, что явно противорѣчитъ столь необходимому для животнаго эпоса разнообразію, а введеніемъ цѣльныхъ двухъ народовъ, мышинаго и лягушечьяго, уничтожила въ особенности свойственную эпосу обрисовку характеровъ. Это—«пародія эпической формы», имѣвшая цѣлью, посредствомъ забавнаго контраста между выраженіемъ и содержаніемъ, осмѣять возвышенный полетъ героическаго гексаметра. Но какъ такая пародія могла представлять значеніе лишь въ то время, когда эпическая поэзія уже совершила свою миссію, послуживъ всестороннимъ выраженіемъ поэтическаго содержанія эллинской жизни, то Ватрахоміомахію почитаютъ позднѣйшимъ издѣліемъ, пріурочивая ее къ періоду послѣ персидскихъ войнъ, когда народный эпосъ сомкнулъ свой кругъ и дальнѣйшіе труды въ этомъ родѣ не переступали болѣе за предѣлы исключительной учености. Отсутствіе животнаго эпоса у Грековъ объясняется отсутствіемъ въ нихъ сочувствія къ природѣ, какимъ въ сильной степени одарено германское племя. Эллинскому духу, исключительно обращавшемуся къ созерцанію и представленію чисто-человѣческаго, свойственно было пренебречь міромъ животныхъ. Развитіе человѣка въ народной и государственной сферахъ, могущественно проявившись при самомъ первомъ вступленіи Грековъ въ міровую исторію, овладѣло, какъ несравненно важнѣйшее, интересомъ поэзіи до того цѣлостно и всесторонне, что она не имѣла ни времени, ни желанія витать въ сферѣ низшей. Народъ, котораго колыбельною пѣснію были Иліада и Одиссея, достигнувъ болѣе зрѣлаго возраста, не могъ, по всей вѣроятности, забавляться похожденіями Лисицы. Замѣчательно, что даже первые начатки греческой басни приписываются чужеземцамъ (фригійцамъ, ливійцамъ, сирійцамъ).

Образованіе животной басни, въ отличіе отъ сказанія о животныхъ, выводится изъ послѣдняго такимъ образомъ. Какъ въ ге-

роическомъ эпосѣ нѣкоторыя саги не были захвачены широкимъ потокомъ первостепенной пѣсни о герояхъ и существовали отдѣльно, а другія хотя и вошли въ составъ главнаго творенія, но могли на ряду съ нимъ жить и самостоятельною жизнію, такъ точно и въ эпосѣ животномъ: здѣсь находимъ многія саги, которыхъ нѣтъ въ связной повѣсти о главныхъ герояхъ животнаго царства, тогда какъ другія, въ ней находящіяся, существуютъ съ тѣмъ вмѣстѣ въ отдѣльной обработкѣ и иной формѣ. Когда уже глохнетъ въ народѣ непосредственное чувство природы, умѣющее уживаться съ звѣрями и дозволяющее звѣрямъ принимать участіе въ человѣческомъ быту, тогда этими обособленными, отдѣльно сохранившимися членами животной саги овладѣваетъ мыслительная способность, которая разсматриваетъ животное какъ существо строго отличное отъ человѣка и цѣнитъ только внѣшнее между тѣмъ и другимъ сходство. Искуственная поэзія обработываетъ сказаніе о животныхъ, согласно съ ихъ сущностью, какъ изображеніе человѣческой природы и человѣческой жизни; непосредственная истина жизни животныхъ становится подобіемъ человѣческихъ обстоятельствъ, безсознательное и безцѣльное представленіе дѣйствій между звѣрями—сознаваемымъ, къ одной цѣли направленнымъ разсказомъ; изъ саги, способной къ многоразличнымъ примѣненіямъ, хотя она нисколько не имѣла ихъ въ виду, извлекается одно опредѣленное примѣненіе; спокойное, широко разливающееся изложеніе замѣняется краткимъ, сосредоточеннымъ вокругъ одной цѣли выраженіемъ,—и животный эпосъ даетъ начало животной басни. Оба эти рода поэзіи имѣютъ свое право на существованіе, какъ естественная или народная поэзія по праву существуетъ подлѣ поэзіи искуственной. Мы уже видѣли, что греческому духу свойственно было, пренебрегши животнымъ эпосомъ, исключительно образовать такъ называемую Езопову басню. Но басня можетъ образоваться и тамъ, гдѣ есть животный эпосъ, если только культурная поэзія развилась въ достаточной степени, какъ это и видимъ въ нѣмецкой поэзіи еще XIII в.

Въ первыхъ образцахъ своихъ, басня у Грековъ, равно какъ и у всѣхъ исторически извѣстныхъ намъ народовъ, обыкновенно присоединялась къ какому-нибудь опредѣленному происшествію, изобрѣталась для поясненія обстоятельствъ, и свою цѣль имѣла не въ самой себѣ, а въ изъясняемомъ обстоятельствѣ, входила ли она въ составъ публичныхъ рѣчей и поэтическихъ произведеній, или (что, вѣроятно, бывало чаще) придумывалась для минутной потребности и обращалась въ общественной жизни. Посему понятно сужденіе Квинтиліана, что простотѣ басеннаго міра и прелести чудеснаго въ особенности свойственно убѣждать людей, стоящихъ на

низкой степени развитія. Какъ примѣръ, приводимый въ доказательство чего нибудь, басня представляла подчиненное значеніе: она служила намѣреніямъ поэта или оратора. Преданіе нерѣдко указываетъ дѣйствительныя событія и случаи, давшіе поводъ къ составленію тѣхъ примѣровъ, которые вообще приписываются Езопу: то удерживаетъ онъ самосцевъ отъ приговора надъ какимъ-то демагогомъ, то предвѣщаетъ дельфійцамъ небесное мщеніе, то убѣждаетъ коринѳянъ не осуждать невиннаго на казнь, то удачнымъ оборотомъ рѣчи отдѣлывается отъ насмѣшекъ грубыхъ матросовъ. Такъ какъ Езопъ вымышлялъ свои басни не для собственнаго увеселенія или для забавы другихъ, и не въ духѣ общихъ тенденцій, а на извѣстный случай, то и нельзя назвать его вымыслы поэтическими произведеніями въ собственномъ смыслѣ. Никто изъ древнихъ и не называлъ ихъ этимъ именемъ. Аристотелева піитика не упоминаетъ о баснѣ. Да и не могла она въ то время пользоваться такою почестью, ибо понятіе о поэзіи соединялось съ понятіемъ о стихотворной формѣ. Сократъ видѣлъ въ баснѣ грубый матеріалъ, изъ котораго только помощію метра и другихъ приврасъ можетъ выдти произведеніе поэзіи. Что басня, въ первую эпоху своего существованія у Грековъ, имѣла значеніе простаго риторическаго средства, это видно и изъ того, что Аристотель и Квинтиліанъ помѣстили ее въ общей риторикѣ между пособіями для доказательствъ. И такъ, на первомъ стадіи, басня была не что иное, какъ *уподобленіе, придуманное для отдѣльнаго случая и изложенное въ формѣ разсказа, въ которомъ неразумныя существа, подобно существамъ разумнымъ, выводятся говорящими и дѣйствующими.* Басня, въ такомъ видѣ, служила выраженіемъ народной мудрости, какъ и пословица, съ тѣмъ различіемъ, что послѣдняя гораздо болѣе запечатлѣна національнымъ духомъ и въ созерцаніи предмета и въ его выраженіи. Названіе пословицы или присловья даже перешло на басню, которая въ XIII столѣтіи у нѣмцевъ называлась «Hispel» (Beispiel) или «Biwurti»—рядомъ идущая рѣчь, присловье.

Когда поводы къ составленію басенъ, приписываемыхъ Езопу, были забыты, тогда онѣ начали снабжаться общею моралью. *На этомъ стадіи, басня обратилась въ аллегорическій разсказъ, полагавшій свою цѣль въ выводимомъ изъ него нравоученіи.* Переходъ отъ перваго ея направленія къ нравоучительному легко представить. Басня, придуманная для какого нибудь факта, связывается съ нимъ предложеніемъ, къ которому онъ относится какъ нѣчто единичное къ общему. Это общее, важное какъ соединяющій членъ (tertium comparationis между фактомъ и баснею), и поставили конечною цѣлью басни. Такъ, напримѣръ, мысль, что слабый, но

уступчивый предметъ противостоитъ силѣ гораздо лучше, нежели крѣпкій, но упрямый, выразилась въ отношеніи тростника и дуба къ бурѣ. Общностью мысли, направленной къ поученію, басня перешла въ область дидактической литературы, сдѣлалась чѣмъ-то среднимъ между поэзіей и прозой. Явились сборники, заключающіе въ себѣ большею частію такія басни, изъ которыхъ извлекается опредѣленный нравственный урокъ. Древнѣйшій между ними составленъ Дмитріемъ фалерейскимъ (300 до Р. Х.). Ко времени Тиверія (14—37 по Р. Х.) относится переложеніе Езоповыхъ басенъ латинскими стихами; переводчикъ, Федръ, укрѣпилъ за ними, равно какъ и за своими собственными, поучительное направленіе, которое съ этихъ поръ и утвердилось въ литературѣ, такъ что нравоучительный выводъ былъ признанъ существеннымъ элементомъ басни, а самая басня элементомъ прибавочнымъ или служебнымъ, чуждымъ всякаго самостоятельнаго значенія. Дидактизмъ особенно пришелся по вкусу тому понятію о поэзіи, которое, назначая ее для пользы и забавы читателей, желало удовлетворить стремленію вѣка къ холодной морализаціи и сказкамъ, какъ это и видимъ въ византійскихъ сборникахъ Езоповыхъ басенъ. Первый по времени изъ этихъ сборниковъ составленъ монахомъ Максимомъ Планудомъ, жившимъ въ XIV в. по Р. Х. Образцы басенъ исключительно нравоучительныхъ породили ложныя теоріи, а теоріи, въ свою очередь, отразились на новыхъ, соотвѣтственныхъ имъ образцахъ. Лессингъ, имѣя передъ собою византійскіе сборники, усвоилъ тотъ же взглядъ: по его опредѣленію, басня есть вымышленный разсказъ о животныхъ, въ которомъ наглядно выступаетъ общее нравоучительное положеніе. Какъ видно, въ его опредѣленіи нѣтъ ни одного признака (кромѣ вымысла), который напоминалъ бы о поэтической натурѣ басни. Басня, какъ чисто-дидактическое средство, отброшена имъ въ область нравственной философіи. Онъ низводитъ ее до примѣра и лишь краткости ради замѣщаетъ животными людей. Такимъ образомъ басня превращается въ упражненіе разума, въ школьную хрію. Лессингъ дѣйствительно и предназначалъ ее для педагогической цѣли, и чтобы не осталось на ней ни малѣйшаго слѣда поэзіи, онъ не допускалъ и употребленія стихотворной рѣчи. Его собственныя басни—не что иное, какъ умныя словопренія: звѣри лѣсовъ и пустынь говорятъ у него такъ же образованно, утонченно и остро, какъ самъ великій критикъ, ихъ создавшій ([1]).

[1]) Басни Лессинга нашли себѣ панегириста въ Гервинусѣ. Исходя изъ своей гипотезы о происхожденіи басни, историкъ нѣмецкой литературы говоритъ, что форма и направленіе, данныя баснѣ Лессингомъ, принадлежатъ ей исключительно и первоначально, что Лессингъ возвратилъ ей тотъ наивный, простой и всеобщій характеръ, которымъ отличалась она во времена Езопа.

Лессингово опредѣленіе басни съ одной стороны слишкомъ тѣсно, а съ другой слишкомъ обширно. Оно тѣсно, потому что признакомъ «нравоучительный» исключается изъ ея области множество очень хорошихъ стихотвореній, которыя во всѣ времена пользовались названіемъ басенъ, но которыя, по замѣчанію Гердера, ведутъ къ самымъ безнравственнымъ правиламъ, освящая хитрость, дерзость и насиліе. Оно обширно, потому что возвышаетъ на степень басни каждый примѣръ, придуманный для поясненія какого-нибудь нравоучительнаго положенія. Причина извращеннаго понятія заключалась именно въ томъ, что общее сужденіе, которому басня служитъ примѣромъ, обратили въ нравоученіе. Поэтому въ баснѣ, какъ стихотвореніи дидактическомъ, поучительномъ, эпическій и нравоучительный элементы распались на двѣ кое-какъ сплоченныя половины. Непоэтическая половина, какъ будто нѣчто существенное, овладѣла главнымъ мѣстомъ и сдѣлала поэтическую половину своимъ средствомъ. А такъ какъ средство поглощается цѣлью и, по достиженіи послѣдней, теряетъ всякое значеніе, то при такомъ направленіи басня не могла расчитывать на самостоятельность. Она стала самостоятельнымъ стихотвореніемъ подъ руками нѣкоторыхъ поэтовъ, противъ ихъ вѣдѣнія и воли, по инстинкту, который одерживалъ верхъ надъ тенденціей. Увлекаемый изобрѣтеніемъ повѣствованія, поэтъ углублялся въ свойства животныхъ характеровъ и въ интересъ дѣйствія съ такою любовію, что забывалъ о своей цѣли. Творческій порывъ заглушалъ предвзятую мысль, и поученіе являлось не темою для поэтическаго упражненія, а органическимъ результатомъ дѣйствія: баснописецъ не высказывалъ его явно и точно, предоставляя мыслящему читателю извлечь его вмѣстѣ съ нѣсколькими другими поученіями, или влагалъ его въ уста одного изъ дѣйствующихъ лицъ не въ видѣ нравоучительной сентенціи, а въ видѣ меткаго изреченія, соотвѣтствующаго вымыслу и прямо вытекающаго изъ характера говорящаго лица. Такимъ образомъ не басня служила сентенціи, а сентенція служила баснѣ, относясь къ ней, какъ живой членъ относится къ здоровому тѣлу. Въ басняхъ самого Лессинга, хотя онъ и не признавалъ себя поэтомъ, есть нѣчто поэтическое. Заключительной остротой (pointe) читатель наводится самъ собою, безъ помощи автора, на извѣстное нравоученіе. Это заключеніе кладетъ на басни печать замаскированныхъ эпиграммъ и удерживаетъ ихъ въ области поэзіи. Но хотя достаточно эпиграмматической силы, чтобы воззвать басню къ самобытной жизни, однакожъ одними остроумными оборотами далеко не исчерпывается ея достоинство. Гораздо пріятнѣе, если она изъ множества разноцвѣтныхъ нитей составитъ обширную ткань для

живаго дѣйствія, въ которомъ всѣ моменты соотвѣтствуютъ комическому положенію цѣлаго. Здѣсь-то во всей полнотѣ проявляется цѣнность животныхъ характеровъ, и не столько по ихъ неизмѣнности (стереотипности), сколько по ихъ односторонности. Еще древніе подмѣтили эту односторонность, противоположную многосторонности человѣческаго характера. Животныя—точно живыя каррикатуры людей. Чѣмъ больше уклоняются люди отъ развитія своихъ духовныхъ способностей и вдаются въ одно изъ тѣхъ одностороннихъ направленій, которые усвоены природой отдѣльнымъ видамъ животныхъ, тѣмъ больше становятся ограниченными. Просторѣчіе клеймитъ такихъ людей меткими остротами или прозвищами, заимствованными изъ міра животныхъ (лисица, баранъ, оселъ, быкъ и т. п.). Басня же есть театръ, на которомъ эти животныя занимаютъ роли актеровъ. Въ греческой баснѣ и въ позднѣйшихъ ей подражаніяхъ достоинство поэтическаго изображенія опредѣляется постоянной относительностью животныхъ характеровъ къ человѣческому міру, яркимъ ихъ отраженіемъ на поступкахъ людей. И взаимной игрой этихъ обоихъ элементовъ (животнаго и человѣческаго) нисколько не двоится и не ослабляется самый интересъ; какъ элементы, такъ и интересъ сосредоточиваются въ одномъ пунктѣ, ибо животныя не являются простыми двойниками человѣка, но какъ бы отождествляются съ нимъ. Никому уже не приходитъ на мысль почитать животныхъ простыми уподобленіями. Хотя образы людей отражаются въ зеркалѣ поэтическаго генія съ нѣкоторымъ преувеличеніемъ, но они всегда вѣрны и соотвѣтственны ихъ индивидуальной природѣ. Эти маски кажутся намъ истиннымъ выраженіемъ того, что скрывается подъ ними, и мы смотримъ на нихъ, какъ на живыя лица. Одно только можетъ казаться намъ несообразностью—костюмъ ихъ: въ дѣйствительности, хитрецъ не носитъ рыжей шкуры и лисьяго хвоста, а хищный человѣкъ, по внѣшности, не всегда похожъ на волка. *Въ такомъ видѣ басня есть не что иное, какъ сатира въ повѣствовательной формѣ, гдѣ дѣйствующія лица замѣнены соотвѣтствующими имъ характерами животныхъ.* Это понятіе рѣдко сознавалось во всей своей чистотѣ даже самыми лучшими баснописцами, хотя они и осуществляли его въ своихъ сочиненіяхъ. Изъ грековъ только Бабрій (около 80 по Р. Х.) усвоилъ эту форму въ стихотворной обработкѣ Езоповой басни, какъ самостоятельнаго вида. Онъ не почитаетъ разсказа пустымъ украшеніемъ, а поученія—единственною сущностью, какъ Федръ. Ему нужно, чтобы читатель интересовался столько же разсказомъ и животными, выводимыми на сцену, сколько примѣненіемъ разсказа къ житейскому благоразумію или строгой морали.

Басни его отличаются безъискуственной простотой и живостью наивнаго выраженія. Одна изъ нихъ (Больной левъ) по отчетливой характеристикѣ животныхъ, по остроумно-выбраннымъ положеніямъ и юмористическому тону есть замѣчательное произведеніе, представляющее до извѣстной эпической широты доведенный матеріалъ животной саги.

Извѣстнѣйшими представителями этого направленія басни справедливо почитаются Лафонтенъ и Крыловъ. Они возвысили ее достоинствомъ обоихъ ея членовъ: разсказа и заключительной, лежащей въ основаніи его мысли. Разсказъ отличается поэтическимъ изображеніемъ, которое и само по себѣ, независимо отъ вывода, интересуетъ читателя. Событіе изъ міра животныхъ выступаетъ какъ драма. Дѣйствующія лица являются не простыми аллегоріями, годными лишь для доказательства нравственныхъ или другихъ положеній и нисколько не теряющими отъ того, если они замѣнятся отвлеченными понятіями: хищность, хитрость, глупость, и пр., но дѣйствительно-живыми существами, съ плотію и кровію, съ разнообразіемъ внѣшняго вида и движеній, каждое съ отправленіями неизмѣннаго своего характера. Значеніе вывода расширено: онъ не вращается исключительно въ средѣ поучительныхъ изреченій, хотя и можетъ принадлежать къ міру нравственныхъ идей и правилъ. Не всегда занимаетъ онъ особое мѣсто, въ концѣ или началѣ басни, но часто выговаривается въ рѣчи дѣйствующаго лица, почему и становится своего рода фактомъ, живою частію разсказа. Иногда и того нѣтъ: баснописецъ представляетъ самому читателю сдѣлать заключеніе, а самъ только даетъ поводъ къ нему своимъ разсказомъ; басня ведетъ основную мысль не за собою, а съ собою, какъ выразился Лафонтенъ ([1]). Наконецъ, иныя басни допускаютъ не одинъ выводъ, а нѣсколько. Въ вымышленныхъ событіяхъ изъ міра животныхъ, и Лафонтенъ и Крыловъ изображаютъ явленія нашей собственной жизни, преимущественно со стороны сатирической. Съ этой стороны знаменательно названіе «Свѣтъ», данное Штриккеромъ, нѣмецкимъ писателемъ XIII в., сборнику его басенъ, хотя онѣ, по своему направленію, исключительно моральныя. Съ большимъ основаніемъ Лафонтенъ назвалъ свои басни пространной, стоактной комедіей, разыгрываемой на сценѣ міра:

Une ample comédie à cent actes divers,
Et dont la scène est l'univers.

Въ постановкѣ на сцену и заключается поэтическій интересъ басни.

[1]) Le conte fait passer la morale avec lui.

Одно изъ достоинствъ этой постановки—вѣрное изображеніе выводимыхъ тварей, согласное съ ихъ природой, напоминаетъ о родствѣ животной басни съ животнымъ эпосомъ; другія отличія принадлежатъ ей собственно, какъ произведенію искуственной поэзіи: это—ограниченность объема, юмористическій тонъ, точный прицѣлъ и вѣрный, эпиграмматическій ударъ. Не всѣ, конечно, смотрѣли одинаково на Лафонтенову басню. Лессингъ и Гриммъ, каждый съ своихъ точекъ зрѣнія, дали объ ней неблагосклонные отзывы. Лессингъ осуждалъ ее именно за поэтическія украшенія, а Гриммъ за то, что наивныя черты, вмѣняемыя въ заслугу Лафонтену, не вознаграждаютъ ни утраченной простоты животной саги, ни эпической ея полноты. Но какъ бы ни было, а то несомнѣнно, что разсказъ у Лафонтена и Крылова не представляетъ скелета, голаго доказательства какой нибудь истины; что выводъ не отсѣкается онъ него ex abrupto, въ видѣ особой статьи, шатко приставленной къ предъидущему или послѣдующему, и что басни этихъ лицъ долгое время читались людьми всѣхъ возрастовъ, тогда какъ басни Лессинга любопытны единственно, какъ опытъ критика, написанный въ подтвержденіе теоріи.

Чтобы не сбиваться въ приговорахъ о басняхъ Крылова, необходимо имѣть въ виду, что хотя онъ, равно какъ и Лафонтенъ, постоянно заботился, и по творческому инстинкту, и по сознанію, о поэтическомъ достоинствѣ разсказа, который могъ бы интересовать читателя даже помимо своего внутренняго смысла, однакожъ тѣмъ не менѣе главное вниманіе его устремлялось къ этому смыслу, а не къ оболочкѣ или средству, каковымъ служилъ разсказъ. Самъ Лафонтенъ называетъ басню (вымыселъ) тѣломъ аполога, а моральный выводъ (moralité) — его душою, показывая тѣмъ подчиненное отношеніе первой части аполога ко второй. Какъ дорожилъ моралью нашъ баснописецъ, мы уже знаемъ: въ числѣ благотворителей рода человѣческаго ставилъ онъ того, кто главнѣйшія нравоучительныя правила предлагаетъ въ короткихъ словахъ, дабы они глубже впечатлѣвались въ памяти. Понятіе Крылова о баснѣ вытекало изъ его взгляда на литературу вообще: онъ требовалъ отъ сочиненій улучшающаго, облагораживающаго дѣйствія. Между прочимъ, театръ долженствовалъ быть училищемъ нравовъ, судомъ заблужденій (¹). Притомъ же, сказали мы, басня Лафонтена и Крылова есть сатира, представляющая явленія человѣческой жизни въ формѣ повѣсти о явленіяхъ въ мірѣ животныхъ, а сатирикъ дѣйствуетъ намѣренно, съ извѣстной цѣлью, болѣе

¹) Почта духовъ, письмо XVII.

или менѣе подчиняя ей и поэтическія средства. Никто изъ развитыхъ людей временъ Лафонтена и Крылова не мечталъ наслаждаться басней, какъ дѣти сказкой. Каждый зналъ, что басня скрываетъ мысль, которая или выводится самимъ читателемъ или выговаривается авторомъ. Вышезамѣченное сходство между басней и пословицей подтверждается здѣсь снова. Кто пользуется пословицей, тотъ имѣетъ въ виду не столько ея выраженіе, какъ бы оно ни было фигурально, сколько опытъ практической народной мудрости, или правило житейскаго благоразумія, которымъ нужно подкрѣпить какую-нибудь мысль. Равнымъ образомъ, кто читаетъ басню, тотъ, любуясь поэтическою красотою вымысла, все же ожидаетъ вывода, дающаго ему знать или объ одномъ фактѣ изъ современной жизни или о цѣломъ рядѣ общественныхъ явленій. Взглядомъ баснописца на значеніе вывода, какъ «нравоучительнаго правила», объясняется многое въ его сочиненіяхъ, и между прочимъ ихъ невыгодныя стороны. Къ такимъ недостаткамъ принадлежитъ у Крылова, вопервыхъ, манера предпосылать выводъ разсказу, какъ его наглядному объясненію: заранѣе высказанная мысль даетъ возможность на половину, а иногда и вполнѣ, угадывать исходъ слѣдующей за тѣмъ повѣсти и тѣмъ самымъ подрываетъ ея интересъ. Такъ изъ перваго стиха басни «Волкъ и Ягненокъ»: «у сильнаго всегда безсильный виноватъ», ясно, что въ разсказѣ виноватымъ окажется Ягненокъ. Второй недостатокъ состоитъ въ изображеніи нѣкоторыхъ особенностей и дѣйствій, противныхъ природѣ животныхъ. Критика осуждала, напримѣръ отвѣтъ волковъ слону-воеводѣ:

Не ты ль намъ къ зимѣ на тулупы
Позволилъ легонькій оброкъ собрать съ овецъ?

На что, спрашивала она, волкамъ тулупы и какая имъ надобность въ овечьихъ шкурахъ? Недостаткомъ должно назвать также обстановку разсказа представленіями въ духѣ французскаго классицизма, которыя Лафонтенъ находилъ пристойными какъ для удовольствія публики, такъ и для собственнаго развлеченія въ работѣ, Въ одной изъ лучшихъ своихъ басенъ: «Оселъ и Соловей», Крыловъ испортилъ картину и производимое ею впечатлѣніе слѣдующей вставкой:

Внимало все тогда
Любимцу и пѣвцу Авроры:
Затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры
И прилегли стада.
Чуть-чуть дыша, пастухъ имъ любовался,
И только иногда,
Внимая соловью, пастушкѣ улыбался.

Если можно еще допустить первые четыре стиха, какъ прикрасу, хотя она и придаетъ миѳическое значеніе соловьиному голосу, то послѣдніе три непріятно вырываютъ читателя изъ русской среды и переносятъ его въ пасторальный міръ Фонтенеля и мадамъ Дезульеръ. Подобною идилліей начинается и басня Ручей:

Пастухъ у ручейка пѣлъ жалобно, въ тоскѣ,
Свою бѣду и свой уронъ невозвратимый:
Ягненокъ у него любимый
Недавно утонулъ въ рѣкѣ.

Замѣчательно, что эти строки написаны тѣмъ же самымъ перомъ, которое въ «Каибѣ» съ такимъ здравымъ смысломъ и остроуміемъ осмѣяло русскихъ идилликовъ. Чтожъ это доказываетъ? Или указанные недостатки Крыловъ не почиталъ недостатками, или смотрѣлъ на нихъ сквозь пальцы, какъ на букашекъ и козявокъ, въ сравненіи съ слономъ, на которомъ слѣдуетъ въ особенности останавливать вниманіе. Онъ могъ мириться съ ними ради меткой сатиры или нравственнаго внушенія, думая, что и читатель, по тому же расчету, отпуститъ автору кой-какія уклоненія отъ выдержанности или неестественности. Конечно, неприлично волкамъ просить себѣ тулуповъ на зиму, когда природа и безъ того одѣла ихъ теплыми тулупами; но развѣ не было у насъ такихъ воеводъ, для которыхъ резоны вопіющей нелѣпости имѣли силу крайнихъ, добросовѣстныхъ убѣжденій? Чтобы рельефнѣе выставить «мудрость» подобныхъ администраторовъ, Крыловъ рѣшился, въ докладѣ волковъ, приписать имъ потребность, несогласную съ ихъ приридой. Пускай въ разсказѣ о соловьиномъ пѣньѣ закралось аркадское освѣщеніе, но этотъ оселъ, отъ позы своей до изреченнаго имъ приговора, есть чисто-русскій оселъ, въ тупой самоувѣренности почитающій себя знатокомъ, судьею и меценатомъ. Правда и то, что начало басни «Ручей», по идиллическому тону, расходится съ слѣдующимъ за тѣмъ разсказомъ; но Крыловъ направлялъ разсказъ къ заключенію, указывающему на быструю перемѣну въ людяхъ съ возвышеніемъ ихъ общественнаго мѣста:

Какъ много ручейковъ текутъ такъ смирно, гладко,
И такъ журчатъ для сердца сладко
Лишь только отъ того, что мало въ нихъ воды!

Это заключеніе и было цѣлью басни, своимъ значеніемъ покрывавшее «кудрявый складъ» первыхъ стиховъ.

Указавъ мѣсто, занимаемое баснями Крылова въ исторіи басни, мы должны теперь разсмотрѣть ихъ предметы или темы. Этимъ разсмотрѣніемъ опредѣлится ихъ общественное значеніе, равно и

взгляды автора на тѣ явленія, по поводу которыхъ онъ принимался за перо. Такъ какъ онъ приступилъ къ новой дѣятельности съ понятіями, твердо сложившимися и достаточно заявленными въ комедіяхъ и журналахъ, то она сохранила прежнее, консервативное направленіе. Слѣдовъ внутренней непослѣдовательности также трудно найти въ его басняхъ, при сличеніи однѣхъ съ другими, какъ и между его баснями съ одной стороны и прежними сочиненіями съ другой. Отсутствіе противорѣчій происходило не отъ старанія оставаться вѣрнымъ самому себѣ, а отъ трудности быть себѣ невѣрнымъ. Крыловъ не испытывалъ по этому поводу никакого умственнаго насилія или внутренняго раздора. Дѣло дѣлалось легко и естественно, безъ спора съ убѣжденіями и чувствами.

На первомъ планѣ слѣдуетъ поставить басни, вызванныя мыслію о воспитаніи, которому авторъ и прежде посвящалъ большую часть своихъ сужденій, связывая въ нихъ воспитательный вопросъ съ вопросомъ о патріотизмѣ и народной нравственности. Сюда относятся: Воспитаніе Льва (1811), Крестьянинъ и змѣя (1813), Бочка (1814) и Кукушка и Горлинка (1817). Самъ Крыловъ придавалъ этимъ баснямъ особенную важность, что доказывается серьезнымъ, строго-внушительнымъ тономъ ихъ наставленій, прямо обращенныхъ къ родителямъ:

Отцы, понятно ль вамъ, на что здѣсь мѣчу я?...
(*Крестьянинъ и Змѣя*).
Старайтесь не забыть, отцы, вы басни сей.
(*Бочка*).
Отцы и матери! вамъ басни сей урокъ.
(*Кукушка и Горлинка*).

Въ своихъ совѣтахъ баснописецъ выставляетъ необходимость національнаго воспитанія и личнаго родительскаго надзора за дѣтьми, на ряду со вредомъ, приносимымъ юношеству иностранными наставниками и наставницами. Басня «Крестьянинъ и Змѣя» явилась вскорѣ послѣ войны съ Наполеономъ и какъ бы напоминаетъ русскимъ, что у нихъ коротка память золъ, которые онъ причинилъ нашему отечеству: французы, по прежнему, находили себѣ радушный пріемъ и выбирались въ руководители умственнаго и нравственнаго образованія дѣтей. «Бочка» представляетъ слѣдствія вредныхъ ученій, которыми съ юныхъ дней напитывается русскій человѣкъ. Въ чемъ состоятъ эти ученія, авторъ не высказалъ: онъ только обратилъ на нихъ вниманіе родителей. Предположеніе, что подъ ними разумѣется мистицизмъ, не можетъ быть подкрѣплено исторіей: мистицизмъ развился позднѣе 1814 г. и притомъ усвоивался не въ школѣ и не въ домашнемъ воспитаніи, а по выходѣ

изъ школы и семейства при условіяхъ извѣстной самостоятельности въ характерѣ и въ жизни: развѣ возможно быть мистикомъ дитяти или учащемуся юношѣ? Вреднымъ ученіемъ Крыловъ, безъ сомнѣнія, называлъ образъ мыслей, передаваемый молодому племени тѣми же иностранцами. Смыслъ басни: «Воспитаніе Льва» показываетъ, чему должно обучать наслѣдниковъ престола:

. . . Важнѣйшая наука для царей—
Знать свойство своего народа
И выгоды земли своей.

Эта наука обязательна для каждаго гражданина и есть не что иное, какъ національное образованіе. Не безъ основанія думаютъ, что авторъ своею баснею намекалъ на неправильное образованіе Императора Александра I, которое бабка его, Екатерина Великая, поручила женевцу Лагарпу, человѣку благороднаго образа мыслей, но не знавшему Россіи ([1]).

За баснями, выражающими понятія о воспитаніи, ставимъ басни, предметъ которыхъ — обличеніе невѣжества. Таковы: Пѣтухъ и жемчужное зерно (1809), Мартышка и очки (1815), Свинья подъ дубомъ (1825) и Голикъ (1825). Хотя первая изъ нихъ есть подражаніе Федровой или Лафонтеновой, но Крыловъ расширилъ ея значеніе: латинскій баснописецъ примѣнилъ свой разсказъ къ тѣмъ лицамъ, которые не цѣнили его басенъ; французскій—къ людямъ, ничего не смыслящимъ въ ученыхъ драгоцѣнностяхъ (рѣдкихъ манускриптахъ); Крыловъ разумѣлъ невѣждъ вообще:

Невѣжи судятъ точно такъ:
Въ чемъ толку не поймутъ, то все у нихъ пустякъ.

Въ «Мартышкѣ и очкахъ», невѣжда не только называетъ драгоцѣнную или полезную вещь пустою, потому только, что она ему ни на что не годится, но и дурно отзывается объ ней;

А ежели невѣжа познатнѣй,
Такъ онъ ее еще и гонитъ.

«Свинья подъ дубомъ» есть образъ невѣжды, который, будучи не въ состояніи цѣнить науки и ученые труды, бранитъ ихъ,

Не чувствуя, что онъ вкушаетъ ихъ плоды.

Невѣжественное отношеніе къ наукѣ представлено также въ «Голикѣ», что видно изъ толкованія этой басни:

Бываетъ столько же вреда,
Когда

---

[1]) Кеневичъ: Примѣчанія къ баснямъ Крылова.

Невѣжда не въ свои дѣла вплетется
И поправлять труды ученаго возьмется.

Преслѣдуя невѣжество, Крыловъ, казалось бы, долженъ былъ восхвалять просвѣщеніе. Но такихъ басенъ у него нѣтъ, а есть другія, выставляющія, напротивъ, вредъ или смѣшныя стороны просвѣщенія. Не могъ онъ, конечно, не знать важности науки, которую самъ же защищалъ противъ неблагодарныхъ или сильныхъ невѣждъ. Значитъ, та образованность, что развилась передъ его глазами въ нашемъ обществѣ, была ему не по вкусу. Чѣмъ же она ему не нравилась? Или какая образованность ему нравилась? Баснею «Червонецъ» (1812) доказывается слѣдующая «святая истина»:

Полезно ль просвѣщенье?
Полезно, слова нѣтъ о томъ;
Но просвѣщеніемъ зовемъ
Мы часто роскоши прельщенье,
И даже нравовъ развращенье.
Такъ надобно гораздо разбирать,
Какъ станешь грубости кору съ людай сдирать,
Чтобъ съ ней и добрыхъ свойствъ у нихъ не растерять,
Чтобъ не ослабить духъ ихъ, не испортить нравы,
Не разлучить ихъ съ простотой,
И, давши только блескъ пустой,
Безславья не навлечь имъ вмѣсто славы.

Ясно, о какомъ просвѣщеніи здѣсь говорится. Это—давно извѣстная намъ наружноевропейская образованность, пріобрѣтавшаяся русскими въ ущербъ ихъ народному и человѣческому достоинству, Крыловъ имѣлъ полное право отвергнуть это мнимое и вредное просвѣщеніе: образъ его мыслей раздѣляли съ нимъ всѣ благонамѣренные люди. Но кромѣ лже-просвѣщенія, ослаблявшаго народное чувство, портившаго нравы, отлучавшаго отъ доброй простоты и навлекавшаго безславье, развивалось у насъ, много или мало, и другое, достойное симпатій патріота: московскій университетъ продолжалъ свою полезную дѣятельность, университеты новооснованные доставляли возможность провинціальному юношеству получать высшее образованіе, число гимназій и другихъ учебныхъ заведеній увеличивалось, законъ 1809, хотя и насильственнымъ образомъ—приманкою чиновныхъ привиллегій,—побуждалъ дворянъ добиваться университетскаго аттестата, литература представляла не мало явленій, ручавшихся за ея успѣхъ. Баснописецъ не могъ не знать фактовъ современнаго ему, передъ его глазами происходившаго образовательнаго движенія: почему бы не отнестись къ нимъ сочувственно? Развѣ опасность отъ поверхност-

ной, внѣшней подражательности европейцамъ была до того велика, что заслоняла передъ нимъ добрыя начинанія и ходъ истиннаго образованія? Или и это послѣднее онъ признавалъ опаснымъ?... Крыловъ, какъ видно изъ письма къ нему Оленина ([1]), долго занимался вопросомъ о пользѣ истиннаго просвѣщенія и пагубныхъ слѣдствіяхъ суемудрія. Образцикомъ его воззрѣній на то и другое можетъ служить басня «Водолазы» (1813). Какого-то царя тревожило страшное сомнѣніе:

Не болѣе ль вреда, чѣмъ пользы отъ наукъ?
Не разслабляетъ ли сердецъ и рукъ
Ученье?
И не разумнѣе ль поступитъ онъ,
Когда ученыхъ всѣхъ изъ царства вышлетъ вонъ?

Сомнѣнье царя разрѣшилъ пустынникъ притчею о рыбакѣ и троихъ его сыновьяхъ. Бросивъ скудный отцовскій промыселъ, они задумали добывать жемчугъ. Одинъ изъ нихъ, лѣнивый, сбиралъ лишь тотъ жемчугъ, что волной выбрасывало ему на берегъ; другой, умѣя выбирать глубину себѣ по силамъ, отыскивалъ жемчугъ на днѣ и всечасно богатѣлъ; третій, томимый алчностью къ сокровищамъ, пустился въ открытое море, гдѣ и нашелъ свою смерть. Отсюда заключеніе:

Хотя въ ученьи зримъ мы многихъ благъ причину,
Но дерзкій умъ находитъ въ немъ пучину
И свой погибельный конецъ,
Лишь съ разницею тою,
Что часто въ гибель онъ другихъ влечетъ съ собою.

И такъ Крыловъ не противъ наукъ: онъ только требуетъ ученья по силамъ человѣку, умѣреннаго, серединнаго между невѣжествомъ, происходящимъ отъ лѣности, и глубокимъ, пучиннымъ знаніемъ, или всезнаніемъ, происходящимъ отъ дерзости ума и ведущимъ, по словамъ пустынника, къ гибели. Съ какой стороны ни судить о притчѣ, она оказывается несостоятельною, построенною на такомъ сравненіи, которое, по французской поговоркѣ, ничего не доказываетъ. Алчность къ пріобрѣтенію матеріальныхъ богатствъ нельзя уподоблять жаждѣ умственныхъ изслѣдованій, глубины знанія. Въ стремленіи къ истинѣ, умъ не можетъ остановиться на серединѣ. Врожденная, совершенно законная пытливость духа влечетъ человѣка нескончаемо и безгранично, хотя бы за это влеченіе онъ жертвовалъ жизнью или навсегда утрачивалъ счастіе, какъ юноша въ Шиллеровомъ стихотвореніи: «Покрытый истуканъ

[1]) Письмо помѣщено въ Описаніи торжественнаго открытія И. П. Б. 1814 г.

въ Саисѣ». Эта пытливость есть столько же прирожденное намъ свойство, сколько и необходимое условіе нашего совершенствованія, почему и нельзя сказать, будто водолазъ Крылова «погибаетъ отъ того, что рѣшился на дѣло, противное природѣ человѣка» (¹). Если же на притчу пустынника смотрѣть по отношенію ко времени ея появленія, то ее по малой мѣрѣ слѣдуетъ назвать несвоевременною и неумѣстною. Мы и теперь еще не можемъ похвалиться успѣхами въ любомудріи: если любомудріе—зло, то оно и теперь у насъ въ большомъ недостаткѣ, а не въ большомъ излишкѣ. Разумѣется, и предки наши, въ первую половину царствованія Александра I, не до такой степени погружались въ знанія, чтобы слѣдовало удерживать ихъ рвеніе; напротивъ, было бы благоразумнѣе и патріотичнѣе возбуждать въ нихъ охоту къ умственнымъ трудамъ, которымъ очень немногіе посвящали свое время. Мнѣніе, что Крыловъ, по существенному отличію своего таланта, ко всему относился не иначе, какъ критически, можетъ оправдывать другаго писателя, а не нашего, который такъ высоко цѣнилъ нравоучительные выводы и цѣлью авторской дѣятельности ставилъ пользу согражданъ. Такой писатель и при выборѣ предметовъ для сатиры и въ самой сатирѣ обязанъ руководствоваться не однимъ естественнымъ позывомъ таланта, но и взглядомъ на литературу, имъ же самимъ высказаннымъ. Въ неумѣньѣ на первыхъ порахъ приняться за хорошее дѣло, или въ неловкости, съ какой принимаются за него новички, и въ происходящихъ отсюда комическихъ сценахъ, онъ не дозволитъ себѣ видѣть уже крайность зла и не замѣчать начала добра; иначе сатира нанесетъ вредъ самымъ уважительнымъ стремленіямъ общества. Настроеніе сатирика сообщится читателямъ, которые, ради нелѣпостей и неудачъ, обнаруживаемыхъ при вступленіи въ неизвѣданныя дотолѣ области, сочтутъ и послѣднія нелѣпостью. Къ числу такихъ областей принадлежала въ нашемъ обществѣ наука. Въ старину запрещали читать Библію, потому-де что на этомъ чтеніи многіе сошли съ ума; при Ломоносовѣ превратные толкователи слова Божія вооружались противъ изслѣдователей, желавшихъ проникнуть въ тайны естества; и за послѣдніе годы царствованія Александра слылъ, по выраженію Грибоѣдова, опаснымъ мечтателемъ тотъ, кто умъ свой, алчущій познаній, вперялъ въ науки. Крыловъ, можетъ быть незамѣтно для него самого,ороднился съ исчисленными здѣсь, старыми и новыми, противниками ученія, почему и сѣтовали на него образованнѣйшіе изъ его современниковъ,

¹) Примѣчанія къ баснямъ Крылова, г. Кеневича, стр. 119.

какъ литераторы, такъ и нелитераторы. По мнѣнію г. Кеневича, Крыловъ указываетъ въ «Водолазахъ» на вредныя послѣдствія увлеченія не истинною, а ложною идеей, говоритъ о политическомъ и религіозномъ вольнодумствѣ, какъ «пагубномъ суемудріи» и причинѣ народныхъ бѣдствій (1). Но мы уже замѣтили, что исканіе глубочайшихъ истинъ вовсе не противно, а на оборотъ—свойственно природѣ человѣка, и потому не можетъ быть относимо къ ложнымъ идеямъ или ложнымъ увлеченіямъ. А если бы и такъ, то ложныя идеи не одно и тоже съ глубокими идеями и вольнодумство не одно и тоже съ глубиною мудрости, слѣдовательно по малой мѣрѣ выходитъ, что аллегорическій образъ, взятый баснописцемъ, не соотвѣтствуетъ его мысли. Остается третья, по моему мнѣнію, ближайшая къ истинѣ точка зрѣнія на басню «Водолазы». Источникъ ея въ равнодушіи автора къ знанію, какъ знанію, независимо отъ его практическихъ надобностей, которыя онъ цѣнилъ по преимуществу и даже исключительно. Тяжелый на подъемъ, онъ и въ другихъ не одобрялъ качествъ, противоположныхъ своей собственной природѣ. Сравнивая себя, какъ баснописца, съ морякомъ, который отъ того только не испыталъ бѣдъ, что не хаживалъ далеко въ море, онъ боялся за отважныхъ, пустившихся въ открытый океанъ. Продолжая сравненіе, можно сказать, что, кромѣ поэтическаго моря, есть другое, еще болѣе обширное—море науки. Кто недолго и недалеко странствовалъ по немъ, тотъ не можетъ, конечно, судить ни объ его опасностяхъ, ни объ его сокровищахъ. Образованіе Крылова было очень ограниченно и мелко, и въ этомъ заключается истинная причина его неблагосклоннаго отношенія къ глубинѣ знаній.

Грѣха таить нечего, мы способны слишкомъ быстро вдаваться въ крайности, иногда смѣшныя, иногда и вредныя. Сатира имѣетъ полное право обличать грѣхи, но не должна бросать камнемъ въ самый предметъ нашихъ увлеченій, за которыя онъ не отвѣчаетъ, и, поражая крайности, не охлаждать сочувствій къ тому, что въ сущности полезно. Догадка и простой пріемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ рѣшаютъ дѣло лучше, чѣмъ трудъ и мудрость: это извѣстно каждому; но отсюда никакъ не слѣдуетъ, чтобы «трудъ и мудрость», напрасно потраченные какимъ-нибудь педантомъ, вообще уступали въ своемъ значеніи простой догадливости русскаго человѣка. «Ларчикъ» Крылова (1808) октрывался просто, безъ помощи механики; однакожъ, сколько есть такихъ вещей, которыя можно открыть и устроить только съ помощью механики! Между тѣмъ

1) Ib. 118—119.

ироническія и колкія слова: «механики мудрецъ» ([1]), показываютъ, на чью сторону склонялись вѣсы баснописца: на сторону ли врожденной намъ смѣтливости, которой намъ не учиться стать, или на сторону раціональнаго веденія всѣхъ частей нашей жизни, что пріобрѣтается лишь наукой. Не меньше насмѣшки и въ заключительныхъ стихахъ басни «Огородникъ и философъ» (1811):

А философъ
Безъ огурцовъ.

Правда, философъ былъ «недоученый, лишь изъ книгъ болтавшій про огороды». Авторъ могъ бы вывести отсюда другую, слѣдующую мораль: начавъ чему нибудь учиться, должно доучиваться; свѣдѣнія, почерпнутыя изъ книгъ, необходимо провѣрять на практикѣ, примѣняя ихъ къ мѣстнымъ условіямъ. Но онъ поступилъ не такъ: онъ философіи (т. е. наукѣ вообще) и книжнымъ знаніямъ противополагаетъ «прилежность и навыкъ», какъ бы признавая ихъ наиболѣе правильными и безошибочными орудіями успѣха, выгоднѣйшею замѣною науки. Замѣтивъ, какъ въ свѣтѣ часто упускаютъ изъ виду цѣли дѣйствій и видятъ силу вещей не тамъ, гдѣ она пребываетъ, Крыловъ написалъ басню «Крестьянинъ и Лисица» (1830). Лисица удивляется дружбѣ крестьянина къ лошади—изъ всѣхъ звѣрей едва ли не глупѣйшаго, по ея мнѣнію. Что же отвѣчаетъ крестьянинъ?

Эхъ, кумушка, *не въ разумѣ тутъ сила!*
. . . . . *Все это суета*:
Мнѣ нужно, чтобъ она меня возила,
Да чтобы слушалась кнута.

И здѣсь, безъ натяжки, можно придти къ такому заключенію: не только безъ науки, даже безъ ума нѣкоторыя цѣли достигаются скорѣе и лучше, чѣмъ съ умомъ. По поводу басни «Любопытный» (1814) справедливо было замѣчено, что Крыловъ ни въ басняхъ, ни прежде не выразилъ своего сочувствія ни къ какимъ открытіямъ, изобрѣтеніямъ или нововведеніямъ, но что, напротивъ, онъ больше представлялъ ихъ недостатки, чѣмъ выгоды: такъ въ «Огородникѣ и философѣ» онъ смѣется надъ агрономическими опытами, отдавая преимущество простому навыку, а въ «Любопытномъ»—надъ кропотливыми изслѣдованіями ученыхъ ([2]). Боязнь за

[1]) Такая-же иронія и въ стихѣ: «какъ видно, молодецъ механикой былъ страстенъ» (Механикъ, 1816).

[2]) Замѣчаніе высказано г-мъ Флери въ его статьѣ о Крыловѣ (Journal de S.-Petersbourg 1867, № 219). Нѣкоторыя мѣста изъ нея приведены въ «Примѣчаніяхъ» г. Кеневича.

вредныя послѣдствія, которыя губятъ не одинъ только дерзкій умъ, но и другихъ людей, имъ увлекаемыхъ, заставили Крылова умалчивать о добрыхъ послѣдствіяхъ науки и даже смотрѣть на нее вообще неблагосклонно. Слова: «философія», «философъ», почти тождественныя по значенію съ словами: «ученость, ученый», заклеймены въ его басняхъ характеромъ смѣшныхъ прозвищъ. Скворецъ (въ баснѣ: «Котенокъ и Скворецъ», 1825) хотя плохо пѣлъ, но былъ «презнатный философъ, до дна исчерпавшій философію» и ставшій самъ ея жертвою. Кого бы ни имѣлъ въ виду Крыловъ, сочиняя басню «Сочинитель и разбойникъ» (1817): именно ли Вольтера, какъ думаютъ сами французы, или вообще сочинителей съ развратнымъ и злымъ направленіемъ, какъ полагаетъ Гоголь— все равно; между обоими толкованіями нѣтъ существенной разницы: очень часто случается, что басня, написанная на извѣстное лице или опредѣленный случай, получаетъ потомъ общее примѣненіе ко всѣмъ подобнымъ лицамъ и случаямъ. Важны здѣсь два другія обстоятельства: во-первыхъ то, что Крыловъ, по своему понятію о пользѣ моральнаго направленія въ литературѣ, долженъ былъ казнить сочинителя, разливавшаго тонкій ядъ въ своихъ твореніяхъ, несравненно строже, чѣмъ разбойника; во-вторыхъ то, что онъ съ особеннымъ стараніемъ останавливался на вредныхъ или смѣшныхъ сторонахъ науки и литературы, какъ будто та и другая возбуждали въ его время особенный страхъ своею безнравственностью, всѣмъ видною, для всѣхъ ощутительною. Послѣднее обстоятельство толкуется различно: одни (г. Кеневичъ) утверждаютъ, что Крыловъ, по существенному отличію своего таланта, относился ко всему критически; по мнѣнію другихъ (Плетневъ), онъ воевалъ противъ крайностей во всемъ, зная, какъ близко отъ нихъ до бѣды. Смотря на басни Крылова съ любой изъ этихъ точекъ зрѣнія, не трудно, конечно, оправдать ихъ. Въ нихъ не найдешь ни странности, ни неумѣстности и несвоевременности; напротивъ, онѣ окажутся пригодными для каждаго времени и мѣста. Авторъ можетъ сказать: баснею «Ларчикъ» я хотѣлъ представить смѣшной педантизмъ мудрованія; баснею «Любопытный»—крайность пустаго любопытства, которое обращаетъ вниманіе на мелочи, не замѣчая крупнаго и важнаго; баснею «Огородникъ и философъ»— педантизмъ книжнаго знакомства съ предметами, и т. д. Трудно будетъ что-либо возразить противъ этихъ словъ, если отрѣшиться мыслію отъ того общества, для котораго они писаны. Но общественное значеніе литературныхъ произведеній опредѣляется какъ подборомъ ихъ предметовъ, такъ и взглядами, въ нихъ выражаемыми. И предметы и взгляды пріобрѣтаютъ большую или меньшую

важность, смотря по ихъ отношенію къ мѣсту и времени. Что хорошо и кстати въ одну эпоху, то непригодно и даже вредно для другой. Съ этой точки зрѣнія, басни Крылова, о которыхъ мы говорили, подлежатъ осужденію. Дѣйствительно, баснописецъ долженъ былъ подумать, чѣмъ болѣе страдало современное ему русское общество: привычкою ли видѣть то, чего нельзя не видѣть, что, по величинѣ своей, бросается въ глаза каждому, большому и малому, умному и глупому, или неумѣньемъ замѣчать такія вещи, которыя, кромѣ глазъ, требуютъ умственнаго зрѣнія и вниманія? поклоненіемъ ли навыку, державшему легіоны въ крѣпостной у себя зависимости, или педантическимъ стремленіемъ замѣстить безсознательный навыкъ сознательнымъ образомъ мыслей,—желаніемъ, которое заявляли единицы и десятки? довѣріемъ ли къ наукѣ и страстію рыться и погибать въ ея глубинахъ, или, на оборотъ, мелкимъ плаваніемъ по знанію, ученьемъ чему-нибудь, а чаще полнымъ равнодушіемъ къ ученію? развивалась ли на виду у баснописца литература съ безнравственнымъ направленіемъ? гдѣ сочинители, отравлявшіе ядомъ своихъ твореній общество, или философы-наставники, заражавшіе ядовитымъ ученіемъ юношество? Если отвѣты на эти вопросы легки и ясны, то непонятна случайность, по которой человѣкъ такого ума и таланта, какъ Крыловъ, обходилъ большинство явленій, наиболѣе тяжкихъ, будто ихъ вовсе не существовало, и выбиралъ предметомъ своей сатиры меньшинство противоположныхъ явленій, какъ будто въ нихъ сосредоточивалась вся сила народнаго зла. Послѣдніе въ отношеніи къ первымъ были тоже, что мушки и букашки относительно слона. Почему и какъ баснописецъ преслѣдовалъ мушекъ и букашекъ, и не замѣчалъ слона? Мы находимъ главный, если не единственный тому источникъ—въ совершенномъ недостаткѣ научнаго образованія, безъ котораго нельзя ни судить о наукѣ, ни сочувствовать ей, а можно только относиться къ ней или равнодушно, или недоброжелательно. По этой же причинѣ современники Крылова, научно образованные, умѣли отличать въ немъ силу таланта отъ малознанія. Въ числѣ ихъ, Сперанскій отзывался о немъ, какъ «о порядочномъ невѣждѣ» (1).

Басня «Конь и Всадникъ» (1814) страдаетъ, по моему мнѣнію, тѣмъ же недостаткомъ, какъ и вышеприведенныя, направленныя противъ крайностей просвѣщенія, а именно: серьезность ея обличающаго разсказа и заключительной мысли не отвѣчала значенію обличаемаго. По вымыслу и выводу, она—прямая противополож-

1) Рус. Архивъ 1868, № 7 и 8, въ Письмахъ къ дочери.

ность баснѣ, помѣщенной въ Аристотелевой Риторикѣ и придуманной поэтомъ Стезихоромъ въ поученіе Гимерейцамъ, которые, рѣшаясь воевать съ непріятелемъ, вручили главное начальство надъ войскомъ тирану, Филарису Агригентскому. «На лугу», разсказываетъ Стезихоръ, «паслась лошадь. Пришелъ олень и испортилъ пастбище. Задумавъ отомстить ему, лошадь просила человѣка о помощи. Человѣкъ обѣщалъ ее, но съ условіемъ, чтобы лошадь дозволила взнуздать себя и сѣсть на нее верхомъ. Лошадь согласилась. Тогда человѣкъ вмѣсто того, чтобы мстить оленю, обратилъ лошадь въ свою рабыню. Такъ и вы, Гимерейцы, страшитесь, чтобы лукавый всадникъ Фаларисъ, уже наложившій на васъ узду, не сѣлъ на васъ верхомъ: тогда навѣки погибнетъ ваша свобода». Горацій посвятилъ тому же сюжету нѣсколько стиховъ, а Лафонтенъ обработалъ его въ баснѣ: «Лошадь, хотѣвшая отмстить оленю», заключивъ свой разсказъ слѣдующею мыслію:

Quel que soit le plaisir que cause la vengeance,
C'est l'acheter trop cher que l'acheter d'un bien
Sans qui les autres ne sont rien (¹).

У Крылова и посылки другія, и выводъ не тотъ. Его всадникъ разнуздалъ коня, и ретивый конь, почуя волю, бѣшено помчался по полю, сбросилъ съ себя сѣдока и самъ убился до смерти въ оврагѣ. Сѣдокъ искренно раскаялся въ своемъ поступкѣ, причинившемъ такую напасть, а баснописецъ раскрываетъ передъ нами внутренній смыслъ повѣсти:

Какъ ни приманчива свобода,
Но для народа
Не меньше гибельна она,
Когда разумная ей мѣра не дана.

Г. Кеневичъ думаетъ, что Крыловъ, сочиняя «Коня и всадника», могъ имѣть въ виду французскую революцію и бѣдственныя ея послѣдствія. Если это справедливо, то басня чужда всякаго отношенія къ «русскому народу», и притомъ отодвинута на далекое разстояніе отъ совершившагося факта. Вѣрнѣе, мнѣ кажется, примѣнять ее къ намѣреніямъ правительства уничтожить крѣпостное право, которыя въ однихъ лицахъ встрѣчали сочувствіе, а другими были неодобряемы. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и Крыловъ, по свойственному ему консерватизму. Такъ какъ басня, въ изданіи 1825 г., помѣщена авторомъ въ самомъ началѣ, съ приложеніемъ къ ней картинки, наглядно удостовѣряющей читателей въ неразу-

¹) Le cheval s'étant voulu venger du cerf (книга IV, басня 10).

мін всадника и въ гибели коня, то было естественно, по справедливому замѣчанію г. Кеневича, искать въ ней прямыхъ намековъ на дѣйствительность и почитать ее, какъ выразился Плетневъ, отвѣтомъ на ходившіе въ обществѣ политическіе толки, которыхъ не могъ не вѣдать Крыловъ, если бы—что, впрочемъ, несомнѣнно—и не принималъ въ нихъ ни малѣйшаго участія. Хотя толки сами по себѣ—тоже фактъ, знаменующій настроеніе общества, но отъ нихъ до совершенія дѣла цѣлая бездна. Баснописецъ мысленно перешагнулъ эту бездну и представилъ себѣ крайность въ то время, когда еще не было сдѣлано и десяти твердыхъ начальныхъ шаговъ. Такое-то представленіе предмета и должно быть названо несоотвѣтствующимъ предмету, каковъ онъ былъ или есть.

Неправедный судъ, производимый «лихими супостатами» закона, постоянно занималъ Крылова. Ему посвятилъ онъ многія письма въ «Почтѣ духовъ»; его же не выпускалъ изъ виду и въ то время, когда обратился исключительно къ формѣ аполога. Одна изъ первыхъ его басенъ «Оракулъ» (1808), гдѣ подъ образомъ деревяннаго истукана представлены судьи, умные до той лишь поры, пока при нихъ умный секретарь, и одна изъ позднѣйшихъ «Вельможа» (1835), который не погубилъ цѣлаго края потому только, что не принимался за дѣла, показываютъ, съ какою неутомимостью преслѣдовалось имъ кривосудіе. Басни, относящіяся къ этой темѣ, были вызваны не простыми толками, заключенными въ предѣлахъ образованнаго меньшинства, но дѣйствительнымъ, закоренѣлымъ зломъ, тяготѣвшимъ, въ большей или меньшей мѣрѣ, надъ всѣми классами, — зломъ, отъ котораго, по выраженію поэта, «плакала Россія». Говорить о немъ было не поздно, такъ какъ его обличеніе, и послѣ многихъ, предшествовавшихъ тому обличеній, не сдѣлалось общимъ мѣстомъ; и наговориться о немъ нельзя было вдоволь, однажды навсегда. Причину повальнаго его господства баснописецъ объяснилъ въ «Почтѣ духовъ» слѣдующимъ образомъ: «разумъ съ честностью въ превеликой ссорѣ, такъ что теперь въ свѣтѣ можно сыскать добродушныхъ дураковъ и умныхъ бездѣльниковъ, но добродѣтельные мудрецы очень рѣдки, а особливо на судейскихъ стульяхъ». Что выйдетъ, если лица первой категоріи (добродушные дураки) сами начнутъ вершить дѣла и полагать резолюціи, видно изъ басни «Слонъ на воеводствѣ»: воевода дозволяетъ волкамъ взять съ каждой овцы по одной только шкурѣ. Образъ другаго добродушнаго дурака, къ счастію не занимавшагося дѣлами и потому, при всей своей власти, не погубившаго въ-конецъ ввѣреннаго ему края, нарисованъ въ «Вельможѣ». Представителемъ лицъ второй категоріи (умныхъ бездѣльниковъ), искусныхъ

въ томъ, чтобы при вопіющей неправдѣ соблюдать всѣ законныя формальности, служитъ Лиса — то секретарь, то прокуроръ; отъ нея преимущественно зависятъ судейскіе приговоры: въ баснѣ «Щука» (1830) она подаетъ совѣтъ утопить щуку въ рѣкѣ, въ наказаніе за ея плутовство и разбои, а въ баснѣ «Крестьянинъ и овца» (1823)—казнить овцу, обвиняемую въ истребленіи куръ. Взяткобрательствомъ заражены всѣ, отъ низшихъ инстанцій до высшихъ: ручейки и рѣчки, разорявшіе крестьянъ при своемъ разливѣ, несли половину похищеннаго ими въ рѣку (Крестьяне и рѣка, 1814). По пословицѣ: «свой своему по неволѣ братъ», всѣ жалобы въ этомъ отношеніи безполезны:

На младшихъ не найдешь себѣ управы тамъ,
Гдѣ дѣлятся они со старшимъ пополамъ.

«Нажиться на службѣ» сдѣлалось правиломъ для служащихъ и цѣлью поступленія на службу (Лисица и сурокъ 1813). Находя причину зла въ томъ, что разумъ съ честностью въ превеликой ссорѣ, Крыловъ доходитъ до пессимизма при взглядѣ на судопроизводство: онъ не ожидаетъ его исправленія ни отъ честныхъ глупцовъ, которые могутъ надѣлать столько же бѣдъ, сколько и умные бездѣльники, если еще не болѣе, ни отъ добродѣтельныхъ мудрецовъ, которыхъ трудно отыскать даже со свѣчкой, ни отъ повышенія окладовъ, улучшающихъ бытъ чиновника, ни отъ строгихъ указовъ, преслѣдующихъ судейское лихоимство. Гдѣ нѣтъ нравственной сдержки безчестнымъ поползновеніямъ, тамъ безсильны правительственныя мѣры. Внѣшній законъ окажется непрочною сѣтью для крупныхъ и мелкихъ администраторовъ: крупные прорвутъ ее, мелкіе проскользнутъ въ ея клѣтки. Только законъ внутренній (совѣсть) обезпечитъ правильное веденіе суда, и потому, для пресѣченія зла, необходимо нравственное образованіе гражданъ:

Въ комъ есть и совѣсть, и законъ,
Тотъ не украдетъ, не обманетъ,
Въ какой бы нуждѣ ни былъ онъ;
А вору дай хоть милліонъ—
Онъ воровать не перестанетъ.

Нѣкоторые педагоги осуждали послѣдніе два стиха, которые будто бы «придаютъ какой-то роковой характеръ воровству и очень легко могутъ заронить ложную мысль о неисправимости пороковъ вообще». Забавная черта нравственно-педагогическаго пуризма! Крыловъ, въ своихъ басняхъ, выражалъ наличныя, передъ его глазами происходившія явленія общественной жизни нашей, а не то,

что ему или другимъ было бы желательно видѣть. Что же ему было дѣлать, если онъ зналъ азартныхъ игроковъ, которые, хотя и рѣдко, забастовывали послѣ того, какъ большимъ выигрышемъ обезпечивали свою жизнь, но если не случалось ему ни слыхать, ни самому встрѣчать, чтобы судья добровольно оставлялъ теплое мѣстечко, приносившее ему большіе доходы! Да и желательны ли обществу такіе его члены, которые были нѣкогда ворами, а теперь, наживъ воровствомъ милліонъ, бросили свое ремесло и успокоились на добычѣ, какъ на лаврахъ? Хотя они, быть можетъ, и лучше нераскаянныхъ воровъ, но все же не служатъ отраднымъ знаменіемъ прошедшаго и не предвѣщаютъ ничего добраго будущему.

Обличая неправедный судъ, Крыловъ давалъ уроки и тѣмъ лицамъ, отъ власти которыхъ зависитъ обезпеченіе правильной администраціи путемъ законодательства. Хотя онъ, какъ мы видѣли, и плохо довѣрялъ силѣ внѣшнихъ побужденій, карательныхъ или поощрительныхъ, но все же требовалъ, чтобы законъ, по возможности, ограждалъ самъ себя точностью предписаній, чтобы каждая правительственная мѣра отвѣчала своей цѣли, а не имѣла свойства безплодно кружить около или приводить къ инымъ, рѣшительно нежелаемымъ результатамъ. Представленіемъ того, какъ нѣкоторые законы и учрежденія, при кажущейся ихъ стройности и прочности, оказываются негодными, служитъ басня «Лиса-строитель» (1811), оставившая для себя лазейку при возведеніи новаго курятнаго двора. Смыслъ басни тотъ, что нѣтъ пользы въ замѣнѣ стараго новымъ, когда послѣднее, благодаря эгоистическимъ расчетамъ учредителей, открываетъ свободный къ себѣ доступъ злоупотребленіямъ. По словамъ Плетнева, въ «Мірской сходкѣ» (1816) изъяснена несообразность многихъ общественныхъ постановленій. Дѣйствительно, отъ мѣропріятій всякаго рода нельзя ожидать ничего путнаго, если они обсуждаются и рѣшаются, по большинству голосовъ, людьми недобросовѣстными или незнакомыми съ предметомъ сужденій, если отъ совѣщаній о дѣлѣ устраняются эксперты, твердо его знающіе, или лица, наиболѣе въ немъ заинтересованныя. Сходка звѣрей единогласно и единодушно выбрала волка въ овечьи старосты....

Да что же овцы говорили?
На сходкѣ вѣдь онѣ ужъ, вѣрно, были?
Вотъ то-то нѣтъ! Овецъ-то и забыли!
А ихъ-то бы всего нужнѣй спросить.

Желаніе обезопасить гражданъ отъ враговъ общественнаго спокойствія заставляетъ иногда увеличивать число чиновниковъ. Басня

«Овцы и собаки» (1819) выставляетъ неудобство такой мѣры. Не говоря уже о томъ, что слишкомъ большіе штаты дорого обходятся казнѣ, дѣйствіе ихъ оказывается вреднымъ и въ другомъ отношеніи: собакъ, по разсказу Крылова, развелось столько, что онѣ переѣли всѣхъ овецъ, слѣдовательно учинили тоже самое, что безъ нихъ учинили бы волки. Одно другаго стоитъ. Баснописецъ требуетъ, чтобы при назначеніи лицъ на должности принимались къ соображенію единственно ихъ личныя достоинства: такой воевода, какъ слонъ, надѣлаетъ больше бѣдъ, чѣмъ дѣловой бездѣльникъ, по пословицѣ — простота хуже воровства. Если же, по невѣдѣнію или съ вѣдома назначающихъ, лисица поставится въ судью, секретаря или прокурора, а медвѣдь, охотникъ до меда, займетъ мѣсто надсмотрщика надъ ульями, пусть ихъ противозаконныя дѣйствія не останутся безъ возмездія. Хорошо, что административный обманъ лисицы, въ «Рыбьихъ пляскахъ» (1824), потерпѣлъ отъ льва достойную кару; но онъ могъ окончиться и совершенно иначе, какъ это видно изъ первой редакціи басни (¹). Нерѣдко онъ оканчивается номинальнымъ наказаніемъ, безъ всякой боли для преступника, или тратою словъ вмѣсто употребленія власти, или оставленіемъ наворованнаго въ рукахъ вора: такъ судъ приговорилъ медвѣдя, потаскавшаго медъ, пролежать зиму въ теплой берлогѣ (Медвѣдь у пчелъ, 1816); такъ поваръ думалъ исправить кота Ваську поученіями, дѣйствуя на его стыдъ и совѣсть, а Васька слушалъ да ѣлъ (Котъ и Поваръ 1812) (²); такъ баринъ хотѣлъ побоями отучить шаловливую собаку отъ воровства, не отнимая у ней кражи (Собака, 1816). Съ другой стороны, Крыловъ осуждаетъ какъ неразборчивое взысканіе, налагаемое сплошь и рядомъ на правыхъ и неправыхъ (Хозяинъ и мыши, 1811), такъ и поздно приходящую награду, которою уже не въ силахъ пользоваться лице, долговременно и безупречно служившее (Бѣлка, 1830). Наконецъ, въ баснѣ «Бритвы» (1829), онъ изобразилъ, по объясненію Гоголя, тѣхъ доброжелательныхъ, но недогадливыхъ начальниковъ, которые

Людей съ умомъ боятся
И терпятъ при себѣ охотнѣй дураковъ.

Изображеніемъ обще-человѣческихъ отношеній не ограничивается сфера басни: она можетъ идти дальше—изображать взаимныя отношенія гражданъ, по различію ихъ сословій и государственной

¹) «Примѣчанія» Кеневича. См. также «Замѣтки для біографіи Крылова», Я. Грота.

²) По преданію, котъ представлялъ министра финансовъ при Александрѣ I.

службы. Въ первомъ случаѣ, баснописецъ имѣетъ предметомъ указаніе законной равноправности людей, какъ существъ разумныхъ и нравственныхъ; во второмъ — указаніе законной равноправности гражданской и политической. Двѣ басни Крылова: «Листы и корни» (1811) и «Пушки и паруса» (1829) относятся къ послѣднему разряду. Первая изъ нихъ, по замѣчанію Плетнева, устанавливаетъ правильныя отношенія между двумя сословіями: высшимъ, или дворянскимъ, и низшимъ—крестьянскимъ. Она полагаетъ между ними такое различіе: листья съ каждою весною нарождаются вновь, а если засохнетъ корень, то не станетъ ни ихъ, ни дерева. Отсюда видно, что авторъ признавалъ въ земледѣльческомъ сословіи основный пластъ общества, которымъ, какъ деревья корнями, питаются и держатся всѣ прочіе общественные пласты. Къ рѣчи о сословіяхъ кстати указать здѣсь басни, выставляющія образъ мыслей или бытъ дворянства. Крыловъ обличалъ два крупныхъ недостатка этого класса: съ одной стороны, ложное пониманіе благородства (Гуси, 1811), съ другой—умѣнье разстраивать свое состояніе и неумѣнье поправлять состояніе разстроенное (Тришкинъ кафтанъ, 1815, и Мельникъ, 1825). «Пушки и паруса» опредѣляютъ отношенія двухъ родовъ службы: военной и статской, утверждая за каждой надлежащее мѣсто и значеніе въ государственномъ строѣ:

Держава всякая сильна,
Когда устроены въ ней всѣ премудро части:
Оружіемъ — врагамъ она грозна,
А паруса — гражданскія въ ней власти.

Басня написана въ то время, когда, по словамъ Гоголя, нѣкоторые военные люди стали утверждать, что въ государствѣ все должно быть основано на одной военной силѣ, а чиновники штатскіе, въ свою очередь, начали подтрунивать надъ всѣмъ, что ни есть военнаго. Но хотя она явилась въ 1829 г., а по своему содержанію была бы кстати и въ царствованіе Александра I. И тогда статская, или гражданская, служба ставилась ниже военной, особенно гвардейской, съ которой могло равняться только служеніе по дипломатической части.

До сихъ поръ мы говорили о басняхъ, имѣвшихъ или теперь имѣющихъ общественное значеніе. Онѣ могутъ назваться «историческими» въ томъ смыслѣ, что каждая изъ нихъ относится къ цѣлой области явленій, которыя извѣстное время господствовали въ обществѣ и слѣдовательно занимаютъ болѣе или менѣе видное мѣсто въ исторіи этого времени. Такъ, безъ сомнѣнія, понималъ ихъ и смотрѣлъ на нихъ самъ авторъ. Но кромѣ того есть у Кры-

лова басни собственно «историческія», т. е. такія, которыя написаны по поводу извѣстныхъ лицъ или событій. Въ числѣ этихъ историческихъ басенъ замѣчательны относящіяся къ войнѣ съ Наполеономъ въ 1812—13 гг. Ихъ четыре: «Волкъ на псарнѣ», «Обозъ», «Ворона и курица» (всѣ 1812), «Щука и котъ» (1813). О баснѣ: «Ворона и курица» упомянуто выше (¹). «Волкъ на псарнѣ» представляетъ стѣсненное положеніе Наполеона послѣ Бородинской битвы, его попытки вступить въ переговоры съ Кутузовымъ, изображеннымъ въ лицѣ хитраго ловчаго. Цѣль басни «Обозъ» — оправдать медлительность дѣйствій Кутузова, возбуждавшаго противъ него общественное мнѣніе. Поводомъ къ сочиненію басни «Щука и котъ» послужила неудача адмирала Чичагова, который долженъ былъ пресѣчь путь Наполеону черезъ Березину (²).

---

¹) Въ изложеніи патріотической литературы.

²) Какъ эти, такъ и другіе историческіе поводы указаны г. Кеневичемъ въ его любопытныхъ и тщательно собранныхъ «Библіографическихъ и историческихъ примѣчаніяхъ къ баснямъ Крылова». Замѣтимъ, однакожъ, что въ иныхъ мѣстахъ «Примѣчанія» увлеклись излишнимъ желаніемъ отыскивать, *кого именно* или *что именно* разумѣлъ авторъ, сочиняя свои басни. Отсюда явилось нѣсколько натянутыхъ и даже неправильныхъ толкованій. Приведемъ два примѣра. Басню «Парнассъ» (1808) г. Кеневичъ относитъ къ любимцамъ Императора Александра I, въ началѣ его царствованія—людямъ благороднымъ, образованнымъ, но совершенно неопытнымъ, которые были удалены послѣ Тильзитскаго свиданія. Между тѣмъ, эти люди въ баснѣ представлены *ослами*, названы *невѣждами* и заставили баснописца напомнить имъ старинное мнѣнье,

Что если *голова пуста*,
То головѣ ума не придадутъ мѣста.

Могъ ли Крыловъ, съ своимъ здравомысліемъ и осторожнымъ тактомъ, написать такую несообразность? Всегда за собой надзирая, всегда помня себя, онъ соблюдалъ мѣру какъ въ похвалахъ, такъ и въ порицаніяхъ. По мнѣнію Греча, въ баснѣ «Орелъ и паукъ» (1812) изображена судьба Сперанскаго. Г. Кеневичъ, находя такое объясненіе *правдоподобнымъ*, допускаетъ однакожъ другое, болѣе вѣрное предположеніе, что Крыловъ «предугадалъ (?) судьбу этого замѣчательнаго человѣка, который своимъ быстрымъ возвышеніемъ возбуждалъ зависть, а реформами—ненависть и злобу». Не говоря уже о томъ, что означенная басня принадлежитъ къ переводнымъ, выводъ ея показываетъ всю несостоятельность и объясненія Греча, и предположенія г. Кеневича: на этихъ пауковъ, заключаетъ баснописецъ, похожи

Тѣ, кои *безъ ума и даже безъ трудовъ*,
Тащатся вверхъ, держась за хвостъ вельможи.

Сперанскій—безъ ума и безъ трудовъ!... Надобно думать, что консерватизмъ довелъ Крылова до неимовѣрной ненависти и злобы.... Но въ томъ-то и дѣло, что чувства, какого бы рода они ни были, никогда не дѣйствовали на Крылова такъ сильно, чтобы потемнить его разумъ, и слѣдовательно никогда не могли его довести до такого вопіющаго противорѣчія между дѣйствительностью и ея представленіемъ.

Сдѣлавъ обзоръ главнѣйшихъ басенъ Крылова по ихъ предметамъ, обратимъ вниманіе на значеніе ихъ морали, и вообще на значеніе выводовъ изъ разсказа. Какого свойства тѣ нравственныя правила, которымъ авторъ приписывалъ благодѣтельную силу и которыя онъ или высказывалъ самъ отъ себя, или заставлялъ высказывать дѣйствующія лица?

Съ этой точки зрѣнія, нѣкоторые французскіе писатели, вслѣдъ за Руссо, осуждаютъ Лафонтена, находя въ его басняхъ полное отраженіе «гальскаго духа» (esprit gaulois), по природѣ своей способнаго съ одинаковымъ легкомысліемъ относиться къ важному и неважному. Руссо укорялъ матерей въ томъ, что онѣ даютъ своимъ дѣтямъ учить наизусть басни, смысла которыхъ дѣти не въ состояніи понять, но которыя, если бы были поняты, испортили бы дѣтское сердце, такъ какъ мораль ихъ, смѣшанная, безразличная, непослѣдовательная, направляетъ больше къ пороку, чѣмъ къ добродѣтели. Въ примѣръ индифферентизма (политическаго) историки французской литературы приводятъ стихи изъ басни «Летучая мышь и двѣ ласточки»:

Le sage dit, selon les gens:
Vive le Roi! Vive la Ligue!

Мудрость, по такому понятію, равнозначительна вѣроломству, хитрому плутовству, и басня, подмѣняя одно другимъ, учитъ быть болѣе ловкимъ, нежели честнымъ, выпутываться изъ непріятнаго положенія, а не стоять на сторонѣ права, если эта стойкость можетъ причинить какой-нибудь житейскій вредъ. Какъ примѣръ непослѣдовательности, состоящей въ томъ, что разныя басни говорятъ и pro и contra одного и тогоже предмета, указывается противорѣчіемъ между стихами:

On ne peut trop louer trois sortes de personnes:
Les dieux, sa maîtresse et son roi,

и другими баснями, въ которыхъ авторъ смѣется надъ служителями боговъ, дервишами, хвалитъ не одну только любимую женщину, но и многихъ женщинъ, и, прославляя короля, часто представляетъ его подъ страшнымъ образомъ царя звѣрей, котораго сила не всегда равняется справедливости. Порицаютъ также начальный стихъ басни «Волкъ и ягненокъ», выражающій общее, ничѣмъ неограниченное положеніе:

La raison du plus fort est toujours la meilleure;

гдѣ же, спрашиваютъ, нравственная сдержка, воспрещающая сильному злоупотреблять своею силой? гдѣ законъ, карающій злоупо-

требленія? или гдѣ общественное мнѣніе, ограждающее слабыхъ отъ произвола? Вообще, по заключенію французской критики, Лафонтенова мораль не отличается ни возвышенностью, ни строгостью. Она не предлагаетъ ни опредѣленныхъ правилъ, ни твердыхъ и благородныхъ цѣлей. Она не способна направлять и регулировать. Это—мораль практическаго, житейскаго благоразумія, которое болѣе боится промаховъ въ свѣтѣ, нежели нравственныхъ проступковъ, которое учитъ сносить зло, для избѣжанія горшаго зла, а не бороться съ нимъ и уничтожать его, которое охотно принимаетъ совершившіеся факты, оцѣнивая ихъ достоинство только по успѣху и посмѣиваясь надъ потерпѣвшими неудачу, которое, высказывая дурныя слѣдствія недостатковъ и совѣтуя исправиться въ нихъ, преимущественно имѣетъ въ виду недостатки, лично намъ вредящіе, а не тѣ, что вредятъ другимъ. Это—мораль опытности, а не принципа, проповѣдующая искусную принаровку къ обстоятельствамъ вмѣсто сопротивленія и самопожертвованія, любящая удовольствія жизни легкой и свободной свыше душевной независимости въ бѣдахъ и нуждѣ. Старайтесь знакомиться съ свѣтомъ, не будьте глупцами, не давайтесь въ обманъ ни самимъ себѣ, ни другимъ: вотъ сущность Лафонтевыхъ совѣтовъ (¹).

Хотя приведенные отзывы и справедливы до нѣкоторой степени въ отношеніи къ Лафонтену, однакожъ было бы ошибочно принимать ихъ за основу сужденій о Лафонтенѣ вообще, какъ о баснописцѣ. Такая критика противорѣчила бы значенію басни, навязывая ей требованія, нисколько необязательныя ни для нея, ни для другаго какого-либо поэтическаго вымысла. Изъ любви къ моральному догматизму она постоянно смѣшивала бы нравственную идею произведенія съ его нравоучительнымъ направленіемъ. Это смѣшеніе часто встрѣчается у французовъ и въ теоріи и на практикѣ. Басня въ томъ значеніи, какое сообщили ей Лафонтенъ и Крыловъ, не что иное какъ сатира. Она говоритъ о томъ, что есть, а не о томъ, что должно быть; изображаетъ зрѣлище міра дѣйствительнаго, а не лучшаго или идеальнаго. Если изображеніе вѣрно; если, притомъ, отступленія отъ разумности и нравственности не получаютъ характера общихъ, безусловныхъ положеній, не возводятся въ правило, не рекомендуются какъ обязательный образъ дѣйствій, то баснописецъ правъ; въ противномъ случаѣ, онъ виноватъ. Лафонтенъ грѣшитъ лишь тамъ, гдѣ выводу изъ явленій опредѣленнаго времени и мѣста придаетъ смыслъ повсемѣстности и всевре-

¹) La Fontaine et ses fables, par H. Taine (изд. 4-ое, 1861); La Fontaine et les fabulistes, par Saint-Marc Girardin (1867).

менности, или гдѣ снисходительно смотритъ на то, чего не могутъ извинить истина и нравственное чувство. Не выдавай онъ за мудрость умѣнье летучей мыши причислять себя и къ млекопитающимъ и къ птицамъ, т. е. мѣнять убѣжденія по эгоистическимъ расчетамъ; не называй онъ доводы волка наилучшими потому только, что волкъ сильнѣе ягненка: критикѣ не было бы возможности придраться къ двумъ вышеупомянутымъ баснямъ. Замѣтимъ кстати, что басня Волкъ и Ягненокъ нашла сильнаго порицателя въ Наполеонѣ. Живучи на островѣ Св. Елены, онъ заставилъ однажды малолѣтняго сына генерала Монтолона прочесть ее. Первый стихъ привелъ его въ негодованіе. Если такъ случается на самомъ дѣлѣ, сказалъ онъ, то это-злоупотребленіе силы, достойное наказанія: «волкъ долженъ былъ подавиться, пожирая ягненка». Будь на мѣстѣ Монтолонова сына мальчикъ поразвитѣе, онъ могъ бы возразить грозному воителю: а какъ же вы, волкъ изъ волковъ, пятнадцать лѣтъ сряду глотали цѣлыя стада барановъ—и не давились? Почему же съ Лафонтеновымъ волкомъ должна была случиться такая напасть именно въ то время и именно за ту добычу, о которыхъ идетъ рѣчь въ баснѣ? Можетъ быть, это первый опытъ его хищничества; можетъ быть, онъ и подавится на пятнадцатомъ ягненкѣ; а можетъ быть—кто знаетъ?—онъ будетъ своевольничать въ теченіе всей своей жизни и останется невредимымъ. Нѣсколько разъ касались мы сходства пословицъ съ баснями. Какъ пословица есть выводъ изъ житейскаго опыта, такъ и баснописецъ выводитъ изъ своего разсказа заключеніе, объясняющее внутренній его смыслъ. И пословица и басня выражаютъ то, что творится на бѣломъ свѣтѣ, вовсе не думая, что творимое принадлежитъ къ явленіямъ постояннымъ и должно быть непремѣнно таковымъ, а не чѣмъ-либо инымъ. Пословицы: «повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить», «каковъ въ колыбелку, таковъ и въ могилку», «рука руку моетъ», вовсе не означаютъ ни неисправимости людей, сбившихся съ прямаго пути, ни роковой силы природныхъ наклонностей, ни обязанности стакиваться для воровскихъ дѣлъ. Строгіе моралисты, если угодно, могутъ находить эти изреченія, равно какъ подобныя имъ сентенціи въ басняхъ, предосудительными; но въ такомъ случаѣ половина народныхъ пословицъ окажутся безнравственными. Требуя возвышенной морали отъ басенъ, французскіе критики забыли, что содержанію этого рода произведеній, по самой сущности дѣйствующихъ въ немъ тварей, гораздо приличнѣе элементъ разсудочный, необходимый для здравой практичности въ общественномъ и частномъ быту, нежели элементъ моральный; что попытки надѣлить

басню серьезнымъ паѳосомъ просто смѣшны и обличаютъ совершенное безвкусіе; что, поэтому, ни одному талантливому баснописцу не придетъ на мысль пользоваться животными, какъ примѣрами благороднѣйшихъ чувствъ и подвиговъ—патріотизма, самоотреченія, терпимости, сознанія долга и т. п.

Обращаясь къ баснямъ Крылова, мы должны предварительно замѣтить, что, по отношенію къ морали, онѣ могутъ быть раздѣлены на два разряда: въ однѣхъ авторъ указываетъ лишь то, что происходитъ между людьми, не сопровождая своего указанія нравоучительнымъ выводомъ; въ другихъ представленіе людскихъ дѣяній заключается урокомъ читателю.

Въ обоихъ разрядахъ нашъ баснописецъ осторожнѣе, солиднѣе Лафонтена. Осторожность его доказывается, во-первыхъ, тѣмъ, что онъ частный кругъ явленій не выдаетъ за общее состояніе человѣческой жизни или современнаго ему общества, а во-вторыхъ тѣмъ, что онъ нерѣдко воздерживается отъ собственнаго приговора надъ явленіями, предоставляя читателю судить о нихъ по впечатлѣнію, производимому разсказомъ. Крыловъ съ большимъ уваженіемъ смотрѣлъ на выбранную имъ литературную форму, обязывая ее, согласно съ своимъ взглядомъ на литературу, дѣйствовать въ пользу нравственности. Можно, какъ мы видѣли, обвинять его за нападки на такіе предметы, которые, по своей сущности, заслуживали сочувствія, а по своему уклоненію отъ правильнаго пути еще не представляли опасности и слѣдовательно не заслуживали укоризны; но это обвиненіе не относится къ морали: оно падаетъ на образъ мыслей баснописца о наукѣ и просвѣщеніи. Что же касается до морали, то она никогда не спускалась до того, чтобы вѣроломную измѣнчивость называть мудростью, а доводы сильнаго—справедливѣйшими. Хотя Крыловъ не отвѣчаетъ за басни, переведенныя изъ Лафонтена, однакожъ и въ переводахъ своихъ онъ, по возможности, устранялъ недоумѣнія и рѣзкости, могущія смутить здравое нравственное чувство. Первый стихъ басни «Волкъ и ягненокъ»: «La raison du plus fort est toujours la meilleure», онъ замѣнилъ стихомъ: «у сильнаго всегда безсильный виноватъ». Изъ того, что ягненокъ виноватъ по мнѣнію волка, еще не слѣдуетъ, что онъ виноватъ дѣйствительно, и что его оправданія хуже придирчивыхъ, наглыхъ обвиненій хищника. Конечно, слово *всегда* неутѣшительно для безсильныхъ, но нѣтъ повода принимать его въ смыслѣ общемъ, такъ какъ самъ авторъ стѣснилъ его объемъ въ слѣдующемъ затѣмъ стихѣ: «тому мы *тьму* въ исторіи примѣровъ слышимъ». И что же дѣлать, если такъ бываетъ на свѣтѣ? Не скрывать же сатирику дѣйствительную

былъ, выдумывая небылицы. Въ Лафонтеновой баснѣ: «Ворона и лисица» обманщикъ даетъ наставленіе обманутому, прибавляя, что оно стоитъ сыра. Нашъ переводчикъ выразилъ отъ собственнаго лица, что «льстецъ всегда отыщетъ уголокъ въ сердцѣ». Справедливость этого положенія доказана множествомъ примѣровъ, которые наблюдательный умъ не могъ не замѣтить и о которыхъ заявить онъ имѣлъ полное право. Читатель смѣется надъ вороной, вовсе не думая одобрять своимъ смѣхомъ поступокъ лисицы. Только неугомонный педантизмъ способенъ допытываться у автора, зачѣмъ онъ, представивъ, какъ опасно внимать лести, не представилъ тутъ же неблагородства, безнравственности льстецовъ. За тѣмъ, конечно, чтобы не двоить морали. Пусть другой баснописецъ займется второю темой и напишетъ басню, въ которой, напримѣръ, лисица потеряетъ неправедно пріобрѣтенную добычу или должна будетъ уступить ее сильнѣйшему животному. Басня «Заяцъ на ловлѣ» заключается двустишіемъ:

Надъ хвастунами хоть смѣются,
А часто въ дѣлежѣ имъ доли достаются.

Крыловъ не говоритъ, хорошо ли это или дурно. Не мнѣніе свое хотѣлъ онъ выразить, а фактъ, извѣстный каждому, кто умѣлъ видѣть, что вокругъ него происходитъ. Слово «часто» показываетъ, что не всегда же хвастуны могутъ разсчитывать на успѣхъ своего хвастовства, которое, притомъ, и не рекомендуется какъ хорошее средство для извѣстныхъ цѣлей. Искать, въ выписанныхъ стихахъ, одобренія лжи или тщеславной похвалы, значитъ подражать мудрецу механики. Басня: «Моръ звѣрей» окончена нѣсколько иначе въ сравненіи съ подлинникомъ:

И въ людяхъ тоже говорятъ:
Кто посмирнѣй, такъ тотъ и виноватъ [1].

Справедливъ ли людской говоръ, слышимый также въ пословицѣ: «чья сильнѣе, та и правѣе?» этого вопроса переводчикъ не затрогиваетъ. Мы не вправѣ сердиться на его молчаніе, или удивляться, зачѣмъ онъ громомъ и молніей не поразилъ звѣрей, засудившихъ вола. Пристрастный судъ и невинность жертвы очевидны; самый тонъ разсказа, безъ прибавочныхъ сентенцій, ясно показываетъ, на чьей сторонѣ сочувствіе разсказщика. Басня «Левъ и комаръ» внушила Лафонтену два заключенія: первое—изъ враговъ нашихъ

---

[1] У Лафонтена:

Selon que vous serez puissants ou miserables,
Les jugements de cour (Cour de justice) vous rendront blanc ou noir.

самые мелкіе иногда оказываются страшнѣйшими; второе — иной, умѣвшій избѣгнуть великихъ опасностей, погибаетъ отъ ничтожной вещи. У Крылова одно нравоученіе:

Безсильному не смѣйся
И слабаго обидѣть не моги!
Мстятъ сильно иногда безсильные враги:
Такъ слишкомъ на свою ты силу не надѣйся.

Какъ видно, побужденіемъ къ тому, чтобы не смѣяться надъ безсильными и не обижать слабыхъ, выставленъ здѣсь житейски-благоразумный расчетъ: «мстятъ сильно иногда безсильные враги». Но развѣ нѣтъ другихъ, болѣе высшихъ и благороднѣйшихъ мотивовъ, чѣмъ эгоистическое самосохраненіе? Конечно есть, и разсудительнымъ людямъ они хорошо извѣстны: это—уваженіе къ личности, сознаніе человѣческаго достоинства, понятіе о равноправности, христіанское ученіе о любви къ ближнимъ... Но дѣло въ томъ, что не къ лицу животнымъ быть проповѣдниками возвышенныхъ движеній души, гуманныхъ стремленій, разумно-сознательнаго образа дѣйствій. Животныя по преимуществу пригодны для выставки такихъ недостатковъ человѣка, въ которыхъ обнаруживаются грубые, животные инстинкты его натуры. Злоупотребленіе силой есть одинъ изъ этихъ звѣриныхъ инстинктовъ. Осуждали совѣтъ, выведенный изъ басни «Музыканты» и напоминающій пословицу: «пьяница проспится, а дуракъ никогда»:

По мнѣ ужъ лучше пей,
Да дѣло разумѣй.

Нѣтъ спора, было бы нравоучительнѣе сказать: «дѣло разумѣй, а все-таки не пей», если бы такое нравоученіе могло отучить искусныхъ дѣльцовъ отъ пьянства. Но какъ эта возможность не существуетъ, то совѣтъ баснописца справедливъ и полезенъ. Кто же, въ самомъ дѣлѣ, желая насладиться музыкой, будетъ справляться о поведеніи знаменитыхъ виртуозовъ или пойдетъ слушать плохую игру людей, которыхъ кондуитный списокъ безупреченъ? Бездарный писака весьма часто бываетъ примѣрнымъ семьяниномъ: знакомые его почтутъ въ немъ добраго отца или добраго сына, порадуются его счастію, но не станутъ читать его писаній. Народъ говоритъ: «пьянъ да уменъ — два угодья въ немъ». Крыловъ не простираетъ такъ далеко снисходительности къ пьянству: онъ только изъ двухъ золъ выбираетъ меньшее, потому что другаго, болѣе выгоднаго выбора не оказывается. Подражая Руссо, нѣкоторые наставники юношества разсматривали педагогическое значеніе басенъ Крылова и пришли почти къ тому заключенію, къ какому

пришелъ авторъ Эмиля. Что внутренній смыслъ многихъ басенъ недоступенъ дѣтскому уму,—это такая истина, на доказательство которой не стоило тратить «ни времени, ни масла»; но что многія изъ нихъ, по художественному интересу, представленіямъ въ русскомъ духѣ и чисто-русскому языку, служатъ пріятнымъ и полезнымъ чтеніемъ для дѣтей, — это также не подлежитъ спору. Красота ихъ непосредственно дѣйствуетъ на прирожденное большимъ и малымъ народное чутье. Короче, философія Крылова — если такъ надобно называть его уроки и мысли, выводимые изъ басенъ—есть именно философія здраваго смысла, опытной мудрости, житейскаго реализма. Это — философія нашихъ народныхъ пословицъ.

По своему художественному значенію, басни Крылова принадлежатъ къ классическимъ. Русская литература справедливо гордится ими, какъ превосходными образцами того рода поэзіи, за который, по мнимой его легкости, брались многіе, но въ которомъ до Крылова пріобрѣлъ знаменитость только Лафонтенъ. У нашего баснописца иносказательное изображеніе всегда представляетъ самостоятельное поэтическое достоинство. Басня увлекательна и своимъ собственнымъ, прямымъ смысломъ, независимо отъ смысла внутренняго, раскрываемаго въ ея заключеніи или началѣ. Дѣйствіе между животными, выведенными съ ихъ отличительными, типическими свойствами, образуетъ замысловатую драму, которая плѣняетъ читателя и прежде чѣмъ приподнятъ аллегорическій покровъ и послѣ того какъ аллегорія истолкована.

Первенствующая красота въ этихъ художественныхъ басняхъ есть красота ихъ народности. Явленія общечеловѣческой жизни изображаютъ онѣ въ образахъ русскаго быта, въ чертахъ русскаго характера. Проникнутый духомъ своего народа, баснописецъ воплотилъ его и въ свои вымыслы. Крылову, говоритъ И. Кирѣевскій, принадлежала честь единственная, ни съ кѣмъ въ его время неразделенная: онъ успѣлъ быть и, что еще важнѣе, онъ хотѣлъ быть русскимъ въ то время, когда подражаніе почиталось просвѣщеніемъ, когда слово «иностранное» было однозначительно съ словомъ «умное» или «прекрасное». Въ это время Крыловъ не только былъ русскимъ въ своихъ басняхъ, но умѣлъ еще сдѣлать свое русское плѣнительнымъ» ([1]). Это искусство олицетворять стихіи народной индивидуальности очевидно не только въ собственныхъ басняхъ Крылова, но и въ его переводахъ или передѣлкахъ басенъ иностранныхъ. Заимствованные сюжеты обработывалъ онъ сооб-

[1]) Моск. 1845, № 1.

разно представленіямъ русскаго человѣка, почему и имѣлъ право причислять свою обработку къ оригинальнымъ созданіямъ. При сличеніи, напримѣръ, басенъ: «Оселъ и Соловей», «Демьянова уха», «Лжецъ», съ ихъ источниками ([1]), открывается превосходство нашего баснописца, умѣвшаго посредственнымъ разсказамъ сообщать высокое поэтическое достоинство и цвѣтъ народности.

Преобладающею силою духовной природы Крылова былъ умъ— трезвый, смѣтливый, наблюдательный, просто и прямо смотрящій на предметы, не подкупаемый никакими теоріями и пристрастіями,— тотъ здравый умъ, которымъ, по выраженію Гоголя, крѣпокъ русскій человѣкъ, умъ выводовъ, такъ называемый задній умъ, заявившій себя въ пословицахъ. Крыловъ и любилъ черпать изъ этой сокровищницы практической, житейской мудрости. Пользовался же онъ ею не для внѣшняго украшенія своихъ басенъ, а потому что пословица была естественною, слѣдовательно удобнѣйшею формою прирожденнаго ему склада ума, пріемовъ его мысли. Въ свою очередь, словарь народныхъ изреченій одолженъ баснописцу значительнымъ матеріаломъ: собиратели русскихъ пословицъ (Снегиревъ, Даль) внесли въ свои сборники многіе стихи изъ его басенъ. Каждый образованный находитъ въ этихъ басняхъ чрезвычайно меткія апоѳегмы или поговорки, и при случаѣ поясняетъ ими свою мысль, такъ что нѣтъ уже надобности ни въ другихъ толкованіяхъ, ни въ другихъ доводахъ. Между свойствами ума, которымъ природа надѣлила Крылова, одно въ особенности заслуживаетъ вниманія, какъ бы подтверждая ту мысль, что русскій человѣкъ преимущественно передъ другими народами обладаетъ критическою силою, почему и въ литературѣ его наиболѣе выказывается отрицательное отношеніе къ жизни. Это свойство — иронія, веселая и лукавая вмѣстѣ, совершенно противоположная наивности, въ которой Крыловъ вовсе неповиненъ и которую хотѣли навязать ему насильно, вѣроятно изъ желанія доказать всестороннее сходство нашего баснописца съ Лафонтеномъ, тогда какъ, говоря серьезно, сходство ограничивается лишь тѣмъ, что тотъ и другой писали превосходныя басни. Ироніей отзываются сужденія и взгляды самыхъ характеристичныхъ басенъ Крылова. При встрѣчѣ съ новыми, или выступающими изъ ряда явленіями, умъ его тотчасъ принимаетъ

[1]) Эти источники: L'âne et le rossignol (Дидро), La politesse villageoise (стихотвореніе Барба) и Le paysan et son fils (Эмбера, переведшаго басню Геллерта: Bauer und sein Sohn), помѣщены въ «Примѣчаніяхъ» г. Кеневича. Въ Лафонтеновой баснѣ: Dépositaire infidèle, также выставленъ лжецъ. Образцомъ ея служилъ одинъ изъ средневѣковыхъ басенныхъ разсказовъ (fabliaux) о рыцарѣ и его оруженосцѣ, сходный по сюжету съ баснею Крылова.

скептическое, насмѣшливое направленіе: видитъ пустую, а иногда и вредную затѣю тамъ, гдѣ другіе привѣтствуютъ перемѣну къ лучшему; любитъ сомнѣваться въ успѣхѣ, а не предполагать успѣхъ; опасается зла, имѣющаго возникнуть, а не поощряетъ возникающаго добра. Что же дальше, кромѣ ума? Можно думать, что онъ сильно переросъ всѣ прочіе элементы духовной природы, которые потому и сдѣлались незамѣтны, если нельзя думать, что ихъ вовсе и не было. Въ біографіи Ломоносова, Державина, Карамзина, Жуковскаго, Пушкина встрѣчаешь разнообразіе какъ литературныхъ, такъ и умственныхъ и нравственныхъ качествъ. Говоря о Крыловѣ, волею-неволею говоришь о его умѣ—и только объ умѣ. Подкупленный высокою цѣнностью этого ума, читатель можетъ забывать отсутствіе другихъ сторонъ личности; но историческая правда требуетъ сказать, что Крылову не доставало чувства, которое привязываетъ человѣка къ извѣстнымъ идеямъ, къ извѣстному образу дѣйствій и согрѣваетъ внутреннимъ огнемъ всѣ проявленія его таланта. Разсматривая его басни, легко узнать, чего онъ не хотѣлъ; трудно опредѣлить, чего именно хотѣлъ онъ. Конечно, такое направленіе частію условливалось сущностью басни какъ сатиры, но большею частію (такъ мнѣ кажется) оно зависѣло отъ недостатка положительнаго сочувствія къ чему бы то ни было. Переходъ отъ многихъ отрицаній, выражаемыхъ Крыловымъ, къ общему утвержденію теменъ и затруднителенъ. Есть мнѣніе, что положительный идеалъ баснописца выраженъ въ баснѣ «Орелъ и пчела» (1813), представляющей пользу тружениковъ для общаго блага; но справедливо ли называть идеаломъ одиночное заявленіе, высказанное, можетъ быть, по извѣстному, также одиночному, поводу и не запечатлѣнное печатью владычества надъ разными другими заявленіями? Идеалъ даетъ себя знать всегда и повсюду, больше или меньше проникаетъ каждое поэтическое сознаніе; его нельзя скрыть: онъ обнаруживается такъ или иначе — подборомъ ли предметовъ, характеромъ ли нравоученій, или вспышкой лирической, причемъ самъ авторъ выдвинется изъ-за своей работы. Ничего подобнаго у Крылова нѣтъ. Большинство его басенъ какъ бы говоритъ за него: моя хата съ краю, ничего не знаю. Тотъ ошибется, конечно, кто на слово повѣритъ этой пословицѣ. Напротивъ, Крыловъ очень хорошо зналъ, но отъ знанія дѣла до сочувствія къ дѣлу далеко, еще дальше до участія въ дѣлѣ, а самое большое разстояніе до иниціативы въ немъ. Безстрастіе было отличительнымъ свойствомъ его духовной природы; въ покоѣ безстрастія заключался его идеалъ. Чтобы написать простое письмо, онъ долженъ былъ превозмогать свою лѣнь. «Природа надѣлила его

всѣми талантами, говоритъ Вигель.... Одного ему дано не было: душевнаго жара, священнаго огня.... Вездѣ умъ, нигдѣ не проглянетъ чувство.... Человѣкъ этотъ никогда не зналъ ни дружбы, ни любви, никого не удостоивалъ своего гнѣва, никого не ненавидѣлъ, ни о комъ не жалѣлъ; никогда не вспоминалъ о прошедшемъ, никогда не радовался ни славѣ нашего оружія, ни успѣхамъ просвѣщенія.... Двѣ трети столѣтія прошелъ онъ одинъ сквозь нѣсколько поколѣній, одинаково равнодушный какъ къ отцвѣтшимъ, такъ и къ зрѣющимъ». Хотя и безразсудно вполнѣ довѣрять автору, который въ своихъ Запискахъ охотно набрасывалъ тѣнь на замѣчательнѣйшихъ людей своего времени, въ томъ числѣ и на Сперанскаго, однакожъ каждый, знакомый съ біографіей Крылова и съ чертами его психическаго настроенія, насколько онѣ обнаруживаются его баснями, согласится, что въ приведенныхъ словахъ много правды. Физіономія баснописца, какъ человѣка, схвачена удачно. Сходство портрета подтверждается отзывомъ Плетнева: «Крыловъ ничего не полюбилъ, какъ человѣкъ общественный, какъ писатель геніальный». Тяжелый на подъемъ духа, безъ чего не возможны ни побужденія къ дѣятельности, ни успѣхи въ ней, Крыловъ и своему литературному слогу сообщилъ ту оригинальную особенность, которую Плетневъ означилъ словомъ «увѣсистый» и которая отличаетъ способъ выраженія баснописца отъ выраженія современныхъ ему литераторовъ.

Матеріалы для біографіи Крылова и для опредѣленія его дѣятельности:

Басни И. Крылова, критическая статья Жуковскаго (Вѣсти. Евр. 1809, № 9).

Жизнь и сочиненія И. А. Крылова, ст. Лобанова (Сынъ Отеч. 1847, № 1).

Жизнь и сочиненія И. А. Крылова, ст. Плетнева, въ Полн. Собр. сочиненій И. Крылова.

Народное и общественное значеніе Крылова, О педагогическомъ значеніи Крылова, четыре статьи В. Водовозова (Журналъ Мин. Нар. Просв. 1862, №№ 4, 5, 8, 9).

Рѣчь о басняхъ Крылова въ художественномъ отношеніи, А. Никитенко (1868).

Библіографическія и историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова. Составилъ В. Кеневичъ (1868).

Литературная жизнь Крылова. Академическое чтеніе Я. Грота въ день юбилея Крылова, 2 февраля 1868.

Замѣтка для біографіи Крылова, Я. Грота (1868).

И. А. Крыловъ (Біографическій очеркъ), В. Кеневича (Вѣсти. Евр. 1868, кн. 2).

Сатира Крылова и его «Почта духовъ», Я. Грота (ib. кн. 3).

Крыловъ и Радищевъ, А. Пыпина (ib. кн. 5).

О Крыловѣ и его литературной дѣятельности, Н. Лавровскаго (Журн. Мин. Нар. Просв. 1868, февраль).

Въ характеристикѣ Крылова, какъ писателя, Гоголь обратилъ вниманіе на то, что Крыловъ «выбралъ себѣ форму басни, всѣми пренебреженную, какъ вещь старую, негодную къ употребленію и почти дѣтскую игрушку» ([1]). Это не совсѣмъ такъ. Когда Крыловъ началъ писать басни, еще не казалось страннымъ мнѣніе одного изъ корифеевъ швейцарской школы нѣмецкой поэзіи—Брейтингера († 1776), почитавшаго басню высшимъ родомъ стихотворства. Мнѣніе это вытекало изъ понятія о чудесномъ, какъ основѣ поэзіи, которая, сверхъ того, должна производить моральное дѣйствіе на читателя. А какъ басня, по своей сущности и происхожденію, есть чудесное, дающее поводъ къ нравоученію, то и отдано ей первенство передъ другими родами поэтическихъ произведеній. Что она въ эпоху Крылова не теряла своего значенія, ни у насъ, ни въ литературѣ запада, доказывается, между прочимъ, баснями Арно (Arnault) († 1834), имѣвшими большой успѣхъ во Франціи, и баснями А. Измайлова (1779—1831), современника Крылова, которыя читались съ удовольствіемъ: въ теченіе тринадцати лѣтъ (съ 1814 по 1826) вышло ихъ пять изданій.

Успѣхъ и значеніе басенъ Измайлова опредѣляются особенностью его дарованія, которое не осталось незамѣченнымъ даже при славѣ Крылова. На эту особенность указывалъ самъ авторъ, называвшій себя «Россійскимъ Теньеромъ 1-мъ» ([2]). Любимымъ его выраженіемъ было: «я *теньерю* по прежнему». Сфера жизни обыкновенной, наивно-грубой, а иногда и цинической, подходила къ таланту Измайлова, который вѣрно схватывалъ черты ея и рисовалъ ихъ искусно. По врожденному «чутью дѣйствительности», онъ не увлекся сентиментализмомъ Карамзина, хотя храбро стоялъ за его реформу языка. Въ повѣсти «Маша», служащей подражаніемъ «Бѣдной Лизѣ», трогательная часть перешла въ забавный мелодраматизмъ; сцены простыхъ, низменныхъ характеровъ и происшествій принадлежатъ къ лучшимъ мѣстамъ ея, каковы, напримѣръ: сватовство въ домѣ Простаковыхъ и письмо Филимона Фатюева къ Простакову. Къ сатирѣ Измайлова прилагается оправданіе какого-то автора, обвинявшагося въ томъ, что онъ пишетъ личности:

Твои портреты очень схожи.
На лица пишешь ты!—«Нѣтъ, я пишу на рожи».

Это не значитъ, что у Измайлова изображенія выходили каррикатурными; это значитъ, что Измайловъ былъ искусенъ рисовать

[1]) Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями.

[2]) «Il est le Teniers des écrivains russes», сказано о немъ въ Revue Encyclopedique 1821 г.

только такія лица, которыя зовутся рожами. Высокое, нѣжное, утонченно-образованное, деликатное, граціозное... рѣшительно ему не удавалось. Всѣ притязанія на патетизмъ оканчивались крайней неловкостью. Хотѣлъ ли онъ начертать изящный образъ? образъ, вопреки его намѣренію, поражаетъ отсутствіемъ изящества. Думалъ ли растрогать читателей? читатели оставались равнодушными или улыбались. Его нѣжныя пѣсенки и мадригалы—посягательство на нѣжность, его оды—посягательство на лиризмъ. То и другое скорѣе примешь за пародіи, чѣмъ за настоящіе образцы. Описаніе водопада (въ баснѣ «Водопадъ и Ручей») оканчивается двумя стихами, изъ коихъ послѣдній смѣшонъ, на перекоръ желанію автора изобразить величавое:

Ни птица, ниже звѣрь къ нему не приближались,
И ноги смертнаго въ него не опускались.

Не менѣе смѣшно уподобленіе кота сибариту, а мертвой мыши—статуѣ Венеры:

Вотъ мышку въ зубы онъ беретъ,
Потомъ передъ себя кладетъ....
Глядитъ, какъ сибаритъ на статую Венеры (¹).

Но какъ только авторъ выходитъ изъ несвойственной ему сферы патетическаго, нѣжнаго и граціознаго, и вступаетъ въ сферу низшаго, необразованнаго или малообразованнаго слоя общества, гдѣ бытовая сторона, не отличаясь чистоплотностью, обнаруживается откровеннѣе, наивнѣе и грубѣе, тамъ онъ дѣйствуетъ свободно, умѣетъ находить и выдерживать соотвѣтственный сюжетамъ тонъ; тамъ нѣтъ разлада между изображеніемъ и изображаемымъ. Міръ его басенъ населенъ такими личностями, которыя по табели о рангахъ не восходятъ выше титулярнаго совѣтника и съ которыми часто имѣла дѣло управа благочинія. Двери салоновъ затворены для нихъ, но за то открытъ имъ входъ въ неприхотливыя увеселительныя заведенія. Одна изъ лучшихъ басенъ Измайлова «Пьяница» вполнѣ выказываетъ свойство его таланта, равно какъ и его манеру разсказа. Дѣйствующее лице въ ней —

Пьянюшкинъ, отставной квартальный,
Совѣтникъ титулярный,
Исправно насандаливъ носъ,
Въ худой шинелишкѣ, зимой, въ большой морозъ,
По улицѣ шелъ утромъ и шатался.

---

¹) Въ баснѣ: Черный Котъ.

Получивъ отъ кума полсотни рублей, онъ отправился въ трактиръ, напился мертвецки пьянъ,

Къ несчастію еще въ трактирѣ онъ подрался,
А съ кѣмъ, за что,—и самъ того не зналъ,
На лѣстницѣ споткнулся и упалъ,
И весь, какъ чортъ, въ грязи, въ крови перемарался.
Вотъ вечеромъ его по улицѣ ведутъ
Два воина осанки важной,
Съ сѣкирами, въ бронѣ сермяжной.

Представивъ безобразіе, до котораго доводитъ пьянство, авторъ заключаетъ:

Однако надобно, чтобъ больше пилъ народъ:
Хоть людямъ вредъ, за то откупщикамъ доходъ.

Другая басня: «Пьяница и судьба», хотя неоригинальная по вымыслу, начинается оригинальнымъ изложеніемъ:

Въ ночь темную, зимой,
Подъячій пьяный шелъ черезъ рѣку домой;
Съ прямой дороги сбился,
И гдѣжъ? у полыньи каналья очутился,
Споткнулся и на край на самый повалился;
Заснулъ и думаетъ, что онъ на съѣзжей спитъ;
На чистомъ воздухѣ, какъ богатырь, храпитъ....

И между тѣмъ, по странной прихоти человѣческой природы или по трудности распознавать талантъ свой, Измайловъ, называвшій себя Теньеромъ, въ смыслѣ непритворнаго описателя случаевъ и лицъ, въ родѣ вышеприведенныхъ, домогался чести прослыть «писателемъ для дамъ» и не шутя почиталъ себя таковымъ. Въ одномъ посланіи онъ величаетъ себя однимъ изъ главныхъ дамскихъ поэтовъ и многія статьи скрѣплялъ подписью: «писатель для дамъ», а въ послѣдствіи, какъ бы недовольный такимъ ограниченіемъ своего авторства, прибавлялъ: «и для мужчинъ». Нельзя было сильнѣе задѣть его, какъ не признавая за нимъ этого титула. Въ сатирѣ Воейкова: «Домъ сумасшедшихъ», одна строфа посвящена Измайлову:

Вотъ Измайловъ—авторъ басенъ,
Разсужденій, эпиграммъ;
Онъ пищитъ мнѣ: «Я согласенъ,
Я писатель не для дамъ.
Мой предметъ—носы съ прыщами;
Ходимъ съ музою въ трактиръ
Водку пить, ѣсть лукъ съ сельдями;
Міръ квартальныхъ—вотъ мой міръ!»

Сверхъ простоты и теньеровской естественности, басни Измайлова отличаются простодушіемъ и откровенностью, отражая на себѣ характеристическія черты автора. Этими чертами, совершенно противоположными характеру Крылова, Измайловъ походилъ и на Хемницера, котораго онъ, по его словамъ, выбралъ своимъ наставникомъ, и на Лафонтена, который въ сочиненіяхъ своихъ любилъ говорить о самомъ себѣ, такъ что они доставляютъ значительный матеріалъ его біографу. Нашъ баснописецъ превзошелъ въ этомъ отношеніи и того и другаго. При каждомъ случаѣ онъ не скупился на откровенныя извѣстія о литературныхъ, служебныхъ и семейныхъ обстоятельствахъ своей жизни. Различныя черты его портрета, набросанныя имъ самимъ, даютъ возможность представить его личность,—личность добраго, безхитростнаго, прямодушнаго, достолюбезнаго человѣка, съ неважнымъ умомъ, любившимъ ограниченную истину и осязательную ясность, съ мелкимъ образованіемъ, не выступавшимъ изъ круга словесности и питавшимся воззрѣніями французскихъ теоретиковъ. Читатели его сочиненій и журнала, имъ издававшагося (Благонамѣренный), были посвящены даже въ частности его домашняго быта: они знали его наружность, одежду, мѣсто жительства, день рожденія супруги, фамиліи кумовьевъ и крестниковъ, имена кучера, кухарки и другихъ служителей.... Желаніе казаться инымъ, а не быть тѣмъ, что онъ есть, аффектація, притворство встрѣчали въ немъ постоянную антипатію. Отбросивъ ложный стыдъ, онъ исповѣдывался передъ публикой въ своихъ недостаткахъ и не таилъ недостатковъ чужихъ. При словѣ о метроманіи, онъ прямо говоритъ, что и за нимъ водится этотъ грѣхъ:

Люблю писать стихи и отдавать въ печать!
Не потаю грѣха: люблю ихъ и читать

не только друзьямъ сердечнымъ, но встрѣчнымъ и поперечнымъ.

Вышла книжка: «Разпознаваніе и леченіе геморроя», совѣтующая воздерживаться отъ употребленія горячихъ напитковъ,—Измайловъ тутъ же замѣчаетъ:

И даже отъ вина!...
Да лучше пусть болитъ спина!

Запоздалъ нумеръ журнала на масляницѣ,— издатель извиняется въ неакуратности и вмѣстѣ съ тѣмъ объясняетъ ея причину, а именно, что онъ,

Какъ русскій человѣкъ, на праздникахъ гулялъ,
Забылъ жену, дѣтей, не только что журналъ.

Таковъ же Измайловъ и въ своихъ басняхъ. Онъ не простой разсказщикъ того, что дѣлается между людьми или животными: онъ принимаетъ участіе въ событіяхъ и никакъ не можетъ воздержаться, чтобы не заявить своего мнѣнія или чувства. Заявленія эти, всегда искреннія, простодушныя, часто горячія и часто комичныя, составляютъ субъективный элементъ. По инымъ баснямъ можно подумать, что дѣло касается собственной персоны автора, что онъ лично заинтересованъ въ драмѣ и потому, не довольствуясь ролью зрителя, по временамъ выказываетъ свою фигуру изъ-за кулисъ. Длинное заключеніе басни «Клеветникъ» сообщаетъ, что авторъ въ перинной линіи видѣлъ картину страшный судъ. Описавъ, какія изображены на ней муки, уготованныя клеветникамъ, онъ прибавляетъ отъ себя:

Не худо-бъ и живыхъ ихъ жечь,
Или на перекресткахъ сѣчь
Подъ барабанъ лозами...
Однихъ клеветниковъ... А клеветницъ?—Щипцами
Горячими ихъ язычки припечь.

Начавъ басню «Черный Котъ» нѣжно-комическимъ тономъ:

Вы любите кота?
Любите: онъ вѣдь сирота;
Малюткой вамъ еще достался;
Кто подарилъ его, тотъ съ жизнію разстался,

Измайловъ оканчиваетъ ее сердитыми словами:

Всего противнѣй мнѣ Тартюфы—лицемѣры!
О, какъ бы я былъ радъ,
Когда бы поскорѣй они попали въ адъ!

Басня «Смѣтливый экономъ»—образецъ спокойно-добродушной веселости съ одной стороны и личнаго вмѣшательства автора съ другой. Но не всегда онъ оставался спокойнымъ: онъ умѣлъ вспылить, конечно не безъ резона, и въ искренней, любезно-комической вспышкѣ выказать всю свою простоту, наивность и незлобіе. Для примѣра выписываемъ заключительные стихи разсказа о «Дворянкѣ буянкѣ», ведшей себя неприлично въ церкви:

О стыдъ! о срамъ!
И это сдѣлала дворянка и дѣвица!
Проклятая срамница!
Будь я архіерей
Или хоть протоіерей,
То право бъ проучилъ злодѣйку:
На паперти бъ ее поставилъ у дверей,

Вздѣвъ ожерелье ей желѣзное на шейку ([1]).
Сошлось бы множество народа поглядѣть.
Дай Богъ ей вѣкъ весь въ дѣвкахъ просидѣть!

Послѣдній стихъ—совершенство въ своемъ родѣ. Трудно закончить басню болѣе наивнымъ и неожиданнымъ образомъ, и невозможно пожелать бо́льшей напасти дѣвицѣ, смышлявшей жениха.

Оригинальнаго вымысла въ басняхъ Измайлова почти нѣтъ вовсе. Онъ не имѣлъ для этого способности, въ чемъ и сознавался передъ публикой: большую часть своихъ басенъ онъ называлъ вольными подражаніями иностраннымъ баснописцамъ—Езопу, Лафонтену, Флоріану, Ламоту и многимъ другимъ:

Я подражателя названія желаю;
Свой трудъ достоинствомъ чужимъ я возвышаю.

Въ посланіи къ одному изъ друзей своихъ онъ съ горемъ и досадой восклицаетъ:

Бѣда и стыдъ съ моимъ нетворческимъ умомъ!
Я въ вымыслахъ совсѣмъ удачи не имѣю.

Но этотъ недостатокъ творчества вознаграждается другою оригинальностью, которая и служила причиною успѣха басенъ: будучи переводами или подражаніями, онѣ тѣмъ не менѣе своеобразны, какъ отраженіе своеобразной личности на заимствованномъ вымыслѣ, на манерѣ и тонѣ разсказа, на выводахъ, на языкѣ. Въ какомъ бы костюмѣ ни являлся переводчикъ, читатели узнавали въ немъ одну и туже особу—Александра Ефимовича Измайлова, баснописца или, какъ онъ любилъ именовать себя, «фабулиста», со многими достолюбезными качествами русскаго человѣка, которыя обнаруживались въ его литературныхъ произведеніяхъ со всею простотою и наивностью.

§ 21. Настроеніе духа, возбуждаемое отступленіями дѣйствительности отъ идеала, выражались частію въ эпосѣ и драмѣ, а частію и въ самостоятельной формѣ, какъ произведеніи дидактической лирики, т. е. въ собственно такъ называемой сатирѣ. Между писателями въ этомъ родѣ первое, по времени, мѣсто принадлежитъ И. Дмитріеву, хотя онъ сочинилъ только одну сатиру: «Чужой толкъ» (1795) и нѣсколько эпиграммъ, да перевелъ съ французскаго «Посланіе Попа къ доктору Арбутноту» (1793), своему современнику. Оба стихотворенія осмѣиваютъ безумную страсть къ

---

[1]) Въ старину надѣвали въ церквахъ ошейники на тѣхъ, которые дѣлали тамъ какое-либо безчиніе. Ошейники сіи прикованы были цѣпями къ стѣнамъ. *Примѣч. Измайлова.*

стихотворству, которая ведетъ свое начало издалека и скоро приняла характеръ хронической болѣзни. Еще Горацій замѣтилъ, что отъ страдающаго этою болѣзнію умные люди бѣгаютъ, какъ отъ заразы. Подъ нею, конечно, разумѣлъ онъ не творчество поэта, а ремесло версификатора. Стихотворное рукодѣлье развилось у французовъ въ литературныхъ салонахъ; поощряемое публикой, которая находила въ немъ пріятную для себя забаву, оно достигло крайняго педантизма и сдѣлалось предметомъ комедіи. На что есть запросъ, то и производится въ обиліи. Производство же сбывалось выгодно, доставляя производителямъ извѣстность, покровительство знатныхъ, а иногда выгодныя мѣста и деньги. На ловкаго стихотворца смотрѣли какъ на bel ésprit. Авторскому тщеславію было здѣсь много поживы, хотя, съ другой стороны, оно порождало много смѣшныхъ исторій. Сцена между Триссотиномъ и Вадіемъ, въ «Ученыхъ женщинахъ» Мольера, не выдумана комикомъ: онъ воспроизвелъ дѣйствительную ссору Котэна съ Менажемъ, случившуюся на одномъ собраніи, изъ за какого-то сонета. Стихобѣсіе послужило сюжетомъ и комедіи Пирона «Метроманія» (1738). Оно обуяло не однихъ служителей музъ: конторщики, мелкіе чиновники, отставные генералы брались за переводы Гораціевыхъ одъ и посланій, или за дидактическія поэмы, имѣвшія предметомъ какую-нибудь статью науки. На поэтическую арену выступали:

И крупный господинъ, слагатель мелочей,
И авторъ въ чепчикѣ, и бѣдный дуралей,
И молодой судья, на мѣсто чтенья правъ,
Кропающій экспромтъ, до полночи не спавъ (¹).

Слѣдуя за направленіемъ вкуса, метроманія спеціализировалась, т. е. переходила отъ однихъ поэтическихъ родовъ къ другимъ. Французы утоляли свою стихотворческую фурію то на легкой поэзіи, то на басняхъ, то на одахъ. Начало русскаго стихотворства и метрофильства почти совпадаютъ: первымъ метрофиломъ былъ Тредьяковскій. Хотя оно уступало западному въ своемъ значеніи, однакожъ скоро сдѣлалось добычею сатиры (²). Особенно была преслѣдуема одоманія — охота писать торжественныя оды, которыя стали у насъ плодиться со времени Ломоносова и въ подражаніе ему. Легкая возможность трубить похвалы кому-

¹) Изъ посланія къ Арбутноту.

²) Примѣръ отчаяннаго метромана въ прошломъ столѣтіи и притомъ самаго низкаго сорта представлялъ Струйскій († 1796), пензенскій помѣщикъ, бывшій владимірскимъ губернаторомъ (Рус. Архивъ 1865 г.).

угодно и на какой-угодно случай объяснена Крыловымъ въ восточной повѣсти «Каибъ» (1792): «Мы (говоритъ стихотворецъ Калифу) даемъ нашему воображенію волю въ похвалахъ, съ тѣмъ только условіемъ, чтобъ послѣ всякое имя выставить можно было. Ода, какъ шелковый чулокъ, который всякій старается растягивать на свою ногу»... Подражая Мольеру, Княжнинъ вывелъ въ комедіи «Чудаки» двухъ стихотворцевъ: идиллика Свирѣлкина и одописца Тромпетина. Но самое ловкое пораженіе хвалебной лирикѣ нанесла сатира Дмитріева: «Чужой толкъ». Съ большимъ остроуміемъ и вѣрностью она изобразила пріемы и свойства громкихъ одъ, выходившихъ изъ подъ пера бездарныхъ риѳмоплетовъ, а вмѣстѣ объяснила и причины неуспѣха нашего торжественнаго пѣснопѣнія. Многіе стихи ея сдѣлались пословицами. Личный характеръ автора и подражаніе французскимъ образцамъ сообщили ей тонъ приличія и уклончивость; но тѣмъ не менѣе, она исполнена колкихъ насмѣшекъ, которыя не теряютъ своей язвительности отъ того, что выговариваются не самимъ авторомъ, а двумя посторонними лицами, какъ показываетъ названіе піесы. «Чужой толкъ» примѣняется къ безталаннымъ слагателямъ одъ, какихъ у насъ было множество; однакожъ и нѣкоторыя произведенія нашихъ лучшихъ стихотворцевъ подходятъ подъ сужденіе и осужденіе умнаго аристарха. Уставу ложно-классической лирики подчинялись и Ломоносовъ, и Державинъ: и они не безъ вины передъ остроумнымъ «толкомъ». Въ частности же, сатирикъ разумѣлъ Николева, Клушина и Бухарскаго; двое послѣднихъ печатали свои стихотворенія въ журналѣ «Зритель» (1792). Слова сатиры, что иная торжественная ода въ двѣсти строфъ, оправдываются посланіемъ Николева къ княгинѣ Дашковой, содержащимъ въ себѣ сто три строфы, по десяти стиховъ въ каждой — всего 1030 стиховъ. Особенности сатирическаго таланта Дмитріева видны и въ его эпиграммахъ — большею частію подражаніяхъ французскимъ или переводахъ съ французскаго, но переводахъ мастерскихъ. Нѣкоторыя изъ нихъ (Живописецъ, Бригадиръ, «Мнѣ лекарь говорилъ», «Я разорился отъ воровъ»...) получили силу пословицъ, какъ типически-вѣрныя изображенія странностей или глупостей. Въ сказкахъ своихъ Дмитріевъ также сатирикъ по преимуществу. Онъ былъ призванъ для этого рода поэзіи, хотя не угадывалъ или не цѣнилъ призванія. Трудно повѣрить, что изъ послѣдняго собранія своихъ стихотвореній онъ хотѣлъ исключить наилучшее—«Чужой толкъ», и только настойчивые просьбы племянника (М. Дмитріева) удержали его отъ такого страннаго самонепониманія.

Поздравительные стихи не вышли изъ обычая и черезъ двадцать почти лѣтъ послѣ «Чужаго толка», какъ можно судить по сатирѣ кн. Долгорукаго «Черты свободнаго писателя» (1813):

Стихи писать теперь есть промыселъ торговый,
И къ праздничному дню бояра всѣ съ обновой.

«Тогда» (1813), замѣчаетъ при этомъ М. Дмитріевъ, «писали стихи и вельможамъ, и покровителямъ, и важнымъ родственникамъ, и богачамъ: ихъ получалъ не только графъ Н. П. Румянцевъ, издававшій на своемъ иждивеніи древнія грамоты и снарядившій корабль для кругосвѣтнаго плаванія, но и Поздняковъ, имѣвшій публичный театръ и дававшій публичные маскарады»[1]. Читатели и авторы сошлись въ своемъ благоволеніи къ стихотворству. Хорошіе стихи всегда лучше хорошей прозы, сказалъ Карамзинъ въ разборѣ Душеньки, разумѣя, конечно, равное достоинство внѣшней формы и равнокачественность содержанія. Другіе, упустивъ изъ виду это обстоятельство, полагали, что и посредственные стихи стоятъ хорошей прозы. Лица малаго образованія, не заводившіеся книгами, но не чуждые литературныхъ интересовъ, охотно списывали стихи, которые приходились имъ по вкусу. Подобные сборники иногда достигали большихъ размѣровъ и хранятся въ библіотекахъ, какъ памятники новѣйшей письменности. На литературныхъ чтеніяхъ стихи большею частію приберегались къ концу, pour la bonne bouche, какъ самое лакомое угощеніе. Журналы были немыслимы безъ стихотвореній, которыя занимали первенствующее мѣсто въ отдѣлѣ изящной словесности. Кромѣ охоты писать, явилась неугомонная охота читать свои произведенія. Еще Мольеръ замѣтилъ несносный обычай авторовъ

D'être au Palais, aux Cours, aux ruelles, aux tables
De leurs vers fatiguants lecteurs infatigables.

Наши авторы также зачитывали друзей и недруговъ, которые убѣдились, что бѣда читанія еще злѣе бѣды писанія:

Не говорю, за чѣмъ онъ пишетъ,
Но для чего читаетъ онъ?

Послѣднимъ и самымъ отчаянымъ представителемъ нашей метроманіи былъ графъ Д. И. Хвостовъ, дарившій свои сочиненія знакомымъ и незнакомымъ, даже станціоннымъ смотрителямъ, когда онъ останавливался для перемѣны лошадей. Онъ часто фигурировалъ, подъ именемъ Графова, и въ эпиграммахъ, и въ басняхъ,

---

[1]) Князь Иванъ Михайловичъ Долгорукій и его сочиненія (1863).

и въ посланіяхъ. Въ особенности занимался имъ баснописецъ А. Измайловъ, самъ платившій дань слабости, надъ которой смѣялся. Укажемъ еще на два посланія кн. Вяземскаго: «Къ перу моему» (подражаніе Буало) и «къ И. И. Дмитріеву», какъ на остроумныя сатиры противъ стихоплетства.

Сатира князя И. М. Долгорукаго (1764—1823) обращалась въ кругу другихъ, болѣе серьезныхъ предметовъ. Она замѣчательна своей оригинальностью, равно какъ и его лирика. Собраніе своихъ стихотвореній авторъ издалъ подъ заглавіемъ: «Бытіе моего сердца» (1802), желая показать съ первой же страницы, что книга служитъ выраженіемъ умственно-нравственнаго бытія его. «Въ стихахъ моихъ», говоритъ онъ въ предисловіи, «я хотѣлъ сохранить всѣ оттѣнки чувствъ своихъ, видѣть въ нихъ, какъ на картинѣ, всю исторію моего сердца, его волненія, перемѣну въ образѣ мыслей, ходъ ихъ въ разныхъ возрастахъ жизни и постепенное развитіе малыхъ моихъ способностей... Всякій стихъ напоминаетъ мнѣ какое-либо или происшествіе, или мысль, или чувство, которое на меня дѣйствовало тогда и тогда; словомъ, мнѣ пріятно себя находить ребенкомъ, мальчикомъ, мужемъ совершеннымъ и наконецъ старикомъ, и видѣть, какою ниткою разсудокъ мой отъ 15 лѣтъ и до 50 прокладывалъ себѣ пути къ счастью въ томъ глубокомъ лабиринтѣ, что анатомисты назвали *сердцемъ*». Таже мысль выражена и нѣкоторыми стихотвореніями. Въ одномъ изъ нихъ Долгорукій откровенно исповѣдуетъ, съ какою цѣлью онъ брался за перо:

Пишу, что кроется во мнѣ:
Нѣмой бумагѣ безъ искусства
Ввѣряю искреннія чувства.
Угоденъ—пусть меня читаютъ,
Противенъ—пусть въ огонь бросаютъ:
Трубы похвальной не ищу.

Характеромъ этихъ искреннихъ чувствъ, сущностью моральнаго бытія автора (бытія его сердца) опредѣляются характеристическія, существенныя отличія его лирики. Здѣсь, по словамъ его, ключъ той оригинальности, которую многіе справедливо приписывали его сочиненіямъ,—оригинальности внутренніе и внѣшней, въ содержаніи и въ формѣ.

Князь Долгорукій не любилъ скрывать себя, да и не имѣлъ въ томъ надобности; напротивъ, онъ могъ безъ опасеній *быть* постоянно *самимъ собою*, и дѣйствительно былъ таковымъ, не стараясь казаться чѣмъ-либо инымъ. Отъ природы получилъ онъ прямой, здравый и острый умъ, чувствительность, но не въ смыслѣ сентиментальности, добродушіе, любовь къ истинѣ и дѣйствитель-

ности. Какъ бы въ благодарность за хорошіе дары, онъ питалъ къ природѣ благоговѣйную любовь и преданность, называлъ ее другомъ, вождемъ и матерью, хотѣлъ жить заодно съ нею, потому что въ ней одной видѣлъ источникъ всевозможныхъ отрадъ и въ тоже время роковую непобѣдимую силу, которая не измѣняетъ своихъ, отъ вѣчности заведенныхъ порядковъ. Человѣкъ, по его понятію, есть «узникъ естества, крупный червь, ежечасно мятущійся». Изъ того, что мы давимъ другія творенія, еще не слѣдуетъ величать насъ царями земли:

Ничто здѣсь не для насъ; мы сами для того,
Чтобъ цѣпь кольцомъ связать творенія всего.

Что введено въ чинъ природы, то не можетъ быть намъ вредно, говоритъ Долгорукій, и въ «Посланіи къ Сердечкину» подчиняетъ ея уставу законы человѣческой жизни:

Натурой созданы, въ натурѣ мы живемъ:
Законами ея намъ должно управляться;
По милости ея мы спимъ, ѣдимъ и пьемъ,
По милости ея мы можемъ наслаждаться.

Поклоняясь своему кумиру-природѣ, Долгорукій искренно внималъ естественному чувству и сверхъ того голосу Руссо, котораго онъ цѣнилъ выше всѣхъ философовъ, какъ «благонравнаго» мудреца, и въ одномъ шутливомъ стихотвореніи назвалъ «Рыжимъ Яшкой»:

Ученіе сего философа любя,
Природа! здѣсь и я почувствовалъ тебя.

Поэтъ дорожилъ этимъ чувствомъ какъ истиннымъ благомъ, и никогда не измѣнялъ ему. Въ исторіи его внутреннихъ очущеній оно занимало самое видное мѣсто. Онъ былъ жизнелюбивъ не въ томъ смыслѣ, что боялся смерти, а въ томъ, что не боялся удовлетворять требованія своего естества, тѣлеснаго и душевнаго. Особенно наслаждался онъ *бытіемъ сердца*—«глубокаго лабиринта, въ которомъ прокладывалъ себѣ пути къ счастью». Преданность законамъ природы была возведена имъ въ доктрину, которая служила поэту и правиломъ и оправданіемъ: она узаконяла его страстныя наклонности, увлеченія чувствами, огонь любви, часто воспламенявшійся, долго горѣвшій. Стихи «на постриженіе благородной особы» выдаютъ основную мысль моральной системы автора:

Противу чувствъ вооружайся,
Но побѣдить не обѣщайся:
Природа царь всея земли.

Изъ сказаннаго понятно, почему все условное, идущее на перекоръ естественности, противное здравому смыслу, стѣснительное для свободныхъ отправленій духа и тѣла раздражало Долгорукаго и подвергалось рѣзкимъ его обличеніямъ. Охотно платя дань общечеловѣческимъ связямъ и обязанностямъ, безъ которыхъ невозможна жизнь, онъ ненавидѣлъ тѣ общественныя отношенія, которыя придумываются людьми на взаимную тягость, входятъ на время въ моду и бросаются какъ мода, замѣняясь другими, стольkоже неразумными. Одна изъ лучшихъ сатиръ его: «Нѣчто для весельчаковъ» (1815) преслѣдуетъ пустошь стѣснительныхъ обрядовъ свѣта, деспотизмъ такъ называемаго *приличія*. Въ началѣ сатирикъ перечислилъ вѣковѣчные уставы, вполнѣ согласные съ природой и разумомъ; потомъ высказываетъ отличіе истинной морали отъ моднаго этикета, обращающаго живыя существа въ машины; а въ заключительныхъ стихахъ постановляетъ такое рѣшеніе:

Чему не учитъ насъ небесный нашъ Отецъ,
Не требуютъ чего гражданскіе законы,
По мыслямъ то моимъ пустыя лишь препоны...
Гдѣ страха вовсе нѣтъ, тамъ нечего страшиться;
Въ чемъ нѣтъ стыда, того напрасно и стыдиться.

Противоположность между естественнымъ бытомъ человѣка, какъ истиною, и бытомъ общества искуственнымъ, какъ порчею и ложью, развито также въ «Хижинѣ на Рѣчки» (1804) ([1]). Трезвымъ понятіемъ о жизни и ея обязанностяхъ объясняется непріязнь поэта къ болѣзненнымъ явленіямъ въ обществѣ и въ литературѣ, особенно къ болѣзнямъ напускнымъ, которыя въ иную эпоху предпочитаются здоровью. Литературный сентиментализмъ раздражалъ его, какъ несносная аффектація.

Замѣтимъ, что въ сочиненіяхъ Долгорукаго не видно не только подражанія Карамзину, но и сочувствія къ нему, можетъ быть именно по той причинѣ, что въ Карамзинѣ признавалъ онъ творца сентиментальнаго направленія нашей словесности. Долгорукій легко могъ соглашать съ своимъ ученіемъ чувственность, но никакимъ образомъ не могъ оправдывать имъ вздыханье кн. Шаликова. Любя послѣдняго, какъ человѣка, онъ не любилъ, подобно ему, веселиться мечтами, а существенность почитать бѣдой. Будь счастливъ только истиной, внушаетъ онъ ему въ посланіи. По его

---

[1]) Рѣчка близъ Владиміра. На берегу, противоположномъ городу, кн. Долгорукій, бывшій владимірскимъ губернаторомъ, устроилъ хижину, въ которой, въ свободные дни отъ службы, любилъ, по нѣскольку часовъ въ день, предаваться совершенному уединенію: тамъ онъ читалъ, мечталъ и писалъ стихи (Кн. Долгорукій, М. Дмитріевъ).

мнѣнію, Жанлисъ, Редклифъ и Сталь много разстроили жизнь своимъ сладкимъ вздоромъ. Химерическія мечты онъ называлъ отравой нашего спокойствія и къ числу ихъ относилъ нарумяненныя картины простонароднаго быта у русскихъ идилликовъ. Піеса «Жизнь» забавно представляетъ разочарованіе тѣхъ любителей сельской жизни, которые составили о ней понятіе по Геснеру. Измайловъ, кн. Шаликовъ и другіе сентиментальные вояжоры расписывали прелести путешествія по Россіи; Долгорукій, въ «Ропотѣ на дорогу», подтвердилъ справедливость замѣтки, что въ Россіи, при тогдашнихъ дорогахъ, можно было ѣздить по дѣламъ, но не путешествовать. Другое дѣло, разсуждаетъ онъ, за границей,

А здѣсь ѣзда—бѣда ужасна
На почтовыхъ ли, на своихъ!
Земля, кормилица несчастна,
Плодовъ не носитъ никакихъ.
Дороги нѣтъ, мосты поганы,
Въ избахъ вонь, чадъ и тараканы,
Путемъ нельзя ни лечь, ни сѣсть;
Вездѣ велитъ неволя драться,
Во всякой всячинѣ нуждаться, —
Не сыщешь мягкой булки съѣсть.

Это говорилъ истинно-русскій человѣкъ, которому и дымъ отечества былъ сладокъ,—говорилъ не ради обличеній, не изъ злорадства, а единственно потому, что, смотря на вещи прямо и возмущаясь всякою ложью, слѣдовательно и ложнымъ стыдомъ, онъ не боялся видѣть дыма, а видя его принималъ за то, что онъ есть.— Такъ какъ простоты и естественности прежде было больше, чѣмъ въ новое время, когда, на ряду съ выгодами образованія, развилось и «образованное зло», то, въ этомъ отношеніи, Долгорукій предпочитаетъ старинную жизнь современной, подъ маскою приличій скрывающей самыя неприличныя качества. Стихи: «Въ послѣднемъ вкусѣ человѣкъ» (1798) содержатъ въ себѣ съ одной стороны похвалу предкамъ, а съ другой — сатиру на людей новѣйшаго фасона. Сочувствіе къ природѣ, прямой взглядъ на дѣйствительность и оцѣнка впечатлѣній по ихъ искренности и правдѣ спасли талантъ Долгорукова отъ ложныхъ направленій въ литературѣ. Онъ свободно пошелъ по прямой и открытой дородѣ, гдѣ ему предстояло своеобразное развитіе, не по примѣру другихъ, а скорѣе въ примѣръ другимъ.

Форма стихотвореній Долгорукова обусловлена качествами ихъ содержанія. Простота и естественность въ понятіяхъ и чувствахъ повела къ простому, естественному ихъ выраженію. Какъ онъ по жизни умственной и нравственной любилъ оставаться самимъ со-

бою, такъ и на словѣ его лежитъ печать самобытности. Онъ это сознавалъ положительно и заявилъ въ предисловіи: «книга моя не похожа ни на чью; она не соображена ни съ римскими, ни съ греческими древними красотами». Другими словами: книга Долгорукова отбросила направленіе, тонъ и формы лжеклассицизма, подъ которымъ большинство писателей представляло себѣ древне-классическую поэзію. Но такая свобода стихотворца, какъ нарушеніе общепринятыхъ правилъ, была для того времени смѣлою ересью. Оригинальность, которую мы теперь хвалимъ, тогда непріятно поражала критиковъ и могла вызвать укоры, а не похвалу. Авторъ счелъ нужнымъ если не оправдывать, то по крайней мѣрѣ пояснять несходство своихъ произведеній со всѣми прочими: «конечно, для всякаго творца эпопеи или трагедіи предосудительно стать выше общаго мнѣнія и попирать деспотически всѣ правила принятаго вкуса; но неужли и Ѳеклу пѣть надобно такимъ же размѣромъ, какимъ пѣвали трубадуры своихъ красавицъ?» Это, могъ прибавить Долгорукій, была бы пародія, своего рода обезьянство, не потому что предметъ носитъ простое имя, а потому что чувства, возбужденныя предметомъ въ душѣ автора, должны были облечься не въ классическую одежду, а въ одежду соотвѣтственно бытію авторскаго сердца. Не ровняя себя ни съ Ломоносовымъ, ни съ Державинымъ, ни съ Мерзляковымъ, ни съ Карамзинымъ, Долгорукій показалъ тѣмъ, что онъ такъ же хорошо понимаетъ ихъ, сколько и себя самого. Поэтическій инструментъ свой называлъ онъ «балалайкой», а игру на немъ «мурныканьемъ», хотя ему слѣдовало бы прибавить, что вѣрно настроенная балалайка лучше разстроенной арфы и задушевное мурныканье пріятнѣе громогласнаго, но фальшиваго пѣнья. Не видно у него заботы отчеканивать стихи; напротивъ, частенько онъ довольствовался такими словами, о которыхъ можно сказать: живетъ, годится. Но, уступая другимъ въ изяществѣ слога, его стихи представляютъ драгоцѣнное преимущество: на нихъ—чеканъ русскаго ума, русской рѣчи. У инаго стихотворца піеса выведена словно красивое зданіе, а толку въ ней нѣтъ или очень мало; въ піесахъ Долгорукаго всегда народный толкъ, народный складъ. Самыя заглавія нѣкоторыхъ піесъ выбраны изъ чисто-русскаго словаря и непереводимы на иностранный языкъ, равно какъ ихъ содержаніе взято изъ нашего кореннаго быта. Таковы: «Авось», «Везетъ», «Живетъ». Авторъ любилъ бойкіе руссизмы, въ реченіяхъ и оборотахъ, и безъ боязни пользовался обычными умопредставленіями и обычнымъ матеріаломъ для ихъ выраженія, отъ которыхъ вѣроятно морщились тогдашніе пуристы въ поэзіи, дозволявшіе ея слу-

жителямъ только избранный языкъ. Примѣровъ не приводимъ: они встрѣчаются почти въ каждомъ его стихотвореніи. Здѣсь-то и причина, почему Долгорукій такъ легко и сочувственно сказывался чистокровному русскому человѣку и почему многія его произведенія встрѣчаются въ рукописныхъ сборникахъ стиховъ. Существенными чертами своей лирики онъ живо напоминаетъ Державина, но съ тѣмъ различіемъ, что въ ней нѣтъ Державинскаго поэтическаго взмаха. Онъ не хваталъ, какъ говорятъ, звѣздъ съ неба, но за то и не спотыкался на гиперболы, какъ иногда Державинъ въ своемъ заоблачномъ полетѣ. Вотъ, для примѣра, двѣ строфы изъ стихотворенія: «Мой театръ»:

Тарифъ меня не безпокоитъ,
Въ суннѣ я толку не знавалъ;
Иной безъ сахару все ноитъ,
Я чай и съ патокой пивалъ.
Въ карманѣ рубль коль залежится,
Поставлю въ мигъ его ребромъ:
Моя забава — суетиться,
Мой рай—людьми набитый домъ.

Мнѣ нужды нѣтъ, гдѣ миръ, гдѣ драка,
Куда полки бѣгутъ солдатъ,
Который баринъ скушалъ рака,
Какому данъ вельможѣ матъ;
Въ моемъ углу храня свободы
Благонамѣренный законъ,
Лѣнюсь, и радъ, что воеводы
Уже не грезится мнѣ сонъ.

Хотя всѣ стихотворенія Долгорукаго выражаютъ «бытіе его сердца», однакожъ въ нихъ можно различить три рода: одни шутливыя, исполненныя умной и веселой ироніи, а иногда и юмора (Авось, Везетъ, Живетъ, Семира Болеславна); другіе, въ стилѣ Гораціанскихъ одъ, но въ духѣ русскомъ, относятся къ дидактической лирикѣ (Каминъ въ Пензѣ, съ котораго началась поэтическая извѣстность автора и за которымъ слѣдовали: «Каминъ въ Москвѣ» и «Война каминовъ»; Завѣщаніе, Размышленіе о смерти, Послѣдняя пѣснь моимъ современникамъ, Взглядъ старца на заходящее солнце); третьи принадлежатъ къ сатирамъ (Въ послѣднемъ вкусѣ человѣкъ, Черты свободнаго писателя, Приказъ швейцару, Нѣчто для весельчаковъ, Торжество совѣсти, Пиръ, Пріятелю). Личность автора, какъ человѣка, всецѣло и прекрасно изображена въ стихотвореніи «Я» ([1]).

---

[1]) Князь Иванъ Михайловичъ Долгорукій и его сочиненія. Сочиненіе М. А. Дмитріева (изд. 2-ое, 1868). Извѣстіе о запискахъ кн. И. М. Долгорукова,

О сатирѣ князя Д. П. Горчакова (1756—1824) ([1]) нельзя сказать того же, что мы замѣтили о произведеніяхъ двухъ предъидущихъ сатириковъ: она не выказываетъ въ авторѣ, какъ у Дмитріева, человѣка уклончиваго, соблюдающаго, при всей колкости остроумія, пріемы и формы салоннаго круга, и не смягчается, какъ у кн. Долгорукаго, шуткой или юморомъ. Князь Горчаковъ не любилъ золотить пилюли; желая нанести меткіе и тяжелые удары, онъ не облекалъ своей руки въ лайковую перчатку. Его негодованіе — холерическое, безъ мысли не только о мирѣ, но даже о временномъ примиреніи. Онъ дѣйствовалъ перомъ съ воинственной отвагой и противъ подлыхъ чувствъ и дѣлъ шелъ такъ же смѣло, какъ на приступъ Измаила, не щадя враговъ. Враги были не внѣшніе, какъ прежде, а внутренніе и многочисленные — «новыя неистовства вѣка». Это—игроки, вѣжливо и хладнокровно пускающіе цѣлыя семейства по міру; Подлягины, не правители, а разорители ввѣренныхъ имъ губерній; казнокрады, грабящіе казну за невозможностью ограбить согражданъ; подрядчики, болѣе чумы и картечи пагубные для арміи; откупщики, настроившіе себѣ чертоговъ на разбавленное или приправленное вино.... короче: «злодѣйствъ мерзительный соборъ». Особенному гнѣву сатирика подвергаются тѣ дворяне, что совершенно забыли французское изреченіе: «la noblesse oblige». Онъ выставляетъ на позоръ постыдную ничтожность Пустоновъ и Празднолюбовъ, утрату чести, долженствующей быть главнымъ отличіемъ благороднаго сословія, и пренебреженіе къ службѣ, составляющей главную его обязанность. Корень такого зла сатирикъ находитъ въ антинаціональномъ воспитаніи русскихъ бояръ, которое и преслѣдуется имъ нещадно. Въ комедіи «Безпечный», Легкосердъ винитъ отцовъ за недостойное поведеніе ихъ дѣтей:

Куда своихъ дѣтей свернули вы умы?
Дворянства должности въ ихъ сердцѣ истребили
И чужестранною лишь пустошью набили.
А что причиною прямою этихъ бѣдъ?
Обычай общій нашъ—брести боярамъ въ слѣдъ.
Они дѣтей своихъ пошлютъ въ заморски школы,—
И мы, не осмотрясь, богаты или голы,

М. Н. Лонгинова (Рус. Архивъ 1865); его же: Хронологія нѣкоторыхъ стихотвореній кн. Долгорукаго (ib). Капище моего сердца, соч. Долгорукаго, любопытное для характеристики его страстной натуры (Чтенія въ Москов. Обществѣ Исторіи, 1878 г.); Выдержки изъ старой записной книжки (Рус. Арх. 1876, кн. 3).

[1]) Отецъ Михаила Дмитріевича, бывшаго главнокомандующимъ нашими войсками въ Крымскую войну.

Своихъ туда же шлемъ, какъ будто бы у насъ
Наукъ и разума совсѣмъ исчезнулъ гласъ.
Да ужъ добро бъ они тамъ стали мудрецами;
А то противное: еще бѣднѣй умами.

Гораздо рѣзче и язвительнѣй осмѣиваются русскіе французы, подъ именемъ «невѣроятныхъ (incroyables), въ «Посланіи къ кн. С. Н. Долгорукому» ([1]). Это — лучшее стихотвореніе кн. Горчакова, по энергическому пылу родственное тирадамъ Чацкаго, въ «Горѣ отъ ума». Другія сатиры его большею частію хранятся въ рукописи; изъ нихъ замѣчательна «Святки». Вообще кн. Горчаковъ печаталъ мало. Онъ былъ дилетантомъ въ литературѣ, а не записнымъ словесникомъ. Современники отдавали справедливоость его уму, дарованіямъ и остротѣ. Въ шуточномъ произведеніи Воейкова: «Парнасскій адресъ-календарь», онъ титулованъ дѣйствительнымъ поэтомъ, экзекуторомъ при наказаніи сатирическимъ бичемъ разврата, ябеды и грабительства, и кавалеромъ лавроваго листа съ надписью: «за сатиры» ([2]).

Въ число «новыхъ неистовствъ вѣка» князь Горчаковъ включилъ и новыя литературныя явленія: реформу Карамзина, сентиментализмъ, размноженіе періодическихъ изданій, мѣщанскія драмы. Онъ смѣялся надъ ними остроумно, хотя и невсегда справедливо. Нѣкоторые стихи его по этому предмету сдѣлались поговорками. Имъ изобрѣтено слово «воцебятина»; имъ же удачно противопоставлены журналы книгамъ:

Исполнить торопясь писательски желанья,
Всѣ въ ежемѣсячны пустилися изданья,
И наконецъ я зрю въ странѣ моей родной
Журналовъ тысячи, а книги ни одной.

Извѣстна также эпиграмма, сочиненная имъ на Карамзина, въ формѣ обращенія къ поклоннику послѣдняго:

Когда и отъ кого (скажи мнѣ безпристрастно)
Хвалить Карамзина помѣху ты встрѣчалъ?
Тебѣ самъ Буало въ наукѣ стихотворства,
Окончивъ перву пѣснь, на это право далъ ([3]).

Недовольство сатирика новымъ слогомъ и новымъ направленіемъ словесности нашей понятно. Онъ не могъ признать ихъ законности,

---

[1]) Ист. Христ. II.
[2]) Рус. Арх. 1866.
[3]) Первая пѣснь Буало оканчивается стихомъ:

Un sot trouve toujours un plus sot qui l'admire.

(Библіогр. Записки М. Лонгинова, въ 5 № Соврем. на 1857 г.).

потому что все его сочувствіе было безраздѣльно отдано такъ называемымъ классическимъ писателямъ временъ Людовика XIV и Людовика XV. Въ Вольтерѣ видѣлъ онъ образцоваго трагика, не имѣвшаго себѣ соперниковъ. А какъ Вольтеровы трагедіи служили органомъ религіозныхъ и политическихъ мнѣній, то и русскія піесы того же рода почти исключительно нравились Горчакову, который въ «Совѣтѣ Пустону» (1793) говоритъ:

Старался ль ты себя на верхъ Парнасса взнесть,
Испивъ отъ свѣтлыхъ струй изъ тока Ипокрены,
Насъ тронуть бѣдствіемъ Семиры и Сорены?

Похвалы Соренѣ объясняются, конечно, не одною дружбою Горчакова къ ея автору (Николеву), но дидактизмомъ самой драмы, разсыпанными въ ней сентенціями о долгѣ властителей и о злоупотребленіяхъ власти. Сатирикъ не могъ переварить того факта, что мѣщанскія драмы, освободившія насъ отъ «издревле чтимыхъ узъ», перебиваютъ дорогу у французской Мельпомены:

Къ законнымъ дѣтямъ дверь чувствительности скрыта:
Нѣтъ жалости къ бѣдамъ несчастна Ипполита,
Иль Ифигеніи, стенящей отъ отца.

Въ замѣткѣ на одинъ стихъ изъ посланія къ кн. Долгорукову, авторъ презрительно отзывается объ англійской и нѣмецкой драматической поэзіи: «англичане, а болѣе нѣмцы смѣшатъ въ комедіяхъ глупостями выведенныхъ на сцену пошлыхъ дураковъ или сумасшедшихъ. Изобрѣтеніе сего способа, избавляющаго автора отъ трудной обязанности быть умнымъ, должно заслуживать отъ многихъ нынѣшнихъ писателей общую благодарность». Преслѣдуя въ новой драмѣ порчу вкуса, князь Горчаковъ осмѣивалъ русскихъ Стерновъ и «дамскихъ прозопіитовъ» за ихъ лжечувствительность и разстроенную фантазію. По образу мыслей, онъ былъ «бесѣдистъ», т. е. членъ Бесѣды любителей русскаго слова, и въ стихахъ раскрывалъ тѣ самыя явленія общественной безнравственности, о которыхъ постоянно говорилъ Шишковъ въ своихъ рѣчахъ, критикахъ и разсужденіяхъ. Какъ Шишковъ, онъ ставитъ идеаломъ—доблестные примѣры отцовъ, «громъ прошедшей славы», а причиною уклоненій отъ идеала почитаетъ учителей-софистовъ, подрывающихъ уваженіе къ родству, священной власти и русскому имени. Съ одной стороны указывается имъ чувство народной гордости, безъ котораго невозможна героическая преданность отечеству, а съ другой чувство самости, себялюбія, которое способно производить только подлыя души и подлыя дѣла ([1]).

[1]) Нѣсколько стихотвореній кн. Горчакова помѣщены въ Другѣ просвѣщенія (1804—1806). Укажемъ главнѣйшія: «Стансы» (1804, №№ 5 и 10), «Письмо къ

Кромѣ Горчакова, и другіе члены «Бесѣды», не благоволили къ Карамзину. Въ числѣ таковыхъ находился С. Н. Маринъ (1775—1813), авторъ немногихъ сатиръ, написанныхъ въ подражаніе Буало. Одна изъ нихъ: «Посланіе къ М.... М....» (1811), называетъ Карамзина «Ахалкинымъ»:

Пускай нашъ Ахалкинъ стремится въ новый путь (¹)
И, вздохами свою наполня томну грудь,
Опишетъ, свойства плаксъ давъ Игорю и Кію,
И *добренькихъ* Славянъ и *милую* Россію.

Другая сатира: «Посланіе къ И. И. Дмитріеву» (1808), подъ тѣмъ же именемъ представляетъ не Карамзина, а его послѣдователей, чувствительныхъ стихотворцевъ. Кромѣ сатиръ, явившихся въ печати, извѣстны еще шуточныя стихотворенія Марина, большею частію рукописныя, и такія же пародіи одъ Ломоносова и Державина. Особенную извѣстность имѣла пародія «Подражанія Іову», начинающаяся стихами:

О ты, что въ горести напрасно
На службу ропщешь офицеръ...

Сатиры М. В. Милонова (1792—1821) вообще ниже той извѣстности, которую онѣ доставили своему автору. Лучшими изъ нихъ справедливо почитались: «Къ Рубеллію» (1810) и «Отрывокъ изъ Луцилiевой сатиры противъ его вѣка» (1810). Современники цѣнили въ молодомъ стихотворцѣ пылъ негодованія, силу укоризны и бойкій, стремительный стихъ, какъ вѣрное выраженіе гнѣвнаго чувства. Онъ и самъ видѣлъ въ себѣ «безстрашнаго обличителя дерзостныхъ пороковъ», для чего, кромѣ дарованія, нужно еще имѣть гражданское мужество. Особенно возмущали его душевная низость, пустая знатность рода, не украшаемая никакими личными заслугами, домогательство отличій презрительными способами. Все это очень почтенно и сочувственно; но жаль, что обличенія имѣютъ значеніе общихъ мѣстъ, которыя легко выговаривать въ какое угодно время и въ какой угодно странѣ. То «образы безъ лицъ», и потому лицамъ невозможно находить въ себѣ сходства съ смутно представленными образами. Сатирикъ разражается потокомъ грозныхъ словъ и обвиненій, а между тѣмъ виноватыхъ отыскать трудно, такъ какъ характеристика предметовъ слишкомъ обща. Кого, напримѣръ, слѣдуетъ разумѣть подъ Рубелліемъ? По преда-

кн. С. Н. Д.» (Долгорукову) (ib. № 6), «Письмо къ М. А. Шишкову» (ib. № 8), «Ода спокойствію» (1805, № 11), «Письмо къ другу моему Н. П. Николеву» (1806, № 3).

¹) Новый путь Карамзина—занятія отечественною исторіей.

нію, Милоновъ метилъ въ Аракчеева, временщика при Александрѣ I, и чтобы замаскировать свою цѣль, прикрылъ свое имя именемъ Персія, между сатирами котораго нѣтъ ни одной, хотя сколько нибудь напоминающей русское стихотвореніе. Но если преданіе и вѣрно, то временщикъ имѣлъ право не принимать Рубеллія на свой счетъ и слѣдовательно избѣгнуть сатирической кары: ибо черты Рубеллія образуютъ общеизвѣстную физіогномію недостойныхъ вельможъ, а нѣкоторыя и не принадлежали тому, на кого была направлена сатира. О портретѣ, похожемъ на всѣхъ и каждаго, можно сказать, что онъ не похожъ ни на кого. Въ «Посланіи къ Фовицкому» (1818), Милоновъ нѣсколько открываетъ причину своего негодованія. Онъ сѣтуетъ на равнодушіе къ поэзіи въ согражданахъ, преданныхъ низкимъ цѣлямъ и мелкимъ дѣламъ, и поэтическій полетъ Державина называетъ даромъ великой Екатерины. Значитъ, онъ былъ недоволенъ настроеніемъ общественнаго духа, существовавшимъ въ его время порядкомъ дѣлъ. Но это недовольство всегда выражается неопредѣленно, такъ что и предметы его, и его особенности витаютъ въ какомъ-то туманѣ. Другія сатиры Милонова: «Къ Луказію» (1812), «Къ моему разсудку» (1817), «На женитьбу въ большомъ свѣтѣ» (1818) суть подражанія Буало. Растянутость ихъ мало вознаграждается остроуміемъ. Первыя двѣ, почти тождественнаго содержанія, осмѣиваютъ плохихъ писателей, преимущественно сторонниковъ славянофильства: Захарова (Мидасъ), Сладковскаго (Радковскій), Станевича (Плаксевичъ), Грузинцева, С. Глинку... При тогдашнихъ отношеніяхъ послѣдователей Карамзина къ членамъ «Бесѣды», эти стихотворенія Милонова, конечно, вызывали похвалы, но въ исторіи литературы они теряютъ свое значеніе сравнительно съ «Чужимъ толкомъ» [1].

Въ то время, какъ журналы и сборники образцовыхъ сочиненій охотно принимали все, выходившее изъ подъ пера Милонова, когда цѣлая книжка «Благонамѣреннаго» [2] была наполнена воспоминаніями о его жизни и авторской дѣятельности, при чемъ онъ сравнивался и съ Жуковскимъ и съ французскимъ поэтомъ Жильберомъ.... даже имени А. Н. Нахимова (1782 — 1815) не встрѣчается въ «Опытѣ Исторіи Русской Литературы» Греча (1822), хотя до выхода въ свѣтъ этой книги сочиненія Нахимова

[1] Матеріалы для полнаго собранія сочиненій Милонова, собранные г. Лонгиновымъ, напеч. въ Русскомъ Архивѣ 1864, № 3. Нѣсколько воспоминаній о Милоновѣ см. въ «Мелочахъ изъ запаса моей памяти» (М. Дмитріева) и въ «Московскомъ Университетскомъ пансіонѣ» (Н. Сушкова).

[2] 1821, №№ 23 и 24.

нія, которое, рано или поздно, хотя и принудительною мѣрою, наполнитъ наши университеты слушателями и быстро двинетъ высшее образованіе юношества, которое, въ особенности изъ дворянскаго сословія, рѣдко шло далѣе корпусовъ и пансіоновъ. Указъ 1809 г. «гласилъ о просвѣщеніи», а просвѣщеніе угрожало конечною гибелью взяточничеству и ябедѣ. Подобно Нарѣжному, Нахимовъ смотрѣлъ на ябеду, какъ на «исчадіе ада», и въ Малороссіи видѣлъ примѣры ея опустошительныхъ дѣйствій. Можно ли было ему не радоваться, что, наконецъ, пущено въ ходъ наилучшее средство противъ малограмотности, грубаго образа жизни и кривосудія дьяковъ и подьячихъ? И вотъ онъ, не хуже Сумарокова, пользуется каждымъ случаемъ задѣть «крапивное сѣмя»: въ стихотвореніи «Звѣринецъ», судья-медвѣдь носитъ имя Ворворворъ, риѳмующее слову «живодеръ»; въ эпиграммѣ: «Чортъ и смерть», курносая дивится, какъ можно искать души въ секретарѣ; «Сказаніе о Ѳемидѣ и объ иноплеменныхъ приказныхъ» повѣствуетъ, что чувствительное сердце Юпитеровскаго (на планетѣ Юпитеръ) дьяка, какъ натуральная рѣдкость, или игра природы, было отослано Ѳемидой въ кунсткамеру. Другимъ, ненавистнымъ Нахимову предметомъ были французы вообще, французскіе гувернеры въ частности и обученные ими русскіе. Первыхъ изобразилъ онъ въ статьѣ: «Словесныя обезьяны», на вторыхъ написалъ комическую поэму «Пурсоніада», а третьимъ досталось въ «Мерзилкинѣ». Сатира во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ слишкомъ откровенна и переходитъ въ брань. Какъ видно, авторъ хотѣлъ лучше быть грубымъ, нежели скрывать свою антипатію, которая объясняется господствовавшею въ то время галломаніей, а потомъ пробужденіемъ народнаго чувства въ войнахъ съ Наполеономъ.

Воейковъ (1778—1839) имѣлъ большую наклонность къ сатирѣ, какъ доказывается его «Посланіемъ къ Сперанскому» (1806), «Домомъ сумасшедшихъ» (1814—1838) (¹) и «Парнасскимъ адресъ-календаремъ». Онъ умѣлъ подмѣчать смѣшныя стороны и крупные недостатки людей и выражать ихъ рѣзкимъ словомъ. Но этотъ сатирическій даръ, подъ вліяніемъ другихъ психическихъ свойствъ, принялъ одностороннее направленіе. Авторъ не могъ придать своей сатирѣ ни собственно-поэтическаго, ни нравственнаго достоинства: она постоянно впадала либо въ каррикатуру, либо въ пасквиль; орудіями ея были—оскорбительно-рѣзкій тонъ, злые намеки, гру-

¹) Первая редакція этой сатиры относится къ 1814 г.; потомъ, въ теченіи 24-хъ лѣтъ, она пополнялась (Русская Старина 1874, мартъ).

бая брань, хотя не лишенная силы, но весьма часто лишенная правды, которая почти не принималась во вниманіе. На людей Воейковъ смотрѣлъ не иначе, какъ на пріятелей своихъ или на своихъ враговъ. Не типы ему были нужны, а личности; не литературные интересы вообще, а отношенія къ той или другой литературной партіи двигали перомъ его. Члены «Арзамаса» могли быть увѣрены въ его похвалахъ, такъ же какъ члены «Бесѣды» въ его хулѣ: каждый изъ послѣднихъ являлся у него либо пошлымъ дуракомъ, либо подлецомъ. Но стоило только бесѣдисту выдти изъ Бесѣды, стать экс-бесѣдистомъ, какъ онъ изъ глупаго и подлаго преображался въ умницу и честнаго. Мѣры не было ни въ чемъ— ни въ порицаніяхъ, ни въ похвалахъ; но всего меньше было чувства правды, даже желанія быть правдивымъ. Что, напримѣръ, нашелъ Воейковъ смѣшнаго въ занятіяхъ Каченовскаго русской археологіей? Какъ онъ отозвался объ одномъ изъ образованнѣйшихъ своихъ современниковъ — И. М. Муравьевѣ-Апостолѣ? Намѣренная неразборчивость, подведеніе разнородныхъ личностей подъ одинъ уровень роняетъ значеніе сатиры и сатирика, выказывая въ немъ стремленіе не обличать дѣйствительные недостатки, а выдумывать небылицы.

Лучшее изъ сатирическихъ стихотвореній по внутреннему достоинству—«Посланіе къ Сперанскому», частію подражаніе, частію переводъ пятой сатиры Буало (A. m. le marquis de Dangeau). Какъ извѣстно, Сперанскій не пользовался расположеніемъ тщеславныхъ отраслей именитыхъ родовъ: гордые мыслію о своемъ высокомъ происхожденіи, они смотрѣли на государственнаго дѣятеля, какъ на выскочку изъ низменной среды. Литератору, при сочувствіи къ человѣку, собственными трудами возвысившему свой родъ, было весьма кстати напомнить этимъ гордецамъ, не имѣющимъ лично за собою никакихъ заслугъ передъ отечествомъ, тѣ истины, которыя въ первой половинѣ XVIII-го вѣка Кантемиръ высказалъ во второй своей сатирѣ. Умѣстно также обращеніе сатирика къ дураку, «воспитанному французами», какъ къ представителю тщеславнаго высшаго дворянства: оно указываетъ на сильное развитіе и укорененіе французскаго воспитанія русскаго юношества въ высшемъ сословіи, при Александрѣ I. Вообще паѳосъ сатирика, возбужденный съ одной стороны раздраженіемъ противъ людей, величающихся титлами предковъ, украшающихся чужимъ добромъ, а съ другой—государственными дѣйствіями Сперанскаго, есть чувство благородное и даетъ истинную цѣну посланію.

Достойнаго представителя нашла себѣ сатира въ князѣ П. А. Вяземскомъ (род. 1792 г.). Сознаніе своего мѣста и значенія среди

русскихъ писателей высказано имъ самимъ въ рѣчи на юбилеѣ пятидесятилѣтней литературной его дѣятельности (1). Вотъ что отвѣчалъ онъ на привѣтствіе графа Д. Н. Блудова: «Вы во мнѣ радушно привѣтствуете и ласково провожаете живое и нечуждое сочувствіямъ вашимъ преданіе. Вы въ моемъ лицѣ празднуете умилительную тризну славнымъ покойникамъ, которыхъ нѣкогда былъ я питомцемъ, современникомъ и товарищемъ. Не мои дѣла, не мои труды, не мои побѣды празднуете вы. Вы заявляете сердечное слово, вы подаете ласковую руку простому рядовому, который уцѣлѣлъ изъ побоища смерти и пережилъ многихъ знаменитыхъ сослуживцевъ.... На литературномъ поприщѣ я живое воспоминаніе великой эпохи. Я напоминаю вамъ имена ея, имена Карамзина, Жуковскаго, Пушкина и нѣкоторыхъ другихъ знаменитыхъ ея дѣятелей.... Это не заслуга, но это право на сочувственное вниманіе ваше. Вы вмѣняете мнѣ въ заслугу счастіе, которое сблизило и сроднило меня съ именами, вамъ любезными и съ блескомъ записанными на скрижаляхъ памяти народной» (2). Никто не имѣетъ права сомнѣваться въ искренности этого мнѣнія, которое юбиляръ назвалъ своимъ убѣжденіемъ; но можно, однакожъ, думать, что въ него вошла значительная доля сдержанности. Какъ воспитанникъ Карамзина, какъ другъ Жуковскаго и Пушкина, кн. Вяземскій, конечно, стоялъ къ нимъ близко и былъ сослуживцемъ двухъ послѣднихъ, но одною современностью жизни и службы съ почетнѣйшими именами нашей словесности не пріобрѣтается литературная извѣстность: для нея необходимо собственное дѣло, нужна личная заслуга, независимо отъ родственныхъ или пріятельскихъ связей, хотя и при этихъ связяхъ, какъ вообще въ жизни, не теряетъ своей силы умное изреченіе: «скажи мнѣ, съ кѣмъ ты водишься, и я скажу тебѣ, кто ты». Становиться на сторонѣ Карамзина, Жуковскаго, Пушкина значило становиться на сторонѣ выдающихся талантовъ и производимаго ими литературнаго движенія впередъ. Такой выборъ по малой мѣрѣ обнаруживаетъ въ избирателѣ инстинктивное чувство лучшаго, болѣе живаго и свѣжаго, болѣе отвѣчающаго состоянію времени. Высшая же мѣра опредѣляется сознаніемъ законности выбора и трудами на пользу выбраннаго предмета. Тогда дѣятель

---

1) Первымъ сочиненіемъ кн. Вяземскаго было «Посланіе къ *** въ деревню» (Вѣст. Евр. 1808 г.); слѣдовательно пятидесятилѣтіе исполнилось въ 1858, но по нѣкоторымъ обстоятельствамъ оно праздновалось въ 1861-мъ.

2) Юбилей пятидесятилѣтней литературной дѣятельности кн. Петра Андреевича Вяземскаго (Спб. 1861).

становится самъ почетнымъ членомъ той школы, которая предназначила себѣ цѣлью улучшеніе языка или обновленіе и расширеніе поэзіи. Въ этомъ-то содѣйствіи прогрессивному литературному движенію и состоитъ заслуга кн. Вяземскаго. Она тѣмъ болѣе достойна вниманія, что образованіе кн. Вяземскаго совершилось почти подъ исключительнымъ вліяніемъ такъ называемой классической словесности французовъ ([1]), которые упорно держатся литературныхъ правилъ и преданій, какъ бы въ противоположность той быстротѣ и отвагѣ, съ какими они производятъ соціальные и политическіе перевороты. Своимъ знакомствомъ съ французскими классиками кн. Вяземскій пользовался какъ ловкимъ орудіемъ не для поддержки того, что нашими литераторами было заимствовано у французскихъ писателей XVII и XVIII вв., а для осмѣянія ревнителей стараго слога и псевдоклассическаго вкуса, для отраженія нападокъ на новый слогъ и исторію Карамзина, на романтизмъ Жуковскаго, на новоромантизмъ Пушкина. Его сатиры, эпиграммы и полемическія статьи, по поводу этихъ предметовъ, отличаются здравымъ умомъ, мѣткимъ остроуміемъ и своеобразнымъ стилемъ, разумѣя подъ послѣднимъ не одинъ складъ рѣчи, но и способъ представленія. Какъ членъ «Арзамаса», кн. Вяземскій, вмѣстѣ съ другими лицами того же кружка, пріобрѣлъ навыкъ самостоятельно относиться къ литературнымъ вопросамъ и подвергать критикѣ новыя произведенія писателей одного съ нимъ направленія. Этотъ обычай круговой пріятельской цензуры сохранилъ онъ и въ послѣдствіи, какъ показываетъ его переписка съ Жуковскимъ и Пушкинымъ. Въ «Арзамасѣ» же, собравшемъ почти всю литературную знать того времени, безъ сомнѣнія выработалось и умѣнье писателя держать себя въ печати, — тотъ приличный и достойный тонъ, который многіе въ укоръ или насмѣшку называли аристократизмомъ, но которымъ благовоспитанный человѣкъ обязывается изъ уваженія къ себѣ самому, литературѣ и публикѣ. — Изъ сатиръ, относящихся къ эпохѣ Александра I, укажемъ слѣдующія: «Къ перу моему» (1816), «Къ Жуковскому» (1821), «Къ Дмитріеву» (1823), «Къ Каченовскому» (1821). Въ первыхъ трехъ авторъ подражалъ Буало (сатиры 2, 3 и 9), въ послѣдней Вольтерову стихотворенію на зависть (de l'envie). Какъ Буало преслѣдовалъ писателей, которые подъ вліяніемъ Ронсаровой школы или испанскихъ и италіянскихъ образцовъ породили во французской литературѣ извращенный вкусъ, такъ сатиры кн. Вяземскаго

---

[1]) Служа въ Польшѣ (1817—1820), кн. Вяземскій познакомился съ литературою польской и съ лучшими ея тогдашними представителями.

имѣютъ своимъ предметомъ бездарное и пошлое писательство, обратившее поэзію въ ремесло, цеховыхъ стиходѣевъ, напыщенную фразеологію одописцевъ и трагиковъ, комическій сентиментализмъ, педантизмъ и зависть авторовъ, невѣжество большинства читателей, для коихъ «каждый печатный листъ кажется святымъ». Посланіе къ Каченовскому отличается особенною рѣзкостью, объясняемою тѣмъ, что въ лицѣ, къ кому оно адресовано, сатирикъ замѣчалъ постоянно-недружелюбное отношеніе къ Исторіи Карамзина. Эпиграммы кн. Вяземскаго большею частью направлены противъ П. И. Картузова (Голенищева-Кутузова) и Шутовскаго (кн. Шаховскаго), какъ литературныхъ непріятелей Карамзина и Жуковскаго, или осмѣиваютъ Вздыхалова (кн. Шаликова) и Бибриса (Боброва), изъ которыхъ первый довелъ до забавной крайности сентиментализмъ, а второй сдѣлалъ тоже самое относительно стихотворческой напыщенности.

Обличенія кн. Вяземскаго не ограничивались литературною сферою. По своему уму и наблюдательности онъ и не могъ смотрѣть только въ одинъ уголъ края. Онъ обращалъ внимательную мысль и на другія его стороны, замѣчая недостатки общаго внутренняго состоянія нашего, отъ неустройства дорогъ и *квасняго* патріотизма до стѣснительнаго устройства цензуры и дальше, и передавая замѣченное письму. Стихотворенія, сюда относящіяся, отличаются еще бóльшимъ внутреннимъ вѣсомъ и бóльшею силою выраженія. Но какъ они, хотя и знаемыя наизусть всѣми любителями русской сатиры, не имѣются въ печати, то нечегó о нихъ и говорить. Свидѣтельствомъ же того, какъ сатирикъ ясно понималъ характеръ нашего общества и положеніе въ немъ выдающихся личностей, можетъ служить письмо его къ Пушкину, 1825 г. ([1]).

§ 22. Въ исторіи нашей драмы Грибоѣдовъ занялъ высокое мѣсто, какъ авторъ «Горя отъ ума» (1823), оригинальной комедіи, далеко оставившей за собою всѣ предшествовавшія произведенія того же рода.

Главная мысль этой комедіи выражена въ слѣдующихъ стихахъ:

> Какъ посравнить, да посмотрѣть
> Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій,—
> Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ (Дѣйст. II, явленіе 2).

Понятно, что задачею автора было выставить противоположность двухъ послѣдовательныхъ временъ. Но такъ какъ характеръ времени выражается въ драмѣ посредствомъ образовъ, то Чацкій вы-

---

[1]) Рус. Архивъ 1874, № 1.

веденъ, какъ представитель нынѣшняго вѣка, или, точнѣе, первой его четверти, а всѣ прочія лица служатъ представителями вѣка минувшаго, или, точнѣе, второй его половины.

Какимъ образомъ выработалась личность Чацкаго, въ чемъ его особенности, полагающія между нимъ и другими лицами комедіи различіе, доходящее до противоположности,—такое различіе, которому вѣрится съ трудомъ—это мы видѣли выше (§ 11). Чацкій принадлежитъ къ числу личностей первой четверти нашего вѣка, жившихъ осмысленною жизнію. Онъ передовой человѣкъ того времени, либералъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Фамусовъ, съ своей точки зрѣнія, правъ, выразивъ совѣтъ свой Чацкому такимъ образомъ:

Пожалуйста при немъ (¹) не спорь ты вкривь и вкось,
И *завиральныя* идеи эти брось....

Еслибъ онъ вмѣсто *завиральныя* сказалъ *либеральныя* (что, конечно, и разумѣлось имъ), стихъ ни малѣйше не потерпѣлъ бы отъ того ни въ содержаніи, ни въ строѣ.

Новыя убѣжденія перестраиваютъ убѣжденнаго на новый ладъ. Ими отмѣняется прежній взглядъ на человѣческія и гражданскія отношенія, выросшій и окрѣпшій на почвѣ низшаго развитія общества, и устанавливается другой въ уровень съ бо̀льшею высотою общественнаго сознанія. Это и обнаруживается въ рѣчахъ и дѣйствіяхъ Чацкаго. Начнемъ съ его понятія объ отношеніи гражданина къ отечеству. Какъ смотрѣло большинство на службу? Чѣмъ оно обязывало себя передъ государствомъ и чего, въ награду за свои обязательства, искало у государства? Не говорю о томъ многочисленномъ классѣ людей, которые служили единственно по необходимости служить, такъ какъ жалованье давало имъ средство къ существованію; говорю о томъ не менѣе многочисленномъ классѣ служилыхъ, которые или, кромѣ жалованья, имѣли въ виду наживу, или, не нуждаясь въ послѣднемъ, по своей матеріальной обезпеченности, стремились удовлетворить свое чиновническое честолюбіе рангами и знаками отличія. Тотъ и другой классы руководствовались исключительно расчетами себялюбія, безъ всякой мысли о гражданскомъ долгѣ, объ общей пользѣ. Чѣмъ мѐньшимъ трудомъ могли они достигнуть личныхъ цѣлей, тѣмъ этотъ трудъ считался пригоднѣе. Были сплошь и рядомъ такіе, которые только числились на службѣ, не неся никакой ея тягости и однакожъ пріобрѣтая значительныя выгоды отъ своего номинальнаго служенія. Средства къ добыванію видныхъ или теплыхъ мѣстъ не могли,

¹) При Скалозубѣ.

конечно, отличаться совѣстливою разборчивостію; они напоминали іезуитскую сентенцію: цѣль оправдываетъ средство. Наиболѣе употребительное изъ нихъ состояло въ услужливости, угодничествѣ тому лицу, отъ котораго зависѣла карьера, въ заискиваніи его расположенія. Родители внушали это житейское правило своимъ дѣтямъ съ малолѣтства, такъ что составилось и укоренилось слово «искательный», съ особымъ смысломъ или, по крайней мѣрѣ, съ особымъ оттѣнкомъ смысла. Назвать кого-либо «человѣкомъ искательнымъ» значило воздать ему большую похвалу, такъ какъ онъ пріобрѣлъ способность «втираться» въ милость къ начальствующимъ лицамъ и припасать въ нихъ себѣ сильныхъ покровителей. Понятіе Чацкаго о службѣ совершенно иное. На слова Фамусова: «поди-ка послужи», онъ отвѣчаетъ:

Служить бы радъ, прислуживаться тошно.

Онъ хочетъ «служить дѣлу, а не лицамъ». Онъ знаетъ, что

Чины людьми даются,
А люди могутъ обмануться.

Если онъ нѣкогда увлекался мундиромъ, какъ приманкой къ военной службѣ, то это увлеченіе онъ самъ же называетъ ребячествомъ. Другія менѣе ребяческія приманки, какъ-то: занятіе мѣста, повышеніе въ чинъ, полученіе ордена и т. п., потеряли для него цѣну, послѣ того, какъ онъ выработалъ честное понятіе о службѣ и о наградѣ за нее. Независимо отъ своего собственнаго образа мыслей, онъ имѣлъ передъ глазами нѣкоторые примѣры въ современникахъ, составлявшіе исключеніе изъ обычаевъ чиновническаго тщеславія. Онъ могъ сослаться на такія лица, какъ Новосильцовъ и Чарторижскій, которые, имѣя возможность, по своему положенію, представлять другихъ къ высшимъ наградамъ, сами отказывались отъ знаковъ отличій, заявляя тѣмъ, что не эти отличія должны быть предметомъ и стимуломъ патріотическаго исполненія обязанностей. Вмѣстѣ съ перемѣною взгляда на службу отечеству, уничтожилась и прежняя ея исключительность, по которой дворянство обречено было избрать одну изъ двухъ дорогъ—или военную, или статскую. Прежде всѣ прочія занятія или считались неприличными, даже зазорными для благороднаго сословія, или вовсе не считалось дѣломъ равнозначительнымъ оффиціальной службѣ. Передъ людьми новаго направленія открывались не менѣе почетныя поприща для упражненія своихъ способностей и приложенія знаній. Дворянинъ-помѣщикъ могъ оказать большую пользу государственному благоустройству сельско-хозяйственными трудами, конечно не въ томъ

смыслѣ, какой кроется въ словахъ Фамусова: «имѣньемъ, братъ, не управляй оплошно» (т. е. собирай, во что бы ни стало, побольше дохода), а въ смыслѣ обоюдныхъ выгодъ крестьянъ и владѣльца. За тѣмъ дворянству предстояли благородныя занятія наукой и литературой, которыми оно также могло сослужить великую службу своимъ соотечественникамъ. На послѣдній родъ гражданской дѣятельности указываетъ Чацкій:

Теперь пускай изъ насъ одинъ,
Изъ молодыхъ людей, найдется врагъ исканій,
Не требуя ни мѣстъ, ни повышеній въ чинъ,
Въ науки онъ вперитъ умъ, алчущій познаній,
Или въ душѣ его самъ Богъ возбудитъ жаръ
Къ искусствамъ творческимъ, высокимъ и прекраснымъ,—
Они тотчасъ: разбой! пожаръ!
И прослыветъ у нихъ мечтателемъ опаснымъ.

Наконецъ, дворянинъ могъ отправиться за границу для пополненія своего образованія или удалиться въ имѣніе, съ тою же цѣлію, какъ это видно изъ примѣра самого Чацкаго, «на три года уѣзжавшаго вдаль», и изъ стиха:

Кто путешествуетъ, въ деревнѣ кто живетъ...

а также изъ отзыва Скалозуба о своемъ двоюродномъ братѣ:

Чинъ слѣдовалъ ему—онъ службу вдругъ оставилъ,
Въ деревню—книги сталъ читать.

Фамусовъ объясняетъ эти непонятныя для него явленія молодостью, не умѣющею исправно вести себя, но люди «новыхъ правилъ» (какъ отнесся о нихъ Скалозубъ) очень хорошо знали, что дѣлали: чтеніе было для нихъ могучимъ орудіемъ умственнаго развитія и знакомства съ наукой. Нельзя при всемъ сказанномъ не обратить вниманія и на чиновничью сферу, въ которую могли попасть люди, подобные Чацкому. Выборъ этой сферы весьма часто зависитъ не отъ лица, желающаго служить. Это дѣло случая или другихъ какихъ-либо обстоятельствъ. Дикій цвѣточекъ, по апологу И. Дмитріева, попалъ въ букетъ изъ гвоздикъ и, благодаря такой средѣ, самъ сталъ душистымъ. Но баснописецъ не выразилъ своего мнѣнія о томъ, что бы сталось съ гвоздикой, если бы она одна-одинешенька попала въ пучекъ сорныхъ травъ съ дурнымъ, тяжелымъ запахомъ. Трудно, напримѣръ, представить себѣ положеніе Чацкаго въ обществѣ городничаго, судьи, смотрителя училищъ и другихъ блюстителей правосудія, дѣйствующихъ въ «Ревизорѣ». Они ли бы ушли отъ него, или онъ бы бѣжалъ отъ нихъ? Послѣднее вѣ-

*

роятнѣе: чтобы приносить какую-нибудь пользу своей службою, честный человѣкъ долженъ же имѣть хоть малѣйшую долю общихъ интересовъ и стремленій съ сослуживцами. Когда Онѣгинъ нѣсколько облегчилъ судьбу своихъ крестьянъ—сосѣди его надулись. Но помѣщикъ независимѣе чиновника. Послѣдній, чтобы помириться съ своей судьбой, долженъ вооружиться тѣмъ правиломъ житейской философіи, по которому «съ волками жить, по волчьи выть».

Но на такую философію Чацкій рѣшительно былъ не способенъ. Эту неспособность пріобрѣлъ онъ нравственною независимостью и самостоятельнымъ образомъ мыслей: вотъ другая черта, отличающая его отъ людей того времени, которое въ піесѣ названо «прямымъ вѣкомъ покорности и страха» въ противоположность новому вѣку, когда «всякій дышалъ вольнѣе» и когда даже ревнители старыхъ предразсудковъ, съ ихъ «непримиримой враждой къ свободной жизни», даже тѣ, что не знали никакихъ нравственныхъ сдержекъ и побужденій, «боялись смѣха и держались въ уздѣ стыдомъ». Въ этомъ отношеніи Чацкій рѣшительная крайность Молчалину, для котораго «чужія мнѣнія святы» и непремѣнно надобно зависѣть отъ другихъ. Онъ разорвалъ связь съ министрами—вѣроятно не по случайному капризу. Онъ не принадлежитъ къ безмолвнымъ или безсловеснымъ, хотя послѣднихъ любили и въ его время. Онъ врагъ исканій, низкопоклонства, угодничества, которыми Молчалинъ пользовался по завѣщанію своего отца, какъ средствомъ «дойти до извѣстныхъ степеней»:

Мнѣ завѣщалъ отецъ,
Во-первыхъ, угождать всѣмъ людямъ безъ изъятья:
Хозяину, гдѣ доведется жить,
Начальнику, съ кѣмъ буду я служить,
Слугѣ его, который чиститъ платье,
Швейцару, дворнику для избѣжанья зла,
Собакѣ дворника—чтобъ ласкова была (¹).

Кругъ друзей и знакомыхъ у такой личности, какъ Чацкій, образуется не случайностью, а умнымъ выборомъ. Связи между ними завязываются и крѣпнутъ по сходству мнѣній, нравственныхъ началъ и цѣли въ жизни. Они дорожатъ одними и тѣми же инте-

---

¹) Нѣкоторое подражаніе словамъ Генріеты, въ Мольеровой комедіи «Les femmes savantes»:

Un amant fait sa cour où s'attache son coeur;
Il veut de tout le monde y gagner la faveur;
Et, pour n'avoir personne à sa flamme contraire,
Jusqu'au chien du logis il s'efforce de plaire.
(Актъ I, сцена 3).

ресами и не допустятъ интимнаго отношенія къ людямъ другаго покроя, для которыхъ эти интересы лишены всякаго значенія. Если они строги въ своемъ выборѣ, иногда даже исключительны, то это обнаруживаетъ не кичливость ихъ духа, а только сообразность съ понятіемъ ихъ о достоинствѣ или недостоинствѣ общественнаго и сердечнаго сближенія. Подобными резонами не руководилось московское общество того времени:

Кто хочетъ къ намъ пожаловать—изволь,
Дверь отперта для званыхъ и незваныхъ....
Хоть честный человѣкъ, хоть нѣтъ,
Для насъ ровнехонько: про всѣхъ готовъ обѣдъ.

У насъ, говоритъ Горичевъ Чацкому, «ругаютъ вездѣ, а всюду принимаютъ». При безразличіи званыхъ и незваныхъ, доказывающемъ полнѣйшее нравственное равнодушіе общества, не удивительно встрѣтить на балу у Фамусова отъявленнаго мошенника, плута и подлеца Загорѣцкаго. За неимѣніемъ честности онъ могъ утѣшаться тѣмъ, что если въ одной сторонѣ обзываютъ его позорными эпитетами, то въ другой благодарятъ за дрянную услужливость. Что новаго могло показать такое общество Чацкому?

Вчера былъ балъ, а завтра будетъ два,
Тотъ сватался—успѣлъ, а тотъ далъ промахъ:
Все тотъ же толкъ и тѣ жъ стихи въ альбомахъ.

Чтобы убѣдиться въ правдѣ этихъ стиховъ, достаточно прочесть письма г-жи Волковой, отличавшейся образованіемъ и умною наблюдательностью [1]. А между тѣмъ эти «обѣды, ужины и танцы зажимали каждому ротъ»; пересуды свѣтскіе не только страшили тѣхъ, для которыхъ вопросъ: «что скажутъ?» замѣнялъ чувство совѣсти или чужой голосъ правды, но и могли повредить благородному человѣку: изъ нихъ составлялось своего рода общественное мнѣніе:

Не надо пищи—сказку, бредъ
Имъ лжецъ отпустить въ угожденье,
Глупецъ повѣритъ, передастъ;
Старухи, кто во что горазды,
Тревогу бьютъ... и вотъ общественное мнѣнье!

«Праздный, жалкій, мелкій свѣтъ!» восклицаетъ Чацкій. Жизнь этого свѣта кружилась въ бездѣльности, пустотѣ, ничтожности; не было у ней ни смысла, ни цѣли. Въ душной ея атмосферѣ голова Чацкаго страдала «отъ всякихъ пустяковъ»; онъ испытывалъ тамъ «милліонъ терзаній», истинное «горе отъ ума».

---

[1]) Грибоѣдовская Москва (В. Евр. 1874 и 1875).

При выдачѣ дочерей за мужъ, московскій свѣтъ слѣдовалъ сентенціи Фамусова:

Кто бѣденъ, тотъ тебѣ не пара.

Но въ этой сентенціи взято только одно изъ двухъ необходимыхъ условій замужества: женихъ долженъ былъ сверхъ того занимать видное мѣсто на общественной лѣстницѣ по своему рангу или по крайней мѣрѣ имѣть возможность занять его, благодаря родству и покровительству. Княгиня Тугоуховская, узнавъ, что Чацкій не богатъ и не камеръ-юнкеръ, не видитъ уже надобности приглашать его на свои вечера. Понятно, почему отъ жениховъ требовали «съ имѣньемъ быть и въ чинѣ»: первая статья представляла способъ проводить жизнь пріятно, т. е. давать обѣды и балы, а вторая льстила пустому тщеславію, которое не отличалось отъ истиннаго славолюбія. Само собою разумѣется, что мысль о согласной, хорошей жизни супруговъ представлялась каждому отцу и каждой матери, которые, не смотря на извращенность своихъ понятій и увлеченіе общимъ обычаемъ, все же питали родительскія чувства къ дѣтямъ и искренно желали имъ счастія, но дѣло въ томъ, что этотъ предметъ не составлялъ, подобно имѣнію и чину, conditio sine qua non. Это скорѣе былъ прибавочный пунктъ къ расчету, своего рода pium desiderium, которое могло исполниться со временемъ, но не должно было мѣшать капитальнымъ соображеніямъ родителей невѣсты. Не изъ такихъ мутныхъ источниковъ излилась привязанность Чацкаго къ Софьѣ. Объ ея искренности, достоинствѣ и силѣ говоритъ самъ Чацкій, когда, противополагая себя Молчалину, исповѣдуетъ свои чувства Софьѣ:

...Есть ли въ немъ та страсть, то чувство, пылкость та,
Чтобъ кромѣ васъ ему міръ цѣлый
Казался прахъ и суета?
Чтобъ сердца каждаго біенье
Любовью ускорялось къ вамъ?
Чтобъ мыслямъ были всѣмъ и всѣмъ его дѣламъ
Душею—вы, вамъ угожденье?
Самъ это чувствую, сказать лишь не могу;
Но что теперь во мнѣ кипитъ, волнуетъ, бѣситъ,
Не пожелалъ бы я и личному врагу.

Любви Чацкаго не охладили «ни даль, ни развлеченія, ни перемѣна мѣстъ». Онъ «безпрерывно былъ занятъ движеніями своего сердца, жилъ, дышалъ ими». Разочарованіе повергаетъ его «въ пучину золъ, мечтаній и печали».

Москвичи Фамусовскаг округа были также враждебны къ наукѣ, какъ и къ либеральнымъ идеямъ. Они связывали первую съ по-

слѣдними, какъ причину съ слѣдствіемъ. Фамусовъ называетъ ученье чумою; ученость, по его понятію, развела множество безумныхъ людей, безумныхъ дѣлъ, безумныхъ мнѣній. Отсюда прямой его выводъ: чтобы вырвать съ корнемъ зло, надобно сжечь книги. Гости на его балу, дамы и кавалеры, какъ и слѣдовало ожидать, вооружаются именно противъ тѣхъ новыхъ учебныхъ и ученыхъ заведеній, которыми или распространялась грамотность, или сообщалось среднее и высшее образованіе, — противъ ланкастерскихъ школъ, гимназій, лицеевъ, педагогическаго института, оживленнаго, при Уваровѣ, учрежденіемъ новыхъ каѳедръ, но гдѣ профессора будто бы упражняются въ расколахъ и въ безвѣріи. Они боялись университетскихъ лекцій, сознавая, болѣе или менѣе ясно, что молодой человѣкъ, подъ вліяніемъ слышаннаго и изученнаго, становится на высшую степень образованія и кромѣ того пріобрѣтаетъ тотъ нравственный закалъ, которымъ Чацкіе отличаются отъ жалкаго, пустаго свѣта. Чацкій, съ своей стороны, не щадитъ ревнителей невѣжества. Въ глаза Софьѣ онъ смѣется надъ ея родственникомъ, чахоточнымъ врагомъ книгъ,

Въ ученый комитетъ который поселился
И съ крикомъ требовалъ присягъ,
Чтобъ грамотѣ никто не зналъ и не учился.

Онъ смѣется также надъ воспитаніемъ или вѣрнѣе ученіемъ, при которомъ заботились не о далекости въ наукѣ, а о наборѣ учителей,

Числомъ поболѣе, цѣною подешевле.

Но особенно поднимается его желчь при воспоминаніи о жестокихъ подвижникахъ крѣпостнаго права:

Тотъ Несторъ негодяевъ знатныхъ,
Толпою окруженный слугъ.
Усердствуя, они, въ часы вина и драки,
И честь и жизнь его не разъ спасали—вдругъ
Онъ вымѣнялъ на нихъ борзыя три собаки.
Или—вотъ тотъ еще, который для затѣй
На крѣпостной балетъ согналъ на многихъ фурахъ
Отъ матерей, отцевъ отторженныхъ дѣтей.

Собравъ черты, отличающія, въ лицѣ Чацкаго, «вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій», я долженъ прибавить, что Чацкій не только представитель лучшей части образованнаго меньшинства въ царствованіе Александра I, но и самый разумный его представитель, по правильности взгляда на способъ, какимъ гражданинъ-патріотъ долженъ служить въ пользу распространенія добрыхъ началъ и

осуществленія ихъ въ жизни. Москва заключала въ себѣ тоже либераловъ, которые образовали общество или, по слову Репетилова, «секретнѣйшій союзъ» и завели собранья въ англійскомъ клубѣ. Грибоѣдовъ иронически, если не презрительно, относится къ разсказу Репетилова объ этихъ сходкахъ, называя бесѣды, на нихъ происходящія, «бѣснованьемъ». Конечно, восторгъ такого болтуна, какъ Репетиловъ, очень компрометировалъ членовъ «секретнѣйшаго союза»; однакожъ на основаніи догадокъ о лицахъ, послужившихъ оригиналами для портретовъ, изображенныхъ Репетиловымъ, между ними находились и такіе, на которыхъ нельзя было махнуть рукой, примолвивъ: «Богъ съ ними»! Возражая на замѣчаніе Скалозуба, что онъ всѣмъ этимъ умникамъ «дастъ фельдфебеля въ Вольтеры», Репетиловъ говоритъ:

Повѣрь, любезный мнѣ,
Что вашей братіи у насъ (¹) есть не одинъ
Полковникъ,—всѣ съ имѣніемъ, служаки,
Грудь въ орденахъ, съ умомъ, рубаки.
Умомъ однимъ лишь красенъ чинъ!

Этихъ пяти стиховъ не было въ прежнихъ изданіяхъ: ихъ исключилъ самъ авторъ, по совѣту своего друга А. Одоевскаго (²). Во всей сценѣ съ Репетиловымъ, у Чацкаго ясно проглядываетъ нежеланіе сблизиться «съ сокомъ умной молодежи», отвращеніе отъ тайныхъ собраній и вообще отъ всѣхъ косвенныхъ или окольныхъ путей къ благородной и полезной цѣли. Это несочувствіе происходило, какъ мы сказали, отъ правильнаго, разумнаго взгляда на способъ дѣйствій истиннаго патріотизма. Чацкій, какъ мнѣ кажется, не питалъ вѣры въ силу закрытыхъ средствъ, какими бы положеніями они ни обставлялись и какими бы цѣлями ни задавались. Онъ допускалъ только одно общество—общество просвѣщенныхъ, благонамѣренныхъ гражданъ, соединенныхъ тождествомъ понятій о томъ, что вредно и что полезно ихъ отечеству, и ясно понимающихъ другъ друга безъ особыхъ формальностей и условныхъ знаковъ. Каждый членъ этого общества, дѣйствуя въ своей сферѣ, тѣмъ не менѣе, безъ всякой стачки, дѣйствуетъ согласно съ другими членами. Индивидуальныя намѣренія и индивидуальныя усилія каждаго, не таимыя во тьмѣ, порождаютъ болѣе или менѣе успѣшные результаты, т. е. проводятъ въ общественное сознаніе и въ общественную дѣятельность господство гуманныхъ идей. Въ этомъ отношеніи Чацкій, по моему мнѣнію, представ-

¹) Въ обществѣ московскихъ либераловъ.

²) См. біографію Грибоѣдова, изложенную А. Н. Веселовскимъ (Рус. Библіотека—А. С. Грибоѣдовъ. 1875).

ляетъ замѣтное единомысліе съ однимъ изъ своихъ современниковъ, авторомъ «Теоріи налоговъ» (¹).

Совсѣмъ другаго рода, сравнительно съ либеральною молодежью, былъ кругъ такъ называемыхъ «московскихъ тузовъ», большею частію людей старыхъ. Они, какъ знать, стояли у всѣхъ на виду и нисколько не стѣснялись въ своихъ рѣчахъ и сужденіяхъ. Фамусовъ благоговѣетъ передъ ними:

Вѣдь столбовые всѣ; въ усъ никому не дуютъ
И о правительствѣ иной разъ такъ толкуютъ,
Что еслибъ кто подслушалъ ихъ—бѣда!
. . . .
Прямые канцлеры въ отставкѣ по уму!
Я вамъ скажу: знать время не приспѣло,
Но что безъ нихъ не обойдется дѣло.

Большею частію это были лица, или недовольныя реформами Александрова времени, или обиженныя тѣмъ, что правительство не призвало ихъ къ себѣ въ пособники. Удалившись на покой въ древнюю столицу, они находили отраду въ томъ, что могли свободнѣе заявлять протестаціи, которыя охотно и съ почтеніемъ выслушивались ихъ поклонниками. Такимъ вниманіемъ облегчалось ихъ оскорбленное самолюбіе. Притомъ они питали надежду, что, рано или поздно, наступитъ пора и имъ дѣйствовать. Эта надежда основывалась, между прочимъ, на неудовлетворительности, а иногда и ошибочности нѣкоторыхъ правительственныхъ мѣръ. Не будучи «канцлерами по уму», государственными людьми, московскіе тузы понимали однакожъ, что шаткость или неуспѣхъ реформъ проистекалъ значительною частію отъ недостатка административной опытности и близкаго знакомства съ условіями русской жизни въ реформаторахъ. А такъ какъ сами они навыкли въ дѣлахъ, были не только практики, но и рутинеры, знали лучше жизнь и пріобрѣли установившійся, хотя и узкій взглядъ, то и мечтали, что эти-то именно качества и нужны для созданія высшихъ государственныхъ плановъ, соотвѣтственно потребностямъ новаго времени (²).

Кромѣ главной мысли, въ «Горѣ отъ ума» есть другая, хотя второстепенная или побочная, но тѣмъ не менѣе очень замѣчательная. Авторъ страстно выразилъ ее въ извѣстномъ монологѣ, заключающемъ третье дѣйствіе. Это — мысль о пустомъ, рабскомъ, слѣпомъ подражаніи нашемъ всему иностранному. Она

---

¹) La Russie et les Russes, t. I.

²) Сперанскій и его государственная дѣятельность, Ѳ. Дмитріева (Рус. Арх. 1868).

подверглась критикѣ одного изъ образованнѣйшихъ русскихъ людей, И. В. Кирѣевскаго, который нашелъ ее несправедливою и одностороннею. Мнѣ кажется, критикъ, въ своемъ сужденіи, не принялъ достаточно въ расчетъ различія временъ. Комедія несомнѣнно была уже готова въ 1822-мъ году, а критическая статья о ней напечатана черезъ десять лѣтъ ([1]). Въ этотъ срокъ времени взгляды на нѣкоторые предметы могли измѣниться. Въ 1831 г. иностранцы потеряли свое прежнее значеніе въ глазахъ правительства и высшихъ сферъ общества не какъ иностранцы только, но какъ образцы, представители западно-европейскаго просвѣщенія съ его послѣдствіями, нравственными и политическими, въ характерѣ и направленіи которыхъ видѣли противоположность началамъ и цѣлямъ собственно-русскаго просвѣщенія. Кирѣевскій, издатель «Европейца», однимъ названіемъ своего журнала, не говоря уже о его характерѣ, обязанъ былъ отнестись неодобрительно къ патетическому негодованію Чацкаго и высказать мысль о необходимости усвоенія общеевропейской образованности для развитія просвѣщенія русскаго. Такой фактъ понятенъ. Но Грибоѣдовъ вращался въ томъ обществѣ, въ которомъ пристрастіе къ французскому вовсе не совпадало съ желаніемъ усвоить себѣ просвѣтительные элементы европеизма. Онъ каждый день могъ быть свидѣтелемъ сценъ — то комическихъ, то оскорбительныхъ русскому чувству, то вредныхъ въ смыслѣ умственномъ и нравственномъ. Здѣсь мадамъ Розье дозволила сманить себя за лишнихъ пятьсотъ рублей; тамъ тетушка посѣдѣла съ досады, когда молодой французъ сбѣжалъ у ней изъ дому. Пріѣхавъ въ Россію, французъ

Ни звука русскаго, ни русскаго лица
Не встрѣтилъ: будто бы въ отечествѣ, съ друзьями,—
Своя провинція! Посмотришь—вечеркомъ
Онъ чувствуетъ себя здѣсь маленькимъ князькомъ!

Гостепріимство московское готовило столы для званыхъ и незваныхъ, но «особенно для иностранныхъ». Отъ послѣднихъ невѣсты не требовали того, что требовалось отъ русскаго жениха, т. е. «съ имѣньемъ быть и въ чинѣ». Барышни наши, благодаря гувернанткамъ, становились копіями парижскихъ модистокъ, не смотря на всю свою дворянскую спесь. Все это зналъ хорошо Чацкій; все это видѣлъ въ томъ обществѣ, къ которому принадлежала Софья: удивительно ли, что онъ сильно былъ взволнованъ и что монологъ его выражаетъ страстное раздраженіе души?

[1]) Въ Европейцѣ 1831, кн. I (Горе отъ ума на московской сценѣ).

Но независимо отъ чувства, которое можетъ загораться въ душѣ мгновенно и случайно, сатира такого человѣка, какъ Грибоѣдовъ, имѣла источникомъ и высшія соображенія. Конечно, онъ не былъ славянофиломъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово понималось тогда большинствомъ публики, т. е. любителемъ славянщины; но онъ, по моему мнѣнію, сознательно держался другаго, гораздо болѣе важнаго пункта славянофильскаго ученія, а именно понятія о самостоятельномъ развитіи русскаго народа, — того понятія, которое объяснялъ Карамзинъ въ своемъ разсужденіи «о любви къ отечеству и народной гордости» и о которомъ часто говоритъ Шишковъ въ своей книгѣ «о старомъ и новомъ слогѣ». Грибоѣдовъ, живя въ Петербургѣ, имѣлъ пріятельскія связи съ сторонниками Шишкова: кн. А. Шаховскимъ, Катенинымъ, Гнѣдичемъ. Несомнѣнно, что въ литературѣ онъ стоялъ на сторонѣ самостоятельнаго авторства русскихъ. Это доказано не только его комедіей, въ которой онъ отбросилъ опошлѣвшую выкройку французскихъ піесъ этого рода, когда еще всѣ почти наши театральные писатели строили по ней свои созданія, но и защитой Катенина отъ журнальныхъ нападокъ на его переводъ Бюргеровой баллады «Ленора», ставя его выше перевода Жуковскаго (Людмила) не за качество стиха, а за его національный колоритъ. Замѣчательно, что ни Карамзинъ, ни Жуковскій не пользовались сочувствіемъ Грибоѣдова, причину чего надобно искать единственно въ томъ, что онъ введенные ими въ нашу литературу элементы—сентиментальный и романтическій—находилъ не соотвѣтствующими характеру русской національности ([1]). Если же требованіе литературной самостоятельности такъ сильно заявлялось Грибоѣдовымъ, то еще сильнѣе долженъ былъ онъ чувствовать законность и важность самобытности по отношенію къ русской жизни вообще, къ ея всестороннему развитію, и вмѣстѣ съ этимъ противоборствовать вліянію не однихъ французовъ, но европейцевъ вообще. Чацкій отъ французовъ не отдѣляетъ и нѣмцевъ:

Какъ съ раннихъ поръ привыкли вѣрить мы,
Что намъ *безъ нѣмцевъ* нѣтъ спасенья!

Смотря на «Горе отъ ума» съ эстетической точки зрѣнія, т. е. оцѣнивая піесу по отношенію къ законамъ и условіямъ комедіи вообще, большинство критиковъ находило въ ней одинъ главный недостатокъ — недостатокъ дѣйствія. Положеніе дѣйствующихъ лицъ, писалъ одинъ изъ нихъ, не измѣняется въ теченіи всѣхъ

[1]) Путевыя замѣтки въ черновой тетради Грибоѣдова (Рус. Слово 1859, №№ 4 и 5).

четырехъ актовъ. Можно выкинуть каждое изъ лицъ, замѣнить другимъ, удвоить число ихъ—и ходъ піесы останется тотъ же ([1]). Почти такое же мнѣніе выражено кн. Вяземскимъ: «Дѣйствія въ драмѣ (Горе отъ ума) нѣтъ. Здѣсь всѣ почти лица эпизодическія, всѣ явленія выдвижныя: ихъ можно выдвинуть, вдвинуть, перемѣстить, пополнить, и нигдѣ не замѣтишь ни трещины, ни придѣлки» ([2]). Отсюда и выводится заключеніе, что «Горе отъ ума»—не комедія собственно, а сатира въ драматической формѣ, превосходно обдуманная, строго правдивая, кипящая огнемъ негодованія. Съ этимъ соглашались самые ревностные защитники автора, находя, что высокій талантъ его выразился и въ сатирѣ такъ блистательно, какъ другіе таланты не выражались въ десяткахъ комедій. Пусть это сатира, думали они: дѣло не въ имени, а въ самомъ дѣлѣ, достоинство котораго несомнѣнно.

Если лица ничего или очень мало дѣлаютъ, а только говорятъ, какъ замѣчали критики, то можно возразить имъ, что иная рѣчь лучше иныхъ дѣйствій характеризуетъ людей и живѣе представляетъ картину общественныхъ нравовъ. Умное изреченіе древняго грека: «говори, чтобы я могъ узнать тебя», вполнѣ прилагается къ драматическимъ діалогамъ и монологамъ. Бесѣды Фамусова съ дочерью, съ Чацкимъ и Скалозубомъ знакомятъ до тонкости съ его характеромъ, обнаруживаетъ до тла весь міръ понятій, стремленій, наклонностей современнаго ему московскаго свѣта. Онъ живьемъ стоитъ передъ нами, какъ баринъ, какъ отецъ, какъ чиновникъ, какъ членъ общества. Какъ баринъ, онъ дорожитъ дворянствомъ—но въ своемъ особенномъ смыслѣ, объясняя его слѣдующимъ образомъ:

.....У насъ ужъ изстари ведется,
Что *по отцу и сыну честь!*
Будь плохенькій, да если наберется
Душъ тысячи двѣ родовыхъ,
Тотъ и женихъ.
Другой, хоть прытче будь, надутый всякимъ чванствомъ,
Пускай себѣ разумникомъ слыви,
А въ семью не включатъ, на насъ не подиви!
Вѣдь только здѣсь еще и дорожатъ дворянствомъ!

Какъ отецъ, свое радѣніе о воспитаніи дочери онъ ограничиваетъ приглашеніемъ въ домъ мадамы; присмотръ за взрослою дѣвушкой сердитъ его, какъ несносная коммиссія; въ позорѣ съ дочерью тре-

---

[1]) Нѣсколько словъ о ком. «Горе отъ ума», Пилада Бѣлугина (М. Дмитріева). В. Евр. 1825, № 10.

[2]) «Фонъ-Визинъ».

вожитъ и сокрушаетъ его не чувство безнравственности, не голосъ совѣсти, не скорбь родительская, а боязнь пересудовъ и дурной молвы: «что станетъ говорить княгиня Марья Алексѣевна!» Какъ чиновникъ, онъ имѣетъ въ виду только формальную сторону службы, нисколько не думая о внутреннихъ обязанностяхъ. Онъ смертельно боится одного, чтобы не накопилось много бумагъ; поэтому онъ принялъ за правило: «что дѣло, что не дѣло — подписано, такъ съ плечъ долой». Истинный комизмъ Фамусова, говоритъ кн. Вяземскій, заключается въ томъ, что, воспитанный и постарѣвшій во лжи своего положенія, онъ дѣйствуетъ добродушно, отъ чистаго сердца убѣжденный въ превосходствѣ своей философіи, и не понимаетъ вреда, который творитъ вокругъ себя дѣйствіями, основанными на этой философіи. Въ такой наивности вреднаго человѣка критикъ видитъ преимущественно злую сатиру автора: «ибо никакъ не различишь насмѣшливости комика отъ замоскворѣцкаго патріотизма комическаго лица». Дѣйствительно, рѣчи Фамусова въ устахъ Чацкаго были бы самой ѣдкой ироніей, но, произносимыя самимъ Фамусовымъ, они отличаются своего рода патетизмомъ, какъ бы отражая величіе тѣхъ представленій, которыя служатъ для него незыблемыми идеалами.

Скалозубъ двумя-тремя выраженіями заявляетъ себя лучше, чѣмъ бы могъ заявить какими нибудь дѣйствіями на родной своей почвѣ — плацъ-парадѣ. Его опредѣленіе Москвы, какъ «дистанціи огромнаго размѣра», «къ украшенью которой много способствовалъ пожаръ», его «не знаю, мы съ ней вмѣстѣ не служили» — такія типическія рѣчи, послѣ которыхъ остается только воскликнуть: вотъ человѣкъ! О самомъ Чацкомъ, какъ лицѣ комедіи, давно сдѣланъ справедливый приговоръ, начиная съ мѣткихъ словъ Пушкина: «Чацкій совсѣмъ не умный человѣкъ, но Грибоѣдовъ очень уменъ», и оканчивая слѣдующимъ сужденіемъ кн. Вяземскаго: «Чацкій похожъ на Стародума (въ ком. Недоросль). Благородство правилъ его почтенно, но способность, съ которою онъ ex-abrupto проповѣдуетъ на каждый попавшійся ему текстъ, не рѣдко утомительна. Слушающіе рѣчи его точно могутъ примѣнить къ себѣ названіе комедіи, говоря: горе отъ ума. Умъ, каковъ Чацкаго, не есть завидный ни для себя, ни для другихъ. Въ этомъ главный порокъ автора, что посреди глупцевъ всякаго свойства вывелъ онъ одного умнаго человѣка, да и то бѣшенаго. Мольеровъ Альтестъ, въ сравненіи съ Чацкимъ, настоящій Филинтъ (¹), образецъ терпимости». Съ этимъ нельзя не согласиться. Не заведено держать

¹) Въ комедіи Мольера «Мизантропъ».

себя въ обществѣ такъ, какъ держитъ Чацкій, и въ глаза говорить то, что имъ говорится. Давно еще, при самыхъ восторженныхъ похвалахъ піесѣ, критики не скрывали неразсудительности главнаго дѣйствующаго лица, его заносчивости и нетерпѣливости, хотя оно само какъ бы желаетъ ослабить ѣдкость своей сатиры, въ отвѣтѣ Софьѣ:

Послушайте, ужель слова мои всѣ колки
И клонятся къ чьему нибудь вреду?
Но если такъ, умъ съ сердцемъ не въ ладу;
Я въ чудакахъ иному чуду
Разъ посмѣюсь, потомъ забуду;
Велите жъ мнѣ въ огонь—пойду какъ на обѣдъ.

Но пусть Чацкій — второй экземпляръ Стародума; пусть онъ выражаетъ образъ мыслей Грибоѣдова, какъ Стародумъ выражалъ образъ мыслей фонъ-Визина... что же отсюда слѣдуетъ? Если это ошибка въ отношеніи эстетическомъ, то, съ другой стороны, это великій выигрышъ по отношенію къ внутреннему содержанію пьесы, къ ея идеѣ. Ради послѣдней, какъ самаго важнаго предмета, авторъ уклонился отъ теоретическаго кодекса комедіи: кто, въ виду настоятельной и почтенной цѣли, будетъ строго взыскивать съ автора за то или другое средство, употребленное имъ для достиженія цѣли? Извѣстно, что «Недоросль» главнымъ своимъ успѣхомъ, въ средѣ образованныхъ зрителей, былъ одолженъ рѣчамъ Стародума. А въ наше время, при представленіи «Горя отъ ума», что особенно привлекаетъ публику, какъ не роль Чацкаго? Чьи рѣчи выслушиваются съ постояннымъ сочувствіемъ и напряженной внимательностью, какъ не рѣчи Чацкаго? Эти рѣчи держатъ и долго еще будутъ держать піесу на сценѣ; они увѣковѣчили имя автора въ памяти каждаго русскаго, сдѣлали его украшеніемъ нашей литературы. Для сценическаго успѣха Фамусова, Скалозуба, Репетилова нужна болѣе или менѣе талантливая игра актеровъ; для такого же успѣха Чацкаго таланта нужно меньше, а въ случаѣ нужды можно и вовсе безъ него обойтись: само содержаніе вынесетъ на плечахъ даже безталантность; будутъ осуждать игру, но за то непремѣнно будутъ внимать словамъ, покрывая ихъ громкодружными рукоплесканіями.

Софья является въ піесѣ именно такою дѣвушкой, какою она могла быть и дѣйствительно была, по своему воспитанію и другимъ обстоятельствамъ жизни. Лишившись матери, она осталась на попеченіи отца, который тяготится взрослой дочерью, какъ несносной коммиссіей, и подъ надзоромъ наемной француженки, которая за болѣе выгодный наемъ, не задумавшись, перешла въ

другое мѣсто. Ни въ гувернанткѣ, ни въ родителѣ-вдовцѣ не видѣла она добрыхъ себѣ примѣровъ. Обязанность быть хозяйкой въ домѣ, приглашать и принимать гостей развили въ ней извѣстную самостоятельность. Она чувствуетъ себя вольнѣе, держитъ себя свободнѣе, сравнительно съ тѣми изъ своихъ сверстницъ, которыя состоятъ подъ материнской опекой. Эта свобода, при отсутствіи нравственнаго призора, перешла въ своеволіе, которое, какъ весьма часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, легко могло принять ложное направленіе. Софья не труслива, не умѣетъ притворяться, не знаетъ, откуда взять скрытности. Она освободилась отъ страха при мысли: «что скажутъ?» Пересуды и говоръ потеряли надъ нею власть, перестали быть пугаломъ. «Что мнѣ молва?» возражаетъ она служанкѣ Лизѣ: «кто хочетъ, такъ и судитъ». Она цѣнитъ только свое желаніе, свою волю: «хочу — люблю, хочу—скажу», и нисколько не цѣнитъ знакомыхъ отца своего:

Да что мнѣ до кого? до нихъ? до всей вселенной?
Смѣшно?—пусть шутятъ ихъ! Досадно?—пусть бранятъ!

Она «не дорожитъ и собой», прямо и откровенно заявляя это Молчалину. При своей самостоятельности и самоуправности, Софья въ тоже время умна. Она не очень конфузится отъ рѣчей Чацкаго и его эпиграммы отражаетъ иногда ловкими репликами. Мысль о помѣшательствѣ Чацкаго пущена ею съ знаніемъ той среды, гдѣ она должна была распространиться, и слѣдовательно съ увѣренностію въ успѣхѣ:

А, Чацкій!... любите вы всѣхъ въ шуты рядить,
Вы никого не любите щадить,
Такъ неугодно ль на себѣ примѣрить.

Но какъ такая дѣвушка могла полюбить Молчалина? Чтобы не дивиться такому факту, не мѣшаетъ прежде имѣть въ виду натуру женщинъ вообще, которыя, по словамъ одного автора, представляютъ неразрѣшимую загадку даже для мудреца, ибо онѣ «часто любятъ головой и часто разсуждаютъ сердцемъ». Затѣмъ уже можно прибѣгнуть къ другимъ соображеніямъ, объясняющимъ естественность любви. Воображеніе Софьи было раздражено французскими романами: она «читала небылицы по ночамъ»; а потребность воплотить романическаго героя въ лицѣ того или другаго знакомаго есть самое обыкновенное явленіе въ сердечной исторіи дѣвушки. Софья воплотила свой идеалъ въ Молчалина, потому что онъ жилъ въ домѣ ея отца, былъ близокъ къ ней, находился, такъ сказать, у ней подъ руками. Въ движеніяхъ сердца, случайности играютъ большую роль: близость предмета, возможность ча-

стаго съ нимъ свиданія, нестѣснительность взаимнаго обмѣна чувствъ завязываютъ не только недуманныя, негаданныя связи, но и окончательно устраиваютъ судьбу противъ всякаго ожиданія. На кого изъ знакомыхъ могла обратить Софья свое предпочтительное вниманіе? Чацкаго она забыла или охладѣла къ нему, а можетъ статься и до его поѣздки не питала къ нему сильнаго чувства; Скалозубъ—герой, но только не ея романа; а изъ молодыхъ людей, пріѣхавшихъ на балъ къ Фамусову, вертѣлся одинъ Загорецкій, но онъ ужъ такъ дряненъ, что не годится ни въ какіе герои: онъ просто лгунишка, воръ и мошенникъ. Конечно, Софья ошиблась; она строго наказана разочарованіемъ, но въ бѣдѣ своей она, какъ и слѣдовало ожидать отъ ея характера, сильно выказываетъ оскорбленную гордость и съ презрѣніемъ отвергаетъ свой бывшій идеалъ:

Я съ этихъ поръ васъ будто не знавала...
Упрековъ, жалобъ, слезъ моихъ
Не смѣйте ожидать: не стоите вы ихъ!
Но чтобы въ домѣ здѣсь заря васъ не застала,
Чтобъ никогда объ васъ я больше не слыхала.

Софья съ такою же рѣшительностью порываетъ свою любовь, съ какою, должно думать, и завязала ее.

«Если искать вывѣски современныхъ Грибоѣдову нравовъ въ Софіи», говоритъ кн. Вяземскій, «то должно сказать, что эта вывѣска—поклепъ на нравы». Почему же поклепъ, т. е. напраслина? Софья принадлежитъ къ такому разряду дѣвушекъ, которыхъ сравнительно было меньше въ московскомъ обществѣ, но это меньшинство есть не воображаемое нѣчто, не вымышленное, а дѣйствительно существовавшее, на ряду съ большинствомъ. Комикъ имѣетъ полную свободу отнестись къ меньшинству, выбирать изъ него представительныя лица и изображать ихъ: его изображенія будутъ вѣрными вывѣсками, живыми, законными типами опредѣленнаго общественнаго круга, хотя и болѣе тѣснаго, но въ такой же степени самобытнаго и полноправнаго, какъ и кругъ обширнѣйшій. Эти представители меньшинства даже могутъ отличаться бо̀льшею оригинальностью, чѣмъ представители большинства. Софья, конечно, оригинальнѣе и выше своихъ знакомыхъ москвичекъ, пріѣхавшихъ къ ней на балъ—шести дочерей князя Тугоуховскаго и внучки графини Хрюминой. Послѣднія всѣ похожи одна на другую, какъ двѣ капли воды: ихъ характеръ—въ отсутствіи всякой особенности, ихъ индивидуальность — въ безличіи (¹).

¹) Въ послѣдніе годы вышло много матеріаловъ касательно біографіи, службы и литературной дѣятельности Грибоѣдова. На первомъ мѣстѣ ставлю двѣ

§ 23. Проповѣдное слово, никогда у насъ не понижавшееся въ своемъ значеніи, имѣло, въ Александрово время, многихъ достойныхъ представителей, между которыми болѣе громкою извѣстностью пользовались Іоаннъ Леванда, протоіерей кіевскаго софійскаго собора (1736—1814), Михаилъ Десницкій, митрополитъ с.-п.-бургскій и новгородскій (1761—1821), Августинъ Виноградскій, архіепископъ московскій (1766—1819), Амвросій Протасовъ, архіепископъ казанскій и симбирскій (1769—1830), и Филаретъ, митрополитъ московскій (1782—1867).

Главное свойство словъ Леванды—теплота чувства, какъ видно изъ надгробной рѣчи Самуилу, архіепископу кіевскому, и изъ слова на текстъ: «тако ли не возмогосте единаго часа побдѣти со Мною?». Но съ другой стороны они не отличаются ни художественной обработкой выраженія, ни строго-логическимъ развитіемъ выбранной темы. Громкую извѣстность, которою пользовался въ свое время Леванда, нѣкоторые объясняютъ его внѣшними качествами и способностью произносить.

Сочиненія Михаила относятся къ тому виду пастырскихъ поученій, которыя обозначаются именемъ «бесѣдъ», т. е. разсужденій о предметахъ вѣры, въ примѣненіи ихъ къ нравственности христіанъ. Бесѣды эти являлись въ печати подъ разными названіями: «Трудъ, пища и покой духа человѣческаго», «О внутреннихъ состояніяхъ человѣка, объ истинномъ покаяніи и о разныхъ степеняхъ его», «О внутреннемъ человѣкѣ, или изображеніе новаго, внутренняго духовнаго человѣка». Любимою темою проповѣдника было объяснять значеніе духовнаго рожденія въ насъ Іисуса Хри-

---

прекрасныя статья А. Н. Веселовскаго: «Очеркъ первоначальной исторіи «Горя отъ ума» (Рус. Архивъ 1874, кн. 1) и «А. С. Грибоѣдовъ» (Рус. Библіотека, изд. М. М. Стасюлевича, т. V). Далѣе въ Рус. Архивѣ 1872 г.: «О смерти Грибоѣдова въ Тегеранѣ» (стр. 1492 — 1538), Письма Грибоѣдова 1828 и 1829 гг. къ Родофиникину, директору азіатскаго департамента (стр. 1538 — 1551); 1874 г.: «Письмо кн. Вяземскаго къ М. Н. Лонгинову о Грибоѣдовѣ (№ 2), по поводу статьи г. Родиславскаго: «Неизданныя піесы Грибоѣдова» (Рус. Вѣст. 1873 г., сентябрь). — Въ Рус. Старинѣ 1872 г.: «А. С. Грибоѣдовъ», изъ Записокъ П. Каратыгина (т. V); 1873 г.: «Персія и Персіяне», донесеніе Грибоѣдова въ 1827 г. гр. Паскевичу (т. VII); 1874 г.: «А. С. Грибоѣдовъ, біографическій очеркъ г. Сосновскаго (т. X), «Обзоръ всѣхъ изданій Горя отъ ума», г. Гарусова (т. X), «Горе отъ ума въ Тифлисѣ» въ 1832 г. (т. X), А. С. Грибоѣдовъ въ Персіи и на Кавказѣ, 1818 — 1828, А. Берже (т. XI), «А. С. Грибоѣдовъ, какъ дипломатъ, 1827 и 1828», А. Берже (т. XI), «Письмо Грибоѣдова къ Ю. К. Глинкѣ» (т. XIII), Письма Грибоѣдова къ Кюхельбекеру (т. XIII). — Статья Н. Гербеля: «А. С. Грибоѣдовъ» (въ изданіи Горя отъ ума, 1873). — Кромѣ того критическія статьи о «Горѣ отъ ума» въ сочиненіяхъ Бѣлинскаго.

ста, указывать степени восхожденія души въ небесный храмъ Господень, внушать убѣжденіе, что истинное поклоненіе Богу должно быть совершаемо въ пустынѣ внутренняго уединенія, а не въ Египтѣ разсѣянія. Какъ воспитанникъ филологической семинаріи при московскомъ университетѣ, Михаилъ не остался безъ вліянія отъ лекцій Шварца, извѣстнаго своими близкими связями съ московскими масонами прошлаго вѣка. Поэтому возрожденіе человѣка составляетъ центральный пунктъ его словъ, въ которыхъ онъ, однакожъ, не отступаетъ отъ ученія Церкви, не становится съ нимъ въ противорѣчіе, какъ это видимъ у многихъ мистиковъ. Имѣя главною цѣлію назиданіе паствы, направленіе ея на путь истиннаго, дѣятельнаго христіанства, Михаилъ не заботился о какихъ-либо ораторскихъ движеніяхъ, о витійственной рѣчи. Поученія его отличаются яснымъ, простымъ, большинству слушателей доступнымъ изложеніемъ догматовъ и правилъ: въ этомъ ихъ отличительное достоинство, въ этомъ же и заслуга ихъ автора.

Лучшее изъ словъ Августина сказано имъ въ память воиновъ, положившихъ животъ свой на Бородинской битвѣ (1813). Извѣстностью своею, какъ проповѣдникъ, онъ обязанъ болѣе чрезвычайнымъ событіямъ эпохи, чѣмъ своему таланту или искусству. Тогдашнее время само за себя говорило громко и чувствительно. Оно было краснорѣчивѣе всякихъ ораторскихъ словъ. Пастырю, особенно такому, какъ Августинъ, на долю котораго выпало быть свидѣтелемъ нашествія враговъ и изгнанія ихъ изъ Россіи, разрушенія и обновленія первопрестольнаго города, возстановлять храмы, утѣшать паству при наступленіи бѣдствій и торжествовать спасеніе и славу отечества, небольшаго труда стоило произвести сильное дѣйствіе. Достаточно было простаго указанія на разоренную Москву или на трауръ семействъ, легкаго напоминанія пережитыхъ невзгодъ, даже одного сочувственнаго звука, чтобы потрясти смущенный духъ, взволновать наболѣвшее сердце, да и самому при этомъ испытать тѣже самыя чувства. И потому легко себѣ представить силу впечатлѣнія, произведеннаго на слушателей концемъ слова, содержащимъ въ себѣ обращеніе къ Бородинскому полю: «Земля отечественная! Храни въ нѣдрахъ любезные останки поборниковъ и спасителей отечества; не отяготи собою праха ихъ. Вмѣсто росы и дождя, окропятъ тебя благодарныя слезы сыновъ россійскихъ. Зеленѣй и цвѣти до того великаго и просвѣщеннаго дне, когда возсіяетъ заря вѣчности, когда солнце правды оживотворитъ вся сущая во гробѣхъ».

Амвросій прославился словами передъ избраніемъ и по избраніи судей въ губерніи, и словомъ на Успеніе Богородицы. Изъ

первыхъ особенно замѣчательно произнесенное въ Тулѣ, по случаю присяги лицъ, выбранныхъ на дворянскомъ собраніи 1815 г. Кому извѣстны побужденія, которыми, въ большинствѣ случаевъ, руководствовались избирающіе при балотировкѣ, и правила, какимъ слѣдовали избранные въ исполненіи своего долга послѣ данной ими присяги, тотъ нисколько не удивится ни содержанію, ни тону пастырскаго поученія. Съ одной стороны святость законовъ, обязательныхъ для каждаго человѣка, а для служителей правосудія еще болѣе взыскательныхъ; съ другой — боязнь нарушенія обязательства, скрѣпленнаго присягой, — боязнь не вымышленная, а основанная на многихъ и многихъ свидѣтельствахъ, сообщила его рѣчи хотя сдержанный, но сильный тонъ, по мѣстамъ рѣзкій и даже сатирическій. Исходя изъ той мысли, что одна только добродѣтель имѣетъ неотъемлемое право на благоговѣніе душевное, что одной только истинѣ долженъ воскуряться сердечный ѳиміамъ, онъ, не взирая на лица, не стѣсняясь житейскими отношеніями, возстаетъ противъ честолюбія, любостяжанія, самоугодія, служенія ради своихъ личныхъ выгодъ, а не ради общественной пользы. Выставивъ на видъ обстоятельства, которыми неправедный судья можетъ обманчиво облегчать свою совѣсть, онъ показываетъ несостоятельность каждаго и приходитъ къ тому заключенію, что оправданіе вины нерѣдко хуже самой вины. Строго-обличительное содержаніе слова обусловлено было еще особеннымъ случаемъ. Не видя въ начальникѣ губерніи тѣхъ качествъ, какія бы слѣдовало тому имѣть, Амвросій и обращаетъ къ нему сатирическія мѣста своего слова, нѣсколько разъ уподобляя его златому Ааронову тельцу: «ввергохъ злато во огнь—и изліяся телецъ» (Исхода гл. 32, ст. 24). Заключеніе обращенія вышло цѣлесообразнымъ и согласнымъ съ общимъ настроеніемъ: «Почести на недостойномъ суть зрѣлищныя украшенія: только достойный украсить можетъ и самыя почести. И высокій санъ для мужа неразумнаго есть то высокое мѣсто, на которое поставляется онъ, яко истуканъ, облеченный въ утварь златую для того только, дабы свѣтъ узрѣлъ его и рекъ: се человѣкъ, иже очи имать—и не видитъ, уши имать—и не слышитъ, уста имать—и не речетъ ни суда, ни правды! Ахъ, не сама ли истина должна рещи таковому вождю народа: брате! добро тебѣ будетъ отъити на село твое? Тамъ неизвѣстность покроетъ завѣсою забвенія и имя и недостатки твои; здѣсь, стоя превыше другихъ, содѣлаешися притчею во языцѣ твоемъ» [1].

---

[1]) Губернаторомъ былъ Н. И. Богдановъ. Произнося указанный текстъ, Амвросій обращался къ нему глазами и движеніемъ руки (Мелочи изъ запаса моей памяти, М. Дмитріева).

Проповѣдное слово, въ словахъ и рѣчахъ митрополита Филарета, выказало новую, до того небывалую силу, которая составляетъ высшую степень въ развитіи этого рода словесности. Особенности ихъ обнаружились въ первыхъ опытахъ проповѣдника, были тотчасъ замѣчены тогдашними любителями церковнаго краснорѣчія, какъ духовными, такъ и свѣтскими, и пріобрѣли ему быструю и громкую извѣстность. Рѣдкая природная даровитость, твердый діалектическій умъ и обширное богословское образованіе, доказанное «Записками на книгу Бытія (1816)», служили проповѣднику орудіями при изложеніи религіозныхъ догматовъ и правилъ. Никто изъ прежнихъ пастырей русской церкви не владѣлъ, никто и изъ послѣдовавшихъ за нимъ не владѣетъ еще до сихъ поръ такимъ искусствомъ раскрыть сущность выбраннаго текста, исчерпать полноту его содержанія, представить это содержаніе въ строго-послѣдовательномъ развитіи, найти прямое нравственное примѣненіе священной истины, дать тону и языку полное соотвѣтствіе достоинству излагаемаго. Если главное достоинство проповѣдей Филарета строится на способности сужденія, на силѣ діалектической мысли, которая и образуетъ господствующій элементъ ихъ, то главныя отличія его языка—точность и стройность, сообщающія рѣчи такъ сказать внутреннее изящество и показывающія въ авторѣ великаго знатока отечественнаго слова. Касательно послѣдняго предмета, нужно замѣтить, что возобновленіе старыхъ словъ и оборотовъ, нерѣдко встрѣчаемое у Филарета, основано на вѣрномъ тактѣ, почему никогда не противорѣчитъ образованному вкусу, равно какъ соединеніе языковъ церковно-славянскаго и русскаго представляетъ замѣчательную художественную мѣру. Какъ внутренній характеръ проповѣди долженъ возникать изъ духа Библіи и Церкви, и изъ отношеній этого духа къ духу народа: такъ и внѣшній ея характеръ, внѣшняя форма (языкъ, слогъ) тогда только получаетъ особую физіогномію, когда языкъ народный и литературы свѣтской въ такой степени растворяется языкомъ библейскимъ и церковнымъ, которая ставитъ обѣ стихіи въ надлежащее равновѣсіе.

Въ первый періодъ проповѣдничества Филарета (1803—1826) обратили на себя особенное вниманіе два его слова: «въ великій пятокъ (1813)» и «о гласѣ вопіющаго въ пустынѣ (1814)».

Оригинальный приступъ къ первому слову построенъ на двоякомъ значеніи одного и того же имени: Слова (какъ Искупителя міра) и слова (какъ бесѣды пастыря):

Чего теперь ожидаете вы, слушатели, отъ служителей Слова? Нѣтъ болѣе слова.

Слово, собезначальное Отцу и Духу, рожденное для нашего спасенія, начало всякаго слова живаго и дѣйственнаго, умолкло, скончалось, погребено и запечатано. Дабы вразумительнѣе и убѣдительнѣе *сказать человѣкамъ пути живота* (Пс. 15, 11), Слово сіе оставило небеса и облеклося плотію; но человѣки не захотѣли внимать Слову, растерзали плоть Его,—и се *взять отъ земли животъ Ею* (Исаіи 53, 8). Кто же теперь дастъ намъ слово жизни и спасенія?

Сказавъ, что у служителей Слова какъ бы нѣтъ предмета для слова, проповѣдникъ потомъ отыскиваетъ этотъ предметъ:

Слово Божіе не связуется смертію. Какъ устное слово человѣческое не совсѣмъ умираетъ въ ту минуту, когда перестаетъ звукъ его, но паче воспріемлетъ тогда новую силу и, прошедъ чрезъ чувство, вселяется въ умахъ и сердцахъ слышавшихъ: такъ Ипостатное Слово Божіе, Сынъ Божій, въ своемъ спасительномъ вочеловѣченіи, умирая плотію, въ тоже время *исполняетъ всяческая* (Ефес. 4. 10) своимъ духомъ и силою... Воплощенное Слово умолкаетъ токмо для того, чтобы сильнѣе и дѣйственнѣе глаголать къ намъ; сокрывается для того, чтобы внутреннѣе *вселиться въ насъ* (Іоан. 1. 14); умираетъ, чтобы даровать намъ свое наслѣдіе. Будучи собраны Церковію бесѣдовать съ умершимъ Іисусомъ, слышите *живое слово* (Евр. 4, 12) умершаго; слышите данное отъ Него вамъ завѣщаніе: *Азъ завѣщеваю вамъ, яко же завѣща Мнѣ Отецъ Мой, царство* (Лук. 22. 29).

Но первые наслѣдники распятаго Іисуса не обрѣли по Его кончинѣ инаго сокровища, кромѣ древа креста, на которомъ Онъ пострадалъ и умеръ, и сей токмо крестъ, въ подражательныхъ образахъ, преподали всѣмъ желающимъ участвовать въ наслѣдіи царствія.

За этимъ переходомъ отъ приступа къ предложенію слова, слѣдуетъ самое предложеніе, т. е. указаніе темы:

Что сіе значитъ? То, что какъ Христу *подобаше пострадати*, дабы потомъ *внити въ славу* (Лук. 24, 26), которую имѣлъ Онъ у Отца, такъ христіанину *многими скорбьми подобаетъ внити въ царствіе* (Дѣян. 24, 22), которое завѣщаетъ ему Христосъ; что какъ крестъ Христовъ есть дверь царствія для всѣхъ, такъ крестъ христіанъ есть ключъ царствія для каждаго сына царствія. Вотъ сокращеніе *слова крестнаго* (1 Кор. 1, 18), толь необъятнаго уму, толь удобопріятнаго вѣрѣ, толь сильнаго Богомъ. Принесемъ оное, какъ каплю мура, ко гробу Слова животворящаго.

Такимъ образомъ предметъ для слова найденъ: это—слово крестное, слово о крестѣ. За симъ начинается изложеніе, раздѣляемое на двѣ части: первая изображаетъ крестъ, понесенный Спасителемъ, вторая—крестъ, который обязаны нести христіане.

Въ первой части показывается, что вся жизнь Іисуса отъ воплощенія его до исхода на спасеніе рода человѣческаго и отъ исхода до смерти была крестная. Исчисленіе крестовъ, понесенныхъ Спасителемъ, справедливо считается образцовымъ по силѣ и сжатости изображенія каждаго креста. Нѣкоторыя мѣста принадле-

жать къ патетическимъ изліяніямъ религіознаго чувства, всегда однакожъ сопровождаемаго и какъ-бы сдерживаемаго мыслію, напр.: «Почіешь ли ты, божественный Крестоносецъ, хотя на едино мгновеніе, отъ ига, безпрестанно возрастающаго на раменахъ твоихъ? Почіешь ли, если не для обновленія твоихъ силъ къ новымъ подвигамъ, по крайней мѣрѣ изъ снисхожденія къ немощи твоихъ послѣдователей?» Или: «Наше слово изнемогаетъ, слушатели, чтобы провождать еще великаго страдальца отъ Геѳсиманіи до Іерусалима и Голгоѳы, отъ внутренняго креста до внѣшняго... Онъ (*внѣшній крестъ*) столь болѣзненъ, что солнце не могло взирать на него, и столь тяжекъ, что земля потряслась подъ нимъ. Претерпѣть въ чистѣйшей непорочности всѣ мученія, внутреннія и внѣшнія, тягчайшія и поноснѣйшія, и претерпѣть вмѣсто награды за содѣланныя благодѣянія; страдать Всесвятому отъ пребеззаконныхъ, Творцу отъ тварей; страдать за недостойныхъ, неблагодарныхъ, за самыхъ виновниковъ страданія, страдать для славы Божіей, и быть оставлену Богомъ.... какая неизмѣримая бездна страданій!»

Во второй части слова показана спасительная необходимость креста для человѣка, исчислены дары Божіи, пріобрѣтаемыя крестнымъ несеніемъ, выставлены примѣры великихъ водителей и хранителей Церкви, воспитанныхъ въ училищѣ креста, наконецъ изображены люди, отрекающіеся отъ несенія креста Господня. Здѣсь замѣчательна мастерская по краткости и типичности характеристика внутренняго креста:

Какъ видимый, вещественный крестъ есть державное знаменіе видимаго царства Христова, такъ крестъ таинственный—печать и отличіе истинныхъ и избранныхъ рабовъ невидимаго царствія Божія. Онъ есть драгоцѣнный залогъ любви Божей, жезлъ Отчій, не столько наказующій и сокрушающій, сколько *пасущій и утѣшающій* (Пс. 2, 9; 22, 4), очистительный огнь вѣры, спутникъ надежды, укротитель чувственности, побѣдитель страстей, возбудитель къ молитвѣ, стражъ чистоты, отецъ смиренія, наставникъ мудрости, пѣстунъ сыновъ царствія. Гдѣ воспитаны всѣ великіе ангелы, водители и хранители Церкви—Іосифы, Моисеи, Даніилы, Павлы? въ училищѣ креста. Когда благословеннѣе вся церковь возрастала, процвѣтала и приносила плодъ во святыню? Тогда, какъ вся нива Господня непрестанно раздираема была крестомъ и напаяема кровію мучениковъ. Кто суть тѣ, которые окружаютъ славный престолъ Агнца? вопросили Іоанна въ видѣніи,—сіи, облеченніи въ ризы бѣлыя, кто суть и откуда пріидоша? и когда онъ не могъ узнать ихъ въ божественной славѣ сей, то ему сказано, что то были запечатлѣнные крестомъ: *сіи суть, иже пріидоша отъ скорби великія* (Апок. 7, 13 и 14).

Заключеніе, соотвѣтственно всему содержанію и направленію проповѣди, наставляетъ человѣка искать въ крестѣ средства изникнуть отъ міра и вознестись къ Богу.

Слово «о гласѣ вопіющаго въ пустынѣ» произнесено въ воспоминаніе событій 1812 г. Оно имѣетъ связь съ разсужденіемъ Филарета «о нравственныхъ причинахъ неимовѣрныхъ успѣховъ нашихъ въ отечественную войну съ французами ([1])». Настроеніе мысли здѣсь и тамъ одинаковое. Оно обусловлено было тѣми грозными историческими явленіями, которыя заставляли каждаго признать въ ихъ началахъ и послѣдствіяхъ, не подлежавшихъ человѣческому расчету, таинственные пути Провидѣнія и за спасеніе отчизны воздавать не намъ, а имени Его.

Разсужденіе, въ виду бича Божія, поражавшаго Европу такъ, что его удары раздавались во всѣхъ концахъ вселенной, приглашаетъ заблудившіеся народы услышать гласъ наказующаго и обратиться къ Нему, какъ къ единственному Спасителю. Слово, касаясь ударовъ, сотрясающихъ великую *пустыню* западнаго христіанства, напоминая *гласъ*, недавно возгремѣвшій въ предѣлахъ собственной земли нашей, въ *пустынѣ* града великаго, предостерегаетъ христіанъ-гражданъ отъ бездѣйствія и безпечности, призываетъ къ обращенію и перемѣнѣ житія.

Такъ какъ въ выбранной темѣ два понятія: пустыня и гласъ, то главная часть слова (изложеніе) дѣлится на два отдѣла: первый раскрываетъ значеніе пустыни, второй—значеніе гласовъ, въ ней вопіющихъ.

Какъ пустыня, для ока чувственнаго, есть мѣсто необитаемое и невоздѣлываемое людьми, такъ, для взора духовнаго, душа, овладѣваемая страстями и пожеланіями, есть пустыня; міръ, въ которомъ духовные человѣки рѣже, нежели класы, оставшіеся на пожатой нивѣ, есть пустыня; и самая церковь, приносящая вмѣсто гроздія терніе, есть пустыня. Въ сіи-то неустроенныя пустыни пролагаетъ себѣ путь Господь славы, поспѣшаетъ обрѣсти въ нихъ овча своего стада, блуждающее въ горахъ и дебряхъ. Поэтому работающіе міру должны воздвигнуться отъ него, какъ израильтяне воздвиглись отъ Египта, должны воззрѣть очами духа на лице пустыни, въ нихъ и окрестъ нихъ ожидающей посѣщенія, и, услышавъ гласъ Господа, не ожесточить сердецъ своихъ.

Послѣдними словами связывается второй отдѣлъ главной части съ первымъ. Гласъ Іоанна Крестителя, призывающій къ покаянію, не есть единственный гласъ вопіющаго въ пустынѣ: онъ только одинъ изъ многократныхъ и непрерывныхъ подобныхъ гласовъ. Есть гласъ отвнѣ—возглашающій въ видимой природѣ, гласъ

[1]) Разсужденіе это написано по предложенію А. Н. Оленина и вмѣстѣ съ письмомъ его къ автору нап. въ 18-ой книжкѣ «Чтенія въ Бесѣдѣ» (1818).

извнутрь—исходящій изъ глубины души, гласъ свыше—писходящій въ божественномъ откровеніи, гласъ долу—отражающійся въ происшествіяхъ міра. Объясненіе сущности каждаго изъ этихъ четырехъ гласовъ образуетъ подраздѣленіе втораго отдѣла на четыре пункта. Въ концѣ слова, какъ мы видѣли, общій его элементъ (гласъ Божій, вопіющій въ пустыни) прилагается къ частному явленію (гласу, вопіявшему въ отечественной войнѣ), и изъ приложенія выводится нравственный урокъ христіанамъ.

Проповѣди Филарета съ перваго же раза показали, что онѣ, по своему качественному значенію, какъ внутреннему такъ и внѣшнему, будутъ не въ уровень всѣхъ и каждаго. Для уразумѣнія ихъ требуется извѣстная доля образованности, а кругъ образованныхъ читателей или слушателей всегда меньше другихъ круговъ. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ превосходства сочиненій въ томъ или другомъ родѣ почти всегда служитъ сравнительно меньшая мѣра ихъ количественнаго распространенія и слѣдов. количественнаго вліянія ([1]).

§ 24. Главнымъ органомъ мистики служилъ у насъ «Сіонскій вѣстникъ». Его и выбираемъ мы для обзора мистической литературы, какъ центральный пунктъ, къ которому сводятся какъ до него явившіяся, такъ и послѣ него появлявшіяся однородныя изданія и книги. При этомъ обзорѣ мы ограничиваемся слѣдующей задачей: показать, что всѣ главнѣйшіе пункты или положенія мистики, образующія такъ сказать, ея догматику, были выражены въ нашей мистической литературѣ временъ Екатерины II и Александра I.

Главнымъ предметомъ своего журнала Лабзинъ поставилъ христіанскую нравственность. Но какъ цѣли христіанско-нравственнаго назиданія могло удовлетворять само духовенство разными способами, между прочимъ и повременными изданіями, то необходимо думать, что содержаніе «Сіонскаго вѣстника» отличалось чѣмъ-нибудь отъ содержанія, предлагаемаго призванными наставниками христіанъ — или выборомъ предметовъ для нравоученія, или основами, изъ которыхъ нравоученіе истекало. Иначе останется непонятною замѣтка Лабзина, что нѣкоторые читатели въ «обыкновенныхъ» наставленіяхъ о религіи не находятъ полнаго себѣ удовлетворенія. Чѣмъ же они должны были удовле-

---

[1]) Слова и рѣчи Іоанна Леванды, 4 ч. (1821).—Бесѣды въ разныя времена говоренныя Михаиломъ, 16 ч. (1855—1856).—Сочиненія Августина, съ жизнеописаніемъ (1856).—Слова и рѣчи Амвросія (1856).—Сочиненія Филарета (новое изданіе): вышло 3 тома словъ и рѣчей.

творяться? На какой точкѣ зрѣнія стоялъ Лабзинъ, выговаривая свою замѣтку и разумѣя какія-то наставленія «необыкновенныя?»

Сущность христіанской нравственности должна вытекать изъ сущности истиннаго христіанства. Книга Арндта подробно разъясняетъ послѣднюю, заключая разъясненія однимъ выводомъ: «все христіанство состоитъ въ возстановленіи образа Божія въ человѣкѣ и въ истребленіи образа сатанинскаго» (¹). Этотъ выводъ, почти въ одной и той же формѣ, повторяется многими другими сочиненіями. «Златая книжица о прилѣпленіи къ Богу» (1784) говоритъ: «полное совершенство человѣка въ жизни сей есть соединеніе съ Богомъ, такъ, чтобы вся душа совершенно погрузилась въ Бога и была единый съ Богомъ духъ». Въ другой книжкѣ: «Пребываніе Божіе въ человѣкѣ христіанинѣ» (1821), читаемъ: «христіанство есть соединеніе души съ Богомъ, истинное сопричастіе божественнаго естества его, самый образъ Божій, начертанный въ душѣ, короче—божественная жизнь». «Сіонскій вѣстникъ» не могъ обойти этого кореннаго положенія мистиковъ. Онъ посвятилъ ему особую статью (²). «Нѣтъ ничего рѣже», говоритъ ея авторъ, «какъ посреди такъ называемаго христіанства найти правильное, ясному ученію приличное о истинномъ христіанствѣ понятіе», и въ-слѣдъ за симъ исчисляетъ сначала тѣ признаки, которые не могутъ служить точнымъ опредѣленіемъ предмета: христіанство состоитъ не въ частныхъ добродѣтеляхъ, не во внѣшнемъ богослуженіи, не въ почтенномъ въ глазахъ міра житіи, не въ слѣпой невѣдущей вѣрѣ, не въ нѣкоторыхъ чувствованіяхъ и ощущеніяхъ, не въ такъ называемомъ крестѣ, страданіи, бореніи, искушеніяхъ, — а потомъ указываетъ единственно-существенный признакъ истиннаго христіанства: оно состоитъ въ общеніи, соединеніи, дружествѣ или связи внутренности нашей, нашего сердца съ Іисусомъ Христомъ.

При означенномъ понятіи о христіанствѣ, мистики теряютъ значеніе различныхъ его исповѣданій, что и выражено въ статьѣ: «о раздѣленіяхъ между христіанами» (³), развивающей мысли Штиллинга о томъ же предметѣ (⁴). Статья направлена вообще противъ догматическаго богословія и въ частности противъ догматиковъ или, какъ называетъ ихъ авторъ, книжниковъ въ православіи. Содержаніе ея вращается около тѣхъ мыслей, что вѣра Христова не знаетъ раздѣленій, кромѣ раздѣленія вѣрующихъ отъ невѣрую-

---

¹) О истинномъ христіанствѣ.

²) Что есть собственно христіанство въ смыслѣ частномъ (1806, іюнь).

³) С. В. 1817, октябрь.

⁴) Угрозъ Свѣтовостоковъ, кн. 19.

щихъ, ветхаго человѣка отъ новаго; что единственнымъ путемъ къ соединенію церквей было бы то, еслибы каждый, ревнующій по православію, вникнулъ въ прямой смыслъ ученія Іисуса Христа, разсмотрѣвъ, подлинно ли онъ есть правовѣрный въ очахъ Божіихъ, а не въ своихъ собственныхъ; что правовѣрный есть тотъ, кто право вѣритъ ученію Спасителя, а ученіе Спасителя существенно состояло въ томъ, чтобы человѣку дѣлаться новою тварью, новымъ человѣкомъ, рожденнымъ отъ Бога. Такимъ образомъ отличительные догматы каждаго христіанскаго вѣроисповѣданія наши мистики почитали не основными, въ противоположность, по ихъ мнѣнію, единственно основному, лежащему въ каждомъ вѣроисповѣданіи и образующему такъ называемое общее, «универсальное» христіанство. Въ подкрѣпленіе своей мысли, они указывали на выраженіе идеи христіанства въ актѣ «священнаго союза», которымъ заявлено, что христіане составляютъ одно семейство, исповѣдующее одну и ту же религію, и что различныя названія вѣроисповѣданій не имѣютъ важности. Жозефъ де-Местръ, сардинскій посланникъ при нашемъ дворѣ, именно такъ и объяснялъ смыслъ конвенціи трехъ государей, находя ее благопріятной для «терпимости теологической», которая, однакожъ, по его мнѣнію, ведетъ къ «религіозному индифферентизму». Основные догматы христіанства иногда назывались, на языкѣ тогдашняго времени, «религіозностью», а частные догматы каждаго вѣроисповѣданія — «религіей» (¹).

Другіе мистики идутъ дальше и въ своей послѣдовательности впадаютъ въ фанатическую крайность. Они какъ бы ставятъ краеугольнымъ камнемъ своихъ сужденій слѣдующія слова Августина: «что называютъ теперь религіей христіанской, то существовало у древнихъ и не переставало существовать отъ начала рода человѣческаго до воплощенія Христа; съ этой же эпохи истинная религія, уже существовавшая, стала называться религіей христіанской» (²). Англійскій пасторъ Лау (Law), толкователь Бемова ученія, говоритъ, что христіанство также древне, какъ сотвореніе и паденіе человѣка. Съ паденіемъ Адама оно возвѣщалось всѣмъ падшимъ людямъ, во всѣхъ частяхъ вселенной. Оно было общей первобытной религіей патріарховъ, Моисея, пророковъ и каждаго кающа-

¹) Mémoires politiques et correspondance diplomatique de J. de Maistre, 2 т. (изд. 1859 и 1861).

²) Res ipsa, quae nunc religio christiana nuncupatur, erat apud antiquos, nec defuit ab initio generis humani, quousque Christus veniret in carnem, unde vera religio, quae jam erat, coepit appellari christiana (Retractationes, кн. 1, гл. 13, § 3). См. Patrologiæ cursus completus, т. 32 (1845).

гося человѣка, въ какой бы части свѣта онъ ни жилъ. Различіе между идолопоклонниками и чтителями истиннаго Бога—одно, состоящее въ томъ, небо или земля обладаетъ и управляетъ сердцемъ человѣка. Люди перваго рода принадлежатъ къ истинной религіи, гдѣ бы и когда бы они ни существовали; люди втораго рода принадлежатъ къ идолопоклонникамъ, не смотря на различіе временъ и мѣстъ. Только любовь къ міру, вмѣсто любви къ Богу, составляетъ сущность невѣрія (1). Въ нашей мистической литературѣ такъ или иначе проводился подобный взглядъ. Имъ объясняется, между прочимъ, особенное уваженіе мистиковъ къ нѣкоторымъ языческимъ писателямъ. Въ мистическихъ журналахъ Новикова много переводовъ изъ Сенеки, Эпиктета, Плутарха, Платона. Цѣль двухъ статей Лабзина о философіи (2), обработанныхъ по Эккартсгаузену, видна изъ его собственныхъ словъ: «обратясь къ чтенію Цицерона и другихъ древнихъ авторовъ, я увидѣлъ, сколь древніе были ближе къ понятіямъ и истинамъ христіанскимъ, нежели мы, имѣющіе писанное Евангеліе и называющіеся христіанами». Крайній мистикъ Дю-Туа выражается еще рѣшительнѣе, утверждая, что, «собравъ мѣста изъ древнихъ философовъ и стихотворцевъ о религіи, мы увидимъ почти полную систему всѣхъ божественныхъ таинствъ, представляемыхъ нашей вѣрѣ откровеніемъ» (3). Напротивъ, голосъ Сперанскаго по этому предмету умѣреннѣе: онъ говоритъ, что таинственное, т. е. мистико-религіозное ученіе (которое, однакожъ, почиталось истиннымъ христіанствомъ) въ различныхъ образахъ понятій, на разныхъ языкахъ, разными выраженіями было проповѣдуемо между «свѣтоспособными» въ самой глубокой древности; при чемъ упоминаются школы Пиѳагора и Платона (4). Наконецъ укажемъ на статью «Древность христіанства», въ Христіанскомъ Чтеніи (5). Вотъ ея заключеніе: «Христіанство есть единая истинная религія, равняющаяся міру своею древностію.— Что Новиковъ, Лабзинъ, Сперанскій должны были высоко цѣнить Платона и другихъ «свѣтоспособныхъ» людей древности, видѣть въ ихъ ученіи своего рода откровеніе, а въ нихъ самихъ какъ бы христіанъ до христіанства, это объясняется сущностью мистики, въ образѣ мыслей которой есть много родственнаго съ философіей Платона и преимущественно съ философіей ново-платониковъ (Плотина, Прокла), такъ что мистику можно назвать христіанскимъ

1) Французскій переводъ сочиненія Лау: «La voie de la science divine».
2) С. В. 1806, январь и іюль.
3) Божественная философія, 5 ч. (М. 1818—1819). Томъ 2, кн. 4.
4) Письмо къ Ѳеофилакту, 15 октября 1804 (Въ память Сперанскаго).
5) 1821, ч. 3.

ученіемъ, подъ вліяніемъ неоплатоническихъ идей. Отдѣльно разсѣянные мистическіе элементы впервые образовали одно цѣлое въ сочиненіяхъ, которыя явились въ V или VI вѣкѣ по Р. Х. и долгое время несправедливо приписывались Діонисію Ареопагиту, ученику Апостола Павла ([1]). Сочиненія эти, особенно главнѣйшія: «о таинственномъ богословіи» и «объ именахъ Божіихъ», установили мистическую теологію и сдѣлались обильнымъ источникомъ для послѣдующихъ мистиковъ. Авторитетное ихъ значеніе доказывается тѣмъ, что св. Максимъ Исповѣдникъ писалъ на нихъ толкованія, а Георгій Пахимеръ составилъ парафразъ оныхъ, не говоря уже объ изученіи ихъ въ католическомъ мірѣ. У насъ они пользовались великимъ уваженіемъ. Два рукописныхъ перевода ихъ (XVII в.) находятся въ Синодальной Библіотекѣ: одинъ сдѣланъ монахомъ Исаіей въ 1371 г., другой монахомъ Евѳиміемъ, ученикомъ Епифанія Славинецкаго. Послѣдній переводъ былъ пересмотрѣнъ при патріархѣ Адріанѣ, «печатнаго ради тисненія». Однакожъ въ печати сочиненія Ареопагита явились не раньше второй половины прошлаго вѣка. Въ нынѣшнемъ столѣтіи они были вновь переведены и изданы, кромѣ одного (объ именахъ Божіихъ) ([2]).

Соотвѣтственно понятію объ истинномъ христіанствѣ, мистики сводятъ его сущность къ тремъ пунктамъ, которые и поставляютъ на видъ каждому: первый—человѣкъ, по своему созданію, назначенъ быть причастникомъ божественнаго естества, какимъ и обладалъ Адамъ; второй—паденіе низвергло человѣка въ жизнь животную, земную и нечистую, въ жизнь плоти и крови; третій—искупленіе даровало ему возможность возстановить себя въ первобытномъ правѣ, сдѣлаться снова Адамомъ. И такъ возсоединеніе съ Богомъ, какъ источникомъ нашей души, послѣ разъединенія, произведеннаго паденіемъ, возстановленіе во всей чистотѣ образа Божія: такова цѣль жизни человѣческой. Это возсоединеніе обыкновенно называется вторымъ, духовнымъ рожденіемъ, или «возрожденіемъ». Оно составляетъ существенный догматъ мистики, и потому служитъ главнѣйшимъ предметомъ мистическихъ книгъ,

[1]) Вопросъ о неправильномъ присвоеніи этихъ сочиненій Діонисію Ареопагиту, на основаніи тщательныхъ изслѣдованій, рѣшенъ окончательно. См. Die angeblichen Schriften des Areopagiten Dionisius, übersetzt von Engelhardt (1823); Русская литература о сочиненіяхъ съ именемъ св. Діонисія Ареопагита (Православное Обозрѣніе, 1872, іюнь, критич. статья священника Смирнова).

[2]) О небесной іерархіи, пер. іеромонаха Моисея Гумилевскаго (1786). Новый переводъ, напеч. по опредѣленію синода (1839), имѣлъ нѣсколько изданій.— О церковной іерархіи, пер. іером. Моисея (1787). Нов. переводъ 1855.—Письма къ разнымъ лицамъ (Хр. чт. 1825, ч. 19). — О таинственномъ богословіи (ib. ч. 20).

которыя предлагають и средства къ достиженію цѣли, начертывають путь «дѣятельнаго христіанства», противопоставляя свое ученіе ученію «догматико-критическому». Задача почиталась столь важною, что кромѣ сочиненій, изданныхъ на пользу совершеннолѣтнихъ, являлись и учебныя руководства, одинаковыя съ первыми по содержанію и назначенію. «Начальныя основанія дѣятельнаго христіанства, по отвѣтамъ и вопросамъ расположенныя» (1), предлагають краткое начертаніе тѣхъ путей и степеней, по которымъ Господь приводить падшія души къ духовному ихъ возрожденію. Авторъ замѣчаеть, что его сочиненіе полезно не для однихъ дѣтей, но и вообще для юныхъ — только не тѣломъ, а духомъ и умомъ. Кромѣ прямаго изложенія предмета, мистики прибѣгали нерѣдко къ пособію аллегоріи. Таково сочиненіе Бюніана: «Путешествіе христіанина и христіанки къ блаженной вѣчности» (2), въ которомъ, подъ видомъ сна, представлены душевныя состоянія кающагося грѣшника, и подражаніе ему Штиллинга: «Тоска по отчизнѣ» (3), изображающее, въ вымышленной исторіи, пути истиннаго христіанина. Рядомъ съ аллегорическими повѣствованіями шли небольшіе разсказы, написанные простымъ языкомъ и назначавшіеся для библіотеки духовно-нравственныхъ книгъ: одинъ изъ такихъ разсказовъ называется «Разговоромъ о возрожденіи» (4).

На языкѣ мистиковъ, «возрожденіе» обозначается разными названіями, большею частію заимствованными изъ Св. писанія: общеніемъ съ Іисусомъ Христомъ (1 Кор. I, 9), житіемъ Іисуса въ насъ (Гал. II, 20), пребываніемъ во Христѣ и Христа въ насъ (Іоан. XV, 4), житіемъ на небесѣхъ (Филип. III, 20), помазаніемъ отъ Святаго, сообщающимъ всезнаніе (1 Іоан. II, 20), обновленіемъ жизни (Римл. VI, 4), созерцаніемъ славы Божіей открытымъ лицемъ (2 Кор. III, 18), откровеніемъ (Ефес. I, 17) и пр. (5). Возрожденный также именуется различно: новымъ человѣкомъ (Ефес. IV, 24), потаеннымъ сердца человѣкомъ (1 Петр. III, 4), духовнымъ человѣкомъ (1 Кор. II, 15), единымъ духомъ съ Господомъ (1 Кор. VI, 17), новою тварью (Гал. VI, 15) (6). Самый процессъ возрожденія — лѣстница, по которой вѣрующій

---

1) Два изданія (1785 и 1786) нап. въ Москвѣ, третье въ Спб. (1805).

2) Русскаго перевода три изданія: 2-е (1786), 3-ье (1819).

3) Рус. переводъ 1817—1818.

4) Нов. изд. 1839.

5) Kurze Nachricht von der Mystik (при нѣм. переводѣ писемъ Гюйонъ, 1769).—Что есть собственно христіанство (С. В. 1806).

6) Христіанинъ или вѣрующій нова-тварь, сочиненіе Самуила Паркера. Пер. съ англ. (1815).

можетъ восходить на величайшую высоту духа—образуетъ нѣсколько степеней. Число ихъ въ однихъ сочиненіяхъ больше, въ другихъ меньше, но главнѣйшія, существенныя во всѣхъ одинаковы. Мистикъ XII—XIII в. Эккартъ опредѣляетъ слѣдующія стадіи на пути къ соединенію души съ Богомъ: оправданіе, т. е. отпущеніе грѣховъ, отрѣшеніе отъ всѣхъ тварей и отъ самого себя, соединеніе души съ Богомъ, или рожденіе Бога въ душѣ. Первая стадія начинается обращеніемъ грѣшника къ Богу: свободная воля, направляемая благодатію, удаляется отъ грѣха и сѣтуетъ о грѣхахъ содѣянныхъ. Въ этомъ сѣтованіи и заключается раскаяніе. Плодъ истиннаго раскаянія есть отпущеніе грѣховъ, или *оправданіе*. Вторая стадія образуется изъ нѣсколькихъ послѣдовательныхъ степеней духовнаго очищенія. Чтобы человѣку, по благодати, стать едино съ Богомъ, необходимо устранить все то, что отлучаетъ его отъ Бога. Грѣхъ уже устраненъ покаяніемъ; но остается еще многое: все конечное, препятствующее общенію съ Безконечнымъ. И потому первымъ актомъ человѣка на второй стадіи является внутреннее собраніе, сосредоточеніе самого себя, обозначаемое стариннымъ, прежде употреблявшимся словомъ *вовращеніе*. Всѣ свои силы и способности (разумъ, память, волю, силу представленія, и т. д.) и ихъ отправленія душа должна изъ внѣшней разсѣянности призвать домой, въ глубочайшую свою основу, для внутренняго дѣйствованія. За «вовращеніемъ» слѣдуетъ освобожденіе, отрѣшеніе отъ тварей какъ вѣдѣніемъ, такъ и желаніемъ. Далѣе—отлученіе человѣка отъ самого себя, какъ отъ индивидуальности. Душа должна забыть, утратить себя. Это исхожденіе человѣка изъ самого себя, это состояніе смертнаго бытія (умертвіе), самоопустошеніе, самоуничтоженіе и есть условіе высочайшаго дѣйствія благодати, т. е. *возсоединенія человѣка съ Богомъ* или рожденія Бога въ душѣ человѣческой. Къ нему-то мистическая теологія относитъ слова Апокалипсиса: «блаженны мертвые, умирающіе въ Господѣ» (XIV, 13) ([1]). Другой знаменитый мистикъ, Таулеръ (XIII—XIV в.), указываетъ три степени: вхожденіе человѣка въ себя самого, иначе: собраніе внутрь себя всѣхъ низшихъ и высшихъ силъ духа; исхожденіе всѣхъ силъ изъ души, иначе: самоотреченіе, самоуничтоженіе; соединеніе души съ Богомъ, иначе рожденіе Бога въ душѣ ([2]). Инымъ образомъ, хотя по сущно-

---

[1]) Meister Eckhardt, der mystiker, von Lasson (1868).

[2]) Predigten, Deutsche Theologia, Medulla animae и др. сочиненія Таулера, изд. 1692. Выборъ изъ этихъ сочиненій, преимущественно изъ проповѣдей, сдѣланный Тенигардомъ, переведенъ на рус. языкъ подъ заглавіемъ: Краткія разсужденія о важнѣйшихъ предметахъ жизни христіанской (три изданія: 1801, 1820, 1821).

сти не различнымъ, описывается путь возрожденія въ «Мысляхъ на досугѣ поучающагося истинамъ вѣры» (1815). Основываясь на словахъ Спасителя: «Азъ есмь путь, истина и животъ», авторъ говоритъ: «три степени на лѣствицѣ восхожденія въ жизнь вѣчную, а именно: Христосъ *путь* возрождаетъ чувственнаго человѣка чрезъ вѣру во Іисуса и чрезъ обращеніе отъ міра и чувственности къ духу и внутренности на путь крестный; Христосъ *истина* воспитываетъ обращеннаго и возрожденнаго чрезъ непрестанное укрѣпленіе его духомъ истины, истекающей изъ премудрости и любви Божіей; Христосъ *жизнь* созидаетъ въ обновленномъ сердцѣ возрожденнаго храмъ Духу Святому, который столь тѣсно соединяетъ вѣрующаго со Христомъ, что не только во внутренней, но и во внѣшней его жизни представляетъ живой списокъ Христа въ немъ».

Такимъ образомъ человѣкъ, возрожденный указаннымъ путемъ самоотреченія, изъ плотскаго и душевнаго прелагается въ духовнаго, истиннаго христіанина. Въ немъ, на послѣдней ступени лѣстницы, ведущей отъ земли на небо, воплощается Слово и своимъ воплощеніемъ обожествляетъ его, творитъ существомъ богоноснымъ. Бывъ дотолѣ микрокозмомъ, онъ получаетъ право называться микротеемъ (¹). На его внутреннемъ освященіи ознаменовалась тайна нашего искупленія, которая и состоитъ именно въ преложеніи душевнаго въ духовное, въ «преобоженіи» человѣчества, или, по словамъ Апостола Павла, въ «возглавленіи всяческихъ во Христа» (²). Такъ какъ бесѣда Спасителя съ Никодимомъ была ведена о новомъ рожденіи человѣка, или о рожденіи свыше, то всѣ мистики безъ исключенія видятъ въ ней основаніе вѣчнаго блаженства человѣческаго и указаніе судебъ Божіихъ о мірѣ (³). Въ своихъ воззрѣніяхъ они опираются преимущественно на Евангеліе отъ Іоанна и на посланія Апостола Павла, какъ на главнѣйшіе авторитеты касательно таинственнаго единенія человѣка съ Богомъ. Понятно также, почему возрожденіе служитъ постояннымъ предметомъ мистической проповѣди, сообщая ей видимую однообразность. Бесѣды Дю-Туа, собранныя въ пяти книгахъ, подъ именемъ «Христіанской философіи», вращаются около одного и того же пункта, объясняя или паденіе Адама, или тайну искупленія, или преобразованіе падшаго человѣка въ «нову тварь», т. е. начало, средину и конецъ верховныхъ судебъ о мірѣ. Любимѣйшая тема этихъ

---

¹) Божеств. философія, кн. 1, гл. 2.

²) Письмо Сперанскаго къ Броневскому (Въ память Сперанскаго).

³) С. В. 1817, май, ст.: Духъ и истина.

однообразныхъ поученій — Рождество Спасителя, ибо вочеловѣченіе Бога является для мистика знаменіемъ обожествленія человѣка, производимаго рожденіемъ Бога въ душѣ, и даетъ ему, какъ проповѣднику, обильный матеріалъ для таинственныхъ сопоставленій, для таинственнаго параллелизма. Вотъ причина, почему издатель Сіонскаго Вѣстника не былъ удовлетворенъ «обыкновенными» наставленіями нашихъ пастырей о религіи: эти пастыри, по его мнѣнію, почти не проповѣдывали о главномъ ученіи христіанства, или, вѣрнѣе, объ истинномъ христіанствѣ, т. е. о возрожденіи. «Нынѣшніе проповѣдники Евангелія», говоритъ онъ, «представляютъ Христа главою и учителемъ, который, находясь «внѣ насъ», учитъ насъ, что̀ есть добро, а не говорятъ, что онъ долженъ «внутренно» владычествовать (т. е. жить и царствовать) и самъ совершать въ насъ добрыя дѣла. Не добрыя и благочестивыя дѣла дѣлаютъ человѣка добрымъ и благочестивымъ, а добрый и благочестивый человѣкъ дѣлаетъ добрыя и благочестивыя дѣла» ([1]). Это недовольство и было причиною появленія въ Сіонскомъ Вѣстникѣ цѣлаго ряда статей, подъ заглавіемъ «Духъ и истина», составляющихъ наиболѣе характеристичную, капитальную часть журнала. Наконецъ самое посвященіе журнала (на 1817 г.) «Господу Іисусу Христу, вѣчному *возродителю* и *обновителю* всяческихъ», ясно показываетъ, какой догматъ мистики долженствовалъ быть главною задачею издателя.

Изложенное нами понятіе о возрожденіи не представляло, однакожъ, для русскихъ читателей чего-то совершенно новаго, дотолѣ имъ неизвѣстнаго. Въ духовной литературѣ нашей давно уже существовало не малое число твореній, въ которыхъ тотъ же самый предметъ, съ полнымъ процессомъ его послѣдовательнаго развитія, обстоятельно разъяснялся если не тождественнымъ образомъ и не въ одинаковой формѣ съ доктриною протестантскихъ и католическихъ мистиковъ, то, по крайной мѣрѣ, очень сходственно и близко. Внутреннее, сокровенное пребываніе съ Богомъ, какъ истинная сущность истинной религіи, какъ верховная задача христіанина въ его земномъ существованіи, не только предлагалось и обсуждалось этими писаніями, но и дѣйствовалось и достигалось ихъ творцами, по ихъ собственному, откровенному заявленію. Главнымъ поприщемъ для такого дѣйствованія служили монастыри. Вообще развитіе мистики тѣсно связано съ развитіемъ иночества, которое, стремясь къ болѣе строгой нравственности, къ «дѣятельному» христіанству, стало уединяться отъ общей массы

[1]) С. В. 1806, августъ, стр. 200. См. также 1817, декабрь, стр. 311.

вѣрующихъ въ пустынныя обители съ того времени, какъ замѣтило, что чистота первобытныхъ нравовъ омрачалась мірскими соблазнами. Тоже побужденіе, положивъ раздѣлъ на практикѣ, въ жизни, обнаружилось и на теоріи, въ доктринѣ. Когда ученіе Церкви, развившись и сложившись, сдѣлалось общимъ достояніемъ всѣхъ ея членовъ, тогда многіе изъ нихъ, преимущественно въ средѣ иноческой, устремились къ ученію, болѣе внутреннему и глубокому, чѣмъ обычное: послѣднее не удовлетворяло умы сосредоточенные и восторженные. Вотъ почему изъ монашества, особенно восточнаго, вышло большое число мистиковъ, а это и доказываетъ, что оно весьма благопріятствовало духовной дѣятельности созерцательныхъ натуръ. Между иноками являлось много такихъ, которые были не просто аскеты, согласно своему званію, но и аскеты-созерцатели.

Въ XIV вѣкѣ, иноки горы Аѳонской приняли наставленія о жизни созерцательной отъ Григорія Синаита, поселившагося между ними послѣ своего подвижничества на горѣ Синайской. Онъ поучалъ ихъ пути внутренняго очищенія, которымъ великіе отцы-пустынножители достигали небеснаго наитія, свѣтоносныхъ озареній Св. Духа. Русское иночество, при посредственныхъ или непосредственныхъ сношеніяхъ съ святою горою, усвоивало тоже ученіе. Преданіе Нила Сорскаго (XVI в.) ученикамъ о жительствѣ скитскомъ содержитъ въ себѣ выборъ изъ отеческихъ писаній, служившихъ руководствомъ на означенномъ пути духовнаго дѣйствованія. Но независимо отъ сокращенныхъ извлеченій, предки наши имѣли возможность знакомиться вполнѣ съ аскетической литературой этого направленія, по славянскимъ переводамъ твореній Исаака Сирина, Іоанна Лѣствичника, Максима Исповѣдника, Симеона новаго богослова, Григорія Синаита и другихъ. Самое замѣчательное собраніе твореній по предмету высшаго христіанскаго любомудрія, которымъ душа очищается, просвѣщается и возводится къ соединенію съ Богомъ, находится въ греческой книгѣ: «Добротолюбіе», переведенной на славянскій языкъ архимандритомъ Нямецкаго монастыря (въ Молдавіи), полтавскимъ уроженцемъ Паисіемъ Величковскимъ ([1]). Предисловіе къ сборнику выражаетъ мысль, что совѣтъ Божій, искони предопредѣлившій «обожить» человѣка, пребываетъ во-вѣкъ. Исполненіе этого совѣта началось въ созданіи Адама по образу и подобію Творца его; продолжалось въ воплощеніи, т. е. въ воспріятіи Богомъ человѣче-

[1]) Добротолюбіе, или словеса и главизны священнаго трезвѣнія, 4 ч. (1-ое изд. 1793).

скаго естества, которое по сему самому обожилось; а завершится духовнымъ преуспѣяніемъ человѣка, когда онъ достигнетъ въ мѣру возраста исполненія Христова (Ефес. IV, 13) и когда Христосъ водворится въ его сердцѣ, слѣдовательно обожитъ его. Богомудрые отцы указываютъ путь къ такому совершенству, предлагаютъ способъ для достиженія высочайшей цѣли нашего бытія. Этотъ способъ состоитъ въ особомъ духовномъ (иначе умномъ) художествѣ или дѣланіи, такъ называемомъ «священномъ трезвѣніи», которое, однакожъ, по важности своей, «многоименно» и потому обозначается и другими словами: храненіе сердца, блюденіе ума, вниманіе, сердечное (или мысленное) безмолвіе, чистая (умная, непарительная и непрестанная) молитва, и пр. Трезвѣніе, подобно огненной Илиной колесницѣ, возноситъ своихъ причастниковъ на высоту небесную. Постепенный въ немъ опытъ уподобляется лѣствицѣ Іаковлевой, на ней же Богъ пребываетъ и по ней же ангелы нисходятъ и восходятъ: «Восходите, елицы желаніе имате вселитися въ васъ Христу и во образъ Св. Духа преобразитися; пріидите, елицы разумомъ и искусомъ царствіе небесное, внутрь васъ сущее, познати и пріяти хощете» ([1]). Ступени восхожденія исчисляются различно, смотря по основанію, принимаемому во взглядѣ на «обоженіе». Такъ какъ мѣра духовнаго совершенства, нужнаго для этого человѣку, есть мѣра «полнаго возраста Христова», то Григорій Синаитъ ведетъ ступени параллельно періодамъ земной жизни Іисуса Христа: зачатію соотвѣтствуетъ обрученіе духа, рожденію—дѣйство радованія, крещенію — чистительная сила духовнаго огня, преображенію — видѣніе божественнаго свѣта, воскресенію—животворное возстаніе души, вознесенію—изступленіе и восхищеніе ума ([2]). У инока Ѳеофана не шести, а десятистепенная лѣствица божественныхъ даровъ, извѣстная по опыту богоноснымъ: чистая молитва и происходящая отъ нея сердечная теплота, святое дѣйство, сердечныя слезы, миръ многоразличныхъ помысловъ, очищеніе ума, видѣніе высшихъ таинствъ, странное осіяніе несказаннымъ образомъ, неизреченное сердца просвѣщеніе, совершенство ([3]). Черты этого совершенства, изображаясь различно въ тѣхъ или другихъ аскетическихъ твореніяхъ, въ сущности одинаковы. Путь священнаго трезвѣнія именуется путемъ избраннымъ и царскимъ, ведущимъ къ сыноположенію Божію. Человѣкъ, прошедшій имъ, изъ существа животнаго обращается въ святаго, обожается въ духѣ. Подвигаясь, присносущнымъ движеніемъ отъ

---

[1]) Ib. ч. I, листы 7, 32, 36.

[2]) Ib. ч. I, л. 111.

[3]) Ib. ч. III, л. 132.

Духа Святаго, онъ, по словамъ Василія Великаго, принимаетъ достоинство пророческое, апостольское, ангельское и божественное, сый прежде сего земля и пепелъ ([1]). Душа пріобрѣтаетъ безстрастіе, воскресаетъ прежде тѣла, непосредственно соединяется съ Богомъ. Исправляющій трезвѣніе входитъ въ видѣнія святая святыхъ, просвѣщается отъ Христа глубокими таинствами, въ его душу входитъ Святый Духъ, силою котораго умъ человѣческій научается зрѣть откровеннымъ лицемъ ([2]). Какъ чувственное око зритъ на письмена и отъ нихъ пріемлетъ чувственныя разумѣнія, такъ и умъ, очистившись и первобытнаго достигнувъ достоинства, зритъ на Бога и отъ Него пріемлетъ разумѣнія божественныя: тогда онъ вмѣсто книги имѣетъ Духа, вмѣсто трости писательной— смыслъ и языкъ; тогда онъ познаетъ, какъ учитъ Богъ человѣка, по пророчеству, Духомъ (Іоан. VI, 45) ([3]). Преподобный Антоній былъ потому боговидецъ и предзритель, что трезвился сердцемъ. Потщись войти во внутреннее сокровище твое, учитъ Исаакъ Сиринъ, и ты узришь сокровище небесное. То и другое едино есть, и входя во едино—узриши и то и другое. Лѣствица царствія онаго (небеснаго) сокрыта внутри тебя—въ твоей душѣ ([4]). Дѣланіе и храненіе (священное трезвѣніе) утончаютъ умъ и сообщаютъ ему зрѣніе, душа возвышается въ чистоту ума, чистотою же ума приходитъ человѣкъ, во еже зрѣти тайны Божія, видѣть откровенія и знаменія, какъ видѣлъ пророкъ Іезекіиль ([5]). Во второмъ словѣ Нила Сорскаго приведены слова Симеона новаго богослова о блаженныхъ дарахъ чистой молитвы и умнаго безмолвія: «какой языкъ изречетъ, какой умъ скажетъ? Зрю свѣтъ, его же міръ не имѣетъ, внутри себя зрю Творца міра, и бесѣдую, и люблю, и питаюсь единымъ боговидѣніемъ, и, соединився съ Богомъ, превосхожду небеса. Гдѣ же тогда тѣло—не вѣмъ.... Любитъ меня и Онъ, и въ себѣ самомъ пріемлетъ меня, и въ объятіяхъ сокрываетъ; живущій на небѣ, пребываетъ въ моемъ сердцѣ: здѣсь и тамъ зрится мною.... Владыка показуетъ меня равнымъ ангеламъ, творитъ меня лучшимъ ихъ: ибо тѣмъ Онъ невидимъ по существу (естество Его неприступно); мнѣ же зрится всяко, смѣсився естеству моему своимъ существомъ ([6]). Въ мертвенномъ еще тѣлѣ таин-

---

[1]) Ib. II, 129—130.
[2]) Ib. 11, л. 4.
[3]) Ib. 1, л. 90.
[4]) Ib. II, лл. 37 и 41.
[5]) Ib. II, л. 99.
[6]) Нила Сорскаго преданіе о жительствѣ скитскомъ. (М. 1849).

ственникъ (1) вкушаетъ безсмертной пищи; еще въ этомъ маловременномъ мірѣ сподобляется отчасти той радости, которая хранится въ небесномъ отечествѣ (2). Въ нѣсколькихъ мѣстахъ Добротолюбія есть ссылки на псевдо-діонисіевы сочиненія. Въ правилѣ о безмолвіи и молитвѣ (Каллиста, патріарха констатинопольскаго, и сподвижника его Игнатія) духовная, божественная сладость, изливающаяся изъ сердца во время чистой молитвы, изображена по воззрѣніямъ «Таинственнаго богословія»: «Въ превысшій свѣта мракъ пріити мы молимся, и невидѣніемъ и неразумѣніемъ увидѣти и разумѣти сущаго паче видѣнія и разума, самымъ тѣмъ, еже не увидѣти, ниже разумѣти: се бо есть еже воистину увидѣти и разумѣти, и пресущественнаго пресущественнѣ воспѣти отъятіемъ всѣхъ сущихъ... Божественный мракъ есть неприступный свѣтъ, въ немъ же жити Богъ глаголется, и въ невидимѣмъ сущемъ, за превосходящую свѣтлость, и неприступнѣмъ, за превосхожденіе пресущественна свѣтосіянія. Въ сей приходитъ всякъ, Бога разумѣти и увидѣти сподобляйся, самымъ симъ, еже не видѣти, ниже разумѣвати, воистинну въ томъ, иже паче видѣнія и разума бывая, сіе самое разумѣвая, яко превыше всѣхъ есть чувственныхъ и умныхъ» (3). Приводимъ еще мѣсто изъ «главизнъ о любви и совершенствѣ житія» инока Никиты Стифата, ближайшаго ученика Симеона новаго богослова: «Обоженіе есть въ житіи умное и божественное священнодѣйство, въ немъ же священнодѣйствуетъ слово неизреченныя премудрости, и уготовльшимъ себѣ, елико можно, преподается. Сіе благолѣпно Богъ словесному естеству свыше дарова во единство вѣры, даови убо, елицы за чистоту достоинства того разумомъ божественныхъ въ причастіи быша, уподобляются Богу, сообразни образу Сына его бывше, высокими и умными своими о божественныхъ движеньми, и тако положеніемъ бози будутъ инѣмъ человѣкомъ на земли; ови же очищеніемъ чрезъ божественное ихъ слово и священное сочетаніе совершаются въ добродѣтели, и по мѣрѣ своего предспѣянія и

---

1) Другое названіе созерцателей.

2) Преданіе Нила Сорскаго.

3) Доброт. II, л. 113. Сущность первой главы Таинственнаго Богословія: «что есть божественный мракъ?» состоитъ въ слѣдующемъ: Чтобы достигнуть таинственнаго созерцанія, чтобы возвыситься къ соединенію съ Тѣмъ, кто превыше всякой истины и всякаго познанія, необходимо абсолютно отрѣшиться отъ себя самого и всѣхъ прочихъ тварей. Тогда только умъ вступаетъ во мракъ непостижимости, по истинѣ таинственный; не существуя ни для себя, ни для другихъ, онъ существуетъ только для Того, который есть превыше всего, и соединяется съ непостижимымъ. И тѣмъ самымъ, что умъ не познаетъ ничего, онъ пріобрѣтаетъ знаніе превыше ума (Христ. Чт. 1825, ч. 20).

очищенія въ причастіи обоженія сихъ бываютъ и пріобщаются съ ними въ Бозѣ соединенія: яко да вси, во едино соединяеми и сообъемлеми единствомъ любве, съ единѣмъ Богомъ соединятся непрестанно,—и будетъ Богъ посредѣ боговъ благихъ дѣлъ виновенъ, иже естествомъ, сущихъ положеніемъ, ничто же порицательно на себе нося отъ созданія» ([1]).

Такимъ образомъ трезвѣніе, или умная молитва, какъ по предуготовленію къ ней, такъ по ея свойству и дѣйствіямъ, въ сущности не разнится отъ вышеизложеннаго процесса, ведущаго, по ученію мистиковъ, къ рожденію Слова въ душѣ, къ обожествленію человѣка. Эта молитва есть утвержденіе христіанства, источникъ добродѣтелей, извѣщеніе сердца, образованіе святости, подательница откровеній и таинъ божественныхъ, обрученіе Святому Духу, сопребываніе и соединеніе съ Богомъ ([2]). Подготовленіе къ ней состоитъ во внутреннемъ собраніи всѣхъ душевныхъ силъ (вовращеніи), совершенномъ отсѣченіи собственнаго разума и собственной воли, безусловной преданности и послушаніи Богу, уничтожающемъ человѣческую самость смиреніи. Основа ея въ бесѣдѣ Спасителя съ самарянкой о поклоненіи Отцу духомъ и истиной (Іоан. IV) и въ словахъ Апостола Павла: «хощу (лучше) пять словесъ умомъ глаголати, нежели тьмы словесъ языкомъ» (1 Кор. XIV, 19). Практика такой молитвы, которая дѣйствительно есть не что другое, какъ поклоненіе духомъ и истиной, развилась въ монастыряхъ, какъ это доказывается и самыми твореніями аскетовъ-созерцателей, и «Бесѣдами» Іоанна Кассіана (IV — V в.) съ отшельниками, подвизавшимися въ Өиваидѣ ([3]). Слѣды ея существуютъ до сихъ поръ и въ нѣкоторыхъ нашихъ монастыряхъ и пустыняхъ. Сперанскій, во время пребыванія своего въ Великопольѣ, изъ разговоровъ съ монахами сосѣдственной обители Саввы Вишерскаго, узналъ, что они вовсе не чужды высшимъ степенямъ созерцательной молитвы ([4]). Ею, говоритъ онъ, молятся и въ Индіи и въ Саровской пустынѣ, ибо о Христѣ Іисусѣ нѣсть ни Іудей, ни Еллинъ, но все нова тварь ([5]).

Въ сочиненіяхъ мистическихъ ученіе о молитвѣ излагается съ особымъ тщаніемъ. Опредѣляя ея сущность, они указываютъ различныя ея степени, соотвѣтственно степенямъ духовнаго состоянія

---

[1]) Доброт. IV, л. 95—96, гл. 33.

[2]) Житіе и писанія Паисія Величковскаго (1847).

[3]) Collationes patrum (Бесѣды Кассіана съ отцами, достигшими наибольшаго искуса въ созерцательной жизни).

[4]) Жизнь Сперанскаго (1861), т. II.

[5]) Въ память гр. Сперанскаго.

нашего или другимъ предметамъ христіанскаго знанія и христіанской жизни. Г-жа Гюйонъ († 1717) въ двухъ книгахъ: «Краткій и легчайшій способъ молиться» (1821 и 1822) и «О послѣдованіи младенчеству Іисуса Христа» (1823) (¹), объясняетъ три вида молитвы: умственную, сердечную и созерцательную. Первая состоитъ въ умственномъ бесѣдованіи, или богомысліи; вторая въ воздыханіяхъ и пламенныхъ стремленіяхъ къ Богу; третья въ безмолвіи мыслей чувствъ и невозмущаемомъ покоѣ, причемъ душа, соединяясь съ Богомъ, созерцаетъ верховное благо. Русская мистичка, Хвостова, помогавшая Лабзину своимъ сотрудничествомъ, дѣлитъ молитву на три степени: устную (словесную), безъ помощи словъ совершаемую (мысленную) и высшую, или созерцательную, называя ее бесѣдой живущаго въ душѣ Сына съ превѣчнымъ Отцемъ. Эти степени она предположительно относитъ къ тремъ состояніямъ Слова, говоря: «не указываетъ ли первая на Богочеловѣка, тѣлесно (т. е. до воскресенія) проповѣдывающаго невѣжественному Израилю; вторая — на Него же, по воскресеніи своемъ бесѣдующаго съ Апостолами; третья—на Него, сѣдящаго, по вознесеніи, одесную Отца и глаголющаго своимъ искупленникамъ: се Азъ съ вами до скончанія вѣка? Восхищенный до третьяго небеси Апостолъ, можетъ быть, повѣствуетъ о сей третьей степени молитвы» (²).

Эта созерцательная (сверхчувственная) молитва одно и тоже съ священной умной молитвой «Добротолюбія». Подъ первымъ именемъ она и значится въ книгѣ преподобнаго Максима Исповѣдника «о любви» (³). Она совершается въ тишинѣ и безмолвіи, такъ какъ Самъ Богъ есть миръ, превысшій молвы и воплей (⁴), совершается безъ страха и надежды, въ полнѣйшей преданности молящагося волѣ Божіей и въ полнѣйшемъ отрѣшеніи его отъ себя и отъ всего сущаго. Высочайшей степени достигаетъ она въ то время, когда умъ, внѣ плоти и міра, внѣ вещества и образовъ, «непрестанно» молится. Плоды ея—вѣдѣніе свойствъ тѣлесныхъ и безтѣлесныхъ существъ, чистыя и ясныя извѣщенія о

---

¹) Сочиненіе Гюйонъ: «Moyen court et très-facile de faire oraison», содержитъ ученіе въ сущности одинаковое съ ученіемъ ея современника, монаха Лакомба. Другое ея сочиненіе: «О послѣдованіи младенчеству I. X.» почти цѣликомъ помѣщено въ статьѣ: «о святомъ младенчествѣ Іисусовомъ» (С. В. 1818 февраль), безъ имени автора и переводчика.

²) Письма христіанки, тоскующей по горнемъ своемъ отечествѣ, къ двумъ друзьямъ ея — мужу и женѣ (1815). Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ нап. въ С. В. Другое сочиненіе: «Совѣты душѣ моей» (1816). Слогъ Хвостовой отличается патетизмомъ, происходящимъ отъ женственно-мистическаго экстаза.

³) Издана съ русскимъ переводомъ стариннаго славянскаго текста (1817).

⁴) Доброт. 1, л. 125.

Богѣ (¹). Она есть знаменіе всѣхъ добродѣтелей, изъ коихъ главная любовь, почему и отождествляется съ высочайшею любовію къ Богу. Наконецъ она есть покой созерцанія, квіетизмъ, почему иноки Аѳонской горы въ XIV в. и получили названіе гезихастовъ (успокоителей). Исторія квіетизма, какимъ онъ явился въ понятіяхъ нѣкоторыхъ западныхъ мистиковъ, преимущественно останавливается на двухъ лицахъ XVII вѣка: испанскомъ богословѣ Молиносѣ и французской писательницѣ многихъ мистическихъ книгъ Гюйонъ. Ученіе перваго грубѣе и рѣзче, чѣмъ ученіе послѣдней (²). Оба они сходны въ томъ основномъ принципѣ, что совершенство человѣка на землѣ состоитъ въ постоянномъ актѣ созерцанія и любви, что душа, соединившись съ Богомъ, должна совершенно въ немъ теряться и уничтожаться. Различіе же въ слѣдствіи, выводимомъ изъ принципа: Молиносъ обрекаетъ душу на состояніе абсолютнаго бездѣйствія, даже во время самыхъ ужасныхъ искушеній, а Гюйонъ не отвергаетъ положительнаго сопротивленія искушеніямъ. Вопросъ о молитвѣ созерцательной, безусловно-пассивной и о любви безусловно-безкорыстной или чистѣйшей послужилъ поводомъ къ замѣчательному состязанію между двумя французскими прелатами: Боссюэтомъ и Фенелономъ. Рѣшеніе вопроса было достойно славы этихъ богослововъ-философовъ: показавъ основныя начала совершенства, до котораго возможно достигнуть христіанину, оно отдѣлило бы сущность истинной духовности отъ представленій и фанатизма крайнихъ мистиковъ. Боссюэтъ обвинилъ Гюйонъ, находя, что подъ видомъ чистой молитвы уничтожается всякое молитвословіе, всякое обращеніе къ Богу для испрашиванія у Него благъ, что любовь къ Богу не можетъ обойтись безъ всякаго отношенія къ нашему вѣчному блаженству, какъ высшему интересу, который и входитъ въ нее какъ побужденіе, хотя бы и второстепенное. Фенелонъ, напротивъ, сталъ на сторонѣ Гюйонъ и въ книгѣ своей: «Объясненіе изреченій святыхъ отцевъ о внутренней жизни» (³) развилъ слѣдующія положенія: внутренній путь христіанской жизни стремится къ безкорыстной, чистой любви къ Богу; цѣль искуса на пути этой жизни есть большее и большее очищеніе любви; созерцаніе, даже на высочайшей его степени, есть не что иное какъ мирное упражненіе любви; совершенство,

---

¹) О любви, ст. 6, 26 и 61 второй сотницы.

²) Сочиненія Гюйонъ: Moyen court et très facile de faire oraison (рус. переводъ указанъ выше) и Le Cantique des Cantiques, interprété selon le sens mystique (рус. переводъ вмѣстѣ съ толкованіями другихъ Соломоновыхъ книгъ и книги Премудрости Іисуса, сына Сирахова, изд. 1828).

³) Explication des maximes des saints sur la vie intérieure.

называемое соединеніемъ человѣка съ Богомъ, есть не что иное, какъ полнѣйшая чистота и окончательно утвердившееся, обычное состояніе любви. Боссюэтъ одержалъ верхъ. Книга Фенелона была осуждена папою Иннокентіемъ XII. Большая часть осужденныхъ положеній сводятся къ двумъ пунктамъ: первый—есть въ этой жизни такое состояніе совершенства, въ которомъ желаніе благъ и боязнь мученій не имѣютъ мѣста; второй—есть души до того воспаленныя любовью къ Богу, что если, въ искушенія, онѣ вѣруютъ, что Богъ осудилъ ихъ на вѣчную муку, то онѣ безусловно пожертвуютъ Богу своимъ спасеніемъ ([1]). Не смотря на торжество Боссюэта, мистики упрекаютъ его въ томъ, что онъ, отвергнувъ ученіе о чистой любви, нанесъ ударъ внутреннему христіанству и что онъ, вѣроятно, взглянулъ бы на дѣло иначе, если бы былъ знакомъ съ преданіями и духомъ мнѣній святыхъ пустынниковъ, изложенными въ «Бесѣдахъ Кассіана», а также съ ученіемъ греческихъ отцевъ церкви, проповѣдующимъ о любви и внутренней жизни христіанина. Дѣйствительно, малое знакомство Боссюэта съ указанными источниками доказывается тѣмъ удивленіемъ, которое испыталъ онъ при появленіи Фенелоновой книги (Explication des maximes des saints): онъ встрѣтилъ въ ней какъ бы новый кругъ духовныхъ воззрѣній, дотолѣ ему невѣдомыхъ.

Замѣтимъ здѣсь кстати, что ученый споръ двухъ знаменитыхъ прелатовъ, имѣвшій значеніе важнаго общественнаго факта, охватившій своимъ интересомъ всѣхъ мыслящихъ людей того времени, духовныхъ и свѣтскихъ, богослововъ и небогослововъ, и не остававшійся въ предѣлахъ одной Франціи, но далеко выступившій за ея предѣлы, нашелъ сходственное себѣ явленіе у насъ, только въ маломъ видѣ и въ кругу совершенно частныхъ сношеній. Я разумѣю переписку Сперанскаго съ Ѳеофилактомъ, архіепископомъ калужскимъ ([2]). Содержаніе ихъ письменной бесѣды относилось къ понятію объ истинномъ, внутреннемъ христіанствѣ, къ степени христіанскаго совершенства на землѣ, къ духовному разуму, какъ орудію при усвоенія вещей духовныхъ, ко внѣшней и внутренней церкви, къ чистой любви, къ пастырскому слову, какимъ оно было въ то время и какимъ оно быть долженствуетъ, наконецъ къ Фенелону, Эккартсгаузену и Гюйонъ, съ которыми писавшій короче знакомилъ своего собесѣдника, до тѣхъ поръ слегка знавшаго,

---

[1]) Диспутъ между Боссюэтомъ и Фенелономъ подробно и обстоятельно изложены въ книгѣ: Histoire de Fénélon, par le cardinal de Bausset (4 toма, 1850).

[2]) Въ память Сперанскаго. — Всѣхъ писемъ Сперанскаго 15; изъ писемъ Ѳеофилакта помѣщено только два.

какъ онъ самъ сознавался, сочиненія Фенелона, а потомъ увидавшаго въ нихъ тайникъ благодати. Сперанскій, какъ сказано выше, былъ недоволенъ полемическимъ настроеніемъ современныхъ проповѣдей; Θеофилактъ доказывалъ, что полемика необходима для защиты религіи отъ деистовъ, ибо церковь не даромъ носитъ названіе «воинствующей». Второе разногласіе касалось участія разума въ дѣлахъ вѣры: Θеофилактъ отстаивалъ права этой способности; Сперанскій признавалъ его силу только для изслѣдованій въ мірѣ физическомъ, а не въ мірѣ духовномъ, у котораго свой собственный разумъ, называемый вѣрою. Далѣе, въ противоположность ученію Гюйонъ, «объятой безуміемъ духовности», Θеофилактъ думалъ, что здѣсь на землѣ любовь безкорыстная, чистая, безъ надежды и страха, невозможна; Сперанскій отвѣчаетъ ему такимъ сужденіемъ: «Если бы люди простѣе понимали Св. писаніе и менѣе его толковали, то одно прочтеніе первой заповѣди Моисеевой и евангельской довело бы къ совершенному ихъ въ сей истинѣ убѣжденію: возлюбиши Господа твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, всею мыслію твоею, всѣмъ помышленіемъ твоимъ. — Если по слову сему любовь наша къ Богу обыметъ такимъ образомъ всѣ способности наши, то чѣмъ же любить мы будемъ что-либо другое, кромѣ Его? Чѣмъ, какою способностію души будемъ мы желать собственнаго, личнаго счастія? Мы не имѣемъ ни двухъ сердецъ, ни двухъ душъ, ни двухъ силъ размышленія. Если же, что мы имѣемъ, поглощено будетъ въ любви Божіей, то что останется для любви къ міру и самимъ себѣ? Ничего; слѣдовательно не иначе можемъ мы любить себя и міръ, какъ удѣляя, похищая часть нашихъ способностей отъ любви Божіей, какъ преступая сію первую и важнѣйшую заповѣдь (¹).

Изложеніе главнаго догмата мистики—догмата о возрожденіи человѣка, внутренняго пути къ нему ведущаго и духовныхъ плодовъ, имъ достигаемыхъ, не смотря на полноту и подробность, не свободно отъ одного недостатка. Оно возбуждаетъ своего рода недоумѣніе касательно того, какъ смотритъ мистикъ на то совершенство, которое обозначаетъ разными названіями, почерпнутыми большею частію изъ Священнаго писанія, а иногда имъ самимъ придуманными—соединеніе души съ Богомъ, рожденіе въ ней Слова, обожествленіе, Христосъ въ насъ, царство Божіе внутри насъ и проч.: видитъ ли онъ въ этомъ совершенствѣ только идеалъ, къ которому человѣкъ долженъ стремиться, но осуществленіе котораго предстоитъ въ будущей жизни, или нѣчто такое, что мо-

¹) Въ память Сперанскаго, стр. 393—394, въ выноскѣ.

жетъ быть осуществлено еще на землѣ? Причина недоумѣнія заключается преимущественно въ экстазѣ нѣкоторыхъ мистическихъ писателей, а экстазу подчинялся самый способъ выраженія: какъ въ представленіи, такъ и на языкѣ человѣка восторженнаго идеальное стремленіе къ цѣли сливается съ ея достиженіемъ, предметъ, къ которому суждено только приближаться, съ полнымъ обладаніемъ этимъ предметомъ. А что экстазъ играетъ здѣсь весьма значительную роль, это ясно изъ того, что онъ былъ поставленъ какъ средство для соединенія съ высшимъ благомъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сличить приведенное выше извлеченіе изъ первой главы Таинственнаго богословія Ареопагита (что есть божественный мракъ?) или слова Исаака Сирина съ описаніемъ вдохновеннаго состоянія, по ученію Плотина ([1]).

Указаніе на то, какъ приличнѣе разрѣшать сказанное недоумѣніе, находимъ въ свидѣтельствахъ подвижниковъ-созерцателей. Вотъ конечные плоды безмолвія и молитвы, по изображенію иноковъ Каллиста и Игнатія: «безстрастіе, воскресеніе души прежде тѣла, по образу и подобію дѣяніемъ и видѣніемъ, вѣрою и надеждою и любовію вовображеніе, и вовращеніе, и совершенное къ Богу горѣ простертіе, и непосредственное единеніе, изступленіе и почитіе, престаніе въ настоящемъ убо, яко въ зерцалѣ, въ гаданіи и обрученіи, въ будущемъ же лицу къ лицу, и совершенное совершеннѣ Божіе причастіе, и присносущнѣ наслажденіе» ([2]). И такъ здѣсь, на землѣ, согласно съ ученіемъ апостола Павла—зерцало и гаданіе, въ будущей же жизни—лицезрѣніе Бога, совершенное Ему причастіе и нескончаемое блаженство. По мысли Сперанскаго, начало и установленіе въ насъ царствія Божія равно возможно и дѣйствительно, какъ въ земной организаціи, такъ и въ будущей; но въ послѣдней предстоитъ наслажденіе царствіемъ, полнота и совершеніе всѣхъ обѣтовъ, великая суббота, а уже не исканіе, не трудъ, не работа надъ волею, не истребленіе самолюбія ([3]). Позднѣе писалъ онъ слѣдующее: «Тайна искупленія нашего состоитъ въ преложеніи душевнаго въ духовнаго, въ преобоженіи, которое начинается въ сей самой жизни и совершается въ вѣчности. Бытіе міра сего есть эпизода въ великомъ дѣлѣ творенія,—эпизода необходимая, но не цѣль и не конецъ поэмы» ([4]). Другой взглядъ приводитъ къ отважнымъ и опаснымъ толкованіямъ, и обращаетъ мистику въ мистицизмъ. Отсюда являются

---

[1]) Философія Плотина, соч. М. Владиславлева (1868).

[2]) Доброт. 11, л. 129.

[3]) Въ память Сперанскаго. Письмо къ Ѳеофилакту, 1805.

[4]) Письмо къ Броневскому (ib).

фальшивыя вѣрованія и странныя мечтанія; увеличенное понятіе о совершенствѣ возрожденнаго сообщаетъ послѣднему какую-то магическую силу, которая выражается въ видѣніяхъ, откровеніяхъ, предсказаніяхъ и исцѣленіяхъ. Такой точкѣ зрѣнія не чуждъ былъ Лабзинъ, охотно помѣщавшій въ своемъ журналѣ извѣстія и разсказы о разныхъ чудесахъ, за что упрекали его благоразумные люди мистико-религіознаго направленія, хотя съ другой стороны и отдавали справедливость его большой даровитости, умѣнью излагать отвлеченные предметы и языку, который, сохраняя серьезность и точность научнаго изложенія, представлялъ еще извѣстный патетизмъ, силу и весьма часто рѣзкость. Но такъ или иначе смотрѣли мистики на степень духовнаго совершенства, въ одномъ они всѣ согласны между собою: всѣ они признаютъ высокую важность возрожденія, единственно въ немъ полагаютъ сущность христіанства и существенный долгъ христіанской жизни. Возрожденіемъ образуется царское священство, народъ святый, избранный народъ Божій, назначенный къ вѣчной жизни (¹). Оно есть достопамятная эпоха, съ которой начинается эра. Какъ христіанскіе народы ведутъ свое лѣтосчисленіе отъ Р. Х., такъ и внутренніе, истинно-духовные христіане, т. е. возрожденные и возрождаемые, должны числить время своей жизни отъ воплощенія въ нихъ Христова (²). Жизнь такихъ христіанъ есть постоянное хожденіе предъ Богомъ, какъ ходили Енохъ, Авраамъ, Моисей, Илія. Потому-то нашими мистиками было издано нѣсколько переводныхъ книгъ на эту тему: «Образъ житія Енохова, или родъ и способъ хожденія съ Богомъ», сочиненіе англійскаго богослова Іосифа (1784); «Присутствіе Божіе», соч. Дю-Туа, (1798); «Письма о томъ, сколь нужно и полезно всегда помнить о присутствіи вездѣсущаго и всевидящаго Бога» (2-ое изд. 1813); «Хожденіе предъ Богомъ или жизнь брата Л.... (1821)», съ эпиграфомъ: предзрѣхъ Господа предо мною выну (Пс. XV, 8) (³).

Обращаюсь къ другимъ положеніямъ мистики. Всѣ они имѣютъ значеніе второстепенныхъ въ томъ смыслѣ, что непосредственно или посредственно вытекаютъ изъ основнаго догмата.

Если истинное христіанство состоитъ въ возсоединеніи съ Богомъ, если истинное поклоненіе Ему есть поклоненіе духомъ и истиной, если истинные христіане суть только христіане внутренніе, живущіе единою со Христомъ жизнію, то отсюда слѣдуетъ,

---

¹) С. В. 1818, іюнь, стр. 305—306.

²) Ib. 1818, январь, стр. 4.

³) Вторая и третья книги переведены Лопухинымъ.

что соединеніе церквей не иначе можетъ быть достигнуто, какъ только соединеніемъ вѣрующихъ со Христомъ и духомъ Его. Тогда не будетъ никакихъ особенныхъ вѣроисповѣданій, никакихъ особенныхъ религіозныхъ сектъ или школъ. Такое рѣшеніе вопроса и предлагаетси статьею Сіонскаго Вѣстника: «О раздѣленіяхъ между христіанами» (¹). Такъ какъ эти раздѣленія обусловлены различіемъ нѣкоторыхъ догматовъ, то авторъ статьи и говоритъ: «Мы не найдемъ у Спасителя никакихъ толковъ о догматахъ, а однѣ практическія аксіомы, поучающія, что дѣлать и чего удаляться, и возвѣщающія смерть плотскому мудрованію разума и злой волѣ, или собственной жизни человѣка... Первымъ основаніемъ просвѣщенія, или истиннаго христіанства, поставилъ Онъ истинную перемѣну сердца и самоотверженіе. Въ первоначальной церкви не начинали дѣла на изворотъ, не думали дѣлать людей сперва учеными и искусными разсказчиками, а потомъ уже благонравными и вѣрующими христіанами; ибо не разумъ доставляетъ истинное познаніе божественныхъ таинъ, а духъ Истины, котораго міръ, доколѣ будетъ міромъ, принять не можетъ... Правовѣрный лишь тотъ, кто имѣетъ токмо Христа своимъ предметомъ... Въ Св. Писаніи мы вовсе не видимъ никакихъ условій со стороны понятій о вещахъ божественныхъ... Христосъ не требовалъ, чтобы всѣ *право мыслили*, но чтобы *право поступали*». Лабзинъ, согласно съ Штиллингомъ, которому какъ мы видѣли, онъ и слѣдовалъ въ своей статьѣ, дѣлитъ церковь на видимую, или церковь званныхъ, изъ всякаго рода христіанъ состоящую, и на невидимую, или церковь христіанъ избранныхъ (внутреннихъ). «Въ спорахъ о церквахъ» (т. е. о раздѣленіи христіанъ по христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ), замѣчаетъ онъ, «дѣло идетъ объ одной видимой церкви. И сей-то низшій классъ — собственно едва оглашенныхъ — многочисленностью своею хочетъ подавить классъ вышній! думаетъ и утверждаетъ, что кромѣ ихъ сословія нѣтъ истинной церкви, ни Богу угоднаго человѣка; что ими утвержденныя мнѣнія суть единственныя основанія спасающей вѣры и что Богъ ни въ комъ не можетъ возставить образа Своего, не сдѣлавъ человѣка того ихъ секты—или католикомъ, или лютераниномъ, или реформаторомъ, и проч.».

Если духовно-возрожденные живутъ уже не сами, а живетъ въ нихъ Христосъ, то и молитвенный домъ ихъ внутри ихъ сердца. Отсюда понятіе о внутренней церкви, нѣкоторыя черты которой представилъ Лопухинъ въ своей книгѣ, пользовавшейся нѣкогда

¹) 1817, октябрь.

отмѣннымъ уваженіемъ не только у нашихъ мистиковъ, но и за границей (1). Внутреннее святилище этого внутренняго храма доступно только «малому эдемскому собору избранныхъ» (2). Лопухинъ не отвергаетъ, впрочемъ, символовъ и обрядовъ внѣшней церкви: онъ находитъ ихъ достойными уваженія по ихъ происхожденію и предмету, такъ какъ «многіе изъ нихъ образуютъ божественныя таинства, будучи заимствованы отъ образа сокровенныхъ дѣйствій Божіихъ въ человѣческой душѣ, въ духовномъ тѣлѣ церкви Христовой и въ самой натурѣ». Онъ только не придаетъ имъ, какъ видно, внутренней силы. Гдѣ же та община, то собраніе вѣрующихъ, которымъ осуществлялась и осуществляется эта внутренняя церковь? Отвѣтъ на вопросъ дается Штиллингомъ въ «Побѣдной повѣсти» (3). По его толкованію, истинная церковь, иначе «духовный Израиль», началась на востокѣ Павликіанами (VII в.), продолжалась Вальденцами и Альбигойцами (XII в.), а теперь находится въ обществѣ Моравскихъ братьевъ или такъ называемой Гернгутерской братской церкви. Это, объясняетъ нѣмецкій мистикъ-мечтатель, и есть Θіатирская церковь—апокалипсическая жена, облеченная въ солнце. Всѣ христіане, изъ духовной Θіатиры, соберутся въ одинъ союзъ— въ церковь Филадельфійскую (братолюбскую). Филадельфійцы устроятъ новый Іерусалимъ, новое гражданство и царство Божіе,

---

1) Нѣкоторыя черты внутренней церкви (3 изданія: 1798, 1801, 1816). Франц. переводъ въ Петербургѣ (1799) и въ Парижѣ (1801). Нѣмецкій переводъ Эвальда (1803—1804) въ періодическомъ изданія: Christliche Monatsschrift, а отдѣльно изданъ въ Нюренбергѣ (1809). Эккартсгаузенъ назвалъ эту книгу драгоцѣнною и исполненною истинной мудрости.

2) Что и изображено на виньеткѣ, объясненной во 2-й главѣ (Описаніе церкви во образѣ храма).

3) Побѣдная повѣсть или торжество вѣры христіанской (1815). Предметъ этого сочиненія—толкованіе Апокалипсиса, по поводу книги прелата Бентеля: Cyclus oder Sonderbare Betrachtung des grossen Weltjahrs (1745). Русскій переводъ—вольный. Переводчикъ (Лабзинъ), сохраняя мысли автора, избѣгалъ повтореній, сокращалъ многое, иногда переносилъ сказанное въ подлинникѣ изъ одного мѣста въ другое и старался быть болѣе понятнымъ и нескучнымъ. «Вообще, говоритъ онъ, имѣя въ виду соотечественниковъ, согласовался съ тѣмъ и въ образѣ мыслей своего перевода, и вездѣ, гдѣ сказано у *насъ*, разумѣлъ то *о русскихъ, о Россіи*». Важнѣйшій пунктъ въ толкованіяхъ Штиллинга тотъ, что апокалипсическіе счеты приходятся между 1800 и 1836 гг. и что, вѣроятно, въ 1836-мъ, не позже, будетъ послѣдняя брань съ апокалипсическимъ звѣремъ ко вреду его и начнется царствіе Божіе на землѣ. «Побѣдная повѣсть» пользовалась чрезвычайнымъ уваженіемъ въ Германіи; одни изъ читателей ея въ апокалипсическомъ звѣрѣ видѣли папу, согласно со взглядомъ автора, другіе же—Наполеона, согласно съ тогдашними политическими обстоятельствами (Mémoires politiques de J. de Maistre, 1859).

которое будетъ теократическое (богоначальственное), или царесвященство [1].

Изъ ученія о возрожденіи вытекаетъ понятіе мистиковъ о нравственности. Принципомъ ея служитъ соединенный съ Богомъ духъ, для котораго поэтому добродѣтель сдѣлалась сущностью. Возрожденный необходимо творитъ благія дѣла, такъ какъ они суть непосредственныя дѣйствія пребывающаго въ немъ Христова Духа; онъ творитъ ихъ безъ борьбы и безъ выбора. Онъ желаетъ лишь того, что угодно Богу, а Богъ есть высочайшее благо. Что прежде было ему бременемъ, то, по возрожденіи, обращается для него въ свободное отправленіе. Всѣ добродѣтели заключены въ немъ, какъ въ существѣ гармоническомъ, и обнаруживаются безпрепятственно, не такъ какъ въ другихъ, невозрожденныхъ людяхъ, которые иногда являются нравственными, а иногда безнравственными. Внимая говорящему въ немъ Слову, онъ уже не способенъ заблуждаться, не можетъ грѣшить [2]. Внѣшній законъ для него болѣе не существуетъ: законъ начертанъ въ немъ самомъ, внутренній, исполняемый свободно и радостно: «Живя по заповѣдямъ Божіимъ, онъ живетъ уже не подъ закономъ, но превыше закона. Заповѣдь Божія, говорящая ему отвнѣ, въ Писаніи или индѣ гдѣ нибудь, уже не возстанетъ противъ него, но требуетъ того, чего онъ самъ охотно желаетъ, запрещаетъ то, что теперь противно его природѣ, и потому буква закона сдѣлалась живымъ, духовнымъ закономъ, и слѣдовательно исполненнымъ» [3]. Такой взглядъ на нравственность, какъ выводъ изъ понятія о внутреннемъ союзѣ человѣка съ Богомъ, породилъ въ квіетизмѣ Молиноса дикое и опаснѣйшее положеніе, состоящее въ слѣдующемъ: «Такъ какъ воля предана Богу вмѣстѣ съ попеченіемъ о душѣ, то не должно безпокоиться объ искушеніяхъ и заботиться о положительномъ сопротивленіи онымъ. Представленія и образы, испытываемые тогда чувственною частію души, совершенно чужды высшей ея части. Человѣкъ уже не отвѣчаетъ за самыя постыдныя дѣйствія, ибо тѣло его можетъ стать орудіемъ демона, тогда какъ душа, тѣсно соединенная съ Богомъ, никакого участія не принимаетъ въ томъ, что происходитъ въ плоти» [4]. То есть: для совершеннаго, обожествленнаго человѣка всякое внѣшнее дѣйствіе и стремленіе безразличны и самый грѣхъ не есть уже грѣхъ.

---

[1]) ib. стр. 45, 51, 160.

[2]) Eckhardt, v. Lasson (266—271); Témoignage d'un enfant de la verité (1789).

[3]) Хр. Чт. 1822, ч. 5, въ ст.: Назидательныя мысли.

[4]) Histoire de Fénélon, par Bausset, т. 1.

Первоначальное развитіе мистики опредѣлилось духовной индивидуальностью христіанъ, изучавшихъ Священное писаніе. Смотря по тому, какая способность преобладала у каждаго изъ нихъ — разсудокъ или чувство и воображеніе — они или принимали слово Божіе съ вѣрою, не думая о чемъ-либо дальнѣйшемъ, болѣе глубокомъ, сокровенномъ, или, принимая съ вѣрою, не ограничивались простымъ знаніемъ, а испытывали на себѣ его силу. Опыты, какъ дѣйствія усвоеннаго ученія, становились для испытавшаго внутренними, духовными фактами, своего рода откровеніями, столь же истинными и несомнѣнными, какъ и чувственныя воспріятія извнѣ. Этотъ опытный путь издавна получилъ названіе мистическаго, въ отличіе отъ другаго, который останавливается на общемъ вѣроученіи и нравственномъ поведеніи, безъ мысли о цѣлостномъ образованіи человѣка, о внутреннемъ его обновленіи или перерожденіи. Въ послѣдствіи, просвѣщеніе, добываемое собственной практикой, собственными внутренними откровеніями многіе поставили рядомъ съ Священнымъ писаніемъ, вмѣсто того, чтобы подкрѣплять ими богодухновенное слово, какъ непреложное основаніе религіозныхъ истинъ и правилъ. На дальнѣйшемъ пути, когда установился мистическій догматъ обоженствленія человѣка, значеніе внутренняго вѣдѣнія еще болѣе усилилось. Душа возрожденнаго состоитъ въ непосредственномъ общеніи съ ея Творцемъ. Это общеніе и есть, по ученію мистиковъ, собственно откровеніе, иначе внутренній свѣтъ, высшій, надежнѣйшій источникъ богопознанія. Посему исторія откровенія разсматривается мистиками не какъ отдѣльный, единожды совершившійся фактъ, но какъ непрерываемый процессъ: оно всегда было, всегда есть, всегда будетъ ([1]). Въ этомъ исконномъ и непрерывномъ откровеніи различается нѣсколько періодовъ: языческіе мудрецы смотрѣли на натуру видимаго міра и оттуда получали просвѣщеніе; израильскіе мудрецы смотрѣли духомъ вѣры на обѣщанное Слово Божіе, и отъ Него имѣли свѣтъ; христіанскіе мудрецы смотрятъ на живущее въ нихъ Слово Божіе вочеловѣчившееся, и отъ него учатся ([2]). Въ статьѣ Сіонскаго Вѣстника «о чтеніи духовныхъ книгъ» ([3]) читаемъ слѣ-

[1]) Engelhardt: Die angeblichen Schriften des Areopagiten Dionysius.—Lasson: Meister Eckhart.

[2]) Письма Гамалѣи, кн. 2.

[3]) Замѣчательно, что эта статья почему-то дважды появилась въ журналѣ: въ іюньской книжкѣ 1806 г. и сокращенно, подъ заглавіемъ: «о чтеніи книгъ», въ августовской 1817-го. Надобно думать, что Лабзинъ придавалъ ей особенную цѣну.

дующее: «Іисусъ Христосъ въ Богѣ, отцѣ всѣхъ, есть надъ всѣми и сверхъ всѣхъ и во всѣхъ насъ, и у каждаго человѣка находится въ совѣсти. Объ немъ Духъ Святый какъ въ ветхомъ завѣтѣ, чрезъ Моисея, такъ и въ новомъ чрезъ апостола Павла засвидѣтельствовалъ, что ко Христу не нужно ходить ни на небо, ни въ бездну, но у каждаго человѣка близь есть въ сердцѣ и во устахъ Слово Божіе, которое вочеловѣчилось и есть Христосъ Божій». Конечно, по сочувствію, Лабзинъ помѣстилъ въ своемъ журналѣ «догматы англійскихъ и американскихъ квакеровъ» (¹). Второй, третій и четвертый догматы излагаютъ ученіе о внутреннемъ откровеніи, или внутреннемъ Словѣ, противополагая ему слово внѣшнее, т. е. Священное писаніе, и ставя первое выше втораго, которое (какъ гласитъ 2-й догматъ) «не приводитъ человѣка ко спасенію, ибо буквы и начертанныя слова, какъ вещи неодушевленныя, не могутъ имѣть силы просвѣщать сердца человѣческія и соединять ихъ съ Богомъ. Священныя книги приносятъ только ту пользу читающему, что возбуждаютъ и наставляютъ сердце его внимать внутреннему Слову и пріуготовляютъ оное къ принятію ученія, внутрь Христомъ преподаваемаго, или, что все одно: Священное писаніе есть нѣмый наставникъ, указующій знаками на живаго учителя, обитающаго въ сердцѣ». Люди, лишенные писаннаго слова, лишены только нѣкотораго средства и пути ко спасенію, а не самаго ученія, ибо если они обратятъ вниманіе свое ко внутреннему Наставнику, Учителю и Слову, то отъ Него обильно могутъ почерпнуть все нужное (догматъ 3-й). И потому церковь Іисуса Христа безпредѣльна: она заключаетъ въ себѣ весь родъ человѣческій, такъ какъ всѣ смертные имѣютъ въ сердцѣ своемъ Христа, и чрезъ Него, въ какой бы грубости и невѣдѣніи христіанскаго закона ни обрѣтались, могутъ быть и въ сей и въ будущей жизни блаженными (догматъ 4-ый). Въ смыслѣ этихъ догматовъ однимъ мистикомъ истолковано Посланіе апостола Павла къ Римлянамъ. Въ заключеніи толковникъ объясняетъ, что ученіе христіанской религіи есть вдохновенное Духомъ Божіимъ и преданное письму свидѣтельство о томъ, что проявелъ этотъ Духъ во всѣ времена и во всѣхъ людяхъ, отъ Адама до насъ, которые восхотѣли принять Его въ свое сердце; ибо о всѣхъ людяхъ сказано: вы родъ суще Божій (Дѣян. XVII, 28—29), т. е. Богъ есть общій отецъ всѣхъ, а у отца одинаковая любовь къ чадамъ, хотя, по различному расположенію сыновнихъ сердецъ,

¹) С. В. 1817, декабрь. Догматы квакеровъ изложены были еще въ «Покоящемся трудолюбцѣ» (1784—85, ч. 3).

однимъ Онъ открывается больше, другимъ меньше (¹). Сенъ-Мартенъ (неизвѣстный философъ), авторъ знаменитой нѣкогда книги «о заблужденіяхъ и истинѣ» (²), еще отважнѣе въ своемъ взглядѣ, по которому священныя книги представляютъ краснорѣчивѣйшій и вѣрнѣйшій переводъ внутренняго откровенія, непосредственно исходящаго отъ Бога. До появленія своего въ формѣ видимой онѣ существовали въ душѣ человѣка въ формѣ духовной; онѣ вытекли изъ нашей природы; мы ихъ находимъ внутри насъ самихъ. Всѣ народы имѣютъ письменные памятники этого рода, но несравненное превосходство нашихъ, христіанскихъ, состоитъ въ полномъ ихъ соотвѣтствіи божественному тексту, внутри насъ начертанному (³). Вообще историческому знанію христіанства мистика не даетъ большой важности. Праведный христіанинъ не тотъ, кто довольствуется этимъ знаніемъ, т. е. признаетъ Христа и вѣруетъ, что онъ примирилъ насъ съ Богомъ; ибо извнѣ присвояемая правда ни къ чему не служитъ, а потребна врожденная въ насъ дѣтская правда (⁴). Уклоняясь мало по малу отъ положительныхъ свидѣтельствъ Св. писанія, мистики измѣнили ихъ по своимъ внутреннимъ чувствамъ и воззрѣніямъ до того, что Христосъ Евангелія какъ бы заслонился для нихъ Христомъ внутреннимъ, пребывающимъ въ душѣ каждаго человѣка, гдѣ Онъ изрекаетъ свои глаголы и дѣйствуетъ. Ученіе квакеровъ чуждо Христа «внѣ сущаго» и многіе изъ нихъ даже всю исторію о воплощенномъ Сынѣ Божіемъ почитаютъ аллегорическимъ сказаніемъ о Христѣ внутреннемъ (⁵).

Съ своимъ принципомъ внутренняго опыта мистика ставитъ себя въ независимость отъ внѣшняго авторитета. По ея ученію, вѣра есть непосредственно дѣйствующая божественная жизнь въ вѣрующемъ, и потому посредствующія силы церковнаго ученія и

---

¹) Témoignage d'un enfant de la verité et droiture des voies de l'Esprit ou Explication mystique et literale de l'Epître aux Romains (1739).

²) Рус. переводъ 1785.

³) Franck: La philosophie mystique en France à la fin du XVIII-e siècle (1866).

⁴) Путь ко Христу, Бема, пер. Лабзина (1815).

⁵) Покоящійся трудолюбецъ, изд. Новикова (1784—85), ч. 3. Помѣстивъ статью «о квакерахъ», сокращенно перепечатанную потомъ Лабзинымъ въ Сіонскомъ Вѣстникѣ, издатель (Новиковъ) замѣчаетъ, что ученіе квакеровъ, по наружности кажущееся новымъ, въ самомъ дѣлѣ не таково; оно есть не что иное, какъ древняя «таинственная богословія», бывшая извѣстною уже во 2-мъ вѣкѣ и распространенная Оригеномъ, и что основатель квакерской секты (Фоксъ) почерпнулъ ученіе о Словѣ или внутреннемъ свѣтѣ, безъ сомнѣнія, изъ книгъ тайносказателей, или изустно отъ кого-либо предавшагося тайномудрію.

преданія занимають, въ мистической доктринѣ, второстепенное мѣсто. Мы уже знакомы съ понятіями нашихъ мистиковъ о внутренней церкви. Присоединимъ къ тому выраженную въ одномъ мѣстѣ Сіонскаго Вѣстника мысль о томъ, что человѣку для достиженія цѣли его земной жизни, т. е. для соединенія съ Богомъ, нѣтъ надобности ни въ какомъ внѣшнемъ посредствѣ: «Сынъ Божій по всѣмъ сказываетъ: пріидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я упокою васъ, а о ходатайствѣ никакомъ и ничьемъ не упоминаетъ; ибо ходатайство человѣческимъ разумомъ выдумано: въ Священномъ же писаніи нигдѣ—ни въ ветхомъ, ни въ новомъ завѣтѣ—о немъ ни слова нѣтъ» (1).

Къ монастырской жизни мистики относятся неблагосклонно, хотя, какъ мы видѣли, они много заимствовали изъ писаній подвижниковъ. Діонисій Ареопагитъ отводитъ монашеству низшую ступень въ церковной іерархіи (2). Никита Стифатъ, монахъ и пресвитеръ Студійской обители (XI в.), отвергаетъ ученіе, по которому будто невозможно пріобрѣсти добродѣтель безъ бѣгства въ пустыню: «Навыкъ къ добродѣтели», говоритъ онъ, «есть возстановленіе силъ душевныхъ въ древнее благородство и собраніе первѣйшихъ добродѣтелей въ дѣйство еже по естеству.... Если, по гласу Господню, царствіе Божіе внутрь насъ, то пустыня есть вещь излишняя.... Покаяніе и храненіе заповѣдей можетъ быть на всякомъ мѣстѣ владычества Божія.... Быть инокомъ не значитъ быть внѣ человѣка и міра; но отречься себя, быть внѣ похотей плоти, пойти въ пустыню страстей» (3). Благочестіе есть чистѣйшій источникъ чистѣйшаго веселія: можетъ ли оно состоять въ несносномъ самомученіи, въ жестокомъ изнуреніи тѣла, въ пустынномъ отдаленіи отъ міра, въ печальномъ отреченіи отъ всего, что способствуетъ бодрости и радости? Ни Богъ, ни Іисусъ Христосъ, ни природа не представляютъ благочестиваго человѣка въ такомъ печально-сумрачномъ видѣ, въ какомъ онъ является по представленію нѣкоторыхъ богослововъ (4). Статья Сіонскаго Вѣстника: «о чтеніи духовныхъ книгъ», подкрѣпивъ себя авторитетомъ митрополита Платона (5), выступила съ рѣзкой выходкой противъ стрем-

1) С. В. 1806, іюнь, стр. 286.

2) Въ 8-мъ посланіи.

3) Доброт. IV, гл. 63 и 64.

4) Гарвоода радостныя мысли о блаженствѣ благочестивой жизни, пер. съ нѣм. (1783).

5) Изъ Краткой церковной россійской исторіи, Платона (по 1-му изданію 1805 г.), цитированы слѣдующія строки: «Не угоднѣе ли Богу пощадить одну невинную душу, нежели построить нѣсколько церквей? Многія причиненныя разоренія и убійства могла ли прикрыть монашеская ряса? И безъ постриженія, всякій

ленія къ отшельнической жизни: «обыкновенно за наилучшее почитають оставить все, кромѣ себя и воли своей и удалиться въ монастырь, и тамъ мучить себя наружнымъ постомъ, поклонами, власяницами, веригами и прочимъ сему подобнымъ наружнымъ, не думая при томъ о внутренней борьбѣ съ мыслями, объ оставленіи и преломленіи своей воли, о воздержаніи языка, и не имѣя понятія о внутреннемъ человѣкѣ, живущемъ вѣрою, надеждою и любовію къ Богу и ко всѣмъ человѣкамъ; но единственно наружными дѣлами забавляють себя и, смотря по достатку своему, или образа украшають, или ризы и прочую утварь церковную отъ себя дѣлають, или и колокола льють, и церкви каменныя и деревянныя строять, думая, что за все то, яко за добрыя дѣла, наслѣдують рай на небѣ.... Тогда еще не было монастырей, когда помѣщики—Ной, Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ, Іовъ, и пр. и пр.—угодили Богу (1).

Священное Писаніе дано человѣку не для простаго знакомства съ его содержаніемъ, но для спасительнаго по немъ дѣйствованія. Читая его, надобно помнить слова Бернара, что не чтеніемъ восхищается (пріобрѣтается) Богъ, а послѣдованіемъ ему въ жизни. Одно знаніе фактовъ и правилъ христіанства мало служить на потребу души. Если книги ветхаго и новаго завѣта изображають процессъ возрожденія, если всѣ ихъ изреченія и сказанія свидѣтельствують, какъ выше сказано, о томъ, что̀ искони Духъ Божій производилъ въ людяхъ, искавшихъ соединенія съ Богомъ, то каждому христіанину, чтобы возродиться, необходимо пережить тотъ же самый процессъ. Все Священное Писаніе должно духовно совершиться въ немъ, силою вѣры (2). Кто захочетъ найти его въ себѣ, тотъ несомнѣнно найдетъ, ибо что было, есть и будетъ въ семъ великомъ мірѣ, то все было, есть и будетъ въ маломъ мірѣ (3). Это внутреннее пережитіе даннаго намъ божественнаго откровенія наиболѣе важно по отношенію къ періоду земной жизни Спасителя: «Воскресеніе Христово полезно только тогда, когда Христосъ воскреснетъ въ тебѣ. Онъ въ тебѣ долженъ зачаться, родиться, жить и воскреснуть. Не воскреснетъ въ тебѣ Христосъ, если не умретъ прежде въ тебѣ Адамъ; не возстанетъ человѣкъ внутрен-

---

христіанинъ обязывается по Евангелію отрещися самого себя: то тѣмъ самымъ долженъ онъ отрещися чистолюбія, корыстолюбія, кольми паче съ обидою другихъ (ч. I, стр. 127).

1) С. В. 1806, іюнь, стр. 279—284.

2) Арндта, о истин. христіанствѣ (ч. I, гл. 6).

3) Письма Гамалѣи.

ній, если не падетъ человѣкъ внѣшній; не взойдетъ въ тебѣ обновленіе духа, если прежде не придетъ ветхость плоти ([1]).

Но чтобы увѣренно идти по пути внутренней жизни, соотвѣтственно откровенному слову, нужно вѣрное истолкованіе послѣдняго. Священное писаніе есть хранилище истины, но эта истина должна быть раскрыта въ своемъ внутреннемъ, глубокомъ смыслѣ. Еще древнѣйшіе церковные учители (Климентъ Александрійскій, Василій Великій) различали двоякое значеніе книгъ ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ: экзотерическое (внѣшнее, буквальное) и эзотерическое (внутреннее, духовное). Первое, какъ общедоступное, назначалось для большинства, неспособнаго обнимать чистую истину въ формѣ понятій и потому требовавшаго ея представленія въ образахъ; второе, какъ высшее, предлагалось умамъ духовно-зрѣлымъ, которые могли усвоять понятія, облеченныя въ символическую одежду, и каждое образное представленіе переводить на чистое знаніе. Послѣднее толкованіе и получило названіе таинственнаго, мистическаго. Но при этомъ для пониманія божественныхъ писаній требовалось особеннаго, богомысленнаго настроенія духа, соотвѣтственно духовному настроенію ихъ творцевъ: безъ такого условія многое или оставалось бы непонятнымъ или было бы понято ошибочно и превратно. Мистики постоянно держатся эзотерическаго способа, разоблачая внутренній смыслъ каждаго мѣста Библіи, къ какому бы роду ученія оно ни относилось: историческому ли, догматическому или нравственному, и направляя свой экзегисъ къ одному и тому же пункту. Хотя они безпредѣльность непостижимаго свѣта священнаго писанія и уподобляютъ солнцу, блистающему неисчетными лучами, изъ которыхъ каждый благотворно освѣщаетъ, грѣетъ и даетъ видѣть множество предметовъ ([2]), но они преимущественно направляютъ эти лучи на одинъ предметъ—на возрожденіе. Этимъ объяснятся однообразность толкованій, допускающихъ кромѣ того натяжки и произволъ. Библейскіе тексты приводятся изъ тѣхъ или другихъ мѣстъ книги, какъ отдѣльныя предложенія, безъ мысли о томъ, что они должны быть понимаемы и обсуждаемы въ цѣльномъ ихъ составѣ, въ естественной связи между собою, и въ томъ смыслѣ и духѣ, какіе вложилъ

[1]) Священныя христіанскія размышленія, или бесѣды съ Христомъ (1783). Руководствомъ автору служили Августинъ, Ансельмъ, Бернаръ, Таулеръ, размышленія которыхъ есть въ русскомъ переводѣ: Августина—Святыя и душеспасительныя размышленія (1784); Ансельма—Размышленія о искупленіи рода человѣческаго (1783), Бернара—Спасительныя размышленія о познаніи человѣческаго состоянія (1782), Таулера—Благоговѣйныя размышленія (1823).

[2]) Ежедневныя христіанскія упражненія.

въ нихъ Творецъ. Сочиненія мистическія исполнены подобныхъ толкованій на пользу одной и той же темы—возрожденія, отъ котораго все зависитъ и символами котораго, по основному ихъ взгляду, служатъ всѣ сказанія Священнаго писанія, всѣ его изреченія. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Исторія Каина и Авеля—это ветхій и новый человѣкъ со всѣми ихъ дѣлами, брань между плотью и духомъ. Потопъ—потопленіе скверны плоти; вѣрующій Ной долженъ сохраниться въ человѣкѣ. Брань Авраама съ пятью царями—брань человѣка противъ пяти царей, въ немъ сущихъ: плоти, міра, смерти, діавола и грѣха. Съ Лотомъ надобно отрещися отъ Содома и Гомора, т. е. отъ безбожной жизни міра.... Рожденіе Христа отъ Дѣвы Маріи—духовное Его рожденіе въ человѣкѣ (1). Клѣть, въ которой Іисусъ Христосъ повелѣлъ молиться—сердце, затвореніе дверей клѣти—отвлеченіе себя отъ мірскихъ помышленій. Цѣль чуда въ Канѣ Галилейской—показать, что Спаситель пришелъ въ міръ для брака духовнаго; въ словахъ жены Елисею: «мужъ мой умеръ» (4 кн. Царствъ IV, I), мужъ означаетъ высшую силу души, жена—низшую; пять мужей Самарянки—пять чувствъ, городъ Наинъ—душа, ученики—божественный свѣтъ, стремящійся въ душу; толпа сопровождающая Господа—добродѣтели; ворота, въ которыя Онъ входитъ—любовь, сынъ вдовы—воля. Мистическимъ толкованіемъ Св. Писанія пріобрѣла себѣ большую извѣстность Гюйонъ. Особенно уважалось ея изъясненіе книги «Пѣснь Пѣсней», изображающей таинственное сочетаніе души со Христомъ (2); одинаково съ нею смотрѣло на эту книгу и Христіанское Чтеніе, видѣвшее также въ притчѣ о блудномъ сынѣ символъ духовнаго возрожденія человѣка (3). О толкованіи Посланія апостола Павла къ Римлянамъ упомянуто выше. Какъ въ человѣкѣ различаются душа и духъ, такъ и смыслъ Священнаго Писанія есть или душевный, почерпаемый изъ разума, самому себѣ предоставленнаго, или духовный, приходящій отъ Духа Святаго. Объ этомъ двоякомъ смыслѣ говоритъ апостолъ Павелъ: «Душевенъ человѣкъ не пріемлетъ яже Духа Божія, юродство бо

---

(1) Арндта: о истин. христіанствѣ, ч. I, гл. 6.

(2) Избранныя сочиненія г-жи Гюйонъ или изъясненія и размышленія на Притчи, Экклезіаста, Пѣснь Пѣсней и Премудрость царя Соломона, и на Премудрость Іисуса Сына Сирахова, руководствующія ко внутренней жизни, 5 ч. (1823). Ежедневныя христіанскія упражненія, или Бесѣды, расположенныя по текстамъ Евангельскимъ на каждый день года, 4 ч. (1801).

(3) 1821 г., ч. 3, и 1822, ч. 7. «Въ сей пѣсни описывается таинственный союзъ Іисуса Христа съ своею истинною церковью или истинно-вѣрующими вообще, а также, *и наипаче*, со всякою истинно-вѣрующею душею въ частности».

ему есть» (1 Кор. II, 14). Истый и полный смыслъ священныхъ книгъ открывается созерцанію человѣка духовнаго, могущаго принимать и разумѣть божественное, и имѣть самый умъ Христовъ (ст. 16) ([1]). На значеніе самой литургіи мистики смотрѣли съ точки зрѣнія ихъ перваго догмата: «Кажется мнѣ, что обѣдня есть не токмо повѣсть и образъ жизни и смерти Спасителя, но даже исторія души, ко просвѣщенію и посвященію назначенной ([2]).

Слово «мистика» принимается нѣкоторыми мистическими сочиненіями въ двоякомъ смыслѣ: обширномъ и тѣсномъ. Въ обширномъ она есть не что иное, какъ практика высшаго, божественнаго блаженства, основаннаго на внутренней перемѣнѣ человѣка и на дѣйствіи благодати, и тѣмъ отличающагося отъ простой естественной морали; въ тѣсномъ, или собственномъ, смыслѣ она означаетъ высшую степень опытнаго познанія Бога, духъ премудрости и откровенія, называемый просвѣщеніемъ (Ефес. I, 17), которое весьма отлично отъ просвѣщенія начальнаго, состоящаго только въ обращеніи человѣка отъ тьмы къ свѣту, изъ-подъ власти сатаны къ Богу (Дѣянія XXVI, 18). Оба значенія показываютъ, что средствомъ къ мистическому вѣдѣнію и къ мистическому состоянію служитъ опытъ, практика, какъ это мы уже видѣли, говоря о зарожденіи мистики, обусловленномъ фактами внутренней жизни христіанъ, которые на себѣ самихъ испытывали дѣйствіе откровеннаго ученія. Лишь тотъ, слѣдовательно, можетъ судить о внутренней сокровенной жизни, понимать мистическія писанія, кто самъ жилъ такою жизнію, кому извѣстенъ ея путь, отъ начала до конца, со всѣми его стадіями. Разумъ и ученость здѣсь ни при чемъ: необходимо опытное дознаніе, внутреннее свидѣтельство, котораго никакая книга не можетъ ни дать, ни отнять. Чтобы истинно познать Христа, надобно самому начать жить Его жизнію, и мы по стольку будемъ познавать Его, по скольку этой жизни будетъ въ насъ прибывать ([3]).

На основаніи сказаннаго, мистики отрицаютъ право естественнаго разума судить о дѣлахъ вѣры. Они ведутъ постоянную войну съ нимъ не только въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ хочетъ заявить свою силу, относясь отрицательно къ предметамъ духовнымъ, но и въ случаяхъ противоположныхъ, когда онъ заявляетъ притязанія дѣйствовать на пользу вѣры, т. е. утверждать и поддерживать ее своею силою. По ихъ взгляду, умъ безсиленъ для

---

[1]) С. В. 1817, сентябрь, въ ст.: Духъ и истина (о двоякомъ смыслѣ словъ Св. писанія).

[2]) Письма христіанки (1815). Письмо 2-ое, стр. 20.

[3]) С. В. 1817, октябрь, стр. 66—67, и декабрь, стр. 312—313, 316—317.

такого дѣла; дары духа выше его; область, уму предоставленная, есть міръ физическихъ явленій, гдѣ онъ и долженъ вращаться съ своею способностію наблюдать, сравнивать и выводить общія заключенія. У міра духовнаго есть свой собственный разумъ, называемый иначе вѣрою. Методъ, которымъ этотъ разумъ руководствуется, состоитъ въ трехъ предметахъ: признаніи повсюднаго креста въ нашей жизни, т. е. двухъ, постояннаго пресѣкающихся направленій, очищеніи и молитвѣ (¹). Разумъ вѣры есть свѣтъ божественный: онъ сообщаетъ человѣку внутреннее свидѣтельство, которое ниспосылается самимъ Богомъ чрезъ Духа Святаго, и потому имѣетъ силу полной достовѣрности, непреложной истины: Знаніе, добываемое разумомъ вѣры, есть Божественная философія, противоположная философіи мірской: послѣдняя есть философія по преданію человѣковъ, по вещественнымъ началамъ міра, тогда какъ первая есть философія по Христѣ, въ которомъ сокрыты всѣ сокровища премудрости и вѣдѣнія (Колос. II, 3 и 8) (²).

Но чтобы имѣть духовный разумъ, или разумъ вѣры, человѣкъ долженъ возродиться, соединиться съ Богомъ. Невозрожденный не понимаетъ и не можетъ понять ни того, что̀ есть Духа Божія, ни того, что̀ есть духа натуры. Только въ Богѣ можно видѣть вещи, каковы онѣ суть (³). Чтобы истинно и вполнѣ знать какой-либо предметъ, надлежитъ самому сдѣлаться этимъ предметомъ: до тѣхъ же поръ настоящее познаніе каждаго предмета невозможно (⁴). Здѣсь мистики, какъ заграничные, такъ и наши, для разъясненія своей мысли пользуются трактатомъ Бема: «Mysterium magnum» (великое таинство). Подъ именемъ великаго таинства, Бемъ разумѣетъ Слово, какъ Творца всѣхъ существъ (Колос. 1, 15 и 16). Естественный разумъ никогда не созерцалъ образованія зародышей жизни; его еще не было, когда великое таинство совершало свои первыя дѣйствія; слѣдов. постигнуть это таинство также невозможно уму, какъ плоти и крови невозможно войти въ царствіе небесное. Постиженіе доступно только божественному вѣдѣнію, а средство къ такому вѣдѣнію состоитъ единственно въ томъ, чтобы таинство явилось въ человѣкѣ истиннымъ рожденіемъ въ душѣ его. Всякое знаніе, какъ духовное, такъ и физическое—чтобы быть дѣйствительнымъ знаніемъ—должно быть рождено въ насъ. Поэтому мы можемъ знать о Богѣ только посредствомъ Его рожденія въ

¹) Въ память Сперанскаго, стр. 386—389.
²) Божеств. философія, Дю-Туа, т. 3, стр. 9—11 и д.
³) Въ память Сперанскаго (Письмо Сперанскаго къ Ѳеофилакту).
⁴) С. В. 1817, декабрь, стр. 316—317.

насъ. Богъ отсутствующій, отдѣленный отъ насъ, есть Богъ невѣдомый. Если свѣтъ открывается не иначе какъ свѣтомъ, а тьма не иначе какъ тьмою, то и Богъ открывается намъ не иначе, какъ Богомъ. Тоже самое относится и къ природѣ. Человѣку нельзя ничего знать о ней, если самыя дѣйствія ея не обнаружатся внутри его живымъ образомъ, рожденіемъ. Въ каждомъ существѣ является лишь то, что существуетъ въ немъ въ зародышѣ. Онъ можетъ произвести что-либо внѣ себя лишь развитіемъ сѣмянъ, предварительно въ него вложенныхъ. Думать, что возможно принести что-либо извнѣ и помѣстить внутри существа, сообщить ему какое-либо знаніе, которое не есть произведеніе его собственной жизни, такъ же безразсудно, какъ безразсудно помышлять о выращеніи дуба съ его вѣтвями внѣ земли и о приставкѣ его потомъ къ корню, выросшему изъ земли (¹). Такъ какъ возрожденный живетъ въ Богѣ и Богъ въ немъ, то Бемъ и предлагаетъ читателю путь внутренней, самоотреченной жизни, приводящей къ соединенію съ Богомъ: чтобъ услышать глаголы Божіи, надобно воспарить туда, гдѣ нѣтъ никакой твари, замолчать всѣми своими мыслями, чувствованіями и желаніями. Оставя міръ, ты войдешь въ то, изъ чего міръ произошелъ; оставя жизнь и обезсиливъ свою собственную силу, ты обрящешь Бога, откуда произошла жизнь (²). Только при внутренней субботѣ (покоѣ) можно познавать истину вещей (³).

Основа мистики лежитъ въ воззрѣніи на религію. Существенный вопросъ религіозной доктрины — отношеніе конечнаго (человѣка) къ безконечному (Богу). Отъ двоякаго взгляда на это отношеніе являются два различныхъ направленія. По одному взгляду, конечное существенно соединено съ безконечнымъ, такъ что разъединеніе между ними, какъ нѣчто случайное, временное, можетъ и должно быть замѣнено возстановленнымъ единствомъ; по другому взгляду, безконечное находится въ неизмѣримомъ отдаленіи отъ конечнаго, почему они противополагаются одно другому и единство между ними почитается случайнымъ, только при извѣстныхъ условіяхъ достижимымъ. Направленіе, опредѣляемое первою точкою зрѣнія, называется имманентностью; направленіе, происходящее отъ второй точки зрѣнія — трансцендентностью. Оба направленія не исключаютъ другъ друга безусловно, а различаются преобладаніемъ того или другаго принципа, обусловливающимъ характеръ цѣлаго.

¹) La voix de la science divine (разговоръ 2-ой—изложеніе Бемова ученія).
²) Путь ко Христу, Бема (книга 5: о сверхчувственной жизни).
³) Златая книжица, стр. 72.

Согласно первому воззрѣнію, мистикъ видитъ въ человѣкѣ твореніе Бога, къ которому онъ долженъ возвратиться, какъ къ своему источнику. Душа, по своему происхожденію, божественна. Сколь бы ни была она испорчена и потемнена земною жизнію, божественная сущность, печать ея происхожденія, всегда при ней остается. Основаніе души, такъ называемый центръ или искра, составляетъ ея высшую, духовнѣйшую часть. Оно-то постоянно стремится къ Богу; въ немъ-то никогда не замираетъ это стремленіе, почему воля и обладаетъ возможностью уклониться отъ всего конечнаго и направиться къ Безконечному. Но чтобы соединиться съ Богомъ, надобно отречься отъ самости, стяжать духовную нищету, обратиться въ ничто. Это исхожденіе человѣка изъ самого себя, для принятія въ себя Бога, прообразовано повелѣніемъ, даннымъ Аврааму: «изыди отъ земли твоея, и отъ рода твоего, и отъ дому отца твоего» (Быт. XII, I). И когда такимъ образомъ во внутреннѣйшемъ основаніи души будетъ уготовано надлежащее мѣсто, то скорѣе натура оставитъ что-либо не наполненнымъ, чѣмъ Богъ оставитъ уготованное мѣсто пустымъ, ибо это было бы противно Его сущности. Вхожденіе Бога въ душу называется иначе рожденіемъ Сына или Слова въ душѣ — высочайшей формой, въ которой Богъ является отдѣльной душѣ, изрекаетъ въ ней свое Слово. Процессъ этого рожденія, по толкованію мистиковъ, тождественъ съ вѣчнымъ имманентнымъ процессомъ рожденія Сына въ Божествѣ. И какъ о Богѣ, такъ и здѣсь о душѣ говорится, что она родила Сына. Вотъ почему Таулеръ и различаетъ, въ своихъ проповѣдяхъ, троякое рожденіе: предвѣчное рожденіе Единороднаго Сына отъ Отца, рожденіе Сына отъ Дѣвы Маріи, во времени совершившееся, и постоянное, духовное рожденіе Сына въ правовѣрной душѣ ([1]).

Къ мистикѣ примыкаетъ теософія, стремящаяся открыть въ явленіяхъ природы образы божественной сущности и процессы божественной жизни. Она была высоко цѣнима у насъ — и въ прошломъ вѣкѣ, людьми Новиковскаго круга, и въ царствованіе Александра I, издателемъ Сіонскаго Вѣстника, часто склонявшимся къ ея возрѣніямъ, почерпаемымъ изъ сочиненій Парацельса, Бема, Сведенборга, Сенъ-Мартена и другихъ. Увлеченіе теософіей Новиковъ сохранилъ до конца жизни, какъ видно изъ его писемъ къ Карамзину, въ которыхъ онъ мысли, выраженныя въ «Разговорѣ о счастіи» и «Письмахъ Мелодора

---

[1]) Lasson: Eckhart; Таулеръ: Predigten; Дю-Туа: Христіанская философія; Гюйонъ: Ежедневныя христіанскія упражненія.

и Филарета», противополагаетъ своей, «небесной философіи» ([1]). Лопухинъ былъ также убѣжденъ въ высокой важности и пользѣ теософіи и называлъ ее «теоріей внутренняго познанія, происходящаго изъ училища небеснаго», вовсе не похожаго на познаніе школьное. По словамъ его, теософія «открываетъ въ самой послѣдней твари, въ самомъ бренномъ растеніи, образъ воплощеннаго Слова и всего того, что сотворило Оно для спасенія нашего, образъ всѣхъ его таинствъ, зачатія, рожденія и всего хожденія его въ мірѣ до самаго совершенія искупительнаго Его пришествія на землю. Не менѣе полезна и химія (разумѣется, теософическая)—«то искусство, которымъ просвѣщенные соединяютъ, раздѣляютъ, разрушаютъ существа, развиваютъ ихъ составъ и возвращаютъ въ источныя ихъ стихіи, и при семъ дѣйствіи собственными ихъ очами созерцаютъ таинства Іисуса Христа, послѣдствіе страданія Его, и въ сокращеніи и въ химическомъ явленіяхъ видятъ все происшествіе и слѣдствія Его воплощенія» ([2]). Какъ ревнитель теософіи, Лопухинъ стоитъ близко къ Дю-Туа, который, разсуждая о трехъ зерцалахъ Божества (человѣкѣ, мірѣ или физической природѣ, откровеніи), во второмъ зерцалѣ видитъ во всей подробности таинства религіи: «натура подтверждаетъ все то, что изъ божественныхъ истинъ откровеніе предлагаетъ вѣрѣ христіанина; всѣ таинства религіи, безъ исключенія, можно видѣть и читать внимательными очами въ физикѣ, въ дѣяніяхъ натуры и во всемъ порядкѣ вселенныя ([3]). Другой теософъ (Дузтанъ) разсматриваетъ чудеса креста во внѣшней природѣ и доходитъ до такихъ странныхъ мечтательныхъ выводовъ, въ которыхъ было бы смѣшно искать какой-либо осмысленной основы ([4]). Другими глазами смотрѣлъ на теософію Сперанскій: «вся наша духовность сводилась къ теософіи: къ ней же относятся творенія Бема, С. Мартена, Сведенборга и т. п. Это лишь азбука. Десять лѣтъ провелъ я въ ея изученіи, и когда я думалъ, что я овладѣлъ всѣмъ, я трудился лишь надъ начатками. Это было преддверіе царствія Божія» ([5]). Слова апостола Павла въ Посланіи къ Римлянамъ, что и тварь ожидаетъ откровенія сыновъ Божіихъ, потому что она подверглась суетѣ (не сама собою, но тѣмъ, кто подвергъ ее) съ надеждою, что она освободится изъ рабства тлѣнія въ сво-

---

[1]) Письма Гамалѣи, изд. 2 (1836).

[2]) Нѣкоторыя черты о внутренней церкви, 2-ое изд. (1801).

[3]) Божеств. философія, т. 2, кн. 4, гл. 3, стр. 32 и д.; кн. 5, гл. 1.

[4]) Таинство креста, переводъ Лабзина (1814), гл. XIII.

[5]) Письмо къ Цейеру, 1814 г. (Рус. Арх. 1870, стр. 176). Сперанскій началъ слѣдовательно заниматься теософіей съ 1804 г.

боду славы чадъ Божіихъ, а теперь совокупно съ нами стенаетъ и мучится (гл. VIII, ст. 19—22), — эти слова дали теософамъ поводъ пускаться въ толкованія ихъ, сообразно съ своими понятіями. Міръ физическій, говоритъ Сенъ-Мартенъ, носитъ слѣды грѣхопаденія: онъ сдѣлался нашей темницей и могилой, а не жилищемъ славы; наша смертная скорбь проникла и въ него, и онъ ее чувствуетъ, на сколько въ немъ есть жизни и силы. Онъ на болѣзненномъ одрѣ, ибо, съ паденіемъ Адама, чуждое вещество вошло въ него и непрестанно стѣсняетъ и тревожитъ принципъ его жизни. Намъ предстоитъ принести ему слова утѣшенія, которыя помогли бы ему сносить его бѣдствія; намъ предстоитъ возвѣстить ему обѣтъ освобожденія ([1]). Возобновленіе человѣка и міра, приведеніе всего истекшаго изъ Бога и разсѣяннаго въ тваряхъ должно совершиться въ порядкѣ постепеннаго восхожденія. Сколь нужно человѣку, умерщвленіемъ обветшалаго существа своего, возстать изъ мертвыхъ чрезъ Христа и родиться въ жизнь вѣчную, столькожъ и натура ожидаетъ прежде свободы сыновъ Божіихъ, чтобы потомъ самой освободиться отъ плѣна ([2]). Сіонскій Вѣстникъ изложилъ свои теософическія понятія въ нѣсколькихъ статьяхъ, содержаніе которыхъ сводится къ слѣдующему: Наука, имѣющая предметомъ своимъ отношеніе между видимымъ и невидимымъ, заключаетъ съ себѣ троякое познаніе: человѣка, природы и Творца. Человѣкъ есть малый міръ: слѣд. кто познаетъ самого себя, тотъ познаетъ природу въ ея концентраціи (микрокозмѣ) и для него не будетъ неизслѣдимыхъ въ ней тайнъ. Объясняя натуру откровеннымъ словомъ, а откровеніе натурою, мы должны познавать изъ оныхъ волю Божію и по ней учреждать свою жизнь для достиженія блаженной вѣчности ([3]). Между причинами, породившими разносторонніе толки въ путяхъ возсоединенія, или религіи, не послѣдняя есть та, что при чтеніи Св. Писанія мало совѣтовались съ натурою и не находили гармоніи между двумя свѣтами. Приведя вышеуказанные тексты изъ Посланія къ Римлянамъ, Сіонскій Вѣстникъ замѣчаетъ: вотъ что Св. Писаніе сказываетъ, а философская химія показываетъ. Что же показываетъ философская химія? какъ она толкуетъ тайное воздыханіе твари, молчаливое ожиданіе ею блаженства? «По наукѣ извѣстно, что самыя послѣднія изъ тѣлъ заключаютъ въ себѣ начала благороднѣйшія, коихъ они суть темницы; всѣ они содержатъ въ себѣ частицы огня,

---

[1]) Franck: La philosophie mystique en France (стр. 103).

[2]) Мысли на досугѣ, стр. 122.

[3]) Дружеская бесѣда о состояніи человѣка на земли (С. В. 1817, августъ)

повсюду разлитаго, который есть сокровищница натуры... Сей-то внутренній огонь, во всѣхъ тѣлахъ сокрытый, наружнымъ огнемъ возбужденный и освобожденный, сожжетъ всѣ тѣла и превратитъ нашу землю въ свѣтлый, прозрачный, кристалловидный шаръ... Такимъ образомъ въ послѣдній день великаго пожара самое грубое вещество просвѣтится и прославится и также воскреснетъ въ воскресеніе живота, т. е. неизмѣняемости, нетлѣнія, о чемъ вся тварь имѣетъ скрытное чаяніе, по словамъ апостола Павла. Изъ сего оказывается чудная гармонія между натурою и благодатію. Ученіе натуры показываетъ намъ, что всѣ существа всѣхъ трехъ царствъ ни истлѣніемъ, ни сожженіемъ не уничтожаются, но возводятся токмо въ свои начала или, какъ другіе то называютъ, въ свой хаосъ, изъ коего произошли. Ученіе благодати говоритъ также: «аще внѣшній нашъ человѣкъ тлѣетъ, внутренній обновляется» (2 Кор. IV, 16) (1). Статья, изъ которой приведена эта выписка, есть не что иное, какъ болѣе пространное развитіе мыслей Дю-Туа, объяснявшаго 22-й стихъ 8-ой главы Посланія къ Римлянамъ (2). Протестантскій теософъ находилъ предчувствіе вышеизложенныхъ истинъ (сожженія земнаго шара и его славнаго преобразованія) у язычниковъ. Онъ цитируетъ стихи Овидія: «придетъ время, когда море, земля и небесный чертогъ, охваченныя (пламенемъ) будутъ горѣть, и придетъ въ разстройство многотрудное сооруженіе міра» (3). Изреченіе это, по словамъ теософа, можетъ быть принаровлено къ тексту апостола Петра: «пріидетъ же день Господень яко тать въ нощи, въ онь же небеса съ шумомъ мимо идутъ, стихіи же сжигаемы разорятся, земля же и яже на ней дѣла сгорятъ» (2 Петр. III, 10). Вотъ глухое стенаніе матеріи и тѣлъ! заключаетъ авторъ. Вотъ нѣмое ихъ желаніе получить благороднѣйшее бытіе, которое и будетъ ихъ концемъ, когда учинятся они прославленными тѣлами, сообразными тѣламъ прославленныхъ и небесныхъ духовъ, подобно какъ нынѣ грубая земля сообразна грубости нашихъ тѣлъ.—Лопухинъ, въ Запискахъ своихъ, указываетъ занятія членовъ новиковскаго круга: они упражнялись въ познаніи самихъ себя, творенія и Творца по правиламъ той науки, о которой говоритъ Соломонъ въ книгѣ Премудрости: Сей (Богъ) даде мнѣ о сущихъ познаніе неложное, познати составленіе міра и дѣйствіе стихій, начало и конецъ и средину вре-

---

1) Дружеская бесѣда на день Преображенія Господня (ib. 1806, августъ).

2) Бож. философія, т. I. выноска на стр. 34—37. Главу эту, подавшую поводъ къ объясненіямъ, Дю-Туа называетъ «по истинѣ божественною».

3) Affore tempus, quo mare, quo tellus correpta quae regia coeli, ardeat, et mundi moles operosa laboret (Метаморфозы, кн. 1, стихи 255—257).

менъ, возвратовъ премѣны, и измѣненія временъ, лѣтъ круги, и звѣздъ расположенія, естество животныхъ, и гнѣвъ звѣрей, вѣтровъ усиліе, и помышленія человѣковъ, разнство лѣторгаслемъ, и силы кореній (VII, 17—20). Теософы особенно уважали эту книгу, называя ее книгой натуры, а самую натуру — вѣдѣніемъ вещей божественныхъ и человѣческихъ. Впрочемъ, по сбивчивости представленій, ведущей за собой неумѣнье опредѣлять соотношенія предметовъ, различныхъ или сходственныхъ, они на ряду съ теософіей ставили герметическую науку (алхимію), изобрѣтеніе которой приписываютъ Гермесу Трисмегисту, египетскому Меркурію, а иногда и сливали ихъ во-едино.

Изложивъ религіозную мистику, какъ она явилась у насъ, въ нашихъ мистическихъ книгахъ и журналахъ, мы видимъ, что одни изъ ея положеній образуютъ такъ называемую чистую мистику, а другія относятся къ положеніямъ мистики нечистой. Къ послѣднимъ принадлежатъ тѣ именно, которыя впадаютъ въ противоположность утвержденнымъ догматамъ вѣры; таковы: мысли о вѣчномъ откровеніи и вѣчномъ христіанствѣ, о превосходствѣ внутренняго слова надъ Священнымъ Писаніемъ, о ненужности внѣшняго посредства между человѣкомъ и Богомъ, о внутренней церкви. Доказывать, что мистика есть первичная и единственная форма христіанскаго вѣдѣнія, что жизнь мистика есть абсолютный идеалъ истинно-евангельской жизни, значитъ уничтожать въ принципѣ всякую церковь: ибо на одномъ созерцательномъ погруженіи въ Богѣ и просвѣщеніи отъ Бога нельзя построить не только церкви, но и никакого религіознаго строя жизни, никакого общаго ученія, даже секты или школы. Но, съ другой стороны, несправедливо не давать мистикѣ никакого права въ области христіанскаго ученія и христіанской жизни; въ томъ и другомъ предметѣ она составляетъ необходимый элементъ, обусловливаемый сущностью Евангелія, но только какъ элементъ, который не можетъ обособляться самостоятельно, не впадая въ неправоту и заблужденіе. Плодотворное значеніе ея въ восточной церкви указано авторитетными судьями предмета: «Она развила въ послѣдователяхъ внутреннее, сердечное и искреннее благочестіе, которое не ограничивается исполненіемъ внѣшнихъ дѣлъ благочестія, но стремится достигнуть чистоты души и сердца, благодатнаго освященія всего человѣческаго существа. Богословско-мистическое направленіе стало въ связь съ христіанскимъ богослуженіемъ и руководило его разумѣніемъ: въ восточной церкви всѣ обряды богослуженія не остались внѣшними только дѣйствіями, но удержали таинственный смыслъ и духовное значеніе; мысль христіанская отъ внѣшняго и чувственнаго воз-

вышалось къ духовному и божественному. Направленіе это пріобрѣло такихъ послѣдователей, какъ Максимъ Исповѣдникъ, Георгій Пахимеръ, Николай Кавасила и Симеонъ архіепископъ ѳессалонійскій, которые были первыми людьми своего времени [1].

Какъ отнеслись къ нашей мистической литературѣ и духовныя и свѣтскія лица? Сильное сочувствіе къ ней съ одной стороны равнялось столь же сильному неудовольствію съ другой. Лабзину извѣстно было и то и другое. Онъ гордился знаками особеннаго расположенія къ нему нѣкоторыхъ іерархов, напр.: Ѳеофилакта (архіепископа калужскаго) и Даніила (архіепископа могилевскаго и витебскаго), помѣщалъ письма разныхъ особъ, изъявлявшихъ ему благодарность, какъ издателю, и былъ увѣренъ, что журналъ его читается многими съ охотой и любовію; но въ тоже время онъ зналъ и предубѣжденіе, господствовавшее даже между многими добрыми христіанами противъ всего, что вообще называется мистическимъ, или таинственнымъ [2]. Другой мистическій журналъ «Другъ юношества» не возбуждалъ такого любопытства, какъ Сіонскій Вѣстникъ, и не давалъ поводовъ къ толкамъ и пересудамъ. Его считали неважнымъ, даже смѣялись надъ нимъ. Въ немъ и не было ничего такого, что могло бы обратить на себя особенное вниманіе: издатель его, добрый и честный, но ординарный по своимъ способностямъ человѣкъ, принадлежалъ скорѣе къ піетистамъ, чѣмъ къ мистикамъ, и потому имѣлъ въ виду только нравственную цѣль — вести читателей къ благочестивой христіанской жизни.

Первое по времени сочиненіе, направленное противъ нѣкоторыхъ мистическихъ положеній, вышло въ свѣтъ еще до появленія Сіонскаго Вѣстника, подъ заглавіемъ: «О внѣшнемъ богослуженіи и наружныхъ дѣйствіяхъ человѣка христіанина» (3 тома, 1803). Авторъ его — Иванъ Петровъ (Полубенскій), священникъ московской единовѣрческой церкви, поставилъ себѣ цѣлью рѣшеніе слѣдующей обширной задачи: дать ясное и точное понятіе о истинномъ смыслѣ и разумѣ Евангелія для тѣхъ, которымъ оно еще не ясно; сравнить и взвѣсить мнѣнія инославныхъ по многимъ церковнымъ матеріямъ и богословскимъ вопросамъ; проникнуть, гдѣ слабое мѣсто въ философскихъ системахъ; писателямъ книгъ религіозныхъ дать нужныя наставленія; открыть секретъ узнавать антихристовыхъ служителей; научить узнавать, кто истинный смыслъ Христова ученія уклоняетъ въ сторону; удѣлить горушное

[1]) Рус. литература о сочиненіяхъ съ именемъ св. Діонисія Ареопагита, свящ. Смирнова (Правосл. Обозрѣніе, 1872, іюнь).

[2]) О мистикахъ (С. В. 1817, октябрь).

верно вѣры тѣмъ, кои мало о томъ думаютъ; внутреннее теченіе христіанства въ ясномъ видѣ представить; ложночтимые истуканы лжеувѣренности сокрушить; волшебное чудовище превратнаго мірскаго мнѣнія и ложной славы низвергнуть; іерихонскія стѣны грѣха гласомъ трубнымъ поколебать; дски безчеловѣчнаго любостяжанія опровергнуть; гдѣ была слѣпая радость плоти и мертвое веселіе— ввести благороднѣйшее сластолюбіе сея жизни (¹); убѣжденіемъ и примиреніемъ отметить за честь вѣры ругателямъ (²). По отзыву Филарета, архіепископа черниговскаго, книга эта «въ свое время, безъ сомнѣнія, много принесла пользы, когда чувственная философія не хотѣла знать никакихъ другихъ наслажденій, кромѣ чувственныхъ, и довольная гордыми мечтами о своемъ служеніи уму презирала всѣ принадлежности внѣшняго богослуженія» (³). Но, кромѣ философіи, авторъ долженъ былъ вести счеты и съ мистиками. Такъ какъ въ книгѣ Лопухина: «Нѣкоторыя черты о внутренней церкви», все богослуженіе почти исключительно сведено на внутренность, то надобно было, въ противоположность такому взгляду, указать необходимость внѣшнихъ обрядовъ, что и поставилъ своею задачею авторъ означеннаго сочиненія. Онъ недоумѣваетъ, почему систематики мистическаго просвѣщенія нападаютъ на обряды, какъ будто бы всякій христіанинъ уже сдѣлался духомъ и столь уже совершенъ, что плоть ему ни малѣйше не препятствуетъ въ успѣхахъ благочестія и что ей не нужны никакія покаянныя помочи. Различая двоякую наружность: одну — лицемѣрную, или на-показъ, безъ внутренняго чувства вѣры и любви къ Богу, и вторую, необходимо связанную съ человѣкомъ-христіаниномъ, онъ утверждаетъ, что безъ послѣдней нельзя содержать своей вѣры и совершить дѣла спасенія своего и что ее наблюдали самъ Христосъ и всѣ святые. *Сердцемъ вѣруется въ правду, усты же исповѣдуется во спасеніе.* Слѣдов. не исповѣдовать устами свою вѣру, хотя бы сердечная вѣра и была каковая-нибудь, есть недостаточная и богопротивная внутренность. На мистику вообще смотритъ авторъ, какъ на такое ученіе, существенное содержаніе котораго доступно всѣмъ христіанамъ, держащимся наилучшаго, т. е. православнаго исповѣданія, заботящагося главнымъ образомъ о внутреннемъ, духовномъ возрожденіи; но приписывать ей что-либо особенное значитъ обнаруживать слѣпое

---

¹) На 126 стр. 1-го тома сказано, что сластолюбіемъ сей жизни преподобный Ефремъ Сиринъ называетъ вѣру христіанскую, какъ высочайшее веселіе духа.

²) Т. I, стр. 16—18.

³) Обзоръ русской духовной литературы (1861), кн. 2.

пристрастіе жаркаго сектатора и явно склоняться къ протестантскимъ мнѣніямъ. Протестантская систематика въ сужденіи о наружныхъ дѣлахъ имѣетъ въ виду только отборнѣйшій, аристократическій, по состоянію и образованію, классъ людей, какъ бы не желая знать народъ, во всѣхъ исповѣданіяхъ одинаковый. Авторъ критикуетъ нѣкоторыя мѣста выше упомянутаго извлеченія изъ сочиненій Таулера (Краткія разсужденія о важнѣйшихъ предметахъ жизни христіанской). Онъ иронически относится къ совѣту нѣмецкаго мистика крестьянину—не ходить въ церковь, а безпрестанно думать о Богѣ, даже во время работы: такой «земледѣлецъ долженъ быть весьма въ знаніи далекъ, чтобъ не заимствовать онаго въ церковныхъ собраніяхъ, въ которыхъ нечувствительно научается христіанинъ всему составу спасенія, поддерживается противъ искушеній, утѣшается въ скорбныхъ обстоятельствахъ. Притомъ если взять въ разсужденіе русскаго мужика, на господской работѣ состоящаго, ежедневно то тѣмъ, то другимъ дѣломъ до-сыта занятаго, то сіе будетъ явное немилосердіе отнять у него и послѣднее утѣшеніе сходить въ церковь, а между тѣмъ лошадямъ дать нѣкоторое время отдохнуть, да и господина самого симъ правиломъ ввести можно въ грѣхъ. Однимъ словомъ, христіанинъ, образованный по правиламъ и системѣ сего просвѣщенія, хотя можетъ учить и править цѣлымъ міромъ (какъ сказано въ Краткихъ разсужденіяхъ) (1), только не худо бы его передъ тѣмъ года на два-на-три опредѣлить пожить въ деревнѣ, чтобы онъ могъ тамъ удостовѣриться, что носящимъ тяготу дне и варъ поселянамъ истинно не очень выгодны быть могутъ нѣмецкіе пріемы». Осуждается также авторомъ теософія, слѣды которой, какъ мы видѣли, находятся въ нѣкоторыхъ чертахъ о внутренней церкви. На предложенный себѣ вопросъ: «есть ли въ созданной натурѣ какіе-либо слѣды, доказывающіе Троицу въ Богѣ?» онъ отвѣчаетъ: «Подобныя исканія только затемняютъ истину и напоминаютъ слова стихотворца: «fecistis probe! incertior sum multo, quam dudum, т. е. изрядно сдѣлали! я меньше разумѣю теперь сіи вещи, нежели зналъ прежде до васъ». Легкое и удобное было бы средство увѣрять Фреретскія и Буланжерскія души (2), когда бы изъ созерцанія натуры можно было доходить до познанія о таинствѣ Св. Троицы и даже видѣть точные слѣды страданія и смерти Христовой изъ натуральныхъ перемѣнъ многоразличныхъ существъ. Такимъ образомъ, чтобъ

---

1) 1-ое изд. (1801), стр. 176.

2) Фрере (Freret), ученому и критику XVIII-го, и Буланже (Boulanger), того же вѣка, приписывались нѣкоторыя антирелигіозныя сочиненія.

убѣдить невѣрующаго, стоило бы только послѣ катихизиса для усовершенствованія въ вѣрѣ посадить его въ классъ экспериментальной физики и химическихъ опытовъ, и послѣ сего не долго бы уже ему было дожидаться, чтобы сказать въ самомъ себѣ тоже, что Лютеръ негдѣ, издѣваясь, заставляетъ мыслить Меланхтона: «sic ego ero, qui ero». Замѣтимъ, что книга, о которой мы говоримъ, выказывая въ авторѣ большую начитанность, отличается однакожъ странно-оригинальнымъ способомъ изложенія. Это изложеніе напоминаетъ манеру нашихъ малорусскихъ ученыхъ XVII вѣка, которые въ своихъ богословскихъ трактатахъ допускали смѣшеніе тоновъ и даже проповѣди наполняли сатирическими, ироническими и комическими выходками, смотря на нихъ какъ на средство къ достиженію цѣли, т. е. къ убѣжденію слушателей въ истинѣ и къ направленію ихъ на путь истинной нравственности. Тоже въ большой мѣрѣ видимъ у священника Петрова, вѣроятно малорусскаго уроженца, судя по многимъ словамъ и выраженіямъ: серьезное и важное постоянно очередуется у него съ шуточнымъ и причудливымъ, примѣры чего представляемъ въ выноскѣ. Вся книга испещрена цитатами на иностранныхъ языкахъ, особенно на французскомъ, такъ какъ она преимущественно обличаетъ ученіе французскихъ философовъ XVIII вѣка. Самое посвященіе ея «театральнымъ, упражняющимся во врачебной наукѣ и отъѣзжающимъ въ чужіе краи» поражаетъ своею неожиданностью. Почему театральнымъ? потому, что «театръ хотя и пользуется гражданскою терпимостью, но церковь всегда будетъ не довѣрять театральной нравственности». Почему медикамъ? потому, что «христіане по тѣлу имѣютъ большую связь (т. е. сношеніе) съ ними; слѣдовательно надобно, чтобы въ недоумѣнныхъ толкованіяхъ никто со стороны церкви не наставленнымъ не оставался и чтобъ всякъ зналъ, что церковныя учрежденія соображены съ натурою человѣка и съ правилами самой медицины и что благонамѣренная медицина церковнымъ учрежденіямъ противорѣчить не можетъ, ибо какъ церковь, такъ и медицина равно хранятъ человѣческое здравіе тѣлесное и спасеніе души». Наконецъ, почему отъѣзжающимъ за границу? «Многіе отъѣзжаютъ на долгое время и съ перемѣною мѣста перемѣняютъ отечественныя мысли въ разсужденіи самаго закона (христіанскаго). Для многихъ путешественниковъ медики и театральные служатъ вмѣсто духовниковъ: по совѣту однихъ управляютъ они свою наружность, а по наставленію другихъ свою внутренность. Иногда жъ попадаютъ они на раскольническихъ бѣглыхъ ренегатныхъ жрецовъ природы. Для того предложены по возможности всѣ нужныя свѣдѣнія, чему тамъ (особенно въ Па-

рижѣ) полезному въ разсужденіи религіи научиться можно и отъ чего вреднаго предохраниться. По многимъ причинамъ мы совѣтуемъ путешествующимъ—на границѣ французской прочитать про себя символъ вѣры и въ мысленныхъ вмѣстительныхъ (скобкахъ) включить слѣдующее: «Распятаго же за ны при (французѣ) Понтійстѣмъ Пилатѣ», прибавивъ къ тому въ мысли Руфиново замѣчаніе: «Iulianus in Gallia Christum abnegavit», т. е. «Юліанъ въ Галліи Христа отвергся». Сіе сказано по великому множеству французскихъ книгъ, предосудительныхъ для христіанства» [1].

О первомъ годѣ изданія Сіонскаго Вѣстника (1806) мы имѣемъ отзывъ Евгенія Болховитинова, бывшаго въ то время епископомъ старорусскимъ [2]. Выразивъ сожалѣніе, что большая часть журнала наполняется переводами съ нѣмецкаго изъ сочиненій Штиллинговыхъ, а также мартинистскихъ, Евгеній находитъ въ немъ два главныхъ недостатка: во-первыхъ, синкретизмъ, или мнѣніе, будто во всѣхъ религіяхъ, подъ разными только символами, была истинная религія, что ведетъ къ индифферентизму и чего нельзя согласить съ духомъ истиннаго христіанства; во-вторыхъ, миѳологизмъ, платонизмъ и математицизмъ, употребляемый мистиками къ изъясненію Троицы и другихъ таинствъ откровенія. Кромѣ того указаны нѣкоторыя отдѣльныя мистическія представленія, поражающія своею странностью. Впрочемъ о дѣятельности издателя Евгеній говоритъ съ большою похвалою: «Я получаю Сіонскій Вѣстникъ и читаю часто до чувствительнаго умиленія и даже до благодарности Богу, вложившему мысли Лабзину издавать сей журналъ. Онъ многихъ обратилъ, если не отъ развращенія жизни, то по крайней мѣрѣ отъ развращенія мыслей, бунтующихъ противъ религіи».

---

[1]) Вотъ еще два примѣра особенностей въ изложеніи и стилѣ автора:

Неудивительно, что у Бога не всякій безъ разбора будетъ въ раю и что для тѣхъ, которые не хотѣли быть Ему у себя царемъ, есть особливый смирительный Мальмезонъ (I, 50).

Приглашая грѣшника къ покаянію, авторъ даетъ ему такіе совѣты: «Не теряй времени, сдѣлай послѣднее усиліе, подвигни твое произволеніе хотя малѣйше на страну спасенія и мудрости, чтобъ потому можно было Христу Спасителю приняться излѣчить застарѣлую и неизлѣчимую твою болѣзнь. Ты сдѣлай сіе, буде хочешь, по философски, только въ другомъ видѣ. Подвигнись, хотя черезъ силу, обернуться ко Христу, такъ какъ умирающій Вольтеръ употребилъ послѣднее усиліе отворотиться отъ священника и такъ умеръ. Мы тебя не обязываемъ слишкомъ къ строгому покаянію, къ покаянію русскому во всей строгости слова. Пусть на первый разъ покается по-нѣмецки, кто нагрѣшилъ по-русски. Пока до времени ligneus esto (ib. 54).

Подобныхъ мѣстъ въ книгѣ очень много.

[2]) Письмо отъ 7 іюля 1806 г. (Москвитянинъ 1848, № 8), слѣдов. послѣ полугодичнаго изданія журнала.

Нѣкоторые изъ противниковъ мистики, частію по невѣжеству, а частію по изувѣрству, скорѣе вредили себѣ, чѣмъ противному имъ дѣлу. Ревность не по разуму внушала имъ такія обвиненія, которыя не могъ признать справедливыми ни одинъ благомыслящій читатель. Они были даже смѣшны въ своемъ слѣпомъ ожесточеніи, потому что на ряду съ мистическими книгами ставили книги совершенно инаго рода, безразлично обзывая тѣ и другія антихристіанскими, еретическими, бѣсовскими, революціонными. Такими именно замѣтками характеризуетъ ихъ Фотій, архимандритъ юрьевскій ([1]). Кто читалъ Штиллинга и Эккартсгаузена и кромѣ того зналъ біографію этихъ лицъ, тотъ, конечно, не могъ понять, съ какой стороны слѣдуетъ причислить ихъ къ революціонерамъ или видѣть въ нихъ адептовъ энциклопедіи, какъ это видѣлъ Анастасевичъ въ своей одѣ: «Аттила девятаго-надесять вѣка» (т. е. Наполеонъ) (1812). Въ 1816 г., переводчикъ Московской Медико-Хирургической Академіи, губернскій секретарь Степанъ Смирновъ, написалъ письмо къ Императору о богохульныхъ книгахъ, въ свое время произведшее говоръ ([2]). Въ числѣ семи книгъ, имъ указанныхъ, значатся: Агаѳоклесъ или письма изъ Рима и Греціи, г-жи Пихлеръ, и Мученики, Шатобріана!! Наиболѣе опасною почитается Штиллингова «Побѣдная повѣсть», въ которой, «подъ видомъ изъясненія Апокалипсиса, содержатся оскорбительныя хуленія христіанства, наипаче греческаго исповѣданія». Рѣзкое, но мало толковое опровержение этихъ хуленій, написанное Смирновымъ, подъ заглавіемъ: «Вопль жены, облеченной въ солнце», не было издано.

Тоже сочиненіе Штиллинга обратило на себя вниманіе другаго критика. Экземпляръ его, поступившій изъ Библіотеки Царскаго Села въ И. П. Библіотеку, весьма любопытенъ по отмѣткамъ и припискамъ, сдѣланнымъ во многихъ мѣстахъ неизвѣстно чьею рукою. Этотъ неизвѣстный читатель, въ произведеніи, объясняющемъ Апокалипсисъ по мистико-религіозному толку, усмотрѣлъ лукавую проповѣдь масона, карбонара и революціонера. Заглавіе книги (Побѣдная повѣсть или торжество вѣры христіанской, твореніе I. Г. Юнга Штиллинга) съ прибавками, ниже означенными курсивомъ, вышло слѣдующее: «*Планъ и манифестъ революціи, подъ красивымъ названіемъ*: Побѣдная повѣсть или торжество *безвѣрія, подъ именемъ* вѣры христіанской, твореніе I. Г. Юнга Штиллинга, *единственнаго изъ усердныхъ членовъ тайныхъ обществъ. Не переводъ*,

---

[1]) Списокъ сочиненій, подвергавшихся критикѣ Фотія (Обзоръ рус. духов. литературы, Филарета, кн. 2).

[2]) Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, 1858, кн. 4.

а большею частію подделка русскаго карбонарія о Россіи и для Россіи. Приводимъ образчики критическихъ замѣтокъ:

На стр. 223, переводчикъ говоритъ въ выноскѣ: «Слѣдовательно, любезный читатель, по словамъ автора, худа надежда на миръ, какой бы ни заключили. Кровію должна омыться земля, ибо кровію очищаются беззаконія. Французы, изъ коихъ составляется Франція, большею частію рождены или воспитаны среди ужасовъ революціи и къ нимъ привыкли». Подъ этой выноской читатель написалъ: *О Царь! возьми міры: 1824!... 9 лѣтъ отъ заключенія мира* (1).

На стр. 247—248 говорится, что апокалипсическій звѣрь есть человѣкъ, великій властитель, какъ бы онъ ни назывался—папою, королемъ, императоромъ или просто генераломъ—и что онъ-то есть собственно антихристъ. Въ выноскѣ къ слову «императоромъ» Лабзинъ, смотрѣвшій на это мѣсто въ книгѣ, какъ на пророчество, замѣтилъ: «сей пунктъ весьма примѣчателенъ, ибо писанъ авторомъ, когда Франція была республикою. Противъ выноски написано: *Уже ли Наполеонъ?—врешь, діаволе*.

На стр. 277-ой, авторъ выражаетъ мысль, что Церковь, ко времени пришествія Господня, пріобрѣтетъ общественный духъ, который получитъ чистѣйшее направленіе къ единому на потребу, и что сей общій духъ есть чадо жены, облеченной въ солнце. Читатель отмѣтилъ на полѣ: *конституція*.

На стр. 376, при словахъ: «Мы теперь живемъ въ вечеру пятницы, и въ навечеріи субботы, въ 8-мъ часу: и такъ, братья, бдите и молитеся, и возжигайте свѣтильники! Въ 1836 г. будетъ 3 или 4 минуты девятаго и намъ остается ждать около трехъ четвертей часа только», читатель замѣтилъ: *терминъ революціи подъ видомъ религіознымъ*.

Кромѣ того, на многихъ страницахъ, слова и даже цѣлыя строки подчеркнуты чернилами, какъ скрывающія въ себѣ зловредный смыслъ, крамольныя тенденціи, и противъ подчеркнутаго, вмѣсто положительныхъ заявленій, стоитъ на поляхъ иногда слово *чти!* а иногда слово *зри!* (2).

Наконецъ таже самая книга, вмѣстѣ съ четырьмя другими: Избранныя творенія г-жи Гіонъ, Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію Христову, Таинство Креста, Еванге-

---

1) Переводъ Побѣдной повѣсти нап. въ 1815 г., по окончаніи войнъ съ Наполеономъ.

2) Судя по характеру и тону замѣтокъ, рѣшаюсь приписать ихъ извѣстному архимандриту Фотію.

ліе отъ Матѳея (католическаго патера Госнера), подверглась разбору и осужденію въ «Запискѣ о крамолахъ враговъ Россіи» ([1]). Общее мнѣніе какъ объ этихъ такъ и о подобныхъ имъ книгахъ, во множествѣ выпущенныхъ въ свѣтъ, состоитъ въ томъ, что «въ каждой изъ нихъ къ фунту пшеничной муки примѣшанъ фунтъ мышьяку, и потому онѣ, сладко питая своихъ читателей, вмѣстѣ пріятно отравляли ихъ».

Самое сильное нападеніе вообще на мистику и въ частности на Сіонскій Вѣстникъ было сдѣлано книгою Станевича: «Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души» ([2]). Хотя авторъ и держится того мнѣнія, по которому мистики почитались замаскированными революціонерами, врагами правительства и отечества, поклонниками дьявола, но по крайней мѣрѣ критика его направлена противъ всѣхъ почти пунктовъ мистическаго ученія и не довольствуется одними голословными порицаніями. Онъ входитъ въ разборъ каждаго пункта и старается показать его противорѣчіе понятіямъ церковной доктрины. «Мистикою» называетъ онъ то лжеученіе, которое, превращая Св. писаніе въ иносказательный, духовный и таинственный смыслъ, старается затмить истинный разумъ онаго и испровергнуть вѣру и церковь. Главнымъ обвиненіемъ служитъ взглядъ мистиковъ на церковь: оно составляетъ существенное содержа-

---

[1]) Руск. Арх. 1868. См. также: Записки (сокращенныя) А. С. Шишкова (1863) и Записки (полныя), мнѣнія и переписка А. С. Шишкова, изданіе Н. Киселева и Ю. Самарина, 2 т. (Берлинъ, 1870). Сочиненіе Записки приписываютъ князю С. Шихматову, любимцу Шишкова.

[2]) Первое изданіе этой книги (1818), въ министерство кн. Голицина, было запрещено, за содержащіяся въ ней «зловредныя и противныя нашему вѣроисповѣданію правила», но въ 1825-мъ разрѣшено второе изданіе оной, по представленію Шишкова, который, такимъ образомъ, загладилъ несправедливость своего предшественника.

Заглавіе книги объяснено авторомъ въ концѣ ея (стр. 304) словами, обращенными къ матери умершаго младенца: «я избралъ лучше содѣлать гробъ вашей дочери мѣстомъ христіанскаго поученія, назиданія, просвѣщенія, нежели надгробнымъ рыданіемъ». Авторъ сознавалъ смѣлость своего дѣла въ виду увлеченія мистикою: «Не неизвѣстенъ мнѣ духъ настоящаго времени, почему очень знаю, какъ многіе вознегодуютъ за такой отзывъ мой о нынѣ лелѣемыхъ у насъ писателяхъ (Сенъ-Мартенѣ, Дю-Туа), но также знаю, что *повиноватися подобаетъ Богови паче нежели человѣкомъ* (Дѣян. V, 29). Придутъ времена, прореченныя Іисусомъ, апостолами и пророками, когда антихристъ возсядетъ на мѣстѣ святѣ, а вѣдь онъ сядетъ не безъ помощи людей, которые равно будутъ защищать его царство и ученіе: вотъ и тогда избранные почтутся за безумцевъ. Чувствуя лесть оныхъ писателей, ужели должно мнѣ быть столько безстыдну, чтобы, убоясь человѣковъ, забыть судъ Божій и измѣнить церкви и Богу? И уже ли я долженъ повѣрить ученикамъ, когда вижу, по благодати Божіей, заблужденія ихъ учителей?» (выноска на стр. 74).

ніе книги. Это понятно: никакая церковь не можетъ дозволить, чтобы въ средѣ ея, какъ видимомъ собраніи христіанъ, исповѣдующихъ Господа не единымъ сердцемъ только, но и едиными устами, водворялась, независимо отъ нея и съ притязаніями на верховенство, какая-то другая, невидимая, внутренняя церковь, втайнѣ пребывающая со временъ Адама, имѣя притомъ во главѣ моравскую общину или, по малой мѣрѣ, группируясь вокругъ нея, какъ около центра. Большая часть книги занята отверженіемъ такого покушенія отдѣлить избранниковъ вышней вѣры отъ просто вѣрующей толпы, какъ будто это отдѣленіе есть дѣло мірскаго суда. Церковь одна—видимая: вотъ тезисъ, на которомъ критикъ утверждаетъ всю свою полемику. «На землѣ», говоритъ онъ, «ни церковь безъ вѣры, ни вѣра безъ церкви стоять и существовать не могутъ. Отдѣляющій вѣру отъ церкви можетъ имѣть вѣру, но не вѣру Христову. Сказано: *и бѣси вѣруютъ* (Іак. II, 19), только они вѣруютъ по своему... Хотѣть обрѣсти Спасителя внѣ церкви видимыя есть отвергнуться его невозвратно... Милліоны племенъ чтутъ видимую церковь и признаютъ ее за истинную: слѣдовательно, по мнѣнію лукавыхъ учителей, всѣ сіи племена не принадлежатъ къ ихъ собору; слѣдовательно, если мы исключимъ ихъ, то, за исключеніемъ таковыхъ, останется толь малое число для наполненія онаго собора, что ужъ и малое дитя возможетъ исчесть оное. Богъ же, напротивъ, обѣтовалъ себѣ вѣрныхъ толь великое множество, яко песокъ морскій, иже не изочтется отъ множества». Извѣстная намъ статья Сіонскаго Вѣстника: «Догматы кваверовъ» вызвала самую рѣзкую выходку. Станевичъ называетъ выраженныя въ нихъ понятія «богомерзкими». Выписавъ слова о пребываніи Христа во всѣхъ смертныхъ отъ чрева матерня и о безпредѣльности Христовой Церкви, заключающей въ себѣ весь родъ человѣческій ([1]), онъ заключаетъ: «слѣдовательно явно, что сочинитель сего христоненавистнаго ученія мнитъ и вѣритъ, что Христосъ уже отъ чрева матерня обитаетъ въ жидахъ, магометанахъ, язычникахъ! Остается съ ужасомъ вопросить: гдѣ мы? Ахъ! до какихъ горестныхъ временъ дожили, что немолчащимъ антихристовымъ устамъ молчатъ уста православія. Что! Или Христосъ есть нѣкое метафизическое понятіе, о которомъ можно позволить спорить и говорить, что на умъ взбредетъ? Малѣйшее оскорбительное о царѣ слово взыскивается отъ хулителя, а хула на Царя царей неужели ни во что вмѣнится? И еще на Царя, который толико возлюбилъ насъ, что восхотѣлъ быть по насъ клят-

[1]) С. В. 1817, декабрь, стр. 414 и 415.

вою, да насъ искупитъ изъ челюстей адовыхъ». Въ 1820 г. вышла переведенная съ французскаго книга: «Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова». Въ теченіи шести мѣсяцевъ она имѣла два изданія. Сущность ея состоитъ въ развитіи той мысли, что все доброе въ человѣкѣ происходитъ отъ врожденнаго, всегда ему присущаго божественнаго инстинкта, на которомъ основана религія; что этотъ инстинктъ, какъ сердечное чувство человѣка, изъясняетъ ему волю Божію, никогда его не обманываетъ; что на высшей степени своего дѣйствія онъ есть Слово, Богомъ изрекаемое въ человѣкѣ[1]. Положенія эти тождественны съ указаннымъ ученіемъ мистиковъ о внутреннемъ откровеніи, дающемъ каждому возможность соединиться съ Богомъ. Станкевичъ возстаетъ противъ инстинкта, называемаго также совѣстью: «Чтобы пріять въ себя Христа, надобно вѣрить Ему и вѣровать въ Него такъ, какъ церковь поучаетъ, а не принимать за Христа *нѣчто* произвольное, или совѣсть, которую и Сенека называлъ живущимъ внутри человѣка Богомъ. Когда бы сіе такъ было или быть могло, въ какого бы Христа одолжались вѣрные тогда вѣровать? Развѣ можетъ быть вѣра въ совѣсть? Для того-то безъ церкви увѣреніе наше есть ложное и суетное: ибо существенное дѣло не въ увѣреніи, но въ правдѣ увѣренія. Человѣкъ можетъ быть увѣренъ въ дѣйствительности своего увѣренія; но какъ увѣрится онъ въ правдѣ такого увѣренія? Человѣкъ можетъ за многое въ себѣ ручаться, ибо то будетъ дѣйствіемъ его внутренняго опыта, но не за правду, которая должна приходить къ нему отъинуда—отъ Бога, чрезъ видимую для всѣхъ вещь, какъ почерпаютъ изъ источника чистѣйшую воду, изъ источника, мѣсто коего всѣмъ извѣстно». Въ нѣкоторыхъ мистическихъ сочиненіяхъ выражена мысль о раскаяніи сатаны и его разрѣшеніи,—мысль, основанная на произвольномъ толкованіи словъ апостова Павла: «Якоже о Адамѣ вси умираютъ, такожде и о Христѣ вси оживутъ» (1 Кор. XV, 22), на мнѣніи Оригена и на томъ соображеніи, что несогласно съ представленіемъ о правосудіи и благости Бога представленіе несоизмѣримости между временной виной и вѣчными за нея муками. Мартинецъ Паскуалисъ (XVIII в.) провелъ эту мысль въ трактатѣ «о возстановленіи существъ», и Сенъ-Мартенъ усвоилъ ее отъ своего наставника въ мистикѣ: «въ концѣ временъ, духъ-возмутитель совлечетъ съ себя гордыню и вой-

[1]) Отзывъ объ этой книгѣ одного священника см. въ Запискѣ о крамолахъ враговъ Россіи (Рус. Арх. 1868).

детъ во всеобщую гармонію» [1]. Станевичъ отвергаетъ и тѣнь возможности когда-либо соединить богоненавистную сущность съ естествомъ Божіимъ: «чтобы изъ демонскаго порожденія породить сыновъ благодати—сего нижѐ Богу возможно, не преставши быть тѣмъ, чѣмъ Онъ есть. Доколѣ Богъ есть Богъ, діаволъ долженъ пребыть діаволомъ... Судъ Божій надъ сатаною и аггелами его, непреложный чрезъ всю нескончаемость вѣчности, и есть то, что долженствуетъ служить неугасаемымъ свидѣтельствомъ неизмѣнности праведнаго его гнѣва на преступающихъ и унижающихъ его повелѣнія... Какимъ образомъ діаволъ отымется самъ отъ себя и, не преставая быть собою, содѣлается благимъ? Куда же дѣнется то, что въ немъ было демонскаго? Какъ измѣнится злая сущность на естество благое?... Вѣдаемъ, что у лже-мистиковъ чистительный огонь благодати всегда готовъ; но огонь чистительный есть огонь очищающій: отъ чего же станетъ онъ очищать зло? Онъ очищаетъ золото: это—любимое у мистиковъ доказательство. Но Священное Писаніе говоритъ о семъ огнѣ примѣнительно къ естеству человѣческому, а не къ демонскому; ибо и огонь не золото отъ золота, но всякую, золоту чуждую примѣсь отъ самого золота очищаетъ; самой же примѣси никогда въ золото не обращаетъ. Доколѣ въ человѣческой волѣ сколько нибудь остается еще непринадлежащаго демону, дотолѣ онъ не безъ надежды на спасеніе: онъ можетъ паки вообразить въ оной образъ истины, освобождающей его отъ тьмы, и содѣлаться чадомъ благодати; но когда воля его содѣлается уже престоломъ похотей діавольскихъ, тогда сей человѣкъ изъ сына свободы творится сыномъ погибели, творящимъ похоти отца своего». Станевичъ смѣется также надъ таинственнымъ мракомъ мистиковъ. Что такое этотъ таинственный или божественный мракъ? «Онъ есть тотъ неприступнный свѣтъ, въ которомъ, по словамъ Писанія (1 Тим. VI, 16), живетъ Богъ. И поелику онъ отъ чрезвычайнаго сіянія невидимъ и отъ преизбытка пресущественнаго свѣта непрнступенъ, то пребываетъ въ немъ только тотъ, кто достоинъ знать и видѣть Бога, и истинно пребывая въ немъ выше видѣнія и познанія, чрезъ сіе самое невидѣніе и незнаніе познаетъ то, что онъ выше чувственнаго и умнаго» [2]. Мракомъ называется онъ потому, что свѣтъ Божій одолѣваетъ разумъ и помрачаетъ его, подобно тому, какъ солнце при восходѣ своемъ помрачаетъ звѣзды [3]. Сперанскій также говоритъ

[1]) Franck: La philosophie mystique en France.—Swinden: Recherches sur la nature du feu de l'enfer et du lieu où il est situé, 1757 (пер. съ англ.).

[2]) Пятое письмо съ именемъ Діонисія Ареопагита (Хр. Чт. 1825, ч. 19).

[3]) Бож. философія, т. 5, кн. 5, гл. 4, стр. 31—32 (въ выноскѣ).

о сумракѣ вѣры, какъ главномъ предметѣ духовной жизни [1]. Станевичъ, приведя слова изъ одного Фенелонова письма: «надобно подражать вѣрѣ Авраама и всегда идти—не зная куда идешь», пишетъ: «сколько уродливыхъ понятій породило такое понятіе! Не диво, что мистики, блуждая въ таинственномъ своемъ мракѣ (sacra caligo), не усмотрѣли того, что Авраамъ получилъ повелѣніе отъ Бога и слѣдственно, хотя не зналъ пути, но очень вѣдалъ, что повелѣніе дано ему не отъ кого другаго, какъ отъ самого Бога: заповѣдь же Господня свѣтла, просвѣщающая очи (Пс. XVIII, 9). Богъ вѣдалъ, куда посылалъ Авраама, а Авраамъ вѣдалъ очень, что знаетъ Богъ куда посылаетъ его: потому очень вѣдалъ и сіе, что послушаніе паче всякія жертвы предъ Богомъ. Слѣдовательно вѣра Авраамова не была темная, но, какъ заповѣдь Божія, свѣтлая, когда она выполняется. Тотъ же, напротивъ, не можетъ идти какъ не во тьмѣ, кто, не повѣривъ церкви, предается самъ себѣ подъ гнуснымъ предлогомъ, яко бы изъ самоотверженія послѣдуетъ влекущей его волѣ Божіей, между тѣмъ какъ онъ, якоже волъ на заколеніе ведется и яко песъ на узы, отъ того что послѣдовалъ въ объюродѣніи своемъ той церкви, которой путіе, ведя къ дому адову, низводятъ въ сокровища смертная (Притч. VII, 22, 27)». Далѣе вооружается Станевичъ противъ теософіи, т. е. познанія Бога изъ натуры—не въ смыслѣ богопознанія естественнаго, всѣми признаваемаго, а въ смыслѣ познанія таинствъ и дѣйствій христіанства: «Слово Божіе дается на то, да въ немъ, а не въ природѣ, учатся познанію Бога. Одно изъ двухъ: или природа для сего не нужна, или слово Божіе. Учащійся въ откровеніи пойдетъ ли еще усовершать свое познаніе о Богѣ въ природѣ? ибо или слово откровенное выше природы, или природа выше откровенія; слѣд. или отъ слова Божія не для чего возвращаться къ природѣ, или отъ природы не за чѣмъ идти къ слову Божію... Ужели мистики, выхваляющіе намъ числительную свою мудрость, сами преткнулись о камень ея и забыли сіе правило науки оныя, что ежели два уравненія равны одному какому-нибудь, то и сами они порознь равны между собою, и что, слѣдовательно, ежели Христосъ есть Слово Божіе, и натура также, то надобно, чтобы и натура и Христосъ были у нихъ одно и тоже». Кромѣ того отвергаются и другіе предметы: мистическое созерцаніе Бога, «въ которомъ человѣкъ видитъ все, не видя ничего, и въ которомъ видѣть что было бы у него обращеннымъ на себя самолюбіемъ»; мистическую любовь къ Богу —«странную, духу церкви чуждую и противную, и потому достой-

[1]) Письма къ Цейеру (Рус. Арх. 1870).

ную именоваться духовною похотью»; поглощеніе или упраздненіе вѣры этою любовью, что «есть вмѣстѣ упраздненіе лица того, въ него же вѣровати подобаетъ».

Одни изъ современниковъ осуждали книгу Станевича; другіе, напротивъ, находили ее правдивою (1). Надобно пожалѣть, что критика мистическаго ученія, какъ оно выражалось въ Сіонскомъ Вѣстникѣ, и преимущественно по отношенію его къ церкви, исходила отъ человѣка свѣтскаго, а не отъ авторитетнаго лица ея служителей. А такими авторитетами тогда были: Михаилъ, Филаретъ, Иннокентій, Ѳеофилактъ.

У людей ученыхъ или вообще тѣхъ, которые дорожили положительнымъ знаніемъ, наукой, была иная причина къ недовольству мистикой. Они стояли за права разума, какъ главнаго орудія при изслѣдованіи природы и человѣка, тогда какъ мистика ставила выше всего непосредственное созерцаніе, вовсе не нуждающееся въ умственной пытливости, способной только, по ея взгляду, постигать внѣшность дольняго міра. Поэтому, когда мистики случайно или намѣренно заходили въ область научной спеціальности, противники антинаучнаго образа мыслей любили обличать ошибки или незнаніе непризванныхъ ученыхъ. Примѣромъ такого обличенія служитъ разборъ одной книги Эккартсгаузена, переведенной У. М. (Лабзинымъ): «О фосфорной кислотѣ, яко вѣрнѣйшемъ средствѣ противъ гнилости» (1811). Она содержитъ въ себѣ частію химическія, частію медицинскія положенія о чистотѣ и порчѣ воздуха, составныхъ частяхъ его и происхожденіи въ немъ заразы, о кислотахъ и о фосфорной кислотѣ въ особенности. Содержаніе приправлено метафизико-моральнымъ введеніемъ о вредныхъ дѣйствіяхъ страстей человѣческихъ. Критикъ сильно напалъ на автора. По его мнѣнію, Эккартсгаузенъ въ дѣлѣ науки невѣжда, не имѣющій понятія о газахъ, ни о различіи между ядами и заразами, не знающій даже что такое разложеніе, химическое сродство и механическое смѣшеніе. Познанія «трансцендентальнаго богослова», какъ величали въ Германіи Эккартсгаузена, называетъ онъ ничтожными, а сужденія нелѣпыми. Лабзинъ, въ предисловіи къ переводу, замѣтилъ, что Штиллингъ писалъ для простыхъ людей, а Эккартсгаузенъ для учившихся и упражнявшихся въ наукахъ. Критикъ возражаетъ: «Эккартсгаузенъ никогда не имѣлъ въ Германіи имени истинно-ученаго писателя, хотя у насъ отъ многихъ почитается оракуломъ просвѣщенія, и по своему великому невѣжеству писать для упражняющихся въ наукахъ не могъ: онъ мѣшаетъ метафи-

(1) Записки о жизни Филарета, Н. Сушкова, стр. 109—111.

зику съ ариѳметикой, богословіе съ химіей, нравоученіе съ скотоврачебною наукой, отъ созерцанія существа души нисходить до опытовъ въ хлѣвахъ, а отъ философическаго разсматриванія природы до шарлатанства». Къ стыду нашего времени, говорится въ заключеніи этого отзыва, сочиненія его переводятся на нашъ языкъ (¹). Но авторъ книги нашелъ себѣ защитника въ Невзоровѣ, объявившемъ, что Эккартсгаузенъ могъ лучше Шапталя знать химію и созерцать таинства природы, ибо былъ больше христіанинъ, водимый высшимъ свѣтомъ, тогда какъ французскіе ученые были водимы одною языческою мудростію (²). Подобный аргументъ, конечно, не могъ убѣдить критика С.-п.бургскаго Вѣстника. И въ другихъ журналахъ раздавались жалобы на мечтанія нѣмецкихъ мистиковъ, пользовавшихся у насъ большою извѣстностью. По поводу предсказаній Штиллинга о преставленіи свѣта въ 1836 г. (въ Побѣдной повѣсти), издатель «Духа журналовъ» серьезно замѣтилъ: «мнѣ кажется, долгъ всѣхъ благомыслящихъ писателей, а особливо богослововъ православной церкви, требовалъ бы опровергать странныя и вредныя мнѣнія, распространяемыя симъ *больнымъ* человѣкомъ, который впрочемъ нравственною цѣлію своихъ сочиненій, добромъ, которое онъ оказываетъ страждущему человѣчеству, и примѣромъ добродѣтельной жизни заслуживаетъ любовь и уваженіе своихъ современниковъ» (³). Большинство же, не имѣющее ни возможности, ни желанія опредѣлять въ точности значеніе предмета, съ именемъ мистики не связывало никакого яснаго понятія, а разумѣло подъ нею нѣчто смутное, непонятное, слѣдовательно противное уму, неразумное. Карамзинъ, наблюдавшій за всѣми движеніями общества, въ томъ числѣ и за мистицизмомъ, относился къ нему иронически и даже называлъ его *вздорологіею*. Вотъ одно мѣсто изъ его письма къ И. И. Дмитріеву, въ 1817 г.: «я засмѣялся, читая о Кошелевѣ: онъ будетъ министромъ развѣ *вышняго* просвѣщенія. Соединеніе двухъ министерствъ (духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія) послѣдовало съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы мірское просвѣщеніе сдѣлать христіанскимъ. Отнынѣ кураторы будутъ люди извѣстнаго благочестія. Клингеръ уволенъ: мнѣ сказывали, что онъ считается вольномыслящимъ. Не мудрено, если въ наше вре-

¹) С.-п.бургскій Вѣстникъ, 1812, кн. 8.

²) Другъ юношества, 1813, іюнь (ст.: Мои мысли о сочинителѣ книги «о фосфорной кислотѣ»).

³) 1816 г. № 32, о представленіи свѣта. За эту статейку издатель Яценковъ получилъ замѣчаніе отъ министра народнаго просвѣщенія, кн. Голицына (Бѣсѣда въ обществѣ любителей Рос. Словесности, вып. 3, стр. 20).

мя умножится число лицемѣровъ» (¹). Опасеніе Карамзина дѣйствительно сбылось, какъ ниже увидимъ.

Какъ всякое движеніе мысли, мистика могла отражаться въ литературѣ. Будучи ученіемъ о внутренной, сокровенной жизни съ Богомъ, о Христѣ въ насъ, она давала поводъ къ *дидактическимъ* произведеніямъ, съ цѣлію изложить существенные его догматы въ назиданіе христіанамъ. Но для поэтическаго воспроизведенія самой жизни мистика, духовныхъ подвиговъ и чувствъ ея личныхъ опытовъ и пріобрѣтаемыхъ ими откровеній и блаженнаго состоянія—приличнѣйшею литературною формою должна была служить, конечно, *лирика*.

Изъ сочиненій дидактическаго рода, состоящихъ въ связи съ мистическими идеями и посвященное ихъ представленію, замѣчательна поэма Хераскова: «Владиміръ возрожденный» (1785). Руководствомъ автору служили «многія духовныя книги, бесѣды съ цѣломудренными мужами и собственный опытъ». Повѣсть очень уважалась масонами и мистиками. По отзыву одного изъ нихъ, въ поэмѣ много христіанскихъ истинъ, полезныхъ и душеспасительныхъ для человѣка (²). Лабзинъ бралъ изъ нея отдѣльные стихи въ эпиграфы къ своимъ переводамъ Эккартсгаузена. Вниманіе читателя прежде всего останавливается на эпитетѣ Владиміра: почему «возрожденный», а не просто «крещенный»? Объясненіе дается самимъ авторомъ: онъ имѣлъ въ виду не столько разсказать о просвѣщеніи Руси христіанствомъ, сколько изъяснить сокровенныя чувствованія души, борющейся самой съ собою. Онъ совѣтуетъ читать «Владиміра» какъ повѣсть о странствованіяхъ человѣка путемъ истины, на которомъ онъ, послѣ долгой борьбы со страстями, достигнувъ просвѣщенія, возрождается. Но есть и другое объясненіе, указываемое понятіемъ мистиковъ о крещеніи. Въ этомъ таинствѣ различаютъ они двѣ степени: крещеніе водою и крещеніе духомъ и огнемъ. Первое, какъ приготовительное ко второму, есть крещеніе въ покаяніе (крещеніе Іоанново); второе, какъ совершительное, есть крещеніе въ жизнь Бога (крещеніе Іисусово). Первое отверзаетъ вѣрующимъ только преддверіе храма Господня; второе провождаетъ ихъ во святая и святая святыхъ. Надобно кре-

---

¹) Письма Карамзина къ Дмитріеву (1866), стр. 204.—Кошелевъ—оберъ-прокуроръ синода, членъ государственнаго совѣта. Дмитріевъ, въ письмѣ къ Карамзину, вѣроятно, думалъ, что Кошелева назначатъ министромъ просвѣщенія. Соединеніе обоихъ министерствъ послѣдовало въ 1817 г.: управлялъ ими кн. А. Н. Голицынъ, который, находя Клингера слишкомъ вольнодумнымъ, уволилъ его отъ должности попечителя дерптскаго университета.

²) Встрѣча съ мартинистами, С. Аксакова (Рус. Бесѣда 1859, № 1).

ститься духомъ, чтобы увѣдать тайны христіанства, по словамъ апостола Павла (1 Кор. II, 10). Тайны эти извѣстны только внутреннимъ христіанамъ, а не внѣшнимъ, только возрожденнымъ, а не невозрожденнымъ ([1]). Въ небольшой книжкѣ: «Дружескій совѣтъ всѣмъ тѣмъ, до кого сіе касаться можетъ» (1813), слѣдующія строки возбудили вниманіе современниковъ: «ты думаешь, вѣроятно, что крещеніе уже возродило тебя, но берегись обмануться заблужденіемъ, столь же опаснымъ, сколько вмѣстѣ съ тѣмъ и общимъ. Крещеніе есть обрядъ наружный, совершаемый надъ тѣломъ; новое рожденіе есть внутренняя работа надъ душею. Крещеніе есть только знакъ, сущность коего есть возрожденіе. Крещеніе производится подобными тебѣ человѣками; новое рожденіе есть дѣйствіе единаго Святаго Духа. Великое множество крестившихся не вошло во врата жизни, но ни одинъ изъ истинныхъ возрожденныхъ никогда по сю сторону оныхъ не оставался» ([2]). Прибавимъ къ этому, что Лабзинъ, въ статьѣ «о чтеніи духовныхъ книгъ» цитировалъ, съ цѣлію подкрѣпить себя авторитетомъ во взглядѣ на крещеніе, нижеслѣдующее мѣсто изъ Церковной россійской исторіи, митрополита Платона: «Владиміръ по ревности поспѣшилъ, а духовные греческіе рады были, чтобъ изъ язычниковъ сдѣлать христіанами чрезъ святое крещеніе: ибо сіе есть гораздо легче, нежели правилами Евангелія просвѣтить каждаго мысль, насадить въ сердце плодоносную вѣру и открыть ему, или паче вселить въ него, духъ Христовъ» ([3]). Херасковъ, нѣтъ сомнѣнія, не отдѣлялся по своимъ взглядамъ отъ «цѣломудренныхъ мужей», съ которыми любилъ бесѣдовать. Укажемъ нѣсколько мѣстъ во «Владимірѣ», выражающихъ мистическія идеи.

Въ 7-й пѣснѣ описывается долина, въ которой жилъ христіанинъ Идолемъ, братъ жреца Пламида, съ Законестомъ и Версоной, также христіанами. Владиміръ, преодолѣвъ «адскія препоны» (душевныя слабости), вступаетъ въ эту долину и, пораженный ея чудесными красотами, думаетъ видѣть мечту или сонъ. Идолемъ разувѣряетъ его:

---

[1]) С. В. 1817, іюль, стр. 24 и 113; 1818, январь, 41—43 и дал.

[2]) Стр. 28—29. Брошюрка эта подверглась было преслѣдованію со стороны главнокомандующаго въ Москвѣ, гр. Растопчина, но по докладу о томъ Государю, повелѣно было разрѣшить ея выпускъ въ продажу (Бесѣды въ Обществѣ любителей Рос. Словесности, вып. 3-й, стр. 13—15). Авторъ ея—Д. П. Руничъ, бывшій потомъ попечителемъ петербургскаго университета. См. Письма къ нему Лопухина (Рус. Архивъ 1870 г.).

[3]) Кратк. Церков. Рос. Исторія изд. 1805 г. ч. 1, стр. 127 (С. В. 1806, іюнь, стр. 280).

. . . . ты видишь не мечту,
Но обнаженную натуры красоту,
Въ мракѣ тлѣнности сокрытую глубокомъ...

Являетъ вся страна, какъ въ зеркалѣ, сія
Всѣхъ созданныхъ вещей ликъ *пакибытія*.
Дабы передъ тобой дѣла свои прославить,
Творецъ духовный міръ хотѣлъ тебѣ представить,
Какимъ онъ прежде былъ и долженъ быть каковъ,
Когда отъ тлѣнности изыдетъ изъ оковъ....

Сіе отъ тлѣнности въ нетлѣнность прехожденье
Не можетъ *звѣздное* постигнуть *разсужденье*.

Подъ словомъ «пакибытіе» Херасковъ разумѣетъ преображеніе природы, достиженіе ею того блаженства, котораго она ждетъ и о которомъ воздыхаетъ, какъ мы видѣли, излагая теософическія воззрѣнія мистиковъ. Преображеніе это, по словамъ Дю-Туа, наступитъ по исполненіи числа избранныхъ: «Тогда благороднѣйшія начала, кои нынѣ матерія скрываетъ, освободясь, содѣлаютъ шаръ нашъ прославленнымъ и обратятъ его въ матерію сіяющую. Въ натурѣ все имѣетъ свои подобія и образы; равнымъ образомъ и сказанное мною здѣсь прообразуется драгоцѣнными каменьями, находимыми въ нѣдрахъ земли. Святый градъ, Новый Іерусалимъ (Апокалипсисъ) будетъ столько же, или еще и болѣе, блистать, говоря просто о физическомъ прославленіи, а не разумѣя здѣсь о сіяніи свѣта и любви духовъ, кои въ немъ обитать будутъ» ([1]).

Преображенные предметы природы являются у Хераскова въ такомъ видѣ при описаніи имъ жилища Идолемова:

Тогда широкія представили дороги
Межъ пальмовыхъ древесъ кристальные чертоги;
Тамъ своды радужный живый имѣли цвѣтъ,
Отъ стѣнъ происходилъ неизреченный свѣтъ.
Непостижимое и дивное явленье
Изъ удивленія ввергало въ удивленье.
Князь видитъ предъ собой подобное звѣздамъ
Сіянье чистое кремнистыхъ камней тамъ;
Тамъ солнечны лучи, во златѣ заключенны,
Блистаютъ, изъ цѣпей тѣлесныхъ извлеченны;
Освобожденная душа сребра видна
Сіяющая тамъ, какъ свѣтлая луна;
Металлы, получивъ изъ плѣна ихъ свободу,
Изображаютъ тамъ кристальну воду;
Всѣ вещи видимы душевныхъ для очей
Во первобытности существенно своей,
Какими созданы онѣ въ духовномъ мірѣ
Невидимыхъ небесъ въ сіяющей порфирѣ.

[1]) Бож. Философія, т. I, выноска на стр. 34—37.

Если природа приметъ нѣкогда просвѣтленный видъ, то и тѣлу человѣческому доступно такое же прославленіе не только по общемъ воскресеніи мертвыхъ въ день страшнаго суда, но еще и въ земной жизни, по духовномъ возрожденіи. Статья Сіонскаго Вѣстника: «Дружеская бесѣда въ день преображенія Господня» (¹) развиваетъ это положеніе мистики такимъ образомъ: Ѳаворское явленіе относилось до прославленія тѣла, которое слѣдуетъ за возрожденіемъ и которое также необходимо человѣку по слову Апостола: всесовершенъ вашъ духъ и душа и тѣло непорочно въ пришествіе Господа нашего Іисуса Христа да сохранится (1 Ѳессал. V, 23).... Имъ (преображеніемъ) показано, какую тѣлесность можетъ имѣть сынъ человѣческій *прославленный*, нося оную еще въ смертномъ тѣлѣ своемъ, ибо послѣ видѣнія сего Спаситель снова являлся ученикамъ въ тѣлѣ обыкновенномъ, которое и смерти подвержено было, но силою внутренняго просіянія, или прославленія, по трехъ дняхъ, превратилось въ таковое, которое могло являться *дверемъ затвореннымъ* и сокрываться *зрящимъ имъ* (ученикамъ) и быть при всемъ томъ истиннымъ тѣломъ, ибо и снѣдное вкушать и осязаемо быть могло. Къ такому преображенію зовутся всѣ сыны человѣческіе, ибо «подобаетъ тлѣнному сему облещися въ нетлѣніе и смертному сему облещися въ безсмертіе». Св. Іоаннъ говоритъ: «нынѣ чада Божія есмы, и не у явися, что будетъ» (Іоан. III, 2). Павелъ же пополняетъ: «преобразитъ тѣло смиренія нашего, яко быти сему сообразну тѣлу славы Его, по дѣйству, еже возмогати Ему и покорити себѣ всяческая (Филип. III, 21), и открываетъ великую тайну, что мы не всѣ умремъ, но всѣ преобразимся, вдругъ, въ мгновеніе ока, при послѣдней трубѣ: вострубитъ бо, и мертвіи возстанутъ нетлѣнни и мы измѣнимся (1 Кор. XV, 52). Возможность сего измѣненія и въ здѣшней жизни представлена въ самомъ Св. писаніи въ житіи Эноха и Иліи пророка.

По той же мысли, Херасковъ описывалъ новыя, преображенныя тѣла Законеста и Версоны. Князь Владиміръ увидѣлъ ихъ въ славѣ:

Колико видъ ихъ былъ теперь преображенъ!
Краснѣйшій изъ мужей, краснѣйшая изъ женъ
Прельщали нѣкогда какъ масличныя лозы,
Теперь являются какъ полны цвѣтомъ розы;
Эдемскіе вѣнцы, сплетенны изъ лилей,
Сіяли у него и на челѣ у ней.
Князь видитъ лица ихъ, глаголы оныхъ внемлетъ,
Стремится ихъ обнять, но тѣнь одну объемлетъ.

---

¹) 1806, августъ.

Князь почелъ ихъ за призраки, или подозрѣвалъ хитрость, но Идолемъ выводитъ его изъ заблужденія:

О князь! царю вѣщалъ, тѣла ихъ очищенны;
Сіянье видишь ты, прозрачность видишь ихъ;
Въ небесну плоть прешли невѣста и женихъ.
Не мысли, что сіе видѣнье чародѣйство:
Коварство чуждо намъ и чуждо намъ злодѣйство;
Но вѣдай, что таковъ былъ первый человѣкъ,
Доколь мірскія тьмы ко свѣту не привлекъ.

Что такое «звѣздное разсужденье», которое, по словамъ Идолема, не можетъ понять перехода отъ тлѣнности въ нетлѣнность?

Мистики различаютъ, по отношенію къ человѣку, три рода духа или свѣта: стихійный, звѣздный и чистый, или божественный, свѣтъ Духа Святаго (1). Божественный былъ присущъ душѣ Адама во время его райскаго блаженства, и онъ долженъ быть воспринятъ каждымъ возрожденнымъ человѣкомъ, по словамъ апостола Павла: «преобразуйтеся обновленіемъ ума вашего» (Римл. XII, 2); естественный же, просто разумный, но не преображенный человѣкъ его не имѣетъ. Второй свѣтъ—свѣтъ разума остался въ Адамѣ и по его паденіи переданъ отъ него всему потомству. Смотря потому, примѣшивается ли къ нему дѣйствіе чувствъ или не примѣшивается, онъ представляетъ два вида. Дѣйствуя какъ здравый смыслъ человѣка, т. е. пріобрѣтая мысли подъ вліяніемъ внѣшнихъ впечатлѣній, воспринимаемыхъ нашими чувствами, онъ есть «духъ стихійный»; тотъ же умъ, дѣйствуя независимо отъ чувствъ и внѣшнихъ предметовъ, есть свѣтъ или «духъ звѣздный», названный такъ по своему сходству съ свѣтомъ, освѣщающимъ звѣзды и дѣлающимъ ихъ блистательными. Этому звѣздному духу дано знать многое, но не дано вѣдать тайны Божіи, къ какимъ относится и переходъ отъ тлѣнности въ нетлѣнность. Такое вѣдѣніе принадлежитъ только духу божественному (2).

Въ 8-ой пѣснѣ монахъ Киръ объясняетъ Владиміру христіанское вѣроученіе:

Истолковалъ царю преданій смыслъ буквальный,
Потомъ открылъ и свѣтъ и духъ во буквахъ дальный,

т. е. направилъ свое истолкованіе къ тому, чтобы въ книгахъ Св.

---

1) Гамалея принимаетъ три духа: стихійный, звѣздный (разумичный) и христіанскій (Письма, кн. 1, стр. 158; кн. 2, стр. 71).

2) Бож. фил. Дю-Туа, т. I, глава 1 и особенно гл. 3 (о происхожденіи разума и о звѣздномъ духѣ).

писанія раскрыть смыслъ мистическій, указывающій путь возсоединенія души съ Богомъ.

Въ *срединѣ всѣхъ вѣковъ* родился Божій Сынъ.
Весь міръ Всевышняго угодно было Сыну
Возставить—всѣхъ вещей *чрезъ сердце и средину*.

«Средина временъ или вѣковъ» значитъ время Рождества Христова, до котораго, по принятому мистиками лѣтосчисленію, прошло отъ сотворенія міра около 4000 лѣтъ ([1]). Процессъ возрожденія человѣка, говорятъ они, начатый съ перваго дня субботняго, дѣлится такимъ образомъ на два періода: до появленія Спасителя и послѣ Его смерти. Но смертію Богочеловѣка онъ не кончился; божественное сѣмя Слова вѣчныя жизни сообщается избранному стаду церкви до тѣхъ поръ, пока Сынъ Божій пріидетъ со славою во своя и съ избранными воцарится на тысячу лѣтъ ([2]). Главнѣйшія эпохи міра, по счисленію мистиковъ, оканчивались именно тысящелѣтіями: первая тысяча кончилась божественною жизнію Эноха, вторая—рожденіемъ Авраама, третья—построеніемъ Іерусалимскаго храма, четвертая—пришествіемъ Богочеловѣка. Еслибъ мы имѣли достовѣрную исторію внутренней Церкви Божіей, говоритъ Лабзинъ, то чрезъ 1000 лѣтъ по Р. Х., можетъ быть, открыли бы новый свѣтъ. Онъ же замѣчаетъ, что каждые два великіе дня міра, или 2000 лѣтъ, составляли весьма важный періодъ. Въ первыя двѣ тысячи Церковь Господня не имѣла никакого наружнаго учрежденія: каждый отецъ былъ царемъ и священникомъ своего семейства. Во вторыя двѣ тысячи Богъ устроилъ наружное церковное правленіе, или теократію, которая по времени соединялась съ монархическимъ правленіемъ. Въ третьи двѣ тысячи Христосъ основалъ духовное свое царство, находящееся съ царствомъ тьмы въ непрестанной брани, которая въ концѣ сего времени взойдетъ на высочайшую степень и кончится славною побѣдою Господа. Тогда начнется мирное царство Его или великая суббота, продолжающаяся во все седьмое тысящелѣтіе ([3]).

«Сердцемъ и срединою» вещей Херасковъ назвалъ человѣка въ слѣдующихъ стихахъ той же пѣсни:

Изъ міра цѣлаго Всевышнимъ сокращенный,
Онъ самъ во существѣ міръ малый, совершенный;
Онъ *точка средняя*, онъ *сердце* всей природы:
Въ немъ воздухъ и земля, въ немъ скрыты огнь и воды.

[1]) Такъ говоритъ Штиллингъ въ Побѣдной повѣсти на стр. 371.

[2]) Мысли на досугѣ поучающагося истинамъ вѣры.

[3]) Розысканіе двухъ мнимыхъ противорѣчій въ библейскомъ лѣтосчисленіи (С. В. 1806, іюнь). Въ концѣ этой статьи Лабзинъ, прочитавъ «Побѣдную повѣсть», намекаетъ, что великая суббота наступитъ между 1806 и 1836 г.

Въ 13-й пѣснѣ, при описаніи чертоговъ суесвятства, Херасковъ относилъ къ суесвятамъ не однихъ свѣтскихъ внѣшнихъ христіанъ, но и духовныхъ особъ, смотрѣвшихъ на религію другими глазами, чѣмъ мистики, постоянно ратовавшіе противъ обрядовъ, полемической теологіи, приверженности къ буквальному смыслу Св. писанія, идеи о Богѣ, какъ неизмѣримо отдаленномъ отъ человѣка и потому грозномъ существѣ:

Евангеліе тамъ, сіе небесъ зерцало,
Имѣетъ на себѣ густое покрывало;
Людскія пренія, какъ будто нѣкій дымъ,
И толки ложные спираются надъ нимъ;
Тамъ видимы во тьмѣ житейскія прохлады,
Завѣсой служатъ имъ единые обряды;
Тамъ груды видимы и вервей, и веригъ,
Тамъ тучи праздныхъ словъ, тамъ горы темныхъ книгъ;
И подавило бы вселенну онныхъ бремя,
Когда бы книгъ такихъ не поядало время;
Орудій смертныхъ весь исполненъ сей чертогъ,
И самъ представленъ тамъ немилосердымъ Богъ.

Наконецъ, въ послѣдней (16-ой) пѣснѣ предлагается Владиміру крещенье. Киръ говоритъ ему:

Ты здѣсь..., Владиміръ, просвѣтишься,
Очистишь темну плоть, воскреснешь, *возродишься*,

и затѣмъ изображается самое возрожденіе «духовной водой», какъ сказано въ поэмѣ:

Водою омовенъ святою въ первый разъ,
Почувствовалъ кору отпадшею отъ глазъ;
Отцова имени при первомъ возглашеньѣ,
Возчувствовалъ души Владиміръ просвѣщенье;
Въ святыя нѣдра водъ вторично погруженъ,
Съ превѣчнымъ Сыномъ сталъ духовно сопряженъ;
Но въ третій разъ водой святою омовенный,
Восприялъ Духъ Святый сей мужъ благословенный:
Живый небесный огнь всю плоть его протекъ,
И новый сталъ теперь Владиміръ человѣкъ.
Сей огнь есть Божіе животворяще Слово,
Дающе душу намъ, дающе сердце ново;
Восприялъ Агнчью кровь, восприялъ Агнчью плоть,
Тогда облекъ его сіяніемъ Господь.
Броней смиренія покрытый, правды шлемомъ,
Преображенный царь сталъ новымъ Виѳлеемомъ;
Пречистой Дѣвою Мессія въ немъ рожденъ,
И въ яслехъ ребръ его увитъ и положенъ.

Это—«рожденіе Слово въ душѣ человѣка», иначе: «Христосъ въ насъ».

Лирическія піесы религіознаго содержанія помѣщались нерѣдко въ журналахъ Новикова, Невзорова и Лабзина; но они такъ ничтожны, что не стоитъ и говорить о нихъ. Нельзя также отнестись съ похвалою къ длинному стихотворенію Державина «Христосъ» (1814). Правда, оно выражаетъ нѣсколько мыслей, входящихъ въ мистическое ученіе, но въ цѣломъ вовсе не есть результатъ какого-либо разсудливаго усвоенія системы. Читая его, соглашаешься съ авторомъ, что онъ, какъ піитъ, въ иныхъ мѣстахъ писалъ «загадочно, подразумѣваемо, кратко», а въ иныхъ «съ нѣкоторою свободою или вольностію». Строгія замѣчанія духовной цензуры на это стихотвореніе касались не мистическихъ воззрѣній, какъ видно изъ объясненій Державина. По значенію поэтическому оно несравненно ниже оды «Богъ».

Въ свое время обращали на себя вниманіе духовныя стихотворенія Ѳ. Глинки ([1]). Между ними замѣтимъ «Исканіе Бога» и «Жизнь анахоретовъ». Первое служитъ распространеніемъ Господнихъ словесъ пророку Иліи въ пещерѣ горы Хоривъ ([2]). Пророкъ не обрѣлъ Господа ни въ бурѣ, ни въ землетрясеніи, ни въ огнѣ: онъ обрѣлъ его въ тишинѣ (собственно въ вѣяньи вѣтерка—«въ дусѣ хлада тонка»).

И въ слѣдъ за бурей—тишина;
Душа предчувствіемъ полна:
Какъ молодой зари мерцанье,
Въ дыму серебряномъ горитъ
Святое алое сіянье.
На тайный зовъ душа летитъ
И дышитъ жизнью неземною....
Все стало сладкой тишиною,
И я вдали, какъ въ дивномъ снѣ,
Услышалъ Бога *въ тишинѣ*.

Мистики любили пользоваться этимъ мѣстомъ изъ ветхозавѣтной книги, для указанія, что во время дѣйствія Духа Божія надлежитъ воздерживаться отъ всего могущаго помѣшать происходящей въ душѣ работѣ, особливо должно оставаться *въ тишинѣ* и молчаніи, обращая умъ свой къ Богу; ибо самъ Богъ есть неизреченное, святое и вѣчное молчаніе Духа ([3]). Они разсуждаютъ такъ: «Откровеніе въ духовномъ мірѣ есть цѣль, для которой

---

[1]) Духовныя стихотворенія, т. I (1869). Здѣсь помѣщены Опыты священной поэзіи (1826) и другія стихотворенія того же рода, написанныя съ 1815 г. до послѣдняго времени.

[2]) III Книга царствъ, гл. XIX, ст. 11—13.

[3]) Письмо христіанки о трехъ молчаніяхъ (С. В. 1817, августъ).

Христосъ нисходилъ на землю; а откровеніе во внѣшнемъ есть только путь къ сей цѣли. Въ огненной купинѣ, или въ огненномъ столпѣ, является Онъ только тогда, когда не можетъ непосредственно явиться самой душѣ во свѣтѣ; а когда она можетъ ощутить Его *въ вѣяніи вѣтерка*, тогда Онъ даетъ себя почувствовать въ вѣяніи Духа» (1), т. е. вѣянье вѣтерка, или *духъ хлада тонка*, для мистиковъ есть символъ вхожденія Св. Духа въ душу.

Во второмъ стихотвореніи выражены чувства двухъ анахоретовъ, молодаго и стараго. Послѣднему уже открылось «незримое» и засвѣтилъ свѣтъ «иной». Онъ даетъ совѣты своему товарищу, еще новичку въ аскетизмѣ, еще не твердому въ молитвахъ и не испившему изъ кладязя созерцаній:

.... чаще ты уединяйся
И, погрузясь *въ себѣ самомъ*,
Жмись, молча, къ сердцу, умиляйся
И до *ничто* уничтожайся
Передъ Распятымъ и крестомъ!
Молись на *помыслы*—имъ скажутъ:
«Идите прочь»!
Съ очей душевныхъ *снимутъ* ночь,
И чувства всѣ твои развяжутъ,
И обновятъ и просвѣтятъ;
Приближатъ чашу *возрожденья*,
И непонятныя видѣнья
Кругомъ счастливца закипятъ!

Подобныя представленія, видимо, навѣяны чтеніемъ подвижническихъ книгъ. Впрочемъ и одна такая книга, какъ «Добротолюбіе», могла дать автору обильный источникъ для изображенія внутренней жизни аскетовъ-созерцателей.

Описательное стихотвореніе того же автора: «Карелія или заточеніе Мареы Іоанновны Романовой» выводитъ на сцену монаха и передаетъ его лирическія рѣчи. Этотъ монахъ, родомъ грекъ, жилъ прежде въ Смирнѣ, полюбилъ турчанку, которая приняла христіанство, за что и была убита отцемъ. Послѣ долгаго темничнаго заключенія, онъ странствовалъ въ разныхъ мѣстахъ. Въ Германіи проводилъ онъ время въ обществѣ алхимиковъ, но потомъ, внявъ велѣнію Богородицы идти на сѣверъ, пришелъ въ Карельскія пустыни и жилъ то въ лѣсахъ, то на скалахъ. Онъ посѣщаетъ Мареу, бесѣдуетъ съ ней и въ послѣднемъ съ нею свиданіи предрекаетъ будущее величіе царскаго рода Романовыхъ, и въ особенности побѣду Александра I надъ Аполліономъ (Напо-

1) Духъ и Истина (С. В. 1817, май и декабрь).

леономъ), побѣду одержанную смиреніемъ. Отрывки изъ рѣчей карельскаго отшельника-тайнозрителя, путемъ созерцанія взошедшаго на высшія ступени духовности, наполняютъ четвертую часть описательной поэмы.

Было бы всего естественнѣе и умѣстнѣе мистикѣ найти себѣ выраженіе въ проповѣдномъ словѣ, какъ по существу своему, такъ и по тому обстоятельству, указанному свидѣтельствами, что она сочувственно воспринималась не малымъ числомъ духовныхъ особъ ([1]). Разумѣется, это вліяніе оказалось бы безъ примѣси нечистаго мистицизма, а состояло бы въ ясномъ согласіи съ духомъ истинной церкви. Или лучше: проповѣдь нашихъ пастырей, и сама собою, независимо отъ современнаго движенія, имѣла полную возможность раскрывать мистическіе элементы христіанскаго ученія. Примѣромъ тому служатъ нѣкоторыя слова и бесѣды московскаго митрополита Филарета, содержаніе которыхъ относится къ возрожденію человѣка, соединенію его съ Богомъ. Я останавливаюсь на первомъ періодѣ его проповѣдничества (до 1820 г.) и привожу выписки по отдѣльнымъ изданіямъ его словъ, выходившимъ въ свѣтъ вскорѣ по ихъ произнесеніи ([2]).

«Слово на Рождество Христово» (1811) замѣчательно изображеніемъ самоуничтоженія, необходимаго человѣку для устройства внутри себя храма Божія. Нищета, какъ путь къ высочайшему благу, была постояннымъ требованіемъ мистиковъ. «Боже, да буду я ничто! и все, что не Ты, да истребится во мнѣ»! вотъ молитва, воплощающая въ насъ Слово» ([3]). «Человѣкъ тогда только сносенъ, когда онъ въ безсиліи», говоритъ Сперанскій: «сила или исканіе силы въ началѣ его погубило и губитъ въ послѣдствіи; въ безсиліи онъ соединяется съ Богомъ, въ силѣ воюетъ противъ Него» ([4]). Филаретъ ставитъ смиреніе Іисуса въ образецъ христіанину, желающему быть сообразнымъ образу Іисуса:

---

[1]) Письмо архіепископа ярославскаго Симеона къ преосвященному Парѳенію, отъ 4 іюня 1823 г. (Православное Обозрѣніе, 1872, августъ). Архимандритъ Фотій выражалъ сильное неудовольствіе на равнодушіе Іоны Павинскаго, архіепископа казанскаго, обнаруженное при толкахъ мистиковъ о видимой церкви (Обзоръ рус. духов. литературы, кн. II, стр. 160). Станевичъ жаловался, что мистики находятся въ столицахъ, городахъ и селахъ, и что приверженцевъ ея очень много и въ свѣтскомъ, и въ духовномъ сословіи (Бесѣда на гробѣ младенца).

[2]) По экземплярамъ И. П. Библіотеки. Нѣкоторыя цитируемыя мною слова не вошли въ три изданія словъ и рѣчей Филарета, напечатанныя при его жизни (1844, 1848 и 1861), такъ какъ онъ при выборѣ былъ «особенно осмотрителенъ, строгъ и точенъ»; они перепечатаны въ 1-мъ томѣ изданія 1873 г.

[3]) С. В. 1817, декабрь (Союзъ Бога съ человѣкомъ).

[4]) Разныя статьи и отрывки изъ сочиненій (Въ память Сперанскаго, стр. 319).

Нѣтъ высшей мудрости, какъ отречься отъ мудрости для Іисуса; нѣтъ большей славы, какъ раздѣлять безчестіе съ Іисусомъ; нѣтъ избыточнѣйшаго состоянія, какъ нищета Іисуса; нѣтъ совершеннѣйшаго возраста, какъ младенчество Іисуса; нѣтъ лучшаго украшенія для души, какъ видѣть себя чужду всѣхъ украшеній, подобно яслямъ Его. Токъ благодати, подобно рѣчнымъ устремленіямъ, изливается въ долы: кедры на горахъ блюдутся громамъ и молніямъ. Богъ творитъ изъ ничего: доколѣ мы хотимъ и думаемъ быть чѣмъ-нибудь, дотолѣ Онъ въ насъ не начинаетъ своего дѣла. Смиреніе и отверженіе себя есть основаніе въ насъ храма Его: кто болѣе углубляетъ оное, тотъ выше и безопаснѣе созиждетъ».

Другой примѣръ душа, стремящаяся къ соединенію съ Богомъ, должна видѣть въ совершенствѣ Богоматери, въ ея чистотѣ:

Кто далъ намъ сердце, не довольствуется большею или меньшею его долею: оно все должно принадлежать Владыкѣ всяческихъ. Онъ отвергаетъ всякую любовь, которая не основывается на любви къ Нему; всякое наслажденіе, въ которомъ ищемъ себя, есть огорченіе для Него; всякая мысль, наклонная къ тварямъ — измѣна Ему; всякая разсѣянность — удаленіе отъ Него. Строгая токмо надъ собою бдительность можетъ возвести къ блаженному съ Нимъ соединенію и удержать въ немъ. Небесный Женихъ обручается съ мудрыми токмо и непорочными дѣвами; дѣвственная, къ единому Богу обращенная душа зачинаетъ духовную жизнь и раждаетъ блаженство чистаго созерцанія. *Блажени чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ*—и гдѣ? въ самомъ сердцѣ своемъ.

Въ заключеніи дается совѣтъ христіанамъ: «поспѣшимъ проходить примрачный путь вѣры, дабы свѣтъ суднаго дня не ослѣпилъ насъ» (¹). Оно указываетъ на тотъ сумракъ вѣры, таинственный мракъ, который, какъ мы видѣли, часто служилъ темою мистическихъ сочиненій.

«Слово на третій день праздника Рождества Христова» (1812), сказавъ, что Богъ хочетъ во всѣхъ насъ явити Сына Своего (Гал. I, 16) посредствомъ благодатнаго рожденія, спрашиваетъ: какое знаменіе удостовѣряетъ насъ въ истинѣ нашего возрожденія? Рѣшеніе вопроса и составляетъ содержаніе слова.

Два пути ведутъ къ рождающемуся Христу: путь волхвовъ и путь пастырей. Первый есть путь свѣта и вѣдѣнія; второй—путь сѣни и тайны, путь вѣры. Тотъ и продолжительнѣе, и труднѣе, и опаснѣе; этотъ вѣрно достигаетъ цѣли. Нѣтъ иныхъ восхожденій къ Богу, кромѣ степеней, по которымъ Сынъ Божій нисходитъ къ человѣку: во внѣшнемъ знаменіи родившагося Спасителя заключено внутреннее знаменіе спасительнаго возрожденія. Этихъ восходящихъ степеней три: смиреніе, умерщвленіе и непостижимое истощаніе, знаменуемыя младенчествомъ, пеленами и яслями Бого-

¹) Этихъ словъ нѣтъ и въ изданіи 1873 г.

человѣка. Послѣдняя степень есть наивысшая: «пусть человѣкъ теряетъ весь міръ, теряетъ себя самого въ безпредѣльной глубинѣ своего ничтожества: сія безпредѣльность есть предѣлъ сообщенія съ безпредѣльнымъ Божествомъ. Пусть, по изреченію псалмопѣвца, исчезаетъ душа его: она исчезаетъ во спасеніе» (Пс. CXVIII, 81).

«Слово на освященіе храма въ домѣ князя А. Н. Голицына» (1812) представляетъ освященіе нашего храма невидимаго въ обрядахъ освященія храма видимаго. Три предмета: очищеніе, украшеніе и посѣщеніе составляютъ всю тайну и всю славу храма внутренняго. Очищеніе есть отложеніе всего, что свойственно растлѣнному человѣческому естеству. Украшеніемъ долженъ быть образъ Божій, явленный въ воплотившемся Сынѣ Божіемъ: да вообразится въ насъ Христосъ (Гал. IV, 19). По украшеніи, въ духѣ человѣческомъ уже готовъ престолъ Богу, а престолъ Вездѣсущаго не можетъ быть праздень: Господь не умедлитъ посѣтить домъ, коего единъ Онъ есть зиждитель и краеугольный камень, украситель и украшеніе.

Бесѣда на текстъ: «Коль возлюбленна селенія твоя, Господи силъ» (Пс. LXXXIII, 2) (1814), объясняетъ, до чего и какъ могутъ достигать стремящіеся къ соединенію съ Богомъ.

Блажени живущіе въ дому Твоемъ. Домъ Божій есть присутствіе Божіе. Кто живо и дѣятельно начинаетъ ощущать сіе святое и освящающее присутствіе и молитвенно къ нему обращаться: тотъ входитъ въ домъ Божій. Кто пребываетъ въ семъ ощущеніи постоянно и неуклонно, или, по древнему слову Писанія, ходитъ предъ Богомъ (Быт. XVII, 1): тотъ живетъ въ домѣ Божіемъ. Чѣмъ дѣйствительнѣе и плодотворнѣе ощущеніе присутствія Божія: тѣмъ внутреннѣе и совершеннѣе пребываніе въ дому Божіемъ.

Указавъ путь или лѣствицу духовнаго дома Божія и исчисливъ преимущества или блага жительства въ немъ, проповѣдникъ прибавляетъ:

Не думайте, что сіи блага совершенно заключены и запечатлѣны въ единомъ небѣ: нѣкоею частію онѣ и на земли сокрыты въ дому Божіемъ — въ непрестанномъ сердечномъ обращеніи къ Богу и всецѣломъ приближеніи къ нему человѣка вѣрою и любовію. Нѣкто изъ присныхъ Божіихъ испыталъ на земли такое восхищеніе, котораго, повидимому, небеса не вмѣщаютъ. *Что ми есть на небеси?* — взываетъ онъ къ Богу — *и отъ Тебе что восхотѣхъ на земли?* (Пс. LXX, 25). Не землею только пренебрегаетъ: *что восхотѣхъ на земли?*—самое небо не привлекаетъ его: *что ми есть на небеси?* Чѣмъ же толико исполненъ и удовленъ ты, друже Божій?—Мое сердце, говоритъ онъ, обрѣло и навѣки стяжало Бога своего: *Боже сердца моего, и часть моя Боже во вѣкъ* (Пс. LXXII, 26).

И такъ соединенный съ Богомъ можетъ ощущать еще на землѣ не только такія блага, наслажденіе которыми предоставлено въ

небѣ, но даже и такія, которыхъ, повидимому, самыя небеса не вмѣщаютъ.

Мы указали тѣ мѣста въ проповѣдяхъ Филарета, которыя говорятъ о соединеніи человѣка съ Богомъ. Этотъ предметъ былъ постоянною темою мистиковъ. На возрожденіе смотрѣли они не только какъ на единственную сущность христіанскаго ученія, но и какъ на единственное таинство, являемое внутреннимъ и внѣшнимъ откровеніемъ, познаніемъ природы и самопознаніемъ. Нѣкоторые изъ нихъ или вовсе отвергаютъ таинства церкви, подобно квакерамъ, видящимъ въ нихъ только символы—изображеніе невидимаго видимымъ образомъ ([1]), или, признавая ихъ, даютъ имъ второстепенное значеніе, почитаютъ ихъ слишкомъ простыми, объективными. Нисколько не отрицая внѣшнихъ чудесъ, напротивъ, вѣруя въ ихъ возможность и существованіе во всякое время, мистикъ, однакожъ, убѣжденъ, что всѣ эти чудеса—ничто въ сравненіи съ непостижимыми дѣйствіями Господа во внутреннемъ человѣкѣ: «Духъ человѣческій есть собственно храмъ Его чудесъ; здѣсь преимущественно открывается Онъ во всемъ своемъ величіи. Самомалѣйшее дѣйствіе Его во внутреннемъ есть болѣе самаго величайшаго чуда во внѣшнемъ мірѣ... А изъ внутреннихъ чудесъ наивеличайшее, все великое превосходящее, есть *возрожденіе*, производимое таинственно Духомъ Святымъ въ душѣ, ему предавшейся. Оно такъ велико, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ, самые ангелы какъбы завидуютъ падшему, но чрезъ Спасителя искупленному и возрожденному человѣку; потому что пріобрѣтеніе его несравненно превышаетъ его потерю ([2]).

Изъ нѣсколькихъ словъ митрополита Филарета въ великій пятокъ самое замѣчательное, по моему мнѣнію, сказано въ 1813 г. Въ одной его части, изображающей тяжесть креста, понесеннаго Спасителемъ ([3]), я вижу сходство съ 14-ой главой книги «Таинство креста»: *о уничижительномъ крестѣ Христовомъ* ([4]), и съ отдѣломъ бесѣды Дю-Туа въ великій четвертокъ: «душа Іисуса подав-

---

[1]) Крещеніе—образъ таинственнаго очищенія душъ, тайная вечеря—божественнаго наслажденія душъ (Покоящійся трудолюбецъ, 1784—85, ч. 3, ст. о квакерахъ).

[2]) Духъ и истина (С. В. 1817, декабрь).

[3]) Отъ словъ: «Кто измѣритъ всемірный сей крестъ, понесенный начальникомъ нашего спасенія»... до словъ: «долго носилъ Іисусъ крестъ свой»... (Сочиненія Филарета, 1873, т. I, стр. 33—35).

[4]) Книга эта, какъ мы видѣли, два раза переведена на рус. языкъ (1784 и 1814). Митрополитъ могъ читать и подлинникъ: Le mystère de la croix de Jesus Christ.

ляется бременемъ креста» ([1]). Но разница въ томъ, что подражаніе, по краткости и силѣ, по художественному строю, по достоинству языка и представленія вышло образцовымъ ораторскимъ изложеніемъ, далеко оставившимъ за собою подлинники—растянутые, малоустроенные и многословные ([2]). Въ самомъ заключеніи сло-

[1]) (Христ. философія, ч. 2, стр. 148—155). У Филарета отъ словъ: «долго носилъ Іисусъ крестъ свой» до словъ: «она была прискорбна даже до смерти» (Сочиненія, изд. 1873, стр. 35—37).

[2]) Чтобы мое предположеніе не показалось голословнымъ, представляю сличеніе сходныхъ мѣстъ въ первомъ подражаніи:

Таинство креста (1814), гл. XIV, §§ 3—9, стр. 261—271.	*Сочиненія Филарета (1873), т. I, стр. 33—35.*
Онъ (I. X.) принимаетъ поздравленія, но отъ бѣдныхъ пастуховъ стадъ.	Кромѣ убогихъ родителей, едва нѣсколько пастырей занимаются Его рожденіемъ.
Едва онъ родился, чрезъ восемь дней начинаетъ уже проливать кровь Свою обрѣзаніемъ.	Исчисляютъ Безначальному осмь дней новаго бытія—и порабощаютъ Его кровавому закону обрѣзанія.
За симъ вскорѣ приносится матерью своею во храмъ, которая платитъ выкупъ за Искупителя, какъ платили бѣднѣйшіе родители за первенцевъ своихъ.	Господь храма приносится во храмъ поставити Его предъ Господомъ, и пришедый искупить міръ искупляется двумя птенцами.
Безначальный и безконечный, вѣчно ветхій и вѣчно новый, первый и послѣдній во вся вѣки—растетъ по годамъ.... Вѣчная премудрость растетъ въ разумѣ.	Всеобъемлющая премудрость Божія не иначе какъ съ возрастомъ преспѣваетъ мудростію у Бога и человѣковъ.
Источникъ и родникъ всякія благодати растетъ во благодати.	Источникъ и податель благодати пріемлетъ благодать.
Въ теченіи тридцати трехъ-лѣтней Его жизни на земли долженствовалъ повиноваться и покоряться твари своей.	Тридесять лѣтъ Владыка небесъ и Царь славы сокрывается отъ неба и земли въ глубокомъ повиновеніи двумъ смертнымъ, которыхъ удостоилъ нарещи своими родителями.
30-ти лѣтъ Іисусъ крестился у Іоанна въ рѣкѣ Іорданѣ, т. е. въ рѣкѣ *текущей внизъ*, означая тѣмъ, что таинство уничижительнаго креста вездѣ находитъ себѣ мѣсто. Истинно рѣка та есть рѣка нисхожденія и уничиженія.	Святый Божій, грядущій освятить человѣковъ, вмѣстѣ съ ищущими очищенія грѣшниками, преклоняется подъ руку человѣка и пріемлетъ крещеніе: воистину крещеніе, слушатели, то есть погруженіе не столько въ водахъ, сколько въ обиліи креста.
Если бы сатана зналъ, что I. X. есть тотъ хлѣбъ живота, сшедый съ небеси, дающій жизнь міру.... Онъ требуетъ поклоненія и отъ кого? Отъ I. X., коему сами ангелы поклоняются.	Испытующій сердца и утробы поставляется въ искушеніи. Хлѣбъ небесный предается земной алчбѣ. Тотъ, предъ которымъ должно преклоняться всякое колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ, допускаетъ князя преисподнихъ требовать отъ себя поклоненія.
Ученіе Его называютъ лестію, пророческій Его духъ обманомъ, чудеса обольщеніемъ и приписываютъ ихъ дѣйствію Веельзевула.	Его ученіе почитаютъ богохульнымъ, Его дѣла беззаконными, Его чудеса Веельзевуловыми.
То (почитаютъ Его) ядцею и другомъ мытарямъ и грѣшникамъ.	Если обращаетъ заблуждшихъ и пріемлетъ кающихся, Его порицаютъ другомъ грѣшниковъ.
То имущимъ бѣса, за что хотятъ Его каменіемъ побить, то хотятъ свергнуть Его съ горы.	Здѣсь ведутъ его на верхъ горы, дабы низринуть; индѣ вземлютъ на Него каменіе.

ва(¹), обнаруживается мистическій тонъ, хотя, съ другой стороны, оно можетъ быть толкуемо не какъ явленіе дѣйствительной силы креста, образуемаго человѣкомъ утопающимъ и птицей, возлетающей отъ земли на высоту, а просто какъ сравненіе, употребленное для ораторскихъ цѣлей. Такіе умы, какъ Филаретъ и Сперанскій, были неспособны преступать истинныя границы дѣйствій, происходящихъ въ разныхъ областяхъ. Впадать въ преувеличенія могли Дю-Туа, Дузтанъ, Лабзинъ, Лопухинъ.

Онъ не имѣетъ гдѣ главу приклонити.

Съ одной стороны хотятъ поставить Его царемъ, съ другой бьютъ Его, какъ подлѣйшаго раба.

Онъ избираетъ себѣ товарищей къ совершенію порученнаго Ему Отцемъ Его дѣла; но они всѣ люди грубые, невѣжды.... Онъ сноситъ ихъ грубость, невѣжество съ терпѣніемъ, кротостію и безпрерывнымъ смиреніемъ.

Но по крайней мѣрѣ истомленное сердце Іисусово успокоится ли хотя на нѣсколько мгновеній и отдохнетъ ли отъ своихъ крестовъ, приготовляясь къ великому, Его ожидающему?—Да, онъ идетъ съ тремя учениками на гору Ѳаворъ, гдѣ пріемлетъ отъ Отца своего прославленіе, простиравшееся даже на ризы Его.... Лице Іисусово сдѣлалось сіяющимъ подобно солнцу, а одежда блестящая какъ снѣгъ. Во время свидѣтельства о Немъ Отца, что Онъ есть сынъ Его возлюбленный, предметъ Его благоволенія, сердце Іисусово подвизалось и духъ Его занимался совсѣмъ другимъ предметомъ, нежели славою. Онъ бесѣдовалъ съ Моисеемъ и Иліею о предстоящихъ Ему крестахъ въ Іерусалимѣ. И такъ Ѳаворъ въ сердцѣ и духѣ Его предварительно былъ Голгоѳою. Дивное и странное чудо! посреди божественныхъ наслажденій Онъ бесѣдуетъ о своихъ страданіяхъ, посреди славы о жестокой смерти и мучительной казни, которую готовился Онъ претерпѣть.

Нигдѣ не даютъ Ему главы подклонити.

Народъ во вратахъ Іерусалима привѣтствуетъ Его царемъ, — всѣ земныя власти возстаютъ, дабы осудить Его, какъ преступника.

Въ избранномъ сонмѣ своихъ друговъ Онъ видитъ неблагодарнаго предателя и первое орудіе смерти своей; лучшіе изъ нихъ служатъ Ему соблазномъ, помышляя человѣческое въ то время, когда Онъ идетъ на дѣло Божіе.

Почіешь ли ты, Божественный крестоносецъ, хотя на едино мгновеніе отъ ига, непрестанно возрастающаго на раменахъ Твоихъ?.... Такъ, приближаясь къ Голгоѳѣ, ты почіешь на Ѳаворѣ. Гряди на сію гору славы; да просвѣтится лице Твое свѣтомъ небеснымъ; да убѣлятся ризы Твои; да пріидутъ законъ и пророки признать въ Тебѣ свое исполненіе; да услышится гласъ благословенія Отчаго!—Но не примѣчаете ли вы, слушатели, какъ крестъ слѣдуетъ за Іисусомъ на самый Ѳаворъ, и слово крестное не разлучается отъ слова прославленія? О чемъ тамо среди толикой славы бесѣдуютъ со Іисусомъ Моисей и Илія?—Они бесѣдуютъ о Его крестѣ и смерти. *Глаголаста же исходъ Его.*

¹) О человѣкъ, влекомый благодатію Господа твоего на небо, но погрязающій плотію въ мірѣ! виждь образъ твой въ человѣкѣ, погружающемся въ водахъ и противоборствующемъ потопленію: онъ непрестанно возобновляетъ въ членахъ своихъ образъ креста и такимъ образомъ превозмогаетъ волны. Воззри на птицу, когда она желаетъ вознестися отъ земли: она простирается въ крестъ и возлетаетъ. Ищи и ты въ крестѣ изникнуть изъ міра и вознестися къ Богу.

Выше было замѣчено, что опасенія Карамзина, въ виду господства мистики и назначенія кн. Голицына министромъ просвѣщенія, были основательны и оправдались фактически. Какъ первыя мѣры министерства, такъ еще болѣе послѣдующія (съ 1820 г.) ясно показали, чего можно было ожидать отъ мистиковъ для народнаго образованія на всѣхъ его степеняхъ. Строгость цензуры, дѣйствія такихъ попечителей университетовъ, какъ Руничъ (петербургскаго), Магницкій (казанскаго) и Карнѣевъ (харьковскаго), намѣренно клонились къ тому, чтобы задержать развитіе литературы и стѣснить высшее научное образованіе, начертавъ ему такой путь, какому оно не могло слѣдовать, опредѣливъ ему такой характеръ, какого оно не могло имѣть, не отрекшись отъ своей истинной сущности, не потерявъ въ корень своего прямаго значенія и прямой цѣли. Лучшіе профессоры подвергались преслѣдованію; сочиненія образцовыхъ писателей не освобождалась отъ мелкихъ, придирчивыхъ, недостойныхъ замѣтокъ цензора. Отвѣтственность падаетъ не на мистику собственно: мистика здѣсь ни при чемъ; хотя она не допускаетъ познанія Бога путемъ разума, но она признаетъ за нимъ право и силу вѣдать другія области знанія. Вина лежитъ на тѣхъ ревнителяхъ мистики, которые или не понимали ея сущности, или отличались лицемѣріемъ. Первые не вѣдали что творили—и это облегчаетъ ихъ вину; вторые творили завѣдомо—и потому имъ нѣтъ оправданія.

Странное явленіе! Какъ не поняли наши мистики, что своими дѣйствіями относительно другихъ они впадали въ видимое противорѣчіе съ самими собою? Не довольствуясь обыкновенною вѣрой, которую они даже называли «вѣрованіемъ», и стремясь къ какой-то вѣрѣ высшей, они въ тоже время налагали запретъ на высшее знаніе. Добиваясь внутренняго свѣта, какъ источника сверхъестественныхъ откровеній, они готовы были гасить свѣтъ разума, этого естественнаго источника науки. Они устраивали особую, сокровенную, невидимую церковь, и тѣмъ отрѣшались отъ церкви видимой и общей, отъ ея преданій и постановленій, отъ ея дисциплины, а отрѣшеніе въ дѣлѣ научномъ отъ авторитета считали грѣхомъ и соблазномъ. Отвергая всякое посредничество между собою и Безконечнымъ, они хотѣли навязать посредничество между способностью познающей и предметами ея познаванія. Развѣ сфера религіи такого свойства, что въ ней преобразованія и нововведенія безопасны, тогда какъ въ сферѣ человѣческаго разума они грозятъ опасностью? Мистикъ принимаетъ не только къ свѣдѣнію, но и къ руководству опыты своей внутренней жизни, состоянія своего индивидуальнаго духа; они служатъ ему основой для

ученія, доводами въ пользу тѣхъ или другихъ догматовъ: по какой же причинѣ не должна имѣть мѣста пытливость умственная? Мистика допускаетъ свободу относительно религіознаго ученія; она исходитъ изъ индивидуальнаго чувства, которое можетъ быть и несогласно съ общимъ чувствомъ вѣрующихъ; *я* играетъ въ ней большую роль и хочетъ взять верхъ надъ *мы*; личное стремится къ господству надъ общимъ. Фенелонъ въ полемикѣ съ Боссюэтомъ по поводу квіетизма оттого и проигралъ свое дѣло, что стоялъ на почвѣ личнаго чувства, индивидуальнаго опыта, принципа свободы. Большинство оказалось не на его сторонѣ. Мистики наши должны были знать это; они воздавали дружныя похвалы автору Телемака: на какомъ же основаніи вопіяли они противъ свободы мысли, считая каждый шагъ ея впередъ гибельнымъ прогрессомъ? Они дѣйствовали въ своемъ кругу такъ же, какъ профессоры и литераторы въ своемъ. Какимъ образомъ они не узнали своихъ? За это невѣдѣніе, лицемѣрное или искреннее, судьба наказала ихъ тѣмъ самымъ, въ чемъ они провинились. Фотій, Аракчеевъ, Шишковъ поразили ихъ собственнымъ ихъ оружіемъ—обличеніемъ въ вольнодумствѣ. Если мистики видѣли въ ученыхъ книгахъ и лекціяхъ подкопъ подъ религію, антигосударственные замыслы, планы на пагубу Россіи, заразу русскаго юношества, то сами они отъ своихъ противниковъ подозрѣвались въ тѣхъ же самыхъ покушеніяхъ и получали названія протестантовъ, иллюминатовъ, еретиковъ, революціонеровъ, якобинецевъ. «Записка о крамолахъ враговъ Россіи», какъ бы въ насмѣшку, сопоставляетъ то, въ чемъ мистики думали видѣть противоположность: распространеніе мистическихъ книгъ, направленныхъ противъ вѣры, церкви, нравственности и правительства, и—рядомъ съ этимъ зломъ другое—преподаваніе зловреднаго ученія въ университетахъ и во всѣхъ высшихъ училищахъ [1]. Не ясно ли, что Немезида поразила виновныхъ не только гнѣвомъ, но и иroніей?

§ 25. Мы видѣли [2], что на первой ступени своего развитія наша литературная критика была по преимуществу стилистическая. Такою же оставалась она долго и въ періодъ Карамзинскій. Если въ предыдущемъ столѣтіи, начиная съ Ломоносова, встрѣчались уклоненія отъ общаго ея характера, то и въ первое двадцатилѣтіе нынѣшняго вѣка являлись статьи, возвышавшіяся надъ обыкновеннымъ критическимъ уровнемъ. Вотъ нѣсколько тому примѣровъ. Дашковъ, въ полемикѣ съ Шишковымъ, не довольствуется

---

¹) Рус. Архивъ 1868, стр. 1896.

²) Ист. Русс. Слов. I.

ловлей грамматическихъ и стилистическихъ погрѣшностей своего противника: онъ занятъ серьезнымъ вопросомъ объ отношеніи церковно-славянскаго языка къ русскому и показываетъ необходимую связь между движеніемъ образованія съ одной стороны и введеніемъ неологизмовъ съ другой. Жуковскій, въ разборѣ сатиръ Кантемира и басень Крылова, основываетъ свои сужденіи на теоріи и исторіи тѣхъ родовъ словесности, къ которымъ принадлежитъ сочиненія этихъ писателей, другими словами: общее прилагаетъ къ частному, разъясняя притомъ послѣднее сравненіемъ съ другими однородными образцами. Каченовскій, при оцѣнкѣ сочиненій и переводовъ И. Дмитріева, слѣдуетъ тому же методу, тогда какъ другіе умѣли только восхищаться баснописцемъ, выражая свой восторгъ похвалами до того избитыми, что онѣ сдѣлались общими мѣстами. Строевъ впервые опредѣлилъ настоящее значеніе Россіады, показавъ ея невѣрность въ историческомъ отношеніи и ея незначительность, почти ничтожность въ отношеніи поэтическомъ. Изъ ряда вонъ выходятъ также критическія статьи кн. П. Вяземскаго: О жизни и сочиненіяхъ Озерова и о жизни и стихотвореніяхъ И. Дмитріева. Но всѣ эти и подобные имъ примѣры были случайностями въ общемъ ходѣ критики. Обратить случайное въ постоянную практику предоставлено было Мерзлякову (1778—1830), профессору краснорѣчія и поэзіи въ Московскомъ Университетѣ. Заслуга его состоитъ въ томъ, что онъ, въ своихъ литературныхъ разборахъ, руководствовался общими началами и сравненіемъ разбираемыхъ произведеній съ другими однородными, древними и новыми, другими словами: положилъ основаніе теоретико-сравнительному методу въ критикѣ, который хотя не исключаетъ, изъ своего вѣдѣнія, стилистической стороны, но отводитъ ей подчиненное мѣсто.

Въ университетѣ Мерзляковъ преподавалъ Теорію поэзіи, предлагающей правила поэтическихъ родовъ, иногда предпосылая ей введеніе, состоящее въ изложеніи общихъ эстетическихъ началъ науки, и Риторику, объясняющую правила всѣхъ родовъ прозаическихъ сочиненій. Руководствомъ для него служилъ нѣмецкій эстетикъ Эшенбургъ, школы Баумгартена. Слѣдуя ему, Мерзляковъ издалъ: «Краткую Риторику» (2-е изд. 1817) и переводъ изъ Эшенбурга «Краткое начертаніе теоріи изящной словесности (1821—1822) и «Краткое руководство къ Эстетикѣ» (1829). Въ нѣкоторыхъ основныхъ мысляхъ переводчикъ отступалъ отъ подлинниковъ. Такъ, напримѣръ, Эшенбургъ признаетъ недостаточнымъ начало, которое Батте полагалъ для изящныхъ искусствъ въ подражаніи, и ставитъ высшимъ началомъ «чувственное совершен-

ство», представляемое искусствомъ; Мерзляковъ остается при мнѣніи Батте, говоря: «подражаніе природѣ эстетическое, въ полномъ смыслѣ этого слова, можетъ быть принято за начало всѣхъ искусствъ». Эшенбургъ цѣлью всякаго художественнаго представленія полагаетъ очарованіе, но такое, посредствомъ котораго идеальное получаетъ напечатлѣніе дѣйствительности такъ, что представленіе чрезъ то является вмѣстѣ и чувственнымъ и совершеннымъ; Мерзляковъ принимаетъ очарованіе въ смыслѣ ученія Батте и всей лже-классической французской школы: «цѣль каждаго искусственнаго представленія есть очарованіе, или *умышленно произведенный обманъ* въ наружныхъ и внутреннихъ чувствахъ наблюдателя, по которому подражаніе искусства принимается за существенность и за непосредственное созерцаніе». Вообще Мерзляковъ не сочувствовалъ эстетическому ученію нѣмцевъ, а Эшенбурга держался только потому, что въ немъ болѣе чѣмъ въ другихъ находилъ отголосокъ французской теоріи, измѣняя, однакожъ, въ немъ то, что съ нею не согласовалось. Главнымъ стремленіемъ и Эшенбурга и его послѣдователя было не столько сознать законы красоты въ явленіяхъ изящнаго, какъ въ природѣ, такъ и въ искусствѣ, сколько предписать *общія* правила для художниковъ. Но убѣжденіе въ прочности этихъ правилъ у Мерзлякова не было твердо. Онъ сомнѣвался въ самостоятельности науки объ изящномъ, какъ видно изъ слѣдующихъ его словъ: «Впрочемъ, произведенія изящныхъ искусствъ, какъ предметъ чувствованія и вкуса, не подвержены строгимъ правиламъ и не могутъ, кажется, имѣть постоянной системы, или науки изящнаго. Самое понятіе о прекрасномъ чуждо всякихъ законовъ.... Только *критика вкуса* имѣетъ здѣсь свой голосъ, болѣе или менѣе опредѣленный.... Врожденная и совершенствуемая разумомъ чувственная способность, *вкусъ*, вмѣстѣ съ *критикой*, основанной на сравненіи, доводитъ насъ до опредѣленія, сколько возможно, точнѣйшихъ границъ изящной природы, изъ которой почерпаютъ свои матеріалы всѣ искусства».— Питая особенное нерасположеніе къ умозрительнымъ системамъ нѣмецкимъ, онъ скептически относился къ системѣ вообще: «вотъ гдѣ система», говаривалъ онъ слушателямъ, указывая на сердце.

Въ 1812 году Мерзляковъ открылъ публичный курсъ словесности. Бесѣды его, прерванныя нашествіемъ Наполеона, возобновились въ 1816-мъ. Особенною ихъ цѣлью было принести пользу тѣмъ молодымъ людямъ, которые, по любви къ словесности, желали бы познакомиться съ нею, но которымъ служебныя обязанности или другія занятія не дозволяли посѣщать университетъ. Въ первый курсъ (10 бесѣдъ) Мерзляковъ разсмотрѣлъ общія правила

краснорѣчія и поэзіи и особенныя правила разныхъ родовъ сочиненій; во второй (24 бесѣды), по краткомъ изложеніи того, что содержалъ въ себѣ предъидущій курсъ, онъ представилъ разборы извѣстнѣйшихъ русскихъ стихотворцевъ, преимущественно Ломоносовскаго періода. Чтенія имѣли блистательный успѣхъ. Ихъ посѣщали не одни молодые любители словесности, но и знатнѣйшія особы столицы, первые литераторы, дамы. Роль и заслуга Мерзлякова въ этомъ отношеніи сходственна съ ролью и заслугой знаменитаго нѣкогда французскаго критика Лагарпа († 1803), который, по открытіи въ Парижѣ Лицея (1786), въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ читалъ въ немъ курсъ литературы и такъ прославился своими чтеніями, что сдѣлался авторитетомъ и получилъ наименованіе французскаго Квинтиліана [1]. Какъ Лагарпъ послѣ общихъ теоретическихъ началъ, основанныхъ на ученіи Аристотеля, большую часть курса посвятилъ французской литературѣ XVII и XVIII столѣтій, такъ и Мерзляковъ, начавъ съ теоріи, прилагалъ ее къ разбору поэтическихъ произведеній. Какъ Лагарпъ видѣлъ совершеннѣйшій образецъ изящной словесности въ писателяхъ вѣка Людовика XIV-го, такъ и Мерзляковъ—если не во всѣхъ родахъ словесности, то, по крайней мѣрѣ, въ драмѣ отдавалъ пальму первенства французамъ: Корнелю, Расину, Вольтеру. Наконецъ, подобно Лагарпу, Мерзляковъ основываетъ свою критику на сравненіи разбираемыхъ образцовъ съ однородными имъ образцами древней и новой литературы.

Изъ бесѣдъ, относящихся къ теоріи словесности, напечатаны слѣдующія: а) о талантахъ стихотворца; б) о геніи, объ изученіи поэта, о высокомъ и прекрасномъ; в) объ изящной словесности, ея пользѣ, цѣли и правилахъ; г) объ изящномъ, или о выборѣ въ подражаніи; д) приложеніе основъ изящнаго къ родамъ и видамъ поэзіи, необходимость науки для художника и разборъ оды Державина «На взятіе Варшавы» въ отношеніи къ плану и ходу; е) о томъ, что называется дѣйствіе драмы (баснь, содержаніе) и объ его главныхъ свойствахъ; ж) разсужденіе о драмѣ вообще. Ученіе, изложенное въ этихъ бесѣдахъ, представляетъ нѣкоторыя здравыя и самостоятельныя мысли, но въ сущности не отличается отъ того, что содержится въ Руководствахъ къ Эстетикѣ и къ изящной словесности. Это — таже теорія Буало, Батте, Лагарпа, съ прибавленіемъ правилъ Аристотеля и Горація, но въ томъ

---

[1]) Lycée ou cours de litterature ancienne et moderne, 16 томовъ. Русскій переводъ: «Лицей или кругъ словесности, древней и новой», переведенный членами Россійской Академіи, 5 ч. (1810—1814).

смыслѣ, какъ они были истолкованы французами. Самое опредѣленіе поэзіи основано на главномъ началѣ изящныхъ искусствъ—подражаніи природѣ: «Поэзія есть подражаніе въ гармоническомъ словѣ, иногда вѣрное, иногда украшенное—всему тому, что природа можетъ имѣть прелестнаго, трогательнаго, подражаніе сообразное съ намѣреніемъ поэта, съ его талантами и чувствами» (чтеніе 4-е). Вообще въ теоретическихъ положеніяхъ автора встрѣчаются противорѣчія и несообразности. Онъ, напримѣръ, на основаніи Гораціевой «Ars poëtica» принимаетъ только два рода поэзіи: эпическій и драматическій, относя къ первому и лирическій, какъ бы не зная, что въ поэзіи новаго (христіанскаго) міра лирика такъ же самостоятельна, какъ эпосъ и драма. При разборѣ оды Державина: «На взятіе Варшавы» (5-я бесѣда) замѣчаетъ, что «въ порывахъ чувствъ есть своя система постоянная и вѣрная, которую и долженъ открыть и исполнить стихотворецъ»: замѣтка вполнѣ справедливая, но несогласная съ его же мнѣніемъ, что произведенія изящныхъ искусствъ не могутъ имѣть системы, почему критикъ въ своихъ сужденіяхъ долженъ основываться не на законахъ изящнаго, а единственно на вкусѣ и сравненіи. Называя краснорѣчіе соединеннымъ языкомъ разума и чувства, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ полагаетъ самымъ важнымъ дѣломъ оратора—возбужденіе страстей, какъ будто языкъ разума можетъ быть и языкомъ страсти. Теорію романа, повѣсти и сказки онъ то помѣщалъ въ Риторикѣ, то переносилъ въ Теорію изящной словесности, то снова включалъ ее въ Риторику, подъ именемъ теоріи вымышленныхъ повѣствованій.

Сужденія, основанныя на теоріи односторонней или невѣрной, потому самому должны выходить односторонними или невѣрными. Дѣйствительно, лже-классическая теорія французовъ, вмѣстѣ съ французскими образцами, почитаемыми за высшее выраженіе изящества, много повредила Мерзлякову. Хотя основательное знаніе языковъ древнихъ и нѣкоторыхъ новыхъ (французскаго, нѣмецкаго и итальянскаго) вооружило его богатыми средствами для сравнительнаго метода, но вѣдь заключительные выводы, добываемые помощью сравненій, также должны основываться на какомъ-нибудь теоретическомъ началѣ: если начало не истинно, то и заключеніе окажется ложнымъ. Къ счастію для него, онъ получилъ отъ природы другія, необходимыя критику средства, независимо отъ вѣры въ эстетическіе догматы и отъ увлеченія образцами: здравый смыслъ, поэтическое чувство, засвидѣтельствованное нѣкоторыми изъ его собственныхъ произведеній, ту систему сердца, которая—такъ онъ думалъ — не только лучше всякихъ научныхъ системъ, но и есть

единственно вѣрная, необманчивая. Въ лицѣ его, по справедливому замѣчанію, критикъ и поэтъ были нераздѣльны. Этимъ объясняется значеніе критики Мерзлякова — ея достоинства и недостатки. Тамъ, гдѣ притязанія избранной имъ теоріи брали верхъ надъ его чувствомъ, онъ впадаетъ въ ошибки и недоразумѣнія; тамъ же, гдѣ, увлекаясь предметомъ разбора, поддавался чувству и забывалъ теорію,—онъ вѣрно угадывалъ красоты и слабыя стороны произведенія, дѣлалъ справедливыя о немъ замѣтки. Отсюда же происходитъ, что критическія статьи перваго разряда, написанныя подъ вліяніемъ теоріи, нерѣдко противорѣчатъ статьямъ втораго разряда, продиктованнымъ истиннымъ чувствомъ.

Лучшими образцами критическаго метода Мерзлякова, разсматривавшаго русскія произведенія литературы сравнительно съ образцами изящной словесности древняго и новаго міра, служатъ разборы трагедій Озерова: «Поликсена» и «Эдипъ въ Аѳинахъ»[1]. Въ первомъ разборѣ наша піеса обстоятельно сличается съ тремя піесами такого же содержанія: греческою (Эврипида), латинскою (Сенеки) и французскою (Шатобріана). Критикъ указываетъ въ ней заимствованія и отступленія, отдавая въ однихъ случаяхъ преимущество подражателю, въ другихъ подлинникамъ. Недовольный характерами Пирра и Улисса, онъ замѣчаетъ, что «авторъ обязанъ непремѣнно, взявъ характеры древнихъ нравовъ, сближать ихъ, сколько можно, съ зрителями, для которыхъ трагедія сочиняется, какъ дѣйствительно и поступали Корнели, Расины, Вольтеры и всѣ поставившіе трагедію на нынѣшнюю степень совершенства», т. е. обязываетъ драматическаго писателя именно тѣмъ, что уже современная Мерзлякову нѣмецкая критика ставила въ укоръ французскимъ трагикамъ, какъ нарушеніе преданія или исторіи, какъ несоблюденіе мѣстнаго колорита. При разборѣ «Эдипа въ Аѳинахъ», Мерзляковъ сопоставляетъ эту трагедію съ трагедіями Софокла (Эдипъ Колонскій) и французскаго автора Дюси (Эдипъ у Адмета). Отдавая полное преимущество Софоклу, онъ порицаетъ Озерова за то, что не видитъ въ его піесѣ ни Греціи, ни грековъ: порицаніе заслуженное, но раздѣляемое Озеровымъ съ Корнелями, Расинами, Вольтерами и всѣми (какъ выразился Мерзляковъ), поставившими трагедію на нынѣшнюю степень совершенства. И какъ согласить такое разумное требованіе Греціи и грековъ въ «Эдипѣ въ Аѳинахъ» съ другимъ, вышеприведеннымъ требованіемъ, «чтобы авторъ сближалъ характеръ древнихъ нравовъ съ зрителями, для которыхъ трагедія сочиняется»? — Замѣ-

[1]) Вѣст. Евр. 1817, т. I, № 4; т. II, № 5.

чательны, по верности взгляда, разборы Димитрія Самозванца (Сумарокова) и Росслава (Княжнина) [1]. Въ Димитріи критикъ справедливо видитъ «чудовище, исполненное несообразностей», а содержаніе трагедіи передается въ слѣдующихъ словахъ: «тиранъ сердился, бранился и съ досады наконецъ убилъ себя». Но, изрекая такой приговоръ, Мерзляковъ, сознательно или безсознательно, осудилъ всѣ французскія трагедіи лже-классическаго періода: въ нихъ дѣйствующія лица и выходятъ на сцену и сходятъ со сцены съ одною только страстію, не представляя цѣльнаго характера. О «Росславѣ» произнесено строгое сужденіе за несообразность сюжета и неестественность характеровъ. Напротивъ, разборъ «Россіады» [2], не смотря на свою подробность, не даетъ опредѣленнаго понятія о значеніи поэмы. Указаны нѣкоторые ея недостатки, но вмѣстѣ съ тѣмъ—изъ уваженія ли къ творцу ея, или изъ боязни идти на перекоръ сложившемуся мнѣнію — она сравнена съ храмомъ св. Петра: «какъ громада неподвижная, и въ буряхъ времени, и въ буряхъ мнѣній, стоитъ огражденная неизмѣняемымъ своимъ величіемъ». Лже-классическая теорія иногда заставляла Мерзлякова противорѣчить общему чувству, которое зрители испытывали въ театрѣ. Такъ, въ разборѣ Аблесимова «Мельника» [3], онъ не хотѣлъ объяснить успѣха этой оперы тѣмъ, что она, какъ всѣ тогда утверждали, написана въ русскихъ нравахъ. Задавъ себѣ вопросъ: «отъ чего Мельникъ такъ долго и постоянно удерживается на нашемъ театрѣ»? критикъ рѣшаетъ его тѣмъ, что «піеса, подобно всѣмъ лучшимъ трагедіямъ и комедіямъ, вполнѣ удовлетворяетъ законамъ Аристотеля, наставленіямъ Горація и Буало, и вообще правиламъ науки и вкуса, о которыхъ Аблесимовъ, можетъ быть, и не думалъ вовсе. Такова сила предвзятыхъ убѣжденій! Она способна доводить не только до педантическихъ натяжекъ, но и до фанатизма, требующаго, во что бы-то ни стало, слѣдованія единственно той теоріи, внѣ которой критикъ не видитъ спасенія.

Изъ сказаннаго ясно, что Мерзляковъ долженъ былъ отрицательно относиться къ новымъ направленіямъ русской поэзіи, которыя его теорія не признавала доброкачественными. Въ «Письмѣ

---

1) Вѣст. Евр. 1817, т. III, № 12, и т. IV, №№ 13 и 14.

2) Въ семи статьяхъ (Амфіонъ, 1815).

3) В. Е. 1817, т. II, № 6. Другія критическія статьи Мерзлякова: «Разсужденіе о рос. словесности, въ нынѣшнемъ ея состояніи» (Труды Общества люб. Рос. Словесности 1812, ч. I), съ краткими, но замѣчательными характеристиками русскихъ писателей; «Разборъ 8-й оды Ломоносова» (ib. 1817, ч. 7); «Разборъ Фингала Озерова» (Вѣст. Евр. 1817, т. III); «О Державинѣ» (Тр. Общ. 1820, ч. 18).

изъ Сибири» онъ напалъ на баллады и гексаметры, какъ на злоупотребленіе поэзіи ([1]). Статья «о вѣрнѣйшемъ способѣ разбирать и судить сочиненія, особливо стихотворныя, по ихъ существеннымъ качествамъ», осуждаетъ мечтательныя созданія романтической поэзіи, находя въ нихъ необузданность фантазіи и слѣдовательно противорѣчіе основному правилу изящнаго, состоящему въ стройномъ цѣломъ ([2]). При «воспоминаніи о Сокольскомъ», одномъ изъ даровитыхъ учениковъ своихъ, Мерзляковъ жалѣетъ, что онъ былъ привязанъ къ нѣмецкой литературѣ и видитъ въ этой привязанности «припадокъ времени». Прочитавъ «Цыганъ», онъ, въ цензурномъ комитетѣ, состоявшемъ тогда при университетѣ, въ присутствіи всѣхъ назвалъ это сочиненіе неблагопристойнымъ и безнравственнымъ. Позднѣе (1830), на диспутѣ у Надеждина (въ послѣдствіи профессора теоріи изящныхъ искусствъ), написавшаго диссертацію на званіе доктора: «De origine, natura et fasis Poëseos, quæ Romantica audit», Мерзляковъ никакъ не хотѣлъ допустить законность романтизма, утверждая, что разныхъ поэзій нѣтъ, а есть только одна поэзія, та именно, которая «согласна съ общимъ вкусомъ образованныхъ націй». Въ возраженіяхъ своихъ онъ былъ остановленъ замѣчаніемъ одного изъ профессоровъ, стараго словесника (Л. А. Цвѣтаева), что и вѣра христіанская одна, но что самъ возражатель не можетъ же отвергать различія между разными ея вѣроисповѣданіями — православнымъ, католическимъ, лютеранскимъ. Самый эпиграфъ къ диссертаціи: «ubi vita—ibi poësia» (гдѣ жизнь, тамъ и поэзія), не нравился Мерзлякову, какъ слишкомъ расширяющій область поэзіи, которая, по его мнѣнію, должна ограничиваться подражаніемъ «изящной» природѣ, да и изъ этой природы онъ совѣтовалъ для подражанія выбирать только такіе предметы, которые имѣютъ ближайшее вліяніе на человѣка, на благо его, на его несчастія. Исключительнымъ взглядомъ на искусство Мерзляковъ поднялъ противъ себя даже учениковъ своихъ, хотя они очень уважали его и какъ человѣка, и какъ даровитаго критика. По поводу положенія изъ «Краткаго начертанія теоріи изящной словесности», что «произведенія изящныхъ искусствъ не подлежатъ строгимъ правиламъ и не могутъ имѣть постоянной системы, и что только критика вкуса имѣетъ здѣсь свой голосъ болѣе или менѣе опредѣленный», кн. Одоевскій, издававшій «Мнемозину» (1824), спрашиваетъ: «на чемъ же должна основываться эта критика вкуса, если изящное не можетъ имѣть постоян-

---

[1]) Труды Общества 1818, ч. IX.
[2]) Ib. 1822, ч. 2.

ныхъ, строгихъ законовъ?... Пора знать, что есть другія основанія для теоріи изящнаго, кромѣ тѣхъ, о которыхъ толкуется въ нашихъ риторикахъ и піитикахъ, краткихъ и пространныхъ, сочинители коихъ какъ будто спали сномъ Эпименида и, проснувшись, начали толковать о томъ, что говорилъ учитель ихъ учителя». Въ «разсужденіи о началѣ и духѣ древней трагедіи и о характерахъ трехъ греческихъ трагиковъ», напечатанномъ въ видѣ предисловія къ «Подражаніямъ и переводамъ изъ греческихъ и латинскихъ стихотворцевъ» (1825 — 1826), Мерзляковъ объясняетъ происхожденіе искусствъ эмпирическимъ способомъ, по которому искусства изобрѣтены случайно или нуждою и усовершенствованы вкусомъ. Веневитиновъ отвергнулъ такой взглядъ, какъ устарѣлый, и доказалъ, что начала искусствъ слѣдуетъ искать не внѣ человѣка, а внутри его, въ прирожденной ему творческой способности (¹).

Примѣръ Мерзлякова мало нашелъ себѣ подражателей. Одновременно съ его серьезнымъ теоретико-сравнительнымъ методомъ разсматривать произведенія литературы продолжало существовать прежнее направленіе критики мелкой, державшейся на грамматическихъ и стилистическихъ замѣткахъ. Большею частію она дѣйствовала въ журналахъ. Журналъ «Благонамѣренный», издававшійся Александромъ Измайловымъ, представилъ многіе образцы ея при отчетахъ о нововыходившихъ книгахъ. Самъ издатель, какъ баснописецъ, занимался разборомъ басень. Руководствомъ служила ему теорія этого поэтическаго рода, напечатанная подъ заглавіемъ; «О разсказѣ басни» и составляющая только часть задуманнаго имъ «Полнаго опыта о баснѣ» (²). Это не что иное, какъ выборка правилъ изъ сочиненій: Батте «Основанія словесности», Мармонтеля «Французская піитика», Лагарпа «Похвальное слово Лафонтену», Ламота «Разсужденіе о баснѣ», Гильона «Лафонтенъ и другіе баснописцы», Шамфора «Комментарій къ баснямъ Лафонтена», и пр. Своего собственнаго нѣтъ ничего, кромѣ примѣровъ, которые Измайловъ бралъ изъ русскихъ басень. Самыя положенія, заимствованныя у разныхъ теоретиковъ, не получили твердой постановки.

Какъ ни скудно содержаніе «Опыта о разсказѣ басни», но основанные на немъ разборы трехъ басень: Воля и Неволя (Хемницера), Котъ, Ласточка и Кроликъ (И. Дмитріева), Лягушки, просящія царя (Крылова), еще скуднѣе. Они ограничиваются либо грам-

---

¹) Сынъ Отечества 1825, т. III. О Мерзляковѣ см. Біогр. Словарь Моск. Унив.

²) Во 2-мъ т. Сочиненій А. Измайлова, 1849.

матическими, либо стилистическими примѣчаніями. Измайловъ выписываетъ отдѣльные стихи и показываетъ достоинство или недостатки версификаціи, выбора словъ, строенія рѣчи, фигурнаго языка. Если басня переводная, то показывается, въ чемъ она уступаетъ оригиналу и въ чемъ беретъ надъ нимъ преимущество. Дальше этого нейдетъ критика Измайлова.

Уваженіе къ слогу, предпочтительно предъ другими сторонами сочиненія, господствовало между всѣми нашими литераторами, особенно тѣми, которые и въ теоріи и въ критикѣ слѣдовали французамъ. У Измайлова оно доходило почти до исключительности и даже привело его къ забавному самоуправству съ памятниками словесности. Издавая, по просьбѣ книгопродавца, сочиненія Озерова (въ 1824 г.), онъ, «изъ уваженія къ памяти незабвеннаго трагика, осмѣлился исправить у него нѣкоторыя несомнѣнныя ошибки въ словахъ» (собственныя слова Измайлова). Напримѣръ, стихи Озерова, въ «Эдипѣ въ Аѳинахъ» и «Фингалѣ»:

Ты зри главу мою, лишенную волосъ...
Ты храбростью своей въ лѣтахъ младыхъ извѣстенъ...

замѣнены слѣдующими:

Зри и главу мою, лишенную волосъ...
Ты мужествомъ своимъ вселенной всей извѣстенъ.

«Надѣюсь (прибавляетъ исправитель), что просвѣщенные любители отечественной словесности не поставятъ мнѣ этого въ вину. Озеровъ, равно какъ и Державинъ, былъ великій поэтъ, но не всегда, какъ и тотъ, искусный *стихослагатель*. Этотъ недостатокъ есть, такъ сказать, неизбѣжная дань, заплаченная ими тому времени, въ которое они начали писать, не учась, къ сожалѣнію, классически словесности и не имѣвъ тогда образцовъ исправнаго стихосложенія». Должно думать, Измайловъ имѣлъ оригинальное понятіе и о классическомъ ученіи, и о снисходительности просвѣщенныхъ любителей отечественной словесности. Впрочемъ поступокъ его былъ встрѣченъ сильнымъ осужденіемъ въ журналахъ.

Разборъ поэмы Пушкина: «Русланъ и Людмила», написанный Воейковымъ ([1]), еще сильнѣе выказываетъ направленіе критики въ Карамзинскую эпоху. Онъ имѣетъ притомъ особое значеніе, потому что имя Воейкова пользовалось большою извѣстностью. Нѣкоторое время ставили его на ряду съ именами Жуковскаго и Батюшкова, образуя такимъ сопоставленіемъ своего рода первоклассный литера-

---

[1]) Сынъ Отеч. 1820.

турный тріумвиратъ. Какъ видный литераторъ и вмѣстѣ какъ профессоръ русской словесности въ Дерптскомъ университетѣ, онъ считалъ себя въ правѣ судить и рядить о произведеніяхъ поэзіи. Журналы охотно принимали его критическія статьи на свои страницы, и самъ онъ былъ увѣренъ въ ихъ несомнѣнной цѣнности.

Къ разбору «Руслана и Людмилы» Воейковъ приступилъ съ аппаратомъ и пріемами лже-классической піитики, т. е. выбралъ именно ту мѣрку, которою нельзя измѣрять значеніе разбираемаго сочиненія. Сказавъ, что стихотвореніе Пушкина справедливо названо поэмой, онъ задаетъ себѣ вопросъ: какая же это поэма? Отвѣтъ былъ затруднителенъ, такъ какъ произведеніе не находило себѣ мѣста въ дѣленіи эпоса на виды по теоріи, обязательной для критика. Поэтому критикъ опредѣлилъ его сначала отрицательными признаками: эта поэма—«не эпическая, не описательная, не дидактическая», а потомъ признаками положительными: она—«богатырская, волшебная, шуточная», прибавивъ къ тому, что «нынѣ сей родъ поэзіи называется романтическимъ». Такое опредѣленіе, разумѣется, ничего не опредѣлило, не говоря уже о его невѣрности. Богатыри—тѣже герои и слѣдовательно имѣютъ право быть дѣйствующими лицами эпической поэмы. Въ Освобожденномъ Іерусалимѣ, поэмѣ эпической, есть и волшебникъ, и волшебница, и волшебства. Съ другой стороны «Русланъ и Людмила» содержитъ въ себѣ описанія богатырей, чародѣевъ, сраженій, садовъ и многихъ другихъ предметовъ: почему же не принадлежать ей къ поэмамъ описательнымъ? Что же касается до забавной характеристики романтической поэзіи, которая будто бы слагается изъ смѣси богатырскаго, волшебнаго и шуточнаго, то одинъ изъ защитниковъ Пушкина тогда же справедливо замѣтилъ, что критикъ не имѣетъ понятія о романтизмѣ и должно быть вовсе не читалъ Байрона. Отъ опредѣленія поэмы Воейковъ переходитъ къ изложенію ея содержанія и къ характерамъ ея сверхъестественныхъ существъ и героевъ. Любопытно, что къ героямъ причислена и голова Черноморова брата, причемъ въ характерѣ ея найдена постоянная и ровная выдержанность въ теченіи всѣхъ шести пѣсень. Далѣе говорится, что поэма безъ начала, ибо нѣтъ въ ней «воззванія», ни «изложенія», и «поэтъ какъ съ неба упадаетъ на Владиміровъ пиръ»; что переходы изъ тона въ тонъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слишкомъ скоры, какъ у Аріоста; что повѣсть о любви Финна и Наины, разговоры Финна съ Русланомъ и эпизодъ о приключеніяхъ Ратмира было бы лучше замѣнить чѣмъ-нибудь другимъ, не столько низкимъ и грубымъ, ибо, по внушительному замѣчанію критика, вѣроятно забывшаго, на этотъ случай, и поэму Аріоста, и русскія былины,

«эпическій поэтъ обязанъ вести себя передъ слушателями вѣжливо и почтительно, и хотя основаніе поэмы взято изъ народной сказки, но и между простымъ народомъ есть своя благопристойность, свое чувство изящнаго». О рѣчахъ героя произнесено слѣдующее, ничего не доказывающее мнѣніе: «рѣчи нейдутъ въ сравненіе съ Гомеровыми, но не надобно забывать, что Иліада—поэма эпическая, а Русланъ—романтическая», какъ будто кто-нибудь могъ забыть это и рѣшиться на сравненіе предметовъ, не подлежащихъ сравненію. Остроты въ лирическихъ прологахъ каждой пѣсни признаны натянутыми и плоскими. Отмѣчена и нравственная цѣль поэмы, состоящая въ томъ, что злодѣйство наказано, а порокъ торжествуетъ; но при этомъ укоряется авторъ за любовь къ двусмысленностямъ, намекамъ, употребленію эпитетовъ: «нагія», «полунагія»; у него, говоритъ критикъ, и холмы «нагіе», и сабли «нагія», онъ томится какими-то желаніями, сладострастными мечтами, во снѣ и на яву ласкаетъ прелести дѣвъ, вкушаетъ восторги, и проч. и проч. Послѣдняя (четвертая) статья занята критикой стиля. Воейковъ особенно остановился на этомъ пунктѣ, считая себя сильнымъ по части слога. Но какого свойства эта сила, легко видѣть каждому изъ нѣсколькихъ выписокъ, въ которыхъ стихи Пушкина сопровождаются стилистическими замѣтками.

Сердца ихъ гнѣвомъ стѣснены:

Гнѣвъ не стѣсняетъ, а расширяетъ сердце.

Съ сѣдла наѣздника срываетъ:

Слово «наѣздникъ» низко (¹) и выходитъ изъ общаго тона.

Питомцы бурные набѣговъ:

Неточное выраженіе: набѣгъ есть быстрое движеніе и никого ни питать, ни воспитывать не имѣетъ времени.

...Вопрошаетъ мракъ нѣмой:

Это смѣло. Послѣ этого можно сказать: «говорящій» мракъ, «болтающій» мракъ и т. п.

Такова эта критика, не умѣвшая ничего разглядѣть и понять въ произведеніи, о которомъ взялась судить.

§ 26. Содѣйствіе успѣхамъ роднаго языка и словесности служило предметомъ занятій не однихъ отдѣльныхъ лицъ, но и литературныхъ обществъ, оффиціальныхъ и частныхъ.

¹) Слово «басурманъ» также названо низкимъ.

Изъ нихъ на первомъ мѣстѣ должна быть поставлена Россійская Академія, какъ правительственное учрежденіе. При Александрѣ I она вступила во второй періодъ своего существованія, который, сравнительно съ первымъ, Екатерининскимъ, нельзя назвать временемъ ея возвышенія. Прежде всего это обнаруживается личнымъ академическимъ составомъ въ обѣ эпохи. Списокъ членовъ Академіи при Екатеринѣ представляетъ образованнѣйшихъ людей того времени, знаменитыхъ литераторовъ. Не то видимъ въ два послѣдовательныя президенства, Нартова (съ 1801 по 1813) и Шишкова (съ 1813 по 1840): Карамзинъ и Жуковскій, по общему сознанію публики давно принадлежавшіе къ первоклассимъ писателямъ, были приняты Академіей только въ 1818 г., послѣ того, какъ въ ней уже засѣдали многія личности, и тогда извѣстныя всѣмъ своею посредственностью, а теперь потерявшія и это свое качество. Даже въ признаніи заслугъ Востокова Московское Общество любителей россійской Словесности предупредило Академію, которая избрала его въ свои члены уже послѣ того, какъ знаменитое его «Разсужденіе о славянскомъ языкѣ» явилось въ «Трудахъ» общества. Надобно жалѣть и удивляться, если Россійская Академія, вовсе не старая сравнительно съ другими тождественными ей иноземными учрежденіями, при оцѣнкѣ авторскаго значенія, такъ рано увлеклась примѣромъ Академіи Французской, которая открыла свои двери Вольтеру не прежде, какъ ему минуло пятьдесятъ лѣтъ, а Ж. Ж. Руссо и вовсе не удостоился этой чести. Причина странныхъ выборовъ и невыборовъ объясняется не покровительствомъ вліятельныхъ лицъ, какъ это имѣло мѣсто во Франціи, а односторонностью литературныхъ взглядовъ, доходившею до исключительности, что и повело неизбѣжно къ нетерпимости, замкнутости ученаго сословія.

Въ первые годы втораго періода Академіи происходилъ споръ о языкѣ, открытый разсужденіемъ Шишкова о старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка. Онъ отразился и на трудахъ Академіи, которая задумала изгонять изъ нашего языка общеупотребительныя иностранныя слова, замѣняя ихъ русскими, на что и посвящала часть своихъ засѣданій. При различіи взглядовъ на отношеніе языка церковно-славянскаго къ русскому и на существенныя достоинства литературной рѣчи, сообщество Карамзина и его послѣдователей равнялось бы для академиковъ отреченію ихъ отъ своего собственнаго ученія. Къ такому самоосужденію менѣе всѣхъ былъ способенъ Шишковъ, въ характерѣ котораго заключалась особенность, много способствовавшая раздраженію и долговременности полемики. При всемъ простодушіи и честности, онъ стра-

далъ упрямствомъ однажды принятаго мнѣнія. Съ силой этого упрямства могла равняться только сила его трудолюбія. Онъ думалъ единственно о томъ, чтобы отбить противника, а не о томъ, чтобы вникнуть въ значеніе его доводовъ. Возраженія, самыя дѣльныя, нерѣдко принимались имъ какъ личныя обиды; они раздражали его, а въ раздражительности онъ, сознательно или безсознательно, становился недобросовѣстнымъ. Если Шишковъ, и при Нартовѣ, былъ, по своей дѣятельности, вліятельнѣйшимъ членомъ Академіи, то, занявъ въ ней предсѣдательское мѣсто, онъ, разумѣется, старался окружить себя лицами одного съ нимъ литературнаго направленія, большею частію членами «Бесѣды любителей русскаго слова».

Свѣдѣнія о своихъ засѣданіяхъ, равно какъ и труды своихъ членовъ Академія сообщала публикѣ въ слѣдующихъ повременныхъ изданіяхъ: «Сочиненія и переводы», 7 ч. (1805—1823), «Извѣстія», 12 кн. (1815—1828), «Повременное изданіе», 4 ч. (1829—1832), «Краткія записки», 3 кн. (1834—1835). Наполнялись эти сборники преимущественно статьями Шишкова, которыми главнымъ образомъ и опредѣлялась сущность академической дѣятельности. Хотя означенныя статьи и не дали повода къ какимъ-либо научнымъ выводамъ, но все же справедливо вмѣнить ихъ въ заслугу автора, котораго трудолюбіе вытекало изъ искренней любви къ предмету.

Первое изданіе (Сочиненія и переводы Россійской Академіи) предназначалось для изслѣдованій богатства, силы и красоты русскаго языка. Такъ какъ эти коренныя свойства зависятъ отъ такихъ же свойствъ языка славянскаго, то Академія и выразила желаніе, чтобы послѣдній былъ разсматриваемъ въ подробности; кромѣ того предложила она заняться знаменованіемъ малоупотребительныхъ словъ и реченій, чрезъ что съ одной стороны открывается ихъ значеніе—собственное и переносное, а съ другой—выраженіе мыслей пріобрѣтаетъ высокую доброкачественность. Не худо, говорится въ предувѣдомленіи къ изданію, если «слова нынѣ вовсе неизвѣстныя будутъ отыскиваемы и объясняемы: ихъ нужно знать для чтенія старинныхъ книгъ и рукописей». Чтобы не наполнять каждую книжку одними сужденіями объ языкѣ, положено было помѣщать извѣстія объ упражненіяхъ Академіи и другія, приличныя изданію, сочиненія и переводы. Къ послѣднему отдѣлу отнесены объясненія русскихъ древностей, описанія достопамятностей русской исторіи и важнѣйшихъ происшествій новаго времени, похвальныя слова русскимъ государямъ, знаменитымъ мужамъ или наукамъ, извлеченія, изъ классическихъ писателей, правилъ, до

словесности касающихся, стихотвореній. Академія съ такимъ почтеніемъ смотрѣла на похвальныя слова, что присудила задавать темы для ихъ сочиненія и авторовъ, наилучше исполнившихъ задачу, награждать медалями. Вѣроятно, при этомъ имѣлись въ виду или похвальныя слова Ломоносова, или примѣръ Французской Академіи: извѣстно, что такъ называемыя у французовъ éloges, бывшія нѣкогда въ модѣ, составляютъ значительный отдѣлъ ихъ литературы. Но эта мода, надобно замѣтить, имѣла смыслъ: она лежала въ потребности времени. Краснорѣчіе, за неимѣніемъ другихъ практическихъ способовъ, явилось какъ удобное средство высказаться образованнымъ людямъ о тѣхъ или другихъ общественныхъ интересахъ. Недовольство современнымъ состояніемъ дѣлъ, отсутствіе наличныхъ достославныхъ особъ заставили мыслящихъ писателей отыскивать въ древности или въ чужихъ земляхъ противоположныя дѣла и личности. Похвалы прошлому служили въ тоже время косвенной критикой настоящаго, какъ это и видно въ похвальномъ словѣ Марку Аврелію, Тома (Thomas), главнаго представителя французскаго академическаго краснорѣчія. Что у французовъ было вызвано дѣйствительными обстоятельствами, то у насъ обратилось въ простое подражаніе. Къ этому существенному различію присоединилось и другое, немаловажное: различіе въ талантахъ. Тома владѣлъ несомнѣннымъ даромъ краснорѣчія, тогда какъ П. Львовъ, авторъ похвальнаго слова царю Алексѣю Михаиловичу, награжденный отъ Академіи золотою медалью, принадлежалъ къ посредственностямъ, если не къ бездарностямъ. Изъ работъ Шишкова въ «Сочиненіяхъ и переводахъ» укажемъ на разсужденіе о краснорѣчіи Св. Писанія, о звукоподражаніи, о сословахъ, о переводахъ съ одного языка на другой и переложеніе Слова о полку Игоревѣ съ обширными къ нему примѣчаніями.

Вступивъ въ управленіе Академіей, Шишковъ нашелъ, что прежнія ея занятія, за исключеніемъ одного — преобразованія изданнаго при Екатеринѣ производнаго словаря въ алфавитный — не отвѣчали цѣли ученаго сословія. Она, по словамъ вступительной статьи новаго изданія (Извѣстія), выпустила изъ виду настоящую свою обязанность: «изслѣдованіе состава и разума словъ, опредѣленіе правилъ и свойствъ языка, установленіе и огражденіе его отъ порчи писателей, не знающихъ силы онаго». Посему «Извѣстія» должны были заключать въ себѣ предложенія, вопросы, изслѣдованія и разсужденія о языкѣ. Самъ Шишковъ, въ каждой почти книжкѣ Извѣстій, помѣщалъ «опытъ славянскаго словаря или объясненіе силы и знаменованія коренныхъ и производныхъ русскихъ словъ, по недовольному истолкованію оныхъ мало извѣстныхъ и

потому мало употребительныхъ», и «изслѣдованіе корней». На послѣдній предметъ обращено было особенное вниманіе, такъ какъ онъ — «главное средство, ведущее къ пользѣ языка, единственный ключъ, отпирающій двери ко всѣмъ справедливымъ умствованіямъ о правилахъ языка и краснорѣчія»; короче: «наука словопроизводства есть важнѣйшая изъ всѣхъ словесныхъ наукъ». Такимъ образомъ задача Академіи болѣе стѣснялась, дѣйствія ея членовъ болѣе специализировались. Кромѣ того при специализаціи руководствовались предвзятою мыслью и ставили передъ собою особую цѣль. Члены Академіи, въ своихъ изслѣдованіяхъ о языкѣ, должны были содѣйствовать пользамъ стараго слога и противодѣйствовать развитію слога новаго, или Карамзинскаго. Эта idée fixe если и не выговаривается открыто, то ясно просвѣчиваетъ во всѣхъ работахъ Шишкова.

Какого же значенія былъ главный трудъ Шишкова—его изслѣдованіе корней, или наука словопроизводства? Она не могла представить удовлетворительныхъ результатовъ, главнымъ образомъ потому, что Шишкову недоставало надлежащей къ тому научной подготовки, которую онъ замѣнялъ своими соображеніями, лишенными твердой основы и потому произвольными. Извѣстно, что для возможно-правильнаго объясненія даннаго слова прежде всего слѣдуетъ отыскать его основную форму, опредѣлить смыслъ этой формы и наконецъ указать, какой видъ приняла она въ словахъ тѣхъ или другихъ родственныхъ языковъ для обозначенія одного и того же предмета или понятія. Меньшій кругъ сравненія для русскаго слова—славянскіе языки, начиная съ древне-церковно славянскаго; наибольшій кругъ—языки индоевропейскаго племени. Чтобы не ошибиться въ этомъ разслѣдованіи, необходимо знать, какіе звуки въ другихъ родственныхъ языкахъ соотвѣтствуютъ звукамъ одного изъ нихъ, подвергаемаго филологическому анализу. Но такое знаніе немыслимо безъ знакомства съ фонетическими законами языка. А фонетика-то именно и не была знакома Шишкову. За неимѣніемъ прочнаго фундамента онъ прибѣгалъ или къ помощи своей нездравой логики, обольщавшей его доводами, по видимому правдоподобными, или къ помощи слуха, сводившаго, по сходству звуковъ, въ семейный кругъ такія слова, которыя не состоятъ между собою ни въ близкомъ, ни въ дальнемъ родствѣ. Такъ существительное *звено* Шишковъ производилъ отъ глагола *звенѣть*, и свое производство подкрѣплялъ примѣромъ: *звенья* (*въ цѣпи*), какъ будто кольца цѣпи, хотя бы и металлической, получили названіе отъ того, что каждое изъ нихъ можетъ звенѣть! Существительное *блоха* сводилъ онъ съ глаголомъ *пихать*, т. е. съ свойствомъ этого насѣкомаго

«пихать ногами» и такимъ образомъ прыгать, скакать. Справедливость этого мнѣнія доказывалась тѣмъ, что у поляковъ блоха называется *пхла*, *пхалка* (пихающая). Но и польское *пхла*, и церковно-скавянское *блъха*, находясь въ несомнѣнной связи съ литовскимъ *blusa*, латинскимъ *pulex*, приводятся къ одной основной формѣ—именно *pulaca* ([1]), которая не имѣетъ ничего общаго съ глаголами *пинать*, *пихать*. И между тѣмъ Шишковъ былъ до того увѣренъ въ непогрѣшимости своего корнесловія, что смотрѣлъ на соображенія и выводы, сюда относящіеся, какъ на математическія истины. Онъ совѣтовалъ и Востокову заняться этимъ упражненіемъ. Въ этой увѣренности, граничившей съ упрямствомъ и потому часто въ него переходившей, заключался второй недостатокъ Шишкова. Вообще одностороннее направленіе Академіи, при Нартовѣ и особенно при Шишковѣ, не допускавшее счетовъ и соглашеній съ современною литературою ([2]), породило неудовольствіе въ послѣдней, равно какъ и въ образованномъ кругу публики, которая справедливо обвиняла ученое сословіе въ непроизводительности трудовъ, даже въ застоѣ. Шишковъ сердился на недовольныхъ, называя ихъ «оцѣнщиками чужихъ трудовъ». Но если такъ, то онъ былъ долженъ сердиться и на Ганку, жалѣвшаго, что Академія, при весьма значительныхъ средствахъ, очень мало сдѣлала ([3]). Конечно, чешскій ученый разумѣлъ то время, въ которое предсѣдательствовалъ Шишковъ и которое, вмѣстѣ съ временемъ Нартова, по общности характера и направленія академическихъ трудовъ, мы соединили въ одинъ періодъ. Только съ третьяго періода, т. е. съ присоединенія Россійской Академіи къ Академіи Наукъ въ видѣ особаго, втораго, отдѣленія (1841), стала она на настоящую, твердую почву и начала въ строгомъ смыслѣ научные, плодотворные труды свои по русскому языку и словесности.

Кромѣ «Словаря, расположеннаго по азбучному порядку» (6 частей, 1806—1822), Академія издала составленную ея членами Д. и П. Соколовыми «Грамматику россійскаго языкаю» (1802 г.). Книга эта, при ея третьемъ изданіи, была по достоинству оцѣнена Гречемъ ([4]): критикъ нашелъ ее неудовлетворительною по сбив-

---

[1]) Гадина (Ungeziefer). См. Fiek: «Vergleichendes Wörterbuch der indogemarnischen Sprachen» (1871).

[2]) Шишковъ отдѣлялъ писателей отъ академиковъ (О разности между академикомъ и писателемъ, въ Краткихъ Запискахъ 1834—1835).

[3]) Письмо къ Востокову въ 1841 г. (Сборникъ статей 2-го отд. Ак. Н. т. V, вып. 2, стр. 350).

[4]) С. Отеч. 1819, ч. 55.

чивости, неправильности многихъ опредѣленій и правилъ и по странному расположенію ея частей, обнаруженному особенно тѣмъ, что на первомъ мѣстѣ стоитъ правописаніе, а за тѣмъ уже слѣдуютъ этимологія и синтаксисъ, которые служатъ основою правописанія и безъ которыхъ слѣдовательно оно не можетъ быть объясняемо научнымъ образомъ. Изъ второстепенныхъ цѣлей Академіи заслуживаетъ вниманія заботливость ея доставить любителямъ русской словесности образцы различныхъ сочиненій, почему она и предлагала своимъ членамъ переводить древнихъ и новыхъ классическихъ писателей. Въ слѣдствіе этого и были переведены слѣдующія сочиненія: Путешествіе младшаго Анахарсиса по Греціи, 6 ч. (1804—1809), Тацитова лѣтопись, 4 ч. (1806—1809), Саллюстія о войнѣ Катилины и о войнѣ Югурѳы (1809), Ликей, или кругъ словесности, древней и новой, Лагарпа, 5 ч. (1810—1814), Разсужденіе о механическомъ составѣ языковъ и физическихъ началахъ этимологіи, Бросса, 2 ч. (1821—1822). Дѣятельность Академіи, въ этомъ отношеніи не безполезная, служила продолженіемъ занятій учрежденія, основаннаго кн. Е. Р. Дашковой и называвшагося «переводческимъ департаментомъ» (¹).

Послѣ Россійской Академіи всего умѣстнѣе поставить «Бесѣду любителей русскаго слова», которая хотя была частнымъ литературнымъ обществомъ, но по уставу представляла полуоффиціальный характеръ. Шишковъ, какъ устроитель и предсѣдатель этого общества, задуманнаго имъ съ предвзятою мыслію, ничѣмъ ни отличался отъ Шишкова, какъ президента Академіи. Характеръ трудовъ той и другой корпораціи, направляемыхъ ихъ корифеемъ, большею частью обнаруживаетъ видимое сродство за немногими исключеніями. Другаго трудно было и ожидать, такъ какъ мы уже видѣли, что многіе бесѣдисты съ 1813 г. сдѣлались академиками. Первымъ правиломъ Бесѣды положено было чтеніе произведеній предъ посѣтителями обоего пола, а вторымъ — изданіе трудовъ, которые дѣлились на два рода: произведенія словесности и судъ о языкѣ и словесности. Сборникъ общества, подъ названіемъ: «Чтеніе въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова» (19 кн., 1811—1815) заключаетъ въ себѣ нѣсколько замѣчательныхъ статей: о лирической поэзіи (Державина); разсужденіе о любви къ отечеству (Шишкова); разсужденіе Филарета о нравственныхъ причинахъ неимовѣрныхъ успѣховъ нашихъ въ войнѣ съ французами 1812 года; переписка Уварова съ Гнѣдичемъ и Капнистомъ о гексаметрахъ; о Гораціи и переводъ нѣкоторыхъ его стихотвореній, Му-

¹) Ист. Рос. Академіи, М. Сухомлинова. Три выпуска (1874—76).

равьева-Апостола; басни Крылова. Особеннаго вниманія заслуживаетъ вопросъ о гексаметрахъ, такъ твердо поставленный Уваровымъ и такъ умно имъ рѣшенный.

Первымъ, по времени появленія, литературнымъ обществомъ было «Вольное общество любителей россійской словесности, наукъ и художествъ». Оно основано въ 1801 г. шестью студентами, окончившими курсъ въ бывшей при Академіи Наукъ гимназіи. Цѣлью своего собранія положили они взаимно совершенствоваться въ трехъ отрасляхъ человѣческой способности (словесности, наукахъ и художествахъ) и содѣйствовать другимъ въ томъ же стремленіи. Первымъ предсѣдателемъ общества былъ Борнъ, авторъ «Краткаго руководства къ россійской словесности» (1808); за нимъ слѣдовали Д. Языковъ, Д. Дашковъ и наконецъ А. Измайловъ (съ 1822 г.), при которомъ оно и рушилось (около 1825 г.). Кромѣ первой части «Періодическаго изданія» (1804), общество напечатало еще «Свитокъ музъ» (2 ч., 1802—1803 г.). Въ числѣ первопоступившихъ его членовъ находились Каменевъ, авторъ баллады «Громвалъ», Востоковъ, помѣщавшій въ сборникахъ общества свои первыя стихотворенія, Д. Языковъ, переводчикъ Беккаріева разсужденія о преступленіяхъ и наказаніяхъ (1803). Въ 1812 г. общество издавало Санктпетербургскій Вѣстникъ, а въ предсѣдательство А. Измайлова своими трудами помогало ему, какъ издателю журнала «Благонамѣренный».

«Общество любителей россійской словесности при Московскомъ руниверситетѣ», основанное въ 1810 г., представляетъ, сравнительно съ Россійской Академіей, явленіе противоположное. Благодаря уму, такту и соотвѣтственной этимъ качествамъ распорядительности перваго своего предсѣдателя, А. А. Прокоповича-Антонскаго, оно не заразилось исключительностью, столь вредной въ дѣлѣ науки. Не принадлежа самъ къ ученымъ, въ строгомъ смыслѣ этого слова, Антонскій, по любви къ дѣлу, умѣлъ собирать спеціальныя силы и дружно направлять ихъ къ предположеннымъ цѣлямъ. Періодъ его управленія, особенно съ 1810 по 1825 г., составляетъ лучшій періодъ общества, послѣ чего, при другихъ предсѣдателяхъ, оно быстро понижалось въ своемъ значеніи. Въ это лучшее время издано 27 частей «Трудовъ» (1812—1828), которые показываютъ, что въ дѣятельности общества принимали участіе какъ извѣстнѣйшіе литераторы, такъ и ученые, основательно подготовленные къ своей спеціальности и потому имѣвшіе авторитетный голосъ.

Большая часть статей, помѣщенныхъ въ «Трудахъ», относится къ языкознанію. Между ними особенно замѣчательны: Востокова

«разсужденіе о славянскомъ языкѣ», служащее введеніемъ къ грамматикѣ этого языка и открывшее правильный путь къ изученію славяно-русской филологіи; Каченовскаго: «о славянскомъ и въ особенности о церковномъ языкѣ» и «историческій взглядъ на грамматику славянскихъ нарѣчій»; Болдырева: «разсужденіе о глаголахъ», изложившее ученіе о видахъ и упростившее спряженіе; К. Калайдовича: «о древне-церковномъ языкѣ славянскомъ» и о «бѣлорусскомъ нарѣчіи». Теоріей словорасположенія въ русскомъ языкѣ занимался И. Давыдовъ; онъ же, наряду съ П. Калайдовичемъ и Саларѣвымъ, объяснялъ значеніе русскихъ синонимовъ. Кромѣ того общество составляло опытъ производнаго словаря и обратило вниманіе на весьма важный предметъ для основательнаго изученія русскаго языка, именно на собраніе областныхъ словъ, которыя и печатало почти въ каждой части «Трудовъ». По теоріи словесности и критикѣ литературныхъ произведеній преимущественно трудился Мерзляковъ, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ общества. Къ тому же отдѣлу относятся двѣ статьи Каченовскаго: «взглядъ на успѣхи россійскаго витійства въ 1-ой половинѣ XVIII столѣтія» и «о похвальныхъ словахъ Ломоносова», и рѣчь Батюшкова «о вліяніи легкой поэзіи на образованіе языка». Для изученія народной жизни и народной литературы остались небезполезными статьи: «о русскихъ пословицахъ» и «о лубочныхъ картинкахъ» (Снегирева), равно свѣдѣнія о старинныхъ русскихъ праздникахъ и о характерѣ русскихъ застольныхъ и хороводныхъ пѣсенъ. Конечно, нѣкоторые изъ указанныхъ трудовъ имѣли только относительное, временное значеніе, но другіе сдѣлались достояніемъ науки или по меньшей мѣрѣ способствовали къ разъясненію тѣхъ или другихъ вопросовъ по языку и словесности. Въ стихотворномъ отдѣлѣ «Трудовъ» являются почти всѣ лица тогдашняго поэтическаго круга: Мерзляковъ, В. Пушкинъ, Воейковъ, кн. Вяземскій, Гнѣдичъ, Батюшковъ, Ѳ. Глинка, Д. Давыдовъ, Крыловъ, Жуковскій, А. Пушкинъ, А. Измайловъ, Милоновъ, Раичъ, Капнистъ, кн. И. Долгорукій. Необходимо еще поставить въ заслугу обществу и то, что научное содержаніе его трудовъ излагалось всегда очень хорошимъ языкомъ, такъ что внутреннему значенію трудовъ отвѣчало и литературное ихъ достоинство.

Въ 1816 г. основано было «Общество соревнователей просвѣщенія и благотворенія», переименованное потомъ (1820 г.) въ «Вольное общество любителей Россійской словесности». Съ 1818 г. оно издавало журналъ, сперва (1818—1820) подъ названіемъ «Соревнователя просвѣщенія и благотворенія», а потомъ (съ 1820 г.) подъ названіемъ «Трудовъ Вольнаго общества любителей россій-

ской словесности». Изданіе, продолжавшееся по ноябрь 1820 г., имѣло цѣль благотворительную: доходами съ него положено было помогать бѣднымъ и достойнымъ литераторамъ и художникамъ, равно ихъ вдовамъ и сиротамъ. Не смотря на болѣе свѣжія литературныя силы, дѣйствовавшія въ «Соревнователѣ», на имена уже извѣстныхъ писателей (Жуковскаго, Батюшкова, Д. Давыдова, Вяземскаго, Ѳ. Глинки, Гнѣдича) и многихъ молодыхъ талантливыхъ литераторовъ (Дельвига, Баратынскаго, А. и Н. Бестужевыхъ, Лажечникова, Рылѣева), не смотря на критики Плетнева, отступавшія отъ обычныхъ псевдо-классическихъ понятій и пріемовъ, а также на переводы изъ Байрона и Мура, знакомившіе публику съ англійской поэзіей, журналъ, по отсутствію твердаго направленія и серьезнаго интереса, оказался ниже той мѣры, какой бы можно было ожидать отъ исчисленныхъ его сотрудниковъ.

Одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ русскихъ нашего вѣка [1] замѣтилъ, что «частныя, такъ сказать, домашнія общества, состоящія изъ людей, соединенныхъ между собою свободнымъ призваніемъ и личными талантами и наблюдающихъ за ходомъ литературы, имѣли не только у насъ, но и повсюду, ощутительное, хотя нѣкоторымъ образомъ невидимое, вліяніе на современниковъ, и что въ этомъ отношеніи академіи и другія оффиціальныя учрежденія того же рода далеко не имѣютъ подобной силы, такъ какъ онѣ не даютъ знаменитымъ писателямъ, а скорѣе заимствуютъ отъ нихъ жизнь и направленіе». Вѣрность этой замѣтки, доказанная многими фактами, вытекаетъ изъ самой сущности двоякихъ литературныхъ обществъ: оффиціальныхъ и частныхъ. Общество оффиціальное, каковы бы ни были его силы, обязано дѣйствовать по начертаніямъ устава, который опредѣляетъ извѣстную, болѣе или менѣе спеціальную цѣль, болѣе или менѣе одинаковое направленіе, а такая опредѣленность съ одной стороны ограничиваетъ кругъ занятій, а съ другой связываетъ свободу, самостоятельность мнѣній. Между членами оффиціальной корпораціи должна, волею-неволею, водвориться солидарность, необходимая какъ для единодѣйствія, такъ и для неуклоннаго слѣдованія установленнымъ положеніямъ. Когда Карамзинъ, по избраніи его въ члены Россійской Академіи, произнесъ рѣчь въ торжественномъ собраніи оной, Шишковъ увидалъ, въ нѣкоторыхъ мысляхъ новоизбраннаго, противорѣчіе завѣтному своему взгляду, который раздѣлялся почти всѣмъ ученымъ собраніемъ, и не оставилъ ихъ безъ возра-

---

[1]) Гр. С. С. Уваровъ, въ своихъ «Литературныхъ воспоминаніяхъ» (Современникъ 1851, № 6).

женій, какъ бы желая остановить нарушителя академическаго единства. Академія же, конечно, по представленію Шишкова, поручила Востокову вмѣстѣ съ его сочленомъ П. Соколовымъ составлять сравнительный словарь всѣхъ славянскихъ нарѣчій, не сообразивъ, что такимъ распоряженіемъ связывались двѣ несвязуемыя силы или, вѣрнѣе, сила (Востоковъ) съ безсиліемъ (П. Соколовъ). По поводу упомянутой статьи Греча о грамматикѣ, изданной Россійскою Академіею, собраніе академиковъ увидѣло въ мнѣніи критика «дерзновеніе» и единогласно опредѣлило, что «по здравому разсудку, нѣтъ никакой пользы ни для нравовъ, ни для просвѣщенія и словесности, чтобъ изданныя отъ Академіи и слѣдовательно оцѣненныя уже ею сочиненія были вновь переоцѣниваемы журналистами», и что поступокъ «Греча подлежитъ не суду Академіи, но суду правительства» (¹). Подобныя явленія не могли бы оказаться въ частномъ литературномъ обществѣ, котораго члены связаны единственною солидарностью—интересомъ къ литературѣ или наукѣ: каждый изъ нихъ выбираетъ предметы для занятій, руководствуясь только свойствомъ своего таланта и мѣрою своихъ знаній, а въ самостоятельномъ заявленіи мнѣній основывается только на уставѣ собственнаго убѣжденія. При большинствѣ голосовъ, случайномъ или предрѣшенномъ, которымъ опредѣляется выборъ членовъ, въ комплектъ сорока академиковъ французской академіи легко входили многія посредственности; въ частное общество, хотя бы оно состояло изъ двѣнадцати членовъ, трудно проскользнуть какой нибудь дюжинной личности. Да и сама личность воздержится отъ такого покушенія, зная, что ей въ кругу лицъ, сознающихъ за собою право и силу голоса, придется играть пассивную роль человѣка безгласнаго. Справедливость сказаннаго подтверждается примѣромъ даже такого частнаго общества, какъ «Бесѣда». Не смотря на ея полуоффиціальную постановку, труды нѣкоторыхъ ея членовъ не остались безъ замѣтныхъ послѣдствій для литературы. Благодаря совѣту гр. Уварова, мы имѣемъ переводъ «Иліады» гексаметромъ; благодаря ему же разъяснена — теперь извѣстная даже учащимся, а тогда не сознававшаяся даже многими учащими — необходимая, внутренняя связь между содержаніемъ и формою поэтическаго произведенія. Но высшій примѣръ назидательнаго вліянія какъ на своихъ членовъ, такъ, посредствомъ ихъ, и на современную имъ литературу представляло общество Арзамасъ.

¹) Бесѣды въ Обществѣ Любителей Рос. Словесности, вып. 3.

Кромѣ этихъ двухъ обществъ, литераторы и художники собирались въ домѣ А. Н. Оленина (†1842), президента Академіи художествъ. Вотъ что говоритъ объ этихъ, почти ежедневныхъ, собраніяхъ гр. Уваровъ: «Совершенная свобода въ обхожденіи, непринужденная откровенность, добродушный пріемъ хозяевъ давали этому кругу что-то патріархальное, семейное. Сюда обыкновенно привозились всѣ литературныя новости: вновь появлявшіяся стихотворенія, извѣстія о театрахъ и книгахъ, о картинахъ, словомъ все, что могло питать любопытство людей, болѣе или менѣе движимыхъ любовью къ просвѣщенію... Здѣсь въ первый разъ читались лучшія произведенія Крылова, извѣстности котораго не мало содѣйствовалъ Оленинъ, представившій его ко Двору и опредѣлившій его въ Публичную библіотеку; здѣсь же была читана и первоначально репетирована трагедія Озерова «Эдипъ въ Аѳинахъ». Къ числу друзей и пріятелей Оленина принадлежали: Гнѣдичъ, гр. Блудовъ, гр. Уваровъ, Капнистъ. Общество оживлялось и одушевлялось супругою Оленина, урожденной Полторацкой, — женщиной, одаренной яснымъ умомъ и кроткимъ нравомъ, въ которой Крыловъ находилъ не только участіе друга, но и попечительность доброй матери».

Любовь къ отечественной словесности, замѣтно обнаруженная со второй половины прошлаго вѣка и за тѣмъ болѣе и болѣе развивавшаяся, проникла и въ среду воспитывающагося юношества. Дирекціи учебныхъ заведеній, высшихъ и среднихъ, для упражненія своихъ питомцевъ въ словесной практикѣ, для возбужденія въ нихъ охоты къ знакомству съ лучшими писателями, русскими и иностранными, устраивали въ стѣнахъ заведенія собранія, подъ руководствомъ особаго лица, большею частію преподавателя словесности. На этихъ собраніяхъ учащіеся читали свои сочиненія и переводы, выслушивали критическія замѣтки руководителя и сами пріучались къ оцѣнкѣ литературныхъ достоинствъ и недостатковъ. Особеннымъ рвеніемъ отличались въ этомъ дѣлѣ воспитанники Университетскаго благороднаго пансіона (въ Москвѣ), благодаря заботливости директора Прокоповича-Антонскаго и сочувствію такихъ наставниковъ, какими были Подшиваловъ и Мерзляковъ, горячо принимавшіе къ дѣлу успѣхи своихъ учениковъ. Литературное собраніе этихъ пансіонеровъ, съ 1787 по 1825 г., издало слѣдующіе сборники своихъ трудовъ: «Распускающійся цвѣтокъ» (1787), «Полезное упражненіе юношества» (1788), «Утренняя заря» (6 кн., 1800—1808), «И отдыхъ въ пользу» (1804), «Калліопа» (4 ч., 1815—1825), и кромѣ того отдѣльно: «Избранныя сочиненія изъ Утренней зари» (2 ч., 1809) и «Избранныя сочиненія и пе-

реводы въ прозѣ и стихахъ» (3 ч., 1824—1825). Между статьями этихъ сборниковъ, кромѣ сочиненій Мерзлякова, видимъ начальные опыты лицъ, въ послѣдствіи сдѣлавшихся извѣстными на томъ или другомъ пути дѣятельности: Жуковскаго, Д. Дашкова, Милонова, Воейкова, А. и Н. Тургеневыхъ, кн. Одоевскаго. Въ 1818 г. напечатаны сочиненія и переводы студентовъ Харьковскаго университета, а въ 1819-мъ «Труды студентовъ—любителей отечественной словесности въ томъ же университетѣ». Кромѣ того мы видѣли, что шестеро гимназистовъ, по окончаніи курса, устроили, Вольное общество любителей словесности, наукъ и художествъ.

Эти и многія другія подобныя явленія свидѣтельствуютъ о томъ, что наклонность къ занятіямъ отечественнымъ языкомъ и словесностью въ царствованіе Александра I была значительно распространена въ обществѣ. Литературный интересъ господствовалъ въ публикѣ и надъ публикой, потому что приходился ей по плечу и по сердцу. Съ нимъ не могли состязаться другіе интересы, изъ которыхъ иные еще вовсе не возникали, а иные, возникнувъ, развивались и вращались только въ ограниченномъ меньшинствѣ образованныхъ людей. Знакомство съ литературой, съ такъ называемой изящной словесностью служило признакомъ цивилизаціи, своего рода знакомъ умственнаго отличія. Собственныя заслуги въ этой словесности еще болѣе возвышали личность. Даровитый писатель быстро становился общеизвѣстнымъ человѣкомъ. Спеціальные ученые не считали словесности дѣломъ для себя постороннимъ; напротивъ, они видѣли въ ней необходимость для выраженія своихъ знаній и на каѳедрѣ и въ книгѣ: они были чужды той странной мысли, что достоинство научнаго матеріала можетъ легко обойтись безъ литературнаго достоинства въ изложеніи онаго. Тоже настроеніе коренилось и въ средѣ университетскихъ слушателей. Къ какому бы факультету ни принадлежалъ студентъ, онъ цѣнилъ хорошее знаніе русскаго языка и любилъ русскую литературу. Въ этомъ отношеніи не было различія между юристами, филологами, математиками и даже медиками. Для всѣхъ и каждаго, кромѣ выбранной имъ спеціальности, существовалъ еще одинъ обязательный предметъ—русская словесность. Конечно, они занимались имъ не ex-officio, а по доброй волѣ; никто, кромѣ собственнаго побужденія, не толкалъ ихъ на эти занятія. Повинуясь единственно этому побужденію, они не пропускали ни одного замѣчательнаго произведенія литературы безъ вниманія, читали его, заучивали изъ него цѣлыя тирады, разговаривали и спорили о немъ. Наконецъ тотъ-же интересъ развивался и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Если гимназіи не устраивали литературныхъ

собраній, то нѣкоторыя изъ нихъ заводили такъ называемые кабинеты для чтенія, куда допускались лучшіе ученики и гдѣ читались, частію ими самими, частію ихъ наставникомъ, прежніе или новые образцы русской словесности. Такимъ средствомъ постепенно развивался молодой вкусъ и пріобрѣталось умѣнье владѣть литературною рѣчью. Преподаватель словесности, какъ главнаго тогда предмета въ учебномъ курсѣ, большею частію стоялъ на видномъ мѣстѣ среди своихъ товарищей. На годичномъ актѣ произнесеніе рѣчи или стиховъ служило для посѣтителей болѣе пріятною частью гимназическаго торжества. Аттестація по русскому языку и словесности цѣнилась выше другихъ аттестацій; она выдвигала ученика впередъ; ради ея, даже извинялись ему меньшіе успѣхи въ другихъ наукахъ. Само собою разумѣется, что, указывая на развитіе изящной словесности въ эпоху Александра I и на выгодное положеніе, занятое ею какъ въ обществѣ, такъ и въ школѣ, я вовсе не имѣю намѣренія утверждать, что съ успѣхами словесности одномѣрно шли успѣхи и другихъ отраслей знанія и что достоинство выработаннаго литературнаго изложенія соотвѣтствовало достоинству излагаемаго содержанія. Нѣтъ, удѣльный вѣсъ послѣдняго (т. е. мыслей, содержанія) можетъ быть ниже или выше въ сравненіи съ удѣльнымъ вѣсомъ перваго (т. е. изложенія).

§ 27. Изъ «литературныхъ» журналовъ обозрѣваемой нами эпохи наиболѣе видны были Вѣстникъ Европы, существовавшій 29 лѣтъ (1802—1830), и Сынъ Отечества, основанный Гречемъ въ 1812 г. Они пережили многія другія періодическія изданія, появлявшіяся въ царствованіе Александра I, а потомъ пережили и свое прежнее значеніе. О лучшемъ времени перваго журнала, подъ редакціей Карамзина (1802 и 1803) и Жуковскаго (1808—1810) мы уже говорили. Съ 1811-го и до конца оставался онъ въ рукахъ Каченовскаго, который, согласно съ предметомъ своихъ ученыхъ занятій, началъ обращать вниманіе на исторію отечественнаго и родственныхъ ему языковъ, на дѣянія и обычаи народовъ славянскаго происхожденія, такъ что статьи историко-археологическаго содержанія оказались, во вторую половину изданія, преобладающими. Этимъ отдѣломъ журнала издатель принесъ не малую пользу русской исторіи. Въ Вѣстникѣ Европы, долгое время принимали участіе многіе извѣстные литераторы: Жуковскій, Батюшковъ, кн. Вяземскій, Воейковъ, Мерзляковъ, Милоновъ, А. и В. Измайловы, В. Пушкинъ; здѣсь же появились первыя стихотворенія А. Пушкина. Уваженіе къ имени Карамзина какъ бы обязывало ихъ поддерживать журналъ, имъ основанный. Нъ съ 1819 г., когда, по

выходѣ въ свѣтъ Исторіи государства россійскаго, она подверглась критикамъ Каченовскаго и Арцыбашева, прежнее участіе замѣнилось охлажденіемъ и даже непріязнью. Издатель вскорѣ усилилъ эти чувства самыми неблагосклонными отзывами о первой поэмѣ Пушкина (Русланъ и Людмила) и о комедіи Грибоѣдова «Горе отъ ума». Отзывы журнала, шедшіе на полный перекоръ не только мнѣнію лучшихъ цѣнителей словесности, но и общему признанію публики, ясно показывали застарѣлость понятій объ искусствѣ и отсутствіе всякаго живаго чувства къ новымъ явленіямъ въ его сферѣ. Чѣмъ далѣе, тѣмъ видимѣе дряхлѣлъ Вѣстникъ Европы и кончилъ свое существованіе не по причинамъ, отъ него независѣвшимъ, а по единственной причинѣ, въ немъ самомъ гнѣздившейся—старческому изнеможенію. Москва, со времени упадка «Вѣстника Европы» (съ 1819 г.), долгое время оставалась безъ прочнаго журнала, такъ какъ другіе, болѣе замѣчательныя изданія: П. Макарова «Московскій Меркурій» (1803), Мерзлякова «Амфіонъ» (1815) и В. Измайлова «Россійскій музеумъ» (1815) прекращались по окончаніи годичнаго срока, а «Современный наблюдатель россійской словесности», П. Строева, выходилъ только въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ 1815-го года. Каждое изъ этихъ изданій не безъ достоинствъ. Будучи однимъ изъ первыхъ послѣдователей Карамзина, П. Макаровъ защищалъ «новый» слогъ, требовалъ, чтобы просвѣщеніе было освобождено отъ педанства, которое тогда считалось, да и дѣйствительно было, почти неизбѣжною принадлежностью каждаго, занимавшагося наукой, и настаивалъ на правахъ женщинъ не только заниматься литературой, но и обладать высшимъ образованіемъ, даже ученостью. Журналъ П. Строева выступилъ съ «критическимъ» направленіемъ. Это былъ любопытный фактъ, обнаружившій въ издателѣ-студентѣ своего рода мужество, которое онъ и доказалъ разборовъ Россіады. «Амфіонъ» и «Россійскій музеумъ», обильные вкладами лучшихъ нашихъ писателей какъ въ стихахъ, такъ и въ прозѣ, не представляютъ однакожъ стремленія къ какому нибудь опредѣленному пункту.

Переходя къ петербургскимъ журналамъ, замѣтимъ, что и изъ нихъ многимъ суждено было умирать вскорѣ послѣ ихъ рожденія. Лучшіе между такими кратковѣчными изданіями: «Цвѣтникъ» и «С.-п.-бургскій вѣстникъ» существовали—первый два года (1809 и 1810), второй меньше года (1812). Благодаря таланту одного изъ своихъ издателей, Бенитцкаго (другими были А. Измайловъ и П. Никольскій), равно и сотрудничеству Гнѣдича, Батюшкова и Милонова, «Цвѣтникъ» нравился читателямъ живостью и разно-

образностью литературнаго содержанія и дѣльной критикой Дашкова, воевавшаго съ славянофильскимъ направленіемъ. Дашкову же принадлежатъ лучшія статьи въ «С.-п.-бургскомъ вѣстникѣ», издававшемся отъ Общества любителей словесности, наукъ и художествъ.

Когда эти эфемерныя явленія журнализма сошли со сцены, на первый планъ выдвинулся «Сынъ отечества», журналъ сначала (1812) историческій и политическій, а потомъ (съ 1814-го) присоединившій къ первымъ двумъ титуламъ и третій—литературный. Издатель его, Н. Гречъ, увидѣлъ себя въ счастливомъ положеніи: всѣ наличныя литературныя силы, жалавшія публично заявлять свой голосъ или, простѣе, видѣть свои сочиненія напечатанными, должны были, раньше или позднѣе, прихлынуть къ нему, за неимѣніемъ другихъ органовъ журналистики. Отъ природы даровитый, владѣвшій перомъ, Гречъ принялся за дѣло, хотя безъ высшаго образованія, но не безъ литературныхъ свѣдѣній и не безъ предварительнаго опыта: до того времени онъ трудился, въ соредакторствѣ съ другими, надъ изданіемъ трехъ журналовъ: «Геній временъ», «Журналъ новѣйшихъ путешествій» и «Европейскій музей». Кромѣ того, самый патріотизмъ, возбужденный войною съ Наполеонномъ, наклонялъ сочувствіе къ журналу, получившему названіе «Сына отечества». Все, по видимому, обѣщало успѣхъ—и обѣщаніе не обмануло. Десятилѣтній юбилей «Сына отечества» былъ отпразнованъ какъ общелитературный праздникъ, не отдѣлявшій интересовъ редактора и его сотрудниковъ отъ интересовъ всѣхъ другихъ писателей и образованной публики. Но количество силъ, дѣйствующихъ на пользу журнала, даже въ союзѣ съ издательской ловкостью, еще не служитъ ручательствомъ, что онъ станетъ на висотѣ, соотвѣтствующей достоинству литературы, и пріобрѣтетъ власть образовывать и направлять мнѣнія читающаго класса. Для достиженія этой почтенной цѣли необходимо обладать и болѣе широкимъ кругозоромъ, не мыслимымъ безъ высшаго образованія, и твердымъ сознаніемъ обязанности, хотя бы и добровольно на себя принятой, и разумною степенностью характера. Издателю «Сына отечества» не доставало такихъ качествъ; особенно страдалъ онъ легкомысленнымъ отношеніемъ къ дѣлу, которому взялся служить. Все это мѣшало изданію пріобрѣсти уважительный внутречній вѣсъ. Невыгодно было и то внѣшнее обстоятельство, что «Сынъ отечества» выходилъ еженедѣльно небольшими книжками, листа въ три или четыре каждая; почему крупныя статьи тянулись долго, даваясь читателямъ въ мелкихъ пріемахъ, а при неинтересномъ составѣ нумера (подоб-

ные случаи могли встрѣчаться довольно часто) нечего было и читать. Не смотря на вышесказанное, журналъ Греча былъ сравнительно съ другими живѣе и разнообразнѣе, чѣмъ и объясняется его успѣхъ. Не могъ, конечно, съ нимъ конкурировать «Благонамѣренный» (1818—1826), во всѣхъ отношеніяхъ издававшійся крайне беззаботно и небрежно. Редакторъ его, А. Измайловъ, обращался съ публикой фамиліарно, какъ говорится на-распашку, не исполняя условленныхъ обязательствъ и откровенно, безъ малѣйшей конфузливости, принося свои извиненія; число годовыхъ нумеровъ, неизвѣстно по какой причинѣ, мѣнялось; книжки запаздывали выходомъ, соединялись по двѣ и по три въ одну, объемъ которой былъ меньше обѣщаннаго числа листовъ; въ концѣ года подписчики не получали остальныхъ нумеровъ. Чѣмъ дальше подвизался Измайловъ на журнальномъ поприщѣ, тѣмъ замѣтнѣе опускалась его редакція и тѣмъ естественнѣе казался публикѣ такой цинизмъ небрежности. На редактора даже не сердились, думая, что такъ тому и должно быть, что иначе и быть не можетъ.

Существенный недостатокъ какъ указанныхъ, такъ и другихъ періодическихъ изданій, состоитъ въ томъ, что ни одно изъ нихъ (развѣ за исключеніемъ первыхъ двухъ лѣтъ Вѣстника Европы) не имѣло направленія, опредѣляемаго, въ литературномъ изданіи, твердо поставленнымъ взглядомъ на литературу, который и долженъ служить руководствомъ, какъ при обсужденіи, при уясненіи старыхъ вопросовъ, такъ и при рѣшеніи новыхъ и при оцѣнкѣ текущей словесности. Поэтому относительное ихъ достоинство измѣряется единственно большимъ или меньшимъ количествомъ хорошихъ статей, но разнообразнаго, часто разномыслящаго содержанія, а не руководящими сужденіями. Да и самая доброкачественность журнальнаго матеріала была дѣломъ случайнымъ. Авторъ помѣщалъ свои произведенія въ томъ или этомъ журналѣ не изъ сочувствія къ принципу, котораго не было ни тамъ, ни здѣсь, а по другимъ постороннимъ отношеніямъ, напримѣръ по знакомству или дружбѣ съ редакторомъ, по давности журнальной фирмы, по желанію видѣть свое имя въ почетной компаніи. Статья, явившаяся на страницахъ «Вѣстника Европы», вовсе не доказывала единства взглядовъ его издателя со взглядами того, кто писалъ статью: она могла съ одинаковымъ правомъ явиться и на страницахъ «Сына отечества» или «Благонамѣреннаго», не противорѣча ихъ программамъ, которыя ограничивались простымъ исчисленіемъ отдѣловъ каждаго нумера. Были, правда, предметы, возбуждавшіе общее вниманіе литературнаго круга и раздѣлявшіе журналистику на двѣ противныя стороны, но голоса, раздававшіеся

по тому или другому предмету, вовсе не походили на то, что означается именемъ направленія, образа мыслей, принципа. Нельзя же прилагать это имя, напримѣръ, къ мнѣніямъ *за* Карамзина или *противъ* Карамзина во время споровъ о старомъ и новомъ слогѣ, ибо мнѣніе объ отдѣльномъ вопросѣ, какъ своего рода случайность, само по себѣ, а направленіе, дающее журналу отличительный цвѣтъ, само по себѣ. Какъ ни достойно уваженія общее сочувствіе періодичесхихъ изданій, которымъ они встрѣтили, въ 1817—19 гг., либеральныя заявленія и мѣры правительства, но и оно не должно быть смѣшиваемо съ характеромъ этихъ изданій: оно не вытекало изъ программъ, какъ логическое слѣдствіе неизбѣжно вытекаетъ изъ посылокъ.—Нѣкоторые журналы, каковы: «Сіонскій Вѣстникъ», Лабзина (1806, 1817 и 1818), «Другъ юношества», М. Невзорова (1807—1815) и «Русскій Вѣстникъ», С. Глинки (1808—1824), не подходятъ подъ нашъ приговоръ, ибо изъ нихъ первый спеціально, а второй преимущественно вращался въ сферѣ религіознаго мистицизма. Что касается «Русскаго Вѣстника, то о немъ было сказано выше.

Смотря съ этой точки зрѣнія на періодическую прессу, мы по справедливости должны отдать преимущество нелитературнымъ журналамъ, изъ кототорыхъ два: «С.-п.-бургскій Журналъ» (1804—1809) и «Сѣверная Почта» (1809—1820) издавались отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, а другіе два: «Историческій, статистическій и географическій журналъ, или современная исторія свѣта» (1809—1828), Гавриловымъ, и «Духъ журналовъ» (1815—1821), Яценковымъ. Изъ оффиціальныхъ изданій особенно замѣчательно первое.

Естеотвеннымъ послѣдствіемъ вышеизложеннаго было то, что уровень «литературныхъ» журналовъ оказался ниже потребностей публики, которая могла повторить слова сатирика: журналовъ у насъ много, а книги ни одной. На возраженіе: развѣ журналъ не книга? самъ собою представлялся отвѣтъ: съ словомъ «книга» въ умѣ читателя соединятся понятіе о чемъ-либо поучительномъ или, по крайней мѣрѣ, интересномъ; но тогдашніе журналы не удовлетворяли ну простому любопытству, ни любознательности, желающей знать, что дѣлается въ свѣтѣ по наукѣ и словесности. Еще менѣе въ періодическихъ изданіяхъ могли находить литераторы какое-либо руководство въ своихъ взглядахъ, пособіе для своихъ работъ. Редакторы оказались не въ силахъ ни обсуждать вопросовъ, поставляемыхъ временемъ на очередь, ни сознавать значеніе новыхъ явленій въ поэзіи, ни даже оцѣнивать въ истинной мѣрѣ состояніе текущей литературы. Вмѣсто сочувствія

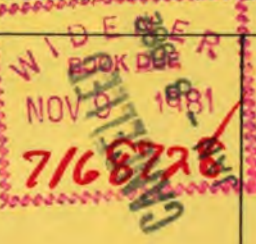
умныхъ людей, они вызывали колкія и правдивыя эпиграммы. Пушкинъ справедливо замѣтилъ, что «Сынъ отечества» и «Вѣстникъ Европы» (употребивъ эти собственныя имена какъ бы въ собирательномъ смыслѣ, обнимающемъ всю журналистику) безполезны для ума. Однимъ словомъ, чувствовалась потребность въ иныхъ періодическихъ изданіяхъ, съ новыми программами, съ инымъ пониманіемъ дѣла. Переходомъ къ тому служилъ альманахъ «Полярная звѣзда» (1823 и 1824), послѣ котораго стали возникать новые органы журналистики, относящіеся уже къ Пушкинскому періоду нашей литературы.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

§§. Стр.

Date Due


WIDENER
BOOK DUE
NOV 9 1981
7168728
CANCELLED